

ПОѢЗДКИ И ПРЕБЫВАНІЕ

въ

КАМЧАТКѢ

въ 1851—1855 гг.

Карла фонъ-Дитмара.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ ПО ПУТЕВЫМЪ ДНЕВНИКАМЪ.

СЪ РАСБРАШЕННЫМЪ ВИДОМЪ, ДВУМЯ КАРТАМИ И 32 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТѢСѢТЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго С. М. Герцвинштейна, П. П. Шафеева, А. М. Никольскаго и И. Д. Кузнецова.

(Должено въ Физико-Математическомъ Отдѣленіи 1 ноября 1888 г.).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1901.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггера и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; М. Е. Ключина въ Москвѣ; П. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Киевѣ; Е. П. Распопова въ Одессѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ; Г. Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Цена: 7 р. 70 к. — Prix: 19 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, ноябрь 1901 г. Непремѣнный секретарь *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

2007112526

Виды Амурских степей от с. Троицко-Амурск до Спасского завода.

АНТ. ШТАДЛЕРЪ И ДАТТМОНЪ С. С.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдствіе милостиваго ходатайства Его Императорскаго Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго мнѣ было поручено, осенью 1850 года, отправиться въ Камчатку для изслѣдованія ея въ географическомъ и преимущественно геологическомъ отношеніяхъ.

Съ этою цѣлью я былъ причисленъ къ тогдашнему военному губернатору Камчатки, капитану флота (позже адмиралу) Завойко, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по горной части.

Особыхъ научныхъ инструкцій для путешествія я не получилъ, но со стороны Восточно-Сибирской администраціи мнѣ было наистрожайше приказано обратить особенное вниманіе на нахожденіе металловъ, каменнаго угля и другихъ болѣе цѣнныхъ продуктовъ минеральнаго царства.

Въ означенномъ положеніи я провелъ пять лѣтъ (1851—1855) отчасти въ Петропавловскѣ, отчасти — и главнымъ образомъ — въ разбѣздахъ по Камчаткѣ, и имѣлъ при этомъ возможность ближе ознакомиться съ этой страной, какъ вдоль по обоимъ побережьямъ, такъ и внутри ея. Вслѣдствіе сложившихся неблагопріятно обстоятельствъ осталась, къ сожалѣнію, непосѣщенной мною лишь самая

южная оконечность полуострова, почему и на прилагаемой картѣ она лишена географическихъ подробностей. Но за то по направленію къ сѣверу мои поѣздки простирались вплоть до обширной моховой тундры, пересѣкающей Срединный камчатскій хребетъ и соединяющей полуостровъ съ материкомъ и тундрами по побережью Ледовитаго океана. Такъ, мнѣ даже удалось посѣтить доселѣ лишь мало извѣстный полуостровъ Тайгоносъ, расположенный въ самой сѣверной части Охотскаго моря.

Лишь немногія данныя изъ этихъ поѣздокъ опубликованы до настоящаго времени,—я разумѣю слѣдующія статьи, помѣщенные мною въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ (*Bulletin phys.-math.*, Т. XI, XIII, XIV, resp. *Mélanges phys. et chim.*, Т. I, II et *Mél. russes*, Т. III): „Ueber die Eismulden in östlichen Sibirien“ (1852), „Ein paar erläuternde Worte zur geognostischen Karte Kamtschatka's, mit einer Karte“ (1855) и „Ueber die Korjaken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen, mit einer ethnographischen Karte Kamtschatka's“ (1855).

Стѣсненные обстоятельства принудили меня, тотчасъ же по моемъ возвращеніи изъ путешествія (1856 г.), оставить начатыя научныя работы и всецѣло посвятить себя чуждой мнѣ до того времени практической сельско-хозяйственной дѣятельности. Среди глубокаго одиночества деревенской жизни я чувствовалъ недостатокъ и въ научныхъ коллекціяхъ, и въ литературныхъ источникахъ, а также въ какомъ-либо побуждающемъ общеніи съ представителями науки, вслѣдствіе чего я не могъ и думать о дальнѣйшей обработкѣ моихъ путевыхъ матеріаловъ и свѣдѣній. Однако тщательно мной веденные и вполне сохранившіеся дневники постоянно напоминали мнѣ о долгѣ, все еще не выполненномъ по отношенію къ странѣ, которую я объѣздить, изучилъ и успѣлъ полюбить. Къ этому

присоединялись воспоминанія о друзьяхъ, побуждавшія меня опубликовать хотя-бы эти путевые дневники и за-мѣтки. Но главной причиною этого желанія было то пол-ное затишье въ изслѣдованіи Камчатки, которое насту-пило за послѣдніа десятилѣтія.

Около половины прошлаго столѣтія (1740) Штеллеръ и Крашенинниковъ объѣздили Камчатку и описали ее въ обстоятельныхъ трудахъ, которые хотя и устарѣли теперь, но въ историческомъ и этнографическомъ отно-шеніяхъ имѣютъ неоцѣненные достоинства. Ничего подоб-наго никѣмъ не было сдѣлано впослѣдствіи. Лессепсъ (1787), Добелль (1812), Киттлицъ (1826) совершали болѣе или менѣе бѣглыя поѣздки по одной какой-либо части страны. Эрманъ (1829), пройдя изъ Тигиля на другой берегъ, достигъ долиной рѣки Камчатки Петро-павловска и своимъ путешествіемъ сдѣлалъ безспорно самый крупный вкладъ въ научное познаніе страны. По большей же части Камчатку описывали только морепла-ватели, посѣщавшіе ея отдѣльные береговые пункты. Такъ, напримѣръ, къ берегамъ Камчатки и въ особен-ности къ Петропавловску приставали обыкновенно рус-скіе моряки, отправлявшіеся въ кругосвѣтное плаваніе, или въ прежнія русскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ.

Но вотъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, Россія приобрѣла Приамурскій край, и вмѣсто Петропавловска главною гаванью на Тихомъ океанѣ сдѣлались сначала Нико-лаевскъ при устьѣ Амура, а позднѣе Владивостокъ. Въ то же время американскія колоніи Россіи отошли къ Сѣ-вероамериканскимъ Соединеннымъ Штатамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились даже прежнія случайныя посѣщенія Камчатки. Съ тѣхъ поръ цѣлью почти всѣхъ научныхъ путешествій, предпринимавшихся со стороны русскихъ, явились Амурскій и Уссурійскій края, включая сюда и Сахалинъ, а позднѣе страны, пограничныя со средне-

азіатскими владѣніями, — Камчатка же оказалась почти въ полномъ забвеніи.

Изъ сказаннаго легко понятъ причины, побудившія меня, уже въ позднемъ возрастѣ и почти тридцать лѣтъ спустя послѣ своего путешествія, приняться за составленіе его общаго обзора на основаніи путевыхъ дневниковъ. Къ тому же академикъ Л. фонъ-Шренкъ взялся представить мою работу Академіи Наукъ, принявъ ее для помѣщенія въ „*Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*“. Это случилось 1-го ноября 1888 г. Подобно тому, какъ нѣкогда, полтора столѣтія тому назадъ, командировкою Штеллера и Крашенинникова Академія положила основаніе изученію Камчатки, такъ и настоящій трудъ былъ вызванъ ею къ жизни съ тою-же самою цѣлью, при чемъ она предоставила необходимыя средства для изготовленія относящихся сюда картъ, таблицъ и полиטיפажей, главнымъ-же образомъ для напечатанія всего сочиненія. Г. фонъ-Шренкъ былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя редактированье и корректуру изданія. Считаю пріятной для себя обязанностью выразить здѣсь свою глубокую благодарность какъ ему, такъ и Академіи Наукъ.

Въ заключеніе мнѣ остается прибавить, что прилагаемая карта Камчатки относительно береговыхъ очертаній составлена почти сплошь по картамъ гидрографическаго департамента и генеральнаго штаба; что-же касается положенія горныхъ хребтовъ, вулкановъ, горячихъ ключей, рѣкъ и озеръ, то она снабжена могочисленными поправками и дополненіями по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о нанесенныхъ на картѣ границахъ распространенія нѣкоторыхъ племенъ, животныхъ и растеній Камчатки.

К. ф. Дитмаръ.

Содержаніе.

	СТРАН.
Отдѣлъ I. Путешествіе отъ С.-Петербурга до Петропавловска (Камчатка)	1— 76
1. Дорога отъ С.-Петербурга черезъ Иркутскъ до Якутска	1— 22
2. Дорога изъ Якутска въ Аянъ.	22— 70
3. Морской путь изъ Аяна въ Петропавловскъ	70— 76
Отдѣлъ II. Поѣздка по Камчаткѣ осенью 1851 и зимою 1852 гг.	77—195
1. Поѣздка къ горячимъ ключамъ (Паратунскимъ) въ сентябрь 1851 г.	77— 83
2. Обѣздъ Авачинской губы въ сентябрь 1851 г.	83—112
3. Поѣздка къ Авачинской сопкѣ. Октябрь 1851 г.	112—153
4. Зимнее путешествіе въ Нижне-Камчатскъ.	153—181
Прибавленіе. Пребываніе въ Петропавловскѣ зимою 1851—52 г. 124—153 и 181—195	
Отдѣлъ III. Путешествіе вдоль восточнаго берега Камчатки отъ Петропавловска до Нижнекамчатска и возвращеніе обратно долиною рѣки Камчатки (лѣтомъ 1852 г.) . .	196—402
1. Путешествіе въ лодкѣ отъ Петропавловска къ устью рѣки Камчатки. . .	196—296
2. Обратное путешествіе въ Петропавловскъ черезъ долину р. Камчатки . .	296—390
Прибавленіе. Пребываніе въ Петропавловскѣ зимою 1852—53 г.	390—402

	СТРАН.
Вершина Авачи	609
Вулканъ Баккенингъ	616
Положеніе вулкана Баккенинга	617
Поле вулканической дѣятельности въ вулканѣ Узонъ	643
Маленькій глиняный конусъ и кратеръ въ вулканѣ Узонъ ..	643
Вулканъ Большой Семячикъ. Вулканъ Кихпинычъ	652
Карта устья рѣки Жупановой	661
Карта озера и рѣки Халигеръ, а также области истоковъ р. Вахиль	663
Планъ Петропавловскаго порта съ батареями	672
Расположеніе сопокъ: Кошелевой или Камбалиной, Ильиной или Озерной, Ходутки, Хойохонгена, Авачи, Поворотной и Вилючинской	681
Видъ Вилючинскаго вулкана со стороны Петропавловска	682

Геологическая карта Авачинской губы	84—85
Карта Камчатки.	

ОТДѢЛЪ I.

Путешествіе отъ Петербурга до Петропавловска (Намчатка).

2 мая 1851 г. я отправился изъ Петербурга, черезъ Москву и Пермь, въ Екатеринбургъ, куда, изъ-за остановокъ въ названныхъ городахъ, прибылъ лишь 23 мая.

Отъ Екатеринбурга, а стало быть отъ восточнаго склона лѣснаго Уральскаго Хребта, поверхность круто понижается къ Барабинской степи, которую прорѣзываетъ система Оби съ ея громадными рѣками; — неживописная, ровная, но въ южныхъ своихъ частяхъ большею частью плодородная мѣстность. Всюду — на водныхъ путяхъ и сухопутныхъ дорогахъ, между большими и малыми городами — здѣсь часто встрѣчаются большія, богатая села, образующія съѣтъ заселенныхъ линій въ пустынномъ степномъ пространствѣ Западной Сибири. Въ Екатеринбургѣ я, оставивъ почтовый трактъ, паправляющійся большою дугою къ сѣверу черезъ Тюмень, Тобольскъ и болѣе значительные города, отправился ближайшимъ, но не менѣе оживленнымъ путемъ, проходящимъ болѣе въ восточномъ направленіи. Въ Сибири проселочныя дороги для проѣзжающаго нерѣдко оказываются выгоднѣе почтоваго тракта. На нихъ нѣтъ, правда, почтовыхъ станцій, но за то крестьяне возятъ скоро, хорошо и очень дешево, при чемъ ямщикъ въ ближайшей деревнѣ передаетъ пассажира своему пріятелю, который везетъ до слѣдующей станціи, и т. д.

Такимъ образомъ часто обходятся большія излучины почтового тракта.

Избранный мною путь и представлялъ такой частный крестьянскій почтовый трактъ, который шелъ сперва черезъ городокъ Шадринскъ, затѣмъ, у богатой Абацкой свободы, черезъ Ишимъ, разливающійся здѣсь на подобіе озера; далѣе дорога шла черезъ городокъ Тюкалинскъ, потомъ черезъ весьма быстро-течный Иртышъ у большой деревни Серебряной, черезъ городки Каинскъ и Колывань, наконецъ черезъ Обь у деревни Дубровиной, похожей на городъ. За Обью приходится проѣхать еще лишь черезъ нѣсколько русскихъ деревень, а затѣмъ начинаются поселенія томскихъ татаръ, которыя отъ русскихъ деревень отличаются только замѣной церкви мечетью. 3-го іюня я перепрѣлся черезъ широкую Томь, проѣхалъ черезъ построенный на ея высокомъ берегу, богатый Томскъ и достигъ утромъ 6-го іюня рѣки Чулыма, на береговыхъ холмахъ которой живописно раскинулся городокъ Ачинскъ. Чулымъ — послѣдняя изъ принадлежащихъ къ системѣ Оби рѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ граница между Восточной и Западной Сибирью.

Степь теперь осталась позади. Отъ Екатеринбурга лѣсъ быстро убываетъ, особенно скоро исчезаетъ хвойный. Мѣстность быстро понижается къ Барабинской степи, которая простирается собственно отъ Тюкалинска до Колывани и между этими двумя пунктами въ ширину имѣетъ слишкомъ 900 верстъ. Здѣсь, въ необозримомъ роскошномъ морѣ луговъ, какъ разъ теперь покрытомъ безчисленными цвѣтущими растеніями, лишь мѣстами разсѣяны одиночныя тощія березки и осины или небольшія группы этихъ деревъ. Черезъ волнующійся зеленый коверъ степи змѣєю вьется черная дорога. Мѣстами видѣются небольшія и неглубокія скопленія воды или голыя, бѣлыя, блестящія пятна, образуемая выцвѣтаніемъ соли. Эта грунтовая дорога, глубоко врѣзающаяся въ черноземную почву степи и повидимому рѣдко, да и то неудовлетворительно, ремонтируемая, установлена по обѣимъ сторонамъ, примѣрно черезъ каждые 5 шаговъ,

высокими жердями; послѣднія указываютъ путь во время страшныхъ зимнихъ вьюгъ и не даютъ путешественнику сбиться на сѣверъ или на югъ, въ безлюдную степь. Своеобразный видъ представляетъ эта необозримая алея высокихъ жердей въ степи! Все пустынно и мертво, лишь изрѣдка взлетитъ спугнутая хищная птица. Одинъ только разъ я замѣтилъ вдали отъ дороги войлочные юрты кочевыхъ киргизовъ, да мѣстами палатки цыганъ, торгующихъ лошадьми.

Лишь съ приближеніемъ къ деревнѣ путешественникъ опять встрѣчаетъ стада лошадей, коровъ и овецъ, напоминающія ему, что среди этой плодородной пустыни живутъ въ довольствѣ люди. Деревни выстроены большею частью хорошо и просторно, нерѣдко съ красивыми церквами. Постройки — деревянные; матеріаломъ для нихъ, за недостаткомъ хвойнаго, служитъ дѣланный лѣсъ. Разстояніе между деревнями колеблется отъ 20 до 35 верстъ. Въ каждой деревнѣ много лошадей, потому что извозъ составляетъ главный промыселъ сибирскаго крестьянина. Крестьяне часто перевозятъ товары на весьма большія разстоянія и такимъ образомъ значительное количество европейскихъ продуктовъ попадаетъ въ сибирскіе торговые города, а полученные въ обмѣнъ на эти продукты драгоцѣнные мѣха и чай тѣмъ же путемъ идутъ назадъ, на всемірные рынки — въ Ирбитъ и Нижній-Новгородъ. Всякій проѣзжавшій по Сибири знаетъ эти ежедневно встрѣчаемые, особенно зимою, многочисленные обозы и имѣетъ слѣдовательно представленіе о важности извоза для сибирскаго крестьянина. Только такіе цѣнные товары какъ мѣха и чай окупаютъ столь дорогую и дальнюю перевозку сухимъ путемъ. Не то съ хлѣбомъ и продуктами скотоводства, которые, при громадныхъ разстояніяхъ, до того возрасп-бы въ цѣнѣ, что не нашли-бы себѣ покупателей.

Такимъ образомъ съ крестьянской почтой путешественникъ пролетаетъ сотни верстъ, и, выѣхавъ изъ деревни, опять погружается въ помѣйшее безлюдье роскошной степной природы.

Наконецъ, немного не доѣзжая Колывани, подъемъ поверх-

ности указываетъ путешественнику приближеніе восточнаго края степи. За Обью лиственный лѣсъ становится разнообразнѣе, въ немъ часто начинается встрѣчаться примѣсь лиственницы и ели, а также увеличиваются красота и разнообразіе цвѣтущихъ растений. Одновременно съ увеличеніемъ разнообразія растительной жизни лѣсъ начинаетъ оглашаться пѣніемъ птицъ. За Томскомъ измѣняется и характеръ поверхности: она становится волнистою и, начиная отсюда, впечатлѣвія степи забываются. Отъ Исети, у Екатеринбурга, до Чулыма, у Ачинска, 2500 верстъ; и здѣсь, слѣдовательно по наибольшей ширинѣ системы Оби, тянется водный путь по всей Западной Сибири. Указанная ширина вмѣстѣ съ значительной длиною той-же системы, примѣрно отъ Семипалативска до устья Оби, опредѣляетъ протяженіе обширной степной страны. Эта страна нынѣ изборождена судоходными рѣками, а нѣкогда, именно въ одинъ изъ новѣйшихъ геологическихъ періодовъ, представляла быть можетъ дно внутренняго моря, которое, соединяясь съ Ледовитымъ Океаномъ, глубоко врѣзывалось въ Киргизскую степь и своими волнами одновременно омывало предгорія Урала и Алтая.

Южная часть этой громадной низменности по климату и плодородію представляетъ страну, какъ нельзя болѣе благоприятную для земледѣлія и скотоводства, а слѣдовательно и для техническихъ производствъ; — страну, которая могла-бы сдѣлаться богатою житницей для негостепріимнаго сѣвера и для суровыхъ горныхъ странъ Восточной Сибири. Если когда нибудь правильное пароходное сообщеніе откроетъ доступъ во всѣ части обширной области и слѣдовательно — при возрастаніи народонаселенія — облегчитъ обмѣнъ произведеній различныхъ поясовъ, прорѣзываемыхъ Обью; если хорошія дороги, быть можетъ даже рельсовые пути, свяжутъ разсматриваемую часть Сибири съ востокомъ и западомъ, доставивъ возможность вывоза богатыхъ произведеній страны; если когда нибудь совершится все это, то послѣдствія вѣроятно не преминутъ подтвердить основательность только что высказанныхъ предположеній.

У Ачинска путешественникъ вступаетъ въ Восточную Сибирь, и начиная отсюда дороги содержатся въ нѣсколько большемъ порядкѣ. Страна приобретаетъ замѣтно болѣе волнистый характеръ. Дорога къ Красноярску идетъ черезъ цѣнь холмовъ въ широкую долину Енисея, окаймленную умѣренными высотами; скоро показывается и самъ богатый и красивый Красноярскъ. Эта резиденція богатыхъ золотопромышленниковъ живописно расположена на берегу второй изъ громадныхъ сибирскихъ рѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у подошвы кряжа, предгорія котораго, состояща изъ краснаго песчаника, подходятъ къ самой рѣкѣ и вѣроятно дали городу имя «Краснаго Яра». Верстахъ въ 20 ниже Красноярска, у деревни Березовки, я на паромѣ переправился черезъ величественный, быстрый Енисей и затѣмъ почтовымъ трактомъ, черезъ городки Канскъ и Нижнеудинскъ, направился въ Иркутскъ, куда и прибылъ 13-го іюня.

Эта часть дороги идетъ по холмистой странѣ, то березовымъ или лиственничнымъ лѣсомъ, то цвѣтущими лугами, то плодородными полями, чередующимися съ богатыми селами. За 60 верстъ до Иркутска приходится проѣхать черезъ большое фабричное поселеніе Тельминскую, затѣмъ открывается Ангара, и, слѣдуя вдоль этой красивой рѣки, достигаютъ главнаго города Восточной Сибири. Немного не доѣзжая Иркутска находится большой мужской монастырь, Вознесенскій, у котораго я переправился черезъ Ангару, и черезъ каменные триумфальные ворота въѣхалъ въ городъ. Иркутскъ правильно и просторно выстроенъ у самага берега рѣки, съ широкими, прямыми, но немогучими улицами, со многими, большею частью очень красивыми каменными постройками, между прочимъ большими церквями и присутственнымъ мѣстами, съ нѣсколькими площадями, съ обширными торговыми рядами, театромъ, клубомъ, гимназіей и другими школами, съ естественнo-историческимъ музеемъ и со множествомъ садовъ; все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе большаго богатаго города. Особенное значеніе сравнительно съ другими сибирскими городами придаетъ Иркутску его положеніе

какъ административнаго центра для всего безпредѣльнаго пространства Восточной Сибири, а равно и обширная торговля. Въ то-же время сношенія съ сосѣдными племенами, каковы буряты, монголы и другія, сообщаютъ Иркутску замѣтно азіятскій отпечатокъ. Эти инородцы особенно многочисленны на базарѣ, гдѣ они, часто съ лошадьми и верблюдами, шатаются въ своихъ пестрыхъ одеждахъ или выставляютъ на продажу свои оригинальные товары.

Въ Иркутскѣ скрещиваются всѣ торговые пути Восточной Сибири. Отсюда во всѣ стороны распространяются товары и сюда-же возвращаются полученные въ обмѣнъ. По всей системѣ Енисея съ Байкаломъ и Селенгой совершается оживленное торговое движеніе. Изъ Кяхты приходятъ цѣнные транспорты чая; къ востоку открывается многообѣщающій торговый путь — черезъ Амуръ къ Тихому Океану. Съ сѣвера всего 300 верстъ до системы Лены, по воднымъ путямъ которой направляется обширная торговля пушнымъ товаромъ; наконецъ вся Восточная Сибирь шлетъ сюда сокровища своихъ золотыхъ приисковъ. Единственное, чего недостаетъ краю, — хорошихъ путей сообщенія. Не будь этого недостатка, торговля въ короткое время поднялась-бы чрезвычайно. Большія рѣки Сибири текутъ, правда, въ негостепріимный Ледовитый Океанъ, но въ области умѣреннаго климата системы ихъ настолько расширяются отъ запада къ востоку и такъ между собою сближаются, что немногихъ и сравнительно очень короткихъ каналовъ достаточно было-бы для образованія непрерывнаго воднаго пути отъ Петербурга до Тихаго Океана. Системы Волги, Оби, Енисея и Амура дѣлаютъ возможнымъ такое соединеніе путемъ устройства трехъ системъ каналовъ, изъ которыхъ вѣроятно ни одна не достигала-бы длины 100 верстъ: отъ Камы до Исети, отъ Чулыма до Енисея и отъ Селенги до Ингоды. 300 верстъ каналовъ, постройка которыхъ быть можетъ лишь мѣстами представила-бы нѣкоторыя затрудненія и слѣдовательно лишь мѣстами обошлась-бы дорого, — эти 300 верстъ дали-бы водный путь въ 9—10 тысячъ верстъ!

Въ Иркутскѣ я тотчасъ-же получилъ средства для дальнѣйшаго путешествія и сдѣлалъ необходимыя приготовленія. Счастливый случай свелъ меня съ попутчикомъ, хорошо знавшимъ условія путешествія по Ленѣ, и мы уговорились отправиться вечеромъ 20 іюня. Первую часть пути, 380 верстъ до Лены, приходилось сдѣлать въ экипажѣ; затѣмъ 2350 верстъ по Ленѣ предполагалось проплыть въ удобной лодкѣ моего попутчика, иркутскаго купца Четкова.

Къ полудню 20-го іюня у Четкова все уже было готово къ отъѣзду, и, по старинному сибирскому обычаю, началось угощеніе, длившееся безъ малаго до вечера. Затѣмъ послѣдовало богослуженіе передъ семейнымъ образомъ; лишь къ 9 часамъ вечера мы распростились съ обществомъ и отправились въ сопровожденіи семейства моего спутника. Передъ воротами города стоитъ старый каменный крестъ; здѣсь мы остановились и, выпивъ еще, простились съ семействомъ. Насъ окружили ночь и пустыня.

Въ теченіе ночи мы ѣхали по однообразной бурятской степи, но за то уже утромъ были вознаграждены очень красивымъ видомъ окружавшей насъ мѣстности. Путь шелъ то широкими, плодородными и отчасти воздѣланными долинами, то поднимался на плоскіе холмы, то опять вился внизъ, въ зеленыя долины. Чѣмъ болѣе мы приближались къ Ленѣ, тѣмъ волнистѣе становилась поверхность.

Около полудня мы доѣхали до Манзурки, ручья, впадающаго въ Лену и протекающаго въ узкой, глубокой долинѣ, склоны которой, во многихъ мѣстахъ каменистые, придаютъ чрезвычайно романтический видъ мѣстности. Наконецъ къ вечеру у Качуги мы впервые достигли берега Лены, которая здѣсь еще невелика и носятъ характеръ совершенно горной рѣки.

Отъ Иркутска до Лены вся мѣстность, особенно бурятская степь, населена бурятами, наѣздническимъ и пастушескимъ племенемъ, которое живетъ главнымъ образомъ въ степяхъ къ югу отъ Байкала. Рогатый скотъ, лошади и стада овецъ — вотъ ихъ

богатства, съ которыми они кочуютъ отъ лѣтнихъ къ зимнимъ жилищамъ и обратно, перенося съ собою свои войлочные шатры. Сверхъ того буряты издревле занимаются охотой, а въ послѣднее время стали перенимать по немногу и земледѣліе. Южные буряты — ламайты, имѣютъ въ своемъ родѣ образованныхъ жрецовъ и, благодаря китайской цивилизаціи, отличаются болѣе мягкими правами; сѣверные — грубый, преданный шаманству народъ. Но тѣ и другіе говорятъ однимъ языкомъ, употребляютъ одну и ту-же неудовлетворительную пищу, носятъ одинаковое кожаное платье, украшенное бусами, блестящими кусочками жести и другими бездѣлушками; точно также одинаково распространены между бурятами къ сѣверу и къ югу отъ Байкала многія другія привычки и обычаи, изъ которыхъ упомяну лишь о многоженствѣ.

Начиная отъ Качуги, на протяженіи около 1500 верстъ внизъ, Лена по берегамъ населена исключительно русскими, которые живутъ въ большихъ селахъ; къ востоку же и западу отъ рѣки единственное населеніе составляютъ кочующія и охотничьи племена тунгузовъ.

Богатое, большое, чисто построенное село Качуга, первое по Ленѣ на этомъ важномъ торговомъ пути, расположено въ томъ мѣстѣ, гдѣ исполинская рѣка впервые становится судоходной, хотя лишь на короткое время года. Иркутскіе купцы зимою привозятъ сюда по тракту въ 240 верстъ свои товары и складываютъ ихъ въ магазины, чтобы съ весеннимъ половодьемъ отправить на большихъ лодкахъ къ сѣвернымъ рынкамъ. Въ теченіе всего лишь нѣсколькихъ дней весною байкальскія горы доставляютъ столько воды рѣкѣ, что по ней, внизъ отъ Качуги, могутъ плавать болѣе крупныя суда; затѣмъ быстро совершается спадъ водъ, и во все остальное время года Лена остается несудоходною у названнаго села и еще на 100 верстъ ниже. Кто изъ купцовъ пропуститъ подходящее время, тотъ потеряетъ торговый годъ, если не отправитъ своихъ товаровъ гужемъ внизъ по рѣкѣ; а такой провозъ обходится дорого. Мы тоже не могли уже воспользоваться выгодами воднаго пути отъ Качуги и принуж-

дены были проѣхать на лошадяхъ еще не менѣе 100 верстъ плохой дороги внизъ по Ленѣ. Съ наступленіемъ темноты мы оставили село и вѣхали въ долину Лены, чудный видъ которой къ сожалѣнію омрачался начавшимся сильнымъ дождемъ. Въ своей верхней части Лена протекаетъ въ узкой и разорванной долинѣ среди холмистой мѣстности, которую можно считать сѣвернымъ отрогомъ байкальскихъ горъ. Красный, ясно слоистый и сильно расщепленный песчаникъ то образуетъ крутые обрывы, то въ самыхъ причудливыхъ формахъ выдается изъ богатой растительности. Такъ недалеко отъ Качуги, на высокомъ краю скалистаго обрыва, подобно грозящему привидѣнію, поднимается естественная колона изъ плитняка, такъ называемый Шаманскій Камень, пользующійся, какъ и все необычайное, особымъ почетомъ среди народа. За дождливой ночью послѣдовалъ прекрасный день, и путь нашъ шелъ самыми красивыми и романтическими мѣстами берега. Дорога, суженная высокими отвѣсными бокомъ долины и рѣкой, то немного поднимается, то опять спускается къ самой водѣ. Нерѣдко стѣна краснаго песчаника какъ крышей закрываетъ дорогу и затѣмъ снова вертикально поднимается до 100 и болѣе футовъ высоты. Верхній край стѣны увѣчанъ довольно высокими деревьями и кустами, между тѣмъ какъ изъ щелей и трещинъ выглядываютъ таволга, шиповникъ и кліи.

Въ открытыхъ частяхъ долины мы нерѣдко проѣзжали черезъ большія, хорошо выстроенныя и заселенныя жилищнымъ народомъ села, съ лугами и небольшими полями, гдѣ это допускала почва. Поздно вечеромъ мы заѣхали къ одному богатому крестьянину, пріятелю Четкова, и должны были провести всю ночь на-пролетъ за угощеніемъ. Я былъ пораженъ обиліемъ яствъ, которыми этотъ крестьянинъ проявлялъ свое чисто сибирское гостепрѣимство, — гостепрѣимство, нерѣдко оказывающееся весьма благодѣтельнымъ послѣ утомительныхъ странствованій по дикимъ пустынямъ Сибири.

23-го іюня, очень рано утромъ, мы наконецъ закончили наше

сухопутное путешествіе у богатой деревни Жигаловской. Здѣсь насъ ожидала просторная крытая лодка Четкова. Тарантасъ живо опорожнили, всю кладь перенесли въ лодку и къ 6 часамъ утра мы могли начать плаваніе внизъ по Ленѣ. Проѣхавъ въ тряскомъ экипажѣ 380 верстъ отъ Иркутска, а всего отъ Петербурга—и цѣлыхъ 6400, я считалъ для себя истиннымъ благодѣяніемъ возможность въ дальнѣйшемъ такой удобной и вмѣстѣ съ тѣмъ скорой ѣзды.

На лодкѣ устроена была настоящая комната съ окнами и дверьми, въ которыхъ стекла, по старинному сибирскому обычаю, замѣнены были большими слюдяными пластинками. У боковыхъ стѣнъ этой каюты находились 4 широкихъ деревянныхъ лавки, изъ коихъ 2 служили намъ кроватями, а другія 2 — помѣщеніемъ для нашей клади и съѣстныхъ припасовъ. Лосиная шкура, привезенная мною изъ Лифляндіи, уже здѣсь начала свою вѣрную многолѣтнюю службу въ качествѣ постели и съ перваго же раза оказалась самымъ практичнымъ ложемъ для путешествій по Восточной Сибири и Камчаткѣ. Мы сейчасъ-же устроились, и Четковъ, взявшій на себя роль повара, началъ примѣнять свой кулинарный талантъ; я былъ пораженъ при этомъ массой всевозможныхъ припасовъ, взятыхъ имъ въ тарантасъ. Не было недостатка и въ кухонной посудѣ; мой хозяинъ ухитрился даже помѣстить въ тарантасъ самоваръ, эту неотъемлемую принадлежность русскаго купческаго комфорта. Наша кухня, какъ принято у плавающихъ по Ленѣ, помѣщалась въ передней части лодки и состояла изъ простаго очага на фундаментѣ изъ глины и камня. Четковъ былъ человекъ безъ всякаго образованія и въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ нерѣдко обнаруживалъ безсердечіе, грубость и суевѣріе; но по отношенію ко мнѣ онъ проявлялъ лишь лучшія стороны своей натуры: былъ любезенъ, даже услужливъ, обнаруживалъ много добродушія, кое-какія свѣдѣнія и очень много опытности какъ путешественникъ. Интимнымъ бесѣдамъ на этой лодкѣ я обязанъ знаніемъ нѣкоторыхъ практическихъ приемовъ для путешествія въ

здѣшнихъ мѣстахъ, а также и нѣкоторымъ представленіемъ о сущности сибирской торговли.

Экипажъ нашей лодки во все время плаванія состоялъ изъ 4-хъ гребцовъ и одного рулеваго, которые оплачивались какъ три почтовые лошади. Когда мы приближались къ станціи, т. е. къ деревнѣ, то гребцы поднимали страшный крикъ, чтобы дать знать жителямъ станціонной деревни о приходѣ почтовой лодки и вызвать на берегъ свѣжихъ гребцовъ.

Начиная отъ Жигаловской Лена становится шире, но сперва еще встрѣчаются кое-гдѣ мели, такъ что здѣсь изъ осторожности не допускается быстрая ѣзда. Бока долины здѣсь менѣ скалисты, но зато ближе подходятъ къ берегу горные хребты, представляющіе закругленныя вершины или сильно разорванные, густо поросшіе лиственницей, березой и сосной. Съ концомъ сухопутной дороги земледѣліе отступаетъ на второй планъ, полей не видно, да и прибрежныя деревни становятся рѣже. Въ живописной пустынѣ царствуетъ глубокая тишина, нарушаемая лишь плескомъ весель одинокой лодки, да журчаніемъ ручья. Недалеко отъ станціонной деревни Тарасовской я замѣтилъ на правомъ берегу рѣки большую ледяную массу, спускавшуюся, подобно колосальной сосулькѣ, отъ верхняго края долины почти до уровня воды. Такой зимній феноменъ производитъ впечатлѣніе чего-то неожиданнаго среди зелени лѣсистыхъ склоновъ долины. По словамъ моихъ спутниковъ, зимою здѣсь со склоновъ долины изъ незамерзающихъ ключей постоянно стекаетъ вода и, замерзая, образуетъ эту громадную сосульку, которая затѣмъ, благодаря своей величинѣ, не можетъ вполне растаять.

Лишь близъ городка Киренска, котораго мы достигли вечеромъ 27-го іюня, опять встрѣчается больше деревень и даже немного полей. Киренскъ, чистенькій деревянный городокъ, расположенъ на лѣвомъ берегу Лены, противъ устья р. Киренги. Не смотря на свои небольшіе размѣры и кажущуюся незначительность, онъ представляетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ для торговли по Ленѣ. Отстоя на 1000 верстъ отъ Иркутска и на

1600 отъ Якутска, этотъ городъ стоитъ какъ-бы на среднѣмъ торговаго пути. Зажиточное киренское купечество производитъ обширную мѣштовую торговлю, распространяющуюся отсюда далеко въ глубь страны, съ кочующими и охотничьими тунгузамп, а также поддерживаетъ дѣятельное сообщеніе съ Иркутскомъ и Якутскомъ.

Красный песчаникъ, начиная отъ Качуги, являлся въ видѣ горизонтальной, ясно слоистой породы, изъ которой одной только и состоялъ берегъ Лены. Немного ниже Киренска песчаникъ подстилается, также слоистымъ, бѣлымъ известнякомъ, теряетъ горизонтальность и часто приподнимается известнякомъ, или, вѣрнѣе говоря, другой горной породой, поднимающей известнякъ, но не выступающей наружу. Сейчасъ-же у Киренска я замѣтила два значительныхъ поднятія известняка, между которыми красный песчаникъ заключенъ какъ-бы въ котловинѣ. Далѣе впизъ по рѣкѣ также еще выступаетъ мѣстами песчаникъ, но все болѣе и болѣе подчиняясь известняку, пока наконецъ послѣдній не получаетъ окончательнаго преобладанія. Въ нижнихъ своихъ отдѣлахъ известнякъ явственно слоистъ, а въ верхнихъ — представляетъ множество трещинъ и носитъ характеръ массивной породы, образуя вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно красивыя и высокіе скалистые участки, а также отдѣльные утесы самой причудливой формы.

На нѣкоторомъ протяженіи за Киренскомъ береговья высоты болѣе отходятъ отъ рѣки и образуютъ широкую долину, по дну которой, состоящему изъ низкихъ наносовъ, большими изгибами протекаетъ Лена. Затѣмъ снова подходятъ къ берегу мощныя образованія краснаго песчаника, въ свою очередь вытѣсняемая известнякомъ надъ станціей Иванушковской. Здѣсь известнякъ опять приближается къ берегу въ видѣ живописныхъ скалистыхъ участковъ. Всѣ плавающие по Ленѣ знаютъ одинокую высокую скалу известняка, стоящую у самаго берега близъ названной станціи и извѣстную въ народѣ подъ именемъ Ивана-Богатыря. Этотъ богатырь, по словамъ преданія, странствовалъ вдоль

береговъ Лены, муча и убивая русскихъ, пока наконецъ Богъ, въ защиту православныхъ, не прекратилъ этихъ разбойничьихъ подвиговъ, обративъ богатыря въ береговую скалу.

Отъ ближайшей станціи Чагинской до слѣдующей Дубровской берега особенно хороши, благодаря необыкновенно живописнымъ скаламъ. Крутыя скалистыя стѣны, высота которыхъ значительно болѣе 100 футовъ, съ обѣихъ сторонъ близко подходятъ къ берегу, образуя какъ-бы узкія ворота, черезъ которыя тѣснится быстрая многоводная рѣка. Своею неподвижностію желтовато-бѣлыя каменные крутизны, увѣнчанныя роскошною зеленью лѣса, составляютъ оригинальный контрастъ съ быстро текущей темной массой воды, которая мѣстами пѣнится, насккивая на подводные камни. Интересное строеніе скалъ также само по себѣ обуславливаетъ дикій характеръ здѣшней природы. Слои известняка здѣсь весьма разнообразно нарушены и почти перепутаны между собою, то получая видъ истрескавшейся массивной породы, то снова обнаруживая болѣе явственную слоистость. Но всего интереснѣе колоссальныя складки, образуемыя слоями этихъ береговыхъ скалъ. Подъ угломъ 60° къ горизонту слои поднимаются отъ уровня воды до самаго верха мощной скалистой стѣны и затѣмъ такъ-же круто падаютъ внизъ, сейчасъ же образуя вторую, столь-же крутую складку. Мощный переворотъ оставилъ здѣсь свои слѣды!

«Щеки» — таково названіе, придаваемое русскими въ Сибири всѣмъ подобнымъ прорывамъ рѣкъ; «быками» же зовутся у жителей береговъ Лены опасныя для судоходства каменные мысы, о которые — на что намекаетъ и названіе — разбиваются наскочившія на нихъ лодки. Такъ и здѣсь имѣется весьма опасный мысъ, о который нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбилось большое судно съ водкой и который съ тѣхъ поръ зовется Пьянымъ быкомъ. Этимъ шутливымъ названіемъ увѣковѣчена память о досадномъ происшествіи, лишившемъ сѣверныхъ жителей самаго драгоценнаго товара и насильственно принудившемъ ихъ къ продолжительной воздержности. У станціи Дубровской мы въ числѣ

гребцовъ въ первый разъ имѣли одного тунгуза. Многіе тунгузы лѣтомъ работаютъ на жалованьи у русскихъ, но зимой возвращаются къ охотѣ за пушнымъ звѣремъ и кочуютъ по пустынѣ. Вышеупомянутый тунгузъ рассказывалъ мнѣ, что съ древнѣйшихъ временъ вся страна у нихъ раздѣлена на участки, такъ что каждый родъ охотится въ предѣлахъ своего района и никогда не переступаетъ этихъ изстари установленныхъ границъ. Какъ должна быть интересна эта политическая географія тунгузовъ!

Рано утромъ 30-го іюня мы доѣхали до Витимска, одного изъ наибольшихъ и богатѣйшихъ торговыхъ селъ по Ленѣ, и недалеко отъ села прошли мимо устья Витима, значительнаго притока, начинающагося въ горахъ къ югу отъ Байкала, слѣдовательно въ непосредственномъ сосѣдствѣ системы Амура. Богатый охотничій районъ и далеко простирающаяся по этой рѣкѣ торговля съ тунгузами создали благосостояніе села. Витимскъ приобрѣлъ также извѣстность благодаря торговлѣ слюдой, которая прежде по всей Сибири служила для оконъ и лишь въ последнее время стала вытѣсняться стекломъ. Верстахъ въ 250 вверхъ по Витиму, а равно по его притоку Мамѣ (вѣроятно въ очень грубозернистомъ гранитѣ) распространена, какъ говорятъ, прекрасная, крупнопластинчатая слюда. Еще и теперь платятъ 1 р. 50 коп. за фунтъ очень большихъ прозрачныхъ слюдяныхъ пластинокъ.

Проѣхавъ еще одну станцію отъ Витимска, мы среди гребцовъ опять встрѣтили новинку—на этотъ разъ якута. Его чисто монгольскія черты лица очень напоминали видѣнныхъ за послѣдніе дни тунгузовъ и бурятъ; но вся его фигура представлялась болѣе коренастой, особенно по сравненію съ тунгузами. Затѣмъ волосы у якута не были заплетены въ косу, а просто острижены, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе длинныхъ прядей близъ ушей.

Выше Витимска берега становятся ниже и нѣкоторыя станціи за этой деревней расположены такъ низко, что обширныя пространства между ними представляются бесплодными песча-

ными дюнами и болотами съ чахлой растительностью. Рѣка становится все болѣе и болѣе широкой и многоводной, по соответственному этому уменьшается ея паденіе. Наши гребцы уже должны были прилагать большія усилія для ускоренія хода лодки, несмотря на то, что мы плыли по теченію. Рѣка здѣсь по истивѣ Лена, лѣнтыяка, и невольно напрашивается словопроизводство «Лена» отъ «лѣнность, лѣнь».

У деревни Жербинской, примѣрно въ 350 верстахъ отъ Витимска, берега снова повышаются, благодаря вторичному выступанію известковыхъ скалъ; они также покрыты мощной растительностью и потому представляютъ нѣкоторое разнообразіе. Сама Жербинская отличается не столько своимъ живописнымъ, сколько географическимъ положеніемъ: здѣсь граница Иркутской губерніи и Якутской Области.

Съ напряженнымъ интересомъ путешественникъ ступаетъ на рубежъ самой обширной и отдаленной губерніи, этой громадной полярной области, которая, начинаясь системой Лены, тянется почти на 80° по долготѣ до Берингова пролива и большею частью проходитъ сѣвернѣе 60-го градуса широты. Здѣсь начинается районъ сравнительно безлюдный, особенно если принять во вниманіе обширность его протяженія, но все-же населенный многочисленными племенами, большею частью еще мало извѣстными; районъ, гдѣ естествоиспытателю открывается безграничное поле для изслѣдованій. Миѣ пришлось лишь очень бѣгло познакомиться съ краемъ, потому что, преслѣдуя въ своемъ путешествіи совершенно опредѣленные цѣли и располагая крайне ограниченнымъ временемъ, я принужденъ былъ промчатся лишь черезъ болѣе южную и самую малую часть Якутской Области.

Мѣстность, ближайшая къ Жербинской, не лишена нѣкотораго значенія и для комерческаго міра, потому что у слѣдующей станціи, Каменской, достигаютъ пункта, весьма знаменательнаго по отношенію къ торговому движенію по Ленѣ, а именно скалы, означающей середину пути между Якутскомъ и Киренскомъ и называемой «Ура». Это названіе выражаетъ радость по

поводу побѣжденныхъ трудностей и придумано судовыми рабочими, которые ежегодно съ большимъ трудомъ тянутъ бичевой вверхъ по рѣкѣ — отъ Якутска къ Киренску — лодки съ грузомъ пушнаго товара. Утесъ Ура представляетъ большую слоистую массу известняка, отдѣленную ручьемъ отъ скалистаго береговаго массива, и производитъ почти впечатлѣніе обломка, свалившагося съ береговой стѣны. Далѣе внизъ по рѣкѣ бѣлый береговой известнякъ выступаетъ еще лишь на протяженіи между нѣсколькими станціями и у Березовской опять замѣняется краснымъ песчаникомъ: послѣдній сплошь до Якутска образуетъ берега рѣки, лишь все болѣе и болѣе разрыхляясь и становясь все богаче глиной. Красный песчаникъ первоначально имѣлъ вѣроятно громадное распространеніе, т. е. отъ Качуги до Якутска, а можетъ быть и еще далѣе, но затѣмъ, на разстояніи отъ Киренска безъ малаго до Витимска, былъ нарушенъ известнякомъ, получившимъ главный толчекъ у Дубровской и уничтожившимъ вѣроятно, благодаря той-же катастрофѣ, покрывавшій его красный песчаникъ. Я нигдѣ не могъ найти породы, собственно нарушившей напластованіе и такъ мощно подѣйствовавшей на слой известняка; но во всякомъ случаѣ эта порода всего ближе подошла къ поверхности у Дубровской. Мнѣ также, къ сожалѣнію, не удалось найти окаменѣлостей ни въ песчаникѣ, ни въ известнякѣ, почему я лишенъ возможности судить сколько-нибудь опредѣленно о геологическомъ возрастѣ этихъ отложеній.

Начиная отъ Березовской, Лена опять становится такой широкой и течетъ такъ тихо, что производитъ впечатлѣніе озера. При этомъ число острововъ и рукавовъ между ними такъ увеличивается, что проѣзжающій по главному руслу видитъ по обѣимъ сторонамъ лишь въ значительномъ отдаленіи болѣе высокіе, каменные берега рѣки, красноватые, лѣсистые склоны которыхъ выступаютъ изъ-за низкихъ, песчаныхъ острововъ, поросшихъ ивовыми кустами и высокой травой. Всѣ перечисленныя особенности Лены — большая ширина при маломъ паденіи и обиліе острововъ — характеризуютъ нижнее теченіе рѣкы; а между

тѣмъ мы едва только проѣхали верхнюю треть всего протяженія Лены.

Утромъ 3-го іюля мы, черезъ безчисленное множество рукавовъ, приблизились къ лѣвому берегу и около полудня высадились у городка Олекминска. Этотъ невзрачный городокъ состоялъ въ то время изъ нѣсколькихъ плохихъ домовъ, расположенныхъ у самой Лены, но впоследствии онъ болѣе разросся, благодаря найденнымъ по Олекмѣ золотымъ приискамъ. Но и во время моего проѣзда олекминская торговля была довольно значительна. Олекма, начинающаяся на дальнемъ Югѣ, именно въ горахъ Нерчинскаго края, впадаетъ съ правой стороны въ Лену немного ниже Олекминска, и ея длинное теченіе составляетъ путь для оживленной торговли съ тунгузами, именно для торговли пушнымъ товаромъ, распространяющейся до Амурскаго края.

Жители Олекминска, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ купцовъ,—якуты, которые, начиная уже отъ Жербинской, часто населяютъ деревни, а отъ Олекминска составляютъ главное населеніе Приленскаго края. Замѣчательно, что этотъ умный народъ занимаетъ господствующее положеніе уже здѣсь, на границахъ области своего обитанія: якутскій языкъ, якутскіе обычаи, даже якутская одежда настолько вытѣсняють все прочее, что немногіе живущіе здѣсь русскіе кажутся почти вполне якутившимися;—фактъ, говорящій не въ пользу здѣшнихъ русскихъ, ибо едва-ли можно заимствовать что нибудь хорошее отъ скрытныхъ, нечестныхъ и корыстолюбивыхъ якутовъ.

Вскорѣ послѣ того какъ мы проѣхали Олекминскъ, насъ догналъ курьеръ, направлявшійся въ Камчатку. Онъ совѣтовалъ мнѣ спѣшить и увѣрялъ, что сейчасъ-же по прибытіи его въ Аянъ оттуда уйдетъ судно въ Камчатку. Эта встрѣча заставила меня еще сильнѣе торопиться въ моемъ путешествіи, тѣмъ болѣе что, какъ я и самъ зналъ, осенью изъ Аяна въ Камчатку отходить одно только судно; слѣдовательно при недостаточной поспѣшности мнѣ пришлось бы зазимовать въ Аянѣ. Я поэтому избѣгалъ всякаго промедленія и прилагалъ всѣ усилія къ воз-

можному ускоренію путешествія. Для этой цѣли мы главнымъ образомъ пользовались парусами, которые, какъ и рапѣе, при попутномъ вѣтрѣ сооружались изъ платья, одѣяль и простынь и нерѣдко оказывали намъ большую услугу.

Одну изъ наибольшихъ задержекъ для путешествующихъ по Сибири представляютъ низшіе почтовые чиновники, живущіе въ нѣкоторыхъ почтовыхъ деревняхъ и надзирающіе за цѣлымъ рядомъ казенныхъ станцій. Корыстолюбивые, совершенно необразованные, грубые и недобросовѣстные, они подстерегаютъ проѣзжающаго, какъ добычу. Почтовые писаря большею частью не осмѣливаются подвергать вымогательствамъ чиновника, путешествующаго подъ охраною своей подорожной, и развѣ прищипаютъ ему неприятности. Но разъ попадетъ въ ихъ руки купецъ или другое частное лицо, не имѣющее такого рода документа, то писаря распоряжаются совершенно противозаконно и самовольно, — словомъ, какъ вздумается этимъ маленькимъ диктаторамъ. Они по своему усмотрѣнію назначаютъ размѣръ платы за проѣздъ, и, если проѣзжающій не согласится уплатить затребованной суммы, то будетъ сидѣть на мѣстѣ. Понятно, поэтому, что купцы стараются находить себѣ попутчиковъ-чиновниковъ, чтобы защититься отъ такого грабежа. Между прочимъ и Четковъ присоединился ко мнѣ изъ такихъ-же соображеній. Всякій чиновникъ имѣетъ право везти по своей подорожной еще одного провожатаго, и такимъ образомъ мой документъ защищалъ насъ отъ вымогательствъ, но не избавлялъ отъ ежедневныхъ мелкихъ придирокъ, очень замедлявшихъ путешествіе.

Нѣсколько дней тому назадъ вода стала прибывать, вѣроятно благодаря обильнымъ осадкамъ, выпавшимъ въ горныхъ источникахъ рѣки; но лишь теперь мы обратили на это особенное вниманіе, такъ какъ вслѣдствіе очень сильной прибыли воды теченіе — къ великому нашему удовольствію — значительно усилилось. Вода, дотолѣ чистая и пригодная для питья, стала мутною, съ большимъ содержаніемъ песку и землястыхъ частицъ. Могучій потокъ залилъ часть низкихъ береговъ и болѣе низменные

острова, представляя теперь необозримую водную поверхность, все болѣе и болѣе покрывавшуюся различнымъ пловучимъ лѣсомъ. Быстрый подъемъ воды смылъ съ береговъ разнаго рода пловучій матеріалъ, вслѣдствіе чего вся поверхность рѣки покрылась деревьями, корнями и древесными обломками. Рѣка разомъ стала оживленнѣе, благодаря большимъ движущимся массамъ, которыя то оставались позади, то, напротивъ, попадая въ болѣе быстрое теченіе, опережали насъ.

Рѣчные острова состоятъ изъ явственныхъ, совершенно горизонтальныхъ, тонкихъ слоевъ песку, отлагаемыхъ одинъ за другимъ послѣ каждой прибыли воды въ рѣкѣ и такимъ образомъ постепенно образующихъ цѣлые острова. Если рѣка болѣе или менѣе продолжительное время не измѣняетъ своего теченія, то образовавшіеся острова поростають, смотря по своему возрасту, травою или даже кустами. Если же, напротивъ, теченіе рѣки измѣняется или уровень воды значительно повышается, то многіе изъ существующихъ уже острововъ отчасти или вполнѣ разрушаются и смываются; матеріалъ-же, составлявшій ихъ, уносится въ видѣ мути далѣе, пока пониженіе уровня воды и слѣдовательно болѣе тихое теченіе не дадутъ возможности отложить новый островъ въ какомъ-нибудь подходящемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ песокъ и щебень изъ верховьевъ Лены постоянно передвигаются внизъ по рѣкѣ, образуя по временамъ острова, затѣмъ снова начинаютъ движеніе и продолжаютъ свое далекое странствіе до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ многочисленныхъ устьевъ исполинской рѣки. Здѣсь, отброшенный яростью сѣверныхъ волнъ, принесенный рѣкою матеріалъ вынужденъ остановиться, содѣйствуя дальнѣйшему росту громадныхъ дельтъ.

Спѣшно ѣдущій путешественникъ долженъ воспользоваться выгодами высокаго стоянія воды, и мы, поэтому, всякій разъ по оставленіи станціи тотчасъ-же старались приблизиться къ кучамъ пловучаго лѣса, чтобы плыть по быстрому теченію.

Съ приближеніемъ къ Якутску берега становятся все болѣе

низкими и менѣ живописными, но тѣмъ шире разступаются, доставляя больше простора рѣчному архипелагу. Лишь въ немногихъ мѣстахъ берега привлекаютъ вниманіе путешественника. Такъ, у станціи Батамайской открывается чрезвычайно красивый видъ на правый, болѣе высокій берегъ. Части берега, ближайшія къ водѣ, закруглены въ видѣ не очень высокаго вала и покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, тогда какъ на хребтѣ самыхъ отдаленныхъ береговыхъ горъ, надъ древесными вершинами покрывающаго ихъ темнозеленаго лѣса, возвышаются красновато-желтыя скалы въ видѣ столбовъ и пирамидъ, напоминающихъ зубцы и башни старинныхъ замковъ. У деревни Порковской (на лѣвомъ берегу Лены), отъ которой остается лишь нѣсколько станцій до Якутска, мы утромъ 6-го іюля опять достигли сухопутной дороги, хотя и плохой, но скорѣе приводящей къ городу, нежели очень излучистый водный путь. Поэтому я рѣшилъ отправиться отсюда сухимъ путемъ, между тѣмъ какъ багажъ мой слѣдовалъ съ Четковымъ водою. Мнѣ рисовалась надежда, быть можетъ, еще сегодня-же добыть лошадей для поѣздки въ Аянъ.

Рѣшеніе мое оказалось очень неожиданнымъ и нежелательнымъ для порковскихъ якутовъ, потому что здѣсь лишь рѣдко ѣздятъ на телѣгахъ, которыя, равно какъ и упряжь, содержатся поэтому въ величайшемъ безпорядкѣ, а часто и совсѣмъ отсутствуютъ. Послѣ долгихъ переговоровъ одинъ якутъ рѣшился взять на себя роль кучера и, дѣйствительно, послѣ продолжительныхъ поисковъ добылъ очень простую телѣгу, упряжь и пару необѣзженныхъ степныхъ лошадей. Наконецъ мы отправились въ путь. Лошади стремительно вынесли насъ изъ деревни на равнину, гдѣ глубоко врѣзавшіяся колеи указывали путь. Сдерживать лошадей — нечего было и думать: у ямщика было довольно хлопотъ и съ тѣмъ, чтобы заставить свою дикую пару держаться должной дороги; а тѣмъ временемъ я принужденъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не вывалиться изъ маленькой, неуклюжей посуды, которая здѣсь называется телѣгой. Такъ мы ѣхали преимущественно по равнинамъ, кое-гдѣ лѣсомъ,

до ближайшей станціи. Отсюда, запасшись свѣжими, но нисколько не лучшими, лошадьми и перемѣнивъ телѣгу, мы такимъ-же образомъ отправились далѣе. Второй перегонъ пролегалъ по холмистой мѣстности, поросшей смѣшаннымъ лѣсомъ и очень роскошною растительностью; — ландшафтъ столь-же живописный, сколько и неожиданный въ этомъ сѣверномъ краѣ. Третій перегонъ, послѣдній до Якутска, идетъ, напротивъ, однообразною степью. Вѣшность деревень представляетъ здѣсь особенно странный характеръ, благодаря нѣсколькимъ русскимъ избамъ, раскинутымъ среди якутскихъ юртъ, косыя стѣны которыхъ такъ контрастируютъ съ плоскими крышами, усыпанными землей и навозомъ. Около избъ и юртъ рѣдко попадаются огороды, а еще рѣже небольшія поля.

Оригинальны якутскія могилы. Онѣ всегда расположены уединенно, вдали отъ жилья, по возможности на высотахъ. Въ сто намогильнаго кургана, могила отмѣчается ящичкомъ, сколоченнымъ изъ короткихъ бревенъ. Не смотря на то, что всѣ якуты крещены, крестъ на могилѣ составляетъ рѣдкость.

Якутскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Лены, среди безгранпчной степи; поэтому еще на очень большомъ разстояніи отъ города я могъ увидѣть его башни. Никогда ни одинъ городъ не производилъ на меня такого мрачнаго впечатлѣнія, какъ этотъ главный центръ сѣверно-сибирской торговли пушнымъ товаромъ. Обширная безлѣсная равнина, юрты, представляющіяся почти подземными жилищами, странныя одежды и непривычные нравы — все напоминаетъ о далеко выдвинутомъ на сѣверъ положеніи города. На мѣстности лежитъ отпечатокъ уединенности, замкнутости, пустынности и негостепрѣимства. Немного не доѣзжая Якутска, я встрѣтилъ толпу якутовъ, которые на своихъ оригинальныхъ телѣгахъ возвращались изъ города къ своимъ юртамъ. Эти неуклюжія, длинныя и узкія телѣги поставлены на очень низкія колеса, скорѣе даже на маленькіе, короткіе деревянные вальки. Каждая телѣга запряжена парой воловъ, на одномъ изъ которыхъ сидитъ верхомъ погонщикъ. Въѣзжая черезъ нѣкоторое подобіе

деревянныхъ воротъ на немощенныя улицы Якутска, я встрѣтилъ обозъ изъ десятка съ лишнимъ такихъ телѣгъ, медленно подвигавшихся при громкихъ понуканіяхъ возницъ.

Я прибылъ въ Якутскъ 6 іюля, около 10 часовъ вечера. Солнце только что скрылось за горизонтомъ и началась свѣтлая сѣверная лѣтняя ночь; но все въ домахъ и на улицахъ было уже мертво и тихо. Гостинницъ здѣсь нѣтъ, а потому, по сибирскому обычаю, я черезъ полицію сейчасъ-же получилъ частную квартиру у здѣшняго купца Андрея Алексѣева Сахарова, человѣка пожилаго и очень любезнаго. Съ большимъ прискорбіемъ узналъ я, что шансы немедленнаго продолженія путешествія весьма невелики, такъ какъ немногія почтовые лошади на большомъ протяженіи пути заняты курьеромъ. Но за то Сахаровъ дѣлалъ по отношенію ко мнѣ все отъ него зависѣвшее: угостилъ меня съ чисто сибирскимъ гостепріимствомъ и помѣстилъ очень хорошо въ просторной комнатѣ. На слѣдующій день всѣ мои усилія добыть лошадей въ Аянъ остались безуспѣшнымъ; дѣло даже все болѣе запутывалось.

Почтовая дорога къ Охотскому морю шла на Охотскъ, откуда, по новымъ планамъ правительства, отмѣнялось отправленіе судовъ въ Камчатку. Аянъ, слѣдовательно, оставался единственнымъ портомъ Сибири, изъ котораго поддерживалось сообщеніе съ Петропавловскомъ, а на пути отъ Якутска къ этому единственному пункту сообщенія съ Камчаткой не было казенныхъ почтовыхъ станцій!

Всѣ хлопоты у властей были бесплодны: здѣсь мнѣ только рекомендовали безцѣльное путешествіе въ Охотскъ. Я началъ поэтому частнымъ образомъ розыскивать лошадей. Дорога отъ Якутска къ Аяну или, правильнѣе, сообщеніе между этими пунктами — въ дѣйствительности дорогъ здѣсь никакихъ не было — поддерживалось на частныя средства, именно Россійско-Американской Компаніи. Для перевозки корреспонденціи эта Компанія содержала въ разныхъ мѣстахъ лѣтомъ 5 лошадей; зимою же почта перевозилась на собакахъ и оленяхъ. Эта почта отправлялась только разъ въ мѣсяць; въ остальное же время якутскій

комисіонеръ Компаніи, при возможности, любезно предоставлялъ перевозочныя средства Компаніи проѣзжавшимъ въ Аянъ. Такъ, вчера онъ далъ лошадей курьеру и обѣщалъ также дать ихъ мнѣ черезъ двѣ недѣли.

Все, чего я могъ добиться въ этотъ очень тревожный для меня день, заключалось въ немногомъ: во первыхъ, въ мое распоряженіе немедленно предоставленъ былъ казакъ, прикомандированный для сопровожденія меня въ Аянъ, и, во вторыхъ, я заказалъ сумки и вьючныя сѣдла, нужныя для дальнѣйшаго путешествія. Дѣло въ томъ, что для защиты вещей отъ сырости и для правильнаго распредѣленія груза на вьючныхъ лошадяхъ (а въ Аянъ отправляются только верхомъ, багажъ же идетъ вьюкомъ) весь багажъ складывается въ особо для того сдѣланные кожаные мѣшки и узкіе ящики, также обтянутые кожей.

Мой новый попутчикъ, казакъ Матвѣй Рѣшетниковъ, былъ самый подходящій человекъ для такихъ заказовъ и сборовъ, и впоследствии мнѣ часто еще приходилось удивляться его практичности, развившейся у него, благодаря многолѣтнимъ странствіямъ по негостепріимнымъ странамъ Восточной Сибири.

Вынужденный остаться въ Якутскѣ, я не хотѣлъ упустить случая осмотрѣть Шергинскую шахту, пріобрѣвшую такую извѣстность, благодаря геотермическимъ наблюденіямъ А. О. Миддендорфа. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, въ какомъ видѣ содержится для дальнѣйшихъ наблюденій это научное сокровище. Я направился къ дому Россійско-Американской Компаніи, гдѣ въ дворомъ помѣщеніи черезъ мерзлую почву долины Лены опущена, до значительной глубины 384 футовъ, эта замѣчательная шахта. Наблюденія Миддендорфа показали, что законъ Рейха, по которому температура почвы на каждые 100' глубины повышается приблизительно на 1° R., вполне приложимъ и къ мерзлой почвѣ. Въ то время, какъ на 7' глубины температура почвы равнялась $-8,94^{\circ}$, на глубинѣ 382' средняя годовая температура составляла уже только $-2,40^{\circ}$.

Къ моему большому огорченію оказалось, что инструкція для

охраненія шахты не соблюдалась. Шахта часто оставалась неприкрытою, какъ это оказалось и при моемъ посѣщеніи, и нерѣдко въ нее опускались любопытные. Не располагая къ сожалѣнію временемъ для производства порученныхъ мнѣ дальнѣйшихъ геотермическихъ наблюденій, я только распорядился хорошенько прикрыть шахту и внушилъ обитателямъ дома, чтобы они не снимали крышки. Вѣчно мерзлая почва Якутска, лѣтомъ оттаивающая лишь на нѣсколько футовъ, не допускаетъ рытья колодезь, поэтому жители принуждены или пить рѣчную воду, слишкомъ часто грязную, или добывать нужный имъ ежедневный запасъ воды растаиваніемъ льда. Этотъ весьма чувствительный недостатокъ побудилъ купца Шергина, несмотря на всѣ затрудненія, приняться все таки за устройство колодца. Работа начата была въ 1828 году и оставлена въ 1837 на глубинѣ 384', потому что при этой глубинѣ все еще не вышли изъ предѣловъ мерзлой земли. Колодца не удалось устроить, за то дорого стоявшая работа доставила, благодаря вышеупомянутымъ наблюденіямъ, результаты болѣе важныя, чѣмъ тѣ, которые входили въ расчеты Шергина.

Второй день пребыванія моего въ Якутскѣ пришелся на воскресенье, такъ что во всѣхъ дѣлахъ наступило затишь. Жители торопятся въ церковь, отправляются другъ къ другу въ гости, или-же расхаживаютъ по улицамъ, шеголяя своими нарядами. Болѣе богатые катаются на показъ въ петербургскихъ дрожкахъ съ хорошей запряжкой и часто заѣзжаютъ къ пріятелямъ, у которыхъ непременно заготовленъ завтракъ съ водкой. Якуты и русскіе уроженцы Сибири, первые — въ своей оригинальной національной одеждѣ, послѣдніе — въ старомодномъ, давно уже забытомъ европейскомъ платьѣ, проходятъ по улицамъ пестрой вереницей. Къ этому присоединяются запряженные волами телѣги и чуждые звуки якутскаго языка, здѣсь вполне господствующаго; все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе скорѣе большаго маскарада, чѣмъ разряженной воскресной толпы.

Но не во всякое время года наблюдается въ Якутскѣ эта

пестрая жизнь. Июль — мѣсяць ярмарки, привлекающей торговцевъ пушнымъ товаромъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ сѣвера. Иркутскіе купцы, какъ уже упомянуто, привозятъ внизъ по Ленѣ массу своихъ товаровъ, чтобы оптомъ закупать накопленные за годъ мѣха. Точно также прибываютъ сюда мѣха пзъ Удскаго, Охотска, Ижигинска, Камчатки, Нижне-Колымска, вмѣстѣ со всѣмъ выторгованнымъ у чукчей; и здѣсь всѣ эти мѣха вымѣниваются на другіе товары. Купцы, торгующіе въ названныхъ мѣстахъ, рассылаютъ зимою своихъ прикащиковъ, которые безстрашно проникаютъ до самыхъ отдаленныхъ участковъ пустыни, развозя товары по кочевникамъ. Такимъ образомъ эти купцы стараются доставить на якутскій рынокъ какъ можно больше самыхъ дорогихъ мѣховъ, чтобы насчетъ большей выручки еще расширить сферу своихъ дѣйствій и добыть средства для еще болѣе смѣлыхъ разѣздовъ и предпріятій. Поэтому въ Якутскѣ во время чрезвычайно важной іюльской ярмарки стекается годовая добыча охотниковъ съ необъятнаго пространства. Сюда доставляютъ свои мѣха берега Охотскаго моря, Камчатка, Чукотская земля, а черезъ ея посредство отчасти и сѣверозападъ Америкки, далѣе — бассейны Лены до Амурскаго края, Яны, Индигирки и Колымы. Сперва этотъ драгоценный товаръ вымѣнивается мелкими, но удалыми торговцами въ отдаленнѣйшихъ областяхъ, затѣмъ переходитъ все къ болѣе и болѣе крупнымъ скупщикамъ, пока, наконецъ, сконцентрированный въ рукахъ иркутскихъ купцовъ, не пойдетъ большими массами въ Иркутскъ, а оттуда — въ Кяхту или Нижній.

Простой, крѣпкій листовоі табакъ, желѣзо, хлопчато-бумажный товаръ и бусы — вотъ, повидимому, главные предметы, на которые русскіе купцы Восточной Сибири вымѣниваютъ соболей, лисицъ, медвѣдей, бѣлокъ, а черезъ посредство чукчей — еще и американскаго бобра и куницу. Водка и порохъ цѣнятся кочевниками не менѣе табака, но получаютъ гораздо труднѣе, или даже запрещены правительствомъ, а потому играютъ болѣе второстепенную роль въ этой торговлѣ. Напротивъ,

табакъ составляетъ безспорно самый главный предметъ обмѣна и пріобрѣтается въ весьма большомъ количествѣ кочевниками, особенно чукчами. Но высокую цѣну имѣетъ только крѣпкій русскій листовоі табакъ, между тѣмъ какъ американскіе сорта, нерѣдко продаваемые китобоями въ приморскихъ мѣстахъ, берутся только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ другого. Самыя крупныя сдѣлки на якутской ярмаркѣ совершаются въ частныхъ домахъ, а потому трудно доступны для посторонняго наблюдателя, не имѣющаго знакомыхъ купцовъ. Я могъ нѣсколько познакомиться съ этою торговлей, благодаря моему попутчику Четкову, который, принадлежа еще и не къ самымъ крупнымъ кушамъ, однако въ одну недѣлю накопилъ на 100.000 руб. пушнаго товара, между прочимъ великолѣпныхъ соболей и черибурыхъ лисичъ.

Болѣе оживленія вносить въ городъ мелкая торговля, концентрирующаяся только въ гостинномъ дворѣ и на базарѣ. Гостинный дворъ — учрежденіе, рѣдко отсутствующее въ русскихъ городахъ, — представляетъ здѣсь большое четырехугольное каменное зданіе, состоящее исключительно изъ лавокъ, расположенныхъ вокругъ внутренняго двора. Здѣсь жители Якутска и отдаленнѣйшихъ мѣстъ сѣверовосточной Сибири запасаются колониальнымъ и краснымъ товарами, а равно и разной мелочью, необходимой въ домашнемъ быту. Базаръ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ досчатыхъ лавчонокъ, тянущихся по берегу Лены, и представляетъ въ сущности воскресный рынокъ, на которомъ пріѣзжающіе изъ деревень якуты торгуютъ разной провизіей и мелочью.

Въ городѣ нѣсколько очень хорошихъ каменныхъ церквей; всѣ остальные постройки, за исключеніемъ одного частнаго дома, — деревянные. Улицы широки, довольно правильны, не мощены и во многихъ частяхъ города состоятъ лишь изъ очень небольшого числа домовъ. За то длинныя, очень прочныя заборы, ограничивающіе земельные участки отдѣльныхъ владѣльцевъ, часто тянутся по всей длинѣ улицы, защищая добро обывателей отъ покушеній вороватыхъ якутъ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь

и якутскія юрты. Дома большею частью не крашены, даже безъ всякой обшивки, съ потемнѣвшими подъ вліяніемъ атмосферы бревенчатыми стѣнами. Къ тому-же они лишены всякаго стіля и большею частью имѣютъ очень маленькія окна, которыя, для защиты отъ холода, закрываются неуклюжими, тяжелыми, обшитыми кожей, ставнями. Наконецъ, въ садахъ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ; самое большое, что въ нихъ встрѣчаются грядки для овощей. Благодаря всему этому, Якутскъ производитъ впечатлѣнія негостепріимства, пустынности и холода. Во время моего пребыванія въ Якутскѣ тамъ было нѣсколько казенныхъ зданій, клубъ и школа, отличавшіеся весьма выгодно отъ остальныхъ домовъ, и помѣщалось окружное правленіе. Но и тогда уже много говорилось о проектѣ, дѣйствительно скоро осуществившемся,—именно, о переименованіи Якутскаго округа въ самостоятельную губернію, а самого Якутска — въ губернскій городъ, слѣдовательно, въ резиденцію губернатора.

Интереснымъ историческимъ памятникомъ представляются развалины старинной крѣпости, сооруженной въ 1665 году казаками-завоевателями Сибири для защиты отъ нападений якутовъ. Крѣпость эта вся деревянная, но построена изъ такихъ превосходныхъ бревенъ, что и теперь, 200 лѣтъ спустя, сохранилось пять высокыхъ башенъ, а между башнями—мѣстами еще стѣны съ амбразурами, окружающія обширную четырехугольную площадь. Надъ привѣтливой равниной передъ городомъ, гдѣ пасутся теперь городскія стада, высится полусгнившій, почернѣвшій отъ непогодъ остовъ старой крѣпости, безъ оконъ и дверей, зтотъ свидѣтель кровавой борьбы, зтотъ тиранъ всего востока Сибири—гордая резиденція тѣхъ воеводъ, которые своими смѣлыми походами покоряли самыя дальнія племена и затѣмъ желѣзною рукой удерживали завоеванныя земли.

Населеніе Якутска, кромѣ немногихъ чиновниковъ изъ Европейской Россіи, состоитъ почти исключительно изъ русскихъ уроженцевъ Сибири и якутовъ, да еще изъ очень немногихъ метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ

съ якутами. Къ метисамъ принадлежитъ часть мѣщанъ, главнымъ же образомъ казаки стоящаго здѣсь якутскаго полка. Большая часть казачьяго войска стоитъ въ самомъ Якутскѣ, и только что сказанное относится лишь къ этой именно части; многочисленныя же мелкія партіи, распределенныя въ Удскомъ, Аянѣ, Охотскѣ, Ижигинскѣ, Колымскѣ и другихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, породнились съ окружающими ихъ племенами. Единственный родъ собственно военной службы, отправляемый здѣсь этими казаками, заключается въ содержаніи карауловъ у казенныхъ магазиновъ. Незамѣнимыми по своей расторопности и опытности являются казаки въ качествѣ провожатыхъ для путешественниковъ и для товарныхъ транспортовъ.

Русскіе уроженцы Сибири, если только они не чпювники, почти всѣ купцы. Они строго придерживаются русской старинны и до послѣднихъ мелочей — обрядовъ своей религіи, этого священнѣйшаго завѣта ихъ предковъ, выходцевъ изъ Европейской Россіи. Самый поразительный контрастъ съ этой приверженностью къ древненаціональной старинѣ составляетъ французско-европейскій покрой одежды, совершенно вытѣснившій старорусское платье.

Русская рѣчь по всей Сибири отличается отъ русской рѣчи Европейской Россіи лишь немногими провинциализмами и вообще составляетъ единственный разговорный языкъ сибирскаго купечества, которому однако не безызвѣстны также языки инородцевъ; здѣшніе купцы большею частью даже свободно объясняются на этихъ языкахъ. Среди инородцевъ русскій языкъ изъ года въ годъ получаетъ все большее распространеніе; исключеніе изъ этого правила, какъ мы говорили, составляютъ только якуты. Въ Якутскѣ и во всемъ якутскомъ краѣ якутскій языкъ преобладаетъ до такой степени, что нерѣдко въ русскихъ домахъ и чисто русскомъ обществѣ родной языкъ замѣняется якутскимъ. Во многихъ кругахъ здѣшняго общества говорить по якутски составляетъ даже нѣчто въ родѣ требованія хорошаго тона. Странное впечатлѣніе производитъ видъ по европейски одѣтыхъ купцовъ,

говорящихъ между собою по якутски и при этомъ въ каждомъ жестѣ и во всемъ существѣ проявляющихъ старорусскіе нравы.

Якуты — несомнѣнно одно изъ самыхъ интеллигентныхъ и энергичныхъ инородческихъ племенъ Сибири — находятся въ самыхъ многообразныхъ отношеніяхъ къ русскимъ. Изъ среды якутовъ выходятъ самые искусные ремесленники Якутска, самые выносливые его рабочіе и вся разнородная мужская и женская прислуга. Обладая большими стадами рогатаго скота, они не только снабжаютъ городъ мясомъ, масломъ, а равно и кожей, необходимой для упаковки отправляемыхъ отсюда товаровъ, но и отправляютъ еще довольно большое количество этихъ продуктовъ на далекія разстоянія. Владѣя множествомъ хорошихъ лошадей, якуты могутъ брать на себя перевозку купеческихъ и казенныхъ транспортовъ въ самыя отдаленныя мѣста сѣвера и востока и сдѣлали такимъ образомъ стать необходимыми для торговаго сословія.

Народъ этотъ главнымъ образомъ концентрируется на значительномъ протяженіи вокругъ Якутска, но встрѣчается также разбросаннымъ и въ очень отдаленныхъ отсюда мѣстахъ. Отъ Олекминска до устья Лены, затѣмъ по притоку Лены — Вилюю, гдѣ во время завоеванія Сибири русскіе впервые столкнулись съ якутами, далѣе — по низовьямъ системы Алдана, весь край — чисто якутскій. Кромѣ того якуты, со своими стадами скота и табунами лошадей, занимаютъ также системы Яны и Индигирки, отчасти вытѣснивъ оттуда юкагирь. Они встрѣчаются даже до Кольмска, хотя и перемѣшаны здѣсь съ юкагирами и тунгузами. Сильно развитая склонность къ странствующей жизни заноситъ ихъ еще далеко за эти дальніе предѣлы: якутовъ, пользующихся особенно славою хорошихъ плотниковъ, нерѣдко нанимаютъ для построекъ въ Охотскъ, Аянъ, Петропавловскъ и даже на Ситху.

Наконецъ, 10-го іюля, когда я уже потерялъ почти всякую надежду попасть въ Аянъ, шансы мои опять улучшились. Мой старый хозяинъ, купецъ Сахаровъ, повидимому дожидался того момента, когда я потеряю всякую надежду достать лоша-

дей, чтобы тѣмъ вѣрнѣе затребовать съ меня большую сумму за нихъ. Сахаровъ, очень хорошо зная, какъ важно для меня было вовремя попасть въ Аянъ, и что я соглашусь для этого на всякія условія, вызвался доставить мнѣ лошадей, но только черезъ нѣсколько дней. Мнѣ нужно было 10 лошадей, изъ которыхъ три предназначались для меня, козака и проводника, пять — для багажа и провизіи и двѣ свободныя — про запасъ. За это я до Аяна, т. е. за разстояніе въ 1200 верстъ, долженъ былъ заплатить 260 р., не принимая на себя однако отвѣтственности за животныхъ. Въ такого рода сдѣлки всегда вводится этотъ послѣдній пунктъ, потому что при здѣшнихъ крайне тяжелыхъ путешествіяхъ падаетъ обыкновенно нѣсколько лошадей. Оставшіяся въ живыхъ лошади должны были вернуться съ казакомъ и проводникомъ. Сахаровъ сдѣлалъ при этомъ недурную аферу, потому что, при знаніи мѣстныхъ условій и при случаѣ, можно, какъ я узналъ впоследствии, безъ труда пріобрѣсти у якутовъ лошадей по 10—15 рублей. Хозяинъ мой, какъ истый спибракъ, былъ безгранично гостепріименъ и счелъ-бы величайшимъ оскорбленіемъ съ моей стороны, если-бы я осмѣлился предложить ему денегъ за квартиру и обильный столъ. Но въ дѣловыхъ сношеніяхъ уже считалось позволительнымъ пользоваться всякой выгодой, даже въ ущербъ собственному гостю, вполне находившемуся въ рукахъ своего хозяина.

Первоначально предполагалось отправиться въ путь 14-го іюля. Моя палатка, а равно и всѣ другія путевыя принадлежности были уже изготовлены и находились въ моемъ распоряженіи. Я былъ вполне готовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ дня отъѣзда.

Тѣмъ временемъ я часто получалъ приглашенія отъ купцовъ, которые изъ гостепріимства считали долгомъ оказывать такое вниманіе пріѣзжему. Меня часто занимали ихъ рассказы о смѣлыхъ торговыхъ поѣздкахъ въ самыя дальнія мѣстности и къ совершенно невѣдомымъ племенамъ, — поѣздки безъ всякихъ дорогъ, прямо черезъ пустыни. Тутъ-же составлялись и обсуждались планы

новыхъ поѣздокъ въ какую-нибудь дальнюю рѣчную долину, или проектировались переходы черезъ какой-нибудь горный кряжъ, въ лежащій за нимъ охотничій районъ. Правда, во всѣхъ разговорахъ проглядывало менѣе человѣчности, чѣмъ практическаго смысла; при этомъ меня постепенно поражали выносливость и безстрашіе, съ которыми они предпринимаютъ свои ежегодныя, необыкновенно утомительныя путешествія.

Какъ разъ во время моего пребыванія въ Якутскѣ туда вернулся изъ дальнихъ странствій—къ берегамъ Ледовитаго океана, къ устьямъ Лены и Яны—одинъ мѣстный купецъ. Путешествіе это доставило обильный матеріалъ для разговоровъ. Помянутый купецъ, запасшись множествомъ вьючныхъ лошадей и въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ, отправился на поиски за мамонтовыми черепами и для сбора большихъ мамонтовыхъ бивней,—промыселъ, весьма распространенный и доставляющій массу ископаемой слоновой кости на рынокъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что среднимъ числомъ въ годъ съ береговъ и преимущественно съ островомъ Ледовитаго океана приходитъ 200 пудовъ мамонтовыхъ зубовъ. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ производится этотъ промыселъ, и ежегодно промышленники возвращаются со сборомъ. Собиратели слоновой кости выбираютъ наилучшіе и наилучше сохранившіеся бивни, отрѣзываютъ непригодныя—пустыя и вывѣтрившіеся—части, распиливаютъ остальное на куски, удобные для перевозки на вьючныхъ лошадяхъ, и такимъ образомъ, начавъ сборъ съ отдаленнѣйшаго пункта, постепенно приближаются къ своему дому.

Если принять во вниманіе, что, какъ выше сказано, промышленники забираютъ лишь пригодныя части зубовъ, единственно имѣющія цѣнность въ торговлѣ; что, слѣдовательно, можетъ быть добрая половина бивней за непригодностью оставляется на мѣстѣ; наконецъ, что промыселъ этотъ производится уже много лѣтъ, то по истинѣ невѣроятнымъ покажется число ископаемыхъ слоновъ, погребенныхъ на сѣверныхъ берегахъ Сибири и на островахъ у этихъ береговъ.

Если считать, что съ каждой пары бивней, соответствующихъ одному животному, получается 4 пуда хорошей, т. е. идущей въ продажу, кости, то ежегодная добыча, равная 200 пудамъ, соответствуетъ 50 животнымъ. Въ десять лѣтъ это составитъ 500, а въ 50—2500 мамонтовъ!

Возвращаясь съ Ледовитаго океана, купецъ по пути приобрѣлъ также и немного пушнаго товара, между прочимъ шкуру красного волка, повидимому *Canis alpinus* Pall., возбуждавшую, какъ большая рѣдкость, особенное вниманіе торговцевъ. Животное было убито на нижней Ленѣ. Точно также всеобщій интересъ возбудила шкура совершенно снѣжнобѣлаго волка изъ той же мѣстности. Къ числу привезенныхъ диковинъ принадлежало еще нѣсколько зубовъ нарвала, найденныхъ на берегахъ Колымы и, какъ мнѣ казалось, ископаемыхъ. Последніе были не безызвѣстны купцамъ, по словамъ которыхъ ихъ иногда находятъ на сѣверѣ, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Колымы. Наконецъ привезены были еще очень хорошо сохранившіеся рога носорога, имѣвшіе около 3' въ длину и также добытые на берегахъ Колымы. Замѣчательно это совмѣстное нахожденіе остатковъ морского животного — нарвала — съ многочисленными остатками носорога и мамонта. Можно было-бы пожалуй подумать, что многочисленныя трупы колосальныхъ наземныхъ животныхъ, снесенныя водами къ сѣверу, отложены были на днѣ моря, населеннаго нарвалами; но такому предположенію противорѣчатъ хорошо сохранившіяся кости, полные скелеты и заключенные во льду цѣлыя трупы.

Дни проходили очень однообразно. Небольшія экскурсіи въ пустынные, мертвенныя окрестности города, лишенныя всякой древесной растительности, представляли мало интереса и еще затруднялись невыносимымъ жаромъ. Термометръ показывалъ днемъ 20°—25° тепла по Реомюру, между тѣмъ какъ ночью воздухъ охлаждался до 6—7°. Тѣмъ временемъ наступилъ день, назначенный для отправленія изъ Якутска, какъ вдругъ Сахаровъ, къ величайшей моей досадѣ, еще разъ отсрочилъ отъѣздъ на нѣсколько дней.

Наконецъ утромъ 16 іюля на дворѣ моего хозяина были собраны десять лошадей, и одинъ старый вкуть, по имени Дмитрій, отрекомендовался мнѣ какъ проводникъ и попутчикъ. Сахаровъ не упустилъ пригласить священника, чтобы религиозными церемоніями оградить лошадей отъ опасностей пути. Лошади были окроплены святой водой, при чемъ одна изъ нихъ сильно лягалась, и на спивѣ каждой дегтемъ нарисованъ былъ крестъ. Затѣмъ священникъ и гости усѣлись за обильно уснащенный спиртными вапитками завтракъ. Хозяинъ же внушилъ Дмитрію, чтобы онъ хорошо смотрѣлъ за лошадьми, съ которыми и отправилъ его впередъ. Противъ Якутска, на правомъ берегу Лены, образующей здѣсь обширный архипелагъ, лежитъ первая станція Россійско-Американской Компаніи Боролоръ, состоящая изъ нѣсколькихъ якутскихъ юртъ. Отъ Боролора начинается сухопутная дорога, а до него идетъ водной путь. Переправить лошадей черезъ Лену въ этомъ ближайшемъ направленіи нельзя было, и имъ пришлось сдѣлать далекій обходъ къ сѣверу, до мѣста, гдѣ рѣка уже и можно безопасно переплыть ее. По этой причинѣ лошади ушли въ тотъ-же день, между тѣмъ какъ я со всѣмъ своимъ багажемъ и казакомъ долженъ былъ послѣдовать за ними лишь на слѣдующій.

Рано утромъ 17-го іюля я отдалъ еще послѣдніи распорженія, сдѣлалъ и принялъ нѣкоторые прощальные визиты и затѣмъ препроводилъ багажъ на большую лодку, уже ждавшую у берега. Мой старый хозяинъ собирался проводить меня до другаго берега и все повидимому уже было готово къ отправленію. Но недоставало еще самаго важнаго для сибиряка—прощальной закуски. По правиламъ гостепрїимства требуется, чтобы гость уѣждалъ отъ хозяина ве иначе, какъ до-сыта поѣвши. Такъ и сегодня поставленъ былъ обильный яствами столъ, за который мнѣ пришлось сѣсть съ приглашенными гостями. Со всѣхъ сторонъ сыпались пожеланія счастливаго пути и добрые совѣты. Наконецъ подано было послѣднее блюдо и хозяинъ далъ знакъ подниматься. Но обѣдъ очень затнулся, такъ что мы могли войти

въ лодку и отчалить лишь около двухъ часовъ пополудни. Переѣздъ длился $2\frac{1}{2}$ часа. Мы должны были переѣхать черезъ множество протоковъ рѣки и объѣзжать нерѣдко весьма большіе острова, заключенные между ними. Гребцамъ приходилось то работать веслами, спускаясь по теченію или пересѣкая протокъ, то опять тянуться вверхъ по рѣкѣ вдоль береговаго кустарника, пока наконецъ мы не закончили утомительнаго переѣзда, достигнувъ Боролора.

Дмитрій съ лошадьми явился лишь нѣсколькими часами позже насъ, почему дальнѣйшее движеніе или собственно начало сухопутнаго путешествія пришлось отложить до слѣдующаго утра. Въ первый разъ была разбита въ этотъ день моя палатка, именно близъ якутской станціонной юрты. Мой казакъ Рѣшетниковъ возился у привѣтливаго огня, приготовляя чай и жаривая стерлядь, между тѣмъ какъ Дмитрій разсѣдлалъ лошадей и отвелъ ихъ на близкое пастбище. Затѣмъ весь багажъ былъ осмотрѣнъ и распределенъ такъ, какъ завтра должны были повезти его лошади: для каждой лошади связанъ былъ вьюкъ, вѣсомъ въ 5 пудъ и такой формы, что могъ удобно и равномерно свѣшиваться съ вьючнаго сѣдла по обѣимъ сторонамъ животнаго, не затрудняя его при ходьбѣ. Только провіантъ и нужныя въ дорогѣ вещи ради удобства были сложены вмѣстѣ. Когда все было готово, когда въ тюкахъ выбрано было мѣсто для палатки, для шкуръ, служившихъ намъ подстилкой при спаньѣ, наконецъ даже для такихъ мелочей, какъ топоръ, котлы и пр., мы, по здѣшнему дорожному обычаю, вмѣстѣ поужинали, закрыли палатку и предались сну, который долженъ былъ подкрѣпить насъ для предстоящаго утомительнаго путешествія.

18-го іюля въ нашемъ лагерѣ движеніе началось уже около 4-хъ часовъ утра. Сѣдлали и вьючили лошадей, складывали палатку, наконецъ привязывали другъ къ другу навьюченныхъ и запасныхъ лошадей, — заднюю къ хвосту передней. Дмитрій, держа въ поводу первую вьючную лошадь, поѣхалъ впереди, а Рѣшетниковъ замыкалъ караванъ.

Я простился съ Сахаровымъ, сѣлъ на лошадь и послѣдовалъ за караваномъ, который при громкихъ крикахъ Дмитрія «готъ, готъ» поднялся на нѣсколько болѣе возвышенный песчаный берегъ и скрылся въ паходившемся тамъ лѣсу. Вскорѣ я нагналъ Дмитрія, остановившагося подь старой лиственницей, и засталъ своего якута вырывающимъ волосы изъ гривы и хвостовъ лошадей и привязывающимъ эти волосы къ вѣтвямъ, уже и безъ того вполне обвѣшаннымъ такими же приношеніями. Дмитрій былъ крещенъ, а потому смутился, неожиданно увидѣвъ меня, но впрочемъ живо оправился и сталъ увѣрять, что и крещенымъ не мѣшаетъ приносить въ пути умилостивительныя жертвы лѣснымъ духамъ; затѣмъ онъ вскочилъ въ сѣдло и молча поѣхалъ впередъ съ выюнныи лошадьми.

Мы вѣхали въ жалкій, чахлый лиственничный лѣсъ, который тянулся по невысокому кряжу. Дорога была узка, но повсюду ясно замѣтна; на ней даже видны были глубокія колеи отъ телѣгъ, на которыхъ обыватели Амгинской Слободы, находящейся въ 200 верстахъ отъ Якутска, проѣзжаютъ до этого города. Вскорѣ лѣсъ остался позади насъ и дорога пошла черезъ болѣе или мѣнѣе обширныя, очень неглубокія котловины, раздѣленныя и окруженныя лѣсистыми высотами. Въ каждой котловинѣ находилось по одному или по два небольшихъ озера, по среднѣ которыхъ нерѣдко поднимались холмы, образуя собою островки. Этотъ оригинальный орографическій характеръ мѣстности, какъ сообщали мои проводники, наблюдается также далеко къ сѣверу по Колымской дорогѣ. Выходовъ коренной породы я нигдѣ не видалъ; напротивъ, вся страна отъ береговъ Лены до Амгинска сплошь покрыта наносами, а именно высоты состоятъ изъ песку, а низины заняты болотистымъ грунтомъ. Котловины въ большомъ числѣ слѣдовали другъ за другомъ и нерѣдко соединялись въ болѣе или менѣе длинныя мультобразныя долины. Это стало вѣще чаще по мѣрѣ приближенія къ слободѣ, и наконецъ на второй половинѣ пути дорога къ Амгинску пошла далеко протянутыми долинами.

Всѣ эти котловины и долины покрыты богатѣйшими лугами, которыми пользуются якуты. Всюду видны были мужчины и женщины, косившіе чудную, высокую траву, переворачивавшіе уже скошенную или убиравшіе ее въ высокіе стоги. Заготовленіе сѣна—самая важная работа въ году для этого пастушескаго племени, потому что все хозяйство зависитъ здѣсь отъ урожая сѣна и возможности прокормить стада зимой. Скотоводство и коневодство, а зимою—и охота, кормятъ все населеніе. Признаковъ садоводства и земледѣлія я нигдѣ на пути не видалъ, если не считать нѣсколькихъ крошечныхъ огородовъ близъ Амгинска. Мука и крупа охотно потребляются, но считаются болѣе предметомъ роскоши. Пища якутовъ главнымъ образомъ чисто животная: говядина, конина, молоко, масло; къ этому присоединяются ягоды, да кое-какіе съѣдобные корни и стебли. Средства для пріобрѣтенія муки, табака, желѣзнаго и краснаго товаровъ, наконецъ пороха и водки доставляются охотой, извозомъ и продажей масла. Вотъ почему роскошные луга описываемой мѣстности привлекли такое множество якутовъ, что едва-ли хоть одна большая долина остается здѣсь незаселенной.

Пять изъ этихъ якутскихъ поселеній, между Якутскомъ и Амгинскомъ, именно: Боролоръ на Ленѣ, Бигири, Урхалахъ, Конхойху и Крестахъ, служили станціями Россійско-Американской Компаніи, для каковой цѣли здѣсь содержалось нѣсколько почтовыхъ лошадей.

Большинство видѣнныхъ мною на пути юртъ обнаруживало благосостояніе своихъ хозяевъ. Недалеко отъ Урхалаха, въ якутскомъ поселеніи Архахъ, я видѣлъ даже небольшую деревянную православную церковь, выстроенную богатымъ якутомъ на собственныя средства. Его старуха-вдова, Дарья, встрѣтила меня особенно гостепрѣмно, снабдила провизіей и на прощаніе подарила свою табачную трубку и снарядъ для отмахиванія комаровъ—конскій хвостъ съ металлической рукояткой, —двѣ вещи, рѣдко отсутствующія у якутовъ, мужчинъ и женщинъ.

Какъ въ Арлахѣ, такъ и далѣе въ пути я, чтобы легче доста-

вать провизию, всегда старался, гдѣ было возможно, располагаться на почлегѣ поближе къ юртамъ. Молоко, масло, мясо можно было покупать всюду, и это составляло важное подспорье для нашихъ путевыхъ запасовъ, которые нужно было беречь для дальнѣйшаго безлюднаго участка дороги. Особенно благотѣльнымъ для насъ напиткомъ было кислое молоко, такъ какъ вода здѣсь, исключительно прудовая или озерная, имѣетъ такой противный вкусъ, что даже лошади не хотѣли ея пить.

Днемъ стояла сильная жара, часто до 20° R. и болѣе, что привлекало пѣлыя тучи комаровъ, невыносимо мучившихъ людей и животныхъ. Послѣ такихъ дней прохладные, верѣдко даже холодные вечера и ночи доставляли намъ истинное наслажденіе. Особенно наслаждались отдыхомъ бѣдныя лошади, которыя, освободившись отъ комаровъ, выюковъ и всадниковъ, паслись на роскошныхъ, обильно смоченныхъ росой пастбищахъ, набираясь силъ для трудовъ и мученій ближайшаго дня.

Рано утромъ 22-го іюля мы пріѣхали въ Амгинскъ. Нѣсколько русскихъ домовъ и якутскихъ юртъ составляютъ этотъ небольшой поселокъ, занятый совершенно опустившимся смѣшаннымъ русско-якутскимъ населеніемъ. Это — восточная граница Якутскаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее болѣе крупное поселеніе до Аяна. Отсюда начинается простирающаяся на 1000 верстѣ безлюдная пустыня, гдѣ только на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга встрѣчаются совершенно одинокіе дома или юрты — станціи Россійско-Американской Компаніи. Затѣмъ вся эта обширная лѣсная область лишена населенія, если не считать кочующихъ тунгусовъ, проходящихъ здѣсь кое-гдѣ со своими оленями. Когда названная Компанія перенесла свою факторию изъ Охотска въ Аянъ, представляющій болѣе удобную гавань, и такимъ образомъ, можно сказать, заново создала этотъ портъ, то предполагалось также проложить между Аяномъ и Якутскомъ проѣзжую дорогу и превратить станціонныя юрты въ очень людныя поселенія. Къ сожалѣнію эта мысль никогда не была приведена въ исполненіе; только рѣдкія просѣки и по-

мости изъ жердей свидѣтельствуютъ о существовавшихъ когда-то проектахъ такого рода.

Отъ Амгинска мой якутъ Дмитрій не зналъ пути черезъ пустыню, гдѣ большею частью совсѣмъ нѣтъ дорогъ; поэтому для дальнѣйшаго путешествія потребовалось нанять проводника, и мнѣ скоро удалось найти весьма подходящаго для такой роли человѣка въ лицѣ одного стараго тунгуса. Но такъ какъ тунгусу надо было сдѣлать еще кое-какія приготовленія для дальняго путешествія, то онъ предполагалъ догнать насъ въ 16-ти верстахъ отъ Амгинска на Амгѣ, притокѣ Алдана. Заблаговременно, около полудня, мы верхомъ перенаправились черезъ неглубокую Амгу и расположились на берегу, гдѣ намъ пришлось остаться ночевать, потому что проводникъ прибылъ лишь вечеромъ. Долина Амги представляетъ очень привлекательный ландшафтъ: луга, покрытые высокими цвѣтущими травами и перемежающіеся съ очень живописно расположенными лиственничными деревьями и группами кустовъ, а на самихъ берегахъ мѣстами выступаетъ голый камень — мелкозернистый конгломератъ, со включенными крупными кусками кварца и сѣрнаго колчедана.

Теперь нашъ караванъ состоялъ изъ 4 человѣкъ и 10 лошадей, которыя еще были въ полной силѣ и потому часто прищипывали намъ много хлопотъ своею неукротимостью и дикостью, особенно по утрамъ, когда ихъ собирали и сѣдлали. Такъ и сегодня (23 іюля) мы опять потеряли много времени при выступленіи, и потому въ теченіе дня проѣхали не болѣе 35 верстъ, достигнувъ вечеромъ станціонной юрты Учугай-Муранъ. Дорога шла большею частью совершенно ровной, широкой долиной, гдѣ цѣлый день намъ пришлось идти по болотамъ и трясинамъ, по кустамъ и высокой травѣ, нерѣдко встрѣчая препятствія со стороны корней и камней. Все время выючнымъ лошадямъ угрожала опасность провалиться въ глубокой иль. Неоднократно мы пересѣкали небольшие ручьи или обходили скопленія воды.

То же повторялось и въ слѣдующіе дни, только бездорожье все увеличивалось. Мы проѣзжали большею частью очень шпро-

кой, совершенно ровной долиной, ограниченной небольшими лѣсистыми высотами. Нерѣдко дорога на значительномъ протяженіи шла лѣсной чащей, затѣмъ пересѣкала ручьи, которые выходили изъ боковыхъ долинъ, представлявшихъ большею частью слѣды страшнѣйшаго размыва отъ дождей и весеннихъ водъ. Мягкая, глинистая почва была снесена внизъ на подобіе потоковъ лавы или нерѣдко въ видѣ большихъ комьевъ, увлекая съ собою цѣлые вывороченные съ корнями деревья, которыя теперь беспорядочно разбросаны были по долинѣ. Такъ подвигался нашъ маленькій караванъ по самой дикой глуши, то карабкаясь по свалившимся деревьямъ и корнямъ, то топоромъ прокладывая дорогу черезъ частый лѣсъ и кустарникъ, то переходя вбродъ ручьи, но почти всюду по зыбкому грунту. То падаетъ верховая лошадь, то проваливается въ болото выючая, увлекая за собою нѣсколько другихъ. Приходилось быстро развьючивать лошадей, чтобы помочь имъ выбиться, такъ какъ глубокій вязкій грунтъ не давалъ имъ опоры. Пока высвобождали лошадей, глубоко увязали въ илѣ снятые съ нихъ ящики, которые опять съ большимъ трудомъ приходилось вытаскивать и переносить на сухое мѣсто. Чуть трогались—опять повтореніе той-же сцены. И люди, и животныя къ вечеру выбивались изъ силъ, а слѣдующій день приносилъ тѣ-же мученія. Съ большимъ трудомъ можно было выискывать подходящее мѣстечко для палатки. Весною, въ половодье, эта долина должна походить вѣроятно на большую рѣку; во время же нашего похода, при спадѣ водъ въ боковыхъ ручьяхъ, она представлялась лишь топкимъ, зыбкимъ болотомъ со множествомъ небольшихъ лужъ.

Лошади едва-ли выдержали-бы это утомительное путешествіе, если-бы оно не совпало со временемъ самаго роскошнаго роста луговыхъ травъ, такъ что постоянно хорошій и обильный кормъ возвращалъ силы нашимъ животнымъ.

Лѣсъ на пути нашемъ состоялъ главнымъ образомъ изъ лиственницъ и березы съ примѣсью сосны, ивы, ольхи и рябины. При такой растительности тѣмъ рѣзче бросается въ глаза бѣд-

ность животной жизни. Кромѣ безчисленнаго множества комаровъ, весь день мучившихъ людей и животныхъ и въ большую жару еще усиливавшихъ тягости путешествія, мы встрѣтили еще только нѣсколько медвѣжьихъ слѣдовъ, побудившихъ насъ къ большей бдительности, особенно по ночамъ. Для защиты пасшихся вблизи лошадей мы всегда раскладывали большіе сторожевые огни, причѣмъ нерѣдко зажигали цѣлыя деревья. Отъ времени до времени мы также стрѣляли, чтобы распугать лѣсныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ, до крайности утомленные, мы достигли наконецъ вечеромъ 26-го іюля станціи Монтумулъ, хозяинъ которой, тунгускій староста, очень радушно принялъ и угостилъ насъ. Вліятельныя лица изъ среды кочевниковъ нерѣдко получаютъ въ даръ отъ правительства почетный, расшитый золотымъ галуномъ кафтанъ со шпагой; какое отличіе весьма поощряетъ ихъ къ содѣйствію администраціи. Почтенные такимъ даромъ инородцы принимаютъ также крещеніе и получаютъ русское имя. Нашъ хозяинъ назывался теперь Алексѣемъ Поповымъ и немало гордился своимъ русскимъ именемъ и высокимъ постомъ, считая себя въ своемъ мундирѣ чиновникомъ. Онъ не преминулъ также представиться мнѣ въ своемъ блестящемъ офиціальномъ облаченіи и обѣщалъ свое содѣйствіе для дальнѣйшаго нашего слѣдованія. Поповъ при своей юртѣ производилъ небольшіе опыты земледѣлія и съ торжествомъ показалъ мнѣ нѣсколько грядокъ съ рожью, ячменемъ и картофелемъ; вечеромъ онъ также поднесъ мнѣ нѣсколько картофелинъ. Рапо утромъ 27-го іюля Поповъ проводилъ меня за 15 верстъ до поселенія, находящагося при впаденіи Маи въ Алданъ, чтобы, собравъ тамъ своихъ земляковъ, пособить мнѣ въ переправѣ черезъ Алданъ, а въ случаѣ возможности помочь еще подняться нѣсколько вверхъ по Маѣ.

Дорога къ широкому и красивому Алдану вела сегодня по твердому грунту и восхитительной мѣстности, именно берегомъ Хатергана — небольшой рѣчки, впадающей въ Алданъ. Алданъ

течь въ не очень высокихъ песчаныхъ берегахъ, большею частью поросшихъ частымъ листовинымъ лѣсомъ, и имѣеть здѣсь около $\frac{3}{4}$ версты ширины. Съ нѣкоторымъ усиленъ только привыкаешь къ мысли, что эта большая рѣка составляетъ лишь притокъ другой, еще болѣе многоводной, колоссальной рѣки. Высокимъ берегомъ Алдана и все въ виду этой прекрасной рѣки мы проѣхали еще нѣсколько верстъ до того мѣста, гдѣ на противоположномъ берегу явственно выдѣлялось широкое устье Маи, впадающей въ Алданъ съ востока, и остановились у поселенія Усть-Маи.

Здѣсь на высотѣ крутаго песчанаго берега живописнаго, широкаго Алдана мы увидѣли прочно и хорошо выстроенный русскій домъ. Передъ нами распахнулись широкія ворота и наши лошади вошли на просторный дворъ. Противъ воротъ виднѣлись хлѣва, въ которыхъ находились коровы, лошади, овцы, свиньи и даже куры. Просторное жилое помѣщеніе ограничивало дворъ съ боку у воротъ. За дворомъ и жилымъ домомъ тянулся большой, окруженный крѣпкимъ досчатымъ заборомъ огородъ съ массой разныхъ овощей, какъ картофель, капуста, горохъ, рѣпа, рѣдька, горчица, свекла, огурцы; при домѣ былъ и маленькій цвѣточный садъ. Наконецъ за огородомъ и съ боку весь поселокъ окруженъ былъ довольно большимъ хорошимъ полемъ съ рожью, ячменемъ и овсомъ, а также небольшимъ количествомъ льна и конопли. Все это послѣ только что пройденной ужасной пустыни казалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ и составляло плодъ упornaго семилѣтняго труда трехъ сосланныхъ сюда хорошихъ, благочестивыхъ людей, которые вели здѣсь теперь самую мирную и счастливую трудовую жизнь. Одинъ мужчина и двѣ женщины, чуждые другъ другу и не связанные родствомъ, но принадлежащія къ одной и той-же строго запрещенной сектѣ, стали жертвой своихъ религиозныхъ убѣжденій и были сосланы въ описываемое мѣсто. Мужчина, по имени Сорокинъ, человекъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, былъ прежде матросомъ и родомъ изъ Тобольска; молодая женщина, около 30 лѣтъ, родилась въ Иркутскѣ, а другая, теперь по-

чти 90-лѣтняя старуха,—въ Смоленскѣ. Семь лѣтъ тому назадъ привезли ихъ въ пустыню, построили имъ избушку, снабдили нужною утварью и нѣсколькими домашними животными и затѣмъ предоставили собственной судьбѣ; въ это короткое время небольшимъ силамъ поселенцевъ удалось завести такое благоустроенное хозяйство.

Невдалекѣ отъ этой интересной колоніи виднѣлись развалины другаго большаго зданія, гдѣ много лѣтъ тому назадъ также поселено было довольно большое число преступниковъ, препровожденныхъ сюда для постройки дороги. Благодаря плохому содержанию, всѣ эти несчастные унесены были скорбутомъ и постройка дороги остановилась; — вотъ судьба казеннаго предпріятія! Кромѣ трехъ вышепоименованныхъ лицъ, здѣсь жилъ еще казакъ, представитель интересовъ Россійско-Американской Компаніи.

Пока хозяева насъ радушно встрѣчали и угощали, тунгусъ Поповъ распорядился на счетъ дальнѣйшаго нашего путешествія. Предполагалось обоимъ моимъ слугамъ, Дмитрію и тунгусу-проводнику, со всѣми лошадьми и багажемъ переправиться черезъ Алданъ на живо сколоченномъ плоту, а затѣмъ однимъ поѣхать обыкновенной сухопутной дорогой до станціи Гандеканъ, находившейся на Маѣ, примѣрно въ 200 верстахъ отсюда; я же съ казакомъ Рѣшетниковымъ и съ легкимъ багажемъ долженъ былъ вагнать Дмитрія у той-же станціи, до которой мы добрались бы въ двухъ небольшихъ лодкахъ вверхъ по рѣкѣ. Я охотно согласился на этотъ плавъ, какъ болѣе выгодный и для лошадей, и для меня: лошади, освобожденные отъ двухъ сѣдоковъ и части багажа, при равномерномъ распредѣленіи остальнаго груза, поплыли-бы меньше тяжестей и слѣдовательно легче прошли-бы дорогу; я же избѣгъ-бы утомительной верховой ѣзды и достигъ-бы цѣли, путешествуя съ большимъ комфортомъ въ лодкѣ.

И такъ, мы дѣятельно приступили къ необходимымъ приготовлениямъ. Прежде всего, для переправы тяжелаго багажа черезъ Алданъ, требовалось изготовить плотъ изъ совершенно су-

хаго, слѣдовательно очень пловучаго лѣса, потому что здѣсь не было другихъ лодокъ, кромѣ очень небольшихъ, такъ называемыхъ ветокъ, состоящихъ изъ весьма легкаго, обтянутаго берестой корпуса и не поднимающихъ тяжелаго груза. Когда къ вечеру плоть былъ готовъ и лошади отдохнули, то ихъ на длинныхъ веревкахъ привязали къ веткамъ, шедшимъ на веслахъ впереди, и согнали въ воду; багажъ же лежалъ на плоту. Такъ тронулся въ путь нашъ караванъ. Лошади должны были переплыть широкій и быстрый Алданъ: другаго выбора не было, хотя я очень опасался за жизнь столь необходимыхъ мнѣ животныхъ. Но все шло хорошо, и Дмитрій расположился на ночлегъ на другомъ берегу рѣки среди роскошнаго, жирнаго пастбища, чтобы на слѣдующій день возможно раньше двинуться въ Гандеканъ. Я остался ночевать въ домѣ Сорокина и любовался благоустроеннымъ хозяйствомъ этихъ людей; всюду меня водили, все я долженъ былъ осмотрѣть, всего отвѣдать. Хозяева производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Столь необыкновеннаго успѣха поселенцы достигли благодаря своему трудолюбію, любви къ порядку и честности, которыя проглядывали во всемъ. Здѣсь можно было убѣдиться, что даже самыя отдаленныя отъ населенныхъ центровъ пустыни способны къ культурѣ, если человѣкъ дѣйствуетъ съ благоразумнымъ расчетомъ и съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Сорокинъ снабдилъ меня въ дорогу запасами всевозможной провизіи: картофелемъ, прекрасными крупными огурцами, мясомъ и нѣсколькими стерлядями, которыми изобилуетъ Алданъ. Я же съ своей стороны старался отблагодарить тѣмъ, что оставилъ поселенцамъ кое-какія полезныя въ ихъ быту вещи.

Послѣ хорошаго отдыха рано утромъ 28 іюля мы уже были готовы въ дорогу. Исполненные искренней благодарности къ Сорокину и Попову и напутствуемые всякими добрыми пожеланіями, мы вошли въ наши утлыя берестяныя лодченки, въ которыхъ гребцами были тунгусы, и съ быстротой стрѣлы перенеслись черезъ Алданъ въ широкое устье Май.

Отъ Якутска до устья Май мы проѣзжали по мѣстности, которая самое большое что можетъ назваться волнистой равниной и состоитъ преимущественно изъ алювіальныхъ образованій; начиная же съ области Май и далѣе на востокъ, ландшафтъ пріобрѣтаетъ напротивъ все болѣе и болѣе горный характеръ.

Первоначально Мая протекаетъ еще въ плоскихъ, но покрытыхъ прекраснымъ лѣсомъ берегахъ; вскорѣ однако высоты подходятъ ближе къ рѣкѣ и показываются также голыя каменныя массы. Очень крѣпкій песчанистый, яснослоистый известнякъ образуетъ даже береговыя высоты, доходящія до 100 футовъ. Но въ руслѣ этотъ известнякъ изобильно перемѣшивался съ кварцами, халцедонами и агатами, а кромѣ того еще съ галешникомъ, состоявшимъ изъ обломковъ сланца, порфира и очень пористой трахитовой породы. Растительность здѣсь могуча и красива; нерѣдко встрѣчаются громадныя деревья. Береза, сосна, лиственница, ива — вотъ преобладающія лѣсныя породы. Но лиственница здѣсь замѣтно отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто соснѣ. Часто попадаются также ольха и рябина, а равно и орѣшникъ, котораго я ранѣе не встрѣчалъ въ Сибиря. Наконецъ я долженъ упомянуть о двухъ ягодныхъ кустахъ, здѣсь впервые мною увидѣнныхъ. Одинъ растетъ на низкихъ мѣстахъ, имѣетъ крупныя листья, похожіе на листья смородины, и крупныя темныя сипелиловыя ягоды, расположенныя гроздьями и отличающіяся весьма пріятнымъ, напоминающимъ крыжовникъ и освѣжающимъ вкусомъ; русскіе и якуты называютъ этотъ кустъ охтой. Другой кустъ, *Lonicera coerulea*, съ очень ароматическими, продолговатыми, крупными темносиними ягодами, попарно свѣшивающимися на стебелькахъ, у русскихъ называется жимолостью. Животная жизнь тутъ представлялась очень слабой, а потому упомянуть здѣсь приходится о немногомъ, именно о небольшомъ полосатомъ грызунѣ, похожемъ на бѣлку, но меньшемъ ея (бурундукъ у русскихъ, *Tamias striatus* L.), о желтой трясогузкѣ и о стерляди. Последняя, казалось мнѣ, отличается отъ волжской очень широкой головой. Кромѣ осетровыхъ рыбъ, нерѣдкихъ,

какъ кажется, по всей системѣ Алдана (и Лены), никакихъ другихъ я здѣсь не встрѣчалъ. Меня также очень поразило полное отсутствіе водяныхъ птицъ и земноводныхъ; точно также отсутствовали и насѣкомыя, кромѣ нѣсколькихъ дикихъ пчелъ и неизбѣжныхъ комаровъ. Ландшафтъ въ высшей степени живописенъ и дико романтиченъ. Мая, чисто горная и чрезвычайно быстрая рѣка, вьется въ многочисленныхъ изгибахъ, большею частью среди высокихъ каменистыхъ береговъ. Бури и половодья всюду оставили слѣды жесточайшихъ опустошеній на скалахъ и въ лѣсу, такъ что нерѣдко даже дорогу приходилось прокладывать топоромъ. Вообще наше плаваніе доставляло намъ много труда: приходилось то грести, то тянуть бичевой, то въ мелкихъ мѣстахъ идти на шестахъ или тянуться за береговые кусты. Лишь изрѣдка, въ болѣе открытыхъ частяхъ рѣки, удавалось намъ пользоваться палаткой какъ парусомъ.

Дни стояли невыносимо жаркіе и заключались большею частью сильными грозами и проливными дождями, за которыми слѣдовали очень холодныя ночи. Близкіе лѣсные пожары, ночью грозно и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпно озарявшіе береговыя горы, причиняли намъ мученія массаами дыма, которыя наполняли воздухъ, но за то освобождали насъ отъ другаго мученія — отъ комаровъ. 31-го Іюля мы проѣхали мимо устья Юдомы, текущей съ сѣвера, и слѣдовали далѣе по гораздо менѣе многоводной Маѣ, которая здѣсь еще болѣе принимаетъ характеръ небольшого горнаго ручья. Юдома, по которой идетъ дорога въ Охотскъ, во всякомъ случаѣ болѣе крупная изъ обѣихъ этихъ рѣкъ. Дальнѣйшее плаваніе на лодкахъ стало еще труднѣе, и лишь 1-го августа, въ четыре часа по полудни, достигли мы Гандекана.

Нѣсколько юртъ расположено здѣсь на ровномъ лугу у Май, долина которой расширяется тутъ въ видѣ котла и окружена высокими крутыми скалами. Дмитрія съ лошадьми я еще не засталъ; гребцы же желали немедленно возвратиться во свояси. Щедро одаривъ этихъ добрыхъ людей, я отпустилъ ихъ, и обѣ легкія лодки, съ быстротою стрѣлы спускаясь внизъ по теченію, сейчасъ-же исчезли за изгибомъ рѣки. Едва мы успѣли разбить па-

латку, вскипятить воду въ котлѣ и заняться разсматриваніемъ оленей, пригнанныхъ къ станціи какимъ-то кочевникомъ, какъ внезапно изъ ближняго лѣса показался во главѣ каравана Дмитрій, громко погонявшій нашихъ лошадей. Все у него оказалось благополучно, только животныя нуждались въ отдыхѣ, и потому продолженіе путешествія было отложено до слѣдующаго утра.

Вечеромъ къ нашей палаткѣ подошелъ оленный тунгусъ, рассказавшій намъ всякіе ужасы про невѣроятно скверную дорогу въ Аянъ, а также о дерзкихъ нападеніяхъ медвѣдей, задравшихъ и въ это лѣто много лошадей изъ кунеческихъ каравановъ. Все это представляло мало утѣшительнаго и заставило насъ быть еще осторожнѣе на ближайшемъ пустынномъ и безлюдномъ участкѣ пути до станціи Анелкана, который считается приблизительно въ 300 верстѣ.

Утромъ 2-го августа лошади наши, частью вплавь, частью въ бродъ; перешли на правый берегъ Май; мы же съ багажемъ переправились опять на небольшомъ, живо сколоченномъ плоту. Здѣсь нашъ караванъ опять быстро собрался и пошелъ въ гору маленькой, едва примѣтной верховой дорогой. Сперва приходилось перебираться черезъ лѣсистый, не особенно высокій горный краѣ, и, верстахъ въ 30 отъ станціи, мы достигли долины ручья Гандекана, впадающаго въ Маю недалеко отъ станціи Гандеканъ. Дорога была пустынная, ужасная. Лѣсъ на цѣлыя версты былъ опустошенъ пожаромъ и бурями. Обломки скалъ, корни деревьевъ, полубугленные стволы въ дикомъ безпорядкѣ навалены были среди оголенной мертвой мѣстности, такъ что приходилось искать прохода. Мѣстами деревья еще дымлись и выдѣляли паръ. Все было мертво, не было замѣтно никакой жизни. Лишь поздно вечеромъ добрались мы до зеленѣющаго лѣса съ лужайками, на которыхъ могли покормиться наши бѣдные, измученныя лошади.

3-го Августа мы съ ранняго утра слѣдовали въ сѣверовосточномъ направленіи вверхъ по рѣчкѣ Гандекану, при чемъ приходилось бороться со всѣми препятствіями, какія только можетъ

представить каравану всадниковъ самая дикая пустыня. Частый высокій лѣсъ со свалившимися деревьями и вывороченными корнями перемежается съ открытыми мѣстами, вязкій, болотистый грунтъ которыхъ пересѣкается большими каменными барикадами. Нерѣдко виднѣлись павшія лошади или ихъ скелеты и побѣлѣвшія кости, отмѣчающіе этотъ караванный путь къ Великому Океану. Стыдъ и позоръ для Россійско-Американской торговой Компаніи, которая, владѣя громадными богатствами и снабженная столь обширными, почти державными правами, при всемъ томъ находила возможнымъ цѣлые годы равнодушно терпѣть такое безобразіе, безъ всякихъ попытокъ къ серьезному улучшенію дѣла! Ежегодно здѣсь проходили миліонные грузы драгоцѣннѣйшихъ мѣховъ и разныхъ мѣновыхъ товаровъ, а Компанія изъ своихъ громадныхъ прибылей не находила возможнымъ удѣлять хоть сколько-нибудь для уменьшенія невѣроятнѣйшихъ тягостей, которыя приходилось терпѣть людямъ и животнымъ. По истинѣ можно считать счастьемъ для всѣхъ странъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Компаніи, ликвидацію дѣла этого общества! Ни въ Америкѣ, ни въ Азіи, ни на промежуточныхъ островахъ Компанія не только не содѣйствовала развитію страны, а прямо тормозила его.

Въ 2 часа по полудни мы достигли истоковъ Гандекана у подножія довольно высокаго горнаго кряжа, который простирается отъ юга къ сѣверу и, отдѣляя долину рѣки Гандекана отъ долины рѣки Турахтаха, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ водораздѣлъ между этими притоками Май.

Съ обѣихъ сторонъ мѣстность довольно круто поднимается въ видѣ узкаго гребня, обильно поросшаго кедровымъ сланцемъ, кустами ольхи, старыми березамъ, рябиной, явой и сосной. Но высота подъема не особенно велика и поэтому здѣсь не только нигдѣ не видно было слѣдовъ снѣга или льда, но напротивъ, характеръ растительности указывалъ, что снѣгъ здѣсь остается не долге, чѣмъ вообще свойственно этой части Сибири. Съ высоты гребня къ юго-востоку открывается долина Турахтаха, по которой протекаетъ ручей того-же наименованія.

Долина эта сперва образуетъ узкую, глубокую, съ крутыми боками рытвину, по дну которой мчится маловодный ручей. Пятью—шестью верстами ниже долина однако становится шире, и вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе дна ея значительно уменьшается. Надъ гребнемъ живописныхъ лѣсистыхъ боковъ долины мѣстами виднѣются голыя каменные массы, часто поднимающіяся конусами, а то представляющіяся въ видѣ развалинъ. Формація массивной породы, образующей конусообразныя горы, осталась для меня невыясненной. Галешникъ въ ручьѣ состоялъ преимущественно изъ плотнаго, очень крѣпкаго, песчанистаго свѣтлоокрашеннаго известняка, съ примѣсю обломковъ какой-то темной сѣрбурой порфировой породы, содержавшей вкрапленными мелкіе, свѣтлые кристаллы полеваго шпата. Порода эта встрѣчалась намъ въ дальнѣйшемъ пути все въ бѣльшемъ и бѣльшемъ количествѣ по мѣрѣ того, какъ конусообразныя горы, также все учащавшіяся, надвигались все ближе и ближе.

Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ болѣе уменьшался наклонъ почвы. Турахтахъ оставался еще маловоднымъ до того мѣста, гдѣ въ него съ лѣвой стороны впадаетъ очень многоводный источникъ. Смотря отсюда внизъ по долину, я видѣлъ сквозь деревья просвѣчивающую изъ глубины большую, синеватую, сильно блестящую поверхность, и мой тунгусъ-проводникъ объяснилъ мнѣ, что передъ нами — большая, никогда не оттаивающая вполне масса льда, постоянно уменьшающаяся съ мая до конца августа, съ сентября же опять возрастающая.

Проѣхавъ еще полверсты, мы вышли изъ предѣловъ лѣса къ обширному, лишенному деревьевъ лугу. Характеръ долины здѣсь вполне измѣнился. Бока ея гораздо болѣе пологи, но по прежнему сплошь покрыты лѣсомъ. Сама долина въ ширину имѣетъ болѣе 200 сажень, дно ея съ весьма слабымъ паденіемъ: ручей, обогатившись водою впадающаго въ него ключа, расширяется, получаетъ сравнительно слабое теченіе и, не образуя настоящаго русла, разбивается на множество рукавовъ, прорѣзывающихъ зеленый лугъ. Къ серединѣ лугъ становится все ме-

нѣе и менѣе роскошнымъ и окружаетъ голый галешникъ, въ свою очередь образующій узкую кайму вокругъ мощной ледяной массы. По словамъ тунгуса, посѣщавшаго на своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ эту долину во всѣ времена года, только что упомянутый источникъ, послѣ весьма короткаго теченія, верстахъ въ двухъ отъ льда впадаетъ въ Турахтахъ; онъ никогда не замерзаетъ, одинаково многоводенъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ, и течетъ по льду, особенно зимой и весной. При нашемъ посѣщеніи вода текла частью подъ льдомъ, частью по глубокимъ бороздамъ во льду. Эти борозды на льду почти всѣ безъ исключенія были выстланы галькой. Нерѣдко галька собрана въ большіе валы, такъ что производитъ впечатлѣніе моренъ. Эти валы, благодаря постояннымъ измѣненіямъ въ теченіи воды, въ свою очередь прорваны, сдвинуты и сбиты въ болѣе или менѣе объемистыя кучи.

Ледъ часто бываетъ плотно набитъ галькой, такъ что образуется конгломератъ, въ которомъ ледъ самъ-же играетъ роль цемента. Въ другихъ мѣстахъ я встрѣчалъ настоящую ледяную брекчію, т. е. массу угловатыхъ или нѣсколько закругленныхъ обломковъ льда, мутныхъ, снѣжнобѣлыхъ или загрязненныхъ примѣсью песка и вмерзшихъ въ совершенно прозрачный ледъ. Нерѣдко конгломератъ и брекчія являются смѣшанными другъ съ другомъ. Величина галекъ измѣняется отъ величины мельчайшихъ песчинокъ до размѣровъ головы и болѣе. Но всего чаще встрѣчается совершенно чистый, прозрачный ледъ, представляющій въ глубокихъ щеляхъ тотъ-же чудный, синій цвѣтъ, какой встрѣчается только на швейцарскихъ глетчерахъ. Ледъ необыкновенно плотенъ и твердъ, лишь рѣдко содержитъ немного пузырьковъ и показываетъ на 1 футъ глубины подъ поверхностью — 1° R. Вечеромъ температура воздуха равнялась $+8^{\circ}$ R., между тѣмъ какъ въ полдень мы на высотѣ наблюдали $+17^{\circ}$ R., а на слѣдующій день утромъ — 2° R. Въ двухъ щеляхъ, приблизительно въ серединѣ ледяной массы, я нашелъ еще теперъ, т. е. къ концу лѣта, мощность, равную $8'$ — $10'$; при этомъ ледъ покрывалъ дно долины на протяженіи 60 сажень, при ширинѣ приблизительно въ 25 са-

женъ. Мощность льда равномерно уменьшалась къ краямъ его; только та часть, откуда вытекала вода, представляла нѣкоторыя особенности. Въ этомъ мѣстѣ ледъ стоялъ всего сильнѣе, что обнаруживалось гораздо болѣе широкимъ здѣсь поясомъ галешника. Большая поверхность, покрытая галешникомъ, ясно обнаруживала, какъ велико было въ началѣ лѣта продольное и поперечное протяженіе льда, который несомнѣнно покрывалъ тогда всю эту площадь голаго камня и, слѣдовательно, занималъ по крайней мѣрѣ вдвое больше мѣста.

На слѣдующій день, 4-го августа, мы шли тою-же долиною далѣе внизъ по рѣкѣ. За полого опускающимися лѣсистымъ боками долины опять часто стали выступать конусообразныя горы, вмѣстѣ съ тѣмъ учащалась и темная порфировая галька въ руслѣ рѣки. Ландшафтъ — дикій и красивый. Въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ только что описанной массы мнѣ особенно бросилось въ глаза, что ручей снова болѣе сосредоточился въ одномъ ложѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ паденіе его стало круче и теченіе значительно ускорилось. Вскорѣ мы опять вѣхали въ кустарникъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ малорослой березы (*Betula nana*), надъ которымъ возвышались лишь немногія лиственницы съ посохшими верхушками. На протяженіи 3-хъ верстъ вѣхали мы черезъ этотъ кустарникъ, всюду обнаруживавшій слѣды высокихъ вѣшнихъ водъ, и затѣмъ опять достигли луга, также окружавшаго мощную массу льда. Долина здѣсь значительно расширяется, и бока ея, покрытые густымъ лѣсомъ, очень полого понижаются ко дну, которое опять становится почти совершенно горизонтальнымъ. И здѣсь ручей принимаетъ въ себя многоводный ключъ; соединившись съ послѣднимъ и разбившись на множество рукавовъ, онъ медленно течетъ далѣе по поверхности льда. Все повторяется здѣсь совершенно такъ-же, какъ и на прежде видѣнномъ нами льду, но только въ гораздо большемъ масштабѣ: здѣсь ледяная масса имѣла 80 сажень въ длину и 35 въ ширину. Тунгусъ увѣрялъ, что видѣлъ здѣсь еще въ концѣ іюня ледъ, длиною въ версту и шириною въ $\frac{1}{4}$ версты; слова

его подтверждались повидимому голой, лишенной всякой растительности, площадью галешника. Я желалъ-бы обратить вниманіе лишь на одну особенность этой ледяной массы, — особенность, не столь ясно выраженную въ вышеописанномъ скопленіи льда: на концѣ этой массы находилось такое большое количество галешника и песку, что оно въ значительной мѣрѣ могло содѣйствовать застыванію воды въ ручьѣ, а слѣдовательно и болѣе скорому возрастанію массы льда зимою.

Тунгусъ сообщилъ мнѣ, что внизъ по теченію рѣки въ долинѣ имѣются еще два подобныхъ-же ледяныхъ образованія, также никогда вполнѣ не стаивающихъ. Но этихъ массъ я самъ не могъ наблюдать, потому что долина здѣсь поворачиваетъ къ югу, наша же дорога шла къ юговостоку, по направленію къ одному горному кряжу. Только съ высоты кряжа могъ я видѣть въ большомъ отдаленіи третью массу льда; это мѣсто оказалось для меня вдвойнѣ интереснымъ, потому что одновременно съ послѣдней сверкали изъ глубины долины и окружавшей ихъ зелени и обѣ ранѣе видѣнныя нами массы льда. Три большихъ, блестящихъ на солнцѣ пятна, окруженныхъ чудной зеленью и раздѣленныхъ лѣсомъ и кустарникомъ, ясно отмѣчаютъ тѣ части дна долины, которыя лишены склона или даже мультобразно углублены и представляются въ видѣ блестящихъ, бѣлыхъ ступеней колоссальнаго крыльца.

5-го августа мы снова вошли въ настоящую пустыню, и опять начались всѣ прежнія трудности. Мы ѣхали поперекъ многочисленныхъ узкихъ долинъ, крутой склонъ которыхъ обнаруживался быстрымъ теченіемъ стремящихся по нимъ ручьевъ; соотвѣтственно этому нигдѣ не замѣтно было ни слѣда льда или снѣга, а напротивъ снизу до верху — долины и горы — все покрыто было роскошнѣйшею растительностью. Прекрасный густой сосновый и лиственничный лѣсъ, кое-гдѣ съ примѣсю березы и ольхи, часто представлялъ слѣды жестокихъ опустошеній, причиненныхъ бурями и водой. Бока долинъ были большею частью круты и каменны, а дно такъ болотисто, что въ немъ можно

было увязнуть. Весьма часто встрѣчались павшія лошади или ихъ кости. Нерѣдко также виднѣлись слѣды медвѣдей, лакомившихся у падали. Однако до настоящаго времени насъ хранила судьба, хотя нашъ маленькій караванъ и былъ сильно истощенъ. Поэтому мы рѣшили, не смотря на раннюю пору, доѣхать сегодня только до станціонной юрты Иллэбъ, чтобы дать лошадямъ хорошенько отдохнуть и покормиться на богатыхъ лугахъ этой мѣстности.

Лишь за версту до Иллэба мы оставили лѣсъ и въѣхали въ широкую плоскую долину, среди которой находилось совершенно лишенное растительности и покрытое галешникомъ мѣсто. Мы уже здѣсь не застали льда, но, какъ намъ говорили, онъ лежалъ тутъ еще до середины іюля. Для объясненія столь ранняго исчезновенія льда я могу привести лишь тотъ фактъ, что при нашемъ посѣщеніи ручей долины оказался очень маловоднымъ, а также и то, что паденіе дна ея сильнѣе, чѣмъ въ долину Турахтаха. Естественно, слѣдовательно, что зимою здѣсь образовалось менѣе льда, который и подвергся скорѣе дѣйствію солнечныхъ лучей.

У юрты Иллэбъ я засталъ большое оживленіе. Здѣсь постепенно собралось нѣсколько товарныхъ каравановъ, чтобы воспользоваться прекраснымъ пастбищемъ и дать необходимый отдыхъ людямъ и животнымъ. Нѣкоторые караваны, лошади которыхъ особенно истомились, стояли здѣсь уже нѣсколько дней. Очень счастливый для насъ случай привелъ сюда также кочевника-тунгуса съ небольшимъ стадомъ оленей, такъ что куплей и мѣной въ лагерѣ можно было пріобрѣсти достаточное количество оленины. Всюду виднѣлись сторожевые огни и палатки, а кругомъ на обширномъ пространствѣ паслись усталыя лошади. Множество якутовъ, тунгусовъ и казаковъ ходило по лагерю. Всюду жарили и варили, ѣли и пили чай. При этомъ обмѣнивались разсказами о пережитомъ, и у всякаго было болѣе чѣмъ довольно матеріала на тему о перенесенныхъ невзгодахъ. Нѣкоторые караваны совсѣмъ лишились лошадей, частью павшихъ отъ утомленія, частью задранныхъ медвѣдями. Между прочимъ здѣсь

давно уже лежалъ годовой запасъ аптекарскихъ товаровъ, назначенный для Камчатки, а значительная убыль въ лошадяхъ оставляла очень мало надежды на скорую отправку этого запаса, отсутствіе котораго конечно было весьма чувствительно на мѣстѣ его назначенія. Бѣдныя лошади, хотя и коренастыя, очень крѣпкія, необыкновенно выносливыя и неприхотливыя, все-таки гибнуть въ большомъ числѣ отъ тягостей пути. Нигдѣ нѣтъ для нихъ зерноваго корма, а часто имъ приходится довольствоваться самымъ тощимъ пастбищемъ.

Съ наступленіемъ ночи мы опять любовались великолѣпнымъ и въ то-же время страшнымъ видомъ: на дальнихъ высотахъ загорѣлся лѣсъ и весь горизонтъ къ сѣверовостоку озарился краснымъ свѣтомъ.

Мы тронулись въ путь рано утромъ 6-го августа, и уже въ этотъ и слѣдующіе дни опять должны были бороться съ неоднократно упомянутыми трудностями. Но здѣсь къ нимъ прибавилась еще новая невзгода: лѣсной пожаръ распространился на громадную площадь; намъ нѣсколько разъ приходилось поспѣшно пробиваться черезъ тлѣвшіе еще участки и удушливый дымъ, потому что впереди и позади намъ грозила опасность отъ огня. Лишь 8-го августа мы оставили эту мѣстность и вошли въ долину ручья Лекки, также притока Маи. Долина эта широка, съ очень умѣреннымъ склономъ и всюду покрыта свѣжею растительностью вплоть до середины, гдѣ изъ весьма скудной травы проглядывало нѣсколько болѣе щебня и въ то-же время выступала масса засохшихъ листовенницъ, — единственныхъ встрѣченныхъ въ долинѣ. Нѣкоторыя изъ деревьевъ имѣли до 8 дюймовъ толщины, что соотвѣтствуетъ довольно значительному возрасту. Но всѣ они высохли, потому что до поздняго лѣта корни и стволы ихъ оставались покрыты льдомъ до высоты 7—8 футовъ, какъ ясно было видно по измѣненному цвѣту коры; въ этомъ году ледъ также лежалъ тутъ еще приблизительно до конца іюня. Условія для образованія льда явились здѣсь слѣдовательно лишь въ позднѣйшее время, между тѣмъ какъ до того прошло много лѣтъ, въ

теченіе которыхъ не было этого образованія, а напротивъ существовали условія, благоприятствовавшія росту деревьевъ.

Здѣсь, достигнувъ крайняго предѣла распространенія этихъ оригинальныхъ образованій, я уклонюсь немного отъ описанія путешествія, чтобы сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о томъ-же предметѣ.

Весною 1829 г. Эрманъ совершилъ путешествіе въ Охотскъ и пишетъ въ своей «Reise um die Erde» (Bd. I, Abth. 2, p. 376) отъ 10-го мая: «путешественникъ съ удивленіемъ опять оставался у новаго обрыва и видитъ далеко подъ собою круглую бѣлую равнину, со всѣхъ сторонъ замкнутую скалистыми обрывами. . . Мы спустились къ равнинѣ и нашли, что она круглаго очертанія, около 2-хъ верстъ въ діаметрѣ и представляетъ замѣчательно горизонтальную поверхность. Вся равнина была покрыта прочно смерзшимся снѣгомъ этого года. Но подъ этимъ покровомъ лежитъ мощный слой льда, никогда не оттаивающій и лѣтомъ. . . Тунгусы называютъ его Капитанскимъ озеромъ».

Въ томъ-же сочиненіи (стр. 392) Эрманъ пишетъ отъ 12-го мая: «дно этихъ безводныхъ долинъ очень сильно наклонено, но мы нашли въ нихъ нѣсколько горизонтальныхъ уступовъ. . . На одной изъ этихъ высокихъ равнинъ мы нашли озеро, окрестности котораго очень напоминаютъ ледяное поле у Капитанскаго Засѣка».

Въ іюлѣ 1848 г. та-же дорога пройдена штабсъ-капитаномъ Лорчемъ, служившимъ въ Камчаткѣ и любезно предоставившимъ мнѣ нижеслѣдующія замѣтки изъ своего дневника:

1) Въ долинѣ рѣки Бѣлой въ нѣкоторыхъ открытыхъ мѣстахъ находятся ледяныя массы.

2) 14-го іюля мы прошли ледяное поле въ долинѣ р. Анчи.

3) 15-го іюля мы прошли еще большее ледяное поле въ той-же долинѣ. Ледъ былъ прекраснаго снѣга цвѣта, покрытъ множествомъ крупныхъ камней и заключалъ полости.

4) Въ долинѣ Анчи мы 16-го іюля прошли ледяное поле еще большее, чѣмъ предшествовавшія. Изъ льда выдавался деревья,

къ серединѣ поля — высохшія, далѣе къ краямъ — еще зеленѣвшія.

5) 17-го іюля я въ долинѣ Кинчева пересѣкъ необозримое поле льда. Вода протекала въ глубокихъ бороздахъ по льду. Встрѣчались щели, имѣвшія до 7' глубины. Ледяное поле было окружено зеленымъ лѣсомъ.

По словамъ тунгусовъ и казаковъ, такія ледяныя массы нерѣдки въ окрестностяхъ Колымска, что сообщаетъ также и Врангель въ описаніи своего путешествія.

Въ 1852 г. я отправилъ въ Петербургъ письмо съ извлеченіемъ изъ моихъ дневниковъ, содержавшее почти совершенно тождественныя съ вышешприведенными замѣчанія и соображенія. Письмо это было напечатано въ I томѣ *Mélanges physiques et chimiques* С.-Петербургской Академіи и снабжено добавленіемъ д-ра А. Э. Миддендорфа. Я назвалъ тогда эти ледяныя массы «Eismulden», именно на томъ основаніи, что по всѣмъ моимъ наблюденіямъ и собраннымъ свѣдѣніямъ мульдобразное дно долинъ составляетъ главное условіе для такихъ образованій.

Если-бы я даже зналъ отчетъ о путешествіи г. Миддендорфа, представленный имъ Академіи въ 1844 г., то и въ такомъ случаѣ затруднился-бы воспользоваться его терминомъ «обледенѣлыя долины» (*Eisthåler*) въ приложеніи къ тѣмъ ледянымъ образованіямъ, которыя я самъ наблюдалъ или о которыхъ узналъ отъ другихъ, потому что мнѣ во всякомъ случаѣ встрѣчался не долины, наполненныя льдомъ, а совершенно разрозненныя массы льда среди зеленыхъ долинъ. Да и теперь, познакомившись съ грандіозными обледенѣлыми долинами, которыя наблюдалъ А. Э. Миддендорфъ, я очень склоненъ думать, что и эти настоящія (въ смыслѣ Миддендорфа) обледенѣлыя долины Становаго хребта своимъ возникновеніемъ первоначально также обязаны лишь обледенѣлымъ мульдамъ. При благопріятныхъ условіяхъ поверхности, при обиліи воды и снѣга, мулды въ особенно холодныя зимы соединялись все въ большемъ числѣ другъ съ другомъ, пока наконецъ цѣлыя долины на протяженіи многихъ миль не на-

полнялись льдомъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе возрастали, въ особенно благопріятную для того зиму, массы льда, тѣмъ болѣе увеличивалась ихъ способность противодѣйствія солнечнымъ лучамъ. Но и въ такомъ случаѣ главный опредѣляющій моментъ все-же оставался-бы за образованіемъ обледенѣлыхъ мульдъ; онѣ давали-бы первый толчекъ къ возникновенію и служили-бы началомъ всѣхъ описанныхъ ледяныхъ образованій на днѣ долины, бока которыхъ покрыты растительностью и которыя, слѣдовательно, не представляютъ собою глетчеровъ.

Обращеніе къ первоначальной причинѣ, къ происхожденію и началу какихъ либо новыхъ явленій кажется мнѣ не лишнимъ значенія при выборѣ названія для такихъ явленій. Вѣдь большая обледенѣлая долина не могла образоваться внезапно. При наблюденіи необходимо обратиться къ первымъ поводамъ, давшимъ начало подобному крупному образованію; и въ данномъ случаѣ мнѣ представляется вполне естественнымъ допустить, что обледенѣлая мулда дала первый толчекъ къ образованію обледенѣлой долины.

На мульдообразномъ или совершенно плоскомъ днѣ долины можетъ легко возникнуть или исчезнуть обледенѣлая мулда, часто благодаря ничтожнѣйшимъ вначалѣ причинамъ. Сильный напоръ вешнихъ водъ легко можетъ вырыть глубокое русло для рѣки и такимъ образомъ открыть кверху нижнюю часть мулды. Въ такомъ случаѣ имѣющаяся тамъ обледенѣлость должна была-бы сейчасъ-же исчезнуть, такъ какъ вода не могла-бы болѣе застаиваться, а напротивъ легко и быстро стекала-бы, слѣдовательно устранилась-бы причина накопленія льда. Въ другомъ случаѣ, напротивъ, при соответственномъ образованіи дна долины, накопленіе щебня и лѣса могло-бы дать начало новымъ плотинамъ или значительно повисить конечные валы имѣющихся уже обледенѣлыхъ мульдъ; тогда въ снѣжныя и холодныя зимы должны были-бы образоваться новыя ледяныя массы или значительно возрасти старыя. Если мы представимъ себѣ непрерывное повтореніе такихъ зимъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то можетъ случиться, что сосѣднія мулды соединятся между собою и образуютъ большія

скопленія льда. Съ дальнѣйшимъ ходомъ того-же явленія ледъ наполнилъ-бы цѣлыя долины и образовались-бы вполнѣ выражаввыя обледенѣлыя долины. Восточная Сибирь, чрезвычайно обильная атмосферными осадками, гористая и холодная, какъ пельза болѣе благоприятствуетъ такимъ процесамъ. Разъ только утвердился въ какомъ-либо мѣстѣ ледяная масса, она начнетъ понижать температуру ближайшихъ къ ней мѣстъ, и размѣръ этого пониженія будетъ увеличиваться съ ростомъ массы льда. Дѣйствіе солнечной теплоты все будетъ ослабляться, дѣйствіе же зимняго холода напротивъ усиливаться.

Можно было-бы пойти далѣе и задать себѣ вопросъ: не можетъ-ли процесъ, благодаря которому обледенѣлыя мульды, увеличиваясь и многократно сливаясь, должны наконецъ образовать большія обледенѣлыя долины, — не можетъ-ли этотъ процесъ пойти еще далѣе? Не могутъ-ли наполниться общимъ ледянымъ покровомъ также сосѣднія, паралельныя, раздѣленныя низкими водораздѣлами долины, при особенно благоприятныхъ для того условіяхъ, какъ-то: при подходящемъ образованіи поверхности, обилии осадковъ, очевъ холодныхъ зимахъ, при пониженіи лѣтней температуры вслѣдствіе усилившагося накопленія ледяныхъ массъ? Не могутъ-ли такимъ образомъ возникнуть небольшія обледенѣлыя страны, «частичные ледниковые періоды»? Увеличеніе массъ льда въ свою очередь должно было-бы вызвать еще болѣе быстрое дальнѣйшее ихъ возрастаніе, и такимъ образомъ создались-бы наконецъ условія, подобныя современнымъ гренландскимъ.

Основываясь на вышеприведенныхъ путевыхъ наблюденіяхъ, мы можемъ слѣдующимъ образомъ выразить условія, необходимыя для образованія обледенѣлыхъ мульдъ:

1) Обледенѣлыя мульды образуются лишь въ тѣхъ мѣстахъ долинъ, которыя или ясно мульдovidны, или по крайней мѣрѣ совершенно горизонтальны.

2) Выше мульдovidнаго или горизонтальнаго dna долины долженъ изливаться многоводный источникъ, температура кото-

раго настолько высока, что онъ не замерзаетъ даже зимой. Вообще требуется постоянный притокъ достаточнаго количества воды.

3) Холодная и снѣжная зима много содѣйствуетъ увеличенію обледенѣлыхъ мульдъ.

Если всѣ эти условія вполне проявятся въ одномъ мѣстѣ, то необходимымъ послѣдствіемъ ихъ будетъ возникновеніе и дальнѣйшее существованіе мощной, никогда не оттаивающей обледенѣлой мулды. Наоборотъ, гдѣ эти условія имѣются на лицо не всѣ или лишь въ слабой степени, тамъ, хотя также образуется обледенѣлая мулда, но она, соотвѣтственно степени благоприятныхъ или неблагоприятныхъ для нея данныхъ, исчезаетъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ или августѣ. Если оставить въ сторонѣ постоянныя мулды, то временныя, по мѣсяцамъ ихъ исчезновенія, можно-бы назвать майскими, іюньскими, іюльскими и августовскими. Иногда повидимому случается также, что въ мѣстахъ, гдѣ прежде не было условій для образованія обледенѣлыхъ мульдъ, онѣ внезапно появляются, напр. вслѣдствіе образованія запрудъ изъ свалившихся деревьевъ или изъ различныхъ нанесенныхъ водою предметовъ и щебня; на такое внезапное появленіе указываютъ вмерзшія въ ледъ деревья. Наконецъ, существующія въ какой либо мѣстности условія могутъ на нѣсколько лѣтъ усилиться или ослабѣть, такъ что напр. іюньская мулда превращается въ постоянную или, наоборотъ, постоянная во временную. Послѣдніе случаи представляютъ однако лишь исключенія; обыкновенно же, какъ сообщаютъ тунгусы, всякая мулда имѣетъ свои періоды прироста и убыли.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ отличіи обледенѣлой мулды отъ глетчера. Оба образованія не имѣютъ между собою ничего сходнаго, кромѣ общихъ физическихъ свойствъ льда. Всего нагляднѣе выступаетъ различіе между обледенѣлыми мульдами и глетчерами, если сопоставить ихъ свойства въ видѣ таблицы.

Глетчеръ.

1) Долива глетчера большею частью узка, бока круты, склонъ дна значительный.

2) Растительность на высотѣ боковъ долины отсутствуетъ.

3) Глетчеры образуются въ самыхъ высокихъ поясахъ снѣжныхъ горъ, растутъ и движутся оттуда, благодаря давлению фирва, въ узкія, поперечныя долины, открывающіяся внизъ.

4) Продуктъ глетчера — ручей.

5) Моревы образуются частью благодаря тому обстоятельству, что глетчеры, подвигаясь внизъ и производя давление на бока долины, отрываютъ куски горныхъ породъ, образующихъ эти бока; частью же моревы возникаютъ вследствие накопления обломковъ рыхлыхъ, выветрившихся породъ, которыя падаютъ на ледъ съ крутыхъ боковъ долины. Въ обоихъ случаяхъ глетчеръ несетъ упавшій на него матеріалъ, располагающійся въ видѣ боко-

Обледенѣлая мульда.

1) Долина обыкновенно широка, съ пологими боками, двояко непременно мульдодвойное или горизонтальное.

2) Растительность, начиная отъ льда, становится обыкновенно богаче по мѣрѣ подъема на бока долины.

3) Обледенѣлыя мульды возрастаютъ, благодаря натекающей на нихъ водѣ, замерзающей на мѣстѣ. Вода же большею частью берется изъ лѣсистыхъ боковъ долины.

4) Обледенѣлая мульда — продуктъ ручья.

5) Гальки, валяющіяся на обледенѣлыхъ мульдахъ, механически уносятся водою изъ болѣе высокихъ частей долины и безъ всякаго порядка откладываются на гладкомъ льду. Здѣсь гальки остаются въ полной зависимости отъ воды, пока наконецъ, сильнѣе разогрѣваясь отъ солнца, не вѣдрятся въ ледъ, или же, передвигаемыя далѣе водою по гладкой поверхности, не задержатся на болѣе ровномъ грунтѣ у конца обледенѣлой мульды, образуя

выхъ и срединныхъ моренъ, здѣсь земляные и каменные валы. внизъ, гдѣ накопившіяся массы обломковъ откладываются въ видѣ валообразной конечной морены.

6) Конечная морена возникаетъ и возрастаетъ лишь благодаря поступательному движению глетчера, но съ своей стороны никогда не содѣйствуетъ увеличенію ледяной массы.

6) Если конечный валъ обледенѣлой мульды высокъ, то онъ въ значительной мѣрѣ долженъ содѣйствовать увеличенію количества льда. Конечный валъ образуется не черезъ поступательное движеніе ледяной массы, а только лишь благодаря переносящей силѣ воды. Такимъ образомъ конечный валъ обуславливаетъ увеличеніе ледяной мульды, а не мульда — увеличеніе вала.

И такъ обледенѣлыя мульды, по своему особенному характеру и частотѣ, также, кажется, заслуживаютъ отдѣльнаго мѣста въ группѣ ледяныхъ образованій, хотя по массѣ, протяженію и распространенію никогда не могутъ соперничать съ глетчерами, ледяными полями полярныхъ странъ, заключенными въ землѣ слоями льда и пловучимъ льдомъ арктическихъ морей.

9-го августа мы также шли еще по весьма болотистому участку пути и только 10-го прибыли наконецъ въ сухую холмистую мѣстность; затѣмъ, слѣдуя довольно замѣтную тропинкой, уже въ три часа пополудни благополучно достигли станціи Анелканъ. Эта станція лежитъ среди весьма привлекательнаго горнаго ландшафта на Маѣ, у впаденія въ нее рѣчки Анелкана. Здѣсь соединяются также долины обѣихъ рѣкъ, образуя болѣе просторную котловину. Такимъ образомъ мы опять добрались до Маи, образующей многочисленныя крупныя извилины по гор-

ной странѣ Алдана. У Анелкана Мая уже стала меньше и приняла характеръ чисто горной рѣки, стремительно вырываясь въ сѣверовосточномъ направленіи изъ горъ близъ Охотска. Восемь домовъ русской постройки свидѣтельствовали о существованіи здѣсь прежде болѣе обширнаго поселенія Россійско-Американской Компаніи; теперь же дома эти были въ большомъ упадкѣ, магазины пусты и заселены лишь жалкимъ тунгусскимъ отребьемъ. Старый комисіонеръ Компаніи Мордавскій жилъ еще здѣсь въ большой нуждѣ, съ женой и двумя дочерьми, занимая наилучше сохранившійся домъ. Онъ принялъ меня настолько радушно, насколько то допускала его бѣдность.

И сегодня также главную тему разговоровъ составляли трудности пути по невообразимо скверной дорогѣ до Аяна, до котораго отъ Анелкана считается еще 202 версты. Это было извѣстно съ полною точностью, потому что достойная Компанія измѣрила дорогу и размѣтила версты красными столбами, но для улучшенія пути не нашла средствъ! Точно также очень живо рассказывалось о дерзкихъ нападеніяхъ медвѣдей. Во всю дорогу нашъ караванъ нисколько не терпѣлъ отъ медвѣдей; мы даже ихъ ни разу не встрѣчали, а только кое-гдѣ видали ихъ слѣды. Я склоненъ думать, что хотя безспорно иная изъ пропавшихъ лошадей и достается медвѣдю, но по крайней мѣрѣ столько-же случаевъ пропажи объясняется почти невѣроятной обжорливостью, пристрастіемъ къ конинѣ и плутоватостью якутовъ. Во всякомъ случаѣ плохая дорога благородной Компаніи убиваетъ больше лошадей, чѣмъ медвѣди и якуты вмѣстѣ. Нашихъ бѣдныхъ лошадей тоже трудно было узнать — столько онѣ натерпѣлись!

Утромъ 11-го мы тщательно осмотрѣли своихъ лошадей и двухъ наиболѣе истощенныхъ и совершенно непригодныхъ для дальнѣйшаго пути оставили въ Анелканѣ. Двухъ другихъ, также очень слабыхъ, я съ нѣкоторой приплатой промѣнялъ у одного якута на пару болѣе крѣпкихъ. Приготовившись такимъ образомъ, мы, всего съ 8 лошадьми, оставили станцію въ 12 часовъ дня, переправились на лѣвый берегъ Майи и опять поѣхали по

ужасной дорогѣ Компаніи. Мы прошли только 15 верстъ, а одна лошадь уже такъ увязла въ болотѣ, что пришлось заночевать здѣсь для спасенія животнаго, что намъ удалось лишь послѣ тяжелыхъ усилій.

Въ слѣдующіе дни — 12-го, 13-го и 14-го августа — мы продолжали путь, терпя все тѣ же невзгоды и борясь съ величайшими трудностями. Началось съ того, что мы потеряли лошадь. Несчастное животное до того измучилось, что дальнѣйшее движеніе, даже безъ выюковъ, стало для него совершенно невозможнымъ; поэтому мы застрѣлили его, чтобы избавить по крайней мѣрѣ отъ мучительной смерти — растерзанія за-живо медвѣдями. Затѣмъ провалилась моя верховая лошадь, и лишь съ трудомъ удалось намъ вытащить ее изъ болота. Повсюду валялись транспорты, казенные и компанейскіе, которыхъ невозможно было перевезти далѣе изъ-за полного истощенія лошадей. Очень часто стали встрѣчаться трупы лошадей, павшихъ жертвой безопасности достопочтенной Компаніи.

Въ восточномъ направленіи мы стали уже приближаться къ высотамъ и отдѣльнымъ конусовиднымъ горамъ, наивысшія изъ которыхъ были лишены растительности, но не покрыты снѣгомъ. Настоящихъ снѣговыхъ горъ здѣсь повидимому нѣтъ, хотя нѣсколько пиковъ бѣлѣло, вѣроятно отъ только что выпавшаго снѣга. Дожди, застигшіе насъ, выпали на высотахъ уже въ видѣ снѣга. На пути лежали гальки изъ плотнаго, прочнаго известняка, принявшаго здѣсь особую скорлуповатую структуру; онѣ были перемѣшаны съ темными кусками порфира и зеленокаменной породы. Но особенно бросились мнѣ въ глаза одиночные, совершенно пористые, окатанные обломки какой-то темной трахитовой породы (лавы).

15-го августа мы сперва проѣхали лишь нѣсколько верстъ по твердому грунту до станціи Элмашанъ, населенной якутами и расположенной на стремительной горной рѣчкѣ того-же наименованія, среди очень живописнаго горнаго ландшафта. Здѣсь-же середина пути отъ Анелкана до Аяна, отсюда начинается подъемъ

въ Джугджурскія горы; никогда я здѣсь не слыхалъ названія «Становой», а всегда только «Джугджуръ». Рѣчка Эллашинъ вытекаетъ далеко изъ глубины ущелій этихъ горъ и впадаетъ въ Маю, какъ послѣдняя рѣка системы Лены. Горы здѣсь уже очень высоки и вершины ихъ въ послѣдніе дни покрылись свѣжимъ снѣгомъ. При постепенномъ подъемѣ мы все держались Эллашина и слѣдовали въ горы по этому перевалу. Возлѣ насъ бѣшено неслась пѣнистая рѣка по безпорядочно наваленнымъ валунамъ. Растительность замѣтно убывала, и такимъ образомъ все умевьшалось количество корма для лошадей. Такъ какъ мы не могли сегодня проѣхать черезъ весь кряжъ, то, поднявшись уже довольно высоко, мы расположились на ночлегъ въ одномъ расширеніи долины, служившей намъ переваломъ. Здѣсь, въ нѣсколько болѣе защищенномъ мѣстѣ, росло еще немного травы, и потому наши бѣдныя животныя остались хоть не совсемъ безъ подкрѣпленія. Ночью мимо насъ проѣхали казаки, посланные изъ Аяна для содѣйствія дальнѣйшему препровожденію всюду валявшихся товарныхъ транспортовъ. Для исполненія возложеннаго на нихъ порученія, эти казаки сгоняли всѣхъ попадавшихся имъ якутовъ, ѣхавшихъ со свободными лошадьми изъ Аяна домой; якуты же, щадя своихъ лошадей, старались ускользнуть побочными путями. Это часто вело конечно къ крайне непригляднымъ сценамъ и порождало много непріятностей.

Утромъ 16-го августа мелкія лужи у нашего лагеря оказались замерзшими, при температурѣ въ $-1\frac{1}{2}^{\circ}$ R. Послѣ морозной ночи огонь и чай показались намъ очеь пріятными. Отсюда, слѣдуя постоянно вдоль ручья Эллашинъ и по Эллашинскому перевалу, мы поднимались все въ болѣе высокіе и болѣе дикіе горныя участки. Ручей съ оглушительнымъ шумомъ несся, пѣнясь, по громаднымъ каменнымъ глыбамъ. Всюду въ безпорядкѣ валялись свалившіяся исполинскія скалы, среди которыхъ приходилось отыскивать дорогу. Скалы состояли изъ свѣтлозеленаго сланца, съ обильнымъ содержаніемъ кремнекислоты, часто съ перемежающимся темными и свѣтлыми полосами (быть можетъ то былъ

диоритовый или другой сланецъ, метаморфизированный дѣйствиємъ изверженной массивной породы). По обѣимъ сторонамъ перевала поднимались изорванные конусы, состоявшіе, повидимому, изъ массивныхъ породъ. Растительность почти совершенно исчезла, только мохъ да кедровый сланецъ, послѣдній въ видѣ очень низкаго кустарника, доходили почти до вершины горъ. Затѣмъ прекратился и мохъ, такъ что мы ѣхали по голому галешнику, а на короткомъ протяженіи даже по свѣжевыпавшему снѣгу, имѣвшему 4 дюйма глубины. Здѣсь, въ этой безжизненной пустынѣ, мы встрѣтили страшно измученную лошадь, предоставленную безсердечными якутами голодной смерти. Животное едва двигалось, выстрѣломъ въ сердце мы прекратили его страданія. Постепенно поднимаясь на протяженіи приблизительно 30 верстъ отъ станціи Элашинъ, мы достигли наконецъ высшей точки перевала. Что за видъ открывался впереди и позади насъ! Что за величественная горная панорама окружала насъ! Позади — постепенно понижаясь, тянулась долина Элашина, окруженная конусообразными, отчасти разорванными горами; надъ нею далеко на сѣверѣ высился мощный, высокій конусъ. Впереди — узкая, круто падающая, высокая горная долина, направляющая свои воды уже къ Алдамѣ, слѣдовательно къ Охотскому морю, и замкнутая скалистыми горными вершинами, теперь бѣлыми отъ рано выпавшаго снѣга. Вокругъ насъ — лабиринтъ горъ, скалъ, ущелій, а на самой высшей точкѣ перевала, по обѣимъ сторонамъ упомянутой крутой долины Алдамы, поднимались еще двѣ конусовидныя горы, — какъ бы ворота, открывающія дорогу къ морю. Здѣсь на высотѣ находился свѣтлый, ясно слоистый гнейсъ, повидимому преобладающій на восточномъ склонѣ Джугджура.

Путь нашъ теперь сталъ спускаться къ Алдамѣ. Крутая дорога зигзагами вилась внизъ, сперва по гнейсовой галькѣ, затѣмъ опять появились мхи, затѣмъ кедръ, лиственница, ольха и береза, наконецъ въ расширяющейся къ юговостоку долинѣ опять пошла богатая растительность изъ лѣсныхъ деревьевъ и травъ. И здѣсь часто встрѣчалась пихта, а равно стройныя ивы, тополи

и шиповникъ. Галешникъ остался преимущественно гнейсовый, съ примѣсю красной и темной порфировой породы.

И въ этой долинѣ, по которой мы спускались къ востоку, пѣнясь пробѣгалъ неглубокій ручей, который намъ пришлось перейти нѣсколько разъ: мы ѣхали то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, то на значительномъ протяженіи русломъ самой рѣки, пробираясь черезъ острые камни. Такъ наконецъ мы достигли роскошнаго луга, гдѣ расположились на ночлегъ, имѣя въ тылу Джугджурскій хребетъ, ширина котораго отъ станціи Эллашинъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ около 50 верстъ.

17-го Августа намъ пришлось лишь немного податься впередъ, такъ какъ, чтобы не лишиться окончательно лошадей, мы должны были до крайности щадить ихъ. Большею частью острые камни на дорогѣ, особенно въ руслѣ Алдамы, покрытомъ лишь неглубокой водой, по которой намъ опять пришлось пробродить на порядочномъ разстояніи, очень разбили неподкованныя копыта нашихъ лошадей. Наконецъ, въ 38 верстахъ отъ Аяна, у станціи Алдамы, мы въ послѣдній разъ переправились черезъ рѣку и расположились на ночлегъ. Здѣсь опять намъ пришлось оставить одну изъ нашихъ лошадей, окончательно заморенную, такъ что мы теперь располагали всего только шестью. Чтобы по крайней мѣрѣ довести хоть нашъ багажъ, пришлось навьючить всѣхъ лошадей, и мы, кавалеристы, превратились въ пѣхотинцевъ. Здѣсь въ первый разъ получили мы на станціи морскую рыбу, именно, одного лосося (по здѣшнему — кета), — блюдо, которое въ послѣдующіе годы успѣло мнѣ надобѣсть. Мой казакъ, прежде долгое время жившій въ Охотскѣ, такъ обрадовался старому знакомцу — лосою, что только перекрестился и немедленно приступилъ къ стряпнѣ. Спѣлыя ягоды *Lonicera coerulea*, повидимому, здѣсь не рѣдкость и составили освѣжающій десертъ къ нашей трапезѣ.

18-го Августа путь нашъ сперва шелъ по прочному грунту, лугами и лѣсомъ; затѣмъ мы перевалили черезъ послѣдній низкій, покрытый бѣдной растительностью кряжъ и, чтобы дать отдохнуть нашимъ смертельно измученнымъ лошадямъ, опять располо-

жились на ночлегъ въ 22 верстахъ отъ Аяна: мы надѣялись, что прекрасное пастбище придастъ нашимъ лошадямъ силы для послѣдняго напряженія, предстоявшаго на слѣдующій день.

Немного не доходя до упомянутаго кряжа, мы сегодня имѣли необыкновенную встрѣчу, которой я не могу пройти молчаніемъ. Мы проѣзжали частымъ лѣсомъ, какъ вдругъ изъ глубины его, къ сѣверу отъ насъ, послышался собачій лай, повидимому все приближавшійся. Мы приостановились, чтобы узнать въ чемъ дѣло, и немного погодя къ намъ прибѣжало нѣсколько собакъ, а слѣдомъ за ними — караванъ оленей съ ихъ кочующими хозяевами. То было два семейства тунгусовъ, которые рыбачили на Алдамѣ, а теперь, пренебрегая всякимъ созданнымъ цивилизаціей путемъ, шли прямо черезъ пустыню, далеко на югъ, на границу Манджуріи — къ Удскому. Оригинальная жизнь: нигдѣ у нихъ нѣтъ собственной земли и въ то-же время вся земля какъ-бы въ ихъ владѣніи. Такъ всю жизнь бродятъ они, старъ и младъ, черезъ чащи лѣсовъ, черезъ ужаснѣйшія пустыни, не представляющія повидимому ничего отталкивающаго для тунгуса. Встрѣтившіеся намъ тунгусы, при которыхъ было всего 50 оленей, составляли только одну партію перекочевывавшей группы, большая часть которой со своими стадами уже ушла впередъ. Изъ оленей нѣкоторые были очень велики, частью бѣлаго, частью бурого цвѣта, съ очень крупными, сильно развѣтвленными рогами. На самыхъ большихъ оленяхъ сидѣли верхомъ мужчины и женщины; точно также помѣщались на оленяхъ и дѣти, даже самыя маленькія. Всѣ были въ кожаныхъ рейтузахъ и живописной національной одеждѣ. Совсѣмъ маленькія дѣти, въ томъ числѣ одинъ грудной ребенокъ, были привязаны къ особаго рода сѣдламъ изъ шкуръ и со всѣхъ сторонъ окружены подпорками изъ дощечекъ. Впереди — громко кричація женщины и дѣти, за ними — стадо и вооруженные мужчины: въ такомъ видѣ внезапно вынырнулъ изъ лѣса караванъ, чтобы опять въ немъ скрыться. Какъ подobaетъ истымъ сынамъ пустыни, ихъ первый вопросъ касался того, не встрѣтили-ли мы медвѣдя, который теперь ужъ такъ

крупень и съ прекрасной черной шерстью? Они непременно хотѣли добыть его!

19-го Августа мы поднялись очень рано, и на этотъ разъ дорога намъ особенно благопріятствовала. По мѣрѣ приближенія къ морю, мѣстность все болѣе возвышалась. Опять появились горы, а въ пяти верстахъ отъ цѣли нашего путешествія показались даже крутыя скалы на берегу моря, которое мы теперь впервые увидали вдали. Около двухъ часовъ пополудни мы, спустившись съ пологой холмистой мѣстности, прибыли наконецъ въ Аянъ.

Здѣсь я встрѣтилъ радушный пріемъ въ домѣ привѣтливыхъ земляковъ. Въ Аянѣ, въ качествѣ врача Россійско-Американской Компаніи, жилъ уже нѣсколько лѣтъ съ женой и дѣтьми д-ръ Тиллингъ. Мы встрѣчались и вели знакомство въ Дерптѣ, въ университетѣ, и теперь судьба опять насъ свела на дальнемъ востокѣ. Первое, очень для меня радостное, извѣстіе заключалось въ томъ, что судно еще не ушло въ Камчатку, но что со дня на день ждутъ оттуда корабля, который затѣмъ снова долженъ туда вернуться. Сюда постепенно наѣхало множество чиновниковъ и офицеровъ, отправлявшихся на службу въ Камчатку и съ нетерпѣніемъ ждавшихъ возможности переѣзда на мѣсто своего назначенія. Аянъ представлялся теперь весьма оживленнымъ. Обыкновенно здѣсь жилъ только мѣстный начальникъ, т. е. управляющій компанейской факторіей — большею частью какой-нибудь изъ высшихъ флотскихъ офицеровъ, затѣмъ бухгалтеръ Компаніи, врачъ и священникъ, кромѣ того нѣсколько казаковъ, слугъ и рабочихъ. Аянъ не считался городомъ, но здѣсь была очень хорошенькая маленькая православная церковь, пять домовъ для служащихъ Компаніи, нѣсколько казармъ для рабочихъ и 2 — 3 товарныхъ сарая. Теперь всюду размѣстились пріѣзжіе, занявъ даже пустой сарай; кромѣ того разбито было еще множество палатокъ. Къ сожалѣнію, густой туманъ такъ окутывалъ всю мѣстность, что я не могъ ея рассмотреть. Къ тому-же послѣ перенесенныхъ трудностей путешествія мной овладѣло такое утомленіе, а раду-

ше моихъ хозяевъ дѣйствовало на меня такъ благотворно, что мнѣ даже не хотѣлось сегодня-же оставить теплый, уютный домъ. Я только позаботился пріискать помѣщеніе и для своего казака Рѣшетникова, купилъ для лошадей два большихъ мѣшка муки, и, послѣ этого сытнаго корма, отпустилъ ихъ пока съ якутомъ Дмитриемъ на ближнее хорошее пастбище.

20-го Августа я проснулся поздно послѣ продолжительнаго и благодѣтельнаго сна. Гостепріимная хозяйка угостила меня прекраснымъ кофе, и, послѣ долгаго перерыва, я до сыта наговорился на миломъ сердцу, родномъ нѣмецкомъ языкѣ (послѣдній разъ я слышалъ нѣмецкую рѣчь въ Петербургѣ); затѣмъ д-ръ Тилингъ хотѣлъ показать мнѣ Аянъ, причемъ предполагалось сдѣлать нѣсколько нужныхъ визитовъ.

Небольшое поселеніе окружено высокими горами, изъ которыхъ нѣкоторыя, именно на сѣверной сторонѣ, въ видѣ крутыхъ скалъ спускаются къ морю и состоятъ изъ очень твердыхъ, богатыхъ кремнекислотою сланцевъ розоваго и зеленаго цвѣта, нарушенныхъ массивными породами, быть можетъ изъ группы зеленокаменныхъ или мелафировъ. Только со стороны небольшой гавани, съ востока совершенно открытой и не защищенной, мѣстность также совершенно открыта. Всѣ дома расположены недалеко отъ морскаго берега, въ одинъ рядъ, заканчивающійся церковью. Нѣсколько очень жалкихъ огородовъ окружаютъ ихъ. Теперешній губернаторъ Камчатки, флота-капитанъ Завойко, — основатель и устроитель Аяна. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перевелъ сюда факторію Компаніи изъ Охотска. Завойко прежде тоже былъ на службѣ Компаніи въ Охотскѣ, и предложилъ эту замѣну, потому что въ Охотскѣ совсѣмъ нѣтъ гавани и, слѣдовательно, стоящія тамъ на рейдѣ суда постоянно подвергаются опасности. Мелкія суда могли еще, пожалуй, входить въ устье Охоты; но для крупныхъ это было невозможно, вслѣдствіе недостаточной глубины на барѣ. Такимъ образомъ возникъ Аянъ послѣ розысковъ болѣе удобной гавани, производившихся на протяженіи всего берега Охотскаго моря до Шантарскихъ острововъ.

Между прочимъ я сдѣлалъ визитъ начальнику поселенія, капитанъ-лейтенанту Кашеварову. Онъ принялъ меня очень покровительственно и обѣщаль позаботиться о томъ, чтобы я еще этой же осенью попалъ въ Камчатку. Это былъ человекъ съ весьма ограниченнымъ образованіемъ, но съ большимъ запасомъ грубости, съ громаднымъ тщеславіемъ и съ нѣкоторымъ внѣшнимъ лоскомъ, что производило иногда нѣсколько комичное впечатлѣніе.

21-го Августа поданъ былъ сигналъ, что въ виду гавани большое судно, и нѣсколько часовъ спустя въ нее вошелъ прекрасный военный корветъ «Оливуца», подъ командой капитана Суцова. Конечно, радость была всеобщая, такъ какъ для всѣхъ наконецъ представилась возможность достигнуть своей конечной цѣли.

Въ Аянѣ нѣтъ улицъ, а имѣется только очень длинная, поросшая травой площадь, лежащая между рядомъ домовъ и моремъ. Теперь по ней сновала очень пестрая толпа: среди офицеровъ и чиновниковъ, прибывшихъ изъ Россіи и ожидавшихъ переезда въ Камчатку, появились офицеры и матросы съ корвета. Затѣмъ, въ числѣ рабочихъ Компаніи виднѣлись тунгусы, якуты, алеуты-рыболовы съ ихъ кожаными байдарами, колоши изъ Ситхи и, наконецъ, даже нѣсколько гиляковъ съ Амура, только что прибывшихъ на «Оливуцѣ».

22-го Августа торжественно былъ отпразднованъ день коронаванія Императора Николая. Сначала престарѣлымъ архіепископомъ Иннокентіемъ совершено было богослуженіе въ церкви, затѣмъ послѣдовали поздравительные визиты мѣстному начальнику и капитану корвета. При этомъ рѣшено было, что всѣ чиновники и офицеры, ѣдущіе въ Камчатку, отправятся съ корветомъ и завтра же должны доставить свой багажъ на судно. Тилингъ, совсѣмъ оставлявшій службу, также уѣзжалъ на «Оливуцѣ», чтобы вернуться въ Европу черезъ Ситху—вокругъ свѣта. День закончился большимъ вечеромъ у Кашеварова, куда было приглашено все общество.

23-го Августа весь багажъ былъ доставленъ на судно, гдѣ, благодаря любезности капитана, я получилъ въ полное распо-

ряженіе небольшую каютку на палубѣ. Но мы — пассажиры — все еще оставались на берегу. Вечеромъ я еще разъ осмотрѣлъ своихъ лошадей, опять хорошенько накормилъ ихъ мукой и, щедро одаривъ своего вѣрнаго казака Рѣшетникова и стараго якута Дмитрія, отпустилъ ихъ въ обратный путь. Имъ приходилось спѣшить, чтобы перебраться черезъ Джугджуръ прежде, чѣмъ перевалы совсѣмъ занесетъ снѣгомъ.

24-го Августа у Кашеварова состоялся общій прощальный обѣдъ и въ 6 часовъ вечера мы всѣ перебрались на корветъ. Послѣ этого судно, оставаясь еще въ виду Аяна, стало медленно маневрировать передъ гаванью, подвигаясь въ открытое море.

Раннимъ утромъ 25-го августа передъ нами открылся красивый видъ съ судна на Аянь, его гавань и изрѣзанный утесистый берегъ; но вскорѣ эта картина скрылась изъ нашихъ глазъ. Попутный вѣтеръ надулъ паруса и изящное судно пошло въ юго-восточномъ направленіи со скоростью 6 узловъ.

Только теперь намъ сообщили, что корабль держитъ курсъ не непосредственно на Камчатку, а сначала пойдетъ къ южному берегу Охотскаго моря близъ устья Амура. Здѣсь правительствомъ было основано новое поселеніе — Петровское, съ цѣлью перенесенія его, при первой возможности, на самый Амуръ для занятія всей области устьевъ этой важной исполинской рѣки. Говорили, что и теперь уже въ Петровскомъ расположена въ нѣсколькихъ домахъ небольшая команда подъ начальствомъ флота-капитана Невельскаго, и что даже на самомъ берегу Амура, верстахъ въ 30 отъ устья, устраивается поселеніе, названное Николаевскимъ. Довольно удобная для всадника дорога, длиною версть въ 50, ведетъ, какъ передавали, изъ Петровскаго прямо на югъ, до Николаевска. Наконецъ, съ помощью подарковъ и уговариваній, постарались прибрѣсти расположеніе гиляковъ, населяющихъ страну отъ устьевъ вверхъ по Амуру на 200 съ лишнимъ версть. Затѣмъ отъ нихъ добились того, чтобы они не беспокоили новыхъ пришельцевъ, а, напротивъ, вступили съ ними въ мирныя и дружественныя отношенія. Все это было намъ объяв-

лено подъ величайшимъ секретомъ; особенно же настаивали на томъ, чтобы никто не упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ въ Европу.

Всѣ офицеры корвета, начиная съ капитана и до мичмана, были люди образованные, обходительные и любезные, такъ-что время въ каютъ-компаніи, за вкусной ѣдой и въ пріятельской бесѣдѣ, проходило не только пріятно, но и съ пользою. Благодаря непринужденному и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне приличному обращенію, а также тому, что научные интересы стояли на первомъ планѣ, между нами очень скоро завязались самыя дружескія отношенія. Съ особенной благодарностью долженъ я упомянуть о капитанѣ Сушовѣ и лейтенантахъ Лихачевѣ, Корпелонѣ, Шлиппенбахѣ и Савинѣ.

26-го Августа увидали мы скалистые Шантарскіе острова и встрѣтили нѣсколько китовъ, выбрасывавшихъ свои фонтаны высоко надъ поверхностью моря. Погода стояла прекрасная, воздухъ былъ почти лѣтній; но къ сожалѣнію вѣтеръ былъ слабъ и и большею частью непопутный, такъ что мы могли подвигаться только лавируя.

27 и 28-го Августа продолжалось то же самое, но намъ приходилось больше придерживаться болѣе восточнаго направленія, а 28-го уже показалась высокая сѣверная оконечность Сахалина.

Наконецъ, 29-го августа мы бросили якорь на открытомъ рейдѣ, въ виду Петровскаго, верстахъ въ пяти отъ материка. 30 и 31-е мы провели въ бездѣйствіи на суднѣ, потому что свѣжій вѣтеръ дѣлалъ невозможнымъ переѣздъ на берегъ въ лодкѣ. Этимъ же сильнымъ вѣтромъ рѣшена была, къ сожалѣнію печально, участь компанейскаго судна «Шелиховъ». За нѣсколько дней до этого оно при густомъ туманѣ попало на песчаную банку въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Петровскимъ. Всѣ усилія снять его съ мели остались безуспѣшны, и хотя удалось спасти главный грузъ, но самое судно въ послѣднюю ночь дало такую огромную течь, что пришлось его оставить; команда и командиръ должны были пойти съ нами на корветѣ въ Камчатку.

1-го Сентября вѣтеръ совершенно стихъ и температура воздуха сильно понизилась. На корветѣ работали надъ выгрузкой припасовъ, привезенныхъ для Петровскаго, и я получилъ разрѣшеніе отираться съ одной изъ большихъ лодокъ на берегъ. Мы вѣхали въ маленькій заливъ, такъ называемой «Заливъ Счастья», образуемый двумя низкими и длинными песчаными островами — Уддомъ и Лангромъ — вмѣстѣ съ плоскимъ полуостровомъ, также состоящимъ изъ песку и дресвы; острова и полуостровъ отдѣляютъ этотъ заливъ отъ моря. Здѣсь мы пристали у трехъ домовъ Петровскаго, построенныхъ на внутренней сторонѣ полуострова близъ моря. Новое поселеніе расположено въ западной части залива тамъ, гдѣ онъ весь окруженъ материкомъ, тогда какъ восточная часть, лежащая между горою Меньшикова и островомъ Лангръ, открывается въ ляманъ Амура. Маленькая рѣчонка Иски впадаетъ въ этотъ заливъ близъ Петровскаго и открываетъ путь къ Амуру. Путь этотъ идетъ первоначально долиною Иски, затѣмъ черезъ невысокій кряжъ въ маленькую долину, которая оканчивается у новаго поселенія — Николаевска. Поздно вечеромъ, при чудномъ лунномъ свѣтѣ, вернулся я снова на корветъ вмѣстѣ съ командой.

Въ Петровскомъ я видѣлъ много гиляковъ. Это — здоровое, крѣпкое племя, нѣсколько дикое и совершенно не тронутое цивилизаціей. Черты лица у нихъ чисто монгольскія, борода небольшая и рѣдкая, волосы заплетены въ длинную косу. Платье, отчасти въ китайско-маньчжурскомъ вкусѣ, изготовляется изъ кожи рыбъ и изъ медвѣжьихъ, тюленьихъ и собачьихъ шкуръ. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы и ягодъ. Медвѣдь и огонь играютъ важную роль въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ. Ихъ шаманы представляютъ собою родъ жрецовъ и врачей вмѣстѣ. Рыбная ловля, охота и торговля — главные занятія гиляковъ. Оружіе состоитъ изъ луковъ, большихъ ножей и копій. Гиляки яко-бы обязаны платить дань маньчжурамъ, т. е. не правительству, а странствующимъ маньчжурскимъ торговцамъ, которые разѣзжаютъ на своихъ лодкахъ по всему Амурскому краю и вездѣ гра-

бять гиляковъ, отнимая плоды ихъ охоты въ обмѣнъ на ничего не стоящіе товары и облагая ихъ контрибуціей. Сверхъ того гиляки находятся въ небольшихъ торговыхъ сношеніяхъ съ тунгусами и японцами. Ихъ жилища представляютъ собою просторныя четырехугольныя деревянныя зданія съ обыкновенной кровлей, но безъ потолка; у стѣнъ широкія нары, подъ которыми проходятъ дымовыя хода.

Со 2-го до 4-го сентября снова дулъ сильный вѣтеръ, сопровождаемый холодомъ и туманомъ, вслѣдствіе чего мы не могли оставить судна. Лишь 5-го сентября получилъ я возможность отправиться на берегъ, откуда вернулся только 6-го. Я сдѣлалъ визитъ Невельскому, который жилъ здѣсь со своей молодой женой. Этотъ оригинальный, разсѣянный и слишкомъ богатый планами человекъ тотчасъ предложилъ мнѣ изслѣдовать близлежащую залежь торфа, которая, по его мнѣнію, представляла огромную важность для Амурскаго края.

Пока доставали лошадей, на которыхъ, въ сопровожденіи одного тунгуса, я собирался ѣхать верхомъ къ торфяной залежи, пришла грустная вѣсть объ окончательной гибели «Шелихова». Эта вѣсть произвела крайне удручающее впечатлѣніе.

Мы быстро подвигались впередъ къ торфяной залежи. Дорога шла мимо двухъ гиляцкихъ хижинъ, которыя обѣ были одинаково грязны, противны и населены людьми, по степени развитія дѣйствительно звѣрообразными. Видѣли мы очень много собакъ, употребляемыхъ для ѣзды и составляющихъ здѣсь единственное домашнее животное. Встрѣчались у гиляковъ также живые медвѣди и орлы; первые, какъ говорятъ, сохраняются для религиозныхъ торжествъ, а вторыхъ охотно покупаютъ японцы. При этихъ жилищахъ находилось еще нѣчто въ родѣ кладбища, гдѣ въ большомъ ящикѣ, сколоченномъ изъ бревенъ и снабженномъ маленькой крышей, сохраняется пепелъ сожженныхъ мертвецовъ, со всѣми предметами, служившими имъ при жизни, какъ-то: оружіемъ, трубкой, ложкой, деревянной чашкой и пр. Сверхъ того эти мѣста были украшены надѣтыми на жерди черепами дельфиновъ.

Залежь состояла изъ морскаго или озернаго торфа мощностью около 3 футовъ и столь недавняго происхожденія, что его гораздо основательнѣе можно было-бы назвать скопленіемъ полусгнившихъ болотныхъ и морскихъ растений. Торфъ лежитъ на плотномъ щебнѣ, изъ котораго состоятъ всѣ берега Залива Счастья. Вечеромъ я рано вернулся въ Петровское и остался къ чаю и на ночь у Невельскаго. Мой хозяинъ былъ неутомимъ въ своихъ разсказахъ и проектахъ. Въ самое короткое время онъ присоединилъ и цивилизовалъ-бы весь Амурскій край, да еще чуть не завоевалъ всего Китая.

7-го Сентября въ 6 часовъ вечера были подняты якоря и курсъ нордъ-нордъ-остъ показалъ, что теперъ-то мы идемъ къ Камчаткѣ. Дулъ крѣпкій южный вѣтеръ, вскорѣ перешедшій въ штормъ. 8, 9 и 10-го сентября продолжался штормовой юго-западный вѣтеръ, порядкомъ швырявшій судно изъ стороны въ сторону. Вѣтеръ свирѣпствовалъ съ различной силой, то ослабѣвая, то снова усиливаясь, но все время сохранялъ благопріятное для насъ направленіе, такъ что мы въ теченіе этихъ дней прошли большую часть Охотскаго моря. Нерѣдко огромная волна обрушивалась на палубу; то насъ подкидывало на громадную высоту, то мы стремглавъ летѣли внизъ въ пропасть между волнъ. Стоять или ходить безъ опоры — нечего было и думать. За всѣ эти бѣды мы были вознаграждены вечеромъ и ночью такимъ свѣченіемъ моря, которое по великолѣпію превосходитъ все, что можно себѣ вообразить.

11-го Сентября постепенно стало стихать и признакомъ нашего приближенія къ Курильскимъ островамъ послужилъ прилетъ на судно нѣсколькихъ наземныхъ птицъ, именно овсянокъ. 12-го мы увидѣли островной вулканъ Алаидъ, но изъ-за пасмурной погоды нельзя было разглядѣть, дымить онъ или нѣтъ. Къ вечеру вѣтеръ, къ сожалѣнію, измѣнился и мы опять удалились отъ острововъ.

Рано утромъ 13-го сентября небо и горизонтъ были ясны и солнце сіяло, но ни одного изъ Курильскихъ острововъ уже болѣе не было видно. Незадолго до 10 часовъ вѣтеръ снова измѣнился

въ нашу пользу, и мы могли взять курсъ прямо на острова. Около часу пополудни увидали мы сначала справа Макапрушь, затѣмъ Онекотанъ, а нѣсколько позже и слѣва Ширинки и южную оконечность Парамушира. Особенно близко проходили мы у Макапруша и Онекотана—двухъ высокихъ острововъ изъ разорванныхъ скалъ, но безъ ясно выраженныхъ конусовъ. Ширинки, напротивъ, представился намъ въ видѣ вполне выраженного усѣченнаго конуса. Мы летѣли къ океану черезъ четвертый проливъ Курильскихъ острововъ со скоростью 10 узловъ при покойномъ ходѣ судна, прекраснѣйшей погодѣ и благопріятнѣйшемъ вѣтрѣ. Въ каютѣ, за стаканомъ вина, всѣ весело привѣтствовали этотъ необыкновенно удачный переходъ въ величайшій океанъ.

14-го дуть тотъ-же благопріятный для насъ свѣжій вѣтеръ, судно несло всѣ паруса и шло спокойно, но быстро. Матросамъ было мало дѣла и они предавались различнымъ забавамъ. Пѣли, танцовали и разыгрывали разныя шутки въ лицахъ. Дошла очередь и до якутовъ, ѣхавшихъ въ качествѣ пассажировъ на Ситху: они также должны были внести свою долю въ общее веселье. Флегматично и спокойно появились они, въ числѣ около 10 человекъ, стали въ кругъ, взяли за руки и начали медленно кружиться, сильно раскачиваясь изъ стороны въ сторону и издавая tremolando низкіе однообразные гортанные звуки. Громкій хохотъ вскорѣ покрылъ это комичное веселье апатичной группы, которая поспѣшила исчезнуть со сцены. Теперь выступила прямая противоположность якутамъ. Пять колошей, которыхъ мы везли изъ Аяна на ихъ родину, пестро размалевали себя, по своему индѣйскому обычаю, красной и черной краской, надѣли головной уборъ изъ перьевъ, навѣсили на себя пестрыя одѣяла и всякаго рода погремушки. Въ такомъ видѣ съ крикомъ и воемъ стремительно и энергично бросились они на первый планъ и съ своеобразнымъ темпомъ исполнили свою дикую, военную пляску. Пальма первенства въ этотъ день досталась имъ.

Утромъ 15-го сентября, при прекрасной погодѣ, мы въ первый разъ увидѣли часть Камчатскаго берега. Это была вершина

Кошелевой сопки, показавшейся вдали на горизонтѣ. Около часу показался въ неясныхъ очертаніяхъ островъ Уташугъ и затѣмъ въ теченіе цѣлаго дня, съ небольшими лишь перерывами, мы видѣли въ отдаленіи различныя части берега. Вечеромъ мы взяли курсъ прямо на Авачинскій заливъ.

16-го Сентября день былъ дождливый. Въ четыре часа утра мы увидали уже вдали огонекъ маяка, на который теперь прямо и держали. Слева показался острый конусъ Вилючинской сопки и островъ Старичковъ, а справа — великолѣпный вулканическій трезубецъ: Коряка, Авача и Козель. Вскорѣ появился и тѣсный, окруженный высокими, отвѣсными скалами, входъ въ Авачинскую губу. Здѣсь привѣтствовалъ насъ китъ со своимъ брызжущимъ фонтаномъ. Затѣмъ мы вошли въ своего рода Дарданелы, образуемые входомъ въ бухту, имѣя по бокамъ выступающіе изъ воды, отдѣлившіеся отъ берега каменные колоссы — слева Бабушкинъ камень, справа Три Брата. Наконецъ, въ семь часовъ мы вошли въ прекрасный, обширный Авачинскій заливъ и въ 8 часовъ утра бросили якорь въ маленькой бухтѣ Св. Петра и Павла.

Цѣль моего путешествія лежала предо мной; страна, въ которой я долженъ былъ начать свои многолѣтнія изслѣдованія, была достигнута.

ОТДѢЛЪ II.

Поездка по Камчаткѣ осенью 1851 и зимою 1852 г.г.

- 1) Поездка къ горячимъ ключамъ (Паратунскимъ ключамъ) въ сентябрь 1851 г.
 - 2) Обѣздъ Авачинской губы съ сентябрь 1851 г.
 - 3) Экскурсія на Авачинскую сопку въ октябрь 1851 г.
 - 4) Зимняя поездка въ Нижне-Камчатскъ въ январь 1852 г.
- Прибавленіе: Пробываніе въ Петропавловскъ зимою 1851—52 г.*

- 1) Поездка къ горячимъ ключамъ (Паратунскимъ) въ сентябрь 1851 г.

16-го Сентября 1851 г., въ день моего прибытія въ Камчатку, стояла мрачная и дождливая погода; все кругомъ было окутано густымъ туманомъ.

Утомленный физически и нравственно, я весь первый день провелъ на корветѣ и лишь на слѣдующій сдѣлалъ визитъ военному губернатору Камчатки Василю Ивановичу Завойко, отнынѣ моему начальнику. Я былъ принятъ въ высшей степени привѣтливо какъ имъ, такъ и его супругой Юліей Егоровной, урожденной баронесой Врангель. Ихъ привѣтливость и любезность произвели на меня чрезвычайно благодѣтельное впечатлѣніе, заставивъ забыть все тяжелое въ моемъ положеніи. Такъ завязались между нами отношенія, о которыхъ я вспоминаю съ глубочайшей признательностью и которыя безъ всякаго дисонанса продолжались въ теченіе всего моего пребыванія въ Камчаткѣ и на Амурѣ.

Я встрѣтилъ также самую любезную предупредительность со стороны многихъ другихъ лицъ, такъ что сейчасъ-же могъ ориентироваться и освоиться на новомъ мѣстѣ. Единственный неприятный пунктъ составлялъ квартирный вопросъ. Временно, до присканія и устройства нужныхъ квартиръ, многіе изъ новоприбывшихъ, въ томъ числѣ и я, были помѣщены въ довольно ветхомъ зданіи съ сильно протекавшей крышей. Но я самъ не бездѣйствовалъ и условился съ однимъ старымъ унтеръ-офицеромъ объ устройствѣ для меня одной комнатки въ его домѣ. Для этого однако нужна была еще кое-какая работа, такъ что мое помѣщеніе могло быть готово и занято лишь черезъ нѣсколько недѣль.

Губернаторъ, съ своей стороны, дѣлалъ все, что было въ его силахъ, для исполненія своихъ обязанностей по размѣщенію всѣхъ вновь прибывшихъ офицеровъ, чиновниковъ и команды.

Камчатка стала титуловаться губерніей лишь съ 1850 г., т. е. со времени назначенія на губернаторскій постъ Завойко. Это громкое названіе было придумано въ Иркутскѣ, у генералъ-губернатора, и впослѣдствіи получило утвержденіе. За зеленымъ столомъ, по шаблону великорусскихъ губерній, назначили въ Камчатку цѣлую армію чиновниковъ и офицеровъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ этой безлюдной странѣ, ея особенностяхъ и обусловливаемыхъ этимъ насущныхъ потребностяхъ. Имѣлось въ виду поднять край, сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ для имперіи. Надѣялись этимъ повышеніемъ въ рангѣ и этими бесполезными внѣшними мѣрами, да еще выкроенными по самому общему шаблону, цивилизовать страну и довести ее до процвѣтанія; на самомъ же дѣлѣ чиновники различныхъ вѣдомствъ и министерствъ, одинаково подчиненные губернатору, всѣ предъявляли различныя требованія и, вмѣсто взаимной помощи для совмѣстной работы, напротивъ часто противодѣйствовали другъ другу. Въ то-же время были асигнованы немалыя денежныя средства, но и они, по образцамъ Европейской Россіи, не были предоставлены въ безконтрольное распоряженіе мѣстныхъ властей. Сама Камчатка ничего еще не производила, по-

этому нельзя было дѣлать на мѣстѣ никакихъ закупокъ. Напротивъ, все и вся изъ безчисленныхъ предметовъ ежедневнаго потребленія, съѣстные припасы и всякаго рода матеріалы, все приходилось привозить изъ очень далекихъ мѣстъ, выписывая и заказывая это нерѣдко за много мѣсяцевъ впередъ.

На губернатора возложено было по возможности развить въ странѣ земледѣліе и скотоводство, создать пути сообщенія, какъ посредствомъ устройства сухопутныхъ дорогъ, такъ и постройкой новыхъ транспортныхъ и береговыхъ судовъ, чтобы этими мѣрами сдѣлать доступными отдаленныя части края. Петропавловскъ долженъ былъ сдѣлаться полезной станціей для военнаго флота, равно какъ для торговыхъ судовъ и китобоевъ. Для этого однако не доставало рабочихъ и ремесленниковъ, равно какъ мастерскихъ и складовъ корабельныхъ принадлежностей, да и самые строительные матеріалы для домовъ доставались съ большимъ трудомъ, такъ какъ во всей южной части полуострова растетъ только лиственный лѣсъ.

Съ повышеніемъ Камчатки въ рангъ губерніи въ ней значительно возросло число военныхъ и чиновниковъ; но все это были господа, взятые непосредственно отъ зеленаго стола и фронта, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о потребностяхъ практической, созидающей дѣятельности, и потому неспособные оказывать Завойко никакой помощи. А между тѣмъ на немъ лежала обязанность заготовлять для всѣхъ этихъ новыхъ пришельцевъ дома, казармы, амбары, мастерскія и пр., а въ особенности же немалое количество всевозможнаго провіанта. Это была нелегкая задача и справиться съ нею могъ только такой умѣлый человекъ, какимъ былъ Завойко. Въ теченіе немногихъ лѣтъ возникъ небольшой городокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ до того стояло только нѣсколько жалкихъ домишекъ. Правда, губернаторъ требовалъ за то отъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и офицеровъ строжайшей исполнительности въ работѣ и усиленныхъ трудовъ, хотя - бы даже и внѣ сферы спеціальныхъ занятій, что въ свою очередь порождало взаимное неудовольствіе и натянутость отношеній.

Въ то-же время Завойко и его жена постоянно стремились къ всевозможному облегченію для всего общества способовъ пріобрѣтенія предметовъ ежедневной необходимости, старались даже доставлять ему развлечения и удовольствія. Домъ ихъ отличался крайнимъ гостепрѣимствомъ и всегда былъ открытъ для гостей.

Къ числу такихъ удовольствій принадлежали также небольшія поѣздки къ различнымъ живописнымъ мѣстамъ окрестностей, особенно же привлекали близлежащіе горячіе ключи. На 19-ое сентября Завойко тоже проектировалъ такую прогулку, чтобы показать капитану Суцову эти интересные источники, при чемъ къ участію были приглашены нѣкоторые чиновники, въ томъ числѣ и я.

Рано утромъ, въ назначенный день, собралось наше небольшое общество, чтобы переправиться въ двухъ лодкахъ на противоположный берегъ большой Авачинской губы. Надо было сдѣлать 17 верстъ моремъ; при хорошей тихой погодѣ мы ихъ быстро прошли на веслахъ и пристали къ низкому песчаному берегу въ передней части большой придаточной бухты — Таринской губы.

Отсюда, послѣ завтрака, отправились мы пѣшкомъ черезъ неглубокую долину, занятую лугомъ съ разсѣянными по немъ березами. Маленькая тропинка, извивающаяся въ высокой травѣ, вела къ длинному озеру, называемому «Ближнимъ» и лежащему въ разстояніи около версты отъ мѣста высадки. Здѣсь мы сѣли въ приготовленныя лодки, въ которыхъ пересѣкли озеро по всей его длинѣ до другого конца, гдѣ расположено небольшое якутское поселеніе Озеро. Употребительныя здѣсь лодки (однодеревки) представляютъ собою просто выдолбленный стволъ тополя, слегка заостренный на обоихъ концахъ. Благодаря полному отсутствію киля, эти лодки очень легко опрокидываются; поэтому ихъ часто связываютъ жердями по двѣ, въ результатѣ чего получается съ одной стороны значительное уменьшеніе валкости и даже полная невозможность опрокидыванія, съ другой-же — подъемъ значительно большаго груза. Эти соединенныя лодки, называемыя паромами, весьма употребительны по всей Камчаткѣ на тихихъ озерахъ или

въ поѣздахъ внизъ по теченію рѣкъ, тогда какъ для подъема противъ теченія онѣ совершенно не годятся.

Пересѣченное нами озеро составляло часть той-же долины, на которую мы ступили, высадившись на берегъ, и дно которой глубоко опустилось для озера. Отъ поселка Озера дорога идетъ широкой долиной Паратунки, — рѣки, вытекающей изъ южныхъ горъ и впадающей въ Авачинскую губу; отъ него всего остается только нѣсколько верстъ до горячихъ источниковъ, называемыхъ Ключи. Здѣсь долина, направляющаяся къ югу въ горы, нѣсколько суживается, хотя все еще остается довольно широкою; съ запада и востока она окаймлена далеко разошедшимися скалистыми стѣнами; дно ея—алювіальное и усыяно высокими травами и разбросанными березами, тополями и ольхой. Виднѣющіяся съ востока скалистые горы сильно разорваны и могутъ быть ужъ причислены къ тянущимся на сѣверъ предгоріямъ Валуичинской сопки. Въ серединѣ этой долины находится маленькій бассейнъ, имѣющій при равномерной глубинѣ въ 4 — 4 $\frac{1}{2}$ фута, поперечникъ въ 20 — 25 футовъ и наполненный теплою водою (34° R.). На сѣверномъ краѣ бассейна, гдѣ глубина всего въ 2 фута, выходитъ источникъ, совсѣмъ не образующій сильно бьющей струи и имѣющій температуру въ 41° R.; вода распространяетъ слабый запахъ сѣрнистаго водорода. Температура воздуха во время нашего посѣщенія равнялась всего 8° R. Короткій ручеекъ несетъ все еще тепловатую воду въ Паратунку.

Чтобы здѣсь можно было принимать ванны, Завойко выстроилъ на самомъ берегу бассейна просторный домъ съ лѣстницей, ведущей прямо въ воду. Мы вошли въ этотъ домъ, и все общество тотчасъ-же воспользовалось теплымъ купаньемъ. Затѣмъ, при прекрасномъ настроеніи и веселыхъ шуткахъ всей компаніи, послѣдовалъ большой обѣдъ. Наконецъ послѣ пріятно проведеннаго дня мы расположились на ночлегъ на просторномъ ложѣ изъ сѣна.

Утромъ 20-го сентября мы рано встали, искупались еще разъ и, позавтракавъ, отправились въ обратный путь. Вчераш-

ней дорогой мы скоро вернулись къ нашимъ лодкамъ на морѣ и, пользуясь благопріятной погодой и вѣтромъ, возвратились въ Петропавловскъ. Пройденная нами мѣстность оказалась восхитительной, и, хотя время уже было довольно осеннее, мы могли еще любоваться очень роскошной растительностью. Всѣ ручьи были переполнены большими лососями, продолжавшими свое путешествіе вверхъ по рѣкамъ.

Переѣзжая черезъ Авачинскую губу, мы имѣли передъ глазами необыкновенно величественную панораму. На сѣверовостокѣ видны были высокіе, крутые и скалистые берега большого залива, а надъ ними выступали великолѣпныя формы Коряцкой и Авачинской сопокъ, вмѣстѣ съ дополненіемъ послѣдней—Козельской. На югозападѣ возвышалась Вилючинская сопка, и также надъ скалистыми берегами, высота, крутизна и разорванность которыхъ еще увеличивалась къ юговостоку, т. е. къ входу изъ Океана въ Авачинскую губу. На сѣверозападѣ низкія дельты рѣкъ Паратунки и Авачи соединяются въ далеко протянувшуюся долину. Авачинская сопка слегка дымилась, Коряцкая-же и Вилючинская казались совершенно недѣятельными.

Ближайшіе дни я посвятилъ устройству своихъ дѣлъ и ознакомленію съ мѣстностью. Миѣ еще предстояло объѣхать всю Авачинскую губу, спеціальную карту которой я теперь изучалъ.

23-е Сентября я долженъ былъ еще провести въ нашей маленькой резиденціи, такъ какъ капитанъ Суцовъ пригласилъ всѣхъ на корветъ для празднованія годовщины отплытія этого судна изъ Кронштадта. Многочисленное общество собралось къ роскошному завтраку. Тосты слѣдовали за тостами подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Наконецъ мы разошлись, чтобы приготовиться къ балу, по приглашенію губернатора.

Вечеромъ на корветѣ и на берегу внезапно началась зловѣщая суета. Суцовъ вздумалъ проѣхать подъ парусомъ по заливу въ небольшой шлюпкѣ, какъ вдругъ неожиданнымъ и сильнымъ порывомъ вѣтра опрокинуло его маленькую лодку, и на нашихъ глазахъ она затонула со всѣми пассажирами. Тотчасъ-

же всё лодки были на мѣстѣ несчастія; два американскихъ китобоя также отправили свои быстроходные вельботы; но, къ несчастію, удалось спасти только двухъ матросовъ. Капитанъ Суцовъ съ тремя матросами пошли ко дну, и ихъ невозможно было отыскать, несмотря на поиски всякими способами, длившіеся до поздней ночи. Лодку удалось вытащить, но пустую. Всё усилія и труды, всё старанія найти утонувшихъ остались тщетны. Такимъ образомъ день радости неожиданно обратился въ день печали. Достойнѣйшій человекъ, прекрасный морякъ лежалъ теперь въ холодной, сырой могилѣ со своими тремя спутниками.

И въ слѣдующіе дни не прекращались поиски, чтобы по крайней мѣрѣ найти и похоронить трупы, но также безуспѣшно. Наконецъ 26-го сентября, когда окончательно пришлось отказаться отъ всякой надежды, вдоль берега потянулась длинная траурная процесія, съ духовенствомъ во главѣ, и остановилась противъ мѣста ужасной катастрофы, чтобы хотѣ отсюда отдать послѣдній долгъ погибшимъ.

2) *Объездъ Авачинской губы въ сентябрь 1851 г.*

Завойко далъ мнѣ вельботъ съ пятью матросами для объезда Авачинской губы, и я выѣхалъ раннимъ утромъ 27-го сентября, чтобы вернуться лишь ночью 30-го.

Обращаясь теперь къ описанію этого великолѣпнаго залива, я въ чисто географическомъ отношеніи руководствуюсь картами Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства; для возможно же большей полноты я пользовался также всеми относящимися сюда замѣтками изъ моихъ дневниковъ за позднѣйшіе годы.

Географическое положеніе Авачинской губы лучше всего опредѣляется положеніемъ Петропавловска, который лежитъ на $158^{\circ} 30'$ в. д. (отъ Гринвича) и 53° съ нѣсколькими минутами с. ш., слѣдовательно почти на одной широтѣ съ устьемъ Амура, Иркутскомъ, Орломъ, Бременомъ, Ливерпулемъ и островомъ королевы Шарлоты.

Если мы обратимся къ размѣрамъ Авачи, то увидимъ, что наибольшія ея протяженія почти совпадаютъ съ двумя линиями: одной, идущей съ сѣвера на югъ, и другой — съ востока на западъ. Раздѣливъ этими линиями весь заливъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлимъ и берегъ на 4 части: сѣверовосточную, сѣверозападную, юговосточную и югозападную. При этомъ линия, идущая отъ самаго сѣвернаго пункта—села Авачи—до самаго крайняго, южнаго, конца Таринской губы, имѣетъ $18\frac{1}{2}$ верстъ длины; линия-же, проведенная отъ крайняго восточнаго конца Раковой губы до устья Паратунки, т. е. до самаго западнаго пункта, равна 20 верстамъ. Этому дѣленію я придаю здѣсь лишь географическое значеніе — не болѣе.

1) Сѣверовосточный берегъ, отъ деревни Авачи до самаго внутренняго конца Раковой губы, на протяженіи 16 верстъ по прямой линіи, представляетъ волнистое очертаніе и состоитъ изъ длиннаго ряда небольшихъ бухтъ, раздѣленныхъ невысокими, но крутыми, скалистыми мысами. Эти бухточки, отличающіяся песчанымъ или состоящимъ изъ гравія грунтомъ и низкими берегами, очень мало вдаются въ сушу и всегда составляютъ конечные пункты небольшихъ долинъ, въ которыхъ находятся ручьи или небольшіе водные бассейны.

Направляясь къ югу отъ деревни Авачи, расположенной на низкой, состоящей изъ гравія косѣ между однимъ изъ рукавовъ р. Авачи и большимъ заливомъ, мы находимъ сперва Моховую губу; затѣмъ идетъ бухта Сѣроглазка съ небольшимъ озеромъ и ручьемъ, вытекающимъ у подошвы Авачинской сопки и образующимъ слѣдовательно проходъ къ этой горѣ. За Сѣроглазкой идетъ бухта Верхняго озера; послѣднее доходитъ вплоть до самаго Петропавловска, который оно ограничиваетъ съ сѣвера. Отъ самой-же Авачи озеро отдѣлено только низкими, состоящими изъ грубаго песку дюнами, черезъ которыя и проложило себѣ короткий стокъ. За этимъ рядомъ неглубокихъ извилинъ, какъ разъ по серединѣ сѣверовосточнаго берега Авачи, лежитъ высоко интересный Петропавловскій заливъ. За нимъ, къ югу до самаго

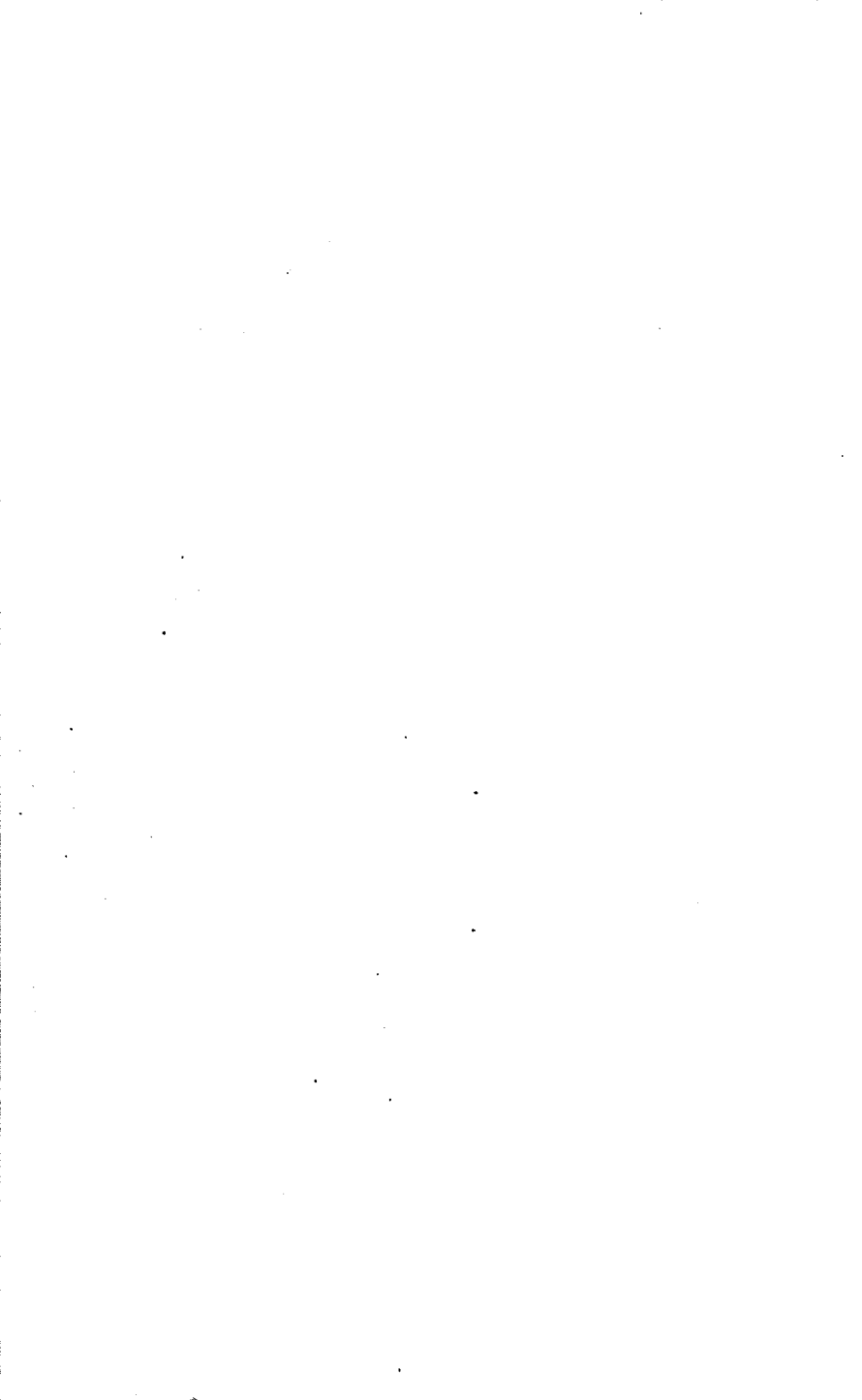

 Богатыи кварциты, метаморфизированные осадочные породы.

 Аллювиальные образования.

 Трахиты, базальты и древне-авачинские образования с их конгломератами.

 Потоки лавы.

дальняго конца Раковой губы, идутъ опять такія-же неглубоко вдающіяся маленькія бухточки, раздѣленные между собой небольшими, обыкновенно низкими, скалистыми мысами. Отправляясь съ сѣвера на югъ, мы встрѣчаемъ здѣсь слѣдующія мѣстности, заслуживающія особаго вниманія потому, что часто посѣщаются и упоминаются мѣстными жителями: Поганку съ кладбищемъ Петропавловска, Красный Яръ, Гремучку, Соленый мысъ, Медвѣжью губу, Богородскую губу и Стрѣлку, отъ которой собственно и начинается Раковая губа.

Всѣмъ этимъ небольшимъ заливамъ соотвѣтствуютъ долины, которыя вдаются болѣе или менѣе далеко внутрь страны въ высокія береговія горы, и по дну которыхъ стекаютъ небольшіе береговіе ручьи. На небольшихъ скалистыхъ мысахъ эти высоты подходятъ напротивъ ближе къ берегу.

Береговія горы, покрытыя роскошною травой, кустарникомъ и даже кое-гдѣ деревьями, тянутся въ видѣ болѣе или менѣе широкой цѣпи съ закругленными большею частью вершинами, параллельно сѣверовосточному берегу Авачл. На востокъ горы быстро и довольно круто понижаются къ равнинѣ, которая отъ моря постепенно поднимается къ Авачинской сопкѣ. Близъ сопки равнина переходитъ въ холмистую мѣстность, соединяется съ ранѣе упомянутымъ кряжемъ и образуетъ предгорія этого чуднаго вулкана. У самой подошвы сѣверовосточнаго склона береговыхъ горъ протекаетъ Калахтырка. Это — береговая рѣчка, приходящая съ вулкановъ; на пути своемъ она образуетъ продолговатое озеро и наконецъ, пройдя черезъ него, впадаетъ въ море.

Петропавловскъ своимъ необыкновенно защищеннымъ, даже укрѣпленнымъ положеніемъ обязанъ исключительно совмѣстному существованію двухъ особенныхъ условий. Замѣчательная маленькая бухта Петропавловска производитъ впечатлѣніе произшедшей не какъ другія бухты — черезъ наступаніе воды на сушу, а возникшей благодаря образованію особыхъ скалъ въ бассейнѣ большаго залива. Дѣло въ томъ, что въ направленіи приблизительно параллельномъ береговой цѣпи и въ очень недалекомъ отъ нея

разстояніи изъ моря круто поднимается скалистый кряжъ, вышиною около 200' и длиною около 1000 сажень. Только на сѣверномъ своемъ концѣ, наиболѣе высокомъ, онъ соединяется посредствомъ очень незначительнаго подъема суши съ берегомъ, а остальными тремя четвертями своей длины вдается на югъ въ море и образуетъ такимъ образомъ совмѣстно съ параллельнымъ берегомъ малевькую, глубокую придаточную бухту. Этотъ своеобразный кряжъ раздѣляется глубокой впадиной, находящейся почти на серединѣ его длины, на двѣ длинныхъ скалистыхъ массы, изъ которыхъ сѣверная, Никольская гора, выше и въ ширину имѣетъ около 170 сажень, между тѣмъ какъ южная — Сигнальный мысъ — ниже и въ ширину не болѣе 100'. Описываемыя скалы круто падаютъ къ Авачинскому заливу; сторона же ихъ, обращенная къ материку, образуетъ пологій склонъ, поросшій травой и кустарникомъ. На сѣверномъ концѣ, слѣдовательно съ Никольской горы, скалы также круто падаютъ къ небольшому озеру, ограничивающему Петропавловскъ съ сѣвера; между крутой стѣной, образуемой ими, и озеромъ остается лишь мѣсто для очень узкой дороги къ деревнѣ Авачѣ. Впадина, длина которой равна приблизительно 50 саженямъ, представляетъ невысокую лужайку, украшенную колонной въ память Лаперуза. Въ довершеніе ко всѣмъ прочимъ своимъ достоинствамъ описываемая естественная гавань имѣетъ еще какъ бы хорошо выстроенный молъ: отъ прочнаго матерга берега отходитъ узкая коса, состоящая на поверхности изъ плотнаго щебня и поднимающаяся всего лишь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ воды. Длина косы, почти совершенно лишенной растительности, равна 260 саженямъ, ширина же отъ 6 до 15. Эта такъ называемая Кошка идетъ къ сѣверозападу, на встрѣчу Сигнальному мысу, такъ что между ними обоими остается проходъ, имѣющій въ глубину 60' и достаточный для самыхъ большихъ судовъ. Такимъ образомъ оба эти образованія — Сигнальный мысъ и Кошка — отрѣзываютъ отъ Авачи небольшой, почти треугольной формы бассейна. Самая длинная сторона его, обращенная къ материку, имѣетъ 400 сажень, двѣ же другія по 320

и 300 сажень въ длину. Эта гавань завимаетъ поверхность приблизительно въ 40.000 квадр. сажень и представляетъ глубину въ 6, 7 и 8 сажень, а въ самомъ проходѣ в до 9. Къ югу отъ Кошки образуется еще безопасный рейдъ, благодаря простирающемуся въ этомъ направленіи Сигнальному мысу.

2) Сѣверо-западный берегъ Авачивской губы, отъ деревни Авачи до большаго устья Паратунки, по прямой линіи имѣетъ 12 верстъ длины и представляетъ низменность, образуемую дельтами рр. Авачи и Паратунки. Только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега низменность эта дѣлится на двѣ долины, которыя обѣ идутъ въ горы; а именно одна съ р. Авачей на сѣверо-западъ, другая съ р. Паратункой на юго-западъ.

По выходѣ изъ деревни Авачи, мы прежде всего доходимъ до устьевъ р. Авачи. Первое изъ нихъ находится сейчасъ-же за деревней, на той-же низкой косѣ, состоящей изъ гравія. Это такъ называемый Залпвъ, т. е. болото, образуемое медленно текущей Гузномойкой. Затѣмъ идутъ одно за другимъ Большое устье рѣки, такъ называемое Второе устье, и наконецъ Хламовитка. Сверхъ перечисленныхъ устьевъ существуетъ еще нѣсколько небольшихъ водныхъ каваловъ, напр. отдѣляющіе отъ дельты низкій болотистый островъ Никиткинъ. Отъ всѣхъ этихъ устьевъ тянется длинная, узкая мель, пазываемая Лайдой и отчасти обсыхающая при отливѣ.

Сейчасъ-же за устьями Авачи слѣдуютъ устья Паратунки, изъ которыхъ только два имѣютъ особыя названія. Это такъ называемое «Прямое устье» и совсѣмъ уже въ концѣ этого обширнаго, низкаго участка берега — «Большое устье». Между этими обоими болѣе крупными рукавами есть еще масса мелкихъ, не имѣющихъ однако особенныхъ названій.

3) Юго-западный берегъ, отъ Большаго устья Паратунки до самаго внутренняго конца Таринской губы, по прямому направленію тянется на 14 верстъ. Вся эта часть берега также отличается рѣзко скалистымъ и гористымъ характеромъ и состоитъ собственно только всего изъ двухъ полуострововъ, ограничи-

вающихъ и образующихъ Таринскую губу—самую большую изъ вторичныхъ бухтъ Авачи. Сейчасъ-же у Большаго устья Паратунки отходить отъ берега, съ запада на востокъ, небольшая горная масса, вдающаяся версты на 4 въ Авачинскій заливъ и кончающаяся двумя мысами—Калаушемъ и Козакомъ, между которыми заключена небольшая Турпанная губа. Эта небольшая горная область ограничиваетъ съ сѣвера Таринскую бухту, которая, начиная отсюда, имѣетъ въ ширину 3 версты и тянется на 11 верстъ по направленію къ юго-востоку, т. е. къ берегу открытаго моря. Форма-же Таринской бухты главнымъ образомъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что на встрѣчу къ мысу Козакъ съ юго-востока на сѣверо-западъ проходитъ коса, длиною въ $6\frac{1}{2}$ и шириною въ 1—2 версты, которая и кончается въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ названнаго мыса мысомъ Артушкинымъ. Оба мыса—Козакъ съ сѣвера и Артушкинъ съ юга—ограничиваютъ широкій входъ въ Таринскую бухту. Передъ мысомъ Козакъ лежитъ громадный камень того-же имени; это—квадратный, вверху плоскій обломокъ скалистой стѣны, отдѣленный отъ нея промежуткомъ въ нѣсколько сажень шириною и имѣющій въ вышину футовъ 30. Весь разсматриваемый участокъ берега носить тотъ-же характеръ, что и сѣверо-восточный: и здѣсь неглубокія, небольшія бухты, съ ручейками и маленькими озерами, перемежаются съ небольшими крутыми мысами; и здѣсь весь задній фонъ занятъ горной страной съ ясно выраженными закругленными вершинами, поросшей травами и деревьями.

Прямо противъ входа въ Таринскую губу находится мѣсто, на которомъ мы высадились 19-го сентября, чтобы отсюда добраться до горячихъ ключей Паратунки. Немного южнѣе находится мысъ Кутха, затѣмъ врѣзавшаяся довольно глубоко на западъ Сельдовая губа; противъ послѣдней, по срединѣ Таринской, находится высоко интересный въ геологическомъ отношеніи небольшой скалистый островокъ — Хлебалкинъ. Далѣе, къ концу этой большой придаточной бухты, идутъ ужъ лишь небольшіе изгибы берега, не имѣющіе особыхъ названій.

4) Юго-восточный берегъ Авачинскаго залива, отъ конца Таринской и до конца Раковой губы, по прямой линіи имѣетъ $12\frac{1}{2}$ верстъ и изъ всѣхъ береговыхъ участковъ Авачи представляется наиболѣе разорваннымъ, скалистымъ и высокимъ. Сюда принадлежитъ проходъ изъ Великаго океана, и, по моему мнѣнію, сюда-же относятся оба большихъ полуострова, отдѣляющіе Таринскую и Раковую отъ Авачи, потому что оба эти полуострова отходятъ отъ описываемаго береговаго участка.

Отправляясь отъ длиннаго полуострова, позади котораго находится Таринская губа, т. е. идя отъ его самаго западнаго конечнаго мыса Артушкина къ востоку, мы опять встрѣчамъ по обѣимъ сторонамъ нѣсколько небольшихъ бухтъ и невысокіе скалистые обрывы. Таковъ характеръ берега до самаго узкаго и низкаго мѣста этого полуострова, гдѣ небольшое озеро, находящееся по срединѣ суженія, почти превращаетъ косу въ островъ. Непосредственно сюда примыкаетъ Богатырская бухта, начиная отъ которой берега быстро повышаются и становятся очень скалистыми, такъ что на ближайшемъ мысѣ, Бабушкиномъ, береговые утесы поднимаются уже на 300' и болѣе. Въ разстояніи около 200 сажень отъ этого мыса, имѣющаго сигнальный постъ, съ подводнаго рифа поднимается Бабушкинъ Камень, — громадная одинокая скала, по высотѣ только немного уступающая береговымъ высотамъ. Плоскій вверху и поросшій травой, этотъ камень представляетъ удобное мѣсто для гнѣздованія птицъ. Съ нимъ мы достигаемъ входа въ Авачинскій заливъ.

Самый входъ представляетъ узкій проливъ, ограниченный съ обѣихъ сторонъ высокимъ, крутыми скалами и тянущейся съ юга изъ открытаго моря почти прямо къ сѣверу, въ Авачинскій заливъ. Обращаясь теперь отъ мыса Бабушкина къ югу и слѣдуя вдоль западнаго берега разсматриваемаго пролива, мы сперва встрѣчаемъ мысъ Станицкій, затѣмъ Куймовскую бухту и мысъ Суцовъ ¹⁾; за Суцовымъ слѣдуетъ большая Ягодная губа, ко-

1) Не находя на картахъ названій ни для этого мыса, ни для М. Завойко, я назвалъ ихъ въ честь обонихъ заслуженныхъ дѣятелей.

нецъ которой отдѣленъ отъ Таринской перешейкомъ въ $3\frac{1}{2}$ версты ширины, не очень высокимъ, лѣсистымъ и составляющимъ удобную пѣшеходную дорогу. Наконецъ у конца прохода, за Ягодовой, слѣдуетъ высокій мысъ Завойко (см. примѣчаніе на стр. 89), отъ котораго берегъ новорачиваетъ къ юго-востоку и слѣдовательно вполнѣ сливается уже съ берегомъ открытаго моря.

Берегъ открытаго моря въ общемъ направленъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и у мыса Завойко прерванъ входомъ въ Авачинскій заливъ на протяженіи $5\frac{1}{2}$ версты. Къ сѣверу отъ входа въ заливъ, противъ мыса Завойко и слѣдовательно къ сѣверо-востоку отъ него-же, берегъ, начиная съ мыса Маячнаго, продолжается въ видѣ отвѣсныхъ скалъ, достигающихъ почти 1000' высоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ сворачиваетъ къ сѣверо-сѣверо-западу, въ тотъ-же входъ. Здѣсь, въ углу поворота, на велпчавой и недосыгаемой крутизнѣ стоитъ маякъ, распространяющій свой свѣтъ далеко въ океанъ и указывающій судамъ входъ въ Авачинскій заливъ.

Внизу, у подножья этихъ скалистыхъ стѣнъ, надъ прибрежными рифами и обломками скалъ, всюду у берега пѣнится и реветъ прибой, среди котораго, примѣрно въ $\frac{1}{2}$ версты отъ берега, поднимаются три чудныхъ высокихъ скалистыхъ колонны — Три Брата. Чтобы дать наглядное представленіе объ узкости прохода въ Авачинскій заливъ, приведу еще нѣкоторыя разстоянія отъ Маячнаго мыса: наибольшая ширина прохода, приходящаяся сейчасъ-же у входа съ моря, между мысами Маячнымъ и Завойко, не превосходитъ $5\frac{1}{2}$ версты; къ мысу Суцзову считается $4\frac{1}{2}$ версты, а къ Станицкому — 3 версты. Но эти измѣренія взяты съ береговыхъ пунктовъ, собственно же фарватеръ значительно уже, потому что со многихъ изъ этихъ мысовъ вдаются далеко въ проливъ рифы и мели.

Обращаясь отъ Маячнаго мыса къ сѣверу и все слѣдуя высокимъ скалистымъ берегомъ входа, мы приходимъ къ крутому, высокому мысу Лагерному, отстоящему отъ противоположащихъ

мысовъ — Бабушкина и Станицкаго — на $2\frac{1}{2}$ версты и обозначающему наиболѣе узкое мѣсто входа.

Затѣмъ слѣдуетъ тянущаяся на 3 версты Измѣнная губа, кончающаяся къ сѣверу мысомъ Измѣннымъ, впереди котораго съ длиннаго рифа въ свою очередь поднимается мощная одинокая скала—Измѣнный Камень. Этотъ мысъ отстоитъ версты на три отъ противолежащаго мыса Бабушкина.

Въ Измѣнной губѣ, именно на той части берега, которая и понынѣ носитъ названіе Соловарной, въ прежнее время дѣлали попытки добывать соль изъ морской воды. Но этотъ промыселъ былъ скоро оставленъ за невыгодностью.

На пути отъ мыса Измѣннаго приходится пройти двѣ небольшихъ губы—Черёмовскую и Узовскую; затѣмъ, минуя крутой, высокій мысъ Раковъ Маякъ и держась высокихъ береговыхъ скалъ, достигаемъ мыса Липунскаго. Это самый сѣверный мысъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ большаго полуострова, отдѣляющаго отъ Авачинской губы Раковую,—вторую по величинѣ изъ придаточныхъ бухтъ. Отъ мыса Измѣннаго до Липунскаго тянется лѣсистый кряжъ, имѣющій нѣсколько болѣе трехъ верстъ въ длину и образующій какъ-бы широкій свободный конецъ полуострова, къ основанію напротивъ сильно сѣуженнаго, благодаря сближенію Измѣнной губы съ губой Раковой и съ ея придаточными заливчиками—Кожевнической губой и Бабьей пристанью.

Въ самомъ внутреннемъ углу Раковой открывается черезъ посредство небольшаго канала длинное озеро, имѣющее также выходъ и къ юго-востоку — въ открытое море. Жители Петропавловска охотно пользуются этой глубокой впадиной среди горной мѣстности какъ дорогою къ богатому птичьими яйцами скалистому острову Топоркову. Послѣдній круто поднимается въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень отъ берега, приблизительно на полупути отъ мыса Маячнаго до устья Калахтырки.

Въ описываемой мѣстности изъ моря выходятъ болѣе или менѣе крупныя изолированныя скалистыя массы. Къ числу ихъ принадлежитъ и островъ Старичковъ, выдающійся изъ пѣни-

стаго буруна къ югу отъ мыса Завойко въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, и, подобно всѣмъ дико разорваннымъ скаламъ, населенный тысячами морскихъ птицъ. Островъ этотъ, илѣющій въ вышину футовъ 800, покрытъ высокою густой травой. Онъ очень просторенъ и повидимому въ старину былъ населенъ камчадалами: и теперь еще совершенно ясно замѣтныя ямы, скопленія раковинъ и обломки костей указываютъ положеніе землянокъ прежнихъ поселенцевъ. Кругомъ море усѣяно рифами и дико набросанными обломками скалъ, среди которыхъ на подобіе башни одиноко стоитъ живописный утесъ — Часовой.

Мнѣ остается еще упомянуть, что у входа въ Раковую отъ мыса Липувскаго и отъ противолежащаго ему мыса Бабушкина проходятъ параллельно между собой въ сѣверо-западномъ направленіи подводные рифы и мели. Они тянутся на нѣсколько верстъ въ Авачу, и еще болѣе удлиняютъ собою и безъ того длинный входной проливъ. Такимъ образомъ здѣсь образуется проходъ, похожій на Дарданеллы, средняя ширина котораго равна 3 верстамъ при длинѣ въ 10—12 верстъ; — проходъ, черезъ который, при надлежащемъ вооруженіи многочисленныхъ высокиихъ мысовъ, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ его, никакой непріятель не могъ-бы пропикнуть въ эту чудную бухту. Если-бы это вооруженіе существовало и въ 1854-мъ году, то непрощеннымъ гостямъ изъ Англіи и Франціи не понадобилось-бы давать кровавый урокъ съ убогихъ батарей, въ виду опасности паскоро возведенныхъ передъ Петропавловскомъ.

Едва-ли на всемъ земномъ шарѣ найдется много морскихъ заливовъ, которые по всевозможнымъ удобствамъ превзошли-бы Авачу или даже только сравнились-бы съ нею.

Авача по своему естественному положенію, по своему образованію, по своей укрѣпленности и защищенности какъ-бы создана для владычества надъ моремъ. Узкій, длинный входъ, ограниченный высокими, крутыми скалами, пригодными для возведенія на нихъ самыхъ сильныхъ укрѣпленій, ведетъ въ колоссальный бассейнъ бухты, которая, въ свою очередь, кругомъ защи-

щена отъ бурь высокими горами; — бассейнъ, водная поверхность котораго составляетъ болѣе 30 квадратныхъ миль, и который могъ-бы доставить вѣрное убѣжище всѣмъ флотамъ земнаго шара одновременно. При этомъ отъ бухты отдѣляются еще три большихъ надежныхъ придаточныхъ залива, съ своей стороны доставляющихъ дальнѣйшую защиту судамъ и всюду представляющихъ при достаточной глубинѣ весьма хорошия якорный грунтъ. Средняя глубина большаго залива равна 9 — 13 саженьямъ, а мѣстамъ доходитъ даже до 16; Тарнинской и Раковой — отъ 9 до 12; Петропавловской, которой естественная укрѣпленность уже блестяще подтверждена опытомъ, — отъ 6 до 9 сажень, наконецъ входныхъ Дарданель — отъ 7 до 12.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что у входа стоятъ три маяка или сигнальные вышки, сейчасъ-же передающіе сигналами другъ другу и въ Петропавловскъ обо всемъ замѣченномъ на морѣ. Эти маяки и посты находятся на трехъ вышеупомянутыхъ мысахъ: на Маячномъ, на противолечащемъ мысу — Бабушкиномъ и наконецъ на Раковомъ маякѣ. Настоящій полный маякъ имѣется лишь на первомъ, причемъ задача его и заключается въ указаніи пути приходящимъ судамъ; оба же другихъ заняты лишь вахтенными постами, посредствомъ сигналовъ передающими далѣе полученные извѣстія.

Горы кругомъ Авачи, хотя и довольно значительной высоты, нигдѣ однако не являются вполнѣ лишенными растительности; напротивъ, она встрѣчается здѣсь всюду и часто бываетъ поразительно роскошна; только самыя высокія вершины покрыты простымъ ковромъ травы. За исключеніемъ лишь сѣверо-западнаго берега, гдѣ дельты рр. Авачи и Паратунки образуютъ низкую, болшею частію болотистую мѣстность, покрытую высокими болотными растеніями и перепутанными ивовыми кустами, — за исключеніемъ лишь этого берега вся окружность губы поросла деревьями, кустами и чудными травами. Многочисленныя мелкія долины, проходящія съ высоты береговыхъ горъ къ бухтѣ, на днѣ своемъ, увлажняемомъ небольшими ручьями, поросли иво-

вымъ кустарникомъ, къ которому нерѣдко присоединяются частыя поросли шаламайника (*Spiraea kamtschatica*), баранника (*Senecio cannabifolius*), сладкой травы (*Heracleum dulce*) и другихъ красивыхъ, высокорослыхъ травъ. Выше, уже на болѣе сухой почвѣ, слѣдуетъ хорошенькій негустой березовый лѣсокъ изъ *Betula Ermanni*, по виду напоминающей дубъ. Деревья, нерѣдко достигающія крупныхъ размѣровъ, разбросаны среди высокой, чрезвычайно роскошной травы и сопровождаются одиночными кустами боярышника (*Crataegus*), жимолости (*Lonicera*), розъ и чернотальника (темноцвѣтной, круглолистной ивы). Этотъ подлѣсокъ, состоящій изъ прекрасныхъ кустовъ, особенно учащается тамъ, гдѣ лѣсъ становится рѣже, или даже прерывается лѣсными лугами. На такихъ мѣстахъ сейчасъ-же замѣтнѣе выступаютъ красивыя цвѣтущія травы, какъ *Epilobium*, *Cacalia*, *Aconitum*, *Artemisia*, *Pulmonaria* и *Geranium*.

Этотъ чудный березовый лѣсъ со своимъ подлѣскомъ довольно высоко восходитъ на горы, но на высотѣ становится менѣе привлекателенъ. Деревья далеко не достигаютъ здѣсь нормальнаго роста, а въ качествѣ подлѣска является рябина (*Pyrus sambucifolius*), растущая въ видѣ кустарника. Еще ступенью выше — и лѣсъ исчезаетъ, замѣняясь сперва ползучимъ кедромъ (*Pinus cembra*), а еще выше — ползучей рябиной и наконецъ ползучей ольхой (*Alnus incana*). Перечисленныя породы, особенно-же ольха, восходящая болѣе высоко, образуютъ здѣсь такъ называемый сланецъ: кедровый, рябиновый и наконецъ ольховый. Сланецъ состоитъ изъ своеобразно перепутанныхъ и переплетенныхъ между собою вѣтвей, корней и стволовъ, живыхъ и мертвыхъ, такъ что пролагать путь черезъ него возможно лишь при помощи топора и то съ величайшимъ трудомъ. Въ Камчаткѣ не боятся трудностей: ни воды и болотъ, ни горъ и скалъ, ни снѣгу и льду; даже голодь и жажда — и тѣ преодолеваются; но, наткнувшись на сланецъ, камчадалъ охотнѣе сворачиваетъ съ пути, предпочитая поиски другой дороги, хотя-бы съ громаднымъ обходомъ, попыткѣ пробиться черезъ эту непроходимую чащу.

Вѣроятно рѣзкіе вѣтры наибольшихъ высотъ заставляютъ ползати по землѣ эти деревья и кусты, а громадныя массы снѣга затѣмъ окончателно все придавливаютъ. Гдѣ сланецъ разрѣзается или даже совсѣмъ исчезаетъ, нерѣдко встрѣчаются красивый свѣтложелтый *Rhododendron chrysanthum*, достигающій до 2-хъ футовъ высоты и имѣющій темнозеленую блестящую листву, или-же *Rhododendron kamtschaticum*, отличающійся красными цвѣтами и очень низкимъ ростомъ.

Выше, надъ областью сланца, встрѣчаются лишь низкія травы и только въ очень защищенныхъ ущельяхъ поднимается еще роскошный кустарникъ и попадаютъ даже деревья.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь еще нѣсколько общихъ замѣтокъ о животномъ населеніи Авачинскаго залива и его береговыхъ горъ. Прежде всего всякій посѣтитель этихъ береговъ поражается несчетнымъ количествомъ всякаго рода морскихъ птицъ, населяющихъ высокія, часто неприступныя скалы передъ входомъ и внутри его. Тысячами сидятъ онѣ на краяхъ скалъ или плаваютъ по водѣ. Встрѣоженныя чѣмъ-нибудь, эти громадныя стаи внезапно взлетаютъ съ оглушительнымъ крикомъ, безпорядочно снуютъ, кружатся нѣкоторое время и опять возвращаются къ своимъ гнѣздамъ. Все это сопровождается безконечнымъ крикомъ и карканьемъ. То здѣсь, то тамъ какая-нибудь стая поднимается со скалы или несется на недостигаемой высотѣ къ скалистымъ гребнямъ, между тѣмъ какъ другія птицы плаваютъ и ныряютъ за добычей.

Здѣсь видны цѣлыя ряды черныхъ баклановъ (уриль, *Phalacrocorax pelagicus*), занимающихъ въ оригинальной стоячей позѣ самый высокій край скалы и съ любопытствомъ смотрящихъ внизъ; тамъ, въ такой-же позѣ, стоятъ не меньшія стаи топорковъ (*Lunda arctica*), также темнаго цвѣта, съ свѣтлоокрашеннымъ клювомъ, напоминающимъ клювъ попугая, и со свѣшивающеюся къзадѣ косячкой; рядомъ находятся безчисленныя чайки разнообразнѣйшихъ видовъ со свѣтлымъ или бѣлымъ опереніемъ, а далѣе — старички (*Uria senicula*) и большія стаи всякаго рода утокъ.

Въ то время какъ скалы и обрывы, поверхность воды, а временами и воздухъ, наполнены этимъ пестрымъ, вѣчно шумящимъ населеніемъ, изъ глубины океана въ бухту и во впадающія въ нее рѣки тянется нѣмая армія несмѣтнаго количества рыбъ. Это — стаи лососей и сельдей, съ невѣроятной правильностью и пунктуальностью посѣщающихъ всѣ рѣки и бухты Камчатки. Теперь, поздней осенью, шель еще послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалуй важнѣйшій для камчадала видъ лосося; важнѣйшій — потому что время его хода продолжительно и распространяется на осень. Этотъ видъ — кизучъ (*Salmo sanguinolentus*), въ это время года принимающій ярко-красный цвѣтъ, часто встрѣчается даже въ самыхъ небольшихъ и неглубокихъ ручьяхъ: перѣдко можно видѣть, какъ онъ пробирается по каменистому дну, лишь на половину покрытый водою, стараясь подняться еще далѣе вверхъ по рѣкѣ. Какъ говорятъ, ярко-красный цвѣтъ появляется у кизуча всегда только осенью, послѣ долгаго, утомительнаго пути.

Названныя стаи рыбъ часто сопровождаются тюленями, особенно большимъ лахтакомъ (*Phoca nautica*); перѣдко въ Авачу входитъ также, пуская свои фонтаны и величаво ныряя и всплывая, китъ. Какъ о болѣе рѣдкомъ явленіи, встрѣчающемся на рифахъ и скалахъ входа, можно еще упомянуть о морскомъ львѣ, или сивучѣ (*Phoca leonina*). На остальныхъ берегахъ губы встрѣчаются болѣе разрозненныя, небольшія общества утокъ, гагаръ и чаекъ; лѣса и кустарники также заселены лишь немногочисленными птицами.

О наземныхъ млекопитающихъ приходится говорить менѣе, ибо они, какъ напримѣръ соболь, лисица, заяцъ и другіе, встрѣчаются лишь одиночными особями. Но особенно и съ благодарностью всякому путешественнику по Камчаткѣ слѣдуетъ упомянуть о медвѣдѣ, прокладывающемъ здѣсь отличныя дороги. Медвѣжьи тропы не составляютъ рѣдкости, особенно въ болѣе удаленныхъ отъ Петропавловска мѣстахъ. Самихъ животныхъ въ столь позднее время года уже не было видно, потому что въ по-

искалъ за логовищемъ они ушли въ болѣе высокія части страны. Камчатскіе охотники считаютъ непреложной истиной, что медвѣдь уходитъ въ берлогу 14-го сентября и оставляетъ ее не рѣнѣе 25-го марта: «это имъ срокъ», категорически заявляютъ здѣшніе охотники.

Эти замѣчательныя дороги всего вѣрнѣе ведутъ къ удобнымъ переваламъ черезъ горы и къ самымъ неглубокимъ мѣстамъ рѣкъ, обходятъ крутые мысы и скалы, а также непроходимѣйшія чащи кедроваго и ольховаго сланцевъ, болота и вообще всякаго рода неудобные для прохода участки; напротивъ, медвѣжьи тропы навѣрняка приводятъ къ самымъ рыбнымъ рѣкамъ и озерамъ, а также къ самымъ ягоднымъ мѣстамъ. Весь полуостровъ Камчатка отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу прорѣзанъ во всѣхъ направленіяхъ такими хорошими и вполнѣ утоптанными дорожками. Ни одинъ человекъ не могъ-бы лучше проложить и утоптать ихъ. Нерѣдко встрѣчаются тропинки, очевидно съ незапамятныхъ временъ служившія путями сообщенія для этихъ умныхъ животныхъ: хорошо утрамбованныя, почти въ два фута шириной, очищенныя отъ травы, проходятъ онѣ по странѣ, обходя все, могущее затруднить путника. Новичекъ, внезапно появивъ изъ чащи травы и кустарника на такую дорожку, подумаетъ, что передъ нимъ дорога, ведущая къ люднымъ деревнямъ; а на самомъ дѣлѣ передъ нимъ сооруженіе этихъ необыкновенныхъ четвероногихъ инженеровъ, избѣгающихъ всякаго человѣческаго жилья. Если только направленіе медвѣжьихъ тропъ соответствуетъ цѣли путешествія, то имъ можно совершенно слѣпо слѣдовать, потому что онѣ проложены съ удивительнымъ знаніемъ мѣста, всегда однако сообразно практическимъ цѣлямъ самого устроителя пути.

Теперь обращаюсь къ весьма интереснымъ геологическимъ особенностямъ Авачинскаго залива.

Что вулканическія силы и вулканическіе процессы играли главную роль при образованіи береговыхъ породъ, что вѣроятно даже возникновеніе всей бухты сводится къ вулканической

дѣятельности—такого рода предположенія являются сами собою, когда рѣчь идетъ о мѣстности, принадлежащей къ Камчаткѣ. Только на сѣверо-западномъ берегу вулканическаго образованія появляются далѣе отъ моря, въ долинахъ рѣкъ Авачи и Паратунки, а область ихъ устьевъ, какъ уже выше сказано, занята продуктами вывѣтриванія, которые приносятся этими рѣками. Всѣ же остальные берега и береговыя горы вполнѣ вулканическаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ были подвержены самому интенсивному воздѣйствію вулканическихъ силъ.

Въ сѣверо-восточной части побережья Авачи поднимается на трещинѣ, идущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ, величественный, далеко видный вулканъ Коряка. Рядомъ-же съ Корякой стоятъ постоянно дымящаяся Авачинская сопка съ придаточной вершиной—Козельской сопкой¹⁾; подошва сопки, постепенно понижаясь, доходитъ до моря, гдѣ образуетъ обширный, плоскій берегъ, простирающійся между устьемъ Калахтырки и далеко вдающимся въ море каменистымъ мысомъ — Шипунскимъ. Параллельно этому чудному ряду вулкановъ тянутся, какъ уже упомянуто, отдѣленные отъ него пониженіемъ почвы горы сѣверо-восточнаго берега Авачинскаго залива. Горы эти, большею частью съ закругленными вершинами, подходятъ въ видѣ небольшихъ мысовъ къ водѣ и обнаруживаютъ образующія ихъ горныя породы.

Здѣсь были отложены слоистыя осадочныя образованія, нынѣ нарушенныя, перепутанныя, во многихъ случаяхъ совершенно разрушенныя и до такой степени измѣненныя и метаморфизированныя дѣйствіемъ изверженной массивной породы, что опредѣлить ихъ возрастъ — невозможно. Эти метаморфизированныя образованія, то варіирующія отъ свѣтло- до темно-зеленоватаго цвѣта, то красноватыя, доходящія по богатству кремнеземомъ до яшмовидности, мѣстами приобрѣтаютъ даже характеръ хло-

1) Козельская сопка не представляетъ самостоятельнаго вулкана, а только значительно поднятый старый край кратера; отношеніе ея къ Авачѣ можно сравнить съ отношеніемъ Сомы къ Везувію.

ритогаго сланца или серпентина. Слоистость почти всегда явственна, но сами слои сильно нарушены и мощность их колеблется между 5 и 70 сантиметрами.

Своеобразная группа, образуемая Никольской горой вмѣстѣ съ Сигнальнымъ мысомъ и какъ-бы выдвинутая изъ Авачинской губы для отдѣленія отъ нея Петропавловской бухты, всего яснѣе обнаруживаетъ описываемыя породы. Сами слои полого падаютъ на востокъ къ этой маленькой бухтѣ, между тѣмъ какъ головы ихъ образуютъ крутые утесы со стороны Авачинской губы. Противъ Никольской, съ восточной стороны порта, полого поднимается длинный, покрытый растительностью горный кряжъ—Шестаковская Падь, у которой расположенъ городокъ Петропавловскъ; послѣднiе ряды городскихъ домовъ располагаются уже по косогорю. Далѣе къ сѣверу появляются горы съ закругленными вершинами и прежде всего — Меженная гора, отдѣленная только глубокой сѣдловиной отъ Шестаковской Пади. Надъ этой сѣдловиной между названными горами, какъ бы въ красивыхъ зеленыхъ воротахъ, выступаетъ издалека чудная коническая фигура Коряцкой сопки, теперь уже въ полномъ зимнемъ облаченіи. Въ то время какъ вершина вулкана представляется уже ослѣпительно бѣлой, на болѣе низкихъ его частяхъ изъ снѣга выдаются еще черные продольные гребни. Безжизненно поднимается этотъ колосъ въ виду города, тогда какъ не уступающій ему по размѣрамъ и всегда дымящійся сосѣдь его—Авачинская сопка — скрытъ отъ взоровъ Шестаковской Пади.

Почти конусообразная Меженная гора, а равно и примыкающія къ ней съ сѣвера также конусообразныя горы представляютъ повидимому изверженную андезитовую массу. Какъ у Меженной, такъ и къ сѣверу отъ нея, у подошвы такихъ-же коническихъ горъ, я находилъ коренныя мѣсторожденія массивной породы съ плотной, мелкозернистой, свѣтло-сѣрой основной массой и съ вкрапленными безчисленными блестящими черными иглообразными кристаллами роговой обманки, а мѣстами — съ ясно кристаллическими зернышками стекловатаго полегаго шпата. Мѣстами

основная масса приобрѣтаетъ красноватый цвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится болѣе богата стекловатымъ полевымъ шпатомъ.

Въ концѣ небольшой бухты Сѣроглазки эта порода представляется въ видѣ громаднаго лавоваго потока, спускающагося съ высоты въ видѣ сильно истрескавшейся массы; конецъ потока, близко подходящій къ морю, состоитъ изъ безпорядочно наваленныхъ обломковъ той-же породы. Представляетъ ли эта похожая на потокъ лавы андезитовая или трахитовая масса продуктъ самыхъ древнихъ изверженій Авачинскаго вулкана—остается конечно открытымъ вопросомъ; во всякомъ случаѣ она очень близко подходитъ къ подошвѣ этого вулкана.

За исключеніемъ андезитовыхъ высотъ Меженной, вершина которой образуется красноватой и даже нѣсколько пористой породой, берега отъ деревни Авачи до внутреннихъ частей Раковой губы состоятъ болѣею частью изъ вышеназванныхъ богатыхъ кремнеземомъ слоистыхъ породъ, многократно нарушенныхъ, почти все зеленоватыхъ и варьирующихъ отъ яшмы до хлоритоваго сланца. На Шестаковской, напротивъ, выходитъ плотный, совершенно темно-сѣрый глинистый сланецъ, прорѣзанный многочисленными прожилками бѣлаго кварца. Еще далѣе по этой горѣ описываемая порода становится все болѣе тонкосланцеватой, но остается съ тѣми-же кварцевыми прожилками. Мѣстами отдѣляются тонкія плитки, имѣющія 3—4 фута поверхности, но болѣею частью согнутыя и сжатыя съ боковъ; на поверхностяхъ плитокъ часто замѣчается бурая окраска отъ окиси желѣза.

Главное направленіе паденія этихъ слоевъ можно опредѣлить SSW 20°. Слои же Никольской и Сигнальнаго мыса, напротивъ, падаютъ почти въ противоположномъ направленіи, и я очень склоненъ думать, что какъ пласты глинистаго сланца на Шестаковской Пади, такъ и зеленые, проникнутые кремнеземомъ и метаморфизированные слои Никольской первоначально составляли одно цѣлое и лежали здѣсь горизонтально. Далѣе я предполагаю, что благодаря какой-то катастрофѣ эти горизонтальные слои по се-

рединѣ треснули и опустились, давъ начало обращеннымъ другъ къ другу пологимъ склонамъ, изъ которыхъ на восточномъ теперь расположенъ городъ; средняя же впадина залита небольшой, но глубокой Петропавловской бухтой. Итакъ, здѣсь образовалась долина съ пологими боками, середина которой занята небольшимъ, но глубокимъ заливомъ; въ то-же время головы слоевъ, образующихъ Шестаковскую Падь и нынѣ изолированную Никольскую гору, круто поднялись у первыхъ—на востокѣ, у вторыхъ—на западѣ. Далѣе, быть можетъ не лишено основанія предположеніе, что главный толчекъ имѣлъ мѣсто ближе къ Никольской; такое предположеніе основывается на томъ, что на болѣе удаленной Шестаковской глинистые сланцы остались менѣе измѣненными и только прониклись многочисленными кварцевыми прожилками, между тѣмъ какъ слои Никольской вполне метаморфизированы: кварцевыя массы инфильтрировали здѣсь всю породу, сообщивъ ей, быть можетъ благодаря принесеннымъ окисламъ мѣди, зеленый цвѣтъ, и, дико перепутавъ слои, оставили лишь едва узнаваемую слоистость. Вся внѣшность этихъ слоевъ, а равно и близлежащія изверженія андезита, образующія Меженную гору, болѣе чѣмъ ясно указываютъ на такую катастрофу; точно также напрашивается предположеніе, что естественный молъ (Кошка), лишь на нѣсколько футъ поднимающійся надъ водой и замыкающій Петропавловскую бухту съ юга, представляетъ дайкъ, образовавшійся во время той-же катастрофы. Благодаря большей прочности составлявшей его породы, этотъ дайкъ, не мало содѣйствовавшій метаморфозѣ цѣлаго, могъ противостоять послѣдующимъ опустошительнымъ процессамъ успѣшнѣе, чѣмъ разрушенные, легче вывѣтривающіеся слои, прорѣзанные имъ.

Направляясь къ югу отъ Петропавловска, мы встрѣчаемъ выходъ слоистой, богатой кремнеземомъ породы, затѣмъ пріобрѣтающей болѣе массивный характеръ; можно сказать, что это — конгломератъ, состоящій изъ богатой кремнеземомъ породы. Далѣе слѣдуютъ сильно нарушенные и перепутанные слои красноватой, стекловатой яшмовидной породы; а еще далѣе

эта порода становится совершенно свѣтло-сѣрою, проникается бѣлыми кварцевыми жилами и обнаруживаетъ на зальбандахъ зеленый налетъ окиси мѣди. У Соленого озера находится совершенно та-же порода, что и у Сигнального мыса. Затѣмъ у Медвѣжьей наблюдается мѣстами тонкій, мѣстами грубый конгломератъ, который состоитъ изъ красноватыхъ, буроватыхъ и разнаго рода сѣрыхъ, свѣтлопятнистыхъ обломковъ, сцементированныхъ сѣрымъ и желтоватымъ, похожимъ на песчаникъ, туфомъ.

На Богородской наблюдается совершенно разрушенная порода, представляющаяся то болѣе похожей на хлоритовую, то на серпентинную, но во всякомъ случаѣ весьма богатая кварцемъ и окремнѣлая. Рядомъ съ этой породой находится другая—черная, также весьма богатая кремнеземомъ и испещренная бѣлыми точками; послѣдняя большею частью вывѣтрилась и распалась.

Берегъ у Стрѣлки состоитъ изъ той-же слоистой, совершенно проникнутой кремнеземомъ зеленоватой породы, какъ и на Никольской. Еще далѣе, простираясь въ глубь Раковой губы, встрѣчаются лишь конгломераты, образуемые самымъ разнообразнымъ матеріаломъ изъ числа уже переименованныхъ породъ.

Эти совершенно разрушенныя массы составляютъ здѣсь границу участка, въ которомъ древневулканическія изверженія дѣйствовали на ранѣе здѣсь находившуюся осадочную формацію, метаморфизировавъ послѣднюю до неузнаваемости ея возраста. Начиная отсюда, по всему юго-восточному и юго-западному берегу Авачи непрерывно проходятъ слѣды воздѣйствія другъ на друга различныхъ болѣе старыхъ и новыхъ вулканическихъ породъ: въ самомъ дикомъ безпорядкѣ здѣсь появляются вертикальныя жилы, изверженные массивы, особенно же громадныя скопленія всякаго рода продуктовъ разрушенія, начиная съ самыхъ тонкозернистыхъ конгломератовъ и брекчій и кончая самыми грубыми. Мы встрѣчаемъ то тонкій, даже слоистый песчаникъ изъ вулканическаго пепла, то включенные въ этотъ песчаникъ закругленные и угловатые обломки всякой величины, даже цѣлыя глыбы. Твердыя, плотныя базальтовыя и трахитовыя

массы перемежаются здѣсь съ вывѣтрившимися и расплавленными. Рѣже встрѣчаются пористыя или образовавшіяся изъ застывшихъ потоковъ массы. Всѣ послѣднія однако представляютъ повидимому самыя новыя изъ изверженныхъ образованій и большею частью не отличаются отъ лавъ.

Эта интенсивность вулканическихъ процессовъ не могла не вызвать сильной разорванности всего берега. Обѣ высокія, большія скалистыя массы, отдѣляющія Раковую и Таринскую губы отъ Авачи и первоначально при образованіи послѣдней несомнѣнно составлявшія два острова, нынѣ, соединившись при помощи обломочнаго матеріала съ берегомъ, превратились въ полуострова. Скалистый островъ у Таринской губы соединился съ берегомъ посредствомъ очень низкаго, состоящаго изъ дресвы перешейка, среди котораго осталось еще маленькое озерко; скалистая же масса, выходящая изъ моря у Раковой губы, примкнула къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь наиболѣе сближаются губы Кожевинская, идущая съ востока, и Измѣнная, идущая съ запада. Въ настоящее время между ними обѣими на песчаномъ и щебневомъ грунтѣ находится не очень высокая ягодная тундра, съ обѣихъ сторонъ ограниченная высокими, крутыми скалами. Особенно крутой утесъ выступаетъ къ сѣверу, т. е. со стороны прежде бывшаго здѣсь острова. Этотъ утесъ состоитъ изъ очень прочной, богатой кремнеземомъ, массивной породы, темнобурого цвѣта со свѣтлыми точками, — породы, играющей повидимому очень важную роль во всѣхъ здѣшнихъ конгломератахъ.

Но еще сильнѣе проявляется разорванность береговъ въ самомъ входѣ въ Авачинскую губу. Быть можетъ трещина, образовавшаяся въ высокихъ скалахъ благодаря землетрясенію, благопріятствовала первоначально вторженію воды и дала такимъ образомъ первый толчекъ къ образованію этихъ дарданель. А разъ проложена была дорога, то напоръ волнъ долженъ былъ въ скоромъ времени образовать проливъ. Оба берега представляютъ однѣ и тѣ-же горныя породы и каменныя образованія, но какъ-бы оторванныя другъ отъ друга: съ обѣихъ сторонъ мы нахо-

димъ многочисленныя высокіе и крутыя скалистые мысы, направляющіеся на встрѣчу другъ другу. Множество одиноко выходящихъ изъ моря скалъ — обломковъ разрушенной и размытой суши — краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о борьбѣ вулканическихъ силъ сперва между собою, а затѣмъ — съ водой. Таковы Три Брата, Измѣнный камень, Бабушкинъ камень и возлѣ него утесъ, образуемый конгломератомъ и имѣющій форму гриба; да-лѣе скалы у острововъ Старичкова и Топоркова, наконецъ выдающіяся изъ моря рядомъ съ послѣднимъ настоящіа каменныя ворота.

Обѣзжая вокругъ Раковаго полуострова, горы котораго отличаются совершенно явственными коническими или закругленными формами, я встрѣтилъ другъ за другомъ мѣстонахожденія слѣдующихъ породъ. Въ самомъ концѣ Раковой губы наблюдался тонкій конгломератъ, въ которомъ выдѣлились гнѣзда блестящей водной окиси желѣза. Рядомъ выступала туфообразная, темная, похожая на песчаникъ порода съ небольшимъ паденіемъ на сѣверъ; среди явственныхъ ея слоевъ замѣчались шаровыя, концентрически-скорлупчатая отдѣльности. Затѣмъ на обширномъ протяженіи слѣдовали грубые конгломераты. На небольшомъ скалистомъ выступѣ я наблюдалъ массивную, темную, базальтовидную породу, а на самомъ концѣ его — красноватую, нѣсколько пористую породу съ прожилками кварца. При входѣ въ Кожевинскую находится большое скопленіе конгломерата, а въ самомъ концѣ бухты — изверженная массивная порода, образующая часть, нѣсколько изогнутыя столбчатая отдѣльности и отличающаяся свѣтло-бурнымъ цвѣтомъ и землистымъ изломомъ. Отъ мыса Липунскаго до Раковаго Маяка берегъ опять состоитъ только изъ конгломератовъ, если не считать включенныхъ въ нихъ горизонтальныхъ слоевъ того-же туфоваго песчаника, о которомъ уже шла рѣчь выше; при этомъ песчаникъ и здѣсь внутри слоевъ содержитъ концентрически-скорлуповатая отдѣльности. Особенный интересъ представляютъ здѣсь находимыя въ небольшомъ количествѣ отпечатки листьевъ, принадлежащихъ двусѣмянодольнымъ растеніямъ. Эти разрозненные слои темной об-

ломочной породы проходят совершенно горизонтально среди слѣдовъ страшнаго разрушенія, произведеннаго изверженными массами, а мѣстами содержатъ даже, какъ сказано, довольно явственныя отпечатки листьевъ. Все это наводитъ на двоякаго рода предположенія: или подводныя изверженія отлагали здѣсь самыя тонкіе продукты разрушенія, или въ воду падалъ густой дождь пепла. Во всякомъ случаѣ дѣйствіе вулканическихъ силъ не могло заставить въ этомъ мѣстѣ горизонтальныхъ слоевъ какой нибудь осадочной формациі, иначе въ этомъ хаосѣ слои не могли-бы остаться горизонтальными.

На мысѣ Усовскомъ выступаетъ въ видѣ толстыхъ узловатыхъ столбовъ массивная изверженная порода. Столбы раздѣлены горизонтальными поверхностями такъ, что при этихъ поверхностяхъ вертикальныя очертанія столбовъ представляютъ перехваты. Описываемая порода, повидимому базальтовая, почти чернаго цвѣта, необыкновенно прочна и во всей разсматриваемой мѣстности играетъ весьма важную роль. Такъ эта порода тянется по всему берегу до маяка и затѣмъ со стороны открытаго моря до устья Калахтырки, являясь то въ видѣ массъ, то въ видѣ жилъ самой различной мощности. Почти всюду она покрыта грубыми и тонкими конгломератами, которые кое-гдѣ прорѣзываетъ или нарушаетъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ колоссальныя скалистыя стѣны состоятъ изъ конгломератовъ и изъ новыхъ породъ, спементированныхъ изъ обломковъ, — даже и въ такихъ мѣстахъ описываемая черная прочная порода все-таки выступаетъ въ самомъ низу, у моря, или образуетъ простирающіеся въ воду рифы и утесы.

Мысы Черѣмовскій и Измѣнный оба состоятъ изъ конгломератовъ, нерѣдко похожихъ на швейцарскій Nagelfluе. Въ обоихъ мѣстахъ конгломераты прорѣзаны мощными жилами базальта, а мѣстами встрѣчаются и здѣсь небольшіе горизонтальные слои уже упоминавшагося болѣе или менѣе прочнаго темнаго туфоваго песчаника.

На мысѣ Измѣнномъ базальтъ часто принимаетъ нѣсколько

ступеньчатый видъ, благодаря массамъ, отдѣляющимся перпендикулярно направленію базальтовыхъ стѣнъ, особенно при наклонномъ направленіи послѣднихъ. Таковъ характеръ берега до мыса Лагернаго, многочисленные рифы котораго простираются на встрѣчу рифамъ противоположной стороны, идущимъ отъ мыса Бабушкина, и опять такимъ образомъ болѣе чѣмъ ясно указываютъ на прежнюю связь обоихъ береговъ. Здѣсь показывается тонкослойстая порода, слои которой стоятъ на головахъ и очень похожи на красноватую обожженную глину; а подъ этой породой, равно какъ и на морскихъ рифахъ, опять выступаетъ базальтъ. Отъ мыса Лагернаго до отдаленнаго маяка тянутся въ полномъ безпорядкѣ конгломераты, туфы, разбитые слои разныхъ обожженныхъ глинистыхъ сланцевъ, вывѣтрившіяся и распавшіяся массы; все это прорѣзано многочисленными, почти вертикальными дайками базальта, достигающими мощности 4—5 сажень. На самихъ скалахъ маяка такой отвѣсный колоссальный дайка прорѣзываетъ массы конгломерата; здѣсь наблюдаются также слѣды красноватой пористой лавы. Среди вывѣтрившихся породъ въ описываемой мѣстности нерѣдко встрѣчались халцедоны и слѣды цеолитовъ. Поверхность базальта нерѣдко представляется вывѣтрившеюся и имѣетъ видъ очень тонкаго свѣтлобураго слоя; внутреннія же части породы очень темнаго сѣраго цвѣта, тверды и прочны.

Утесы Три Брата съ ихъ рифами и камнями направляются на встрѣчу рифамъ и камнямъ противоположащаго мыса Станицкаго, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о прежнемъ соединеніи обоихъ мысовъ. Рифы обѣихъ сторонъ настолько сближаются, что между ними остается лишь очень узкій фарватеръ.

Весь противоположный берегъ прохода въ Авачу представляетъ то-же строеніе, почему я могу не повторять здѣсь перечня породъ. Здѣсь все встрѣчаются тѣ-же конгломераты, туфы и тѣ-же грандіозные базальтовые дайки. Я желалъ-бы только обратить вниманіе въ особенности на тотъ фактъ, что на мысѣ Бабушкиномъ въ одномъ мѣстѣ опять показывается красноватая

пористая лава. Утесистый и гористый полуостровъ, отдѣляющій Таринскую губу отъ Авачи, состоитъ также изъ весьма сходной породы; только мысъ Артушкинъ, т. е. самый конецъ этого полуострова, представляетъ болѣе сходства съ противолежащими мысами Козакомъ и Кутхой, къ разсмотрѣнью которыхъ я и перехожу теперь.

Здѣсь можно сопоставить все, касающееся небольшого полуострова, который находится между Таринской бухтой и устьемъ Паратунки.

Полуостровъ этотъ состоитъ изъ горъ съ закругленными вершинами, и со стороны его, обращенной къ Таринской губѣ, на неособенно высокихъ береговыхъ скалахъ, наблюдается выходъ весьма прочной, черной и блестящей породы. Она до того переполнена продолговатыми или многоугольными кристалликами свѣтлаго сѣрожелтаго стекловатаго полеваго шпата, что темная основная масса и свѣтлые кристаллики являются почти въ одинаковомъ количествѣ и порода издали кажется сѣрою. Вблизи она представляется темной и порфиридной и при ударѣ раскалывается подобно стеклу. Описываемая порода выходитъ массивами и извержена, повидимому, подъ большимъ напоромъ и съ большою силою какъ-бы изъ узкой щели, въ видѣ тѣсно стоящихъ столбовъ. Столбы имѣютъ отъ 1 до 6' въ поперечникѣ и разбиты горизонтальными поверхностями, находящимися въ неравномъ разстоянн другъ отъ друга. Нѣкоторыя вывѣтрившіяся части образуютъ почти плитовидныя отдѣльности, въ другихъ — изъ черной основной массы яснѣе выступаютъ кристаллы авгита и роговой обманки. Идя отъ Таринской губы къ мысу Козаку, мы сперва все встрѣчаемъ эту, повидимому трахитовую, породу; затѣмъ, приблизительно на серединѣ пути и на протяженн около ста сажень, порода эта подостлана конгломератомъ и является такимъ образомъ въ видѣ покрова, сохраняя однако при этомъ столбчатый характеръ. Еще далѣе — конгломератъ пріобрѣтаетъ все болшую мощность и наконецъ занимаетъ всю высоту берега, образуя его затѣмъ до Паратунки. Большой, одиноко выходящій изъ моря

утесь Козакъ-Камень, стоящій передъ мысомъ того-же наименованія и имѣющій въ вышину до 50', также составляетъ громадную глыбу конгломерата, теперь сильно размытую прибоемъ волнъ. Главную роль среди этихъ продуктовъ разрушенія играютъ пористыя красноватыя лавы; болѣе тонкіе продукты ихъ распада составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цементъ для болѣе крупныхъ, заключенныхъ въ конгломератѣ обломковъ и глыбъ; при этомъ чѣмъ крупнѣе обломки, тѣмъ рыхлѣе становится весь конгломератъ.

На всѣхъ прочихъ берегахъ, со включеніемъ мыса Артушкина, встрѣчаются болѣе или менѣе все тѣ-же породы, продукты разрушенія которыхъ главнымъ образомъ и образуютъ эти берега. Мнѣ остается только обратить вниманіе еще на два пункта, представляющіе нѣкоторыя особенности.

Во первыхъ, слѣдуетъ упомянуть о мысѣ Кутха, находящемся въ Таринской губѣ, противъ мыса Артушкина, и имѣющемъ до 60' высоты. Здѣсь выходитъ въ видѣ массивовъ изверженная краснобурая, нѣсколько пористая вулканическая порода, переполненная мелкими кристаллами авгита и покрытая конгломератомъ изъ обломковъ той-же породы. Эта вулканическая порода прорѣзана почти совершенно вертикальными жилами, мощность которыхъ равна 6—10 футамъ. Жилы состоятъ изъ темносѣрой, очень прочной, трудно разбивающейся породы, истрескавшейся перпендикулярно къ зальбандамъ, гдѣ она принимаетъ буроватый цвѣтъ. Темносѣрая, мелкозернистая основная масса переполнена мелкими, бѣлыми, блестящими зернышками цеолитовъ, достигающими величины горошины и въ этихъ случаяхъ приобретающими характеръ шпата. На буроватыхъ вывѣтрившихся частяхъ эти зернышки становятся матовыми и желтоватыми.

Наконецъ остается еще разсмотрѣть небольшой, но интересный островокъ Хлебалкинъ, находящійся въ Таринской губѣ между мысами Кутхой и Артушкинымъ. Этотъ скалистый островокъ тянется съ востока на западъ и въ этомъ направленіи имѣетъ не менѣе $\frac{1}{4}$ версты въ длину; ширина его приблизительно вдвое меньше и наибольшая высота надъ уровнемъ воды не бо-

лѣе 20—25'. Почти со всѣхъ сторонъ Хлебалкинъ окруженъ рифами и мелями, состоящими изъ очень крупнаго галешника. Особеннаго вниманія заслуживаетъ низкая коса, состоящая изъ щебня и песка и направляющаяся къ западу—въ сторону материка. Подводное продолженіе ея населено безчисленными раковинами *Mytilus*, иглокожими и ракообразными. Болѣе значительная глубина у берега, именно сажень 10—12, встрѣчается только съ юга, со стороны Таринской губы. Въ болѣе высокихъ своихъ частяхъ островъ отчасти поросъ хорошей травой и одиночными березами. Хлебалкинъ — чисто нововулканическаго происхожденія. Юго-западный его край въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ такъ круто падаетъ въ глубину моря, состоитъ изъ беспорядочно наваленныхъ обломковъ прочной и очень мелкозернистой породы шоколаднаго цвѣта. Однако, чѣмъ болѣе проникаемъ мы въ глубь этого хаоса, тѣмъ разсматриваемая порода становится цѣльнѣе и наконецъ представляетъ сплошное, хотя покрытое трещинами, образованіе. Основная масса ея переполнена почти микроскопическими блестками какого-то, похожаго на сѣрный колчеданъ, минерала. Сѣверо-западная часть острова состоитъ изъ весьма пористыхъ красныхъ и сѣрыхъ застывшихъ лавовыхъ потоковъ; при этомъ часто одни изъ большихъ темныхъ каменныхъ валуновъ какъ бы залиты въ красную массу, другіе же представляются лишь съ поверхности покрашенными. Эта лава выдавлена изнутри повидимому съ страшной силой и въ видѣ густой жидкости черезъ сравнительно очень узкія отверстія. На такое предположеніе наводитъ множество длинныхъ кусковъ лавы, имѣющихъ до $\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ и даже завитыхъ на подобіе веревки или спирально. Куски эти лежатъ свободно разбросанные или же на половину выдавленные изъ породы, выдаваясь оттуда только своими концами.

Быть можетъ не лишено вѣроятія и то, что изверженіе, поднявшее и образовавшее островъ, имѣло мѣсто подъ водой. Выступавшая въ жидкомъ видѣ лава (допущеніе этого состоянія агрегаціи имѣетъ за себя достаточно данныхъ) повидимому очень

быстро, подъ вліяніемъ охлажденія, приняла консистенцію густой жидкости. Безъ этого сгущенія было-бы трудно себѣ представить образованіе болѣе или менѣе стойкихъ формъ вышеописаннаго рода. Въ пользу того-же предположенія о подводномъ изверженіи говорятъ еще и то обстоятельство, что покраснѣвшая лава преимущественно встрѣчается на поверхности, и этотъ часто яркій цвѣтъ можетъ быть приписанъ быстрому окисленію частичекъ желѣза, содержавшихся въ лавѣ, подъ вліяніемъ внезапнаго соприкосновенія ихъ съ водою.

Какъ-бы то ни было, островъ Хлебалкинъ представляетъ единственное мѣсто въ Авачѣ, гдѣ несомнѣнно имѣло мѣсто вулканическое изверженіе съ потоками лавы. Эти новѣйшія вулканическія изверженія оставили затѣмъ многочисленныя слѣды на мысѣ Кутха и наконецъ весьма слабыя — въ Раковой губѣ, у Дальняго маяка и у мыса Бабушкина. Но въ этихъ мѣстахъ никакихъ слѣдовъ протеканія лавы, за исключеніемъ развѣ пористаго характера породы, не наблюдается. На Хлебалкиномъ, напротивъ, мы встрѣчаемъ настоящіе застывшіе потоки лавы, и здѣсь слѣдовательно совершилось настоящее изверженіе.

Итакъ, обзоръ распространенія и взаимнаго отношенія горныхъ породъ по всей Авачѣ въ главныхъ чертахъ можетъ считаться законченнымъ. Мы видимъ здѣсь громадное поле разрушительной дѣятельности вулканическихъ силъ: созидалось здѣсь мало, а напротивъ много испровергалось, измѣнялось. Вообще вся Авача вполне производитъ на меня впечатлѣніе одного кратера обвала. Базальты, андезиты и трахиты дѣйствовали здѣсь разрушающимъ и разрыхляющимъ образомъ—частью на осадочныя породы, частью другъ на друга; наконецъ, оставивъ за собою изорванные и опустошенные берега, они большими массами погрузились въ глубину, откуда на встрѣчу имъ выступили на дневную поверхность немногочисленныя разсѣянныя изліянія лавы.

На сѣверо-востокѣ поднимаются въ недалекомъ разстояніи мощные вулканы Коряка и Авача, на юго-западѣ—также мощ-

ная и близкая Вилючинская сопка; по срединѣ этой группы вулкановъ лежитъ Авачинская губа. Слѣдовательно не было-бы ничего удивительнаго въ томъ, что по близости такихъ сильныхъ вулкановъ произошли болѣе или менѣе обширные провалы. Въ самой Камчаткѣ можно было-бы, пожалуй, привести еще нѣсколько явленій такого рода. Курильское и Кроноцкое озера, оба также окруженные высокими и значительными вулканами, представляютъ вѣроятно подобные-же провалы, но только еще гораздо большихъ размѣровъ; такъ Кроноцкое озеро по меньшей мѣрѣ вдвое больше Авачинскаго залива. Таково-же вѣроятно происхожденіе нѣкоторыхъ другихъ меньшихъ озеръ, находящихся среди вулканическихъ конусовъ, напримѣръ Харчинскаго.

Эти три большихъ кратера обвала лежатъ приблизительно въ равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, среди многочисленныхъ погасшихъ и дѣятельныхъ вулкановъ, проходящихъ по всей Камчаткѣ отъ сѣверо-востока на юго-западъ, слѣдовательно по направленію общей главной вулканической трещины.

Старинная камчатская легенда, быть можетъ не безъ основанія, приводитъ въ связь возникновеніе двухъ изъ этихъ озеръ съ образованіемъ новыхъ вулкановъ. По этой легендѣ Шевелючъ поднимался прежде тамъ, гдѣ теперь волнуется Кроноцкое озеро; точно также вулканъ, образующій нынѣ вулканической островъ Алайдъ, прежде дѣйствовалъ въ Курильскомъ озерѣ, а затѣмъ, оставивъ здѣсь свое сердце, перешелъ на новое мѣсто въ море. Это сердце вулкана — и теперь еще одиноко стоящій въ озерѣ утесъ — воспѣвается въ легендѣ и составляетъ быть можетъ образованіе, аналогичное острову Хлебакину въ Авачинской губѣ.

Если допустить такіе провалы и пониженія рядомъ и одновременно съ вулканическими поднятіями, то въ настоящемъ случаѣ, быть можетъ, уместно также предположить, что поднятіе болѣе древнихъ, теперь погасшихъ вулкановъ, Коряки и Вилючинской, состоялось одновременно съ образованіемъ андезитовъ, базальтовъ и трахитовъ Авачинской губы; окончательный же

проваль и слѣдовательно образованіе самой теперешней губы, сопровождавшееся изверженіями лавы, главнымъ образомъ у Хлебалкина и въ ближайшихъ къ нему мѣстахъ, вѣроятно находится въ прямой связи съ поднятіемъ еще и нынѣ дѣятельной Авачинской сопки.

3) *Поездка къ Авачинской сопкѣ. Октябрь 1851 г.*

30-го Сентября—ужь поздно ночью—я вернулся изъ своего плаванія вокругъ Авачи и на слѣдующій день узналъ, что утромъ 1-го октября въ губернаторскомъ саду откроется всеобщая выставка овощей. Погода была очень хорошая, и съ раняго утра стали съѣзжаться изъ деревень камчадалы со своими запасами овощей. Въ Петропавловскѣ также замѣчалось большее оживленіе среди обывателей: всякій старался выбрать наилучшіе продукты своего огорода, чтобы явиться съ ними на состязаніе. Это была первая выставка такого рода въ Камчаткѣ, а потому жителей влекло любопытство, къ которому примѣшивалась жажда наживы: Завойко объявилъ, что за лучшіе овощи будетъ выдаваться премія въ размѣрѣ 5 рублей. Еще прошлой зимой изъ Петербурга были присланы хорошія сѣмена для посѣва, щедро всѣмъ раздававшіяся, при чемъ по желанію можно было получать и всякаго рода практическія наставленія. Такимъ образомъ обыватели уже нѣсколько мѣсяцевъ готовились къ этой выставкѣ и сѣяли и сажали въ ожиданіи ея. Тѣмъ понятнѣе нетерпѣніе, съ которымъ населеніе ждало окончательнаго результата всѣхъ этихъ работъ.

Многолюдная толпа окружала мѣсто выставки, заваленное дѣйствительно прекрасными овощами, когда наконецъ явился, въ качествѣ предсѣдателя жури, Завойко и началась оцѣнка выставленныхъ предметовъ. Мѣриломъ достоинства экспонатовъ служили мѣра и вѣсъ продуктовъ. Эксперты, съ вѣсами въ рукахъ, выискивали наилучшіе овощи, изъ которыхъ награждены были пятирублевыми преміями нижеслѣдующіе:

Хрѣнъ	14 фунт.	24 золотн.	(1½ фута длины, 5 дюймовъ наибольшей толщины).
То-же	12 »		(2 фута длины, 3 дюйма въ са- момъ толстомъ мѣстѣ).
Кочень капусты	7 »		
Рѣпа	7 »	20 золот.	
Кольраби	11 »	48 »	
Морковь	4 »	41 »	
Свекла	— »	90 »	
Картофель	1 »	3 »	

Очевидно, насколько важно развитіе огородничества въ странѣ, гдѣ населеніе пользуется лишь въ очень скудной мѣрѣ растительною пищей, такъ полезной для здоровья, и мѣры, принятыя въ этомъ направленіи Завойко, дали немаловажные результаты. Рѣшено было отнынѣ устраивать выставку овощей ежегодно 1-го октября, а также—по возможности распространять по всей Камчаткѣ необходимые для посѣвовъ матеріалы. Обыватели были очень довольны своимъ успѣхамъ и всѣ задавались благими намѣреніями на будущее время. Особенно хорошо уродились овощи въ Петропавловскѣ, гдѣ сдѣланы были такіе запасы, что мы положительно роскошествовали всю зиму. Капуста, картофель и всякаго рода корнеплодные растенія повидному произрастали здѣсь особенно хорошо; напротивъ, всѣ стручковые растенія, какъ горохъ, бобы, чечевица, совершенно не принимались, даже на образцовыхъ огородахъ губернатора.

Мнѣ кажется, что главная причина этой неудачи заключается въ бѣдности здѣшней почвы известью. Еще прежде мнѣ бросилось въ глаза, что даже морской горохъ (*Pisum maritimum*) въ Камчаткѣ встрѣчается рѣдко, да и то лишь тамъ, гдѣ волны случайно выбросили на берегъ болѣе или менѣе значительное количество морскихъ раковинъ, которыя, распавшись и измельчившись отъ многолѣтняго дѣйствія воды, какъ-бы обратились въ одну изъ составныхъ частей почвы. Въ виду такихъ соображе-

ній, въ эту осень собрано было большое количество раковинъ, истолченныхъ затѣмъ въ порошокъ и въ такомъ видѣ употребленныхъ для удобренія почвы на нѣсколькихъ грядкахъ губерна-торскаго огорода, при чемъ предполагалось въ слѣдующую весну повторить опытъ съ горохомъ и бобами. Результатъ вышелъ поразительный: на слѣдующій годъ, можно сказать, получился настоящій урожай этихъ растений. Какъ кажется, известъ совершенно не участвуетъ въ геологическомъ строеніи Камчатки; по крайней мѣрѣ мнѣ нигдѣ не удалось найти известковыхъ породъ.

На слѣдующій день, т. е. 2-го октября, я имѣлъ удовольствіе занять свою новую квартиру. Это была отдѣльно расположенная комната въ домѣ матроса Бѣлокопытова, изъ которой открывался чудный видъ на бухту и на Вилючинскую сопку, находящуюся по другую сторону губы и далеко выдающуюся надъ всѣми береговыми горами. Наконецъ-то у меня былъ свой уголь, которымъ я могъ пользоваться одинъ! Наконецъ-то я избавился отъ такъ надоѣвшей мнѣ совмѣстной жизни и получилъ возможность безъ помѣхи заниматься своимъ дѣломъ! Я устроился очень быстро, потому что имѣлъ въ виду еще этой-же осенью совершить восхожденіе на Авачинскую сопку; слѣдовательно нельзя было терять времени. Но отсутствіе подходящаго случая и затрудненіе найти хорошихъ спутниковъ задержали меня, къ сожалѣнію, настолько, что я могъ уѣхать лишь 5-го октября.

Въ этотъ день рано утромъ выпалъ первый снѣгъ, очень скоро однако растаявшій на солнцѣ; поэтому я все-таки отправился въ путь, хотя и безпокоился насчетъ путешествія въ болѣе высокихъ частяхъ вулкана.

Рано утромъ я съ казакомъ Томскимъ отправился въ лодкѣ въ деревню Авачу, куда мы и прибыли уже около 10 часовъ. Это поселеніе расположено очень близко отъ берега бухты, между моремъ и маленькимъ лиманомъ, въ который впадаетъ одинъ изъ рукавовъ р. Авачи, на такъ называемой кошкѣ, т. е. на прибрежномъ образованіи, весьма частомъ при устьяхъ камчатскихъ рѣкъ. Кошки въ сущности представляютъ очень низкія

береговья дюны, состоящія изъ щебня и песку, которые наносятся рѣками, а затѣмъ дѣйствіемъ волнъ выбрасываются и сбиваются въ плотныя образованія. Такимъ образомъ возникаютъ низкія, большею частью совершенно лишенныя растительности дюны, тянущіяся впереди устьевъ рѣкъ и озеръ. Авача не составляетъ старокамчадальской деревни, а основана только въ концѣ прошлаго вѣка для поселенія ссыльныхъ. Она состоитъ изъ немногихъ заброшенныхъ, безпорядочно разбросанныхъ домовъ, безъ деревьевъ и тѣни. Множество голодныхъ собакъ бродитъ вокругъ довольно многочисленныхъ вѣшалъ для сушки рыбъ, а въ воздухѣ стоитъ отвратительное зловоніе отъ ихъ гниющихъ остатковъ. Вся деревня, заселенная смѣшаннымъ населеніемъ, носитъ на себѣ отпечатокъ бѣдности и запущенія. Собственно старокамчадальская деревня Авача сокращенно называется теперь Старымъ Острогомъ и лежитъ 25 верстами выше, на р. Авачѣ.

Для поѣздки къ этому Старому Острогу можно было достать только двухъ лошадей, которыми я и воспользовался. Дорога къ цѣли нашего путешествія идетъ черезъ 15 небольшихъ возвышенностей, состоящихъ изъ глубокаго слоя перегноя и въ теплое время года покрытыхъ роскошной растительностью; при нашемъ же проѣздѣ почва была усѣяна лишь частыми засохшими остатками этой растительности, которые въ свою очередь служили матеріаломъ для новыхъ слоевъ плодородной земли. Кромѣ того эти болѣе возвышенныя мѣста сплошь поросли березой (*Betula Ermani*), здѣсь корявой и образующей лишь рѣдкій лѣсъ. Мѣстами виденъ былъ подсѣдъ, но уже безлиственный; изъ составляющихъ его породъ особенно бросался въ глаза кедровникъ (ползучій кедръ). Каждое изъ поросшихъ березой возвышеній прорѣзано было небольшимъ ручьемъ; всѣ ручьи начинаются у подошвы Авачинской сопки и впадаютъ въ рѣку Авачу. По берегамъ этихъ ручьевъ, большею частью нѣсколько болотистымъ, росъ ветловникъ, красивый высокоствольный видъ вербы, который вмѣстѣ съ камчатскимъ тополемъ, чащами шаламайника, выше челоуѣ-

ческаго роста, сладкой травой и т. п. часто составляет украшеніе рѣчныхъ береговъ въ Камчаткѣ.

Фауна тутъ повидимому очень бѣдная: единственное живое существо встрѣченное нами, была большая птица изъ куриныхъ, очень похожая на глухаря и носящая здѣсь это названіе, но только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ ея родичъ въ Россіи.

Дорога шла параллельно р. Авачѣ, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея; выѣхавъ же изъ лѣса, мы внезапно очутились въ виду рѣки и Старога Острога, лежащаго на противоположномъ берегу ея. Здѣсь мы переправились поздно вечеромъ на лодкахъ, лошади же плыли за нами. Въ Острогѣ мы встрѣтили радушный приемъ въ домѣ таіона Машигина.

Старикъ Машигинъ былъ очень опытный знатокъ мѣстности и охоты въ восточныхъ горахъ, и къ нему поэтому часто обращались въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось путешествовать въ этой части страны. Но еще въ Петропавловскѣ меня предупредили, что я долженъ очень осторожно изложить ему свои планы, а особенно же ни единымъ словомъ не касаться исторіи его молодости; иначе онъ неумолимъ. Дѣло въ томъ, что, желая пзбавиться отъ податей и другихъ повинностей, онъ, еще молодымъ человекомъ, вмѣстѣ со своей молодою женою бѣжалъ съ мѣста своей родины, пропавъ для всѣхъ, жилъ въ горахъ охотой и рыбной ловлей. Одинъ только человекъ изъ родни бѣглеца, на молчаливость котораго вполне можно было положиться, зналъ мѣст. проживанія Машигина и служилъ ему поставщикомъ припасовъ, а также скупщикомъ охотничьей добычи. Наскучивъ наконецъ такой жизнью, Машигинъ спустя 10 лѣтъ опять появился, уплатилъ числившуюся за нимъ недоимку, получилъ прощеніе отъ губернатора и вскорѣ былъ избранъ своими односельцами въ таіоны (старосты). Но воспоминаніе о бѣгствѣ на всю жизнь осталось для него больнымъ мѣстомъ. За очень обильнымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ жареныхъ утокъ, лососины и картофеля, старикъ подсѣлъ ко мнѣ и старался разузнать, куда собственно я напра-

вляю свое путешествіе. Я принужденъ былъ высказаться и тотчасъ-же замѣтилъ, что старый охотникъ сталъ несловоохотливъ, а затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, онъ формально выбранилъ меня за то, что я думаю еще о восхожденіи на вулканъ въ это время года. Такое путешествіе можно предпринять въ іюль, самое позднее — въ августъ, теперь же оно невозможно; да къ тому-же всѣ лошади на дальнемъ пастбищѣ, гдѣ только еще и можно достать корму; поэтому на слѣдующій день и думать нечего о путешествіи. Послѣ долгихъ переговоровъ и нѣкоторыхъ обѣщаній мнѣ удалось наконецъ уговорить старика. Рѣшено было, что онъ, насколько возможно, будетъ сопровождать меня 7-го октября; пока же мы разстались до утра.

6-го октября стоялъ очень хорошій день. Когда разсѣялся утренній туманъ, на сѣверо-восточной сторонѣ горизонта открылся величественный горный ландшафтъ. Зубчатый кряжъ, казавшійся почти какъ рядъ старыхъ, не очень высокихъ кратеровъ, тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ, начинаясь далеко внутри мѣстности, извѣстной здѣсь подъ именемъ сердца Камчаткы, т. е. области истоковъ рѣкъ Авачи, Камчатки и Быстрой. Въ томъ-же направленіи, вплотную прилегая къ этому кряжу, возвышается Коряцкая сопка, а рядомъ съ нею—Авача, съ своей дополнительной вершиной—Козельской сопкой; послѣдняя въ свою очередь, какъ менѣе высокая, представляется старымъ краемъ кратера Авачи и, замыкая этотъ рядъ горъ, опускается къ морю.

Коряцкая, или Стрѣлочная, сопка—прекрасный, немного лишь притупленный конусъ въ 11.500' вышиной. Онъ опускается на сѣверо-западъ, по направленію къ зубчатому кряжу, нѣсколько круче чѣмъ со стороны Авачи; но верхній край кратера, какъ кажется, опускается немного ниже съ этой стороны. Особенно великолѣпный видъ представляютъ колоссальныя продольныя ребра Коряцкой сопки, спускающіяся очень правильно по всѣмъ сторонамъ отъ верхняго края къ подошвѣ горы. Эти мощныя острия ребра представлялись въ видѣ большихъ, направленныхъ

къ вершинѣ горы подпоръ и казались почти черными на бѣломъ фонѣ сопки, уже нѣсколько покрытой снѣгомъ. За все время своего наблюденія я ни разу не замѣчалъ какихъ-бы то ни было слѣдовъ дѣятельности описываемаго вулкана; я не могъ также найти указаній объ этомъ у другихъ путешественниковъ. Но старикъ Машигинъ, напротивъ, увѣрялъ меня, что отъ времени до времени изъ кратера выходитъ немного дыма.

Авачинская сопка поднимается съ несравненно болѣе широкаго основанія и достигаетъ высоты лишь 8700'. Она испытала повидимому не менѣе двухъ большихъ катастрофъ. Въ первый разъ эта гора, также отчасти ребристая въ своихъ нижнихъ отдѣлахъ, вслѣдствіе провала уменьшилась почти до половины первоначальной высоты, оставивъ лишь обширный кратеръ съ очень высокимъ краемъ—Козельскую (высота болѣе 5000'). Затѣмъ въ этомъ обширномъ кратерѣ обвала гора снова возстановилась на счетъ потоковъ лавы и изверженныхъ массъ, но новообразованіе шло преимущественно съ сѣверо-запада; часть-же стараго кратера (Козельская) осталась далеко къ юго-востоку. Послѣ того произошелъ второй провалъ; вулканическая дѣятельность опять повела къ образованію конуса въ этомъ второмъ, гораздо меньшемъ, кратерѣ обвала. При основаніи обѣ сопки совершенно сливаются въ одну гору; только на высотѣ Козельская, этотъ старый обломокъ прежняго кратернаго края, поднимается въ видѣ отдѣльнаго образованія, что и подало поводъ къ ошибочному взгляду, будто она представляетъ самостоятельный вулканъ.

Если по лніямъ паденія самыхъ древнихъ основныхъ частей Авачи реставрировать весь древній конусъ, какимъ онъ являлся вѣроятно первоначально, то получается горный исполинъ, далеко превышающій высоту Коряцкой сопки. Съ этимъ вполне согласуются также показанія старика Машигина. Онъ рассказалъ мнѣ о страшномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто приблизительно 25 лѣтъ тому назадъ. Авачинская сопка, прежде гораздо болѣе высокая чѣмъ Коряцкая, внезапно провалилась при страшнѣйшемъ трескѣ и сильныхъ подземныхъ толчкахъ. Солнце затмилось, на

обширномъ пространствѣ выпалъ сильнѣйшій дождь пепла, образовавшій такіе мощные слои, что всю траву засыпало, кусты пригнуло къ землѣ, а вѣтви деревь сломились. Огненные столбы поднимались высоко къ небу и изливались колоссальные потоки лавы. Это изверженіе совпадаетъ повидимому съ тѣмъ, которое произошло въ 1828 г. и о которомъ сообщаютъ Китлицъ ¹⁾ и Эрманъ ²⁾. Эрманъ (Т. 3, стр. 76) приводитъ даже метеорологическій журналъ бывшаго губернатора Камчатки Станицкаго, въ которомъ буквально сказано: «17-го апрѣля (нов. ст.) 1828 г., въ 8 часовъ утра, при слабомъ юго-западномъ вѣтрѣ земля покрылась сажей и пепломъ; около 10 часовъ 30 минутъ утра вся юго-западная часть горизонта была такъ темна какъ въ полночь, а воздухъ наполнился сильно пахучими сѣрными парами»; далѣе: «12-го іюня (нов. ст.), въ 7 часовъ утра, слышенъ былъ шумъ, подобный грому, и вскорѣ затѣмъ распространился невыносимый сѣрный запахъ, откуда я и заключилъ, что Авачинская сопка лопнула».

Машигинъ утверждалъ, что Козельская существовала уже до этого изверженія, очевидцемъ котораго ему пришлось быть; поэтому нужно допустить, что вышеупомянутый второй провалъ послѣдовалъ въ 1828 г.; образованіе-же Козельской относится къ первой, гораздо болѣе древней катастрофѣ. Точно также слѣдуетъ считать съ 1828 г. начало постепеннаго возстановленія теперешняго конуса, выдающагося надъ остатками стараго кратера.

Далѣе Машигинъ сообщилъ мнѣ, что до послѣдняго изверженія, еще будучи высокой горой, Авача дѣйствовала очень слабо, выпуская только небольшія облака пара. Послѣ же изверженія, напротивъ, вулканъ постоянно обнаруживалъ болѣе интенсивную работу, отчего и заслужилъ у мѣстныхъ жителей названіе Горѣлой сопки.

Я самъ также никогда не видалъ этой горы недѣятельною.

1) F. H. v. Kittlitz, *Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka*, Gotha 1858.

2) Adolph Erman, *Reise um die Erde*. Bd. 3, Berlin 1848.

Напротивъ, мнѣ перѣдко приходилось наблюдать очень большіе клубы пара, выходившіе изъ кратера; между прочимъ и сегодня усиленная дѣятельность вулкана обнаруживалась значительнымъ выдѣленіемъ пара.

Машигинъ съ сожалѣніемъ рассказывалъ о томъ, какъ сильно измѣнилась гора послѣ описанной катастрофы. Особенно чувствительно было полное уничтоженіе участковъ, гдѣ прежде была прекрасная охота на дикихъ барановъ (*Ovis argali*). Всѣ богатая пастбища, съ обильной и мощной альпійской растительностью, пропали; животныя, понятно, ушли. Бараны, соболи, сурки и дикіе олени прежде водились тамъ въ изобиліи, и всякая охота за ними доставляла богатую добычу. Теперь все мертво, и даже самъ рассказчикъ не можетъ ориентироваться какъ слѣдуетъ въ этомъ хаосѣ новообразованій. Исполнскія глыбы, мощные слои пепла, глубокія трещины и обширные потоки лавы занимаютъ въ настоящее время мѣста, гдѣ прежде были мягкіе ковры изъ сочныхъ травъ. Охота теперь возможна лишь на Коряцкой сопкѣ, которая не была тронута катастрофой; но и здѣсь она стала гораздо менѣе добычливой, благодаря обильному выпаденію пепла. Въ настоящее время охотникъ, желающій добыть барановъ, долженъ отправиться къ сердцу Камчатки (Камчатская вершина), т. е. къ истокамъ рѣкъ Авачи и Камчатки, и къ Ганальскимъ Вострякамъ; туда ушло большое количество благородной дичи.

Какъ и въ другихъ мѣстахъ Камчатки, охота и рыбная ловля сосредоточиваютъ на себѣ всѣ интересы здѣшнихъ жителей. Это вполне объясняется тѣмъ, что земледѣліе представляется здѣсь почти невозможнымъ и что слѣдовательно населенію остается прибѣгать главнымъ образомъ къ названнымъ промысламъ. Побочное и, какъ мы видѣли въ Петропавловскѣ, небезуспѣшное занятіе жителей заключается въ огородничествѣ; остается еще пожелать, чтобы скотоводство достигло здѣсь бѣльшаго процвѣтанія, потому что эта отрасль хозяйства обѣщаетъ повидимому очень много для будущаго всей страны.

Старый Острогъ расположенъ очень хорошо, на удачно выбранномъ мѣстѣ, п къ тому-же лежитъ очень живописно на красивой рѣкѣ. Рыбная ловля здѣсь весьма обильна, а близлежащіе охотничьи участки изобилуютъ дичью. Четыре дома, составляющихъ поселеніе, заняты почти исключительно семействомъ Машигина, потому что его трп сына со своими семействами живутъ здѣсь-же. Все повидимому процвѣтаетъ подъ патриархальнымъ управленіемъ опытнаго старпка. Въ домахъ, хорошо содержимыхъ, бросаются въ глаза порядокъ и чистота; все производитъ впечатлѣніе полнаго благосостоянія и гостепрїимства. Такъ за ѣдой меня угощали всевозможными вкусными яствами, п я могъ убѣдиться такимъ образомъ, что обитатели острога не только разумно пользуются дарами природы, но и еще не пренебрегаютъ скотоводствомъ и огородничествомъ. Въ числѣ подававшихся блюдъ было между прочимъ и одно чисто камчатское, съ которымъ мнѣ болѣе чѣмъ хорошо пришлось познакомиться впоследствии: клубни *Fritillaria Sarana*, въ вареномъ и печеномъ видѣ напоминающіе картофель, только пожалуй послаще.

Благодаря камчадалской флегматичности, мы были готовы къ путешествію лишь около 8 часовъ утра 7-го октября. Опять переправившись въ лодкахъ черезъ рѣку, мы нашли на лѣвомъ берегу ея четырехъ лошадей, на которыхъ и поѣхали верхомъ (Машигинъ взялъ съ собой еще помощника). Дорога пошла рѣдкимъ березовымъ лѣсомъ въ восточномъ и сѣверо-восточномъ направленіи, среди высокой, но уже засохшей травы, по мѣстности, большею частью совершенно плоской и постепенно поднимающейся въ гору. Нерѣдко мы пользовались здѣсь медвѣжьими тропами, которыя составляютъ наилучшую дорогу черезъ труднопроходимыя мѣста и, слѣдовательно, прямую противоположность знаменитаго торговаго пути Американской Компаніи между Якутскомъ и Аяномъ. Мы переправились вбродъ черезъ нѣсколько небольшихъ горныхъ ручьевъ, текущихъ съ сопки и принадлежащихъ къ системѣ р. Авачи. Сперва мы перешли черезъ Первую Мутную, владающую прямо въ Авачу. Затѣмъ, продолжая ѣхать

лѣсомъ, который по мѣрѣ подъема въ гору становился все мельче и слабѣе, мы должны были пересѣчь нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ Пинчеву, довольно значительный лѣвый притокъ Авачи, который, начинаясь на Коряцкой сопкѣ, теченіемъ своимъ образуетъ большую дугу. Эти ручьи были: Вторая Мутная, Кирилкина и Свѣтлый Ключъ. Здѣсь, по берегу послѣдняго, тянется высокоствольный тополевый лѣсъ, который рубятъ зимою и затѣмъ сплавляютъ по Авачѣ для построекъ въ Петропавловскѣ. Здѣсь-же была выстроена юрта для защиты рабочихъ отъ зимнихъ выюговъ. Для построекъ въ этой мѣстности пользуются высокими, стройными стволами тополя и ивы (ветловины), и даже болѣе прямыми стволами березы (*B. Ermani*); такой выборъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всей южной части Камчатки, за исключеніемъ ползучаго кедра, нѣтъ никакой породы хвойнаго лѣса. Точно также здѣсь нѣтъ и европейской березы (*B. alba*); какъ и хвойный лѣсъ, она встрѣчается лишь въ долинѣ р. Камчатки и въ густыхъ лѣсахъ имѣетъ прекрасные, прямые стволы.

Теперь на водѣ нерѣдко сталъ попадаться ледъ, а на сушѣ начали встрѣчаться мѣста, покрытыя снѣгомъ. На снѣгу охотники тотчасъ-же распознали слѣды выдры, соболя и даже медвѣдя. Въ березовомъ лѣсу опять очень часто стали встрѣчаться глухари и безчисленныя норы мыши-экономки. Этотъ прилежный звѣрекъ уже собралъ свои обильные зимніе запасы подъ высокими слоями высохшей травы и мха. Нора его состоитъ изъ небольшихъ ходовъ, черезъ посредство которыхъ нерѣдко соединяется съ сосѣдними норами и содержитъ отъ одного до двухъ литровъ корней, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ саранѣ. Всѣ корни и клубни сложены въ величайшемъ порядкѣ и хорошо очищены. Обираніе этихъ норъ, составляющее немаловажный источникъ добыванія жизненныхъ припасовъ у камчадаловъ, совершается очень разумно и осмотрительно: никогда не забирается весь запасъ и выборка его не производится слишкомъ поздней осенью. Такимъ образомъ, если вынута слишкомъ

много, у звѣрьковъ все таки остается еще время снова пополнить запасы.

Начиная отъ юрты у Свѣтлаго Ключа подъемъ поверхности становится очень замѣтенъ, при чемъ древесная растительность впервые замѣняется здѣсь кедровникомъ. Ландшафтъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе зимній видъ. Массы снѣга увеличивались, небольшое озеро совершенно замерзло, температура воздуха упала до одного градуса ниже 0. Мы еще шли впередъ, поднимаясь все выше и выше, чтобы добраться по крайней мѣрѣ до Пинечевой; но для меня уже ясна была невозможность достигнуть самой цѣли моего путешествія. Мы подошли еще только къ подошвѣ сопки, и то уже мѣстами должны были бороться со снѣгами. Небо стало пасмурнымъ, вдаль ничего не видно, уже чувствовались отдѣльные зловѣщіе порывы вѣтра. Машигинъ торжествовалъ и настоятельно совѣтовалъ, такъ какъ день былъ уже на закатѣ, остановиться у холма, который защитилъ-бы насъ немного отъ непогоды; я тоже больше не противорѣчилъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро подвѣялся сильный вѣтеръ, наносившій на насъ цѣлыя тучи снѣга и града. Лишь съ большимъ трудомъ, при помощи ремней и веревокъ, удавалось намъ удерживать отъ паденія защищавшую насъ палатку. Огонь скоро задуло и намъ пришлось провести холодную ночь.

Такъ какъ сверхъ того нельзя было достать болѣе корму для лошадей, то на слѣдующій-же день, еще до разсвѣта, мы поспѣшно снялись въ обратный путь. Движеніе внизъ шло легче и скорѣе, хотя мы подвигались по глубокому снѣгу и при сильной вьюгѣ. Вскорѣ мы опять достигли юрты, гдѣ согрѣлись чаемъ. Затѣмъ, все еще преслѣдуемый вьюгой, нашъ караванъ поспѣшно двинулся къ Старому Острогу, куда наконецъ мы благополучно прибыли около 3-хъ часовъ по полудни, и помѣстились здѣсь въ тепломъ, уютномъ домѣ. Въ Острогѣ вмѣсто снѣга шель, вѣрнѣе сказать, дождь; въ горахъ-же продолжалась метель. Итакъ, я впервые испыталъ камчатскую пургу. Но главное пріобрѣтеніе въ эту экспедицію, къ сожалѣнію совершенно неудачную, заклю-

чалось въ томъ, что я заручился дружбой старика Машигина, благодаря чему я впослѣдствіи получилъ отъ него нѣкоторыя важныя для меня свѣдѣнія и пользовался его услугами какъ проводника при позднѣйшемъ восхожденіи на сопку.

9-го Октября въ Острогѣ все еще не прекращался дождь, между тѣмъ какъ въ горахъ продолжала свирѣпствовать вьюга. Тѣмъ не менѣе Машигинъ сопровождалъ меня въ лодкѣ внизъ по р. Авачѣ, берега которой, исключительно наноснаго образованія, не представляли ничего интереснаго. Дождь и градъ сверху и брызги волнъ снизу промочили насъ до костей. Такъ мы прибыли въ Авачу, гдѣ старикъ остался; я же съ казакомъ Томскимъ въ темную ночь нѣшкомъ отправились въ Петропавловскъ.

Съ 10-го октября начинается моя первая зимовка въ Петропавловскѣ. Окрестныя горы уже облачились въ ослѣпительно бѣлый зимній покровъ, все болѣе и болѣе спускавшійся въ нижнія долины. Самый Петропавловскъ, берега Авачинской губы и ближайшія болѣе низкія мѣста были еще вполне свободны отъ снѣга; онъ, правда, выпадалъ уже нѣсколько разъ, но затѣмъ ставалъ въ нѣсколько часовъ. Температура воздуха также едва падала ниже нуля, такъ что вся губа оставалась свободна отъ льда; только мѣстами, на небольшихъ лужахъ, по утрамъ замѣчались слѣды его. Гавань оставалась еще оживленной. Нашъ чудный корветъ «Оливуца» стоялъ еще здѣсь, но былъ готовъ къ отплытію на Ситху, гдѣ долженъ былъ зимовать. Кромѣ того на дняхъ пришло нѣсколько китобоевъ, въ томъ числѣ одинъ Французскій; этотъ китобой и экипажъ его находились въ самомъ жалкомъ состояніи.

Упомянутое судно, послѣ долгаго и весьма мало успѣшнаго плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, съ недостаточнымъ провіантомъ и страшно поврежденное бурями, искало пристанища и помощи въ тихой Авачинской губѣ. Капитанъ и болѣе половины экипажа лежали въ тяжеломъ скорбутѣ, представляя картину полного бѣдствія; судно же требовало крупнаго ремонта. Завойко по мѣрѣ силъ старался о помощи и прежде всего распорядился объ уходѣ за

несчастными моряками. Судно же пришлось подправить лишь настолько, чтобы дать ему возможность, для болѣе основательной починки, совершить, хотя-бы съ нѣкоторымъ рискомъ, переходъ къ Гонолулу.

Въ подобныхъ случаяхъ Завойко находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Петропавловскъ представлялъ единственный портъ на много тысячъ миль во всей сѣверной части Тихаго океана, — портъ, въ которомъ моряки, послѣ невзгодъ и опасностей плаванія по полярному морю, должны были рассчитывать на возможность добыть провіантъ и еще болѣе—ремонтировать суда и снабдить ихъ хотя-бы самыми необходимыми принадлежностями, каковы веревки, якоря, паруса, реи и т. п. Къ сожалѣнію Адмиралтейство такъ мало заботилось обо всемъ этомъ, что здѣсь едва хватало запасныхъ частей для собственныхъ судовъ. Точно также здѣсь не было никакихъ мастерскихъ, имѣлись только небольшія, весьма примитивныя приспособленія для производства самыхъ необходимыхъ работъ.

Уже одни соображенія гуманности требовали обильнаго и цѣлесообразнаго снабженія разными припасами портовыхъ складовъ въ мѣстѣ, удаленномъ отъ путей всемірной торговли и, сравнительно съ изолированностью своего положенія, все таки посѣщаемомъ довольно многочисленными судами, особенно-же китоловами, которые регулярно приходятъ сюда весною, на пути къ сѣверу, и осенью, нерѣдко по испытаніи аварій, на обратномъ пути—къ югу. То обстоятельство, что въ Петропавловскѣ развѣвались болѣею частью лишь иностранные флаги, едва-ли могло оправдать такой недостатокъ и такую безпечность въ гавани, все-же принадлежащей цивилизованному народу. Напротивъ, было бы во всѣхъ отношеніяхъ полезно путемъ самаго предусмотрительнаго пополненія судоваго матеріала развить и собственное судоходство, чтобы такимъ образомъ все богатство сѣверныхъ морей не уходило въ чуждыя страны, а оставалось дома.

Какъ легко было-бы изъ доходовъ отъ китоловства, тюленьяго боя и рыболовства привлекать на рынки Гонолулу, Шан-

хая и С. Франциско всѣ необходимые для Камчатки товары и такимъ образомъ очень дешево удовлетворяютъ всевозможнымъ потребностямъ населенія. На самомъ же дѣлѣ необходимые припасы доставляются теперь двумя нашими транспортными судами изъ Аяна, куда всѣ товары (напр. мука, крупа, соль и пр.) перевозятся на тысячеверстныя разстоянія изъ подѣ Иркутска, по непроходимѣйшимъ мѣстамъ, при невыносимѣйшихъ страданіяхъ людей и лошадей. Какъ легка и дешева была-бы вся доставка провіанта и припасовъ на судахъ изъ южныхъ гаваней Тихаго океана, особенно при уплатѣ за нихъ не деньгами, а мѣстными продуктами. А эти продукты были и есть чрезвычайно цѣнные всюду товары — рыба, мѣха и моржовые зубы.

Дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала желательному и возможному; Завойкѣ приходилось поэтому всѣми средствами добывать необходимое. Довольно большой приростъ командъ и чиновниковъ требовалъ гораздо бѣльшихъ припасовъ, значительнаго количества строительныхъ матеріаловъ и всякаго рода инструментовъ; наконецъ для ремонта судовъ необходимы были несчетныя судовыя принадлежности. Поэтому нерѣдко приходилось покупать по случаю разные припасы съ приходившихъ судовъ; наконецъ и корветъ, уходившій 14-го октября на Ситху, въ ближайшую весну также долженъ былъ привезти оттуда необходимыя товары.

17-е Октября привело сюда шумное общество — ѣздовыхъ собакъ. На лѣто ихъ отпускаютъ свободно бродить по странѣ, предоставляя имъ кормиться собственной охотой и рыбной ловлей. Осенью, когда природа становится менѣ щедрой и прекращается ходъ рыбы въ рѣкахъ, ихъ опять собираютъ или онѣ сами приходятъ. Затѣмъ собакъ собираютъ въ подходящихъ мѣстахъ и отводятъ домой, гдѣ и держатъ ихъ всю зиму на привязи близъ хозяйскаго жилья. Здѣсь онѣ остаются при всякой погодѣ подѣ открытымъ небомъ и кормятся юколой, т. е. лососиной, нарочно для этой цѣли высушенной въ лѣтнее время. По всей Камчаткѣ юкола представляетъ важнѣйшій жизненный во-

прось въ хозяйствѣ туземца. У всякаго поселенія въ Камчаткѣ видны длинныя ряды деревянныхъ вѣшалъ, отчасти прикрытыхъ крышами; на этихъ вѣшалахъ, именно на жердяхъ, развѣшаны предварительно выпотрошенные рыбы. Всякая рыба надрѣзывается сбоку подъ жабрами, затѣмъ разрѣзывается вдоль, параллельно позвоночнику, почти до хвостоваго плавника и вѣшается такимъ образомъ, что голова съ позвоночникомъ остается на одной половинѣ, между тѣмъ какъ другая содержитъ только мясистыя боковыя части. Такъ висятъ по всей странѣ миллионы лососей. Что не гниваетъ и не съѣдается съ самаго начала червями, то высыхаетъ и служитъ запасомъ на зиму. Лучшіе экземпляры подвергаются болѣе тщательной обработкѣ и прибегаются для людей. Остальное именно и идетъ на кормъ собакамъ, этому наиболѣе важному домашнему животному камчадаловъ. Только привычка со времени младенчества можетъ притупить чувство отвращенія къ невообразимому зловонію, парящему въ мѣстахъ сушки рыбъ. Менѣе трудно привыкнуть къ пронзительному вою собакъ, во всякое время дня и ночи заводящихъ свой страшный концертъ. Сперва отдѣльныя собаки начинаютъ издавать протяжные жалобные звуки, затѣмъ подхватываетъ все большее и большее число участниковъ, пока наконецъ не разразится весь громадный хоръ. Благодаря прибытію приблизительно 300 собакъ, Петропавловскъ по внѣшности сталъ похожъ на всѣ камчадалскія поселенія.

20-го Октября къ общей радости пришло изъ Аяна одно изъ здѣшнихъ транспортныхъ судовъ, «Иртышъ», нагруженное всякаго рода жизненными припасами, главнымъ образомъ мукой и крупой. Но приходъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ надежды многихъ, ожидавшихъ вѣстей изъ дому: почта, привезенная судномъ, была очень невелика. Оставалось только вооружиться терпѣніемъ, потому что ближайшую почту можно было ждать не ранѣе февраля или марта. 21-го октября насъ обрадовалъ новый пришелецъ, на сей разъ судно американскаго торговаго дома Кноксъ, ведущаго торговлю съ Петропавловскомъ. Судно это

пришло съ полнымъ грузомъ различнѣйшихъ товаровъ, выбранныхъ какъ нельзя болѣе практично, соответственно нашимъ потребностямъ. Названная американская фирма начала свои дѣла здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ присылкой *commis-vooyageur*, которому поручено было разузнать объ общей суммѣ всѣхъ платимыхъ здѣсь казной содержаній, затѣмъ о другихъ источникахъ здѣшнихъ доходовъ и наконецъ о потребностяхъ различныхъ слоевъ населенія. Затѣмъ этотъ *commis* купилъ въ Петропавловскѣ домъ съ земельнымъ участкомъ и приспособилъ его для торговыхъ цѣлей; тотчасъ-же послѣ этого съ величайшей регулярностью началась ежегодная доставка на суднѣ изъ Бостона товаровъ, въ богатомъ и чрезвычайно практичномъ выборѣ. Результатъ конечно получился самый блестящій, потому что постоянные покупатели были на мѣстѣ. Хорошій, сравнительно дешевый товаръ, состоявшій исключительно изъ крайне необходимыхъ предметовъ, быстро раскупался и доставлялъ солидный барышъ продавцамъ.

Полный контрастъ съ такимъ веденіемъ дѣла, которое процвѣтало, благодаря близкому знакомству руководителей его съ краемъ, представляли другія комерческія предпріятія въ Петропавловскѣ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ упомянуть конечно Россійско-Американскую Компанію, которая также вела здѣсь торговлю, но далеко не достигла такого оборота.

Директора этой компаніи надменно царствовали на Ситхѣ; управленіе ихъ скорѣе напоминало министерство или казенный департаментъ, чѣмъ торговое общество. По издавна заведенному порядку производилась здѣсь обширная торговля мѣхами; разъ достигнувъ извѣстныхъ успѣховъ, администрація ни о чемъ больше не думала. Никто повидимому не заботился ни о расширеніи торговыхъ интересовъ, ни о судьбѣ разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ факторій. Компаніи принадлежали неизмѣримыя пространства на материкѣ Америки, вся цѣль Алеутскихъ острововъ, Курильскіе острова и Аянъ. Правительство предоставило

ей всевозможныя привилегіи и льготы. Она могла пользоваться неисчерпаемыми сокровищами и завести самую оживленную торговлю съ южными портами Тихаго океана. Но ничего подобнаго не вышло. Все застыло на изстари заведенной мѣховой торговлѣ, и, создавъ себѣ крупныя капиталы, компанія на этомъ остановилась. Она прозябала или напоминала роскошную и очень знатную мумію. Въ ней не замѣчалось никакого стремленія къ прогресу, никакой жизни. Но могло-ли быть иначе, если во главѣ предпріятія не было постоянныхъ дѣловыхъ людей, понимающихъ торговое дѣло? На главныя должности назначались высшіе офицеры или чиновники, которымъ имѣлось въ виду оказать благодѣяніе, такъ какъ считалось совершенно непреложнымъ правиломъ, что на Ситхѣ въ нѣсколько лѣтъ можно нажить состояніе. Въ свою очередь низшіе служащіе выбирались на подобныхъ-же началахъ; такимъ образомъ все продолжало идти по старому, а весьма основательныя надежды правительства не оправдывались.

Вмѣсто радостной поддержки новыхъ потребностей населенія, со стороны Компаніи раздавался ропотъ; такъ я самъ слышалъ отъ одного изъ служащихъ: «просто ужасъ, алеутовъ научили ѣсть хлѣбъ; теперь подвози имъ муку» и т. д.. Разъ, самое большое — два раза въ году на Ситху приходили изъ Петербурга суда съ товарами; болѣе же отдаленныя станціи на сѣверѣ и на островахъ посѣщались самое большое разъ въ году. Могло ли при такой вялости и безпечности процвѣтать дѣло!

Соотвѣтственный результатъ не преминулъ наступить. Компанія прекратила свое существованіе; обширныя, богатыя владѣнія ея были уступлены Соединеннымъ Штатамъ и въ скоромъ времени конечно зацвѣтутъ, потому что уже слышно о заведенномъ тамъ оживленномъ судоходствѣ, объ изслѣдованіи страны до самыхъ внутреннихъ частей ея, о прокладкѣ телеграфовъ и объ устройствѣ множества новыхъ торговыхъ станцій.

Просуществовавъ такимъ образомъ почти цѣлое столѣтіе, Компанія, одаренная чрезвычайными привилегіями и обладавшая громадными богатствами, не принесла государству ни ма-

лѣйшей пользы, а напротивъ своими упущеніями заставила его нести многомиліонныя убытки.

Собственно русскіе купцы, число которыхъ колебалось здѣсь между пятью и восемью, въ Петропавловскѣ не могли имѣть никакого дѣла. Весь центръ тяжести ихъ торговли лежалъ въ ежегодныхъ зимнихъ путешествіяхъ по странѣ, т. е. въ торговыхъ поѣздкахъ, которыя, несмотря на строгій надзоръ губернатора, болѣе походили на разбойничьи набѣги, чѣмъ на разъѣзды купцовъ. Эти молодчики, грубые и корыстолюбивые, выписывали по самому дорогому пути, черезъ всю Сибирь, невѣроятнѣйшій хламъ; и за этотъ хламъ они норовили получить всю, часто очень дорого стоящую, добычу камчатскихъ охотниковъ: соболей, черныхъ лисицъ, морскихъ бровровъ и пр. Не оправдывались расчеты кулаковъ—начинались жалобы на Завойко за то, что онъ не давалъ имъ грабить камчадаловъ и являлся защитникомъ этого бѣднаго народа.

Весь октябрь простояли прекрасные свѣтлые дни при преобладавшемъ западномъ вѣтрѣ. Только съ переходомъ вѣтра на востокъ, юго-востокъ и югъ, шелъ дождь, иногда падалъ снѣгъ и погода становилась бурною. Такъ было 5-го, когда выпалъ первый снѣгъ, затѣмъ отъ 8-го до 10-го и отъ 26-го до 28-го. Съ 18-го до 21-го чисто сѣверный вѣтеръ настолько поизвиль температуру, что небольшое озерко къ сѣверу отъ Петропавловска покрылось даже тонкой корой льда. Самые обильные атмосферные осадки выпадаютъ на восточномъ берегу Камчатки, и именно при юго-восточномъ вѣтрѣ, отъ котораго Петропавловскъ совсѣмъ не защищенъ. Приходя съ обширнаго океана и набравшись водяныхъ паровъ въ болѣе теплыхъ областяхъ, юго-восточный вѣтеръ осаждаетъ всю эту массу воды на восточномъ берегу полуострова. При юго-западныхъ, западныхъ, сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтрахъ напротивъ почти всегда стояли чудные ясные дни; вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверный и сѣверо-западные вѣтры производили наибольшее охлажденіе. На западномъ берегу Камчатки, у Охотскаго моря, наблюдается противное. Вы-

сокія горы, проходящія вдоль середины полуострова, защищаютъ восточный берегъ отъ западныхъ и западный — отъ восточныхъ вѣтровъ.

Въ самые послѣдніе два мѣсяца температура опять настолько понизилась, что показался ледъ; но снѣгъ исчезъ весь, и только вулканы да дальнія горы поднимались въ своемъ бѣломъ одѣяніи въ встрѣчу безоблачному голубому вебу.

Такъ какъ воздухъ въ это время обыкновенно былъ прозраченъ, то мнѣ казалось весьма соблазнительнымъ посѣтить ближайшія къ Петропавловску безснѣжныя горы съ цѣлью полюбоваться открывающейся съ нихъ великолѣпной панорамой. Самой подходящей для этого мнѣ казалась Меженная гора, по ея нѣсколько болѣе изолированному положенію какъ разъ на сѣверъ отъ Петропавловска и по ея конусообразной формѣ. Въ солнечный день я поднялся черезъ низкій кустарникъ и высокую траву на вершину ея; открывшійся передо мной величественный и обширный видъ поразилъ и вполне вознаграждалъ меня за трудности подъема.

На востокъ передъ зрителемъ выступаютъ отъ подошвы до вершины во всей своей красѣ величавыя Коряцкая и Авачинская сопки, послѣдняя — съ Козельской. Ослѣпительно бѣлые, покрытые свѣжимъ снѣгомъ, эти горные колосы поднимаются надъ темпой, еще безснѣжной равниной, омываемой вдали, на юго-востокѣ, темносинимъ океаномъ. На сѣверѣ громоздятся массивы камчатскаго Серединнаго хребта, также блестящіе отъ снѣга и льда. На западѣ и югѣ совсѣмъ близко подступаетъ обширная Авачинская губа съ своей синей поверхностью и даетъ возможность свободно обозрѣть окружающіе ея безчисленные мысы и бухты. Далеко на югѣ виднѣтся узкій изорванный входъ съ моря, ограниченный высокими скалами; а на западѣ, значительно превышая береговыя горы Авачинской губы, выступаютъ вершины и зубцы южныхъ горъ, теперь уже покрытые снѣгомъ и какъ бы составляющіе пьедесталъ для Вилучинской сопки, выдающейся вадъ всѣми этими высотами. Какъ разъ къ югу и вачиная отъ самой

подошвы Меженной горы тянется короткая долина между Шестаковской падью и Никольской горою; посреди доливы лежит небольшой городокъ Петропавловскъ и его чудная маленькая бухта. При разсматриваніи съ вершины горы, ряды домовъ городка представляются почти у ногъ зрителя и обнаруживаютъ самымъ яснымъ образомъ планъ расположенія мѣстечка. Дво упомянутой небольшой доливы начивается прямо у подошвы Меженной горы такимъ сильнымъ вдавленіемъ, что здѣсь образовалось небольшое озеро; затѣмъ это дво поднимается, образуя умѣренно высокое плато, на которомъ выстроена официальная часть города, и наконецъ въ самой южвой своей части быстро и круто падаетъ подъ уровень моря, покрываясь небольшой бухтой Петропавловскаго порта. На упомянутомъ плато, между бухтой и озеромъ, расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казенные дома, стоящіе очень просторно; число этихъ домовъ, по свѣдѣніямъ канцеляріи губерватора, простиралось до 40. По серединѣ, на свободной площади, помѣщается православная церковь; далѣе—большой губернаторскій домъ, окруженный садомъ, канцелярія, госпиталь, аптека, нѣсколько казармъ для комавды, нѣкоторое число жилыхъ зданій для офицеровъ и чиновниковъ, квартиры духовевства и здавія Россійско-Американской Компаніи. Къ этой лучше выстроенной казенной части города непосредственно примыкаетъ неофициальная, расположенная вдоль всего восточнаго берега маленькой губы и образующая пять паралельныхъ съ нимъ вытянутыхъ рядовъ. Начивая отъ самой воды и распротравляясь на одну треть высоты Шестаковской пади, постепенно поднимаются дома съ ихъ небольшими огородами; домовъ здѣсь всего 116. Весь Петропавловскъ построенъ исключительно изъ дерева, при чемъ всѣ частные дома крыты тростникомъ и длинной травой, казенные же—желѣзомъ. Въ самомъ концѣ бухты, непосредственно на берегу, стоятъ строенія морскаго вѣдомства: гауптвахта, нѣсколько магазиновъ, пекарня и нѣсколько небольшихъ мастерскихъ. Девять маленькихъ ключевыхъ ручьевъ текутъ по небольшимъ ущельямъ и рвамъ съ горы и протекаютъ

черезъ городокъ, доставляя обывателямъ прекрасную ключевую воду для питья. Изъ этихъ ручьевъ семь впадаютъ въ бухточку, два—въ озеро. На всѣхъ мѣстахъ пересѣченія ими улицъ находятся простенькіе мостики. По переписи 1852 г. весь описываемый городокъ имѣлъ всего 1593 жителя (1178 мужскаго и 416 женскаго пола). Если считать особо двухъ священниковъ при православной церкви, нѣсколько американцевъ, небольшой персоналъ Россійско-Американской Компаніи и русскихъ купцовъ, то въ противоположность этой вольной части населенія вся остальная была на казенной службѣ и состояла изъ матросовъ, нѣсколькихъ казаковъ, чиновниковъ и офицеровъ съ ихъ семействами. Послѣдніе принадлежали къ лучшему обществу, принятому также въ домѣ губернатора и всего состоявшему изъ 80 человекъ обоюго пола. Главными центрами, гдѣ собиралось общество, были домъ губернатора, затѣмъ семейства агента Россійско-Американской Компаніи Б. и флотскаго офицера Г. У прочихъ семейныхъ служащихъ рѣдко когда собирались. Значительное большинство чиновниковъ представляло холостой народъ и среди нихъ господствовало самое живое общеніе. Рѣдко проходилъ день или вечеръ, когда бы не собирался большій или меньшій кружокъ. Къ сожалѣнію, изъ-за отсутствія другихъ интересовъ здѣсь очень процвѣтала карточная игра.

Большинство чиновниковъ и офицеровъ были обходительные, иногда даже очень симпатичныя личности, о которыхъ я вспоминаю съ благодарностью и удовольствіемъ. Тѣсное общеніе между собой и отрѣзанность отъ всего прочаго міра придавали всему обществу большую сплоченность и интимность, при чемъ однако вполнѣ соблюдались взаимное уваженіе и учтивость. Вообще господствовали полная веселость и довольство, развлеченія были весьма незатѣйливы. Всякій, желавшій отдохнуть и освѣжиться отъ дневной работы, находилъ вечеромъ открытыя двери и сердечный, радушный пріемъ у своихъ знакомыхъ. Подобно большой семьѣ, прожили мы зимніе мѣсяцы, дѣля радость и горе, всячески другъ друга поддерживая и развлекаая. Большія праздни-

ства устраивались лишь у губернатора, потому что это было возможно только при его средствахъ и просторномъ помѣщеніи. Кроме того во всѣхъ домахъ охотно справлялись именины, при чемъ собиралось болѣе или менѣе значительное число гостей; въ семейныхъ домахъ такія собранія сопровождалось танцами, у холостяковъ — пуншемъ.

Такого рода большой танцевальный вечеръ, именно балъ у губернатора, предстоялъ въ скоромъ времени; особенную дѣятельность проявляли дамы, заранѣе приготовляя себѣ туалеты.

Но до того, именно 1-го ноября, Завойко собралъ все мужское населеніе для прокладки проѣзжей дороги, первой въ Камчаткѣ, отъ главнаго города, т. е. отъ Петропавловска, и до Авачи, въ 12 верстахъ разстоянія отъ него. Вся команда, имѣя во главѣ офицеровъ и чиновниковъ, съ пѣснями и въ отличнѣйшемъ настроеніи отправилась на работу, вооруженная топорами, лопатами и граблями. Команда была разбита на маленькія партіи, изъ которыхъ каждая получила участокъ пути. Самъ Завойко шель во главѣ всѣхъ, выбирая наилучшую мѣстность и размѣчая весь путь. Были приняты также должныя мѣры насчетъ обильной пищи и питья; ко времени трапезъ по всей линіи разгорались огни, а вскорѣ закипали и котлы. Все вмѣстѣ скорѣе напоминало сельскій праздникъ чѣмъ тяжелую работу. Отдѣльныя партіи соперничали другъ съ другомъ въ работѣ; всякая старалась первой покончить свой урокъ. Такъ провели мы очень весело три дня, а 3-го ноября работа была кончена. Такимъ образомъ возникла первая настоящая проѣзжая дорога въ Камчаткѣ.

Ноябрь начался прекраснѣйшими, чрезвычайно ясными днями. На небѣ почти не видно было ни облачка. Вѣтеръ дулъ все съ запада и температура почти не падала ниже нуля. Мѣстами виднѣлись слѣды льда, вообще же поверхностные слои земли едва замерзли. Но въ ночь на 6-ое вѣтеръ внезапно задулъ съ юго-востока и поднялась сильная вьюга (пурга). Снѣгу выпала масса и онъ уже болѣе не стаявалъ. Саннйй путь окончательно установился, началась настоящая зима. Для южной части Кам-

чатки весьма характерно то обстоятельство, что свѣгъ здѣсь падаетъ большею частью на не промерзшую почву и при томъ всегда громадными массами, что имѣетъ конечно немаловажное значеніе для растительности. Въ теченіе всего ноября мы могли наблюдать самые рѣзкіе контрасты въ погодѣ. Характервѣйшія особенности ея заключались въ томъ, что при западныхъ вѣтрахъ стояли ясные дни со все усиливавшимся холодомъ, при чемъ однако морозъ не доходилъ до 10°. Въ перемежку налетали внезапныя, очень сильныя вьюги, всегда съ юговосточнымъ вѣтромъ и съ ослабленіемъ стужи; такъ было 6, 13, 15, 21 и 22 ноября.

Декабрь былъ холоднѣе, по снѣгъ совсѣмъ не выпадалъ, такъ что у насъ почти непрерывно стояли ясные, холодные дни; самое большее что наблюдалась небольшая пасмурность въ атмосферѣ. Въ теченіе декабря температура также не падала ниже 10°. Небольшая Петропавловская бухта уже въ послѣдніе дни ноябля покрылась слоемъ льда, достигшимъ теперь толщины 5 дюймовъ; въ серединѣ декабря замерзли тѣ части большой Авачинской губы, которыя болѣе защищены отъ волненія. Только середина этого большого бассейна и выходъ въ море были и остались все время свободны отъ льда.

Многочисленные ясные и свѣтлые дни, особенно частые въ началѣ описываемой осени, нерѣдко доставляли намъ удобный случай наблюдать великолѣпные вулканы, окружающіе губу. Коряцкая и Вилучинская сопки по прежнему оставались совершенно безжизненными. Онѣ обѣ далеко выдавались надъ ближайшими горами, представляя въ видѣ совершеннѣйшихъ конусовъ съ самымъ легкимъ притупленіемъ на верхнемъ концѣ; зимнее облаченіе этихъ гигантовъ замѣтно выдѣляло ихъ среди окружающаго ландшафта. Въ то время какъ всѣ горы сверкали сплошной бѣлизной свѣжаго снѣга, сильныя бури неоднократно сдували его съ громадныхъ продольныхъ гребней вулкановъ и обнажали темный камень, такъ что оба конуса представляли болѣе или менѣе ясную полосатость отъ вершины до подошвы.

На Авачинской сопкѣ напротивъ началось значительно боль-

шее возбужденіе. Я никогда не видалъ этой горы иначе какъ выдѣлявшею немного пара, большею частью свѣтлаго и часто весьма мало замѣтнаго. 25-го ноября, къ вечеру, мы были испуганы горизонтальнымъ толчкомъ, распространявшимся съ сѣверо-востока на югозападъ, а на слѣдующій день съ горы поднимались очень большія, темныя облака дыма. Связь обоихъ явленій была слишкомъ очевидна. Подземный шумъ съ Авачинской сопки подходилъ все ближе и ближе, становясь въ то-же время все громче и громче; впечатлѣніе получалось подобное тому, какъ если-бы по твердому грунту бѣшено неся по направленію къ намъ большой табунъ лошадей. Внезапно затрещали всѣ балки въ домѣ, закачались висѣвшіе по стѣнамъ предметы, а подземный гулъ пошелъ далѣе къ югозападу. Это явленіе миновало съ такою-же быстротой какъ и явилось; въ нѣсколько секундъ все прошло и успокоилось. Усиленная дѣятельность горы продолжалась еще до середины февраля 1852 г., до изверженія однако не дошло. За это время изъ горы неоднократно поднимались темныя облака пара, а матросы, рубившіе лѣсъ поближе къ подошвѣ ея, нѣсколько разъ попадали подъ дождь пепла и даже наблюдали огонь на вершинѣ вулкана. Происходило-ли изліяніе лавы—это трудно было видѣть; во всякомъ случаѣ, если оно и происходило, то лишь въ очень слабомъ размѣрѣ, потому что гора оставалась бѣлой, покрытой снѣгомъ. Только на самой верхней части конуса снѣгъ какъ будто-бы стаялъ и тамъ выступилъ темный камень; но это могло произойти и отъ дѣйствія одного горячаго пара. Старый край кратера, Козельская, относящійся къ Авачѣ какъ Сомма къ Везувію, оставался при всѣхъ описываемыхъ явленіяхъ совершенно спокойнымъ.

Но и къ югозападу, немного влѣво отъ Вилючинской сопки, хотя и далеко за нею, изъ Петропавловска нерѣдко былъ виденъ паръ, поднимавшійся надъ дальними горами. То была Азачинская сопка (52° и нѣсколько минутъ сѣв. шир.), находящаяся на восточномъ берегу полуострова у губы того-же наименованія и отстоящая отъ Петропавловска приблизительно на 55 минутъ.

По словамъ здѣшнихъ обывателей этотъ вулканъ въ сентябрѣ 1848 г. провалился во время сильнаго изверженія, при чемъ въ Петропавловскѣ ощущалось довольно значительное землетрясеніе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ вулканическія силы успокоились и лишь теперь вулканъ опять пробудился. Приблизительно съ 5-го ноября темныя массы пара значительно увеличились, а въ мартѣ 1852 г. вулканическая дѣятельность достигла повидимому наибольшаго напряженія. 26-го марта я видѣлъ вполне сформированный, темный столбъ дыма и пара, имѣвшій извѣстную форму пинія; съ боку изъ столба выпадалъ, гонимый вѣтромъ, сильный черноватый дождь пепла. Съ большими промежутками поднимались колоссальныя, почти черныя клубы пара, въ верху принимавшіе форму пинія; сбросивъ внизъ свой пепелъ, они уступали мѣсто новымъ клубамъ.

Изверженіе Азачи въ 1848, сопровождавшееся одновременнымъ землетрясеніемъ въ Петропавловскѣ, и затѣмъ теперешнее изверженіе того-же вулкана, опять сопровождавшееся одновременнымъ возбужденіемъ Авачинской сопки и подземными толчками, которые распространялись въ Петропавловскѣ отъ Авачи къ Азачѣ, — все это заставляетъ предполагать нѣкоторую подземную связь между этими большими вулканическими очагами. Далѣе, это направленіе съ сѣверовостока на югозападъ совпадаетъ также съ направленіемъ всего обширнаго ряда вулкановъ Камчатки, Курильскихъ острововъ и Японіи, и по этой линіи неоднократно наблюдались, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Авачи, отдѣльныя очаги усиленной вулканической дѣятельности. Такъ 19-го марта 1852 г. показался сильный огонь на высочайшемъ вулканѣ Камчатки, Ключевской сопкѣ; а 29-го марта произошло изверженіе Семячика¹⁾, разсыпавшаго свой пепелъ далеко за долину рѣки Камчатки, какъ удостовѣряли люди, пришедшіе изъ

1) Семячикъ — названіе, принадлежащее двумъ небольшимъ вулканамъ на восточномъ берегу, изъ коихъ одинъ Малый, другой — Большой Семячикъ. Какой изъ двухъ имѣлся здѣсь въ виду — мнѣ не удалось узнать. Оба лежатъ близко другъ отъ друга у большой Кроноцкой губы, приблизительно на серединѣ разстоянія между мысами Шипунскимъ и Кроноцкимъ.

деревни Милковой. Ко всему этому присоединились еще горизонтальные подземные толчки, которые всѣ распространялись въ томъ-же направленіи. Такъ 5-го февраля мы испытали 3 весьма сильныхъ толчка, затѣмъ они повторялись 5-го и 9-го апрѣля, наконецъ 4-го мая 1852 г.

Въ заключеніе здѣсь будетъ уместно упомянуть еще объ одномъ весьма своеобразномъ явленіи, которое мнѣ пришлось наблюдать 27-го ноября на льду небольшой бухты. Спустя два дня послѣ подземныхъ толчковъ, мнѣ случайно пришлось проходить по льду бухты, имѣвшемъ въ то время толщину около 4-хъ дюймовъ; при этомъ я замѣтилъ на немъ множество небольшихъ, имѣвшихъ около фута въ вышину, коническихъ возвышеній, изъ коихъ одни имѣли на верху круглое отверстіе, другія — кончались остриемъ. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе такого рода, какъ будто здѣсь произошли небольшіе взрывы газовъ; и сама собою напрашивалась мысль, что это подводное истеченіе газовъ стояло въ связи съ подземными толчками.

Какъ уже упомянуто, 6-го ноября установился прекрасный зимній путь, и у меня сейчасъ-же явилось желаніе, какъ можно скорѣе обзавестись ѣздовыми собаками, — желаніе, которому суждено было сбыться скорѣе чѣмъ я могъ надѣяться. Во время моего пребыванія въ Острогѣ я сообщилъ Машигину о своемъ намѣреніи и просилъ его помощи въ этомъ дѣлѣ. 10-го ноября онъ внезапно явился съ полной запряжкой и предоставилъ въ мое распоряженіе собакъ съ санями, лыжами и пр. Запряжка состояла изъ восьми прекрасныхъ, крупныхъ, совершенно черныхъ собакъ и столь-же крупной рыжей передовой. Последняя отличалась особенными достоинствами и понятливостью, что чрезвычайно важно при ѣздѣ на собакахъ. Соотвѣтственно этому она и стояла гораздо дороже: за нее одну я заплатилъ 25 рубл., между тѣмъ какъ за всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ 40 рубл. Наконецъ за сани, упряжь и все остальное съ меня спрашивали еще 40 рубл. Торгъ живо кончился, а за табакъ и чай полученъ былъ еще нужный запасъ юколы. Машигинъ оказалъ мнѣ

особое покровительство, выразившееся въ томъ, что, во первыхъ, онъ очень дешево приобрѣлъ для меня собакъ, и, во вторыхъ, выбралъ не только сильныхъ, но и еще, по здѣшнимъ взглядамъ, очень красивыхъ животныхъ. Большею частью ѣздовые собаки бываютъ сѣраго цвѣта съ темными пятнами. Одноцвѣтныя особи, особенно совсѣмъ черныя или рыжія, встрѣчаются здѣсь гораздо рѣже. Обыкновенная величина ихъ — 2 фута высоты до спины; мои-же собаки имѣли пожалуй около $2\frac{1}{2}$ футовъ. По внѣшности всѣ настоящія ѣздовые собаки сходны съ овчарками, т. е. у нихъ острая морда, стоячія острия уши, загнутый на спину довольно косматый хвостъ, высокія, крѣпкія ноги и очень частая, длинная шерсть.

Сани имѣютъ въ длину 7 футовъ, въ ширину (между полозьями) 4 фута. Полозья при возможности дѣлаются нѣсколько гибкіе и снизу обкладываются китовымъ усомъ для большей гладкости; но на обыкновенныхъ саняхъ этой обложки нѣтъ. На этихъ двухъ полозьяхъ поднимается по двѣ стойки, поддерживающія корзину въ 9 дюймовъ шириной и въ 3 фута длиной; боковые ея края загнуты кверху дюйма на 4, а передъ и задъ доходятъ по поясъ сѣдоку. Высота сидѣнья (корзины) равна обыкновенной высотѣ стула; оно покрывается медвѣжьей шкурой. Лыжи, когда ими не пользуются, прикрѣпляются съ боковъ саней — къ стойкамъ. Сани безъ дышла, а собаки запрягаются въ упряжь, состоящую изъ ремней, при томъ такимъ образомъ, что очень прочный главный ремень проходитъ отъ саней до передовой собаки. Прочія собаки припрягаются попарно къ главному ремню позади передовой. Каждая собака постоянно носитъ прочный кожаный ошейникъ съ висящимъ на немъ крючкомъ; конецъ же каждаго упряжнаго ремня переходитъ въ широкую и свободную петлю, сквозь которую пропущены голова и одна передняя нога собаки; крючекъ ошейника соединяется съ крючкомъ петли. Такимъ образомъ собаки тянутъ грудью и затылкомъ, т. е. наиболѣе выгоднымъ для развитія силы способомъ. Управляютъ ими только голосомъ; выдресированныя собаки необыкновенно хорошо понимаютъ ко-

мандныя слова и тотчасъ слушаются ихъ. Слова эти, заимствованныя изъ камчадальскаго языка, вообще всюду одни и тѣ-же: кахъ, кахъ — право; хугъ, хугъ — лѣво; нэ, нэ — стой; ха, ха — прямо или впередъ. Случается, что умныя передовыя собаки съ величайшей злостью бросаются на запряженныхъ съ ними собакъ, если послѣднiе медлятъ въ исполненiи команды, и, только хорошенько проучивъ непослушныхъ, продолжаютъ движенiе. Мнѣ неоднократно приходилось любоваться тѣмъ, какъ моя рыжая «Краска» хорошо и умно правила своими товарищами.

Ўздокъ сидитъ верхомъ на саняхъ, но, приобрѣвъ навыкъ, и съ боку ихъ. Привычныя камчадалы часто ѣздятъ даже стоя, поставивъ лѣвую ногу на полозъ, а правую на лыжу, которая тащится возлѣ полоза и параллельно ему. Поводовъ совсѣмъ нѣтъ; поэтому всякій ѣздокъ держитъ въ рукѣ безусловно необходимый оштолъ. Это немного согнутая внизу палка, почти въ человѣческой ростъ длиною, обитая крѣпкимъ заостреннымъ желѣзомъ и снабженная на верхнемъ концѣ множествомъ металлическихъ погремушекъ и небольшихъ бубенчиковъ. Оштолъ — чрезвычайно важная принадлежность: ѣздокъ совершенно лишенъ возможности править, выронивъ его изъ рукъ. Онъ служитъ для останавливанiя саней и для замедленiя ихъ движенiя при ѣздѣ подъ гору, чтобы онѣ съ разгона не наскочили на собакъ. Для этого оштолъ втыкается впереди одной изъ стоекъ въ снѣгъ, при чемъ желѣзное остріе палки, болѣе или менѣе глубоко погружаясь въ него, совершенно останавливаетъ или только замедляетъ движенiе.

Вьючныя сани (нарты) очень низки и вмѣсто корзины снабжены прочной деревянной рамой, на которую нагружается кладь. Мнѣ оставалось только добыть необходимый коряцко-камчадальскiй костюмъ, весьма удобный для ѣзды на собакахъ и вообще для здѣшнихъ условiй; это было нетрудно, потому что русскiе купцы держатъ его обыкновенно въ запасѣ. Упомянутый костюмъ — куклянка и торбасы — приготовляются изъ оленьихъ шкуръ. Куклянка — громадная, доходящая до колѣнъ мѣховая рубашка,

съ очень широкими, удобными рукавами. Она впереди не имѣетъ разрѣза, а лишь на верхнемъ концѣ снабжена отверстіемъ, черезъ которое при надѣваніи проходитъ голова, сейчасъ-же затѣмъ входящая въ капюшонъ, такъ пригнанный къ отверстию, что открытымъ остается одно лицо. Этотъ капюшонъ можетъ впрочемъ сниматься съ головы, свѣшываясь въ такомъ случаѣ на спину. Впереди подъ лицомъ виситъ большой мѣховой клапанъ, который можетъ подниматься вверхъ и составляетъ прекрасную защиту отъ холоднаго вѣтра. Куклянка сшита изъ двойныхъ шкуръ, такъ что волосъ на ней и совнутри, и снаружи. Вокругъ талии надѣвается кожаный поясъ: такимъ образомъ куклянка плотно обхватываетъ тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ сидитъ на столько высоко, что своею длиною не мѣшаетъ при ходьбѣ или ѣздѣ. Эта длина въ свою очередь полезна при бивуачной жизни на открытомъ воздухѣ. Торбасы — длинные, очень удобные мѣховые сапоги, мягкая подошва которыхъ сдѣлана изъ медвѣжьей шерсти, волосомъ внутрь.

По окончаніи всѣхъ приготовленій я предполагалъ сдѣлать первую поѣздку для упражненія; а такое упражненіе необходимо для приобрѣтенія хоть нѣкотораго навыка. Безъ преувелченія можно сказать, что ѣздѣ въ камчатскихъ саняхъ выучишься не раньше, чѣмъ опрокинувшись въ нихъ по крайней мѣрѣ по одному разу для всякихъ новыхъ условій дороги. Но благодаря мягкости снѣга, такіа приключенія почти всегда кончаются благополучно. Гораздо хуже бываетъ, если сѣдокъ при этомъ вывалится, а собаки въ карьеръ унесутъ опустѣвшія сани. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко рискуешь пройти пѣшкомъ не одну версту и страшно истомиться, если только какой нибудь случайный встрѣчный ѣздокъ не задержитъ животныхъ, или если опрокинутыя сани не зацѣплятся сами о какой нибудь кустъ. Какъ только это случится, путешественникъ, съ трудомъ плетущійся по глубокому снѣгу въ своей тяжелой шубѣ, можетъ быть увѣренъ, что сейчасъ придетъ конецъ его невольной прогулкѣ: собаки, замѣтивъ, что наскочили на препятствіе, мгновенно всѣ садятся

передъ санями и начинаютъ жалобно выть. Хорошія собаки послушны и въ точности выполняютъ команду, но при этомъ всегда имѣютъ умыселъ при первой-же возможности сыграть какуюнибудь злую шутку съ возницей. Поэтому необходимо не упустить ихъ изъ виду и при первомъ замѣченномъ безпорядкѣ предостеречь угрожающимъ возгласомъ; въ противномъ случаѣ можно навѣрняка ждать какойнибудь непріятности. Забавно видѣть, какъ собаки на бѣгу постоянно озираются на возницу, чтобы воспользоваться какимънибудь мигомъ его невниманія для своихъ продѣлокъ. Внезапно и быстро свернуть съ дороги, броситься въ кусты или на камни, завести драку между собой— все это доставляетъ имъ большое удовольствіе. Но всего неукротимѣе онѣ становятся, замѣтивъ какуюлибо дичь, напр. зайца или птицу; въ такихъ случаяхъ требуется воткнуть оштолъ глубоко въ снѣгъ, чтобы сдержать ихъ охотничій пылъ. Даже самый опытный ѣздокъ долженъ порядкомъ помучиться съ новыми собаками, потому что, получивъ новаго или неумѣлаго возницу, животныя прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы сбросить его въ снѣгъ; только убѣдившись въ томъ, что ѣздокъ съумѣетъ съ ними справиться, онѣ начинаютъ хорошо везти и становятся послушны. Конечно, все сказанное относится къ хорошо содержимымъ собакамъ, а не къ тѣмъ несчастнымъ, часто безжалостно загнаннымъ экземплярамъ, которые находятся въ непрестанной тяжелой работѣ, какъ перевозка бревенъ, дровъ и т. п.

Въ ясные дни, по прекрасной дорогѣ, почти ежедневно устраивались поѣздки; смѣху и шутокъ было болѣе чѣмъ довольно при упражненіяхъ такого множества новичковъ въ камчадальскомъ искусствѣ. Сильный и здоровый моціонъ на свѣжемъ воздухѣ поддерживалъ прекрасное настроеніе и возбуждалъ охоту ко всякаго рода затѣямъ и развлеченіямъ. Такимъ образомъ послѣднія недѣли передъ Рождествомъ и первыя — послѣ него прошли въ сплошномъ веселіи.

Завойко рѣшилъ совершить въ половинѣ января 1852 г. объѣздъ съ цѣлью обривизовать ввѣренный ему край и распро-

странить свой объездъ до Ижигинска. Предполагалось хорошенько повеселиться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, остававшихся до этой поѣздки. Рядъ увеселеній должевъ былъ начаться съ лотереи, которую жена губернатора желала разыграть въ пользу училища для дѣвочекъ, устраивавшагося въ Петропавловскѣ. Дамы пожертвовали для лотереи множество развѣхъ рабѣтъ и при общемъ участіи розданы были выигрышные билеты. ✓

21-го Ноября, въ 5 часовъ вечера, въ домѣ губернатора долженъ былъ состояться розыгрышъ; было разослано множество приглашеній къ участію въ этомъ. Самый актъ розыгрыша былъ непродолжителенъ, но сопровождался многочисленными шутками. Фортуна щедро одарила приглашенныхъ; между прочимъ и я не былъ обиженъ ею. Но болѣе выигрышей меня обрадовало сообщеніе Завойко о томъ, что онъ выбралъ меня спутникомъ и секретаремъ для путешествія, и что я долженъ готовиться къ этой миссіи. Для меня представлялось очень заманчивымъ познакомиться съ такой обширной частью полуострова также зимою; и хотя съ самаго начала рѣшено было, что путешествіе будетъ совершенно очень, очень скоро, я все-же могъ хоть мелькомъ увидѣть все новое и получить предварительную ориентировку.

Пока шли наши переговоры, гости угощались чаемъ. Вдругъ раздались звуки танцевъ; это игралъ здѣшній оркестръ. Общество было очень невзыскательное и веселое, охотно пользовавшееся всякимъ случаемъ повеселиться; такимъ образомъ и этотъ оркестръ — три скрипки, треугольникъ и турецкій барабанъ — сперва вызвавшій улыбку изумленія, тѣмъ не менѣе сейчасъ-же вовлекъ все общество, по крайней мѣрѣ 80 человѣкъ, въ самые оживленные танцы. Завойко и его жена не переставали поощрять гостей къ дѣятельному участію, такъ что собравшіеся въ губернаторскомъ домѣ непринужденно и безъ претензій на балльные туалеты протанцовали до трехъ часовъ утра. Танцы были общеевропейскіе, за исключеніемъ одного новаго и спеціально камчатскаго: это — восьмерка, родъ кадрили, съ безчис-

ленными фигурами, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько веселый, что такимъ юнцамъ, какими мы тогда были, доставилъ полное удовольствіе.

Въ то время, какъ залы дома Завойко были залиты свѣтомъ и оживлены веселыми лицами, на улицѣ разразилась настоящая непогода. Поднялась сильнѣйшая пурга, навѣвавшая цѣлыя горы снѣга. Теперь возникъ вопросъ: какъ дамамъ вернуться домой? Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ почти также скоро, какъ и возникъ. Кавалеры вернулись къ себѣ, надѣли куклянки и торбасы, запрягли собакъ въ сани, усадили въ нихъ старательно закутанныхъ дамъ и, въ бурю и вьюгу, развезли ихъ по домамъ. И такъ первый танцевальный вечеръ въ Петропавловскѣ закончился чисто камчадальской жанровой картиной.

Въ этомъ случаѣ собаки сослужили намъ службу по поводу веселья; но въ скоромъ времени ихъ услуги потребовались въ грустномъ дѣлѣ. 24-го ноября у Завойко родилась дочь, умершая сейчасъ-же послѣ поспѣшнаго крещенія. 26-го ноября маленькій трупъ отправленъ былъ на мѣсто послѣдняго успокоенія. Это печальное произшествіе прекратило на время собранія въ губернаторскомъ домѣ; но тѣмъ не менѣе небольшіе кружки продолжали собираться на квартирахъ холостяковъ.

Какъ разъ въ это-же время началась усиленная дѣятельность у всѣхъ, имѣвшихъ какія либо сношенія съ Европой: требовалось подать о себѣ признаки жизни, и всюду засѣли за письма. Отъ почтовой конторы получено было увѣдомленіе, что обычная зимняя почта отправится 11-го декабря и что письма могутъ подаваться лишь до 10-го. Отходъ почты, возможность лишній разъ свестись съ дорогой родиной—все это возбуждало у насъ совершенно особенное радостное оживленіе. Обыкновенная почта отправлялась только дважды въ годъ: зимою, сухимъ путемъ черезъ Ижигинскъ, слѣдовательно вокругъ Охотскаго моря, и лѣтомъ—водой на Аянъ. Для каждой изъ нихъ всякій разъ особо устанавливались дни отхода; постоянныхъ же сроковъ не было. Иногда, правда, лѣтомъ уходило еще одно судно, или зимою, по какому

нибудь особенному поводу, отправлялся курьеръ, захватывавшій съ собою и письма; но на такія случайности конечно никогда нельзя было заранѣе рассчитывать. Для этихъ двухъ или трехъ отходящихъ и столькихъ-же приходящихъ почтъ казна содержала не только почтмейстера, но еще и помощника почтмейстера. Это были какія-то очень темныя личности, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не видныя и не слышныя. Извѣстно только было, что они отличались очень забавными странностями и жили въ крайней бѣдности, въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ домиковъ города. Но теперь, когда почта стала готовиться къ уходу, эти господа внезапно сдѣлались средоточіемъ общаго интереса. Они чаще стали появляться на улицѣ и величественно раскланываться съ обывателями. Въ своемъ домикѣ они убрали въ сторону скудную мебель и, выставивъ почтовые аппараты, придали комнатѣ видъ почтовой конторы. Для приѣма писемъ былъ устроенъ прилавокъ, по стѣнамъ развѣшаны карты, пистолеты и сабли, на полу лежали почтовые чемоданы; посреди комнаты стоялъ крытый зеленымъ сукномъ столъ съ зеркаломъ и уставами.

Когда 10-го декабря я явился въ эту почтовую контору, чтобы сдать очень объемистую корреспонденцію, то засталъ обоихъ господъ, едва отвѣтившихъ на мой поклонъ, сидящими въ формѣ, за зеленымъ столомъ, и проникнутыми сознаниемъ всей важности своего положенія. Помощникъ, какъ состоящій въ нѣсколько низшемъ рангѣ, поднялся наконецъ съ мѣста и принялъ мои письма для передачи своему начальнику. Послѣдній въ свою очередь принялъ и, осмогрѣвъ ихъ, предложилъ мнѣ и своему помощнику нѣсколько праздныхъ вопросовъ, велѣлъ подать то то, то другое, записалъ что-то и черезъ полчаса милостиво отпустилъ меня. Этимъ двумъ чужакамъ приходилось не болѣе двухъ разъ въ году пребывать на высотѣ своего положенія; не мудрено, что они старались по возможности протянуть такое время, чтобы не впасть сразу въ прежнее ничтожество.

Описываемая почтовая контора представляла одно изъ многихъ шаблонныхъ учреждений, совершенно напрасно обременяв-

шихъ государственный бюджетъ. Кто зналъ страну, не обвинуясь сказалъ бы, что почтовая контора съ однимъ, а тѣмъ болѣе съ двумя чиновниками является совершенно излишнимъ учрежденіемъ. Канцелярія губернатора могла-бы также исправно упаковывать и отправлять обыкновенную почту, какъ ей это постоянно приходилось дѣлать при отсылкѣ съ нарочно отправляемыми курьерами. Въ такихъ случаяхъ почтовымъ чиновникамъ не было никакого дѣла до писемъ, а ихъ отправлялось никакъ не менѣе чѣмъ съ обыкновенной почтой.

Впослѣдствіи намъ пришлось видѣть еще болѣе забавныя вещи. По всей Россіи было сдѣлано распоряженіе, чтобы общеизвѣстные теперь почтовые ящики были вывѣшаны по улицамъ городовъ, что доставило немалое удобство публикѣ. Петропавловскъ также носилъ названіе города, даже губернскаго. Это названіе, а конечно не мѣсто, требовало почтовой конторы, контора—почтмейстера; почтмейстеръ въ свою очередь уже нуждался въ помощникѣ. Наконецъ вышло предписаніе, чтобы передъ дверьми всякой почтовой конторы висѣлъ почтовый ящикъ; и вотъ изъ Петербурга посылается такой выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ деревянный ящикъ въ Петропавловскъ, за 13.000 верстъ;—присылается конечно, чтобы остаться осужденнымъ на вѣчную пустоту. И въ самомъ дѣлѣ, какому глупцу—при такой невѣроятно рѣдкой возможности подавать о себѣ вѣсти—пришло бы въ голову бросать въ ящикъ письма за мѣсяцы, недѣли или даже часы до отправленія почты? Только при полномъ незнакомствѣ со страной и ея потребностями мыслимы были такія вещи! вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу самымъ элементарнымъ потребностямъ населенія, здѣсь слѣдовали гораздо болѣе дорого стоящему русскому шаблону. Если-бы вмѣсто такихъ бесполезныхъ, можно сказать смѣшныхъ, расходовъ употребили тѣ-же суммы для отправки одной—другой лишней почты, то это несомнѣнно принесло-бы больше пользы краю!

Нѣсколько дней тому назадъ Завойко задумалъ поѣздки къ горячимъ ключамъ Паратунки, куда я долженъ былъ сопровождать

его. Губернаторъ предполагалъ осмотрѣть тамъ лѣсъ, изъ котораго эту зиму доставлялся строевой матеріалъ въ Петропавловскъ. Мы отправились рано утромъ 15-го декабря, при отличной погодѣ. Дорога шла сперва на сѣверъ къ деревнѣ Авачѣ, затѣмъ по низменности, покрытой кустарникомъ, до рѣки Авачи, черезъ которую переправились по льду. Отсюда, обогнувъ Авачинскую губу, мы направились по тундрѣ, поросшей кустарникомъ, на западъ до р. Тихой. Эта рѣка, еще незамерзшая, начинается въ недалекихъ и небольшихъ ключевыхъ озерахъ (Батуринскіе ключи) и вскорѣ впадаетъ въ Паратунку. Такимъ образомъ, добравшись до Тихой, мы достигли уже системы Паратунки. Прежде Тихая впадала въ Авачинскую губу самостоятельнымъ устьемъ, исчезнувшимъ однако вслѣдствіе занесенія его пескомъ; послѣ того она впала въ Паратунку, близъ ея устья. Здѣсь, на Паратункѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія стояла большая деревня съ церковью, населенная преимущественно ссыльными якутами и ихъ потомствомъ. Съ теченіемъ времени это населеніе вымерло, мѣсто опустѣло, а немногіе оставшіеся въ живыхъ основали недалеко отсюда небольшую деревню Орлову, состоявшую всего изъ двухъ домовъ. Ёдучи дальше по низменной, поросшей кустарникомъ тундрѣ, мы вскорѣ достигли р. Быстрой, также впадающей съ лѣвой стороны въ Паратунку. Эта рѣка, отличающаяся быстрымъ теченіемъ и также еще не замерзшая, начинается далеко въ западныхъ горахъ, въ мѣстности близъ Начики; у истоковъ ея удобный перевалъ ведетъ въ басейвъ р. Большой. Съ Быстрой мы посѣтили лѣсъ, прорѣзанный обоими названными притоками Паратунки. Это — чисто лиственный лѣсъ, состоящій изъ здѣшняго высокоствольнаго стройнаго тополя и столь-же красивой высокой ивы — ветловины; оба дерева часто сопровождаютъ въ Камчаткѣ берега рѣкъ. Оба они также доставляютъ очень хорошій строевой лѣсъ и въ большомъ количествѣ рубятся здѣсь для отправки въ Петропавловскъ. Послѣ небольшой экскурсіи въ лѣсъ мы прослѣдовали вверхъ по Быстрой еще версты двѣ и достигли широкой просѣки въ лѣсу, вы-

ведшей насъ на Микишину, третій, совсѣмъ уже небольшой, притокъ Паратунки. Вскорѣ мы достигли и самой Паратунки, по которой проѣхали только нѣсколько верстъ, а затѣмъ, слѣдуя возвышенной мѣстностью по очень широкой долинѣ этой рѣки, отправились къ горячимъ ключамъ, уже знакомымъ намъ по поѣздкѣ 19-го сентября. Было уже 5 часовъ, такъ что поѣвши мы расположились на ночлегъ въ теплой комнатѣ здѣшней купальни. Вечеромъ мы приняли еще ванну въ большомъ бассейнѣ горячихъ ключей, въ которомъ температура воды, при 11° мороза на дворѣ, равнялась 33° тепла. На другое утро я нашель у начала ключа, гдѣ 19-го сентября термометръ показывалъ 41° тепла, лишь 39°. Правда, температура воздуха равнялась теперь—19°, между тѣмъ какъ въ Петропавловскѣ — замѣчательный фактъ — въ это-же время было только—4°. Петропавловскъ лежитъ прямо у моря; разстояніе же отъ горячихъ ключей до Авачинской губы по прямой линіи равно самое большое что 4—5 верстамъ, и при всемъ томъ разница въ температурѣ воздуха обоихъ мѣстъ равнялась 15°.

На рѣчкѣ Микишиной много лѣтъ тому назадъ существовала частичка европейской цивилизаціи, намѣренно уничтоженная грубой рукой. Еще и теперь, на берегахъ небольшой хорошенькой рѣчки, въ очень живописной обстановкѣ виднѣлись развалины залуценныхъ построекъ.

Въ 1825—1835 г.г. Камчаткой управлялъ генералъ Голенищевъ, о которомъ до сихъ поръ жители вспоминаютъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ выстроилъ себѣ прекрасную дачу на берегу Микишиной, окружилъ ее садами, огородами и теплицами, служившими не только для украшенія, но и для пользы окрестностей, завелъ довольно обширное скотоводство и птичій дворъ,—словомъ, жилъ въ восхитительной мѣстности, совершенно отдавшись прелестямъ сельской жизни. Этотъ небольшой культурный уголокъ долженъ былъ также давать всему населенію наглядное представленіе о всевозможныхъ полезныхъ занятіяхъ и служить образцомъ для подражанія, принося пользу всей странѣ

и поощряя жителей хорошимъ примѣромъ. Удобная дорога, съ мостами и паромами на рѣкахъ, просѣками черезъ лѣсъ (къ числу послѣднихъ принадлежить и та, черезъ которую мы сегодня проѣхали), даже съ верстовыми столбами, вела изъ Петропавловска черезъ деревню Авачу сюда и далѣе — къ горячимъ ключамъ Паратунки. Гостепріимный домъ губернатора былъ всегда полонъ гостей, и по всей странѣ распространялись отсюда полезныя свѣдѣнія о садоводствѣ, полеводствѣ и скотоводствѣ. Но вдругъ Голенищева отозвали въ Петербургъ. Отъѣздъ долженъ былъ состояться поспѣшно, и, въ твердой надеждѣ вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обратно, владѣлецъ оставилъ дачу какъ она была, со всей ея обстановкой. Онъ распорядился лишь втащить въ сѣни свою небольшую лодку, засвѣтилъ, по русскому обычаю, лампадку передъ образомъ, помолился, заперъ дверь и уѣхалъ съ ключемъ въ карманѣ. Но надежды его не оправдались. Голенищевъ не вернулся въ Камчатку, а на его мѣсто былъ назначенъ флота-капитанъ Шаховъ, грубый, совершенно необразованный человѣкъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петропавловскъ онъ отправился на Микишину и подъ тѣмъ предлогомъ, что лодка составляетъ казенную собственность, велѣлъ взломать двери дачи. Прекрасный гостепріимный домъ остался открытъ, остававшееся въ немъ по немногу было раскрадено, самъ онъ сталъ приходить въ упадокъ и наконецъ превратился въ кучу развалинъ. Отличный паркъ заросъ дикимъ кустарникомъ и роскошной, очень высокой травой; только мѣстами замѣтны были еще слабыя слѣды прежней культуры. Такъ грубый произволь невѣжественнаго человѣка въ самое короткое время разрушилъ учрежденіе, которое могло-бы доставить неисчислимыя услуги странѣ!

Рано утромъ 16-го декабря мы опять тронулись въ путь, слѣдуя прежней дорогой, но въ обратномъ направленіи, и въ 2 часа пополудни вернулись въ Петропавловскъ, гдѣ Завойко къ сожалѣнію встрѣтили очень непріятныя жалобы.

Уже нѣсколько недѣль тому назадъ камчадалы, пришедшіе

съ сѣвера, распространили слухъ, что ижигинскій исправникъ позволяетъ себѣ неслыханныя притѣсненія и вымогательства по отношенію къ кочующимъ въ его округѣ корякамъ. Жалобы становились все громче и громче, и достигли наконецъ самого Завойко. Послѣдній поэтому счелъ нужнымъ командировать чиновника для изслѣдованія и устраненія злоупотребленій, и 19-го декабря отсюда отправился одинъ изъ членовъ здѣшняго суда.

Праздникъ Рождества былъ уже очень близокъ, и всюду шли самыя дѣятельныя приготовленія къ разнообразнымъ увеселеніямъ. Предполагалось протянуть праздничное веселье далеко за новый годъ; благодаря же общимъ стараніямъ, оно такъ и вышло.

Прекрасный германскій обычай—встрѣчать сочельникъ при сіяніи ярко освѣщенной елки—укоренился также во многихъ русскихъ семьяхъ, такъ что и въ Петропавловскѣ изъ оконъ многихъ домовъ по снѣгу далеко отражался свѣтъ зажженныхъ на елкахъ свѣчей. Я имѣлъ удовольствіе провести этотъ вечеръ въ домѣ губернатора и видѣть неописуемый восторгъ его многочисленныхъ дѣтей. Все напоминало о чудномъ праздникѣ на родинѣ, только форма дерева представлялась нѣсколько чуждой. Сосна и ель отсутствуютъ на всемъ югѣ Камчатки, а потому приходилось готовить искусственную елку, а именно—прилаживая другъ къ другу и связывая искривленные и изогнутыя во всѣхъ направленіяхъ вѣтви ползучаго кедра, единственнаго здѣсь представителя хвойныхъ. Но дѣти, выросшія здѣсь и никогда не видавшія настоящей елки, находили и такую поддѣлку великолѣпнымъ деревомъ; можетъ быть даже въ болѣе зрѣлыя годы, уже будучи въ Европѣ, они скучали по родномъ кедровникѣ, съ которымъ для нихъ связаны воспоминанія золотого дѣтства.

Утромъ въ первый день праздника состоялось торжественное богослуженіе въ православной церкви, затѣмъ пошли безконечныя визиты—сначала къ губернатору, потомъ другъ къ другу, такъ что мы всѣ, хорошо знакомые между собой, въ теченіе дня встрѣтились и обмѣнялись поздравленіями почти столько-же разъ, сколько

домовъ въ городѣ; только большой обѣдъ у Завойко, за которымъ опять собралось все здѣшнее общество, положилъ конецъ этому рвенію поздравителей. 26-го состоялся большой танцевальный вечеръ у семейнаго офицера Г., 27-го все общество опять собралось на балу у Завойко. Всѣ были необыкновенно веселы, и опять главнымъ образомъ танцевали восьмерку. Затѣмъ 28-го въ казармѣ происходило театральное представленіе, на которое матросы пригласили свое начальство. Давались ими различныя сцены изъ народной жизни, при чемъ главная пьеса заключалась въ исполненіи любимой пѣсни о Волгѣ; пѣніе сопровождалось пантомимой. Представленіе закончилось общими танцами, при которыхъ мы оставались еще нѣкоторое время въ качествѣ зрителей. V

По сибирскому обычаю во всѣхъ городахъ и деревняхъ отъ Рождества до Новаго года ходятъ ряженные; такъ было и въ Петропавловскѣ, гдѣ улицы оживились разгуливавшими участниками маскарада. Маскамъ разрѣшалось по одивочку или группами заходить въ любой домъ, протанцовать что нибудь или разыграть какую нибудь шутку и затѣмъ отправляться дальше. Лица изъ высшихъ классовъ общества также не брезгали участіемъ въ этихъ импровизированныхъ танцахъ. Такъ 30-го въ домъ Завойко явилась костюмированная компанія, удалившаяся лишь послѣ нѣсколькихъ часовъ самой веселой пляски. Гости не прочь были остаться, по здѣшнему обыкновенію, хоть до утра; но намъ предстояли еще два бала, и оба у хлѣбосольнаго губернатора. 31-го должна была состояться у него встрѣча Новаго года въ обществѣ многочисленныхъ гостей, и всѣ вообще бывавшіе у Завойко собрались по этому случаю. Въ 12 часовъ ночи танцы прерваны были барабаномъ и шампанскимъ; посыпались поздравленія, а затѣмъ мы начали Новый годъ самыми веселыми танцами.

1-го Января, послѣ богослужевія, опять сдѣланы были всѣ обязательные визиты, а вечеромъ все общество снова собралось у Завойко. На этотъ разъ состоялся по истинѣ очень удачный маскарадный балъ, для котораго костюмы изготовлялись еще за

нѣсколько недѣль до того. Фигурировали преимущественно восточные народы: виднѣлись китайцы, японцы, тунгусы, камчадалы, чукчи, но не отсутствовали и турки, тирольцы, испанцы и греки. Для Петропавловска общество было очень блестящее; приходилось даже изумляться тому, какъ можно имѣть здѣсь такіе разнообразныя и роскошныя туалеты. Наскучивъ наконецъ безконечными танцами послѣднихъ дней, мы, для разнообразія, затѣяли 2-го января большой пикникъ въ окрестности. Около 30 саней, большихъ и малыхъ, запряженныхъ 5 — 9 собаками, пронеслись по главной улицѣ къ небольшой прибрежной рѣчкѣ Калахтыркѣ, протекающей къ сѣверу отъ города. Здѣсь, въ открытомъ полѣ, мы закусили привезенной провизіей. Тутъ-же, на берегу рѣчки, протекающей по роскошнымъ и обширнымъ лугамъ, находился портовый коровій хлѣвъ, гдѣ за коровами присматривали три старыхъ матроса. Послѣдніе ежедневно доставляли молоко въ губернаторскій домъ, откуда оно распредѣлялось по самымъ большимъ семьямъ; и не одна мать отъ всего сердца была благодарна губернатору за такое благодѣтельное учрежденіе.

Повеселившись въ компаніи и вдоволь посмѣявшись (особенно много смѣху возбуждали камчатскіе торбасы и куклянки, надѣтые какъ дамами, такъ и кавалерами), мы въ перегонку направились домой, при чемъ не обошлось безъ опрокидыванія саней, очень забавлявшихъ все общество. Дома мы были съ наступленіемъ темноты.

Утромъ 3-го января опять тронулся длинный рядъ саней изъ Петропавловска къ деревнѣ Авачѣ; но это были не легкія сани съ веселыми сѣдоками, какъ вчера, а исключительно тяжело нагруженныя товарами нарты: общество русскихъ купцовъ отправилось, въ сопровожденіи прикомандированнаго къ нимъ чиновника, въ объѣздъ по Камчаткѣ. Караванъ представлялъ какъ-бы передвижную ярмарку, ежегодно зимой обходившую полуостровъ и нерѣдко проникавшую до самаго крайняго сѣвера. Уже выше я упоминалъ объ этихъ торговыхъ объѣздахъ; здѣсь же мнѣ только остается подтвердить ранѣе сказанное.

Прошло нѣсколько дней необходимаго отдыха, послѣ чего

можно было приступить со свѣжими силами къ предстоявшимъ еще увеселеніямъ. Неженатые молодые чиновники и офицеры считали себя обязанными задать и съ своей стороны балъ и пригласить на него губернатора съ супругой, а также всѣхъ дамъ и вообще семейства, въ которыхъ были приняты. Устроители торжества распорядились освободить и вычистить большую казарму, а затѣмъ богато и со вкусомъ украсили ее флагами. Задолго до самаго торжества начались приготовления и наконецъ послѣдовали приглашенія на 6-е января. Болѣе 80 человѣкъ въ изящныхъ туалетахъ наполнили по праздничному разубранныя и освѣщенныя комнаты. Опять танцевали до утра; приглашенныхъ угощали самыми изысканными кушаньями и тонкими лакомствами.

Но и это большое собраніе не было послѣднимъ, потому что послѣ него послѣдовали приглашенія на большой танцевальный вечеръ. Г. Больманъ, родомъ изъ Ревеля, комисіонеръ Россійско-Американской Компаніи, и его чрезвычайно привѣтливая жена пригласили къ себѣ все общество на 8-е января.

Послѣ гостепріимнаго губернатора Завойко г.г. Больманъ и Губаревъ прилагали наибольшее стараніе усладить жизнь обывателямъ Петропавловска, этого почти герметически замкнутаго отъ прочаго міра уголка. Такъ и 8-ое января прошло очень оживленно и весело, тѣмъ болѣе что, какъ всѣ хорошо знали, это былъ послѣдній вечеръ въ длинномъ рядѣ увеселеній: въ ближайшіе затѣмъ дни губернаторъ собирался отправиться въ объѣздъ, въ которомъ и я долженъ былъ сопровождать его; предстояло слѣдовательно множество сборовъ.

4) Зимнее путешествіе въ Нижнекамчатскъ.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 15-е января. Еще 14-го наши большія крытыя дорожныя сани (повозки) со всѣмъ багажемъ были отправлены въ Старый Острогъ. До Острога предполагалось ѣхать въ небольшихъ саняхъ, которыми мы правили сами; поѣздка эта должна была состояться въ довольно большомъ обществѣ, потому что многіе чиновники желали проводить губер-

натора. Итакъ около 7 часовъ утра тронулся обозъ изъ 14 саней, прибывшій уже около 11 часовъ въ Старый Острогъ, по извѣстному пути черезъ деревню Авачу. Пока нагружались повозки, мы въ домѣ старика Машигина обильно закусили на прощанье. Повозка представляетъ большія низкія сани съ верхомъ и впереди съ фартухомъ, такъ что ее можно вполне замкнуть. Повозка длинна, узка и рассчитана всего на одного ѣздока, который притомъ помѣщается лежа; она состоитъ собственно говоря изъ прочной нарты, на которой установленъ длинный закрытый ящикъ. Въ описываемыя сани, смотря по состоянію пути, запрягается отъ 15 до 21 собаки, которыми управляетъ одинъ или, при болѣе трудныхъ горныхъ поѣздкахъ, два человека (по камчатски каюры). Послѣдніе сидятъ по обѣимъ сторонамъ на козлахъ или стоятъ на полозьяхъ.

Послѣ веселаго завтрака, приправленнаго многими тостами и добрыми пожеланіями, мы наконецъ выѣхали около 4 часовъ и прибыли въ 9 часовъ вечера въ Коряку. Дорога шла большею частью прекраснымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*) по крутому подъему, въ неособенно большомъ разстояніи отъ р. Коряки, впадающей въ Авачу съ правой стороны. Домъ таіона (т. е. старосты—по камчадалски) былъ чистъ и содержался въ порядкѣ. Къ чаю, который мы здѣсь пили, намъ подали самоваръ и богатый, красивый сервизъ. Камчадалы — большіе любители чая; а такъ какъ эта драгоценная трава не всегда у нихъ бываетъ, то они болѣе чѣмъ охотно присосѣживаютъ къ проѣзжающимъ, заваривающимъ свой собственный чай. По прочно установившемуся обычаю, всѣ обитатели острога ¹⁾ допускаются въ такомъ случаѣ къ угощенію; а потому для путешествующаго здѣсь чрезвычайно важно запастись въ дорогу большимъ количествомъ чая. Угощеніе этимъ напиткомъ или даже оставленіе

1) Русское названіе «острогъ» означаетъ собственно укрѣпленіе и происходитъ со времени перваго завоеванія страны. Теперь же въ Камчаткѣ такъ называютъ всякое поселеніе камчадаловъ, хотя здѣсь нѣтъ ни одного дѣйствительно укрѣпленнаго мѣста.

небольшихъ количествъ чаю, табаку и водки, по очень распространенному здѣсь обычаю, замѣняетъ даваніе денегъ «на чай»; то-же угощеніе или подарки замѣняютъ также вознагражденіе за полученную їду или оказанныя услуги. Деньги принимаются гораздо менѣе охотно. Только за собакъ расплачиваются наличными, причемъ по закону за пять собакъ платится какъ за одну лошадь. Какъ на спутника губернатора на меня возложена была обязанность производить всѣ платежи и выдавать вознагражденія; поэтому у меня на рукахъ находились всѣ, очень крупныя, дорожныя запасы и суммы. Завойко далъ мнѣ инструкцію не скупиться, а напротивъ раздавать щедрые подарки. Для этой надобности имѣлась особая богато нагруженная нарта; а чтобы и того не оказалось мало, заранѣе были отправлены далеко впередъ еще нѣкоторыя запасы.

Въ Корякѣ я въ первый разъ увидалъ приспособленіе, которое въ послѣдствіи встрѣчалъ часто, и тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе подвигался къ сѣверу. Дѣло въ томъ, что оконныя стекла, благодаря дальней перевозкѣ, здѣсь очень дороги, а слѣдовательно и очень рѣдки. Народъ замѣняетъ поэтому стекло медвѣжьими кишками, особеннымъ образомъ приготовленными и сшитыми. Такія кишки конечно не прозрачны, а только просвѣчиваютъ, такъ что комнаты довольно свѣтлы, но наружу ничего не видно. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, въ окна вставляются еще небольшія (дюйма въ два-три) прозрачныя пластинки слюды.

Мы выѣхали изъ Коряки въ 11 часовъ вечера, и около 3-хъ часовъ утра 16-го января прибыли въ Начику. На этой части пути мы также совершили порядочный подъемъ; опять пришлось ѣхать длиннымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*), пока наконецъ мы не прибыли въ высоколежащую горную долину, окруженную довольно высокими, нѣсколько отдаленными вершинами. Въ этой долинѣ находится весьма жалкое поселеніе Начика, одинъ изъ наиболѣе высоко лежащихъ остроговъ всей Камчатки.

Послѣ непродолжительной остановки мы опять немного спустились внизъ по долинѣ, всюду ограниченной горами, и напра-

вились далѣе къ Малкѣ, куда и прибыли около 10 часовъ утра. Какъ близъ Малки, такъ и близъ Начики имѣются горячіе ключи, которыхъ я однако къ сожалѣвію не могъ видѣть, потому что нужно было торопиться далѣе. Этотъ острогъ больше Начики и очень живописно расположенъ въ обширной котловинѣ, окруженной горами. Таюнъ сообщилъ намъ объ очень удачномъ урожаѣ овощей: уродились капуста, рѣпа и хрѣнъ; а съ посаженныхъ 5 пудъ картофеля папъ рассказчикъ собралъ 60. До Малки мы слѣдовали преимущественно въ западномъ направленіи; отсюда же нашъ путь шелъ къ сѣверу, и опять стало замѣтно ясное повышение поверхности. Сперва мы ѣхали очень широкой долиной, все понемногу въ гору. Вскорѣ съ восточной стороны горы подошли къ намъ ближе. То были Ганальскіе Востряки, отдѣляющіе только что упомянутую долину отъ долины верховья р. Авачи и составляющіе настоящее эльдорадо для охотниковъ. Въ эти дикія горы, пересѣченные множествомъ потоковъ и ущелій, отваживаются проникать только наилучшіе ходоки, къ тому же хорошо знающіе мѣстность. Съ запада горы оставались еще въ отдаленіи. Такъ дорога довела насъ до Ганала, куда мы прибыли въ 4 часа пополудни. Ганаль—бѣдное поселеніе, находившееся въ самомъ плачевномъ состояніи, благодаря массѣ больныхъ во всѣхъ домахъ. Страшнѣйшій бичъ страны — болѣзнь, распространенная среди жителей, родъ наследственной венеріи, являющейся во всевозможныхъ, ужасныхъ формахъ и часто даже имѣющая послѣдствіемъ проказу. Эта болѣзнь существовала еще до завоеванія Камчатки и такъ коситъ населеніе, что въ недалекомъ будущемъ, если только не примутъ скорыхъ и энергичныхъ мѣръ противъ нея, вся страна опустѣетъ. Но во время нашего посѣщенія ровно ничего не дѣлалось для борьбы со зломъ.

Хотя намъ предстоялъ очень длинный и трудный переѣздъ, мы все же какъ можно скорѣе тронулись въ дальнѣйшій путь, чтобы уйти изъ зараженной атмосферы. До ближайшаго острога считается около 60 верстъ; на этомъ длинномъ пути поставлены двѣ юрты, чтобы во время частыхъ и опасныхъ вьюгъ доставить

пристанище путешественникамъ, проѣзжающимъ по этой очень высокой мѣстности. Между Ганаломъ и Пущиной находится водораздѣль съ одной стороны рѣки Камчатки, текущей отсюда къ сѣверу, и съ другой—р. Быстрой, идущей на югъ и составляющей главный притокъ р. Большой, по широкой долинѣ которой мы и подвигались теперь къ сѣверу. На пути отъ Ганала сперва проѣзжаютъ порядочное разстояніе по мѣстности, носящей характеръ тундры и лишь немного поросшей кустарникомъ; такъ достигаютъ первой изъ только что упомянутыхъ юртъ—Ганальской. Отсюда долина, поросшая березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*), замѣтно начинаетъ повышаться; горы съ обѣихъ сторонъ подходятъ ближе, и р. Быстрая прорѣзываетъ себѣ на днѣ долины нѣсколько болѣе глубокое русло. Такъ дорога, идущая рѣдкимъ лѣсомъ, ведетъ все выше и выше, между тѣмъ какъ горы, находящіяся по обѣимъ сторонамъ ея, быстро понижаются. Лѣсъ состоитъ большею частью изъ *B. Ermani*, главнаго дерева лѣсовъ южной Камчатки; но мѣстами начинаетъ уже показываться *B. alba*, которая вскорѣ затѣмъ становится все болѣе и болѣе частой и въ системѣ р. Камчатки встрѣчается уже въ большомъ количествѣ. Такъ мы доѣхали до низкаго, закругленнаго гребня, представляющаго собственно простое возвышеніе поверхности, тянущееся поперекъ долины и какъ бы соединяющее между собой низкія горы правой и лѣвой стороны. Съ этимъ возвышеніемъ достигаютъ собственно водораздѣла, Камчатской Вершины, и сейчасъ-же за нею къ сѣверу—второй юрты, Пущиной. Отсюда долина открывается къ сѣверу, при чемъ быстро расширяется и опять замѣтно понижается. Здѣсь, по бокамъ долины въ горахъ лежатъ истоки р. Камчатки. Горы по обѣимъ сторонамъ опять быстро повышаются и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляющее ихъ разстояніе быстро возрастаетъ, такъ что заключенная между ними долина все болѣе и болѣе расширяется. Только западныя горы, Срединный хребетъ съ его зубчатыми вершинами, остаются еще нѣкоторое время вблизи.

Холодъ сталъ здѣсь довольно чувствителенъ, спиртовой тер-

мометръ при небольшомъ вѣтрѣ показывалъ — 29° R. Сверхъ того къ сѣверу отъ водораздѣла массы снѣга оказались гораздо болѣе значительными, а дорога, къ сожалѣнію, много труднѣе.

Отъ Пущиной Юрты считается 25 верстъ до острога Пущиной, при чемъ дорога непрерывно шла здѣсь рѣдкимъ березовымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ обоихъ видовъ — *B. alba* и *B. Ermani*. Наконецъ, утомленные долгой ѣздой, мы въ 5 часовъ утра 17-го января прибыли въ Пущину и съ большимъ удовольствіемъ принялись за вкусное жаркое изъ мяса дикаго барана и за горячій чай, поданные намъ таіономъ. Но уже въ 7 часовъ мы двинулись дальше, а около 12 прибыли въ Шарому. Снѣгъздѣсь всюду былъ очень глубокъ, а долина настолько расширилась, что горы едва были видны издалека. Исключительно лиственный лѣсъ, главнымъ образомъ состоявшій изъ *B. alba*, совершенно заполнялъ также и эту часть широкой, плоской долины. Шарома имѣетъ часовню и больше Пущиной, но принадлежитъ къ числу не самыхъ большихъ, хотя и болѣе благоустроенныхъ остроговъ. Таіонъ Мерлинъ принадлежалъ къ старому камчадальскому роду, ведущему свое происхожденіе еще съ древнѣйшаго героическаго періода Камчатки. Далѣе дорога шла такою-же мѣстностью какъ и до Шаромы въ Верхнекамчатскъ, куда мы прибыли въ 6 часовъ, незадолго до того переѣхавъ въ лодкахъ черезъ Камчатку, которая здѣсь уже представляетъ очень порядочную рѣку и несмотря на 22° мороза еще не замерзла. Множество лебедей и другихъ водяныхъ птицъ оживляли открытую воду; по рассказамъ онѣ нерѣдко остаются здѣсь всю зиму. Верхнекамчатскъ, нѣкогда главный городъ страны, теперь опустился до роли ничтожнаго маленькаго острога и не представляетъ ничего замѣчательнаго. Завойко торопился дальше, въ очень близкую отсюда большую русскую деревню Милкову, куда мы и прибыли въ 8 часовъ вечера. Радужно и съ почетомъ, подобающимъ начальнику края, были мы приняты въ опрятномъ и просторномъ домѣ старосты; насъ угостили обильной трапезой, при чемъ конечно не обошлось безъ жаркого изъ дикаго барана.

Обитатели Милковой называютъ свое поселеніе русской деревней, а не камчадалскимъ острогомъ; нѣсколько не отличаясь отъ камчадаловъ ни по одеждѣ, ни по языку, ни въ какомъ другомъ отношеніи, они тѣмъ не менѣе очень напираютъ на свое чисто русское происхожденіе. Сообразно съ тѣмъ въ Милковой жилъ не таіонъ, а деревенскій староста. Русскій языкъ былъ здѣсь только очень немногимъ болѣе чистъ, чѣмъ у камчадаловъ. Благодаря самому тѣсному общенію въ теченіе десятковъ лѣтъ со своими сосѣдями и частымъ смѣшаннымъ бракамъ, русскіе успѣли столько-же заимствовать отъ камчадаловъ, сколько передать имъ свои особенности и привычки; такимъ образомъ здѣсь возникла своеобразная помѣсь, занимающая какъ бы середину между обоими племенами. Складъ лица лишь въ рѣдкихъ случаяхъ представляется здѣсь европейскимъ; въ этомъ именно отношеніи одерживаетъ верхъ камчатскій элементъ. Съ другой стороны камчадалы, особенно съ того времени какъ они смѣнили свои землянки на дома, построенные по русскому образцу, переняли множество русскихъ обычаевъ и приемовъ, сохранивъ лишь кое-что изъ старокамчадалскаго быта, главнымъ образомъ содержаніе собакъ и рыболовство, а также все, находящееся въ связи съ этимъ; благодаря чему развились нѣкоторые весьма замѣтные контрасты между обѣими народностями. Русскіе крестьяне — и въ этомъ быть можетъ главное отличіе обихъ племенъ — болѣе искренне и нѣсколько болѣе разумно слѣдуютъ правиламъ церкви, между тѣмъ какъ камчадалы, несмотря на поголовное крещеніе, усвоили себѣ только внѣшность православія и считаются его особымъ, нынѣ прочно установленнымъ, родомъ шаманства. Въ результатѣ у нихъ возникаетъ невообразимая путаница изъ смѣси древняго языческаго суевѣрія и внѣшнихъ обрядовъ православной церкви. Милкова была основана въ началѣ нынѣшняго или концѣ прошлаго вѣка, для чего сюда были переселены крестьяне изъ Сибири. Составляющіе ее теперь 27 домовъ, прочно и аккуратно выстроенные, стояли двумя длинными рядами, окруженные хлѣвами, сараями и обширными огородами. Среди

деревни возвышается красивая деревянная церковь, гдѣ служить священникъ, живущій здѣсь-же. Населеніе, нѣсколько болѣе 200 душъ обоого пола, непрестанно поощряемое правительствомъ, болѣе или менѣе удачно пыталось заниматься земледѣліемъ. Въ ихъ стойлахъ имѣется нѣсколько лошадей и немного рогатаго скота, такъ что Милкова по крайней мѣрѣ по внѣшности похожа на русскую деревню. Чтобы усилить еще этотъ національный характеръ, Завойко распорядился объ устройствѣ въ такъ называемыхъ русскихъ деревняхъ Камчатки ткацкихъ школъ; одна изъ такихъ школъ была устроена и въ Милковой. Такъ какъ ленъ и конопля здѣсь не родились, то жители собирали мѣстную, очень высокую крапиву, обрабатывали ее для полученія волокна какъ ленъ и затѣмъ пряли и ткали изъ обработаннаго такимъ образомъ матеріала очень хорошее полотно, которое съ выгодой можно было употреблять на бѣлье. Одинъ старый матросъ, знавшій ткацкое дѣло еще изъ Россіи, объѣзжалъ по распоряженію губернатора деревни и обучалъ женщинъ и дѣвушекъ нужнымъ для этого дѣла приемамъ. Все предпріятіе увѣнчалось большимъ успѣхомъ и принесло не мало выгоды населенію: при нашемъ посѣщеніи мы видѣли не мало очень удачныхъ образчиковъ крапивнаго полотна; а двумъ дѣвушкамъ даже вручили преміи, присланныя С. Петербургскимъ Экономическимъ Обществомъ. Для одной изъ нихъ назначена была брошка, для другой — серьги; и брошка, и серьги — золотыя съ гранатами. Къ нашему удивленію обѣ отказались отъ подарковъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что весь ихъ костюмъ не вяжется съ такими богатыми украшеніями.

18-го Января, въ 10 часовъ утра, мы отправились въ дальнѣйшій путь, а въ 3 часа прибыли въ Кырганикъ, настоящее камчадалское поселеніе. Въ домѣ таіона, гдѣ насъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, приняли чрезвычайно радушно, царили чистота и порядокъ. Отъ Петропавловска почти до Кырганика, за исключеніемъ ползучаго кедра и отдѣльныхъ кустовъ можжевельника, не встрѣчались хвойныя породы; тѣмъ болѣе бросилась мнѣ

въ глаза, при приближеніи къ этому острогу, лиственница, разсѣянная среди лиственнаго лѣса. Первыя встрѣченныя мною лиственничныя деревья были низкорослы и чахлы; но вскорѣ показались и очень крупныя экземпляры. На дальнѣйшемъ пути къ Машурѣ, куда мы прибыли въ 8 часовъ вечера, хвойный лѣсъ былъ уже чаще, а лиственный сталъ отступать на второй планъ; кромѣ того у названнаго острога я встрѣтилъ еще одну хвойную породу — пихту, которая близъ Машуры и за нею уже образовала болѣе или менѣе обширныя рощи. Начиная отъ Кырганика, всѣ видѣнные мною дома въ острогахъ были уже построены изъ хвойнаго лѣса. Машура — довольно большое поселеніе съ часовней, живописно расположенное на рѣкѣ и выгодно отличающееся отъ другихъ остроговъ здоровымъ видомъ жителей и болѣшимъ порядкомъ. Долина р. Камчатки здѣсь очень широка, такъ что горы съ запада и востока виднѣются въ большомъ удаленіи.

19-го Января мы въ 2 часа утра и при 30° мороза прибыли въ Чапину, гдѣ согрѣлись чаемъ и неизбѣжнымъ жаркимъ изъ дикаго барана. Въ концѣ прошлой осени и зимою камчадалы очень удачно охотились за горнымъ бараномъ и напасли большое количество его мяса, которымъ щедро угощали своихъ гостей; и, нужно отдать справедливость, это мясо дѣйствительно очень вкусно. Въ 9 часовъ утра мы достигли Толбачи, острога, находящагося верстахъ въ 30 отъ рѣки Камчатки и расположеннаго на р. Толбачѣ, правомъ притокѣ Камчатки. На пути къ Толбачѣ мы опять приблизились къ восточнымъ горамъ, такъ что очень ясно видѣли Толбачинскую сопку. Гора эта, представляющая громадный кратеръ обвала, высоко поднималась въ своемъ снѣжномъ покровѣ надъ сосѣдними вершинами. Всего болѣе возвышался сѣверный край кратера; съ южной же стороны, менѣе высокой, поднимался мощный столбъ дыма и пара. По словамъ толбачинскаго таіона на вершинѣ нерѣдко наблюдался и огонь, а также выпадали и дожди пепла. Въ Толбачѣ постоянное однообразіе нашей пищи было нѣсколько нарушено одной новинкой. На небольшомъ полѣ созрѣлъ ячмень, уцѣлѣвшій отъ ноч-

ныхъ морозовъ. Таіонъ приготовилъ изъ него кашу и угостилъ губернатора этимъ продуктомъ своего хозяйства. Картофель тоже хорошо уродился, такъ что посаженные 90 пудовъ дали 900 пудовъ сбора. Вкусная каша доставила хорошіе результаты для обывателей острога, такъ какъ Завойко щедро наградилъ ихъ.

Въ 8 часовъ мы достигли Козыревска, расположеннаго на самой р. Камчаткѣ. Къ сожалѣнію, острогъ этотъ стоитъ на такомъ низкомъ мѣстѣ, что часто терпитъ отъ наводненій. Уже три раза жители острога переносили свои дома, но всякій разъ такъ неосмотрительно, что улучшенія отъ того не послѣдовало. Въ прошломъ году, не говоря о другихъ опустошеніяхъ, здѣсь утонули три лошади, что составляетъ въ Камчаткѣ почти невознаградимую потерю. Изъ Козыревска также открывался величественный видъ на востокъ. Самый высокій и самый красивый изъ вулкановъ Камчатки, Ключевская сопка, достигающая высоты около 16.000', ясно обрисовывался на чистомъ небѣ, окруженный нѣсколькими конусами различной высоты. Сверху до низу окутанные бѣлымъ снѣгомъ и освѣщенные сіяніемъ луны, эти великолѣпные горные исполины явственно выдѣлялись на темноголубомъ ночномъ небѣ. Обильныя облака дыма и пара выдѣлялись изъ самой верхней оконечности сопки, которая, въ видѣ бѣлаго конуса, вся отъ подошвы до наивысшей своей точки выступала передъ зрителемъ. Къ сожалѣнію, быстро набѣжавшее облако очень скоро скрыло отъ нашихъ глазъ эту чудную картину и принесло снѣгъ, сильно затруднившій дальнѣйшее путешествіе. Мы медленно подвигались по глубокому рыхлому снѣгу, такъ что въ Ушки прибыли лишь въ 5 часовъ утра 20-го января, а въ Кресты — въ часъ дня того-же числа. Снѣгъ прошелъ и опять открылся передъ нами, при ясномъ небѣ, обширный видъ. Опять выступила великолѣпная Ключевская сопка во всей своей красѣ, но теперь она видѣлась къ юго-востоку; на сѣверѣ же мы въ первый разъ увидѣли Шевелючь. Послѣдній представлялся въ видѣ колоссальной изолированной горной массы, вытянутой и на вершинѣ сильно разорванной; отъ Ключевской сопки онъ отдѣ-

лялся лишь широкою долиной р. Камчатки. Гора казалась мнѣ недѣятельной; но, по словамъ жителей, изъ кратера изрѣдка выдѣляются пары. Далѣе къ востоку отъ этого вулкана, ближе къ морскому берегу, на горизонтѣ еще выступала изолированная вытянутая група — Тимоска, состоящая изъ низкихъ, закругленныхъ на вершинѣ, горъ.

Жители Ушковъ пророчили, что въ эту весну очень долго пролежитъ снѣгъ; основаніемъ для такого пророчества служило отсутствіе дождей пепла. Понятно, что снѣгъ, посыпанный пепломъ, гораздо скорѣе поддается дѣйствию солнечныхъ лучей, а потому и ставается ранѣе. Это простое наблюденіе имѣетъ немалое значеніе по отношенію къ экономическому развитію Камчатки, потому что съ болѣе или менѣе скорымъ исчезновеніемъ снѣга, которое обуславливается выпаденіемъ дождей пепла, очень тѣсно связанъ вопросъ о возможности хлѣбопашества въ Камчаткѣ. Но разрѣшеніе этого вопроса не трудно. Если посыпанный пепломъ снѣгъ исчезаетъ очень рано, то запашка и посѣвъ также могутъ быть закончены соотвѣтственно рано, и зерно поспѣетъ еще до ночныхъ морозовъ, наступающихъ весьма скоро. Въ противномъ случаѣ работа можетъ начаться лишь очень поздно и весь растительный періодъ задерживается настолько, что морозы наступаютъ до созрѣванія зерна и конечно всѣ всходы погибаютъ. Почва здѣсь необыкновенно плодородна, и если только колоссальная масса снѣга скоро стаетъ и мѣсто хоть немного защищено отъ ночныхъ морозовъ, то всякій разъ безъ сомнѣнія можно рассчитывать на богатую жатву. Дождей пепла совсѣмъ не поддаются расчету и, вообще говоря, они не составляютъ исключеніе, чѣмъ правило. Для появленія урожая требуется, во первыхъ, дѣятельность вулкана и, во вторыхъ, одновременность съ нею благоприятное направленіе вѣтра. Если вѣренесь-бы пепелъ на должное мѣсто. Ясно, что земледѣліе, основанное на такихъ неблагоприятныхъ и ненадежныхъ условіяхъ, никогда не прокормитъ страны.

Мы продолжали свой путь по долине р. Камчатки,

и въ 8 часовъ вечера прибыли въ большую русскую деревню Ключи, гдѣ остановились въ просторной и чистой избѣ деревенскаго старосты Ушакова. Сейчасъ же столъ покрылся блюдами и мы за чаемъ, въ теплой комнатѣ, уютно провели вечеръ въ обществѣ деревенскаго священника, явившагося засвидѣтельствовать почтеніе губернатору. Намъ сообщили между прочимъ, что Ключевская сопка всего лишь пять дней тому назадъ, т. е. приблизительно съ 15-го января, стала выдѣлять довольно большіе столбы пара; но огня при этомъ еще не замѣчалось. Далѣе мы узнали, что изверженіе сопки случилось въ 1840 г.; точно также очень сильное изверженіе произошло въ 1848 г., при чемъ лава доходила до р. Камчатки. Но начиная съ 1848 г. гора не проявляла болѣе усиленной дѣятельности. Швелючь лишь изрѣдка выдѣляетъ немного пара и дыма, большею же частью остается совершенно недѣятельнымъ.

✓ Деревня Ключи основана одновременно съ Милковой и заселена русскими или сибирскими крестьянами. Въ ней довольно большая деревянная церковь и 45 хорошо выстроенныхъ домовъ со службами; дома расположены въ 2 ряда вдоль длинной улицы, параллельной рѣкѣ. Ряды домовъ стоятъ очень близко къ водѣ, такъ что большіе огороды всѣ располагаются со стороны горы. Отсюда поверхность быстро поднимается, образуя какъ-бы громадный цоколь для высоко поднимающагося къ небу бѣлаго вулкана. Онъ представляется здѣсь зрителю во всей своей колоссальной величинѣ, отъ подошвы до вершины, — зрѣлище, по истинѣ, подавляющаго величія! Къ тому-же облако дыма, гонимое вѣтромъ въ сторону, растянулось въ длину, разъ въ шесть большую высоты вулкана.

И здѣсь практиковалось тканье изъ крапивы; но достигнутые результаты были менѣе удовлетворительны, чѣмъ въ Милковой, такъ что ключевскіе ткачи навлекли на себя замѣчанія со стороны губернатора. Староста былъ не безъ нѣкотораго образованія: въ комнатѣ его видны были разныя книги сельскохозяйственнаго содержанія и нѣсколько имъ самимъ набитыхъ птицъ,

внѣшность которыхъ однако очень замѣтно обнаруживала малую опытность художника.

Утромъ 21-го января Завойко произвелъ ревизію хлѣбнаго магазина деревни, въ которомъ оказался еще довольно большой запасъ ячменя съ прежнихъ лѣтъ. Въ прошломъ году урожаи были весьма неудовлетворительны: самъ 3 для хлѣба и самъ 2 для картофеля. Крестьяне добросовѣстно дѣлали свое дѣло, полевые работы были тщательно ведены, но вулканы не дали тепла и ячмень отчасти пропалъ.

Въ 9 часовъ утра Завойко тронулся уже въ дальнѣйшій путь. Сильный снѣгъ такъ затруднялъ движеніе, что лишь въ 3 часа мы прибыли въ жалкій острогъ Комаку. По такому-же глубокому снѣгу поѣхали мы далѣе, пока наконецъ въ 10 часовъ вечера, совершенно выбившись изъ силъ, не прибыли въ Нижнекамчатскъ. У послѣдней станціи мы прошли Жоковскія Щеки, утесистую, очень романтическую тѣснину р. Камчатки. Горы съ обѣихъ сторонъ близко подходят здѣсь къ рѣкѣ и большею частью крутыми утесами падаютъ къ водѣ, часто едва оставляя узкій проходъ на берегу. Лишь близъ Нижнекамчатска долина снова расширяется, но все еще остается ограниченной близко подступающими довольно высокими горами.

Нижнекамчатскъ, нѣкогда главный городъ Камчатки, очень живописно расположенъ на берегу рѣки Камчатки, вплотную у воды. Здѣсь сохранилась еще старая церковь со старинными образами, оставшимися отъ давно прошедшаго лучшаго времени. Теперь Нижнекамчатскъ совершенно утратилъ прежнее свое значеніе и уступаетъ даже Ключамъ и Милковой, а еще болѣе конечно Петропавловску. 20 домовъ, составляющихъ поселеніе и окруженныхъ огородами, разбросаны довольно неправильно. Старыя укрѣпленія и ворота давно исчезли, торговли болѣе нѣтъ, нѣтъ болѣе прежняго достатка. Мы остановились всего лишь на нѣсколько часовъ у старика городничаго Кузнецова, человѣка, съ большимъ равнодушіемъ переносящаго довольно жестокую судьбу. Много лѣтъ тому назадъ онъ былъ богатымъ купцомъ,

но затѣмъ потерялъ свое состояніе — около 200 тысячъ рублей — и теперь сталъ простымъ крестьяниномъ.

Въ 12 часовъ ночи мы, въ снѣгъ и вѣтеръ, тронулись въ дальнѣйшій путь и послѣ очень утомительнаго переѣзда, при 22° мороза, прибыли наконецъ въ 5 часовъ утра 22-го января къ устью р. Камчатки.

Небольшое поселеніе состоитъ изъ 12 — 13 домовъ, большею частью принадлежащихъ казнѣ и занимаемыхъ расквартированными здѣсь казаками и матросами. Корабельный инженеръ завѣдывалъ постройкой небольшихъ береговыхъ судовъ, а именно шхуны и небольшой палубной лодки; Завойко желалъ ознакомиться также съ ходомъ этой работы. Всѣ дома расположены очень близко къ устью, а слѣдовательно и къ морю. Тѣмъ не менѣе намъ не пришлось увидѣть моря, хотя шумъ волпъ, чуть что не заглушавшій бурю, совершенно явственно доносился до насъ. Вьюга была ужасная, такъ что за десять шаговъ ничего не было видно. Высоты начали быстро понижаться уже вскорѣ за Нижнекамчатскомъ, и мы выѣхали на совершенно открытую мѣстность, тянущуюся до моря. Здѣсь, ничѣмъ не защищенное, лежитъ маленькое поселеніе, терпя отъ непрерывныхъ, со всѣхъ сторонъ налетающихъ бурь. Но если это обстоятельство представлялось неблагопріятнымъ для жителей его, то съ другой стороны они имѣли и не мало важныхъ выгодъ. Вся область устья р. Камчатки представляетъ чрезвычайно богатый охотничій участокъ. Всякая охота даетъ здѣсь богатую добычу и обильное вознагражденіе за трудъ. Немного выше устья въ рѣку Камчатку открывается съ сѣвера большое Нерпичье озеро. По величинѣ оно приблизительно равно Авачинской губѣ; на немъ расположено нѣсколько острововъ и въ него-же впадаютъ небольшія рѣчки и ручьи; берега озера частью горные и каменистые. При впадѣніи его — посредствомъ широкой и очень короткой рѣчки Озерной — остается много открытой воды, которая постоянно, зимою и лѣтомъ, оживлена массой водяныхъ птицъ, въ томъ числѣ множествомъ гусей, утокъ и лебедей. Такъ какъ эти обширныя ско-

пления воды сверхъ того еще богаты рыбой, то сюда входитъ съ моря множество тюленей и сивучей, которые значительно увеличиваютъ собою число промысловыхъ животныхъ. Доказательства богатой охоты видны были въ домахъ здѣшнихъ обывателей: здѣсь не только накоплены были многочисленныя тюленьи шкуры, но и еще, въ качествѣ съѣстныхъ припасовъ, имѣлось большое количество мороженныхъ гусей и лебедей.

Въ ночь на 23-е января погода нѣсколько улучшилась; въ 9 часовъ утра мы уже тронулись въ путь и поѣхали обратно въ Нижнекамчатскъ, куда и добрались по глубокому снѣгу и при 30° мороза въ два часа дня.

Еще въ Ключахъ до свѣдѣнiя Завойко дошло, что ограбленiе коряковъ въ Ижигинскѣ¹⁾ происходило въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ чѣмъ сообщалось вначалѣ; далѣе, что коряки очень возбуждены и настойчиво требуютъ возмѣщенiя своихъ потерь. Требованiе это было вполне справедливо, и губернаторъ охотно соглашался удовлетворить его, потому что бѣдные номады были просто ограблены и въ нѣкоторой степени лишились единственнаго средства къ существованiю — своихъ оленей. Но однако при самомъ тщательномъ просмотрѣ товаровъ, захваченныхъ нами въ дорогу, какъ-то: табаку, чая, бусъ, мелкихъ желѣзныхъ издѣлiй, хлопчатобумажныхъ тканей, пороха, водки и пр., оказалось, что все вмѣстѣ взятое далеко не составило бы вознагражденiя, равнаго ихъ потерямъ. Сверхъ того Завойко, посѣтивъ коряковъ въ качествѣ губернатора, т. е. официально, долженъ былъ-бы за всякiя услуги расплачиваться очень щедро и дѣлать еще подарки. Явиться съ пустыми руками и утѣшить пострадавшихъ обѣщанiемъ позднѣйшей высылки вещей, также негодилось; а потому Завойко рѣшилъ вернуться въ Петропавловскъ и на этотъ разъ совсѣмъ отказаться отъ дальнѣйшей по-

1) Объ этомъ ограбленiи рѣчь была выше (стр. 150); для разслѣдованiя дѣла губернаторъ еще въ теченiе Рождества командировалъ чиновника въ Ижигинскъ.

ѣздки къ укинцамъ и олюторцамъ ¹⁾, а особенно въ Ижигинскъ, къ кочевымъ корякамъ, потерпѣвшимъ отъ притѣсненій. Еще въ Нижнекамчатскѣ шла рѣчь о поѣздкѣ къ названнымъ инородцамъ, потому что оттуда уже возможно направиться на сѣверъ—къ укинцамъ. Но частыя и очень сильныя вьюги намели такія колоссальныя массы снѣга, что такая поѣздка представлялась рискованнымъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе что первая часть пути шла-бы по совершенно безлюдной мѣстности. Поэтому было рѣшено вернуться пока въ Ключи, чтобы тамъ выработать окончательное рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что отъ Ключей идетъ къ сѣверу уже настоящая, проторенная дорога, вдоль которой гораздо чаще встрѣчаются поселенія.

Пробиваясь по глубокому снѣгу, безъ всякаго слѣда дороги, при постоянно возрастающей стужѣ (уже вечеромъ морозъ дошелъ до 32°), мы 24-го января, въ 2 часа утра, прибыли въ Камаку и затѣмъ въ ужасный холодъ, почти при 41° мороза, ѣхали въ теченіе всей ночи въ Ключи. Къ счастью вѣтеръ совершенно стихъ и небо прояснилось. Когда мы смотрѣли на луну, вся атмосфера представлялась намъ наполненною тонкими, длинными кристаллами льда, весьма медленно опускавшимися и производившими при прикосновеніи къ кожѣ ощущеніе легкаго щекотанія. Но этимъ и ограничивалось все впечатлѣніе холода, потому что благодаря здѣшней превосходной зимней одеждѣ, именно подбитому лебяжьими шкурками полукафтанью и кулянкѣ сверхъ него, путешественникъ вполне защищенъ отъ стужи. Немного не доѣзжая Ключей, мы проѣхали черезъ небольшой, почти совер-

1) Въ дальнѣйшемъ описаніи путешествій неоднократно придется говорить объ этихъ народахъ. Теперь довольно будетъ упомянуть, что коряки раздѣляются на 5 группъ:

1) Бродячіе коряки.	
2) Каменцы	} на западномъ берегу Камчатки.
3) Палланцы	
4) Укинцы	} на восточномъ берегу Камчатки.
5) Олюторцы	

Последнія 4 группы — коряки, перешедшіе къ осѣдлой жизни.

шенно вымершій острогъ Каменки, котораго не посѣтили при первомъ нашемъ проѣздѣ, а затѣмъ, въ 10 часовъ утра, были уже въ теплой комнатѣ старосты Ушакова въ Ключахъ.

И здѣсь, выслушавъ всѣ подробности дѣла, Завойко не могъ принять другого рѣшенія какъ вернуться домой. Но все, что мы могли сберечь изъ перечисленныхъ выше товаровъ, было заново упаковано и передано укинскому таіону съ приказаніемъ, тотчасъ-же отправиться въ Ижигинскъ и раздать это корякамъ въ видѣ подарка отъ губернатора. Собственно уплату за понесенные убытки предстояло отправить туда лѣтомъ на судиѣ. Укинскій таіонъ былъ вызванъ сюда въ качествѣ человѣка, знающаго весь сѣверъ и хорошо говорящаго по коряцки; теперь же онъ уѣхалъ одинъ съ подарками. Пути въ Ижигинскъ, предложенные имъ на выборъ Завойко, были слѣдующіе: I) отъ Ключей черезъ Харчину и Еловку, пересѣкая Срединный хребетъ, къ Седанкѣ и Тигилю на западномъ берегу Камчатки; оттуда, вдоль этого берега, черезъ остроги паланцевъ (Воямполка, Кахтана, Паланъ, Кинкиль, Лѣсная, Подкагерная, Пусторѣцкъ) къ сѣверу; затѣмъ вокругъ Пенжинской губы черезъ поселенія каменцевъ на рѣкахъ Таловкѣ, Каменной, Паренской въ Ижигинскъ; или II) путь, при которомъ не пришлось бы пересѣчь Срединный хребетъ, слѣдовательно болѣе цѣлесообразный при такой массѣ снѣга. Онъ идетъ сперва вдоль восточнаго берега по направленію къ сѣверу до мѣста, гдѣ Срединный хребетъ становится очень низкимъ, даже прямо переходитъ въ небольшой кряжъ, и гдѣ Камчатка по крайней мѣрѣ вдвое менѣе широка; здѣсь нужно переѣхать на западный берегъ къ Лѣсной, Подкагерной или Пусторѣцку и затѣмъ, по вышеописанному пути, доѣхать до Ижигинска. При этомъ пути не ѣздятъ отъ Еловки черезъ горы къ Сѣданкѣ, а направляются либо на сѣверовостокъ къ Укинскому берегу, проѣзжаютъ всѣ укинскіе остроги (Озерная, Ука, Холюла, Ивашка, Дранка, Карага) и затѣмъ переѣзжаютъ отъ одного изъ двухъ послѣднихъ (т. е. Дранки или Караги) къ Лѣсной, Подкагерной или Пусторѣцку; либо по восточному берегу доѣзжаютъ еще до

перваго острога олюторцевъ — Кичиги, и только отъ него до Пусторѣцка. Горы здѣсь уже едва встрѣчаются; середина страны занята только высокою моховою тундрой, тянущейся почти до системы Анадыра: это такъ называемый Парапольскій Доля — безконечная, бездревесная, покрытая мохомъ равнина.

Покончивъ наконецъ съ этимъ неприятнымъ дѣломъ, мы 25-го января, въ 6 часовъ утра, отправились въ дорогу, въ 12 часовъ дня были опять въ Крестахъ, а въ 6 часовъ вечера — въ Ушкахъ. Горы Срединнаго хребта, при разсматриваніи ихъ отъ Ушковъ къ западу, представляютъ широкую столообразную форму, которая, быть можетъ, позволяетъ заключить объ образованіи ихъ изъ осадочныхъ породъ. Особенно интересно небольшое озеро недалеко отъ Ушковъ, которое, по словамъ мѣстныхъ жителей, никогда не замерзаетъ. Такъ между прочимъ и охотники, вернувшіеся сегодня оттуда, нашли озеро свободнымъ отъ льда, несмотря на то что морозъ по нашимъ наблюденіямъ доходилъ до -26° . Вѣроятно въ озеро открываются горячіе ключи; ближе его изслѣдовать мнѣ къ сожалѣнію не пришлось, потому что Завойко очень торопился продолжать наше путешествіе.

26-го Января, благодаря нѣсколько лучшей дорогѣ и хорошимъ собакамъ, мы проѣхали довольно большой участокъ пути, такъ что въ 2 часа по полуночи прибыли въ Козыревскъ, въ 10 часовъ утра — въ Толбачу, а затѣмъ прекраснымъ хвойнымъ лѣсомъ поѣхали въ Чапипу, куда и прибыли въ 4 часа по полудни. Къ сожалѣнію, горы были окутаны сильнымъ туманомъ, такъ что контуры ихъ представлялись неясно. Вечеромъ мы опять тронулись въ путь и 27-го, въ 3 часа по полуночи, были въ Машурѣ, а въ 8 часовъ утра уже въ Кыргызкѣ. Стужа опять дошла до -36° , такъ что коньякъ, находившійся въ дорожной флягѣ, превратился въ очень густую жидкость. Въ часъ дня мы во второй разъ въѣхали въ Милкову, гдѣ намъ приготовили обѣдъ. Въ теченіе всей осени, а также и теперь, въ Кыргызкѣ, Милковой и Верхнекамчатскѣ нерѣдко выпадалъ вулканическій пепелъ; въ сентябрѣ 1851 г. дошло даже до того,

что скотина отказывалась ѣсть траву, совершенно покрытую пепломъ. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сообщили, что къ югу отъ Милковой, т. е. на пути къ Петропавловку, послѣ нашего перваго проѣзда сюда были очень сильныя вьюги. Завойко рѣшился поэтому оставить тяжелыя повозки въ Милковой, а взамѣнъ ихъ взять легкія сани, на которыхъ и предполагалось проѣхать оставшіяся до Петропавловска 312 верстѣ, при чемъ править собаками предполагали мы сами. Рѣшеніе это было очень практично въ смыслѣ болѣе легкаго переѣзда; но никакъ нельзя было-бы назвать такой способъ передвиженія болѣе удобнымъ. Во всякомъ случаѣ мы тронулись такъ въ дорогу. Въ 4 часа мы прибыли въ Верхнекамчатскъ, опять переправились черезъ незамерзшую р. Камчатку и въ 8 часовъ вечера были въ Шаромѣ, гдѣ и переночевали, потому что опять поднялась сильная вьюга. На слѣдующій день мы проѣхали только одну станцію и лишь съ величайшимъ трудомъ прибыли въ Пущину, гдѣ опять должны были ночевать. Снѣгъ выпалъ такую огромною массою, что при величайшемъ напряженіи собаки едва подвигались впередъ. Къ тому-же жители Пущиной самымъ настойчивымъ образомъ отговѣивали намъ совершать при такой погодѣ переѣздъ черезъ водораздѣлъ къ Ганалу: они отказывались отъ всякой отвѣтственности за возможные случайности и утверждали, что результатъ поѣздки во всякомъ случаѣ былъ-бы очень плохъ. Водораздѣлъ лежитъ высоко, погода тамъ теперь ужасная, путь длинненъ; ни люди, ни собаки не смогутъ найти дороги; — вотъ доводы, приведенные противъ немедленнаго продолженія путешествія. Какъ ни мало привлекательнымъ представлялось оставаться въ Пущинной — среди населенія, сплошь зараженнаго отвратительнѣйшею болѣзною, но выбора не было: мы были какъ бы въ плѣну. У здѣшняго таіона я видѣлъ превосходную одежду — шубу для очень сильныхъ холодовъ, такъ называемую гагаглю. Это, собственно говоря, та-же куклянка, но сдѣланная не изъ лѣтней шкуры оленя, а изъ зимней дикаго барана; кромѣ того шуба эта еще опушена длинной медвѣжьей шерстью.

29-го Января, уже въ 2 часа утра, мы тронулись въ путь и лишь въ 4 часа пополудни прибыли въ Ганаль. Дороги не было и слѣда. Всюду лежали массы глубокаго, мягкаго снѣга, постоянно увеличивавшіяся еще выпаденіемъ свѣжаго; термометръ показывалъ — 27°. Несмотря на то что впереди шли на лыжахъ два человѣка, утаптывавшіе дорогу, собаки едва пробились, постоянно останавливались и начинали выть. Почти каждые полчаса приходилось останавливаться, чтобы дать роздыхъ людямъ и животнымъ, хотя караванъ шелъ только шагомъ. Наконецъ мы достигли цѣли, но, несмотря на нашу сильную усталость, Завойко стремился далѣе впередъ — въ Малку, чтобы избѣжать страшныхъ, зараженныхъ болѣзнями домовъ Ганала. Такимъ образомъ въ 5 часовъ мы опять тронулись въ путь. Это былъ вѣроятно самый рискованный, самый утомительный переѣздъ, какой мнѣ приходилось когда либо дѣлать. Въ темень, въ метель, по глубокому снѣгу, мѣстами навѣяпному въ цѣляхъ горы, — вотъ, какъ пришлось намъ ѣхать. Люди на лыжахъ также мало подавались впередъ какъ и собаки. Безчисленное множество разъ мы опрокидывались; Завойко то и дѣло вываливался изъ саней въ снѣгъ. Къ тому-же мы потеряли дорогу и попали такимъ образомъ въ еще большія снѣжныя кучи и сугробы, въ которыхъ наши проводники вязли до того, что пропадали изъ виду. И такіе сугробы наполняли долину во всѣхъ направленіяхъ! Только справимся съ однимъ — опять застряваемъ на другомъ. Собаки запутывались въ своей длинной ременной упряжи — приходилось распутывать ихъ и шагать по глубокому снѣгу, проваливаясь почти до пояса. Коротко сказать, наше положеніе было весьма неприятно. Наконецъ, смертельно измученные, мы въ часъ ночи прибыли въ Малку, гдѣ очень обрадовались, найдя наконецъ кровъ, и остались уже на ночлегъ въ уютной, теплой избѣ таіона. Обширная, широкая долина р. Камчатки образуетъ собственно ядро всего полуострова и тянется съ сѣвера на югъ. Къ области истоковъ самыхъ большихъ рѣкъ страны эта долина быстро суживается и повышается; затѣмъ, пе-

рейдя через водораздѣлъ, она опять открывается къ югу, образуя долину р. Быстрой, и лишь въ 15 верстахъ къ югу отъ Малки дѣлится на югозападную и юговосточную долины. По югозападной долинѣ р. Быстрая течетъ въ Охотское море, между тѣмъ какъ болѣе высокая и узкая юговосточная долина открывается къ Начикѣ. Здѣсь-то, въ очень близкомъ разстояніи отъ р. Быстрой, въ котловинообразномъ расширеніи долины расположена Малка, а въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ этого острога находятся горячіе ключи, у которыхъ въ прежнее время стояли купальня и госпиталь. 30-го Января, въ хорошую погоду, мы отправились въ Начику, куда и прибыли въ 12 часовъ дня. По дорогѣ отъ Ганала черезъ Малку къ Начикѣ со всѣхъ сторонъ открываются горные пейзажи; особенно живописныя долины, окруженныя горами и скалами, приходится проѣзжать на пути отъ Малки до Начики. Только немного не доѣзжая Начики долина нѣсколько расширяется, а въ верстѣ разстоянія отсюда, немного въ сторону — къ востоку, находятся горячіе ключи. Само поселеніе расположено на рѣкѣ того-же наименованія, которая, протекая къ западу, у Большерѣцка соединяется съ р. Быстрою и, начиная отсюда, носитъ названіе Большой. Истоки этой рѣки находятся далеко къ югу, близъ истоковъ Паратунки. Въ той-же области лежатъ еще истоки двухъ большихъ притоковъ р. Начики, именно Банной и Каримчиной, которые, направляясь съ юга, впадаютъ въ Начику близъ острога Апачи.

Отъ Начики путешественникъ поднимается по небольшой боковой долинѣ къ сѣверу и черезъ небольшой перевалъ, окруженный высокими горами, проникаетъ въ длинную долину, поросшую частымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*) и ведущую все подъ гору до Коряки. Въ долинѣ протекаетъ ручей Коряка, принадлежащій къ системѣ Авачи. Окружающій пейзажъ опять очень живописенъ, очертанія горъ круты и зубчаты. Въ одномъ мѣстѣ, по правую сторону долины, я замѣтилъ ясную слоистость; слои были нарушены и падали къ сѣверу. Недалеко отсюда, а также близъ Малки, встрѣчается прекрасная, совершенно бѣлая глина

(каолинъ), которою мѣстные жители бѣлятъ свои комнаты; такая-же глина, какъ говорятъ, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ страны и служить для той-же цѣли.

На свѣжемъ снѣгу виднѣлось множество слѣдовъ соболей, лисицъ и зайцевъ. Мы проѣхали мимо двухъ юртъ, выстроенныхъ съ цѣлью дать путешественникамъ и охотникамъ возможность укрыться отъ вьюги, и рано вечеромъ прибыли въ Коряку. Утомленіе отъ вчерашняго дня давало себя еще такъ сильно чувствовать, что мы рѣшили расположиться здѣсь на ночлегъ. По мѣстному обычаю дома, гдѣ останавливаются почетныя лица, окуриваются въ честь высокихъ гостей можжевельникомъ. Здѣсь эта почестъ воздана была Завойко въ такой мѣрѣ, что, несмотря на продолжительное провѣтриваніе комнатъ, мы утромъ 31-го января все-таки встали съ головной болью, а потому пораньше отправились въ дальнѣйшій путь. Дорога шла длиннымъ, невысокимъ проходомъ съ двумя крутыми спусками, и все время не выходила изъ прекраснаго березоваго лѣса. Такимъ образомъ въ 9 часовъ утра мы пріѣхали въ Старый Острогъ, къ старику Машигину, а оттуда въ 12 часовъ — въ Авачу и въ два часа — въ Петропавловскъ, гдѣ нашъ пріѣздъ былъ совершенной неожиданностью.

Послѣ благополучнаго возвращенія воспоминаніе обращается къ пережитому во время путешествія; а потому я еще разъ вкратцѣ резюмирую свои впечатлѣнія. Сообщить я могу лишь немного, потому что путешествіе совершено было зимою и очень спѣшно, а къ тому еще большею частью при крайне неблагоприятной погодѣ. Въ 17 дней мы проѣхали въ оба конца 1,500 верстъ, при чемъ многіе изъ этихъ дней пропали въ борьбѣ со снѣгами и бурями. Къ сѣверу отъ истоковъ р. Камчатки (Камчатская Вершина) мы почти непрерывно встрѣчали очень низкую температуру: морозъ былъ не менѣе—22°, но нерѣдко стужа доходила до—30° и даже гораздо болѣе. Мнѣ казалось также, что снѣжныя массы къ сѣверу отъ Вершины были болѣе обильны, чѣмъ къ югу отъ нея.

О растительномъ царствѣ приходится сказать немного, потому что все живое погребено было подъ глубокимъ снѣгомъ. Скажу только о древесныхъ породахъ, что, начиная съ Петропавловска и почти до Пушиной, *Betula Ermani* составляетъ преобладающую древесную породу среди сухихъ лѣсовъ; низменности же, а особенно берега рѣкъ, поростають высокими тополями и высокоствольными ивами (ветловникомъ). *B. alba* встрѣчается уже на Вершинѣ, но здѣсь играетъ второстепенную роль, а къ сѣверу становится чаще. Между Милковой и Кырганикомъ путешественникъ, направляющійся къ сѣверу, впервые встрѣчаетъ хвойныя породы, а именно лиственницу. Сперва попадаются только одиночныя деревья, мелкія и разбросанныя среди лиственнаго лѣса; но вскорѣ они увеличиваются въ числѣ и пріобрѣтають большій ростъ, такъ что между Кыргавникомъ и Машурой видны уже очень хорошіе стволы. У Машуры впервые появляется и пихта, образующая у Чапиной и Толбачи цѣлые лѣса. Такъ эти обѣ породы къ сѣверу доходятъ до Еловки, гдѣ и проходить сѣверная граница хвойнаго лѣса. На югѣ и западѣ Камчатки его совсѣмъ нѣтъ. Онъ исчезаетъ точво также къ сѣверу отъ Еловки и опять встрѣчается лишь на дальнемъ сѣверѣ, на Анадырѣ, слѣдовательно далеко вѣдъ предѣловъ Камчатки. Хвойнаго лѣса нѣтъ и на востокѣ, если не считать маленькаго, совершенно изолированнаго пихтоваго лѣска на р. Семлячикѣ. Такимъ образомъ въ долипѣ Камчатки наблюдается какъ бы большой островъ хвойнаго лѣса, заключенный среди лиственнаго; островъ этотъ ограниченъ съ юга Кырганикомъ, съ сѣвера Еловкой, съ запада—Срединнымъ хребтомъ, съ востока—большимъ рядомъ вулкановъ.

Относительно животнаго населевія также могу сообщить немного. Въ Верхнекамчатскѣ намъ говорили, что здѣсь перезимовываютъ лебеди; въ самомъ дѣлѣ, на незамерзшей рѣкѣ мы видѣли множество этихъ птицъ вмѣстѣ съ разными видами утокъ. О томъ-же намъ сообщили и при устьѣ р. Камчатки, гдѣ сверхъ того показываются тюлени и сивучи, а иногда даже моржи. Судя

по тому, какъ часто насъ угощали почти во всѣхъ острогахъ превосходнымъ жаркимъ, нужно думать, что горы Камчатки еще изобилуютъ дикими баранами и дикими сѣверными оленями; далѣе вообще довольно значительная охотничья добыча мѣстныхъ жителей въ этомъ году была особенно богата соболями и лисицами, слѣды которыхъ, вмѣстѣ съ заячьими, мы часто замѣчали въ большомъ количествѣ на свѣжемъ снѣгу. Сверхъ того перѣдко, особенно въ березовыхъ лѣсахъ, встрѣчался особый видъ глухаря, и всюду во множествѣ попадались бѣлыя куропатки. Горы представляютъ вообще закругленныя или изорванныя формы, такъ что непуническія формациі играютъ здѣсь, должно быть, очень второстепенную роль или разрушены и дислоцированы.

Изъ вулкановъ большая Толбача и Ключевская сопка проявляли свою дѣятельность выбрасываніемъ столбовъ пара; явленіе это было особенно величественно на Ключевской сопкѣ. Крестовская и Ушкинская сопки, которыя обѣ поднимаются очень близко отъ Ключевской, казались совершенно безжизненными; такимъ-же безжизненнымъ казался мнѣ и Шевелючь, хотя мѣстные жители увѣряли, будто видѣли пары, выходившіе изъ его кратера. О Кроночкѣ и Жупановской сопкахъ я не получилъ никакихъ свѣдѣній. Зато Семячикъ съ осени 1851 г. проявлялъ очень оживленную дѣятельность, судя по тому, что пепель, обильно выпадавшій у Кырганика, Милковой и Верхнекамчатска, происходилъ, по словамъ жителей, изъ этого вулкана.

Горячіе ключи были мнѣ указаны у Начики и у Малки; кромѣ того я узналъ еще объ одномъ такомъ-же ключѣ на Банной и одномъ на Сику (и Банная, и Сику впадаютъ въ Начику съ юга). Наконецъ къ тому-же роду явленій принадлежатъ вѣроятно и тѣ озера и участки рѣкъ, которые не замерзаютъ даже при 30° мороза; какъ напр. озеро у Ушковъ, рѣка у Верхнекамчатска и рукавъ рѣки близъ Ключей, изобилующій ключами и потому давшій имя этой деревнѣ.

Изъ 22 небольшихъ поселеній, которыя мы проѣхали на своемъ пути, 8 имѣютъ русское или по крайней мѣрѣ не исключи-

тельно камчадалское население. Перечень этих 8 поселений, по ихъ величинѣ, слѣдующій: Ключи съ 50 дворами, Милкова съ 27 и Нижнекамчатскъ съ 20; поселение у устья Камчатки съ 15, Авача съ 6, Верхнекамчатскъ съ 10, Старый Острогъ съ 8 и Кресты съ 5. Остальные 14 остроговъ всё болѣе или менѣе камчадалскаго происхожденія; нѣкоторые изъ нихъ, какъ Начика, Ганаль, Пущина и Каменный, находятся въ самомъ плачевномъ состояннн и повидимому вымираютъ, причиной чему страшная болѣзнь (сифились), часто заканчивающаяся ужаснѣйшими накомными страданіями. Въ этихъ несчастныхъ мѣстахъ перѣдко работа на все населеніе возложена на одного — двухъ еще сколько нибудь пощаженныхъ болѣзнью лицъ: они рыбачатъ и охотятся, чтобы достать средства прокормленія для острога, взять дрова и т. д. Въ нищетѣ и беспомощности эти несчастные ждутъ своего печальнаго конца.

Прочіе остроги производятъ впечатлѣніе большаго порядка и зажиточности. Особенно это замѣтно тамъ, гдѣ національный элементъ является еще вполне преобладающимъ и слышна камчадалская рѣчь, какъ въ Кырганикѣ, Машурѣ, Чапиной, Толбачѣ и Козыревскѣ. Весьма важное пріобрѣтеніе для страны и ея населенія — это повсемѣстная замѣна старинныхъ земляныхъ юртъ русскими домами; во всѣхъ перечисленныхъ поселеніяхъ я встрѣчалъ только хорошо выстроенныя теплыя избы, очень цѣнимыя мѣстными жителями.

Всѣ камчадалы — православные. Въ Милковой, Нижнекамчатскѣ и Ключахъ есть церкви; сверхъ того во многихъ острогахъ имѣются часовни, въ которыхъ отъ времени до времени совершаютъ службу пріѣзжающіе сюда священники.

Огородничество и скотоводство въ небольшой мѣрѣ распространены здѣсь повсюду; всего же болѣе они развиты въ двухъ большихъ деревняхъ — Милковой и Ключахъ. Луга тутъ великолѣпныя, съ роскошнѣйшей травой, и допускаютъ весьма значительное развитіе скотоводства. Къ сожалѣнію, именно на скотоводство обращено слишкомъ мало вниманія: развитію его не

содѣйствуютъ ни поощреніемъ, ни примѣромъ. Не малой помѣхой скотоводству является также безчисленное множество хищниковъ, производящихъ большія опустошенія. Изъ нихъ прежде всего должно упомянуть о медвѣдяхъ, съ веспы до осени и въ невѣроятномъ множествѣ бродящихъ по странѣ во всеѣхъ направленіяхъ. Затѣмъ очень опасны ѣздовыя собаки, особенно для молодыхъ домашнихъ животныхъ и въ свободное отъ ѣзды время, т. е. все лѣто. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на западномъ берегу полуострова, нужно опасаться волковъ. Лошадей держать не много, куры рѣдки, овецъ и свиней совсѣмъ нѣтъ. Изъ овощей пожалуй всюду родится картофель, капуста и разные сорта рѣпы; воздѣлываніе же хлѣбныхъ растений встрѣчаетъ очень серьезное препятствіе въ раннихъ почныхъ морозахъ. Поэтому, несмотря на превосходную, плодородную почву, земледѣліе никогда не дастъ здѣсь хорошихъ результатовъ и никогда не прокормитъ всей страны, особенно если населеніе станетъ гуще. На ряду съ огородничествомъ и скотоводствомъ, — двумя факторами, имѣющими серьезное значеніе для края, — Камчатку кормитъ охота и рыболовство. Рыбная ловля (въ рѣкахъ — лососи, въ морѣ — сельди) доставляетъ главныя пищевыя средства; продукты-же охоты (на барановъ, сѣверныхъ оленей, медвѣдей, тюленей и различныхъ птицъ) не только доставляютъ очень здоровую переѣмъ въ пищу, но и еще массу предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ и во всемъ быту камчадаловъ: шкуры, кожу, ремни, постель (медвѣжьѣ шкуры). Добыча болѣе цѣннаго пушнаго звѣря (соболя, лисицы, выдры) доставляетъ въ домъ предметы роскоши.

Бѣлка, столь важный для всей Сибири звѣрекъ, доставляющій наилучшіе доходы какъ охотнику, такъ и торговцу пушнымъ товаромъ, — бѣлка совершенно отсутствуетъ въ Камчаткѣ. Это — чисто лѣсное животное. Но такъ какъ сѣверъ Камчатки вполне безлѣсенъ и отдѣленъ отъ лѣсовъ Сибири безпредѣльной моховой тундрой, а югъ страны какъ-бы образуетъ островъ лѣса, совершенно отдѣленный отъ лѣсовъ остальнаго материка, то бѣлка не

могла достигнуть лѣсовъ Камчатки и распространиться въ нихъ. Я неоднократно, но къ сожалѣнію всегда безуспѣшно, предлагалъ наловить въ Аянѣ или Охотскѣ большую партію этихъ звѣрковъ, перевезти ихъ живьемъ въ Камчатку и акклиматизировать тамъ. Весь полуостровъ, отъ берега моря до значительной высоты въ горахъ, поросъ кедровникомъ, въ шишкахъ котораго созреваетъ очень питательный орѣшекъ; онъ-то и доставилъ-бы бѣлкѣ достаточную пищу, а камчадалы такимъ образомъ получили-бы даръ, который составилъ-бы здѣсь источникъ новаго, весьма прибыльнаго промысла.

Но первый и самый священный долгъ правительства, какъ мнѣ кажется, заключается въ оказаніи помощи бѣднымъ, несчастнымъ камчадаламъ въ смыслѣ улучшенія ихъ санитарнаго состоянія. Вышеупомянутая болѣзнь занесена въ страну русскимъ завоеваніемъ; а потому дѣломъ совѣсти является теперь искорененіе этого страшнаго бича. Второе обстоятельство неоспоримой важности заключается въ томъ, чтобы Камчаткой правили знающіе и благожелательные начальники, притомъ правили-бы на неизмѣнныхъ, незыблемыхъ началахъ, выведенныхъ исключительно путемъ серьезнаго и добросовѣстнаго изученія нуждъ страны и ея жителей.

Но такимъ началамъ никогда не слѣдовали. Губернаторы оставались здѣсь обыкновенно не болѣе пяти лѣтъ, и каждый изъ нихъ вводилъ свою собственную, самимъ составленную систему. Все сдѣланное предшественникомъ, хорошее и дурное — безразлично, упразднялось. Одна только новая система могла принести счастье краю. Конечно народъ сбивался съ толку, потому что никакіе порядки не могли при такихъ условіяхъ упрочиться, а еще меньше — дать плодотворные результаты. Камчадалы очень послушны, можно даже сказать — безпредѣльно покорны. Всякое приказаніе, даже самое нелѣпое, безусловно выполняется ими. При этомъ они очень хорошо знаютъ, что уже ближайшій по очереди начальникъ все повернетъ вверхъ дномъ. Они очень толково оцѣниваютъ различныя мѣропріятія и зараиѣе знаютъ, что

для улучшенія ихъ положенія не послѣдуетъ никакихъ практическихъ результатовъ. Камчадалы дѣйствительно не въ состояннн постичь, чего-же наконецъ отъ нихъ требуютъ и что съ ними будетъ; послѣдннй пунктъ впрочемъ сталъ для нихъ уже совершенно безразличнымъ. Всѣ они достовѣрно знаютъ только одно: начальникъ имѣетъ неограниченную власть надъ бѣдными камчадалами, его приказанія должны безусловно исполняться, а черезъ пять лѣтъ, съ прнѣздомъ новаго начальника, послѣдуютъ другня распоряженія, долженствующія вѣроятно снова перевернуть все до той поры сдѣланное. Мѣстные старожилы, пережившіе уже многихъ начальниковъ, съ юморомъ отчаяння рассказывали мнѣ, что здѣсь дѣлалось въ этомъ родѣ.

Чиновники, большинство которыхъ прнѣзжаетъ сюда изъ-за тридцати земель, никогда не стараются изучить по существу страну и ея населеніе. Они приступаютъ къ дѣлу съ совершенно чуждыми странѣ взглядами и затѣваютъ соотвѣтственные этимъ взглядамъ преобразованія. Нисколько не подготовленные къ административной дѣятельности, безъ всякаго политико-экономическаго образованія, они хотятъ привить чуждые ростки на совершенно не подходящей для того почвѣ. Естественно, что такой режимъ не можетъ не терпѣть постоянныхъ неудачъ; это-же отчасти составляетъ причину того, почему такія страны какъ Сибирь и Камчатка не идутъ по пути правильнаго развитія.

Истинная задача благомыслящихъ, дѣльныхъ чиновниковъ, желающихъ содѣйствовать улучшенію народной жизни, заключается въ томъ, чтобы помогать и способствовать самобытному развитію ввѣреннаго имъ населенія, а не управлять по шаблонамъ, взятымъ издалека, выработаннымъ при совершенно другихъ условіяхъ жизни. Они не должны также считать все существующее подлежащимъ упраздненію единственно потому, что оно имъ незнакомо и непонятно, и находить подходящимъ для всякой страны только то, что они знали у себя на родинѣ. Когда власть въ рукахъ такихъ людей, они все гнутъ въ дугу. Для нихъ главное — докладъ высшимъ властямъ о произведенныхъ

реформахъ. Докладъ долженъ выставить въ розовомъ свѣтѣ всѣ великія нововведенія и имѣть въ результатѣ повышение въ чинѣ, полученіе ордена и денежныя награды. Такой человекъ поступаетъ на службу не для блага страны или народа, а исключительно только ради собственныхъ интересовъ. Служба въ отдаленныхъ окраинахъ связана съ большими выгодами; чиновникъ быстро выслуживается и затѣмъ преслѣдуетъ свои личныя, честолюбивыя и своекорыстныя цѣли, нисколько не заботясь о пользѣ края, а слѣдовательно и государства.

Прибавленіе: Пребываніе въ Петропавловскѣ зимою 1851—52 г.

Придерживаясь постоянно хронологическаго порядка въ своихъ описаніяхъ, я уже выше (стр. 124—153) говорилъ о первой половинѣ моего пребыванія въ Петропавловскѣ зимою 1851—1852 г., т. е. о времени, предшествовавшемъ моей поѣздкѣ въ Нижнекамчатскъ, хотя по недосмотру и не помѣтилъ этого описанія особымъ заголовкомъ. Теперь мнѣ остается только въ послѣдующихъ строкахъ описать вторую половину того-же періода, начавшуюся послѣ возвращенія изъ упомянутой поѣздки.

Прибывъ въ Петропавловскъ, я едва узналъ этотъ уголокъ: такъ много выпало за это время снѣга. Нѣкоторые изъ маленькихъ домовъ почти совершенно исчезли подъ снѣгомъ, и улицы такъ поднялись, что изъ оконъ нужно было буквально смотрѣть вверхъ, чтобы увидѣть прохожихъ. Одновременно съ этимъ температура была постоянно умѣренная, именно тахішимъ мороза былъ 7—8° и только одинъ единственный разъ дошло до —12°.

Утро 1-го февраля принесло намъ большую радость, потому что ночью прибылъ изъ Иркутска курьеръ со множествомъ писемъ и газетъ. Одновременно съ тѣмъ пришло много наградъ и производствъ для чиновниковъ. Между прочимъ я получилъ письмо отъ моей матери, которое, какъ и всѣ другія, писанныя этой дорогой рукой, было полно заботливости обо мнѣ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ письмѣ и особенно объ одномъ извѣстїи въ

немъ потому, что оно имѣло послѣдствіемъ такое позднее появленіе настоящаго отчета о моемъ путешествіи. Заботясь объ обезпеченіи моей будущности, мать купила довольно большое имѣніе въ Лифляндіи и въ письмѣ сообщала мнѣ объ этомъ. Она достигла цѣли въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно было предполагать и сама еще успѣла пожать богатые плоды своего посѣва. Упомянутая объ этомъ съ полнѣйшей и искреннѣйшей благодарностью, я долженъ однако замѣтить, что приобрѣтеніе имѣнія совершенно отклонило меня отъ первоначально избранной научной карьеры.

17-го Февраля курьеръ отправился обратно и такимъ образомъ я имѣлъ случай послать матери выраженіе горячей благодарности за ея любовь и вниманіе.

Слѣдующіе мѣсяцы моего пребыванія въ Петропавловскѣ передъ первой лѣтней поѣздкой представляютъ въ общемъ такъ мало достопримѣчательнаго, что я относительно всего этого времени могу ограничиться лишь самымъ краткимъ очеркомъ.

Февральскіе дни были большею частью очень хороши и солнце уже начинало по немногу пригрѣвать; въ половинѣ мѣсяца уже появилась маленькая бѣлая птичка, похожая на воробья, которой не было видно зимою. Только пять дней, именно 6-го, 10-го, 22-го, 23-го и 25-го, были вьюги при южномъ и юговосточномъ вѣтрахъ; онѣ принесли такія ужасныя массы снѣга, что 24-го напр. пришлось созвать всю команду для очистки домовъ хоть настолько, чтобы высвободить двери, окна и трубы и избавить крыши отъ громадной тяжести. Температура въ февралѣ была большею частью 4°—6° мороза; максимумъ мороза равнялся—8°.

У | Вся наша общественная жизнь потекла просто и тихо, чему конечно способствовалъ начавшійся 11-го постъ. Вообще здѣшніе обыватели, а особенно семья губернатора, строго соблюдали всѣ церковныя постановленія. Отъ времени до времени еще устраивались поѣздки и небольшія собранія, но все очень скромныя.

Первая половина марта также принесла съ собой довольно сильныя вьюги. Онѣ свирѣпствовали 2-го и 3-го числа, затѣмъ ежедневно отъ 8-го до 12-го и наконецъ 14-го. Напротивъ, всю вто-

рую половину мѣсяца стояла прекрасная погода. Самый большой морозъ достигалъ — 5°, а на солнцѣ термометръ часто показывалъ нѣсколько градусовъ тепла. Нерѣдко встрѣчались уже прилетныя птички, и среди нихъ опять одна небольшая, бѣленькая съ желтой головкой. На большой Авачинской губѣ уже слышны были громкіе голоса разныхъ водяныхъ птицъ и часто виднѣлись большія стаи ихъ, то взлетавшія, то опять садившіяся; 15-го марта вѣтромъ выгнало послѣдній ледъ изъ большой губы въ море, такъ что только маленькая бухта еще оставалась покрытою льдомъ. Въ послѣдніе мартовскіе дни снѣговья массы замѣтно уменьшились, т. е. сильно осѣли; мѣстами выступала обнаженная земля. Въ саду у Завойко также шла оживленная дѣятельность, такъ что 25-го марта за обѣдомъ мы были неожиданно обрадованы свѣжимъ салатомъ и редиской; выращенными въ губернаторскихъ парникахъ.

2-го Марта въ Петропавловскѣ явились въ высшей степени замѣчательные гости. Въ первый разъ сюда пришли ламуты. Четверо мушницъ этого племени пріѣхали утромъ прямо къ Завойко, чтобы спросить у него, гдѣ бы всего выгоднѣе продать имъ свою охотничью добычу. Ламуты — тунгусское племя, кочующее по западному берегу Охотскаго моря, приблизительно между Аяномъ и Ижигинскомъ. Побуждаемые вѣроятно тѣсною роднаго мѣста, многіе изъ нихъ собрались всей семьей, пробрались черезъ Пенжинскій край, заселенный коряками, и заняли обширныя, безлюдныя части Камчатки, главнымъ же образомъ Срединный хребетъ и западный берегъ. Здѣсь пришельцы нашли огромныя пастбища для своихъ оленей, очень рыбныя рѣки и богатую охоту. За первыми колонистами послѣдовали многіе другіе ихъ соплеменники, такъ что всего (правда по ихъ собственному показанію) въ Камчаткѣ было теперь 35 мушницъ и 37 женщинъ ламутскаго племени. Сначала (полагаютъ, что впервые они здѣсь появились лѣтъ 9—10 тому назадъ) ламуты избѣгали встрѣчи съ чуждыми людьми и всякихъ заселенныхъ мѣстъ изъ опасенія, что они будутъ прогнаны, какъ самовольные пришельцы, и даже по

жалуй подвергнутся наказанію; потомъ однако, случайно встрѣчаясь съ камчадалами-охотниками, они убѣдились, что ни камчадалы, ни власти ихъ не преслѣдуютъ. Тогда они стали смѣлѣе, оставили свои дальніе притоны, начали посѣщать нѣкоторые камчадалскіе остроги и, по вызову мѣстнаго начальства, стали являться къ уплатѣ податей (ясака). Наконецъ теперь они рѣшились обратиться къ самому губернатору. Завойко прикомандировалъ къ нимъ чиновника, и вотъ ламуты, въ высшей степени довольные, отправились съ массой своихъ товаровъ по купцамъ. Взамѣнъ привезенныхъ соболей и лисицъ они получили охотничьи припасы, табакъ, бусы, кое-какія желѣзныя издѣлія, котлы, нѣкоторыя матеріи. Ламуты рассказывали, что они поселились въ окрестностяхъ Большерѣдка, купили собакъ, устроили нарты и очень довольны своей новой родиной — Камчаткой. Очень интереснымъ и важнымъ представляется теперь вопросъ, не послужатъ-ли эти крѣпкіе, здоровые и дѣятельные кочевники къ тому, чтобы постепенно замѣнить все болѣе вымирающихъ камчадаловъ и снова заселить безлюдную Камчатку?

7-го Марта оживился и портъ. Началось снаряженіе судовъ и починка лодокъ. Съ транспорта «Иртышъ» стали выгружать жернова, привезенные на немъ изъ Аяна. Я былъ очень удивленъ, увидѣвъ давно знакомый мнѣ финляндскій рапакиви, — гранить, имѣющій такое разнообразное примѣненіе въ большихъ монументальныхъ постройкахъ Петербурга. При этомъ я узналъ, что камни дѣйствительно привозятся въ Аянъ вокругъ свѣта на судахъ. Это было такъ наивно-глупо, что я просто своимъ глазамъ и ушамъ не хотѣлъ вѣрить! Здѣсь, въ странѣ прекрасныхъ лавъ и трахитовъ, превосходящихъ своею добротностью французскіе и рейнскіе жернова, эти породы остаются безъ употребленія, и въ то-же время сюда привозятся изъ чрезвычайно отдаленныхъ мѣстъ каменные массы, негодныя даже для жернововъ по своей мягкости. Сколько другого груза, дѣйствительно крайне цѣннаго для этой бѣдной страны, можно было-бы привезти вмѣсто ненужныхъ каменныхъ глыбъ!

Въ этотъ-же день сюда прибыла ordinaria зимняя почта изъ Аява черезъ Ижигинскъ и снова доставила письма и извѣстiя въ нашъ страшно отрѣзаннiй отъ мiра уголокъ. Никакихъ особенныхъ повостей однако не оказалось; нѣкоторое вниманiе возбудило лишь то обстоятельство, что Камчатка получила новый, утвержденный Императоромъ гербъ: три заостренныхъ дѣйствующихъ вулкана среди серебрянаго поля. ✓

Съ середины марта въ Петропавловскѣ почти ежедневно появлялись камчадалы, чтобы здѣсь, въ центрѣ торговли, промѣнять свою добычу; отсюда они возвращались домой, обильно нагруженные желаннымъ товаромъ. Завойко приучилъ ихъ къ такому способу торговли, чтобы по возможности оградить этихъ бѣдняковъ отъ алчности странствующихъ торгашей. Эти торговля поѣздки камчадаловъ изъ году въ годъ все больше распространялись и въ настоящемъ году уже появились жители болѣе отдаленнаго сѣвера. Въ числѣ новыхъ пришельцевъ были также и члены вышеупомянутой (стр. 152) подвижной ярмарки, которая вернулась съ сопровождавшимъ ее чиновникомъ и, повидимому, также доставила прекрасные результаты участникамъ. Мартъ здѣсь самый подходящiй мѣсяць для разѣздовъ. Чувствительное уже дѣйствiе солнечнаго тепла днемъ, смѣняемое морозами ночью, ведетъ къ образованiю прочнаго слоя льда на снѣгу, благодаря чему ѣзда очень облегчается: можно ѣздить напрямикъ черезъ всякiя препятствiя, не ища никакихъ дорогъ. Въ это время года всѣ мѣста въ Камчаткѣ какъ бы сближаются между собой, такъ какъ разстоянiя между ними быстрѣе проѣзжаются.

Всѣ дома въ Петропавловскѣ были теперь переполнены приѣзжими, такъ какъ каждый камчадалъ имѣетъ здѣсь своихъ знакомыхъ, гостепрiимствомъ которыхъ и пользуется. По здѣшнимъ понятiямъ считается совершенно въ порядкѣ вещей за-просто приѣзжать къ хозяину и жить у него на хлѣбахъ. Такъ ужъ принято повсемѣстно во всей Камчаткѣ. Домовладѣлецъ прямо щеголяетъ числомъ своихъ гостей, а полное ихъ отсутствiе считается неприличнымъ. ✓

Благодаря множеству прїѣзжихъ можно было узнать также кое-какія новости изнутри страны. На Ключевской сопкѣ въ февралѣ и началѣ марта виденъ былъ огонь; то-же наблюдали прѣзжіе и на Авачинской сопкѣ. Одинъ старикъ изъ Милковой, Кокшаревъ, сообщалъ какъ о чемъ-то несомнѣнномъ, что дождь пепла въ Милковой пришелъ съ Семячика, притомъ съ Большаго, котораго отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ Малымъ Семячикомъ, — вулканомъ, высящимся недалеко отъ перваго. И такъ, въ сентябрѣ 1851 г. Большой Семячикъ былъ въ полной дѣятельности. Кокшаревъ, благодаря своимъ охотничьимъ странствованіямъ, былъ очень извѣстенъ въ той мѣстности и передавалъ это извѣстіе, какъ не подлежащее ни малѣйшему сомнѣнію.

Купцы довели свою зимнюю поѣздку этого года до сѣверныхъ Олюторцевъ и навезли всевозможныя сокровища. Сверхъ дорогихъ пушныхъ звѣрей они пріобрѣли большое количество оленьихъ шкуръ, идущихъ на шубы, выдѣлку кожи и другія надобности. Эти шкуры носятъ въ торговлѣ различныя названія, смотря по возрасту доставившаго ихъ животнаго; соотвѣтственно этому онѣ также получаютъ различное примѣненіе и представляютъ неодинаковую цѣнность. Олени телятся въ февралѣ, мартѣ, а также еще въ апрѣлѣ. Самыя молодыя животныя доставляютъ наилучшія и наиболѣе цѣнныя шкуры. Животныя, зарѣзанныя въ апрѣлѣ и маѣ, доставляютъ самыя дорогія шкуры, такъ называемыя выпоротки; шкуры убитыхъ въ іюлѣ — пыжики; сентябрскія — недоросли; шкуры старыхъ оленей — постели. Сверхъ того въ торговлю идутъ еще два сорта оленьей кожи, высоко цѣнимые во всякомъ хозяйствѣ: во первыхъ — дымлянка, т. е. прокопченная и потому крайне прочная, долговѣчная кожа; во вторыхъ — ровдуга, сортъ, приготавливаемый въ родѣ замши. Большинство оленьихъ шкуръ приходитъ отъ чукчей и коряковъ. Послѣдніе готовятъ также куклянки, которыя и доставляютъ въ торговлю. Почти всѣ безъ исключенія куклянки, употреблявшіяся въ Петроавловскѣ, были коряцкой работы, которая легко узнается по красотѣ широкой узорчатой обшивки.

Олюторцы—осѣдлые коряки, не имѣющіе оленей. Въ этомъ году несчастныхъ постигъ голодъ. Въ рѣкахъ мѣстности, обитаемой ими, совсѣмъ нѣтъ лосося или есть очень мало, такъ что олюторцы принуждены для своихъ запасовъ ловить разную мелкую морскую рыбу. Главнымъ образомъ это уики, родъ сельди въ 2—3 дюйма длиной, и (по олюторски) хахельча (*Gasterosteus cataphractus* Pall.). Прошлымъ лѣтомъ и осенью они не имѣли счастья въ ловѣ, запасы приходили къ концу и они съ нетерпѣніемъ и впроголодь дожидались весны, а съ нею — и новаго лова.

Въ самомъ началѣ марта уже показались первыя сельди близъ морскихъ береговъ. Здѣшнія сельди по меньшей мѣрѣ такъ же хороши и вкусны, какъ лучшія голландскія, которыми не уступаютъ даже въ величинѣ; только приготовленіе ихъ оставляетъ желать еще многого. Всюду у береговъ стала уже пробуждаться жизнь морскихъ животныхъ; это замѣчалось вездѣ, гдѣ только была открытая вода. Въ небольшой бухтѣ, кругомъ судовъ, зимовавшихъ тамъ, всю зиму поддерживалось широкое, свободное отъ льда пространство. Уже около середины марта можно было наблюдать въ этомъ пространствѣ большое оживленіе. Вода здѣсь была совершенно наполнена тысячами маленькихъ ребровиковъ, имѣвшихъ отъ 1 миллиметра до 4 сантиметровъ въ поперечникѣ и весьма живо двигавшихся. Чѣмъ меньше были животныя, тѣмъ оживленіе было ихъ движеніе и проще форма. Они были безцвѣтны, прозрачны какъ стекло и съ красными нитями; большія особи представлялись скорѣе молочнобѣлыми. По формѣ ребровики походили на опрокинутые тюльпаны или овальные колокола. По бокамъ у нихъ замѣтно было 4 ребра, изъ конхъ каждое усажено было парными темными бородавочками. На каждой изъ послѣднихъ сидѣло множество почти микроскопическихъ рѣсничекъ, быстрое движеніе которыхъ вызывало чудную игру цвѣтовъ. Посреди колокола были прикрѣплены длинныя красныя нити, глубоко вдававшіяся въ тѣло и повидимому кончавшіяся въ центрѣ его краснымъ пятномъ.

Тѣло самыхъ маленькихъ животныхъ походило на стекляную бусу съ краснымъ центральнымъ пятномъ, отъ котораго отходили нитевидные придатки. У большихъ и средней величины экземпляровъ эти нити, числомъ двѣ у каждой особи, были громадной длины сравнительно со всею длиной тѣла. Животное могло по произволу производить различныя движенія этими нитями, притомъ обѣими одновременно или каждой порознь: то онѣ вытягивались, то чрезвычайно быстро свертывались въ спираль и подтягивались къ тѣлу. Отъ каждой изъ большихъ нитей въ свою очередь отходило безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ придаточныхъ нитей, которыя могли спирально обвиваться вокругъ главной. Такимъ образомъ непрерывно вытягивалось и свертывалось безчисленное множество нитей, при чемъ и сами животныя проявляли большую подвижность. Пойманные экземпляры распадались очень быстро какъ въ водѣ, такъ и въ спирту.

30-го Марта мы праздновали Свѣтлое Воскресенье. Послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви, при которомъ обязательно было всѣмъ присутствовать и которое продолжалось отъ полуночи до 2—3 часовъ утра, всѣ прямо изъ церкви отправились для поздравленія въ домъ губернатора, гдѣ для собравшихся на длинныхъ столахъ выставлено было обильное угощеніе. Мы закончили постъ за столами, ломившимися подъ тяжестью разныхъ мясныхъ, яичныхъ и молочныхъ блюдъ. Послѣ этого угощенія, продолжавшагося почти до 6 часовъ утра, начался обмѣнъ визитовъ. Въ ближайшіе за тѣмъ дни состоялось опять нѣсколько вечернихъ собраній, а Завойко устроилъ даже балъ.

Апрѣль былъ уже рѣшительно весеннимъ мѣсяцемъ, хотя въ городѣ оставались еще очень большія снѣжныя массы. Но эти массы все болѣе и болѣе съеживались и замѣтно стали исчезать. Днемъ совсѣмъ уже не было морозовъ, а ночью—лишь изрѣдка, да и то небольшіе. Съ другой стороны стали перепадать дни, въ которые тепло доходило до 9—10°. Къ тому-же уже въ началѣ апрѣля было нѣсколько дождливыхъ дней, очень сильно уменьшившихъ количество снѣга. Даже довольно сильный снѣгъ, вы-

павшій 6-го, 7-го, 11-го, 18-го и 28-го, доставилъ собственно больше воды чѣмъ снѣга и имѣлъ почти то-же вліяніе, что и дождь. Перелетныя птицы стали уже появляться въ большомъ числѣ, и 13-го апрѣля высоко въ воздухѣ раздалась впервые веселая весенняя пѣсня жаворонка. Бухта уже оживилась тысячами водяныхъ птицъ, нерѣдко поднимавшихъ оглушительный крикъ. 7-го апрѣля сильный вѣтеръ освободилъ отъ льда входъ въ малую бухту, и вслѣдъ затѣмъ немедленно потянулись туда большія стаи сельдей.

Въ теченіе Пасхи меня навѣстилъ мой старый пріятель Машигинъ изъ Старога Острога, который принесъ мнѣ кое-какія каменные орудія, вырытыя имъ изъ старыхъ, давно заброшенныхъ камчадалскихъ землянокъ. Старикъ сообщилъ мнѣ, что такія старыя, давно разрушенныя и провалившіяся земляныя юрты очень часто встрѣчаются на восточномъ берегу Камчатки и что при раскопкахъ въ нихъ находятъ разные предметы, какковы: каменные орудія, моржевые зубы, кости, черепки очень грубыхъ глиняныхъ сосудовъ, колья и куски дерева. Принесенные мнѣ предметы состояли изъ обсидіановыхъ и яшмовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, затѣмъ изъ плоскихъ продолговатыхъ орудій, сдѣланныхъ изъ того-же матеріала и на одной сторонѣ съ округленнымъ заостреннымъ краемъ. Совершенно подобныя этимъ орудія я впоследствии нашелъ еще въ полномъ употребленіи у коряковъ: коряцкія женщины отскабливаютъ такими камнями шкуры при выдѣлкѣ кожи. Обсидіанъ, темныя сѣрозеленыя яшмы и другіе кварцы, богатые кварцемъ и діоритовые сланцы—вотъ породы, которыми древніе обитатели страны повидимому особенно охотно пользовались для выдѣлки подобныхъ орудій.

Какъ до, такъ и послѣ моего пребыванія въ Камчаткѣ мнѣ приходилось неоднократно видѣть въ музеяхъ и коллекціяхъ каменные орудія, при чемъ меня всегда поражало то обстоятельство, что всѣ эти предметы, оставшіеся съ первобытныхъ временъ существованія народовъ, представляютъ удивительнѣйшее—мало сказать сходство, а прямо — тожество формы и примѣне-

нія; — обстоятельство, тѣмъ болѣе поразительное, что каменные орудія происходятъ изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга странъ и составляютъ дѣло рукъ самыхъ различныхъ племенъ. Каменные издѣлія, вырытыя въ Америкѣ и Азіи, сходны какъ между собою, такъ и съ вырытыми въ Европѣ. То-же сходство формы и примѣненія наблюдается еще и теперь на каменныхъ орудіяхъ, употребляемыхъ иными племенами, стоящими на очень низкомъ уровнѣ культуры и отчасти раздѣленныхъ другъ отъ друга большими разстояніями; наконецъ эти современные орудія совершенно тождественны съ орудіями первобытныхъ временъ. То обстоятельство, что породы, выбираемыя для изготовленія каменныхъ издѣлій, всюду однѣ и тѣ-же, еще не такъ удивительно, потому что всякое племя, само собою разумѣется, прибѣгало къ наиболѣе часто встрѣчающимся, очень плотнымъ и твердымъ породамъ; слѣдовательно выборъ всегда долженъ былъ останавливаться на кварцахъ и богатыхъ кварцемъ минералахъ, или, въ областяхъ вулканическихъ, на обсидіанахъ. Поразительнѣе тотъ фактъ, что всюду и всегда оставался вполнѣ сходными какъ форма, такъ повидимому и способъ изготовленія каменныхъ орудій. Способъ этотъ во всякомъ случаѣ вездѣ заключался въ постепенномъ отбиваніи осколковъ при помощи искусно направленныхъ ударовъ твердымъ предметомъ. Передо мною лежали теперь каменные орудія изъ Камчатки, бывшія вѣроятно здѣсь во всеобщемъ употребленіи еще незадолго до завоеванія края русскими, т. е. въ 17-мъ вѣкѣ; и эти орудія опять вполнѣ были сходны по формамъ съ европейскими.

Прибытіе въ Петропавловскъ старика Машигина собственно имѣло одну лишь цѣль, именно представить здѣшнимъ властямъ молодаго тайона изъ острога Явиной, находящагося на западномъ берегу близъ мыса Лопатка. Машигинъ познакомилъ этого тайона и со мною, при чемъ я получилъ отъ новаго знакомаго нѣсколько очень красивыхъ жемчужинъ, часто находимыхъ въ одномъ видѣ *Unio* въ р. Голыгиной. Жемчужины величиною съ небольшую горошину, очень чистаго бѣлаго цвѣта и съ нѣкото-

рымъ перламутровымъ блескомъ. Оба охотника много рассказывали про свои охоты; между прочимъ, по ихъ словамъ, волкъ рѣдко встрѣчается въ средней и восточной Камчаткѣ; на западномъ же берегу, напротивъ, онъ очень обыкновененъ и причиняетъ тамъ много вреда. Медвѣди, по словамъ тѣхъ-же охотниковъ, большею частью уже покинули свои берлоги и бродятъ теперь по странѣ; пока корму еще мало, встрѣча съ ними не безопасна. Явинскій тайонъ пріѣхалъ сюда на саняхъ и нисколько не сомнѣвался въ томъ, что вернется домой тѣмъ-же способомъ. Онъ говорилъ, что внутри страны еще полная зима, особенно въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ и въ горахъ.

Мнѣ слѣдовательно еще нечего было и думать о скорой лѣтней поѣздкѣ. Да и выборъ направленія, какому я долженъ былъ слѣдовать, къ сожалѣнію все еще не былъ окончательно установленъ. Мнѣ хотѣлось отправиться на югъ, именно посѣтить дѣятельную Авачинскую сопку, далѣе вулканы на Курильскомъ озерѣ и вообще познакомиться съ южными горами; по этому поводу я велъ много переговоровъ съ явинскимъ тайономъ и Машигинымъ. Завойко напротивъ повидимому обнаруживалъ болѣе склонности къ поѣздкѣ на сѣверъ. Такимъ образомъ наши планы оставались шаткими. Какъ бы то ни было, объ отправленіи въ дорогу нельзя было и думать: всѣ горы были еще покрыты глубокимъ снѣгомъ.

Если уже апрѣль приблизилъ весну, то май сдѣлалъ это въ гораздо большей мѣрѣ. И теперь еще мѣстами лежали не малыя кучи снѣга, а на малой бухтѣ ледъ былъ настолько крѣпокъ, что еще 7-го по немъ ходили. Но все-же побѣда уже рѣшительно склонилась на сторону весны, которая исполинскими шагами приближалась къ намъ, принося съ собою тепло, пестрые цвѣты и веселое пѣніе птицъ. 6-го и 11-го опять, но уже въ послѣдній разъ, немного выпавшаго снѣга напомнило намъ о зимѣ; а 10-го сѣверный вѣтеръ совершенно освободилъ Петропавловскую гавань отъ льда. Тепло быстро усиливалось и послѣдніе остатки снѣга исчезали съ изумительной скоростью. Вторую половину мѣсяца можно

было назвать поистинѣ лѣтнею: 15° и 18° тепла не представляли уже ничего необыкновеннаго и, за исключеніемъ только 4-хъ дождливыхъ дней (21 — 24), стояла чудная, ясная погода. 12-го Завойко принесли первую чавычу (*Salmo orientalis* Pall.); это громадный лосось въ 5' длины, съ очень вкуснымъ мясомъ. Всюду съ торжествомъ показывали рыбу и всѣ радостно ее привѣтствовали. Въ Камчаткѣ первое появленіе странствующихъ рыбъ всегда составляетъ очень радостное событіе. Къ веснѣ запасы подходятъ къ концу и поэтому все населеніе съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ждетъ возобновленія главнаго источника пищи. Съ первой рыбой, усмотрѣнной собственными глазами, упрочивается также и радостная надежда на обезпеченное существованіе. Чавыча — первый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый большой видъ въ длинномъ ряду прибывающихъ лососей.

25-го я видѣлъ первую ласточку, совершенно схожую съ европейской городской ласточкой, отъ которой здѣшняя отличается только красными (вмѣсто бѣлыхъ) горлышкомъ и грудкой; въ тотъ-же день стала слышна также и кукушка. Пошла пробиваться молодая зелень; въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ показались одиночные цвѣты: такъ кое-гдѣ цвѣли уже фіалки, *Rubus arcticus*, сарана (*Fritillaria*) и красивый красный *Rhododendron kamtschaticum*. Вмѣстѣ съ тѣмъ впервые зашевелились наѣкомья: въ концѣ мая я увидалъ махаона и муравьевъ, имѣвшихъ въ длину 1 — 1½ сантиметра, съ черными головой, брюшкомъ и ногами, но съ бурокраснымъ груднымъ щитикомъ и нѣсколькими пятнышками того же цвѣта на головѣ. Далѣе показались нѣкоторыя лѣсныя пчелы, мухи и злой духъ сѣвера — комарь.

Вмѣстѣ съ общимъ пробужденіемъ природы у мѣстныхъ жителей проснулась охота работать. Завойко былъ въ своей стихіи. Онъ могъ обнаруживать дѣятельность, распоряжаться, хозяйничать. Всюду, особенно въ гавани, кипѣла работа. Еще въ апрѣлѣ Завойко задумалъ построить нѣсколько повыхъ батарей и тогда-же принялся за дѣло; одна изъ нихъ, на Сигнальномъ мысу, у входа въ малую бухту и стало быть передъ га-

ванью, была уже готова и украшена двумя военными флагами. Двѣ другихъ, у входа въ Авачу, еще строились. Повсюду встрѣчались рыбаки съ сѣтями, спѣшившіе воспользоваться непродолжительнымъ ходомъ чавычи. На судахъ и лодкахъ шла самая напряженная дѣятельность съ цѣлью вооруженія ихъ для предстоящихъ морскихъ путешествій и поѣздокъ.

4-го Мая открылась и навигація — въ этотъ день пришло сюда первое судно, именно американскій китобойный баркъ «Фортуна». Судно это побывало уже за охотой въ Беринговомъ проливѣ; но капитанъ, по фамиліи Гэдевъ (Hadduve), тамъ очень серьезно захворалъ и судно вернулось поэтому сюда, чтобы доставить медицинскую помощь больному. Болѣзнь его заключалась въ сильно развившемся страданіи легкихъ, отъ котораго онъ скоро и умеръ. Но судно отправилось затѣмъ на промыселъ подъ командой штурмана. 8-го прибылъ китобойный подъ русскимъ флагомъ, большое трехмачтовое судно «Суоми», подъ командой капитана Хасгагена. Это былъ первый китобойный подъ такимъ флагомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первый опытъ состязаться на поприщѣ китобойнаго дѣла съ другими націями; понятно слѣдовательно, что появленіе «Суоми» привѣтствовано было съ большою радостью. Давно уже пора была самимъ взяться за этотъ промыселъ, а не оставаться лишь праздными зрителями того, какъ чуждыя народности поживляются въ свою пользу большими богатствами русскихъ морей — Охотскаго и Берингова. Завойко съ своей стороны сейчасъ-же въ честь «Суоми» и его капитана задалъ торжественный обѣдъ, къ которому пригласилъ много гостей. Это судно было выстроено въ Финляндіи и составляло собственность одной акціонерной компаніи въ Або. 15-го явился небольшой бременскій бригъ «Ляна», подъ командой капитана Денкера, а 20-го большое трехмачтовое судно Россійско-Американской Компаніи «Атха», подъ командой капитана Риделя. «Атха» пришла прямо изъ Петербурга и осчастливила не одного изъ петропавловскихъ обывателей массой привезенныхъ писемъ и пакетовъ. Я тоже

былъ обрадованъ большой посылкой отъ моей матери: прекрасной двустолкою, служившей мнѣ въ послѣдствіи неизмѣнно полезнымъ спутникомъ во всѣхъ моихъ разъѣздахъ. Почти одновременно съ «Атхой» пришло небольшое двухмачтовое судно съ разными товарами изъ Нью-Йорка, а 28-го опять показался въ нашей гавани хорошенькій корветъ «Оливуда», прибывшій съ Ситхи. Мы разомъ чрезвычайно разбогатѣли: опять появились всякіе запасы, матерія для платій, провизія, разные предметы роскоши и т. д. Такъ какъ эти суда къ тому явились почти всѣ изъ подъ тропиковъ, то всюду въ изобиліи видѣлись ананасы, кокосовые орѣхи, арбузы, мандарнины и т. п.

Но намъ предстоялъ еще сюрпризъ, приготовленный нѣсколько авантюристской компаніей. 18-го, при прекрасной, тихой погодѣ, показалось нѣсколько вельботовъ, которые, идя съ моря, на веслахъ, приближались къ Петропавловску. То ѣхали капитанъ и команда съ американскаго китобоя «Георгъ». Капитанъ очень наивно рассказывалъ, что судно, получившее течь, лежитъ въ бухтѣ вѣ Авачинской губы, и что онъ пріѣхалъ со своимъ людьми искать случая вернуться на родину. Капитанъ Денкеръ согласился за извѣстное вознагражденіе выйти со своимъ бригамъ «Линой» и снять, буде возможно, «Георга»; 30-го оба судна были уже въ гавани. Американецъ застраховалъ въ высокой суммѣ свое уже не совсѣмъ новое судно и теперь, наскучивъ имъ и желая сдѣлать выгодную аферу, въ прекраснѣйшую погоду и въ совершенно защищенной бухтѣ навелъ его на камень. Судно со всѣми принадлежностями было затѣмъ за небольшую сумму куплено Завойко, раснашено и въ гавани вытащено на берегъ, чтобы служить магазиномъ. Вельботы же, пріобрѣтенные вмѣстѣ съ судномъ, оказались новехонькими и въ наилучшемъ видѣ.

Этотъ случай быстро разрѣшилъ судьбу моего путешествія, потому что Завойко предоставилъ мнѣ наилучшій изъ вельботовъ для поѣздки, которую я имѣлъ въ виду произвести вдоль восточнаго берега Камчатки, для изслѣдованія его, до Нижнекамчатска.

Начало іюня принесло намъ чудные, ясные дни. О зимѣ уже совсѣмъ успѣли забыть, и всѣ торопились къ отъѣзду въ разныя стороны. Передъ разставаніемъ, 1-го іюня, Зубойко опять собралъ у себя все общество на веселый вечеръ съ танцами, а затѣмъ суда, одно за другимъ, скоро оставили Петропавловскъ. «Иртышъ» пошелъ 3-го въ Аянъ, тендеръ «Камчадалъ» — 5-го въ Ижигинскъ и корветъ «Оливуца» — 8-го въ Аянъ и на Амуръ. Я тоже былъ чрезвычайно занятъ, желая ускорить свой отъѣздъ.

ОТДѢЛЪ III.

Путешествіе вдоль восточнаго берега Камчатки отъ Петропавловска до Нижнекамчатска и возвращеніе обратно долиною рѣки Камчатки (лѣтомъ 1852 г.).

- 1) *Путешествіе въ лодкѣ отъ Петропавловска къ устью рѣки Камчатки.*
2) *Обратное путешествіе въ Петропавловскъ черезъ долину рѣки Камчатки.*
Приложеніе: Пробываніе въ Петропавловскѣ зимою 1852 — 53 г.

1) *Путешествіе въ лодкѣ отъ Петропавловска къ устью рѣки Камчатки.*

Итакъ, жребій былъ брошенъ. Завойко указалъ способъ и цѣль путешествія на лѣто 1852 г., а мнѣ въ сущности было все равно, съ какой части полуострова начать его изученіе. Коротко сказать, лучше всего было то, что планъ былъ заранѣе вполне составленъ, и теперь можно было серьезно и усердно готовиться къ отъѣзду.

Вельботъ, купленный Завойко для моего путешествія, представлялъ красивую, совершенно новую лодку, очень прочной чистой работы и съ быстрымъ, хорошимъ ходомъ. Кромѣ этого, мнѣ благопріятствовало еще то обстоятельство, что Завойко прикомандировалъ ко мнѣ въ качествѣ спутника, штурмана и проводника одного изъ самыхъ толковыхъ боцмановъ, которому разрѣшилъ еще выбрать себѣ, вполне по собственному усмотрѣнію, пять хорошихъ матросовъ.

Иванъ Шестаковъ (такъ звали моего тепершняго боцмана и штурмана) былъ высокій, стройный, сильный и въ высшей степени расторопный молодой человекъ, пользовавшийся вообще репутаціей умнаго и предусмотрительнаго моряка и хорошаго охотника и стрѣлка. Онъ былъ русско-камчадальскаго происхожденія, и фізіономія его ясно указывала на смѣшанную кровь въ жилахъ. Рожденный и выросшій въ Камчаткѣ, онъ съ малолѣтства прошелъ самыя разнообразныя испытанія. Благодаря своимъ охотничьимъ странствіямъ, нѣкоторымъ морскимъ путешествіямъ и своимъ сношеніямъ съ туземцами, онъ зналъ всю страну и умѣлъ ориентироваться и найтись во всевозможныхъ случайностяхъ на сушѣ и на водѣ. Этотъ человекъ былъ для меня въ путешествіяхъ истиннымъ сокровищемъ, и я всегда вспоминаю о немъ съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностью. Едва-ли нужно прибавить, что Шестаковъ воспользовался какъ нельзя лучше даннымъ ему разрѣшеніемъ самому выбрать пять матросовъ для нашего опаснаго путешествія. Всѣ пять человекъ были крѣпкіе, здоровые, отважные и расторопные ребята, такъ что, въ случаяхъ надобности, я могъ вполнѣ полагаться на свою команду; а такіе случаи повторялись далеко не рѣдко.

Вельботъ представляетъ собой равномерно заостренную съ обоихъ концовъ лодку, длиною въ 20 футовъ, съ наибольшою шириною (въ серединѣ) въ 5 футовъ и съ килемъ умѣренной высоты. Вельботъ не имѣетъ руля, а управляется обыкновеннымъ длиннымъ весломъ, смотря по надобности, съ одного или другого конца, потому что съ одинаковой скоростью можетъ идти назадъ и впередъ. Эти лодки, рассчитанныя для быстраго и вѣрнаго хода даже въ бурную погоду, построены въ высшей степени тщательно и прочно изъ $\frac{1}{2}$ дюймовыхъ, старательно выбранныхъ дубовыхъ досокъ. Вельботы очень прочны, и для нихъ только опасны удары о что нибудь твердое снаружи или внутри. Ихъ никогда не смолятъ, но всегда красятъ снаружи и внутри въ ярко-бѣлый цвѣтъ. Для быстраго хода требуется пять гребцовъ, сидящихъ въ передней

части на 5 скамьяхъ другъ позади друга, но въ перемежку, такъ что двое гребутъ справа, а двое — слѣва. Все зависитъ отъ рулевого, который долженъ править твердой и вѣрной рукой, потому что малѣйшее движеніе вліяетъ на ходъ лодки; и чѣмъ быстрее ея ходъ, тѣмъ болѣе она слушается рулевого весла. Всѣ пять гребцовъ должны грести очень равномерно своими длинными веслами и въ критическіе моменты съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за командой рулевого. Иногда напр., какъ это бываетъ при охотѣ за китами, или, какъ случилось при нашемъ плаваніи, при причаливаніи къ берегу среди волнъ и буруна, внезапно приходится грести назадъ. Такія быстрыя перемѣны хода — то впередъ, то назадъ — могутъ иногда въ короткое время по нѣскольку разъ слѣдовать другъ за другомъ, напр. смотря по тому, удобенъ-ли берегъ для высадки или, напротивъ, опасенъ. Наконецъ для полной оснастки вельбота требуется еще тонкая снимающаяся мачта и простой, средней величины парусъ.

Такъ какъ намъ предстояло путешествіе по совершенно безлюднымъ мѣстамъ, то наше собственное снаряженіе должно было вполне соответствовать такому путешествію. Не обременя себя лишней рухлядью, мы однако все необходимое везли съ собой. Мы запаслись двумя палатками, звѣриными — преимущественно медвѣжьими — шкурами для постелей, куклянками, которыя имѣются здѣсь у всякаго, а также кожаной одеждой; затѣмъ мы захватили еще немного кухонной посуды и кое-какіе нужные инструменты. У меня былъ еще узелокъ съ шелковымъ бѣльемъ. Съѣстные припасы, взятые нами въ лодку, состояли изъ сухарей, крупы, гороха, солепаго американскаго свиного сала, соли, чаю, сахару, анкерка рому и наконецъ нѣкотораго количества овощей въ консервахъ. Но главное наше снаряженіе заключалось въ ружьяхъ (на всю команду) съ большимъ количествомъ охотничьихъ припасовъ, а также въ табакѣ. Шестаковъ очень практично распредѣлилъ весь грузъ въ лодкѣ, при чемъ особенно искусно воспользовался мѣстомъ подъ скамьями для гребцовъ. Каждая вещь въ теченіе всего путешествія имѣла свое особое мѣсто, такъ что ее легко

было достать во всякое время, нисколько не мѣшая при этомъ гребцамъ. Такимъ образомъ мы были снаряжены всѣмъ до послѣдней мелочи, и 10-ое іюня было назначено днемъ отъѣзда. Даже старые моряки, какъ капитаны стоявшихъ тогда въ Петропавловскѣ судовъ, только покачивали головой, смотря на наши сборы. Никогда еще на Тихомъ океанѣ не совершалось такое береговое плаваніе въ маленькой лодкѣ, и поэтому всѣ сомнѣвались въ удачѣ моего предпріятія, т. е. въ возможности достигнуть такимъ способомъ устья рѣки Камчатки. Я напротивъ былъ вполне увѣренъ въ успѣхѣ, точно также Шестаковъ и вся команда были полны отваги и рѣшимости. Такимъ образомъ я простился съ Завойко и выѣхалъ изъ Петропавловска въ 6 часовъ вечера, сопровождаемый двумя лодками, въ которыхъ были мои добрые знакомые, желавшіе устроить мнѣ проводы. Мы предполагали переночевать у выхода изъ Авачинской губы въ море, такъ какъ здѣсь, въ непосредственной близости открытаго моря, всего вѣрнѣе можно было опредѣлить надлежащій моментъ для отплытія. Въ восемь часовъ вечера, въ бухтѣ Соловарной, мы въ первый разъ поставили наши палатки и вокругъ пылающаго огня расположилась большая, веселая компанія. На морскомъ берегу, окруженномъ величественными скалами, въ чудную лѣтнюю ночь, среди веселаго общества часы проходили незамѣтно. Когда наконецъ рано утромъ провожавшіе меня отправились въ обратный путь, мы тоже стали собираться въ дорогу. Уже въ самомъ началѣ путешествія наше маленькое суденышко наткнулось на неожиданныя препятствія. Лишь только мы приблизились къ морю, какъ насъ встрѣтило очень чувствительное волненіе, образовавшее сильный прибой у рифовъ; при этомъ весь берегъ къ сѣверу былъ закрытъ густымъ туманомъ. Пришлось вернуться и отказаться отъ мысли выйти сегодня въ открытое море. Мы расположились въ маленькой бухтѣ у подножія скалы, на которой стоитъ маякъ, слѣдовательно непосредственно у выхода въ море. День былъ пасмурный и холодный.

12-го іюня, рано утромъ, еще дулъ сильный юго-запад-

ный вѣтеръ, принося цѣлыя облака тумана на сушу и съ страшнымъ грохотомъ бросая на скалы огромныя волны. Воздухъ былъ сырой и температура его едва равнялась 10° R. Но очень скоро стало стихать, вѣтеръ перешелъ черезъ W на NW и туманъ разсѣялся. Волненіе также улеглось, оставивъ лишь зыбь; а когда и зыбь къ полудню стала замѣтно уменьшаться, мы снова начали собираться въ дорогу. Около часу дня мы подняли парусъ и вышли окончательно изъ Авачинской губы въ открытое море.

Отвѣсныя, высокіе бока скалы, на которой находится маякъ, также образуютъ берегъ открытаго моря и тянутся далеко на сѣверо-востокъ, до устья рѣки Калахтырки. Породы, слагающія этотъ скалистый берегъ, принадлежатъ повидимому къ той-же формациі, которая образуетъ входъ въ Авачинскую губу. Темныя сѣробрурья массы трахитово-базальтовой породы, чередующіяся съ грубыми и тонкими конгломератами, въ очень многихъ мѣстахъ проникнуты вертикальными жилами твердой, черной базальтовой лавы и образуютъ дикіе, разорванные береговые утесы, достигающіе до 1000' высоты; передъ утесами выступаютъ изъ воды многочисленныя камни, скалы и рифы, далеко простирающіеся въ море. Нѣкоторыя изъ этихъ изолированныхъ скалъ достигаютъ размѣровъ маленькихъ острововъ, какъ напр. островъ Топорковъ и лежащая прямо противъ устья Калахтырки большая скалистая масса, въ которой постояннымъ напоромъ воды вымыты настоящія ворота. На этихъ скалахъ тысячами гнѣздятся чайки, чистики и другія водяныя птицы, которыя при нашемъ приближеніи тучами поднялись въ воздухъ и съ оглушительнымъ карканіемъ и крикомъ легали надъ нами. Море было оживлено большими китами, которые подвигались съ сѣвера на югъ и держались вблизи берега, чтобы поживляться водящимися здѣсь въ несмѣтномъ числѣ мелкими морскими животными. Эти морскіе великаны черезъ опредѣленные промежутки времени выставляли часть своего громаднаго тѣла надъ водой, пускали фонтанъ и затѣмъ снова скрывались въ глубинѣ. На насъ они повидимому не обращали никакого вниманія; такъ одинъ изъ нихъ

проплылъ очень близко отъ нашей лодки, но ничѣмъ насъ не обезпокоилъ.

Начиная отъ устья Калахтырки берегъ становится совсѣмъ низменнымъ и сохраняетъ такой характеръ, протягиваясь большою дугою на сѣверо-востокъ и востоко-сѣверовостокъ до мыса Налачева. Это песчаный и щебнистый берегъ, который внутрь страны постепенно повышается и затѣмъ переходитъ въ обширную безлѣсную тундру, простирающуюся до вулкановъ Авачи и Коряки. На дальнемъ концѣ этой повышающейся равнины поднимается во всемъ своемъ великолѣпнѣи вулканъ Авача съ дымовымъ облачкомъ на вершинѣ, а сбоку и позади Авачи выступаетъ Коряка. Тундра какъ бы составляетъ подошву вулкана, распространяющуюся на большое разстояніе и постепенно понижающуюся къ морю. Этотъ склонъ повидимому продолжается еще подъ поверхностью воды; такъ можно заключить изъ того, что до мыса Налачева вода на очень большомъ протяженіи отъ берега все еще чрезвычайно мелка. Вслѣдствіе этого волны здѣсь разбиваются уже далеко отъ берега и бѣлый пѣнистый прибой часто располагается въ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ.

Уже по выходѣ изъ Авачинской губы въ открытое море, мы замѣтили, что зыбь была еще очень сильна, но надѣялись, что она скоро уляжется; въ случаѣ-же усиленія вѣтра мы предполагали укрыться за островомъ Топорковымъ, чтобы высадиться на пемь или у устья Калахтырки. Поэтому мы подъ парусомъ шли впередъ. Но вѣтеръ крѣпчалъ и намъ черезъ самое короткое время пришлось къ досадѣ нашей убѣдиться, что у Топоркова и Калахтырки волненіе усилилось до невозможности пристать къ берегу. Даже приближеніе къ этимъ мѣстамъ было уже опасно. О возвращеніи также нельзя было и думать, потому что длинныя рифы у маяка, возлѣ которыхъ мы только что еще проѣхали, не встрѣтивъ буруна, теперь уже были въ бѣлой пѣнѣ. Наконецъ весь плоскій берегъ до мыса Налачева былъ также для насъ недоступенъ: здѣсь виднѣлись уже на далекомъ разстояніи отъ суши двойныя и тройныя полосы пѣнистаго прибоя.

Намъ не оставалось, слѣдовательно, ничего другого какъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы добраться до этого, еще весьма отдаленнаго, мыса. Мы туго натянули парусъ и принялись сильно грести. Вѣтеръ постепенно принялъ восточное направленіе и замѣтно усиливался. Волны становились уже довольно опасны для нашей маленькой, тяжело нагруженной лодки и нерѣдко перекачивались черезъ бортъ, такъ что приходилось непрерывно вычерпывать воду. Къ тому-же наступилъ вечеръ и, при облачномъ небѣ, стало очень темно; а такъ какъ, опасаясь буруновъ, мы вынуждены были держаться довольно далеко отъ берега, то и различали его плохо.

Наконецъ, немного позже 10 часовъ вечера, выступили передъ нами неясныя очертанія мыса Налачева. Шестаковъ былъ вполне знакомъ съ этой мѣстностью и зналъ, что высадка здѣсь возможна, хотя и не безъ риска для нашей лодки, такъ какъ темнота и сильное волненіе не позволяли ясно видѣть находившіеся передъ нами камни и скалы. Но оставаться дольше на морѣ было невозможно, потому что волны достигли уже очень опасныхъ для насъ размѣровъ и силы.

Мы быстро убрали парусъ и осторожно приблизились къ берегу, направляясь къ нему подъ прямымъ угломъ. Шестаковъ стоялъ выпрямившись во весь ростъ, твердой рукой управляя рулевымъ весломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно и сосредоточенно всматриваясь въ фарватеръ. Вдругъ, подѣхавъ уже очень близко, мы замѣтили позади лодки очень большую волну, и раздалась команда рулеваго: «грести къ берегу изо всѣхъ силъ!». Матросы гребли напряженнѣйшимъ образомъ, а лодка буквально бѣжала отъ быстро слѣдовавшей за нами волны. Уже у самаго берега волна насъ подхватила, подняла и со страшной силой выбросила далеко на сушу. Но въ тотъ-же моментъ какъ лодка уткнулась въ береговой песокъ, мы всѣ разомъ выскочили изъ нея и стали придерживать ее съ обѣихъ боковъ, чтобы облегчить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ не дать обратной волнѣ унести ее. Лишь только волна ушла, мы по подложен-

нымъ весламъ вытаскивали лодку повыше на берегъ, чтобы ея не настигла слѣдующая волна; въ то-же время мы торопились возможно скорѣе освободить ее отъ груза. Это былъ моментъ очень сильнаго возбужденія, какъ естественно послѣ только что миновавшей большой опасности. Никто изъ насъ ужь не надѣялся на спасеніе; тѣмъ лучше мы себя чувствовали, стоя уже внѣ опасности на сушѣ. Едва-ли на какомъ нибудь берегу, у котораго случилось кораблекрушеніе, было болѣе безпорядка чѣмъ на мѣстѣ нашей высадки. Всюду валялись предметы, которые мы съ бѣшеной поспѣшностью выбрасывали изъ лодки. Ничего при этомъ не было потеряно или разбито, но многое сильно промокло, а всего болѣе — мы сами.

Прежде всего мы приискали на берегу надежное мѣсто для установки лодки, при чемъ моряки обращались съ нею съ нѣжностью, доходившей до комизма, и все называли ее «наша спасительница». Затѣмъ мы разложили возможно большой огонь, стали собирать и приводить въ порядокъ всѣ вещи, а также разбили палатки. Приходилось многое обсушить у огня, а прежде всего самихъ себя, такъ какъ мы промокли до костей; за всѣми этими работами намъ пришлось лишь поздно ночью расположиться вокругъ огня, чтобы подкрѣпиться чаемъ. Конечно тому разговора составляло только что пережитое: мы спокойно обсуждали его и выработывали правила, какъ поступать впредь при высадкахъ. Уже первый день плаванія достаточно показалъ намъ, что задуманное путешествіе не обойдется безъ серьезныхъ опасностей, и что главное — въ подобные моменты не терять головы, а каждому знать свое дѣло и точно исполнять его. При этомъ намъ были въ высшей степени полезны опытность и умѣлость Шестакова. Послѣ Бога мы обязаны были сегодня своимъ спасеніемъ этому сильному и расторопному человѣку!

Въ теченіе ночи вѣтеръ вполнѣ перешелъ на юго-востокъ и продолжалъ дуть еще съ большой силой, такъ что, выйдя утромъ 13-го іюня изъ палатокъ, мы даже не могли понять, какъ это возможно было пристать къ берегу при такомъ страшномъ прибоѣ. На

сколько хваталъ глазъ, вся поверхность воды представлялась бѣлой пѣнистой массой, и исполинскія волны съ громовыми раскатами разбивались о скалы и рифы, высоко взбрасывая брызги. О выходѣ въ море нечего было и думать, а потому мы воспользовались временемъ, чтобы разложить свои вещи и просушить ихъ на сильномъ вѣтрѣ.

Мѣсто, гдѣ мы находились, было очень близко отъ мыса Налачева, на берегу, совершенно лишенномъ древесной и кустарной растительности и окруженномъ скалами и умѣренно высокими горами. Топливо мы собрали на берегу, на которомъ была разбросана масса нанесеннаго водой лѣса; между прочимъ здѣсь валялся огромный стволъ лиственницы, который, судя по его виду, долженъ былъ совершить большое морское путешествіе. Очень близко отъ берега находилось небольшое прѣсноводное озеро, открывавшееся посредствомъ узкаго истока въ море, и повсюду видѣлись совершенно свѣжіе медвѣжьи слѣды. Травянистая растительность была еще очень мало развита, что ясно указывало на очень недавній здѣсь конецъ зимы; въ оврагахъ и углубленіяхъ даже лежалъ еще снѣгъ.

Горная панорама, открывавшаяся съ болѣе возвышенныхъ мѣстъ, была необыкновенно красива. Принадлежность горъ, окружающихъ Авачинскую губу, къ южнымъ горнымъ образованіямъ полуострова выступала болѣе чѣмъ явственно; повидимому и тѣ, и другія сливались далеко на юго-западѣ. На западъ отъ насъ, болѣе изолировано отъ этихъ южныхъ горъ, высились сопки Авача и Коряка. Авача, возвышающаяся надъ старыми краями кратера и дымящаяся на своей высшей, вмѣстѣ съ тѣмъ и новѣйшей, вершинѣ, обнаруживала несомнѣннѣйшимъ образомъ, что она вмѣстѣ съ Козельской составляетъ одну горную массу, одинъ вулканъ, и что Козельская — не болѣе какъ древній, быть можетъ древнѣйшій, край кратера нѣкогда обвалившейся Авачи. На этихъ старыхъ краяхъ кратера и на Козельской можно было видѣть выше (стр. 117—118) описанныя ребра; но еще лучше и въ большемъ числѣ они видѣлись на выступавшей позади Авачи Корякѣ. Длин-

ные, освѣщенные и круто поднимающіеся скалистые гребни тянутся отъ снѣжной вершины этого чуднаго конуса внизъ къ подошвѣ его и раздѣляются темными ущельями. За совершенно недѣйствующей Коряцкой сопкой и на той-же вулканической трещинѣ, которая начинается Авачей и простирается съ юго-востока на сѣверо-западъ, тянется длинный рядъ зубчатыхъ вершинъ, похо-

Видъ съ мыса Налачева.

жихъ на разрушенные края кратеровъ и направляющихся къ горамъ у истоковъ рѣкъ Камчатки и Авачи.

Паралельно этой Авачинско-Коряцкой трещинѣ тянется другая изолированная вулканическая цѣпь, которая на сѣверо-западѣ также приближается къ Камчатской Вершинѣ¹⁾, а на юго-востокѣ соединяется съ горами мыса Шипунскаго и имъ-же заканчивается. Среди этой цѣпи, немного къ сѣверо-западу отъ мыса Налачева, возвышается притупленный, всегда дымящійся конусъ Жупановой сопки. Наконецъ между двумя названными кряжами и паралельно имъ тянется еще небольшая третья цѣпь, достигающая лишь умѣренной высоты и кончающаяся у моря мысомъ Налачевымъ. Какъ уже было сказано, морской берегъ, вдоль котораго мы вчера слѣдовали, вообще очень низменъ, за исключеніемъ мѣста, называемаго мысомъ Поворотнымъ, гдѣ берегъ замѣтно повышается и гдѣ въ то-же время находится устье протекающей вблизи рѣки Половинной. Вчера мы въ темнотѣ не замѣтили ни того, ни другого. Въ то время какъ со стороны суши мы могли любоваться самыми чудвыми горными ландшафтами, со стороны моря насъ окружало дикое волненіе.

1) Мѣстное названіе области истоковъ рѣки Камчатки.

Устроившись немного, я съ Шестаковымъ отправился въ ближайшія горы, чтобы выслѣдить какую нибудь дичь. Отойдя не болѣе версты отъ нашихъ палатокъ, мы замѣтили дикихъ барановъ, которые паслись небольшими стадами, отъ 5 до 7 головъ въ каждомъ; въ общемъ ихъ здѣсь было пожалуй штукъ 30. Эти граціозныя животныя уже почти совсѣмъ сбросили свою длинную, густую, свѣтлобуроватосѣрую шерсть, и только у немногихъ видѣлись еще мѣстами клочья зимнихъ волосъ; большинство, напротивъ, было уже вполне покрыто короткой свѣтлобурой лѣтней шерстью. Движенія ихъ были очень ловки и красивы: всякій шагъ, всякій скачекъ представлялъ, можно сказать, нѣчто граціозное. Самцы, болѣе крупные и массивнѣе сложенные, съ большими завитыми рогами, отдѣлились отъ матокъ и паслись вмѣстѣ; матки также держались другъ друга. Внезапно послышался шумъ, произведенный вѣроятно скатившимся или упавшимъ камнемъ, — и животныя остолбенѣли. Они насторожили уши и моментально скрылись съ бѣшеной поспѣшностью. Хотя Шестаковъ и послалъ имъ въ догонку пулю, но только ранилъ одно изъ нихъ, какъ видно было по кровавому слѣду. На сегодня охота была испорчена, бараны далеко ушли, потому что въ дальнѣйшемъ пути они намъ болѣе не встрѣчались. Какъ доказательство того, что до пасъ кто-то здѣсь охотился съ большимъ успѣхомъ, служилъ тотъ фактъ, что я нашелъ очень крупный рогъ, имѣвшій по кривизнѣ 80 сантиметровъ длины.

14-го Юля еще нельзя было выѣхать. Вѣтеръ все еще гналъ къ берегу высокія волны и держалъ насъ въ плѣну.

Выброшенныя моремъ на берегъ мелкія морскія животныя не представляли особеннаго интереса. Мы находили разбитыя раковины пластинчатожаберныхъ и брюхоногихъ моллюсковъ и панцири ракообразныхъ, перемѣшанные съ обрывками фукусовъ. Нерѣдко встрѣчался одинъ видъ *Echinus*, величиною съ небольшое яблоко, съ короткими иглами и очень жесткимъ мясомъ; мои люди жарили его и ѣли съ большимъ удовольствіемъ. Наконецъ

нашелся китовый позвонокъ, зарытый довольно глубоко въ песокъ и порядочной величины: его круглое тѣло имѣло отъ 28 до 30 сантиметровъ въ поперечникѣ.

Береговыя скалы у мыса Налачева и далѣе вглубь страны состоятъ изъ сильно разбитой трещинами и рассыпавшейся темной сѣрозеленой породы, проникнутой прожилками кварца. Слоистости въ ней не замѣтно. Порода довольно тверда и повидному изобилуетъ роговой обманкой и талькомъ. Нѣкоторыя части пріобрѣли тонкую скорлупчатую отдѣльность; такія части отличались свѣтлозеленымъ цвѣтомъ, спльнымъ блескомъ и даже почти походила на асбестъ. Въ тѣхъ-же частяхъ были особенно многочисленны жилы бѣлаго кварца. Въ другихъ мѣстахъ порода нѣсколько напоминала богатые кварцемъ и хлоритомъ слои восточнаго берега Авачинской губы; все вмѣстѣ производило впечатлѣніе остатка осадочныхъ породъ, подвергшихся весьма сильному воздѣйствію изверженій ближнихъ вулкановъ. Кряжъ, кончающійся къ морю мысомъ Налачевымъ, далѣе вглубь страны какъ бы сдавленъ Авачинской сопкой съ одной стороны и Жупановой—съ другой; вполне допустимо слѣдовательно, что первоначально отложившаяся здѣсь осадочная порода до неузнаваемости измѣнилась подъ вліяніемъ этого двусторонняго вулканическаго воздѣйствія. Во всякомъ случаѣ мы видимъ здѣсь породу, не сохранившую ни первоначальнаго положенія, ни прежняго своего петрографическаго характера, а напротивъ испытавшую чрезвычайно сильныя нарушенія и превращенія. Оба названныхъ вулкана въ нѣкоторой степени дѣйствовали еще и въ моментъ нашего посѣщенія: какъ съ Авачинской, такъ и съ Жупановой сопки поднимались маленькія облака пара.

Пока я былъ занятъ геологическими наблюденіями, Шестаковъ, страстный охотникъ, снова отправился на поиски и вернулся вечеромъ, съ триумфомъ неся свою добычу — мясо дикаго барана. Онъ застрѣлилъ матку и принесъ съ собой часть ея вкуснаго мяса; такимъ образомъ день закончился самымъ пріятнымъ на камчадалскій вкусъ блюдомъ.

Волненіе и вѣтеръ настолько стихли, что рано утромъ 15-го іюня мы стали готовиться къ выходу въ море; только сперва моя команда успѣла еще на мѣсто, гдѣ вчера былъ убитъ баранъ, чтобы захватить остававшееся тамъ мясо.

Въ 10 часовъ утра, при чудной погодѣ и спокойномъ морѣ, мы тропулись въ путь. Мы столкнули лодку въ воду и нагрузили ее, затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по мелкой водѣ, быстро вошли въ вельботъ и пошли на веслахъ, держась какъ можно ближе берега. Формація береговыхъ утесовъ, высота которыхъ вдоль нашего пути достигала 30—50 футовъ, въ существенныхъ чертахъ была повидямому та-же, что и у мыса Налачева. Вдали надъ этими береговыми высотами поднималась Жупанова сопка и вмѣстѣ со своимъ паровымъ облачкомъ цѣлый день оставалась у насъ въ виду. На берегу мы замѣтили нѣсколько медвѣдей, которые повидямому искали какихъ нибудь выброшенныхъ водой животныхъ. Безъ страха и всякаго злаго умысла бродили они по совершенно безлюдному берегу, не зная ни человека, ни приносимыхъ имъ опасностей. На наши крики они остановились, поднялись и съ недоумѣніемъ стали смотрѣть ва насъ и на море. Они даже съ любопытствомъ слѣдовали по берегу за нашей быстроходной лодкой, рассчитывая повидямому на то, что море выброситъ имъ какого-то большаго звѣря. Въ часъ полудни мы пристали къ небольшому живописному скалистому островку ¹⁾, который лежитъ верстахъ въ двухъ отъ устья рѣкъ Островной и Вахила, и высадились въ устьѣ послѣдней. Для палатокъ мы выбрали мѣсто на песчаной дюнѣ между моремъ и рѣкой, на стремительныхъ водахъ которой неслись еще льдины. Не смотря на то, что, высаживаясь и разбивая палатки, мы производили изрядный шумъ, на противоположномъ берегу неширокой рѣки, какъ разъ напротивъ насъ, порядочной величины медвѣдь, не смущаясь нашимъ присутствіемъ, продолжалъ спокойно

1) Островъ Крашенинниковъ — на картахъ Гидрографическаго Департамента.

прогуливаться и кататься по землѣ. Повидимому онъ не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, хотя навѣрное насъ видѣлъ и слышалъ. Мы также на сегодняшній день оставили его въ покоѣ, рассчитывая ближе съ нимъ познакомиться на слѣдующее утро.

На нашей песчаной дюпѣ не росло ничего кромѣ небольшого количества морскаго овса и какого-то мелкаго гороха, распознанныхъ мною по сухимъ прошлогоднимъ экземплярамъ. Далѣе по берегу рѣки виднѣлось немного ольховаго и ивоваго кустарника; этимъ исчерпывалась вся растительность мѣста, которое вообще представлялось холоднымъ и пустыннымъ, хотя снѣга уже не было видно. Вечеромъ термометръ показывалъ, при сильномъ юго-восточномъ вѣтрѣ, всего только 8°. Взявъ пеленги, я опредѣлилъ положеніе нашего мѣста по отношенію къ слѣдующимъ пунктамъ: восточная оконечность острова, лежавшаго впереди насъ, — 216° (SW), Коряцкая сопка — 265°, Авачинская — 257° и Жупанова — 308° (NW).

16-го Іюня мы съ восходомъ солнца переправились въ лодкѣ на другой берегъ Вахила, чтобы разыскать медвѣдя. Едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, мы увидѣли большаго, красиваго звѣря, который совсѣмъ близко отъ насъ медленно прогуливался по берегу. Шестаковъ изъ вѣжливости и заблаговременно предоставилъ мнѣ первый выстрѣлъ. Когда я приложился изъ ружья, онъ громко вскрикнулъ; испуганный медвѣдь моментально поднялся. Хотя я и не изъ особенно хорошихъ стрѣлковъ, но на такомъ близкомъ разстояніи трудно было промахнуться. Раненный въ грудь, медвѣдь упалъ и въ нѣсколько мгновеній былъ мертвъ. Я упоминаю объ этомъ трофеѣ лишь потому, что это былъ первый, какой мнѣ пришлось здѣсь добыть; дальше я не буду перечислять всѣхъ убитыхъ мною звѣрей, если только этого потребуютъ какія либо особыя обстоятельства.

Пока мы снимали съ убитаго звѣря шкуру, которую хотѣли употребить на улучшение постелей матросовъ, мы замѣтили на противоположномъ берегу еще гораздо бѣльшаго медвѣдя. Онъ

√ направлялся прямо на наши палатки, гдѣ оставался лишь одинъ матросъ, готовившій намъ пищу. Медвѣдь былъ уже очень близко и вдругъ въ недоумѣніи остановился, замѣтивъ палатку и огонь; но прежде чѣмъ человѣкъ, вниманіе котораго мы пробудили своимъ крикомъ, успѣлъ схватить ружье, звѣрь, дѣлая большіе прыжки, съ громкимъ ревомъ скрылся по направленію отъ моря.

На лѣвомъ берегу Вахили наблюдались выходы коренной породы, именно поставленные на голову явственные слои, свѣтлаго желтоватосѣраго цвѣта и совершенно вывѣтрившіеся; они были проникнуты прожилками и болѣе мощными (до 4 футовъ) жилами. Здѣсь также выступалъ довольно мощнымъ слоемъ красный глинистый желѣзнякъ. Въ рѣкѣ преобладали сіенитовыя и кварцевыя гальки.

Недалеко отъ берега рѣки, въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, находились правильныя квадратныя ямы, имѣвшія футовъ съ 20 въ сторонѣ. Онѣ сильно осыпались и были полны сора, но имѣли еще отъ 2 до 3 футовъ глубины. Это были остатки старокамчадалскихъ юртъ, большею частью съ однимъ, рѣже съ двумя входами, похожими на рвы. Соръ лежалъ во многихъ изъ нихъ до 3 футовъ высоты и всегда содержалъ уголь, кости, раковины и непогочисленные обработанные камни. Мы ограничились здѣсь только поверхностными раскопками, такъ какъ впереди намъ предстояло еще встрѣтить много такихъ остатковъ, а теперь хорошая погода заставляла насъ спѣшить въ дальнѣйшій путь. Въ 10 часовъ утра мы оставили устье Вахили и пошли на веслахъ въ юговосточномъ направленіи, постоянно держась берега и пробираясь черезъ настоящій лабиринтъ высокихъ скалъ, камней и рифовъ. Скалы были буквально покрыты морскими птицами. Многочисленные виды чаекъ въ свѣтломъ опереніи, чистики и темные, почти черные бакланъ (*Phalacrocorax pelagicus*, по русски — уриль) — всѣ при нашемъ приближеніи поднимались въ воздухъ и съ громкимъ крикомъ вились надъ нами, пока мы не выѣзжали изъ ихъ области въ другую, гдѣ насъ встрѣ-

чали другія стаи тѣхъ-же птицъ. Среди этой массы птицъ особенное мое вниманіе привлекали на себя двѣ большія черныя птицы, похожія на альбатросовъ; благодаря необыкновенно ловкому полету, онѣ все оставались внѣ нашихъ выстрѣловъ. Въ то время какъ высоты скалъ были заняты птицами, на болѣе низкихъ частяхъ, прилегающихъ къ водѣ, лежало множество тюленей (*Phoca nautica*); а на самомъ берегу мы видѣли нѣсколько медвѣдей, медленно бродившихъ тамъ и жадно поглядывавшихъ на жирныхъ тюленей, достать которыхъ они не могли. Около двухъ часовъ пополудни, послѣ довольно таки медленнаго переѣзда, передъ нами на сѣверовостокѣ открылась Бичевинская губа, въ которую мы и свернули. Сперва, именно при входѣ, она имѣетъ нѣсколько верстъ ширины, но затѣмъ быстро суживается съ обѣихъ сторонъ, пока не перейдетъ въ совсѣмъ узкій проходъ, который вседетъ во вторую, внутреннюю, бухту. Внутренняя бухта имѣетъ то-же направленіе, что и внѣшняя; такимъ образомъ обѣ вмѣстѣ онѣ образуютъ бассейнъ, простирающійся въ сѣверовосточномъ направленіи вглубь страны слишкомъ на 10 верстъ. По своей длинѣ бассейнъ этотъ довольно узокъ, такъ какъ ширина его едва-ли превышаетъ три версты, и на всемъ протяженіи онъ сдавленъ высокими горами. Приблизительно по серединѣ всей длинны большаго бассейна приходится суженіе, образуемое рифами и каменными валами, лишь на нѣсколько футовъ выступающими изъ воды; между этими рифами и лежитъ только что упомянутый проливъ, соединяющій обѣ бухты. Пролить, никакъ не шире 20 сажень, весьма неглубокъ и до того загражденъ подводными барикадами, что наша небольшая лодка могла тамъ пробраться лишь при соблюденіи должной осторожности. Съ приложеніемъ небольшого труда можно было-бы однако очистить описываемый проходъ отъ щебня и разбросанныхъ камней и такимъ образомъ сдѣлать его проходимымъ хоть для небольшихъ судовъ, а восточный берегъ Камчатки обогатить правда маленькой, но за то хорошо защищенной и глубокой гаванью.

Мы высадились на западномъ берегу внутренней бухты, у

устья маленькаго горнаго ручья, который вытекалъ изъ наполненнаго снѣгомъ оврага. Всѣ остальные ущелья и глубокия долины, выходившія на бухту, были также болѣе или менѣе наполнены снѣгомъ. Поверхностный слой его былъ ужъ, совершенно мягокъ и ходить по немъ больше нельзя было, а слѣдовательно такимъ путемъ нельзя было и проникнуть внутрь страны. Древесная и кустарная растительность отсутствовали здѣсь вполне, кое-гдѣ только видно было немного низкой травы. Мертвеннымъ и пустыннымъ представлялся весь этотъ горный ландшафтъ. Изъ животныхъ мы встрѣтили только двухъ большихъ темныхъ медвѣдей, которые пустились бѣжать отъ насъ, когда мы стали высаживаться на берегъ. Начиная съ болѣе высокаго предгорья и до самой бухты, здѣсь также разсѣяно было множество остатковъ старинныхъ юртъ, совершенно сходныхъ съ тѣми, какія мы встрѣтили въ видѣ ямъ на Вахилѣ. На этомъ самомъ восточномъ берегу Камчатки, гдѣ теперь такъ пустынно и безлюдно, до завоеванія страны русскими царила дѣятельная жизнь. Отъ мыса Налачева и даже начиная еще западнѣе, отъ устья рѣки Налачевой, до Бичевинской губы и до мыса Шипунскаго, берега были покрыты множествомъ юртъ, жилищами многихъ сотенъ людей. Достаточно было какихъ нибудь 50 лѣтъ со времени завоеванія Камчатки, чтобы систематическимъ грабежомъ, убійствомъ, заразительными болѣзнями и водкой низвести многолюдное камчадалское населеніе до его нынѣшняго жалкаго состава.

Едва разбили мы свою палатку, какъ на противоположномъ берегу губы опять показался очень большой медвѣдь. Шестакъ съ тремя матросами переправился туда убить звѣря; я же съ двумя людьми приступилъ къ раскопкѣ старыхъ камчадалскихъ юртъ. Съ противоположной стороны раздался выстрѣлъ, и вкорѣ показалась наша лодка, таща за собою на буксирѣ большой темный предметъ — убитаго медвѣдя. Въ лагерѣ съ него сняли шкуру и разрѣзали мясо, которое для сохраненія зарыли затѣмъ въ одну изъ ближайшихъ снѣговыхъ массъ. Въ пяти ямахъ, которыя я осмотрѣлъ, повторялись совершенно однѣ и

тѣ-же находки. Вездѣ юрты были до половины завалены разнымъ соромъ, въ которомъ попадались уголья, полустлѣвшіе обломки костей (въ томъ числѣ нижняя челюсть медвѣдя), части роговъ горнаго барана и сѣвернаго оленя, раковины и сгнившее дерево. Каменныхъ издѣлій или осколковъ, отбитыхъ при выдѣлкѣ ихъ, встрѣчалось очень мало. Но все-таки мы мало по малу накопили достаточное количество такихъ предметовъ. Очень рѣдко попадались костяные наконечники копій и мелкая глиняная посуда самой примитивной работы. Посуда распадалась у насъ подъ руками и была повидимому, если и обожжена, то во всякомъ случаѣ очень слабо. Неправильность круглыхъ очертаній несомнѣнно свидѣтельствовала о томъ, что посуда была вылѣплена исключительно руками, безъ гончарнаго круга. Съ обѣихъ сторонъ, у самага верхняго края сосудовъ, находились маленькіе просверленные приделки въ родѣ ручекъ. Верхній діаметръ сосудовъ равнялся 12 сантиметрамъ, нижній 10. Наибольшая ширина — въ 14 сантиметровъ — приходилась сейчасъ-же за верхнимъ краемъ; глубина равнялась 10 сантиметрамъ. Сама глина почернѣла и сильно пропиталась ворванью, — обстоятельство, наводящее на мысль, что описываемые сосуды служили лампами для освѣщенія ворванью. Среди каменныхъ издѣлій, извлеченныхъ изъ ямъ, повторялись собственно лишь три главныхъ формы, которыя въ точности повторялись и въ другихъ частяхъ Камчатки, откуда естественно заключить, что первобытные жители страны вообще умѣли изготовлять только эти три формы. Сюда относятся прежде всего наконечники для стрѣлъ всевозможныхъ размѣровъ. Я находилъ эти наконечники отъ 3 до 12 сантиметровъ, большею же частью они были средней величины, т. е. отъ 5 до 6 сантиметровъ; самыя большіе шли скорѣе на копыя. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ наконечники были сдѣланы изъ обсидіана, и только изрѣдка попадались сдѣланные изъ кварцевъ, напр. изъ зеленой яшмы.

Вторая категорія каменныхъ орудій представляетъ нѣчто въ родѣ топоровъ, длиною отъ 6 до 12 сантиметровъ и съ лезвіемъ

отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ сантиметровъ. На всѣхъ этихъ орудіяхъ очень замѣтна болѣе или менѣе сильная шлифовка лезвія, между тѣмъ какъ наконечники стрѣлъ и копій изготовлены повидимому лишь посредствомъ искуснаго отбиванія и откалыванія ихъ.

Наконецъ третья категорія представляетъ скребки, сдѣланные посредствомъ отбиванія и сходные съ тѣми, которые еще и нынѣ въ ходу у коряковъ для отскабливанія сырыхъ кожъ. Какъ и топоры, они приготовлены изъ плотнаго, твердаго кварца. Очертаніе ихъ — удлинено грушевидное. Попадаются экземпляры отъ 5 до 6 сантиметровъ длиною, при ширинѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ сантиметровъ на болѣе широкомъ концѣ, который заостренъ и служитъ именно для отскабливанія. Другой, болѣе узкій, конецъ при помощи тонкихъ ремешковъ защемляется въ рукояткѣ, состоящей изъ двухъ деревяшекъ въ 20 — 25 сантиметровъ длиною и служащей для работы скребкомъ. Топоры также съ одного конца защемлялись межъ двухъ деревяшекъ, замѣнявшихъ топориче, между тѣмъ какъ другой конецъ, съ лезвіемъ, оставался свободенъ. У коряковъ съ Тайгоноса я еще встрѣчалъ въ употребленіи подобные топоры, хотя они знаютъ также желѣзные и даже пользуются ими.

Рано утромъ 17-го іюня мы переправились черезъ бухту, чтобы поближе ознакомиться съ ея восточнымъ берегомъ. Въ небольшихъ ключевыхъ ручьяхъ, которые начинались въ ущельяхъ и впадали въ бухту, находилось немало окатанныхъ обломковъ сіенитовыхъ и даже гранитовыхъ породъ; кромѣ того здѣсь встрѣчались обломки зеленоватой, твердой, весьма богатой кварцемъ массы и очень темной, почти черной, базальтовой породы. Весь берегъ бухты состоитъ главнымъ образомъ изъ очень богатыхъ кварцемъ, твердыхъ, но хрупкихъ, повидимому содержащихъ хлоритъ породъ, цвѣтъ которыхъ варьируетъ отъ самаго свѣтлаго до самаго темнаго зеленого; при этомъ темныя разности, которыя часто содержатъ друзы кварца, встрѣчаются преимущественно на южномъ берегу бухты, свѣтлыя же напротивъ — на сѣверномъ. Эти зеленыя сильно истрескавшіяся породы часто бываютъ про-

никнуты темносѣрыми жилами базальта, простирающимися съ запада на востокъ и достигающими мощности отъ 3 до 8'. Въ одномъ мѣстѣ базальтъ даже былъ извергнутъ въ видѣ массива и принялъ красивую столбчатую отдѣльность. Въ серединѣ двухъ базальтовыхъ жилъ наблюдались цеолиты, расположенные тонкими шнурами по направленію жилы. Близъ жилъ въ зеленой породѣ появлялись красныя пятна, которыя становились чаще и крупнѣе по мѣрѣ приближенія къ базальту, пока наконецъ на мѣстѣ соприкосновенія съ послѣднимъ красный цвѣтъ окончательно не вытѣснялъ зеленаго. На мѣстѣ контакта нерѣдко также встрѣчались конгломераты, образовавшіеся изъ сцементированныхъ обломковъ базальта и зеленой породы. Въ одномъ только мѣстѣ я нашелъ зеленую породу вполне слоистой, но слоистость представлялась здѣсь не горизонтальною, а въ высшей степени нарушенною; вблизи же большой базальтовой массы описываемая порода приняла чрезвычайно тонкосланцеватый характеръ и совершенно зеленую окраску; вмѣстѣ съ тѣмъ она сильно вывѣтрилась и распалась.

Къ вечеру, въ проливной дождь, мы добрались до нашей палатки, которая была разбита на западномъ берегу бухты.

Дуль сильный сѣверный вѣтеръ, которымъ оторвало отъ берега въ глубинѣ губы нѣсколько крупныхъ льдинъ, несшихся теперь къ намъ. Одна изъ нихъ была богато населена: болѣе 30 тюленей расположилось на одномъ краю льдины, между тѣмъ какъ на другомъ сидѣло два огромныхъ бурыхъ орла, жадно поглядывавшихъ на жирную добычу. Не смотря на отвратительную погоду, страстный охотникъ Шестаковъ сейчасъ-же собрался на охоту, но на этотъ разъ ему не повезло. Животныя должно быть почуяли опасность, такъ какъ сперва поднялись орлы, а вслѣдъ за ними вся компанія тюленей съ величайшей поспѣшностью бросилась въ воду.

Примѣта камчадаловъ, что передъ наступленіемъ бури киты непремѣнно играютъ на поверхности воды, вполне подтвердилась и сегодня. При сегодняшнемъ нашемъ плаваніи по внѣшней бухтѣ

мы довольно долго и въ близкомъ разстояніи отъ берега наблюдали нѣсколько большихъ китовъ, игравшихъ въ состояніи величайшаго возбужденія. Иногда они выскакивали на столько, что ихъ исполненное тѣло почти на половину выходило изъ воды; затѣмъ, ныряя, они обнаруживали свой громадный хвостовой плавникъ и заднія части тѣла. Киты то пускали фонтаны, то кувыркались, при чемъ съ такой силой ударяли по водѣ хвостовымъ плавникомъ, что раздавался трескъ какъ отъ выстрѣла. Иногда, казалось, они въ полномъ смыслѣ слова катались въ водѣ, иногда же съ такой силой налетали другъ на друга, что брызги высоко взлетали въ воздухъ. Дикую картину представляли эти исполины, находившіеся въ такомъ возбужденномъ состояніи и производившіе столь сильныя движенія.

Вечеромъ дождь прекратился, но зато съ сѣверо-востока поднялся такой вѣтеръ, что мы всю ночь провозились около палатокъ, чтобы ихъ не сорвало вѣтромъ.

18-го Іюня вѣтеръ и дождь не прекращались, и море было до того неспокойно, что объ отъѣздѣ нечего было и думать. Только къ вечеру вѣтеръ стихъ и можно было распорядиться относительно дальнѣйшихъ плановъ. Дѣло въ томъ, что по рассказамъ Шестакова на Вахилѣ былъ найденъ каменный уголь, и, какъ это ни казалось мало вѣроятнымъ, я рѣшилъ вернуться туда, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать вопросъ.

19-го Іюня, раннимъ утромъ, мы отправились налегкѣ въ нашей лодкѣ, оставивъ палатки и багажъ на берегу. Небо прояснилось и на свѣтломъ горизонтѣ въ полной красѣ видѣлись со всѣхъ сторонъ горы и вулканы. Это дало мнѣ возможность съ помощью компаса опредѣлить положеніе слѣдующихъ вершинъ относительно входа въ Бичевинскую бухту: Вилючинская сопка 227° , мысъ Налачевъ 240° , Коряцкая сопка 272° , Жупанова сопка 310° и мысъ Шипунскій 115° . Вѣтеръ, повернувшій на западъ, также успокоилъ волненіе, такъ что намъ удалось быстро достигнуть означеннаго мѣста и тамъ высадиться. Мы проѣхали обратно около половины пути до Вахили. При высадкѣ насъ опять

встрѣтили неизбежные медвѣди: три звѣря, стоя на берегу, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ и обратились въ бѣгство только тогда, когда мы были уже у самаго берега.

Всюду здѣсь выступала та же зеленая порода, которая господствуетъ и въ Бичевинской губѣ. Только въ одномъ мѣстѣ находились явственные, стоящіе на головахъ, слои; подъ ними были видны отдѣльные участки, которые сильно обогатились битуминознымъ веществомъ, вслѣдствіе чего приняли темнобурю и даже черноватую окраску. Эти-то битуминозные слои, занимающіе здѣсь очень подчиненное положеніе, и приняты были за уголь. Нѣсколько на востокъ отъ описываемаго мѣста наблюдался выходъ твердаго свѣтлоокрашеннаго и переходящаго въ красноватый пѣтъ мергеля, сильно обогащеннаго сѣрнымъ колчеданомъ.

На берегу валялись обломки судна, рей, доски, бочки, обрывки парусовъ, перемѣшанные съ остатками кита — громаднымъ черепомъ и цѣлыми кучами китоваго уса. Все это, очевидно, представляло слѣды случившагося здѣсь кораблекрушенія и выброшеннаго на берегъ кита.

Только къ вечеру вернулись мы къ нашимъ палаткамъ, которыя остались нетронуты медвѣдями. Но нашъ переходъ во внутреннюю бухту совершился не безъ опасности. Когда мы приблизились къ ней, то замѣтили очень сильное теченіе, шедшее изъ моря. Черезъ узкій проливъ врывался во внутренній бассейнъ пѣнистый потокъ, и прежде чѣмъ мы успѣли опомниться, наша лодка была подхвачена и съ большой силой вынесена далеко во внутреннюю бухту. Это былъ моментъ прилива, который здѣсь достигаетъ высоты 12 футовъ. Умѣлость Шестакова и его присутствіе духа сказались и теперь: онъ удержалъ лодку по крайней мѣрѣ въ надлежащемъ направленіи, и благодаря его ловкости мы избѣгли опасности.

20-го Іюня мы направились на сѣверо-востокъ, въ самый далекій, внутренній конецъ бухты, куда изливается пѣнящійся ручей, берущій свое начало въ ущельяхъ горъ. Казалось, здѣсь еще царилъ зима, потому что массы стараго снѣга наполняли всѣ

горныя ущелья. Не смотря на это, термометръ не понижался ниже 10°. Въ одной нѣсколько менѣ глубокой боковой долинь намъ представилось рѣдкое зрѣлище. Здѣсь, казалось, зима и лѣто были одновременно. Надъ дномъ долины, покрытомъ еще фута на 2 старымъ снѣгомъ, возвышался рѣденыкій лѣсокъ изъ чахлыхъ березъ, верхи которыхъ были покрыты почти вполне развившейся листвою. Въ южныхъ частяхъ Камчатки глубокий снѣгъ выпадаетъ обыкновенно осенью, до сильныхъ морозовъ, такъ что почва не промерзаетъ; позднѣ же все увеличивающіяся снѣжныя массы защищаютъ землю отъ дѣйствія морозовъ. Опять весною снѣгъ рано стаиваетъ вокругъ стволовъ и корней деревъ. Такимъ образомъ движеніе соковъ изъ не промерзшей земли можетъ рано начаться, въ силу чего деревья покрываются листвою еще ранѣ чѣмъ земля вокругъ нихъ вполне освободится отъ своего снѣжнаго покрова. Но всѣ эти объясненія не дѣлаютъ описываемаго явленія менѣ исключительнымъ, и во всякомъ случаѣ для наступленія его требуется еще одно условіе, именно защищенное и открытое къ югу положеніе.

Первое, что мы замѣтили при высадкѣ, были два исхудавшихъ волка, которые, увидя насъ, быстро обратились въ бѣгство; вслѣдъ за ними бросилась въ горы большая медвѣдица съ двумя медвѣжатами. Вышеупомянутый горный ручеекъ, при устьѣ котораго мы высадились, въ главномъ своемъ направленіи идетъ съ сѣверо-востока и въ видѣ галекъ приноситъ преимущественно обломки одной сіенитовой и еще какой-то другой породы, съ обильнымъ содержаніемъ слюды.

Бичевинская губа врѣзывается и даже почти превращаетъ въ островъ полуостровъ, который далеко простирается на юго-востокъ въ море и кончается мысомъ Шипунскимъ. Приблизительно на серединѣ протяженія полуострова Бичевинская губа, направляясь съ юго-запада, глубоко вдается въ сушу, идя на встрѣчу другой большой бухтѣ, извѣстной подъ названіемъ Халигеръ и врѣзывающейся въ ту-же сушу съ сѣверо-востока, такъ что обѣ бухты остаются раздѣлены лишь не очень высокимъ

кряжемъ, имѣющимъ съ версту въ ширину. Я взобрался, идя сперва по снѣгу, на высоту, чтобы оттуда изслѣдовать мѣстность, и нашелъ полное подтвержденіе вышесказаннаго. На сѣверо-востокѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ меня, за крутымъ обрывомъ, какъ зеркало разстилалась губа Халигеръ. Между кряжемъ и губой, какъ казалось, въ болѣе низменную часть суши вдавалось еще небольшое озерко. Весь большой полуостровъ, заканчивающійся мысомъ Шипунскимъ, представляетъ выраженную горную страну. Горы средней высоты, часто крутыя, то съ закругленной вершиной, то конусообразныя, стоятъ рядами и раздѣлены крутыми ущельями, небольшими долинами или кряжами. Высоты тѣсно окружаютъ большую, вытянутую въ длину, бухту и почти придаютъ ей характеръ большаго альпійскаго озера съ скалистыми берегами, покрытыми скудной растительностью. Съ одной стороны — на востокъ — горы доходятъ до мыса Шипунскаго, съ другой онѣ тянутся до Жупановой сопки, а оттуда — далѣе на сѣверо-западъ, въ видѣ горной цѣпи, направляющейся къ Срединному Камчатскому хребту.

Повидимому здѣсь была отложена осадочная порода, въ послѣдствіи измѣнившаяся до неузнаваемости. Только въ немногихъ мѣстахъ замѣтна слоистость въ этихъ нынѣ богатыхъ кварцемъ, обыкновенно зеленыхъ породахъ; но и такіе слои всегда сильно нарушены и изогнуты. Темный базальтъ во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываетъ породу многочисленными жилами; мѣстами-же, выступая массивами, онъ обусловилъ нынѣшнюю конусообразную форму горъ. Наконецъ здѣсь должны были имѣть мѣсто и древнія плутоническія изверженія, что доказывается присутствіемъ сіенитовыхъ галекъ въ ручьяхъ, — обстоятельство, не доставляющее однако данныхъ для сужденія объ относительномъ возрастѣ осадочныхъ образованій, первоначально здѣсь отложившихся.

Растительность всей этой горной страны имѣетъ совершенно альпійскій характеръ. Береза, ива и ольха встрѣчались здѣсь только изрѣдка, и то все въ жалкихъ экземплярахъ. За то кусты *Rhododendron chrysanthemum*, высотой фута въ 2—3, попада-

лись нерѣдко; точно также часто виденъ былъ и низкорослый кедровникъ. Особенно сильный ростъ представляли здѣсь повидному альпійскія травы, часто перемѣшанныя съ горечавкой. Это согласуется также съ присутствіемъ многочисленныхъ стадъ дикихъ барановъ, которые очевидно благоденствуютъ здѣсь не только въ силу уединенности, а слѣдовательно и безопасности мѣста, но также и благодаря роскошному жирному пастбищу. Иначе я себѣ объясняю присутствіе такого множества медвѣдей въ этихъ мѣстахъ, гдѣ для нихъ совсѣмъ не имѣется особенно богатаго стола: маленькіе ручьи едва-ли доставляютъ имъ сколько нибудь достаточную рыбную пищу; случайно выброшенный на берегъ трупъ морскаго звѣря также не можетъ служить приманкой для всей этой массы медвѣдей; наконецъ поимка быстроногаго барана неповоротливымъ хищникомъ составляетъ вѣроятно совсѣмъ ужъ рѣдкое явленіе. Остается допустить, что медвѣди выбираютъ эту уединенную и дикую горную страну только для зимовки, а отсюда постепенно возвращаются къ ближнимъ, богатымъ рыбою, рѣкамъ.

Птицами мѣстность была бѣдна, водяныхъ же птицъ и совсѣмъ не видно было. Мнѣ здѣсь бросилась въ глаза ласточка, которая своей бѣлой грудью напоминала европейскую. Тюлени, какъ уже упомянуто, попадались, но не въ особенно большомъ числѣ. За то часть моря передъ Бичевинской губой, отъ мыса Налачева до Шипунскаго, представлялась какъ бы излюбленнымъ мѣстомъ сборища для китовъ, судя по тому, что мы ихъ встрѣчали ежедневно, во множествѣ плавающими совсѣмъ близко отъ берега.

21-го Іюня, въ пять часовъ утра, мы уже тронулись въ дальнѣйшій путь. Былъ тихій, но туманный и прохладный день, такъ что мы съ удобствомъ могли выйти изъ Бичевинской губы. Въ открытомъ морѣ было еще порядочное волненіе, но оно дѣлало наше плаваніе только болѣе труднымъ, но не болѣе опаснымъ. Скалистый берегъ состоялъ изъ слоистой породы, съ сильно нарушеннымъ напластованіемъ, проникнутой многочислен-

ными жилами базальта. Здѣсь также преобладалъ зеленый цвѣтъ, только близъ жилъ уступавшій мѣсто красному. Темныя базальтовые породы большею частью наблюдались въ видѣ жилъ, иногда однако и въ видѣ массивовъ и со столбчатой отдѣльностью. Во время нашего плаванія мы видѣли пять медвѣдей, прохаживавшихся по берегу, и стада дикихъ барановъ, пасшихся на чудныхъ зеленыхъ лугахъ. Вскорѣ однако туманъ такъ сгустился, что дальнѣйшее плаваніе могло стать опаснымъ, потому что, несмотря на безвѣтріе, волненіе было еще такъ сильно, что мы плохо различали фарватеръ и легко могли попасть на рифы или подводные камни. Поэтому въ 11 часовъ утра мы опять ужъ высадились при устьи небольшого, но стремительнаго ручья, впадавшаго въ неглубокую бухту съ песчаными берегами.

При этой высадкѣ мы опять порядкомъ промокли, такъ какъ намъ и теперь пришлось при греблѣ дожидаться большой волны, которая быстро выбросила насъ далеко на берегъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, мы при первомъ прикосновеніи лодки къ землѣ должны были выскочить, чтобы удержать наше суденышко и перетащить его повыше, не давъ унести его послѣдующимъ волнамъ. При причаливаніи главная задача рулеваго состояла въ сообщеніи лодкѣ хода, вполнѣ перпендикулярнаго къ берегу, такъ чтобы послѣдующія волны никакъ не могли ударить въ бокъ и опрокинуть ее. Гребцы же должны были грести настолько сильно, чтобы волна настигла и подняла лодку совсѣмъ у берега. Только вытащивъ лодку на безопасное мѣсто, освободивъ ее отъ лишней тяжести и подперши ее со всѣхъ сторонъ, мы могли приниматься за разведеніе огня, установку палатокъ и сушку подмоченныхъ вещей. Высадиться на берегъ и промокнуть до костей стало для насъ почти равнозначущимъ. Сухими мы могли высаживаться только въ рѣчныхъ устьяхъ или въ закрытыхъ бухтахъ, гдѣ насъ не встрѣчали ни прибой, ни волненіе, въ другихъ мѣстахъ почти не прерывающіеся, даже въ тихую погоду.

Горные бараны водились здѣсь въ поразительномъ количествѣ. Опасность, какую приносятъ для нихъ съ собою человѣкъ, пови-

димому имъ была совсѣмъ неизвѣстна. Изъ поколѣнія въ поколѣнія никѣмъ не тревожимые, жили они какъ полные хозяева въ этой пустынной горной странѣ и вѣроятно еще никогда не видали человѣка. Животныя паслись возлѣ насъ большими стадами на зеленыхъ лужайкахъ. Одинъ баранъ, покрупнѣе, подошелъ совсѣмъ близко къ нашей палаткѣ и отсюда только бросился бѣжать. Шестаковъ конечно не утерпѣлъ и поспѣшилъ вслѣдъ за животнымъ.

Хотя мѣсто, на которомъ мы находились, лежало у самаго моря, тѣмъ не менѣе оно имѣло выраженный характеръ высокой горной страны. Ручеекъ, на берегу котораго стояли наши палатки, пѣнясь вытекалъ изъ скалистаго ущелья, которое быстро поднималось въ гору. Всюду громоздились скалы, между которыми еще лежалъ снѣгъ. Далѣе внутрь страны надъ этой пустыней высились закругленныя и коническія горныя вершины. Среди этого лабиринта скалъ и снѣга широкими полосами и пятнами выступала зелень лужаекъ, поросшихъ разными горными травами. На этихъ лужайкахъ, пастбищахъ горныхъ барановъ, послѣдніе протоптали явственныя дорожки, похожія на медвѣжьи тропы. Кое-гдѣ только встрѣчались уродливые ползучіе кусты кедровника, такая же чахлая верба, да немного *Rhododendron chrysanthum* — и больше ничего, ни дерева, ни кустика, такъ что для поддержанія нашего огня намъ приходилось пользоваться всюду разбросаннымъ наноснымъ лѣсомъ. Маленькій ручеекъ приносилъ своимъ теченіемъ самыя разнообразныя гальки, но преимущественно все той-же зеленоватой и красноватой, богатой кремнекислотой породы, которая повидимому характеризуетъ всю эту мѣстность и въ изобиліи выступаетъ также въ окружающихъ скалахъ. Далѣе попадалось много галекъ сіенита, порфира и твердаго темнаго слюдянаго сланца.

Маленькая бухта, на берегу которой мы высадились, также отличалась большимъ изобиліемъ китовъ, которые сегодня опять рѣзвились на поверхности воды. Ихъ было здѣсь болѣе 10, все очень крупныхъ. Ихъ исполнскія тѣла казались почти черными,

только огромная голова была какъ-бы въ свѣтлосѣрыхъ точкахъ, что обуславливалось присутствіемъ здѣсь цѣлыхъ колоній какого-то *Balanus*. Эти сидящіе на кожѣ паразиты повидимому очень беспокоили китовъ, вызывая вѣроятно сильный зудъ; по крайней мѣрѣ все время видно было, какъ киты подплывали къ скаламъ и терлись о нихъ. При этомъ они маневрировали чрезвычайно ловко, стараясь по возможности сильнѣе пройти поверхностью кожи вдоль обрыва скалы. Если этотъ маневръ удавался, то ясно слышался трескъ, съ какимъ раздавливались и слущивались твердые раковины *Balanus*. Иногда киты стремительно бросались другъ на друга, чтобы почесаться такимъ образомъ; иногда, напротивъ, одинъ какъ-бы убѣгалъ отъ другого далеко въ море, быстро нырялъ и при этомъ такъ хлопалъ громаднымъ хвостомъ по поверхности воды, что раздавался звукъ, подобный выстрѣлу. Время отъ времени тотъ или иной китъ приближался къ берегу, насколько то допускала глубина воды, глубоко опускалъ громадную нижнюю губу, такъ что открывались вертикальные ряды китоваго уса, и пропускалъ въ полость рта воду, кишѣвшую безчисленнымъ множествомъ разныхъ морскихъ животныхъ (раковъ, акалефъ и пр.). Наполнивъ ротовую полость, звѣрь захлопывалъ сверху опущенную нижнюю губу; послѣдняя при этомъ какъ бы входила въ мясистую складку, которая виднѣлась на мѣстѣ верхней губы и, казалось, плотно обхватывала нижнюю. Немного спустя, поглощенная вода опять выпускалась въ видѣ фонтана. Благодаря непрерывной игрѣ этихъ исполинскихъ животныхъ, вода маленькой бухты буквально заколыхалась.

Черезъ нѣсколько часовъ вернулся Шестаковъ, сіяя отъ радости. Онъ убилъ двухъ барановъ, и теперь съ нимъ отправилось нѣсколько матросовъ—забрать богатую добычу, состоявшую изъ молодаго самца и самки. Животныя какъ разъ теперь мѣняли свою длинную свѣтлосѣрую зимнюю шерсть, вмѣсто которой ужъ пробивался короткій, темный, буросѣрый лѣтній волосъ. Нашъ лагерь преобразился въ настоящую бойню. Мои люди обдирали и разрѣзывали животныхъ, послѣ чего гринялись за варенье и жа-

ренье. Мы получили обильное приращеніе къ нашимъ съѣстнымъ припасамъ и могли положительно роскошествовать насчетъ чрезвычайно вкуснаго мяса, доставшагося намъ въ добычу. Кишечникъ барановъ содержалъ, какъ оказалось, очень темнаго внутренностныхъ червей: въ немъ нашлась только одна ленточная глиста, похожая на *Taenia*.

Вечеромъ туманъ значительно усилился и принесъ съ собою сырой и очень прохладный вѣтерокъ съ сѣверо-востока, который однако скоро перешелъ въ сильный вѣтеръ.

22-го Іюня ужъ съ ранняго утра мы могли убѣдиться въ полной невозможности продолжать путь. Вѣдь наша ближайшая задача заключалась въ объѣздѣ всего мыса Шипунскаго съ его рифами, скалами и камнями, выдающимися на цѣлыя версты въ море; мыслимо-ли это было для нашей небольшой, углой ладьи иначе какъ въ тихую погоду и при ясномъ горизонтѣ! Туманъ, правда, разсѣвался, такъ что мы ясно различали вдали подъ 265° мысъ Налачевъ; но буря и дождь продолжали свирѣпствовать, а громадныя волны образовали у береговыхъ утесовъ саженной высоты прибой. Послѣдующіе дни составили настоящее испытаніе для нашего терпѣнія! Мы сидѣли совершенными плѣнниками въ этой горной глуши. Вѣтеръ, начавшійся ужъ съ вечера 21-го іюня, постоянно усиливался и наконецъ забушевалъ съ силой бури съ востока. По цѣлымъ днямъ, только съ небольшими перерывами, ревѣла буря и шелъ дождь; а какъ только ослабѣвалъ вѣтеръ, сейчасъ-же опять надвигался туманъ. Море все время оставалось въ высшей степени беспокойнымъ и съ громкимъ шумомъ билось о скалы. Ко всему этому присоединился еще чувствительный холодъ, такъ что термометръ показывалъ не болѣе 5—6° тепла. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи. Такъ длился нашъ плѣнъ до 30-го іюня.

26-го Іюня непогода достигла своего апогея. Ночью наши палатки сорвало вѣтромъ, и мы были разбужены холодными обливаніями. Только съ величайшими усиліями, подъ проливнымъ дождемъ, удалось намъ кое-какъ снова укрѣпить палатки. При

этомъ я схватилъ сильную простуду, которая могла-бы очень плохо кончиться, если-бы мои люди, сейчасъ-же обратившіе вниманіе на нее, не прнпялись лечить меня на свой ладъ. Они разбили мою палатку надъ кучей раскаленныхъ камней и, поливъ ихъ водой, моментально устроили мнѣ великолѣпную паровую баню. Я сейчасъ-же почувствовалъ сильную испарину и послѣ этого, хорошенько закутавшись, пролежалъ еще нѣсколько часовъ въ палаткѣ. Дѣйствіе этого леченія было изумительно: съ меня какъ рукой сняло всякое чувство недомоганія.

Всякимъ перерывомъ дожда мы пользовались главнымъ образомъ для охоты и наблюденія необыкновенно дѣятельной здѣсь животной жизни. Не проходило дня безъ встрѣчи съ медвѣдями и дикими баранами. Животныя почти не знали страха и часто подходили къ намъ удивительно близко. Такимъ образомъ мы, оставаясь въ лагерѣ, какъ-бы вызываемы были на охоту самими животными. Особенно поразительно было здѣсь обиліе медвѣдей. Во избѣжаніе повтореній, я расскажу только нѣкоторыя изъ нашихъ встрѣчъ съ ними.

22-го числа изъ глубины долины выбѣжалъ, постоянно оглядываясь и несясь во весь опоръ, небольшой медвѣдь; очевидно его преслѣдовали. Въ слѣпой поспѣшности онъ почти домчался до самыхъ палатокъ, на мгновеніе остановился и затѣмъ исчезъ въ горахъ. Мы спокойно выжидали, чтобы увидѣть и преслѣдователя. Намъ пришлось ждать недолго: въ верхней части долины показался очень большой темнобурый медвѣдь, который, въ сознаніи своей силы, медленно и съ рычаніемъ спускался въ долину и приближался къ намъ. Мы поджидали новаго гостя, готовые къ выстрѣлу, и навѣрно медвѣдю бы не сдобровать, если-бы Шестаковъ смогъ обуздать свой охотничій пылъ. Онъ выскочилъ слишкомъ рано на встрѣчу животному, промахнулся, и медвѣдь, хотя и раненный, огромными скачками убѣжалъ отъ васъ въ горы. Рано утромъ 23-го къ намъ подошло цѣлое стадо, головъ въ 30, дикихъ барановъ. Они, пощипывая траву, медленно спускались съ горныхъ склоновъ, находившихся противъ нашего лагеря. Того-же числа,

около полудня, мы имѣли вторичное посѣщеніе того-же рода, но съ другой стороны горъ; въ обѣихъ случаяхъ намъ однако не посчастливилось на охотѣ. Зато 24-го мы убили прекраснаго барана; то-же было и 28-го. Какъ уже сказано, медвѣди ежедневно подходили къ намъ; но, имѣя ужъ болѣе чѣмъ достаточный запасъ бараньяго мяса и не видя для себя никакой пользы въ медвѣдяхъ, мы перестали обращать на нихъ вниманіе, какъ на неизбѣжныхъ и ежедневныхъ посѣтителей; самое большее, что мы ихъ отгоняли выстрѣломъ, когда они ужъ слишкомъ близко подходили къ намъ. Однако 28-го іюня одинъ большой медвѣдь долженъ былъ поплатиться жизнью за смѣлость. Мы сидѣли въ палаткахъ за обѣдомъ, какъ вдругъ наше вниманіе привлекъ близкій шорохъ, и мы увидѣли шагахъ въ 15 отъ насъ большаго темнобураго медвѣдя, который, высоко поднявшись, смотрѣлъ на насъ. Въ одно мгновеніе мы схватились за ружья, и звѣрь, пронизанный нѣсколькими пулями, упалъ мертвымъ.

Въ маленькой бухтѣ, на берегу которой стояли наши палатки, 23-го числа опять показались киты, а именно два экземпляра средней величины и почти совершенно чернаго цвѣта. Они существенно отличались отъ видѣнныхъ нами раньше меньшими размерами и высокимъ, довольно прямо торчащимъ спиннымъ плавникомъ. Цѣлые часы проводили они, чрезвычайно рѣзко и вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, нѣжно играя другъ съ другомъ. Высоко поднявъ тѣло и выставивъ спиной плавникъ, они носились на поверхности воды на встрѣчу другъ другу, терлись другъ о друга, кувыркались, ныряли и опять всплывали, пускали фонтаны, буквально катались въ водѣ и часто при этомъ чрезвычайно близко подходили къ берегу. Пуля, пробившая спиной плавникъ, и другая, попавшая въ голову одного изъ китовъ, произвели повидимому весьма скоропреходящее впечатлѣніе, судя по тому, что игра скоро послѣ того возобновилась. Шестаковъ называлъ этихъ китовъ косатками и много рассказывалъ объ ихъ разбойничьемъ нравѣ и кровожадности; такъ они охотятся на большаго кита и ножираютъ его; зубы у нихъ крушные и состоятъ изъ вещества,

подобнаго слоновой кости. Изъ этого я заключаю, что въ данномъ случаѣ мы имѣли дѣло съ *Delphinus orca*.

24-го опять приплыли тѣ-же киты, но на этотъ разъ въ большемъ числѣ, такъ что я насчиталъ ихъ восемь. Вчерашняя игра продолжалась также рѣзво и нерѣдко сопровождалась немалымъ шумомъ, отъ движенія и всплескиванія воды. Красивый видъ представляли эти огромныя животныя, съ величайшей легкостью и ловкостью проплывавшія другъ мимо друга или другъ надъ другомъ, часто совершая при этомъ необыкновенно граціозныя движенія.

По словамъ Шестакова нашъ ручеекъ называется Хламовиткой. Онъ беретъ начало на сѣверо-востокѣ, въ верхней части долины, и, шумя и пѣнясь, несется по массѣ галекъ, впадая въ маленькую бухту, открытую съ юга, а съ запада и востока ограниченную маленькими мысами. Я старался по возможности проникнуть въ долину и нашелъ также здѣсь выходы осадочной породы съ большимъ содержаніемъ кремнекислоты — породы, которая во всей этой мѣстности играетъ очень важную роль. Однако въ описываемомъ участкѣ эта осадочная порода проникнута многочисленными жилами. Послѣднія состоятъ изъ твердой и плотной базальтовой породы, варирующей въ цвѣтѣ отъ темно-сѣраго до красноватаго, и составляютъ главную массу скалъ, тогда какъ остатки слоистой породы занимаютъ здѣсь совершенно подчиненное положеніе. Только въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ очень замѣтно слоистую сланцеватую породу, съ паденіемъ на югъ подъ угломъ въ 25°. Только что упомянутыя жилы нерѣдко проникаютъ также конгломератъ, котораго цементъ образовался повидному изъ самаго вещества жилъ, видоизмѣнившагося черезъ вывѣтриваніе, между тѣмъ какъ сцементированные обломки представляютъ порфиновую породу. Описываемый конгломератъ образуетъ скалы на правомъ берегу ручья; порфировая же порода, давшая начало только что упомянутымъ обломкамъ, наблюдается въ довольно обширныхъ выходахъ на лѣвомъ берегу того-же ручья.

Погода и волненіе наконецъ настолько успокоились, что 30-го іюня мы рискнули опять двинуться въ путь. Въ 10 часовъ мы уже были въ лодкѣ и взяли курсъ на мысокъ, ограничивающій маленькую бухту съ востока. Обѣхавъ довольно далеко выдающіеся въ морерифы, мы опять увидѣли маленькую бухту, совершенно сходную съ только что оставленною нами. Она также была ограничена съ востока крутымъ мысомъ съ огромнымъ рифомъ; это и былъ собственно мысъ Шипунскій. Къ сожалѣнію намъ не удалось сегодня-же обогнуть его, потому что волненіе было еще слишкомъ сильно и у скалъ пѣнился прибой. Намъ поэтому не оставалось ничего болѣе, какъ высадиться во второй маленькой бухтѣ и тамъ дожидаться болѣе спокойнаго состоянія моря. Наше сегодняшнее мѣсто высадки очень походило на вчерашнее: такая-же маленькая неглубокая бухта, ограниченная съ запада и востока вдающимися въ море мысами съ ихъ многочисленными рифами; также и здѣсь, быстро повышаясь, уходила на сѣверъ, въ горы, короткая, похожая на ущелье, горная долина; наконецъ и здѣсь также по дну долины протекалъ небольшой горный ручей. На правомъ берегу этого ручья находилось маленькое озеро, или естественный прудъ, безъ всякаго стока; уровень воды въ немъ былъ на 5 футовъ выше уровня въ ручьѣ. Только у моря возвышались крутыя скалы; далѣе же внутрь страны бока долины состояли изъ высокихъ холмовъ, покрытыхъ травою и представлявшихъ прекрасныя пастбища для горныхъ барановъ. Растительность здѣсь была также тождественна съ растительностью первой бухты: деревьевъ совсѣмъ не было, а встрѣчалось только очень немного ползучаго кедровника и *Rhododendron chrysanthum*. Вблизи нашихъ палатокъ валялись, частью засыпанные наноснымъ лѣсомъ, два большихъ китовыхъ черепа, оба сильно вывѣтрившіеся и обглоданные. Наибольшая ширина одного равнялась 8' 2", а другого 9' 4". Остатки старыхъ камчадалскихъ юртъ, которые оказались и здѣсь, доставили кромѣ тѣхъ-же находокъ, что и встрѣчавшіеся раньше, еще костяной наконечникъ копья, развалившуюся глиняную чашку очень прими-

тивной работы и массу каменныхъ осколковъ, получившихся вѣроятно при изготовленіи каменнаго оружія.

Горныхъ барановъ здѣсь не было. Но зато къ намъ подкралась пара красныхъ лисицъ, а вскорѣ послѣ нашей высадки показался большой медвѣдь, который и получилъ смертельный ударъ. Раненный звѣрь тотчасъ-же бросился въ море и потонулъ черезъ нѣсколько мгновеній на нашихъ глазахъ.

Горныя породы, входившія въ составъ скалъ и во всѣхъ отношеніяхъ оказавшіяся сходными со вчерашними, представляли пеструю смѣсь нарушенныхъ и разрушенныхъ образований. Жилы и пласты превратились въ настоящій хаосъ и въ мѣстахъ своего соприкосновенія образовали мощныя массы конгломератовъ и брекчій. Все вмѣстѣ производило такое впечатлѣніе, какъ будто ни одинъ кусокъ не сохранилъ своихъ первоначальныхъ свойствъ — ни состава, ни внѣшняго вида, ни положенія.

Ночью вѣтеръ задулъ съ юга, и мы хотѣли воспользоваться этимъ попутнымъ вѣтромъ, чтобы обогнуть наконецъ мысъ Шипунскій.

Перваго іюля, въ 7 часовъ утра, мы шли уже подъ парусами. Мысъ Шипунскій—наиболѣе выдающійся къ юго-востоку мысъ Камчатки—находился очень близко отъ нашей послѣдней стоянки, такъ что огибать его мы стали тотчасъ-же по отплытіи. Сперва мы имѣли по лѣвую руку крутыя береговыя скалы, о которыя разбивался прибой; затѣмъ мы миновали материкъ и имѣли сбоку только рифъ. Наша лодка летѣла теперь, подгоняемая свѣжимъ вѣтромъ, кормой къ берегу, но паралельно рифу, прямо въ открытое море. Насъ сопровождали утесы и камни самой причудливой формы, сперва высокіе, затѣмъ все болѣе и болѣе понижавшіеся. Высокія пирамиды, стоячія плиты, различнымъ образомъ размытые камни, хаотически набросанныя массы разнообразныхъ обломковъ скалъ лежали въ водѣ или выдавались изъ нея. Приходилось держаться довольно далеко отъ рифа, чтобы вѣтеръ не нанесъ насъ на него; при всемъ томъ мы могли слышать другъ друга въ лодкѣ только при очень громкомъ разговорѣ:

такъ силенъ былъ ревъ волнъ, дико бушевавшихъ среди скалъ и разбивавшихся тамъ въ бѣлую пѣну. Такимъ образомъ мы шли по крайней мѣрѣ версты 5—6 въ открытое море и только тогда могли повернуть на сѣверо-востокъ и сѣверъ. Погода становилась все свѣжѣе, и наша маленькая лодка неслась по волѣ вѣтра и волнъ. Теперь только мы могли опять направить свой путь къ сушѣ. Мысль съ его громаднымъ рифомъ былъ уже обойденъ, но тѣмъ не менѣе, приблизившись къ берегу, мы нигдѣ не могли высмотрѣть мѣста для высадки. Берегъ круто падалъ къ морю, всюду изъ воды и буруновъ выглядывали скалы и большіе камни. Шестаковъ правилъ съ обычнымъ мастерствомъ, но опасность, благодаря усиленію вѣтра, быстро и съ каждой минутой увеличивалась. Намъ всѣмъ приходилось ужъ вычерпывать воду, которой волны безпрестанно заливали лодку, какъ вдругъ мы замѣтили маленькую бухту, открывающуюся къ востоку между двумя небольшими мысами. Сюда во что бы то ни стало, хотя бы съ рискомъ, необходимо было попасть, потому что на морѣ нельзя было больше оставаться. Такимъ образомъ мы приблизились къ бухтѣ подъ парусомъ, затѣмъ быстро его убрали и пошли, какъ и въ другіе разы, на веслахъ, пока громадная волна, конечно насквозь промочившая насъ, не выбросила лодки на берегъ. Около полудня въ нашемъ лагерѣ былъ уже разведенъ огонь и мы могли заняться просушкой нашихъ вещей.

Только что совершенное плаваніе вокругъ мыса Шипунскаго съ его громадными рифами дало намъ случай ознакомиться съ новыми картинками животной жизни въ Камчаткѣ. На болѣе крупныхъ и широкихъ обломкахъ скалъ мы видѣли расположившіяся тамъ стада морскихъ львовъ (*Phoca leonina*, по русски сивучъ). Они были видны, когда мы только что еще начали огибать мысъ и когда вѣтеръ и волны были еще далеки отъ той силы и высоты, какой достигли потомъ. Мы попытались приблизиться къ этимъ крупнымъ животнымъ свѣтлаго желтовато-бураго цвѣта, чтобы лучше разглядѣть ихъ. Сивучи приняли сидячее положеніе и хоромъ стали страшно реветъ на насъ. Холостой выстрѣлъ,

сдѣланный нами, имѣлъ послѣдствіемъ, что большинство болѣе крупныхъ особей сейчасъ-же бросилось въ сильно волнуемое море, какъ въ родной привычный элементъ; вынырнувъ, они съ громкимъ ревомъ стали плавать кругомъ насъ. Мы ужь не рисковали болѣе стрѣлять, чтобы не раздражить еще сильнѣе животныхъ, готовившихся повидимому къ нападенію, и скоро оставили ихъ за собою, хотя они еще продолжали слѣдовать за нами. При первомъ нашемъ приближеніи сивучи лежали на скалахъ, выдававшихся навѣрное сажени на 4 изъ воды; удивительно, какъ эти крупные звѣри, снабженные лишь лапами, могутъ карабкаться на такую высоту. Движеніе сивучей совершалось слѣдующимъ образомъ: сперва они подавались впередъ передними лапами; затѣмъ, сильно согнувъ подъ животъ задніе, превращенные въ хвостовой плавникъ, лапы, они подталкивали при помощи послѣднихъ все жирное, тяжелое туловище. Затѣмъ переднія конечности снова дѣлали шагъ и опять повторялось подталкиваніе тѣла при помощи подставленныхъ подъ него заднихъ конечностей. Въ сидячемъ положеніи, опираясь на переднія конечности, сивучи могутъ настолько поднять верхнюю часть туловища, что почти принимаютъ видъ исполинскихъ собакъ въ той-же сидячей позѣ. На головѣ и шеѣ шерсть у нихъ немного длиннѣе чѣмъ на остальномъ тѣлѣ, не производя однако впечатлѣнія гривы; на задней части тѣла волосъ совсѣмъ коротокъ. Большіе, выпученные, блестящіе, черные глаза, многочисленныя жесткія усовыя щетины на тупомъ рылѣ и широко раскрытая при ревѣ пасть—все это вмѣстѣ придаетъ звѣрю очень дикій, злой видъ. Длина тѣла, по моему расчету, равнялась 7—10 футамъ.

Круто падающія къ морю береговыя скалы, такъ сильно задержавшія нашу сегодняшнюю высадку, достигаютъ лишь умѣренной высоты, едва-ли превосходящей 40'. При сравненіи этихъ скалъ съ тѣми, которыя встрѣчались намъ до сихъ поръ, оказывается, что первыя представляютъ совершенно особый видъ, состоя исключительно изъ слоистыхъ породъ. Въ центральной части всей этой системы слоевъ подѣйствовала нарушающая сила, превратившая

пласты въ мощный куполь. По объѣмъ сторонамъ срединнаго свода слои падаютъ къ сѣверу и югу подъ угломъ въ 50° , при чемъ изогнутыя верхнія соединительныя части отсутствуютъ,

вѣроятно благодаря болѣе раннему ихъ разрушенію. Слои мощностью не превосходятъ одного фута, зеленоватаго и буроватаго цвѣта, съ обильнымъ содержаніемъ кремнекислоты.

Осадочныя слои на мысѣ Шипунскомъ представляютъ наиболѣе явственно сохранившіеся остатки какой-то нептунической формаци, нѣкогда занимавшей обширную площадь въ описываемыхъ мѣстностяхъ. Остатки этой быть можетъ весьма древней формаци¹⁾ встрѣчаются уже на сѣверо-восточномъ берегу Авачинской губы, у мыса Налачева и далѣе по всему большому полуострову, кончающемуся мысомъ Шипунскимъ. Какъ далеко таже формаци простирается внутрь страны — трудно рѣшить. Эти оставшіяся глыбы нѣкогда широко распространенной формаци обязаны вѣроятно своимъ теперешнимъ видомъ и разрушеніемъ послѣдовательнымъ изверженіямъ сперва плутоническихъ, а затѣмъ вулканическихъ массъ. Первое нарушеніе первоначальной горизонтальности пластовъ произошло конечно подъ вліяніемъ сіенитовогранитныхъ изверженій, которыя, судя по обломкамъ этихъ породъ въ ручьяхъ, имѣли повидимому мѣсто напр. на полуостровѣ Шипунскомъ. Затѣмъ послѣдовали многочисленныя изверженія базальтовотрацитовыхъ породъ, выступившихъ въ видѣ массивовъ и безчисленнаго множества жилъ и также вызвавшихъ самыя глубокія химическія и физическія измѣненія. Наконецъ

1) Хотя отсутствіе органическихъ остатковъ не даетъ возможности сдѣлать вполне точное заключеніе о возрастѣ разсматриваемыхъ осадковъ, я все-же считаю его древнимъ и руковожусь тѣмъ обстоятельствомъ, что сіенитовыя, а также и гранитовыя породы при своемъ изверженіи застали здѣсь уже эти осадки и стали на нихъ дѣйствовать.

вулканы со своими изверженіями лавъ довершили преобразование. Впрочемъ возможно и то, что всѣ здѣшнія слоистыя породы принадлежали къ третичнымъ отложеніямъ, такъ широко распространеннымъ во многихъ частяхъ страны; это можно допустить потому, что нѣтъ окаменѣлостей, указывающихъ на болѣе древній возрастъ, между тѣмъ какъ отпечатки листьевъ, находимые при весьма схожихъ условіяхъ у Авачинской губы, могли-бы вѣроятно свидѣтельствовать въ пользу третичнаго возраста отложеній и здѣсь, у мыса Шидунскаго.

Какъ всѣ уже выше упомянутыя бухты этого берега, такъ и та, у которой мы высадились теперь, были ограничены двумя выдающимися въ море рифами, которые начинались отъ небольшихъ скалистыхъ мысовъ. И въ эту бухту также открывалась быстро поднимающаяся горная долина съ поросшими травой холмами на заднемъ планѣ. Два небольшихъ ручья съ превосходной чистой водой протекали по долинѣ, при чемъ одинъ шелъ съ сѣвера, другой — съ юга. Соединившись передъ устьемъ, они каскадами впадали въ море.

Очень скоро послѣ высадки мы съ большимъ удовольствіемъ замѣтили, что опять попали на мѣсто, богатое горными баранами; такъ недалеко отъ насъ, на зеленой лужайкѣ, паслось стадо, состоявшее примѣрно изъ 10 прекрасныхъ экземпляровъ. Шестаковъ конечно не замедлилъ отправиться къ нимъ, но скорѣй вернулся съ пустыми руками. Животныя, замѣтивъ его приближеніе, бросились бѣжать. На берегу нашей маленькой бухты валялось такое множество различныхъ обломковъ судна, что намъ ихъ вполне хватило для поддержанія огня въ лагерѣ. Благородные сорта дерева, размѣры мачтъ и рей — все указывало на очень большое судно, выстроенное въ какой нибудь южной странѣ и погибшее здѣсь въ негостепріимномъ сѣверномъ морѣ.

Деревьевъ и кустовъ здѣсь не было, кромѣ небольшого числа кустовъ ползучаго кедра и *Rhododendron chrysanthum*, которые выглядывали мѣстами изъ подъ роскошнаго покрова, состоявшаго изъ альпійскихъ травъ.

Къ вечеру вѣтеръ стихъ и наступила почти совершенно безвѣтренная ночь, такъ что утромъ 2-го іюля передъ нами разсти-
лалось только чуть-чуть волнующееся море.

Шестаковъ уже съ разсвѣтомъ отправился на охоту и вернулся, нагруженный мясомъ горнаго барана. Оставшаяся на мѣстѣ часть весьма для насъ цѣнной добычи была также по-
слѣбно захвачена, и затѣмъ мы быстро собрались къ отъѣзду. Была чудная и совершенно тихая погода, когда мы часовъ около 8 утра пошли на веслахъ. Мы правили главнымъ образомъ на сѣверъ, слѣдуя вдоль берега и держась какъ можно ближе его. Насъ окружали громадныя стаи разныхъ морскихъ птицъ, — явление, котораго намъ не приходилось наблюдать начиная съ устья Вахиля. Опять вынырнули изъ воды въ большомъ числѣ морскіе львы, внимательно насъ наблюдавшіе и болѣе или менѣе долго слѣдовавшіе съ громкимъ ревомъ за лодкой. Точно также мы снова встрѣтили косатку (*Delph. orca*), которая, идя съ сѣвера на югъ, проплыла мимо насъ. Мои люди опять пустились въ рассказы объ этомъ хищникѣ; Шестаковъ разъ былъ даже свидѣтелемъ ожесточенной схватки между большимъ китомъ и косаткой. Говорятъ, что дельфинъ, вооруженный сильными зубами, нерѣдко одерживаетъ побѣду надъ китомъ, имѣющимъ вмѣсто зубовъ лишь роговыя пластинки и спасающимся только благодаря своей изворотливости и страшно сильнымъ ударамъ хвоста.

Сперва мы проплыли мимо двухъ небольшихъ каменистыхъ бухтъ, затѣмъ проѣхали нѣсколько большую губу, принимающую въ себя ручей и открывающуюся въ море на востоко-сѣверо-востокъ. Потомъ слѣдовалъ далеко вдающійся въ море мысъ, у конца котораго изъ воды выходилъ утесъ, по размѣрамъ составлявшій настоящій островъ. При тихой погодѣ и спокойномъ морѣ мы обогнули мысъ, идя на веслахъ. Къ сѣверу отъ этого мыса, на которомъ также выступала слоистая порода, уже знакомая намъ со вчерашняго дня, мы вошли въ обширную бухту Халигеръ. Эта бухта, врѣзывающаяся довольно глубоко въ мате-

рикъ, открывается на востоко-сѣверо-востокъ въ море и состоитъ собственно изъ трехъ частей, раздѣленныхъ двумя второстепенными мысами. Южный мысъ всей бухты, только что обогнутый нами, и сѣверный, близъ котораго мы сегодня вечеромъ разбили свои палатки, простираются въ море гораздо далѣе чѣмъ оба внутреннихъ мыса. Южная и средняя части бухты глубоко вдаются въ сушу на юго-юго-западъ; а гораздо болѣе широкая и болѣе открытая третья или сѣверная часть бухты, имѣющая нѣсколько небольшихъ и неглубокихъ придаточныхъ бухтъ, врѣзывается въ сушу почти въ чисто западномъ направленіи. Оба первые, т. е. гораздо болѣе узкіе, отдѣлы бухты почти сплошь окружены скалистыми берегами и высокими горами, чего совсѣмъ нѣтъ въ третьемъ, открытомъ и неглубокомъ, участкѣ. Средняя изъ трехъ описываемыхъ частей большой Халигерской губы наиболѣе глубоко вдается въ материкъ; на самомъ внутреннемъ концѣ ея находится маленькое озерко, стекающее черезъ небольшой ручеекъ. Эта часть отдѣляется отъ Бичевинской губы лишь не очень высокимъ, нѣсколько крутымъ горнымъ краемъ, такъ что дикій гористый полуостровъ, образующій мысъ Шипунскій, соединяется съ материкомъ только при посредствѣ очень узкаго перешейка. Войдя въ третій, слѣдовательно самый сѣверный, отдѣлъ большой Халигерской губы, мы сразу увидѣли рѣзкую перемену въ ландшафтѣ и климатѣ. Изъ горной страны мы внезапно попали въ область полнаго и жаркаго лѣта. Всюду надъ высокой роскошной травой виднѣлись зеленѣющіе деревья и кусты. Нигдѣ не было и слѣда снѣга; температура воздуха была болѣе 20° и цѣлые рои комаровъ напали на насъ. Какой контрастъ съ только что оставленнымъ нами полуостровомъ Шипунскимъ, съ его высокими горами и крутыми скалами, гдѣ среди лабиринта узкихъ горныхъ долинъ протекаютъ быстрые ручьи, гдѣ снѣжные массы перемежаются съ зелеными лужайками — пастбищами дикихъ барановъ, гдѣ наконецъ совершенно отсутствуетъ древесная и кустарная растительность и высокая трава замѣняется лишь низкорослыми альпійскими растеніями! Эта небольшая горная страна

должно быть обязана альпійскимъ характеромъ не значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, а только своему географическому положенію. Она далеко выдвинута въ море, вполне беззащитна отъ суровыхъ сѣверныхъ и восточныхъ бурь; зимой ее засыпаютъ громадныя снѣжныя массы, приносимыя южными и юго-восточными вѣтрами; наконецъ, частые туманы, образующіеся здѣсь вслѣдствіе столкновенія теплыхъ и холодныхъ воздушныхъ теченій, ведутъ къ тому-же результату.

Сегодняшній нашъ лагерь былъ расположенъ у небольшой придаточной бухты самаго сѣвернаго отдѣла Халигерской губы, близъ устья ручья, составляющаго стокъ небольшого озера. Для палатокъ мы выбрали мѣстечко на берегу ручья, гдѣ медвѣди уже примяли здѣсь вообще очень высокую траву. Мы были еще заняты установкой палатокъ, когда появился и самъ звѣрь, приготовившій для насъ это мѣсто. Подойдя на очень близкое разстояніе, медвѣдь, очень большой, всталъ и довольно долго, не обнаруживая ни малѣйшаго испуга, смотрѣлъ на насъ. Мы съ своей стороны спокойно разсматривали звѣря и наблюдали его изумленную физиономію: очевидно, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ насъ — какихъ-то постороннихъ пришельцевъ, осмѣлившихся вторгнуться въ его владѣнія. Крупный ростъ и, какъ слѣдствіе того, большая сила повидимому породили въ медвѣдѣ увѣренность, что никто не можетъ вытѣснить его отсюда, и что онъ — единственный хозяинъ мѣста. Когда наконецъ онъ, рыча, собрался подойти еще ближе къ намъ, то въ отвѣтъ на это раздались выстрѣлы, и медвѣдь упалъ, пронизанный нѣсколькими пулями. Мы сейчасъ-же замѣтили, почему это мѣсто было такъ привлекательно для звѣря: многочисленныя лососи шли изъ моря вверхъ по рѣкѣ въ маленькое озеро. То была такъ называемая красная рыба (ксивучъ по камчадалски, *Salmo lycaodon*), направлявшаяся къ своимъ нерестилищамъ. Тотчасъ пошелъ въ ходъ нашъ небольшой неводъ, и мы наловили массу этой прекрасной рыбы.

Описываемая сѣверная часть губы Халигеръ окружена горами средней высоты, къ тому-же идущими лишь въ нѣкото-

ромъ удаленіи отъ берега; самый-же берегъ моря неизменный и песчаный. Только у сѣвернаго мыса всей большой Халигерской губы, слѣдовательно къ востоку отъ нашего лагеря, опять показались крутыя береговья скалы. Чистый ручей, маленькое озеро вблизи насъ, роскошная растительность и очаровательная рощица изъ березы, ольхи и рябины дѣлали окружающій насъ ландшафтъ очень привлекательнымъ. Къ этому присоединялись еще богатая охота, обиліе рыбы и превосходныя травы, такъ что мои люди не могли нахвалиться мѣстностью со стороны ея пригодности и удобства для поселеній. Дѣйствительно, въ старину камчадалы умѣли по достоинству оцѣнить этотъ уголокъ и устроили здѣсь множество юртъ.

Чтобы дополнить картину Халигерской губы, приведу еще результаты моихъ компасныхъ пеленгованій. Считая отъ нашей стоянки, южный ограничивающій губу мысъ былъ подъ 154° SO; первый внутренній мысъ подъ $158\frac{1}{2}^{\circ}$ S, и второй, болѣе сѣверный, подъ 167° S.

На всемъ протяженіи берега, насколько то было видно, выступаетъ несложистая порода, подобная сіениту. Кварцы и небольшіе продолговатые кристаллы роговой обманки наблюдались у втораго (средняго) мыса; здѣсь-же можно было предполагать присутствіе скрытой жилы какой-то мѣдной руды (быть можетъ мѣднаго колчедана), судя по зеленымъ налетамъ углекислой окиси мѣди, замѣченной мѣстами на выходахъ горныхъ породъ. Въ ручьяхъ было много сіенитовыхъ и кварцевыхъ галекъ.

3-го Іюля, въ девять часовъ утра, при чудной погодѣ, мы снялись съ мѣста, чтобы обогнуть сѣверный мысъ Халигерской губы; для этого, держась какъ можно ближе берега, мы взяли курсъ на востокъ. Пройдя 25 минутъ на веслахъ, мы, продолжая держаться берега, повернули на сѣверо-сѣверо-востокъ. Берегъ былъ средней высоты (примѣрно въ 20—25') и состоялъ изъ сильно разорванныхъ скалъ. Здѣсь часто наблюдалась темная сѣробоурая порода, изверженная въ видѣ жилъ и массивовъ и образующая столбчатую или плитоватую отдѣльность. Слой-

стыя породы между жилами были сильно нарушены и разрушены, перѣдко образуя у самыхъ жилъ тонкіе и грубые конгломераты. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе необыкновенно интенсивнаго разрушенія. Чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ слоистыя породы становились все болѣе и болѣе преобладающими, но все-таки представлялись въ чрезвычайно нарушенномъ положеніи; и тамъ, гдѣ выступали массивныя породы, всего чаще встрѣчалась столбчатая форма. Въ теченіе сорока минутъ мы гребли на сѣверо-сѣверо-востокъ, послѣ чего постепенно перешли на чистый нордъ и затѣмъ въ продолженіе часа медленно подвигались по этому направленію. Здѣсь встрѣтилась очень небольшая бухта съ низменнымъ песчанымъ берегомъ. Послѣ того мы опять полчаса шли на сѣверъ, а потомъ 40 минутъ на сѣверо-сѣверо-западъ. Береговыя скалы теперь кончились и вмѣсто нихъ пошелъ совершенно низменный песчаный берегъ. Здѣсь также горы материка отодвигаются на дальнее разстояніе отъ моря. Въ концѣ скалистаго берега еще поднимаются другъ за другомъ три высокія изолированныя скалистыя массы. Въ теченіе 40 минутъ мы шли на веслахъ въ виду этихъ скалъ и, обогнувъ послѣднюю изъ нихъ, выѣхали въ обширную неглубокую губу, гдѣ намъ пришлось идти 10 минутъ противъ сильнаго теченія, послѣ чего мы вошли въ устье р. Жупановой. При своемъ устьѣ рѣка пробиваетъ довольно прочную береговую дюну, состоящую изъ песка и щебня; эта дюна на большомъ протяженіи въ видѣ широкаго вала образуетъ берегъ моря. Рѣчная вода, переполненная частицами земли, травой и обломками дерева, нераздѣльной массой вливается въ море, гдѣ еще на большомъ пространствѣ идетъ широкой мутной полосой среди прозрачной морской воды. Сейчасъ-же отъ устья рѣки Жупановой начинается очень низменная тундристая или болотистая мѣстность, поросшая травой; она простирается до дальнихъ горъ и прорѣзывается многочисленными рукавами названной рѣки. Эти рукава, по которымъ вода болѣе или менѣе стремительно направляется къ морю, раздѣлены многочисленными, большею частью низменными островками,

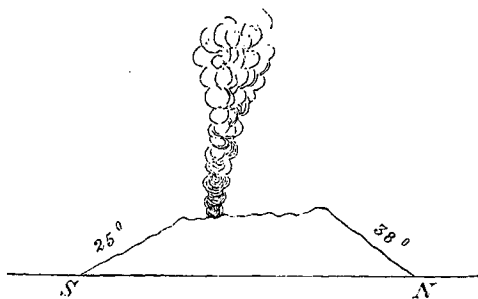
заливаемыми при всякой прибыли воды; послѣдніе обыкновенно совсѣмъ лишены растительности и самое большое что покрыты травой или низкимъ ивовымъ кустарникомъ. На всѣхъ этихъ островахъ и песчаныхъ отмеляхъ обнаруживалась богатѣйшая животная жизнь. Это было время усиленнаго хода лососей въ рѣки; за лососами же слѣдовали цѣлыя стада тюленей (*Ph. nautica*), которые при нашемъ посѣщеніи, собравшись въ большія группы на песчаныхъ островахъ, грѣлись на солнцѣ, или, поднявъ свои гладкія головы надъ поверхностью мутной воды, съ любопытствомъ озирались на насъ. На другихъ островахъ и на берегахъ, также низкихъ и болотистыхъ, виднѣлись большія стаи гусей, утокъ и лебедей. Далѣе здѣсь бѣгали и летали кулики, наконецъ виднѣлось нѣсколько крупныхъ бурыхъ орловъ, которые, досыта наѣвшись, казалось не обращали болѣе никакого вниманія на добычу. При нашемъ приближеніи со всѣхъ сторонъ раздавался оглушительный крикъ. Большинство водяныхъ птицъ по видимому неспособны были летать, находясь въ періодѣ линьки; по крайней мѣрѣ отъ преслѣдованій онѣ старались спастись бѣгомъ, вспархиваніемъ и нырнѣмъ.

Для движенія вверхъ по рѣкѣ, противъ быстрого теченія, наша лодка оказалась мало пригодной, будучи слѣшкомъ тяжела и представляя большую поверхность сопротивленія напору воды. Тѣмъ не менѣе мнѣ было интересно прослѣдовать по рѣкѣ внутрь страны, по крайней мѣрѣ насколько то было возможно. Для этой цѣли мы выбрали рукава съ самымъ слабымъ теченіемъ и шли на веслахъ вверхъ по рѣкѣ съ добрый часъ; удалившись верстъ на 6—8 отъ устья и достигнувъ нѣсколько болѣе высокаго и сухаго мѣста, мы разбили тамъ свои палатки. Въ этомъ мѣстѣ ширина рѣки отъ берега до берега, со включеніемъ острововъ, составляла сажень полтора.

Очень плоскій, пизменный берегъ состоитъ изъ самаго мягкаго, легко распадающагося песчанистаго и глинистаго матеріала; не смотря на то, что онъ проросъ войлокомъ изъ корней растеній, отъ него безпрестанно и при ничтожнѣйшемъ сотрясеніи отвали-

вались въ рѣку крупные куски, сильно мутившіе воду. Во многихъ мѣстахъ изъ этого растительнаго войлока выступала густая, металлически блестящая, бурая желѣзистая вода, которая также изливалась въ рѣку. Галешника не было замѣтно, а гдѣ и имѣлся таковой, тамъ онъ былъ закрытъ толстыми слоями ила и песку. Мѣстами встрѣчались еще въ пескѣ острововъ обломки очень типичной бѣлой пемзы, происходившіе вѣроятно съ Жупановой сопки.

Въ то время какъ къ востоку и юго-востоку падъ однообразной равниной возвышался только одинъ утесъ близъ устья (121°), на юго-западѣ и далѣе до сѣверо-запада и сѣвера за далеко раскинувшейся низменностью тянулась горная цѣпь со многими выдающимися вершинами. Горная цѣпь, начинаясь Коряцкой (230°) и Жупановской (241°) сопками на юго-западѣ, идетъ на сѣверо-сѣверо-западъ. Въ этомъ участкѣ цѣпи прежде всего обращалъ на себя вниманіе Большой Семячикъ (340°), на которомъ происходило повидимому сильнѣйшее изверженіе. Темные, почти черные клубы пара выходили черезъ короткіе промежутки времени изъ его кратера и образовали столбъ, высота котораго съ

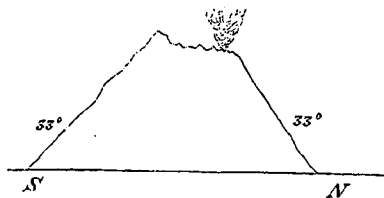

Большой Семячикъ.

мѣста нашего наблюденія представлялась вдвое больше чѣмъ высота самой горы. Гора имѣетъ форму очень сильно притупленнаго конуса, у котораго снято болѣе половины его высоты. Столбъ пара поднимался близъ южнаго

края исполинскаго кратера, если таковымъ можно назвать все обширное притупленіе вулкана. За дальностью разстоянія мы не могли слышать шума, сопровождающаго изверженіе. Съ южной стороны вулканъ поднимается подъ угломъ въ 25° , а съ сѣвер-

ной болѣе крутой, — подь 38° . На Жупановой сопкѣ, у сѣвернаго края ея кратера, также явственно видѣлся парь, но въ такой слабой степени, что объ изверженіи здѣсь не могло быть и рѣчи. Эта гора значительно выше Большаго Семячика, съ обѣихъ сторонь поднимается подь угломъ въ 33° и представляеть лишь слабое притупленіе конуса, при чемъ южный край притупленія выше сѣвернаго, изъ котораго поднималось небольшое облако пара.

Жупанова сопка.

Чтобы достигнуть Жупановой сопки или по крайней мѣрѣ очень близко подойти къ ней, я старался на сколько возможно продолжить наше рѣчное плаваніе; поэтому утромъ 4-го іюля мы опять тронулись въ дальнѣйшій путь, все выбирая наименѣе быстротечные рукава рѣки. Острова и животная жизнь на нихъ сохраняли прежній характеръ; но чѣмъ далѣе мы поднимались вверхъ, тѣмъ острова становились меньше. Берега и здѣсь оставались такими же низкими, а обширная равнина представляла низменную, немного болотистую, поросшую травой мѣстность, съ многочисленными лужами и озерами. На нѣкоторыхъ кустахъ были видны слѣды разлива водъ, при которомъ, по крайней мѣрѣ по нижнему теченію рѣки, вся мѣстность на обширномъ протяженіи была залита водой. Эти слѣды состояли изъ намытыхъ водой травъ и другихъ растительныхъ остатковъ, висѣвшихъ на вѣтвяхъ на высотѣ 2—3 футовъ. Чѣмъ далѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ чаще встрѣчались болѣе высокія и потому болѣе сухія мѣста на берегу и на прилежащей мѣстности; здѣсь развивались уже до размѣровъ настоящихъ деревьевъ ива, ольха, тополь и береза, между которыми высоко разростался шаламайникъ (*Filipendula kamtschatica*), образуя непроходимыя чащи. Въ тихую теплую погоду эти чащи шаламайника составляютъ настоящее страшилище для приближающагося къ нимъ путника,

такъ какъ высылаютъ на него цѣлыя тучи комаровъ; нельзя себѣ представить, какимъ невыносимымъ мученіямъ подвергаютъ эти насѣкомыя путешественниковъ по Камчаткѣ. Радикальное средство для защиты отъ комаровъ неизвѣстно, потому что всѣ испробованные приемы (дымъ, закутываніе, натираніе жиромъ) часто становятся источниками еще большаго мученія. Я наблюдалъ въ Камчаткѣ два вида комаровъ: одинъ довольно крупный, свѣтлаго сѣрожелтоватаго цвѣта, и другой помельче, темнаго цвѣта; изъ нихъ первый встрѣчается рѣже, но зато онъ гораздо кровожаднѣе. Налетитъ, усядется и произведетъ уколъ—все это произойдетъ беззвучно и почти въ одно мгновеніе. Въ то время какъ защищаешься руками отъ этихъ кровопійцъ съ одной стороны, навѣрное ужъ цѣлыя дюжины ихъ насядутъ съ другой. Въ концѣ концовъ человѣкъ выбивается изъ силъ и лишается способности предпринять что бы то ни было, даже связано мыслить. Волей-неволей покоряешься своей судьбѣ и ограничиваешься хоть отбиваніемъ массовыхъ нападений. При такомъ положеніи распухшія лица и руки—самое заурядное явленіе; у нѣсколькихъ человѣкъ изъ моей команды до того была искутана округлость глазъ, что они едва были въ состояніи открывать ихъ.

Животная жизнь всюду оставалась одинаково дѣятельной и очень заманчивой для охотника. Гусей и утокъ мы припасли такое количество, что почти ужъ перестали стрѣлять по нимъ. Больше привлекательны для насъ были тюлени, непрерывно сопровождавшіе большими стаями лодку или лежавшіе на низменныхъ островкахъ. Наши выстрѣлы неоднократно попадали въ этихъ звѣрей, но добыть ихъ намъ не удавалось. Часто приходилось видѣть, какъ вода на обширномъ пространствѣ окрашивалась кровью равнаго и нырнуваго тюленя, но убитые не всплывали, а искать ихъ въ очень мутной водѣ оказывалось напраснымъ трудомъ. Точно также мы не могли видѣть массаи поднимавшихся въ рѣку лососей, а судили о ходѣ ихъ только по тому, что, всякій разъ какъ мы закидывали нашъ небольшой неводъ, онъ тотчасъ же наполнялся большими рыбами. Медвѣдей

на такой рыбной рѣкѣ было конечно тоже довольно. Мы видѣли ихъ сидящими на берегу или еще чаще въ водѣ, гдѣ они повидимому были заняты рыбной ловлей; нѣкоторые заходили даже такъ глубоко, что изъ воды выдавалась только голова. Кое-гдѣ видѣлись доказательства того, что трудъ ихъ не пропадалъ даромъ: я разумѣю разбросанные по берегу остатки съѣденныхъ лососей. Спя въ водѣ и протянувъ впередъ переднія конечности, медвѣдь оставался неподвиженъ; когда же въ промежутокъ между протянутыми лапами попадалъ какой нибудь изъ тѣснившихся въ своемъ движеніи лососей, то эти лапы немедленно захлопывались, захватывая вмѣстѣ съ тѣмъ и рыбу. Но охота на этихъ добродушныхъ рыбаковъ была невозможна, потому что размѣры лодки и сильный плескъ веселъ выдавали наше приближеніе. Въ большинствѣ случаевъ медвѣдь вскакивалъ и поспѣшно убѣгалъ, когда мы находились еще далеко отъ него. Далѣе вверхъ по рѣкѣ число и размѣры острововъ, а слѣдовательно и число раздѣляющихъ ихъ рукавовъ, становилось все меньше и меньше. Вода болѣе сосредоточивалась въ одномъ руслѣ, такъ что подниматься противъ теченія становилось все труднѣе. Подвигаться вдоль берега при помощи шестовъ, какъ то дѣлаютъ камчадалы въ своихъ узкихъ батахъ, было невозможно изъ-за большихъ размѣровъ нашей лодки. Длинные, далеко хватающія весла вельбота принуждали насъ держаться на болѣе открытыхъ мѣстахъ рѣки; а здѣсь теченіе въ скоромъ времени усилилось до такой степени, что, несмотря на величайшія усилія гребцовъ, мы едва подавались впередъ, и потому должны были наконецъ отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія. Намъ пришлось высадиться на берегъ, чтобы приготовиться къ поѣздкѣ внизъ по теченію.

Передъ нами на обширномъ пространствѣ разстиралась равнина, доходившая до горъ, все еще остававшихся въ большомъ отдаленіи. Жупанова сопка, цѣль нашей экскурсіи, продолжала оставаться далеко отъ насъ, хотя и стала нѣсколько ближе чѣмъ въ началѣ нашего плаванія по рѣкѣ: положеніе вулкана было подъ 225°. Ясно виднѣлись еще два безъимянныхъ конуса: одинъ, острый,

подъ 265° и другой, притупленный, подъ 316°; великолѣпный столбъ пара съ Семячика поднимался подъ 353°. Собственно болотистая мѣстность, сопровождающая низовье рѣки, оставалась уже позади насъ: мы добрались до средняго теченія, съ болѣе сухими берегами, но въ общемъ достигли лишь очень немногаго, а дальнѣйшее движеніе стало совсѣмъ невозможнымъ.

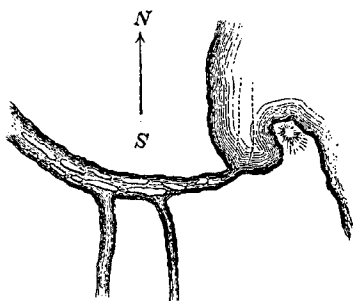
Въ старину берега р. Жупановой, а также сосѣднія мѣста были густо заселены камчадалами; еще во времена Крашенинникова на рѣкѣ стояли три большія поселенія, которыя оны называютъ по имени. У устья рѣки былъ расположенъ Оретынганъ, 34 верстами выше — Кошхподамъ, а еще 28 верстами выше — Олокино. Отъ этихъ поселеній прежде шли дороги къ мысу Налачеву, къ рѣкѣ Налачевой и поселенію на ней; далѣе къ Петропавловску и черезъ горный проходъ — въ Верхнекамчатскъ, т. е. въ долину р. Камчатки. Я едва-ли добрался до мѣста, гдѣ прежде стоялъ Кошхподамъ, потому что до черты, гдѣ мы повернули обратно, мы нигдѣ на берегу не видали слѣдовъ существованія тамъ большаго поселенія; но, судя по продолжительности нашего пути, во всякомъ случаѣ мы должны были быть уже недалеко оттуда.

Главное направленіе рѣки, если не считать немногихъ ея изгибовъ, проходить съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Глубина ея колеблется между 8 и 15 футами; но встрѣчаются глубины въ 20 и даже 22 фута. Теченіе въ главныхъ рукавахъ, которыми мы предпочтительно пользовались на обратномъ пути, было очень сильно; такимъ образомъ оно въ 1 часъ 45 минутъ принесло насъ обратно къ палаткамъ, которыя утромъ были оставлены на мѣстѣ и теперь вечеромъ оказались въ полной исправности.

На слѣдующій день, 5-го іюля, мы сняли палатки и прослѣдовали по рѣкѣ до устья ея. Послѣ червухъ 58 минутъ нашего плаванія внизъ по теченію, рѣка приняла явственно восточное направленіе; отъ нея на югъ отдѣлился широкій мелкій рукавъ со стоячей водой. Послѣ дальнѣйшихъ 17 минутъ плаванія въ во-

сточномъ направленіи, намъ встрѣтился еще такой же, обращенный къ югу, рукавъ; наконецъ, спустя еще 15 минутъ, мы достигли самаго устья и высадились на берегъ. При сегодняшнемъ плаваніи нами были встрѣчены меньшія глубины, колебавшіяся только между 6 и 12 футами; всего же чаще попадались глубины въ 7, 8 и 9 футовъ. У самаго устья рѣка, сжатая въ одномъ руслѣ, съ большой силой пробиваетъ береговой валъ, состоящій изъ прочнаго щебня, и затѣмъ, круто поворачивая къ сѣверу, параллельно морскому берегу, впадаетъ въ маленькую бухту; съ запада эта бухта ограничена матерымъ берегомъ, а съ юга и востока — ваноснымъ низкимъ мысомъ, на концѣ котораго находится упомянутая уже скалистая масса. Прощедши баръ съ глубиною въ 5 футовъ, мы скоро очутились на глубинахъ 15, 18, 20 футовъ и болѣе, все оставаясь однако въ области текущей къ сѣверу рѣчной воды, которая явственно обнаруживалась своимъ быстрымъ теченіемъ и большой мутностью. По обѣимъ сторонамъ этого теченія въ маленькой бухтѣ находились мели, почти совершенно ее заполнившія.

Здѣсь глубина была такъ мала, что даже наша лодка не могла найти удовлетворительнаго фарватера и мы принуждены были держаться рѣчнаго теченія. Я не могъ вайти у устья остатковъ прежняго острога Оретынгана; нужно думать, что эти остатки, состоявшіе исключительно изъ ямъ, совершенно занесены и засыпаны дѣйствіемъ высокої воды.

Устье р. Жупановой.

Оба неглубокихъ рукава, лишеныя всякаго теченія и направленные къ югу, принадлежатъ, какъ мнѣ кажется, къ категоріи тѣхъ замѣчательныхъ образований, которыя такъ часто встрѣчаются при устьяхъ камчатскихъ рѣкъ, особенно на запад-

номъ берегу полуострова и на р. Камчаткѣ. Это — старыя русла, нерѣдко на цѣлыя версты тянущіяся параллельно морскому берегу и отдѣленные отъ моря лишь небольшимъ валомъ изъ песку и дресвы. При значительномъ напорѣ воды во время весенняго половодья или послѣ продолжительныхъ дождей валъ прорывается въ томъ или другомъ мѣстѣ и рѣка получаетъ новое устье. Иногда же напротивъ волны, выбрасывая въ сильныя бури на берегъ большое количество твердаго матеріала, совсѣмъ загромождаютъ и заносятъ устье, такъ что непрерывно притекающая вода застаивается, приобретаетъ больший напоръ и ищетъ себѣ новыхъ выходовъ. Нерѣдко этотъ новый выходъ далеко отстоитъ отъ прежняго; такимъ образомъ устье рѣки, текущей параллельно морскому берегу, нерѣдко передвигается на значительное протяженіе при постоянной борьбѣ быстро притекающей рѣчной воды съ громадной силой морскихъ волнъ. Русскіе называютъ эти старыя русла заливами, и это названіе довольно характерно, потому что, когда устье многоводной рѣки замыкается, то естественнымъ послѣдствіемъ является стремленіе воды распространяться и заливать мѣста по сторонамъ; она прокладываетъ себѣ новые пути въ рыхлой наносной почвѣ, прорываетъ наконецъ все уплотняющуюся береговую дюну въ самомъ слабомъ ея мѣстѣ и такимъ образомъ снова соединяется съ моремъ. Разъ совершился прорывъ — новообразовавшееся сильное теченіе въ этомъ направленіи скоро вымываетъ настоящее рѣчное русло. Описываемые «заливы» наблюдаются только у рѣкъ, область устья которыхъ состоитъ изъ мягкаго, легко распадающагося матеріала, какъ песокъ или щебень; на скалистыхъ мѣстахъ ничего подобнаго не наблюдается. Многія рѣки имѣютъ по обѣимъ сторонамъ устья такія далеко простирающіяся «заливы», отдѣленные отъ моря лишь береговой дюной и прокладывающіе себѣ то тамъ, то здѣсь новое русло.

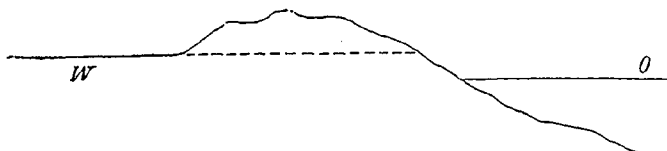
Медвѣдица съ двумя медвѣжатами и еще пара другихъ медвѣдей, усердно ловившихъ рыбу, раздражили охотничій пылъ Шестакова. Такъ какъ намъ не удалось добыть тюленей, а

мы очень нуждались въ жирѣ для смазки сапогъ и ремней, то я согласился сдѣлать высадку у устья. Тотчасъ нѣсколько стрѣлковъ собрались на охоту, и не прошло болѣе получаса, какъ въ нашей лодкѣ лежалъ уже большой бурый медвѣдь.

5-го іюля, въ 10 часовъ утра, мы вошли въ маленькую бухту. Сперва мы предоставили широкому и быстрому теченію рѣки Жупановой, съ обѣихъ сторонъ ограниченному мелями, нести нашу лодку на сѣверъ, а затѣмъ только взялись за весла. Почти цѣлый часъ мы шли еще по мутной прѣсной рѣчной водѣ, послѣ чего достигли широкой полосы изъ пловучаго ила, травы и щепы, которая распространялась перпендикулярно къ теченію. Здѣсь повидимому уравнивались силы моря и рѣки, потому что, пройдя на веслахъ эту полосу, мы прямо вошли въ чистую соленую морскую воду, гдѣ уже не чувствовалось никакого теченія.

Береговая линія проходитъ здѣсь къ сѣверу. Плоскій берегъ повсюду образованъ высокимъ дюннымъ валомъ; ни скалъ, ни каменныхъ рифовъ нѣтъ. Такъ мы медленно, въ теченіе $2\frac{1}{4}$ часа, шли подъ парусомъ при слабомъ юго-восточномъ вѣтрѣ. Но внезапно вѣтеръ повернулъ къ востоку и быстро началъ усиливаться. Темныя облака сгучивались, и намъ скоро стало ясно, что приближается буря. Волны уже были очень высоки, и шагахъ въ тридцати отъ берега становился замѣтенъ бурунь. Последнее обстоятельство показывало, что впереди берега и параллельно его очертанію проходила отмель, между которой и берегомъ должна была находиться напротивъ достаточная глубина. Но такая отмель у берега во время волненія всегда составляетъ опасность для причаливающей лодки. Поэтому мы повернули назадъ, въ расчетѣ опять достигнуть устья рѣки. Но разстояніе до него было слишкомъ велико, а такъ какъ вѣтеръ усиливался съ каждымъ мгновеніемъ, то мы высадились въ мѣстѣ, гдѣ прибой обнаруживался ближе всего отъ берега. Это было рискованной затѣей, но искусство Шестакова выручило насъ. Маневрируя какъ и ранѣе въ подобныхъ случаяхъ, мы предоставили высокой волнѣ, незадолго

до того какъ она должна была разбиться, подхватить нашу лодку и выбросить ее далеко на берегъ. Въ три часа мы могли уже поставить палатки и развести огонь. Мы находились на высокомъ дюнномъ валу, далеко протянувшемся къ югу и сѣверу и отдѣлявшемъ отъ моря низкую равнину. Валъ имѣлъ не менѣе 50 шаговъ въ ширину и былъ на 15—18 футовъ выше лежавшей за нимъ низменности; наибольшая высота его приходилась по срединѣ, откуда постепенно убывала въ обѣ стороны. Низкая же равнина при приливѣ поднималась не болѣе какъ на 5—6 фу-

Болотистая мѣстность.

Валъ изъ щебня.

Море.

товъ надъ уровнемъ моря. Какъ на рѣкѣ Жупановой, такъ и здѣсь до дальнихъ горъ, поднимавшихся на западѣ, простиралась плоская равнина, сплошь устѣянная небольшими озерами, болотами и лужами. Кусты и деревья видѣлись лишь вдали, и то маленькими группами. Зато здѣсь волновалась роскошная поросль какого-то злака (*Strandhafer*, какой нибудь видъ изъ рода *Elymus*), высота котораго мѣстами достигала человѣческаго роста. Этотъ злакъ былъ перемѣшанъ съ большимъ количествомъ гороха — *Pisum maritimum*. Къ нашему счастью и здѣсь также имѣлось большое количество наноснаго лѣса, среди котораго мы нашли обломки разбившагося вельбота. Не прошло и часу послѣ нашей высадки, какъ восточный вѣтеръ разразился съ полной силой бури: прибой до того неистовствовалъ прямо подъ нашими ногами, что пѣна долетала до насъ. Замѣчательно, что и сегодня незадолго до непогоды нами были встрѣчены игравшіе киты. Эта невольная высадка, совершенно не входившая въ наши планы, была уже сама по себѣ достаточно неприятна; но каково было намъ вытерпѣть здѣсь шестидневный плѣнь изъ-за вѣтра и волненія! Беззащитными

стояли наши палатки на валу, не разъ ихъ опрокидывало и рвало вѣтромъ. Если дождь хлесталъ крупными каплями по мокрому полотну палатокъ, то внутри моросило дождевой пылью, отъ которой все промокло. Тяжелыя, мрачныя облака дѣлали ночи до того темными, что едва можно было видѣть и распознавать окружающіе предметы; только ослѣпительно бѣлая пѣна ближняго прибоя, свѣтившаяся тысячами искръ, выдѣлялась среди сплошнаго темносѣраго фона. При этомъ непрерывный грохотъ разбивавшихся волнъ былъ такъ оглушительнъ, что мы могли слышать другъ друга лишь при громкомъ разговорѣ. Правда, по временамъ небо прояснялось, но надежда на освобожденіе очень быстро разсѣвалась: пенюга опять начинала бушевать по прежнему. Ночь съ 7-го на 8-е іюля отличалась особенно сильнымъ дождемъ, хотя, къ счастью, дожди за это время были не часты. Въ тѣ часы, когда небо становилось яснѣе, мы предпринимали небольшія экскурсіи, чтобы поискать дичи. Шестаковъ полагалъ, что на этой низкой, поросшей травю мѣстности могутъ встрѣтиться олени, которые лѣтомъ охотно выискиваютъ открытыя, обдуваемые вѣтромъ мѣста, такъ какъ на нихъ легче спастись отъ комаровъ. Прогуливаясь по дюнному валу, по направленію къ холмообразному возвышенію, верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ нашего лагеря, мы, какъ и ожидали, нашли устье небольшой рѣки Карау, текущей прямо съ запада и имѣющей въ ширину 6—7 сажень. Непосредственно вблизи песчанаго холма находилось неглубокое устье рѣки, прозрачная вода которой представлялась какъ бы запруженной благодаря страшному напору волнъ, задерживавшему стокъ воды. Несмотря на то что, постоянно нагромождая рыхлый матеріалъ, волны почти уже засыпали это устье, лососи тѣснились здѣсь плотными стаями, входя изъ моря въ рѣку. Нерѣдко уже на разстояніи вѣсколькихъ сажень видѣлись въ морѣ металлически-блестящія тѣла этихъ рыбъ, когда онѣ приближались сплошной массой и при этомъ которая нибудь изъ нихъ опрокидывалась сильнымъ движеніемъ воды. Съ изумительнымъ знаніемъ мѣста лососи тѣснились

къ устью; немного не доходя до него, они на короткое время останавливались, какъ бы для отдыха, и затѣмъ съ освѣженными силами устремлялись въ рѣку. Рыбы, гонимыя инстинктомъ, проходятъ нерѣдко сотни верстъ противъ теченія, пока наконецъ не доберутся до послѣднихъ, мелчайшихъ горныхъ ручьевъ, гдѣ, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ надъ урвнемъ моря, откладываютъ свою икру и такимъ образомъ достигаютъ конечной цѣли своего долгаго и изнурительнаго путешествія, совершаемаго ими съ невѣроятной энергіей. Здѣсь, при устьѣ Карау, намъ было въ высшей степени интересно наблюдать, какъ рыбы, всячески измѣняя свое положеніе и способъ движенія, старались пользоваться всякой удобной минутой для преодоленія трудностей при входѣ въ рѣку. Иныя особи, потерявъ въ тѣснотѣ направленіе къ устью, выбрасывались волнами на берегъ, откуда онѣ, извиваясь и дѣлая скачки, стремились опять добраться до воды; другія скачками-же старались скорѣе миновать небольшія препятствія, встрѣчавшіяся имъ на пути; третьи, наконецъ, не будучи въ состояніи пройти впередъ, мѣняли мѣсто атаки и съ новаго пункта возобновляли усилія. Коротко сказать, на нашихъ глазахъ тѣсно сплоченныя животныя вели настоящую борьбу со стихіями. Теперь былъ ходъ горбуши (*Salmo proteus*) съ нѣкоторою примѣсью красной рыбы (*Salmo lycaodon*). Для насъ устье Карау представлялось очень желаннымъ источникомъ прекрасной свѣжей рыбы, которую мои люди ежедневно ловили въ изобиліи. Вверху, на довольно широкомъ песчаномъ холмѣ, находилось нѣсколько ямъ — остатковъ старинныхъ камчадалскихъ юртъ, теперь, судя по слѣдамъ, служившихъ логовищами для медвѣдей. Нѣсколько широкихъ тропъ, такъ хорошо утопанныхъ, что лучше этого не сдѣлалъ-бы и человѣкъ, вели прямо сюда изнутри страны. Звѣрей привлекало въ это мѣсто не только обиліе рыбы, но также, какъ мы вскорѣ убѣдились, и одно растеніе, пышно и обильно произрастающее здѣсь, а именно морской горохъ, до котораго медвѣди большіе охотники. Этотъ горохъ (*Pisum maritimum*) покрывалъ густой порослью весь валъ,

холмъ и на обширномъ протяженіи всю сосѣднюю мѣстность, уподобляя ее настоящему гороховому полю.

Пока мы съ высоты холма осматривали окрестности и любовались величественной картиной дико бушевавшаго моря, Шестаковъ у подошвы холма замѣтилъ большаго медвѣдя, справлявшаго здѣсь свою трапезу. Рыбы головки и кости указывали, что съ первымъ блюдомъ обѣда уже покончено; теперь старъй лакомка закусывалъ овощами, съ большимъ удовольствіемъ объѣдая и пережевывая сочный, стоявшій въ цвѣту горохъ. Направленіе вѣтра и громкій ревъ волнъ благопріятствовали намъ; такимъ образомъ, пользуясь еще прикрытіемъ холма, мы могли подкрасться къ звѣрю очень близко. Выстрѣлъ принадлежалъ мнѣ, и, отдѣленный всего нѣсколькими шагами отъ медвѣдя, я приготовился. Животное, ничего не подозрѣвая, продолжало сосать сладкій сокъ стеблей, какъ вдругъ раздался здѣшній охотничій окрикъ: «Эй, Мишка, вставай!». Какъ пораженный молніей, медвѣдь вскочилъ, повернулся и высоко поднялся. Я стоялъ лицомъ къ лицу передъ громаднымъ, выше человѣческаго роста, звѣремъ и мгновенно выстрѣлилъ. На такомъ близкомъ разстояніи не могло быть промаха: черезъ нѣсколько минутъ медвѣдь, изливъ обильный потокъ крови изъ своей пасти, былъ мертвъ, а нашъ лагерный котелъ наполнился медвѣжатинной. Сильно объѣденное гороховое поле свидѣтельствовало о томъ, что встрѣченный нами медвѣдь былъ здѣсь не единственный любитель гороха.

Изъ нашего лагеря въ минуты ясной погоды очень хорошо были видны дальніе горные кряжи и отдѣльныя горы. Съ помощью компаса я взялъ слѣдующіе пеленги: утесъ близъ устья рѣки Жупановой 160° , направленіе берега къ сѣверу 5° , Авачинская сопка 221° , Коряцкая сопка 227° , столбъ дыма на Жупановой сопкѣ 235° , гора между Жупановой сопкой и Семячкомъ 260° , другая гора между тѣми-же сопками 280° , столбъ пара на Семячикѣ $334\frac{1}{2}^\circ$, высокая горная масса между Семячкомъ и Кроноцкой сопкой 4° , Кроноцкая сопка $14\frac{1}{2}^\circ$.

Вѣтеръ съ большимъ постоянствомъ и съ неизмѣнной силой почти все время дулъ съ сѣверовостока и востока. Только 10-го іюля онъ ослабѣлъ и воздухъ сталъ теплѣе, такъ что въ полдень температура въ тѣни достигала уже 15° , между тѣмъ какъ въ предыдущіе дни термометръ показывалъ не болѣе $7-8^{\circ}$. 11-го іюля вѣтеръ значительно ослабѣлъ, волненіе на морѣ также начало стихать. Блуждая по мѣстности, поросшей травой, я могъ видѣть, какъ благодаря болѣе тихой и теплой погодѣ мѣръ насекомыхъ проявился большой массой особей. Шмели и стрекозы появились массами; мнѣ удалось поймать *Parnassius* и махаона. Такъ какъ сегодня нельзя было продолжать путешествія, то мы принялись за починку изъяновъ, причиненныхъ намъ бурей, дождемъ и морской водой при высадкѣ. Изъ числа собранныхъ насекомыхъ и растеній многія испортились до того, что ихъ пришлось выбросить; потеря эта очень меня огорчила. Наши запасы провіанта должны были быть высушены, палатки — починены, ремни и сапоги — смазаны. Коротко сказать, чтобы скольконибудь привести все въ порядокъ, потребовалось много работы.

Утромъ 12-го іюля все было окутано густымъ туманомъ; воздухъ прояснился только къ полудню. Мы немедленно приготовились къ отплытію и въ 12 часовъ были уже опять въ морѣ. На этотъ разъ нашъ выходъ совершился однако не вполнѣ безопасно; во всякомъ же случаѣ насъ порядкомъ промочило. Благодаря бурѣ образовалась мель, тянувшаяся параллельно берегу саженьяхъ въ 20 отъ него; надъ этой мелью еще продолжался прибой отъ не улегшагося волненія. Лишь съ большимъ трудомъ и напряженіемъ всѣхъ силъ удалось намъ выбраться отсюда, при чемъ нашу лодку чуть не опрокинуло. Дѣло въ томъ, что на барѣ было очень мало воды; поэтому лодка, задѣвая килемъ дно, хотя и не совсѣмъ остановилась, но все таки внезапно утерья значительную часть скорости, съ какой мы наѣхали сюда, чтобы пробраться черезъ опасное мѣсто; встрѣчное же волненіе, застигшее насъ здѣсь, повернуло ее бокомъ. Нѣсколько матросовъ тотчасъ же прыгнули въ воду, повернули лодку, столкнули ее и, какъ

только она сошла съ мели, ловко вскочили въ нее обратно. Такимъ образомъ мы благополучно и безъ ущерба вышли въ море, но люди и багажъ опять основательно промокли, а изъ лодки пришлось вычерпать много воды. Мы пошли на веслахъ сперва въ сѣверномъ направленіи мимо устья р. Карау; затѣмъ, приблизительно послѣ часоваго плаванія, достигли другой рѣки, устье которой было совершенно занесено пескомъ. Спустя $1\frac{1}{2}$ часа, мы добрались до устья Березовой, которое въ послѣднюю бурю также было засыпано пескомъ, и наконецъ, проѣхавъ еще 10 минутъ, нашли удобное мѣсто для высадки. Мы разбили палатки на довольно высокомъ, поросшемъ травою холмѣ. И здѣсь въ изобиліи нашелся наносный лѣсъ съ обломками разбитыхъ судовъ, что намъ дало возможность разложить громадный костеръ, который обсушилъ насъ и наши вещи. Все побережье, сегодня видѣнное нами, также представляло плоскій песчаный берегъ, дюнный валъ котораго все повышался къ сѣверу и мѣстами образовалъ небольшіе песчаные холмы. Паралельно съ этимъ валомъ на материкѣ, въ самомъ морѣ, всего въ 20—30 саженьяхъ отъ берега, тянулся баръ, покрытый лишь неглубокой водой и съ сильнымъ прибоемъ. Между баромъ и материкомъ опять входилась полоса глубокой и болѣе спокойной воды. Именно этотъ своеобразный характеръ берега являлся источникомъ опасности при высадкѣ и отплытіи, что мы испытали сегодня.

На пути сюда мы встрѣтили двухъ большихъ китовъ, пускавшихъ свои фонтаны и спокойно проплывшихъ мимо насъ, направляясь на югъ. Далѣе намъ удалось убить большую черную птицу, похожую на альбатроса, съ острымъ, изогнутымъ клювомъ и съ размахомъ крыльевъ въ 8 футовъ. На берегу видно было нѣсколько медвѣдей; одного изъ пняхъ на самомъ близкомъ разстояніи сопровождалъ волкъ, но оба звѣря не обращали по-видимому другъ на друга никакого вниманія. Если же они вели сообща какое нибудь дѣло, то можно быть увѣреннымъ, что честный Мишка терпѣлъ ущербъ отъ своего плутоватаго товарища.

Обсушившись у огня и поставивъ нашу лодку на вѣрное мѣсто, мы снова вернулись къ югу, чтобы посѣтить устье р. Березовой. Слѣдуя вдоль береговаго вала, мы въ полчаса были у пѣли нашей экскурсіи. Устье Березовой, благодаря бурѣ, также было занесено большой массой песка. Сильно запруженная рѣка уже прорвала береговой валъ, но черезъ новое устье въ море текло лишь немного воды. Въ теченіе тѣхъ немногихъ часовъ, которые мы здѣсь провели, напоръ воды успѣлъ прорыть уже болѣе глубокое русло, такъ что въ нѣсколько дней, если только не помѣшали-бы новыя бури, снова должно было-бы возстановиться полное устье. Вышеупомянутый паралельный берегу баръ проходилъ также мимо устья Березовой и кончался лишь въ очень близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря. Можно предполагать, что подобныя паралельныя берегу бары, благодаря повторяющимся бурямъ, такъ увеличиваются насчетъ приносимаго матеріала и такъ утрамбовываются, что поднимаются наконецъ надъ поверхностью воды, при чемъ между ними и матерымъ берегомъ остается длинное узкое озеро. Если въ такомъ мѣстѣ открывается рѣка, и если послѣдняя проложитъ себѣ дорогу къ морю, то только что упомянутое узкое береговое озеро постепенно выполняется рѣчнымъ иломъ, благодаря чему образуется низменный, ограниченный двумя паралельными валами, участокъ берега. Но если напоръ волнъ мѣшаетъ рѣкѣ излиться въ море, то образуется «заливъ», т. е. боковой изливъ въ береговое озеро. Вода, сильно накопляясь въ послѣднемъ, пріобрѣтаетъ наконецъ столько силы, что прорываетъ плотину и такимъ путемъ образуетъ новое устье. Не менѣе часто описываемыхъ «заливовъ» я встрѣчалъ въ Камчаткѣ на низкихъ песчаныхъ берегахъ 2, 3 и даже болѣе паралельныхъ дюнь, песчаные промежутки между которыми нерѣдко поросли уже деревьями. Всѣ подобныя образованія носятъ самый несомнѣнный характеръ наноса, произведеннаго волнами. Березовая въ нижнемъ своемъ теченіи имѣетъ ширину около 15 сажень и приходитъ съ юго-юго-запада, затѣмъ, въ непосредственной близости моря, круто поворачиваетъ

на юго-востокъ и впадаетъ наконецъ, протекая въ восточномъ направленіи, въ море. Съ сѣверо-запада, немного не доходя до рѣзкаго изгиба, въ Березовую впадаетъ короткій ручей, отводящій воду небольшого болотнаго озера. Прозрачная вода рѣки, имѣющей въ глубину 3—4 фута, течетъ по галешнику, состоящему большею частью изъ пористыхъ лавовыхъ породъ красноватаго, бурога и темносѣраго цвѣтовъ. Березовая скорѣе носитъ характеръ горной рѣки: здѣсь нѣтъ мутной воды и болотистыхъ береговъ, какіе мы встрѣтили на Жупановой. Горы, проходящія въ большомъ разстояніи отъ устья послѣдней, здѣсь подходятъ гораздо ближе къ морю. Очень полный и не особенно высокий недѣйствующій конусъ выступаетъ вполнѣ явственно по направленію верхняго теченія Березовой; это быть можетъ Малый Семячикъ.

И здѣсь лососи шли въ рѣку; но, такъ какъ при нашемъ посѣщеніи устье было сильно занесено пескомъ, то и ходъ ихъ былъ слабый. По берегу нерѣдко валялись крупные березовые стволы, принесенные половодьемъ изъ области верховьевъ р. Березовой. То были исключительно стволы *Betula Ermani*, видимо образуемой лѣса въ болѣе высокихъ мѣстахъ и давшей вѣроятно поводъ назвать рѣку «Березовой».

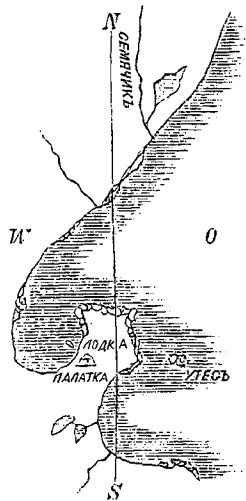
Вечеромъ мы вернулись къ нашему лагерю, расположенному верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ къ сѣверу отъ устья Березовой, при впадении въ море другаго небольшого ручья. Опять мы встрѣчали медвѣдей, которые однако убѣгали, еще издали завидѣвъ насъ. Но тою-же ночью намъ пришлось убѣдиться въ чрезвычайной дерзости этихъ звѣрей. Вскорѣ послѣ того какъ мы улеглись, часовъ въ 10 вечера, насъ разбудилъ довольно сильный толчекъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что мы спали прямо на землѣ. Проснувшись, я ждалъ дальнѣйшихъ сотрясеній; но толчекъ, показавшійся мнѣ вертикальнымъ, не повторялся. Понемногу я опять погрузился въ дремоту, какъ вдругъ у самой палатки послышались тяжелые шаги и фырканье. Шестаковъ, спавшій въ моей палаткѣ, тотчасъ-же проснулся, приподнялъ немного полотнище, выстрѣ-

лилъ—и большой медвѣдь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ повалился въ предсмертныхъ корчахъ.

Утромъ 13-го іюля, при чудной погодѣ, мы въ 7 часовъ утра уже вышли въ море. Отплытіе снова нѣсколько затруднилось, но все-же, благодаря искусству Шестакова и силѣ гребцовъ, мы благополучно справились со всѣми препятствіями. Начиная съ устья Жупановой и до Березовой передъ вами былъ только плоскій песчаный берегъ съ дюннымъ валомъ и параллельнымъ берегу баромъ въ морѣ. Теперь все это измѣнилось: на берегу показался низкій конгломератъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился баръ. Нашъ курсъ опять шелъ вдоль берега, на сѣверъ съ уклоненіемъ къ востоку. Пройдя 20 минутъ на веслахъ, мы дошли до второй (считая отъ Березовой) рѣчки, впадающей въ небольшую бухту съ песчавымъ берегомъ. Теперь берегъ сталъ каменистъ, но оставался по прежнему низкимъ. Затѣмъ мы прошли мимо двухъ маленькихъ ключевыхъ ручьевъ, а спустя 35 минутъ—мимо третьей рѣчки. Еще черезъ 20 минутъ мы снова достигли небольшой бухты, откуда, повернувъ на сѣверо-западъ и западъ, обогнули широкий трехзубчатый мысъ, состоящій изъ темвострой неслойстой породы; впереди мыса находился небольшой рифъ и одиноко выдающійся изъ моря утесъ. Послѣ этого мы вошли въ совершенно закрытую бухту, берегъ которой частью былъ низокъ и песчанъ, частью состоялъ изъ небольшихъ скалистыхъ выступовъ. Отсюда мы въ теченіе 30 минутъ шли на веслахъ въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи до устья р. Семячика. Устье Семячика было занесено пескомъ, а берегъ оказался совершенно открытымъ, такъ что мы вернулись въ только что оставленную небольшую бухту, лодку поставили на якорь и затѣмъ отправились пѣшкомъ вдоль берега до только что упомянутаго устья, пользуясь прекрасно утоптанной медвѣжьей тропой. Мѣстность здѣсь была чрезвычайно привлекательна, со слегка волнистой поверхностью и богатѣйшей растительностью. Хотя лѣсъ здѣсь вообще невысокъ, однако кажется крѣпкимъ и здоровымъ. *Betula Ermani*, рябина, ива, ольха, съ подсѣдомъ

изъ шиповника и *Crataegus* и съ высокими травами, среди которыхъ особенно выдавался своимъ ростомъ какой-то *Epilobium*— вотъ главный составъ этихъ лѣсовъ.

Запруженная вода рѣки усиленно напирала на засыпанное устье, чтобы снова проложить себѣ свободный выходъ въ море, и можно было видѣть, какъ по мѣрѣ достиженія этого результата въ рѣку входило все болѣе и болѣе лососей. Недалеко отъ устья Семячика, текущаго съ сѣвера, въ него открывается не очень маленькое продолговатое озеро съ низкими берегами, лежащее между рѣкой и берегомъ, направление котораго здѣсь сѣверо-восточное. Недалеко отъ моря, на возвышенномъ мѣстѣ берега рѣки, находились остатки камчадалскихъ жилищъ, во всякомъ случаѣ принадлежавшихъ уже болѣе новому времени; на это указывало присутствіе многочисленныхъ развалинъ деревянныхъ построекъ, главнымъ же образомъ очень хорошо сохранившагося балагана (для сушенія рыбы), на которомъ мѣстами удержалась еще кровля, сдѣланная изъ травы. На берегу лежали также два пришедшіе въ негодность бата общепринятой въ Камчаткѣ конструкции; по утвари не нашлось никакой. Множество совершенно черныхъ ласточекъ летало надъ потемнѣвшимъ корпусомъ балагана, въ которомъ онѣ вили свои гнѣзда. По всему было видно, что здѣсь, на мѣстѣ стариннаго поселенія, камчадалы, нынѣ живущіе въ долинѣ рѣки Камчатки, вновь отстроили себѣ лѣтнія жилища для охоты и рыбной ловли. Во время же нашего посѣщенія мѣстность была пустынна и мертва; только частые слѣды медвѣдей, волковъ и оленей виднѣлись повсюду. Горы подошли здѣсь уже очень близко къ берегу. Надъ ними выдавалась Кроноцкая сопка

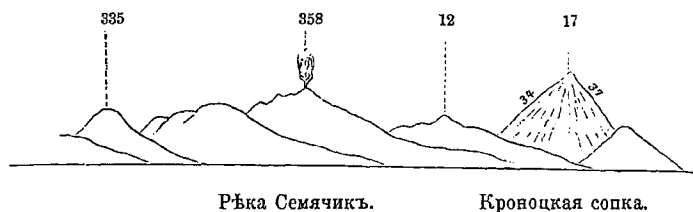

Устье Семячика.

подъ 16° и Большой Семячикъ со своимъ столбомъ пара подъ 268°.

Русло рѣки было переполнено гальками вулканическихъ породъ, почти все пористыхъ, лавообразныхъ и большею частью темноцвѣтныхъ, варіировавшихъ отъ чернаго до сѣраго или отъ бурога до красноватаго цвѣта. Начиная отъ мѣста нашей послѣдней стоянки, на берегу часто встрѣчались низкіе утесистые участки, состояшіе то изъ мелкихъ, то изъ грубыхъ конгломератовъ. Здѣсь кое-гдѣ виднѣются уже береговыя высоты, достигающія 100 футовъ и состоящія изъ темносѣрой породы. Эта порода ясно слоиста и очень правильно расщеплена въ направленіи перпендикулярномъ слоистости. Трещины ограничены гладкими и правильными поверхностями. Мощность слоевъ достигаетъ 1 фута; они состоятъ изъ тонкихъ табличекъ какихъ-то вулканическихъ породъ, которыя имѣютъ видъ какъ бы образовавшихся потокъ, затѣмъ застывшихъ, и при томъ слѣдующихъ главнымъ образомъ восточному направленію. То-же направленіе обнаруживали малевкія продолговатыя поры и включенныя въ породу болѣе крупныя обломки; наконецъ и самыя слои повидимому также направлены на востокъ. Въ описываемую темно-сѣрую слоистую породу включены обломки лавъ, пемзъ и чернаго съ угольнымъ блескомъ минерала, встрѣчающагося въ большомъ количествѣ и повидимому битуминознаго характера. Сверхъ того встрѣчаются включенныя въ описываемыхъ слояхъ свѣтложелтоватыя, легко распадающіяся и растирающіяся части, почти исключительно состоящія изъ обломковъ пемзы и переполненныя мелкими, желтоватыми, блестящими слюдяными листочками. Я не могу считать эти слоистыя массы потоками лавы, хотя онѣ по общему виду и по внутреннему своему строенію представляютъ какъ бы застывшіе, наклоненные къ востоку, потоки: для лавъ онѣ имѣютъ слишкомъ мало сплавленности, а также слишкомъ непрочны и мало пористы; мнѣ кажется напротивъ, что матеріалъ, составляющій эти массы, принесенъ сюда въ видѣ водянистой кашицы съ вулкановъ, находящихся внутри страны, и слѣ-

довательно представляет собою продукты вулканических извержений, принесенные потоками воды. Всюду, въ руслѣ рѣки и на морскомъ берегу, валялись многочисленные обломки пемзы всевозможной величины, начиная отъ мельчайшихъ частичекъ распада и кончая кусками, величиною съ кулакъ. Особенно поразительно было изобиліе галекъ пемзы въ небольшомъ, чрезвычайно быстромъ ручьѣ, съ совершенно прозрачной водой, который намъ пришлось перейти на пути къ устью Семячика, и который владаетъ въ море немного южнѣ послѣдняго. Благодаря ясному горизонту я съ мѣста нашей стоянки (у маленькой бухты, лежащей къ югу отъ рѣки Семячика) могъ взять пеленги слѣдующихъ большихъ горъ: почти на $NNO 17^\circ$ поднималась Кронцокая сопка, затѣмъ подь 12° выступалъ вытянутый кряжъ, общая форма котораго также походитъ на очень плоскій конусъ. Затѣмъ подь 358° , стало быть почти на сѣверъ отъ насъ, высился длинный, притупленный, на вершинѣ разорванный конусъ, съ котораго повидимому поднималось об-

лачко пара — вѣроятпо вулканъ Кихпиничъ. Затѣмъ шла длинная группа съ закругленными вершинами, за которой подь 335° выступалъ притупленный, не очень высокій конусъ; повидимому у подошвы послѣдняго р. Семячикъ выходитъ изъ горъ. Далѣе, къ сѣверу отъ Большаго Семячика, находился высокій притупленный конусъ 290° , затѣмъ болѣе высокая недѣйствующая вершина Большаго Семячика 279° и столбъ пара на его болѣе низкой южной сторонѣ 272° , видимый слѣдовательно почти въ западномъ направленіи.

Всѣ высоты и горы были повидимому совершенно свободны отъ снѣга, только на Кронцокой сопкѣ онъ виднѣлся еще въ ея

продольныхъ ущельяхъ. Послѣдній вулканъ совершенно погасшій. Великолѣпный видъ представляетъ его высокій, широкій и полный конусъ, господствующій надъ всей сѣверной стороной горизонта. Восточная сторона его подвигается подъ угломъ въ 37° , а западная—въ 34° . Мощныя продольныя ребра идутъ отъ подошвы вулкана къ его вершинѣ и, благодаря контрасту съ бѣлизной снѣга, лежащаго въ длинныхъ ущельяхъ между ними, кажутся особенно темными. Вечеромъ, при чудномъ солнечномъ закатѣ, передъ нами открылась такая великолѣпная картина, что я никогда ея не забуду. Между черными ребрами Кронуцкой сопки снѣгъ сиялъ яркимъ розовымъ свѣтомъ, и весь рядъ горъ, увѣнчанный темными столбами дыма и пара, которые поднимались съ вулкановъ, обрисовывался въ красноватомъ освѣщеніи ва сивемъ небѣ. Начиная съ сѣверо-сѣверо-востока сплошь до запада и до дальняго юго-запада, гдѣ еще была видна Жупанова сопка съ ея снѣгомъ, вся великолѣпная горная цѣпь свѣтилась, между тѣмъ какъ на востокъ разстилалось море самаго густаго темно-синяго цвѣта. Къ сожалѣнію намъ недолго пришлось любоваться этимъ чуднымъ зрѣлищемъ, и виною этому опять былъ вашъ заклятый врагъ — сѣверо-восточный вѣтеръ. Тотчасъ-же послѣ заката вся горная цѣпь покрылась туманомъ, а на востокъ поднялись зловѣщія облака. Уже въ первую половину ночи вѣтеръ дулъ съ большой силой, а къ утру разразился настоящій штормъ съ нордоста, сопутствуемый сильными ливнями. Утромъ 14-го іюля море опять дико бушевало. Но мы въ своей небольшой бухтѣ чувствовали себя въ полнѣйшей безопасности и даже не вытащили-бы лодки на берегъ, если-бы не требовалось про-извести въ ней маленькой починки. Несмотря на всю осторожность наша легкая лодка при высадкахъ испытала столько жесткихъ ударовъ, что кое-гдѣ стала пропускать воду. Такимъ образомъ 14 и 15-го іюля мы спокойно остались на берегу, въ ожиданіи лучшей погоды. Холодные туманы перемежались съ ливнями при температурѣ воздуха не болѣе $7-8^{\circ}$ и при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ.

Близъ нашихъ палатокъ, именно на нѣсколько каенистомъ полуостровѣ, отдѣлявшемъ маленькую бухту отъ моря, мы опять встрѣтили остатки старокамчадалскихъ поселеній. Они ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ прежде видѣнныхъ, только были расположены тѣснѣе и имѣли болѣе глубокія ямы. Находки въ нихъ также не представили ничего новаго. Выборъ этого мѣста для поселенія обусловливался повидимому присутствіемъ ключа, выходящаго здѣсь близъ морскаго берега. Обильная, чистая, вкусная вода этого ключа выходитъ изъ земли съ температурой лишь въ 2° и послѣ короткаго теченія впадаетъ въ море. Свѣжая, хорошая вода для питья составляетъ и для современныхъ камчадаловъ первую жизненную необходимость. Они умѣютъ цѣнить воду, очень разборчивы въ выборѣ ея и способны поглощать ее въ невѣроятномъ количествѣ. Нерѣдко камчадалъ при своихъ охотничьихъ скитаніяхъ не полѣнится сдѣлать большой обходъ, чтобы освѣжиться водой изъ какого нибудь извѣстаго ему ключа. Въ описываемой мѣстности поселенцевъ привлекало еще обиліе рыбы и дичи. Мы тоже не испытывали недостатка въ этомъ, потому что на маленькой бухтѣ и на нѣсколькихъ прудообразныхъ бассейнахъ здѣсь въ большомъ числѣ держались разныя утки. Сверхъ того мы настрѣляли небольшихъ куликовъ, стаями бѣгавшихъ по берегу.

Едва-ли требуется еще упомянуть, что и здѣсь мы неоднократно встрѣчались съ медвѣдями: это само собою разумѣется при путешествіи по Камчаткѣ. Тѣмъ не менѣе я не могу совершенно обойти молчаніемъ эти встрѣчи, потому что съ ними связаны нѣкоторыя наши приключенія. Какъ меня убѣдили позднѣйшіе разъѣзды по странѣ, восточный берегъ Камчатки особенно богатъ медвѣдями. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ животныхъ; особенно много ихъ было на рѣкахъ Жупановой, Березовой и Семячкѣ. Всюду — на морскомъ берегу, вдоль рѣкъ и по направленію внутрь страны, къ горамъ — встрѣчались широкія, хорошо утоптанная медвѣжьи тропы. Гдѣ на пути медвѣдей былъ ивовый,

ольховый и кедровый кустарникъ, тамъ вѣтви оказывались придавленными и раздвинутыми въ сторону; звѣри обходили болотистыя, топкія мѣста и напротивъ выискивали неглубокіе броды черезъ рѣки и удобные доступы къ морю. Такъ какъ въ своихъ странствіяхъ мы тоже охотно пользовались этими удобными путями сообщенія, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого выбора дорогъ были ежедневныя встрѣчи съ многочисленными устроителями ихъ. Въ большинствѣ случаевъ медвѣди, завидѣвъ насъ, обращались въ бѣгство; болѣе дерзкихъ мы пугали холостыми выстрѣлами, чтобы избавиться отъ причиняемаго ими безпокойства. Почти ежедневно намъ случалось убивать медвѣдя, хотя воспользоваться убитымъ звѣремъ намъ приходилось лишь изрѣдка, именно при недостаткѣ мяса и сала. Только небольшая часть добычи шла въ дѣло, шкура же съ большей частью туши оставалась на мѣстѣ нашей стоянки и впоследствии конечно служила добычей для другихъ хищниковъ. Эта безлюдная, но чрезвычайно обильная рыбой область восточнаго берега по всей справедливости заслуживаетъ названія медвѣжьего царства. Встрѣченное здѣсь количество медвѣдей до того поразило моихъ спутниковъ, русскихъ уроженцевъ Камчатки и слѣдовательно хорошо знавшихъ богатство ея этимъ звѣремъ, что они придумали даже особое прилагательное для обозначенія этого обстоятельства. Такъ Шестаковъ выразился послѣ одной прогулки: «однако это мѣсто весьма медвѣжисто». 14-го числа, пока мы были заняты починкой лодки, внезапно вблизи насъ появился медвѣдь. Увидѣвъ насъ, онъ тотчасъ-же бросился бѣжать, но былъ сильно раненъ пущенной въ догоню пулей и потерялъ много крови. Животное бросилось въ море, далеко отплыло, несмотря на волны, и только на большомъ отъ насъ разстояніи выбралось на сушу, гдѣ, прихрамывая, скрылось вглубь страны. Интересно было слѣдить, какъ долго могъ плавать, да еще при волненіи, такъ сильно раненный звѣрь: на водѣ мы его видѣли съ часъ времени. Другого медвѣдя мы наблюдали занятымъ рыбной ловлей въ одномъ ручьѣ. Онъ дѣлалъ при этомъ самые смѣшныя прыжки, но повидимому не имѣлъ успѣха. Дол-

гое время, скрытые отъ звѣря, мы, покатываясь со смѣху, наблюдали потѣшную сцену, пока наконецъ медвѣдь, замѣтивъ насъ, не поспѣшилъ въ испугѣ оставить мѣсто.

16-го Іюля, несмотря на густой туманъ, уже въ 7 часовъ утра мы были въ морѣ. Первые 30 минутъ мы шли на веслахъ отъ устья р. Семячика на сѣверо-сѣверо-востокъ, слѣдуя вдоль низкаго берега, состоявшаго изъ песчаныхъ дюнь. Затѣмъ берегъ сталъ нѣсколько выше и каменистъ, и мы сперва шли 40 минутъ на сѣверо-сѣверо-востокъ и потомъ 45 минутъ на сѣверо-востокъ. Здѣсь я замѣтилъ на берегу сильное выдѣленіе пара — отъ горячаго ручья, впадавшаго въ море. Къ сожалѣнію высадкѣ въ этомъ мѣстѣ помѣшали крутое скалистое побережье и многочисленныя мели въ морѣ. Очевидно въ настоящемъ случаѣ паръ шелъ изъ очень горячаго ключа, выходящаго совсѣмъ близко отъ моря и впадающаго въ него послѣ короткаго теченія.

Туманъ исчезъ и при благопріятномъ вѣтрѣ мы могли пойти подъ парусомъ. Теперь въ теченіе часа и 45 минутъ мы ѣхали на сѣверо-востокъ вдоль скалистаго берега, состоявшаго изъ длиннаго ряда маленькихъ, раздѣленныхъ небольшими мысами бухтъ, въ каждую изъ которыхъ впадало по небольшому ручью. Страна представлялась холмистой и поросла умѣренно высокими березовымъ лѣсомъ. Вѣтеръ становился все свѣжѣе, и мы шли еще часъ на сѣверо-востокъ вдоль берега, сохранявшаго тотъ-же характеръ, пока не достигли устья небольшой рѣки, гдѣ ближнія лѣсистыя горы кончались у моря утесами. Затѣмъ высоты отступили болѣе внутрь страны, съ боку отъ насъ опять видѣлось побережье изъ песчаныхъ дюнь, позади котораго повидимому разстилалась обширная, ровная, низкая тундра, поросшая травой. Вдоль этого берега мы шли сперва 1 часъ и 45 минутъ на сѣверо-сѣверо-востокъ и затѣмъ 35 минутъ на сѣверо-востокъ, послѣ чего мы опять прошли мимо устья какой-то рѣки. Затѣмъ, пройдя еще 1 часъ и 10 минутъ на сѣверо-востокъ и 1 часъ и 45 минутъ на востоко-сѣверо-востокъ, при чемъ вѣтеръ совершенно стихъ, мы достигли устья рѣки Кродакыга, черезъ которую боль-

шое Кронюцкое озеро открывается въ море. Здѣсь мы высадились въ непосредственной близости устья на морскомъ берегу, такъ какъ входъ въ самое устье, по причинѣ мелей, былъ невозможенъ. Въ морѣ, непосредственно передъ устьемъ рѣки, изъ воды выглядывало множество тюленей, то нырявшихъ, то снова поднимавшихся надъ поверхностью свои гладкія, любопытныя фізіономіи. Передъ тюленями тѣснились въ большомъ количествѣ лососи, старавшіеся черезъ баръ проникнуть изъ моря въ неглубокое устье рѣки. То были преимущественно горбуша (*Salmo proteus*) и хайко (*Salmo lagocephalus*), устремлявшіеся внутрь страны. Относительно тюленей повидимому общимъ правиломъ можетъ считаться, что они никогда не преслѣдуютъ рыбы въ рѣкахъ съ неглубокой, чистой водой, а напротивъ заходятъ далеко вверхъ по глубокимъ мутнымъ рѣкамъ.

Мы разбили палатки на берегу рѣки, очень близко отъ устья, и недалеко отъ своего лагеря нашли остатки стараго острога Ешкунъ; сверхъ многочисленныхъ ямъ здѣсь нашли еще полуразрушенные балаганы и пришедшій въ полную негодность батъ. Это мѣсто, во времена Стеллера и Крашенинникова заселенное и считавшееся важнымъ острогомъ, теперь было совершенно мертво и безлюдно. Прежде Ешкунъ составлялъ главную станцію на пути изъ Петропавловска и Большерѣцка въ Нижнекамчатскъ, т. е. на пути, который велъ тогда отъ Авачинской губы по восточному берегу полуострова и проходилъ черезъ многія крупныя поселенія, нынѣ совершенно опустѣвшія. Если не считать Авачинской губы, то весь восточный берегъ Камчатки, отъ мыса Лопатки до устья рѣки Камчатки, теперь лишень всякаго человѣческаго жилья. Ешкунъ, а также и вся мѣстность по Кродакыгу, при нашемъ посѣщеніи паселены были лишь лѣсными звѣрями, зато, правда, въ необыкновенномъ изобиліи. Почти всѣ старыя ямы юртъ служили логовищами для медвѣдей. Передъ высадкой и послѣ нея мы должны были сперва разогнать выстрѣлами новыхъ обитателей стараго Ешкуна, чтобы избавиться отъ этихъ скучныхъ и назойливыхъ, хотя и незлобивыхъ, посѣтителей.

Меня болѣе всего интересовало прослѣдовать вверхъ по теченію рѣки Кродакыга, съ цѣлью добраться, если возможно, до наибольшаго альпійскаго озера Камчатки — Кроноцкаго, единственный стокъ котораго къ морю и составляетъ названной рѣкой.

Для этого мы утромъ 17-го іюля перетащили свою лодку отъ морскаго берега черезъ тундру въ рѣку, чтобы попытаться проѣхать вверхъ противъ теченія. Все мѣсто, до дальней горной цѣпи, представляетъ ровную, большую частью очень болотистую, лишенаую древесной растительности тундру, поросшую лишь шикшей (*Empetrum nigrum*) и морскимъ горохомъ (*Pisum maritimum*); мѣстами на ней растутъ еще низкій ивнякъ. Лишь изрѣдка надъ безкопечной равниной поднимался плоскій холмъ, поросшій однокимп, небольшими березками. Черезъ эту низкую болотистую тундру вьется большими изгибами широкая быстротечная рѣка. Благодаря размыванію береговъ и образованію новыхъ руселъ, она повидимому неоднократно измѣняла свое теченіе въ рыхлыхъ песчаныхъ и щебневыхъ массахъ, изъ которыхъ состоитъ вся тундра. Такимъ образомъ была размыта и разрушена одна часть стараго Ешкуна, а выше по рѣкѣ — и другая группа остатковъ юртъ. Песокъ большую частью былъ темнаго, почти чернаго цвѣта и состоялъ изъ продуктовъ разрушенія вулканическихъ породъ. Многочисленные обломки пористыхъ лавъ, частью черныхъ, частью варіировавшихъ въ цвѣтѣ отъ темно-бураго до красноватаго, и темные твердые кремни въ большомъ количествѣ были разсѣяны по руслу рѣки и по тундрѣ; размѣры этихъ камней были весьма различны, начиная съ самыхъ мелкихъ, доходили до величины кулака.

При самой напряженной работѣ гребцовъ, мы съ трудомъ преодолевали сильное теченіе рѣки, такъ что едва подавались впередъ. Всюду намъ приходилось спугивать большія стаи утокъ и гусей, и почти на всякомъ новомъ поворотѣ рѣки мы встрѣчали медвѣдей, занятыхъ рыбной ловлей: въ одиночку или группами по два — по три сидѣли эти рыбаки на берегу или на половину въ водѣ. Видѣть людей было для медвѣдей совершенно необычнымъ

зрѣлищемъ, и поэтому оно вызывало въ нихъ полное изумленіе: они обыкновенно приподнимались и въ наблюдательной позѣ, не выражая ни малѣйшаго страха, какъ бы обдумывали: какой отпоръ дать этой небывалой дерзости пришельцевъ, вторгшихся въ ихъ владѣнія, гдѣ они до тѣхъ поръ неоспоримо и нераздѣльно царили? Затѣмъ, испуганные нашими окриками или выстрѣлами, медвѣди убѣгали съ бѣшеной поспѣшностью. Ихъ быстрыя движенія и скачки при этомъ бѣгствѣ, часто въ высшей степени нецѣлесообразные, были при этомъ очень забавны; но еще забавнѣе было видѣть невѣроятно быстрое слабительное дѣйствіе внезапнаго страха на кишечникъ медвѣдей, такъ что мои люди отъ смѣха часто не въ силахъ были грести.

Къ сожалѣнію здѣсь наше плаваніе вверхъ по рѣкѣ вскорѣ встрѣтило непреодолимое препятствіе: глубина воды по мѣрѣ движенія впередъ такъ убывала, что наша лодка всюду задѣвала дно, и вмѣстѣ съ тѣмъ теченіе становилось все сильнѣе. Дальнѣйшее плаваніе стало невозможно, хотя мы удалились отъ моря не болѣе какъ на 10 верстъ. По Крашенинникову (стр. 46) разстояніе отъ моря до Кроноцкаго озера равно 50 верстамъ; хотя это показаніе быть можетъ и нѣсколько преувеличено, но все-же мы были еще очень далеко отъ чуднаго альпійскаго бассейна. Далѣе Крашенинниковъ пишетъ: Кроноцкое озеро, имѣющее въ длину 50 и въ ширину 40 верстъ, лежитъ среди высочайшихъ горъ. Кродакыгъ (Кродакыгъ — Лиственничная) составляетъ единственный стокъ этого озера и устремляется изъ него въ видѣ водопада съ такой высоты, что подъ нимъ (водопадомъ) можно пройти. Въ озеро впадаетъ много ручьевъ, источники которыхъ лежатъ очень близко отъ бассейна рѣки Камчатки.

Затѣмъ мы читаемъ у Крашенинникова: обширное озеро, благодаря высокому водопаду, совершенно недостижимо для морскихъ рыбъ, а потому въ этомъ большомъ водоемѣ держатся рыбы, отличныя отъ морскихъ (голецъ и мальма, два менѣе крупныхъ вида лососей). О томъ-же сообщаетъ и Стеллеръ (стр. 34). Оба эти источника, единственные доставляющіе намъ свѣдѣнія о

Кроноцкомъ озерѣ, подтверждаютъ слѣдовательно, что морскія рыбы не могутъ проникнуть въ озеро; несмотря на это при нашемъ посѣщеніи масса рыбъ шла вверхъ по рѣкѣ. Мы могли видѣть, какъ по обѣимъ сторонамъ лодки въ чистой водѣ лососи шли тѣсными косяками вверхъ по рѣкѣ. Куда же направляется эта масса рыбъ? Если рѣка принимаетъ въ себя ручьи или образуетъ протоки, то тѣ и другіе могутъ быть лишь незначительныхъ размѣровъ и съ короткимъ теченіемъ. Мы находились уже недалеко отъ горнаго хребта, а именно отъ юго-восточнаго подножія Кроноцкой сопки, западное подножіе которой уже омывается водой большаго озера. Судя по этому, рѣка, принявшая здѣсь уже довольно рѣзко выраженный характеръ горной рѣки, не могла тянуться еще особенно далеко, а слѣдовательно и озеро не могло быть очень далеко отъ мѣста, гдѣ мы прекратили свое плаваніе. Итакъ, прекрасное альпійское озеро, которое такъ насъ привлекало, не могло быть настолько удалено отъ моря, какъ показываетъ Крашенинниковъ. Мои люди также считали разстояніе до Кроноцкаго озера никакъ не большимъ 20 верстъ, и все-таки намъ не суждено было добраться до него. Дальнѣйшее плаваніе по рѣкѣ стало безусловно невозможнымъ, такъ какъ глубина воды была недостаточна для нашей лодки; мы попытались пройти пѣшкомъ, но, сдѣлавъ нѣсколько верстъ, также принуждены были повернуть назадъ, потому что на всякомъ шагу глубоко вязли въ болотистой почвѣ.

Съ быстротой молніи мы понеслись внизъ по теченію стремительной рѣки, такъ что въ короткое время опять вернулись къ своему лагерю близъ устья. Нашу добычу составляли нѣсколько гусей и небольшой, свѣтло-окрашенный, почти желтовато-бѣлый, медвѣдь, застрѣленный нами на обратномъ пути. При нашемъ плаваніи передъ нами все время оставался въ виду безподобный по своей красотѣ величественный конусъ Кроноцкой сопки, по которому сверху до низу явственно выступали продольныя ребра. Большія продольныя-же ущелья, гдѣ мѣстами бѣлѣли снѣжныя пятна, заняты были темными тѣнями, благодаря которымъ такъ

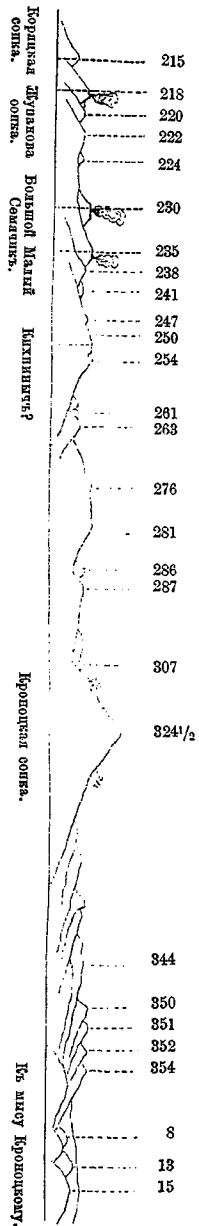
ясно видѣлись только что упомянутыя ребра. Снѣгомъ была покрыта только самая вершина этого полнаго конуса, высота котораго равна 9954'.

Къ вечеру, послѣ очень хорошаго дня, надъ нами внезапно собралась большая туча, которая, обдавъ насъ длившимся приблизительно полчаса проливнымъ дождемъ, затѣмъ быстро ушла къ востоку, окрасивъ въ темный цвѣтъ все небо и, благодаря отраженію послѣдняго, также и море. Снова проглянувшее на западѣ солнце вызвало на этомъ темномъ фонѣ неба роскошную радугу, а на морѣ, также темномъ, показалось безчисленное множество бѣлыхъ гребней волнъ, расположенныхъ неправильными линіями другъ за другомъ. Величавая Кроноцкая сопка со всею живописной горной цѣпью, освободившись отъ облаковъ, опять предстала передъ нами, но теперь, къ нашему изумленію, вся верхняя треть горы была покрыта свѣжимъ, только что выпавшимъ снѣгомъ и отъ солнечныхъ лучей была окрашена розовымъ и все усиливавшимся красноватымъ цвѣтомъ. Точно также и нѣкоторыя другія изъ болѣе высокихъ горныхъ вершинъ покрылись снѣгомъ и красноватымъ свѣтомъ. Но особенное великолѣпіе красокъ замѣчалось на самой сопкѣ. Чѣмъ ниже опускалось солнце на западѣ, тѣмъ темнѣе и гуще становились краски. Сперва нѣжный розовый цвѣтъ переходилъ въ красный, затѣмъ въ лиловый и наконецъ въ болѣе и болѣе темносиній. Я не припоминаю подобной картины изъ какой нибудь другой части Камчатки или изъ Альпъ: на востокѣ темное небо съ чудной радугой и море съ свѣтящимися бѣлыми гребнями волнъ, а на западѣ великолѣпное свѣченіе мощной цѣпи коническихъ горъ. Удивительные контрасты темныхъ и яркосвѣтящихся красокъ составляли нѣчто невыразимо прекрасное. Послѣ солнечнаго заката, надъ нами поднялся свѣтлый, усѣянный звѣздами небесный сводъ, и полная луна освѣтила горы своимъ мягкимъ, желтоватымъ свѣтомъ.

Къ сожалѣнію вѣтеръ все усиливался, и прибой, становившійся все громче, заставлялъ насъ опасаться новаго плѣна. Опа-

сенія наши къ сожалѣнію оправдались: 18, 19 и 20 іюля намъ пришлось оставаться въ лагерѣ, хотя погода, если не считать непродолжительныхъ дождей, все время была очень хороша. Но высокія волны и сильный прибой не позволяли намъ продолжать плаваніе.

Утромъ 18-го іюня было чудное, чистое небо, такъ что вся великолѣпная цѣпь вулкановъ выступала особенно ясно и компасомъ можно было очень точно взять нижеслѣдующіе пеленги. Очень далеко на горизонтѣ, почти на юго-юго западѣ, представлялась въ видѣ небольшого конуса Коряцкая сопка подъ 215° ; затѣмъ слѣдовали Жупанова сопка со своимъ столбомъ пара подъ 218° , три конуса подъ 220° , 222° и 224° , большіе, почти черные клубы пара съ Большаго Семячика подъ 230° и рядомъ, подъ 235° , тупой конусъ Малаго Семячика, съ котораго также поднимался паръ. Далѣе шелъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе полныхъ конусовъ, среди которыхъ виднѣлось нѣсколько удлиненныхъ горъ, представлявшихъ однако всё характерныя вулканическія формы (238° , 241° , 247° , 250° — 254° , 261° , 263° , 276° — 281° , 286° , 287° , 307°). Подъ угломъ 247° — 254° выступала сопка, быть можетъ Кихпиничъ. Всего ближе къ нашему лагерю у устья Кродакыга поднимался величественный и прекрасный конусъ Кроноцкой сопки, которой вершина лежала подъ $324\frac{1}{2}^{\circ}$, слѣдовательно почти на сѣверо-западѣ; колоссальная подошва сопки занимала 40° компаса, т. е. отъ 305° до 345° ; ея стороны наклонены къ горизонту подъ углами 34° и 33° . Далѣе къ

сѣверу опять слѣдовалъ длинный рядъ конусовъ подъ 344° , 350° , 351° , 352° , 354° , 8° , 13° , 15° . Наконецъ еще далѣе къ востоку, къ мысу Кровоцкому тянулось длинное плато, на которомъ нельзя было видѣть отдѣльныхъ горъ; послѣдній пеленгъ, почти 88° 0., показывалъ границу между видимой суши и моремъ. Тундра, широко раскинувшаяся передъ нами, тянулась повидимому до описываемой цѣпи; во всякомъ случаѣ она несомнѣнно доходила до болѣе близкихъ вулкановъ, напр. до Кровоцкой сопки. Мысъ Шипунскій не былъ болѣе виденъ, такъ какъ онъ со своими невысокими горами скрывался уже за горизонтомъ. За исключеніемъ вулкановъ, находящихся къ югу отъ Авачинской губы, а также сѣверной группы Ключевскихъ сопокъ и Швелюча, передъ нами лежала вся прекрасная цѣпь вулкановъ восточнаго берега Камчатки. Я сожалею только о томъ, что не могъ тогда же узнать названія многихъ конусовъ, а потому лишень возможности приурочить имена, узнавныя мною впоследствии, къ отдѣльнымъ горамъ, видѣннымъ мною изъ лагеря и нанесеннымъ на прилагаемый небольшой чертежъ.

Во время нашего невольнаго пребыванія въ этомъ мѣстѣ, мы дѣлали еще неоднократно экскурсіи, чтобы ближе подойти къ Кровоцкому озеру. Мы пытались добраться до него съ морскаго берега къ сѣверу и къ югу отъ лагеря, а также по берегу рѣчки, но всюду встрѣчали непреодолимые препятствія. Интереснымъ является слѣдующій фактъ, оставившій однако очень мало надежды на успѣхъ нашихъ попытокъ: медвѣжьихъ тропъ, находящихся такъ часто въ другихъ мѣстахъ, совершенно не было по направленію къ озеру.

Темный вулканическій песокъ, полный воды и перемѣшанный съ растительными остатками, образовалъ гундру и морскіе берега; послѣдніе имѣли видъ дюнь. *Empetrum nigrum* и горохъ на обширномъ пространствѣ покрывали мѣстность. Нѣсколько болѣе высокіе участки, какъ-бы въ видѣ острововъ, были покрыты густымъ ивнякомъ и одинокими чахлыми березками; гдѣ берегъ рѣчки становился немного выше, тамъ

нерѣдко встрѣчались ямы — остатки старыхъ камчадалскихъ юртъ.

По морскому берегу, идя къ югу, мы встрѣтили большое количество разбросанныхъ китовыхъ костей; а на мѣстѣ, гдѣ лежалъ черепъ, нашлась также большая куча китоваго уса, самыя крупныя пластины котораго имѣли до 7 футовъ въ длину. Это были части скелета одного кита, выброшеннаго моремъ; обглоданныя хищными животными, полузарытыя въ песокъ, валялись теперь эти кости по берегу. На тундрѣ нашлись рога стараго оленя, а вскорѣ мы увидѣли нѣсколько этихъ животныхъ, пасшихся здѣсь. Шестаковъ, какъ наилучшій охотникъ и самый мѣткій стрѣлокъ изъ всѣхъ насъ, ползкомъ подкрался достаточно близко къ оленямъ, а я остался позади, дожидаясь результатовъ охоты. Но не успѣлъ Шестаковъ приложиться, какъ я внезапно увидалъ медвѣдя, который во весь опоръ мчался къ охотнику. Я закричалъ изо всѣхъ силъ, а затѣмъ все послѣдующее разыгралось въ одно мгновеніе; крикъ ужаса, вырвавшійся у меня, заставилъ Шестакова обернуться; замѣтивъ бѣгушаго медвѣдя, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ него. Я могъ видѣть, какъ медвѣдь, перевернувшись на всемъ скаку, упалъ мертвымъ: пуля пробилла ему черепъ. Охота на оленей была испорчена, зато Шестаковъ, находившійся въ величайшей опасности, былъ спасенъ.

Это была впрочемъ не послѣдняя встрѣча здѣсь съ медвѣдями: въ короткое время мы подстрѣлили еще двухъ. Вообще этихъ звѣрей и тутъ было необыкновенное множество. И могло ли быть иначе, когда рыбная рѣка, шикша и горохъ представляли такъ много привлекательнаго для нихъ! Къ тому-же полная безопасность отъ преслѣдованій человѣка въ теченіе долгаго времени содѣйствовала чрезвычайному размноженію этихъ звѣрей и сдѣлала ихъ прямо до смѣшнаго дерзкими и безстрашными. Нерѣдко медвѣди подходили очень близко къ намъ; однажды такъ было и съ волкомъ; а одинъ разъ вечеромъ, когда мы сидѣли вокругъ огня за ужиномъ, красная лисица подошла почти къ самому огню, оста-

новилаь и нѣсколько времени смотрѣла на насъ. Я нарочно велѣлъ не пугать ея, чтобы посмотрѣть, что будетъ дальше. Наконецъ лисица поднялась, обнюхала сперва ближайшія палатки и затѣмъ медленно удалилась. Гуси и утки также были очень доврчивы, а потому ихъ легко было бить. Животныя обращали гораздо больше вниманія другъ на друга, чѣмъ на насъ, и ясно обваруживали осторожность при приближеніи опаснаго для нихъ гостя.

Неводъ, который мы закидывали, всегда оказывался наполненнымъ рыбой и доставлялъ намъ необходимые для стола припасы. Хайко (*S. lagocephalus*) и горбуша (*S. proteus*) составляли здѣсь главный контингентъ странствующихъ рыбъ. Среди нихъ только одиночными экземплярами попадалась красная рыба (*S. lycodon*, ксивучъ). Кто встрѣчалъ горбушу только далеко внутри страны и видалъ тамъ ея замѣчательный горбъ, тотъ не узналъ бы ея здѣсь. Дѣло въ томъ, что этой рыбѣ свойственно приобретать горбъ только со входомъ въ рѣки; самый же горбъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ рыба старается пробраться выше по теченію рѣки. Это — фактъ, извѣстный всякому камчадалу; камчадалъ судить даже о силѣ теченія рѣки по размѣру горба *S. proteus*. Итакъ, горбъ образуется благодаря усиліямъ рыбы и выражается тѣмъ, что спина круто поднимается сейчасъ-же за головой, и такимъ образомъ тѣло становится здѣсь очень широкимъ по направленію отъ спины къ брюху.

21-го Іюля мы проснулись очень рано утромъ при прекрасной погодѣ, и уже въ 6 часовъ, несмотря на легкій туманъ и еще продолжавшееся волненіе, вышли въ море. Слѣдуя почти совершенно параллельно берегу, мы сперва $3\frac{1}{2}$ часа шли на веслахъ и затѣмъ одинъ часъ подъ парусомъ, при чемъ вообще держались востоко-сѣверо-восточнаго и восточнаго направленія. Контуръ берега все это время образовалъ большую дугу, направленную къ востоку; самый берегъ былъ умѣренно высокъ и не скалистъ. На каменномъ рифѣ мы встрѣтили очень большое стадо тюленей (лахтака, *Phoca nautica*), производившихъ страшный шумъ: они

выли, ворчали и лаяли совершенно почти какъ собаки. Эти звѣри, также повидимому едва обращая на насъ вниманіе, продолжали свое запятіе, и когда мы дали вѣсколько выстрѣловъ, то только немногіе изъ нихъ уплыли.

Начиная отсюда берегъ скалистъ, но невысокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ разорванъ и очень живописенъ. Порода, составляющая берегъ, темнаго цвѣта, столбовидно расщеплена и представляетъ характеръ базальта. Съ утесистыхъ обрывовъ, пѣнясь и шумя, ниспадали многочисленныя ручьи. Мѣстами виднѣлись снѣжныя пятна, а между послѣдними — многочисленныя низкія березовыя рощи съ очень роскошной травянистой растительностью. Вдоль этихъ каменистыхъ частей берега мы шли сперва 37 минутъ на югъ, гдѣ выдавался мысъ, впереди котораго далеко на югъ тянулся рифъ, затѣмъ 1 часъ и 20 минутъ — на юго-юго-востокъ и юго-востокъ, вдоль крутаго скалистаго берега съ мысами и рифами. Послѣ этого мы приблизились къ мысу, продолжающемуся къ югу далеко тянущимися рифами: на много верстъ изъ воды выдавались здѣсь камни и скалистыя глыбы. Не помоги намъ очень благопріятныя условія погоды, этотъ мысъ составилъ-бы весьма серьезное для насъ препятствіе. Теперь же совершенно успокоившееся море дало намъ возможность подойти къ самому рифу, и, выискивая болѣе глубокіе проходы между камнями, мы могли благополучно пробраться на другую сторону рифа и, такимъ образомъ, были избавлены отъ громаднаго обхода вокругъ всего этого длиннаго скопленія камней. Мои люди единогласно утверждали, что мы обогнули теперь мысъ Кронцкій; но на картѣ Гидрографическаго Департамента здѣсь поименованы три мыса, находящіеся на вершинѣ широкаго выступа, выдающагося на востокъ далеко въ море. Поэтому я думаю, что мы только объѣхали мысъ Козловъ; впереди, согласно той-же картѣ, насъ ждалъ еще мысъ Сивучій, и только за нимъ находился мысъ Кронцкій. Въ своемъ изложеніи я и буду пользоваться этими названіями.

Мы словно прошли ворота какъ разъ передъ тѣмъ, что ихъ

замкнули: не успѣли мы, пользуясь тихой водой, пробраться черезъ рифъ, какъ уже стали чувствоваться отдѣльные порывы вѣтра, и вскорѣ появились волны, высота которыхъ все возростала. Мы подняли парусъ, шли 1 часъ и 5 минутъ мимо скалистаго берега на востокъ и около 4-хъ часовъ высадились въ неглубокой бухтѣ, въ которую впадала очень стремительная рѣка, имѣвшая сажень 30 въ ширину и приходившая повидимому съ сѣверо-сѣверо-востока. Долина рѣки была узка и романтически живописна. Крутые, обрывистые скалистые участки перемежались съ группами ивъ, ольхи, березы и рябины. У устья находился утесъ, состоявшій изъ темно-сѣрой породы съ базальтовидной столчатой отдѣльностью. Въ глубокое устье рѣки шли многочисленные тюлени, преслѣдовавшіе педшихъ въ эту рѣку рыбъ и со всѣмъ напряженіемъ силъ боровшіеся противъ очень сильнаго теченія. Мы тоже вошли въ устье рѣки, напрягая также всѣ свои силы, и расположились лагеремъ на берегу, окруженномъ прелестнымъ ландшафтомъ. Погода была прохладная, термометръ показывалъ едва 7°. Съ ближнихъ горъ и изъ ущелій, мѣстами обнаруживавшихъ снѣговья пятна, вѣяло настоящимъ альпійскимъ воздухомъ; да и растительность въ глубинѣ долины, благодаря присутствію горечавки и рододендровъ, также носила отчасти альпійскій характеръ. Рѣчной галешникъ представлялъ много сходства съ породами, встрѣченными на мысѣ Шипунскомъ. Обломки метаморфизированныхъ сланцевъ и кварцевъ перемежались съ трахито-порфиroidными и пористыми лаваобразными матеріалами. Также и здѣсь песокъ на берегу моря и рѣки былъ темнаго цвѣта, варіировавшаго отъ сѣраго до черноватаго.

Изъ интересныхъ происшествій сегодняшняго плаванія нужно прежде всего упомянуть о вновь встрѣченныхъ нами нѣсколькихъ китахъ. Эти киты не имѣли спиннаго плавника; пуская свои фонтаны и совсѣмъ не обращая вниманія на насъ, они плыли очень близко отъ лодки. Черезъ правильные промежутки времени показывались изъ воды ихъ черныя исполинскія тѣла: сперва по-

являлась голова, сейчасъ-же выпускавшая фонтанъ въ 2—3 метра вышиной; затѣмъ голова опять погружалась въ воду, и показывалась громадная спина, а за нею наконецъ — хвостовой плавникъ. Изрѣдка животныя ныряли глубже, и тогда хвостъ высоко поднимался надъ водой и хлопалъ по поверхности съ такой силой, что раздавался звукъ, подобный пушечному выстрѣлу.

Не менѣе интересна была и встрѣча съ сивучами. Эти звѣри отличаются повидимому сильно развитыми общественными наклонностями, такъ какъ только въ видѣ исключенія попадаютъ одиночныя особи; въ подходящихъ-же для нихъ мѣстахъ они постоянно встрѣчаются большими стадами: на послѣднемъ рифѣ напр. было навѣрное больше 30 штукъ. И здѣсь также сивучи вскарабкались на самыя высокіе камни и скалы; они частью сидѣли, частью лежали и не прекращали хороваго рева, точно какъ-бы молчаніе для нихъ было совсѣмъ невозможно. Когда мы приближались, ревъ сталъ поистинѣ оглушительнымъ. Првподнявшись на переднихъ лаптахъ, широко разинувъ пасть и уставившись на насъ своими большими желтыми глазами, они ревели въ нашу сторону. Самыя крупныя и сильныя особи были совершенно желтаго цвѣта; другія, поменьше, — темнѣе, красновато-буро-желтаго; послѣднія-то и производили наибольшій шумъ; наконецъ самыя маленькіе экземпляры были темно-бураго цвѣта. Настоящихъ гривъ, какъ у льва, не было видно, хотя на головѣ и передней части тѣла волосъ былъ нѣсколько длиннѣе чѣмъ на остальномъ тѣлѣ. Вокругъ необыкновенно большой пасти торчали, какъ колючки, многочисленныя длинныя, толстыя, щетинообразныя волосы. По здѣшнему народному повѣрью сивучу можно нанести смертельную рану только за ухомъ: до такой степени, говорятъ, необыкновенно толста и прочна его кожа. Спокойное море дало намъ возможность оставить лодку и выбратся на камни рифа, слѣдовательно близко подойти къ животнымъ, но наши выстрѣлы не вели къ цѣли. Раненныя сивучи опрометью бросались въ море и, оставаясь въ большомъ разстояніи, плавали кругомъ насъ, при чемъ продолжали свой неистовый ревъ. Когда мы поздно вече-

ромъ ужъ расположились спать въ палаткахъ, внезапно слышались тяжелые шаги, быстро и неуклонно приближавшіеся къ намъ. Шестаковъ выглянулъ и увидѣлъ уже совсѣмъ близко необыкновенно большого медвѣдя, обнаруживавшаго замѣчательную самоувѣренность. Въ первый и послѣдній разъ я замѣтилъ испугъ у этого отважнаго и рѣшительнаго охотвика. Шестаковъ быстро выстрѣлилъ нѣсколько разъ подрядъ холостыми зарядами и тѣмъ прогналъ звѣря; затѣмъ онъ вернулся въ палатку, блѣдный какъ полотно, но предварительно убѣдившись, что медвѣдь дѣйствительно убѣжалъ.

22-го іюля мы около 6 часовъ утра, при чудной ясной погодѣ, хотя и довольно сильномъ волненіи, были уже въ морѣ. Мы вышли на веслахъ изъ нашей маленькой бухты, обогнули мысъ съ выдающимся рифомъ и шли берегомъ, по направленію къ востоку, въ теченіе 3 часовъ и 25 минутъ. На этомъ участкѣ пути мы миновали двѣ бухты, раздѣленныя небольшими мысами съ рифами, и вошли въ третью, гдѣ немного постояли, чтобы дать отдохнуть гребцамъ. Передъ нами опять находился большой мысъ со скалами и рифами, далеко протянувшимися на югъ и востокъ; намъ предстояло со свѣжими силами одолѣть это новое препятствіе. Подобные далеко выдающіеся въ море рифы при нашемъ плаваніи всегда причиняли намъ самыя большія задержки, потому что море лишь въ рѣдкихъ случаяхъ было настолько тихо, что почти не прекращающееся здѣсь волненіе становилось безопаснымъ для нашей маленькой лодки; такимъ образомъ пересѣчь рифъ, вмѣсто того чтобы обойти его, какъ это было вчера, намъ удавалось рѣдко. Въ бухтѣ, гдѣ мы остановились, за прикрытіемъ высокаго скалистаго берега было совсѣмъ тихо; но съ сѣвера, изъ за рифа, находившагося передъ нами, доносился ревъ дальняго прибоя, нагнаннаго сѣвернымъ вѣтромъ.

Тѣмъ не менѣе мы попытались итти далѣе. Но едва успѣвъ выйти изъ подъ защиты берега къ рифу, мы почувствовали уже свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ, гвавшій на встрѣчу намъ сильную зыбь и высокія волны. Пришлось повернуть обратно въ

бухту, гдѣ мы и разбили свои палатки среди роскошной травянистой растительности, на берегу небольшого, но стремительнаго и глубокаго ручья, шириною сажени въ 4—5 и съ мутной, наполненной пескомъ водой.

На рифѣ, отъ котораго мы вернулись, намъ пришлось встрѣтить столь-же рѣдкое, сколь и привлекательное зрѣлище: среди каменныхъ глыбъ, на болѣе глубокихъ мѣстахъ, росли длинныя фукусы, и на этихъ массахъ водорослей лежали 6 морскихъ бобровъ (*Enhydris marina*). Рѣзвыя и проворныя животныя качались на волнахъ среди фукусовъ, по временамъ ныряя черезъ водоросли въ воду и затѣмъ снова показываясь на нпхъ. Иногда они начинали плавать, нерѣдко въ вертикальномъ положеніи, выставивъ переднія лапы и половину туловища изъ воды и ваблюдая насъ; при этомъ они издавали особый звукъ, подобный тому, какой слышится при плеваніи и чиханіи. Животныя, покрытыя блестящей темной буро-черной шерстью, были длиною фута въ три и съ живыми глазами темнаго цвѣта; длинныя щетивы вокругъ свѣтлоокрашеннаго рта придавали имъ нѣкоторое сходство съ кошками. Мели, сильное волненіе и прибой не позволяли намъ приблизиться, а съ лодки, благодаря сильной качкѣ, всякій выстрѣлъ кончился бы только промахомъ; приходилось слѣдовательно отказаться отъ цѣнной добычи. Какъ только мы устроили свой лагерь, Шестаковъ съ 3-мя матросами опять отправился на выгруженной лодкѣ къ мѣсту, гдѣ были бобры; но эта экскурсія также осталась безплодною. Зато нашимъ охотникамъ пришлось вскорѣ опять имѣть дѣло съ медвѣдями, изъ которыхъ одинъ очень близко подошелъ къ палаткамъ.

На всемъ берегу, видѣнномъ нами сегодня, очень часто встрѣчались выходы породы со столбчатой отдѣльностью. У моря наблюдалось много галекъ миндальнаго камня и кварцевъ — агата, халцедона и зеленой яшмы. Кромѣ того среди галекъ встрѣчались обломки такой-же трахито-порфиридной породы, какъ и на мысѣ Шяпунскомъ: сѣраго цвѣта и съ безчисленнымъ множествомъ включенныхъ кристалловъ бѣловатаго стекловатаго

полеваго шпата. Встрѣчалась также темная вулканическая порода, содержащая куски чернаго минерала со смолистымъ блескомъ; ту-же породу мы наблюдали на Семячикѣ въ распавшемся конгломератѣ. Наконецъ здѣсь видны были обломки очень свѣтлаго желтоватаго сланца, который тутъ-же выступалъ въ коренномъ мѣсторожденіи и притомъ подъ покровомъ довольно прочной темно-сѣрой массивной породы, какъ-бы залившей сланецъ. Въ туфовомъ сланцѣ я на берегу замѣтилъ точащихъ моллюсковъ, просверлившихъ свои отверстія съ поразительной правильностью.

Къ вечеру вѣтеръ, бушевавшій къ сѣверу отъ мыса, нагналъ на насъ дождь; но бухта, открытая съ юга, оставалась относительно спокойной. Въ нее вошло однако нѣсколько китовъ, которые развлекали насъ нѣкоторое время своей бѣшеной игрой.

На утро 23-го іюля положеніе дѣлъ мало измѣнилось, и мы принуждены были оставаться какъ-бы въ плѣну. Большой рифъ, на нѣсколько верстъ выдающійся въ море, снова преградилъ намъ путь.

Еще вчера днемъ и въ теченіе ночи мы нѣсколько разъ слышали пронзительные свистки, но никакъ не могли найти виновника этого звука, хотя свистъ несомнѣнно приходилъ съ близъ лежащихъ скалъ. Теперь, утромъ, свистки стали опять очень часто повторяться, и, осматривая скалистые обрывы у бухты, я замѣтилъ въ подзорную трубу большое общество сурковъ на одной изъ близкихъ высотъ. Мѣстомъ сборища для этихъ трудолюбивыхъ и проворныхъ животныхъ служила широкая, не очень высокая и не особенно крутая скала, усыпанная на поверхности беспорядочно набросанными обломками, среди которыхъ проглядывала довольно мощная травянистая растительность. Подъ обломками сурки устроили свои многочисленныя норы и въ данный моментъ прилежно собирали различныя части растений для зимнихъ запасовъ. Хорошенькіе звѣрьки хлопотливо сновали взадъ и впередъ. Найдя пригодную травинку, они тотчасъ-же по заячьимъ садились на заднія ноги, ловко схватывали ее передними лапками,

раскусывали пополамъ и уносили, вскорѣ опять возвращаясь на ту-же работу. На высшей точкѣ скалы, въ качествѣ часоваго, неподвижно выпрямившись и сложивъ переднія лапки на груди, сидѣлъ одинъ сурокъ. Какъ только что либо возбуждало его подозрѣніе, онъ тотчасъ-же издавалъ пронзительный свистъ и самъ исчезалъ въ землю. Этотъ сигналъ вызывалъ то-же дѣйствіе во всемъ обществѣ: всѣ безъ исключенія сурки мгновенно прятались по своимъ норамъ. Только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ часовой осторожно и постепенно поднимался на верхъ и занималъ прежнее положеніе, послѣ чего со всѣхъ сторонъ показывались маленькія головки, и немного спустя всѣ звѣрьки по прежнему были въ полной работѣ. Всякое быстрое движеніе, всякое громкое слово у нашихъ палатокъ давали поводъ сторожевому сурку издавать предостерегательный свистъ. Звѣрьки имѣли до двухъ футовъ въ длину, были сплошь темно-сѣраго цвѣта, съ круглыми головами и очень маленькими ушами.

Наша маленькая бухта оставалась и сегодня спокойной, между тѣмъ какъ на сѣверѣ отъ насъ все еще продолжалось волненіе, хотя и значительно ослабѣвшее. На прогулкѣ по берегу моря мы видѣли еще снѣгъ въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и нашли множество китовыхъ костей и китоваго уса, сложенныхъ въ видѣ пирамидъ, — находка, показывающая, что здѣсь уже до насъ хозяйничали люди. Слѣды оленей и волковъ были видны также и здѣсь, а ежедневныя встрѣчи съ медвѣдями составляли конечно нѣчто само собою разумѣющееся.

Поздно вечеромъ дождь прекратился и вѣтеръ стихъ настолько, что у насъ явилась надежда въ скоромъ времени опять пуститься въ плаваніе въ обходъ рифа.

Утромъ 24-го іюля волненіе улеглось настолько, что мы могли готовиться въ дорогу; но выйти въ море намъ удалось только въ часъ дня. Морское теченіе намъ очень благопріятствовало, такъ что мы на веслахъ быстро подвигались впередъ. При усердной работѣ гребцовъ мы въ 40 минутъ обогнули мысъ съ его рифомъ, придерживаясь сначала южнаго и юго-восточнаго направ-

ленія, а затѣмъ восточнаго и сѣверо-сѣверо-восточнаго. Несмотря на продолжавшееся волненіе, намъ и теперь удалось пересѣчь рифъ, такъ что значительная часть его, тянущаяся, постепенно понижаясь, на нѣсколько верстъ въ море, осталась къ востоку отъ насъ. Такимъ образомъ мы, по моему предположенію, обогнули второй главный мысъ (Сивучій, также Каменная бухта) этой далеко выдающейся въ море части берега; слѣдовательно изъ большихъ мысовъ передъ нами лежалъ еще только мысъ Кронцкій. Сегодня также мы видѣли множество морскихъ бобровъ, качавшихся на поросшихъ фукусами отмеляхъ. Прекрасная чернобурая лѣтняя шерсть животныхъ раздражила охотничій пылъ моихъ людей, но изъ-за волненія съ лодки нельзя было сдѣлать ни одного вѣрнаго выстрѣла, а о высадкѣ нечего было и думать. Животныя были въ высшей степени подвижны и чрезвычайно внимательно слѣдили за всѣмъ, происходившимъ вокругъ нихъ. Нырнуть и вынырнуть было для нихъ дѣломъ одного мгновенія; они также необыкновенно быстро и ловко плавали.

На скалахъ и здѣсь неоднократно встрѣчались группы сивучей, страшный ревъ которыхъ разносился на далекое разстояніе.

Едва успѣли мы пройти къ сѣверу отъ мыса, благополучно оставивъ его позади себя, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей лодки вынырнулъ, пуская свой фонтанъ, большой китъ. Мы не мало испугались, но великанъ спокойно поплылъ своимъ путемъ. Благодаря направленію вѣтра, шедшему къ намъ отъ кита, мы почувствовали невообразимо отвратительный запахъ, распространявшійся отъ фонтана. Звукъ же, сопровождавшій выбрызгиваніе воды, можно было уподобить звуку отъ сильнаго дутья въ длинную металлическую трубу. $3\frac{3}{4}$ часа шли мы, не переставая грести, въ сѣверо-восточномъ направленіи, послѣ чего достигли бухты, въ которой шли еще 25 минутъ на сѣверъ, пока наконецъ не высадились и не разбили своихъ палатокъ. Передъ нами опять находился выдающійся далеко на востокъ мысъ съ тянущимися на нѣсколько верстъ въ море рифами, обогнуть который сегодня-же мы уже не рѣшались. Этого-

то мысь и долженъ былъ быть по моимъ расчетамъ мысомъ Кронцкамъ.

Отъ бухты, мѣста нашей остановки, тянулась внутрь страны широкая болотистая долина, по которой протекаль ручей. Высокія горы, отъ вершины до подошвы покрытыя старымъ снѣгомъ, окружали долину. Мы внезапно очутились среди зимняго ландшафта. Термометръ показывалъ только 6° тепла, и, если-бы наши палатки не стояли среди роскошной травы, то на видъ зима была-бы полная, такъ какъ въ довершеніе всего ни деревьевъ, ни кустовъ здѣсь не было.

Берега, мимо которыхъ мы проходили сегодня, были скалисты и не очень высоки. Они состояли изъ однихъ только маленькихъ мысовъ съ рифами, между которыми находились небольшія бухты. Порода, составлявшая скалы, была сѣраго цвѣта, слоиста и туфовидна; она состояла какъ-бы изъ вулканическаго пепла и вѣроятно образовалась изъ отложившагося въ водѣ вулканическаго щебня и песка. Встрѣчались также, хотя и рѣдко, столбчатыя отдѣльности. По берегамъ бухтъ и на холмахъ находились лѣсные участки, въ которыхъ преобладала *Betula Ermani*. Тѣмъ загадочнѣе оставалось для меня, почему только наша маленькая бухта носила такой рѣзко выраженный зимній характеръ, какого мы не встрѣчали ни въ прежде, ни въ послѣ того видѣнныхъ бухтахъ, хотя горы и горныя цѣпи, ихъ окружавшія, повидимому были не меньшей высоты. Въ нашъ маленькій, бѣдный рыбой ручей вливался по близости отъ палатокъ холодный источникъ съ температурой въ 3°. Онъ вытекаль изъ слоя синей желѣзистой земли и приносилъ такую массу желѣза, что окись его образовала по берегу ручья отложеніе толщиной въ ладонь. Этотъ желѣзистый источникъ подалъ поводъ къ шуткѣ, которую я позволилъ себѣ сыграть со своими людьми. Замѣтивъ, что для приготовленія чая они берутъ воду отсюда, я сказалъ имъ, что сегодня нашъ чай будетъ совсѣмъ черный. Но такъ какъ вода была совершенно прозрачна и казалась очень чистой, то они мнѣ не хотѣли вѣрить и были очень удивлены, когда я ока-

зался правъ. Тогда была принесена вода изъ рѣки и мы получили чай, годный для питья. Конечно для моихъ людей такъ и осталось загадкой, какъ я могъ предсказать это, но мой авторитетъ, благодаря этой случайности, очень возвысился въ ихъ глазахъ. Здѣсь въ первый разъ за наше плаваніе не пришлось встрѣтить медвѣдей; это было до того для насъ необычно, что намъ положительно чего-то недоставало. Мертвая тишина царила вокругъ. Единственное живое существо, которое я видѣлъ въ этой зимней бухтѣ, былъ маленькій слизень, сидѣвшій на травинкѣ.

25-го іюля, въ 6 часовъ утра и въ прекрасную погоду, мы были уже въ морѣ. Сначала мы гребли изъ бухты на востокъ. Отсюда верхнія части отдаленныхъ горъ представлялись очень скалистыми: повсюду надъ снѣгомъ поднимались крутые утесистые зубцы. Такъ мы шли на востокъ и востоко-сѣверо-востокъ въ теченіе 1 часа и 20 минутъ, какъ вдругъ густѣйшій туманъ заволокъ все кругомъ насъ, и намъ оставалось только возможно близко подойти къ берегу и стать на якорѣ подъ защитой маленькаго мыса, чтобы переждать туманъ. Это оказалось однако жестокимъ испытаніемъ для нашего терпѣнія, потому что такъ мы въ бездѣйствіи провели цѣлыхъ 7 часовъ, съ минуты на минуту ожидая улучшенія и проясненія погоды. Коротать это долгое время намъ помогли только тюлени, которые повидимому принимали нашу бѣлоснѣжную лодку за льдину и поэтому подплывали къ ней довольно таки близко. Наконецъ около трехъ часовъ пополудни туманъ исчезъ и мы могли приступить къ плаванію вокругъ большаго мыса съ рифомъ, лежавшаго передъ нами. Рифъ состоялъ преимущественно изъ низкихъ камней, среди которыхъ на подобіе башни поднималась довольно высокая скала. Описывая большую дугу, мы на веслахъ и подъ парусомъ стали огибать мысъ съ рифомъ и черезъ 35 минутъ совершенно благополучно оставили позади себя то и другое. Благодаря нѣсколько попутному вѣтру и сильной работѣ гребцовъ, наша лодка буквально летѣла, какъ мы могли хорошо видѣть по близъ лежащимъ скаламъ. Сначала мы держали на юго-востокъ,

затѣмъ на сѣверо-востокъ и наконецъ на сѣверо-западъ. Къ сѣверу отъ мыса оказалась бухта, которая глубоко врѣзывалась въ сѣверо-западномъ направленіи въ сушу и была окружена высокими снѣжными горами. Мы прошли мимо этой бухты, затѣмъ, идя далѣе все на сѣверъ, достигли черезъ часть маленькаго мыса, а еще черезъ 30 минутъ — втораго мыса и, наконецъ, продолжая все держаться сѣвернаго направленія, вошли въ бухту, гдѣ высадились и разбили свои налатки. Здѣсь также впадалъ въ бухту маленькій ручей. На высотахъ прибрежныхъ горъ, также какъ и на группѣ конусообразныхъ вершинъ, поднимавшихся къ западу отъ нашей стоянки, лежало много снѣгу. Только что обойденный большой мысъ и былъ наконецъ мысъ Кронцкій; слѣдовательно самыя большія препятствія на нашемъ пути могли считаться уже побѣжденными. Мы наслаждались здѣсь прекрасной погодой и самымъ яснымъ небомъ, между тѣмъ какъ только что оставленный нами мысъ Кронцкій снова покрылся густымъ туманомъ, представлявшимся въ видѣ высокой темно-сѣрой стѣны. Тамъ прояснилось всего на какойнибудь часокъ и въ это время мы счастливо проскользнули между рифами.

Незадолго до нашей высадки мы снова встрѣтили пять большихъ китовъ, которые и на этотъ разъ, какъ и раньше, мирно проплыли мимо насъ. Само собою разумѣется, что мы остерегались нападать на нихъ или даже раздражать ихъ чѣмънибудь, а напротивъ по возможности давали имъ дорогу. Во всякомъ случаѣ киты производили на меня впечатлѣніе очень миролюбивыхъ и добродушныхъ животныхъ: мы встрѣчали ихъ очень часто и никогда они не обнаруживали ни намѣренія напасть на насъ, ни какой бы то ни было навязчивости. Береговой песокъ здѣсь не имѣлъ уже темнаго сѣрочернаго цвѣта, какъ въ ранѣе посѣщенныхъ мѣстахъ, а принялъ обыкновенную свѣтлую окраску. Галешникъ состоялъ изъ обломковъ свѣтлой сѣрожелтой глинистой, немного сланцеватой породы съ раковистымъ изломомъ, далѣе роговообманковой породы съ крупными черными,

сильно блестящими кристаллами роговой обманки и наконецъ базальтовидныхъ и пористыхъ лавовыхъ породъ; послѣднія впрочемъ играли болѣе подчиненную роль. Животная жизнь здѣсь также почти отсутствовала, и растительность, за исключеніемъ роскошной травы на низинахъ, была крайне бѣдна.

26-го іюля, въ 4 часа утра, работа уже кипѣла въ нашемъ лагерѣ, а въ 5 часовъ мы были въ морѣ при чудной, ясной и теплой погодѣ. Какъ и раньше, мы все время по возможности шли параллельно берегу и въ сѣверномъ направленіи. Горы обнаживали здѣсь неясную слоистость съ паденіемъ на сѣверъ. Снѣгъ лежалъ еще до самаго моря въ видѣ большихъ пятенъ, среди которыхъ выступала роскошная зелень травы. Послѣ приблизительно получасоваго плаванія мы въ первый разъ увидѣли на сѣверо-западѣ Ключевскую сопку, и тотчасъ вслѣдъ за ней и Крестовскую. Видъ этихъ горъ послужилъ наилучшимъ доказательствомъ того, что мы дѣйствительно обогнули мысъ Кроноцкій съ его высокими горами, именно вслѣдствіе своей высоты представляющимъ такой рѣзко зимній характеръ.

Въ теченіе 2 часовъ 15 минутъ мы шли на сѣверо-сѣверо-западъ, частью на веслахъ, частью подъ парусомъ. На берегу опять виднѣлись скалы со столбчатой отдѣльностью. На этомъ послѣднемъ участкѣ пути намъ не разъ приходилось встрѣчать какое-то большое темнобурое животное, которое всплывало на поверхность воды, при чемъ однако головы его никакъ не удавалось видѣть. Однажды такая большая бурая спина показалась совсѣмъ близко отъ рулеваго весла. То не былъ ни китъ, ни тюлень: для послѣдняго тѣло загадочнаго животнаго было слишкомъ исполинскихъ размѣровъ. Вслѣдъ затѣмъ мы увидѣли множество бьющихъ фонтановъ, которые быстро приближались къ намъ со всѣхъ сторонъ. Такого множества китовъ намъ никогда еще не приходилось видѣть. Хотя многократный опытъ уже убѣдилъ насъ въ томъ, что намъ нечего опасаться нападенія этихъ животныхъ, однако все таки одно прикосновеніе такихъ колосовъ, всегда возможное при такомъ близкомъ прохожденіи ихъ стаи

мимо лодки, достаточно было-бы для поврежденія ея; поэтому мы предпочли приблизиться къ берегу. Но еще только подходя къ одной бухтѣ, мы очутились въ кольцѣ: со всѣхъ сторонъ насъ окружили всплывавшіе киты, ничѣмъ однако насъ не потревожившіе. Нѣкоторые изъ нихъ издавали звукъ, болѣе всего походившій на голосъ слона. Вся стая съ невѣроятной быстротой промчалась мимо насъ, направляясь къ югу. Самый быстрый пароходъ не догналъ-бы ихъ, и несомнѣнно, что киты въ самое короткое время проходятъ огромнѣйшія разстоянія. Когда мы приближались къ бухтѣ, на встрѣчу намъ доносились голоса животныхъ, подобные громкому реву; посмотрѣвъ въ зрительную трубу, я по длиннымъ бѣлымъ кlickамъ узналъ цѣлое стадо моржей, которые, расположившись на большихъ плоскихъ береговыхъ камняхъ, грѣлись на солнцѣ. Теперь ужъ не подлежало болѣе никакому сомнѣнію, что большія бурья спины, видѣнныя нами раньше на поверхности воды, также принадлежали моржамъ.

Обширная, плоская скала, лишь на нѣсколько дюймовъ поднимавшаяся надъ уровнемъ воды, была буквально устѣяна большими тушами свѣтло-бурыхъ животныхъ, которыя, совершенно безпомощно, вяло и тяжело передвигаясь по сушѣ, производили при этомъ страшнѣйшій шумъ. Мы осторожно объѣхали въ лодкѣ плоскую скалу, на которую можно было попасть съ материка, не омочивъ ногъ, и высадились въ одномъ защищенномъ мѣстечкѣ. Я съ Шестаковымъ вышелъ на берегъ, люди же съ лодкой поджидали насъ по близости. Приблизившись къ лежбищу моржей, мы нашли уже тамъ зрителей: два медвѣдя стояли въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и повидному были вполне погружены въ созерцаніе этихъ великолѣпныхъ кучъ мяса. Мы должны были сперва окрикнуть ихъ, и тогда они, очнувшись отъ своихъ грезъ о лукуловскихъ пиршествахъ, обратились въ поспѣшное бѣгство. Мы подкрадывались все ближе и ближе, и однако ни одно изъ животныхъ, даже видя насъ, не двинулось съ мѣста. Теперь мы смѣло приближались къ моржамъ, зная ихъ безпомощность на

сушѣ, и были уже всего только шагахъ въ 10 отъ ближайшаго звѣря. Моржи только подняли головы, страшно фыркая и свирѣпо глядя на насъ своими большими желтыми глазами. Мы остановились въ изумленіи передъ этой рѣдкой картиной, которую могли разсматривать съ самаго близкаго разстоянія. Вся плоская скала, подобно огромному каменному полу далеко вдававшаяся въ море, была сплошь покрыта этими грязвыми громадами. Въ ту-же скалу врѣзывалось два глубокихъ канала, и по нимъ приплывали съ моря еще новыя животныя, пытаясь отсюда выбраться на сушу. На скалѣ было навѣрное около 150 моржей, которые валялись въ собственныхъ слизистыхъ изверженіяхъ, далеко заражавшихъ воздухъ. Послѣ перваго выстрѣла, направленнаго въ спину одного изъ животныхъ и, насколько я могъ замѣтить, нисколько его не ранившаго, ближайшіе къ водѣ моржи самымъ безпомощнымъ образомъ начали скатываться въ нее; достигнувъ родного элемента, они съ величайшей ловкостью и быстротой стали плавать, нырять и кувыркаться. Ихъ необыкновенно жирныя тѣла въ водѣ приобрѣли опять округлость, тогда какъ, лежа на скалѣ, они въ силу собственной огромной тяжести совершенно сплющивались подобно мѣхамъ, наполненнымъ тягучей жидкостью.

Мало по малу множество моржей съ величайшими усиліями и трудомъ вернулись въ воду, совершенно наполнивъ собою каналъ и всю окружность плоской скалы. Съ рычаніемъ и фырканиемъ, поднявъ свои бѣлые клыки, они стали пристально смотрѣть отсюда на насъ. Остальные моржи, лежавшіе дальше отъ воды, добирались до нея, несмотря на все стараніе, лишь очень медленно. Шестаковъ и я выбрали теперь мишенью голову одного изъ самыхъ большихъ животныхъ и стали стрѣлять въ нее съ разстоянія не болѣе 6—7 шаговъ. Двѣ кровавыя раны, изъ нихъ одна въ глазъ, были результатомъ нашей стрѣльбы. Звѣрь продолжалъ по прежнему фыркать и рычать, подталкивая свое массивное жирное тѣло къ водѣ. Я выстрѣлилъ вторично, опять попалъ въ голову, но также безуспѣшно. Наконецъ раненный

моржъ добрался до воды, бросился въ нее, и, подобно другимъ своимъ товарищамъ, сталъ нырять и всплывать, обнаруживая при этомъ свои сильно кровоточившія раны. Испуганные выстрѣлами всѣ моржи, хотя и съ величайшимъ трудомъ, ушли въ воду. Далеко кругомъ видны были плававшія и нырявшія животныя. Оба канала были до такой степени переполнены ими, что, можно сказать, голова вплотную примыкала къ головѣ. Обыкновенно однако моржи устраиваются удобнѣе. Они очень хорошо знаютъ подходящія для нихъ мѣста и собираются тамъ еще при началѣ отлива. При убыли воды они остаются на обсушкѣ и лежатъ себѣ такъ, грѣясь на солнцѣ, все время отлива. Наступающій же приливъ снимаетъ животныхъ съ мели безъ всякаго съ ихъ стороны усилія. Мы очень ужъ хотѣлось получить черепъ моржа, а потому мы сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ, цѣля въ самыя чувствительныя и нѣжныя части тѣла; но всѣ наши усилія ни къ чему не вели, такъ что мы наконецъ прекратили безцѣльное нанесеніе ранъ. Мы пристали къ берегу на сѣверъ отъ большой плоской скалы, чтобы при дальнѣйшемъ плаваніи намъ не пришлось пробѣзжать мимо разъяренныхъ животныхъ и подвергнуться ихъ нападенію на водѣ. Вернувшись къ лодкѣ, мы видѣли, какъ моржи опять старались обратно вскарабкаться на скалу, а нѣкоторые изъ нихъ дѣлали эти попытки еще въ то время, когда мы находились передъ ними. Насколько они безпомощны на сушѣ, настолько-же они подвижны и поворотливы въ водѣ. Перекувырнуться, проплыть другъ надъ другомъ или другъ подъ другомъ, — это дѣлалось съ такой быстротой и ловкостью, которыхъ никакъ нельзя было-бы предположить въ этихъ громадныхъ, неуклюжихъ, переполненныхъ жиромъ тѣлахъ. Въ то время какъ на сушѣ отъ всякаго движенія толстый слой подкожнаго жира трясся какъ студень, въ водѣ все тѣло моржа, равномерно со всѣхъ сторонъ поддерживаемое, представлялось болѣе плотнымъ и твердымъ. Цвѣтъ описываемаго животнаго — грязный и свѣтлый, занимающій середину между красноватобурымъ и желтоватобурымъ. Наибольшая длина достигаетъ повидимому футовъ 18. Общій видъ напоми-

наетъ мѣшокъ, утончающійся къ обоимъ концамъ, которые составляютъ головой и задними конечностями. Переднія конечности походятъ на сравнительно короткіе ласты, прикрѣпленные ближе къ нижней сторонѣ груди. Животное только кое гдѣ покрыто волосами, и то очень короткими. Но на головѣ, затылкѣ, шеѣ и значительной части спины толстая прочная кожа составляетъ твердый, плотный мозолистый панцырь. Двигаясь по землѣ, животное опирается и поднимается на свои короткія, но крѣпкія переднія ноги, которыя буквально подгибаются подъ страшной тяжестью туловища; затѣмъ оно подгибаетъ подъ себя заднюю часть тѣла, что сопровождается сильнымъ шумомъ тренія и нѣкоторымъ изгибомъ спины, опирается на обѣ ластовидныя заднія конечности и подталкивается ими впередъ, чтобы снова повторить въ той-же послѣдовательности перечисленные маневры. Голова этого безобразнаго животнаго составляетъ, по моему мнѣнію, самую замѣчательную часть тѣла. По сравненію съ величиной моржа она очень мала и состоитъ собственно изъ большой широкой морды, усаженной длинными толстыми щетинами, особенно многочисленными вокругъ рта и по сторонамъ его. Ротъ, даже при ревѣ раскрывающійся такъ мало, что въ немъ ничего не видно, вооруженъ по сторонамъ двумя толстыми клыками, имѣющими до двухъ футовъ въ длину и выдающимися изъ верхней челюсти. Ноздри, раздѣленныя небольшимъ промежуткомъ, совершенно круглago очертанія, немного больше двухъ сантиметровъ въ поперечникѣ и у наружной стороны снабжены герметически закрывающимися клапанами. Эти клапаны должно быть состоятъ изъ очень твердыхъ и туго напряженныхъ мускуловъ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что закрываніе и открываніе ихъ, совершающееся сообразно потребностямъ дыханія, происходитъ съ какой-то особенной силой и эластичностью. При всякомъ нырніи оба клапана сразу сильно захлопываются, а при всплываніи опять открываются, подобно крышкѣ часовъ съ очень сильной пружиной. При открываніи клапановъ съ большою силой и шумомъ вырывается токъ воздуха, всегда уносившій

нѣсколько капель воды; но настоящей струи воды при этомъ никогда не наблюдалось. Блѣдно-желтые, большіе, глупые глаза подвинуты очень далеко назадъ, къ затылку. Клыки обыкновенно обращены прямо внизъ, слѣдовательно съ продольной осью тѣла составляютъ почти прямой уголъ. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ голова можетъ откидываться къ шеѣ настолько, что значительная часть ея втягивается въ большую складку кожи у затылка, вслѣдствіе чего клыки получаютъ направленіе, совпадающее съ продолженіемъ оси тѣла, и приобретаютъ видъ направленныхъ впередъ копій. Такое положеніе клыки принимали напр. при попыткахъ животнаго взобраться на плоскую скалу. При этомъ однако моржи никогда не пользовались ими, а только своими когочестями. Вообще они повидимому очень бережно обращались со своими клыками и проявляли большую чувствительность при прикосновеніи къ нимъ. Я вообще не могъ замѣтить, чтобы моржи какъ нибудь пользовались своими клыками; за то мнѣ случалось видѣть, что, получивъ ударъ въ зубъ, они рычали сильнѣе и старались защитить его отклоненіемъ головы. Но все-же у многихъ изъ животныхъ клыки были болѣе или менѣе повреждены или даже совсѣмъ обломаны; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно притупленные концы клыковъ свидѣтельствовали о сильной работѣ ихъ, которая, быть можетъ, исключительно состояла въ выкапываніи и срываніи со дна моря необходимой пищи. Я не видалъ, чтобы моржи пользовались своими клыками какъ орудіемъ нападенія или даже только угрожали ими. Мы встрѣтили описываемаго звѣря на крайней южной границѣ его распространенія: въ Камчаткѣ всѣ считаютъ, что южнѣе мыса Кроноцкаго моржи не показываются; точно также ихъ совсѣмъ нѣтъ въ Охотскомъ морѣ.

Такъ какъ было еще рано, то мы продолжали наше путешествіе. Пройдя 20 минутъ на западъ, мы встрѣтили устье рѣки и, войдя въ него, поднялись вверхъ версты на двѣ. Эта рѣка, текущая съ запада, вѣроятно была Часма, которая должна протекать гдѣ-то въ этой мѣстности. Раньше Часма имѣла нѣко-

торое значеніе, благодаря острогу того-же имени, расположенному на ней. Во времена Стеллера и Крашенинникова главная дорога изъ Петропавловска въ Нижнекамчатскъ шла по восточному берегу Камчатки, и тогда острогъ Часма очень часто посѣщался изъ Ешкуна. Теперь здѣсь все было мертво, и я не замѣтилъ даже слѣдовъ человѣческаго жилья. Выходовъ коренныхъ породъ по рѣкѣ не замѣчалось, берега ея состояли только изъ алювіальныхъ наносовъ. Песокъ имѣлъ свѣтлую окраску, и среди галекъ въ руслѣ рѣки находилась еще какая-то пористая вулканическая порода, а также и нѣкоторыя роговообманковыя породы. Лѣса здѣсь не было, но за то росло множество кустовъ вербы, ольхи и кедровника вмѣстѣ съ очень роскошной травой. Недалекія горы представлялись очень розорванными и были покрыты снѣгомъ. Тутъ-же при устьѣ мы подкрѣпились ѣдой и опять вышли въ море. День былъ теплый и термометръ на воздухѣ (въ тѣни) показывалъ 19°, а въ водѣ (на морѣ) 12°. Прѣхавъ еще часъ и 25 минутъ подъ парусомъ на сѣверъ, мы снова очутились при устьѣ довольно большой рѣки, которая также могла быть Часмой. На этомъ послѣднемъ переходѣ передъ нами съ сѣверо-запада опять выступила прекрасная конусообразная гора; сами же берега были скорѣе низменны. Вѣтеръ ослабѣлъ и заставилъ насъ взяться за весла; такъ мы гребли въ теченіе 40 минутъ, затѣмъ вѣтеръ усилился, сталъ вполнѣ попутнымъ и 1½ часа кряду съ довольно большой скоростью несъ насъ на сѣверъ. При этомъ случаѣ намъ пришлось видѣть довольно интересное зрѣлище: небольшая стая дельфиновъ (свинокъ) появилась на поверхности воды и какъ будто стала состязаться съ нами въ скорости; то мы ихъ оставляли за собою, то они опережали насъ, дѣлая при этомъ самые забавные скачки и съ громкимъ шумомъ пуская фонтаны; въ концѣ концовъ они скрылись изъ виду. Теперь мы снова убрали парусъ и въ продолженіе часа и 10 минутъ гребли на сѣверо-западъ. Начиная отъ рѣки, видѣнной въ полдень, мы больше не встрѣчали скалистыхъ береговъ. Берегъ, состоявшій изъ алювіальныхъ наносовъ, большею частью

былъ еще довольно высокъ, но къ сѣверу сталъ быстро понижаться и вполнѣ принялъ характеръ тундры. Горы опять отступили далѣе внутрь страны и повидимому были круты, скалисты и очень обильно покрыты снѣгомъ. Послѣ того какъ мы прошли на веслахъ еще 40 минутъ въ сѣверномъ направленіи, на востокѣ съ небольшимъ уклоненіемъ къ сѣверу показался мысъ Камчатка, весь бѣлый, окутанный снѣгомъ и льдомъ. Такъ какъ изъ моря выступали только высшія его части, то онъ издали казался островомъ, на которомъ какъ-бы царила вѣчная зима. Спустия еще 10 минутъ мы направились къ берегу, гдѣ разбили нашъ лагерь у маленькаго ручья, на тундрѣ, близъ самаго моря. Передъ нами къ сѣверу видѣлась крутая, покрытая снѣгомъ горная цѣпь, которая, направляясь на западъ, доходила до моря, гдѣ и кончалась мысомъ. Это былъ мысъ Подкамень, послѣдній передъ устьемъ рѣки Камчатки — цѣли нашего плаванія.

Здѣсь часто встрѣчались слѣды оленей, и гдѣ были такіе слѣды, тамъ ужъ непременно появлялись и слѣды волковъ, которые болѣе чѣмъ охотно держатся вблизи оленей. Одинъ волкъ отважился подойти совсѣмъ близко къ нашимъ палаткамъ, вскорѣ послѣ того какъ мы нѣсколькими выстрѣлами прогнали медвѣдя; впрочемъ этотъ волкъ убѣжалъ прежде чѣмъ мы успѣли взяться за оружіе. Тучи комаровъ напали на насъ на берегу, и, благодаря имъ, мы провели мучительную, почти бессонную ночь, такъ какъ приходилось выбирать лишь между удушливымъ дымомъ и нестерпимымъ мученіемъ отъ мириадовъ этихъ кровопійцъ. 27-го іюля, въ пять часовъ утра, при чудной погодѣ, мы были уже опять въ морѣ. Морское теченіе и теперь благопріятствовало вамъ. Пройдя 50 минутъ на веслахъ въ сѣверномъ направленіи вдоль тундристаго берега, мы достигли занесеннаго пескомъ устья рѣки, и, спустя 2½ часа, втораго такого-же устья. Благодаря очень спокойному морю, мы могли здѣсь остановиться на короткое время для отдыха. Множество тюленей, выглядывавшихъ изъ воды у самаго устья, а также два медвѣдя, ловившихъ рыбу на берегу, — все это свидѣтельствовало о рыбномъ богатствѣ рѣки.

Она повидимому начиналась въ горномъ кряжѣ мыса Подкамень, слѣдовательно на сѣверо-западѣ. Глубина ея была незначительна, вода — чистая, снѣговая. Отъ устья рѣки Ключевская сопка представлялась подъ 295°, мысъ Камчатка — подъ 46° и мысъ Подкамень — подъ 12°.

Отсюда мы въ теченіе 1¼ часа шли на веслахъ, послѣ чего тундра смѣнилась низкими лѣсистыми холмами. Прошелъ еще часть, въ теченіе котораго мы подвигались въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи, и передъ нами уже выступили нѣкоторыя скалы на берегу, постепенно повышавшемся; затѣмъ полчаса мы слѣдовали вдоль не очень высокаго скалистаго берега и наконецъ послѣ часоваго плаванія въ сѣверо-восточномъ направленіи намъ удалось обогнуть мысъ и рифъ Подкамень; такъ какъ рифы здѣсь невелики, то это удалось намъ безъ особаго труда и опасности. Но берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ такъ крутъ и скалистъ, что высадка, даже въ самомъ крайнемъ случаѣ, была-бы здѣсь невозможна. Утесы состояли главнымъ образомъ изъ желтоватой слоистой, сильно вывѣтрившейся туфовой породы. Тотчасъ-же за мысомъ Подкамень прекратилось благоприятное для насъ морское теченіе, вдущее на сѣверъ; оно даже смѣнилось противоположнымъ — съ сѣвера, которое было для насъ въ высшей степени неудобно. Въ теченіе трехъ часовъ мы гребли на сѣверъ и подавались впередъ лишь очень медленно. Но къ нашей радости вѣтеръ засвѣжѣлъ и принялъ попутное для насъ направленіе, такъ что мы воспользовались парусомъ въ дополненіе къ весламъ и въ 1½ часа успѣли пройти порядочное разстояніе на сѣверъ. Мысъ Камчатка, находящійся уже къ сѣверу отъ устья соименной рѣки, постепенно выдвигался къ востоку и все болѣе и болѣе обнаруживалъ свою связь съ материкомъ. Мы замѣтно вступали внутрь обширнаго залива, называемаго на картахъ Камчатскимъ; въ самомъ сѣверномъ своемъ углу онъ принимаетъ въ себя наибольшую рѣку полуострова — Камчатку.

Начиная отъ мыса Подкамень, мы плыли въ сѣверо-восточномъ направленіи, опять вдоль низкаго дюннаго берега, въ тече-

не часа и 20 минутъ. Уже темнѣло, когда мы высадились черезъ бурунь, едва не опрокинувшій нашей лодки. Здѣсь берегъ былъ песчанистъ, а далѣе внутрь страны — тундристъ, у самаго же моря тянулась высокая щебненная береговая дюна. На этой дюнѣ стояли наши палатки, совершенно не защищенныя отъ сѣверо-восточнаго вѣтра, который все крѣпчалъ и не предвѣщалъ ничего хорошаго. За дюной мы не находили и слѣдонъ залива (старога русла, см. стр. 246) — ближайшей цѣли нашихъ поисковъ. Дѣло въ томъ, что рѣка Камчатка имѣетъ старое русло (заливъ), очень далеко проходящее къ югу и, какъ на всѣхъ здѣшнихъ рѣкахъ, отдѣленное отъ моря лишь береговой плотинной (кошкой); всѣ наши желанія сводились теперь къ одному — добраться наконецъ до этого залива и разстаться такимъ образомъ съ моремъ и со всѣми его опасностями.

Утромъ 28 іюля передъ нами, къ нашему огорченію, разстился сильный бурунь; при этомъ былъ туманъ и стояла довольно суровая, холодная погода: температура воздуха равнялась всего только 5°. Вѣтеръ былъ не очень силенъ и не мѣшалъ-бы продолжать плаваніе. Но такъ какъ погода повидимому собиралась перемѣниться, а нашъ лагерь ничѣмъ не былъ защищенъ отъ непогоды, и какъ кромѣ того здѣсь не было воды для питья, то мы и порѣшили перенести багажъ потяжелѣе берегомъ до болѣе удобнаго мѣста, затѣмъ вернуться и въ облегченной лодкѣ пробраться черезъ бурунь и снова высадиться у мѣста, гдѣ будетъ сложенъ багажъ. Итакъ, нагрузивъ на себя столько тяжестей, сколько было возможно, мы пошли берегомъ, по высокой дюнѣ. Пройдя верстъ шесть, мы добрались до небольшого скопленія воды въ тундрѣ, обнаруживавшаго повидимому слабое теченіе на сѣверъ. Здѣсь мы сложили вещи, а у моря воздвигли пирамиду изъ навознаго лѣса, чтобы потомъ легче было узнать мѣсто. Затѣмъ мы поспѣшно вернулись къ лодкѣ. Черезъ бурунь, который къ счастью былъ здѣсь только надъ песчаной отмелью, мы пробрались легче чѣмъ предполагали, но все-же при этомъ промокли и набрали много воды въ лодку. Вычерпавъ воду, мы

подняли парусъ и, пользуясь усиливавшимся восточнымъ вѣтромъ, быстро поплыли на сѣверъ. Прошло очень немного времени, какъ мы увидали уже поставленный нами на берегу знакъ; но какъ разъ въ томъ мѣстѣ высадка была невозможна, чего мы не могли разсчитать со стороны суши. Намъ оставалось только ѣхать далѣе на сѣверъ, приблизительно еще столько-же верстъ, сколько пришлось пройти для переноски вещей. Мы сдѣлали это очень скоро; но благодаря все усиливавшемуся волненію, дальнѣйшее пребываніе на морѣ становилось опаснымъ; поэтому, выбравъ нѣсколько болѣе спокойное мѣсто, мы опять черезъ бурунъ высадились на берегъ; конечно при этомъ намъ еще разъ пришлось насквозь промокнуть. Въ то время какъ мы еще вытягивали лодку на берегъ, Шестаковъ нѣсколькими прыжками взобрался на дюну и закричалъ намъ, сіяя отъ восторга и махая шапкой: «Ура! заливъ здѣсь!»

Подобно электрической искрѣ подѣйствовалъ на насъ этотъ крикъ. Радость и благодарность охватили насъ: наконецъ мы достигли давно желанной цѣли!

Съ освѣженными силами мы вытянули лодку сперва на дюну, а затѣмъ тотчасъ-же въ тихую воду залива. Затѣмъ всѣ вернулись къ оставленному багажу и около 8 часовъ вечера сидѣли уже вокругъ пылающаго огня. Нами овладѣло радостное возбужденіе и твердая увѣренность, что завтра мы будемъ уже въ поселеніи на устьѣ Камчатки, опять среди людей; а между тѣмъ позади насъ, за высокой береговой дюной, неистовствовалъ прибой и завывалъ вѣтеръ. Низкій морской берегъ тянется сперва на сѣверъ, до устья рѣки Камчатки, а затѣмъ на востокъ, немного не доходя до мыса Камчатки; лишь начиная отсюда, этотъ берегъ опять становится высокъ, скалистъ и гористъ. До устья рѣки Камчатки и затѣмъ еще на нѣкоторомъ протяженіи далѣе проходитъ высокій дюнный валъ, состоящій изъ щебня и песку. Этотъ матеріалъ частью нанесенъ извнутри страны постепенной работой могучей рѣки, частью же выброшенъ и накопленъ морскими волнами; словомъ, здѣсь наблюдается образованіе, сходное съ дю-

нами на р. Жупановой. Позади описываемаго высокаго вала тянется параллельно морскому берегу «заливъ» рѣки Камчатки, и мы случайно высадились у самаго южнаго конца его. Этотъ заливъ или старое русло рѣки представляетъ теперь широкое, похожее на озеро, скопленіе воды безъ всякаго теченія; это длинная заводь, направленная къ югу и питающаяся изъ рѣки, съ которою остается въ сообщеніи. Описываемый старый рукавъ рѣки проходитъ черезъ болотистую, тундристую алювіальную мѣстность, поросшую лишь высокою травой, да развѣ еще кое-гдѣ ивнякомъ и олешникомъ; самый же береговой валъ, отдѣляющій эту мѣстность отъ моря, почти совсѣмъ лишень растительности. При ясномъ небѣ и свѣжемъ попутномъ юго-восточномъ вѣтрѣ, страшно неистовствовавшемъ возлѣ насъ на морѣ, отправились мы на сѣверъ 29 іюля, въ половинѣ седмаго утра, и, идя подъ парусомъ по тихой водѣ залива, благополучно достигли поселенія у устья р. Камчатки — цѣли нашего путешествія — въ 9 часовъ утра. Ровно семь недѣль тому назадъ мы вышли изъ Петропавловска и за все это время не встрѣтили ни человѣческаго жилья, ни живой души; тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ приближались мы къ уютнымъ домамъ. Приблизившись къ мѣстечку на столько, что передъ нами выступили строения, мы дали нѣсколько ружейныхъ залповъ, что по камчатскому обычаю составляетъ радостное привѣтствіе. Эта трескотня вызвала на берегъ жителей, которые, узнавъ насъ, разразились громкимъ ура и веселыми криками. Лейтенанты Моневскій и Гезехусъ радостно и сердечно встрѣтили меня и привели къ себѣ на квартиру. Первый прибылъ нѣсколько дней тому назадъ на каботажномъ суднѣ изъ Петропавловска, откуда привезъ матеріалы, нужные инженеру Гезехусу для судовыхъ построекъ. Такимъ образомъ здѣсь уже были предупреждены о нашемъ приѣздѣ, давно уже насъ ждали и даже серьезно безпокоились о томъ, что насъ такъ долго нѣтъ. Старики-камчадалы и моряки утверждали, что никто никогда еще не отваживался пускаться въ маленькой лодкѣ изъ Авачинской губы до устья Камчатки, и что я первый

выполнилъ такую рискованную поѣздку. Благодаря такому по-
двигу насъ осыпали всякими знаками почтенія. Офицеры задали
торжественный обѣдъ, на который пригласили всѣхъ насъ; а ве-
черомъ для команды устроены были танцы, такъ называемая
вечорка, на которой не малую роль играла водка, присланная
Завойко. Мой вѣрный спутникъ Шестаковъ былъ героемъ
дня, и, нужно сказать, вполне заслуженно. Весь день и вся ночь
прошли въ сплошномъ праздникѣ и веселіи. Но для меня это
было слишкомъ много, такъ какъ теперь, по минованіи безпо-
койствъ и невольнаго напряженія всѣхъ силъ, мною овладѣли
такая усталость и слабость, что я уже рано отправился на покой.

2) *Обратное путешествіе въ Петропавловскъ черезъ долину рѣки Камчатки.*

Торжественное привѣтствіе и радушный приѣмъ, встрѣченный
нами со стороны населенія у устья рѣки Камчатки, а въ немень-
шей степени также и утомленіе послѣ всѣхъ тягостей и лишеній
пути вызвали во мнѣ желаніе остаться здѣсь для болѣе или ме-
нѣе продолжительнаго отдыха. Но съ другой стороны довольно
позднее время года и предстоящее еще продолжительное обрат-
ное путешествіе черезъ долину р. Камчатки побуждали торо-
питься отъѣздомъ. Поэтому я рѣшилъ 30-ое и 31-ое іюля посвя-
тить нужнымъ приготовленіямъ, а 1-го августа тронуться въ
путь.

Сначала я предполагалъ ѣхать дальше на сѣверъ, по край-
ней мѣрѣ до мыса Камчатки, а также объѣхать Нерпичье
озеро; но отъ этихъ плановъ пришлось отказаться уже по тому
одному, что Завойко отдалъ приказаніе Моновскому забрать
при отъѣздѣ въ Петропавловскъ (который долженъ былъ состо-
яться на дняхъ) мой велботъ съ командой, въ виду нужды въ
нихъ для другихъ работъ. Первоначально предполагавшаяся по-
ѣздка потребовала-бы по крайней мѣрѣ 14 дней, а такъ какъ къ
тому-же погода становилась все болѣе и болѣе непостоянной, то

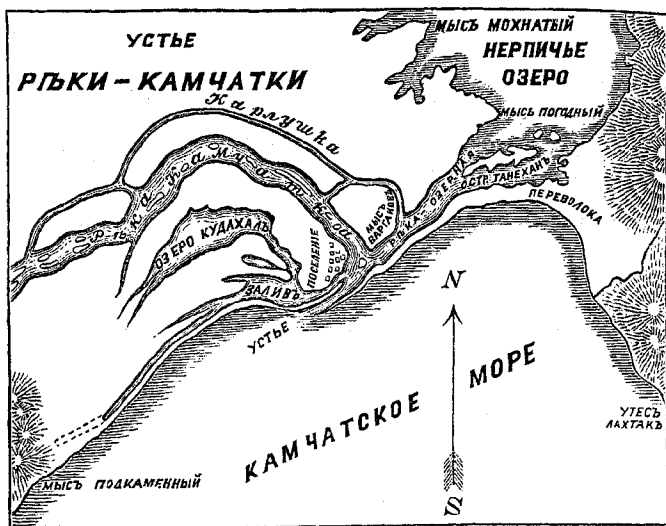
пришлось совершенно отказаться отъ этого намѣренія. Я могъ отправиться въ своей лодкѣ и со всею комавдой не далѣе какъ до Нижнекамчатска, т. е. на разстояніе 30 верстъ вверхъ по рѣкѣ; затѣмъ мои люди должны были вернуться и поступить въ распоряженіе лейтенанта Моневскаго, чтобы вернуться съ нимъ на новопостроенномъ здѣсь каботажномъ суднѣ въ Петропавловскъ. Предполагалось также при этомъ случаѣ отправить домой всѣ собранныя колекціи и излишніе предметы, и забрать съ собой новые запасы, въ изобиліи присланные сюда Завойко. Такимъ образомъ, благодаря попечительности губерватора, я былъ превосходно снаряженъ всѣмъ нужнымъ. Особенно много получилъ я охотничьихъ принадлежностей и чая; а послѣдній составляетъ совершенную необходимость въ путешествіи по Камчаткѣ, потому что за всѣ услуги и за полученную ѣду приходится расплачиваться только чаемъ. У меня было теперь также достаточное количество сахара, сухарей, консервовъ и пр.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсказу собственно о путевыхъ приключеніяхъ, здѣсь нелишне сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о поселеніи Усть-Приморскомъ и о Нерпичьемъ озерѣ.

Поселеніе, въ которомъ мы находились, состоитъ исключительно изъ небольшихъ бревенчатыхъ построекъ, безпорядочно разбросанныхъ по берегу рѣки Камчатки. Посреди частныхъ домовъ, числомъ около пятнадцати, поднимается небольшая, очень простая часовня, въ которой иногда совершаетъ службу священникъ изъ Нижнекамчатска. Сверхъ того здѣсь построено еще нѣсколько болѣе просторныхъ казенныхъ домовъ для офицеровъ и магазиновъ для разныхъ судостроительныхъ матеріаловъ. Наконецъ на берегу стоитъ еще небольшой деревянный маякъ, который указываетъ судамъ, приходящимъ съ моря, входъ въ устье. Постоянное населеніе при нашемъ посѣщеніи состояло изъ 37 душъ мужскаго и 44 женскаго пола, первоначально русскаго происхожденія; сверхъ того при постройкѣ судовъ здѣсь бываетъ еще нѣкоторое число матросовъ.

Рѣка Камчатка въ области своего устья течетъ съ сѣверо-

запада и затѣмъ почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на юго-западъ, огибая нѣсколько возвышенную, кое-гдѣ поросшую

кустарникомъ, песчаную мѣстность, на которой и расположено поселеніе. При этомъ крупномъ изгибѣ рѣки съ нею соединяется рѣка Озерная, т. е. большой и широкій истокъ Нерпичьяго озера; Озерная-то и заставляеть рѣку Камчатку какъ-бы уклониться отъ первоначальнаго направленія и повернуть на юго-западъ. Соединившись, обѣ рѣки текутъ еще на очень короткомъ протяженіи въ широкомъ и глубокомъ руслѣ на юго-западъ, и, прорвавъ береговую плотину, съ шумомъ изливаются черезъ глубокое устье въ море. Сюда проходятъ небольшія суда, чтобы стать на якорѣ въ болѣе спокойной водѣ, у самаго поселенія. Начиная отъ устья въ юго-западномъ направленіи простирается на много верстъ «заливъ», со спокойной, большею частью глубокой водой. Этотъ «заливъ» простирается гораздо болѣе чѣмъ на половину разстоянія до мыса Подкамень и безъ сомнѣнія составляетъ прежнее, старое русло рѣки Камчатки, которое, будучи оставлено благодаря новому прорыву, теперь образуетъ длинный глухой рукавъ, отдѣленный отъ моря только береговимъ валомъ.

Полоса, образуемая береговой плотинной, представляет очень измѣнчивую ширину, высоту и прочность, но повсюду состоитъ лишь изъ песку и щебня; она проходитъ большой дугой отъ мыса Подкамень, направляясь сперва на сѣверо-востокъ, затѣмъ на востокъ и наконецъ на юго-востокъ почти до мыса Лахтакъ; здѣсь она опять примыкаетъ къ скалистому берегу, какъ у своего начала — у мыса Подкамень. Эта колоссальная пересыпь, мѣстами имѣющая въ ширину нѣсколько шаговъ, мѣстами же до 50—70 сажень, образуетъ какъ-бы плотину, которая отдѣляетъ воду рѣки Камчатки и Нерпичьяго озера отъ моря и прерывается только въ одномъ мѣстѣ, именно у устья, гдѣ вся запруженная вода проходитъ черезъ эту плотину, высота которой доходитъ до 15, мѣстами даже до 25 футовъ.

Описываемая плотина образуетъ сперва, на западѣ, южный берегъ залива, т. е. стараго русла рѣки, затѣмъ, далѣе къ востоку, южный берегъ Озерной, а отчасти также южный берегъ Нерпичьяго озера.

Вся низменность, прорѣзанная многочисленными водными бассейнами и рукавами и простирающаяся внутрь страны отъ колоссальной береговой плотины, составляетъ результатъ отложенія въ теченіе многихъ тысячелѣтій алювіальныхъ массъ, приносимыхъ рѣкой Камчаткой, которая непрерывно доставляетъ изнутри страны и отлагаетъ здѣсь громадныя количества песку, щебня и глины. Морскія волны набросали принесенныя массы въ видѣ высокаго береговаго вала и плотно утрамбовали ихъ; въ то-же время онѣ положили предѣлъ отлагающей дѣятельности рѣки, до тѣхъ поръ пока новыя намытыя и накопленныя массы твердаго матеріала не сдѣлаютъ возможнымъ новаго приращенія суши насчетъ моря. Какъ мнѣ кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вся эта низменность отъ моря до Нижнекамчатска и отъ горъ мыса Подкамень, направляющихся къ Ключевской сопкѣ, до скалистыхъ горъ, тянущихся къ сѣверу отъ мысовъ Камчатки и Лахтака, отвоевана у моря лишь въ новѣйшій геологическій періодъ дѣятельностью рѣки. Вся эта область устья пред-

ставляетъ низменную, песчаную, большею частью мокрую и лишнюю древесной растительности мѣстность, на которой произрастаютъ только ивнякъ и громадные хвощи. Богатая водой и масой плавающихъ въ ней веществъ, широкая рѣка Камчатка доходитъ до моря черезъ настоящій лабиринтъ крупныхъ и мелкихъ озеръ, старыхъ, занесенныхъ пескомъ и еще открытых рукавовъ, лужъ и болотъ. Многочисленные удлинненные рѣчные острова, особенно характерные для нижняго теченія рѣки, также составляютъ депо для наноснаго матеріала; они непрерывно разрушаются со стороны, обращенной къ устью, и столь-же непрерывно нарастаютъ съ противоположной стороны. Общее устье всѣхъ этихъ водныхъ массъ во всякомъ случаѣ представляетъ очень мало стойкости и, нужно думать, перемѣщалось съ теченіемъ времени по всей громадной длинѣ дюннаго вала, какъ это можно и теперь еще наблюдать по береговому очертанію залива, Озерной, озера Кудакхаль и т. д.

Присоединяю еще нѣкоторыя наблюденія и измѣренія, сдѣланныя здѣшними обывателями.

Устье, открывающееся въ море, въ настоящее время всякій годъ подвигается сажени на 4 къ западу. Ширина его равна 70 сажениамъ. Скорость теченія рѣки Камчатки равна 7 верстамъ, а Озерной 4—5 верстамъ въ часъ.

Ширина рѣки Камчатки, между поселеніемъ и мысомъ Варгановымъ, 1 верста 50 сажень.

Въ 24 часа съ небольшимъ повторяются по два раза отливъ и приливъ, при чемъ вечерній приливъ всегда бываетъ сильнѣе. У устья вода поднимается на 9, 13 и 15 футовъ, у поселенія — на 7 футовъ и еще въ Нерпичьемъ озерѣ на 3 фута. При отливѣ глубина на устьѣ равна только 6 футамъ, но къ поселенію быстро возрастаетъ до 10, 20, 28—30 футовъ.

Если Нерпичье озеро и было первоначально большой бухтой Камчатскаго моря, глубоко вдававшейся въ сушу между мысами Лахтакъ и Подкамень, то во всякомъ случаѣ въ настоящее время эта бухта сильно занесена съ запада дѣйствіемъ боль-

шой рѣки. Южный и юго-западный берега озера представляютъ очень низкую алювіальную мѣстность, имѣющую тотъ-же характеръ, что и вся область устья. За исключеніемъ лишь немногихъ болѣе глубокихъ мѣсть у каменистыхъ восточныхъ береговъ, гдѣ наибольшая глубина равна 25 футамъ, все озеро очень неглубоко: въ западной его части имѣются песчанья мели, на которыхъ не болѣе 2—3 футовъ воды; нѣкоторые участки даже поднимаются въ видѣ острововъ на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ воды; напр. большіе острова Танеханъ, Кирунъ и Сивучій. Средняя глубина озера и его стока, т. е. рѣки Озерной, имѣющей около 10 верстъ въ длину, вѣроятно лишь въ немногихъ мѣстахъ превосходитъ 10—12 футовъ.

Нерпичье озеро представляетъ большой прѣсноводный бассейнъ, имѣющій въ длину съ запада на востокъ около 30 верстъ и съ сѣвера на югъ около 20 верстъ, въ окружности же верстъ 80. Оно лишь съ востока, сѣвера и сѣверо-запада окружено скалистыми горами и въ сѣверо-восточномъ углу, при посредствѣ короткаго и неглубокаго пролива, соединяется съ почти круглымъ прибавочнымъ озеромъ — Култукомъ. Большое озеро вдается въ обширный гористый полуостровъ, который образуетъ наиболѣе далеко выдающійся къ востоку выступъ на всемъ побережьи Камчатки. Южная оконечность этого полуострова образуется холоднымъ, скалистымъ и изорваннымъ мысомъ Камчатскимъ, сѣверная — мысомъ Столбовымъ. Къ сѣверу отъ Нерпичьяго озера горы означеннаго полуострова черезъ посредство Новиковской Вершины соединяются съ предгоріями Шивелюча. Новиковская Вершина вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ водораздѣлъ между системами озеръ Нерпичьяго и Столбового; изъ нихъ послѣднее находится къ сѣверу отъ перваго, гораздо меньшихъ размѣровъ и черезъ короткій стокъ открывается въ сѣверный — Укинскій — заливъ. Тотъ-же гористый полуостровъ представляетъ чрезвычайно интересную границу для всей страны, а именно: 1) по отношенію къ растительности, потому что къ сѣверу отсюда сильно убываютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ лѣса; 2) по отношенію къ живот-

нымъ, потому что начиная отсюда становятся чаще сѣверныя формы, какъ сѣверный олень на сушѣ, моржъ и бѣлуха на морѣ; 3) по отношенію къ туземному населенію, потому что къ сѣверу отсюда живутъ осѣдлые коряки; 4) наконецъ къ сѣверу отъ этой линіи прекращается дѣятельность камчатскаго ряда вулкановъ, и всѣ вулканическія явленія сводятся къ нѣсколькимъ горячимъ ключамъ. Разсматриваемая граница идетъ поперекъ всей Камчатки, въ видѣ довольно прямой линіи, направляющейся отъ мыса Камчатки на сѣверо-западъ, черезъ Сѣданку и Тигиль, къ Охотскому морю. Новиковская Вершина извѣстна также въ Камчаткѣ по своимъ переваламъ, по которымъ идетъ дорога отъ Камчадаловъ, живущихъ въ области устья, къ Укинцамъ и Олюторцамъ сѣвера. Эта дорога была очень оживлена въ прежнее время, когда восточный берегъ Камчатки еще былъ гуще заселенъ; теперь въ Уку ѣдутъ больше черезъ Еловку и Озерную.

Животная жизнь на водахъ устья Камчатки чрезвычайно богата. Главнымъ условіемъ, благопріятствующимъ этой разнообразной жизни, является невѣроятное количество лососей, ежегодно входящихъ изъ моря въ рѣку и далѣе—въ самые крайніе, часто находящіеся высоко въ горахъ ручьи, гдѣ эти рыбы даже масами покрываютъ берега. Со входомъ рыбъ въ рѣки жизнь въ странѣ обновляется. За рыбами изъ моря въ рѣку Камчатку и въ Нерпичье озеро входятъ большія стаи тюленей, а въ послѣднее еще и сивучи. Какъ люди, такъ и разные звѣри — медвѣди, волки, ѣздовыя собаки, лисицы — неотлучно держатся у рѣки. Множество гусей, утокъ, гагаръ, лебедей наполняютъ воздухъ и поверхность воды. Поздней осенью становится тише, а зимою и совсѣмъ умолкаютъ голоса животныхъ. Жители, не заготовившіе себѣ запасовъ лѣтомъ, зимою должны голодать, потому что могучая рѣка, еще недавно кипѣвшая жизнью, тогда бываетъ совсѣмъ мертва.

Къ вечеру 31-го іюля разсѣялись облака, въ послѣдніе дни вполне закрывавшія небо, и внезапно выступили великолѣпныя и величественныя формы сѣверно-камчатскихъ исполинскихъ вул-

кановъ. На сѣверо-западѣ и западѣ, надъ плоской равниной области устья поднимаются Шивелючь съ его разорванной вершиной и безподобный высокій цѣльный конусъ Ключевской сопки съ Крестовской и Ушкинской. При ясномъ воздухѣ я могъ съ маяка взять слѣдующіе пеленги: Ключевская сопка $254\frac{1}{2}^{\circ}$, Крестовская 253° , Ушкинская 256° , Шивелючь: высшая вершина 297° , низшая — 295° , мысъ Камчатка 124° (OSO) и утесъ Лахтакъ $113\frac{1}{2}^{\circ}$.

На 1-ое августа былъ назначенъ день моего отъѣзда. Все необходимое было уже приготовлено и въ 3 часа дня я вошелъ въ свой велботъ, который вѣрой и правдой служилъ мнѣ на морѣ и теперь долженъ былъ сослужить еще послѣднюю службу — довести меня рѣкой до Нижнекамчатска. Со мной были опять всѣ мои спутники, и каждый изъ нихъ въ эту послѣднюю поѣздку какъ-бы сугубо старался о томъ, чтобы оставить по себѣ добрую память. Свѣжій юго-восточный вѣтеръ далъ намъ возможность отправиться на парусахъ, и такимъ образомъ, не смотря на противное теченіе, лодка наша быстро шла впередъ. Въ шесть часовъ мы проѣхали весь путь — 30 верстъ — и въ 9 часовъ вечера были уже въ домѣ старосты. Это былъ очень старый человекъ, по имени Кузнецовъ, принявшій насъ съ величайшимъ радушіемъ. Отношенія старика къ его однодеревенцамъ были повидимому крайне патріархальны. Проникнутый сознаниемъ собственнаго достоинства, онъ раздавалъ короткія и категорическія приказанія, немедленно-же приводившіяся въ исполненіе. Обыватели называли Кузнецова не иначе какъ городничимъ, потому что Нижнекамчатскъ прежде былъ городомъ.

Мѣстность по нижнему теченію рѣки Камчатки представляетъ очень мало привлекательнаго. Рѣка, имѣющая въ ширину полверсты, мѣстами же доходящая и до двухъ верстъ, переполнена низкими песчаными островами, частью вполнѣ голыми, частью поросшими скудной травой и ивовымъ кустарникомъ. Вода, загрязненная массой твердыхъ веществъ, мутна и, при глубинѣ въ 3—4 сажени, течетъ со скоростью примѣрно четырехъ верстъ

въ часъ. Берега также состоятъ лишь изъ низменныхъ песчаныхъ участковъ, поросшихъ травами, хвощемъ и ивой. Всюду видѣлись свѣжеобвалившіяся, подмытыя водой части берега, выпадающіе въ рѣку и отходящіе отъ нея рукава, поросшія тростникомъ и хвощемъ лужи и маленькія озера, окруженныя ивнякомъ. Наконецъ, послѣ того какъ мы проѣхали болѣе половины пути, берега начали постепенно повышаться и сдѣлались болѣе сухи. Прибрежная мѣстность также становилась болѣе высокой, и, въ то время какъ рѣка со своими многочисленными песчаными островами вполнѣ сохраняла прежній характеръ, мѣстами стали ближе подступать покрытые лѣсомъ холмы. Къ ивамъ, которыя были уже гораздо крупнѣе, теперь присоединялись уже корявыя березы (*B. Ermani*), ольха и рябина. Въ скоромъ времени мы достигли устья болѣе глубокой рѣки Ратуги, приходящей съ сѣвера, именно съ Новиковской Вершины, и сейчасъ-же послѣ того прибыли въ Нижнекамчатскъ, также стоящій на лѣвомъ, слѣдовательно сѣверномъ, берегу Камчатки, которая здѣсь очень красива. Въ противоположность богатству животной жизни, только что видѣнному нами на восточномъ берегу Камчатки, животная жизнь на всемъ протяженіи отъ устья рѣки до Нижнекамчатска представляла поразительную бѣдность: за исключеніемъ неизбѣжныхъ водяныхъ птицъ — утокъ, гагаръ и чаекъ — мы не встрѣтили ни одного животнаго, даже ни одного мѣлвѣдя.

Старый городничій Кузнецовъ угостилъ меня къ ужину отлично зажаренными утками и рыбами, въ отвѣтъ на что я пригласилъ его на чай. Когда въ заключеніе на столѣ появился еще грогъ, старикъ сталъ словоохотливъ и рассказалъ мнѣ нѣкоторыя очень интересныя событія изъ своей жизни. Хронологическія данныя рассказчикъ, при ослабѣвшей памяти, могъ конечно, какъ онъ и самъ признавался, приводить лишь въ круглыхъ числахъ; тѣмъ не менѣе сообщенія, полученныя непосредственно отъ очевидца, не лишены цѣнности. Здѣсь я хоть вкратцѣ привожу главные факты, оставляя за собой право въ главѣ, специально посвя-

щенной исторіи Камчатки, еще раз воспользоваться сообщеніями Кузнецова и сравнить ихъ съ разсказами другихъ здѣшнихъ старожиловъ. Кузнецовъ, сынъ очень зажиточныхъ родителей, жившихъ въ Нижнекамчатскѣ, родился около 1770 г. и, подобно своему отцу, занимался торговлей. Еще молодымъ человѣкомъ онъ отправился къ родственникамъ въ Вологду, чтобы тамъ научиться торговому дѣлу. Въ 1804 г. Кузнецовъ вернулся въ Нижнекамчатскъ и съ того времени безвыѣздно жилъ въ Камчаткѣ. Составивъ себѣ большое состояніе, онъ затѣмъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ кораблекрушеній, опять потерялъ его. Теперь ему было болѣе 80 лѣтъ и приходилось жить въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, совершенно также бѣдно какъ камчадаламъ и здѣшнимъ русскимъ; но по всей странѣ онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ; старъ и младъ одинаково относились къ нему съ величайшимъ почтеніемъ. Кузнецовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Со времени перваго открытія Камчатки Дежневымъ и Атласовымъ примѣрно до 1740 г. козаки хозяйничали въ странѣ самымъ незаконнымъ образомъ и обращались съ камчадалами какъ нельзя болѣе жестоко.

Чтобы положить конецъ безобразіямъ, Правительство отправило въ Камчатку особыхъ начальниковъ, которые съ 1740 до 1760 года управляли странюю изъ Нижнекамчатска. Послѣдній еще ранѣе 1740 г. былъ населенъ козацкими властями, также какъ и Большерѣцкъ и Верхнекамчатскъ. Эти три поселенія были основаны еще при Атласовѣ, именно въ 1703 г.

Съ 1760 до 1780 г. только что упомянутые начальники имѣли своей резиденціей Большерѣцкъ.

Въ 1780 г. поселенія Тигиль и Нижнекамчатскъ были возведены въ рангъ городовъ, и начальники опять переведены въ Нижнекамчатскъ. Около этого времени Правительство отправило въ Камчатку также нѣсколько батальоновъ пѣхоты.

Когда Кузнецовъ въ 1804 г. снова вернулся въ Камчатку, то засталъ тамъ начальникомъ края имѣстныхъ батальоновъ генерала Кошелева. Въ слѣдующемъ году этотъ генераль пред-

принялъ походъ противъ олюторцевъ, ничѣмъ не кончившійся. Годъ спустя Кошелевъ выступилъ противъ каменцевъ, живущихъ у Пенжинской губы; онъ пошелъ на нихъ двумя колонами, изъ которыхъ одна подвигалась черезъ Тигиль, другая черезъ Дранку. Въ 1807 г. Кошелева смѣнилъ генераль Петровскій, отозванный въ 1813 г. вмѣстѣ съ батальонами.

Съ 1813 г. на должность начальниковъ края назначаются морскіе офицеры и резиденціей ихъ становится Петропавловскъ.

Въ 1813 г. былъ назначенъ начальникомъ лейтенантъ Рикордъ; онъ однако до 1817 г. большую часть времени провелъ въ Японіи, стараясь добиться освобожденія взятаго въ плѣнъ Головнина. Въ отсутствіе Рикорда въ Петропавловскѣ оставался лейтенантъ Рудаковъ, подчиненный капитанъ-лейтенанту Миницкому, начальнику Охотскаго Порта. Въ 1817 г. Рикордъ вернулся въ Петропавловскъ и правилъ Камчаткой до 1820 г., когда его смѣнилъ лейтенантъ Станицкій. Съ 1813 г. Петропавловскъ все время оставался главнымъ городомъ полуострова и до Завойко включительно начальниками были морскіе офицеры.

Мой разскащикъ, старый и строго религіозный человѣкъ, особенно напиралъ на то, что изъ Нижнекамчатска впервые стало распространяться въ краѣ христіанство, и что распространеніе это совершалось съ величайшей настойчивостью и съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кузнецовъ сожалѣлъ о томъ, что, несмотря на всѣ усилія, дѣло христіанства не въ такомъ положеніи, какъ было-бы желательно, и что предстоитъ еще очень и очень много работы на этомъ поприщѣ. Въ послѣднемъ старикъ былъ конечно правъ, потому что въ Камчаткѣ крещеніе было, да и теперь остается, лишь чисто внѣшнимъ, формальнымъ актомъ. Истинно христіанскаго духа, сколько нибудь болѣе глубокаго пониманія религіи, настоящаго поученія или попеченія о душевномъ спасеніи обращаемыхъ никогда не было, да и теперь нѣтъ. Здѣшнее духовенство, необыкновенно невѣжественное, ограничивалось только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ и церемоній крещенія

и занесеніемъ именъ крестимыхъ въ списки. Главная цѣль заключалась конечно въ возможномъ увеличеніи этихъ списковъ, потому что очень длинные ряды именъ свидѣтельствовали объ усердіи священника къ дѣлу вѣры и вели къ разнаго рода наградамъ. Такъ проникло въ страну это яко-бы христіанство и такимъ продолжаетъ оно пребывать и понынѣ! Самое большее чего удалось достигнуть у здѣшнихъ инородцевъ заключается въ смѣси нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ христіанства съ масой языческихъ суевѣрій.

2-го Августа стояла очень плохая дождливая погода, а потому рѣшено было отложить продолженіе путешествія. Нижнекамчатскъ находится въ очень живописномъ мѣстѣ. Онъ расположенъ на рѣкѣ Камчаткѣ, имѣющей здѣсь почти версту въ ширину, и при устьѣ рѣки Ратуги; кругомъ—красивыя, покрытыя растительностью, высоты. Населеніе, состоящее изъ 56 душъ мужскаго и 52 женскаго пола, занимаетъ 20 домовъ, которые вмѣстѣ со службами — амбарами и балаганами — неправильно разбросаны вокругъ церкви, расположенной въ серединѣ поселенія. Все поселеніе, совершенно утерявшее свое прежнее значеніе, производитъ впечатлѣніе нѣкотораго запущенія. Потемнѣвшіе остовы домовъ и церкви обнаруживаютъ многочисленныя слѣды упадка. Особенно много пришлось перенести Нижнекамчатску отъ разливовъ рѣки Ратуги: весною она нерѣдко приноситъ колоссальную массу воды, размывая и унося въ своемъ теченіи легкую алювіальную почву, на которой выстроено селеніе. Этотъ притокъ, длина котораго равна приблизительно 100 верстамъ, теперь у устья имѣлъ въ ширину 30 сажень при глубинѣ въ 8 — 10 футовъ, между тѣмъ какъ во время таянія снѣга въ этомъ-же мѣстѣ ширина, говорятъ, нерѣдко бываетъ втрое больше. Весною 1838 г. Ратуга, вслѣдствіе очень внезапно наступившей оттепели, принесла необыкновенно много воды, прорыла себѣ совершенно новое русло въ рыхлой песчаной почвѣ и уничтожила при этомъ значительную часть прежней городской земли со всѣмъ, что на ней было. Старый домъ начальника,

множество другихъ казенныхъ домовъ, одна церковь, остатки прежнихъ деревянныхъ укрѣпленій и городскія ворота исчезли. Деревня помѣщается теперь почти совсѣмъ въ новомъ мѣстѣ; только нынѣшняя церковь и нѣсколько домовъ стоятъ по старому. Нынѣшняя церковь построена изъ остатковъ обѣихъ прежнихъ, т. е. Успенской и Никольской, и въ нее перенесены старыя, богато вызолоченныя образа. На мѣстѣ стараго города нерѣдко находятъ еще золотыя моменты или мелкія золотыя вещи; нѣсколько лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ, гдѣ прежде была кузница, въ которой работали также и съ благородными металами, найденъ кусочекъ необдѣланнаго золота; находка эта подала поводъ къ молвѣ, что рѣка Радуга золотоносна. Жители Нижнекамчатска, хотя и русскаго происхожденія, теперь по нравамъ и обычаямъ едва отличаются отъ камчадаловъ. Одежда, жилище, пища, всѣ привычки здѣшнихъ русскихъ стали почти совершенно тождественны съ камчадалскими; они только говорятъ нѣсколько болѣе чистымъ русскимъ языкомъ чѣмъ камчадалы (это различіе также все уменьшается), да по праздникамъ ходятъ въ церковь въ національномъ русскомъ платьѣ. Отъ прежняго блеска древней столицы страны осталось только названіе «городничаго», которымъ обыватели продолжаютъ величать своего старосту Кузнецова.

Рано утромъ 3-го августа мы приготовились къ отъѣзду. Сперва мои люди, кромѣ Шестакова, вошли въ вельботъ, который при ружейныхъ салютахъ и прощальныхъ возгласахъ быстро понесся внизъ по теченію и вскорѣ исчезъ за изгибомъ рѣки. Затѣмъ и мы вошли въ ждавшіе насъ у берега баты—какія-то большія, безформенныя корыта, сдѣланныя изъ одного ствола. Старикъ Кузнецовъ вмѣстѣ со многими обывателями проводилъ насъ до берега и здѣсь простился съ нами, что сопровождалось множествомъ церемоній. Затѣмъ всякій изъ насъ, захвативъ часть багажа, помѣстился въ серединѣ своего бата; два гребца, полагающіеся на каждый бате, стали, вооруженные длинными шестами, по одному на каждомъ концѣ лодки, длина которой со-

ставляетъ добрыхъ 12 футовъ; отталкиваясь одновременно съ одной и той-же стороны шестами отъ дна, они такимъ образомъ съ большой силой гнали лодку впередъ. При движеніи вверхъ по рѣкѣ, батамъ необходимо держаться какъ можно ближе берега и всюду искать наиболѣе слабого встрѣчнаго теченія. Если требуется переправиться на другой берегъ рѣки, то приходится грести, при чемъ гребцы садятся на свои мѣста и быстро гребутъ короткими веслами, концы которыхъ имѣютъ видъ широкихъ лопатокъ. При движеніи внизъ по рѣкѣ напротивъ того ищутъ самага сильнаго теченія, работая на глубокой водѣ — веслами, на мелкой — шестами. Въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко соединяютъ также по два бата, чтобы придать больше стойкости и подъемной силы этимъ лишеннымъ кия, очень валкимъ лодкамъ. На такихъ связанныхъ батахъ (по русски — паромахъ) сплавляются внизъ по теченію довольно значительные грузы.

Такимъ образомъ, преслѣдуемые безчисленнымъ множествомъ комаровъ, въ теплую, хотя и пасмурную погоду, мы начали свое путешествіе, которое, конечно, могло совершаться лишь очень медленно.

Сперва берега еще оставались низменными и песчаными, подобно всей обширной прилегавшей къ нимъ мѣстности, прорѣзанной неглубокими рукавами рѣки и усѣянной мелкими и крупными озерами. Изъ числа послѣднихъ особенно замѣчательно большое глубокое озеро Асабачъ, имѣющее до 60 верстъ въ окружности и открывающееся въ главную рѣку съ правой, т. е. южной, стороны, близъ Нижнекамчатска. Сама рѣка Камчатка на этомъ протяженіи имѣетъ до 450 сажень въ ширину, до 3 сажень въ глубину и скорость теченія 5 верстъ въ часъ. На берегахъ видны только большіе ивовые кусты, хвощи, изрѣдка еще немногочисленныя березы; а на болѣе сухихъ мѣстахъ растеть высокая трава.

Только пройдя версть 10 вверхъ по рѣкѣ, мы достигли небольшаго края, идущаго съ юга на сѣверъ и почти подъ прямымъ угломъ прорѣзаннаго рѣкою Камчаткой на протяженіи 15

версть. Въ этой тѣснинѣ (русское названіе — Щеки) характеръ ландшафта совершенно измѣняется. Берега становятся скалистыми, но остаются еще невысокими. Голыя скалы и лѣсные участки, состоящіе изъ березы, ольхи и рябины съ кустами розъ и лиліями подъ сѣнью деревъ, чрезвычайно живописно перемежаются съ узкими ущельями и красивыми долинами. Рѣка въ этой тѣснинѣ суживается до 100 сажень и протекаетъ въ одномъ руслѣ безъ острововъ, при глубинѣ въ 4 сажени и скорости теченія 7 версть въ часъ. Горная порода здѣсь опять почти исключительно та-же слоистая, весьма богатая кварцемъ, метаморфизированная осадочная порода, которая встрѣчается на мысахъ Шипунскомъ и Кронцкомъ, а также у Петропавловска.

Въ западной части описываемой тѣсины, именно на сѣверномъ берегу рѣки, находятся остатки Щековского острога, теперь совершенно оставленнаго, но въ пору процвѣтанія Нижнекамчатска представлявшаго богатое и очень людное мѣсто. Недалеко отъ острога мы вышли изъ тѣсины и опять встрѣтили низменную, ровную мѣстность, въ которой рѣка снова становится очень широкой. Она распадается здѣсь на множество богатыхъ островами рукавовъ, и берега ея покрыты тою-же растительностью, какую мы видѣли и раньше. Но поразительно великолѣпна картина, развертывающаяся въ этомъ мѣстѣ передъ зрителемъ. Надъ далеко разстилающейся равниной низменнаго побережья, высоко поднимаются въ величавой красѣ нѣсколько изолированныхъ горныхъ группъ: къ сѣверо-западу — умѣренно высокія горы Харчиной и колоссальные массивы Шивелюча; къ западу и юго-западу — величественная фигура Ключевской сопки съ ея придаточными конусами.

Животная жизнь и здѣсь не представлялась особенно богатой. Передъ нами взлетало множество утокъ, да нѣкоторыя другія водяныя птицы; затѣмъ мы встрѣтили слѣды одного медвѣдя и нѣсколько разъ — слѣды выдры; вотъ и все. Мертвая тишина только по временамъ прерывалась возгласами плотовщиковъ, которые гнали лѣсъ, назначенный для постройки судовъ, изъ рас-

тущихъ вверхъ по рѣкѣ хвойныхъ лѣсовъ въ поселеніе Усть-приморское.

Немного не доѣзжая цѣли нашего плаванія, острога Камаки, мы прошли мимо остатковъ другаго острога—Капитовскаго, находящихся на правомъ берегу рѣки; и этотъ острогъ въ доброе старое время былъ очень оживленъ и имѣлъ зажиточное населеніе, теперь же онъ совершенно опустѣлъ. Въ 4 часа дня мы прибыли въ Камаку. Девять домовъ съ нѣсколькими балаганами, расположенные на лѣвомъ, нѣсколько возвышенномъ берегу и составляющіе этотъ острогъ, а равно 26 обывателей и 24 обывательницы его производятъ довольно грустное впечатлѣніе. Здѣсь гнѣздятся повидимому всякія болѣзни и нищета. Острогъ прежде стоялъ 8 верстами выше по рѣкѣ, но изъ-за нездороваго мѣста перенесенъ на теперешнее. Къ сожалѣнію однако несчастнымъ, какъ кажется, не поздоровилось и здѣсь. Въ острогѣ едва-ли былъ хоть одинъ здоровый человѣкъ, и намъ стоило немало труда раздобыть 4 рабочихъ для дальнѣйшей поѣздки. Къ тому-же отъ балагановъ, гдѣ висѣли тысячи рыбъ, и подъ которыми валялся всякаго рода гнилой отбросъ, распространялась невыносимая вонь. Сперва я думалъ разбить палатку, чтобы избѣгнуть жалкихъ лачугъ, къ тому еще переполненныхъ больными; но тучи комаровъ, страшная вонь и всюду бродившія вороватыя бѣздовыя собаки заставили меня перебраться въ домъ тайона (старосты), гдѣ я получилъ хоть чистую комнату.

Шестаковъ, во время путешествія распорядившійся всеми нашими запасами провизіи, принялся готовить ужинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ пущенъ былъ въ дѣло самоваръ—принадлежность хозяйства, имѣющаяся во всякомъ камчадалскомъ поселеніи. Это послужило сигналомъ для всѣхъ обывателей—собраться въ сосѣдней комнатѣ. Въ Камчаткѣ повсюду принято, чтобы пріѣзжій угощалъ всѣхъ чаемъ—этимъ самымъ любимымъ напиткомъ камчадаловъ, при чемъ, само собою разумѣется, всѣ и собираются для такого удовольствія. Съ другой стороны и для камчадаловъ не подлежитъ сомнѣнію, что они должны бесплатно до-

ставлять всѣ жизненные припасы; послѣдніе же, конечно, исключительно мѣстные продукты и доставляются этими добродушными и всегда привѣтливыми людьми самымъ щедрымъ образомъ. Хлѣбъ въ камчадалскихъ поселеніяхъ составляетъ большую рѣдкость, да туземцы совсѣмъ и не замѣчаютъ этого недостатка, замѣняя хлѣбъ обыкновенно картофелемъ, а еще болѣе клубнями сараны (*Fritillaria kamtschatica*). Расплату же деньгами за разныя работы, какъ-то за ѣзду на собакахъ зимою и въ лодкахъ—лѣтомъ, камчадалы берутъ неохотно или по крайней мѣрѣ совершенно равнодушно; они даже довольнѣе, если такой расплаты и совсѣмъ не производятъ. За то чай, табакъ, охотничьи принадлежности и т. п. доставляютъ имъ величайшее удовольствіе. На такіе подарки они даже прямо рассчитываютъ. Но мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ Камчаткѣ попрошайничество, или недовольство полученнымъ, или нелюбезность. Камчадалъ всегда привѣтливъ, любезенъ, услужливъ и послушенъ; если же неохота или суевѣріе, здѣсь вообще очень распространенное, мѣшаютъ ему быть услужливымъ, то онъ притворится незнающимъ или непригоднымъ для требуемой работы.

Къ чаю я пригласилъ въ свою комнату тайона и нѣсколькихъ стариковъ. Сперва они робко усѣлись подлѣ меня и ограничивались односложными отвѣтами; только убѣдившись въ томъ, что я ничего имъ не собираюсь приказывать и ничего съ нихъ не требую, они стали словоохотливѣе. Камчадалы, въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній терпѣвшіе отъ дурнаго и беспощаднаго управленія чиновниковъ, теперь очень запуганы и къ русскимъ относятся съ большимъ недовѣріемъ и осторожностью. Они опасаются, что какое нибудь неосторожное слово вызоветъ новыя для нихъ тягости, а потому предпочитаютъ и совсѣмъ молчать. Это вошло ужъ теперь повидимому въ ихъ характеръ, такъ что чрезвычайно трудно заставить камчадала рассказать что нибудь. Такое положеніе очень достойно сожалѣнія, потому что среди камчадаловъ еще сохранились кое-какія преданія изъ временъ старины.

Я началъ съ разспросовъ о рыбной ловлѣ и, затронувъ

такимъ образомъ любимую камчадалами тему, развязалъ языки своимъ собесѣдникамъ. О послѣдовательности хода здѣшнихъ рыбъ я узналъ слѣдующее: первую въ весеннее время идетъ изъ моря въ рѣки небольшая хакелча, ловимая у Камаки уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Эта рыбка, длина которой не превосходитъ нѣсколькихъ дюймовъ, поднимается не особенно далеко вверхъ по рѣкѣ и не доходитъ далѣе Козыревска, гдѣ борьба съ противнымъ теченіемъ уже вполне обезсиливаетъ ее. Хакелча (*Gasteracanthus cataphractus* Pall.) идетъ въ пищу человѣку только въ голодные годы, а то служитъ лишь кормомъ для собакъ. Она, какъ кажется, представляетъ болѣе сѣверный видъ и свойственна исключительно Тихому океану. На западномъ берегу Камчатки хакелчи новидимому нѣтъ, точно также она не встрѣчается и въ Авачинской губѣ. За то она поднимается по рѣкѣ Камчаткѣ и по морскому берегу къ сѣверу отъ мыса Камчатки встрѣчается колоссальными масами, такъ что волны нерѣдко выбрасываютъ на сушу цѣлыя кучи этихъ рыбокъ. Въ хозяйствѣ укинцевъ и олюторцевъ, а также на Анадырѣ хакелча играетъ довольно важную роль, потому что здѣсь крупныя виды лососей входятъ въ рѣки въ значительно меньшемъ количествѣ чѣмъ далѣе къ югу.

Что касается большихъ лососей, то послѣдовательность видовъ ихъ у Камаки слѣдующая. Сперва, въ маѣ, является чавыча (*Salmo orientalis*); въ 1852 году первая рыба была поймана 12 мая. Затѣмъ идетъ красная рыба (ксивучъ камчадаловъ, *S. lycaodon*), хайко (*S. lagocephalus*), горбуша (*S. proteus*) и наконецъ, въ началѣ августа, кизучъ (*S. sanguinolentus*), приходящій съ моря еще до сентября, хотя къ концу хода попадающійся болѣе въ одиночку. Въ незамерзшихъ ручьяхъ, нерѣдко на значительной высотѣ въ горахъ, находятъ еще въ Рождество живыхъ кизучей; но тогда они очень тощи и обезсилены отъ долгаго и чрезвычайно утомительнаго путешествія. Чавыча самая лучшая, вкусная и большая изъ всѣхъ здѣшнихъ лососей. Она достигаетъ длины 4, а въ исключительныхъ случаяхъ даже 5 футовъ и высоко цѣнится, какъ особенно лакомое блюдо. Косяки этого крупнаго лосося по

числу особей самыя небольшіе; кизучъ же, напротивъ, входитъ въ рѣки въ наибольшемъ количествѣ и потому собственно представляетъ главнѣйшую рыбу для зимнихъ запасовъ. Но жители также охотно ловятъ красную рыбу, хайко и горбушу, и сохраняютъ ее разными способами на зиму.

Мнѣ приводили какъ особенно важное преимущество Камаки и другихъ здѣшнихъ поселеній то обстоятельство, что перечисленные выше рыбы приходятъ сюда, не испытавъ еще всѣхъ тягостей пути, а потому бываютъ очень жирны; въ мѣстности же, лежащія по верхнему теченію рѣки, лососи являются уже исхудавшими, такъ что жителямъ приходится довольствоваться менѣе вкусной рыбой.

Относительно камчадалскаго языка мои собесѣдники, какъ бы стыдѣсь его, сообщили мнѣ, что по камчадалски теперь говорятъ еще развѣ однѣ только старыя бабы, между тѣмъ какъ мушины болѣе не понимаютъ камчадалской рѣчи и всѣ уже говорятъ по русски. Хотя быть можетъ и правда, что чрезвычайно сильно сократившееся въ численности племя, собственно близкое даже къ полному вымиранію, все больше и больше отказывается отъ своего роднаго языка, тѣмъ не менѣе эти инородцы все еще остаются очень привязанными къ своимъ стариннымъ обычаямъ и носятъ со своимъ обрусѣніемъ только для того, чтобы быть на хорошемъ счету. При этомъ очень забавно было слышать изъ устъ этихъ новорусскихъ людей ихъ необыкновенно неуклюжую русскую рѣчь. Въ произношеніе они вносили особую мягкость, избѣгая по возможности всякихъ шипящихъ и твердыхъ звуковъ, между тѣмъ какъ собственный ихъ камчадалскій языкъ полонъ такихъ шипящихъ и на половину выговариваемыхъ звуковъ. Затѣмъ при разказѣ они пользовались повидимому очень ограниченнымъ запасомъ словъ и нерѣдко прибѣгали къ выраженіямъ и словамъ, болѣе свойственнымъ старинной чѣмъ современной русской рѣчи. Почти ни одна фраза не обходилась безъ слова «однако», выражавшаго нѣкоторое сомнѣніе; часто прибавлялось еще «видишь ты». Весьма употребительны «здѣся-ка» (вмѣсто

здѣсь) и «тама-ка» (вмѣсто тамъ), «дивно» (вмѣсто много), «шибко» (вмѣсто очень), «мало-мало» (вмѣсто такъ себѣ); чрезвычайно употребительно также слово «парень» вмѣсто молодець, пріятель и братъ.

Близъ домовъ виднѣлись небольшіе окруженные изгородями огороды, на которыхъ хорошо родились нѣкоторые овощи, какъ картофель, капуста, рѣпа и рѣдька; но эти огороды устраивались повидемому болѣе изъ послушанія начальству, чѣмъ по собственному побужденію жителей, которые сами относились къ дѣлу болѣе равнодушно. Почти то-же самое, какъ кажется, можно сказать о здѣшнемъ скотоводствѣ; я видѣлъ здѣсь 10 очень недурныхъ коровъ. Рыболовство, охота и сборъ ягодъ и корней все еще составляютъ ихъ настоящую стихію.

Рано утромъ 4-го августа передъ нами открылся величественный видъ на здѣшнія горы. Позади насъ, къ востоку, выступала вся цѣпь, пробиваемая рѣкою Камчаткой въ тѣснинѣ (Щекахъ). Въ этомъ мѣстѣ прорыва горы были менѣе значительны, но къ сѣверу и югу онѣ повышались, приобрѣтая значительные размѣры и скалистый характеръ. Особенно величествененъ былъ видъ обоихъ близкихъ отсюда вулкановъ: Шивелюча на сѣверо-западѣ и Ключевской сопки на западо-юго-западѣ. Оба значительной своей частью вдавались въ снѣговую область; Шивелючь — своей изорванной, зубчатой, вытянутой вершиной, и Ключевская сопка — своимъ исполинскимъ конусомъ. Первый представлялся въ видѣ большой мертвой массы, между тѣмъ какъ изъ острой вершины послѣдняго вытекали свѣтлыя массы пара и дыма, которыя сильнымъ вѣтромъ отгонялись въ сторону, почти перпендикулярно оси поднятія вулкана.

Въ 7 часовъ утра мы были уже въ дорогѣ и, съ трудомъ передвигаясь при помощи шестовъ, шли вдоль низкаго песчанаго берега. На берегу виднѣлся лишь ивовый кустарникъ, а мѣстами еще и немного ольхи. Очень часто мы проѣзжали мимо устьевъ неглубокихъ протоковъ рѣки и истоковъ озеръ, гдѣ росли хвоши, достигавшіе до 4 футовъ въ вышину. Дулъ очень сильный про-

тивный вѣтеръ; это обстоятельство не только задерживало наше плаваніе, но, благодаря довольно сильному волненію, даже угрожало опасностью нашимъ неуклюжимъ лодкамъ при переправѣ на веслахъ черезъ болѣе глубокіе рукава. Подвигаясь вдоль лѣваго берега, мы прошли мимо мѣста, гдѣ прежде стоялъ острогъ Камака, т. е. версть на 8 выше теперешняго, и достигли широкаго истока озера Кабурхало; здѣсь волненіе было такъ сильно, что мы сперва не рѣшались переправиться. Наконецъ Шестакъ собрался съ духомъ и благополучно переѣхалъ на другую сторону. Я тоже добрался до берега, не смотря на то что волны заливали батъ; но гребцы маневрировали такъ искусно, что въ тотъ моментъ, когда мы причаливали, нѣсколько довольно сильныхъ волнъ ударило въ бокъ лодки, моментально заливъ и затопивъ ее. Къ счастью это случилось у самого берега, гдѣ вода была не особенно глубока. Мы тотчасъ выскочили изъ бата, но весь багажъ насквозь промокъ, и къ сожалѣнію при этомъ погибло многое изъ числа собранныхъ предметовъ. Не оставалось ничего болѣе, какъ тотчасъ-же разложить большой огонь и заняться просушкой вещей.

Прошло нѣсколько часовъ прежде чѣмъ мы хоть немного возстановили порядокъ и могли продолжать путешествіе. Медленно подвигаясь, до поздняго вечера мы все видѣли тѣ-же берега, поросшіе вербой и хвощами. Кромѣ утокъ и чаекъ не видно было живаго существа. Наконецъ мы разбили палатку на нѣсколько болѣе возвышенномъ песчаномъ берегу. На послѣднемъ участкѣ пути мы проѣхали мимо острога Каменнаго, теперь населеннаго лишь очень немногими жителями, но въ прежнее время также, какъ говорятъ, болѣе многолюднаго. Каменный лежитъ на лѣвомъ берегу главной рѣки, и такъ какъ мы прошли южнѣе, пользуясь болѣе тихимъ протокомъ, то и не коснулись этого поселенія.

5-го Августа стояла прекрасная, почти безвѣтренная погода. Рано утромъ мы опять уже были въ батахъ, какъ вчера пошли неглубокими и болѣе тихими протоками, пользуясь то шестами,

то веслами, и въ 10 часовъ утра были уже въ большой русской деревнѣ Ключи. Здѣсь мы остановились въ опрятномъ и просторномъ домѣ старосты Ушакова.

Лишь по близости Ключей берега рѣки повышаются, и у самой деревни къ рѣкѣ съ правой стороны подступаетъ массивная порода темнаго цвѣта и лавоваго характера, вѣроятно древній лавовый потокъ съ Ключевской сопки. Сейчасъ-же за этимъ мѣстомъ и на той-же сторонѣ рѣки видны строенія деревни.

Долина рѣки Камчатки начинается у моря, близъ устья, обширной низменностью, доходящей до Нижнекамчатска, затѣмъ здѣсь и у Щекъ она сильно суживается горными кряжами, потомъ снова расширяется почти до Ключей, гдѣ опять суживается Шивелючемъ и его предгоріями на сѣверъ и Ключевской группой вулкановъ на югъ.

Деревня Ключи лежитъ у самаго берега красивой рѣки и вплотную у подошвы мощнаго вулкана, который во всей своей величавой красѣ постепенно поднимается отсюда до громадной высоты 16,000 футовъ. Колоссальное возвышеніе поверхности, закрывающее весь горизонтъ съ юга, постепенно повышается отъ берега рѣки и служитъ общимъ основаніемъ для самой значительной вулканической группы всего полуострова. Всего далѣе къ востоку поднимается на этомъ пьедесталѣ Ключевская сопка. Обѣ стороны ея наклонены къ горизонту подъ угломъ въ 35—36° и составляютъ почти полный конусъ, верхняя треть котораго при теперешнемъ нашемъ посѣщеніи была покрыта снѣгомъ. На самой верхушкѣ конуса замѣчалось только сравнительно небольшое припушеніе, съ котораго поднималось много свѣтло-окрашеннаго пара, повидимому исключительно водянаго. Отъ сѣвернаго края верхняго припушенія тянулись внизъ по бѣлому снѣгу, приблизительно до четверти высоты конуса, черноватая полоса; послѣднія вѣроятно выдавали мѣста, гдѣ паръ растопилъ снѣгъ, обнаруживъ такимъ образомъ темноцвѣтныя горныя породы. Но эту темную часть можно было-бы также принять за глубокую трещину въ вершинѣ горы. На нижней трети вулкана, какъ-бы

окаймляя съ сѣверо-востока и востока подошву его на упомянутомъ уже большомъ возвышеніи, поднимается большое число очень маленькихъ конусовъ (я ихъ насчиталъ около 20), которые всѣ безъ исключенія представляютъ собою подобіе небольшихъ самостоятельныхъ огненныхъ жерлъ, но совершенно недѣятельны. На томъ-же большомъ возвышеніи къ западу поднимается Ушкинская сопка, вышиною только въ 9592 фута, совершенно недѣятельная, съ закругленной вершиной и, благодаря снѣжнымъ масамъ, сплошь до подошвы бѣлая. Между Ушкинской и Ключевской сопками поднимается еще меньшая конусообразная гора, называемая здѣсь Средней. И эта послѣдняя не обнаруживала никакихъ слѣдовъ дѣятельности и была совершенно покрыта снѣгомъ. На томъ-же громадномъ пьедесталѣ, немного къ юго-западу отъ Ключевской сопки, высится большой недѣятельный конусъ Крестовской сопки (12,799 футовъ), совершенно заслоненный однако Ушкинской сопкой и потому невидимый изъ деревни Ключей.

Ни на одномъ изъ этихъ чудныхъ вулкановъ не видно было реберъ, какія я видѣлъ на многихъ, правда, погасшихъ вулканахъ, напр. на Коряцкой и Кроноцкой сопкахъ, гдѣ они очень красивы и хорошо развиты. Если такого рода ребра и были на Ключевской сопкѣ, то они вѣроятно засыпаны массами лапилей. Форма другихъ вулкановъ была замаскирована снѣгомъ.

Во всякомъ случаѣ изъ величественной вулканической группы, которая, при наблюденіи изъ Ключей, занимаетъ весь горизонтъ къ югу, юго-востоку и юго-западу, наибольшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ дѣятельнымъ вулканомъ представлялась Ключевская сопка. Днемъ виденъ былъ поднимавшійся съ нея высокій свѣтлый столбъ пара, ночью — огонь. Наблюдавшіяся явленія производили такого рода впечатлѣніе, какъ будто огненножидкая лава изъ глубины верхняго кратера освѣщала вытекавшія облака пара. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно въ ночной тиши, слышенъ былъ глухой, очень далекій шумъ, напоминавшій громъ и доносившійся съ вершины черезъ очень долгіе, неправильные промежутки времени.

Насколько сохранились преданія, Ключевская сопка (прежде называвшаяся Камчатской сопкой) всегда была дѣятельнымъ вулканомъ. Жители Ключей не знаютъ ея иначе какъ въ видѣ вулкана, изъ вершины котораго постоянно и непрерывно выдѣляется болѣе или менѣе значительное количество пара, и это сопровождается также появленіемъ огня. Отъ времени до времени дѣятельность сопки усиливалась до сильнѣйшихъ изверженій съ обильнымъ выпаденіемъ пепла и сильнымъ истеченіемъ лавы, достигавшей на сѣверѣ и западѣ даже до рѣки Камчатки, на что ясно указываютъ застывшія массы у Ключей и Козыревска. Другіе же вулканы, поднимающіеся на томъ-же возвышеніи или на большомъ вулканическомъ куполѣ, именно Ключевская, Средняя и Крестовская сопки, насколько позволяютъ судить преданія, никогда не обнаруживали ни малѣйшихъ слѣдовъ дѣятельности.

Какъ съ юга къ долинѣ рѣки Камчатки приближается этотъ гигантскій куполъ, увѣнчанный высочайшими вулканическими конусами полуострова, такъ съ сѣвера къ ней-же подходитъ другою мощный вулканъ со своими предгоріями. Противъ деревни Ключи, немного къ сѣверо-западу отъ нея, поднимается низкая и вытянутая горная масса Тимаска, проходящая параллельно рѣкѣ Камчаткѣ и удаленная отъ нея не болѣе какъ верстъ на десять. За Тимаской возвышается еще другая, округлая и разорванная группа, которая заслоняетъ нижнюю часть Шивелюча, далеко превосходящаго высотой всѣ эти горы. Только что упомянутыя группы горъ, имѣющія выраженный вулканическій характеръ, представляютъ предгорія — быть можетъ также остатки — такого-же купола, какой находится подъ Ключевскою сопкой; какъ-бы то ни было, онѣ находятся въ очень тѣсной связи съ главнымъ вулканомъ на этой сторонѣ рѣки — съ Шивелючомъ. Къ предгоріямъ этого-же вулкана принадлежатъ далѣе находящіяся у западной его подошвы горы Харчинскія, а также тянущіяся къ сѣверу и востоку вулканическія возвышенія и, быть можетъ, наконецъ также нѣкоторыя части Новиковской Вершины. Шивелючь, достигающій высоты около 10,000 футовъ,

образуетъ собою высокій гребень, простирающійся съ сѣверо-востока на юго-западъ, при чемъ сѣверо-восточная часть его гораздо выше. Гребень этотъ зубчатый и съ весьма замѣтнымъ вдавленіемъ по серединѣ, благодаря чему образуются какъ-бы двѣ вершины: болѣе высокая на сѣверо-востокѣ и болѣе низкая на юго-западѣ. Я не могъ замѣтить на Шивелючѣ какихъ-бы то ни было слѣдовъ дѣятельности, хотя жители Ключей увѣрили, что отъ времени до времени изъ вершины его выдѣляется парь.

Благодаря подступающимъ съ сѣвера и юга названнымъ вулканическимъ группамъ, долина рѣки Камчатки здѣсь опять суживается. Рѣка теряетъ свои многочисленные рукава и острова, сосредоточиваясь въ одномъ руслѣ, которое у деревни имѣетъ въ ширину сажень 250—300, при глубинѣ воды около 3-хъ сажень и при скорости теченія, равной 4—5 верстамъ въ часъ.

Староста Ушаковъ, съ которымъ я познакомился еще во время моей зимней поѣздки съ Завойко, заранѣе узналъ черезъ камчадаловъ, пріѣхавшихъ до меня, о моемъ прибытіи и потому имѣлъ возможность приготовиться къ приему. Причаливая, я видѣлъ уже на берегу старосту въ сопровожденіи большой толпы; всѣ вышли привѣтствовать меня. Меня тотчасъ-же проводили въ домъ Ушакова и понесли за мной весь багажъ. Здѣсь насъ опять встрѣтили самыя радостныя привѣтствія, послѣ чего мнѣ отвели большую уютную комнату. Чисто выбѣлennыя стѣны, опрятный деревянный полъ, большія окна—все вмѣстѣ придавало моей комнатѣ жилой, пріятный видъ. Я во всякомъ случаѣ рассчитывалъ пробыть здѣсь нѣсколько дней, имѣя въ виду совершить отсюда восхожденіе на Ключевскую сопку. Къ сожалѣнію, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, этотъ планъ не удался.

Послѣ того какъ я немного устроился въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи, въ мою комнату явился радушный хозяинъ съ закуской. Столъ покрылся множествомъ разныхъ блюдъ. Ушаковъ сѣлъ на скамью нѣсколько поотдаля, отъ времени до времени угощая меня и давая объясненія относительно кушаній. Съ

особеннымъ самодовольствомъ онъ напиралъ на то, что крупа и мука для ячменнаго хлѣба получены изъ выращеннаго здѣсь ячменя, что картофель и капуста — съ собственнаго его огорода, что масло и молоко — также продукты собственнаго его хозяйства. Далѣе я узналъ, что давшія такое отличное жаркое утки были дѣйствительно харчинскія, славящіяся какъ самыя жирныя и хорошія во всей Камчаткѣ. Въ числѣ блюдъ были и нѣкоторыя чисто камчадалскія, относительно которыхъ хозяинъ увѣрялъ меня, что, будучи самъ православнымъ русскимъ крестьяниномъ, онъ выставилъ ихъ лишь съ цѣлью вполне наглядно объяснить мнѣ разницу между басурманской и христіанской пищею.

Къ этимъ «басурманскимъ» блюдамъ принадлежали прежде всего юкола (сушенныя лососи), затѣмъ сарана (варенныя клубни *Fritillaria kamtschatica*, вкусомъ напоминающіе картофель), кипрей и т. п. Кипрей — сердцевина стеблей *Epilobium angustifolium*, изъ которой дѣлаются плоскія сѣрыя лепешки, съ ладонь величиною. Сердцевина раздавливается въ кашпцу, сушится на воздухѣ и собирается въ большомъ количествѣ какъ зимній запасъ. Кипрей очень любятъ по причинѣ его сладковатаго вкуса и употребляютъ какъ десертъ или закуску къ разнымъ рыбнымъ блюдамъ. Для меня Ушаковъ также приготовилъ прекрасный десертъ, именно ароматныя ягоды *Lonicera coerulea* (у здѣшнихъ русскихъ — жимолость), которыя въ большомъ количествѣ поспѣвали именно теперь на красивыхъ и высокихъ кустахъ въ окрестностяхъ Ключей.

За ѣдой я свернулъ разговоръ на имѣвшееся у меня въ виду восхожденіе на Ключевскую сопку, но тотчасъ-же замѣтилъ, что затронулъ самую непріятную для Ушакова тему. Онъ привелъ множество доводовъ въ доказательство того, что такое восхожденіе невозможно, затѣмъ сталъ очень несловоохотливъ и вскорѣ ушелъ изъ комнаты. Самый основательный изъ его доводовъ заключался въ томъ, что сопка теперь очень спокойна, что всякую минуту можетъ произойти катастрофа, и что въ верхнихъ частяхъ горы уже выпали вѣроятно большія массы свѣ-

жаго снѣга; но въ дѣйствительности самымъ серьезнымъ препятствіемъ являлось суевѣріе. Какъ-бы то ни было, никакія деньги, никакія обѣщанія не доставили мнѣ ни спутниковъ, ни проводниковъ. Здѣсь также довольно свѣжа еще была память объ экспедиціи Эрмана (1829 г.); не вполнѣ удавшееся тогда восхожденіе приводилось теперь въ доказательство того, что гора никого не подпускаетъ къ себѣ, никому не выдаетъ своихъ тайнъ. Однако несмотря на все это, я не окончательно отказался отъ своего плана, а рѣшилъ еще поискать проводника.

Послѣ обѣда я опять разыскалъ старосту и просилъ его проводить меня по деревнѣ и показать огороды и поля. По обѣимъ сторонамъ широкой и чистой улицы, кое-гдѣ покрытой травой и проходившей параллельно теченію рѣки, на протяженіи приблизительно одной версты расположено было 50 исправныхъ деревянныхъ домовъ со службами. Посреди длиннаго ряда домовъ возвышалась красивая деревянная церковь. Огороды, довольно большихъ размѣровъ, были окружены прочными деревянными изгородями и всѣ лежали со стороны горы; со стороны же рѣки, напротивъ, не было ни одного. Къ огородамъ на большомъ протяженіи примыкали поля. Послѣднія впрочемъ на первый же взглядъ обнаруживали, что хозяева ихъ — не земледѣльцы, и что здѣсь работой руководило скорѣе начальническое: «чтобы было!». Обработка и удобреніе, а также орудія, были хуже чѣмъ посредственны. Обыватели, не получая ровно никакихъ раціональныхъ указаній, очевидно работали только въ исполненіе строгаго приказанія; лишь изрѣдка вознаграждаемые хорошей жатвой, они становились поэтому все равнодушнѣе къ земледѣлію. Земледѣльческія работы считались только весьма тяжкимъ бременемъ, и населеніе тѣшилось надеждой, что Правительство, принявъ во вниманіе постоянный неурожай и убѣдившись слѣдовательно въ бесполезности этихъ земледѣльческихъ работъ, перестанетъ наконецъ требовать ихъ отъ жителей Камчатки. Какъ повсюду въ Камчаткѣ, мнѣ рассказывали и здѣсь, что порядочный урожай воз-

можень только тогда, когда вулканы за зиму насыплють достачно пепла. Тогда чрезвычайно обильный снѣгъ быстро исчезаетъ подъ лучами солнца, такъ что дѣлается возможною весьма ранняя обработка; время цвѣтенія и созрѣванія приходится при такихъ условіяхъ еще передъ наступленіемъ сильныхъ ночныхъ морозовъ, и жатва обезпечена. Но обстоятельства лишь очень рѣдко складываются такъ благоприятно, а поэтому урожай всегда невѣренъ, а большей частью даже и совсѣмъ неудовлетворителенъ. Теперь я видѣлъ только плохія поля ячменя, овса и гречихи, отчасти еще въ цвѣту; слѣдовательно и въ этомъ году нельзя было рассчитывать на урожай. Но огородничество шло совсѣмъ иваче. На всѣхъ огородахъ видно было много картофеля, капусты, рѣпы и рѣдьки, обѣщавшихъ хорошій сборъ. Къ тому-же эти продукты приобрѣли, какъ мнѣ казалось, расположеніе жителей: недородъ овощей и отсутствіе ихъ въ хозяйствѣ составляли уже чувствительное лишеніе. Во всемъ остальномъ здѣшніе русскіе крестьяне настолько стали похожи на камчадаловъ, что лишь немногимъ отличаются отъ нихъ. Для русскихъ главными занятіями также сдѣлались рыбная ловля и охота, пища ихъ почти исключительно животная. Хлѣбъ совсѣмъ не составляетъ для нихъ безусловной необходимости и отступаетъ совершенно на второй планъ сравнительно съ рыбными блюдами. Рогатаго скота (140 головъ), лошадей (162), даже куръ было довольно много во всѣхъ домахъ, такъ что повидимому содержаніе домашнихъ животныхъ пользовалось большимъ расположеніемъ жителей и велось болѣе разумно. Только крестьяне жаловались на большія потери, причиняемыя имъ медвѣдями: года не проходитъ безъ того, чтобы медвѣди не задрали нѣсколько лошадей и коровъ на пастбищахъ.

6-го Августа былъ праздникъ, и ужь съ ранняго утра жители деревни, разряженные по праздничному, спѣшили въ церковь къ обѣднѣ. Согласно русскому вкусу, въ одеждѣ ихъ было много краснаго и другихъ яркихъ цвѣтовъ; но при этомъ неизмѣнно камчатская обувь и куклянки. Въ Ключахъ 165 душъ мужескаго и 179 женскаго пола.

Послѣ богослуженія, мы отправились верхомъ къ небольшой мельницѣ, построенной у западнаго конца деревни на одномъ изъ рукавовъ рѣки. Это единственная мельница во всей Камчаткѣ. Жернова были хороши и сработаны изъ старой трахитовой лавы; но всѣ остальные принадлежности были очень первобытной работы. Дорога къ мельницѣ шла по мѣстности съ прелестной растительностью. Большіе, высокіе кусты жимолости (*Lonicera coerulea*), обвѣшанные массой плодовъ, боярышникъ (*Crataegus*), черѣмуха (*Prunus padus*) перемежались съ вербами, таволгами и дикими розами, изъ блестящей темно-зеленой листвы которыхъ уже выглядывали крупныя красныя плоды. Земля была покрыта высокою травой, изъ которой тамъ и сямъ выдавался стебель лиліи; совершенно одиночными являлись кое-гдѣ старыя, суковатыя березы (*B. Ermani*). Я сдѣлалъ также экскурсіи къ востоку отъ деревни и къ мѣстности, лежащей позади нея и постепенно поднимающейся къ вулкану; и здѣсь всюду оказалась та-же роскошная кустарная растительность. Коренная порода, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстъ, была покрыта очень толстымъ слоемъ гумуса и сгнившихъ растительныхъ остатковъ. Здѣсь были повидимому остатки старыхъ потоковъ лавы, состоявшіе изъ очень темной, твердой, немного пористой породы съ содержаніемъ зернышекъ оливина.

День стоялъ теплый, но небо къ сожалѣнію такъ заволокло, что не было видно ни одного изъ вулкановъ; — обстоятельство, которымъ крестьяне воспользовались, чтобы отговорить меня отъ восхожденія на гору. Всѣ увѣряли, что туманъ образуется лишь вслѣдствіе обильнаго выпаденія снѣга въ горахъ.

Вечеромъ ко мнѣ пришло много крестьянъ, очевидно привлеченныхъ моимъ обильнымъ запасомъ чая; такимъ образомъ въ короткое время собралось большое общество. Мнѣ сообщили, что жители деревни ради праздника не прочь поплясать, и что скоро вернутся съ охоты за утками бабы и дѣвки, которыя проведутъ вечеръ здѣсь. Утки теперь линяли, и слабый полъ отправился на неглубокій, покойный рукавъ рѣки, чтобы набить тамъ палками

массу неспособныхъ къ полету птицъ и принести ихъ домой для зимняго запаса. Въ самомъ дѣлѣ, часокъ спустя прибыли нагруженные утками баты, а затѣмъ вскорѣ появились отважныя охотницы въ своихъ нарядахъ.

На сцену появилось семь самоваровъ, чтобы заготовить воды для любимаго напитка. На лицо оказались также скрипка и бала-лайка, стало быть все было готово къ танцамъ. Тотчасъ-же началась дикая пляска—восьмерка, причемъ танцующіе поддерживали музыкантовъ притопываніемъ ногъ и пѣніемъ. Въ промежуткахъ между танцами, какъ-бы для отдыха, играли въ фанты, сопровождавшіеся пѣніемъ. Такъ шло безшабашное и шумное веселіе, пока наконецъ около двухъ часовъ утра общество не разошлось, облегчивъ мой запасъ чая на четыре фунта.

Утромъ 7-го августа вся мѣстность была покрыта густымъ туманомъ, продолжавшимся почти до вечера. Жители опять прилежно работали. Мушныны рыбачили посредствомъ широкихъ сѣтей: пущенныя внизъ по теченію сѣти плыли на встрѣчу поднимающимся въ рѣку лососямъ. Рыбаки увѣряли, что кизучъ, именно и шедшій въ то время, самая хитрая изъ всѣхъ рыбъ; что въ глубокихъ водахъ онъ всегда идетъ у самой поверхности, и что требуется тишина и соблюденіе большой осторожности, чтобы не разогнать его. Кизучъ будто-бы особенно боится собакъ и даже на время совсѣмъ останавливается въ ходѣ, если напр. собака переплыветъ черезъ рѣку. Иное дѣло съ хайхо, который, тоже еще продолжая свой ходъ, держится однако всегда въ глубинѣ. Пойманная рыба въ невѣроятномъ количествѣ доставлялась на берегъ и передавалась тамъ женщинамъ для дальнѣйшей обработки. Обработка эта была различна, смотря по тому, на что годилась какая рыба. Хорошіе экземпляры откладывались въ сторону для употребленія въ свѣжемъ видѣ; другіе шли на юколу; плохіе бросались въ яму и представлялись процессу гніенія, т. е. изъ нихъ готовилась такъ называемая кислая рыба, блюдо ужасное и однако весьма любимое камчадалами. Самыя лучшія рыбы очищались отъ кожи,

костей, затѣмъ ихъ сырое мясо въ деревянныхъ сосудахъ растиралось въ густую кашу, которую формовали въ видѣ хлѣбовъ и пекли въ печи (такъ называемое тѣльное). Изъ этого тѣльнаго готовили также родъ пирога, накладывая на него сарану или ягоды. Кромѣ того заготавливали рыбу еще и такъ: накидывали ее въ чистый батъ и обливали водой, которую приводили въ сильное кипѣніе, бросая въ нее раскаленные камни. Жиръ рыбій всплывалъ при этомъ на поверхность воды, откуда счерпывался и сохранялся для ѣды или для освѣщенія. Въ совершенно свѣжемъ видѣ такой жиръ имѣетъ довольно пріятный вкусъ. Сто рыбъ доставляли около пуда жира. Вываренные остатки рыбъ идутъ на кормъ собакамъ.

Вечеръ былъ очень хорошій и теплый. Крестьяне, покончивъ свои дневныя работы, сѣли въ свои баты и, тихо работая веслами, съ пѣснями разѣзжали по рѣкѣ. Красивые берега и контуры величавыхъ конусовъ, выступившіе изъ тумана на сѣверѣ и югѣ, придали этой сценѣ чрезвычайно привлекательный видъ, еще выигравшій отъ огненнаго сіянія на вершинѣ Ключевской сопки. Несмотря на то, что воздухъ былъ еще довольно непрозраченъ, красный огонь, то усиливаясь, то слабѣя, свѣтилъ съ вулкана; казалось, въ самомъ дѣлѣ, что сопка готовится къ усиленной дѣятельности. Въ то-же время иногда ощущалось легкое дрожаніе земли, между тѣмъ какъ съ вершины мощнаго конуса раздавался глухой громъ.

8-ое Августа также принесло пасмурную погоду. Время проходило, а такъ какъ никакія обѣщанія не могли побудить жителей къ сопровожденію меня на сопку, то я наконецъ принужденъ былъ отказаться отъ своего плана и назначилъ отъѣздъ на 9-ое.

Особенно интересно было для меня знакомство съ однимъ очень старымъ жителемъ Ключей, болѣе чѣмъ 90-лѣтнимъ крестьяниномъ Удачинимъ, воспоминанія котораго уходили въ очень давнее время. Отецъ его родился въ Вологдѣ и уже лѣтъ черезъ 25 послѣ Атласова поселился въ Камчаткѣ, гдѣ умеръ отъ оспы въ 1768, именно въ ту страшно опустошительную эпи-

демію, которая и теперь еще играет очень важную роль въ лѣтоисчисленіи камчадаловъ. Самъ Удачинъ родился около 1760 г. въ Нижнекамчатскѣ. Къ сожалѣнію его воспоминанія были очень сбивчивы и главнымъ образомъ вертѣлись около второстепенныхъ мелочей, такъ что въ сущности почерпнуть изъ нихъ можно было лишь очень мало. Но общій характеръ старины, всѣ страшныя неистовства козаковъ по отношенію къ камчадаламъ старикъ передавалъ очень живо и вполне согласно съ историческими памятниками. Сущность его рассказовъ сводится къ слѣдующему. Удачинъ подтвердилъ извѣстія Миллера и Крашеннинникова о большомъ возстаніи камчадаловъ въ 1731 г. Онъ рассказывалъ, какъ многочисленныя толпы камчадаловъ, особенно-же ключевскіе и еловскіе, подъ предводительствомъ своего героя Харчина напали на русскихъ вечеромъ Ильина дня и перерѣзали ихъ, какъ тѣ-же камчадалы хитростью захватили и сожгли поселеніе козаковъ пониже Ключей, тогда населенныхъ исключительно камчадалами и составлявшихъ старинную, пользовавшуюся большою славой деревню ихъ, какъ далѣе они подвергли той же участи Нижнекамчатскій острогъ. Спасся только одинъ русскій, доставившій печальную вѣсть на суда, собравшіяся у устья рѣки Камчатки для похода противъ чукчей. Команда съ судовъ послѣшно направилась въ Ключи и послѣ ряда кровавыхъ битвъ русскіе взяли вверхъ. Спустя нѣсколько лѣтъ изъ Якутска прибылъ полковникъ Василій Мерлинъ со множествомъ солдатъ и произвелъ страшно строгій судъ надъ камчадалами и козаками, предавъ смертной казни множество тѣхъ и другихъ. Дѣдъ Удачина съ материнской стороны, пріобрѣвшій печальную извѣстность козакъ Никифоръ Колыговъ, также былъ приговоренъ къ смертной казни, но откупился нѣсколькими соболями.

Послѣ подавленія бунта, всѣ камчадалы были прогнаны изъ Ключей и переселены въ Козыревскъ, находящійся выше по рѣкѣ; въ Ключахъ же водворились русскіе, частью изъ Нижнекамчатска, а еще болѣе съ береговъ Лены, такъ что съ 1740 года это чисто русская деревня. Нижнекамчатскъ былъ также

немедленно возстановленъ, но не на прежнемъ мѣстѣ, а немного ниже по рѣкѣ, гдѣ стоитъ и теперь, т. е. при впаденіи Ратуги въ Камчатку. Удачина еще очень хорошо помнилъ новопостроенную крѣпость. Поселеніе было окружено очень прочнымъ частоколомъ съ воротами и дверьми, въ амбразурахъ были поставлены пушки, и вообще крѣпость была сильно укрѣплена. Старая крѣпость, по словамъ Удачина, также была очень сильна и взята лишь хитростью. Камчадалы зажгли одинъ изъ домовъ въ предмѣстья, и русскіе, ничего не подозрѣвая, выбѣжали изъ крѣпости тушить пожаръ. Камчадалы воспользовались этимъ моментомъ, въ большомъ числѣ вышли изъ засады, напали на русскихъ, перебили ихъ и сожгли деревянное укрѣпленіе. Въ нововыстроенномъ острогѣ стояли Успенскій соборъ, Приказъ, госпиталь, казарма, домъ начальника и еще нѣкоторые другіе дома; собственно же частные дома, Никольская церковь и два гостинныхъ двора находились впереди крѣпости. Торговля здѣсь процвѣтала, и всѣ товары можно было достать очень дешево. Вообще, благодаря прежде гораздо болѣе многочисленному населенію, во всей странѣ было больше оживленія, между тѣмъ какъ теперь она представляется совершенно мертвой. Прежде было также значительно больше и болѣе дѣннаго пушнаго звѣря, а потому сюда притекало больше денегъ и товаровъ.

Камчадалы прежде были гораздо болѣе самоувѣренны, чѣмъ теперь, и не рѣдко въ борьбѣ съ русскими обнаруживали черты большой храбрости и самоотверженія. Вооруженные однимъ холоднымъ оружіемъ, они мужественно выступали противъ огнестрѣльнаго оружія русскихъ, стремясь освободить свою родину отъ владычества козаковъ.

По мнѣнію Удачина, камчадалы почти вполнѣ сохранили свою внѣшность, нравы, обычаи и привычки. Измѣнилось у нихъ немного: такъ русская изба вытѣснила юрту, а христіанство—поклоненіе Кутхѣ. Послѣднее измѣненіе однако чисто внѣшнее, потому что у нихъ еще вполнѣ процвѣтаютъ суевѣрія. Воронъ и понынѣ остается птицею, посвященной Кутхѣ; и теперь еще,

въ важныхъ случаяхъ, камчадалы прибѣгаютъ къ шаманству, хотя, боясь священника, дѣлаютъ это подѣ большимъ секретомъ. На сѣверѣ, у осѣдлыхъ коряковъ, у укинцевъ, палланцевъ и олюторцевъ, вполне открыто еще соблюдается старая вѣра; камчадалы нерѣдко отправляются туда, чтобы испросить совѣта и помощи у тамошнихъ шамановъ.

Наконецъ Удачинъ разсказалъ мнѣ легенду, заслуживающую вниманія по нѣкоторымъ чертамъ сходства съ библейскимъ разсказомъ о потопѣ. По этой легендѣ, Камчатка въ глубокой древности была залита большимъ наводненіемъ. Жители ея выстроили себѣ громаднѣйшій плотъ, на которомъ и спаслись. Впослѣдствіи, послѣ стока воды, плотъ остановился на вершинѣ хребта Тимаска и остался тамъ. Много лѣтъ послѣ того на горѣ еще были видны обломки этого плота.

Много лѣтъ спустя послѣ Мерлина, разсказывалъ далѣе Удачинъ, Правительство перевело изъ Сибири въ Камчатку нѣсколько батальоновъ солдатъ подѣ командой генерала Сомова и расквартировало ихъ главнымъ образомъ въ Нижне- и Верхнекамчатскѣ. Самыми населенными и большими камчадалскими деревнями (острогами) по рѣкѣ Камчаткѣ въ то время были Машура и Хапича. Населеніе Хапичи, находившейся между Ключами и Камакой, совершенно вымерло въ 1768 во время страшной эпидеміи оспы и съ той поры этотъ острогъ болѣе не существуетъ. На восточномъ берегу полуострова самыми большими камчадалскими острогами были Кроноки и Часма, нынѣ также совершенно вымершія и безлюдныя мѣстности; такая судьба постигла впрочемъ всѣ поселенія восточнаго берега, отъ самаго южнаго конца до устья рѣки Камчатки.

9-го Августа, въ 2 часа дня, послѣ многихъ сборовъ и прощальной закуски баты были готовы для нашего отъѣзда. Ушаковъ и его однопоручики проводили меня до берега, и еще долго послѣ отплытія до насъ доносились прощальные выстрѣлы. Вся подошва горы была скрыта въ туманѣ, изъ котораго выдавались только чудныя вершины: на сѣверѣ—на видѣ недѣятель-

ный, зубчатый гребень Шивелюча и на югъ — прекрасный конусъ Ключевской сопки съ далеко растянувшимся столбомъ дыма.

Мы опять медленно шли на шестахъ вдоль праваго берега рѣки. Къ западу отъ Ключей горы съ обѣихъ сторонъ сильно разступаются и долина рѣки скоро достигаетъ своей наибольшей ширины. Мои люди считали эту ширину верстъ въ 40 — 50. Сверхъ того на полупути отъ Ключей до Крестовъ (Крестовской) въ р. Камчатку съ сѣвера впадаетъ р. Еловка, также съ широкой долиной, такъ что ширина лишенной горъ долины какъ бы еще увеличивается. Берега самой рѣки состоятъ изъ слоевъ песку и глины, покрытыхъ богатой и густой кустарной растительностью. Верба, боярышникъ, черемуха, рябина, ольха и одиночныя суковатыя березы на обширномъ пространствѣ покрываютъ мѣстность, придавая берегамъ очень привлекательный видъ. Сама рѣка представляетъ среднюю ширину въ 200 сажень, скорость теченія ея равна 4—5 верстамъ въ часъ. Рѣка имѣетъ глубину 7 — 9 аршинъ, но переполнена мелями и усѣяна множествомъ поросшихъ кустарникомъ острововъ.

Такъ какъ мы все шли правымъ берегомъ, то и не видали устья Еловки, скрытаго за островами и открывающагося на лѣвомъ берегу. Не доѣзжая верстъ 15 до Крестовъ, мы остановились и разбили палатки, такъ какъ команда просила позволенія поохотиться за утками, которыхъ здѣсь безчисленное множество.

Еловка, самый значительный изъ притоковъ Камчатки, начинается по крайней мѣрѣ верстъ за 200 отъ своего устья въ Срединномъ хребтѣ; истоки ея находятся въ близкомъ разстояннн отъ истоковъ Сѣданки, наибольшаго притока рѣки Тигиля. Долина Еловки отдѣляетъ Срединный хребетъ отъ Шивелюча и его предгорій, причемъ рѣка протекаетъ однако очень близко отъ нихъ; эта долина составляетъ нынѣ наиболѣе употребительный путь на сѣверъ — къ укинцамъ и олюторцамъ.

Такъ какъ мнѣ пришлось упомянуть объ этомъ пути, а самому не довелось проѣхать по немъ, то считаю умѣстнымъ при-

вести здѣсь все узнанное мною о тѣхъ мѣстахъ на основаніи официальныхъ матеріаловъ канцеляріи губернатора и частныхъ свѣдѣній отъ купцовъ, ѣздившихъ туда.

Дорога дѣлится на слѣдующіе участки, находящіеся между населенными пунктами.

Ближе всего къ устью Еловки, а именно верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ нея, находится Харчина. Десять домовъ этого мѣста выстроены на берегу рѣки и заселены 26 душами мужскаго и столькими-же женскаго пола. Предгорія Шивелюча близко подходят къ деревнѣ; близъ нея находится также нѣсколько небольшихъ озеръ. Харчина пользуется особенной извѣстностью по всей Камчаткѣ изъ-за необыкновенно жирныхъ утокъ, убиваемыхъ въ окрестностяхъ ея. Какъ въ Европѣ говорятъ о страсбургскихъ паштетахъ, такъ въ Камчаткѣ о харчинскихъ уткахъ.

За 57 верстъ къ сѣверу отъ Харчиной, также на рѣкѣ Еловкѣ, лежитъ поселеніе Еловка, состоящее изъ 14 домовъ съ 30 душами мужскаго и 38 женскаго пола. Это самое сѣверное камчадалское селеніе на восточной сторонѣ Срединнаго хребта. Немного сѣвернѣе этой деревни проходитъ сѣверная граница хвойныхъ деревьевъ, именно лиственницы и пихты, между тѣмъ какъ ползучій кедръ идетъ еще далѣе къ сѣверу. Здѣсь дорога расходится въ двухъ направленіяхъ: одна ведетъ черезъ перевалы Срединнаго хребта къ Сѣданкѣ (150 верстъ), а оттуда къ Тигилю (45 верстъ) на Охотское море, другая же далѣе на сѣверъ, а именно: въ 73 верстахъ отъ Еловки находится Озерное, поселеніе съ 7-ю домами, въ которыхъ живетъ 25 душъ мужскаго и 24 женскаго пола. Деревня лежитъ на среднемъ теченіи береговой рѣки Озерной, впадающей въ Берингово море, и населена уже сидячими коряками (укинцами), однако еще съ примѣсью камчадалскаго элемента. Затѣмъ въ 36 верстахъ разстоянія находится Ука, всего съ 3 домами. Ука расположена при впаденіи одноименной съ нею рѣки въ Берингово море и населена чистокровными укинцами, 12 муштинами и 14 женщинами. Отсюда, а также отъ Озернаго идутъ дороги черезъ перевалы Но-

виковской вершины, т. е. между моремъ и Шивелючемъ, прямо на югъ, къ Нижнекамчатску и устью рѣки Камчатки.

Далѣе на сѣверъ слѣдуютъ поселенія укинцевъ въ слѣдующемъ порядкѣ (всѣ они расположены по берегу Берингова моря и у устьевъ одноименныхъ рѣкъ). Въ 67 верстахъ отъ Уки находится Холюла, съ 7 домами и населеніемъ изъ 14 мужчинъ и 20 женщинъ. Затѣмъ въ 46 верстахъ отъ Холюлы — Ивашка, съ 10 домами и населеніемъ изъ 34 душъ мужескаго и 23 женскаго пола. Слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Русаковой, достигаютъ перевала, ведущаго въ Паланъ, но никакихъ поселеній по этой рѣкѣ не имѣется. 26 верстами далѣе лежитъ Дранка съ 17 домами и населеніемъ изъ 47 мужчинъ и 48 женщинъ. Здѣсь есть церковь и живетъ священникъ. Рѣка Дранка ведетъ къ перевалу, черезъ который можно достигнуть деревни Лѣсной на Охотскомъ морѣ. Наконецъ слѣдующія 57 верстъ ведутъ къ послѣднему Укинскому селенію — Карагѣ. Здѣсь 8 домовъ и 5 юртъ, населенныхъ 57 мужчинами и 55 женщинами. Карага расположена у небольшой бухты, противъ лежащаго въ недалекомъ разстояніи острова того-же имени. Рѣка Карага, впадающая въ небольшую бухту, составляетъ главную дорогу на сѣверо-западъ, къ Пенжинскому морю и слѣдовательно къ палланцамъ, каменцамъ и далѣе — въ Ижигинскъ. Этой-то дорогой и направляется обыкновенно зимняя почта изъ Камчатки въ Россію. Перевалы ведутъ въ Лѣсную, Подкагерную и Пусторѣцкѣ, разстояніе же отъ Караги до этихъ пунктовъ, лежащихъ при Охотскомъ морѣ, едва превосходитъ 100 верстъ. Это самая узкая часть всего полуострова. Срединный хребетъ тутъ понижается, переходя въ высокую равнину; а еще далѣе на сѣверъ начинается плоская, лишенная древесной растительности моховая тундра — Парапольскій долъ, которая тянется почти до Анадыря; только на притокахъ послѣдняго опять появляется лѣсъ.

Число жителей во всѣхъ 6 поселеніяхъ укинцевъ вмѣстѣ равно только 413. Среди этихъ поселеній первое мѣсто во всякомъ случаѣ принадлежитъ Дранкѣ. На описываемомъ самомъ

узкомъ мѣстѣ полуострова, вдоль рѣкъ, стекающихъ къ обоимъ морямъ, существуетъ много соединительныхъ путей между укинскими деревнями и поселеніями палланцевъ на западномъ берегу полуострова. Довольно гористый островъ Карага только временно бываетъ населенъ рыбаками, а еще болѣе промышленниками, ежегодно убивающими здѣсь большое количество моржей.

Далѣе къ сѣверу отъ укинцевъ живутъ олюторцы, коряцкое племя, уже гораздо болѣе похожее на бродячихъ коряковъ и болѣе родственное имъ. Олюторцы также почти всѣ живутъ у моря, болшею частью въ поселеніяхъ, расположенныхъ при устьяхъ одноименныхъ рѣкъ. Въ административномъ отношеніи они дѣлятся на двѣ группы: живущіе на югъ отъ мыса Олюторы принадлежатъ къ Петропавловскому округу, а живущіе на сѣверъ отъ того-же мыса — къ Ижигинскому. Они еще не настолько оцивилизовались, чтобы пользоваться порядочными домами, а всѣ продолжаютъ жить въ большихъ земляныхъ юртахъ. Въ разстояніи приблизительно 100 верстъ отъ Караги лежитъ первое поселеніе олюторцевъ — Кичига съ 10 юртами и съ населеніемъ изъ 73 душъ мужскаго и 76 женскаго пола. На половинѣ пути къ Кичигѣ приходится перейти черезъ береговую рѣчку Тамлатъ, вытекающую изъ озера; на берегахъ ея имѣются горячіе ключи и залежи сѣры. Отправляясь далѣе, достигаютъ мыса Ильпинскаго, передъ которымъ лежитъ островокъ Верхотуровъ; и мысъ, и островокъ находятся противъ сѣвернаго конца острова Караги. Затѣмъ, переправившись черезъ рѣку Анапку (съ поселеніемъ того-же названія), проходятъ мимо небольшого мыса Говенскаго и достигаютъ устья рѣки Вивники съ поселеніемъ Вивники; это мѣсто верстахъ въ 150 отъ Кичиги. На той-же рѣкѣ, но выше по теченію и далѣе вглубь страны, расположено второе небольшое селеніе—Витвей. Направляясь отъ Вивниковъ далѣе берегомъ моря, приходятъ къ находящемуся въ 60 верстахъ отсюда небольшому поселенію Теличигѣ и затѣмъ къ болѣе значительнымъ деревнямъ Култужной, Олюторѣ и Аспоткѣ, изъ которыхъ послѣдняя лежитъ уже очень близко

отъ мыса Олюторскаго. Среди горной цѣпи, направляющейся съ сѣвера къ морю и образующей здѣсь мысъ, также находится горячій ключъ, вѣроятно самый сѣверный по восточному берегу Камчатки.

Къ востоку отъ мыса Олюторы, слѣдовательно уже въ предѣлахъ Ижигинскаго округа, находятся еще довольно многолюдныя поселенія Покачинскъ, Опука и Хатырга, изъ которыхъ послѣдняя лежитъ уже недалеко отъ Анадыря и поселеній сидячихъ чукчей. Къ востоку и сѣверу отъ области, занятой олюторцами, тянется до Пенжинскаго залива Парасольскій Долъ, неизмѣримая тундра, по которой кочуютъ бродячіе коряки. Поѣздки на западную сторону Камчатки совершаются также черезъ эту тундру: сперва слѣдуютъ вверхъ по рѣкѣ Вивники и такимъ способомъ добираются до рѣкъ Таловки, Пальцовой, Пенжины, Аклана, Каменной и Паренской; отъ послѣдней же до Ижигинска, какъ говорятъ, немногимъ болѣе 100 верстъ. Общее число олюторцевъ считается отъ 700 до 800 душъ.

Послѣ этого уклоненія на сѣверъ, опять возвращаюсь къ нашему лагерю. 10 Августа, очень рано утромъ, мы снова снялись съ мѣста и уже въ 9 часовъ утра прибыли въ Кресты.

Кресты, или Крестовскъ, — небольшое поселеніе русскихъ крестьянъ, переведенныхъ сюда въ 1820 г. изъ Ключей. Пять домовъ, составляющихъ это поселеніе, расположены на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки, въ близкомъ разстояніи отъ устья рѣчки Крестовки, текущей съ сѣвера. Послѣдняя играетъ важную роль въ исторіи Камчатки, потому что Владиміръ Атласовъ впервые (13 Юля 1697) достигъ со своимъ 55 спутниками рѣки Камчатки, подвигаясь съ сѣвера внизъ по Крестовкѣ. Въ знакъ завладѣнія страной онъ воздвигъ на берегу большой рѣки громадный крестъ съ обозначеніемъ своего имени и времени прибытія. Говорятъ, что крестъ этотъ былъ виденъ еще во времена Беринга. Рѣчка, прежде называвшаяся Канучъ, отъ поставленнаго тамъ креста получила теперешнее свое названіе. 14 мушницъ и 16 женщинъ, составляющихъ нынѣшнее населеніе Крестовъ,

живутъ совершенно по камчадалски. Жители, хотя и имѣютъ недурные огороды, 23 головы рогатаго скота и 5 лошадей, все таки прежде всего, какъ о дѣлѣ первостепенной важности, сообщили мнѣ о весьма удачномъ ловѣ рыбы; и въ самомъ дѣлѣ, отъ улова рыбы зависить все ихъ благосостояніе, даже самая возможность прокормиться. Оно и понятно, потому что сборъ сѣна для скота и порча огородовъ наводненіями причиняютъ имъ несравненно больше труда и хлопотъ, чѣмъ здѣшнее рыболовство, при которомъ громадныя массы прекрасной рыбы точно сами лѣзутъ въ руки ловцамъ. Какъ разъ въ этомъ же году наводненіе уничтожило еще и большую часть картофеля. Хотя и здѣсь наблюдаются лишь плоскіе песчаные и щебневые берега, но растительность придаетъ имъ совсѣмъ особый видъ. Идя отъ устья вверхъ по рѣкѣ, мы у Крестовъ впервые достигаемъ области хвойнаго лѣса, которая отъ Еловки прямо тянется съ сѣвера на югъ черезъ долину рѣки Камчатки. За обширной, плоской, лѣсистой долиной рѣки опять выступаетъ почти въ юго-восточномъ направленіи величественная группа вулкановъ. Небольшая, вполне коническая, не дѣйствующая Крестовская сопка представлялась здѣсь по срединѣ между массивной, закругленной на вершинѣ Ушкинской и исполинскимъ конусомъ Ключевской. Въ дальнѣйшій путь мы могли двинуться лишь въ 11 часовъ, но холодный дождь съ сильнымъ вѣтромъ заставили насъ остановиться уже на срединѣ сорокаверстнаго пути до Ушковъ. Мы разбили палатки на берегу, среди хвойнаго лѣса, какъ разъ тамъ, гдѣ рубятъ лѣсъ для верфи въ Усть-Приморскомъ.

11-го Августа мы ужъ въ 11 часовъ утра прибыли въ Ушки. Долина все время сохраняетъ значительную ширину, которая здѣсь считается равной по меньшей мѣрѣ 40 верстамъ. По этой широкой долинѣ протекаетъ рѣка, имѣющая въ ширину 150—200 сажень, въ глубину 6—8 аршинъ и скорость теченія 4—5 верстъ въ часъ. Здѣсь встрѣчается множество удлиненныхъ острововъ, раздѣленныхъ протоками. Вся долина вообще очень богата рѣчками и озерами. Рѣка Камчатка, при-

текая съ юга, въ мѣстности между Крестами и Ушками дѣлаетъ большой изгибъ къ востоку и обходитъ такимъ образомъ вокругъ группы ключевскихъ вулкановъ; на этомъ большомъ изгибѣ наводненія свирѣпствуютъ повидимому особенно сильно. Такъ Ушки первоначально помѣщались на правомъ берегу, затѣмъ подверглись почти полному разрушенію, и теперь 8 домовъ этой деревни стоятъ на лѣвомъ берегу, двумя верстами выше по рѣкѣ; 26 мужчинъ и 22 женщины, теперь живущіе здѣсь, — камчадалы, предки которыхъ переселены сюда Рикордомъ и Голенищевымъ изъ Каменнаго (въ Щекахъ). Въ Ушкахъ жители также занимаются немного огородничествомъ и имѣютъ 14 головъ рогатаго скота и 4 лошадей.

Къ востоку долина остается ограниченной Ключевскою группою, тогда какъ съ запада въ большомъ отдаленіи тянется Срединный хребетъ. Впереди высоту этого хребта, большею частью покрытыхъ снѣгомъ, изъ Ушковъ виденъ еще низкій безснѣжный кряжъ съ очень своеобразными контурами. Здѣсь, въ странѣ коническихъ горъ, острыхъ, изорванныхъ и истрескавшихся вершинъ, рядъ гладкихъ столообразныхъ высотъ представляется чѣмъ-то необыкновеннымъ. Это Крюковскія горы, имѣющія почти такой видъ, какъ если-бы плато, первоначально состоявшее изъ мягкаго матеріала, сплошь превратилось-бы, благодаря глубоко врѣзавшимся ущельямъ, въ отдѣльныя столообразныя горы. Этотъ рядъ небольшихъ высотъ тянется на значительномъ протяженіи впереди снѣжныхъ горъ Срединнаго хребта и параллельно имъ. Онъ походитъ на мощный щебневый валъ, который образовался насчетъ Срединнаго хребта, прежде быть можетъ достигавшаго еще большей высоты, и который затѣмъ во многихъ мѣстахъ прорванъ дѣйствіемъ воды.

Послѣ непродолжительнаго отдыха мы двинулись далѣе и вскорѣ прошли мимо устья Идягуна, притока, берущаго начало въ западныхъ горахъ. Въ то-же время къ берегу подходитъ съ востока старый потокъ лавы, во многихъ мѣстахъ сильно вывѣтрившійся. По преданію, этотъ потокъ пришелъ съ Ушкин-

ской сопки, которая прежде составляла будто-бы острый конусъ и высотой превосходила Ключевскую. На берегахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ, повсюду виднѣлись слѣды опустошеній отъ половодья. Огромные стволы и большое количество разнаго пловучаго лѣса были выброшены на острова рѣки и образовали здѣсь громадныя кучи. Мѣстами виднѣлись обвалы берега и массы щебня, мѣстами — новыя русла и новыя песчаные острова. Но коренныхъ породъ, кромѣ указаннаго лавоваго потока, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Только на полпути къ Козыревску, гдѣ мы остановились сегодня, опять выступила частью на берегу, частью даже въ руслѣ рѣки, старая, совершенно вывѣтрившаяся лава. Въ руслѣ лава образуетъ какъ-бы порогъ, получившій у мѣстныхъ жителей названіе «Застоя», потому что онъ будто-бы задерживаетъ движеніе восходящихъ по рѣкамъ рыбъ; но настоящаго порога здѣсь собственно не было замѣтно. Глубина теперь значительно уменьшилась и на самомъ Застоѣ составляла не болѣе одного аршина.

Вечеръ былъ чудный. На темномъ небѣ съ востока обрисовывались теперь шесть исполинскихъ, покрытыхъ снѣгомъ вулкановъ (отсюда уже видна была Толбачинская группа); — незабвенная картина! Въ высококомъ, густомъ хвойномъ лѣсу, вокругъ разведеннаго костра, расположилось наше маленькое общество, слушая сказки стараго камчадала. Неудивительно, что въ мѣстности, гдѣ вода производитъ такія опустошенія и такъ часто причиняетъ убытки жителямъ, рассказы о злыхъ водяныхъ духахъ пользуются большою популярностью. Такъ и сегодня главную тему разговоровъ составляла человѣконенавистница русалка Камакъ, которой мои спутники приписывали множество самыхъ злыхъ продѣлокъ.

Рано утромъ 12-го августа мы проснулись при чудной погодѣ и могли любоваться великолѣпнымъ видомъ неподобныхъ вулканическихъ группъ. Мы тронулись въ дальнѣйшій путь протоками рѣки и обходя вокругъ острововъ. Къ лиственничному и пихтовому лѣсу стали примѣшиваться на болѣе открытыхъ мѣ-

стахъ лиственныхъ породы и кустарникъ: ива, черемуха, рябина, ольха, береза, боярышникъ, таволга, розы и смородина съ красными гроздями ягодъ. Розы, какъ мнѣ казалось, принадлежали къ двумъ видамъ; на одной были крупныя, круглыя, на другой — болѣе вытянутыя, сладковатыя плоды. На берегахъ нерѣдко стали ужъ встрѣчаться мертвые лососи — явленіе, вообще наблюдаемое позже и только въ верхнемъ теченіи рѣкъ, гдѣ рыбы обыкновенно обезсилѣвають и гибнутъ.

При этомъ характерѣ мѣстности, свойственномъ верховьямъ камчатскихъ рѣкъ, здѣсь за нѣсколько дней до нашего прибытія произошелъ случай, напомнившій мнѣ низовья и устья. Козыревскіе обыватели замѣтили среди косяка рыбъ лахтака (*Phoca nautica*); имъ удалось даже убить этого большаго тюленя, сопровождавшаго слѣдовательно рыбъ на ихъ пути отъ моря, т. е. на протяженіи около 250 верстъ. Валявшіеся на берегу лососи привлекли на берегъ и хищныхъ звѣрей: такъ мы видѣли нѣсколько молодыхъ волковъ, множество медвѣжьихъ слѣдовъ, а разъ даже и медвѣдя.

Не очень далеко отъ Козыревска мы прошли мимо устья рѣчки Калю, а немного не доходя этого селенія — мимо Козыревки; обѣ рѣчки, начинающіяся въ Срединномъ хребтѣ, содержатъ массу валуновъ порфировыхъ породъ. Въ 3 часа мы прибыли въ селеніе Козыревскъ. Рѣка Калю значительно больше Козыревки, и, какъ говорятъ, истоки ея лежатъ въ очень живописномъ мѣстѣ. Крашенинниковъ сообщаетъ, что въ его время на этой рѣкѣ въ 30 верстахъ отъ устья находился большой камчадалскій острогъ. Жители Козыревска также очень жаловались на опустошенія, производимыя водой; имъ уже два раза приходилось переносить дома, да и теперь опять предстоитъ сдѣлать то-же. Далѣе обыватели здѣсь много терпятъ отъ медвѣдей, которые и въ текущемъ году растерзали двухъ лошадей.

При нашемъ посѣщеніи въ Козыревскѣ было 6 домовъ и часовня, жителей же 16 мужчинъ и 25 женщинъ. Скота имѣлось: рогатаго 11 головъ и лошадей 6.

Рѣка имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около 100 сажень въ ширину, глубина ея равна здѣсь 5 — 7 аршинамъ, скорость теченія — 5 верстамъ въ часъ; но при этомъ здѣсь много мелей.

Въ то время какъ мы приготовлялись къ дальнѣйшему путешествію, пошелъ такой сильный дождь, что я рѣшилъ переночевать въ Козыревскѣ. Сейчасъ-же было поставлено два самовара, и я рассчитывалъ уже получить отъ своихъ гостей кое-какія интересныя замѣтки для дневника. Но старыи семидесятилѣтній тайонъ оказался къ сожалѣнію очень несловоохотливымъ, а прочіе обыватели слѣдовали его примѣру. Такимъ образомъ свѣдѣній пришлось получить очень мало. Все, что я узналъ, сводилось собственно къ тому, что здѣшніе охотники въ своихъ скитаніяхъ встрѣчались иногда въ Срединномъ хребтѣ съ бродячими коряками; но коряки, обладая такими превосходными пастбищами на сѣверѣ, гостятъ лишь очень рѣдко въ Камчаткѣ. Гораздо чаще приходится видѣть ламутовъ, которые (какъ сообщено выше) уже много лѣтъ кряду становятся все многочисленнѣе въ Камчаткѣ и повидному окончательно обжились въ безпредѣльныхъ, безлюдныхъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Срединнаго хребта, изобилующихъ прекрасными пастбищами и рыбными рѣками.

13-го Августа утромъ насъ задержалъ сильный дождь, такъ что мы могли тронуться далѣе лишь въ 9 часовъ. Изъ всего разстоянія до Толбачи мы 36 верстъ проѣхали по самой рѣкѣ Камчаткѣ, имѣющей здѣсь лишь сажень 100 ширины при глубинѣ въ 5—7 аршинъ и при скорости теченія около 5 верстъ въ часъ. Затѣмъ мы вѣхали въ рѣку Толбачу, по которой приходится пройти еще 30 верстъ вверхъ къ острогу того-же имени. Этотъ притокъ, впадающій съ восточной стороны въ рѣку Камчатку, имѣетъ въ ширину 25 сажень при глубинѣ въ $1\frac{1}{2}$ аршина, слѣдовательно принадлежитъ къ числу еще довольно крупныхъ притоковъ главной рѣки. Сама рѣка Камчатка здѣсь также очень богата островами и окаймлена плоскими песчаными и щебневыми берегами, поросшими разнаго рода кустарникомъ; вѣстѣ съ тѣмъ хвойный лѣсъ удаляется отъ берега, покрывая болѣе даль-

нія и болѣе высокія части все еще очень широкой рѣчной долины. Но въ главномъ своемъ протяженіи эта долина очень низка и покрыта многочисленными, мелкими и крупными водными бассейнами, которые посредствомъ короткихъ ручьевъ соединены съ главной рѣкой. Всѣ эти воды теперь кишѣли рыбой, берега же были усѣяны многочисленными слѣдами животныхъ. Мы встрѣтили только одного медвѣдя, котораго и убили.

Въ 6 часовъ вечера мы были у устья рѣки Толбачи и начали подниматься вверхъ по ней. Рѣка извинаясь такъ сильно, что одинъ изгибъ ея нерѣдко подходитъ очень близко къ другому; вслѣдствіе этого 30 верстъ поднаго пути до острога соответствуютъ прямолинейному разстоянію, никакъ не большому 20 верстъ. Этотъ притокъ также имѣетъ очень болотистые, низкіе берега, покрытые частымъ ивнякомъ и кустами черемухи (*Prunus radus*). Послѣдніе теперь были обвѣшаны большимъ количествомъ спѣлыхъ, темныхъ ягодъ, которыя камчадалы собирали и ѣли съ большою жадностью.

На восточной сторонѣ горизонта изъ - за лѣсонъ далеко выдавалась Большая Толбачинская сопка. Мощный обналившійся конусъ въ верхней своей части былъ покрытъ снѣгомъ. Сѣверный его край выдавался выше, между тѣмъ какъ съ болѣе низкаго южнаго поднимался столбъ пара.

Наступилъ вечеръ, и мы разбили свой лагерь на берегу рѣки, нерстахъ въ 7 отъ Толбачи. Расположившись вокругъ огня, который лишь въ слабой степени защищалъ насъ отъ жестокихъ истязаній комаровъ, камчадалы опять стали рассказывать свои легенды. Главную тему теперь составляли милости и щедроты, проявляемыя ихъ божествомъ Кутхой по отношенію къ охотникамъ. Нерѣдко онъ ниспосылаетъ промышленникамъ такое множество самыхъ цѣнныхъ пушныхъ звѣрей, что одаренные ими чуть что не гибнуть отъ тяжести подарка. Но если счастливецъ при этомъ хоть разъ оглянется на зловѣщій шумъ, всегда слышимый позади въ такихъ случаяхъ, то всѣ сокровища мгновенно исчезаютъ, и такой охотникъ во всю жизнь не увидитъ болѣе даровъ Кутхи.

14-го августа мы уже рано утромъ прибыли въ Толбачу, гдѣ встрѣтили привѣтливый и радушный пріемъ. Тайонъ угостилъ насъ свѣжимъ картофелемъ, жареными утками и полными чашками великолѣпной жимолости. Чтобы съ своей стороны сдѣлать пріятное мѣстнымъ жителямъ, я устроилъ стрѣльбу на призы, для чего роздалъ необходимый матеріалъ и призы, состоявшіе изъ небольшого количества табаку. Въ состязаніи участвовало десять стрѣлковъ, которые поразили насъ своей мѣткой стрѣльбой. Такого рода праздникъ приходился совершенно по вкусу этому охотничьему племени. Стрѣлки сами придумывали себѣ какъ можно болѣе трудныя задачи и вообще остались очень довольны.

Сильное утомленіе и легкое нездоровье задержали меня въ Толбачѣ до 15 августа. Мнѣ пришлось провести въ этомъ живописномъ мѣстѣ чудный лѣтній день. Деревня имѣетъ опрятный видъ и содержится въ большомъ порядкѣ. 6 жилыхъ домовъ, а также и жители производятъ впечатлѣніе чистоты. Нигдѣ въ Камчаткѣ мнѣ такъ не бросилось въ глаза, насколько мало населеніе Толбачи (17 мужчинъ и 16 женщинъ) переняло русскіе нравы, обычаи и языкъ. Изъ женщинъ вѣроятно ни одна не говорила по русски, изъ мужчинъ говорила только самая малая часть. Русское вліяніе сказывалось только во внѣшнемъ видѣ деревни—въ постройкѣ домовъ, въ огородахъ при нихъ, обѣщавшихъ теперь хорошій урожай, и въ содержаніи домашнихъ животныхъ (12 головъ рогатаго скота и 5 лошадей); весь остальной складъ жизни остался чисто камчадалскимъ.

При нашемъ посѣщеніи все небольшое населеніе острога прилежно работало надъ сборомъ зимнихъ запасовъ. На первомъ планѣ, конечно, какъ то само собою разумѣется для камчадаловъ, стояла рыбная ловля: всѣ, мужчины и женщины, прилежно занимались ловомъ лососей, производимымъ здѣсь при помощи заколовъ. Начинаясь у самыхъ домовъ, поперегъ черезъ рѣку, отъ берега къ берегу, былъ устроенъ изъ тонкихъ жердей очень плотный заборъ, по серединѣ снабженный нѣсколькими проходами. Передъ этими проходами расположены были длинныя, также

плотно сплетенныя изъ прутьевъ корзины. Массами поднимающіяся рыбы, задержанныя заборомъ, кучами набивались черезъ проходы въ корзины; послѣднія же, сейчасъ по наполненіи, замѣнялись новыми, а отъ содержимаго освобождались на берегу. Наблюдая за ловомъ, я могъ видѣть, что для наполненія такой корзины, имѣющей до 8 футовъ въ длину и до 3 футовъ въ поперечникѣ, едва требуется часъ времени. Тысячи тысячъ лососей вылавливаются такимъ образомъ въ теченіе лѣта. Эта чрезмѣрно богатая добыча сдѣлала обывателей разборчивыми и притязательными, можно даже сказать небрежными въ пользованіи ею, такъ что всюду валялись массы оставшейся безъ употребленія рыбы. На берегу стояли женщины, окруженныя свободно бродящими теперь ѣздовыми собаками и занятыя приготовленіемъ изъ рыбы разныхъ запасовъ для людей и собакъ, о чемъ я уже рассказывалъ выше.

Обыватели заботились также и о сборѣ растительныхъ запасовъ: собирали всякаго рода ягоды, сушили на солнцѣ всевозможные корни и стебли. Въ одномъ мѣстѣ лежали бѣлые, похожіе на малину клубни сараны (*Fritillaria kamtschatica*), въ другомъ висѣли длинныя зеленоватыя полосы кипрея (изъ стеблей *Epilobium*), въ третьемъ видѣлись большія черныя лепешки, также выставленныя для сушки на солнцѣ и состоявшія изъ растертыхъ ягодъ черемухи (*Prunus padus*). Благодаря сильно вяжущему вкусу этихъ ягодъ, камчадалы очень цѣнятъ такія лепешки, составляющія для нихъ любимый десертъ. Но не одни только люди любятъ ягоды черемухи; не въ меньшей мѣрѣ онѣ, какъ мнѣ передавали, привлекаютъ и медвѣдей. Когда поспѣваетъ черемуха, обыватели должны живо съ нею справляться, если не хотятъ, чтобы урожай достался медвѣдямъ. Эти звѣри, какъ говорятъ, ломаютъ толстыя сучья и молодые деревья только затѣмъ, чтобы объѣсть съ нихъ ягоды. Всѣ перечисленныя растительныя пищевыя средства были мнѣ уже извѣстны; ихъ собираютъ и потребляютъ по всей Камчаткѣ. Но два другихъ встрѣчены были мною въ первый разъ въ Толбичѣ: это были, во первыхъ, длин-

ныя, тонкія, бѣлыя нити «лебяжьяго корня», которыя употребляются варенными съ саломъ и рыбьей икрой. Теперь онѣ, связанные въ маленькіе пучки, также сушились на солнцѣ; само-же растеніе встрѣчается на влажныхъ мѣстахъ и имѣетъ желтый цвѣтокъ. Во вторыхъ, мнѣ показали чисто выскобленные деревянистые стебли одного растенія съ желтыми цвѣтами; эти стебли варятся вмѣсто чая и очень похожи на стебли *Potentilla fruticosa*.

Рѣка Толбача образуется изъ двухъ ручьевъ, изъ которыхъ одинъ течетъ съ Большой Толбачинской сопки, другой же, болѣе южный, съ горъ, видимыхъ къ востоку отсюда. Послѣдній несетъ съ этихъ горъ массу галекъ древнихъ метаморфическихъ сланцевъ, а также порфировыхъ и гранитовыхъ породъ, перемѣшивая эти гальки съ обломками лавы, приносимыми сѣвернымъ ручьемъ съ Толбачинской сопки. Къ востоку отъ Большой Толбачинской сопки поднимается Малая Толбачинская, недѣйствующій полный конусъ, съ очень красными ребристыми боками. Нижняя, еще сохранившаяся часть Большой Толбачи также обнаживаетъ ребра; но, какъ уже упомянуто, эта гора теперь представляетъ только сильно притупленный конусъ. Сѣверный край ея кратера, при разсматриваніи отсюда, круто поднимается въ видѣ небольшого пика, между тѣмъ какъ тянущаяся на юго-востокъ часть, и теперь еще дымящаяся, плоска и низка. На Большой Толбачѣ я замѣтилъ совершенно такое-же явленіе, какое ранѣе наблюдалъ на Ключевской сопкѣ, именно въ которое число очень маленькихъ конусовъ, окружающихъ подошву вулкана. Камни, привезенные отсюда камчадалами, представляли свѣжія лавы темносѣраго и бурого цвѣта, очень пористыя и виолнѣ однородныя, безъ всякаго включенія кристаллическихъ минераловъ, какъ авгитъ или лейцитъ. Большая Толбачинская сопка извѣстна здѣшнимъ жителямъ какъ постоянно дымящаяся гора, на которой по временамъ бываетъ еще видѣнъ и огонь. Но Эрманъ въ 1829 г. наблюдалъ на ней лишь очень слабыя слѣды дѣятельности. Крашенинниковъ напротивъ сообщаетъ о весьма сильномъ

изверженіи этого вулкана въ 1739 г. Пепелъ распространился при этомъ на разстояніе болѣе 12 миль и до того засыпалъ поверхность, что Крашенинниковъ, въ то время какъ разъ бывшій въ дорогѣ, принужденъ былъ дожидаться свѣжаго снѣга у Машуры, потому что старый снѣгъ сталъ непригоденъ для ѣзды на савяхъ. Гора нынѣ имѣетъ высоту 7800 футовъ (по картѣ Гидрографическаго Департамента) и уже много лѣтъ кряду дѣятельность ея все усиливается и усиливается.

Другой конусъ, также видимый изъ Толбачи и принадлежащій къ группѣ вулкановъ, которые окружаютъ большое Кроноцкое озеро, именно сопка Кизимень, также дымитъ приблизительно послѣднія 25 лѣтъ, но до сихъ поръ на ней не было видно огня.

Взявъ пеленги изъ Толбачинскаго острога, я опредѣлилъ слѣдующія направленія: Ушкинская сопка 18° , Ключевская и Крестовская къ сожалѣнію обѣ были закрыты, высокій край Большой Толбачи 26° и низкій край ея $31\frac{1}{2}^\circ$, Малая Толбача 45° , на высшая часть крутой снѣжной цѣпи $107—115^\circ$, Кизимень 143° , а отъ 171 до 205° простирается наивысшая часть безснѣжной, но крутой горной группы Кинцекла.

Къ сожалѣнію время года было уже очень позднее, и къ тому же, по словамъ охотниковъ, въ этомъ году выпало особенно много снѣга въ горахъ, такъ что экскурсія къ восточнымъ вулканамъ была невозможна. При другихъ обстоятельствахъ Толбача, мнѣ кажется, представляетъ чрезвычайно удобный исходный пунктъ для посѣщенія толбачинской вулканической группы, а также для изслѣдованія многочисленныхъ, пока еще очень мало извѣстныхъ вулкановъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ Кроноцкое озеро. Въ началѣ іюля, съ караваномъ не болѣе какъ изъ 5 лошадей, отсюда можно было бы сдѣлать очень удачную поѣздку, которая много содѣйствовала бы болѣе полному познанію вулкановъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что, несмотря на большую близость снѣжныхъ горъ, температура воздуха была очень вы-

сока: въ тѣни термометръ показывалъ 18° R. и еще поздно вечеромъ 15°. Кромѣ огромнаго множества комаровъ, которые покрывали собою рѣшительно все и составляли источникъ невыносимаго мученія для всего живаго, мнѣ здѣсь особенно бросилось въ глаза большое количество стрекозъ и кузнечиковъ; послѣдніе своею обжорливостью даже вредили огородамъ. Я не могу припомнить, чтобы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Камчатки мнѣ приходилось видѣть такое множество этихъ животныхъ.

Видя, что я собираю насѣкомыхъ, тайонъ разсказалъ мнѣ, что въ окрестностяхъ деревни, на очень влажныхъ мѣстахъ, нерѣдко въ большомъ количествѣ встрѣчается одно небольшое, черноватое, четвероногое животное. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что это животное по всѣмъ вѣроятіямъ саламандра; но къ сожалѣнію теперь мнѣ нельзя было добыть экземпляровъ ея. Какъ бы то ни было, саламандры, если это дѣйствительно онѣ, составили бы единственный примѣръ нахождения земноводныхъ въ Камчаткѣ, потому что нигдѣ рѣшительно на всемъ полуостровѣ не видѣны и не найдены нами ни лягушки, ни змѣи, ни ящерицы, ни черепахи.

Тайонъ, уже довольно пожилой человекъ, лѣтъ двадцать тому назадъ былъ насильственно переселенъ сюда вмѣстѣ со своими родителями съ западнаго берега и до сихъ поръ еще съ удовольствіемъ вспоминалъ о старой родинѣ—Морошечной. Это переселеніе, къ величайшему прискорбію и къ большому ущербу населенія, произведено было тогдашнимъ начальникомъ Голенищевымъ. Къ сожалѣнію, нерѣдко случалось, что здѣшніе управители совсѣмъ не старались объ охранѣ существующаго, о развитіи его путемъ добраго совѣта и помощи; напротивъ, вмѣсто того они часто позволяли себѣ вторгаться во внутреннюю жизнь народа и такимъ образомъ все разшатывали, а не укрѣпляли. Къ тому-же, такія насилія часто производились безъ дѣйствительной надобности, безъ всякаго знанія мѣстныхъ условій вообще и экономическихъ въ частности. Нерѣдко въ основѣ мѣропріятій властей лежали исключительно только эгоистическіе, вполне личные

плапы и расчеты, и это составляло мотивъ дѣйствій. Такъ случилось — и подобные примѣры не единичны — что начальники, находя при своихъ разѣздахъ разстоянія отъ станціи до станціи слишкомъ большими и для себя неудобными, тотчасъ же отдавали приказаніе: откуда бы то ни было раздобыть людей и устроить такимъ образомъ промежуточную станцію. При этомъ обывателей насильственно удаляли съ мѣстъ, гдѣ имъ хорошо жилось, и водворяли на новыя мѣста, не заботясь о томъ, желаютъ ли того несчастные, можно ли даже вообще жить тамъ.

Утромъ 16-го августа мы приготовились къ отъѣзду. Стоялъ очень хорошій день. Тайонъ далъ намъ на дорогу много разной провизіи и вмѣстѣ со всѣми однопореченцами проводилъ насъ до берега. Мы довольно скоро поплыли внизъ по рѣкѣ, при чемъ изъ деревни еще долго доносились до насъ обычные прощальные выстрѣлы. Тѣмъ не менѣе въ главную рѣку мы вышли опять не ранѣе двухъ часовъ пополудни. На берегу виднѣлось множество тополей, черемухи, ольхи, липственницы и пихты съ подлѣскомъ изъ разныхъ видовъ таволги и боярышника. Рѣка все болѣе и болѣе приобретаетъ характеръ верховья и часто образуетъ сильныя изгибы, при чемъ, какъ постоянно въ такихъ случаяхъ, у берега съ вогнутой стороны изгиба вода всегда бываетъ глубока, съ выпуклой же стороны напротивъ она такъ мелка, что пзъ нея нерѣдко выступаютъ обширныя площади, покрытыя пескомъ и щебнемъ. Такія обнаженныя, сухія площади песка и щебня зовутся у мѣстныхъ обывателей песками; разстоянія измѣряются здѣсь не верстами, а только числомъ «песковъ». Такъ напр. приходится слышать, что до такого-то мѣста столько-то песковъ, что равнозначаще съ такимъ-же числомъ извилинъ рѣки. Рѣчные острова также еще часты, притомъ достигаютъ значительной длины. Ширина рѣки здѣсь не превышаетъ 80 сажень; глубина ея равна 2—5 аршинамъ, скорость теченія 6 верстамъ въ часъ. Весною уровень воды, какъ говорятъ, нерѣдко поднимается на 2 сажени.

День былъ удушливо жаркій, а съ Кунцеклы надвигалась гроза съ частыми молніями и сильнымъ дождемъ. При этомъ ко-

мары такъ насъ изводили, что бѣдные гребцы только и дѣлали, что отмахивались отъ нихъ; работѣ это, конечно, мѣшало, и мы лишь медленно подавались впередъ. Видя бесполезность такого плаванія, я рѣшилъ остано­виться.

Мы переночевали на большомъ «пескѣ» берега, гдѣ насъ дважды, хотя оба раза второняхъ, посѣтилъ медвѣдь. Утромъ 17-го августа мы продолжали путешествіе. Сперва мы доѣхали до Верхнетолбачинскаго перехода, т. е. до старинной сухопутной дороги къ деревнѣ Толбачѣ, до которой отсюда считается всего 15 верстъ, между тѣмъ какъ водяной путь, только что нами пройденный, благодаря большимъ изгибамъ рѣки, значительно длиннѣе. Обыватели Толбачи выстроили здѣсь небольшую избушку и держать нѣсколько батовъ, чтобы имѣть возможность времяею охотиться и рыбачить также и на главной рѣкѣ. Тенерь мы достигли устья рѣчки Николь, а слѣдовательно были недалеко отъ горъ Кинцекла, откуда и беретъ свое начало эта недлинная рѣченка. Середина горной группы Кинцекла лежитъ на юго-востокъ отъ устья Никола. Послѣдній играетъ важную роль въ камчатской старинѣ, потому что здѣсь жили первые русскіе поселенцы, прибывшіе въ Камчатку.

Мюллеръ, въ своей «Sammlung russischer Geschichte» (Т. III), говоря объ интереснѣхъ плаваніяхъ русскихъ козаковъ по Ледовитому океану, рассказываетъ между прочимъ о слѣдующемъ: 20 іюня 1648 г. козакъ Семенъ Дежневъ вышелъ съ тремя кочами изъ устья Колымы и направился на востокъ, съ цѣлью отыскать р. Анадырь. Онъ прошелъ черезъ Беринговъ проливъ, но потерпѣлъ крушеніе къ югу отъ устья Анадыря, снася на этой-же рѣкѣ и въ 1649 г. основалъ Анадырскъ. Вторая коча погибла еще ранѣе, а третья, подъ командой нѣкоего Федота Алексѣева, совсѣмъ пропала безъ вѣсти и вѣроятно была занесена къ югу. Объ этомъ Алексѣевъ получилъ свѣдѣнія извѣстный Володиміръ Атласовъ открывшій Камчатку. По прибытіи въ 1697 г. Атласова въ Камчатку, ему сообщили, что русскихъ тамъ давно уже знаютъ, потому что нѣкто Федотовъ (вѣроятно

сынъ упомянутаго Федота Алексѣева) поднялся со своими спутниками вверхъ по рѣкѣ Камчаткѣ и поселился затѣмъ на Николѣ (который поэтому зовется также Федотихой). Эти русскіе поженились на камчадалкахъ и долго жили на Николѣ. Впослѣдствіи между пришельцами возникли раздоры и междуусобія; послѣдніе же изъ нихъ были перебиты камчадалами и еще болѣе—коряками.

Мы расположились на ночлегъ на пескѣ надъ устьемъ Никола, откуда передъ нами открывалась великолѣпная горная панорама. На темномъ небѣ ночью обрисовывались четыре стоящихъ рядомъ и окутанныхъ снѣгомъ огнедышащихъ горы: Ушкинская, Ключевская, Крестовская и Большая Толбачинская; съ двухъ изъ нихъ, именно со второй и съ послѣдней, поднимались къ небу столбы пара.

Рано утромъ 18 августа мы оставили свой лагерь. Сначала плаваніе шло вполнѣ хорошо, но къ сожалѣнію въ скоромъ времени дѣло измѣнилось къ худшему. Переправляясь черезъ рѣку, я благополучно прошелъ мимо мѣста, гдѣ въ глубокой водѣ и среди стремительнаго теченія лежала куча застрявшаго лѣса. Мой батъ продолжалъ свое плаваніе вдоль берега, какъ вдругъ позади насъ послышался крикъ. Я сейчасъ-же повернулъ назадъ и къ ужасу своему увидѣлъ, что, благодаря неосторожному управленію, батъ Шестакова опрокинулся у той-же кучи дерева. Всѣ люди спаслись, но потеряна была масса крайне необходимыхъ вещей. Палатка, дустволка, котелъ, множество провизій, ружье Шестакова, два ружья камчадаловъ и наконецъ значительная часть моихъ коллекцій безвозвратно остались на глубинѣ. Только нѣсколько мелочей, какъ платье и медвѣжьи шкуры, плавали по водѣ и были вытащены. Съ грѣхомъ пополамъ обсушившись, мы быстро двинулись къ Чапинскому переходу, гдѣ насъ, теперь не имѣющихъ своего крова, укрыла отъ начинающагося дождя избушка. Здѣсь находится выходъ сухопутной дороги къ деревнѣ (острогу) Чапиной; пѣшкомъ туда пять верстъ. Отъ избушки было также очень близко и устье рѣки Чапиной; она

больше Никола и истоки ея лежатъ на хребтѣ Кинцекла близъ истоковъ послѣдняго. Сама деревня находится верстахъ въ 10 отъ устья вверхъ по рѣкѣ Чапиной. Сейчасъ-же по нашемъ прибытіи сюда двое изъ моихъ камчадаловъ поспѣшно отправились ближней сухопутной дорогой въ деревню, чтобы заготовить все нужное для продолженія нашего путешествія.

Проведя изъ-за множества комаровъ очень безпокойную ночь, мы рано утромъ 19 августа были удивлены появленіемъ въ нашемъ лагерѣ таюна и его однодеревенцевъ. Къ намъ явилось почти все населеніе Чапиной, въ томъ числѣ женщины и дѣти. Цѣлью этого посѣщенія было не только выраженіе соболѣзнованія по поводу испытаннаго нами несчастія, но также и еще доставка множества всякаго рода съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того мы получили въ пользованіе до ближайшей станціи палатку и котелъ; коротко сказать, обыватели изо всѣхъ силъ старались возмѣстить наши потери. Но здѣсь я не могъ возмѣстить гораздо болѣе чувствительной потери камчадаловъ—затонувшихъ ружей. Я обѣщаль только довести о томъ до свѣдѣнія начальства въ Петропавловскѣ, и впослѣдствіи исполненіе этого обѣщанія имѣло результатомъ то, что губернаторъ не только замѣнилъ потеряныя ружья новыми, но еще прибавилъ къ нимъ разные другіе полезные въ быту камчадала подарки. Пока-же всѣ очень радовались тому, что не погибъ хоть ящикъ съ чаемъ; прошло немного времени, какъ ужъ старъ и младъ наслаждались любимымъ напиткомъ. За этимъ пріятнымъ занятіемъ у камчадаловъ развязались языки, и опять пошли обычные разспросы и рассказы. Узнавъ, что мы моремъ проѣхали изъ Петропавловска въ устье рѣки Камчатки, чапинскіе обыватели тотчасъ-же поинтересовались узнать, видѣли-ли мы балаганы на Кроноцкой рѣкѣ (Кродакыгѣ) и стоять-ли они еще тамъ. Эти балаганы принадлежать чапинцамъ и были построены для заготовки корма собакамъ изъ трехъ выброшенныхъ тамъ мертвыхъ китовъ. Мои собесѣдники провели цѣлое лѣто въ этой богатой рыбою, дичью и ягодами мѣстности. Туда нетрудно попасть, слѣдуя сперва вверхъ по

рѣкѣ Чапиной до истоковъ ея въ Кинцеклѣ и затѣмъ дойдя черезъ перевалъ къ рѣчкамъ, текущимъ съ восточнаго склона этого хребта въ Кроноцкое озеро. Последнее — самое большое изъ всѣхъ озеръ Камчатки, во всякомъ случаѣ оно гораздо обширнѣе Авачинской губы; въ него со всѣхъ сторонъ впадаетъ множество горныхъ рѣчекъ. Само же это чудное озеро имѣетъ одинъ только стокъ — Кродакыгъ, образующій при своемъ выходѣ высокій водопадъ и послѣ короткаго теченія достигающій моря. Кроноцкое озеро — настоящее альпійское озеро, со всѣхъ сторонъ окруженное высокими, крутыми скалами и горами. Мощныя вулканическія группы и конусы всюду окаймляютъ его. Въ числѣ горъ, окаймляющихъ озеро, находится и вулканъ Кинцекла, поднимающійся съ сѣверо-западной стороны и обнаруживающій дѣятельность выдѣленіемъ паровъ.

Относительно деревни Чапиной, которой мнѣ не пришлось посѣтить самому, тайоупъ сообщилъ мнѣ, что населеніе ея состоитъ изъ 21 души мужскаго и 16 женскаго пола; санитарное положеніе жителей вполне удовлетворительно. Въ деревнѣ 8 домовъ и одна часовня. Всего у обывателей имѣется: 8 головъ рогатаго скота и 2 лошади.

Въ 8 часовъ утра мы могли подняться въ дальнѣйшій путь и опять пошли вверхъ по рѣкѣ Камчаткѣ. На всемъ протяженіи до Машуры, т. е. приблизительно верстѣ на 60, рѣка опять имѣла характеръ скорѣе верховья. Острова встрѣчались правда и здѣсь, но ширина рѣки не превышала 60—70 сажень, глубина уменьшилась до 3—4 аршинъ, скорость же напротивъ возросла до 7 верстѣ въ часъ. Мелкій песокъ, встрѣчавшійся на нижнемъ теченіи въ руслѣ рѣки, здѣсь смѣнился очень грубымъ галешникомъ и крупными камнями. Берега состоятъ изъ крутыхъ, обнаженныхъ склоновъ, образуемыхъ дилювіальными отложеніями и нерѣдко достигающихъ высоты 50 футовъ; только верхнія части этихъ склоновъ покрыты лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Еще въ Чапиной мнѣ показали вывѣтрѣлый кусокъ мамонтова бивня; здѣсь же ископаемая кость стала очень обыкновенна. На «пескахъ»,

принимавшихъ вмѣстѣ съ извѣстными рѣки все большіе и большіе размѣры, нерѣдко встрѣчались большія количества такихъ ископаемыхъ костей, но все сильно вывѣтрѣлыхъ, изломанныхъ и темнобураго цвѣта; онѣ лежали на отложешяхъ щебня, не покрытыхъ водою и свалившихся съ высокихъ дилювіальныхъ береговъ. Между прочимъ мнѣ встрѣтился здѣсь бивень молодого экземпляра, на половину выдававшійся изъ высокаго береговаго обрыва. Эти высокіе дилювіальные берега состоятъ изъ системы слоевъ разнаго рода обломочнаго матеріала: въ одномъ мѣстѣ видны песокъ, щебень и глина съ сильной окраской отъ окиси желѣза, въ другомъ — слоистая грубая галька. Среди галекъ находились въ очень большомъ количествѣ кремни и всякаго рода кварцы, также гранитовыя породы и слюдяныя сланцы со свѣтлой слюдой, порфиры, наконецъ еще красныя и сѣрыя, пористыя лавовыя породы съ вкрапленными въ нихъ мелкими кристаллами чернаго авгита.

Поверхъ дилювіальныхъ слоевъ берегъ поросъ главнымъ образомъ прекрасной лиственницей и пихтой; на низменностяхъ же росли ивы, боярышникъ, ольха и, какъ вездѣ по среднему теченію рѣки Камчатки, чрезвычайно много черемухи.

На берегахъ всюду видѣлись слѣды сильнѣйшихъ опустошеній, произведенныхъ вѣшними водами: обвалившіеся берега, съ корнемъ вырванныя деревья, нанесенныя кучи лѣса, безпорядочно наваленныя кучи камней, перемѣшанныя съ лѣсомъ. При этомъ на берегахъ всюду валялись сотни мертвыхъ лососей, заражавшихъ воздухъ и привлекавшихъ множество медвѣдей; изъ нихъ намъ удалось убить одинъ крупный экземпляръ.

Вечеромъ мы расположились на ночлегъ на одномъ изъ «песковъ», гдѣ болѣе чувствительное движеніе воздуха нѣсколько ослабляло мученія, причиняемыя комарами.

Несмотря на начавшійся дождь, мы 20-го августа ужъ въ 7 часовъ утра были въ пути. Въ общемъ берега не представляли ничего новаго. Дилювіальные склоны, покрытые хвойнымъ лѣсомъ, мѣстами поднимались нѣсколько болѣе высоко, смѣняясь

затѣмъ снова плоскими, поросшими листовнымъ лѣсомъ низинами. Такой диллювiальный склонъ лѣваго берега, отличающійся особеннымъ образованіемъ слоевъ, подходитъ къ водѣ уже близъ Машуры. Здѣсь наблюдаются горизонтальные, очень тонкіе слои разноцвѣтной глины, перемежающіеся со слоями песка и хряща. Глина то темнѣе, то свѣтлѣе, мѣстами она измѣняется въ цвѣтъ отъ красноватаго до свѣтло-желтаго, а кое-гдѣ представляетъ пеструю окраску. Въ одномъ слѣѣ глина выдавалась особенной прочностью и распадалась въ видѣ кирпичей; цвѣтъ ея здѣсь колебался отъ свѣтло-желтаго до чисто бѣлаго; на плоскостяхъ раздѣла наблюдалась сильная окраска отъ окиси желѣза. Въ 3 часа мы опять уже были у «перехода» (сухопутной дороги), по которому до Машуры всего одна верста пѣшаго пути, между тѣмъ какъ батамъ, на которыхъ оставался нашъ багажъ, пришлось еще объѣхать большой изгибъ рѣки, чтобы пристать къ деревнѣ.

Поселеніе расположено очень живописно на высококомъ лѣвомъ берегу главной рѣки и окружено рослымъ, густымъ хвойнымъ лѣсомъ. 10 жилыхъ домовъ со службами были въ полной исправности и порядкѣ; жители (33 мужчины и 23 женщины) имѣли свѣжій и здоровый видъ. Насъ тотчасъ-же отвели въ очень опрятный домъ тайона Мерлина, гдѣ мы встрѣтили пріятливый и радушный пріемъ со стороны хозяевъ. Мерлины принадлежатъ къ очень старому камчадальскому роду, который ведетъ свое начало отъ одного древняго народнаго героя. Предкомъ Мерлиныхъ былъ Божошъ, знаменитый воинъ камчадальскихъ легендъ, обладавшій такой силой, что пущенныя имъ стрѣлы пробивали деревья; далѣе, одинъ изъ Мерлиныхъ побѣдилъ и убилъ великаго харчинскаго витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшаго и грабившаго всю страну.

Въ старину, еще до прихода русскихъ, Машура принадлежала къ числу самыхъ большихъ остроговъ Камчатки, да и теперь еще по своему положенію составляетъ одно изъ наилучшихъ поселеній полуострова. Въ пору перваго водворенія здѣсь рус-

скихъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ этого острога находилась также и русская деревня. При нашемъ посѣщеніи у обывателей Машуры имѣлось рогатаго скота—31 голова и лошадей—7. Огороды здѣсь содержались въ хорошемъ порядкѣ и приносили достаточный урожай. Но во всемъ прочемъ Машура, подобно Толбачѣ, Чапиной и слѣдующему за Машурой вверхъ по рѣкѣ Кыргызанику, принадлежитъ къ числу тѣхъ остроговъ долины рѣки Камчатки, въ которыхъ камчадалскіе нравы и языкъ еще всего менѣе вытѣснены русскими. Между прочимъ и поселенія свои здѣшніе жители, говоря между собою, называютъ исключительно камчадалскими имевами: такъ Толбача называется Толъ-у-ачъ, Чапина — Шепень, Машура — Кыхъ-по-тершъ, Кыргызаникъ — Киргенъ. О своихъ старинныхъ божествахъ и духахъ камчадалы разсказывали слѣдующее. Главное божество Кукхъ со своей женою Какхъ, съ сыномъ Трель-кутханъ и дочерью Ишъ-шакельсъ пребываетъ большею частью на вершинахъ вулкановъ, гдѣ огнемъ пользуется для приготовленія пищи. Перечисленные боги никакого отношенія къ людямъ не имѣли и жили въ полномъ отчужденіи и безсиліи, такъ что камчадалы мало на нихъ обращали вниманія. Напротивъ, эта древняя семья боговъ теперь повсюду осмѣивается за такое — въ высшей степени непрактичное—созданіе страны. Они одарили жителей исключительно лишь высокими горами, да массой снѣга и льда; если они прямо и не причиняютъ людямъ зла, то все таки проку отъ нихъ очень мало. Злой же духъ Сосочелкъ напротивъ того постоянно держится среди людей, чтобы при всякой возможности дразнить ихъ, мѣшать имъ и причинять разныя непріятности. Такимъ образомъ этому злому духу слѣдуетъ приносить жертвы, а также нужно стараться объ умилостивленіи его черезъ шамановъ. Наконецъ въ лѣсахъ и на низкихъ горахъ живутъ еще карлики, Пихлачи, которые зиму и лѣто разбѣзжаютъ по странѣ въ очень маленькихъ сапкахъ, запряженныхъ тетеревами, и постоянно копятъ богатѣйшіе запасы самыхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ. Слѣды отъ крошечныхъ санокъ очень скоро затериваются въ высокой травѣ

или на снѣгу; если однако кому-нибудь удастся найти такой слѣдъ, то ужъ легко поймать и обобратъ крошечнаго возницу. Стоитъ только положить облупленную ивовую жердь поперекъ слѣда: санки разобьются о препятствіе, карликъ же самъ не въ состояніи исправить ихъ и непремѣнно нуждается для этого въ помощи человѣка. Такимъ образомъ охотнику остается только идти по слѣду, который скоро приводитъ къ безпомощному пигмею, просящему выручить его изъ бѣды. Но оказанная помощь должна быть оплачена очень дорого, и этого нужно непремѣнно требовать. Если же человѣкъ встрѣтитъ Пихлача и послѣдуетъ за нимъ по его приглашенію, то неминуемо погибнетъ. Особенно охотно этотъ лѣсной карликъ преслѣдуетъ христіанъ.

21-го августа мы могли тронуться далѣе лишь въ 11 часовъ утра. Мои спутники увѣряли, что при сильныхъ изверженіяхъ Ключевской сопки огонь бываетъ виденъ до Машуры, хотя отсюда не былъ виденъ ни этотъ, ни какой-либо другой вулканъ; послѣднее обстоятельство объясняется впрочемъ тѣмъ, что лѣсистые берега высоко поднимаются надъ водой и заслоняютъ все за собою.

Тотчасъ-же надъ Машурой въ рѣку Камчатку впадаютъ общимъ устьемъ Малая и Большая Кимитина. Обѣ рѣки приходятъ съ лѣвой стороны, слѣдовательно отъ Срединнаго хребта, именно съ такъ называемыхъ Кимитинскихъ горъ, составляющихъ нѣкотораго рода безснѣжное предгоріе для снѣговой Ичинской сопки. Какъ говорятъ, въ этихъ горахъ истоки Большой и Малой Кимитиной очень сближаются съ истоками рѣки Ичи, впадающей въ Охотское море. Такъ образуются перевалы, до которыхъ нетрудно добраться лѣтомъ на верховыхъ лошадяхъ, а зимою на собакахъ, и черезъ которые слѣдовательно легко попасть на западный берегъ полуострова.

Рѣка образуетъ множество большихъ изгибовъ, въ которыхъ течение достигаетъ скорости свыше 7 верстъ въ часъ и слѣдовательно не мало затрудняетъ движеніе идущихъ вверхъ батовъ. Берега состоятъ большею частью изъ высокихъ дилювіальныхъ

массъ, поросшихъ частымъ хвойнымъ лѣсомъ, большею частью пихтой. На одномъ изъ этихъ щебневыхъ и глинистыхъ обрывовъ въ довольно большомъ количествѣ наблюдались выщѣты нечистыхъ квасцовъ, выдѣлившихся въ видѣ иголь. Очень близко отсюда берегъ поднимается крутой стѣной; съ этого обрыва когда-то сорвалась и убилась дѣвушка, что дало поводъ назвать это мѣсто Дѣвичьимъ Яромъ.

Къ вечеру мы проѣхали уже значительно бѣльшую половину пути до Кырганика и на ночлегъ опять расположились на «пескѣ». Ночь была очень холодная, первая за это лѣто, когда термометръ уналь почти до нуля.

22-го августа, въ 6 часовъ утра, мы были уже въ дорогѣ. И здѣсь рѣка течетъ съ сильными изгибами, которые также сопровождаются своими «песками». Она становится замѣтно уже, сохраняетъ быстрое теченіе и, за небольшими исключеніями, совсѣмъ лишена острововъ. На правомъ берегу продолжаютъ дилювіальныя высоты, лѣвый же становится ниже; но оба остаются покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Повсюду, особенно же на пескахъ, валяются массы большихъ камней, большею частью обломки гранитовъ и хлоритовыхъ сланцевъ, къ которымъ въ изобиліи подмѣшаны разные кварцы.

Кырганикъ лежитъ на лѣвомъ берегу небольшого рукава одноименной съ нимъ рѣки. Этотъ рукавъ открывается въ Камчатку; но главное устье, которымъ Кырганикъ впадаетъ въ послѣднюю, находится верстахъ въ двухъ надъ деревней. Истоки Кырганика находятся далеко въ Срединномъ хребтѣ и состоятъ изъ двухъ ручьевъ, изъ которыхъ одинъ приближается къ истокамъ рѣки Оглукоминой (опасный узкій переваль Шануганъ или Поршень), другой — къ истокамъ рѣки Ичи. Здѣсь путешественникъ достигаетъ части Срединнаго хребта, принадлежащей къ числу замѣчательнѣйшихъ пунктовъ по отношенію къ гидрографіи Камчатскаго полуострова. Ичинская сопка, высота которой по Эрману равна 16.900 футамъ, вмѣстѣ со всѣми окружающими ее горами не только составляетъ высочайшій пунктъ во

всемъ Срединномъ хребтѣ, но сверхъ того служитъ еще областью истока множества рѣкъ, текущихъ частью на востокъ, къ рѣкѣ Камчаткѣ (каковы: Калю, Большая Кимитина, Малая Кимитина, Кырганикъ), частью на западъ, къ Охотскому морю (Компакова, Оглукомина, Ича, Сопочная, Морошечная). Утверждаютъ даже, будто отсюда получаетъ притоки и рѣка Тигиль, протекающая гораздо сѣвернѣе. Многочисленныя поперечныя долины, открывающіяся на востокъ и на западъ, почти всѣ представляютъ перевалы, которыми пользуются охотники для перехода черезъ Срединный хребетъ, слѣдовательно онѣ служатъ путями сообщенія между долиной рѣки Камчатки и западнымъ берегомъ полуострова. Жители Сѣданки, какъ говорятъ, по долинѣ Тигиля приближаются къ Ичинской сопкѣ; этимъ-же путемъ пользуются будто-бы и коряки при своихъ кочевкахъ до Ичинской сопки и далѣе на югъ. Всѣ эти перевалы равно пригодны зимою — для ѣзды на собакахъ, а лѣтомъ — на лошадяхъ. То-же относится къ перевалу, ведущему отъ Морошечной къ Ушкамъ; при томъ этотъ путь настолько коротокъ, что между западнымъ берегомъ полуострова и Ушками приходится переночевать въ дорогѣ одинъ только разъ. Высоты вокругъ Ичинской сопки (называемой также Ичинской Вершиной, Бѣлой Сопкой и Уахларомъ) составляютъ, какъ говорятъ, любимое лѣтнее мѣстопробываніе коряковъ, гдѣ свѣжій, благодаря близости снѣга, воздухъ удивительно смягчаетъ муки, причиняемыя комарами, и гдѣ кромѣ того имѣются хорошія пастбища. Отсюда эти кочевники, подобно ламутамъ, проходятъ, говорятъ, по самому Срединному хребту и вдоль него далеко на югъ, до Большерѣцка. Много лѣтъ тому назадъ кырганикскіе охотники даже встрѣтили однажды кочующими здѣсь камчадаловъ съ Морошечной, которые ушли въ горы, чтобы избавиться отъ податей. Эти кочевники имѣли небольшое стадо одомашненныхъ горныхъ барановъ.

Несомнѣнно, что Ичинская сопка, по крайней мѣрѣ судя по ея конусообразной формѣ, представляетъ старый, нынѣ не дѣйствующій вулканъ, который, нужно думать, прорвалъ и нару-

шла отложенную здѣсь древнюю осадочную породу, извѣстную мнѣ по рассказамъ мѣстныхъ жителей. По этимъ рассказамъ, на восточномъ склонѣ, идя къ Оглукоминной, встрѣчаются сланцы, разбивающіеся на большія, темныя плиты. Такая-же сланцевая формація встрѣчается, какъ говорятъ, къ востоку отъ Кырганика, въ Валагинскихъ горахъ, гдѣ подобныя плиты найдены по верхнему теченію рѣки Жупановой. Валагинскія горы видны изъ Кырганика на востокъ и юго-востокъ; ограничивая долину рѣки Камчатки, онѣ тянутся далѣе къ югу, и это южное ихъ продолженіе, нужно думать, совпадаетъ съ Милковскими горами Эрмана.

Кырганикъ расположенъ въ очень привлекательной мѣстности, близъ лѣса. 9 домовъ, составляющихъ это поселеніе, производятъ впечатлѣніе порядка. У жителей (31 мушина и 26 женщинъ) имѣются 30 головъ рогатаго скота, 4 лошади и обширные огороды. Мы встрѣтили радушный пріемъ въ чистомъ домѣ тайопа Пермякова, гдѣ я познакомился съ нѣсколькими престарѣлыми мѣстными охотниками, которые всю свою жизнь пробродили по обширной части страны и потому могли сообщить мнѣ множество цѣнныхъ географическихъ указаній. Одинъ изъ нихъ, отецъ нынѣшняго тайона, былъ очень старъ (по его собственнымъ словамъ, ему было уже болѣе 90 лѣтъ); другой, прежній тайонъ острога Афанасій Чуркинъ, также былъ старше 70 лѣтъ. Разказы обоихъ очень согласовались между собою и взаимно дополняли другъ друга. Данныя, сообщенныя выше объ Ичинской сопкѣ и ея окрестностяхъ, заимствованы изъ разказовъ этихъ стариковъ; изъ того-же источника я почерпаю еще ниже-слѣдующее. Старый Пермяковъ очень живо вспоминалъ еще о времени (въ пору управленія Камчаткой майора Бема, прибывшаго сюда въ 1773 г.), когда самый оживленный путь между Петропавловскомъ и Нижнекамчатскомъ шель еще вдоль восточнаго берега, а не такъ какъ теперь, съ громаднымъ обходомъ—черезъ долину рѣки Камчатки. Пермякову пришлось нѣсколько разъ проѣхать по этому пути и неоднократно побывать во мно-

гихъ большихъ острогахъ, лежавшихъ вдоль старой дороги. Теперь тамъ всюду безлюдно и мертво. Сперва (въ 1768 г.) тамъ произвела страшное опустошеніе оспа, а затѣмъ начальники края насильственно перевели остатки населенія въ долину рѣки Камчатки. До только что упомянутой сильной эпидеміи оспы существовало оживленное сообщеніе какъ между острогами, находившимися въ долинѣ рѣки Камчатки, и западнымъ берегомъ полуострова (черезъ перевалы Срединнаго хребта), такъ и — да еще въ большей мѣрѣ — съ восточнымъ берегомъ Камчатки, черезъ восточныя горы; такимъ образомъ ѣздили въ Петропавловскъ, на рѣку Жупанову, на Кроноцкое озеро и во всѣ мѣста по Великому океану. Валагинскія горы, изобилующія дикими баранами и сѣверными оленями, также прорѣзаны нѣсколькими хорошими перевалами. Съ этихъ горъ течетъ рѣка Валагинъ, истоки которой образуются тремя ручьями на высокой оленней тундрѣ; отсюда-же течетъ и болѣе крупный ручей — Ветлова, впадающій въ рѣку Камчатку немного повыше Кыргызника. Точно также, говорятъ, и Китилгина начинается на высокой горной тундрѣ; она впадаетъ въ Камчатку между Машурой и Чапиной и составляетъ переходъ на востокъ, къ западному истоку рѣки Жупановой. Не менѣе важно значеніе области истоковъ рѣки Чапиной: здѣсь имѣется водораздѣлъ, изобилующій удобными для верховыхъ лошадей перевалами. Здѣсь-же начинаются и два истока рѣки Чапиной и одинъ истокъ Толбачи, а къ востоку, на сѣверъ отъ Кроноцкаго озера, въ Тихій океанъ течетъ рѣка Часма; вмѣстѣ съ тѣмъ въ это обширное озеро стекаютъ многочисленныя ручьи. Наконецъ къ югу направляется главный притокъ рѣки Жупановой. Послѣдняя рѣчная область, отличающаяся почти полнымъ отсутствіемъ лѣса, отдѣлена отъ рѣки Камчатки только Кинце-клинскими и Валагинскими горами, составляющими водораздѣлы; но въ то время какъ Камчатка течетъ на сѣверъ, Жупанова, принадлежащая къ числу самыхъ большихъ рѣкъ полуострова, течетъ прямо на югъ. Показанія моихъ собесѣдниковъ относительно большаго «залива», простирющагося далеко на югъ и

видѣннаго нами у устья рѣки Жупановой, вполне согласовались съ собственными моими наблюденіями; намъ рассказывали также о трехъ острогахъ, когда-то процвѣтавшихъ на берегу этой рѣки. Истоки рѣкъ Вахилия и Халигера, изъ которыхъ первая впадаетъ въ океанъ сейчасъ-же къ югу отъ мыса Шилунскаго, вторая—сейчасъ-же къ сѣверу отъ него, также находятся близъ Жупановой сопки. Кырганикскіе охотники проникали черезъ переваль въ Валагинскихъ горахъ въ эти рѣчныя долины и такимъ путемъ доходили до Петропавловска. О Николѣ мнѣ сообщали, что онъ начинается въ болотахъ у подошвы Квинцеклы и имѣеть лишь весьма короткое теченіе. Мои старые собесѣдники часто охотились на рѣкѣ Семячикѣ, а также въ прилежащей къ этой рѣкѣ мѣстности. Ручей, составляющій сѣверный истокъ Семячика, начинается въ горячихъ ключахъ. На рѣкѣ, не очень далеко отъ устья, имѣется водопадъ, высота котораго равна двумъ саженимъ; верстахъ же въ трехъ отъ того-же устья и въ недалекомъ разстояніи отъ берега рѣки растетъ совершенно изолированный пихтовый лѣсъ, занимающій около половины квадратной версты, между тѣмъ какъ вокругъ на обширномъ пространствѣ за исключеніемъ ползучаго кедра никакого другаго хвойнаго растенія не встрѣчается. Прежніе жители острога на Семячикѣ начали было строить часовню изъ пихтоваго лѣса; но сперва оспа, а затѣмъ переселеніе оставшагося народа въ другое мѣсто уничтожили острогъ; теперь видны еще послѣдніе остатки этой постройки. Къ сѣверу отъ устья Семячика въ небольшую губу Клокенмичь впадаетъ очень горячій ручей, образуемый многочисленными горячими ключами, близъ которыхъ, говорятъ, находится солфатара. Неподалеку отсюда поднимается также сопка Семячикъ (Большой); послѣдній лѣтъ 50 тому назадъ представлялъ еще высокій, острый и дѣятельный конусъ (то-же подтверждали мнѣ впоследствии жители Милковой и Верхнекамчатска). Но затѣмъ конусъ при сильномъ изверженіи обрушился и совершенно прекратилъ вулканическую дѣятельность. Теперь гора представляется въ видѣ сильно притупленнаго конуса, который снова сталъ вы-

дѣлать столбы пара лишь тому назадъ года три. Упомянутое большое изверженіе происходило съ такой силой, что выбрасываемые камни, довольно большихъ размѣровъ, залетали въ море.

Близъ Кронцокаго озера имѣется другое небольшое озеро, на берегу котораго находится горящая солфатара и въ которое съ одной стороны впадаютъ многочисленныя горячіе ключи. Это маленькое озеро посредствомъ ручья Хемчичъ открывается въ Кронцоцкое озеро и имѣетъ воду настолько теплую, что никогда, даже въ самый сильный холодъ, не замерзаетъ. Къ западу отъ Кронцокаго озера поднимается вулканъ Унана, близъ котораго выходятъ такіе горячіе ключи, что въ нихъ даже можно быстро сварить яйцо; горячіе ключи находятся также у подошвы Кронцоцкой сопки.

На Кронцокомъ озерѣ поднимается 12 небольшихъ, поросшихъ одинокими березами, скалистыхъ острововъ. Въ водахъ озера живетъ весьма вкусная рыба изъ рода лососей (голецъ), который не можетъ проникать сюда изъ моря (такъ какъ этому мѣшаетъ высокій водопадъ — единственный истокъ озера), а живетъ здѣсь совершенно изолированно и для нереста входитъ въ небольшіе ручьи. Вода падаетъ съ такой высоты изъ озера и образуетъ при этомъ такую большую дугу, что подъ водопадомъ и позади него имѣется хорошо утоптанная, широкая медвѣжья тропа. Небольшіе лѣсочки состоятъ здѣсь только изъ корявыхъ березъ, между тѣмъ какъ хвойныя деревья появляются лишь гораздо западнѣе, въ долинѣ р. Камчатки.

Къ сожалѣнію, старики могли сообщить мнѣ лишь эти краткія и неполныя свѣдѣнія, которыя я и передаю здѣсь. Тѣмъ не менѣе я считаю нелишнимъ привести ихъ здѣсь, такъ какъ они относятся къ очень мало извѣстной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени интересной мѣстности; къ тому-же эти данныя впоследствии были подтверждены разспросами и въ другихъ мѣстахъ.

23-го августа мы могли тронуться въ дальнѣйшій путь лишь въ 11 часовъ. Сильное противное теченіе, скорость котораго

равнялась приблизительно 7 верстамъ въ часть, очень мѣшало движенію неуклюжихъ батовъ. Рѣка все еще имѣла ширину въ 50—60 сажень, при глубинѣ въ 2—3 аршина. Сначала на нѣкоторомъ протяженіи на берегахъ еще виднѣлось немного хвойнаго лѣса, но затѣмъ онъ совершенно исчезъ, такъ какъ мы находились на южной границѣ его своеобразнаго островнаго распространенія. Хвойный лѣсъ, состоящій изъ лиственницы и пихты, простирается отъ Кырганика до Еловки и по долинѣ р. Камчатки, версть на 10 по обѣ стороны ея. Затѣмъ во всей остальной Камчаткѣ этихъ деревьевъ нигдѣ не видно: ихъ нѣтъ ни къ сѣверу отъ Еловки, ни къ югу отъ Кырганика, ни къ западу, на Среднемъ хребтѣ или на западномъ берегу, ни къ востоку—на восточныхъ горахъ, за исключеніемъ развѣ упомянутаго выше маленькаго островнаго лѣска на р. Семячикѣ. Зато ползучій кедровникъ (*Pinus sembra pumila*) и можжевельникъ въ изобиліи растутъ по всей странѣ, отъ сѣвера до юга. Здѣсь, съ переходомъ черезъ южную границу высокихъ хвойныхъ деревьевъ, они замѣняются тополями, а еще болѣе—высокоствольными ивами (ветлова). Тѣ и другія разрастаются въ прекрасныя, высокія, стройныя деревья; это особенно относится къ ивамъ, съ ихъ очень умѣренно вытянутыми, ярко-зелеными листьями. Я нерѣдко встрѣчалъ деревья, имѣвшія, при толщинѣ ствола въ 14—16 дюймовъ, вышину въ 8—10 сажень и доставлявшія хорошія, годныя для построекъ бревна въ 4—5 сажень длины. Эта ива по всей Камчаткѣ, за исключеніемъ области хвойнаго лѣса, доставляетъ очень цѣнный матеріалъ для построекъ.

Съ востока долина Камчатки ограничивается сперва Кинцелинскимъ, затѣмъ Валагинскимъ хребтомъ, проходящими не въ особенно далекомъ разстояніи отъ рѣки и раздѣленными другъ отъ друга очень замѣтнымъ переваломъ, который ведетъ къ рѣкамъ Жупановой и Семячику. Сперва мы прошли мимо устья ручья Азанычъ, идущаго изъ тундры и впадающаго съ правой стороны въ р. Камчатку, затѣмъ мимо устья р. Валагинъ и въ 5 часовъ были у небольшой рѣчки Милковки, впадающей въ Камчатку

слѣва. Мы вѣхали въ Милковку и поднялись вверхъ по ней немного, насколько только допускало мелководье, послѣ чего намъ пришлось пройти пѣшкомъ еще съ полверсты, чтобы добраться до большой русской деревни Милковой; здѣсь мы встрѣтили хорошій и радушный пріемъ въ домѣ старосты Кошкарева. Милковка—небольшая рѣченка, едва имѣющая 3 версты въ длину и приходящая изъ мокрой тундры; весной же она становится обыкновенно очень многоводной и стремительной. На берегу ея, не болѣе какъ въ разстояніи версты отъ главной рѣки, расположена деревня. 27 домовъ съ красивой деревянной церковью, со всѣми пристройками и большими огородами образуютъ длинную и широкую улицу. Жители (при нашемъ посѣщеніи 110 душъ мужескаго и 101 душа женскаго пола) русскаго происхожденія и имѣютъ 105 головъ рогатаго скота и 20 лошадей. Указомъ отъ 26-го іюля 1733 г. Императрица Анна повелѣла завести земледѣліе въ Камчаткѣ, и для приведенія въ исполненіе этого указа въ 1738 и 1744 г.г. съ береговъ Лены въ Камчатку переведено было 20 русскихъ крестьянскихъ семей, изъ числа которыхъ 9 было поселено въ Большерѣцкѣ, 5 въ Милковой (что и послужило причиной ея возникновенія) и 6 въ Нижнекамчатскѣ. Переселенцы привезли съ собою зерно на посѣвъ, рогатый скотъ и лошадей и должны были ввести земледѣліе въ страну. Въ Большерѣцкѣ, по случаю раннихъ и сильныхъ морозовъ, попытка эта съ самаго начала кончилась полнѣйшимъ неуспѣхомъ, такъ что 9 тамошнихъ семей уже въ 1758 г. переведены были въ Милкову, гдѣ онѣ стали устраивать и обрабатывать поля подъ надзоромъ лейтенанта Холмовскаго. Въ 1760 г. земледѣліе въ Камчаткѣ достигло наибольшихъ результатовъ, но съ того времени снова сильно упало. Нѣкоторые начальники края, напр. Бемъ (1773 г.), Сомовъ (1799 г.), Кошелевъ (1802 г.), Голенищевъ (1825 г.), энергично старались о поднятіи сельскаго хозяйства; другіе же напротивъ скорѣе препятствовали, чѣмъ содѣйствовали этому. Но какъ бы то ни было, всякія мѣры оказывались бесполезными—ночные морозы все портили. И въ на-

оящее время обыватели прилежно работают, но, какъ и въ ключахъ, болѣе изъ послушанія начальству, чѣмъ по собственному убѣжденію, по которому, напротивъ, всѣ труды и старанія мледѣльца должны остаться совершенно безплодными. Повсюду въ Камчаткѣ населеніе высказываетъ одно и то-же очень опостельное мнѣніе, а именно, что безъ дождей пепла съ вулкановъ нельзя ждать урожая. Такіе дожди дѣлаютъ поверхность тѣга темной, слѣдовательно громадныя массы его скорѣе и рабѣ поддаются дѣйствию солнечныхъ лучей. Въ силу этого можно при такихъ условіяхъ раньше закончить посѣвъ, и хлѣбъ соубетъ еще до морозовъ. При нашемъ посѣщеніи ячмень и овесъ гоали очень хорошо и были еще совсѣмъ зелены, а ночные морозы между тѣмъ уже наступили.

Съ 1774 до 1780 г. въ Милковой получалось желѣзо изъ очень плохой болотной руды и всего добыто 275 пудовъ; но, такъ какъ качество желѣза было очень неудовлетворительно, то и добываніе прекратилось.

Къ большой выгодѣ и пользѣ страны въ 1846 г. по всей Камчаткѣ введено было разведеніе въ огородахъ картофеля и овощей, напр. капусты, рѣпы и пр. Эти огороды, постоянно расположенные въ непосредственной близости домовъ, всегда освобождаются гораздо рапѣ отъ снѣга; наконецъ на небольшихъ площадяхъ можно въ случаѣ надобности и пособить горю, такъ что работа на огородахъ начинается гораздо ранѣе чѣмъ на обширныхъ, дальнихъ поляхъ, а потому большею частью приводитъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Если какъ нибудь и случится раньше времени ночной морозъ, то, самое большее, почернѣетъ картофельная ботва, между тѣмъ какъ клубни останутся подъ защитой земли; капуста же выдерживаетъ небольшой морозъ безъ всякаго для себя вреда.

Далѣе въ 1847 г. въ Ключахъ и Милковой былъ введенъ въ высшей степени полезный промыселъ. Камчадалская крапива повсюду достигаетъ необыкновеннаго роста и часто образуетъ обширныя чащи. Обывателей научили изготовлять

пряжу изъ крапивы, и въ настоящее время нерѣдко можно видѣть сдѣланныя изъ этого матеріала рыболовныя сѣти, а также прочную хорошую ткань, употребляемую для бѣлья.

Утромъ 24-го августа послѣ сильнаго ночнаго мороза мы вышли изъ дому, чтобы осмотрѣть деревню, огороды и поля. Глазамъ нашимъ представилась картина жестокаго опустошенія, произведеннаго холодомъ среди еще зеленой, сочной растительности полей. Опять все пропало, опять потеряна была масса труда и хлопотъ! Только рѣдкій годъ обходится безъ раннихъ морозовъ и слѣдовательно столь-же рѣдкій годъ удается крестьянину собрать свою жатву.

Населеніе Милковой во всѣхъ отношеніяхъ сходно было съ населеніемъ Ключей. При всемъ стараніи обывателей жить по православному, по русски, въ общемъ складѣ ихъ жизни сказывались тѣмъ не менѣе кое-какія чисто камчадалскія черты. Это обнаруживалось прежде всего тѣмъ, что обычный рыбный промыселъ игралъ здѣсь не меньшую роль, чѣмъ у камчадаловъ; ясно было, что рыболовство составляетъ главный источникъ существованія для населенія. При нашемъ посѣщеніи Милковой шель въ большомъ количествѣ кизучъ, но очень часто встрѣчался еще и хайко. Какъ въ Кырганикѣ и Машурѣ, такъ и здѣсь небольшіе ручьи были перегорожены заборами, и наполненные рыбой корзины передавались на берегу женщинамъ, приготовлявшимъ изъ нея зимніе запасы.

Начиная отсюда, трудно плыть въ батахъ вверхъ по Камчаткѣ, потому что теченіе становится очень сильнымъ и часто встрѣчаются мели. Такимъ образомъ мы распорядились, чтобы сегодня же намъ пригнали съ пастбища лошадей, необходимыхъ для продолженія путешествія.

Съ запада въ большомъ отдаленіи виднѣется Срединный хребетъ, который тянется на горизонтѣ надъ далеко раскинувшейся долиною рѣки, а съ востока довольно близко подходят Валагинскія горы, образующія собою не особенно высокую скалистую цѣпь безъ выдающихся вершинъ. Особенно близкимъ кажется

переваль, изъ котораго выходитъ р. Валагинъ. Когда происходило послѣднее изверженіе Большаго Семячика, столбъ огня и пара видѣлся какъ разъ надъ этимъ переваломъ, т. е. подъ 117° отъ Милковой. Далѣе къ сѣверу очень замѣтенъ еще переваль, изъ котораго выходитъ Китилгина. Съ восточнаго склона Валагинскихъ горъ по этой мѣстности стекають къ р. Жупаповой два притока ея, Кабелкы и Катакеничь. Галешникъ въ рѣчкахъ и ручьяхъ окрестностей Милковой состоитъ исключительно изъ гравитовъ, кварцевъ и сланцевъ, похожихъ на зеленокаменную породу.

25-го августа, послѣ очень сильнаго ночпаго мороза, стоялъ прекрасный, ясный осенній день. Насъ ожидали уже 4 лошади: для меня, Шестакова и проводника по одной, для багажа — четвертая. Но такъ какъ разстояніе до Верхнекамчатска составляетъ всего только 12 верстъ, и такъ какъ старикъ Кошкаревъ очень радушно пригласилъ насъ еще пообѣдать у него, то отъѣздъ нашъ и былъ отложенъ до часу дня. Дорога почти непрерывно шла по твердому, сухому грунту; мы пересѣкли три небольшихъ ручья по довольно первобытнымъ мостамъ. Большая часть пути была покрыта лѣсомъ. Суковатые березы (*B. Ermant*) съ боярышникомъ, чернотальникомъ (*Salix pentandra*), шиповникомъ, громаднымъ *Epilobium* и высокой травой смѣнялись на болѣе сырыхъ мѣстахъ тополями и высокоствольными ивами (ветлова), между тѣмъ какъ по берегамъ небольшихъ ручьевъ и канавокъ узкая дорога вилась среди самой густой чащи громадныхъ многолѣтнихъ травъ. *Heracleum*, *Filipendula kamtschatica*, *Senecio cannabifolius*, а часто также крапива достигаютъ здѣсь такой высоты, что совершенно скрываютъ всадника вмѣстѣ съ лошадыю. Шестаковъ, первый разъ въ жизни сидѣвшій на лошади, къ величайшей потѣхѣ своихъ спутниковъ имѣлъ очень жалкую физиономію, особенно когда лошадь пускалась рысью; но онъ скоро вышелъ изъ этого непріятнаго положенія, такъ какъ въ 5 часовъ мы были уже въ Верхнекамчатскѣ. Сперва мы проѣхали мимо совершенно оставленной теперь пустынной Варлатовки,

гдѣ полковникъ Сомовъ, доставившій по повелѣнію императора Павла въ 1799 г. два батальона солдатъ въ Камчатку, выстроилъ дома для одной части команды. Послѣ того какъ въ 1813 г. эти солдаты опять были отозваны изъ Камчатки, Варлатовка болѣе не заселялась и превратилась въ груды развалинъ, остававшихся еще при нашемъ проѣздѣ. Затѣмъ мы миновали обширныя и очень хорошія сѣнокосы жителей Верхнекамчатска и наконецъ достигли р. Андреяновки, на берегахъ которой, не очень далеко отъ впаденія ея въ Камчатку, и расположенъ самъ Верхнекамчатскъ. Андреяновка — небольшая рѣчка, но имѣющая значеніе благодаря тому, что два ручья, которыми она начинается въ Срединномъ хребтѣ, доставляютъ удобные перевалы на западный берегъ. Одинъ изъ этихъ ручьевъ ведетъ къ истокамъ Оглукоминной, другой — къ истокамъ Компаковой. Взявъ пеленги, я нашелъ указанное мнѣ мѣсто истоковъ подъ 290° и начало Кыргызанъ подъ 310°.

Галешникъ, который наполняетъ въ очень большомъ количествѣ Андреяновку, состоитъ изъ зеленокаменныхъ породъ, гранитовъ, слюдяныхъ сланцевъ и всякаго рода кремней; изъ чего можно заключить, что Срединный хребетъ въ этой мѣстности состоитъ преимущественно изъ плутоническихъ породъ.

Верхнекамчатскъ принадлежитъ къ числу наиболѣе старыхъ русскихъ поселеній въ Камчаткѣ и основанъ Атласовымъ уже въ 1703 г., одновременно съ Большерѣцкомъ. Сперва Верхнекамчатскъ игралъ роль укрѣпленія, потомъ онъ былъ переименованъ въ городъ и служилъ резиденціей для сборщика ясака. Теперь это только подобіе камчадальскаго острога, и въ немъ не осталось и слѣда прежняго блеска. 10 домовъ съ пристройками и огородами, часовня и кузница безпорядочно разбросаны по лѣвому берегу Андреяновки. Жители (21 душа мужескаго и 32 души женскаго пола), имѣющіе 34 головы рогатаго скота и 10 лошадей, занимаются жалкимъ скотоводствомъ и огородничествомъ; главное же ихъ занятіе заключается въ рыболовствѣ и охотѣ. Рыба и здѣсь составляетъ главную пищу населенія. Ста-

рипный русскій складъ жизни замѣтенъ здѣсь въ очень слабой степени, камчатскій же, напротивъ, всюду выступаетъ на первый планъ. Къ счастью, жителей Верхнекамчатска не такъ сильно принуждаютъ къ земледѣлію какъ жителей Милковой и Ключей, и такимъ образомъ первые избавлены отъ бесплодныхъ трудовъ и работъ.

Утромъ 26-го августа стояла прекрасная, хотя очень холодная погода. Вообще со времени моего отъѣзда изъ Кырганика температура замѣтно измѣнилась. Въ Толбачѣ и даже въ Машурѣ ночи были еще довольно теплыя, а начиная съ Милковой внезапно пошли ночные морозы. Правда, страна здѣсь повышается (Верхнекамчатскъ по Эрману лежитъ на высотѣ 900 футовъ), но повышение это происходитъ не круто и во всякомъ случаѣ оно не очень значительно; горы тоже подходятъ сюда не слишкомъ близко и вообще не богаты снѣгомъ.

Въ 8 часовъ мы были готовы къ отъѣзду, переправились сперва въ батахъ черезъ Камчатку и затѣмъ, все оставаясь на правомъ берегу ея, поѣхали верхомъ въ Шарому, лежащую въ 34 верстахъ отсюда.

Противъ Верхнекамчатска находится устье р. Ковычи (по Эрману — Повычи), текущей съ Валагинскихъ горъ. На верхнемъ теченіи ея находится общеизвѣстный въ Камчаткѣ переваль Верблюжье горло, котораго такъ боятся при зимнихъ поѣздкахъ. Онъ ведетъ къ системамъ рѣкъ Жупановой, Вахилия и Налачевой и составляетъ слѣдовательно очень близкую дорогу въ Петропавловскъ, которой часто пользовались въ старину. Эготъ переваль очень узокъ и нерѣдко прикрытъ большими, нависшими снѣговыми массами; иногда достаточно ничтожнаго сотрясенія воздуха, произведеннаго напр. какимъ нибудь звукомъ, чтобы снѣговая масса свалилась и погребла подъ собою путника. Продолжая нашу поѣзду, мы снова увидѣли рѣку Камчатку лишь у Шаромы, которая расположена на правомъ берегу рѣки, здѣсь уже узкой и очень стремительной. Дорога почти непрерывно шла по слабо волнистой, покрытой лѣсомъ мѣстности. Картина расти-

тельности была и тутъ та-же, что и у Верхнекамчатска: опять березы со своимъ подсѣдомъ на высотахъ, затѣмъ тополи и высокоствольныя ивы и наконецъ на самыхъ низкихъ мѣстахъ.—огромное развитіе многолѣтнихъ травъ. Приблизительно на серединѣ пути мы переправились черезъ Клюквину, которая также течетъ съ Валагинскихъ горъ въ главную рѣку и въ руслѣ которой мы встрѣчали только гальки плотныхъ сланцевъ, кремневыхъ и гранитовыхъ породъ. Здѣсь мы остановились на короткое время и развели большой огонь, чтобы обсушить наше платье, насквозь промокшее при ѣздѣ по высокой, сырой травѣ.

Въ 4 часа мы прибыли въ Шарому. 9 домовъ этого поселенія и небольшая часовня лежатъ у самого берега главной рѣки и вмѣстѣ съ тѣмъ у устья одноименной небольшой горной рѣчки. Уже дорогой начался дождь, промочившій насъ до костей; теперь же лило такъ, что оставалось только радоваться найденному убѣжищу въ тепломъ и уютномъ домѣ тайона. Радужный хозяинъ хорошо угостилъ насъ, мы же отблагодарили его за гостеприимство чаемъ.

Утромъ 27-го августа опять стояла чудная, ясная погода. Вчерашній дождь и высокая, пропитанная водой трава до того промочили нашъ багажъ и платье, что на сегодня у насъ было достаточно дѣла съ просушкой вещей, а потому пришлось остаться въ Шаромѣ. Но послѣдній дождь, встрѣченный нами въ долинѣ, выпалъ на высотахъ въ видѣ снѣга, такъ что всѣ горы засіяли ослѣпительной бѣлизной. Здѣсь долина р. Камчатки опять представлялась значительно суженной. Съ восточной стороны, въ не очень большомъ разстояніи къ югу отъ Валагина, горы подошли ближе къ рѣкѣ и стали круче; точно также приблизились съ запада, хотя и не въ такой степени какъ восточныя высоты, зубчатая уже покрытая снѣгомъ горы Срединнаго хребта.

Жители Шаромы (33 мушьяны и 41 женщина) уже болѣе производятъ впечатлѣніе чисто камчадалскаго происхожденія. Тайономъ здѣсь былъ тоже Мерлинъ, происходившій изъ проживающей въ Машурѣ отрасли этой фамиліи. Здѣсь царить по-

рядокъ и здоровье; повидимому обыватели отличаются даже нѣкоторой зажиточностью. Превосходные сѣнокосы окрестныхъ мѣстъ доставляютъ болѣе чѣмъ достаточно корма для имѣющихся здѣсь 36 головъ рогатаго скота, а на огородахъ поспѣваетъ достаточно овощей для людей. Точно также богатую добычу даютъ охота и рыбная ловля. Мѣстность здѣсь изобилуетъ соболями, рѣка полна лососей, хотя послѣдніе приходятъ сюда гораздо позже чѣмъ въ низовья Камчатки и кромѣ того являются уже сильно отощавшими послѣ продолжительнаго и изнурительнаго путешествія вверхъ по рѣкѣ. При нашемъ посѣщеніи шла еще красная рыба и хайко; ходъ же кизуча только что начался.

Въ Шаромѣ мнѣ дважды приходилось вспомнить о давно прошедшей старинѣ. Прежде всего я увидѣлъ тамъ каменный топоръ, принадлежавшій тайону и хранившійся какъ древняя святыня. Этотъ древній, почтенный памятникъ каменнаго вѣка въ Камчаткѣ уже вышелъ изъ употребленія; но мнѣ сегодня-же еще пришлось видѣть, какъ выдалбливали стволъ ивы желѣзнымъ топоромъ, сдѣланнымъ совершенно на подобіе каменнаго. Каменный топоръ имѣлъ въ длину 5 дюймовъ, его очень острое лезвее — 3 дюйма. Весь камень, прочный темно-сѣрый кварцъ, былъ очень плоско сточенъ; конецъ, противоположный острію, былъ значительно суженъ, вставленъ въ сильно изогнутый конецъ толстой палки и укрѣпленъ здѣсь ремнями. Тайонъ сообщилъ мнѣ, что очень старые люди въ Камчаткѣ всѣ еще прекрасно помнятъ время, когда подобные каменные топоры и другія каменные орудія были во всеобщемъ употребленіи. Теперь желѣзо стало общедоступнымъ матеріаломъ и поэтому старинныя каменные орудія совсѣмъ исчезли.

Другимъ памятникомъ старины оказалась коса, въ которую были заплетены волосы одного пришедшаго ко мнѣ очень стараго туземца. Такая прическа, очень распространенная, судя по рассказамъ, въ Камчаткѣ въ прошломъ столѣтіи и теперь еще вполне уцѣлѣвшая среди многихъ сибирскихъ пнородцевъ (напр.

тунгузовъ, гиляковъ и др.), здѣсь въ настоящее время совершенно вывелась. Къ сожалѣнію, старикъ могъ сообщить мнѣ очень мало про старину. Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, онъ, по приказанію тогдашняго начальника края, долженъ былъ оставить свою любимую родину и переселиться въ Верхнекамчатскъ. Старикъ былъ родомъ съ западнаго берега, гдѣ онъ жилъ со многими другими земляками въ области истоковъ р. Воровской. По его рассказамъ, охота тамъ чрезвычайно богата; соболя, лисицы, каменные бараны, сѣверные олени и медвѣди водятся въ изобиліи, а также достаточно и рыбы. Жилось тамъ очень привольно и хорошо, и съ тяжелымъ сердцемъ разстались бѣдняки со своей родиной. Эта мѣстность, по словамъ старика, представляетъ собою очень дикую и скалистую страну, гдѣ всѣ охотничьи скитанія совершались исключительно пѣшкомъ, потому что на лошади пройти тамъ удается лишь съ трудомъ.

Тайонъ и его семейство все время оставались при мнѣ, осылая меня всякими знаками вниманія и любезностями; такимъ образомъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ ихъ по истинѣ счастливой семейной жизнью. Тайонъ привелъ ко мнѣ своего внука, лѣтъ десяти, и сообщилъ мнѣ, что мальчикъ уже учится управлять батомъ и обращаться со своимъ маленькимъ ружьемъ; такое раннее обученіе, прибавилъ тайонъ, въ Камчаткѣ необходимо, такъ какъ тамъ хорошо прожить здѣсь можетъ только очень умѣлый человѣкъ. Кромѣ того этотъ мальчикъ тоже Мерлинъ, а потому съ ранняго возраста долженъ стараться подражать своимъ древнимъ героямъ-предкамъ. Въ Шаромѣ также былъ извѣстенъ богатырь Божошъ, и здѣсь камчадалы прославляли его необыкновенную силу и ловкость. Богатырь этотъ, охотясь за дикими баранами, догонялъ на бѣгу этихъ быстрыхъ животныхъ и убивалъ ихъ копьемъ, такъ что спутникамъ его никогда не приходилось сдѣлать ни одного выстрѣла.

Отецъ тайона въ Верхнекамчатскѣ выучился чтенію и письму отъ Ивашкина, политическаго преступника, сосланнаго въ Камчатку Императрицей Елизаветой (объ Ивашкинѣ еще теперь

часто приходится слышать въ Камчаткѣ). Благодаря своей грамотности этотъ отецъ впоследствии былъ отправленъ начальникомъ края Бемомъ въ качествѣ учителя въ Большерѣцкѣ. Тамъ родился теперешній тайонъ, тамъ-же онъ познакомился со своей женой, дочерью козака, и женился. Впоследствии его перевели въ Шарому.

Послѣ очень холодной ночи, я довольно рано утромъ 28-го августа хотѣлъ уже тронуться въ дальнѣйшій путь; по мой радужный хозяинъ, а еще болѣе козачка-хозяйка ни за что не хотѣли отпустить насъ не накормивши. И такъ, мы могли уѣхать лишь въ 10 часовъ, послѣ настоящаго завтрака, при которомъ, по сибирскому обычаю, столы ломились подъ тяжестью блюдъ. Мы оставались на правомъ берегу р. Камчатки до Пущиной, которая также расположена на этомъ-же берегу. Дорога пошла большей частью сухой тундрой, которая поросла травой и одинокими или собранными въ небольшія группы березами, рябиной, боярышникомъ, жимолостью и чернотальникомъ. На нѣкоторыхъ пизменныхъ мѣстахъ опять встрѣтились чащи шаламайника и баранника. Черемуха, начиная съ Верхнекамчатска, стала встрѣчаться рѣже, а здѣсь ужъ почти не попадалась; какъ говорятъ, одинокіе экземпляры ея изрѣдка встрѣчаются еще на самомъ берегу главной рѣки. Зато мѣстами стала появляться ольха (*Alnus incana*). Такимъ образомъ узкая тропа, совершенно схожая съ медвѣжьей, ведетъ всадника на протяженіи 32 верстъ до Пущиной. Благодаря постоянному приближенію лѣсистыхъ предгорій восточныхъ и западныхъ горъ, долина рѣки все суживалась; у Пущиной эти предгорія повидимому ужъ соединились другъ съ другомъ. Раннимъ вечеромъ мы пріѣхали въ Пущину и теперь только опять увидѣли р. Камчатку, которая уменьшается здѣсь до размѣровъ совсѣмъ ничтожной рѣчки. У Пущиной вода опять кишѣла большими лососями (хайко), которые почти всѣ были сплошь окрашены въ красный цвѣтъ; только голова ихъ представлялась темно-оливковозеленой. Описываемая окраска появляется у этихъ рыбъ послѣ продолжительнаго хода и утомительной борьбы съ сильнымъ теченіемъ.

Четыре дома поселенія расположены на берегу рѣки и производятъ довольно грустное впечатлѣнiе; но еще болѣе грустное впечатлѣнiе производятъ несчастные жители (11 мужчинъ и 8 женщинъ), которые почти всѣ, въ ожиданiи страшнаго конца, лежали зараженные отвратительной и прилипчивой болѣзью, покрытые ранами и язвами. Уже съ самаго перваго своего поселенія въ Камчаткѣ завоеватели-козаки своимъ распутствомъ и развратомъ внесли сюда этотъ страшный ядъ, который теперь передается изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, все болѣе и болѣе ухудшаясь и становясь все разрушительнѣе. Быть можетъ исключительно рыбная пища благоприятствуетъ болѣзни, которая истребляетъ ни въ чемъ не повинное населенiе, совершенно безпомощное въ борьбѣ съ убійственнымъ недугомъ.

Чтобы по возможности избѣгнуть всякихъ сношенiй съ обывателями, мы расположились, какъ могли, въ сѣняхъ дома, принадлежавшаго тайону и казавшагося еще наиболѣе чистымъ. Сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ тяжелыя дождевыя тучи, разразившiяся уже къ ночи цѣлыми потоками дождя. Такой-же ливень продолжался и на слѣдующiй день, 29 Августа, дѣлая для насъ невозможнымъ продолженiе путешествiя. Это невольное пребыванiе среди большихъ составляло тяжелое испытанiе для нашего терпѣнiя!

Пуцина расположена на небольшой рѣкѣ того-же наименованiя, противъ устья р. Кынча; послѣдняя начинается въ Среднемъ хребтѣ, именно въ мѣстности, откуда къ западу, въ Охотское море, течетъ р. Компакова, доставляющая удобный перевалъ для отправленiя на западный берегъ. Галешникъ, какъ въ самой р. Камчаткѣ, такъ и во всѣхъ впадающихъ въ нее рѣкахъ и ручьяхъ, состоитъ изъ гранитовъ, дiоритовъ, древнихъ сланцевъ и кварцевыхъ породъ. Только подвигаясь съ востока, среди древнихъ плутоническихъ породъ встрѣчаются еще, но въ совершенно ничтожномъ количествѣ, обломки пористой лавовидной породы. Такимъ образомъ, вся область истоковъ р. Камчатки главнымъ образомъ плутоническаго происхожденiя, съ единственнымъ вулканическимъ возвышенiемъ къ югу отъ Валагинскихъ горъ и къ

востоку отъ берега р. Пушъ, гдѣ, верстахъ въ 10 отъ Пущиной, имѣются также горячіе ключи. Это вулканическое возвышеніе есть нынѣ вполнѣ угасій вулканъ Бакенингъ, принадлежащій, быть можетъ, къ числу самыхъ древнихъ вулканическихъ образований въ этой части полуострова.

Деревня Пущина, постигнутая такой тяжелой участью, получила свое названіе отъ того, что въ старину здѣсь однажды при перевозкѣ затонула пушка. Этотъ несчастный случай навлекъ несчастье и на многихъ жителей страны. Начальникъ края разсудилъ послѣ того за благо, для бѣльшаго удобства при перевозкѣ транспортовъ и путешественниковъ основать поселеніе въ этой мѣстности, прежде совершенно безлюдной. Для приведенія этого плана въ исполненіе съ западнаго берега, изъ остроговъ Морощечной, Бѣлоголовой и Компаковой тотчасъ-же переселено было сюда нѣсколько семей; при чемъ начальство ни мало не поинтересовалось узнать, годится-ли для заселенія выбранный имъ участокъ. Потомки переселенцевъ влчатъ теперь самое плачевное существованіе. Почти совершенно неспособные къ работѣ изъ-за упомянутой страшной болѣзни, они, ничѣмъ не защищенные отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, живутъ здѣсь очень близко отъ высоты перевала, ведущаго изъ долины р. Камчатки къ южному концу полуострова. Далѣе, рыба доходитъ сюда въ небольшомъ количествѣ и въ изнуренномъ состояніи, слѣдовательно зимніе запасы здѣсь можно собирать лишь съ трудомъ, и то не удовлетворительно. При неспособности пушинскихъ обывателей къ работѣ немудрено, что и огородничество имъ не дается и что они съ трудомъ добываютъ нужный кормъ для своего рогатаго скота (11 головъ) и лошадей (2).

Вечеромъ вѣтеръ наконецъ повернулъ въ другую сторону, разогналъ тучи и разбудилъ въ насъ надежду завтра выбраться изъ нашей тюрьмы. Въ долинѣ Камчатки всѣ знаютъ примѣту, что сѣверные вѣтры приносятъ дождь, южные же, напротивъ — чудные, сухіе дни. Къ югу отъ перевала, въ долинѣ р. Быстрой, наблюдается какъ разъ противное.

Послѣ ночи, крайне непріятно проведенной изъ-за настько-
мыхъ и зараженного воздуха, мы могли тронуться въ путь
утромъ 30-го августа. Дорога черезъ переваль Камчатской Вер-
шины къ Ганалу длинна и, по моему мнѣнію, ошибочно считается
равной всего только 55 верстамъ. По недостатку въ людяхъ,
роль проводника взялъ на себя самъ тайонъ. Дорога отъ Пущи-
ной идетъ по правому берегу Камчатки и прямо на югъ. Долина
быстро поднимается по направленію къ перевалу, представляетъ
совершенно плоское дно и очень замѣтно суживается. Рѣка стано-
вится рѣченкой и течетъ въ видѣ прозрачнаго, холоднаго горнаго
ручья по многочисленнымъ, крупнымъ галькамъ, которыя состо-
ять главнымъ образомъ изъ гранитовъ, слюдяныхъ сланцевъ, зе-
лепокаменныхъ и сланцевыхъ породъ. Прежде всего мы опять
въѣхали въ прекрасный березовый лѣсъ (*B. Ermani*) съ неодво-
кратно уже описаннымъ подсѣдомъ и съ чапцами шаламайвика на
низинахъ. Съ дальнѣйшимъ передвиженіемъ подсѣдъ въ березовомъ
лѣсу измѣнился и часто стали попадаться можжевельникъ, кедров-
никъ и *Rhododendron chrysanthum* (пьяная трава). Проѣхавъ еще
дальѣ, мы достигли участка долины, лишеннаго древесной расти-
тельности; на днѣ долины видно было множество очень мелкихъ
возвышеній (бугровъ), состоявшихъ какъ бы изъ сдвинутаго
въ кучи алювіальнаго наноса и поросшихъ ползучимъ кедровни-
комъ. Какъ разъ къ югу отъ этихъ бугровъ находится мѣсто
соединенія обоихъ главныхъ истоковъ р. Камчатки. Послѣдніе
приходятъ съ юга и до соединенія текутъ на довольно большомъ
протяженіи почти параллельно и очень близко другъ къ другу.
Западный истокъ, болѣе крупный по протяженію, приходитъ,
описывая очень большую дугу, со Срединнаго хребта, гдѣ на-
чинается изъ очень рыбнаго озера, между тѣмъ какъ восточный,
которымъ мы переправились нѣсколько дальѣ къ югу, начинается
далеко въ восточныхъ горахъ. Этотъ восточный рукавъ прорѣ-
зываетъ предгорья въ небольшомъ ущельѣ, покрытомъ лѣсомъ,
и самъ начинается двумя ручьями, изъ которыхъ одинъ течетъ
съ вулкана Бакенингъ и содержитъ въ себѣ обломки пористыхъ,

красныхъ и сѣрыхъ лавовидныхъ породъ; другой, болѣе сѣверный, течетъ съ крутыхъ южныхъ отроговъ Валагинскихъ горъ и приноситъ обломки зеленокаменныхъ породъ и сланцевъ. Переправившись черезъ восточный рукавъ, мы дошли вмѣстѣ съ тѣмъ до предѣловъ лѣса и вступили въ обширную тундру, которая занимаетъ короткую расширенную часть долины. Здѣсь стояла пустая юрта, выстроенная обывателями Пущиной для защиты проѣзжающихъ отъ непогоды. Поверхность тундры покрыта мхомъ, изъ котораго выглядываютъ *Betula nana*, маленькія, совсѣмъ хилыя ивы, шикша (*Empetrum*) и голубика, мѣстами же выступаютъ обломки, богатыхъ кварцемъ, зеленоватыхъ сланцевъ. Въ не особенно большомъ разстояніи отъ только что упомянутой юрты мы, на голой тундрѣ, достигли высоты перевала, общеизвѣстной Камчатской Вершины, которая по Эрману лежитъ на высотѣ 1200—1300 футовъ надъ уровнемъ моря, между тѣмъ какъ окаймляющія ее горы достигаютъ приблизительно 4000 футовъ. Отсюда я увидалъ Бакенингъ подъ угломъ въ 126° и середину высокаго, дикаго Ганальскаго кряжа (Ганальскіе Востряки) подъ 188°.

Срединная долина Камчатки, наибольшаго возвышенія которой мы достигли въ описываемомъ мѣстѣ, простирается, оставаясь такой-же узкой, еще далѣе на югъ; но, начиная съ этого водораздѣла, она становится уже долиною р. Быстрой, несущей свои воды въ Охотское море. И здѣсь долина точно такъ-же сужена подступающими къ ней съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми предгоріями, а дно ея покрыто голой тундрой, которая пачиная отсюда однако обнаруживаетъ явственный наклонъ къ югу. Срединный хребетъ, начиная съ Вершины, становится гораздо шире и тянется въ видѣ возвышенной, покрытой лѣсомъ, холмистой области на югъ и юго-западъ, все время ограничивая долину р. Быстрой съ запада. На востокъ надъ тундрой круто поднимаются Ганальскіе Востряки, высота которыхъ по Эрману равна 4500—4800 футамъ. Эти горы, представляющія дикій зубчатый гребень и даже издали явственно обнаруживающія слоистость, начинаются на сѣ-

верѣ, близъ Бакенинга и южнаго конца Валагинскихъ горъ, гдѣ раздѣль образуется долиною восточнаго рукава-истока Камчатки; затѣмъ Ганальскія горы тянутся далеко къ югу, простираясь еще за Ганаломъ. Голая тундра, все сохраняя свой сѣверный характеръ, тянется до второй юрты, выстроенной жителями Ганала также для защиты путешественниковъ. Здѣсь, значительно уже спустившись внизъ по долинѣ, мы опять достигли довольно большаго лѣса, состоявшаго изъ тополей и особенно изъ высокихъ камчатскихъ ивъ (ветловины).

Рѣка Быстрая начинается на восточномъ краю тундры изъ многочисленныхъ мелкихъ озеръ и лужъ, находящихся у подошвы Ганальскихъ горъ и Бакенинга; затѣмъ она стремительно направляется къ югу, между обѣими упомянутыми юртами становится крупнымъ ручьемъ, который почти ежегодно размываетъ и измѣняетъ свои высокіе тундристые берега и всюду принимаетъ въ себя мелкіе боковые ручейки. Ганальская юрта, гдѣ мы вечеромъ расположились на ночлегъ, выстроена на довольно значительномъ притока р. Быстрой, приходящемъ съ запада. Граниты, слюдяные сланцы, зеленоватые кремневые сланцы и всякаго рода кварцы разбросаны всюду и свидѣтельствуютъ о плутонической формациі горъ. Быть можетъ здѣсь есть и осадочныя образованія, которыя во всякомъ случаѣ должны являться здѣсь лишь подчиненными и сильно измѣненными вслѣдствіе воздѣйствія на нихъ вулканическихъ силъ. Зато вулканическихъ породъ совсѣмъ не было видно.

Долина р. Быстрой значительно суживается съ прекращеніемъ тундры и съ приближеніемъ лѣсистыхъ высотъ. На высотахъ повидимому преобладаетъ корявая береза, между тѣмъ какъ на низкихъ мѣстахъ господствуютъ высокоствольныя ивы вмѣстѣ съ множествомъ рябины и жимолости.

Вулканъ Бакенингъ, который я имѣлъ случай посѣтить впоследствии, игралъ повидимому весьма важную роль въ образованіи и возникновеніи орографическихъ особенностей здѣшней мѣстности. Такъ какъ я вернусь еще къ этому предмету въ дальнѣйшемъ изложеніи, то здѣсь достаточно привести только слѣдующее. Бакенингъ,

теперь совершенно погасшій, былъ повидимому главною причиною поднятія Камчатской Вершины, при чемъ мощныя вулканическія силы дѣйствовали, надо думать, нарушающимъ и измѣняющимъ образомъ на первоначально, вѣроятно, осадочныя формациі Валагинскихъ и Ганальскихъ горъ, а также на древнія плутоническія массы (граниты) южной оконечности Срединнаго хребта. Но изъ этого-же центра расходятся также древнія трахитовыя и болѣе поздныя вулканическія образованія, каковы чисто вулканическіе горные кряжи, тянущіеся къ Коряцкой и Авачинской сопкамъ, далѣе къ Жупановой и наконецъ къ Семячику. Если же разсматривать всѣ начинающіяся отсюда горныя цѣпи, то мы получаемъ даже полную звѣзду осей поднятія, расходящихся отъ Бакенинга. Къ сѣверу тянутся Валагинскія горы, къ югу—Ганальскія, къ сѣверо-сѣверо-западу—часть Срединнаго хребта и къ юго-западу—другая часть того-же хребта, который, сохраняя это направленіе, при довольно незначительной высотѣ, направляется къ западному морю. На юго-юго-востокъ горный кряжъ направляется къ Корякѣ и Авачѣ, на юго-востокъ—къ Жупановой сопкѣ и наконецъ на востокъ—къ Семячику. Изъ перечисленныхъ горныхъ цѣпей Срединный хребетъ составленъ вѣроятно исключительно древними плутоническими породами, Валагинскія и Ганальскія горы должны считаться древними метаморфизированными осадочными образованіями, а наконецъ кряжи, тянущіеся къ Коряцкой, Жупановой и Семячинской сопкамъ, слагаются изъ древнихъ и болѣе новыхъ вулканическихъ образованій.

Мѣстность, занятая Бакенингомъ, представляется также и въ гидрографическомъ отношеніи центромъ поднятія, изъ котораго берутъ начало расходящіяся во всѣ стороны главныя рѣки полуострова. Къ сѣверу отсюда течетъ рѣка Камчатка, къ югу—Быстрая, къ юго-юго-восточу—Авача, начинающаяся здѣсь изъ двухъ озеръ и образующая проходы къ Коряцкой и Авачинской сопкамъ; наконецъ отсюда-же вытекаютъ нѣкоторыя притоки р. Жупановой.

Въ дорогѣ насъ нѣсколько разъ поливало дождемъ изъ бы-

стро пронесившихся тучъ; при этомъ всякій разъ, какъ снова открывался видъ на горы, я могъ ясно видѣть, что высоты и гребни горъ сіяли въ покровѣ свѣжевыпавшаго, ослѣпительно бѣлаго снѣга. Близъ юрты, гдѣ мы расположились на ночлегъ и наловили себѣ лососей на ужинъ, появились, также съ цѣлью рыболовства, три медвѣдя. Одному изъ нихъ пришлось поплатиться за свою смѣлость жизнью, два другихъ спаслись самымъ безумнымъ бѣгствомъ.

Ночь на 31-е августа была довольно холодная, такъ что образовалось немного льда и наши ремни стали до того жестки, что возвратитъ имъ гибкость можно было лишь погрѣвъ ихъ у огня. Тѣмъ благотѣльнѣе подѣйствовалъ на насъ послѣ холоднаго ночнаго помѣщенія горячій чай, который мы пили, расположившись вокругъ горящаго костра. Въ 6 часовъ утра мы были ужъ на лошадяхъ и продолжали путешествіе при холодномъ, густомъ туманѣ. Сперва дорога шла ивовымъ и березовымъ лѣсомъ, затѣмъ высокой моховой тундрой съ многочисленными кочками, поросшими голубикой и *Betula nana*. Послѣ этого опять появился березовый лѣсъ, и наконецъ дорога пошла мокрой тундрой у самага берега р. Быстрой. Здѣсь дно долины повидимому было болѣе горизонтально, судя по тому, что вода текла спокойнѣе; при этомъ русло было такъ неглубоко вырыто въ наносной почвѣ, что рѣка распалась на множество мелкихъ рукавовъ, которые, какъ говорятъ, очень часто измѣняютъ свое положеніе. Немного не доѣзжая Ганала мы еще разъ удачно поохотились на медвѣдя. Убитаго звѣря мы предоставили жителямъ Ганала, и этотъ даръ былъ принятъ съ большою благодарностью этими тоже больными и беспомощными людьми. Около 12 часовъ дня, послѣ того какъ разсѣялся туманъ и вступила прекрасная погода, мы прибыли въ Ганаль.

8 домовъ этого острога, беспорядочно разбросанные на лѣвомъ берегу Быстрой, населены 17 мужчинами и 15 женщинами, которые, какъ я уже упомянулъ, были заражены тою-же страшной болѣзью, какъ и жители Пущиной. И здѣсь видны были не-

большіе огороды, а сверхъ того обывателямъ принадлежало 20 головъ рогатаго скота. Но самое главное преимущество Ганала заключается въ его прекрасной охотѣ и въ рыбномъ богатствѣ р. Быстрой. Лѣса здѣсь изобилуютъ соболями, лисицами, сѣверными оленями и медвѣдями, а дикія Ганальскія горы, величественно поднимающіяся передъ острогомъ, очень богаты жирными горными баранами. Въ р. Быструю не только входятъ обыкновенные виды лососей (хайко, красная рыба, горбуша и кизучъ), но она кишитъ еще гольцами (мальма, *Salmo calaris*), круглый годъ остающимися въ рѣкѣ и не спускающимися въ море, чтобы снова подняться въ нее. 41 версту пути, считаемя до Малки, нетрудно проѣхать по Быстрой; а такъ какъ обыватели были готовы тотчасъ-же ѣхать со мною далѣе, то я охотно и съ благодарностью воспользовался этимъ, желая поскорѣе выбраться изъ зараженной мѣстности. Два бата немедленно были связаны въ паромъ, и мы понеслись внизъ по быстрому теченію. Красивый видъ открывается только съ восточной стороны Ганала, благодаря близости великолѣпныхъ, крутыхъ и зубчатыхъ горъ; къ западу, напротивъ, передъ зрителемъ разстилается лишь обширная тундра. Прозрачная вода, по которой мы неслись по теченію, была наполнена многочисленными гольцами, которые бросались во всѣ стороны, спугнутые нашей быстро мчавшейся лодкой. Мы спугнули также и обратили въ бѣгство нѣсколько безопасно рыбачившихъ и разгуливавшихъ по берегу медвѣдей. Но о стрѣльбѣ нечего было и думать, такъ какъ наши четыре гребца имѣли полныя руки дѣла уже съ тѣмъ однимъ, чтобы хорошенько править лодками и уберечь ихъ отъ посадки на камень. Только тамъ, гдѣ рѣка образовала крупныя извилины, теченіе было менѣе быстро и люди могли немного отдохнуть. Но гдѣ направленіе рѣки было болѣе прямолинейно, тамъ теченіе несло насъ съ стремительной силою, и гребцы должны были напрягать всѣ свои силы и все вниманіе, чтобы невредимо пройти мимо пороговъ и встрѣчавшихся большихъ камней. Берега большею частью голые, и лишь близъ Малки, куда мы прибыли уже въ 8 часовъ вечера, замѣчается больше

зелени на берегахъ и вообще вся мѣстность становится болѣе гористой.

Для насъ было истиннымъ благодѣяніемъ попасть наконецъ послѣ утомительныхъ дней, проведенныхъ среди большаго населенія Пущиной и Ганала, въ хорошій, чистый домъ тайона и опять очутиться среди здоровыхъ людей. Измученные дорогой, мы рано отправились на покой.

Ночь опять была очень холодная, хотя температура не падала ниже нуля; утромъ же 1-го сентября густой туманъ окутывалъ всю мѣстность. Малка расположена въ очень живописномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ рѣки. Острогъ лежитъ въ довольно обширной котловинѣ и окруженъ со всѣхъ сторонъ закругленными лѣсистыми высотами, надъ которыми только съ сѣверо-востока выдаются прекрасныя скалистыя Ганальскія горы. Только съ сѣвера открывается болѣе широкая долина, по которой течетъ рѣка Быстрая. У самой Малки эта рѣка образуетъ крутой изгибъ на западо-юго-западъ (250°) и прорываетъ въ тѣсницѣ скалистыя высоты. Съ высотъ, замыкающихъ эту котловину съ юга и отдѣляющихъ ее отъ долины р. Начики, текущей южнѣе, беретъ начало небольшой ручей Мумучъ, впадающій въ Быструю, также какъ и приходящій съ востока ручей Дакхело-Пичъ, близъ самой Малки. На этихъ высотахъ, верстахъ въ 5 отъ селенія, выходятъ извѣстные горячіе ключи. Малка безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ и значительныхъ камчадалскихъ остроговъ. Благодаря своему защищенному положенію въ гораздо болѣе низкой части долины, она во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество передъ значительно выше лежащимъ Ганаломъ. Охота и рыбная ловля здѣсь еще богаче чѣмъ тамъ. Дикіе бараны, сѣверные олени, медвѣди, лисицы и соболи ежегодно добываются здѣсь въ большомъ количествѣ; что же касается рыбы, идущей къ Ганалу, то она должна сперва пройти мимо Малки, слѣдовательно ловится здѣсь менѣе оттощавшей чѣмъ тамъ. Голецъ, лѣтомъ и зимой, также играетъ здѣсь очень видную роль въ дѣлѣ пополненія запасовъ продовольствія.

Относительно хахелчи, имѣющей такое важное значеніе для жителей сѣверо-восточной части полуострова и даже для жителей долины р. Камчатки, я узналъ, что ея не бываетъ ни въ р. Быстрой, ни въ какой-либо другой рѣкѣ западнаго берега; нужно думать слѣдовательно, что ея и совсѣмъ нѣтъ въ Охотскомъ морѣ.

Въ Малкѣ имѣются довольно обширные огороды; жителямъ принадлежатъ 57 головъ рогатаго скота и 9 лошадей. 12 домовъ хорошей постройки производятъ впечатлѣніе порядка и уютности. Жители (38 мужчинъ и 37 женщинъ) пользуются хорошимъ здоровьемъ.

Отъ Малки, какъ и отъ Ганала, нѣсколько переваловъ ведетъ къ западному и восточному берегамъ полуострова. Но большія скопленія снѣга лишь въ рѣдкіе годы даютъ возможность пользоваться этими перевалами для проѣзда на лошадяхъ ранѣе конца юня; зимой же напротивъ здѣсь часто проѣзжаютъ на собакахъ. Мартъ — настоящій мѣсяць для разѣздовъ по Камчаткѣ, потому что въ это время поверхность снѣга, оттаивающая днемъ на солнцѣ, смерзается благодаря сильнымъ ночнымъ морозамъ въ прочную ледяную кору, хорошо выдерживающую тяжесть людей и саней. На образующейся такимъ образомъ гладкой ледяной поверхности можно ѣздить во всѣхъ направленіяхъ, нерѣдко черезъ наполненныя снѣгомъ ущелья и узкія долины. Такъ изъ Ганала, черезъ переваль, открывающійся въ южныхъ отрогахъ Срединнаго хребта, можно добраться до рѣкѣ западнаго берега Немтикъ и Коль; точно такъ-же переваль отъ Малки ведетъ къ лежащимъ близъ западнаго берега поселеніямъ Утка и Кыкшикъ. Послѣдній переваль составляетъ очень удобный путь, ведущій вдоль долины р. Степановой, которая течетъ съ сѣвера и впадаетъ въ среднее теченіе р. Быстрой. На этихъ обѣихъ дорогахъ жители Малки очень часто встрѣчаются съ ламутами, которые кочуютъ по всей мѣстности къ сѣверу отъ Большерѣдка. Рѣка Быстрая, соединяющаяся очень близко отъ Большерѣдка съ р. Начикой и затѣмъ текущая къ морю уже подъ названіемъ Большой рѣки, принимаетъ кромѣ Степановой

еще множество другихъ притоковъ, которые почти всѣ идутъ съ сѣвера. Какъ указываетъ уже названіе рѣки Быстрой, она, благодаря своему значительному паденію, отличается необыкновенно стремительнымъ теченіемъ и едва замерзаетъ въ самые сильные морозы. вмѣстѣ съ тѣмъ плаваніе по ней, на протяженіи отъ Малки до Большерѣцка, очень затруднительно, что зависитъ съ одной стороны отъ страшно сильнаго теченія, съ другой же — отъ присутствія на второй половинѣ только что упомянутаго пути нѣсколькихъ довольно высокихъ и трудно проходимыхъ пороговъ, каковы Желѣзный, Долгій, Послѣдній и еще нѣсколько другихъ.

Далѣе, изъ Ганала черезъ Ганальскія горы можно добраться до рѣки Вакталъ, притока р. Коряки, и такимъ образомъ достигнуть этой послѣдней и р. Авачи. Но этотъ переваль, называемый Бобровой Падью, въ снѣжные годы очень опасенъ; такъ въ 1819 тамъ погибло три охотника, засыпанные снѣгомъ. Наконецъ отъ Малки два перевала ведутъ прямо къ Корякѣ, минуя Начику; это именно перевалы черезъ Малый и черезъ Большой Хребетъ, изъ которыхъ послѣдній составляетъ, какъ говорятъ, очень короткій путь.

Въ 2 часа пополудни мы поѣхали верхомъ къ горячимъ ключамъ въ долину Дакхело-Пичъ, чтобы расположиться тамъ на ночлегъ. Сухая дорога, окаймленная березами, рябиной, ивами и жимолостью, ведетъ къ ключамъ, находящимся на лѣвомъ берегу ручья. Главный ключъ выходитъ у подошвы закругленной, поросшей березою горы, на небольшомъ плато, поднимающемся фута на 3—4 надъ уровнемъ рѣки; онъ бьетъ изъ маленькаго, неглубокаго бассейна, имѣющаго около 8 футовъ въ поперечникѣ, и, дымясь, стекаетъ въ ручей черезъ канавку, имѣющую 4 шага въ длину. Описываемый ключъ при температурѣ воздуха въ 14° показывалъ 66° R. Подъ только что упомянутымъ плато выходитъ еще нѣсколько маленькихъ ключей, имѣющихъ температуру воды 62, 63 и 65°. Поднимающіеся изъ ключей пары распространяютъ легкій сѣро-водородный запахъ. Камни, лежавшіе въ ключѣ и возлѣ

него (обломки богатыхъ кварцемъ, зеленоватыхъ сланцевъ), были покрыты прочной бѣлой массой, которая на лакмусовой бумажкѣ обнаруживала рѣзко щелочную реакцію. Сама же вода, по испытанію ея синей и красной лакмусовой бумагой, напротивъ, оказалась нейтральной реакціи. Близъ одного изъ меньшихъ источниковъ, температура котораго равна 65° , выходитъ холодный источникъ; вода его имѣетъ всего $3\frac{1}{2}$ — 4° и настолько охлаждаетъ горячую воду въ ручьѣ, что дѣлаетъ возможной здѣсь животную жизнь; такъ я видѣлъ здѣсь маленькихъ рыбъ и множество мелкихъ улитокъ (изъ родовъ *Limnaeus* и *Planorbis*), сидѣвшихъ въ волокнистой темнозеленой тинѣ. Въ прежнее время на этомъ горячемъ ключѣ была устроена Правительствомъ водолечебница, гдѣ множество несчастныхъ находило, какъ говорятъ, исцѣленіе своей страшной болѣзни. Теперь это такъ необходимое и полезное учрежденіе остается необитаемымъ, безъ употребленія и представляется почти въ видѣ развалинъ. При нашемъ посѣщеніи стоялъ еще домъ аптекаря и директора, части госпиталя, часовня и стойло. Далѣе близъ ключа паходился деревянный бассейнъ для купающихся; вода въ этомъ бассейнѣ имѣла температуру 32° , въ одномъ мѣстѣ даже 43° . При закрытіи купальни всѣ эти постройки были проданы Правительствомъ; покупщики же частью разрушили ихъ, частью забрали изъ нихъ годные къ употребленію предметы. Теперь въ оставшихся, раззоренныхъ и опустошенныхъ комнатахъ только и есть, что соръ, пыль да запахъ гнили. Остается совершенно непонятнымъ, къ чему все это дѣлалось, особенно въ такой странѣ, какъ Камчатка, гдѣ подобное лечебное заведеніе должно было приносить громадную пользу! Мы разложили огонь передъ однимъ изъ домовъ, чай скоро развязалъ языки камчадаламъ, и пошли простодушные рассказы на своеобразномъ камчадалско-русскомъ нарѣчій.

Такъ я узналъ, что у селенія Апача, на нижнемъ теченіи рѣки Начики, находится нѣсколько горячихъ ключей. По одному горячему ключу имѣется на Банной и на Сику, двухъ притокахъ Начики съ южной стороны; третій находится очень близко отъ

самаго селенія. Всѣ три ключа, какъ говорятъ, съ очень горячей водой; ключъ на Банной бьетъ вверхъ фута на два. Всѣ эти источники находятся уже близъ Апачинской сопки. Последняя представляетъ высокій, ребристый, теперь совершенно недѣйствующій конусъ, поднимающійся сейчасъ-же къ югу отъ р. Начики, близъ селенія Апача. Въ 18-мъ вѣкѣ Апачинская сопка, какъ говорятъ, проявляла очень сильную дѣятельность; теперь же нѣкоторую дѣятельность обнаруживаютъ по временамъ два небольшихъ конуса, поднимающіеся у южной ея подошвы. Апачинская сопка находится подъ $52^{\circ} 30'$ с. ш. и носитъ самыя различныя названія, каковы Апальская, Опальная, также Опалинская; Крузенштернъ называетъ ее даже совсѣмъ инымъ именемъ — Пикомъ Кошелевымъ.

Послѣ краткаго сообщенія о только что названныхъ ключахъ мои спутники живо перешли къ любимой темѣ и стали рассказывать о шуткахъ, которыя маленькій лѣсной духъ Пихлачъ устраиваетъ съ охотниками, и объ опасной русалкѣ Камакѣ, заманивающей людей въ воду, чтобы тамъ убить и унести ихъ. Поздно вечеромъ мы были испуганы страшнымъ шумомъ и дикимъ ревомъ медвѣдей, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ насъ завязавшихъ между собою драку, вѣроятно при ловлѣ рыбы. Звѣри до того остервенились, что долго не успокаивались, несмотря на нѣсколько выстрѣловъ, пущенныхъ нами въ ихъ сторону. Утромъ на мѣстѣ драки всюду замѣтны были сильные слѣды крови.

Послѣ холодной и нѣсколько пасмурной ночи, проведенной нами близъ лагернаго огня, мы проснулись рано утромъ 2-го сентября при чудной ясной погодѣ. Въ 7 часовъ мы были уже на лошадахъ и поѣхали далѣе вверхъ по долинкѣ Дакхело-Пичъ. Тропинка шла то правымъ, то лѣвымъ берегомъ ручья, и намъ приходилось неоднократно переѣзжать черезъ неглубокую воду. Склоны долины заняты были холмами, поросшими березой, боярышникомъ и жимолостью. Такъ шла дорога примѣрно до середины пути, т. е. верстъ 20. Здѣсь поднимается конусообразная

гора, а рядомъ съ нею — плоская; между обѣими проходитъ ближайшій путь къ Корякѣ, такъ называемый Большой Хребетъ. Совершенно оставивъ долину Дакхело-Пичъ, мы двигались въ южномъ направленіи черезъ небольшую возвышенность къ маленькому ручью; затѣмъ, слѣдуя этимъ ручьемъ по сухой, травянистой тундрѣ, черезъ березовый лѣсъ и чащи шаламанника, мы направлялись къ рѣкѣ Начикѣ. Отъ этого пункта идетъ вторая дорога къ Корякѣ, ведущая черезъ такъ называемый Малый Хребетъ. Мы переправились вбродъ черезъ рѣку и шли вверхъ по ней до Начики, расположенной на лѣвомъ берегу.

Не доѣзжая версты двѣ до острога Начики, я свернулъ еще на правый берегъ рѣки Начики, къ мѣсту, гдѣ въ нее впадаетъ горячій, дымящійся ручей, имѣющій съ $\frac{1}{4}$ версты въ длину и составляющій стокъ горячаго ключа. Послѣдній выходитъ изъ невысокаго склона, образуемаго конгломератомъ, матеріаломъ для котораго послужили вулканическія породы и древніе зеленые, богатые кремнекислотой, сланцы. Источникъ отлагаетъ умеренное количество красной глины, составляющей повидному лишь продуктъ разложенія названныхъ конгломератовъ. При температурѣ воздуха въ 10° источникъ показывалъ 62° . Вода описываемаго ключа во всѣхъ отношеніяхъ была сходна съ водой малкинскихъ источниковъ: здѣсь ощущался тотъ-же запахъ сѣрнистаго водорода, и видны были тѣ-же бѣлыя инкрустаціи на камняхъ.

Площадью, находящейся надъ горячимъ ключемъ, жители Начики воспользовались для своихъ огородовъ; но, несмотря на такое положеніе, и въ этомъ году можно было ожидать небольшого урожая, такъ какъ снѣгъ исчезъ лишь въ концѣ іюня, а теперь уже болѣе десяти дней какъ начались ночные морозы. Начика окружена живописнымъ горнымъ ландшафтомъ и представляетъ едва ли не наиболѣе высоко лежащее поселеніе во всей Камчаткѣ. Въ немъ всего 7 домовъ, занятыхъ 14 мужчинами и 14 женщинами. Эти люди также переселены сюда съ западнаго берега изъ-за неумѣстнаго административнаго усердія. До сихъ

поръ еще они не достигли благоденствія на новомъ мѣстѣ. Стадо ихъ состоитъ всего изъ 15 головъ рогатаго скота и 3 лошадей. Лососи доходятъ сюда съ моря лишь въ небольшомъ количествѣ, и этимъ бѣднымъ горцамъ приходится поэтому питаться лишь гольцами, да продуктамъ охоты. Рѣка Начика пачинается далеко на востокѣ, въ горахъ, находящихся близъ Паратуки (127°). По рассказамъ, она вытекаетъ тамъ изъ озера, имѣющаго 3 версты въ ширину и 6 верстъ въ длину. Отсюда рѣка въ видѣ горнаго ручья течетъ сперва на сѣверъ, далѣе, образуя большую дугу, поворачиваетъ у острога Начики къ западу и сохраняетъ это направленіе и далѣе; затѣмъ она протекаетъ почти параллельно Быстрой, которая отъ Малки также вполне поворачиваетъ на западъ. Далѣе къ западу Начика протекаетъ мимо острога Апачи и, принявъ нѣсколько притоковъ съ юга, соединяется, какъ уже упомянуто, недалеко отъ Большерѣцка съ Быстрой; этимъ соединеніемъ образуется Большая Рѣка. Острогъ Апача находится на нижнемъ теченіи Начики, недалеко отъ подошвы Апачинской сопки и отъ устій рѣкъ Карымчиной, Банной и Сику, текущихъ съ юга. Первая изъ названныхъ рѣкъ составляетъ очень хорошій перевалъ къ Паратункѣ, двѣ же остальные извѣстны по находящимся на берегахъ ихъ горячимъ ключамъ. Близъ Начики въ главную рѣку впадаетъ далѣе рѣка Ипуки, текущая съ юга, и наконецъ противъ острога — рѣка Холзанъ, также берущая начало на югѣ и открывающая очень извѣстный перевалъ къ верхнему теченію Банной (220° на SW.). Въ Карымчину впадаетъ Толмачева, выходящая изъ озера у подошвы Апачинской сопки; здѣсь дорога черезъ перевалъ ведетъ къ поселенію Голыжной на югозападномъ берегу Камчатки. Къ юго-юговостоку отъ Начики (111°), близъ дороги къ Корякѣ, поднимаются двѣ зубчатыя снѣговія горы, именно Вуазказицъ и находящійся вблизи отъ него Ашъ-халигачъ. Изъ коренныхъ породъ у горячихъ ключей, сверхъ конгломератовидныхъ массъ, я могъ найти лишь подчипенную имъ зеленоватую породу сланцеваго и серпентиннаго характера; послѣдняя, вмѣстѣ съ облом-

ками какого-то трахитопорфира, образуетъ многочисленныя гальки въ руслѣ рѣки.

3-го сентября, въ 5 часовъ утра, мы были уже на лошадяхъ. Прямо отъ Начики направившись къ сѣверу, мы поднялись на высокій переваль съ болотистымъ грунтомъ и затѣмъ очень скоро достигли ручья, составляющаго истокъ р. Коряки. Последняя въ свою очередь—притокъ р. Авачи и течетъ здѣсь маленькимъ, очень стремительнымъ ручейкомъ. Горы, окружавшія насъ, были голы, покрыты снѣгомъ и представляли дикія, изорванныя формы. Сперва по пути мы встрѣчали лишь одинокіе экземпляры ольхи (*Alnus incana*) и ползучій кедровникъ, потомъ начался березовый лѣсъ (*B. Ermani*), въ которомъ часто попадался *Rhododendron chrysanthum*; затѣмъ, спускаясь по крутому склону къ Корякѣ, мы уже почти все время ѣхали прекраснымъ березовымъ лѣсомъ, съ каждымъ шагомъ обнаруживавшимъ все лучшія и лучшія, крупныя деревья. Своеобразный характеръ камчатскихъ березовыхъ лѣсовъ вполне проявляется здѣсь. Благодаря широкимъ кронамъ красивой, суковатой *B. Ermani*, лѣсъ представляется нѣсколько рѣдкимъ. На сухихъ мѣстахъ онъ прорастаетъ подсѣдомъ изъ *Crataegus*, *Lonicera*, розъ, *Salix pentandra* (чернотальникъ) и немногочисленныхъ кустовъ рябины, между которыми разрастается высокая трава; надъ последней въ свою очередь выдаются отдѣльныя высокія растенія, какъ *Epilobium*, *Thalictrum*, *Geranium*, *Aconitum*, *Artemisia*, *Pulmonaria*, *Delphinium* и *Fritillaria*. На влажныхъ мѣстахъ, особенно вдоль многочисленныхъ струекъ воды, пересѣкавшихъ нашъ путь, поднималась высокоствольная ива (ветловина) или разрастались *Filipendula kamtschatica*, *Senecio cannabifolius* и *Heracleum dulce*, къ которымъ нерѣдко присоединялись еще высокая крапива и *Iris*. Мы проѣхали мимо двухъ юртъ, построенныхъ охотниками въ равныхъ разстояніяхъ отъ Коряки и Начики и служащихъ для ночлега при охотахъ въ этихъ очень богатыхъ соболями лѣсахъ. По мѣрѣ приближенія къ острогу Корякѣ долина рѣки того-же имени, остававшейся большею частью

на сѣверѣ по близости отъ насъ, все расширяется и наконецъ соединяется съ долиною р. Авачи. Окрестныя горы отдаляются отъ рѣки и къ востоку соединяются съ высотами, проходящими южнѣе Авачинской губы; къ западу же онѣ тянутся къ Ганальскимъ горамъ. Такимъ образомъ передъ нами вполне открылся видъ на величественные вулканы Коряку и Авачу.

Въ 2 часа пополудни мы прибыли въ острогъ Коряку, который состоитъ изъ восьми хорошо построенныхъ домовъ, расположенныхъ на берегу одноименной съ нимъ рѣки. Населеніе Коряки состоитъ изъ 16 мужчинъ и 13 женщинъ; у нихъ всего 29 головъ рогатаго скота и 6 лошадей. Насъ встрѣтилъ очень радушный пріемъ, и камчадалъ Волковъ, который до того ужъ неоднократно бывалъ у меня въ Петропавловскѣ, вызвался сопровождать насъ въ батахъ до Старога Острога; поѣздка же эта, вслѣдствіе очень стремительнаго теченія р. Коряки, требуетъ большого искусства со стороны управляющихъ батами. Въ 4 часа мы выѣхали, а въ 6 были уже въ Старомъ Острогѣ, проѣхавъ такимъ образомъ 20 верстъ въ два часа. Сперва мы неслись очень быстро внизъ по р. Корякѣ. На берегахъ видны были многочисленныя высокія горы, состоявшія изъ хряща и щебня, а также много лѣса — березы и высокоствольной ивы. Затѣмъ мы вошли въ р. Авачу, на берегахъ которой, также лѣсистыхъ, выступаютъ метаморфическіе сланцы.

Въ Старомъ Острогѣ я остановился у своего давнишняго пріятеля Машигина, котораго къ сожалѣнію не засталъ дома; онъ отправился на охоту за баранами. Это разрушило мои планы относительно дальнѣйшихъ поѣздокъ въ эту осень. Я надѣялся съѣздить съ Машигинымъ еще въ Паратунскія горы; но такъ какъ сыновья его говорили, что старикъ будетъ дома не ранѣе 8—10 дней, и что неизвѣстно даже, какой дорогой онъ вернется, то я рѣшилъ на слѣдующій же день отправиться въ Петропавловскъ. Старый Острогъ во всѣхъ отношеніяхъ отличается благоустройствомъ. Восемь домовъ поселенія съ ихъ большимъ огородами производятъ впечат-

лѣніе зажиточности. Хорошее впечатлѣніе производятъ и жители (30 мужчинъ и 21 женщина), которымъ принадлежатъ 44 головы рогатаго скота и 6 лошадей. Съ величайшимъ радушіемъ насъ устроили въ чистыхъ комнатахъ и осыпали всякими знаками вниманія.

4-го сентября къ сожалѣнію шель дождь; тѣмъ не менѣе, когда къ полудню онъ какъ будто ослабѣлъ, я рѣшилъ опять перейти въ баты, чтобы доѣхать внизъ по р. Авачѣ до деревни того-же имени, до которой отсюда считается 25 верстъ. Сперва берега рѣки покрыты высокими ивами и березами, поверхность же представляется волнистой; потомъ берега становятся ниже и покрыты лишь ивнякомъ; наконецъ рѣка течетъ по совершенно болотистой мѣстности, сплошь изрѣзанной протоками и покрытой лужами, и такъ доходитъ до деревни Авачи, расположенной уже на самой Авачинской губѣ. Дорогой опять пошелъ дождь, такъ что мы около двухъ часовъ добрались до Авачи совершенно измокшими. Деревня произвела на насъ очень грустное впечатлѣніе. Нѣсколько человѣкъ обывателей со всѣми 4-мя лошадьми, имѣвшимися въ деревнѣ, ушли на охоту. Отправляться черезъ Авачинскую губу на небольшихъ батахъ при сильномъ волненіи представлялось неблагоразумнымъ, и я поэтому рѣшилъ послѣднія 12 верстъ до Петропавловска пройти пѣшкомъ. Большую часть багажа мы оставили въ деревнѣ, чтобы захватить ее впоследствии; самые же необходимые предметы понесли за нами два человѣка. На полдорогѣ, у губы Сѣроглазки, мы встрѣтили два новыхъ дома, выстроенныхъ въ прошедшее лѣто для петропавловскихъ казаковъ; въ одномъ изъ этихъ домовъ мы остановились для кратковременнаго отдыха, а затѣмъ послѣдно продолжали свой путь, и въ 6 часовъ вечера я благополучно достигъ своей квартиры. Этимъ закончилось мое продолжительное путешествіе, послѣднюю часть котораго мы продѣлали очень плачевно, идя подъ дождемъ пѣшкомъ по грязи.

Живо счистилъ я всю дорожную грязь и поторопился въ тотъ же вечеръ еще представиться губернатору, который принялъ

меня въ высшей степени любезно и пригласилъ почаще бывать у него зимой и даже ежедневно являться къ столу.

Дома меня уже ждали многіе изъ знакомыхъ, и начались безконечные разспросы и рассказы. Особенное впечатлѣніе на всѣхъ моряковъ, въ томъ числѣ и на Завойко, произвела моя поѣздка на вельботѣ; за эту первую въ такомъ родѣ поѣздку по Камчаткѣ я получалъ отъ всѣхъ величайшія похвалы.

Прибавленіе. Пробываніе въ Петропавловскъ зимою 1852—53 г.

Уже черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петропавловскъ для меня стало ясно, что въ эту осень и думать нечего о дальнѣйшихъ поѣздкахъ. Наступилъ продолжительный періодъ дождей, въ теченіе котораго горы и перевалы покрылись обильно выпавшимъ снѣгомъ. Въ такое позднее время года пельзя было уговорить проводниковъ принять участіе въ поѣздкахъ; даже мой пріятель изъ Стараго Острога, старикъ Машигинъ, и тотъ отказался. Къ довершенію всего, въ Камчаткѣ всегда бываетъ трудно доставать лошадей, такъ что для меня уже съ этого времени началась въ Петропавловскѣ однообразная зимняя жизнь. Нѣсколько зимъ, проведенныхъ мною въ Петропавловскѣ, до того между собою вообще сходны, что въ описаніи ихъ я предпочитаю оставить форму дневника и ограничусь лишь резюмированіемъ пережитаго.

За истекшее лѣто Завойко произвелъ много работъ въ Петропавловскѣ, такъ что это небольшое поселеніе довольно значительно возрасло и украсилось. Теперь здѣсь красовались 5 новыхъ, очень хорошо выстроенныхъ домовъ, назначенныхъ для помѣщенія офицеровъ и чиновниковъ, и двѣ прекрасныхъ, просторныхъ казармы для матросовъ и солдатъ. Всѣ эти дома были построены изъ стройныхъ стволовъ камчатской ивы и покрыты хорошими желѣзными крышами, выкрашенными въ красный цвѣтъ.

Прибывшія въ мое отсутствіе суда доставили новыхъ чинов- шковъ, съ которыми я теперь познакомился. Прибыла также и большая почта съ вѣстями съ родины. Далѣе въ городѣ опять явилось множество разнаго рода товаровъ и припасовъ, при чемъ особенно хорошо снабжены были разными нужными для насъ предметами лавки Россійско-Американской Компаніи и амери- канца. При моемъ возвращеніи въ Петропавловскъ въ гавани стояло еще, въ ожиданіи разгрузки, нѣсколько казенныхъ транс- портныхъ судовъ, незадолго до того прибывшихъ изъ Аяна и Ситхи. Точно также въ большой губѣ стоял на якорѣ три кито- бойныхъ судна, экипажъ которыхъ отдыхалъ здѣсь отъ трудовъ и опасностей, испытанныхъ въ Беринговомъ морѣ и на Ледови- томъ океанѣ. Отсюда суда эти собирались пойти со своимъ цѣн- нымъ грузомъ на Сандвичевы острова.

Компанейское судно «Кадьякъ» привезло изъ Ситхи разные товары и часть весьма цѣнной добычи съ промысловъ, между прочимъ множество морскихъ бобровъ. На этомъ-же суднѣ при- былъ евангелически-лютеранскій пасторъ, для исполненія цер- и ковныхъ требъ среди своихъ, немногочисленныхъ здѣсь, едино- вѣрцевъ; такого рода наѣзды лютеранскаго духовенства въ Кам- чатку совершаются не чаще одного раза въ три — четыре года; для меня это было первой и послѣдней встрѣчей здѣсь лютеран- скаго пастора. На «Кадьякъ»-же прибылъ и архіепископъ Инно- кентій. Онъ время отъ времени объѣзжалъ для ревизіи свою епархію, которая простиралась отъ Якутска до Ситхи. Этотъ почтенный старецъ въ юные годы былъ священникомъ на Алеут- скихъ островахъ, о которыхъ онъ еще подъ прежней своей фа- миліей Веніамінова напечаталъ очень интересныя данныя; впоследствии онъ умеръ митрополитомъ московскимъ. Пробывъ почти цѣлый мѣсяцъ въ Петропавловскѣ, оба эти духовныя лица оставил его 18 сентября, чтобы вернуться на Ситху. Вообще наша гавань въ сентябрѣ была еще очень оживлена, такъ какъ сюда пришло четыре китобойныхъ судна, опять удалившихся послѣ нѣкотораго отдыха. Всѣ они привезли богатую добычу съ

сѣвера и шли на зимовку въ Гонолулу. Одинъ французскій китобой ушелъ лишь 8-го октября, а русское транспортное судно «Байкалъ» пришло изъ Аяна только 21-го октября, доставивъ намъ большую почту и всякаго рода припасы. Съ прибытіемъ «Байкала» навигація у насъ кончилась, но исключительно потому, что по росписанію больше судовъ не должно было явиться сюда. Льдомъ Малая бухта (гавань) покрылась только въ концѣ ноября, между тѣмъ какъ большая Авачинская губа почти всю зиму простояла открытой, затягиваясь лишь взрѣдка, и то не сплошь, тонкимъ слоемъ льда, который держался не болѣе нѣсколькихъ дней.

Въ сентябрѣ, за исключеніемъ первыхъ 10 дней, когда восточные и юговосточные вѣтры пригоняли намъ дождь, почти все время продолжалась отличная погода, причѣмъ господствовали западные и сѣверные вѣтры, благодаря которымъ стояли ясные, часто даже теплые дни. Октябрь уже болѣе походилъ на зимній мѣсяцъ, такъ какъ въ теченіе его выпадало иногда немного снѣга; но онъ всегда очень быстро ставвалъ. При пониженіи температуры до -1 и -2° мѣстами лужи покрывались тонкимъ слоемъ льда. Лишь 23-го октября, при юговосточномъ вѣтрѣ, выпалъ первый большой снѣгъ, доставившій уже на всю зиму снѣжный покровъ; окрестныя же горы еще съ половины сентября одѣлись въ свое полное бѣлое одѣяніе.

Прекрасный снѣжный путь тотчасъ-же снова внесъ оживленіе въ наше захолустье: собачьи санки съ ихъ колокольчиками и трескотней опять были въ полномъ ходу. На нихъ ѣздили въ ближайшія окрестности, возили дрова изъ лѣсу и сѣно съ сѣнокосовъ. Но вмѣстѣ со снѣгомъ сюда опять вернулся докучный гость — пурга. 24 и 27 октября мы имѣли пургу при сильномъ юговосточномъ вѣтрѣ, послѣ чего опять пошелъ дождь и наступила очень мягкая температура, что продолжалось до 5-го ноября. Въ теченіе ноября у насъ была лишь одна вьюга — 19-го; остальное время стояли чудные, ясные дни, при западныхъ и сѣверныхъ вѣтрахъ и при температурѣ, колебавшейся между -6 и -10° .

Лишь 28-го ноября стояло 12° мороза, при чемъ гавань сплошь покрылась льдомъ. До 5-го декабря температура держалась около —10°, затѣмъ опять стало теплѣе, и дождливые дни смѣнялись прекрасной ясной погодой. Рождество было очень дождливо, и только 29-го декабря при сильномъ юговосточномъ вѣтрѣ выпала огромная масса снѣга, такъ что въ нѣсколько часовъ мощность его достигла цѣлаго аршина. Въ первую половину января 1853 г. были частыя вьюги, при чемъ шелъ сильный снѣгъ. Морозъ большею частью не достигалъ 10° и только одинъ разъ было 10° и одинъ разъ 11°. Зато въ ясные дни на солнцѣ нерѣдко становилось ужъ чувствительно тепло. Въ первую половину февраля большею частью стояла очень хорошая погода, бывали даже теплые дни. Только разъ, именно 15-го февраля, температура ночью упала до —15°. Во вторую половину того-же мѣсяца выпало напротивъ много снѣга и часто бывали бури. Точно также часты были вѣтры и бури въ мартѣ; особенно сильны они были 8-го и 22-го и продолжались съ перемѣнной силой до конца мѣсяца. Но холодъ замѣтно ослабѣлъ и морозы не превосходили 3—4°. Нерѣдко наступала оттепель, иногда даже съ дождемъ. Въ апрѣлѣ преобладали сильные вѣтры: съ запада они приносили ясные дни, съ востока—дождь и снѣгъ. Въ этомъ мѣсяцѣ уже рѣшительно господствовала оттепель, снѣгъ быстро таялъ и нерѣдко стояли вполне весенніе дни. 28-го апрѣля исчезъ послѣдній ледъ изъ малой губы (гавани), между тѣмъ какъ на большой его ужъ не было съ февраля. вмѣстѣ съ маемъ наступила весна. Нерѣдко выпадалъ дождь, дни стали теплѣе и снѣговыя массы быстро уменьшались. Но на равнинѣ все таки оставалось еще много снѣга, а на высотахъ конечно и того больше. Лишь кое-гдѣ выступала темными пятнами освободившаяся уже отъ зиняго покрова земля. Если не считать небольшихъ ночныхъ морозовъ, то холода вполне прошли; нерѣдко стояли даже вполне теплые дни (15°—16° въ тѣни, 22°—25° на солнцѣ). 12-го мая я увидѣлъ первые цвѣты, *Anemone* и *Viola*.

1-го октября 1852 г. опять состоялась выставка овощей,

при чемъ роздано было нѣсколько премій; но выставленные предметы и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи уступали прошлогоднимъ. Зато теперь на выставкѣ были огурцы и цвѣтная капуста, которыхъ прежде не было. Эти овощи были вырощены на огородѣ Завойко, съ котораго 15-го февраля получень былъ первый свѣжій салатъ, а 23-го апрѣля—первыя редиски.

Почта, доставленная 21-го октября изъ Аяна на транспортѣ «Байкаль», принесла различныя правительственныя распоряженія. Въ числѣ ихъ было одно, которое чуть не привело къ весьма для меня важнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что Правительство рѣшило отправить въ Японію два военныхъ судна подъ командой адмирала Путятина съ цѣлью выхлопотать или вынудить тамъ такой-же доступъ въ страну и такія-же условія для торговыхъ сношеній, какихъ успѣлъ уже добиться американскій адмиралъ Перри (Perry). Чтобы придать миссіи больше внушительности, корветъ «Оливуца», стоявшій въ Камчаткѣ, также долженъ былъ принять въ ней участіе и для этого присоединиться сперва къ эскадрѣ Путятина въ Гонолулу. Вслѣдствіе этого Завойко ужъ 23-го октября предписалъ командиру корвета лейтенанту Дихачеву приготовиться къ возможно болѣе раннему выходу весной и теперь же начать необходимыя сборы. Такъ какъ я находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Дихачевымъ, и такъ какъ Завойко тоже благоволилъ ко мнѣ, то первый, человекъ очень образованный и къ тому-же любитель геологіи, просилъ губернатора о разрѣшеніи участвовать и мнѣ въ экспедицію, чтобы я имѣлъ возможность познакомиться съ вулканами Сандвичевыхъ острововъ, а при случаѣ—и Японіи. Завойко тотчасъ-же согласился на это; переговоривъ со мною и получивъ мое согласіе, онъ уже 5-го ноября официальнымъ приказомъ сообщилъ, чтобы я готовился къ плаванію на корветѣ. Съ этого времени я уже принадлежалъ къ экипажу корвета и вмѣстѣ съ Дихачевымъ обдумывалъ планы на счетъ препровожденія нашего времени въ Го-

нолулу и въ Японіи. Такъ прошла почти вся зима до 9-го марта, какъ вдругъ стало извѣстно, что Лихачевъ поспорился съ Завойко, потерявъ вслѣдствіе этого команду на корветѣ и замѣненъ здѣсь въ этой должности другимъ офицеромъ. Мои мечты такимъ образомъ разсѣялись, потому что я былъ прикомандированъ лично къ Лихачеву. Завойко высказалъ мнѣ сожалѣніе о томъ, что я лишенъ возможности познакомиться съ тропической природой, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, чтобы я съ тендеромъ «Камчадалъ» проѣхалъ въ Ижигинскъ, съ цѣлью произвести оттуда развѣдки относительно мѣсторожденій ртутныхъ рудъ на полуостровѣ Тайгоносѣ. Такое-же желаніе было высказано и въ Петербургѣ, на основаніи одной старой замѣтки Палласа объ этомъ предметѣ.

Русская пословица говоритъ: «паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ». Такъ вышло и теперь! Ссора обоехъ важныхъ баръ перенесла меня съ большаго, прекраснаго корвета на маленькій тендеръ, и вмѣсто цвѣтущаго юга я долженъ былъ увидѣть холодный сѣверъ. Дневнымъ приказомъ отъ 15-го марта я былъ смѣщенъ съ корвета, который 25-го марта уже отправился на рейдъ, а 31 вышелъ въ океанъ, направляясь прямо въ Гонолулу.

Какъ и въ прошлую зиму, такъ и теперь наше небольшое общество устраивало разныя увеселенія и развлеченія; особенно много пришлось ихъ на Рождество и Пасху. Въ домѣ Завойко нерѣдко устраивались танцевальныя вечера, маскарады и обѣды; то-же часто бывало и у семейныхъ чиновниковъ. Наконецъ не было недостатка и въ спектакляхъ, всякаго рода пикникахъ и въ небольшихъ собраніяхъ у холостяковъ. Изъ множества увеселительныхъ поѣздокъ, устраивавшихся почти ежедневно, слѣдуетъ особо упомянуть о двухъ. Изъ нихъ первая, въ Старый Острогъ, состоялась 10-го января приблизительно на 30 саняхъ; этотъ пикникъ устроился съ цѣлью проводить губернатора, который отправлялся съ начальникомъ своей канцеляріи на ревизію въ Ижигинскъ. Все общество рано утромъ ужь отправилось на безчисленномъ множествѣ собакъ въ Авачу и на тамошней тундрѣ

ожидало начальника края. Съ прибытіемъ Завойко вся масса саней зашевелилась, и при крикахъ «ура» началась дикая гонка, продолжавшаяся до Старога Острога, гдѣ, послѣ веселой закуски, наше общество распростилось съ отъѣзжавшимъ. Тотчасъ-же по отбытіи губернатора изъ Старога Острога всѣ сани также шумно и весело вернулись въ Петропавловскъ; Завойко же изъ своего путешествія пріѣхалъ лишь 3-го марта.

Вторая дальняя поѣздка, также въ очень большомъ обществѣ и съ участіемъ дамъ, состоялась 30-го января, къ горячимъ ключамъ на Паратункѣ. Первая часть пути, до Авачи, была еще очень мало уѣзжена и поэтому сани, къ великой потѣхѣ ѣздоковъ, часто опрокидывались на наклонныхъ, гладкихъ поверхностяхъ. Но начиная отъ Авачи дорога стала лучше. Сперва мы выѣхали на большую тундру у устья р. Авачи и переѣхали поперекъ черезъ рукава, образующіе ея устье. Затѣмъ началась дорога, проложенная въ 1827 г. начальникомъ Камчатки Голенищевымъ къ его тогдашней дачѣ Микишиной. Въ 5 верстахъ отъ деревни Авачи мы достигли избушки, построенной на главномъ рукавѣ рѣки Авача и служившей жилищемъ паромщика. Далѣе мы поѣхали по тундрѣ, мѣстами поросшей ивнякомъ, до р. Тихой (притока Паратунки съ запада), на берегу которой расположено поселеніе Тихая, созданіе Завойко. Здѣсь въ трехъ домахъ поселены якуты для занятія скотоводствомъ. Черезъ незамерзшую рѣку Тихую мы переѣхали по мосту и, проѣхавъ еще версту, достигли дома, также населеннаго якутами и составлявшаго послѣдній остатокъ прежняго болѣе крупнаго поселенія Орловой. Какъ хорошихъ скотоводовъ и прилежныхъ работниковъ, якутовъ охотно привлекаютъ къ поселенію въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири. Такимъ образомъ, уже много лѣтъ тому назадъ (я думаю еще при Голенищевѣ) нѣсколько человѣкъ этого племени попали и въ Камчатку, гдѣ они были поселены сперва въ Орловой. Но, судя по теперешнимъ жалкимъ остаткамъ какъ отъ переселенцевъ, такъ и отъ ихъ стадъ, ни якутамъ, ни якутскому скотоводству здѣсь не повезло.

Отъ Тихой до Быстрой (послѣдняя — также притокъ Паратунки, и ея не слѣдуетъ смѣшивать съ той Быстрой, которая образуетъ Большую) мы ѣхали березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*). И черезъ эту быстротечную, совершенно незамерзшую рѣку былъ переброшенъ мостъ. Теперь мы достигли мѣста раздвоенія дороги: правая вѣтвь дороги ведетъ въ большіе ивовые и тополивые лѣса на верхнемъ теченіи р. Быстрой, откуда Петропавловскъ получаетъ большую часть своихъ строительныхъ матеріаловъ, между тѣмъ какъ лѣвая черезъ голенищевскую просѣку направляется къ печальнымъ развалинамъ нѣкогда привлекательной Микишиной.

Отъ Микишиной дорога шла сперва лѣсистыми холмами и затѣмъ черезъ рѣчку Хайкову, послѣ чего мы приѣхали на обширную, совершенно обнаженную и окруженную довольно высокими горами тундру, на западномъ краю которой показался паръ, поднимающійся съ горячихъ ключей. Въ 4 часа мы были уже на мѣстѣ и расположились въ просторномъ домѣ, выстроенномъ для посѣтителей этихъ ключей. Домъ былъ раздѣленъ на дамскую и мужскую половины, а также имѣлъ еще очень просторное общее помѣщеніе, откуда крытый коридоръ велъ къ купальному бассейну на ключахъ. Здѣсь, въ общемъ помѣщеніи, мы устраивали сообщда очень веселые обѣды, а по вечерамъ бывали даже и танцы. Вода въ бассейнѣ имѣла температуру 33° при температурѣ воздуха — 22° ; на краю бассейна, гдѣ выходилъ ручей, я наблюдалъ даже 37° и 40° . Почва, изъ которой выходитъ ключъ, представляетъ очень мощный, мягкій алювіальный слой. Общая картина котловины, въ которой мы находились, имѣла совсѣмъ зимній характеръ, потому что и равнины, и горы были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Горы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, а съ востока надъ ними выдавался высокій, красивый недѣятельный конусъ Вилючинской сопки. Эта прекрасная гора поднимается не очень далеко отъ горячихъ ключей, и, какъ говорятъ, лѣтомъ до нея нетрудно добраться пѣшкомъ или верхомъ. Но еще легче достигнуть ея, доѣхавъ до южнаго берега Авачинской губы:

здѣсь, направляясь отъ Таринской губы, достаточно пройти версты 2—3 черезъ лѣсистыя высоты, которыя тянутся близъ нея, чтобы добраться до долины Вилючика, начинающагося у подошвы вулкана и впадающаго въ небольшую Вилючинскую губу.

Во время сегодняшней нашей поѣздки мы могли видѣть проявленіе очень сильной дѣятельности на Азачинской сопкѣ, находящейся также у моря, но нѣсколько далѣе къ югу отъ Вилючинской. Громадные, темносѣрые, даже почти черныя клубы пара поднимались съ большой скоростью, становясь при своемъ подъемѣ все больше и больше; затѣмъ на нѣкоторой высотѣ они распространялись болѣе горизонтально надъ кратеромъ, припимая форму пинні; при этомъ явственная темная полосатость, направлявшаяся внизъ отъ облака, указывала на сильный дождь пепла. Черезъ каждыя два часа слѣдовало все съ неизмѣнной скоростью и силой и все въ такомъ-же видѣ выбрасываніе громаднаго клуба дыма. Нѣсколько дней спустя я изъ своей квартиры въ Петропавловскѣ могъ еще наблюдать то-же явленіе; но только отсюда облака пара представлялись поднимающимися надъ береговыми горами немного восточнѣе Вилючинской сопки. Что касается другихъ вулкановъ, видимыхъ изъ Петропавловска, то на Вилючинской и Коряцкой сопкахъ всю зиму не было замѣтно слѣдовъ дѣятельности; зато Авача непрерывно выдѣляла паръ и проявляла то болѣе сильную, то болѣе слабую дѣятельность, не обнаруживая при этомъ однако никакого правпльнаго чередованія. Въ теченіе описываемой зимы выбрасываніе пара пять разъ было особенно сильно, такъ что мы ждали даже изверженія; это случилось 1-го декабря 1852 г., 2-го, 21-го и 22-го января и 25-го февраля 1853 г.

15-го декабря 1852 г. изъ Петропавловска ушла зимняя почта съ нашими письмами, а 13-го марта 1853 г. пришла къ намъ большая почта, нагруженная на 6 нартахъ. Кромѣ того 3-го марта къ намъ внезапно прибылъ офицеръ, командированный сухимъ путемъ черезъ Ижигинскъ изъ Иркутска. Другой, отправленный курьеромъ изъ Петербурга, прибылъ сюда 21-го мая и также привезъ кое-какія новости въ нашъ совершенно отрѣзанный отъ

остальнаго міра уголокъ. Предполагалось отправить почту съ транспортными судами, которыя въ концѣ мая отправлялись въ Аянъ; но я рискнулъ осенью отправить также письма черезъ китобоевъ на Гонолулу, и письма эти были своевременно сданы и пришли въ Лифляндію. Недостаточность средствъ сообщенія съ остальнымъ міромъ составляетъ одно изъ самыхъ чувствительныхъ неудобствъ для Камчатки, имѣющей въ другихъ отношеніяхъ много данныхъ для дальнѣйшаго развитія; всѣ занесенные сюда европейцы очень тяготились такою отрѣзанностью отъ міра. Понятно поэтому, какъ всѣ обрадовались, когда одинъ кунецъ предложилъ устроить ежемѣсячную отправку зимней почты, если казна согласится на предложенныя имъ условія. вмѣстѣ съ тѣмъ зашла рѣчь о пароходахъ, которые лѣтомъ поддерживали-бы сообщеніе съ Амуромъ и Аяномъ, а также съ Японіей и Гонолулу. Къ сожалѣнію, надежда на пароходство очень скоро разсѣялась, а въ скоромъ времени также рушилась и надежда на устройство ежемѣсячной зимней почты. Одинъ нижнеколымскій кунецъ, иѣкто Трифоновъ, въ теченіе многихъ лѣтъ торговавшій изъ Нижнеколымска съ чукчами и за это время вдоль и поперекъ извѣдывшій Чукотскій край, сдѣлалъ вышеупомянутое предложеніе объ устройствѣ почты. Но Трифоновъ, совершивъ разныя противозаконности въ Ижигинскѣ, былъ за то арестованъ тамошнимъ исправникомъ и препровожденъ для слѣдствія въ Петронавловскъ, куда прибылъ въ декабрѣ 1852 г. Арестованный вызывался передъ губернаторомъ доставить въ Камчатку за чрезвычайно умѣренную цѣну 100 лошадей и затѣмъ, за столь-же малое вознагражденіе, завести ежемѣсячную зимнюю почту; за это онъ просилъ Завойко исходатайствовать ему освобожденіе отъ суда. Къ сожалѣнію Завойко не довѣрялъ купцу, и такимъ образомъ всѣ эти столь выгодныя для Камчатки предложенія остались не приведенными въ исполненіе. Но лично я изъ общенія съ много видѣвшимъ Трифоновымъ извлекъ существенную пользу, получивъ отъ него тѣ свѣдѣнія, которыя вошли въ мою статью о Корякахъ и Чукчахъ и опубликованы въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ уже въ 1855 г.

И въ этомъ году также русскіе купцы, отправившись изъ Петропавловска, совершили свой торговый объѣздъ страны; при чемъ ихъ, какъ всегда полагалось въ такихъ случаяхъ, сопровождалъ чиновникъ. 17-го декабря 1852 г. длинный рядъ нартъ, принадлежавшихъ семи купцамъ, двинулся отсюда въ дорогу и вернулся лишь 2-го апрѣля. Купцы вернулись съ очень довольными лицами, да и было почему: однихъ соболей, къ тому-же большею частью высшаго достоинства, они намѣняли 2500 штукъ. Одновременно съ купцами сюда ежедневно пріѣзжало множество камчадаловъ, иногда изъ очень дальнихъ остроговъ, чтобы сбыть здѣсь остатки своей добычи Русско-Американской Компаніи и въ лавкѣ американца. По мѣрѣ того какъ эти фирмы своей добросовѣстностью пріобрѣтали довѣріе туземцевъ, русскіе торгаши его лишались; на всякомъ шагу они обсчитывали камчадаловъ, которыхъ до нѣкоторой степени защищаль отъ грабежа только сопровождавшій купцовъ чиновникъ. Оставленные безъ надзора, эти корыстолюбивые и безсердечные торгаши и обманышки въ скоромъ времени въ конецъ раззорили-бы простыхъ и добродушныхъ камчадаловъ. Вся пушнина, привозившаяся въ Петропавловскъ, доставалась теперь не торгашамъ, но покупалась за соотвѣтственную цѣну обѣими названными фирмами, при чемъ, какъ говорили, набрались еще значительныя партіи соболей, лисицъ и медвѣдей.

Среди множества пріѣзжихъ камчадаловъ было также нѣсколько человѣкъ, съ которыми я познакомился во время своей послѣдней поѣздки; такимъ образомъ я имѣлъ возможность принять и угостить ихъ у себя. Въ числѣ моихъ гостей былъ и чапинскій тайонъ, доставившій мнѣ большой, хотя къ сожалѣнію нѣсколько вывѣтрившійся мамонтовъ бивень, имѣвшій почти 2 метра въ длину и 30 сантиметровъ въ обхватѣ. Далѣе изъ Машуры мнѣ прислали крупный коренной зубъ мамонта. Оба зуба найдены были въ ѳысокихъ ділювіальныхъ отложеніяхъ, образующихъ берега р. Камчатки.

Вскорѣ послѣ того какъ затихло оживленіе, принесенное къ

намъ прибывавшими и уѣзжавшими по сухому пути камчадалами, стала проявляться жизнь и на морѣ. Весь апрѣль мѣсяцъ въ гавани господствовала усиленная работа по оснасткѣ и снаряженію казенныхъ судовъ. Затѣмъ съ маяка поданъ былъ сигналъ о приближающемся суднѣ, и 1-го мая дѣйствительно въ Авачинскую губу вошло первое за этотъ годъ судно. То былъ американскій китобой, который, идя изъ Гонолулу, собирался здѣсь въ послѣдній разъ отдохнуть передъ утомительной и опасной работой на сѣверѣ.

5-го мая населеніе было обрадовано другимъ пришельцемъ съ моря, на этотъ разъ принадлежавшимъ къ животному царству. Ужъ нѣсколько дней рыбаки высматривали чавычу (*Salmo orientalis*), которой ждали со дня на день; наконецъ, сегодня поймали одинъ экземпляръ этого колоссальнаго лосося. Рыба была сперва съ триумфомъ понесена къ Завойко; затѣмъ ее носили по всему городу, и населеніе отнеслось къ появленію ея, какъ къ событію величайшей важности, какъ оно и было въ самомъ дѣлѣ.

Черезъ нѣсколько дней, именно 16-го мая, пришло большое судно Россійско-Американской Компаніи «*Наслѣдникъ*», прибывшее прямо изъ Петербурга и къ общей радости доставившее почту. Хотя вѣсти и письма ужъ порядочно состарились (судно оставило Кронштадтъ въ сентябрѣ), тѣмъ не менѣе все же это были вѣсти и письма. Наша жизненная обстановка тоже получила иную окраску, благодаря прибытію большого количества разныхъ товаровъ. Такъ какъ послѣдняя остановка судна была въ Гонолулу, то оно имѣло возможность доставить намъ самые лучшіе южные плоды: явились въ изобиліи ананасы, кокосовые орѣхи, арбузы и апельсины; но особенное значеніе представляло множество полезныхъ консервовъ, очень важныхъ при путешествіяхъ по такой странѣ, какъ Камчатка. Къ сожалѣнію, радостные дни открывшейся навигаціи были омрачены событіемъ, очень грустнымъ для нашего общества. Здѣшній артиллерійскій офицеръ Лорчъ, курляндскій уроженецъ, умзръ 8-го мая отъ легочной чахотки и 11-го мая нашель послѣднее упокоеніе на здѣшнемъ

кладбищѣ. Это была личность, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ и любовью.

26-го Мая оба здѣшнихъ транспортныхъ судна «*Иртыгъ*» и «*Байкалъ*» вышли съ нашей почтой въ море, направляясь въ Аянъ, гдѣ они должны были захватить прибывшіе туда для Камчатки товары. Тендеръ «*Камчадалъ*», подъ командой Чудинова, также стоялъ уже въ гавани, готовый къ отплытію. Это небольшое одномачтовое судно, на которомъ мнѣ предстояло совершить путешествіе въ Ижигинскъ, было послѣднимъ, еще остававшимся въ гавани. Оно ждало только приказа губернатора, чтобы сняться съ якоря и выйти въ море.

ОТДѢЛЪ IV.

Поездки по Камчаткѣ. Путешествіе въ Ижигинскъ и на полуостровъ Тайгоносъ лѣтомъ 1853 г.

- 1) *Плаваніе отъ Петропавловска въ Ижигинскъ.*
 - 2) *Поездка по полуострову Тайгоносу.*
 - 3) *Плаваніе отъ Ижигинска въ Тимль.*
 - 4) *Поездки по западному берегу Камчатки.*
- Прибавленіе: въ Петропавловскъ зимою 1853—54 г.*

1) *Плаваніе отъ Петропавловска въ Ижигинскъ.*

Тендеръ «Камчадалъ» былъ построенъ на Ситхѣ для службы въ Камчаткѣ, спущенъ тамъ на воду въ 1843 г. и 14-го іюня того же года пришелъ въ Петропавловскъ. Судно это — 56 футовъ длиной, 18 футовъ шириной, съ осадкой въ $8\frac{1}{2}$ футовъ, было вооружено 6 небольшими пушками (фальконетами) и, въ случаѣ нужды, могло йтти при помощи 4 длинныхъ весель, пропущенныхъ чрезъ люки въ бортахъ. Оно имѣло всего одну мачту и выдвигной бугшпритъ, чтобы имѣть возможность въ случаѣ бури убавить паруса. Ему было предоставлено право носить русскій военный флагъ, и, пожалуй, лишь это одно напоминало въ немъ военное судно; дисциплина и опрятность, къ сожалѣнію, оставляли желать весьма многого. Капитаномъ этого судна со-

стоялъ А. М. Чудиновъ, лейтенантъ корпуса штурмановъ. Онъ происходилъ изъ низшаго сословія, родился въ Охотскѣ и получилъ образованіе въ мѣстномъ штурманскомъ училищѣ; это былъ обходительный и добродушный человѣкъ, хорошо понимавшій дѣло управленія своимъ судномъ. Ему недоставало общаго образованія, и кругозоръ его былъ, такъ сказать, чисто «охотскимъ», такъ какъ ему никогда не приходилось бывать нигдѣ болѣе. Подъ его командой состояли: одинъ штурманъ — кадетъ Кокоринъ, 2 унтеръ-офицера и 12 матросовъ. Кромѣ меня, въ качествѣ пассажира, былъ еще одинъ Ижигинскій казакъ, такъ что въ общей сложности на суднѣ находилось 18 человѣкъ.

1-го іюня Чудиновъ со всѣмъ своимъ экипажемъ вступилъ на судно и вечеромъ получилъ приказаніе сняться съ якоря съ первымъ же попутнымъ вѣтромъ. На слѣдующій день перебрался на тендеръ и я, и около 9 часовъ вечера мы начали медленно удаляться изъ Авачинскаго залива, такъ что только къ 10½ часамъ вышли въ открытое море, гдѣ стали держаться курса на зюйдъ-остъ. За ночь плаваніе наше подвинулось впередъ немного, и, когда я проснулся 3-го іюня раннимъ утромъ, при великолѣпной погодѣ и почти чистомъ горизонтѣ, мы находились близъ мыса Поворотнаго и сопки Поворотной, приблизительно въ 20 морскихъ миляхъ отъ материка. Все время вѣтеръ былъ настолько слабъ, что его скорѣе можно было назвать штилемъ. Вдали величественной картиной лежалъ одѣтый снѣгомъ берегъ Камчатки съ его крутыми береговыми утесами и горами. Далеко къ сѣверу виднѣлся мысъ Шипунскій, за нимъ шли сопки Жупановская, Коряцкая, Авачинская, Вилючинская и Поворотная (послѣдняя, не дѣйствующая и имѣющая видъ большого, довольно плоскаго конуса, на картѣ Гидрографическаго Департамента показанная въ 7929 футовъ высоты), съ ихъ предгорьями и соединительными кряжами. Къ югу воздухъ былъ менѣе прозраченъ, и очертанія горъ представлялись менѣе ясными.

Уже къ полудню поднялся вѣтеръ съ юга, который становился все свѣжѣе, нагналъ густой туманъ и чувствительно по-

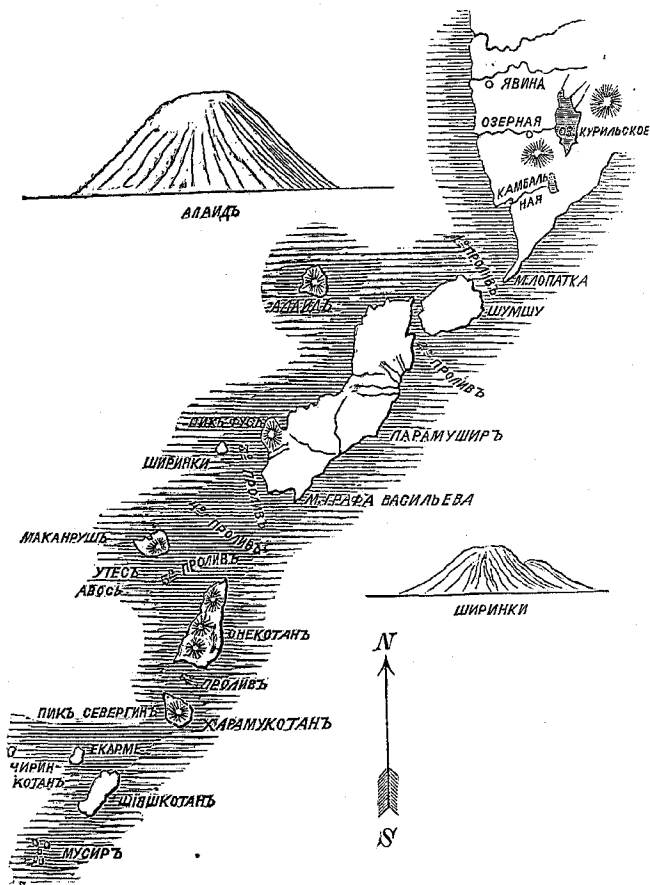
низилъ температуру воздуха (2°); къ вечеру тендеръ уже лавировалъ съ подрифленными парусами противъ сильнаго встрѣчнаго вѣтра и высокихъ волнъ. Такъ прошла вся ночь; 4-го іюня погода опять стихла, а затѣмъ — вплоть до 11-го числа — намъ постоянно пришлось бороться съ противными вѣтрами и со штилемъ. То вѣтеръ, дувшій упорно съ юга, пріобрѣталъ силу бури, и тендеръ летѣлъ, лавируя, по волнамъ съ домъ вышиной, то наступало затишье, и наше судно безцѣльно покачивалось на поднятой бурей зыби, не трогаясь съ мѣста. Какъ въ вѣтряную погоду, такъ и въ безвѣтріе, мы были окружены, при температурѣ, едва достигавшей 3° , туманомъ, часто садившимся въ видѣ капель, и на столько густымъ, что въ разстояніи не болѣе 20 шаговъ ничего не было видно. При этомъ за все это время — ни одинаго луча солнца, и, слѣдовательно, никакой возможности производить какія бы то ни было наблюденія. Только приблизительно, по счисленію хода судна, мы могли опредѣлять наше положеніе. Мы имѣли въ виду пройти въ Охотское море такъ называемымъ 4-мъ Курильскимъ проливомъ, самымъ широкимъ и самымъ безопаснымъ, находящимся между о-вами Ширипки и Парамуширомъ — съ сѣвера и Онекотаномъ и Макапрушемъ — съ юга. Чудиновъ, налуганный крушеніемъ, которое ему пришлось потерпѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ близъ мыса Лопатки, рѣшилъ держаться въ такой туманъ далеко въ сторонѣ отъ Курильскихъ острововъ; такимъ образомъ 8-го іюня мы могли, пользуясь вышеуказаннымъ способомъ опредѣленія мѣста, считать, что находимся на 49° с. ш., на высотѣ южной части Онекотана, и миляхъ въ 50—60 къ востоку отъ этого острова. Много разъ насъ окружали киты, раза два подходившіе совсемъ близко къ судну. Меня въ особенности интересовалъ одинъ небольшой видъ этихъ животныхъ, окружавшихъ насъ въ большомъ количествѣ. Животныя, футовъ въ 15—20 длиной, имѣли большой спинной плавникъ, а тотчасъ же позади его бѣлую перевязь, спускавшуюся со спины книзу по обоимъ бокамъ и очень явственно выдѣлявшуюся на темнозеленомъ фонѣ тѣла. Разъ у

самого руля показался морской бобръ; фыркая, онъ выставилъ изъ воды почти вертикально переднюю треть тѣла и быстро скрылся опять. Водяныя птицы — *Procellaria*, *Alca*, *Lunda* — держались около насъ часто въ безчисленномъ множествѣ; но зато выдавались часы и дни, когда не видать было ни одной изъ этихъ птицъ. Уже 9-го іюня мы могли, лавируя, подвинуться нѣсколько къ западу, что еще лучше удалось намъ 10-го, благодаря болѣе благоприятному вѣтру. Въ полдень 10-го числа на наше судно залетѣла пара какихъ-то наземныхъ птицъ, величиной съ воробья. Общій цвѣтъ оперенія ихъ былъ грязно-оливково-зеленый, съ легкимъ металлическимъ отблескомъ; подъ горломъ виднѣлось ярко-красное пятно, отъ котораго тянулись черныя полосы къ глазамъ и къ клюву. Послѣдній напоминалъ по формѣ клювъ дятла. Всю ночь и утренніе часы 11-го числа мы подвигались къ западу и около полудня увидѣли сѣверный пикъ Онекотана, весь окутанный снѣгомъ. Теперь мы уже ориентировались и къ 9 часамъ вечера вошли въ 4-й Курильскій проливъ. Однако скоро вновь заштилѣло, и намъ пришлось въ очень темную ночь прокататься между островами. Хотя утро 12-го іюня и выдалось довольно хорошее, горы и крутые, скалистые берега острововъ вырисовывались не совсѣмъ ясно чрезъ затянувшую ихъ легкую дымку тумана. Къ югу, довольно близко отъ насъ, поднимался высокій сѣверный конусъ Онекотана, тогда какъ двухъ другихъ конусообразныхъ вершинъ, которыя имѣетъ этотъ островъ, не было видно. На западѣ возвышался въ видѣ закругленной, не очень высокой, скалистой массы — о-въ Маканрушъ. Къ сѣверу отъ насъ находился южный конецъ большого, тянущагося далеко на сѣверъ и покрытаго высокими горами о-ва Парамушира. Прямо противъ насъ, въ юго-восточной части этого острова, поднимался крутой мысъ графа Васильева, а на юго-западѣ того же берега — высокій пикъ Фусса, вершина котораго была закрыта облаками. Второй пикъ — лежащій болѣе вглубь острова вулканъ — не былъ намъ виденъ. Наконецъ къ сѣверо-сѣверо-западу возвышался въ видѣ усѣченнаго конуса небольшой вулканической о-въ

Ширинки; изъ-за него выглядывалъ другой, такой же формы, только нѣсколько менѣе высокій конусъ, стоявшій съ первымъ, казалось, на одномъ общемъ основаніи. Вездѣ царилъ зима, и земля лежала глубоко подъ снѣгомъ и льдомъ. Парамуширь тянется почти на цѣлый градусъ долготы съ юго-запада на сѣверо-востокъ и отдѣленъ проливомъ шириной всего въ 2 версты отъ округленнаго, гораздо болѣе плоскаго, о-ва Шумшу, а этотъ послѣдній отдѣленъ 15-верстнымъ проливомъ отъ мыса Лопатки. Отъ Онекотана далѣе къ юго-западу расположенъ длинный рядъ мелкихъ вулканическихъ острововъ, изъ которыхъ Харамукотанъ, Шияшкотанъ и Симуширь побольше остальныхъ; затѣмъ слѣдуетъ болѣе крупный о-въ Урупъ, который, находясь уже на 46° с. ш., покрытъ лѣсомъ и населенъ аинами. За нимъ идутъ въ томъ же направленіи — сначала самый большой изъ всѣхъ Курильскихъ острововъ — Итурупъ, точно также населенный аинами, а затѣмъ, тоже большой, о-въ Кунаширь, уже примыкающій къ о-ву Иессо. Такимъ образомъ Курильскіе о-ва составляютъ рядъ непрерывно тянущихся въ юго-западномъ направленіи, на протяженіи гораздо болѣе 1000 верстъ — отъ южной оконечности Камчатки до Японіи, слѣдовательно отъ 51 до 44° ш. Это — подводная цѣпь вулкановъ, самая высокія вершины которой выступаютъ надъ поверхностью моря въ видѣ болѣе или менѣе крупныхъ острововъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они являются продолженіемъ камчатскаго ряда тихо-океанскихъ вулкановъ и связующимъ звеномъ между нимъ и тянущимся въ томъ же, юго-западномъ, направленіи рядомъ вулкановъ Японіи; послѣдній же, въ свою очередь, продолжается далѣе за экваторъ къ Филиппинскимъ и Зондскимъ о-вамъ. Но такъ какъ рядъ камчатскихъ вулкановъ начинается на сѣверѣ уже съ 57° с. ш., то здѣсь, значитъ, мы имѣемъ дѣло съ вулканической трещиной, занимающей по широтѣ, по меньшей мѣрѣ, 57 градусовъ; эта трещина принадлежитъ, очевидно, къ числу самыхъ длинныхъ на земномъ шарѣ, и на ней возвышается множество гигантскихъ конусовъ и открывается не мало кратеровъ, изъ коихъ весьма зна-

чительное число проявляетъ дѣятельность еще и въ настоящее время.

Курильскіе о-ва, т. е. оба самые сѣверные, въ первый разъ замѣчены въ 1706 году Атласовымъ, открывшимъ и завоевав-

шимъ Камчатку въ 1696 г. За время 1711—1713 гг. этотъ завоеватель посылалъ туда своихъ сборщиковъ ясака. Въ 1720 году Петръ I отправилъ на Курильскіе острова двухъ землеѣровъ искать рудъ. Посланные прошли къ югу до о-ва Шіяшкотана. Съ 1738 по 1741 г. Курильскіе о-ва, до Японіи, изслѣ-

доваль Шпангбергъ, а позже острова эти были видѣны и вновь опредѣлены всѣми мореплавателями, посѣщавшими эти страны.

Несмотря на все это, въ геологическомъ отношеніи этотъ рядъ острововъ остается еще и по сей часъ вполне *terra incognita* и все, что извѣстно объ этомъ, несомнѣнно въ высокой степени интересномъ, рядѣ вулкановъ, ограничивается названіями острововъ и очень разрозненными, скудными свѣдѣніями объ ихъ вулканической дѣятельности. Не считая многочисленныхъ рифовъ и скаль, поднимающихся почти до поверхности воды, а то и нѣсколько возвышающихся надъ нею, изъ этого—въ большей своей части подводнаго—вулканическаго хребта выдается 23 острова, съ высокими пиками и кратерами. Изъ нихъ 4 должно отнести къ большимъ; это—Парамуширъ на сѣверѣ (второй отъ мыса Лопатки), и самые южные—Кунаширъ, Итурупъ и Урупъ. Пять острововъ можно считать средними по величинѣ: Шумшу, Онекотанъ, Харамукотанъ, Шіяшкотанъ и Симуширъ. Наконецъ, остальные 14 острововъ—не велики и состоятъ большею частію просто изъ одиночныхъ вулкановъ или старыхъ кратеровъ; таковы: Алайдъ, Ширинки, Маканрушъ, Екарме, Чиринкотанъ, Мусиръ, Райкоке, Матуа, Рашуа, Средневъ, Ушисиръ, Кетой, Черный и Чикотанъ.

Сдѣлавъ это отступленіе отъ путевого дневника, я возвращаюсь къ нашему тендеру. Вслѣдствіе шторма, онъ безпомощно стоялъ въ четвертомъ проливѣ между скалистыми берегами острововъ, а неблагоприятное теченіе прибывало насъ все ближе и ближе къ берегамъ Онекотана, такъ что намъ уже сталъ слышенъ и виденъ шумящій и пѣнящійся прибой. На наше счастье задулъ западный вѣтеръ, который позволилъ намъ поднять всѣ паруса и выбраться къ сѣверу, къ Ширинки,—такимъ образомъ мы избѣгли посадки на мель. Вслѣдствіе прилива и отлива, идущихъ изъ океана въ Охотское море и обратно, въ проливахъ между островами, особенно въ болѣе узкихъ, образуются весьма сильныя теченія, осилить которыя можно только при крѣпкомъ вѣтрѣ и которыя нерѣдко составляютъ причину гибели судовъ.

Часто мелкія суденышки, каковы лодки и байдары, проходящія на веслахъ или парусахъ отъ острова къ острову, сбивались со своего курса въ открытое море и гибли. 13-го іюня опять-таки было почти тихо, и мы прошли, держась къ сѣверу, лишь настолько, что о-въ Ширинки остался отъ насъ на востокъ. Массы морскихъ птицъ окружали насъ, да еще мимо насъ прошла пара большихъ китовъ безъ спинного плавника. Холодъ былъ достаточно чувствителенъ: термометръ показывалъ всего $+2^{\circ}$. Ночью мы достигли почти широты мыса Лопатки, а утромъ 14-го іюня началъ дуть свѣжій юго-западный вѣтеръ, поднявшій ходъ нашего судна—въ первый разъ—до 6 узловъ. Туманъ колоссальной, темносѣрой стѣной сдвинулся къ югу, и мы вдругъ увидѣли надъ собой голубое небо. Къ востоку-юго-востоку показался о-въ Алайдъ, весь одѣтый снѣгомъ. Безъ всякихъ прибрежій, сразу поднимается онъ изъ моря одинокимъ, мощнымъ, высокимъ усѣченнымъ конусомъ, не обнаруживающимъ въ настоящее время ни малѣйшихъ слѣдовъ дѣятельности. Чудиновъ видѣлъ въ 1839 г. этотъ вулканъ очень острымъ и сильно дымившимъ. Въ 1848 г., слѣдовательно, въ томъ самомъ, когда Азача начала дѣйствовать и въ Петропавловскѣ было очень сильное землетрясеніе, вершина Алайда провалилась, и его дѣятельность съ того времени совсѣмъ прекратилась. Въ полдень, когда туманъ рассеялся, температура, при ясномъ небѣ, достигла $10\frac{1}{2}^{\circ}$. Вѣтеръ, однако, ослабъ настолько, что ходъ нашъ скоро упалъ до 2 узловъ. Поверхность моря представляла очень своеобразный видъ: вся она на обширномъ протяженіи была покрыта пузырями пѣны. Чудиновъ замѣтилъ, что очень не за долго предъ тѣмъ здѣсь прошла большая льдина, и мы могли считать за счастье продолжительную задержку вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, иначе повстрѣчались бы со льдомъ. Очевидно, что встрѣча этихъ ледяныхъ массъ, приносимыхъ холодной водой съ сѣвера, съ болѣе теплой водой, нагоняемой постоянными южными вѣтрами, и способствовали образованію непроницаемаго, покрывавшаго насъ передъ тѣмъ, тумана.

Къ вечеру юго-западный вѣтеръ снова сталъ свѣжѣе и усилилъ ходъ нашъ опять до 6 узловъ. Ночи были очень темны, въ особенности еще отъ густыхъ тучъ, собиравшихся съ вечера. Зато мы много разъ имѣли случай любоваться великолѣпнымъ свѣщеніемъ моря. За нашимъ, довольно бойко шедшимъ, судномъ тянулся на нѣсколько сажень, а шириной футовъ въ 10, серебристый, свѣтящійся хвостъ, а въ этомъ блестящемъ, точно кипящемъ и пѣнящемся, потокѣ двигались самымъ оживленнымъ образомъ цѣлые милліоны тѣлецъ (отъ 2—3 д. въ поперечникѣ до величины точки), которыя рѣзко выдѣлялись изъ общаго свѣта и которыя, повидимому, и были источникомъ самаго явленія свѣщенія. Тамъ и сямъ отдѣльныя свѣтящіяся тѣльца сбивались съ ярко освѣщеннаго пути въ сторону, въ темную часть воды и тамъ загорались еще ярче, чтобы затѣмъ быстро погаснуть. Свѣтящіяся тѣльца имѣли форму различнаго рода лопастинокъ, блестокъ и точекъ, которыя, будучи внезапно взбуровлены, приходили въ быстрое движеніе и распространяли вокругъ себя лучи свѣта. Но не только въ кильватерѣ, въ каждой волнѣ, вблизи и вдали, — видно было большее или меньшее количество этихъ свѣтящихся тѣлецъ, которыя и тамъ образовали самыя причудливыя свѣтovyя картины. Въ особенности красивыми казались освѣщенные гребни волнъ съ бугшприта и, кромѣ того, при наблюденіи отсюда, можно было видѣть еще другое, весьма интересное явленіе. Независимо отъ освѣщенныхъ гребней волнъ, въ болѣе глубокихъ слояхъ воды появлялись, съ короткими паузами, тускло свѣтящіяся, довольно широкіе участки, двигавшіеся быстро навстрѣчу намъ. Какъ только такое подводное пятно подходило близко къ намъ, оно поднималось замѣтно выше, свѣтилось сильнѣе и рассыпалось затѣмъ въ видѣ цѣлаго роя блестящихъ ракетъ, распространяя во всѣ стороны огненные лучи. Это были косяки проходныхъ рыбъ, тянувшіеся навстрѣчу намъ, къ берегамъ — метать икру въ рѣкахъ. Какъ только онѣ замѣчали наше, тоже освѣщенное, судно, онѣ рассыпались въ стороны, вслѣдствіе этого получался причудливый видъ какихъ-то,

лопающихся глубоко подъ водой, свѣтящихся шаровъ какого-то фейерверка, вылетавшихъ изъ серебристаго, тускло свѣтящаго на глубинѣ пятна. Мнѣ не забыть, до чего великолѣпно было зрѣлище подобнаго свѣченія въ темную ночь; часто оно продерживало меня до разсвѣта на палубѣ. Но не всегда свѣченіе моря бывало одинаково роскошно: стай рыбъ, съ ихъ чуднымъ фейерверкомъ, часто не доставало.

Въ ближайшіе дни мы держали курсъ все на сѣверъ. При этомъ крайне рѣзко бросалось въ глаза, какъ почти каждая слѣдующая ночь, по сравненію съ предыдущей, становилась короче и свѣтлѣе, пока, наконецъ, близъ Ижигинска мы почти совсѣмъ потеряли ночи и вечерняя заря почти сходилась съ утренней.

До 20-го іюня мнѣ приходится отмѣтить лишь немногое. Дни проходили очень однообразно. Скорость нашего хода оставалась незначительной: 2—6 узловъ въ часъ было для насъ самымъ быстрымъ ходомъ. Сплошь и рядомъ выдавалось затишье или дулъ совсѣмъ слабый, негодный для плаванія, вѣтеръ. Къ счастью, лавировать противъ совсѣмъ встрѣчнаго вѣтра, что поглощаетъ массу времени, приходилось уже только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Нерѣдко выпадали дожди; зато туманы, по мѣрѣ движенія нашего къ сѣверу, становились все рѣже, и съ ихъ исчезновеніемъ температура воздуха очень замѣтно повышалась. Отъ берега Камчатки, приблизительно параллельно которому мы двигались къ сѣверу, мы были отдалены большею частію миль на 50—60, и материка не было видно. Насъ тѣмъ не менѣе все еще окружали водныя птицы въ большомъ количествѣ. Это были опять тѣ же: *Procellaria glacialis* (глупышъ), бѣлая и сѣрая его разновидности, чистики (ара), *Lunda* (топорокъ), рѣже *Uria* и *Diomedea*, изъ коихъ большой, бѣлый альбатросъ показывался чаще, чѣмъ меньшій, черный. Довольно много приходилось видѣть китовъ, какъ крупныхъ, безъ спинного плавника, такъ и болѣе мелкихъ, со спиннымъ плавникомъ. Разъ насъ окружило съ дюжину дельфиновъ, небольшихъ — 4—5 футовъ длиною — бу-

раго цвѣта съ свѣтло-желтоватымъ брюхомъ. Прыгая, какъ сумасшедшіе, съ быстротою молніи, они окружили насъ, прослѣдовали нѣсколько за нами и снова также быстро скрылись. Еще близъ Алаида былъ замѣченъ на водѣ и вытащенъ мертвый, отчасти уже разложившійся экземпляръ головоногаго, который довольно значительно отличался отъ обыкновеннаго здѣсь вида *Octopus*. Животное свѣтло-красноватаго цвѣта, съ совсѣмъ черными глазами, было 4 дюймовъ длиною и имѣло восемь одинаковой длины рукъ, по $1\frac{1}{2}$ фута каждая. Въ устройствѣ рукъ, на мой взглядъ и было самое существенное отличіе отъ обыкновенной каракатицы: онѣ были округлены, дюйма въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ и безъ присосковъ, которые у каракатицы сидятъ по всей длинѣ; здѣсь присоски имѣлись лишь на концахъ рукъ.

Пройдя еще до 59° , мы вошли 20-го іюня въ болѣе узкую, сѣверо-восточную часть Охотскаго моря, которая заканчивается двумя, отдѣленными другъ отъ друга полу-вомъ Тайгоносомъ, заливами, западнымъ, болѣе широкимъ — Ижигинской губой, и восточнымъ, болѣе узкимъ и углубляющимся далѣе перваго къ сѣверу — Пенжинской губой. На берегу Сибири у Ямска гористое побережье выдается далеко къ востоку и своей оконечностью, мысомъ Пягинымъ, вытягивается къ мысу Омгену на Камчатскомъ берегу у Тигия; вслѣдствіе этого въ этомъ мѣстѣ образуется сильное суженіе моря, и отсюда оно становится значительно мельче. Вечеромъ въ этотъ день сталъ виденъ къ западо-сѣверо-западу мысъ Пягинъ съ лежащими предъ нимъ о-вами, Матикилемъ и Атиканомъ, и мы нашли на глубинѣ 85 сажень глинистый грунтъ. Въ ближайшіе дни намъ снова пришлось итти, вслѣдствіе затянувагося безвѣтрія, совсѣмъ «черепашьимъ шагомъ». Насъ опять окружали вышеупомянутыя водныя птицы, а также тюлени и киты; изъ нихъ послѣдніе появлялись, почти всегда парами и нѣкоторые до того были усѣяны ракообразными, что темная сторона ихъ тѣла казалась совсѣмъ свѣтлой, даже бѣлой. Кромѣ живыхъ существъ, на водѣ плавало множество плавучаго лѣса всякаго рода. Глубина моря становилась

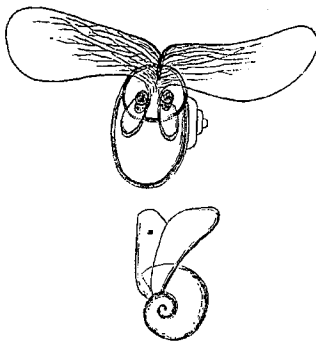
значительно меньше, и лотъ показывалъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ сѣверу, сначала 70, затѣмъ 55, 42 и 37 сажень; грунтъ все время состоялъ изъ зеленоватой глины.

23-го Юня мы перешли за широту южной оконечности полуострова Тайгоноса ($60^{\circ} 30'$), стали держаться въ виду его западнаго берега и подошли близко къ лежащему около послѣдняго о-ву Телану. Къ ночи поднялся очень свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ съ туманомъ, который заставилъ насъ, чтобы не быть снесенными опять назадъ, лавировать съ подрифленными парусами по узкому въ этомъ мѣстѣ и становящемуся все мельче фарватеру; въ этомъ случаѣ свѣтлая ночь была намъ очень на руку. Чудиновъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ, чтобы этимъ подать вѣсть тайгоносскимъ корякамъ о нашемъ прибытіи, въ надеждѣ, что они передадутъ это на маякъ и оттуда вышлютъ намъ поскорѣ лоцмана. Но единственнымъ эффектомъ выстрѣловъ было лишь то, что вслѣдствіе сотрясенія воздуха туманъ сначала сильно сгустился кругомъ насъ, а затѣмъ разсѣвался очень медленно. 24-го числа утромъ намъ сперва пришлось бороться съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ и высокими волнами; потомъ стало тише. Вѣтеръ, хотя и ослабъ, повернулъ къ югу и погналъ наше судно мимо группы о-вовъ Халпили (это, собственно, группа небольшихъ скалъ) къ скалѣ Морской Матугѣ, гдѣ мы уже перешли за 61° . 25-го Юня день выдался прекрасный—ясный и теплый ($+16$)—и, такъ какъ мы подошли уже близко къ землѣ, то на суднѣ появилось много комаровъ. Но, какъ на грѣхъ, опять почти совсѣмъ заштигло, и цѣль нашей поѣздки, теперь совсѣмъ близкая, все еще оставалась не достигнутой. При мысѣ Верхоламскомъ мы подошли уже такъ близко къ ранѣе еще довольно отдаленному сибирскому берегу, что теперь оба берега залива были видны совсѣмъ хорошо. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вступили въ самую внутреннюю часть Ижигинской губы; здѣсь особенно много было плавучаго лѣса, вынесеннаго рѣками.

Западный берегъ состоитъ изъ голой, высокой моховой

тундры, которая круто спускается къ морю; изъ-за нея вдали виднѣется цѣпь довольно высокихъ горъ; послѣднія, конечно, стоятъ въ связи съ хребтомъ, тянущимся вдоль всего западнаго берега Охотскаго моря. Берегъ Тайгоноса точно также представляетъ высокую, лишенную древесной растительности и круто спускающуюся къ морю, моховую тундру; болѣе вглубь страны надъ тундрой высятся пологіе, коническіе, покрытые мохомъ безлѣсные холмы. Лежащіе очень близко у высокаго, утесистаго берега скалистые острова являются просто лишь его участками, утратившими съ нимъ связь; таковы: Колокольная, Морская и Рѣчная Матуги и лежащая далеко на горизонтѣ небольшая, состоящая изъ 6 скалъ, группа Халпили. Въ лощинахъ еще видно было много снѣгу, и устья рѣкъ отчетливо выступали въ видѣ глубокихъ вырѣзовъ въ высокой береговой тундрѣ (береговомъ платѣ). Въ самую сѣверную оконечность залива впадаетъ р. Ижига, самая большая въ этой мѣстности, а какъ разъ рядомъ съ ней — Обвѣковка, отдѣленная лишь высокой, плоской горой, на которой стоитъ маякъ. Между устьями обѣихъ рѣкъ, у подошвы маячной горы, находилось мѣсто стоянки судовъ безъ всякой гавани или какого бы то ни было прикрытія. Сюда-то именно намъ и нужно было добраться. Но это возможно бываетъ лишь при приливѣ и именно въ послѣднюю его стадію, когда затихаетъ сильное теченіе къ берегу и скоро долженъ начаться отливъ. Во время полнаго отлива здѣсь почти сухо, а когда приливъ еще во всей силѣ, легко можетъ случиться, что судно слишкомъ сильно толкнется о берегъ. Такимъ образомъ приходилось дѣйствовать съ большою осторожностью. Поэтому Чудиновъ отдалъ приказаніе стать на якорь, чтобы выждать сигнала къ подлежащему моменту двинуться съ мѣста. Мы со всѣхъ сторонъ были оцѣплены плавучимъ лѣсомъ, множествомъ тюленей, водныхъ птицъ и китовъ, подходившихъ къ намъ чрезвычайно близко. Но особенное мое вниманіе привлекло небольшое существо, кишѣвшее всюду въ водѣ въ изумительномъ количествѣ и поглощаемое китами. Это былъ небольшой слизнякъ, съ ракови-

ной около 20 милл. въ поперечникѣ, державшійся на самой поверхности воды или на незначительной глубинѣ и двигавшійся весьма оживленно. Раковина была въ высшей степени нѣжна, тонка, хрупка и почти совершенно прозрачна. Немногочисленные завитки ея выступали на одной сторонѣ очень невысоко. Все животное было почти безцвѣтно; лишь нѣкоторыя части имѣли фіолетовую окраску. На прилагаемомъ рисункѣ фіолетовый цвѣтъ переданъ штриховкой. Изъ раковины выставлялись два относи-

тельно большихъ (до 20 мм. длиной каждый) лопастевидныхъ крылышка или плавника, находившихся въ постоянномъ, оживленномъ движеніи. Пониже этихъ плавниковъ замѣтны были еще, одна надъ другой, двѣ пары мѣньшихъ, изъ которыхъ менѣ развитая окрашена была въ фіолетовый цвѣтъ, также какъ и часть большихъ. Другая пара мѣньшихъ плавниковъ была

безцвѣтна. Эти небольшіе органы находились точно также въ движеніи. Эти небольшія существа замѣчательно нѣжны. Они ломались при черпаніи ведромъ или при прикосновеніи къ нимъ пальцами. Мнѣ все-таки въ концѣ концовъ удалось посадить нѣсколько штукъ въ спиртъ, но къ сожалѣнію и они въ скоромъ времени совсѣмъ испортились. Поднялся легкій вѣтеръ, покрывшій поверхность моря рябью, и тотчасъ же всѣ эти животныя скрылись въ глубину. Во всякомъ случаѣ это былъ какой-то видъ крылоногихъ моллюсковъ (*Pteropoda*).

Несмотря на нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и совсѣмъ ясный день — воздухъ былъ прозраченъ, и насъ легко можно было видѣть — намъ ни подавали сигнала, ни высылали лопмана. Тогда мы снова снялись съ якоря и начали осторожно лавировать къ берегу, чтобы стать на якорь противъ устья Чайбухи, верстахъ въ 16 отъ Ижигинскаго маяка; вмѣстѣ съ тѣмъ Чудиновъ от-

рядилъ къ маяку лодку со своимъ помощникомъ Кокоринымъ, отдавъ ему приказаніе подать намъ въ подходящее время сигналъ. Глубина подъ нами теперь (это былъ отливъ) была всего въ $2\frac{1}{2}$ сажени. Къ вечеру начался приливъ, все усиливавшійся; наконецъ, вода съ быстротою $2\frac{1}{2}$ узловъ понеслась мимо насъ, снова таща къ берегу массу плавучаго лѣса. Къ 12 часамъ глубина въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, дошла уже почти до 5 саж. и, такъ какъ Кокоринъ не подавалъ о себѣ никакой вѣсти, то намъ не оставалось ничего болѣе, какъ сняться вновь съ якоря и осторожно двинуться впередъ съ приливнымъ теченіемъ, уже значительно слабѣвшимъ. Упустить этотъ моментъ значило, пожалуй, ждать снова цѣлыя сутки подходящаго случая. Такимъ образомъ мы тронулись, все время бросая лотъ, мимо Чайбухи, а затѣмъ и Обвѣковки, и, наконецъ, намъ посчастливилось достигъ мѣста высадки въ вполне подходящій моментъ, въ 3 часа утра, 27-го іюня.

Состояніе, въ какомъ мы застали людей на маякѣ, включая сюда и Кокорина съ отряженными съ тендера матросами, дало поводъ заключить, что они сговорились не подавать намъ сигнала именно затѣмъ, чтобы мы упустили подходящее время и не могли пристать къ берегу. Они занялись водкой и, понятно, хотѣли выгадать лишній день для попойки. Однако, увидѣвъ, что мы все-таки приближаемся и именно въ такой моментъ, что, навѣрное, достигнемъ и мѣста высадки, они живо зажгли огонь на маякѣ, хотя ночь была свѣтла, какъ день, и выслали къ намъ лопмановъ. Чудиновъ отослалъ назадъ пьяную команду, сдѣлавъ строгій выговоръ за такое отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ, хотя порядокъ все-таки не былъ восстановленъ. Вообще не было видно военной дисциплины; команда дѣлала то, что ей казалось удобнымъ и нравилось, и нужно было только удивляться, какъ въ концѣ концовъ все хорошо кончилось.

При высадкѣ — во время прилива — глубина воды подъ судномъ доходила до $2\frac{1}{2}$ сажень, а потомъ даже нѣсколько болѣе

того, такъ какъ приливъ еще продолжался немного времени. Но скоро затѣмъ наступилъ отливъ, и уже къ 11 часамъ утра вода спала до такой степени, что тендеръ совсѣмъ легъ на бокъ на мокромъ, скользкомъ, глинистомъ грунтѣ, — такъ что изъ воды выступили и киль, и руль, а ходить по палубѣ стало почти невозможнымъ.

Обнажившееся вслѣдствіе отлива дно моря было положительно сплошь покрыто массой мелкихъ морскихъ животныхъ, которыхъ подбирали и поѣдали стаи мелкихъ птицъ. Это была какая-то совсѣмъ маленькая порода куликовъ, нѣсколько побольше воробья, съ клювомъ длиной приблизительно въ дюймъ, съ бѣлымъ брюшкомъ, бѣлой грудью и бурымъ, съ пестриной, опереніемъ, очень похожимъ на опереніе рябчика. Птицы очень смѣло подходили къ самому тендеру и взлетали только уже въ нѣсколькихъ шагахъ, такъ что я однимъ выстрѣломъ убилъ сразу 22 штуки.

На берегу Ижиги, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нами, стояло нѣсколько деревянныхъ строеній въ самомъ плачевномъ состояніи, принадлежавшихъ какъ бы къ здѣшной гавани. Изъ нихъ казнѣ принадлежали 2 магазина, небольшая казарма и баня, а нѣсколько небольшихъ жилыхъ домовъ составляли собственность здѣшнихъ купцовъ. Эти дома прежде принадлежали одному мѣстному купцу Б. Теперь вдова его жила на самой окраинѣ городишка въ самой ужасающей бѣдности, въ жалкой избенкѣ, между тѣмъ какъ его бывший управляющій вступилъ во владѣніе всѣмъ его имуществомъ. При извѣстіи о нашемъ прибытіи онъ со многими другими обывателями явился изъ лежащей верстъ на 20 выше по теченію Ижиги и предложилъ намъ устроиться въ одномъ изъ его домовъ, такъ какъ жить на тендерѣ, легшемъ совсѣмъ на бокъ, стало невозможно. Начальникъ мѣстечка г. Х. къ 9 часамъ уже былъ на мѣстѣ, чтобы принять принадлежащую казнѣ часть груза — главнымъ образомъ, муку и соль. Ижигинскіе купцы, духовенство и казаки, и даже нѣсколько тунгусовъ и коряковъ, тѣснились возлѣ насъ за получе-

ниемъ вѣстей и посылокъ. Въ высшей степени рѣдко заносится въ это, страшно далекое и глухое, мѣстечко какая-нибудь вѣсть изъ остального міра, а потому не было и удивительно, что всѣ эти люди съ сіяющими отъ радости лицами искали насъ и забрасывали насъ вопросами. Каждое слово, обращенное къ этимъ отрѣзаннымъ отъ міра бѣднягамъ, они встрѣчали съ радостью и признательностью, и каждый старался чѣмъ-нибудь услужить, чѣмъ-нибудь доставить удовольствіе. За все лѣто сюда заходить всего только одно судно, да въ зиму два раза проѣзжаютъ казаки съ почтой. Въ остальное время обывателямъ этого убогаго мѣстичка приходится вѣдаться только другъ съ другомъ да съ окрестными номадами, тунгусами, коряками и чукчами.

Къ сожалѣнію, радость этого большею частію совѣмъ не тронутаго образованіемъ люда кончилась тѣмъ, что всѣ перепились: видны были фигуры, или еще шатающіяся, или уже совѣмъ свалившіяся съ ногъ. Естественно, что теперь и всѣ работы, несмотря на всяческія просьбы, увѣщанія и приказанія, пріостановились, и намъ оставалось только, конфисковавъ всю уцѣлѣвшую еще водку, спокойно переждать, пока пройдетъ всеобщій хмѣль и люди снова придутъ въ себя.

Чтобы избѣжать этого печальнаго зрѣлища, я рѣшилъ пройти до ближняго маяка, выстроеннаго между устьями Ижиги и идущей съ востока Обвѣковки на очень крутомъ, вышиной около 70 футовъ, скалистомъ мысѣ. Оба названныя устья лежатъ не больше, чѣмъ въ 200—300 шагахъ, одно отъ другого и отдѣлены другъ отъ друга лишь упомянутымъ мысомъ, представляющимъ самую южную оконечность небольшого, идущаго съ сѣвера кряжа, который образуетъ водораздѣлъ между обѣими рѣками. На совершенно ровной и лишенной растительности макушкѣ этой скалы, представляющей высшій пунктъ всей области устья, возвышается большой, восьмисторонній, сложенный изъ необдѣланныхъ бревенъ срубъ, въ 10—12 футовъ вышиной, сверху покрытый горизонтальной бревенчатой настилкой. На этой кровлѣ настланы большія каменные плиты, а поверхъ нихъ — убитый

слой глины, служащій подстилкой для костра, разводимаго при приближеніи судовъ.

Весь крутой обрывъ этого мыса состоитъ изъ рыхлаго, свѣтло-сѣраго, почти рассыпающагося въ рукѣ, песчаника съ весьма многочисленными, въ безпорядкѣ расположенными, включениями бурога лигнита. Все это, повидимому, обломки хвойныхъ и двусѣмянодольныхъ древесныхъ породъ, при чемъ размѣръ этихъ обломковъ весьма различенъ, именно — отъ мельчайшихъ осколковъ до кусковъ въ 2 и 3 фута. Листьевъ, мелкихъ вѣтвей или сучьевъ я не могъ найти; напротивъ, куски имѣли сильно разрушенный или расщепленный видъ; они, какъ будто были извлечены изъ прежняго своего мѣстонахожденія и разрушены, а затѣмъ вторично отложены въ этомъ свѣтло-сѣромъ пескѣ и притомъ въ величайшемъ безпорядкѣ: одни стоятъ вертикально, другіе лежатъ, то плотно скучены, то разбросаны. Цвѣтъ лигнитовъ былъ не одинаковъ, измѣняясь отъ свѣтло-бураго до темно-бураго; они очень легко поддавались ножу и хорошо горѣли.

Утромъ 28-го іюня тендеръ, когда его приподняло водой во время прилива, былъ подтащенъ ближе къ берегу и по мѣрѣ возможности подпертъ, благодаря чему судно въ отливъ не такъ уже накренилось на бокъ и выгрузка могла идти скорѣе. Снова появились наши вчерашніе ижигинскіе гости, проведеншіе ночь въ разныхъ постройкахъ и шалапахъ, но, такъ какъ бутылки съ водкой исчезли и, не смотря ни на какія просьбы, снова не появлялись, то они очень скоро повернули назадъ, въ Ижигинскъ. Кромѣ того, еще рано утромъ явилась къ судну толпа любопытныхъ тунгусовъ, ламутовъ и коряковъ. Вся вѣшность и одежда двухъ первыхъ племенъ сразу же обнаруживали, что оба они близко сродны другъ съ другомъ и что ламуты — просто лишь особая вѣтвь тунгускаго племени. Тѣ и другіе — средняго, даже, скорѣе, небольшого роста и сухоощаваго, нѣжнаго и гибкаго тѣлосложенія. Черты лица, хотя и монгольскія, тонки и выразительны. Черные, старательно причесанные волосы свѣшиваются на спину въ видѣ длинной косы. Руки и ноги — небольшія. Они

носятъ небольшіе мягкіе сапоги и кожаные, въ обтяжку сидящіе, штаны. Верхняя часть тѣла одѣта въ узкую, короткую куртку изъ оленьей шкуры, богато разукрашенную шелками и бусами; спереди куртка открыта и позволяетъ видѣть спускающійся на животъ нагрудникъ, также богато разукрашенный. Напротивъ, коряки рѣзко отличаются своимъ крупнымъ, болѣе сильнымъ, коренастымъ сложеніемъ, мясистой фізіономіей и коротко остриженными волосами. Одежда ихъ, точно также изъ оленьихъ шкуръ и кожи, широка, безъ украшеній и состоитъ собственно лишь изъ большой, просторной куклянки.

Ижигинскій начальникъ, г. Х., успѣлъ за утро окончить свои занятія по приему казеннаго багажа и теперь пригласилъ меня проѣхать съ нимъ въ Ижигинскъ, чтобы познакомиться съ поселеніемъ и посмотрѣть нѣкоторыя мѣста еще выше по теченію, гдѣ часто попадаются кости мамонта. Въ 2 часа дня мы отправились. Мы сѣли въ неуклюжую лодку (по мѣстному—карбасъ), которую тянули вверхъ на длинныхъ ремняхъ 3 казака. Потомъ эту работу производили 5 ѣздовыхъ собакъ, бывшихъ съ нами въ лодкѣ. Теченіе рѣки, имѣющей въ ширину 30—35 сажень, было очень сильно, и мы подвигались поэтому съ большимъ трудомъ и медленно. Усердіе и стараніе собакъ въ выполненіи ихъ тяжелой работы по истинѣ было забавно. Онѣ работали изо всѣхъ силъ, а когда какое-нибудь непреодолимое для нихъ препятствіе (слишкомъ частый кустарникъ или топкое болото) задерживало ихъ движеніе, онѣ садились и принимались выть. Приходилось сейчасъ же пристать къ берегу, собаки вскакивали на носъ лодки и ихъ довозили на веслахъ до болѣе удобнаго мѣста. Какъ только лодка вновь приставала къ берегу, собаки тотчасъ спрыгивали, безъ всякаго приказанія, и снова тащили на длинныхъ лямкахъ лодку вверхъ по рѣкѣ.

Вся мѣстность при устьѣ совершенно лишена древесной растительности. Рѣка имѣетъ отчасти не очень высокіе песчаные, отчасти вовсе болотистые берега, покрытые рѣдкими кустами мелкаго ивняка, ольхи и *Betula nana*. Все пустынно и мертво.

На дальнее разстояніе всюду кругомъ плоская моховая тундра. Только тамъ и сямъ по берегу видны маленькіе, совсѣмъ жалостные, лѣтніе шалаши Ижигинцевъ (такъ называемыя лѣтовья или поварни), построенные для рыбнаго лова. Впрочемъ, рыбныя богатства здѣсь, повидимому, не особенно велики, во всякомъ случаѣ далеко меньше, чѣмъ въ камчатскихъ рѣкахъ.

Версть 20, которыя пришлось намъ сдѣлать на нашей лодкѣ вверхъ до Ижигинска, казалось, не имѣли конца, — разстояніе, которое внизъ по теченію можно проѣхать въ какіе-нибудь $1\frac{1}{2}$ часа. Есть здѣсь путь и по тундрѣ, гдѣ можно проѣхать верхомъ, путь болѣе короткій, но онъ идетъ болотами, и потому имъ пользуются гораздо рѣже и только развѣ затѣмъ, чтобы избѣгнуть описаннаго утомительно-долгаго подъема въ лодкѣ. Было уже за 11 часовъ вечера, когда мы прибыли, наконецъ, въ Ижигинскъ, гдѣ я былъ радушно принятъ г. Х. въ его просторной квартирѣ.

29-го іюня день выдался хорошій, ясный. Уже рано утромъ г. Х. повелъ меня по городу, который производитъ впечатлѣніе неописуемой глуши, мертвенности и убогости. Ижигинскъ лежитъ подъ 62° сѣв. ш., на лѣвомъ берегу рѣки Ижиги, и состоитъ изъ верхней, расположенной повыше, и нижней, лежащей на низинѣ, частей. Въ верхней части города возвышаются просторно разставленные и расположенныя въ нѣкоторое подобіе широкихъ улицъ казенныя строенія, нѣсколько магазиновъ для муки и соли, пороховой погребъ, домъ исправника, Окружное Правленіе и нѣсколько частныхъ домовъ болѣе зажиточныхъ купцовъ съ хозяйственными пристройками, конюшнями и кладовыми. Всѣ эти дома безыскусственно и грубо срублены изъ бревенъ и отъ времени и погоды приняли грязный темно-бурый цвѣтъ. Нигдѣ не видно заборовъ—нѣтъ ни дворовъ, ни огородовъ. Одни простые срубы возвышаются надъ безконечной, плоской, безлѣсной тундрой, и между ними можно собирать мохъ, верескъ, *Betula nana* и *Rubus arcticus*. Нижняя часть города очень похожа на верхнюю; только постройки здѣсь меньше, бѣднѣе и болѣе разбросаны. Почти ни

у одного дома не было печныхъ трубъ, а въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, были вставлены перепонки изъ кишекъ или слюдяныя пластинки. Зато здѣсь находилась деревянная церковь, единственная въ этомъ мѣстечкѣ, и на болѣе защищенныхъ, впрочемъ, тоже не огороженныхъ, мѣстахъ были посажены кое-какія овощи — картофель, капуста, рѣпа и рѣдка.

Въ этой, нижней, части города жили казаки со своими семьями и нѣсколько совсѣмъ обѣднѣвшихъ купцовъ. И здѣсь, точно также, какъ и въ верхней части, не мало домишекъ стояли пустыми и, потому, совсѣмъ развалились, что еще больше увеличивало печальное впечатлѣніе пустыря, которое производить все это мѣсто. Въ недавнее время правительство обратило вниманіе на ужасающе-хищническое отношеніе мѣстныхъ казаковъ и купцовъ къ кочующимъ инородцамъ и приняло, вслѣдствіе этого, очень крутыя мѣры, чтобы положить предѣлъ безчинству. Это, однако, отбило охоту къ житью здѣсь у многихъ торгашей, которые потому навсегда оставили Ижигинскъ, и теперь только пустые дома свидѣтельствовали о томъ, что прежде населеніе было больше. При нашемъ посѣщеніи въ Ижигинскѣ было 233 души мужескаго пола — въ томъ числѣ 50 казаковъ — и 242 — женскаго. Меньшинство всего этого народа было еще чисторусскаго происхожденія, и это относится, главнымъ образомъ, къ торговому люду. Большая часть, какъ почти всѣ казачьи семьи, представляла помѣсь, возникшую отъ смѣшанныхъ браковъ русскихъ съ туземцами. Чистая русская рѣчь слышалась не часто; напротивъ, языкъ пересыпанъ чуждыми словами и оборотами и искаженъ инороднымъ выговоромъ. Особенно распространены языки коряцкій и тунгузскій; всѣ жители не только понимаютъ эти языки, но и бѣгло говорятъ на нихъ.

Къ Ижигинскому округу, принадлежащему къ Камчатской Области, кромѣ горожанъ, причисляются также кочевые коряки полуострова Тайгоноса и сидячіе коряки, каменцы при Пенжинскомъ заливѣ, всего 421 душа мужескаго пола и 464 — женскаго. Женское населеніе Ижиги все сплошь занимается произ-

водствомъ «калиплики», т. е. выдѣлкой вышитыхъ кожаныхъ и мѣховыхъ вещей. Особенно богато разукрашиваются, на тунгусскій манеръ, цвѣтными шелками и бусами рукавички и сапожки, расходящіяся далеко по Сибири. Въ то время, какъ женское населеніе постоянно сидитъ на мѣстѣ, всѣ мужчины безъ исключенія — по праву ли, какъ купцы, или безъ права ва то, какъ казаки, — очень подвижной и непосѣдливый торговый народъ. Они отправляются въ дальнія и смѣлыя поѣздки. Часто изъ Ижигинска они пробираются въ самыя отдаленныя становища чукчей, то въ одиночку, то небольшими компаніями, зимой на собакахъ, лѣтомъ — верхомъ на лошади, вездѣ навязывая свой товаръ и отдаваясь торговому дѣлу и наживѣ всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ. Поэтому здѣсь держать очень большія стада ѣздовыхъ собакъ, а теперь имѣлось и до 70 лошадей, тогда какъ рогатаго скота во всемъ городѣ насчитывалось всего только 35 головъ.

Хотя эта меркантильная жизнь не пріостанавливается никогда и идетъ непрерывно, все же три большія, ежегодно повторяющіяся въ этой мѣстности, ярмарки представляютъ время особаго оживленія здѣшней торговли. Первая изъ нихъ бываетъ въ февралѣ на Анадырѣ; здѣсь ведется торгъ съ чукчами, и общая цѣнность товаровъ, привозимыхъ сюда русскими, опредѣляется приблизительно въ 4.500 рублей. Вторая ярмарка устраивается съ коряками и чукчами въ мартѣ на Пальцовой, одномъ изъ притоковъ Пенжины. Въ этомъ, удаленномъ верстъ на 800 отъ Ижигинска, мѣстѣ вымѣнивается товаровъ на сумму 3.500 рублей. Третья, на которой торгуютъ только съ тунгусами и ламутами, бываетъ близъ Наяханы, небольшого русскаго поселенія, лежащаго къ юго-западу отъ Ижиги, на сибирскомъ берегу, близъ мыса Верхоламскаго. Эта ярмарка изъ всѣхъ трехъ имѣетъ наименьшее значеніе, такъ какъ здѣсь вымѣнивается товаровъ на сумму всего около 1.000 руб. Барышъ для русскихъ на этихъ ярмаркахъ очень великъ, но зато и сильно колеблется; его опредѣляютъ вчетверо и впятеро противъ стоимости привезеннаго

товара. Кромѣ этихъ ярмарокъ, бываетъ еще знаменитая ярмарка на берегу Большого Аюя, восточнаго притока Колымы. Но такъ какъ тамъ ведутъ дѣло, главнымъ образомъ, обыватели Нижне-колымска съ чукчами, а ижигинцы бываютъ только изрѣдка и въ небольшомъ числѣ, то для Ижигинска эта ярмарка не имѣетъ никакого значенія. Эти мѣста, равно какъ и время торга отлично извѣстны всѣмъ кочевникамъ, и послѣдніе стекаются сюда даже изъ самыхъ дальнихъ концовъ. Въ прочее время года это — совсѣмъ необитаемая мѣстечки; они оживляются на нѣсколько дней въ году, а потомъ опять пустуютъ. Торгъ здѣсь чисто мѣновой; о деньгахъ нѣтъ и помину. Чукчи и коряки въ мѣновой торговлѣ единицей считаютъ обыкновенную красную лисицу и требуютъ за нее, смотря по добротѣ и цвѣту шкуры, 1—3 фунта табаку, который составляетъ главный предметъ торговли со стороны русскихъ и стоитъ около 10—15 коп. фунтъ. У тунгусовъ и ламутовъ счетъ ведется только на бѣлку, за которую они получаютъ по 2 листа табаку за штуку, что русскими оцѣнивается въ 1—1½ коп. Табакъ, на который здѣсь только и есть спросъ, — очень крѣпкій южно-русскій, такъ называемый черкасскій, листовою табакъ, доставляемый изъ Россіи въ весьма значительномъ количествѣ въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ, по 1—1½ пуда. Табакъ этотъ — любимѣйшій товаръ для кочевниковъ и чрезъ чукчей расходится очень далеко, въ Сѣверную Америку, и тамъ вымѣнивается по очень высокой цѣнѣ на мѣстные пушные товары. Такимъ образомъ, благодаря торговымъ сношеніямъ съ чукчами, въ Ижигинскъ и Колымскъ попадаютъ шкуры обыкновеннаго бобра (*Castor fiber*), ондатры, чернаго медвѣдя и другіе американскіе мѣха. Кромѣ этого, главнаго, предмета мѣновой торговли — табаку, русскіе доставляютъ на рынокъ еще въ особенности металлическія издѣлія, желѣзные и мѣдные котлы, всякаго рода орудія изъ желѣза, швейныя иглы, затѣмъ оружіе, порохъ, бусы, цвѣтной шелкъ и нѣкоторыя хлопчатобумажныя издѣлія. Цѣны на весь этотъ товаръ опредѣленныя и опять-таки прикидываемыя на табакъ.

Ижигинцы различаютъ два рода чукчей: бѣломорскихъ (самые дальніе, по берегу Ледовитаго Океана и Берингова пролива) и тюменскихъ (живущихъ болѣе внутрь страны); и тѣ, и другіе посѣщаютъ названныя ярмарки. Точно также и среди принадлежащихъ къ Ижигинскому Округу коряковъ различаютъ бродячихъ и сидячихъ. Поселенія послѣднихъ, называемыхъ также по ихъ главному мѣсту жительства — Каменному — каменцами, разбросаны у сѣверной оконечности Пенжинской губы и представляютъ удобныя станціи для ѣдущихъ по торговымъ дѣламъ на Пальцовскую ярмарку. Отправляясь зимой на собакахъ изъ Ижигинска, приходится ночевать 2—3 раза прежде, чѣмъ доберешься до Парена, перваго изъ этихъ селеній; затѣмъ останавливаются на ночлегъ до «Микина»; отсюда 10—15 верстъ до Шестакова, затѣмъ 30 верстъ до Ливати и наконецъ верстъ 30—40 до Каменнаго, откуда уже чрезъ 2—3 ночлега добираются до Пальцовой. Кромѣ упомянутыхъ мѣстъ, каменцы живутъ еще нѣсколько сѣвернѣе отъ указаннаго пути — въ Арночекѣ, Егачи и въ Куялѣ. Только Парень и Каменный — поселенія болѣе крупныя, съ значительнымъ числомъ жителей; въ остальныхъ жителей немного — нерѣдко состоятъ они даже изъ одной единственной юрты. Всѣ каменцы — очень искусныя кузнецы, поставляющіе на ярмарки Сѣвера ножи и копыя своей работы, большею частію съ очень изящной мѣдной насѣчкой. Другой, очень важный предметъ торговли кочевниковъ, это разнаго рода оления шкуры, громадными массами идущія въ мѣну. Среди нихъ нужно различать мѣха и кожи. Изъ мѣховъ всего дороже «выпоротки» (шкурки новорожденныхъ животныхъ) и «пыжики» (годовалыхъ); и тѣ, и другіе доставляются на рынокъ какъ въ необдѣланномъ видѣ, такъ и въ видѣ очень изящныхъ предметовъ одежды. Шкуры взрослыхъ, старыхъ животныхъ называются «постелями», если онѣ въ полной зимней шерсти, и идутъ на подстилку для спанья. Въ лѣтней шерсти, онѣ же носятъ названіе «недоростковъ». Самки, «вязанки», по возможности не идутъ на убой. «Постели» и «недоростки» потомъ, когда отъ

долго употребленія съ нихъ слѣзеть шерсть, перерабатываются въ кожи, и изъ нихъ, путемъ удаленія всего волоса и промазки жиромъ, получается «ровдуга» или, если шкуры долго служили покрышкой юрты и прокоптились — «дымлянка». Наконецъ, нужно прибавить еще, что для горожанъ купцы привозятъ и нѣкоторые европейскіе товары, напр. колониальные и суровскіе, и что продажа муки, крупы, соли и пороха находится въ рукахъ казны. Ввозъ водки, въ какомъ бы то ни было видѣ, къ счастью всего населенія, былъ безусловно воспрещенъ.

Возвышенность, на которой расположена верхняя часть города, тянется прямо къ сѣверу, все болѣе и болѣе расходясь съ идущей съ сѣверо-запада рѣкой. Тотчасъ же ниже города эта возвышенность круто ниспадаетъ къ берегу рѣки и позволяетъ видѣть залеганіе темноцвѣтнаго, плотнаго, толсто-сланцеватаго глинистаго сланца съ обильно вкрапленными частицами сѣрнаго колчедана. Здѣсь замѣчаются три большихъ изгиба въ наслоеніи породы. На западномъ берегу рѣки поднимается надъ поверхностью высокой тундры Рѣчная Бабушка — совсѣмъ низкая гряда, тянущаяся съ юга, отъ мыса Верхоламскаго, и противъ Ижигинска падающая въ видѣ скалы къ рѣкѣ. Здѣсь выходитъ свѣтлый, мелко-зернистый, сильно трещиноватый гранитъ, поднятіе котораго, весьма возможно, и было причиной поднятія и сильной складчатости лежащаго на противоположномъ, восточномъ, берегу глинистаго сланца. На глинистомъ сланцѣ лежитъ слой гравія, мощностью въ 2 фута, покрытый въ свою очередь слоємъ желто-сѣрой мерзлой глины, толщиной въ футъ. Затѣмъ идетъ слой почти чистаго, большею частію нѣсколько мутнаго льду, въ $1\frac{1}{2}$ фута, а поверхъ него фута на $1\frac{1}{2}$ —2 растительный перегной и мохъ. Ледъ здѣсь, повидимому, всюду, гдѣ является алювіальная почва, образуетъ постоянный пластъ и считается жителями настолько прочнымъ, что они даже при закладкѣ фундамента смотрятъ на него, какъ на грунтъ, вполне вѣрный и надежный.

Берега самой сѣверной части Охотскаго моря, т. е. обѣихъ,

раздѣленныхъ полуостровомъ Тайгоносомъ, губь — Ижигинской и Пенжинской—почти совершенно лишены древесной растительности, и только на сказанномъ полуостровѣ, въ долинѣ Тополовки, открывающейся на западъ къ морю, имѣется тополевыи лѣсъ, совершенно островного характера. Большия хвойныя лѣса Сибири, которые на югѣ Охотскаго моря всюду подходятъ почти къ берегу, къ сѣверу не идутъ, должно быть, дагѣ 61° сѣверной широты. Тамъ они, давая мѣсто обширнымъ моховымъ тундрамъ, отступаютъ отъ морского берега, распространяются почти по всей системѣ Колымы безъ малаго до Колымска, достигаютъ р. Ижиги нѣсколько сѣвернѣе Ижигинска, идутъ по р. Парену, впадающей въ Пенжинскую губу, почти до ея устья и распространяются, наконецъ, къ востоку въ области верхняго теченія Анадыри. Къ сѣверу отъ этой лѣсной области, при Ледовитомъ Океанѣ, и на востокъ — у Тихаго Океана, встрѣчаешь опять-таки лишь безлѣсную тундру. Въ сторону Камчатки Парень и Анадырь составляютъ границу этихъ колоссальныхъ, сплошныхъ лѣсовъ, и съ 62° широты начинается громадная, тянущаяся къ югу до самаго 60°, моховая тундра. Эта тундра, такъ называемый Парапольскій долъ, представляетъ совершенно лишенную горъ и древесной растительности, безконечную пустынную равнину. Мѣстность поднимается въ этомъ самомъ узкомъ мѣстѣ Камчатскаго полуострова отъ Охотскаго моря къ востоку очень равномерно и постепенно, достигаетъ на срединѣ свой наибольшей, но все-таки незначительной, высоты и спускается затѣмъ—къ Берингову морю—опять также исподволь. Только по теченію рѣкъ тамъ и сямъ попадается низкій кустарникъ карликовой ивы. Въ высшей степени печальный и пустынный, на мѣрку культурнаго человѣка, Парапольскій долъ для кочевниковъ съ ихъ оленьими стадами составляетъ излюбленное мѣсто. Да и дикій олень бродитъ сотнями по этой моховой пустынѣ, пробираясь лѣтомъ отъ комаровъ къ сѣверу на Анадырь, черезъ Чукоцкую землю до Ледовитаго Океана, а зимой возвращаясь назадъ въ граничащія съ «доломъ» съ юга горы и лѣса Камчатки. Тогда

какъ сѣвернаго оленя непреодолимо влечетъ къ себѣ эта безконечная моховина, для настоящихъ лѣсныхъ звѣрей она образуетъ непреодолимую преграду, такъ что Камчатка, благодаря этому моховому морю, для нихъ недоступный островъ. Лось, рысь, бѣлка, куница, эти чрезвычайно обычные въ лѣсахъ Сибири звѣри, доходятъ вплоть до этой границы, но не далѣе ея, и въ Камчаткѣ ихъ нѣтъ вовсе.

У Ижигинска, и именно въ подходящей здѣсь близко лѣсной области, всѣ эти животныя встрѣчаются, а инныя изъ нихъ даже въ необыкновенномъ изобиліи. Такъ, напримѣръ, иногда въ ближнихъ хвойныхъ лѣсахъ разводится столько бѣлокъ, что животныя эти во множествѣ подходятъ къ самому городу и даже забираются въ дома; зато, говорятъ, въ иные годы ихъ совсѣмъ нѣтъ. Правильной періодичности при этомъ, говорятъ, не замѣчается, но, кажется, въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ большій или меньшій урожай шишекъ на хвойныхъ деревьяхъ, въ особенности на кедрахъ. Годъ, богатый бѣлкой, богатъ и соболемъ, горностаемъ, куницей и лисой, преслѣдуемыми этого грызуна. Напротивъ, періодически и съ большою правильностью, появляется чрезъ каждые 3 года въ громадномъ количествѣ небольшая, сѣрая мышь. Однако до сихъ еще поръ не замѣчено, откуда является это животное и куда оно скрывается. Замѣчательно, что тварь, весьма сродная мыши, — крыса, здѣсь совсѣмъ не прививается. Здѣсь ее не найдешь нигдѣ, а тѣ, которыя, какъ случается, завозятся на судахъ, въ очень короткое время вымираютъ. Между тѣмъ недалеко — въ Камчаткѣ, особенно въ мѣстности около Петропавловска, крыса успѣла сдѣлаться бичемъ страны. Небезынтересно еще, что другой небольшой грызунъ, еврашка (*Arctomys citillus*) встрѣчается постоянно въ весьма значительномъ количествѣ подъ Ижигинскомъ всюду на высокой, сухой тундрѣ; далѣе здѣсь встрѣчаются также волки и медвѣди; первые чаще, вторые гораздо рѣже, чѣмъ въ Камчаткѣ.

Морскихъ млекопитающихъ на всемъ сѣверѣ Охотскаго моря

не мало. Здѣсь бьютъ изъ ружей или гарпуномъ, или же ловятъ въ прочныя кожаныя сѣти разныхъ тюленей и дельфиновъ, идущихъ въ пищу людямъ и собакамъ. Хотя всѣ эти животныя не слишкомъ ужъ часто попадаютъ въ руки туземцевъ, однако охота на нихъ—все-таки немаловажное подспорье въ ихъ быту. Изъ тюленей здѣсь водятся — *Phoca ochotensis* (акиба), *canina* (нерпа), *Largha* (черная), *nautica* (лахтакъ), а изъ дельфиновъ большая бѣлая бѣлуха (*Delphinapterus Leucas*). Сивучей и моржей, здѣсь, должно-быть, никогда не видали и они принадлежатъ только Океану. Киты, которыхъ въ этихъ частяхъ моря очень много, достаются жителямъ только тогда, если ихъ случайно выброситъ на берегъ. Въ сравненіи съ рыбными богатствами камчатскихъ водъ, здѣшнія рѣки кажутся почти бѣдными, хотя и здѣсь также ловится не мало рыбы. Первая рыба, которая еще самой ранней весной появляется у здѣшнихъ береговъ, это — мелкая, длинной почти въ палецъ — «уики»; въ рѣки она никогда не поднимается, хотя и подходитъ въ колоссальныхъ массахъ близко къ берегу, такъ что въ сильныя моряны ее въ неимовѣрномъ количествѣ выбрасываетъ на сушу. Цѣлые пласты ея, иной разъ болѣе фута въ толщину, покрываютъ тогда берегъ; жители подбираютъ ее массами, сушатъ и запасаютъ на зиму въ кормъ себѣ и собакамъ. Въ рѣки поднимаются здѣсь лишь слѣдующіе виды лососевыхъ рыбъ: во первыхъ—горбуша (*Salmo Proteus*), затѣмъ красная рыба (здѣсь называемая неркой, *S. Lysaodon*) и, наконецъ хайко (по мѣстному кетà, *S. lagocephalus*). Чавычи (*S. orientalis*) и кизуча (*S. sanguinolentus*) подъ Ижигинскомъ нѣтъ вовсе, да первая и вообще, должно быть, въ Охотскомъ морѣ не встрѣчается, развѣ только въ южной его части, и то рѣдко.

Еще съ вечера было условлено, что на завтра я проѣдусь вверхъ по рѣкѣ къ мѣстонахожденіямъ мамонтовыхъ костей, и 30-го іюня, рано утромъ, я выѣхалъ на ижигинской лодкѣ, карбасѣ, съ 5 казаками къ Кислому Яру. И здѣсь такъ же, какъ тогда, при проѣздѣ отъ устья вверхъ, сильное теченіе рѣки ча-

сто очень задерживало ходъ, и путь стоилъ не малаго труда. Какъ закамъ приходилось то тянуть лодку на лямкахъ, то грести, то пускать въ ходъ шесты. Тихо, но безъ остановокъ, двигались мы впередъ и наконецъ преодолѣли всѣ препятствія. Какъ уже упомянуто, глинистый сланецъ выходитъ на дневную поверхность лишь подъ самымъ Ижигинскомъ, а дальше вверхъ по рѣкѣ оба берега состоятъ попеременно то изъ высокаго дилювіального наноса, то изъ низменныхъ болотистыхъ участковъ. Но всюду, опять же, поверхъ всего лежалъ слой торфа и мха, мощностью въ 1—3 фута, а подъ нимъ слой большею частію чистаго льда въ 1—1½ фута. Мѣстами, и именно по изгибамъ рѣки, берегъ былъ сильно подмытъ послѣднимъ половодьемъ, и лежащія подо льдомъ массы гравія и щебня снесены водою, такъ что торфяной слой, поддерживаемый лежащимъ подъ нимъ слоемъ льда, торчалъ не рѣдко на нѣсколько футовъ надъ протекавшей внизу рѣкой. Гдѣ ледъ подтаялъ и уже не въ состояніи былъ выполнять роль подпорки, тамъ мощныя массы торфа обрушились въ воду, чтобы быть постепенно размытыми. Повидимому, ледяной слой здѣсь лежитъ подъ всей далеко идущей тундрой и всюду заложенъ, какъ постоянный геологическій слой, между лежащимъ на немъ торфомъ и дилювіальнымъ наносомъ.

Сряду за городомъ по берегамъ замѣтенъ былъ только тощій ивовый и ольховый кустарникъ. Дальше въ немъ тамъ и сямъ стали попадаться маленькія, корявыя лиственницы. Чѣмъ выше поднимались мы по рѣкѣ, тѣмъ лучше становилась растительность, хотя мы и двигались къ сѣверу. Но съ этимъ очень бросавшимся въ глаза прогрессомъ шло рука объ руку и увеличеніе числа комаровъ, часто до невыносимаго. Они буквально покрывали все и вездѣ норовили пробраться хоботкомъ чрезъ одежду. Обнаженные части тѣла — руки, лицо и шея скоро покрылись, несмотря на всякое сопротивленіе, кровяными подтеками и шишками. На болѣе высокихъ участкахъ берега стали уже то и дѣло появляться порядочныя деревья, а отъ устья Курунжи, которая, струясь по гранитной галькѣ, впадаетъ съ запада въ

Ижигу, уже пошелъ и настоящій лѣсъ изъ высокихъ лиственницъ и тополей, въ перемежку съ ольхой и ивой. Между деревьями росла высокая трава; зазвучали веселые голоса пѣвчихъ птицъ, среди которыхъ особенно часто слышенъ былъ задорный бой зяблика. Птичье пѣнне особенно заняло меня, такъ какъ меня поражало, до чего рѣдко увидишь здѣсь наземную птицу. Впрочемъ, и водныхъ-то птицъ, по сравненію съ Камчаткой, было видно на рѣкѣ и на морѣ очень умѣренное количество какъ видовъ, такъ и особей.

Послѣ небольшого обѣденнаго привала въ лѣсу мы проѣхали до устья текущей съ востока Черной, а еще черезъ часъ добрались и до Кислаго Яра. Здѣсь берегъ отличался отъ береговъ, мимо которыхъ мы передъ тѣмъ ѣхали, только большей вышиной, крутымъ скатомъ къ рѣкѣ и большей мощностью дилювіальныхъ отложеній. И здѣсь точно также торфяно-моховой слой, фута въ 2 мощностью, лежалъ на слоѣ льда въ 1—1½ фута. Подо льдомъ находился пластъ темно-сѣро-бураго песку съ включенными участками свѣтлой глины, а подъ всѣмъ этимъ выступала крупная гранитная галька. Начиная со льда книзу, все было въ мерзломъ видѣ, а въ темныхъ песчаныхъ слояхъ находились кости мамонта. Теперь можно было найти лишь совсѣмъ вывѣтрившіеся и обломанные куски костей, въ довольно значительномъ количествѣ. Часть ихъ лежала внизу, у воды, часть торчала еще наполовину въ крутой песчаной стѣнѣ. Ничто не говорило за общность ихъ происхожденія; напротивъ, всѣ онѣ носили рѣзкіе слѣды очень сильнаго разрушенія, и способъ ихъ залеганія слишкомъ ясно показывалъ, что находятся онѣ не на мѣстѣ первоначальнаго находженія трупа, а занесены издалека вмѣстѣ съ дилювіальнымъ наносомъ, и что здѣсь на лицо пестрая смѣсь частей скелетовъ самыхъ разнообразныхъ индивидовъ. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ — такъ рассказывали въ Ижигинскѣ — здѣсь вымыло водой изъ берега большой, мощный черепъ, который тогдашній мѣстный начальникъ, человѣкъ необразованный, затопилъ въ глубинѣ рѣки, изъ боязни, что, пожалуй, прикажутъ от-

править этотъ колоссальный черепъ въ Петербургъ. Вѣроятно, не только на этомъ мѣстѣ, получившемъ извѣстность, благодаря паходкѣ упомянутаго черепа, но и вообще по всей Ижигѣ, во всѣхъ дилювіальныхъ отложеніяхъ, имѣются ископаемыя кости и, при случаѣ, появляются на дневную поверхность. Названіе «Кислый Яръ» происходитъ отъ того, что обыватели замѣчали здѣсь отъ времени до времени сильно заражающій воздухъ запахъ; я, впрочемъ, не замѣтилъ и слѣдовъ чего-нибудь подобнаго.

На верху берега находится частію высокій листовничный лѣсъ, частію плоская, мокрая моховая тундра со многими, большими и небольшими, углубленіями въ видѣ озеръ, въ которыхъ, говорятъ, держатся крупныя щуки — рыба, которой вовсе нѣтъ въ сосѣдней Камчаткѣ.

Между тѣмъ, какъ при устьѣ стояло на берегу нѣсколько отдѣльныхъ «лѣтовій», на сегодняшнемъ пути мнѣ попалось ихъ всего два; въ обоихъ жили и зиму, и лѣто какіе-то бѣдняки. Въ особенности одно лѣтовье производило ужасающее впечатлѣніе горя и нищеты. Это была маленькая, очень жалкая, уже разсыпавшаяся деревянная лачужка; въ ней жила бѣдная, больная вдова-казачка съ тремя дѣтьми. Питались они только одной кашницей изъ рыбы съ сараной (клубнями ляліи). Вся обстановка мрачной лачуги состояла изъ пары старыхъ деревянныхъ скамей, полуразвалившейся печи съ небольшимъ котломъ, да двухъ образцовъ; окна были затянуты перепонкой изъ кишокъ. Въ одномъ углу были набросаны лохмотья и куски старыхъ шкуръ для спанья. Когда я предложилъ обитательницѣ немного денегъ и съѣстнаго, она заплакала отъ радости и стала пѣловать хлѣбъ — пищу, которой давно уже не видала. Вообще за время пребыванія въ Ижигинскѣ мнѣ слишкомъ часто подвергивались случаи видѣть бѣдность, убожество и беспомощность обывателей этого сѣвернаго уголка. Только нѣсколько торговцевъ живутъ сносно, а житье-бытье казаковъ съ ихъ семьями внушаетъ глубокое состраданіе. Напримѣръ, пятеро бывшихъ со мной казаковъ взяли

сегодня съ собой въ дорогу на цѣлый день одну небольшую рыбку безъ хлѣба или чего-нибудь вмѣсто него; и, конечно, не будь я въ состояніи помочь имъ изъ своихъ запасовъ, имъ пришлось бы довольно скверно.

Въ этихъ отдаленныхъ частяхъ Сибири казакамъ большею частію не выдаютъ ничего казеннаго, а между тѣмъ часто посылаютъ въ дальніе разѣзды, куда-нибудь въ глушь. Поэтому нечего удивляться, что они, какъ дикіе звѣри, тащатъ все, что найдутъ себѣ подходящаго, а для этого и ищутъ близости кочевниковъ. Съ другой стороны такая жизнь закаляетъ ихъ въ самыхъ невѣроятныхъ лишеніяхъ и трудахъ и вырабатываетъ изъ нихъ положительно безцѣнныхъ проводниковъ по этимъ дикимъ мѣстамъ. Они умѣютъ воспользоваться всякой вещью, всякимъ мѣстомъ и повсюду найтись. Какъ рыболовы и охотники, они поразительно ловки даже съ самыми примитивными, часто самодѣльными орудіями въ рукахъ, и умѣютъ извернуться въ самомъ затруднительномъ и опасномъ положеніи.

Внизъ по быстро текущей рѣкѣ мы спустились съ большой скоростью. Приходилось только постоянно держаться фарватера и не давать лодкѣ сбиваться къ берегамъ. Уже къ 10 часамъ вечера мы благополучно вернулись въ Ижигинскъ.

1-го іюля выдался особенно жаркій день: термометръ въ тѣни показывалъ 20° R. Около полудня съ востока набѣжала сильная гроза и разразилась обильнымъ, но скоро прошедшимъ дождемъ. По улицамъ видно было много народу. На каждомъ шагѣ меня осаждали просьбами, высказывая желаніе перебраться въ Петропавловскій портъ. Дѣло въ томъ, что Завойко высказался за переселеніе большей части здѣшнихъ казаковъ съ семьями, и вотъ этотъ-то народъ и нужно было теперь водворить на тендеръ. Это извѣстіе распространило среди обывателей радостное возбужденіе, и всѣ собирались бросить Ижигинскъ, чтобы уйти отъ здѣшняго печальнаго существованія. Въ числѣ этихъ переселенцевъ въ Петропавловскій портъ былъ и казакъ Зиновьевъ, данный мнѣ въ проводники на остальную часть лѣта; ему предстояло пройти

со мной чрезъ Камчатку до Петропавловскаго порта сухимъ путемъ, а семья его должна была доѣхать туда моремъ.

Среди этой нѣсколько взбудораженной уличной жизни намъ представилась некрасивая картина, такъ гармонировавшая съ здѣшнимъ матеріальнымъ и духовнымъ упадкомъ. Народъ вдругъ засуетился, и всѣ побѣжали на берегъ, гдѣ причалила лодка, пришедшая съ устья. Изъ нея вынули обоихъ духовныхъ лицъ города въ безсознательно-пьяномъ видѣ и понесли ихъ домой. Они явились къ намъ на тендеръ одними изъ первыхъ за полученіемъ клади и вернулись назадъ только теперь. Былъ ли виной ихъ непристойнаго состоянія только опорожненный теперь большой боченокъ церковнаго вина, или они нашли и еще какіе-нибудь источники, осталось невыясненнымъ, во всякомъ случаѣ обывателямъ и большому числу пришлыхъ кочевниковъ пришлось встрѣтиться своихъ пастырей въ такомъ плачевномъ и непристойномъ видѣ.

Отъ этой некрасивой встрѣчи взоръ охотно обращается къ другой, произведшей свѣжее, радостное впечатлѣніе. Изъ-за одного дома появилась и направилась къ намъ компанія тунгусовъ человѣкъ въ 20. Впереди шелъ старикъ, за нимъ прочіе, большею частію молодой народъ, по три въ рядъ. Ихъ свѣжія, гибкія фигуры, въ красивой, даже элегантною одеждѣ, составляли пріятный контрастъ съ оборванными, убогими ижигинцами. Они явились къ мѣстному начальнику для того, чтобы сдать ему ясакъ (подать въ казну пушнымъ товаромъ). Съ громкимъ, протяжнымъ, русскимъ «здорово» предстали они передъ нами и затѣмъ отправились съ г. Х. къ нему на домъ. Придя туда, они сейчасъ же разсѣлись всѣ по полу и закурили коротенькія трубки; затѣмъ, вручивъ по принадлежности мѣха, состоявшіе главнымъ образомъ изъ бѣличьихъ шкурокъ, они провели съ часокъ за стаканомъ чаю въ непринужденной болтовнѣ. При помощи переводчиковъ эти бравые дѣти пустыни рассказывали про свои дальнія странствованія и про охоту, изъ чего можно было видѣть, что ихъ родъ по тундрамъ и лѣсамъ странствовалъ отъ истоковъ Колымы и Индигирки до Амура.

2) *Повѣдка по полуострову Тайгоносу.*

Послѣ полудня ко мнѣ явились девять казаковъ, кромѣ Зиновьева, которые должны были отправиться со мной въ поѣздку по Тайгоносу, чтобы, согласно приказанію Завойко, наломать полный грузъ тайгоносскаго буроаго угля, погрузить его и доставить затѣмъ въ Петропавловскій портъ на тендерѣ. Часовъ въ 8 вечера я сѣлъ со своими людьми въ лодку, чтобы ѣхать къ устью, куда мы прибыли, благодаря быстрому плаванію, уже въ половинѣ десятаго.

Рано утромъ 2-го іюля я воспользовался приливомъ, чтобы отправить своихъ казаковъ съ лодкой и поклажей мимо маячнаго мыса на Обвѣковку, такъ какъ въ отливъ на лодкѣ не попадешь въ устье этой рѣки. Самъ я долженъ былъ, съ казакомъ Григоріемъ Зиновьевымъ и нашими верховыми лошадьми, обождать отлива, чтобы подробно осмотрѣть береговыя скалы между рр. Ижигой и Обвѣковкой.

Песчаникъ и здѣсь былъ совершенно такой же, какъ и подъ маякомъ, и точно такъ же переполненъ неправильно расположенными кусками ископаемыхъ деревьевъ. Только здѣсь въ немъ замѣтны были немногіе отдѣльные, тонкіе и болѣе плотные слои, состоявшіе почти исключительно изъ мелко раздробленныхъ или растертыхъ растительныхъ частицъ. Здѣсь набрали пудовъ съ 10 лигнита и отправили на тендеръ.

Съ Обвѣковкой мы вступили уже на Тайгоносъ и направились къ югу, вдоль западнаго его берега. Лѣвый берегъ Обвѣковки плоскій и состоитъ изъ отложеній дилювіальнаго песку и гравія. Нѣсколькими верстами далѣе, мѣстность становится выше, и на дневную поверхность выходитъ опять тотъ же песчаникъ, но здѣсь переслаивается 3—4-футовой мощности слоями прекраснаго, плотнаго буроаго угля. Эти слои падаютъ 20° къ сѣверу—уголь паденія, который у слѣдующихъ буро-угольныхъ слоевъ дѣлается меньше, пока, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не даютъ

уже 10—15° къ югу. Затѣмъ на нихъ покоились далѣе къ югу опять-таки чисто «обвѣковскіе» слои, т. е. опять свѣтлый песчаникъ безъ бурога угля, но переполненный безпорядочно расположенными кусками лигнита. И здѣсь тоже, какъ и подъ маякомъ, всѣ куски ископаемаго дерева были сплющены и, казалось, подверглись колоссальному давленію. Здѣсь были замѣтны такъ же кремневанныя куски древесины, а въ болѣе рыхломъ песчаникѣ — округленныя, небольшія включенія болѣе плотнаго, мелкозернистаго сложенія. Сѣверные обвѣковскіе слои и эти, только что упомянутые, лигнитовые — во всякомъ случаѣ мо- ложе, чѣмъ расположенные среди нихъ буро-угольные слои. Послѣдніе, которыхъ я насчиталъ по меньшей мѣрѣ 6—7, содержатъ значительную массу хорошаго бурога угля. И здѣсь также наломали-порядочное количество на пробу, для губернатора.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ мы достигли этихъ слоевъ, мы наткнулись на рыбачившихъ на морскомъ берегу коряковъ, изъ которыхъ намъ удалось нанять одного въ проводники. Начался приливъ и согналъ насъ съ берега далѣе внутрь, на болѣе возвышенное мѣсто, гдѣ намъ необходимъ былъ проводникъ, чтобы находить болѣе удобные переходы для лошадей чрезъ болота и овраги. Мы поднялись на возвышающееся береговое плато дикимъ, романтическимъ оврагомъ, промытымъ весенними половодьями въ буро-угольномъ песчаникѣ, и очутились на широкой, ровной, совсѣмъ лишенной древесной растительности, высокой тундрѣ, тянувшейся до дальнихъ горъ срединнаго тайгоноскаго края. Земля была покрыта мхомъ, изъ котораго тамъ и сямъ торчала мелкая, кривая *Betula nana*. На пути попадались небольшіе болотистые разливы, а одинъ болѣе крупный прудъ былъ оживленъ водяной птицей. Кромѣ этого, все казалось мертвымъ. Далѣе мы перебрались чрезъ оврагъ, полный льда и снѣга; въ глубинѣ его съ дикимъ рокотомъ бѣжалъ къ морю небольшой ручей. Сряду на другомъ берегу этой разсѣлины, гдѣ царить вѣчная зима, мы проѣхали чрезъ низкій кустарникъ искривленной ивы и ольхи, откуда па насъ вынеслась такая

рать комаровъ, что уже въ нѣсколько минутъ показалась кровь на людяхъ и на животныхъ. Затѣмъ пошелъ дождь, затянувшійся и на ночь. Такъ проѣхали мы еще нѣсколько верстъ, пока не спустились въ долину Чайбухи, огражденную крутыми стѣнами, гдѣ наткнулись на группу коряцкихъ палатокъ.

Это были три очень большіе «чума» изъ кожъ, многочисленныя обитатели которыхъ поспѣшили къ намъ поздороваться. Самый большой чумъ принадлежалъ старшинѣ тайгоносскихъ коряковъ, Яйневу, и для меня было очень на руку, для изучения этого народа, познакомиться съ этимъ бравымъ мужчиной. Яйневъ сейчасъ же пригласилъ меня посѣтить его чумъ, что я и сдѣлалъ съ радостью.

Чумъ имѣетъ форму большого, очень пологого конуса и представляетъ остовъ изъ жердей, покрытый снаружи шкурами сѣвернаго оленя. Внутри, прямо по срединѣ помѣщенія, всегда находится очагъ; дымъ уходитъ чрезъ открытую вершину чума. Кругомъ у стѣны лежатъ олени шкуры, а инья повѣшены въ видѣ перегородокъ, такъ что образуется столько небольшихъ спаленъ, «пологовъ», сколько въ чумѣ семей. Въ этомъ чумѣ противъ двери, занавѣшенной шкурой, находились «полога» обѣихъ женъ старшины, Чачи и Эйнеутъ, а по сторонамъ «полога» остальныхъ членовъ семьи и работниковъ. Въ «пологѣ» старшей жены, Чачи, стоялъ «волшебный» барабанъ, употребляемый при богослуженіи и потому требующій для своего помѣщенія почетнаго мѣста. Послѣ всяческихъ увѣреній въ дружбѣ и обмѣна кое-какими подарками я, наконецъ, удалился въ свою палатку: за это время мои казаки съ лодкой тоже добрались до устья Чайбухи и раскинули рядомъ съ чумами палатку для меня.

3-го іюля день былъ дождливый, и потому я остался на Чайбухѣ у коряковъ. Чайбуха, это — ручей, берущій начало въ среднемъ хребтѣ, протекаетъ глубокой, трещиновидной долиной, пробитой имъ въ рыхломъ песчаникѣ, и скоро впадаетъ въ небольшую морскую бухту. Бѣдный водою теперь, лѣтомъ, онъ несетъ по

узкой долины весной значительную массу воды. На обнаженных, крутых склонах долины, опять-таки въ свѣтло-сѣромъ песчаникѣ, выходятъ на дневную поверхность буро-угольные слои, мощностью до 3 футовъ. И здѣсь тоже они падаютъ 20° къ сѣверо-востоку. Весь берегъ моря и рѣки былъ покрытъ обломками бураго угля и лигнита, вымытыми и разсѣянными водой. Тутъ же валялось много легко разсыпавшихся кусковъ янтаря, отъ горошины до голубиного яйца величиной, который и въ самихъ залежавшихъ слояхъ угля всюду былъ вкрапленъ весьма обильно. Опытъ сжиганія угля удался прекрасно. Куча угля, переполненнаго янтарею, около кубической сажени величиной, горѣла хорошо, давала лишь немного бѣловатаго дыма съ сильнымъ запахомъ янтаря, и оставила очень немного золы, совершенно бѣлой.

Галька рѣки состояла, однако, не только изъ этихъ обломковъ угля и янтаря, а по большей части изъ округленныхъ, плоскихъ камешковъ глинисто- или слюдяно-сланцевой породы, которая залегаетъ по южному берегу рѣки до Бушмака — скалы на морскомъ берегу. Эта порода — плотный, темный глинистый сланецъ, весьма разбитый и трещиноватый. На трещинахъ и плоскостяхъ сланецъ сильно покрытъ окисью желѣза; кромѣ того, онъ обильно проникнутъ жилами кварца, на зальбандахъ котораго порода становится хлористо- или слюдяно-сланцевидной. На берегу рѣки есть даже выходъ молочно-бѣлаго кварца, мощностью въ 2 фута, съ множествомъ мелкихъ пиритоздровъ сѣрнаго колчедана.

Коряки спустились сюда на время рыбнаго лова, а олени ихъ паслись въ ближнихъ горахъ. Такъ какъ мои казаки были въ высшей степени скудно снабжены провіантомъ, то пришлось оказать имъ поддержку въ этомъ отношеніи, для чего я и устроилъ торгъ съ Каноа, нашимъ проводникомъ: за 10 пачекъ табаку онъ продалъ мнѣ большого, славнаго оленя, котораго онъ теперь пригналъ. Ловкость, съ какой онъ убилъ и раздѣлалъ животное, была поразительна. Однимъ ударомъ длиннаго ножа, прямо въ

сердце, онъ сразу свалилъ его мертвымъ. Такимъ образомъ мы сдѣлали хорошій запасъ на много дней.

Мой казакъ Зиновьевъ, хорошій знатокъ коряцкаго языка, много помогаль мнѣ теперь въ качествѣ переводчика. Коряки — мужчины, женщины и дѣти — постоянно осаждали мою палатку. Вопросы, отвѣты, рассказы такъ и текли рѣкой. Эти довольные, всегда веселые дѣти природы рады были ужасно всякому маленькому подарку отъ меня. Табакъ брали съ удовольствіемъ, но при видѣ ножницъ, ножа, иголь или пестрыхъ бусъ всѣ разряжались цѣлой бурей радостныхъ криковъ. Женщины являлись разряженными въ свои изящныя, окрашенныя ольховой корой въ красный цвѣтъ, кожаныя бусы и щегольскіе пестрые мѣховые сапоги; длинные распущенные черные волосы были перевиты бусами. Но невымытыя лица ихъ были нерѣдко до того грязны, что у молодыхъ дѣвушекъ едва можно было увидѣть свѣжій, здоровый румянецъ щекъ. Женщины были большею частію ужающе безобразны, особенно если онѣ были еще татуированы. Въ общемъ татуировка — рѣдкость и встрѣчается только среди женскаго пола. Одна или немного линій, расходящихся отъ корня носа лучами по лбу, да пара колець на щекахъ — вотъ и все украшеніе. Изъ женщинъ рѣдко у которой не было за спиной плетенаго изъ травы и поддерживаемаго на лбу широкой повязкой мѣшка, въ которомъ они носятъ съ собой свои пожитки. При помощи пеленгованія, на противолежащемъ берегу Сибири подъ 240° къ западо-юго-западу я отыскалъ мысъ Верхоламскій.

Утромъ 4-го іюля явился нашъ проводникъ, Каноа, со своимъ братомъ, Эккитомъ, и представилъ его мнѣ въ качествѣ проводника на дальнѣйшій путь, такъ какъ самому ему нельзя было идти далѣе. Скоро направились мы впередъ, идя пѣшкомъ вдоль берега моря къ югу и ведя за собой своихъ лошадей. Сильный вѣтеръ не позволилъ лодкѣ выйти въ море, и мы должны были оставить ее пока здѣсь. Какъ разъ былъ отливъ, и небольшая, замкнутая (лишь немного открытая къ юго-западу) губа устья Чайбухи была почти совсѣмъ суха. Милліоны живой морской

мелюзги копошились въ лужахъ и въ илу, и поистинѣ неизомѣримое полчище всякой водяной птицы, издавая крикъ и поѣдая добычу, покрывало обнажившійся илъ. Стояло выстрѣлить, и птицы большой бѣлой тучей поднимались съ оглушительнымъ гвалтомъ, чтобы вскорѣ снова жадно наброситься на кормъ.

Вслѣдъ за этимъ намъ пришлось пройти черезъ группы скалъ вышиной до 200 футовъ, состоящихъ изъ вышеупомянутыхъ сландевъ Чайбухинскаго берега, а затѣмъ скоро опять пошелъ бурогольный песчаникъ, въ коемъ я насчиталъ шесть выраженныхъ слоевъ угля, мощностью отъ 2 до 3 футовъ. Сряду за нимъ опять появился свѣтлый песчаникъ съ отдѣльными, вкрапленными лигнитами, какъ у маяка. Только здѣсь отдѣльные лигниты были крупнѣе, и попадались куски стволовъ до 2 футовъ.

Черезъ глубоко прорѣзанный водой, теперь очень скользкій отъ глины, льда и снѣга, оврагъ мы вновь поднялись на верхнее тундряное плато. Тогда какъ въ небольшихъ оврагахъ при морѣ часто возлѣ самыхъ снѣговыхъ пятенъ попадались отдѣльныя растеньица въ цвѣту, здѣсь наверху опять пошла широко раскинувшаяся мертвая тундра. Мохъ, одинъ только мохъ! Тамъ и сямъ торчали совсѣмъ низкіе, хилые кедры и ольхи, *Betula nana*, верескъ. Мѣстами эта моховая пустыня дѣлалась мокошею и была

..... гранитъ, касалось, весь распавшійся на мелкіе, острые куски и покрытый широкими лишайниками, безъ слѣдовъ какой-нибудь другой растительности. Гранитъ, повидимому, многократно поднимался до общаго уровня тундры, а въ промежуткахъ между подъемами возникали плоскія мульды, которыя были заполнены влажными участками тундры. Проѣхавъ нѣсколько такихъ гранитныхъ участковъ, чередующихся съ мокрыми тундрами, мы достигли до быстро текущей съ ближнихъ горъ въ море рѣчки Матуги. Довольно трудной дорогой мы спустились въ рѣчную долину —

обрывистый, романтическій оврагъ и прошли по рѣчкѣ до мѣста впаденія ея въ небольшой, окаймленный скалами, заливъ. Заливъ этотъ полонъ рифовъ и скалъ, изъ коихъ извѣстнѣе другихъ высокая, отдѣльно стоящая въ морѣ, Рѣчная Матуга. И здѣсь, на Матугѣ, стояли три коряцкихъ чума, и опять палатку мою осаждалъ этотъ добродушный, честный народъ, и, благодаря рекомендаціи моего проводника Эккита, живо установились довѣрчивыя отношенія.

Это мѣсто точно также было выбрано лѣтней стоянкой ради добычливаго лова рыбы, а олени были пущены пасть въ горы. Съ самой живой радостью, рассказывали мнѣ, что минувшей весной уловъ «уики», мелкой рыбешки, былъ удивительно богатъ, и что громадныя массы далъ частію ловъ этой рыбы въ морѣ, частію сборъ выброшенной волнами на берегъ. Кромѣ того, ходъ «уики» къ берегамъ цѣненъ особенно еще и потому, что слѣдомъ за ней идетъ много тюленей и дельфиновъ, которые тоже близко подходятъ къ берегу и потому легко могутъ быть убиты. Множество разбросанныхъ здѣсь костей *Delph. Leucas*, между прочимъ позвонковъ и череповъ, свидѣтельствовали объ успѣшной охотѣ. Упомяну еще, что, кромѣ неизбѣжныхъ роевъ комаровъ, я ни видѣлъ ни единой ползающей или летающей «букачки», т. е. частѣкомаго, паука и т. п.; только вдругъ на одномъ сыромъ мѣстѣ появилось и ползало кругомъ истиннѣ несчетное множество мелкихъ, ярко-красныхъ козявокъ съ маленькимъ хоботкомъ. Понять нельзя, откуда набралась эта масса мелкихъ красныхъ клещей (*Trombidium*) и куда она исчезла всего въ какой-нибудь часъ, такъ какъ потомъ я не могъ найти ни единого даже въ землѣ.

Пеленгованіемъ нашелъ я сегодня мысъ Верхоламскій на 270° къ западу.

Рано утромъ 5-го іюля меня разбудилъ шумъ и ревъ прибоя о крутыя береговыя скалы, поднятаго бурей. Скалы эти состоятъ изъ пестрой и беспорядочной мѣшанины пересѣкающихъ другъ друга слоистыхъ породъ и неслоистой, массивной, базаль-

тической породы. Сильно метаморфозированные песчаниковые слои, докрасна, какъ кирпичъ, обожженные массы глины, мелкіе и совсѣмъ ставшіе сланцеватыми конгломераты, отчасти тоже обожженные, въ коихъ я нашелъ слабый отпечатокъ *Mytilus* (?), набросаны здѣсь другъ на друга. Въ небольшомъ побочномъ ущельѣ былъ выходъ темнаго, плотнаго глинистаго сланца съ табличной отдѣльностью, прорѣзаннаго множествомъ кварцевыхъ жилъ, толщиной въ дюймъ; жилы эти и давали начало кварцевой галькѣ рѣчного русла. Все это свидѣтельствовало о томъ, что осадочные слои, — какъ буро-угольный песчаникъ, такъ и глины, были пересѣчены выходами базальта.

Ближайшей нашей задачей было добраться до обѣихъ рр. Килимачей. Большая толпа коряковъ, мужчинъ и женщинъ, проводила насъ довольно далеко и съ громкими прощаніями — «тамто, тамто», пошла назадъ. Въ сторону отъ насъ поднимался дикій, романтичный морской берегъ. Геологическій характеръ оставался во всемъ тотъ же. Обѣ рѣки текутъ совсѣмъ близко одна отъ другой и скоро впадаютъ въ небольшія, обособленные губы. Ихъ различаютъ какъ первую и вторую или же какъ сѣверную и южную Килимачу. Передъ первой Килимачей и на ней самой залегаетъ кремнистый сланецъ, а затѣмъ идутъ массивы, гдѣ вся порода является сильно вывѣтрившейся. Въ рѣчномъ руслѣ была даже опять галька изъ бураго угля и песчаника, снесенная изъ верхнихъ частей рѣки. На второй Килимачѣ опять выступила массивная базальтическая порода. Обѣ рѣки прорѣзали глубокія, ущельевидныя долины въ высокой тундрѣ и обнажили много профилей, опять же доказывающихъ, что здѣсь приподнятые базальты и трахиты повліяли самымъ разрушительнымъ и метаморфозирующимъ образомъ на осадочныя породы, т. е. все на тотъ же буро-угольный песчаникъ.

На второй, южной Килимачѣ мы совсѣмъ ушли отъ моря и снова поднялись на высокую тундру, гдѣ мы чрезъ мочажины пробрались къ горамъ, и непоздно вечеромъ раскинули у ихъ подножія свою палатку. У сторожевого огня Эккитъ всегда дѣ-

лся очень разговорчивымъ и много, и охотно рассказывалъ о нравахъ и обычаяхъ своего народа, который онъ такъ любилъ и сыномъ котораго онъ признавалъ себя такъ охотно.

Утромъ 6-го іюля мы поднялись рано, чтобы переѣхать не особенно высокій, безснѣжный хребетъ, тянущійся съ сѣверо-сѣверо-востока къ юго-юго-западу. Медленно и не безъ труда для лошадей, по каменистой, большею частію очень крутой, мѣстности достигли мы высоты перевала. Весь путь шелъ по гнейсу и граниту. Самая порода, мелкозернистая, свѣтлой окраски, обнаруживаетъ явную слоистость и имѣетъ часто гладкую и табличную отдѣльность; наблюдается также и поднятіе ея слоевъ. Высшій пунктъ перевала состоитъ изъ однихъ разбитыхъ гранитныхъ плитъ и глыбъ, промежутки между которыми заполнены мхомъ, изъ котораго тамъ и сямъ торчитъ ползучая ольха или кедръ. Изъ цвѣтущихъ растений я могъ замѣтить только пару вересковъ. Внѣшній видъ гранитныхъ горъ мягко-волнистый; часто они увѣнчаны скалами въ видѣ развалинъ, стѣнъ, башенъ. Горы, состоящія изъ глинистаго сланца, какъ на примѣръ, здѣсь близъ перевала, имѣютъ вершины, расположенныя болѣе гребневидно, при чемъ бросалось въ глаза, что эти послѣднія совершенно лишены растительности, вмѣсто которой виднѣлись большія кучи полувыбѣтрившихся кусковъ сланца. На вершинѣ мы дали лошадямъ короткій отдыхъ, которымъ я воспользовался для того, чтобы взять пеленги. Килимача течетъ съ хребта къ сѣверо-сѣверо-западу и устье ея находится на 216° къ юго-западу, скала Рѣчная Матуга паходилась на 332° къ сѣверо-сѣверо-западу, устье Чайбухи на 351° почти къ сѣверу а въ томъ же направленіи далеко на горизонтѣ — малая скала.

Затѣмъ начался спускъ въ лежавшую передъ нами долину Тополовки, по которой мы и прослѣдовали сначала къ югу, затѣмъ къ юго-западу и наконецъ къ западу, до самаго ея устья. Путь по долинѣ, благодаря большой крутизнѣ и каменнымъ глыбамъ, былъ поистинѣ труденъ. Мы шли пѣшкомъ, такъ какъ лошадей и свести внизъ можно было съ трудомъ. Видъ скалъ,

гранитныхъ и сланцевыхъ, былъ очень величественъ, дикъ и красивъ. Должно быть, въ былыя времена здѣсь дѣйствовали могущественныя силы. Растительности почти не было, а изъ царства животныхъ только звонко посвистывали евражки (*Arctomys citillus*). Скоро затѣмъ мы увидѣли и самихъ трудолюбивыхъ звѣрковъ, таскавшихъ себѣ запасы на зиму.

Вода стремится внизъ дикимъ потокомъ, съ каскадами, въ узкомъ руслѣ по большимъ камнямъ. Часто высокіе, разорванные, скалистые берега, какъ крутыя стѣны, подступаютъ къ шумящему потоку такъ близко, что едва можно пройти.

Нѣсколько далѣе внизъ по долинѣ мы перешли съ гранита въ область глинистаго сланца. Темноокрашенная порода, сложенная изъ явственныхъ слоевъ въ $\frac{1}{2}$ —2 фута толщиной, была пронизана множествомъ трещинъ и разсѣлинъ, окрашенныхъ окисью желѣза въ бурый цвѣтъ, и путь по гладкимъ, сдвигающимся табличкамъ былъ очень тяжелъ. Долина постепенно становилась шире, теченіе спокойнѣе, и камешныя глыбы въ руслѣ рѣки исчезали. Растительность стала обильнѣе, и появились кое-какіе цвѣты и трава, а также небольшіе ольхи, ивы, кедры и карликовая береза. Последней, служащей для сѣвернаго оленя въ это время года главной пищей, рѣдко гдѣ нѣтъ на Тайгоносѣ. У воды я замѣтилъ пару куличковъ и какую-то бѣлокрылую птицу изъ курипыхъ. Теперь мы достигли второй гранитной, а за ней — второй сланцевой области, а съ ними совершенно оставили горы. При спускѣ съ горъ можно было постоянно наблюдать, что на гранитныхъ участкахъ почти не было растительности, вся мѣстность выглядѣла болѣе дико, и вода скакала въ крутыхъ берегахъ по камнямъ, тогда какъ на сланцевыхъ было больше растительности и рѣка текла спокойнѣе.

Выйдя изъ горъ, рѣка, раздѣлившись на много рукавовъ съ островами между ними, пошла тише по широкой долинѣ со склопами изъ сланца, песку и гравіа. На островахъ растительность, повидимому, достигала наивысшаго развитія: тамъ видѣлись даже деревья — ивы, ольхи, рябины, а всего болѣе красивыхъ тополей

(до 2 футовъ въ поперечникѣ), давшихъ и рѣчкѣ свое имя. Близко къ устью, на лѣвомъ берегу опять, замѣтно было, залегалъ гранитъ, но темный глинистый сланецъ рѣшительно преобладалъ.

Такъ добрались мы до широко раскинувшася передъ нами залива, куда впадаетъ Тополовка; теперь, въ отливъ, изъ него ушла почти вся вода. Только рѣчная вода, разбившись на много мелкихъ рукавовъ, бѣжала по оживленному разной морской мелюзгой илу.

Уже издали мы слышали веселыя восклицанія и смѣхъ большой толпы коряковъ, толпившейся у четырехъ большихъ чумовъ. Когда мы приблизились, и они увидѣли нашихъ лошадей, они бросились въ разсыпную и, казалось, готовы были удирать со страху, такъ какъ многіе изъ нихъ, именно женщины и дѣти, отродясь не видывали такихъ большихъ и такого чудного вида звѣрей. Только на окликъ Эккита они остановились и скоро окружили насъ съ дружественными привѣтствіями; постепенно довѣрчивость возрасла до такой степени, что угрожала стать несносной. Добрые малые только что были на ловѣ рыбы и притащили намъ пропасть лососей, а также и ягодъ, чтобъ отблагодарить за полученные подарки. Эккитъ былъ внѣ себя отъ радости, что попалъ къ землякамъ: онъ плясалъ, припрыгивалъ и вездѣ находилъ случай рассказать объ насъ много хорошаго. Радость, по видимому, возбудила у него и хорошій аппетитъ; онъ вдругъ схватилъ маленькаго лососка, откусилъ ему голову и съѣлъ всю рыбу сырьемъ, что дѣлали за нимъ и другіе коряки, именно женщины и дѣвушки.

Послѣ дождливой ночи меня разбудили утромъ 7-го іюля громкія восклицанія моихъ, прибывшихъ на лодкѣ, казаковъ. Несмотря на дурную погоду, они ѣхали на веслахъ всю ночь напролетъ и только что добрались сюда. Такъ какъ дождь перешелъ, сегодня надо было съ помощью моихъ людей произвести обстоятельное изслѣдованіе берега залива и начать работы по развѣдкамъ киновари.

Палласъ даетъ въ «*Neue Nordische Beiträge*», Bd. V, St. Pe-

tersburg 1793, на стр. 271, перечень минераловъ, найденныхъ частью при Пенжинской губѣ смотрителемъ шахтъ, Даніэлемъ Гаазе, назначеннымъ на службу въ Ижигинскъ. Палласъ пишетъ: «На Тайгоносской косѣ, верстахъ въ 90 отъ Ижигинска, при небольшой бухтѣ у устья ручья Тополовки, у подножія небольшой горы, примыкающей къ бухтѣ, были найдены куски плотной киноварной руды, а порода—черный, пластоватый сланецъ». И далѣе: «Приблизительно за 6 верстъ отъ этого мѣста, вверхъ по Тополовкѣ, по правую ея сторону—высокій берегъ, гдѣ встрѣчаются куски богатой мѣдной лазури». (Палласъ прибавляетъ къ этому: «отъ той и другой я получилъ небольшіе штуфы»). А на стр. 309: «Адамъ Лаксманъ, ижигинскій городничій, пишетъ отъ 10-го января 1790 г. относительно найденной Гаазе киновари, что на томъ мѣстѣ, послѣ долгихъ раскопокъ, найдено около 6 фунтовъ киновари».

Эти сообщенія Палласа очень опредѣленно, казалось мнѣ, указывали мѣсторожденія киновари и потому, исходя отсюда, я рѣшилъ обстоятельно разслѣдовать всѣ берега Тополовской губы. Прежде всего я разспросилъ коряковъ, которыхъ четыре большіе чума стояли совсѣмъ близко отъ моей палатки, и которые въ большомъ числѣ съ ранняго утра вступили въ сношенія съ нами, не видѣли ли они сами киновари, или не слышали ли чего о ней. Я предложилъ цѣнныя вещи за указаніе ея мѣстонахожденія, вещи, которыя для этихъ людей имѣли высокую цѣну. Среди нихъ было много стариковъ, всю жизнь прожившихъ въ этихъ мѣстахъ, но никто изъ нихъ не могъ дать мнѣ на этотъ счетъ ровно никакихъ свѣдѣній. Уже это поразило меня, такъ какъ отъ этихъ дѣтей пустыни не легко ускользаетъ что-нибудь: они замѣчаютъ все и все пробуютъ пустить въ дѣло. По моему предложенію, они сряду отправились на бухту и разбрелись по всему берегу для раскопокъ и поисковъ. Они должны были доставлять мнѣ всѣ окрашенные комки, особенно красные и бурые. Самъ я, точно также, отправился съ казаками въ обходъ губы.

Отливъ наступаетъ здѣсь только разъ въ сутки и достигаетъ

максимума около 3 часовъ утра, когда дно всего залива до узкаго выхода въ море и до мелкаго мѣста — съ рѣчной водой — совершенно обнажается. Вся губа, по моему разсчету, имѣетъ въ длину около $3\frac{1}{2}$ верстѣ и тянется почти напрямикъ съ востока на западъ. Въ сильно заостренный, восточный конецъ впадаетъ многими рукавами, образуя небольшую дельту, Тополовка, а на западѣ губа открывается въ море узкимъ, почти замкнутымъ скалами, проливомъ. Въ этотъ проливъ, а, значитъ, и въ самую губу на лодкѣ можно попасть только въ приливъ. Приблизительно на двухъ третяхъ всей длины губы отъ южнаго берега отходить коса, подходящая близко къ сѣверному берегу и, такимъ образомъ, дѣлящая весь бассейнъ на двѣ части — на большую, внутреннюю, обращенную къ востоку, имѣющую треугольную форму, и на меньшую, почти круглую, внѣшнюю, лежащую къ западу и открывающуюся въ море. Названная коса совсѣмъ плоска, состоитъ изъ дресвы и гальки, имѣетъ 8—10 сажень въ ширину и шаговъ 500 въ длину и выступаетъ футовъ на 10 надъ поверхностью самой высокой воды. Почти весь берегъ губы скалистъ, крутъ и вышиной до 50 футовъ и болѣе. Хребетъ, съ которымъ мы только что разстались, подходитъ своими крайними отрогами къ сѣверному берегу губы и до моря. Снѣгу и льду здѣсь совсѣмъ не было. Вся горная порода состояла, повидимому, исключительно изъ темнаго, черно-сѣраго сланца, внизу очень плотнаго и сплошнаго, а выше состоящаго изъ плитъ въ $\frac{1}{2}$ —1 дюйм. толщиной. Большею частію пласты эти были подняты, поставлены и изогнуты въ разнообразныя складки, поднимавшіяся и опускавшіяся отъ подножія берега до самаго верху скалъ. Междуэтими большими складками сланца мѣстами находился грубый конгломератъ, состоящій главнымъ образомъ изъ обломковъ гранита и гнейса — отложеніе, имѣвшее мѣсто, конечно, до поднятія сланца, такъ какъ конгломератъ часто цѣлыми поясами являлся обожженнымъ докрасна, какъ кирпичъ. Отсюда явствуетъ, что сланецъ и конгломератъ одновременно и совмѣстно подверглись одной и той же метаморфозирующей катастрофѣ. Темные сланцы

были мѣстами сильно проникнуты бѣлыми ходами и жилами известковаго шпата и очень богаты желваками сѣрнаго колчедана, въ иныхъ мѣстахъ до того, что порода по поверхности была окрашена совсѣмъ въ красный и бурый цвѣтъ продуктами его разложенія — обстоятельство, часто вводившее въ заблужденіе моихъ помощниковъ и доставившее мнѣ множество образчиковъ камня, окрашеннаго окисью желѣза.

Наконецъ мнѣ удалось на южномъ берегу вѣшной части губы, неподалеку отъ своей палатки, стоявшей при основаніи вышеупомянутой косы, у подошвы скалъ, наткнуться на слѣдъ въ плотномъ, черно-сѣромъ сланцѣ. Сейчасъ же въ этомъ мѣстѣ и вокругъ принялись шурфовать изо всѣхъ силъ. Цѣлыя массы щебня вывѣтрившагося и скатившагося сверху сланца были удалены отъ подножія скалы и она сама взломана на мѣстѣ, подлежащемъ изслѣдованію, но все было тщетно. Получились очень жалкіе результаты: на поверхности обломковъ извлеченной породы лежалъ налетъ ярко-краснаго минерала, толщиною около 1 мм., который покрывалъ породу почти въ видѣ порошка, по крайней мѣрѣ стирался очень легко. Къ сожалѣнію, столь легко разрушимыя, мелкіе куски, которые я получилъ, такъ трудно было уберечь въ дальнѣйшемъ пути, что потомъ въ Петропавловскомъ портѣ я нашелъ едва только слѣды ихъ. Во всякомъ случаѣ, эти мизерные остатки ярко-краснаго, растирающагося, почти порошковатаго минерала, это было все, что напоминало, быть можетъ, о нахожденіи тамъ киновари. Да и указанія Палласа говорятъ за то, что киноварь встрѣчается здѣсь чрезвычайно рѣдко. Быть можетъ, были тамъ нѣкогда остатки этого минерала, которые уже тогда были всѣ выбраны и отъ которыхъ теперь остались только найденные нами слѣды.

Вернувшись вечеромъ къ своей палаткѣ, я засталъ коряковъ собравшимися большой толпой. Вода съ силой шла назадъ въ губу, и съ ней уходило очень много рыбы. Было уже поймано нѣсколько лососей и камбалъ, и теперь собирались на общій ловъ. Пока мужчины и женщины приготавливались къ лову, подростающее

поколѣніе затѣяло веселыя игры: бѣгали взапуски, боролись, ловили другъ друга, и все это — съ большой ловкостью, и, пожалуй, съ извѣстной прелестью движеній. Мальчики и дѣвочки схватывались нерѣдко со взрослыми мужчинами, и, если имъ удавалось повалить одного изъ послѣднихъ, ликованіе было безконечное. Эккитъ былъ душой игръ и оказался превеселаго темперамента: шутилъ и рассказывалъ безъ усталы, всегда возбуждая въ прочихъ звонкій смѣхъ. Развлеченія этихъ дѣтей природы затянулись до поздней ночи, и еще долго послѣ того, какъ я закрылъ свою палатку, я слышалъ ихъ веселые голоса.

Рано утромъ 8-го іюля я отправился на то мѣсто, гдѣ по указаніямъ Палласа, должна была имѣться мѣдная лазурь. Къ сожалѣнію, и тамъ всё поиски остались безъ всякаго результата. Порода была опять все тотъ же темный глинистый сланецъ, который залегаеъ въ высокой стѣнѣ скалъ на берегу Тополовки. Сѣверный берегъ губы былъ еще разъ обследованъ, при чемъ въ сланцѣ много разъ попадались отдѣльныя зерна кварца. Далѣе находились участки, гдѣ черный сланецъ былъ окрашенъ на поверхности и въ трещинахъ и расщелинахъ въ бурый, а то и совсѣмъ въ красный цвѣтъ окисью желѣза. При самомъ выходѣ въ море глинистый сланецъ становится болѣе массивнымъ. Жилы известковаго шпата встрѣчались здѣсь, однако кварцъ преобладалъ. Попадаются выходы кварца въ 1—3, и даже 4 фута толщиной, и весь глинистый сланецъ принимаетъ здѣсь видъ хриштейна (роговика).

Отъ казаковъ и коряковъ я узналъ, что неподалеку отсюда, къ югу, есть еще рѣка, впадающая въ небольшую, совсѣмъ замкнутую скалами губу, рѣка, носящая у ижигинцевъ тоже названіе Тополовки, а у Коряковъ — Чачиги. Чтобы не упустить изъ виду ничего, что могло бы повести къ находкѣ киновари, я рѣшилъ изслѣдовать и эту рѣку.

Мой проводникъ Эккитъ, которому очень ужъ понравилось здѣсь, не захотѣлъ итти далѣе и привелъ мнѣ другого проводника, Эйв алана. Лодка была оставлена здѣсь, подъ присмотромъ двухъ

казаковъ, а мы всё выступили къ 3 часамъ пѣшкомъ и на лошадахъ впередъ, чтобы достигнуть новой цѣли нашего путешествія.

Мы прошли сначала мокрой, совсѣмъ голой, высокой тундрой, а затѣмъ сухой моховой тундрой, поросшей кедровымъ стланцемъ, и уже къ 8 часамъ вечера достигли устья второй Тополовки. И здѣсь точно также мы нашли многочисленныхъ коряковъ, окружавшихъ три чума; опять наше внезапное и неожиданное появленіе сначала навело на нихъ страхъ, который скоро, однако, уступилъ мѣсто довѣрію. Часть обитателей этого мѣста оставалась, все-таки, на сторожѣ и обнаруживала нѣсколько тревожное возбужденіе. Ночью былъ слышенъ въ одномъ изъ чумовъ бой магическаго барабана; это, по соображенію казаковъ, обращались къ богамъ (идоламъ) съ вопросомъ, можно ли намъ довѣрять и къ добру или къ худу случилось наше прибытіе. Ночь прошла, такимъ образомъ, не совсѣмъ спокойно. Какъ только забрежжило утро, насъ разбудила страшная суматоха передъ нашей палаткой. Дикаго вида корякъ, шаманъ, кричалъ и прыгалъ, ударяя въ барабанъ, вокругъ палатки. Съ страшно искаженнымъ лицомъ, точно сумасшедшій онъ выдѣлывалъ самые изумительные прыжки. Проходя мимо палатки, онъ громкимъ голосомъ завывалъ онъ съ необыкновенною силой и продолжалъ прыгать, пока не достигъ чума. Тамъ онъ остановился, и, продолжая прыгать, началъ кричать, и, наконецъ, въ чумѣ онъ началъ плясать. Мы, казаки, увидя это, начали кричать, и, наконецъ, увидя, что шаманъ не уходитъ, мы начали стрѣлять въ него. Шаманъ, увидя, что мы стрѣляемъ, началъ кричать угрозы противъ насъ и призывалъ демоновъ. При этомъ я узналъ, что шаманы охотно пользуются мухоморомъ (*Amanita muscaria*), для того, чтобы доводить себя до этого бѣшеннаго одурѣнія. Было ли это такъ и въ настоящемъ случаѣ, я не могъ узнать. Коряки, впрочемъ, рассказывали, что у нихъ какъ разъ теперь нѣтъ этого любимаго зелья, и что оно вообще только изрѣдка попадаетъ на Тайгоносъ. На этомъ полуостровѣ названный грибъ не растетъ и попадаетъ сюда только изъ Камчатки, гдѣ его много и гдѣ онъ обладаетъ очень сильными свойствами. Оттуда этому цѣнному товару приходится продѣлывать длинный путь отъ торговца къ торговцу вокругъ всей Пен-

жинской губы, а такъ какъ любителей мухомора тамъ вездѣ много, то онъ и попадаетъ сюда лишь въ небольшихъ количествахъ.

Губа, при которой мы теперъ находились, имѣеть почти треугольное очертаніе, однимъ угломъ—къ сѣверо-западу—связана съ моремъ узкимъ, скалистымъ проливомъ и тянется, окруженная скалистыми берегами, съ сѣверо-востока на юго-западъ, приблизительно на $2\frac{1}{2}$ версты въ длину. Въ сѣверо-восточный уголъ впадаетъ вторая Тополовка, а въ третій уголъ, юго-западный, течетъ по глубокому оврагу въ скалахъ небольшой ручей, у устья котораго и стояли теперъ чумы коряковъ и моя палатка. Съ 10 часовъ утра до 5 часовъ пополудни шелъ отливъ, обнажившій темное, илистое дно губы до выхода изъ нея въ море. Ночью, напротивъ, вода поднялась футовъ на 10—12. Крутыя, часто изрѣзанныя глубокими побочными ущельями скалистыя стѣны губы состоятъ, главнымъ образомъ, опять-таки изъ плотнаго, темнаго глинистаго сланца, во многихъ мѣстахъ окрашеннаго въ бурый и желтый цвѣта окисью желѣза и прорѣзаннаго многочисленными, мощными жилами кварца, отчего и самъ онъ становится совсѣмъ кварцевой породой. Только къ юго-востоку, прямо противъ выхода въ море, находится массивная, богатая слюдой, порода, также пронизанная кварцевыми жилами. Совсѣмъ близко отсюда, къ югу, тянется опять хребетъ съ сѣверо-востока до моря и заключаетъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ хребтомъ, который мы перешли, обѣ Тополовки въ широкую тундряную долину, въ которой эти рѣки, промыли себѣ глубокия, щелевидныя русла впадая въ небольшія скалистыя губы.

И на второй Тополовкѣ не удалось, несмотря на тщательное изслѣдованіе берега и много шурфовокъ, найти никакихъ слѣдовъ киновари или лазури, почему я и рѣшилъ отправиться отсюда въ обратный путь къ тендеру.

Вечеромъ я сдѣлалъ прощальный визитъ корякамъ въ ихъ чумахъ и былъ принятъ ими очень дружелюбно. Къ сожалѣнію, я оказался совершенно не въ состояніи отвѣдать чего-нибудь изъ удивительныхъ, обильныхъ грязью, явствъ, которыми они меня

угощали. Зато мнѣ удалось закупить для своихъ бѣднягъ-казакъ кое-какой провизіи, много рыбы и большой кусокъ тюленьи. Тюленьи лапы считаются особенно лакомымъ кускомъ и потому доставили не мало радости моимъ бѣднымъ, голоднымъ людямъ.

Чумы были очень густо населены: въ каждомъ помѣщалось по меньшей мѣрѣ 5 семей съ кучей ребятъ. Необыкновенно много было также собакъ. Послѣднія были гораздо меньше камчатскихъ ѣздовыхъ собакъ и болѣе слабого сложенія, впрочемъ, зато гораздо вкрадчивѣе. Почти всѣ онѣ были совершенно чернаго цвѣта, съ очень длинной шерстью, съ мохнатымъ задраннымъ кверху хвостомъ, острыми стоячими ушами и острой мордой. Какъ ѣздовыми животными, ими пользуются только очень рѣдко, такъ какъ службу эту несутъ олени; ихъ держать, главнымъ образомъ, для того, чтобы въ особенныхъ случаяхъ принести въ жертву богамъ и воспользоваться красивымъ чернымъ мѣхомъ, который очень цѣнится, какъ украшеніе на платьѣ.

10-го іюля спозаранокъ я выступилъ въ обратный путь. День былъ пасмурный, дождливый. Дорога вела назадъ по той же тундрѣ, и уже къ 12 часамъ мы опять были на первой, сѣверной Тополовкѣ. Собственно эта рѣка называется Куэной, а вторая Тополовка, какъ уже сказано, Чачигой. Передъ устьемъ послѣдней лежитъ, очень близко отъ материка и отъ губы, небольшая группа скалистыхъ острововъ Халпили. Самая высокая изъ скалъ этой группы находится какъ разъ на западъ отъ устья губы.

Достигнувъ первой Тополовки (Куэны), я сейчасъ же отпустилъ казакъ съ лодкой домой, къ маяку, а самъ поѣхалъ съ казакъ Зиновьевымъ, въ сопровожденіи коряка Эйвалана, другой дорогой, минуя хребетъ и ближе къ берегу, къ Матугѣ. Дорога наша шла между моремъ и ближними отрогами горъ по сухой, поросшей кедровникомъ, моховой тундрѣ. Вездѣ изъ-подъ моха торчали обломки сланца; только въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ немного гранитной гальки.

Ближніе отроги хребта состояли, повидному, изъ сплошного

глинистаго сланца, изъ котораго поднимался напоминавшій развалины гребень, конечно, опять гранитный. Такъ добрались мы по рѣчки Казенной, впадающей точно также въ небольшую губу неподалеку отъ высокой, торчащей изъ моря, скалы—Колокольной. И здѣсь опять залегалъ лишь плотный глинистый сланецъ. Скоро затѣмъ мы достигли второго небольшого ручья, впадающаго въ одну губу съ Казенной, который прорылъ, идя съ сѣверо-востока, глубокое, дикое ущелье въ свѣтломъ гранитѣ. Этотъ гранитный участокъ былъ почти совсѣмъ лишенъ растительности, тогда какъ близкіе глинистые сланцы Казенной были покрыты относительно роскошной травянистой и кустарной порослью; особенно рододендроны съ желтыми цвѣтами часто попадались у самыхъ снѣговыхъ залежей. Общаго у обѣихъ рѣчекъ было лишь то, что обѣ шли глубокими оврагами въ высокой тундрѣ и что вся окрестность была оживлена множествомъ сусликовъ (*Arctomys citillus*), звонкій свистъ которыхъ слышенъ былъ со всѣхъ сторонъ, а круглыя головки ихъ высывались и прятались повсюду, въ кучахъ камней.

Набѣжала сильная гроза съ проливнымъ дождемъ, затянувшимся и на ночь, и намъ пришлось разбить палатку здѣсь.

Утромъ 11-го іюля дождь пересталъ, и мы тотчасъ же снова сѣли на коней. Намъ пришлось проѣхать еще немного по граниту, а потомъ мы попали опять на глинистый сланецъ, продолжающійся до обѣихъ Килимачей. Здѣсь сланецъ былъ замѣчательно богатъ кремнемъ, часто очень перепутанъ и сдвинутъ. Кромѣ того, здѣсь былъ, хотя и подчиненно, темный, грубозернистый песчаникъ, мѣстами переходившій въ конгломератъ. Въ руслѣ сѣверной Килимачи галька состояла изъ сланца всевозможной окраски—сѣрой, черной, зеленой, желтой, красноватой, и вся эта порода была очень богата кремнемъ, даже почти яшмовидна. При устьѣ южной Килимачи формація была очень похожа на таковую у устья Матуги (см. 5 іюля): докрасна обожженные нептуническіе слои, перемѣшанные съ темно-сѣро-бурымъ песчаникомъ и на немъ лежащіе. На одномъ трудно доступномъ участкѣ

приморскихъ скалъ я замѣтилъ выходъ почти черной, горизонтально-слоистой породы, обнаруживавшей довольно ясную столбчатую отдѣльность.

Дождь пошелъ опять и еще сильнѣе. По мокрой, голой и неровной тундрѣ двигались мы далѣе къ Матугѣ, куда добрались къ 5 часамъ дня, совершенно измокнувъ и истомившись. Сейчасъ же разбили палатку и развели огонь, чтобы обсушиться и обогрѣться. Коряцкіе чумы стояли пустыми, такъ какъ всѣ обитатели ихъ ушли на Обвѣковку; все имущество было оставлено здѣсь и только входы въ чумы были завѣшены шкурами, въ увѣренности, что здѣсь никто не тронетъ чужой собственности.

Когда мы сидѣли у огонька и наслаждались горячимъ чаемъ, вдругъ предъ нами предсталъ Эккитъ. Я еще прежде заторговалъ у него оленя, чтобы взять его съ собой на судно въ качествѣ провіанта, и вотъ онъ со своимъ другомъ и пріятелемъ Апкауке привели намъ чудеснаго, большого, совсѣмъ бѣлаго оленя, котораго они должны были вести и дальше, до судна. Въ разговорѣ съ обоими молодыми людьми я, въ шутку, сдѣлалъ Эккиту предложеніе уйти совсѣмъ со мной и началъ рассказывать, какія славныя и привлекательныя штуки можно увидѣть и достать въ той странѣ, откуда я. Онъ сначала задумался, но затѣмъ радостно воскликнулъ: «нѣтъ! лучше останусь здѣсь, у васъ нѣтъ и оленей, а здѣсь хорошо; я, вотъ, скоро женюсь, заведу свой чумъ, разведу стадо и буду себѣ весело бродить, буду рыбу ловить и охотиться, сколько душѣ угодно». И теперь онъ такъ твердо уперся на своемъ рѣшеніи, что ничѣмъ нельзя было его сбить. Да, для каждаго человѣка родина — святыня, хотя бы она была такъ ужасна, какъ эта пустыня, Тайгоносъ.

Наша лодка прибыла на Матугу еще раньше насъ, и я надѣялся на слѣдующее утро прямо отправиться на ней къ маяку. Между тѣмъ поднялся штормъ, прибой съ грохотомъ билъ въ береговыя скалы, и когда 12-го іюля начало свѣтать, я сейчасъ же увидѣлъ, что воспользоваться лодкой было невозможно. Пришлось оставить ее здѣсь до болѣе тихой погоды, а мы отпра-

вились верхомъ дальше. Эйвалану было щедро заплачено и онъ былъ отпущенъ, такъ какъ теперь Эккиту и Апкауке съ ихъ оленемъ нужно было идти съ нами. Олень и лошади скоро свыклись другъ съ другомъ и выступали рядомъ, какъ старые знакомые. При сильномъ вѣтрѣ, подъ дождемъ, идущимъ полосами, прошли мы по ужасному, покрытому омутами, моховому болоту и, наконецъ, къ 1 часу попали на Чайбуху, гдѣ и устроили обѣдъ.

Здѣсь чумы тоже пустовали, такъ какъ все населеніе ушло также на Обвѣковку, на рыбный ловъ. Въ полной и твердой увѣренности въ честности своихъ земляковъ, они оставили, какъ и на Матугѣ, весь свой скарбъ въ чумахъ. Пока мы ѣли свою рисовую кашу, съ Обвѣковки вернулся Каноа съ сыномъ, чтобы захватить кое-какія нужныя вещи изъ своего чума. Какъ старый пріятель, онъ сейчасъ же принялъ участіе въ нашемъ обѣдѣ, который пришелся ему по вкусу, а потомъ вмѣстѣ съ нами отправился до Обвѣковки. Эккитъ вель насъ такъ хорошо, что мы скорѣе и легче прошли по моховой и болотистой тундрѣ. Къ вечеру мы уже были на Обвѣковкѣ, гдѣ застали всѣхъ въ большомъ оживленіи. Много старыхъ знакомыхъ съ Матуги, Чайбухи и Тополовки встрѣтили насъ съ веселыми привѣтствіями. Мужчины, женщины, дѣти окружили меня и проводили до устья рѣки, все благодаря за много хорошихъ подарковъ — «никогда», дескать, «не бывало у нихъ такого добраго тойона (чиновника)». Этотъ милый народъ устроилъ для меня настоящее триумфальное шествіе. Но шествію этому пришлось сдѣлаться еще больше. У устья Обвѣковки стояло нѣсколько кожаныхъ палатокъ пришедшихъ сюда вчера ламутовъ. Эти услышали теперь отъ коряковъ, что я много подарилъ бусъ, табаку, иголокъ и т. п., и изъ любопытства тоже примкнули къ намъ, такъ что, наконецъ, у меня образовалась свита болѣе чѣмъ въ 60 человекъ. Такъ дошли мы до мѣста переправы чрезъ Обвѣковку. Здѣсь мы распростились при многихъ, самыхъ лучшихъ, пожеланіяхъ и при повторной просьбѣ, поскорѣе снова вернуться сюда. Только Эккитъ съ оленемъ и еще двое коряковъ отправились со мной дальше до

тендера. Торгъ нашъ живо сладился, и, когда я далъ ему значительно больше противъ его неслыханно умѣреннаго запроса, онъ былъ убѣжденъ, что я обхожусь съ нимъ лучше отца роднаго. Онъ только попросилъ еще одного — стаканчика водки. Получивъ его, онъ запросилъ еще и второго, который ему и былъ отпущенъ; но такъ какъ затѣмъ уже обнаружилось сильное дѣйствіе водки, то я отказался удовлетворить его дальнѣйшія просьбы на этотъ счетъ. Тогда онъ началъ предлагать мнѣ все возможное, да, пожалуй, былъ въ состояніи пожертвовать и всѣмъ имуществомъ, только бы получить еще.

Тогда существовало разумное распоряженіе правительства, строго воспрещавшее всякую торговлю водкой съ кочевниками. Если бы этого не было, какой источникъ преступнаго обогащенія представила бы продажа водки для торговцовъ и какъ бы быстро этотъ бѣдный народъ спустилъ все, что у него за душой, и обнищаль до крайности, а пожалуй, и вымерь.

Съ ламутами мнѣ пришлось познакомиться лишь вскользь, за отсутствіемъ переводчика, да и потому еще, что приближалось время нашего отъѣзда, — почему я не много могу сообщить объ этомъ племени. Ихъ чумы во всемъ похожи на коряцкіе, только меньше и внутри опрятнѣе. Вообще вся утварь, всѣ орудія у нихъ изящнѣе и меньше, для экономіи въ мѣстѣ и вѣсѣ. Коряки для перевозки своего имущества съ мѣста на мѣсто запрягаютъ оленей въ сани и, слѣдовательно, могутъ возить съ собою сравнительно большіе вещи и грузы; между тѣмъ ламуты — кочевники, употребляющіе оленя подъ верхъ. Поэтому имъ приходится заботиться о томъ, чтобы кладъ была по возможности легче и меньше, такъ какъ олень въ состояніи нести на своей слабой спинѣ лишь небольшіе грузы, особенно при громадныхъ разстояніяхъ переѣздовъ. Ламуты меньше ростомъ, стройнѣе и подвижнѣе коряковъ. Черты лица — чисто монгольскія. Глаза — большіе, умные, можетъ быть, нѣсколько лукавые. Нѣкоторыхъ изъ женщинъ помоложе можно, пожалуй, даже назвать красивыми, въ особенности въ ихъ изящныхъ мѣховыхъ платьяхъ, а

опрятность въ отношеніи тѣла и одежды дѣлаетъ ихъ привлекательными. Мужчины и женщины заплетаютъ волосы въ длинную косу, а вмѣсто мѣшковидной куклянки оба пола носятъ мѣховое платье, открытое спереди, въ тальѣ съ перехватомъ и богато украшенное бисеромъ и пестрыми шелками. Такой же разукрашенный нагрудникъ, носимый подъ платьемъ, спускается сверху, отъ шеи, въ видѣ передника, до колѣнъ. Кромѣ того носятъ узкіе кожаные штаны и красивые, короткіе мѣховые сапоги. Голова, большею частью, непокрыта; впрочемъ иногда на головѣ—небольшая мѣховая шапочка, въ видѣ чепчика. На женскихъ платьяхъ—и это признакъ именно женской одежды—отъ талии спускается пара длинныхъ, узкихъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, полосъ тюленьей шкуры. Вся одежда, за исключеніемъ желтоватыхъ кожаныхъ штановъ, сдѣлана изъ темно-бураго оленьяго мѣха, и все, какъ уже сказано выше, самымъ изящнымъ образомъ и самыми разнообразными узорами изукрашено бисеромъ (голубымъ, бѣлымъ, чернымъ) и цвѣтными шелками. Сверхъ того на платьѣ, особенно женскомъ, много и другихъ, всякаго рода, украшеній—красныхъ ленточекъ изъ кожи, металлическихъ колець, маленькихъ фигурокъ, колокольчиковъ и китайскихъ монетъ изъ желтой мѣди. Дорожный и рабочій костюмъ простъ: того же покроя, но весь просто изъ желтой тожи. Въ холодное время носятъ также куклянки или платья изъ лохматой медвѣжьей или собачьей шкуры.

Изъ всѣхъ оленныхъ кочевниковъ тунгузское племя, къ которому принадлежатъ и ламуты, всего ближе стоитъ къ цивилизаціи. Ламуты, говорятъ, почти всѣ крещеные, т. е. занесены въ метрики и носятъ маленькіе кресты на шеѣ. При русскихъ, особенно при священникахъ, они исполняютъ нѣкоторые внѣшніе церковные обряды. Но собственно объ ученіи христіанскомъ они не имѣютъ ровно никакого понятія и, между своими, они—чистые послѣдователи шаманства. Они замкнутѣе и осторожнѣе, чѣмъ коряки, которые, даже и крещеные, совершенно открыто, при комъ угодно, служатъ своимъ идоламъ.

На сколько я могъ, по сообщеніямъ здѣшнихъ жителей, составить себѣ картину орографическихъ отношеній всего полуострова Тайгоноса, — восточная и южная его части образованы приблизительно также, какъ и тотъ западный берегъ, по которому мнѣ только что пришлось проѣхать. Ядро полуострова составляетъ средней высоты хребетъ, съ отчасти куполообразными высотами и возвышающимся надъ ними, руиновиднымъ, гребнемъ, хребетъ, главную массу котораго образуютъ, повидимому, свѣтлые, мелкозернистые граниты. Только на одномъ мѣстѣ западнаго берега этотъ гранитный хребетъ доходитъ до моря, это — на Тополовкѣ и Килимачѣ. На этотъ кряжъ налегаетъ широко распространяющаяся глинисто-сланцевая формація, то болѣе сплошная, то болѣе тонкослойная; она образуетъ плоскогорье, покрытое безконечными моховыми тундрами. Сѣверо-западный берегъ образованъ третичными песчаниками съ слоями бураго угля. Эта, простирающаяся до гранитнаго кряжа, высокая тундра, съ ея глинисто-сланцевой и песчаниковой подстилкой, всюду падаетъ къ морю крутыми скалами и образуетъ въ морѣ, у береговъ, множество высокихъ скалистыхъ острововъ и отдѣльныхъ скалъ. Всѣ рѣчки и ручьи проложили себѣ въ этомъ плато русла глубокими оврагами и узкими долинами и впадаютъ большею частію въ небольшія, замкнутыя губы, на скалистыхъ, стѣнообразныхъ берегахъ которыхъ выступаютъ превосходные геологическіе разрѣзы. Но вблизи береговъ замѣчается, повидимому, еще факторъ, который также не мало внесъ измѣненія. Хотя и подчиненно, до самой поверхности выступаетъ здѣсь массивная базальтическая порода, вызвавшая всѣ поднятія, сбросы, метаморфизацію, образованіе жилъ кварца и известковаго шпата въ сланцевыхъ породахъ, а также видоизмѣнившая и обжегшая третичные слои. Все это на лицо при устьяхъ Матуги, Килимачи, Тополовки. Метаморфозъ богатыхъ глиной песчаниковъ въ красную, кирпичеобразную породу могъ быть обусловленъ, конечно, и воспаленіемъ и горѣніемъ слоевъ бураго угля, входящихъ въ составъ этой формаціи, что отчасти подтверждаютъ и мѣстные жи-

тели. Такъ, говорятъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ окрестности Ижигинска загорѣлась и горѣла цѣлые 3 года такая залежь бураго угля. Во всякомъ случаѣ, изверженія базальта проявили на нѣкоторыхъ участкахъ берега весьма явственное и сильное воздѣйствіе на глинистый сланецъ. Лѣсу нѣтъ, за единственнымъ исключеніемъ широкой, прикрытой съ сѣвера высокими горами, долины Тополовки, гдѣ стоятъ чисто островной тополевыи лѣсъ. Кромѣ того на хорошо защищенныхъ частяхъ овраговъ и рѣчныхъ береговъ тамъ и сямъ встрѣчается вустарникъ ольхи, ивъ, рябины, кедра и рододендрона, а вокругъ нихъ небольшія луговинки и цвѣтушія растенія. Все остальное — необозримая моховая тундра, на болѣе сухихъ мѣстахъ съ ползучимъ, корявымъ кедровникомъ, ивнякомъ, карликовой березой, верескомъ и шикшей. Царство животныхъ очень бѣдно наземными формами: попадаютъ медвѣди, волки, лисицы, дикіе олени, но нигдѣ въ такомъ количествѣ, какъ въ Камчаткѣ. Только суслика, повидимому, много въ горахъ. Напротивъ, море богато рыбой и водными млекопитающими, каковы тюлени и китообразныя, а также и водными птицами; птицы же наземныя — рѣдки.

3) *Плаваніе изъ Ижигинска въ Тигиль.*

Рано утромъ 13-го іюля прибыли мои казаки съ лодкой; бурый уголь, который Завойко приказалъ доставить на пробу — около 1500 пудовъ — былъ перегруженъ въ трюмъ тендера, и начались приготовленія къ отъѣзду. Ижигинскіе казаки, которыхъ нужно было доставить, по приказанію губернатора, въ Петропавловскій портъ, явились со всѣмъ своимъ скарбомъ и съ семьями, и все это водворено было на судно. На небольшой тендеръ приходилось принять, включая женщинъ и дѣтей, 63 пассажира, помѣщая всѣхъ ихъ въ трюмъ. Такъ какъ, кромѣ воды для питья, никакого груза больше принимать не предстояло, то мы, собственно говоря, были готовы къ отплытію, а между тѣмъ нельзя было тронуться, такъ какъ всеобщее пьянство — отъ капитана до послѣдняго матроса — разрушило всякую дисциплину.

14-го іюля, когда экипажъ проспался отъ хмѣля, съ ранняго утра усердно принялись за работу, и къ полудню тендеръ былъ готовъ къ отплытію. Въ 2 часа явился уѣздный исправникъ съ ясакомъ и сдалъ его капитану, а въ 3 часа, когда начался отливъ, подняли якорь. Впереди шла большая лодка, пробуя глубину, а за ней двигалось судно; вѣтеръ былъ слабый, и его несло отливное теченіе, становившееся все сильнѣе. Такъ шли почти до уровня Матуги; начиная отсюда глубина моря, даже въ шахішот отлива, не оставляетъ желать ничего болѣе. Здѣсь лодка повернула назадъ, а мы тихо пошли далѣе при слабомъ вѣтрѣ и подъ дождемъ. Было замѣчено нѣсколько китовъ и тюленей, да большое стадо бѣлухъ (*D. Leucas*) держалось долго около насъ: то тамъ, то сямъ выставляли онѣ изъ воды свои бѣлыя гѣла, выбрасывали фонтаны и, весело играя, ныряли опять. Какъ это бываетъ всегда, когда идетъ большое стадо китообразныхъ, ихъ провожало много морской птицы: чайки, а главнымъ образомъ буревѣстники, летали съ хриплымъ крикомъ вокругъ дельфиновъ, и стремглавъ бросались на воду, чтобы подхватить остатки пищи, выбрасываемые звѣрями вмѣстѣ съ фонтанами воды изъ пасти.

Вечеромъ мы были на уровнѣ острововъ Халпили, а, слѣдовательно, и устья южной Тополовки, при полномъ штилѣ; а затѣмъ началось такое неудачное плаваніе, какое только можно себѣ представить. Въ ближайшіе дни вѣтеръ задулъ какъ разъ навстрѣчу, съ юга, и безъ перерыва шелъ дождь. Стояло на нѣсколько часовъ перестать дождю и улечься противному вѣтру, какъ наступало затишье съ непроницаемымъ туманомъ. Много разъ вѣтеръ усиливался до бури, такъ что волны хлестали черезъ палубу, а такъ какъ и буря каждый разъ была навстрѣчу, то насъ опять относило назадъ, подъ самый Ижигинскъ, и мы теряли въ нѣсколько часовъ все, что успѣли передъ тѣмъ отвоевать лавированьемъ. Стояло улечься бурѣ—и мы страдали, при штилѣ, отъ густѣйшаго тумана и сильной зыби. При томъ воздухъ былъ ледянце холоденъ ($+ 3^{\circ}$ до $+ 5^{\circ}$, самое большое). Только вечеромъ 20-го іюля, послѣ того какъ намъ пришлось провер-

тѣться недалеко отъ Ижигинска цѣлую недѣлю, вѣтеръ перемѣнился нѣсколько въ нашу пользу. Теперь мы пошли впередъ немного скорѣе и 22 достигли уровня Ямска. За всѣ эти темные, туманные и дождливые дни мы не видали солнца, а поэтому нельзя было сдѣлать и точнаго опредѣленія мѣста; да и земли-то нигдѣ не было видно, такъ какъ туманъ часто не позволялъ видѣть дальше какихъ-нибудь 2 сажень. На карту также нельзя было очень полагаться; во всякомъ случаѣ было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что мы находились въ самомъ узкомъ мѣстѣ сѣверной части Охотскаго моря, между Тигилемъ и Ямскомъ. Оставалось, поэтому, только бросать лотъ, чтобы знать о приближеніи къ сушѣ.

Утромъ 23 числа, при сѣверо-западномъ почти вѣтрѣ, мы не нашли на 60 и 68 саженьяхъ дна, въ 11 часовъ утра грунтъ найденъ былъ на 56 и 51 саженьяхъ, въ 2 часа—на 42 и въ 5 часовъ—на 37. Къ 6 часамъ вечера, когда погода нѣсколько прояснилась, на юго-востокѣ показались слабыя очертанія мыса Омгона, лежащаго отъ устья Тигиля сряду къ югу, и на судно къ намъ залетѣлъ какой-то совсѣмъ измокшій и истомленный куличекъ. 24-го намъ пришлось, при сильномъ волненіи, лавировать, значительно убавивъ парусовъ, подъ крѣпкимъ, бурнымъ юго-западнымъ вѣтромъ. Но скоро сила вѣтра упала до того, что къ 7 часамъ вечера наступилъ почти штиль и небо прояснилось, и мы опять направились къ Омгону, хотя и съ большой осторожностью, такъ какъ ночь была очень темна. А что же дѣлалось на самомъ тендерѣ? Суденышко не было приспособлено для пассажировъ и имѣло лишь двѣ совсѣмъ маленькихъ каюты для экипажа и капитана; поэтому ижигинцевъ съ ихъ женами и дѣтьми помѣстили въ большой трюмъ. Тамъ они разлеглись со всей своей поклажей на углѣ и, такъ какъ въ трюмѣ не было оконъ, а люки приходилось въ бурю, когда волны захлестывали на палубу, запырывать, то они сидѣли тамъ совсѣмъ впотьмахъ, въ ужасающей атмосферѣ и нечистотѣ. При томъ всѣ страдали морской болѣзью. Вода для питья была дурная и ея уже было израсходовано очень

много. Сварить нельзя было почти ничего, и потому пища была очень плохой. Ужасно было, когда отъ времени до времени открывали люки, чтобы пустить нѣсколько свѣжаго воздуха къ этому жалкому и больному люду, валявшемуся въ грязи и потемкахъ. Ужасающія испаренія неслись оттуда, и внизу видны были болѣзненные лица. Я думаю, что получилъ понятіе о томъ, что такое происходитъ на работоторговческихъ судахъ. Просто чудо, что намъ не приходилось выбрасывать за бортъ труповъ. До Тигиля судно не продѣлало еще далеко и половины всего пути, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, всѣ безъ исключенія добрались до Петропавловскаго порта. Чудиновъ понялъ, что въ Тигиль нужно сдѣлать стоянку, чтобы дать оправиться людямъ и забрать съ собой свѣжей воды и свѣжаго провіанта. Замѣчательно, что въ эти бурные дни животная жизнь на морѣ замерла, и за все время не было видно ни птицы, ни звѣря.

На разсвѣтѣ 25-го іюля мы подошли, при ясной погодѣ и рѣзкомъ попутномъ вѣтрѣ къ устью Тигиля. На югѣ неясно видѣлся мысъ Омгонъ, на сѣверѣ—высокій берегъ Аманины, а посрединѣ между обоими былъ виденъ, на небольшомъ возвышеніи на берегу, небольшой маякъ при устьѣ р. Тигиля. Сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы дать вѣсть о нашемъ прибытіи. Но и здѣсь, совершенно какъ подъ Ижигинскомъ, навстрѣчу намъ не являлся никто. Наконецъ, съ берега послѣдовалъ отвѣтный выстрѣлъ, означавшій, что судно можетъ идти. Мы потихоньку тронулись, и, наконецъ, къ 11 часамъ бросили якорь миляхъ въ 4 отъ маяка. Воды подъ килемъ было всего 6 сажень; грунтъ—крупный песокъ и гравій. Погода, попрежнему, была хорошая; дулъ легкой сѣверо-западный вѣтеръ. Зеленые берега выглядѣли совсѣмъ по лѣтнему, и не было видно никакихъ слѣдовъ снѣга. Въ 1 часъ Чудиновъ отрядилъ къ землѣ шлюпку, вернувшуюся въ 6 часовъ съ извѣстіемъ, что тамъ изъ мужчинъ никого нѣтъ, а только женщины и дѣти, и что байдара такъ плоха, что выѣхать на ней въ море нельзя. Значить, нечего было ждать какой-либо помощи съ берега, и

потому Чудиновъ предложилъ мнѣ эту самую шлюпку. Въ 7 часовъ я съ казакомъ Зиновьевымъ и со всей своей кладью сѣлъ въ лодку и живо добрался съ начавшимся приливомъ до берега, гдѣ и высадился благополучно часовъ въ 8. Чудиновъ имѣлъ вѣжливость, при моемъ отплытіи, отсалютовать двумя пушечными выстрѣлами, на что я велѣлъ отвѣтить поднятіемъ весель и маханьемъ шапками. Уже смеркалось, когда моя палатка была разбита въ извѣстномъ по Эрману магазинномъ оврагѣ. Было высокимъ наслажденіемъ отдохнуть въ чистой палаткѣ, гдѣ полъ подъ тобой не качается, гдѣ можно напиться и умыться отличной свѣжей водой, отъ этого поистинѣ отвратительнаго пути.

4) *Поездки по западному берегу Камчатки.*

26-го іюля я проснулся въ своей палаткѣ очень рано; погода была превосходная. На горизонтѣ отъ времени до времени виденъ былъ изъ густого тумана тендеръ, покачиваемый на волнахъ при легкомъ вѣтрѣ. Первымъ дѣломъ я привелъ въ порядокъ и принялся сушить свои вещи, такъ какъ за время плаванія все отсырѣло, а то и промокло; затѣмъ я пошелъ знакомиться ближе съ окрестностью. Магазинный оврагъ, повидимому, былъ постепенно промытъ въ высокихъ дилювіальныхъ берегахъ ключемъ, который доставлялъ еще и теперь превосходную воду. Въ этомъ короткомъ оврагѣ стоитъ казенный магазивъ, а выше, на краю его—юрта, одинъ домишка, да солнечные часы. Теперь въ этомъ мѣстечкѣ не жилъ никто.

Правый берегъ р. Тигиля на дальнее разстояніе плосокъ и песчанъ, отчасти покрытъ скудной травянистой растительностью, отчасти, насколько заливаешь его приливною водою, вовсе безъ растительности, и постепенно соединяется съ обширными песчаными мелями при устьѣ рѣки. Лѣвый берегъ состоитъ изъ дилювіальныхъ отложений, вышиной футовъ въ 30—40, покрытыхъ на толщину 3—4 футовъ торфомъ — настоящимъ войло-

комъ изъ свѣжихъ корней растений — и лежащихъ на Эрмановомъ сферосидеритѣ. Плоская, ровная моховая тундра тянется, повидимому, далеко и доходить до дальнихъ горъ виднѣющагося на востокѣ мыса Омгона — пустынная земля, производящая только мохъ, да между нимъ *B. nana*, *Erica*, ягоды *Rubus* и *Empetrum*. Весь этотъ берегъ къ устью становится все выше, и тамъ, на конечномъ и самомъ высокомъ его пунктѣ, стоитъ сложенный изъ бревенъ срубъ футовъ въ 10 вышиной, который, какъ и подъ Ижигинскомъ, служитъ путеводнымъ знакомъ для судовъ и именуется маякомъ. Подлѣ него для сторожей построены двѣ землянки. При нашемъ прибытіи, какъ уже сказано, дома были лишь женщины и дѣти, а мужчины только въ послѣобѣденное время вернулись съ охоты, и только тогда отправили въ Тигиль вѣстового, чтобы дать знать о приходѣ тендера и попросить помочь лодками и людьми.

Приливъ бываетъ здѣсь только разъ въ сутки: начинаясь въ 8 часовъ вечера, онъ достигаетъ въ 2 часа утра предѣльной высоты, именно 16, въ рѣдкихъ случаяхъ даже 20 футовъ; затѣмъ вода снова спадаетъ до 8 часовъ вечера, когда начинается новый приливъ. Морская вода разливается въ приливъ версты на 33 вверхъ по рѣкѣ и, значитъ, останавливается отъ Тигиля верстахъ въ 10, гдѣ дно уже настолько высоко, что водѣ нельзя идти дальше. Это интересное явленіе, именно что морской приливъ съ такой силой и такъ далеко идетъ вверхъ по рѣкамъ, я наблюдалъ потомъ также и на другихъ рѣкахъ западнаго берега Камчатки. Быстрымъ потокомъ, все стремительнѣе и стремительнѣе, врывается соленая вода чрезъ устье въ русло рѣки и разливается съ волнами и сильнымъ шумомъ по землѣ. Съ сильнымъ токомъ воды идутъ въ рѣку массы рыбы, а за ними, преслѣдуя, тянутся крупныя морскія звѣри. *Phoca nautica* и *Delphinus Leucas* преслѣдуютъ ходовыхъ рыбъ на такое разстояніе, на какое доходитъ соленая вода, тогда какъ мелкія породы тюленей проходятъ и въ прѣсную воду, такъ что попадаютъ даже далеко за Тигилемъ, вплоть до Сѣданки. Оригинальное

и красивое было зрѣлище, какъ большіе, снѣжнобѣлые дельфины, плывя то по одиночкѣ, то небольшими стадами, высывались изъ волнующагося, шумящаго потока: здѣсь покажется массивная, изогнутая спина звѣря, тамъ появится передняя часть тѣла съ головой, выбрасывающей фонтаны, и въ послѣднемъ случаѣ слышны также громкіе, похожіе на хрюканье свиньи, звуки или глухой возгласъ самымъ густымъ басомъ. Еще за часъ, приблизительно, до наступленія прилива, значить, когда еще текла прѣсная вода, я видѣлъ, какъ поднималась въ рѣку пара дельфиновъ. Замѣчательно, какъ точно указываетъ этимъ животнымъ инстинктъ предстоящее явленіе природы. Удивительно, что Эрманъ (1829), такой прекрасный наблюдатель, не упускавшій изъ вниманія почти ничего, достойнаго замѣчанія, не говоритъ ни слова объ этомъ весьма замѣчательномъ ходѣ дельфиновъ. Нашли ли эти животныя дорогу въ р. Тигиль только позже, или такого хода въ иные, неблагоприятныя годы не бываетъ вовсе? Жители Тигили говорятъ объ этомъ явленіи, какъ о хорошо извѣстномъ и, сколько они помнятъ, повторяющемся изъ года въ годъ. Меня удивило еще то, что на этого крупнаго морскаго звѣря вовсе не охотятся, что здѣсь было бы очень просто и легко, и это—въ странѣ, гдѣ почти безъ исключенія всякое животное идетъ въ пищу или, по крайней мѣрѣ, идетъ въ дѣло. Старый лодманъ, которому приходилось каждый день наблюдать этихъ дельфиновъ, рассказалъ мнѣ слѣдующее. Дельфины производятъ на свѣтъ только по одному дѣтенышу, который въ первый годъ бываетъ темносѣрымъ и только впоследствии кожа его становится бѣлой, пергаментообразной, съѣдобной и очень вкусной. Матки носятъ дѣтенышей, пока они малы, на спинѣ, и они держатся тамъ даже при самомъ быстромъ движеніи матери. Самъ я этого не наблюдалъ. Я много разъ стрѣлялъ по дельфинамъ и, судя по сильнымъ кровавымъ слѣдамъ, ранилъ ихъ въ самыя различныя части тѣла; однако не убилъ ни одного.

Послѣ порядочно холодной и туманной ночи, утромъ 27-го іюля, температура была всего $+ 3^{\circ}$ R. Уже раннимъ утромъ

прибыла помощь: люди съ лодками и съ батами, чтобы прежде всего снабдить тендеръ водой и выгрузить назначенный въ Тигиль багажъ. Поэтому мнѣ не предвидѣлось возможности попасть въ Тигиль ни въ этотъ день, ни завтра.

Напластованія въ болѣе высокомъ южномъ берегу р. Тигиля слѣдующія:

- a*) Волокнистый торфяникъ, сплошь состоящій изъ тонкихъ болотныхъ растений, до 4 футовъ.
- b*) Жирная, темно-синесѣрая глина, 3 фута.
- c*) Слои песку и хряща въ 20—25 футовъ мощностью. Песокъ образованъ свѣтлой породой, которая въ рѣчномъ руслѣ образуетъ большую часть гальки. Въ немъ часто встрѣчается черный песокъ магнитнаго желѣзняка.
- d*) Глина, такая же какъ и *b*, только плотнѣе и темнѣе, переполненная волокнами растений, 2 фута.
- e*) Торфяной уголь, довольно плотный, 1 футъ.
- f*) Глина, какъ *b* и *d*, съ растительными волокнами. Далѣе внизъ границы уже не видать.

Слои *a* и *c* по своему составу очень похожи другъ на друга; только слой *e*, вслѣдствіе сильнаго давленія, плотнѣе и болѣе углеобразенъ. Въ прочихъ слояхъ замѣтно много прожилковъ, жилъ и гнѣздъ темнобурой болотной руды. Тамъ, гдѣ ею пронизанъ хрящъ, образовались довольно плотные конгломераты, а гдѣ она проникла въ песокъ—плотная песчанистая дерновая желѣзная руда. Порода, признанная Эрманомъ за сферосидеритъ, лежитъ глубоко на берегу подъ маякомъ и, именно, виѣдренной между слоями *d*, *e*, *f*; здѣсь мѣстами она, повидному, совсѣмъ вытѣсняетъ уголь. Въ общемъ порода эта, кажется, является лишь мѣстно и подчиненно. Она свѣтложелтаго цвѣта, тверда, звенитъ подъ молоткомъ и содержитъ во множествѣ обугленные стебли злаковъ и листья двудольныхъ деревьевъ. Недалеко отъ магазиннаго оврага, вверхъ по рѣкѣ, залегаетъ тонкими слоями совсѣмъ мелкозернистый, съ большимъ содержаніемъ глины, свѣтлобурый песчаникъ, заключающій въ себѣ крупныя куски лигнитовъ. Я

вынулъ оттуда куски стволовъ и вѣтви, которыя еще вполне поддавались сгибанію. Пласть лежитъ приблизительно на одинаковой высотѣ съ угольнымъ слоемъ *e*. И здѣсь тоже были на лицо жилы желѣзной руды и образовывали вокругъ себя болѣе плотныя звонкіе песчаники и конгломераты.

Въ галькѣ и пескѣ рѣчного русла наблюдалась чрезвычайно пестрая смѣсь различныхъ породъ, причемъ почти всѣ камни были сильно округлены и окатаны. Изъ вулканическихъ породъ — ноздреватые, краснаго и чернаго цвѣта, куски изъ однородной основной массы съ крупными, круглыми порами, а также куски пемзы и обсидіана, подчиненно — черный глинистый сланецъ, въ большемъ количествѣ — кремень всѣхъ цвѣтовъ, затѣмъ лигниты, также кусочки янтаря и свѣтло-грязно-желтые куски сферосидерита, почти всегда съ отпечатками листьевъ; впрочемъ, эти послѣдніе попадались больше у устья рѣки. Отпечатки листьевъ встрѣчаются лишь въ сферосидеритахъ, а не въ угленосныхъ слояхъ, гдѣ преобладаютъ перепутанные въ войлокъ остатки болотныхъ травъ, да попадаютъ также плотныя лигнитовыя массы. Напластованія южнаго берега р. Тигиля близко напоминаютъ буроугольные и лигнитовыя пласты Тайгоноса и Ижигинска, и я очень склоненъ поэтому отнести всю здѣшнюю формацию, за исключеніемъ верхнихъ дилювіальныхъ отложеній, къ пластамъ третичнымъ, а не къ мѣловымъ, какъ это дѣлаетъ Эрманъ.

Послѣ холодной ночи термометръ показывалъ утромъ 28 іюля лишь $+ 6^{\circ}$ R., при дождѣ и туманѣ. Только къ полудню вѣтеръ повернулъ болѣе къ востоку, и небо стало яснѣе; температура повысилась до $+ 11^{\circ}$. Утромъ мнѣ сдѣлали визитъ нѣсколько человекъ тигильцевъ, между прочимъ старикъ за 80 лѣтъ, нѣкто Бѣлоносовъ. Болтая за чаемъ, мы замѣтили на противоположащемъ, плоскомъ, песчаномъ берегу небольшого тюленя, занесеннаго приливомъ далеко на сушу и теперь пробиравашагося съ большимъ трудомъ и напряженіемъ къ водѣ. Мы живо сѣли въ лодки и мнѣ удалось убить звѣря. Это былъ небольшой, грязнобѣлый *Phoca ochotensis* (акибъ). При этомъ охотники сообщили

мнѣ, что, по ихъ наблюденію, у *Phoca nautica* каждый годъ на каждомъ когтѣ прибавляется по зазубринѣ, такъ что по числу такихъ зазубринъ можно опредѣлить возрастъ звѣря. Молодыхъ (однолѣтковъ) этого вида они называли мойцами (Mojez). Къ сожалѣнію, сообщенія этихъ людей дали мнѣ не много достойнаго вниманія; важнѣе всего было то, что на всемъ западномъ берегу Камчатки до Лопатки вѣтъ никакихъ хвойныхъ деревьевъ, кромѣ кедра и можжевельника; что въ горахъ около Сѣданки, на мысѣ Омгонѣ, а также и южнѣе, бродятъ съ большими стадами оленей богатые коряки, торговля съ которыми для тигильцевъ очень выгодна. Изъ памяти старика Бѣлоносова до такой степени испарились всѣ имена и даты, что разказами его совершенно нельзя было воспользоваться. Онъ родился въ Якутскѣ, тамъ былъ взятъ въ солдаты и уведенъ сюда генераломъ Сомовымъ, который долженъ былъ провести, по приказанію Императора Павла, батальонъ солдатъ въ Камчатку. Солдатомъ онъ жилъ въ Нижне-Камчатскѣ, который тогда, будто бы, былъ большимъ и красивымъ городомъ.

Наконецъ, слѣдующій день былъ назначенъ для моей поѣздки въ Тигиль, и два бата съ проводниками стояли уже готовыми у моей палатки. Такъ какъ мнѣ было нужно обслѣдовать берега Тигиля, то я не могъ воспользоваться болѣе скорымъ способомъ подняться вверхъ, а именно — съ приливомъ, который, какъ сказано, начинается ночью, а приходилось мнѣ выбрать путь днемъ — медленный путь противъ теченія. Къ 9 часамъ утра 29 іюля, когда холодный, густой туманъ разошелся, мы сѣли въ баты, я — въ одинъ, Зиновьевъ — въ другой. Кладъ подѣлили пополамъ. Отливъ уже значительно подвинулся впередъ, и потому оказалось необходимымъ большой дугой обогнуть граничащую съ южнымъ берегомъ самой нижней части устья Андреевскую лайду, эту главную часть дельты Тигиля, что при волнахъ, поднятыхъ свѣжимъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, составило задачу не совсѣмъ пріятную. Въ полный приливъ чрезъ эту лайду ходятъ даже небольшіе суда и могутъ приставать вплотную къ южному берегу. Теперь же

эта далеко тянущаяся, песчаная и илистая, отмель лежала предъ нами почти сухой. Скоро однако, благодаря большой осторожности и ловкости проводниковъ, мы оставили ее за собой и вошли теперь въ настоящее, болѣе узкое русло р. Тигиля. Берега состояли изъ невысокихъ песчаныхъ и глинистыхъ отложеній и были покрыты лишь скудной растительностью. Теченіе въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ширина русла достигаетъ 60 — 70 сажень, было еще умѣренно. Веслами нельзя было пользоваться вовсе; и только съ помощью длинныхъ шестовъ, которыми здѣшній народъ умѣетъ пользоваться съ такой ловкостью и силой, мы могли подвигаться впередъ довольно быстро. На 7 верстѣ выше маяка въ Тигиль впадаетъ ручей Кулки, берущій начало въ высокихъ, островерхихъ горахъ мыса Омгона и въ высотахъ Утхолоки. Прямо противъ этого устья впадаетъ рѣчка Хатангина, текущая съ сѣвера, съ высотъ Аманины, — рѣчка, на берегахъ которой начинается низкая цѣпь, тянущаяся по направленію къ Тигилю и мѣстами, на низкихъ, голыхъ скатахъ, обнаруживающая какую-то бѣловатую породу. При устьѣ Кулки мы сдѣлали привалъ у одной юрты, гдѣ жилъ старикъ Бѣлоносовъ, и насъ угостили превосходными ягодами жимолости (*Lonicera coerulea*) и княжники (*Rubus arcticus*). Здѣсь мнѣ сообщили, что *Delph. Leucas* не только поднимается въ главное теченіе рѣчки, но забирается и во всѣ притоки, куда только доходить приливъ. Но и въ этихъ небольшихъ рѣкахъ, гдѣ ловъ былъ бы особенно легокъ, звѣря этого, тѣмъ не менѣе, не ловятъ. Конечно — разсуждалъ этотъ народъ — можетъ быть, это и было бы очень полезно и оказало бы поддержку въ ихъ тяжелыхъ заботахъ о пропитаніи, да отцы-то ихъ не дѣлали этого, а имъ къ чему заводить разные новшества. Неповоротливость и флегматичность камчадаловъ до такой степени сообщились и этимъ русскимъ, что они уже болѣе не въ состояніи пользоваться немногими дарами природы своей страны. Пожалуй, можно сказать, что здѣшніе обыватели консервативны даже до собственнаго раззоренія.

Версть за 11 отъ маяка въ Тигиль впадаетъ большая р. На-

пана, берущая начало на югѣ, въ высотахъ хребта Тепана, а противъ ея устья отъ сѣвернаго берега отходитъ плоскій выступъ, мысъ Шираевскій. Четырьмя верстами выше впадаетъ въ Тигиль идущій съ сѣвера, изъ высотъ вышеупомянутыхъ Хатангины и Амаины, очень глубокой ручей Гавенка, служившій прежде мѣстомъ зимней стоянки для небольшихъ судовъ. И теперь еще тамъ стоялъ, порядочно уже развалившійся, небольшой казенный магазинъ.

Приблизительно съ половины пути отъ маяка у устья до мѣстечка Тигиля, общая картина мѣстности становится совершенно иной. Характеръ тундры съ ея плоскими моховинами и бѣдной растительностью исчезаетъ, мѣстность все болѣе и болѣе поднимается, и флора становится богаче. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ дилювіальные берега были покрыты толстыми слоями мха и торфа, теперь замѣчается появленіе поверхъ темносѣрой, часто нѣсколько слоистой, глины—слоя гумуса съ высокими злаками и кустарникомъ. Появляется болѣе высокій ивнякъ, къ которому присоединяются ольха и таволга. Рѣка становится уже и стремительнѣе, и часто попадаются острова съ обильной растительностью. Передъ нами взлетали стада утокъ, а на берегу мы нѣсколько разъ видѣли тюленей, быстро бросавшихся при нашемъ приближеніи въ воду. Еще болѣе поднимается сѣверный берегъ верстъ за 15 до Тигиля; здѣсь онъ каменстѣе и украшенъ красивымъ березовымъ лѣсомъ (изъ *Betula Ermani*). Это—первая ступень поднятія, дальше отъ берега отстоящихъ, большихъ высотъ и холмовъ, тянущихся отъ Хатангины до Красной сопки у Тигиля. Бѣловатая порода, которая и при устьѣ рѣки образовала главную массу гальки, является здѣсь въ руслѣ рѣки уже въ болѣшихъ кускахъ, въ смѣси съ обломками породъ вулканическихъ и множествомъ кусковъ бурога угля. И здѣсь порода эта оказывается бѣловатой, мелкозернистой, довольно твердой, со многими мелкими полостями и пузырьстыми пустотами внутри.

Чтобы прибыть въ Тигиль не позднимъ вечеромъ, я выбралъ

для остановки хорошенькое мѣсто, съ лѣтнимъ пейзажемъ, верстахъ въ 10 отъ него; въ 9 часовъ вечера мы разбили здѣсь свою палатку.

Уже въ 4 часа утра 30 Юля мы двинулись дальше въ путь; была превосходная лѣтняя погода. Берега оставались все такими же, только растительность становилась богаче и теченіе между берегами и красиво заросшими островами — все сильнѣе. Недалеко отъ Тигилия мы попали на небольшой порогъ, образованный бѣлой породой, о которой было уже говорено нѣсколько разъ и которая являлась здѣсь совершенно слоистой. Тутъ рѣка образуетъ большую луку. Чтобы избѣжать этого объѣзда, я велѣлъ батамъ ѣхать дальше однимъ, а самъ прошелъ съ полверсты узкой тропинкой по красиво поросшему, высокому берегу и скоро добрался до первыхъ домиковъ Тигилия. Еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самаго мѣстечка, куда я вошелъ въ 8 часовъ утра, былъ я привѣтствованъ самымъ радушнымъ образомъ мѣстнымъ врачомъ, д-ромъ Левицкимъ, который сейчасъ же повелъ меня къ себѣ.

Д-ръ Левицкій жилъ въ Тигилѣ уже нѣсколько лѣтъ и устроился здѣсь хозяйственнымъ образомъ. Онъ выстроилъ себѣ хорошенькій и просторный домикъ и просто, но практично, мебелировалъ его. Стѣны были выкрашены бѣлой краской, окна имѣли занавѣси и были украшены цвѣтами. Терраса вела въ опрятно содержимый садъ, гдѣ чисто подметенныя дорожки отдѣляли цвѣточныя рабатки отъ мѣста, предназначеннаго для овощей. Посаженныя деревья и кусты образовали тѣнистую бесѣдку, въ которой обыкновенно обѣдали. Да и все хозяйство было, какъ видно, въ большомъ порядкѣ и шло хорошо, такъ какъ на богато накрытомъ столѣ появились такія, давно не виданныя вещи, какъ молодой картофель, свѣжее масло, огурцы, жаркое изъ курицы, яйца, ягоды и пр. Видно было, что при стараніи и порядкѣ можно создать даже въ такой дальней и некультурной странѣ очень уютное существованіе.

Я имѣлъ въ виду, прежде чѣмъ отправиться въ обратный

путь западнымъ берегомъ Камчатки въ Петропавловскій портъ, сдѣлать нѣсколько экскурсій изъ Тигиля, и первымъ дѣломъ къ востоку, въ окрестности Сѣданки, а потомъ и къ сѣверу, къ поселеніямъ паланцовъ, по крайней мѣрѣ до Лѣсной. Но тутъ у меня обнаружилась изнурительная лихорадка, полученная во время тайгоносской поѣздки и въ особенности во время ужаснаго плаванія моремъ, и потому я съ благодарностью принялъ предложеніе д-ра Левицкаго отдохнуть дня два у него.

Теперь я могъ, какъ слѣдуетъ, налюбоваться на дѣятельность д-ра Левицкаго и его радѣніе объ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ. Главной его задачей и профессіей была, конечно, дѣятельность врача, но сверхъ того онъ словомъ и дѣломъ работалъ на пользу матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія тигильскихъ обывателей.

27 домовъ мѣстечка выглядели всѣ лучше и порядочнѣе, чѣмъ мнѣ пришлось видѣть гдѣ бы то ни было въ этой странѣ, за исключеніемъ Петропавловскаго порта. Они были расположены почти улицами и окружены порядочными огородами и дворами съ хозяйственными пристройками. Старая церковь погибла отъ пожара, и теперь какъ разъ въ центрѣ Тигиля строилась новая. Отъ стараго бывшаго здѣсь равнше укрѣпленія почти не осталось слѣда, кромѣ пары старыхъ пушекъ съ помѣткой 1790 года. Балаганы для сушки рыбы, эти, производящія отталкивающее впечатлѣніе заражающей воздухъ вонью, но необходимыя въ мѣстномъ хозяйствѣ, заведенія, были отнесены отъ жилыхъ домовъ далеко на берегъ рѣки, что сдѣлало все мѣстечко здоровѣе, опрятнѣе и чище. Вообще настоящее, старокамчадалское хозяйство съ его ѣздовыми собаками и тѣсно связаннымъ съ послѣдними рыбнымъ дѣломъ, отходило здѣсь все болѣе и болѣе на задній планъ, уступая мѣсто разведенію рогатаго скота и лошадей и культурѣ хорошихъ, здоровыхъ огородныхъ овощей. Я насчиталъ 150 головъ рогатаго скота и 12 лошадей, каждый день выгоняемыхъ на тучный выгонъ, а вблизи разстилались обширные покосы, съ которыхъ какъ разъ теперь

снимали очень богатый урожай прекраснѣйшихъ и питательнѣйшихъ травъ. Въ 1853 году, по правительственнымъ сказкамъ, значилось въ Тигиль населенія 109 душъ мужескаго пола и 88 — женскаго, большею частью потомковъ старинныхъ камчатскихъ казаковъ, однако, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, съ сильной примѣсью камчадалской, и особенно коряцкой, крови, что высказывалось слишкомъ замѣтно въ чертахъ ихъ лица. По одеждѣ и обращенію они стояли вообще близко къ старорусскимъ (сибирскимъ) обычаямъ.

Тигиль лежитъ на правомъ берегу р. Тигиля, на дилювіальной почвѣ, которая здѣсь постепенно повышается и покрыта обильной растительностью изъ травы и кустарниковъ. Болѣе крупныя деревья, какъ березы (*B. Ermani*), рябины, ольхи, ивы всюду стояли отдѣльно или группами, въ перемежку съ видами *Spiraea*, *Rosa* и красивой *Lonicera coerulea*; послѣдняя какъ разъ теперь была вся изукрашена своими роскошными, ароматными ягодами. На свободныхъ сухихъ мѣстахъ росли *Polygonum*, *Aconitum*, *Urtica*, *Achillea*, а въ особенноти *Epilobium*, въ вышину человѣческаго роста, а участки болѣе влажныя были покрыты гигантскими экземплярами *Filipendula kamtschatica*, *Senecio*, *Heraclium* и *Cacalia hastata* съ ея большими подобными зонтикамъ, листьями. Въ травѣ были видны *Geranium*, *Sedum*, *Clematis*, *Potentilla*, *Thalictrum*, *Gentiana*, *Rubus arcticus*, виды *Vaccinium* и мн. др. Все вмѣстѣ давало красивую и полную картину очень богатой растительной жизни. А между тѣмъ здѣсь недалеко подъ поверхностью почвы кроется вѣчная зима: въ верхнихъ частяхъ Тигиля земля оттаиваетъ, самое большое, на 3 или 4 фута, а ниже идутъ вѣчно промерзлыя пласты песку и глины. На какую глубину идутъ мерзлыя слои, неизвѣстно. Самыя глубокія ямы, какія здѣсь копали, имѣли въ глубину 10 — 12 футовъ, и при этомъ все еще не доходили до незамерзшей почвы. Вблизи рѣки, страннымъ образомъ, дѣло обстоитъ совершенно иначе: здѣсь лѣтомъ почва оттаиваетъ сверху на ту же глубину, по ниже она промерзла всего лишь на 2 фута. Поэтому, если у рѣки, слѣдова-

тельно очень близко, пласты земли уже на глубинѣ около 6 футовъ не тронуты морозомъ, то очевидно, что и на верхнемъ Тигилѣ промерзаніе почвы не можетъ идти особенно глубоко.

Къ небольшимъ прогулкамъ и экскурсіямъ, которые мнѣ пришлось сдѣлать съ д-ромъ Левицкимъ, относится, кромѣ посѣщенія богатаго цвѣтами сѣнокоса, также экскурсія къ лежащей недалеко Красной сопкѣ. Прежде всего, это — не вулканъ ни по составляющей его горной породѣ, ни по формѣ, — какъ можно было бы думать по названію «сопка», которое здѣсь вообще употребляется для обозначенія вулкановъ. Это — самое высокое мѣсто низкаго ряда высотъ, который не только сопровождаетъ правый берегъ Тигиля отъ Хатангины, но и тянется далеко на сѣверъ и югъ, прерываясь р. Тигилемъ, и который Эрманъ вполне справедливо называетъ первой параллельной западному берегу цѣпью. Эрманъ опредѣлилъ высоту Красной сопки въ 324 фута надъ уровнемъ р. Тигиля подъ Тигилемъ и въ 474 — надъ уровнемъ моря, откуда высота рѣки подъ Тигилемъ получается всего въ 150 футовъ надъ моремъ. Ближайшій къ Тигилю выдающійся пунктъ этой цѣпи и есть Красная сопка, падающая книзу, на подобіе мыса, крутой, голой скалой и видная издалика на зелени пейзажа, благодаря желтоватому и красноватому цвѣту породы, ее составляющей. Порода эта — сѣрая, плотная, съ виду сплошная, съ мелкими, блестящими кристаллами полевого шпата, на вывѣтрившихся участкахъ являющихся матовыми. На этихъ же участкахъ красноватый цвѣтъ породы кажется выраженнымъ рѣзче отъ большаго количества выдѣленнаго охристаго желѣзняка. Всюду она проникнута мелкими пустотами и пузырями, выполненными и выстланными кварцами. Во всякомъ случаѣ порода эта — та же самая, что въ рѣкѣ всюду лежитъ свѣтлой галькой и образуетъ также Хатангипскія высоты, только съ большими или меньшими вариациями. Эрманъ говоритъ о ней, какъ о полевошпатовой породѣ, на которую подѣйствовали газами и парами вулканическія силы, превратившія ея въ миндалевидную. Я же полагаю, что если проникнуть глубже въ исторію этихъ породъ и принять въ со-

ображеніе болѣе обширную область западнаго берега Камчатки и его формации, то не безъ основанія можно было бы, пожалуй, сказать, что эта полевошпатовая порода точно также и тѣми же вышеупомянутыми силами образовалась изъ очень распространенныхъ здѣсь повсюду третичныхъ песчаниковъ и глинистыхъ породъ, — однимъ словомъ, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ коренными третичными пластами, метаморфозированными древнѣйшими эруптивными породами. Къ югу отъ р. Тигиля, куда также продолжается эта цѣпь, вдали виднѣются небольшіе конические холмы, горная порода которыхъ и образованіе послѣдней, можетъ быть, дали бы болѣе опредѣленныя указанія относительно причинъ метаморфоза и поднятія. У подножія Красной сопки вытекаетъ ключъ, вода котораго имѣла температуру въ 2° , при $12\frac{1}{2}^{\circ}$ температуры воздуха.

Дни пріятнаго отдыха въ привѣтливомъ Тигилѣ (погода была превосходная — при ясномъ небѣ все время $14—15^{\circ}$) приходили къ концу, и я принялся снаряжаться къ отъѣзду въ Сѣданку. Между прочимъ я отобралъ изъ своихъ вещей лишь самое нужное, а большую кину остального оставилъ здѣсь, да еще закупилъ у одного здѣшняго торговца фунтовъ 30 чаю.

Послѣ холодной ночи, термометръ на восходѣ солнца 2 августа упалъ до $+ 1^{\circ}$, и весь урожай овощей чуть не погибъ; только въ послѣдній, такъ сказать, моментъ опасность была отвращена внезапно сѣвшимъ туманомъ. Поутру баты были готовы къ отправленію въ путь, и въ 11 часовъ мы могли уже тронуться на нихъ вверхъ по р. Тигилю къ Сѣданкѣ. Мы вступили въ широкую долину, по срединѣ которой Тигиль, разбившись на много рукавовъ, бѣжалъ уже очень быстро. Пейзажъ всюду былъ лѣтній и красивый. Какъ и подъ Тигилемъ, и здѣсь также не было настоящаго обособленнаго лѣса, а всюду стояли очаровательнѣйшія группы деревьевъ и кустовъ, которыя смѣнились цвѣтистыми лугами.

Берега, сначала очень умѣренной вышины, скоро становятся выше и позволяютъ видѣть свѣтлую, желтоватую, слоистую,

песчаниковидную породу, въ которой видны цѣлые ряды своеобразныхъ, концентрически-скорлуповатыхъ конкрецій. Конкреції эти были тверже основной породы, нѣсколько болѣе темнаго цвѣта, имѣли шаровидную, яйцевидную или почкообразную форму, величиной были отъ 2 дюймовъ до двухъ футовъ въ діаметрѣ и слѣдовали большею частію правильными слоями общему напластованію, но въ видѣ исключенія попадались и въ горизонтальномъ положеніи. Отдѣльные слои самихъ конкрецій были отъ $1\frac{1}{2}$ до нѣсколькихъ дюймовъ толщиной и съ вертикальными щелями и трещинами. Кромѣ того всѣ слои съ внѣдренными въ нихъ конкреціями имѣли трещины подъ прямымъ угломъ. Версть за 10 отъ Тигиля исчезла эта формація свѣтлыхъ песчаниковъ, несомнѣнно стоящихъ въ близкомъ родственномъ соотношеніи съ породами Красной сопки, и берегъ снова сталъ низменнѣе, а за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи стали видны остроконечной формы холмы. Скоро этотъ, тянущійся съ сѣвера на югъ, рядъ островерхихъ холмовъ сталъ надвигаться все ближе и ближе и сдавливалъ рѣку довольно высокими скалистыми стѣнами. Какъ и вездѣ въ Сибири, эта тѣснина несла названіе «щекъ». Въ области этихъ «щекъ» изъ крутыхъ каменныхъ стѣнъ у рѣки выдается еще одна совсѣмъ изолированная, небольшая, крутая, окруженная глубокимъ болотомъ, сверху совсѣмъ плоская, скала. Здѣшніе русскіе называютъ эту своеобразнаго вида скалу Измѣнной сопкой, такъ какъ во времена завоеванія Камчатки камчадалы долгое время держались на этомъ небольшомъ естественномъ укрѣпленіи. Порода, составляющая «щeki» и «сопку» — плотная, темно-сѣрая, базальтическая массивная горная порода; она же, конечно, дала главный матеріалъ и для всей цѣпи островершинныхъ холмовъ, и, должно быть, была важнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ поднятія и метаморфизаціи всѣхъ, претерпѣвшихъ послѣднюю, третичныхъ слоевъ всей окрестности Тигиля.

Тотчасъ за этой тѣсниной рѣки, образованной цѣпью заостренныхъ холмовъ, берега стали снова ниже, а мѣстность — болѣе открытой; здѣсь мы и расположились на ночлегъ. Поздно вече-

ромъ изъ чащи, совсѣмъ близко къ нашему костру, появилась очень крупная медвѣдица, съ двумя молодыми, но тотчасъ же отскочила въ ужасѣ и обратилась въ бѣгство, прежде чѣмъ мои охотники успѣли схватить оружіе.

Когда мы проснулись 3 Августа, шелъ дождь, но несмотря на это, мы уже очень рано снова были въ дорогѣ. Берега рѣки, украшенные пышной растительностью, снова постепенно становились выше. Въ самомъ низу здѣсь выходилъ на дневную поверхность тонко-слоистый, грубо-зернистый, рыхлый, совсѣмъ горизонтально-лежащій песчаникъ, фута въ 3 — 4 толщиной, выставившій большими плитами и ложе рѣки. На немъ залегалъ слой гравія и песку, мощностью почти въ 4 фута, который, будучи связанъ окисью желѣза, приобрѣлъ характеръ конгломерата и потомъ растрескался. Въ этихъ мощныхъ дилювіальныхъ пластахъ находилось множество кремнѣлыхъ частей стволовъ и древесины, а въ подлежащемъ песчаникѣ — большое количество морскихъ раковинъ и опять такихъ же кусковъ дерева. Раковины, большею частью въ видѣ отпечатковъ и ядеръ, были чрезвычайно непрочны, такъ что ломались, а то и рассыпались въ песокъ, уже при прикосновеніи; поэтому собрать ихъ не было возможности.

Такой характеръ сохраняла мѣстность до пункта приблизительно верстъ 15 не доѣзжая Сѣданки, т. е. до устья р. Пирожниковой. Изъ многихъ притоковъ, которые р. Тигиль то и дѣло принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ, едва ли хотя одинъ заслуживаетъ быть упомянутымъ, такъ какъ все это лишь небольшіе ручьи. Р. Пирожникова — уже значительный притокъ. Она течетъ съ сѣвера и получаетъ свои воды отчасти изъ Срединнаго хребта, — специально изъ области Сиселя, остроконечнаго, недѣятельнаго вулканическаго конуса, отчасти и — всего болѣе — со стоящаго особнякомъ къ западу отъ Срединнаго хребта, вулканическаго, тоже не дѣятельнаго, горнаго узла Пирожникова. Галька этой рѣки также почти безъ исключенія была вулканическаго образованія и состояла изъ крупныхъ и мелкихъ, болѣе или

менѣе округленныхъ обломковъ очень пористой, темно-сѣрой или красноватой лавы. Съ обѣихъ горъ, а особенно съ Сиселя, текутъ воды и къ сѣверо-западу и сливаются рѣкой Воямполокой въ Охотское море. Есть также и проходы, которые ведутъ туда и которыми пользуются коряки.

Отъ устья Пирожниковой берегъ снова замѣтно повышается, а близъ Сѣданки съ южной стороны выступаютъ къ рѣкѣ скалы, высотой до 100—150 футовъ, состоящія изъ свѣтло-желто-сѣраго, безъ окаменѣлостей, песчаника и мелкихъ конгломератовъ. Эти высокіе, скалистые берега идутъ по рѣкѣ до Сѣданки, которая лежитъ на мѣстѣ соединенія р. Сѣданки, текущей съ востока, съ р. Тигилемъ, идущей съ юга. Обѣ рѣки связаны здѣсь другъ съ другомъ множествомъ рукавовъ, и между обѣими живописно расположено на высокомъ мысу мѣстечко Сѣданка. На южномъ берегу Тигиля въ вышеуказанныхъ высокіхъ, скалистыхъ берегахъ выступаютъ, въ нѣсколько приподнятомъ положеніи, буро-угольные слои. Здѣсь, точно также, двѣ группы угольныхъ пластовъ одна надъ другой; отдѣльные слои каждой мощностью приблизительно въ футъ, отдѣлены другъ отъ друга тонкими прослойками мергелистой глины. Каждую группу составляютъ 4—5 угольныхъ слоевъ, а между обѣими группами залегаеъ мягкая, сѣрая глина, футовъ въ 5—6 мощностью, съ бросающимся въ глаза каменистымъ сложеніемъ. Та же глина образуетъ и постель всей угольной системы, а кровля состоитъ изъ хряца и песку. Уголь — весьма плохого качества: худо горитъ и не весь перегораеъ въ золу. Свѣже-выломанный, онъ сильно разслаивается, рыхлъ, бураго цвѣта, очень деревянистъ, гибокъ и рѣжется ножомъ. Въ немъ вовсе нѣтъ янтаря, зато онъ богатъ квасцами, сѣрнымъ колчеданомъ и продуктами его разрушенія. Уголь, повидимому, состоитъ только изъ плотныхъ деревянистыхъ частей—кусковъ стволовъ, вѣтвей и корней, а листовъ и болѣе нѣжныхъ частей въ немъ, кажется, нѣтъ вовсе. Въ руслѣ рѣки попадалось очень много кремнѣлаго дерева, въ которомъ также замѣчались гнѣзда колчедана.

Въ 5 часовъ пополудни мы высадились у рыбныхъ балагановъ Сѣданки, которые тянулись длиннымъ рядомъ по берегу, всё увѣшанные лососями, для сушки. Подальше, на постепенно подымавшемся, сплошь поросшемъ травой, пригоркѣ стояло 12, хорошо и солидно выглядѣвшихъ домовъ съ огородами. Цѣлая толпа обывателей, съ женщинами и дѣтьми, съ мѣстнымъ тойономъ Черныхъ во главѣ, вышла намъ на встрѣчу и самымъ радужнымъ образомъ привѣтствовала насъ. Тойонъ, первая персона мѣстечка, проявлялъ самую живую служебную дѣятельность: тамъ подзоветъ кого-нибудь, тутъ пошлетъ другого что-нибудь справиться. Прежде всего онъ распорядился, чтобы вещи мои снесли къ нему на домъ, и пригласилъ меня къ себѣ. Меня помѣстили въ опрятной большой комнатѣ съ большими окнами и бѣлыми, оштукатуренными стѣнами, а скоро и столъ былъ загроможденъ изобильными яствами: меня угощали жареными утками и рыбой, картофелемъ, масломъ, рѣдкой и превосходнѣйшими ягодами жимолости и мамыры. Черныхъ съ двумя стариками остался со мной, чтобы занять меня разговоромъ и, какъ того требуетъ камчадалское гостепріимство, угощать безъ перерыва. А послѣ обѣда, когда подали мой чай, наполнилась комната чаепійцами, пошли безъ конца питье, рассказы и вопросы. Къ сожалѣнію, въ рассказахъ этихъ людей большею частію очень мало интереснаго и поучительнаго, потому что, во-первыхъ, говорятъ всё они очень медленно и растянуто, а потомъ и весь ходъ ихъ мыслей вращается около событій дня, т. е. охоты и рыбнаго лова. Я позволю себѣ привести здѣсь изъ нашей бесѣды самое интересное. Давно въ старину Тигиль былъ чисто камчадалскимъ мѣстечкомъ, но затѣмъ русскіе, когда тамъ было основано укрѣпленіе (1744), изгнали жителей и переселили частію въ Сѣданку, частію въ селеніе на р. Пирожниковой, котораго теперь уже давно не существуетъ. Въ Тигиль начали заниматься хлѣбопашествомъ, а затѣмъ и въ Сѣданку явилось нѣсколько человѣкъ русскихъ, выстроившихъ тамъ и пустившихъ въ ходъ мельницу. Это, говорятъ, продолжалось, однако, не долго,

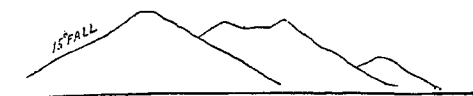
и всё они перемерли. Во время начальствованія Рикорда правительство выслало разъ изъ Охотска въ Камчатку большой табунъ лошадей; ихъ потомъ пригнали въ Большерѣцкъ, чтобы поднять и тамъ земледѣліе. Около этого времени имѣлъ мѣсто случай, въ высокой степени поразившій всѣхъ мѣстныхъ охотниковъ: у Воровской, на западномъ берегу Камчатки, застрѣлили лося, чего раньше никогда не бывало, такъ что всѣ дивовались на этого большого, невиданнаго звѣря.

Относительно хода рѣкъ и хребтовъ я могъ узнать, что текущая съ востока р. Сѣданка много короче, чѣмъ входящій издалека съ юга Тигиль. Р. Сѣданка прорываетъ проходъ къ Еловкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ долину р. Камчатки, проходъ, которымъ идетъ самая важная и наиболѣе посѣщаемая дорога чрезъ Срединный хребетъ. Изъ Сѣданки въ Еловку три дня коннаго пути. Къ югу отъ этого пользующагося во всей странѣ широкой извѣстностью прохода, которымъ проѣзжалъ и Эрманъ, поднимается покрытая снѣгомъ горная масса, Бѣлый хребетъ, съ котораго воды стекаютъ какъ въ Еловку, такъ и въ Тигиль, и у подножія котораго, по рассказамъ кочующихъ тамъ коряковъ, есть, будто бы, горячій источникъ. Р. Тигиль, напротивъ, очень длинна: по ней можно подниматься вверхъ на лодкѣ, на разстояніи 3 дней пути, а дальше рѣка становится до того быстрой и мелкой, что къ истокамъ можно пробраться только пѣшкомъ или, зимой, на собакахъ. Тигиль получаетъ много притоковъ изъ Срединнаго хребта, именно изъ области истоковъ р. Крестовки, впадающей въ р. Камчатку; затѣмъ изъ горъ Тепана и, наконецъ, даже съ лежащей далеко къ югу Ичинской сопки. Въ горахъ Тепана, должно быть, беретъ начало и р. Напана, впадающая, какъ уже сказано, въ Тигиль недалеко отъ его устья. По берегамъ отдаленнаго верхняго теченія р. Тигиля, говорятъ, есть пемного листовничнаго лѣсу, хотя и плохого. Во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить этого, можетъ быть, единственнаго случая распространенія хвойнаго лѣса за Срединный хребетъ къ западу.

Затѣмъ я получилъ отъ стараго тойона небезынтересное подтвержденіе моихъ свѣдѣній относительно распредѣленія и границъ употребляемыхъ въ Камчаткѣ языковъ и нарѣчій. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: въ Сѣданкѣ, въ Аманинѣ, ближайшемъ на сѣверъ мѣстечкѣ отъ Тигиля, и по западному берегу къ югу отъ Тигиля до Компаковой говорятъ на одномъ и томъ же камчадалскомъ языкѣ; по тому же берегу, отъ Компаковой до самаго юга, въ ходу уже другое, а отъ Еловки къ югу по долинѣ Камчатки до Авачи—третье нарѣчіе того же языка. Напротивъ, по западному берегу отъ Аманины къ сѣверу до Пусторѣцка говорятъ на языкѣ коряковъ-паланцевъ, а отъ Озерной, ближайшаго мѣста къ сѣверу отъ Еловки, до Дранки на восточномъ берегу на другомъ коряцкомъ нарѣчій — нарѣчій укинцевъ. Относительно еще двухъ, болѣе дальнихъ, родовъ сидячихъ коряковъ съ ихъ своеобразными говорами—олюторцевъ на востокѣ, къ сѣверу отъ укинцевъ, и каменцевъ, живущихъ на западномъ берегу сѣвернѣе паланцевъ, старикъ не могъ дать никакихъ ближайшихъ указаній. Весь Камчатскій полуостровъ, сообщили мнѣ здѣсь, носятъ названіе Немлатъ.

Населеніе Сѣданки, всего 42 человекъ мужчинъ и 46—женщинъ, произвело на меня очень пріятное, здоровое и сильное впечатлѣніе. Лишь немногіе, какъ тойонъ, понимали по-русски, а женщины и дѣти не знали ни слова. Поэтому здѣсь все носитъ камчадалскую физіономію. Только дома походили на русскіе, да и то теперь, лѣтомъ, жили не въ нихъ, а въ верхнихъ, покрытыхъ кровлей, частяхъ балагановъ. Въ это время, впрочемъ, большая часть народу ушла на рыбный ловъ въ верхнемъ теченіи Тигиля. Скотоводствомъ и огородничествомъ здѣсь занимались, кажется, лишь между прочимъ, только изъ послушанія правительству, такъ какъ въ это время было на лицо всего 10 головъ рогатаго скота да пара лошадей, и о томъ, что морозъ уже сильно попортилъ огороды, тревожились очень немного. Пользы этихъ видовъ хозяйства ровно никто не признавалъ и всѣ думали только о рыбной ловлѣ, объ охотѣ, да о сборѣ ягодъ и кореньевъ, т. е. о томъ, что даетъ все нужное для чисто камчадалскаго стола.

Отъ Сѣданки мной были взяты слѣдующіе пеленги: Пирожниковы горы 74—77° къ сѣверо-востоку, Зисель 83° почти къ востоку и Тепана 214—216° къ юго-западу.

Горы Тепана.

Какъ къ сѣверу отъ р. Тигиля возвышаются Пирожниковы горы, такъ къ югу отъ него, и тоже къ западу отъ Срединнаго хребта, поднимаются надъ плоской мѣстностью стоящія особнякомъ горы Тепана. Это — точно также большая, непокрытая снѣгомъ, недѣятельная купа вулкановъ средней высоты. Въ рядъ стоятъ три пологихъ конуса, изъ коихъ средній, самый высокій, на вершинѣ срезанъ и кратеровидно углубленъ. Во всѣхъ многочисленныхъ ручьяхъ, стекающихъ съ Тепана, галька чисто-вулканическая.

Утромъ 4 Августа шелъ дождь при $+10^{\circ}$ и сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Почва у Сѣданки оттаиваетъ лѣтомъ всего на 2—3 фута, а ниже этого идутъ вѣчно мерзлые слои. Какъ далеко простирается вглубь промерзашіе почвы, я не могъ узнать, во всякомъ случаѣ думаю, что такая низкая температура не идетъ особенно глубоко, такъ какъ я нашелъ ключъ, вода котораго при 11° тепла на воздухѣ имѣла температуру $+5^{\circ}$.

Изъ Сѣданки я хотѣлъ прослѣдовать по р. Тигилю еще выше и отправился съ этой цѣлью въ 3 часа дня въ направленіи къ югу. Вода бѣжала между многочисленными островами очень стремительно, но ея было значительно меньше, такъ какъ здѣсь уже не вливалась вода столь же большой рѣки Сѣданки. Рабочимъ на батахъ приходилось все напряженнѣе толкаться шестами, и ходъ становился все медленнѣе. Острова и берега были покрыты пышной растительностью; березы (*B. Ermani*), ольхи, рябины, а нѣсколько далѣе и отдѣльные высокоствольные тополи, возвышались надъ густой зарослью изъ *Spiraea*, *Lonicera*, ви-

довъ *Rosa*, ивъ,—и все это стояло еще въ сочной зелени. Высокіе откосы береговъ состояли изъ слоистыхъ отложеній песку и галечника, въ которыя были включены цѣлыя ряды темноокрашенныхъ, содержащихъ остатки растений, твердыхъ желваковъ. Въ ложѣ рѣки часто попадались, какъ и ранѣе, сплюснутые куски древесины, то окремнѣлые, то превратившіеся въ уголь. Въ самомъ низу и здѣсь залегала опять тонко-слоистая, темно-сѣрая, мягкая глина съ множествомъ вертикальныхъ щелей. Такъ добрались мы до устья р. Колгаца, вытекающей изъ Бѣлаго хребта; на среднемъ теченіи ея сѣданковцами построено лѣтовье для рыбнаго лова и охоты. Идя далѣе вверхъ по теченію, мы къ вечеру достигли до такъ называемаго большого лѣтовья сѣданковцевъ и тутъ расположились на ночлегъ. Здѣсь на берегу было 9 балагановъ и четыре землянки. Рѣка была перепорожена для лова рыбы такъ называемымъ запоромъ, и множество батовъ, занимавшихся рыболовствомъ, плавали по водѣ. Изъ прелестной, но безлюдной обстановки мы сразу перенеслись въ кипучую жизнь и дѣятельность. Здѣсь лежали уже цѣлыя груды лососей, а ихъ все еще то и дѣло подвозили лодки изъ «запора» на берегъ, гдѣ рыбу весело принимали и тутъ же раздѣливали. Поздно вечеромъ пришло изъ окрестностей еще нѣсколько женщинъ съ большими корзинами, полными ягодъ и съѣдобныхъ корней, и рабочій день закончился веселыми играми и прыжками. Когда еще сверхъ того закипѣлъ мой котелокъ съ чаемъ, ко мнѣ присосѣдилось много гостей — и пошла бойкая бесѣда.

5 Августа намъ пришлось работать почти безъ перерыва, съ короткими передышками, съ 6 часовъ утра до 6 вечера, пробираясь далѣе вверхъ по теченію. Теченіе становилось все стремительнѣе, и для борьбы съ нимъ требовалось не мало усилій, но большое умѣніе камчадаловъ дѣйствовать шестами побороло, наконецъ, всѣ препятствія. Вулканъ Тепана видѣлся теперь почти на западъ отъ насъ.

Пейзажъ въ общемъ оставался все тѣмъ же, только было ясно замѣтно, что мы забрались выше въ горы. Чаше стали попа-

даться высокіе тополи и кусты смородины (р. *Ribes*). Всюду попадались очень много гусей, теперь линявших, и мы въ короткое время поймали больше дюжины этой птицы и, такимъ образомъ, значительно увеличили нашъ запасъ провизіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли чрезвычайно много медвѣжьихъ слѣдовъ, хотя и не наткнулись на самого звѣря. Въ это время года въ верхнемъ теченіи рѣкъ рыбы — больше и ловить ее при очень частомъ мелководьи въ этихъ мѣстахъ легче; поэтому медвѣди къ осени тянутся чаще въ горы, гдѣ обыкновенно бываетъ также большой выборъ спѣлыхъ ягодъ разнаго рода.

Берега на всемъ протяженіи состоятъ все изъ той же, уже описанной, формаціи. Они падаютъ къ рѣкѣ большею частію крутыми скатами въ 4—7 саж., а то и 8 сажень, высоты, но иногда среди красивой зелени лѣса попадаются живописные обрывы въ 100—150 футовъ вышиной. И здѣсь также были свѣтлые, мелкозернистые песчаники и пласты глины, покрытые рыхлымъ пескомъ и хрящемъ и лежащіе на слояхъ темной, мягкой глины. Очень часто въ нихъ попадались болѣе или менѣе выдвинутые кверху залежи угля, мощностью рѣдко болѣе фута. Уголь былъ почти всегда засоренъ пескомъ и глиной, переполненъ желваками сѣрнаго колчедана, очень рыхлъ и вообще также негоденъ, какъ и ниже по рѣкѣ. Янтара въ немъ не было вовсе, равно какъ и остатковъ животныхъ и болѣе нѣжныхъ частей растений — листьевъ, цвѣтовъ и тонкихъ вѣточекъ; матеріаломъ для образованія угля послужили лишь грубыя массы древесины. Всѣ онѣ были здѣсь сильно сдавлены и часто перепутаны другъ съ другомъ стеблями и тонкими волокнами. Въ глинѣ и песчаникѣ также были растительные остатки этого же рода, а въ ложѣ рѣки опять-таки многіе окремнѣлые или обугленные куски дерева. Мѣстами залежи угля были, повидимому, тронуты огнемъ, и прилежащіе слои глины были окрашены въ кирпично-красный цвѣтъ, такъ что, казалось, видишь передъ собой огромный складъ самородныхъ, ярко-красныхъ кирпичей. Тамъ, гдѣ уголь выгорѣлъ и поэтому образовались пустыя мѣста, лежавшіе надъ ними

красные слои кирпича обрушились и образовали чистый хаосъ обломковъ, давъ начало глубокимъ разсѣлинамъ, въ которыхъ тамъ и сямъ сохранился еще снѣгъ. Въ рѣчномъ руслѣ, чѣмъ выше мы поднимались въ горы, тѣмъ все чаще въ галькѣ попадалась пемза, что ясно указывало на то, что рѣка беретъ начало въ вулканической области; пемза эта даже, быть можетъ, была съ Ичинской сопки или съ Тепаны.

6-го августа мы, несмотря на небольшой дождь, спозаранокъ тронулись опять дальше вверхъ по рѣкѣ. Пейзажъ оставался въ общемъ такимъ же, только становилось все замѣтнѣе, что мы сильно поднялись. Направленіе нашего пути было все прямо на югъ. Въ разстояніи приблизительно 5 верстъ къ западу тянулся съ сѣверо-запада на юго-востокъ покрытый лѣсомъ хребтъ, падъ которымъ и здѣсь поднимались небольшія, пологія, коническія вершины; это былъ, конечно, тотъ самый хребетъ съ коническими вершинамп, который перерваѣ Тиглемъ въ «щекахъ». Это рядъ высотъ, проходящій также параллельно Срединному хребту, и, если мы назовемъ высоты Краспой сопки первымъ параллельнымъ хребтомъ, то эта болѣе высокая цѣпь, образующая «щеки», будетъ вторымъ параллельнымъ хребтомъ, который, по-видимому, идетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Тепанскаго хребта къ Пирожниковой. Третьимъ параллельнымъ хребтомъ, еще болѣе высокимъ, будетъ тогда самъ Средишній хребетъ. Во всѣхъ трехъ хребтахъ, мы видѣли, борьба древневулканическихъ образованій съ третичными напластованіями послѣдовательно становилась все сильнѣе и въ Средишномъ хребтѣ достигала высшей степени.

Характеръ третичныхъ напластованій береговъ оставался сначала тѣмъ-же самымъ. Въ самомъ низу залегала опять мягкая, темная глина съ ясно выраженнымъ каменистымъ сложеніемъ, а за пей кверху слѣдовалъ очень богатый пемзой и остатками растеній песчаникъ съ прослойками уплотненныхъ, содержащихъ растенія, желваковъ. Въ болѣе высокыхъ слояхъ глина являлась подчиненной, часто переходила въ глинистый камень, а мѣстами опять-же была пережжена въ красный кирпичъ. Далѣе

вверхъ по рѣкѣ мнѣ попалась между двумя совсѣмъ горизонтальными, но сильно отвердѣвшими, слоями песчаника, отдѣленная отъ нихъ съ обѣихъ сторонъ глубокими трещинами, группа поставленныхъ на голову пластовъ, которые почти имѣли видъ жилъ и состояли изъ очень твердой, темно-сѣрой породы, въ которой очень обильно было выдѣлены кристаллы темно-бурой слюды. Въ ней были также небольшія пузыревидныя пустоты, выполненныя, повидимому, цеолитами. Еще выше по рѣкѣ, около праваго берега, на одномъ мѣстѣ, гдѣ небольшою кряжъ прорѣзанъ рѣкой, находилась въ видѣ вертикальныхъ столбовъ темно-сѣрая, очень твердая порода. Эта массивная горная порода, являющаяся въ видѣ четырехъ угльныхъ столбовъ въ $\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ, содержитъ также много слюды и горизонтально распадается на отдѣльности. Бокъ-о-бокъ съ ней залегаетъ темно-зеленоватый, переполненный остатками растеній, песчаникъ массивнаго, неслоистаго характера.

Теченіе, ставшее слишкомъ быстрымъ, теперь уже настолько мѣшало намъ, что мы едва были въ состояніи сколько-нибудь двигаться впередъ, да и время, которое я удѣлилъ на эту небольшую экскурсію, уже истекло. Собственно Средишній хребетъ на востокѣ и Тепана на западѣ, между которыми долина Тигиля поднимается далеко къ югу, были для меня теперь недоступны, и я рѣшилъ вернуться въ Тигиль.

Здѣсь, на самомъ отдаленномъ пунктѣ, какого я достигъ на р. Тигилѣ, я нашелъ въ рѣчной галькѣ прежде всего много обломковъ вулканическихъ породъ, сильно окатанныхъ (слѣдовательно снесенныхъ издалека), пористые, черные и красноватые куски лавъ, бурья и красноватая масса трахита, переполненныя стекловатымъ полевымъ шпатомъ и куски плотнаго глинистаго сланца; менѣе окатаны были — темно-сѣрый, съ очень толстой сланцеватостью, глинистый сланецъ съ стекловатымъ полевымъ шпатомъ, горная порода Красной сопки и пористая порода съ мелкими кристаллами чернаго авгита. Это была геологическая коллекція, поучительная въ отношеніи долины верхняго Тигиля, пожалуй,

до Ичинской сопки, въ отношеніи Срединнаго хребта и вулкана Тепана.

Для обратнаго пути пришлось связать вмѣстѣ оба бата, что бы достигнуть большей устойчивости и предотвратить опасность перевернуться. Намъ пришлось теперь спускаться съ теченіемъ на нашемъ «паромѣ». Пока мы возились съ устройствомъ этого судна, вдругъ появились совсѣмъ близко къ намъ три большихъ медвѣдя, изъ которыхъ одному пришлось разстаться съ жизнью и ѣхать съ нами нѣмымъ пассажиромъ въ Сѣданку. Да еще не надолго задержала насъ повторная очень счастливая охота на гусей.

Въ 1 часъ дня мы тронулись и въ 7 часовъ вечера были уже въ Сѣданкѣ. Быстро мчало теченіе наше суденышко; быстро чередовались предъ нашими глазами привѣтливые и дикіе берега. Скалы мелькали мимо насъ всѣми цвѣтами: то свѣтлыя, то темныя до чернаго, то красивыхъ оттѣнковъ краснаго цвѣта; тамъ и сямъ бѣлыми пятнами видѣлся въ разсѣлинахъ снѣгъ, и все это было окружено постоянно прекраснѣйшей зеленою лѣтней сочной растительности. Царила безмолвная тишина, нарушавшаяся только отъ времени до времени журчаніемъ какого-нибудь ручья, мимо котораго мы проносились, или вспугнутой нами стаей утокъ.

Утромъ 7-го августа мы пустились дальше на своемъ «паромѣ», прихвативъ съ собой еще одного компаньона изъ Сѣданки. До перваго порога у «щекъ» и островерхняго хребта насъ несло еще довольно быстро, но начиная отсюда до втораго порога, цѣпи высотъ Красной сопки и порога подъ Тигилемъ, съ котораго, какъ уже сказано, мѣстность спускается къ тундрѣ и до котораго доходить морской приливъ, движеніе наше замѣтно становилось все медленнѣе.

На равнинѣ Тигиля и недалеко отъ этого мѣста мы нашли все населеніе прилежно занимавшимся сѣнокосомъ. Здѣсь же былъ и Левицкій, обучавшій и руководившій работой. Онъ встрѣтилъ меня радушнѣйшимъ образомъ.

8-го и 9-го августа мнѣ снова пришлось воспользоваться его гостепримствомъ, чтобы собраться въ гораздо болѣе дальнюю и

трудную дорогу на сѣверъ, къ паланцамъ. Дорогу эту приходилось продѣлать верхомъ и принадлежности этой ѣзды у тигильскихъ казаковъ нужно было во многихъ отношеніяхъ привести въ порядокъ. Эти казаки — кавалеристы только по названію; на самомъ же дѣлѣ верховая ѣзда и все, что до нея относится, — это ихъ самая слабая сторона; во всемъ же прочемъ, что можетъ пригодиться для здѣшнихъ путешествій, они прекрасны, даже незамѣнимы.

10-го августа, послѣ радушно предложеннаго завтрака, мы тронулись въ 10 часовъ утра въ путь съ четырьмя лошадьми; на трехъ сѣли — я, мой казакъ Зиновьевъ и нашъ проводникъ; четвертая шла подъ выюкомъ. До Аманины, ближайшаго мѣста къ сѣверу, считали 40 верстъ.

Отъ Тигиля мы поднялись, минуя Красную сопку, на тотъ, тянущійся съ сѣвера къ югу хребетъ, о которомъ уже не разъ приходилось говорить, и проѣхали по нему рядомъ низкихъ холмовъ, красиво поросшихъ березой, боярышникомъ, таволгами, ивами и далѣе видами *Rosa*. Затѣмъ дорога пошла длинными долинами, гдѣ роскошные кустарники и высокая трава чередовались съ участками лѣса, большею частію изрѣзанными небольшими, чистыми ручейками. Тамъ, гдѣ были выходы горной породы, это былъ непремѣнно тотъ же песчаникъ, который залегаетъ въ «щекахъ»; и здѣсь также онъ заключалъ въ себѣ массу непрочныхъ, очень легко рассыпавшихся остатковъ раковинъ. Только что проѣхали мы съ небольшимъ полъ-пути, какъ уже пришлось, изъ-за плоскихъ лошадей, сдѣлать привалъ и разбить палатку.

11-го августа раннимъ утромъ все было покрыто сильнымъ инеемъ — непріятное напоминаніе, что ужъ и осень на носу. Пейзажъ, по крайней мѣрѣ въ первой части пути, въ общемъ оставался тѣмъ же. Мы проѣхали плоской, очень постепенно поднимающейся долиной и чрезъ низкій водораздѣлъ достигли истоковъ рѣчки Гавенки, которая, какъ выше упомянуто, впадаетъ въ р. Тигиль, 15 верстами выше устья послѣдней. По ту сторону этого небольшого водораздѣла мы вступили уже въ область

р. Аманины и пошли къ сѣверу и сѣверо-западу, по направленію ея теченія. Долина верхней Аманины образована лежащими близко другъ къ другу средней высоты холмистыми хребтами, восточная часть которыхъ имѣетъ весьма своеобразный характеръ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ на восточномъ склонѣ долины надъ чисто тундряной моховой поверхностью возвышается множество, совершенно неправильно расположенныхъ на разстояніи всего нѣсколькихъ футовъ одинъ отъ другого, крутыхъ холмиковъ, извѣстныхъ у здѣшнихъ жителей подъ названіемъ «кучегоръ». Холмики эти совершенно округлой формы, въ 4—5 футовъ въ діаметрѣ, и возвышаются всѣ футовъ на 10—12 надъ поверхностью тундры. Бока ихъ очень круты до самаго основанія, а вершина мягко закруглена. Сверху до низу они сплошь одѣты толстымъ слоемъ густого мха, и только у нѣкоторыхъ изъ нихъ, побольше, плотный моховой покровъ на вершинѣ своеобразно разорванъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто бы этотъ слой мха лопнулъ подъ влияніемъ какого-то вспученія и увеличенія внутренней массы и не могъ уже болѣе прикрывать внезапно выросшаго холма; и какъ будто это имѣло мѣсто такъ недавно, что растительность еще не успѣла заполнить разрывы. Эти «кучегоры» находились только на срединѣ высоты склона долины. Внизу ихъ не было вовсе. Въ верхней части склона «кучегоры» сдѣлались нѣсколько ниже и иногда были соединены по два, по три въ одинъ продолговатый холмъ. Тамъ, гдѣ хребетъ на самомъ верху представлялъ голую гальку, кучегоры совершенно выставились поверхъ нея. Эти округленные холмы состоятъ изъ бѣлой, очень разсыпчатой глины или глинистаго камня, который по всей Камчаткѣ идетъ на бѣленіе стѣнъ и, такъ какъ весь полуостровъ крайне бѣденъ известью, доставляется даже въ Петропавловскій портъ. Если покопаться глубже, то обыкновенно натыкаешься на мелкіе обломки базальто-трахитовой породы, которая обильно разсыпана и по гребню этого хребта. Во всей окрестности Тигиля, въ очень обширномъ районѣ, базальто-трахитовыя или древне-вулканическія поднятія проявили весьма явственное и

сильное воздѣйствіе на расположенныя здѣсь напластованія третичныя. Быть можетъ, при поднятіи этихъ массивныхъ породъ третичныя глины были вытѣснены горячими парами и газами изъ такой цѣпи холмовъ чрезъ боковые трещины и прорывы и образовали эти оригинальные, округленные холмы-кучегоры?

И подѣ Аманиной, куда мы прибыли въ 10 часовъ, залегаютъ опять третичные песчаники на глинѣ, которая замѣчательно бѣла. Они лежатъ здѣсь далеко внизъ отъ горъ и отъ упомянутой цѣпи холмовъ, въ совершенно почти горизонтальномъ и ненарушенномъ положеніи. Пять домовъ этой деревни стоятъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени и ихъ населяютъ 12 человѣкъ мужского пола и 20—женскаго. Жители этого мѣстечка—родомъ изъ Сѣданки, откуда ихъ сюда переселили насильственно нѣсколько лѣтъ тому назадъ только для того, чтобы основать промежуточную станцію между Тигилемъ и лежащей еще за 90 верстъ отсюда Воямполкой. Эта насильственная мѣра отразилась на населеніи бѣдственнымъ образомъ. Скверные домишки, беспорядокъ, грязь, бѣднота и болѣзненность были ея послѣдствіями. Садовъ почти не было, а весь рогатый скотъ былъ представленъ двумя коровами. Также жалостно обстояло дѣло и съ лошадьми; мнѣ съ трудомъ удалось достать только трехъ, такъ что четвертую пришлось принять у тигильскаго казака. Къ счастью я могъ скоро покинуть это жалкое мѣсто и уже въ 4 часа былъ на дорогѣ къ Воямполкѣ, съ которой начинается рядъ поселеній сидячихъ коряковъ (паланцевъ).

Параллельная Срединному хребту цѣпь высотъ, которой мы слѣдовали отъ Красной сопки, сопровождала насъ и далѣе на сѣверъ, становясь круче и убывая въ ширинѣ. Далекю на востокѣ изъ-за нея виднѣлись бѣлыя, снѣговыя вершины Срединаго хребта, поднимающагося высокими конусами и острыми зубцами. Цѣпь эта на ея высокихъ вершинахъ была покрыта густымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*) и кедромъ-стланцомъ, а склоны, на которыхъ опять торчало много «кучегоръ», заросли бѣлымъ мхомъ, карликовой березой, шикшей и видами *Vaccinium*. Къ западу до

моря вся мѣстность представлялась обширной, плоской, волнистой; широкія, орошаемая ручьями, долины ея поросли густой травой, а болѣе высокія мѣста деревьями и кустарникомъ — мѣстность весьма удобная для скотоводства въ широкихъ размѣрахъ. На берегу одного изъ такихъ ручьевъ мы и расположились на ночлегъ; несмотря на довольно сильный уже ночной холодъ, намъ не давали покоя безчисленные рои комаровъ.

12-го августа. Волнистая мѣстность снова начала расчленяться на параллельные хребты, которые располагались такъ: болѣе высокіе преимущественно на востокъ и болѣе низкіе — на западъ; при морѣ попадались даже просто валы, крутыми скалами ниспадавшіе къ водѣ. Ручьи и рѣки, между прочимъ и Аманина, берутъ начало не въ дальнемъ, высокомъ хребтѣ, а именно между сказанными, тянущимися съ сѣвера на югъ, высотами и часто текутъ сначала далеко на востокъ, обходя высоты большой дугою, и уже потомъ поворачиваютъ на западъ, къ морю. Также и истоки р. Эттолаханъ, которой мы теперь достигли, лежатъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья; но она течетъ сначала на востокъ, а затѣмъ возвращается широкой дугой къ западу и впадаетъ въ море. Высоты были большею частію покрыты березой, ольхой и кедрами и окружали также и здѣсь обильно поросшія травой долины. Вездѣ было необыкновенно много всякихъ ягодъ, которыя здѣсь встрѣчались на всѣхъ поляхъ. На болѣе низкихъ мѣстахъ росли *Rubus chamaemorus* и *arcticus*, голубика, шикша, на болѣе высокихъ — жимолость и брусника (*Vacc. Vitis idaea*). Недалеко отъ устья Эттолахана, на склонѣ одного хребта, попались опять кучегоры, совершенно такія же, какія описаны выше, только отдѣльные холмики стояли еще плотнѣе другъ къ другу, а тѣ, которые находились всего ближе къ вершинѣ хребта, вполне были соединены съ нимъ, не отдѣляясь другъ отъ друга.

Начиная отсюда, дорога пошла по самому берегу моря. Въ скалистыхъ берегахъ, превышавшихъ 100 футовъ высоты, видны были выходы песчаниковъ самой различной зернистости, а въ нихъ залегали четыре мощныхъ, почти горизонтальныхъ, слоя уг-

ля (одинъ изъ нихъ — мощностью въ 4 фута). Уголь весьма нечистый — съ пескомъ, глиной и желѣзомъ, сильно листоватый, гибкій, свѣтло-бурый и горящій очевь дурно. Далѣе по дорогѣ отъ Эттолахана до устья р. Воямполки береговья скалы ставоятся постепенно все ниже, но состоятъ или также изъ песчавиковъ или изъ разсыпчатой, бѣлой каменистой глины, очень похожей на матеріаль, изъ какого состоятъ «кучегоры». Но и здѣсь также въ самомъ низу залегаеть опять темно-сѣрая, мягкая глива съ каменистымъ слоевіемъ.

Послѣ быстрой ѣзды мы достигли въ 7 часовъ вечера устья Воямполки; здѣсь было всего двѣ землявки, во очень много балагановъ. Само мѣстечко лежитъ верстѣ на 12 выше, при небольшомъ притоцѣ, который удобвѣе для устройства заколовъ для лова рыбы. Большая главная рѣка вытекаетъ изъ Срединнаго хребта, возвышающагося далеко на востокъ крутымъ высокогорьемъ, но получаетъ притоки также и изъ горнаго узла Пирожникова.

При устьѣ, гдѣ я велѣлъ разбить себѣ палатку, меня привяла толпа веселыхъ, здороваго и сильнаго вида, воямпольцевъ, съ той-вомъ во главѣ. Какъ отличались эти, первые изъ сидячихъ коряковъ, которыхъ я здѣсь встрѣтилъ, своимъ свѣжимъ, свободнымъ видомъ отъ бѣдныхъ, угнетеввыхъ амаинскихъ камчадаловъ. Ихъ не задѣли неразумныя административныя стѣсненія, тяготѣвшія ва амавивцахъ. Они поселились на мѣстѣ, ими самими выбраномъ, сообразно ихъ потребностямъ, и хорошо устроились. Вечеромъ былъ приливъ, и я могъ и здѣсь также любоваться интересной картиной, какъ въ рѣку шли, говаясь въ бѣшеныхъ играхъ, большіе, бѣлоснѣжвые дельфины.

13-го августа. Погода овять выдалась превосходная. Уже съ равняго утра лошади ждали меня на другомъ берегу, куда я и переѣхалъ въ байдарѣ. Сейчасъ же на сѣверномъ берегу устья Воямполки морской скалистый берегъ поднимаетъ до 150 футовъ, а затѣмъ совсѣмъ постепенно понижаетъ до Кахтавы, отстоящей отсюда на 60 верстѣ. Далѣе къ сѣверу выступалъ надъ низменнымъ берегомъ Кахтанскій мысъ съ его массивными породами. До-

рога пошла опять у самого моря въ направленіи къ сѣверу. Вездѣ видны были темноцвѣтные песчаники и мелкіе конгломераты, переполненные разсыпающимися раковинами и; какъ казалось, тѣхъ видовъ, что и нынѣ выбрасываются волнами. Битуминозные слои были здѣсь рѣдки и являлись совсѣмъ подчиненно. Параллельныя цѣпи холмовъ къ востоку опять переходятъ въ болѣе высокіе хребты, но покрыты лѣсомъ и часто съ голыми обрывами. Уже совсѣмъ близко къ устью Кахтаны намъ пришлось еще объѣхать далеко отъ моря, скверной, болотистой дорогой, устье маленькой рѣченки Ургина, а къ вечеру, въ самую пору, мы добрались и до устья Кахтаны, гдѣ вслѣдствіе разлива рѣки мы раскинули палатку на южномъ берегу.

Въ 8 часовъ вечера, когда я сидѣлъ передъ своей палаткой и писалъ дневникъ, я вдругъ увидѣлъ передъ собою, на 297° на сѣверо-западъ, градусовъ на 15—20 надъ горизонтомъ, комету. Ядро свѣтилось, какъ звѣзда второй величины. Хвостъ, около 4 футовъ длины, свѣтился слабо; ширина его была равна приблизительно $\frac{1}{10}$ его длины и онъ былъ наклоненъ къ западу на 55° къ горизонту. Комета быстро спускалась къ горизонту, двигаясь все болѣе къ сѣверу. Я обязанъ любезности г. д-ра Шварца въ Дерптѣ (Юрьевѣ) сообщеніемъ, что комета эта открыта 10 іюня (нов. стили) 1853 г. Клинкерфусомъ въ Геттингенѣ и, такъ какъ она была третьей изъ открытыхъ въ томъ же году, то и получила названіе кометы «1853 III». По блеску ядро было также приравнено ко второй величинѣ. Путь ея, по Стэркуэллу (Starkwell), чисто параболическій и ея кратчайшее разстояніе отъ солнца вычислено въ 6,151 милліонъ географическихъ миль.

14 августа. Погода была прекрасная. Уже раннимъ утромъ явились кахтанцы, чтобы перевезти меня чрезъ рѣку на байдарѣ и проводить затѣмъ до мѣста ихъ жительства, лежащаго 4 верстами выше. Въ 8 часовъ утра мы были уже на мѣстѣ. На правомъ берегу р. Кахтаны стоятъ двѣнадцать, болѣею частію новыхъ, прочно построенныхъ домовъ; вокругъ нихъ — много балагановъ. Меня отвели въ самый большой и самый лучшій изъ нихъ,

гдѣ жилъ тойонъ, и сейчасъ же принялись радушно угощать. Весь разговоръ велся на коряцкомъ языкѣ, на нарѣчіи, столь близкомъ къ тайгоносскому, что Зиновьевъ, мой казакъ, все понималъ и могъ принять въ немъ участіе. Населеніе Кахтаны состоитъ изъ 71 чел. мужского пола и 75—женскаго; съ виду народъ все свѣжій и здоровый. Кахтанцы выше ростомъ, болѣе ловки и прямодушны и менѣе флегматичны, чѣмъ бѣдные, порабощенные камчадалы. Чертами лица, нравами и обычаями они очень напоминаютъ бродячихъ коряковъ. Только жилища ихъ стали иными. Землянки и юрты вывелись совсѣмъ. Въ самое недавнее время правительство сдѣлало распоряженіе о постройкѣ жилыхъ помѣщеній на образецъ русскихъ, и вслѣдствіе этого во всѣхъ деревняхъ паланцевъ, за исключеніемъ обѣихъ сѣверныхъ — Подкагерной и Пусторѣцка, гдѣ очень трудно добыть строеваго лѣса, выстроены или строятся настоящія избы. Многочисленные рыбные балаганы и баты для плаванія по рѣкамъ эти сидячіе коряки переняли отъ камчадаловъ, такъ какъ образъ ихъ жизни и питаніе по преимуществу рыбой сдѣлали это необходимымъ. На ряду съ батами у паланцевъ есть и байдары, употребляемыя на охотѣ за морскимъ звѣремъ. Байдара — большая, легкая лодка, состоящая изъ прочнаго остова изъ тонкихъ, гибкихъ деревянныхъ ободьевъ, обтянутаго непромокаемыми тюленьими шкурами. Смотри по размѣрамъ, на нее полагается отъ 10 до 20 гребцовъ. Оленей у этихъ коряковъ нѣтъ. Мѣсто оленеводства здѣсь, какъ и во всей Камчаткѣ, заступили рыбная ловля, разведеніе собакъ и охота.

Изъ видовъ лососей въ здѣшнія рѣки поднимаются слѣдующіе: первой появляется, притомъ какъ очень рѣдкій гость, — чавыча, за ней слѣдуютъ красная рыба и хайко, и, наконецъ, въ большомъ количествѣ и до самой осени — кизучъ. Скотоводствомъ занимаются неохотно, только изъ повиновенія начальству, почему и коровъ было здѣсь немного. Такъ же обстоитъ дѣло и съ огородничествомъ, котораго, впрочемъ, кажется, не позволяетъ уже самъ суровый климатъ. Зато женское населеніе очень усердно собираетъ дикіе овощи, какъ называетъ обычно здѣшній народъ вся-

кую растительную пищу. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, много отличныхъ породъ ягодъ, затѣмъ съѣдобные стебли нѣкоторыхъ растений (*Heracleum*, *Epilobium*), затѣмъ корни и клубни (сарана, кемчига) и, наконецъ, мухоморъ, составляющій, въ особенности, предметъ торговли съ живущими на сѣверѣ кочевниками. Кемчига (*Claytonia*), которой мнѣ подали сегодня цѣлое блюдо, — круглый, немного продолговатый сплюснутый клубень отъ $\frac{1}{2}$ до 1 дюйма въ діаметрѣ, и пріятнаго, сладковатаго, въ родѣ каштановъ, вкуса. Онъ очень мучнистъ, желтоватаго цвѣта и нѣсколько концентрически-скорлуповатой структуры. Каждое растеніе имѣетъ только одинъ клубень. Кемчига растетъ на сырыхъ мѣстахъ и цвѣтетъ ранней весною мелкими бѣлыми цвѣтами. Она встрѣчается только по западному берегу Камчатки и, главнымъ образомъ, къ сѣверу отъ Тигиля, въ странѣ паланцевъ. Къ югу распространеніе ея идетъ развѣ только до Ичи.

Рѣчная галька состоитъ почти исключительно изъ обломковъ красной и черной, пористой вулканической породы, принадлежащей, конечно, тому зубчатому, снѣжному хребту на востокѣ, изъ котораго беретъ начало рѣка. Собственно истоки р. Кахтаны находятся на почти вполнѣ конусовидной горѣ (на 130° къ юго-востоку отъ мѣстечка Кахтаны). Кромѣ того, я нашелъ съ компасомъ еще очень зубчатый, высокій и крутой горный узелъ на 99° , а также столбообразную, очень высокую скалу на 102° . Это — вершины и пики той части Срединнаго хребта, которая здѣсь называется хребтомъ Воямполки.

Вечеромъ я тщетно высматривалъ комету: небо было покрыто облаками, и свѣтилъ его не было видно. Мнѣ рассказывали, что ее здѣсь видѣли еще 11 и 12 числа.

15 августа. Погода такая же хорошая. Еще раннимъ утромъ мы объѣхали небольшими холмами и мокрой тундрой Кахтанскій мысъ, выдающійся въ море приблизительно на полъ-версты, чтобы затѣмъ направиться берегомъ моря къ сѣверу до устья рѣки Пять Братьевъ, гдѣ точно также выступаетъ въ море небольшой мысъ, образующій вмѣстѣ съ первымъ небольшую от-

крытую бухту. Мысь Кахтанскій состоитъ изъ трахитово-базальтовыхъ породъ темносѣраго цвѣта, которыя приподняты и переполнены мелкими кристаллами бѣловатаго, цеолитоваго минерала. Далѣе къ р. Пять-Братьевъ берегъ поднимается по высшей мѣрѣ на 6 сажень и состоитъ изъ совершенно горизонтальныхъ слоевъ свѣтлаго песчаника. Теперь былъ отливъ, и благодаря тому, что вода ушла, на днѣ моря видны были сѣрый песчаникъ съ раковинами (какъ у Воямполки) и опять, въ качествѣ подстилки, темная глина съ каменистымъ сложеніемъ. Точно также спадъ воды обнажилъ здѣсь и двѣ базальтовыхъ жилы, мощностью въ 3 фута, и много рифовъ изъ темной массивной породы.

Влеченіе къ бродячей жизни пригнало и сюда также нѣсколько человекъ изъ Кахтаны ловить рыбу; они живо переправили насъ на своихъ батахъ черезъ глубокую рѣку, такъ что мы могли продолжать свой путь безъ задержки. Теперь мы вступили, немного поднявшись, на высокую, лишенную, кромѣ корявыхъ кедровъ, другой древесной растительности тундру. Тянущіеся къ сѣверу, параллельные Срединному хребту ряды возвышенностей, здѣсь снова собираются въ одинъ общій хребетъ съ куполообразными горами и пиками, на которыхъ даже виденъ былъ снѣгъ.

Этотъ хребетъ далъ отъ себя на нашемъ пути, по направленію къ западу, до моря, уже 3 раза боковые отроги, состоящіе изъ трахитово-базальтовой массивной породы и заканчивающіеся крутыми мысами (Кахтаной, Ургиномъ и Пятью Братьями), и теперь мы увидѣли предъ собою опять такой же отрогъ, отходящій отъ главной цѣпи къ западу, къ морю. Отрогъ этотъ, съ высокими, острыми вершинами и горами, сопровождаетъ р. Палланъ съ сѣверной ея стороны до самаго моря, гдѣ и ниспадаетъ къ водѣ мощнымъ, высокимъ, скалистымъ мысомъ. Самъ параллельный хребетъ, отъ котораго отходитъ помянутый четвертый отрогъ, въ своей романтической дикости представляетъ удивительно красивый пейзажъ. Хребетъ этотъ пересѣкается р. Палланомъ въ грандіозномъ ущельѣ, чрезъ которое далеко на заднемъ планѣ, на востокъ, виденъ одѣтый снѣгомъ, со своими ра-

зорванными формами, Срединный хребетъ. Нерѣдко ва пути намъ приходилось проѣзжать хорошенькими рощами, состоящими изъ красивыхъ, суковатыхъ березъ (*B. Ermani*) и толстоствольнаго кедра-стланца. Часто пересѣкали мы небольшіе, быстрые ручьи, съ шумомъ бѣжавшіе къ рѣкамъ; одивъ изъ нихъ отличался очень большимъ содержаніемъ сѣродороднаго газа.

Хотя, начиная съ Кахтаны, мы все болѣе и болѣе подвигались въ область приподнятыхъ массивныхъ породъ (трахита и базальта), тѣмъ не менѣе среди высотъ все время и довольно часто попадались опять-таки обломки бѣлаго глинистаго камня и свѣтлаго, мелкозернистаго, весьма плотнаго песчаника. Но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе замѣтно было, какъ слабѣли, въ борьбѣ съ массивными породами, третичныя образованія. На лѣвомъ берегу устья р. Паллана третичныя вапластованія снова еще разъ выступаютъ довольно обильно. Въ высокихъ, до 100 футовъ, скалистыхъ берегахъ залегаютъ здѣсь въ горизонтальномъ положеніи песчаники и глинистый камень, въ которыхъ замѣтно много растительныхъ остатковъ. По берегу моря валялось множество осколковъ черваго угля, головы пластовъ котораго находились, конечно, глубоко подъ поверхностью морского дна.

Столь обычное въ Камчаткѣ, въ особенности на западномъ ея берегу, явленіе перемѣщенія рѣчныхъ устьевъ можно было наблюдать и здѣсь, на рѣкахъ, которыя вамъ пришлось только что перейти. Длинныя «кошки» лежали и здѣсь передъ устьями рѣкъ, которымъ приходилось обходить эти преграды, пока не найдется подходящаго мѣста прорваться къ морю. Здѣшніе обыватели увѣряли, что такіе прорѣзывающіе «кошку» протоки въ настоящее время медленно, но постоянно, все болѣе подвигаются на югъ, и что дѣло идетъ такимъ образомъ уже нѣсколько лѣтъ. Прежде, будто бы, было какъ разъ наоборотъ, и перемѣщеніе устьевъ совершалось къ сѣверу. Явленіе это, такимъ образомъ, обваруживаетъ извѣстную періодичность, причины и основанія которой остались для меня неизвѣстны.

При устьѣ р. Паллана я нашелъ тойона съ толпой его людей и

съ необходимымъ для моей дальнѣйшей поѣздки числомъ лошадей. Въ 2 часа меня перевезли на байдарѣ на сѣверный берегъ этой широкой и глубокой рѣки, и мы направились безлѣсной равниной вверхъ по рѣкѣ, къ поселеніямъ палланцевъ. Путь нашъ походилъ на триумфальное шествіе, такъ какъ насъ провожало множество пѣшаго и коннаго народа, съ ликующими и радостными кликами. У самаго устья стояло нѣсколько балагановъ, которыми пользуются весной, во время лова уйки и морскихъ звѣрей. Заними слѣдовали, все въ небольшомъ разстояніи одно отъ другого, сначала лѣтовье тойона съ его балаганами, затѣмъ лѣтовье его помощника, далѣе большое лѣтовье, принадлежащее всѣмъ обывателямъ; наконецъ мы перешли чрезъ небольшую возвышенность въ котловину, образуемую расширеніемъ долины Паллана, гдѣ и расположено само мѣстечко Палланъ, живописно окруженное горами. Говорятъ, оно такъ сильно страдаетъ отъ весенняго половодья, что жители рѣшили понемногу перенести жильѣ изъ котловины къ вышеупомянутому общему лѣтовью.

Теперь здѣсь находилось 12 хорошей постройки домовъ, 4 юрты, прехорошенькая небольшая церковь, которая прежде стояла въ Лѣсной и только въ послѣднее время перенесена въ Палланъ, и домъ священника. Жители, всего 73 мужчины и 70 женщинъ, народъ все съ виду свѣжій, здоровый; скота было всего лишь 8 головъ рогатаго и 14 лошадей. Огородовъ не было почти ни у кого, кромѣ священника; у него хорошо удались корнеплодные овощи и капуста. Меня помѣстили въ одномъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ домовъ, у самой рѣки, которая красиво бѣжала съ шумомъ, какъ настоящій горный потокъ, между покрытыми растительностью островами, и, само собою разумѣется, сейчасъ же угостили самымъ радушнымъ образомъ съ большимъ изобиліемъ.

Вскорѣ по завоеваніи Камчатки, въ виду постоянныхъ нападеній и безпокойствъ со стороны сѣверныхъ коряковъ, тогда еще очень дикихъ и буйныхъ, пришлось приняться за постройку укрѣпленій. Появились Анадырскъ и, позже, Ижигинскъ. Затѣмъ оказалось нужнымъ основать укрѣпленіе и на сѣверномъ берегу Пенжин-

ской губы при Акланѣ, притокѣ Пенжины; но окрестные каменцы съ самаго начала до такой степени мѣшали постройкѣ, что планъ этотъ былъ оставленъ, и рѣшено было вмѣсто того основать крѣпость въ Палланѣ. Уже совсѣмъ построена была здѣсь казарма, какъ и тутъ дѣло было брошено; однако казаку Куткевичу удалось выстроить на Акланѣ небольшую крѣпостцу — Акланскъ. Нынѣ отъ Акланска и казармы въ Палланѣ давнымъ-давно не осталось и слѣдовъ.

16-го Августа. Сегодня, въ виду воскреснаго дня, былъ сдѣланъ отдыхъ. Обѣдня была отслужена почти въ пустой церкви; послѣ нея я былъ приглашенъ на обѣдъ къ священнику, гдѣ встрѣтилъ тойона и двухъ, трехъ стариковъ-обывателей. Для меня было дорого узнать отъ этихъ, далеко бывавшихъ, людей объ истокахъ здѣшнихъ рѣкъ. Прежде всего мнѣ рассказали, что въ одномъ озеркѣ, близъ большого Палланскаго озера, водятся двухголовыя рыбы. Замѣчательно, что эта странная сказка о рыбахъ съ двумя головами распространена по всей Камчаткѣ. Такъ уже раньше мнѣ рассказывали то же самое объ одномъ озерѣ при истокахъ Авачи и о другомъ — подъ Верхне-Камчатскомъ, равно и о другихъ еще нѣсколькихъ небольшихъ озерахъ. Никто не видалъ этихъ уродовъ, и тѣмъ не менѣе всѣ увѣряли въ правдивости этой молвы. Мнѣ такъ и не удалось нигдѣ доискаться причинъ этого баснословнаго повѣрья.

Относительно дорогъ и хода рѣкъ мнѣ сообщили слѣдующее. Съ верховьевъ р. Паллана зимой есть очень близкій путь черезъ Срединный хребетъ, который здѣсь становится уже много ниже, на восточный берегъ Камчатки къ укинцамъ, именно къ главному ихъ поселенію — Дранкѣ. На самомъ перевалѣ выстроена юрта для пріюта путешественниковъ. Лѣтомъ съ верхняго Паллана приходится направляться черезъ проходъ къ р. Ивашкѣ, пройти по ней до моря, а затѣмъ по берегу его къ сѣверу до Дранки. На этомъ послѣднемъ пути, всего въ 30 верстахъ отъ оз. Паллана, есть очень горячій ключъ, который лежитъ еще къ западу отъ хребта. По ту сторону хребта есть и другіе,

менѣе горячіе источники близъ ручьевъ, составляющихъ начало р. Руссаковой, текущей на востокъ къ морю. Два ручья, которыми начинается р. Палланъ, берутъ начало въ хребтѣ неподалеку отъ одного изъ истоковъ Руссаковой и другого — Ивашки, — двухъ рѣкъ, направляющихся въ восточномъ направленіи къ морю. Затѣмъ, три ручья въ истокахъ р. Кахтаны берутъ начало недалеко отъ мѣста выхода двухъ ручьевъ Руссаковой и одного — р. Холюлы. Этими мѣстамъ сближенія рѣкъ, текущихъ на востокъ и на западъ, отвѣчаетъ столько же проходовъ, очень облегчающихъ сообщеніе между Охотскимъ и Беринговымъ морями въ этой, уже очень узкой, части полуострова и сближающихъ западныхъ паланцевъ съ укинцами и олюторцами на востокѣ.

Р. Кинкиль беретъ начало не въ Срединномъ хребтѣ, а въ его предгорьяхъ, и потому коротка. Рѣка при Лѣсной начинается на сѣверѣ, въ невысокомъ хребтѣ, и длиннѣе первой. До Подкагерной отъ Лѣсной считается 250 верстъ, и на этомъ пути, ближе къ Охотскому морю, приходится переваливать чрезъ 12 кряжей, изъ которыхъ два — довольно высоки.

Р. Палланъ должна быть особенно богата рыбой и кормить много народу. У жителей Кахтаны, Паллана, Кинкиля, Лѣсной есть для рыбнаго лова свои лѣтговья по верхнему Паллану, да кромѣ того и кочевые коряки, ламуты и даже чукчи ставятъ тамъ чумы на все лѣто.

Послѣ обѣда въ Палланѣ пошло веселье. Хорошая погода выманила стараго и малаго на открытый воздухъ и на берегъ рѣки. Принялись бѣгать взапуски, пробовать силу на разные лады, смѣялись, шутили, подтрунивали другъ надъ другомъ. Говорили при этомъ лишь по-коряцки и звали другъ друга только коряцкими именами, хотя все населеніе формально принадлежитъ къ православной церкви и, слѣдовательно, у cadaго есть русское имя, данное при крещеніи. Въ видѣ примѣра приведу здѣсь нѣсколько чисто коряцкихъ именъ: Муллитханъ, Умкилькеве, Акеке, Хончулканъ и уже попадавшіяся выше имена изъ Тайгоноса — Эккитъ, Каноа, Эйваланъ и Апкауке.

17-го Августа. Въ 7 часовъ утра, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ и пасмурномъ небѣ, мы тронулись, верхомъ, въ восточномъ направленіи къ большому озеру Паллану. До Паллана и его котловины рѣка имѣла видъ широкаго, текущаго по равнинѣ почти прямо, потока, пересѣкающаго лишь у самаго впаденія въ море нѣсколько болѣе высокую мѣстность, которая здѣсь обрывается скалистыми мысами. Теперь мы поѣхали по рѣкѣ къ востоку и перевалили сразу изъ котловины чрезъ кряжъ въ ограниченную острыми холмами, средней ширины, долину, по которой рѣка течетъ съ востока на западъ. Горная порода была сѣраго цвѣта, массивная, миндалевидная, похожая на таковую-же Кахтлпскаго мыса и Красной сопки; она была прорѣзана жиловидными образованіями, часто вывѣтрившейся, а то и скорлуповатаго сложенія, съ совсѣмъ темными, блестящими серпентинообразными поверхностями отдѣльностей. Далѣе къ востоку рѣчная долина дѣлается все шире; проѣзжая ея, мы наткнулись затѣмъ на два, одно вскорѣ за другимъ, лѣтовья кинкильцевъ со многими балаганами. Сейчасъ за этимъ мѣстомъ рѣка перерѣзаетъ почти подъ прямымъ угломъ другую, широкую, имѣющую характеръ плато и идущую съ юга на сѣверъ, долину; здѣсь она сопровождается лишь незначительными возвышенностями. Исключеніе составляетъ только одна поднимающаяся на сѣверѣ высокая совсѣмъ голая куполообразная гора, образованная, судя по цвѣту и общему виду, базальтомъ. У рѣки, совершенно подчиненно, опять выступаетъ песчаникъъ. Далеко на востокѣ поднимается кряжъ съ высокими куполами, усѣченными конусами и крутыми скалами, покрытый большими пятнами снѣга. Вся мѣстность почти безлѣсна, и лишь на болѣе низкихъ холмахъ есть березы и кедры. Напротивъ, острова на рѣкѣ всегда поросли ивой и ольхой.

18-го Августа. Тронувшись раннимъ утромъ, первые часы мы ѣхали долиной рѣки, болѣе въ юго-восточномъ направленіи; характеръ мѣстности оставался все тотъ же. Тамъ и сямъ замѣтны были выходы базальто-трахитовыхъ породъ. Затѣмъ намъ пришлось покинуть рѣку, чтобы избѣгнуть большихъ изгибовъ, ко-

торые она дѣлаеть. Дорога пошла крутыми и островерхими, но невысокими холмами, съ вершинами у всѣхъ въ видѣ короткихъ гребней. Всѣ эти высоты густо поросли березой, ольхой и кедровникомъ, а между ними находились большею частью очень маленькія озера или пруды. Множество такихъ озерковъ, съ ихъ чистой водой, красивые, одѣтые пышной зеленью, холмы, а вдали — горы, все это до очаровательности красило пейзажъ. Опять здѣсь стали виденъ свѣтлый, разсыпчатый песчаникъ, сильно разрушенный и приподнятый, составляющій главный матеріалъ, изъ котораго сложены вышеназванные холмы; видны были также и большія массы базальтовыхъ обломковъ. Такъ, подвигаясь все къ востоку, мы вдругъ очутились на высокомъ скалистомъ берегу — опять на рѣкѣ, — которая, образуя множество извилинъ, пробиралась внизу подъ нами, между скаль. Въ руслѣ находились колоссальныя массы камней, образуя пороги, по которымъ вода бѣжала съ шумомъ. Порогъ этотъ находится совсѣмъ близко къ мѣсту выхода рѣки изъ озера. Здѣсь живописно расположено было большое лѣтовье жителей Лѣсной, къ которому присосѣдился еще одинъ чумъ бродячихъ коряковъ. Берегъ образованъ сѣрымъ и желтымъ песчаникомъ, сильно поднятымъ (60°) и прорѣзаннымъ масами базальтовой породы, мощностью въ 3—4 сажени. Въ самомъ низу берега, въ сосѣдствѣ съ массивной породой, песчаникъ былъ весьма плотенъ и носилъ, благодаря вкрапленнымъ зернамъ кварца, порфировидный характеръ, въ то же время обнаруживая явственную слоистость. Тутъ намъ пришлось снова покинуть рѣку и спуститься чрезъ островерхіе холмы, а затѣмъ и чрезъ небольшой горный проходъ, къ большому озеру, которое живописно разстилалось у нашихъ ногъ. Къ сѣверо-востоку возвышается крутой, зубчатый горный узелъ, на которомъ были видны слѣды очень сильнаго разрушенія его явственно слоистаго сложенія.

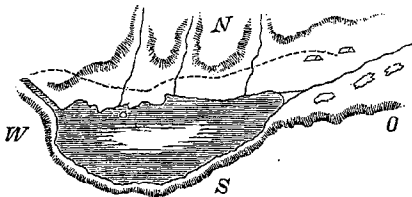
Слѣдя сѣвернымъ берегомъ красиваго, свѣтлаго альпійскаго озера далѣе на востокъ, мы вышли на широкое здѣсь, слабо холмистое, предгорье ближайшаго хребта, поросшаго березой (*B. Ermani*) и роскошной травой. Мы прошли вдоль озера во всю

его длину и на самой восточной его оконечности достигли устья верхняго Паллана. Затѣмъ мы направились вверхъ по рѣкѣ и раскинули палатку при лѣтовьи палланцевъ. У этого лѣтовья, очень оживленнаго, кромѣ 4 чумовъ бродячихъ коряковъ, стояло и 2 чума чукчей, со стадомъ оленей головъ въ 1500. Чукчи эти уже много лѣтъ тому назадъ соединились съ коряками и кочевали совсѣмъ близко около послѣднихъ. Такимъ образомъ мы опять попали изъ нѣмой горной природы въ бойкую, оживленную жизнь этихъ бравыхъ номадовъ.

Большое, красивое озеро имѣетъ въ длину приблизительно 8 версты, а въ ширину — въ самомъ широкомъ мѣстѣ — 3 версты. Оно продолговатой формы и тянется съ востока на западъ. Верхняя долина Паллана, идущая далеко съ востока, отъ Срединнаго хребта, заключаетъ въ себѣ р. Палланъ съ ея истоками и сильно падаетъ къ западу. Она версты 4—5 шириной и здѣсь отчасти заполнена озеромъ. Въ этомъ мѣстѣ долину пересѣкаетъ болѣе высокій горный отрогъ и этимъ заставляетъ р. Палланъ образовывать озеро. Передъ этой каменной грядой озеро всего шире и глубже, заполняетъ почти всю долину и, образуя порогъ, прорываетъ здѣсь отрогъ, съ тѣмъ чтобы выйти къ морю рѣкой Нижнимъ Палланомъ. Такимъ образомъ озеро Палланъ отнюдь не провальный вулканическій бассейнъ, каковы Кроноцкое и Курильское озера или Авачинская губа, а глубокая долина, отчасти залитая водой, вслѣдствіе образованной горами преграды. Въ приостренный восточный конецъ озера впадаетъ верхній Палланъ, образуя изъ обильнаго аллювіальнаго наноса небольшую дельту. На южномъ и западномъ берегахъ озера горы подходятъ очень близко къ водѣ, тогда какъ на сѣверномъ есть предгоріе, образованное изъ щебня. Это предгорье перерѣзано тремя небольшими горными ручьями, съ шумомъ бѣгущими по галькѣ изъ песчаника и глинистаго камня. Въ совершенно мелкой, прозрачной водѣ этихъ ручьевъ буквально кишѣли лососи (кизучъ), поднимавшіеся вверхъ, противъ теченія. Рыбы эти, окрашенныя въ кроваво-красный цвѣтъ, истомленныя, нерѣдко на половину внѣ воды, про-

тираясь по песчаному дну, тѣснились и боролись съ быстрымъ теченіемъ, чтобы достигнуть мѣсть икрометанія.

Между устьями небольшихъ ручьевъ въ озеро тянутся небольшія косы, въ которыхъ залегаютъ песчаникъ, впрочемъ, какъ и всюду здѣсь, безъ окаменѣлостей. Передъ одной изъ этихъ косъ лежитъ островокъ. Горы вокругъ озера круты и съ зубчатыми гребнями; выше всего онѣ на юго-востокѣ, гдѣ замѣтны были и снѣжныя пятна. Верхняя долина представляетъ плоскую волнистую мѣстность, надъ которой изъ дилювія поднимаются отдѣльные холмики и нѣсколько скалъ. Среди гальки настоящихъ вулканическихъ породъ вовсе не попадается; она представлена обломками песчаника, миндального камня, трахита и базальта.

Озеро Палланъ.

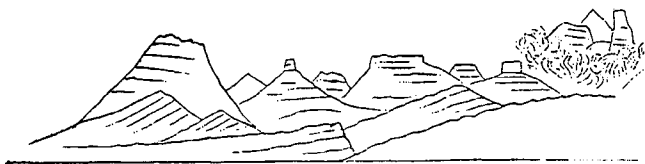
19 и 20 Августа погода была ужасная. Буря и дождь бушевали, грозя опрокинуть и изорвать нашу палатку. Продолжать путь нечего было и думать. Буря шла съ сѣверо-востока и нагнала глубоко въ долину тяжелыхъ облаковъ. Интересное и своеобразное явленіе представляли большія стада чаекъ, налетѣвшія съ востока, конечно, съ моря, изъ-за Срединнаго хребта. Я думалъ, что птицъ этихъ пригнала сильная буря, но узналъ отъ коряковъ, что и въ тихую погоду они являются съ Берингова моря и летятъ на Охотское, останавливаясь на оз. Палланѣ. Количество лососей въ озерѣ и во всѣхъ ручьяхъ, даже далеко вверхъ, въ горы, было по истинѣ поразительно. По всей рѣкѣ ловили ихъ тысячами каждый день. По мелкимъ мѣстамъ живую рыбу ловили собаки, хотя больше убивали её, чѣмъ ѣли, а въ горахъ рыболовствомъ были заняты цѣлыя кучи медвѣдей. Непогода по-

мѣшала мнѣ посѣтить горячіе ключи, которые, какъ уже сказано, вытекають въ области истоковъ р. Паллана и настолько горячи, что въ нихъ можно даже варить рыбу. Никто не хотѣлъ послужить мнѣ проводникомъ туда. Напротивъ, въ Кивкиль, и именно прямымъ путемъ чрезъ горы, я нашелъ себѣ дѣльнаго проводника въ лицѣ чукчи Науэнто. Удалось намъ обзавестись и оленемъ, для пополненія нашего провіанта. Мы близко и дружелюбно сошлись съ коряками и чукчами, при чемъ мнѣ дѣлалось все болѣе и болѣе замѣтнымъ сходство между тѣмъ и другимъ племенемъ. Языкъ, нравы и обычаи, одежда и черты лица — все это проявляло замѣчательное сходство. Поражало только то, что здѣшніе номады, какъ будто, богаче и что въ ихъ обиходѣ встрѣчалось большее число русскихъ орудій и утвари, вѣроятно, потому, что всѣ эти вещи стали для нихъ, благодаря камчатскому торговому люду, доступнѣе, чѣмъ это бываетъ у Ижигинска. Въ здѣшнихъ чумахъ очень много шаманили, особенно вечеромъ и ночью. Рядомъ съ большимъ коряцкимъ чумомъ былъ поставленъ совсѣмъ маленькій чумъ, въ которомъ сидѣла въ одиночку молодая вдова и почти безъ перерыва била въ барабанъ и при этомъ тихо стонала. Какъ мнѣ рассказали, незадолго передъ тѣмъ она потеряла мужа и надѣялась шаманствомъ вернуть его къ жизни; когда я вошелъ къ ней, я сейчасъ же замѣтилъ, что она находилась въ состояніи опьянѣнія отъ мухомора, что мнѣ и подтвердили. Здѣсь вообще можно было наблюдать, какъ нѣчто совсѣмъ обычное, что коряки, а въ особенности чукчи, вынимали круглыя берестяныя коробочки съ мелкими кусочками сушеного мухомора. Какъ у нюхающаго табакъ всегда подъ рукой табакерка, такъ здѣсь — тавлинка съ мухоморомъ. Его жуютъ и жвачку долго держать во рту, не глотая. Этотъ народъ увѣряетъ, что это приводитъ ихъ въ очень пріятное состояніе: имъ представляются прекрасныя картины и страны. При этомъ они не шумятъ и не бушуютъ, а сидятъ спокойно, блѣдные и съ совсѣмъ стеклянными глазами, какъ будто они умерли для всего окружающаго.

21-го Августа. Противъ обыкновенія, сегодня уже спозаранокъ въ коряцкой стоянкѣ началась жизнь, такъ какъ наши палланскія лошади уже стояли взнузданныя и готовые къ пути, а наши пріятели хотѣли насъ проводить. Большой толпой слѣдовали они за нами и, когда мы начали подниматься изъ верхней палланской долины въ горы, къ сѣверу, изъ многихъ усть доносились до насъ ихъ прощальныя «тамто». Горный склонъ, на который мы теперь вступили, густо поросъ высокими березами (*B. Ertmani*), которыя однако быстро рѣдѣли и мельчали по направленію кверху. Скоро вокругъ насъ остался только кедровникъ, а всего чрезъ часъ послѣ нашего выступленія въ путь мы были уже на первой, лишенной древесной растительности, горной зонѣ. Часто дорога круто спускалась къ шумящимъ горнымъ ручьямъ и также круто поднимались опять вверхъ. Здѣсь еще видѣлись лишь кое-какія горныя травы, да и тѣ были ощипаны оленями и горными баранами. Вокругъ насъ были только снѣжныя пятна, горный щебень и обломки скаль. Обернувшись назадъ, мы увидѣли роскошнѣйшую горную панораму. Подъ нами, на самомъ низу, лежала долина Паллана съ красивымъ, большимъ озеромъ, обрамленнымъ зеленью деревьевъ и окруженнымъ высокими достигавшими снѣговъ масами горъ. Всюду вокругъ насъ, да и здѣсь, на высотѣ, громоздились громады дикихъ скаль, отличавшихся той особенностью, что у всѣхъ ихъ южныя стороны имѣли видъ особенно сильно разорванныхъ стѣнъ. Внѣшній видъ этихъ дико разорванныхъ съ южной стороны и приподнятыхъ горныхъ масъ замѣчательно напоминалъ, только въ очень усиленномъ и увеличенномъ масштабѣ, тѣ, точно также съ юга разорванные и приподнятые островерхіе холмы, о которыхъ уже было упомянуто много разъ. Тѣ и другіе, казалось, возникли одновременно, по однимъ и тѣмъ же законамъ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же средствъ и причинъ. Горная порода, цвѣтомъ сѣрая или бурая, на поверхности пузыриста, внутри — напротивъ — однородна и болѣе плотна, рѣже порфиридна. Мѣстами она является какъ бы натечной, а подъ ней залегаетъ плотный темный

песчаникъ. Въ другихъ мѣстахъ скаты скалъ образованы однимъ только темнымъ базальтомъ или трахитомъ.

По щебню, галькѣ и глыбамъ камня, чрезъ снѣжныя пятна и шумящія ручьи, а кое-гдѣ и небольшими зелеными луговинками, забирались мы все выше и выше къ перевалу, который открывается къ западу на большой высотѣ, въ этой великолѣпной и величественной части хребта. Уже въ 10 часовъ утра мы его достигли. Отсюда намъ пришлось спускаться опять къ западу вдоль небольшой ложбины со струйкой воды, которая, однако, благодаря притоку со всѣхъ сторонъ, очевидно, быстро превращалась въ шумный горный ручей. И на самомъ верху залегаетъ совершенно горизонтально свѣтложелтый, очень разсыпчатый песчаникъ, въ самыхъ нижнихъ слояхъ котораго расположенъ бурый уголь въ вполнѣ ненарушенномъ положеніи. Уголь

Горы между Палланомъ и Кинкилемъ.

былъ плотенъ, деревянистъ и темно-окрашенъ, рѣже въ таблицахъ, но содержалъ много окиси желѣза. Къ востоку виднѣлись высокія горы совершенно своеобразнаго вида. Онѣ казались большею частію состоявшими первоначально изъ горизонтально лежащихъ слоистыхъ породъ, которыя, будучи прорѣзаны глубокими ущельями и долинами, образовали теиерь коническія и совсѣмъ плоскія вершины, а дальше надъ залегавшими впереди облаками высоко поднимался совершенно также образованный горный массивъ. Можно почти было думать, что здѣсь имѣло мѣсто поднятіе горизонтально лежавшихъ третичныхъ отложеній, съ гигантской силой и на громадное протяженіе, медленно и постепенно вздувавшимися древне-вулканическими массивными поро-

дами (трахитъ, базальтъ); что, затѣмъ, образовавшіеся при этомъ поднятіи вертикальныя рассѣлины и разрывы, вслѣдствіе вывѣтриванія и размывавія, превратились въ ущелья, расширились и умножились количественно, такимъ образомъ, что отъ первичнаго горизонтально сложеннаго высоко-поднятаго платò остались теперь только коническія, плосковерхія горы, строеніе которыхъ изъ вполне горизонтальныхъ слоевъ еще сохранило всю явственность. Поднятая система пластовъ должна была быть очеь мощной, а поднятіе — постепеннымъ и покойнымъ, такъ какъ жаръ выдвинутыхъ наверхъ масъ не былъ въ состояніи повліять разрушительнымъ и метаморфозирующимъ образомъ на расположеніе, матеріаль и внутреннюю связь колоссальныхъ наслоеній. Но откуда же совершенно горизонтальное папластованіе и вполне нетронутый уголь на этой высотѣ, среди всеобщаго хаоса горъ?

При спускѣ нашемъ въ долину опять показались маленькія, кривыя ивы, потомъ ольха, а вскорѣ затѣмъ мы опять очутились въ области, гдѣ растительность быстро обогащалась. Поднявшись опять нѣсколько въ горы, на платò, покрытое щебнемъ, мхомъ и видами *Vaccinium*, съ котораго стекаютъ послѣдніе притоки рѣки Паллана, мы добрались чрезъ низкій водораздѣлъ въ долину верхняго Кинкиля и стали держаться этой рѣки, въ сѣверо-западномъ направленіи; рѣчная галька состояла здѣсь изъ базальтовъ и трахитовъ, съ большой примѣсью кусковъ кварца и кремняго дерева. На срединѣ высоты береговъ залегалъ и здѣсь опять горизонтально свѣтлый, мелкозернистый песчаникъ, а на сѣверѣ вновь поднимались высокія, острыя горы. Очень утомившій нашихъ коней походъ мы завершили стоянкой на хорошемъ лугу, все еще въ области верхняго Кинкиля, и разбили здѣсь свою палатку.

22-го Августа. Сначала мы двинулись вдоль по рѣкѣ, лѣвымъ ея берегомъ, далѣе на западъ и совсѣмъ оставили горы. Широкою простирающуюся съ сѣвера на югъ по высокому плато долину, которую пересѣкаетъ и р. Палланъ и на которой, какъ единственная замѣтная высота, поднимается голая базальтовая группа,

намъ пришлось пересѣчь здѣсь опять, но теперь уже въ противоположномъ направленіи — къ западу. Затѣмъ мы оставили рѣку въ сторонѣ, переправились поросшимъ березой переваломъ чрезъ другой кряжъ, который точно также пересѣкается р. Палланомъ при вышеупомянутыхъ воротахъ, прошли нѣсколько небольшихъ долинъ и ручьевъ съ красноватой, пористой галькой и, наконецъ, выбрались чрезъ незначительную, поросшую лѣсомъ возвышенность опять въ долину Кинкиля, которая, быстро понижаясь, тянулась далеко на сѣверъ.

Здѣсь лежитъ мѣстечко Кинкиль, на правомъ берегу рѣки того же имени. Лѣвый берегъ много выше и состоитъ изъ горизонтальнаго, свѣтлаго песчаника, безъ окаменѣлостей. Въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ залегаетъ красноватая, пузыристая порода. Не особенно далеко отъ этого берега поднимаются высокія, съ острыми и купалообразными верхушками, горы, которыя отвѣтвляются подъ прямымъ угломъ отъ идущаго съ сѣвера на югъ кряжа, чрезъ который мы только что перебрались, и тянутся на западъ, къ морю, гдѣ ниспадають крутыми скалами въ море, въ видѣ Кинкильскаго мыса. Мѣстечко было совсѣмъ пусто, точно вымерло. Все населеніе жило, въ виду рыбнаго лова, на лѣтовья, версты 4 внизъ по рѣкѣ, недалеко отъ моря. Въ деревнѣ Кинкиль 11 порядочныхъ, почти новыхъ, домовъ, 2 юрты и небольшая часовня. Населенія — 61 ч. муж. пола и 75 женскаго, скота — 10 лошадей и 3 коровы. Огородовъ не было и разведеніемъ овощей, повидимому, не занимались вовсе.

Поздно, когда я давнымъ-давно уже устроился въ одномъ изъ домовъ и сидѣлъ за подкрѣпляющимъ чаемъ, пріѣхали на коняхъ нѣсколько человѣкъ, чтобы меня привѣтствовать. Мнѣ бросилось въ глаза, что лошади въ этой кавалькадѣ были только цвѣтныя: вороныя, рыжія и гнѣдыя. По всему сѣверу Сибири цвѣтныя лошади составляютъ рѣдкость и извѣстны здѣсь только бѣлыя да сѣрыя. Почти тоже и въ Камчаткѣ, гдѣ цвѣтныя лошади, хотя, и попадаются, но, во всякомъ случаѣ, рѣдки.

23-го Августа. Еще раннимъ утромъ мы проѣхали на коняхъ

сначала 4 версты вниз по рѣкѣ, къ лѣтню, состоявшему изъ 30 балаганонъ и 2 земляныхъ юртъ, а затѣмъ двинулись берегомъ моря, который здѣсь очень низменъ и представляетъ безлѣсную, сухую тундру, къ Лѣсной, куда и прибыли еще нѣ 11 часовъ утра. Здѣсь совершенно также отъ края, идущаго съ юга на сѣверъ, отвѣтвляются подъ прямымъ угломъ двѣ цѣпи холмовъ, тянущіяся нѣ западномъ направленіи къ морю. Обѣ онѣ не доходятъ до самаго моря, а оканчиваются, понижаясь въ уровень съ равниной, версты за 3, за 4 до него. Близъ конечнаго склона южной изъ этихъ цѣпей расположено, на берегу соименной рѣки, мѣстечко Лѣсная. Сѣвернѣе проходитъ другая цѣпь, а между обѣими, далеко до самаго Срединнаго хребта, тянется долина р. Лѣсной. Рѣка эта образуется двумя главными истоками, изъ которыхъ одинъ, сѣверный, нѣ свою очередь происходитъ изъ слиянія 3 ручьевъ, берущихъ начало нѣ сѣверо-восточномъ хребтѣ, недалеко отъ истоковъ р. Караги, текущей на ностокъ. Другой, южный истокъ идетъ съ востока и образованъ точно также 3 ручьями, начинающимися близъ истоковъ рѣкъ — Паллана и Дранки. Вообще интересно, какъ много здѣсь, вдоль рѣчныхъ долинъ, хорошихъ проходонъ отъ одного моря къ другому. Срединный хребетъ нскорѣ на сѣверъ отъ Лѣсной, соединяется со всѣми параллельными горными цѣпями, сопровождающими его на югѣ, съ западной его стороны, между тѣмъ какъ съ восточной его стороны нзвышаются больше отдѣльныя горы, и только съ Шивелюча начинается большой рядъ вулкановъ востока.

Скоро за только что упомянутымъ соединеніемъ со сказанными горными цѣпиями, Срединный хребетъ, быстро понижаясь, падаетъ совсѣмъ, такъ что въ самомъ узкомъ мѣстѣ полуострова (на 60° с. ш.) отъ моря до моря остается лишь легкая приподнятость. Рѣку Шаманку, текущую въ Охотское море на половинѣ пути между Лѣсной и Подкагерной, можно считать первой — считая съ юга, — съ которой станонится замѣтнымъ отсутствіемъ горъ и начинается безконечная моховая тундра — Паранольскій долъ, — тянущаяся до южныхъ притоковъ Анадыри,

мѣстность въ сотни верстъ протяженіемъ, совсѣмъ безъ лѣса и безъ горъ, моховое море, на которомъ разбросанно текутъ небольшие, маловодные ручьи, а по берегамъ ихъ, какъ большая рѣдкость, попадаетъ мелкій кустарникъ корявой ивы, ольхи, да кедровника.

Такимъ образомъ важные переходы съ Шаманки на Карагу, отъ Подкагерной или Пусторѣцка на Кичигу и отъ того же Пусторѣцка въ Вивники, — все это уже переходы по высокой, сводообразной моховой тундрѣ. Эта громадная тундра, повидимому, въ большей своей части — вполне дилювіального происхожденія, безъ залежей горныхъ породъ, какъ увѣряютъ обыватели. Нерѣдкія находки костей мамонта въ этой тундрѣ говорятъ также въ пользу ея дилювіального образованія. Если это будетъ установлено, то будетъ опорнымъ пунктомъ для того возрѣнія, что Камчатка была въ болѣе ранній періодъ островомъ, а стала полуостровомъ, т. е. соединилась съ материкомъ колоссальной дилювіальной дамбой — Парapolьскимъ доломъ — лишь въ болѣе позднее геологическое время. Образовался такой моль вслѣдствіе наноса отъ волнъ и прилива обоихъ морей въ болѣе, мелкомъ мѣстѣ, гдѣ Камчатскій Срединный хребетъ, дѣлаясь къ сѣверу все ниже, наконецъ совершенно скрывался подъ водой. Всѣ проходы къ югу отъ большой тундры — настоящіе перевалы, хотя и чрезъ невысокія горы. Таковъ, на примѣръ, излюбленный проходъ съ Лѣсной на Дранку, съ высоты котораго можно видѣть Берингово море, Охотскаго же — не видно. Хребетъ идетъ здѣсь ближе къ первому, и потому и всѣ рѣки, въ него впадающія, короче тѣхъ, которыя текутъ на западъ. Этотъ перевалъ выше и круче, чѣмъ находящійся отъ него нѣсколько къ сѣверу переходъ съ Лѣсной на Карагу, но и этотъ точно также принадлежитъ еще области горъ.

Жители Лѣсной, чистокровные коряки, потерявъ оленей, сначала осѣли на верхнемъ Паланѣ, но позже, ради лова морского звѣря, переселились сюда. Нынѣ мѣстечко лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, недалеко отъ моря, у подножія

хребта, подходящаго къ нему съ востока. Только въ послѣдніе годы здѣсь начали строить порядочныя избы, а ранѣе всѣ жили въ земляныхъ юртахъ. Въ настоящее время въ Лѣсной — 19 хорошей постройки домовъ, 3 земляныхъ юрты и часовня, устроенная вмѣсто церкви, перенесенной отсюда въ Палланъ. Огородничества здѣсь уже нѣтъ и въ поминѣ. Жители имѣютъ 3 коровы и 12 лошадей.

Страсть къ бродячей жизни у здѣшнихъ обывателей (74 мужчины и 63 женщины) еще очень замѣтна и по-сейчасъ, такъ что временами они живутъ и пользуются добычей по всѣмъ ручьямъ и водамъ отъ верхняго Паллана до области рѣки Лѣсной. А три здѣшнихъ семьи владѣютъ еще даже и небольшимъ, головъ во 100, стадомъ оленей, съ которыми они ходятъ настоящимъ образомъ въ дальнія кочевки.

Въ склонѣ холма при Лѣсной я нашелъ залежаніе очень богатой кремнеземомъ, съ виду базальтической, породы въ приподнятыхъ слояхъ, ниже-совершенно распавшуюся вывѣтрившуюся каменистую масу, а подъ ней — песчанникъ и глинистый камень, окрашенные желѣзомъ въ темно-бурый цвѣтъ, тоже въ приподнятомъ положеніи. Во всѣхъ этихъ пластахъ встрѣчались нерѣдко жилы и кристалы известковаго шпата. Галька въ руслѣ рѣки состояла изъ плотныхъ, сѣраго и зеленоватаго сланцевъ, краснаго и цвѣтнаго кремня всѣхъ родовъ и трахитообразной породы, точно также различной окраски. При достаточно ясномъ небѣ съ высоты холмовъ долженъ быть виденъ несомнѣнно берегъ Тайговоса. Мысъ Кинкиль былъ ясно виденъ на юго-западѣ подъ 225°. Здѣсь, у добродушныхъ и гостепріимныхъ обывателей Лѣсной, я достигъ крайняго, къ сѣверу, пункта своей поѣздки. Ъхать далѣе въ томъ же направленіи — теперь уже было нельзя въ виду поздняго времени года, тѣмъ болѣе, что мнѣ еще предстоялъ путь въ 1194 версты до Петропавловскаго порта (до Тигиля 341 верста, отсюда до Большерѣдка 675, а затѣмъ 178 верстъ до порта). Такъ какъ обратный путь въ Тигиль былъ, за немногими исключеніями, тотъ же

самый, то въ отношеніи его мнѣ придется прибавить лишь немного.

24-го Августа, рано утромъ, мы дружески попрощались съ обывателями; они проводили насъ, и мы поѣхали, сначала берегомъ рѣки 4 версты до моря, а затѣмъ по самому берегу моря до Кинкиля, куда прибыли въ 9 час. утра. На этомъ пути только и было замѣчательнаго, что надъ нами тянулись къ югу поистинѣ гигантскія вереницы дикихъ гусей. Они летѣли очень низко, стая за стаяй, съ оглушительнымъ шумомъ, происходившемъ отъ крика и ударовъ крыльсвъ. Не одинъ выстрѣлъ дробью, пущенный безъ прицѣла въ эту массу, сбивалъ на землю штуки по 3—4 сразу.

Пользуясь хорошимъ днемъ, я уже въ 10 часовъ снова тронулся въ Палланъ, почти все морскимъ берегомъ. Отъ Кинкиля мы шли вышеупомянутой цѣпью высотъ, сопровождающей рѣку по южной ея сторонѣ въ видѣ острыхъ и округленныхъ горъ, къ Кинкильскому мысу, выдающемуся въ море тремя отчетливо выраженными остроконечіями. Этотъ интересный мысъ — пунктъ во всей мѣстности самый поучительный въ отношеніи борьбы изверженныхъ массивныхъ породъ съ залегающими здѣсь третичными отложеніями — представляетъ изъ себя ужасающій хаосъ обѣихъ формацій. Борьба эта, какъ будто пріостановившаяся въ самомъ разгарѣ, предстаетъ предъ глазами наблюдателя.

Прежде всего я увидѣлъ на мысѣ кварцевые слои темнаго цвѣта, обильные слюдой и отдѣльными красноватыми кремнистыми частями. За ними появился ярко-красный, нѣсколько пористый кирпичъ, содержащій мелкіе листочки слюды и мѣстами дѣлающійся пемзообразнымъ. И то, и другое, конечно, производныя глинистыхъ породъ буро-угольной формаціи. Часто этотъ красный кирпичъ переходитъ въ красный, бурый и зеленоватый кремень. Затѣмъ слѣдуетъ совсѣмъ пористая темно-сѣро-черная, очень твердая порода, вся сплошь переполненная мелкими и крупными (до размѣра свыше 1 ф. въ діаметрѣ) миндалинами продолговатой или округлой формы, которыя всѣ слѣдовали направленію напластованія. Миндалины и пузыревидныя пустоты большею частію

внутри помы и выстланы халцедономъ (голубымъ и бѣлымъ), а часто наполнены еще и очень красивыми кристаллами горнаго хрустала и аметиста. Точно также встрѣчаются въ нихъ известковый шпатъ и желѣзистые шары въ видѣ кристаллическихъ друзъ, а подчасъ полость ихъ совершенно выполнена агатомъ. Далѣе встрѣчаются грубые конгломераты, которые образуютъ береговья скалы почти въ 500 ф. вышиной и прорѣзаны въ направленіи края базальтовой жилой, мощностью въ 2 фута. Еще подальше эта послѣдняя жильная порода поднимается изъ глубины конусомъ, причемъ, благодаря обнаженію вершины послѣдняго, ясно видна базальтовая порода, расходящаяся въ видѣ радіальныхъ стобовъ отъ центральной оси. Подобные выходы сквозь третичные слои массы жильныхъ породъ въ видѣ куполовъ и конусовъ, конечно, и составляютъ причину того, что въ этой мѣстности часто встрѣчаются островершинныя формы горъ. Жаръ изверженныхъ породъ, съ ихъ парами и газами, повліялъ самымъ разнообразнымъ образомъ съ физической и химической стороны на матеріалъ, данный въ видѣ третичныхъ отложений, и выработалъ изъ первоначально залежавшихъ здѣсь пластовъ песку и глины цѣлый рядъ новыхъ метаморфическихъ образований. Почти всѣ варианты измѣненій, которые попадались у Красной сопки, на р. Тигилѣ, вплоть до Сѣданки и дальше, и на пути чрезъ Палланъ въ Лѣсную, находились здѣсь въ хаотическомъ безпорядкѣ другъ возлѣ друга или одни надъ другими.

И далѣе на пути берегомъ моря встрѣчались высокія скалы изъ конгломератовъ, вышиной до 400 — 500 футовъ, съ мощными, пронизывающими ихъ базальтовыми жилами. Намъ пришлось перебраться по галькѣ и камнямъ чрезъ устье одного ручья, вытекающаго изъ красиво одѣтой лѣсомъ горной долины, а дальше опять пошли все мелкіе и грубые конгломераты, да еще темно-сѣрый песчаникъ съ жилами известковаго шпата; наконецъ, при неизмѣняющейся обстановкѣ мы достигли небольшого мыса, который обозначаетъ половину пути до Паллана и на которомъ валялось много кремнялаго дерева.

25-го Августа мы продолжали путь подъ бурей и дождемъ. У одного небольшого выдающагося мыса намъ пришлось перебраться верхомъ чрезъ прибой и, съ трудомъ карабкаясь по скаламъ, перетаскивать нашъ багажъ. Мы поднялись въ небольшую рѣчную долину, переѣхали чрезъ двѣ, покрытыя лѣсомъ, красивыя цѣпи холмовъ и лежащую между ними долину и во-время, но совершенно промокшіе отъ волнъ и дождя, добрались до Паллана, гдѣ скоро мы благоденствовали за горячимъ чаемъ и сытнымъ обѣдомъ въ тепломъ уютномъ домѣ тойона.

26-го Августа мы пробыли въ гостепріимномъ Паланѣ, дѣятельно занимаясь просушкой нашего багажа. Мѣстный священникъ разсказалъ мнѣ, что къ сѣверу отъ Лѣсной въ двухъ мысахъ при морѣ залегаютъ тѣ же самыя породы, что и на Кинкильскомъ, еще съ гораздо болѣе красивыми горнымъ хрусталемъ и аметистами. Цѣлый день надъ Паланомъ тянулись къ югу большія стаи дикихъ гусей. Изумительно, какія колоссальныя массы этой птицы должны собираться на крайнемъ сѣверѣ, чтобы образовать такія тянуціяся цѣлые дни вереницы.

27-го Августа опять выдалась хорошая погода. Въ 6 час. утра мы были уже въ сѣдлѣ, а въ 10 прибыли къ устью р. Паллана. Со вчерашнимъ дождемъ на горы принесло и снѣгу, такъ что чрезъ ворота, которыя прорыла р. Паланъ, уже видна была наступающая зима. Отсюда мы прошли березовымъ лѣскомъ и поросшей кедровникомъ тундрой до мыса Пять Братьевъ. На тундрѣ, усѣянной ягодами, всюду виднѣлись стада гусей, которые спустились на кормежку. Мысы — Пять Братьевъ и Кахтана представляютъ, въ отношеніи всего строенія и матеріала, очень большое сходство съ Кинкилемъ, только здѣсь пертурбація въ породахъ не оставила до такой степени рѣзкихъ слѣдовъ. А между обоими мысами залегаютъ опять-таки третичныя мергеля, песчаники и глинистыя породы. Песчаникъ здѣсь также сплошь былъ наполненъ непрочными остатками раковинъ, какъ подъ Волямполкой, и снова попадались такія же концентрически-скорлуповатыя образованія, какъ у Тигиля. Только въ 4 часа попали мы въ Кахтану, гдѣ,

наконецъ, могли отдохнуть и обогрѣться въ домѣ радушнаго тойона.

28-го Августа. Рано утромъ было—6° R. Въ 5 час. мы переправились на батахъ чрезъ устье Кахтаны и поѣхали затѣмъ верхами по морскому берегу далѣе на югъ. На берегу часто лежалъ черный, съ магнитнымъ желѣзнякомъ, песокъ, и выходили головы пластовъ мелкаго сѣраго песчаника, переполненнаго раковинами,—вѣрнѣе, вся порода казалась состоящей почти сплошь изъ раковинъ. Несмотря на то, что послѣднія очень легко распадались, я могъ отличить раковины изъ родовъ *Pecten*, *Scutella*, *Terebra*, *Cerithium* и *Mitra*.

Версть за 5, за 6 отъ устья Воямполки начинается высокій берегъ, продолжающійся до этого устья. Здѣсь опять встрѣчаешь тѣ же песчаники и конгломераты съ колоссальнымъ количествомъ раковинъ, втиснутыхъ другъ въ друга и скученныхъ самымъ безпорядочнымъ образомъ. Въ отношеніи числа видовъ господствовала, повидимому, бѣдность, въ отношеніи особей, напротивъ, замѣчалось большое богатство. Въ 1 ч. дня мы были на устьѣ Воямполки, гдѣ въ руслѣ опять валялись куски бураго угля.

Смѣнивъ лошадей, мы сейчасъ же тронулись далѣе. Берега были средней высоты и состояли изъ хряща и песку до устья, р. Эттолахана, на берегахъ которой залегаютъ опять буро-угольные слои. Чрезъ устье, вслѣдствіе прилива, перебраться было нельзя, такъ что намъ пришлось сдѣлать большой обходъ по мокрому болоту. Но при этомъ мы попали въ такое плохое мѣсто, что чуть не засѣли совсѣмъ; между тѣмъ надвигались сумерки, и намъ пришлось разбить свою палатку на плоскомъ болотѣ.

Раннимъ утромъ 29 Августа, выбравшись не безъ труда и усилій изъ этой топи, мы поѣхали березовыми лѣсами и лугами, принявшими уже настоящій осенній видъ. Недалеко отъ Аманины мы наѣхали на юрту, построенную на случай дождя и непогоды для убѣжища собирающихъ ягоды женщинъ. Сборщицы уже набрали большіе запасы ягодъ разныхъ *Rubus* и *Vaccinium*, но плакались на большого медвѣдя, который, правда, не мѣшаетъ

имъ во время ихъ домашней работы, зато каждый день уничтожаетъ ужасно много ягодъ и раньше ихъ собираетъ самыя лучшія мѣста. Но, къ великому прискорбію моихъ спутниковъ, какъ разъ теперь мишка не показывался. Мы вступили въ Аминину до дождя, начавшаго лить снова.

30-го Августа. Въ дождь и въ бурю, по дорогѣ, отъ ливня сдѣлавшейся очень скользкой, продѣлалъ я сегодня послѣдній переѣздъ до Тигиля, куда прибылъ въ 1 ч. дня и гдѣ сейчасъ же помѣстился въ домѣ Левицкаго. Меня трясла сильная лихорадка, и мнѣ нужно было провести въ покой и отдохнуть нѣсколько дней, прежде чѣмъ отправляться въ дальнѣйшее путешествіе. Русская паровая баня и покой, при европейскомъ образѣ жизни, подѣйствовали прекрасно и скоро вернули мнѣ здоровье и силы. Во время небольшихъ прогулокъ я взялъ слѣдующіе углы: Тепана 187°, Щеки 137°, Пирожниковъ 121° и Зисель 103°. Частые дожди очень испортили мои коллекціи. Такъ, сильно пострадали насѣкомыя и растенія, а на геологическихъ образцахъ много этикетокъ или пропало, или ихъ стало совершенно невозможно прочесть. Дневники сохранились хорошо.

4-го Сентября. Заготовивъ еще съ вечера все для дальнѣйшаго пути, я разстался съ д-ромъ Левицкимъ, гостепріимству котораго я такъ много обязанъ, и сегодня въ 10 часовъ утра началъ свою поѣздку западнымъ берегомъ Камчатки въ портъ Петропавловскій. Первымъ пунктомъ, котораго нужно было достигнуть, была Напана, до которой отъ Тигиля обыкновенной проѣзжей дорогой всего 21 верста. Но этотъ путь весьма затруднителенъ, вслѣдствіе очень топкихъ болотъ, и потому мнѣ рекомендовали другой, гораздо болѣе дальній, но зато и болѣе удобный, все по водѣ: спуститься по Тигилю на батахъ до впаденія въ него р. Напаны, а затѣмъ подняться по послѣдней, съ приливнымъ теченіемъ, до мѣстечка Напаны. Такъ я и сдѣлалъ. Живо побѣжали мы на двухъ счаленныхъ батахъ внизъ по Тигилю. Скоро пониже Тигиля мы вышли на упомянутый уже порогъ, гдѣ прорванъ рѣкою первый параллельный кряжъ—высоты

Красной сопки. Мои проводники рассказали мнѣ, будто здѣсь, еще до того времени, когда русскіе основали укрѣпленіе Тигиль на его нынѣшнемъ мѣстѣ, стояло старое поселеніе камчадаловъ, почему это мѣстечко еще и до сихъ поръ носить названіе «Стараго Тигильскаго Острога». На счетъ небольшой зимней гавани при устьѣ Гавенки мнѣ сообщили также, что прежде тамъ было поселеніе отставныхъ казаковъ, которые занимались довольно обширнымъ скотоводствомъ и жили богато. Еще недоѣзжая до этого мѣста, мы опять видѣли по берегамъ тюленей, быстро соскакивавшихъ въ воду при нашемъ приближеніи.

При быстромъ наденіи рѣки, уже въ 3 часа мы были у устья Напаны, гдѣ пришлось до 7 часовъ ждать прилива. Здѣсь, всего въ 11 верстахъ отъ устья Тигиля, нашли мы безотрадную пустыню въ видѣ моховой тундры, на которой вдали, на западѣ, виднѣлись высоты Омгонскаго мыса и очертавія Утхолокскихъ горъ. Чтобы скоротать время, мы занялись охотой на гусей, все время тлнувшихся надъ нами большими стаями. Наконецъ начался приливъ, и мы сейчасъ же снарядились къ отъѣзду. Свачала появились небольшія волны, шедшія навстрѣчу быстрому теченію рѣки и какъ будто пейтрализовавшія его, но потомъ онѣ чрезвычайно быстро начали итти все далѣе и далѣе, и скоро установилось теченіе совершенно обратное. Съ этимъ теченіемъ, при лунѣ и подъ пѣсни моихъ казаковъ, мы быстро двинулись вверхъ по рѣкѣ. Бѣлухъ здѣсь совсѣмъ не было. Верстахъ въ 8 отъ мѣстечка Напаны приливной токъ отказался намъ служить, и остальной путь пришлось итти на шестахъ. Р. Напана на много верстъ отъ устья течетъ въ берегахъ, образованныхъ моховой тундрой, но затѣмъ правый берегъ становится выше и состоитъ изъ песчаника, хряща и песку, между тѣмъ какъ лѣвый все еще остается низкимъ. Еще дальше ва обоихъ берегахъ появляются березы, ольхи и ивы. Такимъ образомъ, послѣ холодной ночи, но безъ непріятныхъ приключеній, мы въ 4 часа утра 5 Сентября прибыли въ мѣстечко Напану, гдѣ намъ сейчасъ же сообщили печальное извѣстіе, что всѣ жители ушли на охоту

за сѣверными оленями и забрали съ собой всѣхъ 10 здѣшнихъ лошадей. Вотъ это такъ значило — «ждать». Напана лежитъ на правомъ, нѣсколько возвышенномъ, берегу, на свѣтломъ мергелистомъ песчаникѣ, въ очень бѣдной лѣсомъ и мертвенной мѣстности. Съ сѣвера она сплошь окружена низинами, къ югу — видѣются небольшія, острия, коническія высоты, навѣрное тѣ же самыя, которыя я видѣлъ на р. Тигилѣ въ области «щекъ». 10 домовъ мѣстечка населены 29 мужчинами и 17 женщинами; скота—всего 8 коровъ.

Изъ бесѣдъ съ двумя стариками, оставшимися дома, я отмѣтилъ себѣ слѣдующее. Кемчига встрѣчается и здѣсь и попадаетъ по западному берегу къ югу до Ичи, но, начиная отсюда, исчезаетъ совсѣмъ и далѣе замѣняется сараной. Напротивъ, самое сѣверное мѣсто, до котораго встрѣчается медвѣжьій корень (*Angelica*), это — Сопочная, и чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ это большое, красивое декоративное растеніе сильнѣе и роскошнѣе. Относительно нахожденія лося старые охотники сообщили, что звѣря этого теперъ ужъ много лѣтъ не видать въ Камчаткѣ, но что въ старыя времена онъ попадался иной разъ на западномъ берегу, да и то, все-таки, какъ большая рѣдкость. И дѣйствительно, можно думать, что за предѣлы сѣверной тундры въ рѣдкихъ случаяхъ забѣгаютъ только отдѣльныя, отбитыя отъ стада и преслѣдуемыя, животныя, а обычно Парапольскій доль, благодаря своей обширности и недостатку въ кормѣ, не пропускаетъ лося въ Камчатку. Относительно гидрографическихъ отношеній этой мѣстности я узналъ, что р. Напана, берущая свое начало у Тепанскаго вулкана, до того сближена здѣсь съ сѣвернымъ истокомъ рѣки Харіузовой, Тулханомъ, что въ весеннее половодье съ Напаны прямо въ Харіузову проѣзжаютъ на батахъ. Водораздѣлъ здѣсь всего верстъ въ 6, и лодки волокомъ перетаскиваютъ чрезъ тундру, чтобы попасть съ одной рѣки на другую. Есть также и очень удобные зимніе проходы — къ истокамъ Тигилия, а равно и въ долину Камчатки, къ рр. Крестовкѣ и Козыревкѣ, — проходы, которыми пользуются нерѣдко. Къ западу отъ

истоковъ рр. Напаны и Тулхана (Харіузовой) вдетъ средней вышины кряжъ, Медвѣжій мысъ, съ котораго берутъ начало рр. Утхолока и Кавранъ, которыя поэтому очень коротки и ограничены со всѣхъ сторонъ рѣками Напаной и Тулханомъ, вмѣстѣ съ Медвѣжьимъ мысомъ. Какъ Тулханъ представляетъ сѣверный истокъ Харіузовой, такъ на югѣ она начинается большимъ истокомъ Плеханомъ, начальная часть котораго вытекаетъ близъ р. Ичи, и вмѣстѣ съ послѣдней обхватываетъ береговья рѣки Бѣлоголовую, Морощечную и Сопочную, имѣющія точно также короткое протяженіе.

Охотники съ лошадьми вернулись только къ 8 часамъ вечера; теперь можно было надѣяться ѣхать далѣе. То, что мнѣ пришлось ждать, до такой степени безпокоило тойона, что онъ хотѣлъ было заглядить свою вину соболемъ, котораго старался всучить мнѣ. Отъ подарка я, естественно, отказался, но изъ всего этого увидѣлъ, до чего эксплуатируютъ камчадаловъ чиновники. Разъ чиновникъ принялъ подарокъ, для камчадала это значить, что давняя исторія, отъ которой онъ боится дурныхъ послѣдствій, замята и прикончена, даже если бы онъ, какъ въ настоящемъ случаѣ со мною, ни въ чемъ не былъ повиненъ. А если подношеніе его отвергнуто, тогда у камчадала остается чувство ненадежности и тревоги, что потомъ у него возьмутъ больше. Здѣсь вошло въ пословицу; что камчадалъ глупъ и всегда виноватъ, а чиновникъ уменъ и всегда правъ. Слова «глупъ» и «уменъ» въ приведенной пословицѣ, если держаться правды, нужно замѣнить словами «честенъ» и «послушенъ», и — «хитеръ» и «безчестенъ». Поэтому мнѣ пришлось много возиться, чтобы втолковать тойону, что я не вижу ровно никакой вины въ томъ, что лошади не тотчасъ же были доставлены для дальнѣйшаго путешествія.

6-го Сентября. На приготовленія къ дорогѣ и на переправу чрезъ рѣку пошло такъ много времени, что только къ 7 часамъ мы были на сѣдлахъ. Съ юга поднялся ужасный курильскій вѣтеръ и нагналъ съ моря тяжелыхъ тучъ, а затѣмъ скоро началъ хлестать сопровождаемый бурей дождь, подававшій неутѣшительныя надежды на 90-верстное путешествіе въ Утхолоку.

Сначала мы проѣхали нѣсколькими плоскими луговыми долинами, между совсѣмъ низкими, поросшими березой (*B. Ermani*), холмами, словомъ — мѣстностью чисто камчатской. Затѣмъ дорога потянулась на далекое разстояніе по сухой, покрытой мхомъ, шикшей (*Empetrum*) и видами *Vaccinium*, волнистой мѣстности, надъ которой поднимались маленькіе, поросшіе кедромъ-стланцемъ, холмики. Здѣсь богатая ягодами тундра, повидимому, представляла излюбленное мѣсто пребыванія небольшой птицы изъ породы куриныхъ, то и дѣло взлетавшей передъ нами длинными вереницами съ голубичника. Ружья были укутаны отъ дождя и ихъ нельзя было скоро достать, такъ что ни одной мы не застрѣлили. Мнѣ птица показалась чѣмъ-то среднимъ между бѣлой куропаткой и тетеревомъ, ближе къ первой изъ нихъ, по большому количеству бѣлыхъ перьевъ. Пронзительный, совсѣмъ своеобразный, крикъ при взлетѣ звучалъ, однако, такъ особенно, что я почти не рѣшаюсь признать въ этой птицѣ какой-нибудь изъ водящихся въ Европѣ видовъ. Въ одномъ мѣстѣ дороги, гдѣ волнистая мѣстность уже распадается на невысокіе холмистые хребтики, по сторонамъ ихъ появились опять «кучегоры», вполне похожія, по положенію, общему виду и матеріалу, на аманискія. Сейчасъ за этимъ возвышеніемъ мы попали на болѣе высокій, идущій съ сѣверо-запада на юго-востокъ, кряжъ, на гребнѣ котораго поднимается множество небольшихъ острыхъ горокъ, и который былъ весь покрытъ красивымъ старымъ березовымъ (*B. Ermani*) лѣсомъ. Кряжъ этотъ называется Кталаммонъ и обозначаетъ середину пути между Напаной и Утхолокой. Здѣсь, на небольшомъ перевалѣ, посреди красиваго густого лѣса выстроена юрта для пристанища путниковъ и охотниковъ. Хотя дождь пересталъ и было еще рано, мы остановились здѣсь на ночлегъ. Промокшіе до костей и дрожа отъ холоду, мы поспѣшили развести громадный огонь, чтобъ сколько-нибудь обсохнуть и обогрѣться. Благодаря расторопности Зиновьева, скоро все наладилось: запымалъ огонь, закипѣла вода въ котелкѣ, и за горячимъ чайкомъ забыты были всѣ тягости этого дня. А лѣсъ уже смотрѣлъ по

осеннему, и въ красивой зелени березъ виднѣлось много желтаго листа.

7-го Сентября. Тяжелъ былъ вчерашній день, но сегодняшній выдался еще гораздо хуже. Уже утромъ прошелъ проливной дождь съ сильной бурей. Сначала я думалъ, было, остаться здѣсь, подъ защитой лѣса, но мысль о предстоящемъ, еще далеко, пути и о томъ, что сезонъ-то уже довольно поздній, погнала меня дальше.

Съ Кталаммона берутъ начало 8 ручьевъ, образующихъ сліяніемъ своимъ р. Куачинъ, впадающую въ море между мысомъ Омгономъ и Утхолокой и сильно распространяющуюся въ ширину, благодаря образованію многихъ рукавовъ. Между этими истоками Куачина возвышаются всюду умѣренные высоты, изъ которыхъ однѣ покрыты березнякомъ, другія только кедровникомъ, а пня и совѣтъ обнажены, и даже нѣсколько болотисты на вершинѣ. У двухъ изъ такихъ горъ, Янг-санг-кона и Аулуна, на оголенныхъ вершинахъ виднѣются скалы. Всѣ эти высоты не образуютъ связныхъ цѣпей или кражей, а являются изолированными, безъ всякаго порядка поднимающимися надъ ровной мѣстностью, кучеобразными горами или холмами, которые почти всѣ въ свою очередь увѣнчаны островерхими возвышеніями. Да и Омгонскія (покамчадальскія А-онг-товъ) и Утхолокскія (Ок-лан-гуй) горы принадлежатъ вполне къ подобнымъ кучеобразнымъ горамъ и причисляются къ значительнымъ возвышенностямямъ. Но эти послѣднія горы лежатъ уже такъ близко къ морю, что прибой волнъ ихъ уже наполовину разрушилъ, и потому онѣ нынѣ превратились въ крутые мысы. Всѣ эти кучеобразныя и собранныя группами горы кажутся мнѣ высшей ступеню развитія «кучегоръ» и островерхихъ холмовъ у Паллана и Тигиля; наибольшаго развитія эти холмы достигаютъ въ мѣстѣ прорыва настоящихъ старыхъ вулканическихъ масъ (Тепана, Пирожникова). Подобный же напоръ базальто-трахитовыхъ или древневулканическихъ масивныхъ породъ на здѣшнія третичныя образованія всюду далъ одинаковые результаты, и только въ одномъ мѣстѣ болѣе замѣтные и сильные, въ другомъ — менѣе ощутительные.

Жаръ активныхъ, извергавшихся масть, съ ихъ парами и газами, произвелъ во всѣхъ случаяхъ въ подлежащемъ пассивномъ матеріалѣ разрушенія и новообразования однороднаго характера.

Порода, выходы коей замѣчаются въ берегахъ сказанныхъ ручьевъ, была опять-таки мергелистымъ песчаникомъ, отъ свѣтлой до бурой окраски, большею частію въ раздробленныхъ, поднятыхъ, сброшенныхъ и изогнутыхъ пластахъ. Встрѣчались здѣсь опять и шаровидныя отдѣльности и концентрически-скорлуповатые образования, какъ подъ Тигилемъ, а также битуминозные слои. Галька въ ручьяхъ состояла изъ обломковъ базальта, трахита, миндалевидной и какой-то темной обломочной породы, переполненной зернами цеолита, кварца и полеваго шпата.

Большую часть пути намъ пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ мѣстность была до того болотиста, что лошади вязли. Верстъ 5 не доходя до мѣста нашего назначенія, мы попали на ужаснѣйшую трясину, изъ-за которой намъ было необходимо сдѣлать большой обходъ. Мы не могли выполнить этого при наступающей темнотѣ и принуждены были потому сдѣлать привалъ. Снова, дрожа отъ мокроты и холода, разбили мы палатку, но, на этотъ разъ въ мѣстности, гдѣ не было лѣсу, чтобы укрыться и гдѣ рѣдкій, корявый кедровникъ не позволялъ даже развести большого костра.

8-го Сентября. На разсвѣтѣ меня разбудила дробь дождя о нашу палатку. Тѣмъ не менѣе, мы скоро усѣлись на коней, объѣхали по возможности скорѣе болото и въ 8 часовъ были уже въ Утхолокѣ. Продолжать путь сегодня же было невысмыслимо, такъ какъ дождь и буря бушевали ужасно.

Утхолока лежитъ на правомъ берегу рѣки того же имени, верстахъ въ 10 отъ моря, если считать по прямой линіи, тогда какъ по рѣкѣ, благодаря извилинамъ, до моря считается 30 верстъ. Въ мѣстечкѣ 10 домовъ съ 30 человекъ мужскаго населенія и 28 женскаго. У обывателей 16 лошадей, 20 коровъ и хорошіе огороды. Мѣстечко владѣетъ всѣмъ необходимымъ для очень успѣшнаго разведенія скота; овощи точно также удаются

здѣсь отлично; и все-таки, несмотря на это, и то, и другое занятіе для населенія—лишь принудительная работа. На всѣхъ здѣшнихъ инородцахъ, да и на русскихъ, прожившихъ здѣсь болѣе долгое время, замѣтно, что бродячая жизнь, рыболовство и охота праятятся имъ больше, чѣмъ домовитость спокойной осѣдлой жизни. У нихъ нѣтъ ничего, что составляло бы комфортъ или служило для внѣшняго украшенія жилища. Построить въ лѣсу юрту, чтобы собирать въ ея окрестности коренья и ягоды, имъ пріятнѣе, чѣмъ ухаживать за домашнимъ огородомъ, могущимъ дать хорошій доходъ, или ловить рыбу гдѣ-нибудь на ручьѣ и жить въ вонючемъ балаганѣ болѣе соотвѣтствуетъ ихъ вкусамъ, нежели дѣлать свой домъ обитаемымъ при помощи болѣе выгоднаго занятія разведеніемъ рогатаго скота и лошадей.

Ближайшая окрестность Утхолоки — плоска, но недалеко возвышаются вышеупомянутые кучеобразные холмы и горы, къ которымъ относятся и высоты Утхолокского мыса. Въ берегахъ рѣки залегаетъ опять свѣтлый и болѣе темный, до буроватаго, песчаникъ въ поднятыхъ пластахъ, и опять попадаютъ концентрически-скорлуповатыя отдѣльности. Относительно проходныхъ рыбъ мнѣ сообщили, что весной у устья рѣки прежде всего появляются двѣ лососевыхъ рыбы — семга и кунжа; затѣмъ въ рѣку поднимается каюрка, рыба по формѣ и внѣшнему виду совсѣмъ похожая на чавычу, но гораздо меньше ея. За ней идетъ, какъ главная рыба этой мѣстности, хайко, а затѣмъ — горбуша и кизучъ. Ходъ заключается гольцомъ, форелью, большею частію и на зиму остающейся въ рѣкѣ. Чавычи и красной рыбы здѣсь нѣтъ вовсе.

Къ вечеру улегся свирѣпый курильскій вѣтеръ, а съ нимъ пересталъ и дождь; небо стало яснѣе, и я рассчиталъ, что завтра можно будетъ продѣлать 46 верстъ пути до Каврана. Покой и отдыхъ въ теплой комнатѣ оказали самое благодѣтельное дѣйствіе.

9-го Сентября. Только къ 10 часамъ погода стала надежной, и тогда мы тотчасъ же тронулись въ юго-западномъ направленіи къ морю, чрезъ мягко-волнистые моховые дуга. Красиво и отчетливо

поднимались предъ нами надъ равниной островерхія купы Утхолокскихъ и Омгонскихъ горъ, въ видѣ отдѣльныхъ масъ. Спутники рассказали мнѣ, что въ этихъ горахъ держатся каменные бараны и что эти животныя, будто бы, нерѣдко бродятъ сюда и назадъ съ Тепаны по моховымъ равнинамъ.

Часа 3 мы ѣхали, въ отливъ, низкимъ морскимъ берегомъ къ югу. На этомъ пути мы обратили вниманіе на большую черную массу, лежавшую далеко впереди насъ на берегу и окруженную множествомъ птицъ. Подъѣхавъ ближе, мы увидѣли огромнаго кита, котораго выбросило на берегъ бурей послѣднихъ дней. Животное было мертво, но еще не загнило. На одномъ боку очень ясно видны были слѣды сильныхъ, нанесенныхъ гарпуномъ, ранъ. Громадное существо лежало растянувшись на брюхѣ и имѣло отъ конца мощнаго распростертаго плеса до конца морды около 56 фут. длины. Спинаго плавника не было. Большія переднія конечности, до половины застѣвшія въ песокъ, лежали словно большіе плавники. Нижняя губа отвисла и обнажила длинный рядъ усовъ, которые, имѣя въ толщину около 6—7 мм., снаружи были съ острымъ краемъ, тверды и плоски, а внутри заканчивались волосовидной бахромой. Промежутки были миллиметровъ въ 5—6 шириной. Каждая пластина сверху, при мѣстѣ прикрѣпленія къ верхней челюсти, имѣла въ ширину около 20 смт., а книзу пріострялась и оканчивалась пучкомъ жесткихъ волоконъ. Всѣ усы стояли поперечно относительно продольной оси животнаго. Самые передніе, у конца очень широкой морды, были очень коротки и походили даже просто на скопленіе жесткихъ щетинъ, но къзадѣ они быстро увеличивались въ длину, такъ что самые длинныя доходили футовъ до 7, а пожалуй и больше. Нѣсколькими ударами топора мы продѣлали брешь въ этой стѣнѣ, и за ней открылась большая, темная, вонючая полость, весь верхъ которой состоялъ изъ безчисленныхъ свѣшивающихся внизъ волоконъ, а внизу лежалъ гигантскій, мягкій и скользкій языкъ, въ который я положительно нѣсколько увязъ, влѣзши внутрь пасти. Въ глубинѣ зѣва, у внутренняго отверстія носовой

полости, и на тысячахъ свѣшивавшихся внизъ волоконъ еще и по-сейчасъ кишѣли небольшія морскія животныя, а именно мелкія ракообразныя. Все колоссальное тѣло было темносѣраго цвѣта и мѣстами очень густо усажено паразитами (видами *Balanus*).

Камчадалы мои были весьма обрадованы этой находкой и рѣшили сейчасъ по возвращеніи домой приняться за раздѣлку животнаго и припрятываніе его частей. Онѣ представляли изъ себя прекрасный кормъ для собакъ на долгое время.

Далѣе къ югу морской берегъ понемногу поднялся до 40—50 футовъ и сталъ при этомъ крутымъ. Отъ четырехъ до пяти устьевъ небольшихъ ручьевъ перерѣзаютъ берегъ и всѣ они несутъ обломки угля изнутри страны. Эти высокіе берега состоятъ точно также изъ двухъ ярусовъ горизонтально лежащихъ пластовъ песчаника. Верхній ярусъ, это — встрѣчающійся здѣсь, начиная съ Тигиля, лишенный окаменѣлостей, свѣтлый песчаникъ со своими спутниками, глиной и глинистымъ камнемъ («кучегоры») и переходами въ кремнистыя и известковатыя массы. Нижній ярусъ — сѣрый, мелкозернистый песчаникъ, переполненный непрочными окаменѣлостями, какъ подъ Воямполкой. Особенно хороши были здѣсь крупныя экземпляры какого-то вида *Pecten*.

Подвинувшись уже довольно близко къ устью Каврана, мы могли далеко окинуть глазомъ море. Оно образовало здѣсь большую, широкую и открытую бухту, которая съ сѣвера замыкается Утхолокскимъ мысомъ, а съ юга — Бѣлоголовымъ, и въ которую, считая съ сѣвера, впадаютъ слѣдующія рѣки: ближе всего къ Утхолокскому мысу — рѣка того же имени, за ней нѣсколько небольшихъ ручьевъ, затѣмъ рѣка Кавранъ, въ устье которой впадаетъ также текущій съ сѣверо-востока ручей Лѣльгацъ, и, наконецъ, южнѣ всѣхъ, близъ мыса Бѣлоголоваго, — рр. Харіузова и Бѣлоголовая, открывающіяся вмѣстѣ въ одно общее, большое и похожее на заливъ, устье. Оба названные мыса выдаются далеко въ море, особенно мысъ Бѣлоголовый, заканчиваю-

щійся большой, округленной скалистой массой, передъ которой лежатъ два острова. Изъ послѣднихъ одинъ, побольше, — Ачванчъ, представляетъ остроконечную, съ широкимъ основаніемъ, скалу. Другой, гораздо меньшій, лежитъ отъ перваго далеко, такъ что между обоими могутъ проходить большія суда. Отъ устья Каврана я взялъ пеленги: мысъ Бѣлоголовый 221° ; мысъ Утхолока 350° , а приблизительное направленіе берега къ сѣверу 12° .

Мысъ Бѣлоголовый. Скалистые предъ нимъ острова.

Оставивъ берегъ моря, мы перешли теперь чрезъ моховую волнистую мѣстность, затѣмъ чрезъ холмы, поросшіе кедромъ, и вышли на рѣку Кавранъ, гдѣ стояло нѣсколько балагановъ, обитатели которыхъ живо помогли намъ переправиться на другой берегъ. Здѣсь, наконецъ, мы опять видѣли медвѣдя. Если бы я не зналъ, что эти звѣри въ это время года забираются, идя слѣдомъ за рыбой, высоко въ горы, я рѣшительно счелъ бы страву эту бѣдною медвѣдями. Отъ балагановъ, у которыхъ мы перебрались на лѣвый берегъ рѣки, вверхъ до Каврана оставалось пройти уже немного. Мѣстечко это лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки; въ немъ 9 домовъ; населенія — 24 человекъ мужчинъ и 40 женщинъ. Жители сообща владѣютъ 25 коровами и 16 лошадьми; огороды крайне плохи, и въ общемъ мѣстечко производитъ нѣсколько грустное и жалкое впечатлѣніе.

Проходныя рыбы слѣдуютъ здѣсь въ такомъ порядкѣ: каюрка, хайко (какъ главная), горбуша, кизучъ и голецъ; чавычи и красной рыбы и здѣсь также нѣтъ вовсе.

10-го Сентября. Рано утромъ мы выѣхали на Харіузову, расположенную въ 35 верстахъ отсюда. Вся дорога идетъ собственно только по одному значительному кучевидному хребту, средней высоты. Непосредственно за селеніемъ мѣстность поднимается крутыми мергелисто-песчаниковыми скалами, которыя

отвѣсно падаютъ къ рѣкѣ и наверху заканчиваются небольшими, покрытыми лѣсомъ, конусами. На сѣверъ, къ Каврану, горы поднимаются болѣе круто, рѣчки ихъ изливаются большею частію въ рѣку Кавранъ, къ югу же горы спускаются болѣе постепенно, образуя длинныя долины между небольшими кряжами. Всѣ эти долины орошаются небольшими притоками р. Харіузовой, а лежащія между ними высоты болѣе или менѣе остроконечны и покрыты прекраснымъ березовымъ (*B. Ermani*) лѣсомъ, по опушкѣ котораго тянется кустарный кедровникъ. Дно долинь представляетъ большею частію мокрую моховую тундру, особенно въ послѣдней части пути. Обнажающаяся по берегамъ ручьевъ порода—всюду опять тотъ же мергелистый песчаникъ. Съ края одной изъ этихъ долинь, болѣе широкой и позволяющей свободнѣе и шире окинуть глазомъ всю мѣстность, поднимается удивительно красивая, колоссальная конусообразная гора; картина получается роскошная. Этотъ голый, стройный, безснѣжный пикъ возвышается надъ многочисленными, покрытыми лѣсомъ, горами и надъ всѣми прочими возвышенностями всего горнаго массива, заходя за границу растительности. Это — Элеукенъ, общимъ видомъ и вышиной замѣчательно напоминающій Милишауеръ Богемскихъ горъ-Мителгебирге. Онъ носитъ, такъ же какъ этотъ послѣдній, характеръ настоящихъ базальтовыхъ поднятій. Если бы я уже ранѣе не убѣдился въ томъ, что еще до прорыва трахитовъ въ Срединномъ хребтѣ и параллельныхъ ему западныхъ цѣляхъ имѣли мѣсто и поднятія базальта, обнаружившія вліяніе на третичныя отложенія всей пройденной мною ранѣе западной части Камчатки, то я долженъ бы былъ убѣдиться въ этомъ теперь, при взглядѣ на Элеукенъ. Чисто базальтическій складъ красиваго пика, темныя, твердыя породы окрестной мѣстности, вкрапленныя мелкія зерна оливина — все это слишкомъ ясно говорило въ пользу того. Принять, что Элеукенъ, этотъ базальтовый конусъ, дѣйствовалъ, хотя бы и въ древнѣйшія времена, нѣтъ основаній, да и ничего похожаго на кратеръ, повидимому, здѣсь не имѣется. Слѣдовательно, гора эта по образованію своему древнѣе самыхъ древ-

нихъ трахитовыхъ кратеровъ этой области (Тепана, Пирожникова сопка и др.).

Въ 3 часа мы были въ Харіузовой, гдѣ насъ самымъ радушнымъ образомъ привѣтствовалъ тойонъ и его люди. Извѣщенный заранѣе о моемъ прибытіи, онъ облачился въ парадный костюмъ — черную бархатную куртку и синіе полосатые штаны; рядомъ съ нимъ была его жена, тоже принарядившаяся въ голубое ситцевое платье. Онъ заставилъ меня зайти въ хорошенькую комнату своего очень опрятно выглядѣвшаго дома. Здѣсь все производило впечатлѣніе уютности и довольства. Лавки, полъ и окна содержались въ чистотѣ. Стоявшій передъ лавками столъ былъ покрытъ красной скатертью. На стѣнахъ висѣло нѣсколько картинокъ и даже маленькое зеркало. Въ углу на полкѣ стоялъ начищенный самоваръ съ наряднымъ чайнымъ сервизомъ. Словомъ, порядокъ и чистота были, положительно, поразительные. Скоро стала для меня понятной и причина такого благосостоянія. Дѣло въ томъ, что здѣсь никогда не бывало насильственного переселенія, и народъ споконъ вѣка жилъ на мѣстѣ, практично выбранномъ имъ самимъ. Власть имущіе какъ-то, къ счастью этихъ жителей, прозѣвали, да, пожалуй и забыли ихъ. И я замѣчалъ это постоянно въ Камчаткѣ, послѣдній разъ у палланцевъ, которые точно также, оставшись нетронутыми, жили въ своемъ мѣстѣ счастливо и въ достаткѣ. Всѣ поселенія, слишкомъ опекаемыя мѣстными властями, обнищали и часто населены хворымъ и вымирающимъ народомъ, между тѣмъ какъ не попавшіяся на глаза и забытыя находятся въ цвѣтущемъ состояніи.

Да и угощеніе было очень хорошо и, по старо-камчадалскому хлѣбосольству, обильно. Кушанья подавались на хорошихъ чистыхъ тарелкахъ и блюдахъ. Тутъ были хорошее, свѣжее масло и творогъ — продукты мѣстнаго скотоводства (стадо состояло изъ 40 коровъ и 15 лошадей), свѣжій, вкусный картофель и хорошая рѣдька, жаренныя форели и утки. Въ заключеніе подали чай, сервированный въ хорошихъ чашкахъ, на подносѣ.

На всемъ лежалъ такой лоскъ цивилизаціи, что почти можно было забыть, что находишься въ гостяхъ у камчадала.

Харіузова лежитъ на правомъ берегу большой, носящей тоже имя, рѣки, верстахъ въ 30 отъ впаденія ея въ море. Какъ уже сказано, рѣка эта впадаетъ вмѣстѣ съ другой — Бѣлоголовой — въ одну глубокую, обширную бухту, въ которой прежде даже становились суда на зимовку. Мѣстечко это порядочно обстроено, состоитъ изъ 19 домовъ и часовни и его населяютъ 70 мужчинъ и 73 женщины. Рѣка очень богата рыбой, а охотничьи угодья очень добычливы, что въ здѣшнихъ мѣстахъ много значитъ въ благосостояніи жителей. Послѣдовательность въ ходѣ рыбы здѣсь такова: первой появляется — какъ рѣдкость — чавыча съ каюркой, за ними идетъ, какъ главная проходная рыба, хайко, а затѣмъ — горбуша, кизучъ и голецъ.

11-го сентября. Отъ Харіузовой до Бѣлоголовой — 27 версть. Рано утромъ переправились мы чрезъ рѣку и опять пустились въ странствіе. Въ рѣчной галькѣ въ общемъ лишь очень рѣдко попадалась пористая вулканическая порода, судя по очень округленнымъ и ошлифованнымъ кускамъ, снесенная теченіемъ съ верху (должно быть, съ Тепаны). Больше всего было здѣсь обломковъ кремня, полевошпатовыхъ богатыхъ кремнеземомъ породъ, плотныхъ, темныхъ сланцовъ и базальтовъ.

Дорога шла сначала небольшимъ болотомъ, а затѣмъ волнистой мѣстностью, на которой чередовались ровныя, поросшія мхомъ и кедровникомъ, участки съ участками холмистыми. Холмы были очень высоки и густо покрыты березой, *Empetrum*, *Erica* и бѣлымъ мхомъ. Затѣмъ мы дошли до высокаго, поросшаго березой кряжа, который, въ видѣ водораздѣла между рр. Харіузовой и Бѣлоголовой, тянулся на востокъ къ одному изъ параллельныхъ Срединному хребтовъ, надъ которымъ возвышалось три, очень похожихъ на Элеуленъ, но гораздо менѣе высокихъ, пика. Наконецъ, передъ мѣстечкомъ Бѣлоголовой намъ пришлось еще пройти небольшую моховину съ кедровникомъ, и къ часу дня мы добрались до мѣста, передъ самымъ началомъ дождя. На

правомъ берегу, приблизительно въ 40 верстахъ отъ устья рѣки Бѣлоголовой, въ плоской и некрасивой мѣстности, стоятъ 8 домовъ, образующіе это селеніе; жителей въ немъ всего 23 мужчины и 22 женщины, скота — 15 коровъ и 3 лошади; огородничествомъ занимаются очень мало. Проходныя рыбы здѣсь — тѣ же самыя, что и въ Харіузовой. Мнѣ рассказали, что въ камняхъ мыса Бѣлоголоваго попадаются очень красивые, пестрые кремни, и показали даже образчики. Это были самаго разнаго рода и окраски агаты и халцедоны, откуда, какъ кажется, можно сдѣлать выводъ, что здѣсь, совершенно какъ на мысѣ Кинкилѣ, залегаютъ миндалевидныя породы, коихъ миндалины и пустоты выполнены самыми разнообразными цвѣтными кварцами. Далеко на западѣ поднимается надъ равниной, стоящая совершенно особо, Морошечная сопка — конусъ средней вышины, окруженный кучеобразнымъ скопленіемъ горъ, навѣрное, представляющій также поднятіе базальта.

12-го сентября. Выступить раннимъ утромъ намъ помѣшалъ сильный дождь, и только къ 10 часамъ, когда онъ прекратился, мы могли выѣхать къ Морошечной, до которой отсюда 50 верстъ. Въ рѣчной галькѣ базальтовыхъ обломковъ мнѣ попадалось очень мало, за то очень много — кусковъ глинистыхъ камней и песчаниковъ, которыхъ и залежи нашлись тутъ же, въ берегахъ. Мы перебрались за рѣку и поѣхали въ южномъ направленіи по волнистой мѣстности, гдѣ смѣняли другъ друга холмы съ березнякомъ, мѣста, покрытыя кочками, пустоши, моховины, луга, а небольшіе ручьи текли въ совершенно плоскихъ долинахъ. Березовые лѣски занимаютъ, какъ острова, холмы болѣе высокіе, холмы пониже — заросли кедровникомъ, а совсѣмъ низкіе покрыты моховыми кочками. Нѣкоторые изъ ручьевъ были очень глубоки, и чрезъ нихъ были перекинуты до того примитивные мосты, что только какимъ-то чудомъ лошади переходили по нимъ, не ломая ногу.

Осень сдѣлала уже большіе успѣхи: листь съ деревьевъ уже большею частію опалъ, а трава пожелтѣла и полегла. Морошеч-

ная сопка виднѣлась и отсюда далеко на западѣ среди ровной мѣстности. Со своими придаточными горами она стоитъ близко къ морю и образуетъ водораздѣлъ между рр. Морошечной и Бѣлоголовой. И здѣсь тоже находятъ цвѣтные кварцы, а значить, и здѣсь основную породу, навѣрное, опять-таки составляютъ базальтъ и миндалевидный камень.

Несмотря на ранній часъ дня и хорошую погоду, намъ пришлось изъ-за плохихъ лошадей, проѣхавъ уже значительно болѣе половины пути, сдѣлать стоянку на опушкѣ одного березоваго лѣса.

13-го сентября. Было сухо, но такъ пасмурно и туманно, что даль была скрыта отъ насъ. Рано утромъ мы сѣли на лошадей и послѣ быстрой ѣзды по сухому участку уже къ 9 часамъ доѣхали до мѣстечка Морошечной. Последняя лежитъ на высококомъ, состоящемъ изъ пластовъ песчаника, правомъ берегу рѣки того же имени, къ которому съ юга примыкаетъ большой, прекрасный лугъ. Отъ мѣстечка до устья рѣки сухимъ путемъ 60 верстъ, рѣкой—150 верстъ, а, считая по прямой линіи, всего 30 верстъ. Отъ селенія рѣка беретъ направленіе болѣе къ сѣверу, къ устью Бѣлоголовой, отъ котораго отстоитъ при впаденіи своемъ въ море всего въ 15 верстахъ и отдѣлена Морошечной сопкой.

Въ Морошечной 13 домовъ; жителей—41 человѣкъ м. п. и 33 женскаго; скота — 7 лошадей и 30 коровъ. Объ огородничествѣ почти не стоитъ и упоминать. Порядокъ хода рыбы опять тотъ же, что и въ послѣднихъ изъ названныхъ рѣкъ. Въ томъ, что мнѣ подали къ столу, ничего огороднаго, даже картофеля, не было, зато къ жареной рыбѣ дали разныхъ вареныхъ клубней. Кромѣ знакомой мнѣ сарапы (*Fritillaria Kamtschatica*), здѣсь были луковицы цвѣтущей желтыми цвѣтами овсянки (*Lilium avenaceum*), а также востроножка и однолистка, которыя по виду и вкусу юхожи на кемчигу, но, какъ кажется, относятся къ лилейнымъ.

Такъ какъ было еще рано, а свѣжія лошади стояли уже готовыми, и погода обѣщала быть благопріятной, то мы сейчасъ же собрались въ путь на Сопочную, до которой отсюда 70 верстъ. Въ 3 часа мы сѣли на коней, проѣхали первыя версты четыре

болотомъ, а затѣмъ, когда начался дождь, добрались до тянущагося на дальнее разстояніе березоваго лѣса (*B. Ermani*), и, проѣхавъ его, въ самомъ концѣ разбили свою палатку.

14-го сентября. Погода была хорошая, но дорога, все въ южномъ направленіи, сначала шла ужасной топью. Намъ пришлось много идти пѣшкомъ по грязи и трясинѣ, а если ѣхать, то шагомъ. Много неглубокихъ ручьевъ пересѣкало дорогу и всѣ они были до того набиты истомленной рыбой (кизучами), что лошади иной разъ давили ее ногами. Здѣсь опять появились слѣды медвѣдей и частые остатки ихъ обѣдовъ. На одномъ изъ ручьевъ мы встрѣтили много обывателей Сопочной, которые пришли сюда на ловъ рыбы вмѣстѣ со своими лошадьми. Такъ какъ лошади мнѣ были крайне нужны, я долженъ былъ взять ихъ съ собою. Мы поднялись теперь на невысокій кряжъ, заканчивающійся на западѣ, близъ моря, довольно высокой сопкой, а на востокѣ другой, такой же. Эта, тянущаяся отъ Срединнаго хребта къ морю (приблизительно съ востока на западъ), возвышенность проходитъ между обѣими рѣками Сопочными и отдѣляетъ ихъ одну отъ другой. Дѣло въ томъ, что р. Сопочная состоитъ, собственно, изъ двухъ рѣкъ, соединяющихся другъ съ другомъ недалеко отъ ихъ общаго устья и имѣющихъ водораздѣломъ именно только что упомянутый кряжъ. Сѣверная, болѣе длинная, Хикигенъ, беретъ начало въ Срединномъ хребтѣ, тогда какъ южная, меньшая, Сужъ, текущая въ разстояніи около 15 верстъ отъ первой, выбѣгаетъ изъ близъ лежащихъ горъ.

Падающей къ югу луговой долиной мы спустились къ Хикигену, въ берегахъ котораго я нашелъ залеганіе опять темно-цвѣтнаго мергелистаго песчаника. У рѣки стояли балаганы и одна маленькая изба обывателей Сопочной, которые занимались здѣсь ловомъ рыбы и перевезли насъ на другой берегъ. Луговая долина, о которой я только что сказалъ, представляла для меня неожиданное зрѣлище: первый разъ я увидѣлъ красивый медвѣжій корень (*Angelica*), который, должно быть, здѣсь имѣетъ сѣверную границу распространенія. Хотя осень уже сильно поубавила растеній, все-таки весь лугъ былъ покрытъ, какъ лѣсомъ, гигантскими

стеблями этого красиваго декоративнаго зонтичнаго растенія. Большихъ вѣрообразныхъ листьевъ уже не было, или они свѣшивались, уже поблекшіе и засохшіе, внизъ, и только большіе зонтики съ сѣменами еще стояли прямо на вершинѣ растенія. По всему лугу торчали высокіе, до 10 фут., и толщиною въ руку, стволы. Киттлицъ въ своихъ картинахъ «*Vegetationsansichten*» далъ красивую, хотя точно также осеннюю, картину этого великолѣпнаго растенія и полагаетъ, что его нужно отнести къ роду *Angelica*. Названіе «медвѣжій корень» происходитъ отъ того, что будто медвѣди, какъ увѣряютъ мѣстные жители, пользуются при пораненіяхъ корнями этого растенія, какъ лѣкарствомъ. Говорятъ, будто они ихъ выкапываютъ, прикладываютъ къ нимъ пораненными частями тѣла и трутся объ нихъ. (Это *Angelophyllum ursinum* Rupt.).

Проѣхавъ быстро по сухой мѣстности чрезъ упомянутый водораздѣлъ и чрезъ пару небольшихъ ручьевъ, мы прибыли въ 5 часовъ ко второй изъ образующихъ Сопочную рѣку, — къ Сужу, а на правомъ ея берегу лежитъ и самое мѣстечко Сопочная. 10 домовъ хорошо построены и красиво расположены у рѣки, въ привлекательной мѣстности. Жители (30 мужчинъ и 36 женщинъ), кажется, живутъ недурно; хозяйство ихъ представлено довольно большими огородами, 45 коровами и 5 лошадьми. Охота даетъ хорошую наживу, также какъ и ловъ проходной рыбы, которой здѣсь очень много; породы ея и порядокъ хода тѣ же самыя, въ тѣхъ-же количествахъ, что и въ ранѣ упомянутыхъ рѣкахъ. Самое низовье р. Сопочной (по соединеніи Хикигена и Сужа) направляется къ сѣверу, по направленію къ устью Морочечной, и устье удалено отъ мѣстечка на 60 верстъ, между тѣмъ какъ до моря напрямки считаютъ всего 37.

Тойонъ, крѣпкій, толковый человѣкъ, пользующійся репутаціей отличнаго охотника, представился мнѣ въ очень пестромъ нарядѣ, походившемъ почти на фантастическій маскарадный костюмъ, и принялъ участіе во всѣхъ угощеніяхъ, а особенно въ чаепитіи. Онъ былъ очень словоохотливъ, и я могъ позаимство-

ваться изъ его разсказовъ кое-чѣмъ и интереснымъ. Онъ проводилъ здѣсь границу между нарѣчіемъ камчадаловъ Пенжинскаго берега на сѣверѣ и нарѣчіемъ курильскихъ камчадаловъ на югѣ, относя Сопочную еще къ первой группѣ, — границу, которую прежде большею частію относили болѣе на югъ, до Оглукомини. Во всякомъ случаѣ жители Курильскихъ острововъ, айны, оказали значительное вліяніе на языкъ камчадаловъ южной части полуострова. Что въ до-русскія времена здѣсь были смѣшанные браки и торговля дѣла съ аинами, а чрезъ посредство послѣднихъ сношенія и съ Японіей, это признается здѣсь всѣми и много и часто приходится объ этомъ слышать.

Изъ продуктовъ минеральнаго царства и здѣсь тоже есть цвѣтные кварцы, находимые въ большомъ количествѣ въ миндалевидной породѣ и идущіе на кремни. Кромѣ того, здѣсь есть еще очень бѣлая, прекрасная глина, которую употребляютъ для бѣленія комнатъ. Наконецъ, здѣшніе жители готовятъ очень прочную краску для окраски оконъ и дверей, растирая на рыбьей икрѣ измельченную въ порошокъ сферосидеритовую или охровидную породу. Сферосидеритъ встрѣчается здѣсь въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ и на устьѣ Тигиля, и точно также содержитъ много остатковъ растений. Красивыя, очень большія пластины слюды, которыя вставлены вмѣсто стеколъ въ оконныя рамы въ Сопочной и многихъ другихъ селеніяхъ, — не камчатскаго происхожденія; ихъ привозятъ торговцы изъ Сибири, съ береговъ Витима.

Бѣлая сопка, она же — Ичинская, самый высокій и выдающійся пупокъ всего Срединаго хребта, видна отсюда въ ясную погоду; къ сожалѣнію, въ этотъ разъ ея не было видно. Отъ этого важнѣйшаго кряжа всей страны открываются во всѣ стороны проходы и рѣчныя долины. Здѣсь находятся, говорятъ, и истоки Тигиля. Точно также здѣсь берутъ начало рр. Харіузова (Плеханъ), Сопочная, Ича и впадающія въ р. Камчатку — рр. Камю, Кыргана и Кямитина. Истоки Бѣлоголовой, Моршечной, а отчасти и Хикигена, лежатъ, собственно, въ западныхъ предгорьяхъ Срединаго хребта и въ параллельныхъ ему кряжахъ.

Ичинская сопка, со своею окрестностью, принадлежит къ богатѣйшимъ въ отношеніи охоты мѣстамъ Камчатки. Здѣсь бродятъ стада сѣверныхъ оленей и каменныхъ барановъ (аргали), и водится очень много всякаго пушнаго звѣря (соболей, лисицъ, медвѣдей и др.), а многіе горныя ручьи, особенно осенью, переполнены лососевыми рыбами. Глушь широко раскинувшейся горной природы и удаленность отъ всякаго человѣческаго жилья чрезвычайно благопріятствуютъ размноженію животныхъ. Только въ послѣднее время богатства эти привлекли къ себѣ большесъ вниманіе. Между тѣмъ какъ прежде въ это охотничье Эльдorado пробирались только отдѣльные охотники изъ камчадаловъ, въ послѣдніе десятки лѣтъ сюда явилось, какъ уже я упоминалъ не разъ, съ западнаго берега Охотскаго моря кочевое тунгусское племя ламутовъ; сначала это были единичные выходцы, затѣмъ число ихъ скоро возросло, а теперь, говорятъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ у Ичинской сопки стоитъ восемь чумовъ этого племени съ немалымъ населеніемъ.

15-го сентября. Насъ задержалъ дождь, и только въ 12 часовъ мы тронулись далѣе, въ Ичу, отстоящую отсюда на 52 версты. Первымъ дѣломъ мы переправились чрезъ Сужь, затѣмъ прошли иѣшкомъ часа 3 по трясинѣ и по болоту, достигли березоваго лѣса (*B. Ermani*), и поѣхали краемъ его, болѣе высокимъ и болѣе сухимъ. Дальше пошли въ перемежку болотца да березовыя лѣски, въ которыхъ мы иѣсколько разъ натыкались на стаи глухарей, достигающихъ здѣсь, должно быть, сѣверной границы распространенія, и наконецъ мы пришли къ Кишуну, глубокой рѣкѣ, впадающей въ море. Эта быстрая рѣка на столько глубока, что при переѣздѣ черезъ нее вода доходила до сѣдла. Рыба шла въ изумительномъ множествѣ, и потому по берегамъ было видно много пирующихъ медвѣдей. Сытые звѣри при нашемъ приближеніи пускались въ бѣгство; однако намъ удалось, къ радости нашихъ проводниковъ, уложить двухъ довольно большихъ медвѣдей. Проѣхавъ еще небольшое болото и березовый лѣсъ (*B. Ermani*), мы очутились на берегу довольно большой

и тоже глубокой рѣки Зайчика, впадающей въ р. Ичу не очень далеко отъ ея устья. Здѣсь остановились на ночлегъ. Я обратилъ вниманіе, что съ Сопочной, повидимому, совсѣмъ исчезъ кедръ, до этого мѣста бывшій постояннымъ нашимъ спутникомъ.

На берегахъ Зайчика третичная формація явилась опять въ полномъ своемъ развитіи. Въ правомъ берегу было два пласта бурога угля, мощностью до 2 футовъ, отдѣленные одинъ отъ другого жирной глиной и на ней же лежащіе. Ниже находящіяся отложенія были покрыты водой. На углѣ залегалъ 3—4 дюймовый слой сферосидеритообразной, очень богатой растеніями, породы, вполне похожей на таковую у Тигиля. Листья и стебли тополя и ольхи и ольховыя сережки находились въ изобиліи въ этомъ тонкомъ слоѣ. Тутъ же нашлась пара раковинокъ (*Palmidina* или *Limnaea*), говорившихъ въ пользу прѣсноводнаго характера отложеній; во всякомъ случаѣ этотъ слой былъ совершенно иной, чѣмъ раковинные слои подъ Воямполкой и Кавраномъ. Все это было покрыто сверху слоемъ гальки въ 3 сажени толщиной, въ которой роль главной части играли обломки базальтовъ и трахитовъ. Общая высота берега достигала 4—5 сажень.

16-го сентября. Ночь была очень ясная и очень холодная, почему вода въ рѣкѣ сильно спала и облегчила намъ переправу. Намъ пришлось опять большею частію брести по болотамъ, перебираться чрезъ ручьи и ѣхать небольшими сухими березовыми лѣсками, а подъ Ичей еще перейти довольно скверное болото; въ Ичу мы попали къ 12 часамъ. И на сегодняшнемъ пути не попало также ни одного кедра. Вся мѣстность была плоска и пустынна, только далеко на востокѣ мы увидѣли отсюда въ первый разъ Срединный хребетъ въ видѣ крутыхъ горъ и ихъ вершинъ.

Селеніе Ича лежитъ на правомъ берегу рѣки того же имени, которая здѣсь течетъ, разбившись на три рукава. Рѣка эта — положительно одна изъ самыхъ большихъ и значительныхъ на всемъ западномъ берегу Камчатки, но при этомъ носитъ характеръ настоящихъ горныхъ потоковъ, въ которыхъ количество

воды поразительно быстро мѣняется, смотря по погодѣ. До ея устья отъ селенья сухимъ путемъ 20, а водой 30 верстѣ. Когда мы прѣѣхали, всѣ еще спали, вмѣсто того, чтобы работать и готовиться къ зимнему житью. Этому вполнѣ отвѣчало здѣсь и все прочее. Жаловались на недостатокъ пищевыхъ средствъ, а рѣка все еще была полна рыбой. 8 домовъ и церковь имѣли ветхій и безпорядочный видъ. За маленькими огородами, видно было, ухаживали плохо. Жители (26 мужчинъ и 31 женщина) производили грустное впечатлѣніе людей нездоровыхъ; у нихъ 36 коровъ и 3 лошади. Въ прежнее время, говорятъ, здѣсь жилось лучше, и не было недостатка въ физическомъ и матеріальномъ благосостояніи. Мнѣ рассказывали, что вслѣдствіе излишка рогатаго скота, много его угнали за хребетъ, въ Милкову, куда онъ приходитъ на 17-ый день; при этомъ пользовались переваломъ съ истоковъ Оглукоминой на истоки Кырганы.

Послѣдовательность въ ходѣ рыбы здѣсь почти та же, что и въ упомянутыхъ выше рѣкахъ: первой появляется — какъ рѣдкость — чавыча вмѣстѣ съ каюркой, а за ней идетъ «густая рыба», въ составъ которой входятъ хайко, горбуша, кизучъ; семга остается въ низовьяхъ.

17-го сентября. Разстоянія отъ Ичи до Облуковиной — 40 верстѣ. Уже въ 6 ч. утра мы переправились чрезъ р. Ичу, галька которой состоитъ изъ обломковъ толсто-сланцеватаго темнаго глинистаго сланца, кремней, трахита и нѣсколько пористой лавы. Теченіе было умѣренное. Первая половина пути пролегала плоской, болотистой мѣстностью, съ маленькими, островными березовыми лѣсками, въ которыхъ было болѣе сухо. Вторая — шла чрезъ холмистыя, поросшія березой, гряды съ длинными луговыми долинами между ними, по дну которыхъ струились небольшіе ручейки. Всѣ они стекаютъ въ Ичу и принадлежатъ рѣчной системѣ, идущей почти до Оглукоминой. Передъ самой Оглукоминой намъ опять пришлось перейти болото, за которымъ мы и попали на эту глубокую, раздѣленную на много рукавовъ, рѣку. По берегамъ далеко тянулся густой кустар-

никъ изъ ивы, ольхи, березы и *Sambucus*, который мѣстные жители называютъ тальникомъ. Здѣсь Срединный хребетъ лежитъ еще ближе и въ немъ видны большія ворота — широкая долина, чрезъ которую прорывается рѣка, и гдѣ лежитъ излюбленный перевалъ въ долину р. Камчатки, на Милкову и Кыргызникъ, — перевалъ, который былъ въ большомъ ходу въ старину, когда страна была еще густо населена.

Мѣстечко Оглукомина лежитъ въ 30 верстахъ отъ устья рѣки того же имени, на лѣвомъ ея берегу. Въ немъ 9 домовъ, жителей—32 человекъ м. п. и 25—ж. п., 35 коровъ, 3 лошади и плохіе огороды. Проходныя рыбы тѣ же самыя, что въ Ичѣ. Санитарное состояніе, повидимому, и здѣсь было крайне дурное, такъ какъ, папримѣръ, тойонъ лежалъ больной, сплошь покрытый ужаснѣйшими ранами.

18-го сентября. Погода была ясная и подморозило такъ, что всѣ лужи покрылись льдомъ. Рано утромъ мы сѣли на лошадей и поѣхали низменной, волнистой мѣстностью. На пути попадались невысокія цѣпи холмовъ, между которыми бѣжали ручьи съ востока на западъ, и березовые лѣски. Кедръ отсутствовалъ и здѣсь, а по опушкамъ лѣса былъ замѣненъ кустарникомъ рябины. Обнаженій горныхъ породъ здѣсь не было видно; только на одномъ ручьѣ попался выходъ прекрасной бѣлой глины. Въ 1 ч. дня мы прибыли на Садапъ, глубокій притокъ р. Крутогоровой, гдѣ на нашу бѣду не оказалось батовъ, которыхъ вообще во всей Камчаткѣ очень рѣдко не бываетъ на глубокихъ рѣкахъ, вдали отъ жилья. Изъ-за этого вышла немалая задержка. Вода доходила лошадямъ до спины и намъ пришлось переправлять свою кладь по одной штукѣ, держа высоко надъ собой, а для этого — много разъ переѣзжать глубокую рѣку. Пройдя еще небольшое пространство по южному берегу этой рѣки, мы дошли до прибрежнаго кустарника р. Крутогоровой, того же характера, что и на Оглукоминой. На лѣвомъ ея берегу, верстахъ въ 15 отъ моря, лежитъ селеніе Крутогорова, состоящее изъ 5 домовъ съ населеніемъ изъ 21 мужчины и 24 женщинъ. Лошадей здѣсь не было вовсе, коровъ—19.

Рѣка, мощный горный потокъ, такъ вздулась отъ шедшихъ въ послѣдніе дни дождей, что выступала изъ береговъ; теперь она снова сдѣлалась совершенно неглубокой. И здѣсь все еще рыба шла во множествѣ — тѣ же виды и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Оглукоминой. Рѣчная галька представляла пеструю смѣсь породъ, которыя, повидимому, свидѣтельствовали, что рѣка получаетъ ее изъ южной части Срединнаго хребта. Древне-вулканическія породы попадались сравнительно рѣдко, а преобладали слюдяные и глинистыя сланцы, даже мелкозернистыя граниты съ кремнями, а также породы, содержащія слюду и роговую обманку.

Хотя отъ Оглукоминой до Крутогоровой мы проѣхали всего 22 версты, однако остались здѣсь, такъ какъ тойонъ обѣщалъ показать вечеромъ камчадалскія пляски. Въ 6 часовъ вечера комната наполнилась гостями. Явился оркестръ, состоявшій изъ скрипки, балалайки и своеобразнаго духового инструмента, сдѣланнаго изъ довольно толстой тростины (*Strandhafer*), на которомъ играли, какъ на кларнетѣ. Затѣмъ выступили 5 женщинъ, въ качествѣ главныхъ артистокъ. Послѣ того, какъ всѣмъ подали чай, началась музыка, которая состояла, собственно, изъ длиннаго ряда диссонансовъ и возбуждала смѣхъ. Сначала сплясали мужчины пару танцевъ, представляющихъ скверныя копіи русскихъ; затѣмъ 5 дамъ стали въ кругъ и завертѣлись подъ болѣе веселую музыку. Онѣ пододвинулись другъ къ другу близко, подтягивали музыкѣ и какъ-то особенно быстро и сильно поводили то верхней, то нижней частью тѣла. Ничего красиваго и привлекательнаго въ этой пляскѣ, такъ называемой «каюкъ — баба», не было, и пріятнѣе всего было то, что неграціозныя кривлянія тѣла скоро прекратились. Другаго танца, «бахіи», въ прежнее время бывшей здѣсь въ большомъ ходу, не плясали. Мнѣ сказали, что женщины отказались отъ исполненія этой пляски, да и не безъ резона, такъ какъ это — собственно музыкальная пантомима, въ которой изображается въ лицахъ любовный пылъ влюбленной парочки медвѣдей.

И отсюда есть удобные проходы чрезъ Срединный хребетъ въ долину Камчатки, именно на Верхне-Камчатскъ, Шарому и Пущину, — проходы, которые теперь, когда население полуострова сильно убыло въ численности, посѣщаются уже далеко не такъ часто, какъ въ былыя времена.

19-го сентября. Такъ какъ въ Крутогоровой вовсе не было лошадей, то мнѣ пришлось, чтобы доѣхать до ближайшаго селенія, Компаковой, отстоящей на 32 версты, пользоваться вчерашними, и я послалъ ихъ впередъ сухимъ путемъ на устье, а самъ рѣшилъ спуститься по рѣкѣ на батахъ. Погода была превосходная. Бойко поплыли мы очень извиистой рѣкой къ ея устью, куда я и прибылъ въ 9 ч. утра; лошадей, которыя шли тихо, пришлось подождать еще 2 часа. Берега рѣки большею частію низменны и поросли ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ. Лишь въ одномъ мѣстѣ, близъ мѣстечка Компаковой, правый берегъ поднимается до вышины приблизительно въ 100 фут., обнаженъ на значительномъ пространствѣ, и въ этомъ обнаженіи выступаютъ на дневную поверхность третичныя наслоенія почти совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ подъ Седанкой; въ самомъ низу — сѣро-бурая глина съ каменистымъ сложеніемъ, на ней 3 фута бураго угля, покры-

таго тонкимъ слоемъ сферосидеритовыхъ желваковъ съ остатками растений, затѣмъ мощные слои свѣтлаго песчаника, а поверхъ всего большія массы гравія и хряща. Здѣсь, повидимому, было на лицо послѣднее обнаженіе третичныхъ отложеній, которыя, уже вачиная съ Ичи, появляются все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ. Теперь, при ясномъ небѣ и горизонтѣ, отсюда можно было осмотрѣть мѣстность на далекое разстояніе во всѣ стороны. Отъ Срединнаго хребта до моря и на югъ, какъ

только хваталъ глазъ, она является совершенно ровной. Берегъ моря имѣеть ясно выраженное направленіе съ сѣвера на югъ и состоитъ изъ очень твердаго, широкаго, сверху плоско-округленнаго вала изъ дресвы и песку (т. наз. «кошка»), очень круто падающаго къ водѣ, почему море уже у самага берега имѣеть значительную глубину; а со стороны материка къ этому валу примыкають большею частію моховыя тундры. Какъ и упомянутыя выше образованія этого рода, такъ точно и эта кошка, сбитая силою морскихъ волнъ изъ обломковъ самыхъ различныхъ породъ съ пескомъ и глиной въ плотную твердую массу, тянулась почти безъ перерыва далеко на югъ полуострова и играла важную роль въ отношеніи устьевъ всѣхъ, начиная отсюда, рѣкъ. Только на востокѣ сплошная равнина ограничена Срединнымъ хребтомъ, который здѣсь лежитъ не особенно далеко и становится уже менѣе высокимъ. На него сегодня, благодаря очень ясному небу, открывался отсюда роскошный видъ. На 57° къ сѣверо-востоку возвышалась надъ зубчатымъ гребнемъ хребта великолѣпная Ичинская сопка (она же — Бѣлая сопка; по-камчадалски Колхонъ). Высота красиваго, нѣсколько усѣченнаго, въ настоящее время совсѣмъ недѣятельнаго, вулканическаго конуса исчислена Эрманомъ въ 16,920 фут.; такимъ образомъ, это —

Бѣлая или Ичинская сопка.

самая высокая гора не только Срединнаго хребта, но и всего Камчатскаго полуострова, такъ какъ она на нѣсколько сотъ футовъ выше Ключевской сопки. Сряду къ югу отъ этого блиставшаго теперь снѣгомъ вулканическаго колоса хребетъ представляетъ крутыя и рѣзкія острія и зубцы; точно также у истоковъ Крутогоровой, лежащихъ отсюда на 96° къ востоку, поднимается крутой горный массивъ. Въ общемъ мѣстность падаетъ во всѣхъ на-

правленіяхъ отъ Ичинской сопки и, какъ уже выше сказано, съ этого высочайшаго водораздѣла всей страны открываются по всѣмъ сторонамъ проходы и рѣчныя долины.

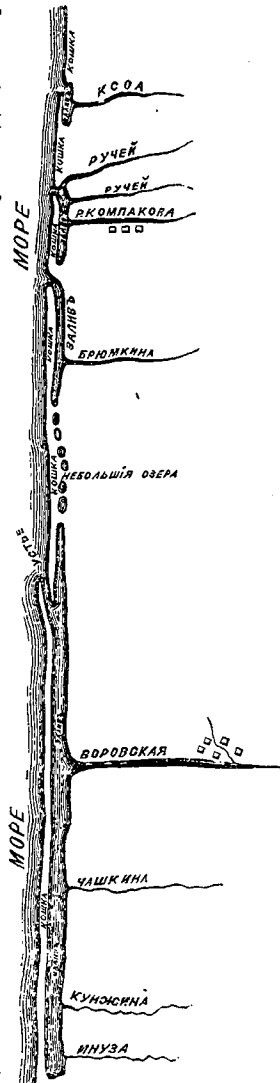
Между тѣмъ какъ весь сѣверъ Срединнаго хребта, до Ичинской сопки, состоитъ безъ исключенія изъ базальтовъ, трахитовъ, а также, конечно, и вулканическихъ породъ, поднявшихъ и нарушившихъ третичныя отложенія, южная часть этой длинной горной цѣпи характеризуется въ особенности древними плутоническими образованіями, каковы порфиры и породы гранитныя и сіенитовыя, которыя, съ своей стороны, прорвали древніе сланцы, глинистый и слюдяной. Близъ южной границы этихъ двухъ большихъ геологическихъ системъ возвышается Ичинская сопка, какъ самый южный вулканъ собственно Срединнаго хребта.

Поджидая при устьи Крутогоровой лошадей, я заинтересовался нѣсколькими колоссальными китами, которые добродушно потирались своими гигантскими тушами о крутой спускъ кошки и окачивались прибоемъ. Они имѣли, по меньшей мѣрѣ, сажень 7—8 въ длину; спинного плавника у нихъ не было, а голова была очень широка. Темно-сѣрое тѣло ихъ было все покрыто всякими паразитными ракообразными, такъ что выглядѣло, благодаря свѣтлой окраскѣ послѣднихъ, пестрымъ. Тревожимые паразитами животныя, повидному, и старались отъ нихъ избавиться треніемъ объ острые камни-хрящи кошки. Такъ какъ ротъ былъ закрытъ и воды въ его полость не попадало, то вслѣдствіе этого при выдыханіи воздуха, происходящемъ съ громадной силой и сопровождаемомъ сильнымъ, глухимъ басовымъ звукомъ, выбрасывалась лишь распыленная слезъ. Киты плавали и валялись всего саженьяхъ развѣ въ 4 отъ берега. Нѣсколько пущенныхъ мною выстрѣловъ заставили животное, которое я ранилъ, испустить ревъ низкаго тона и быстро кинуться сильными скачками въ глубь моря, всплывая воду ударами гигантскаго плеса.

Только къ 11 час. мы тронулись съ устья Крутогоровой, самымъ берегомъ моря, по кошкѣ, далѣе на югъ. Первое, что

попалось намъ на пути, былъ мертвый, выброшенный на берегъ тюлень. Это былъ большой *Ph. nautica*, имѣвшій въ длину болѣе 6 фут. Далѣе мнѣ опять пришлось неразъ видѣть китовъ совсѣмъ близко къ берегу, но уже не такъ ясно, такъ какъ прибой усилился и животныя охотно шли въ самые сильные буруны. Вслѣдъ затѣмъ намъ представилось зрѣлище, совершенно необычное. Съ юга на сѣверъ, едва саженьяхъ въ 2—3 отъ берега, шло большое стадо *Delphinus Leucas*. Еще издали мы обратили вниманіе на особенный сильный шумъ отъ выбрасываемыхъ фонтановъ и на вспѣнную массу животныихъ воду и пріостановились, чтобы посмотрѣть поближе на это удивительное явленіе. Минуть семь довольно быстро тянулись мимо насъ дельфины полосой шире, чѣмъ 2 сажени. Тутъ ихъ было, должно быть, много сотенъ; каждый отдѣльный звѣрь производилъ очень проворныя движенія. Рядомъ съ настоящимъ прибоемъ о кошку, казалось образовалась сейчасъ же другая черта прибоя, въ которой съ очень большой быстротой поочередно то высывались, то уходили подъ воду большія бѣлыя тѣла этихъ животныихъ.

Безъ конца тянется на югъ береговая гряда, которой мы теперь безостановочно слѣдовали. Передъ устьями 'рѣкъ и близъ нихъ эта гряда—«кошка»—превращается въ настоящую косу; между ней

и материкомъ образуются длинныя, наполненныя рѣчной водою заливы, которые тамъ и сямъ прорываютъ ее и даютъ такимъ образомъ стокъ рѣкѣ въ море. Устья эти постоянно перемѣщаются то туда, то сюда; то сильныя бури замоютъ и засыплютъ имѣющіеся протоки, то запруженная рѣчная вода прорвется въ новомъ мѣстѣ. Миновавъ устье небольшой береговой рѣчки Ксоа, передъ которымъ находится небольшой заливъ съ косою, мы прибыли въ 4 часа на протокъ р. Компаковой. У этой рѣчки кошка прорвана къ морю близъ сѣвернаго конца залива. На заготовленныхъ батахъ мы переправились чрезъ этотъ протокъ и довольно долго ѣхали по косѣ между моремъ и заливомъ до того мѣста, противъ котораго впадаетъ въ заливъ Компакова. Заливъ тянется еще далеко къ югу длиннымъ мѣшкомъ. Намъ пришлось, передохнувъ здѣсь немного, объѣхать его, такъ какъ на косѣ рѣшительно не было пастбища усталымъ лошадямъ. Коса имѣла здѣсь около 100 сажень въ ширину и была почти совсѣмъ лишена растительности; только кое-гдѣ пробивались изъ плотной хрящевой почвы горошекъ, немного песочнаго овса (*Strandhafer*), да какое-то маленькое ползучее растеньице съ сочными листьями и голубыми цвѣтами. Наконецъ, на южной оконечности залива нашлось пастбище, и мы устроились здѣсь на стоянку. Далекое на сѣверо-востокѣ видѣлась надъ горами одѣтая снѣгомъ Ичинская сопка. Пустынно и мертвенно — ни деревца, ни кустика — выглядѣлъ нашъ станъ; только одинъ песецъ (*Canis lagopus*) подошелъ, было, къ лагерю, да сейчасъ же и убрался.

20-го сентября. Тяжелыя тучи, гонимыя бурей, пелись надъ нами. Мы живо собрались, чтобы попасть въ Компакову до угрожавшаго дождя. Отъ южнаго конца залива намъ пришлось ѣхать опять къ сѣверу. Ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ, чрезъ большіе луга, на которыхъ стояло уже много готовыхъ стоговъ сѣна, мы добрались наконецъ въ 11 часовъ въ Компакову, гдѣ намъ сейчасъ же сообщили очень непріятное извѣстіе: 4 лошади — всѣ, сколько здѣсь было — были забраны обывателями

съ собой на охоту, далеко въ горы, и могли вернуться, въ лучшемъ случаѣ, только чрезъ нѣсколько дней. Гдѣ находились охотники, узнать было нельзя, и такимъ образомъ, мнѣ не оставалось ничего иного, какъ тотчасъ же отправить нарочнаго въ ближайшее отсюда къ югу селеніе, въ Воровскую, и заказать выслать лошадей сюда. До Воровской—34 версты, однако я все-таки не ожидалъ, что придется потерять здѣсь такъ много дней: лошади явились только 22-го. Пока жилъ здѣсь, погода была сквернѣйшая, бурная и дождливая, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, можно было утѣшаться, что такая непогода не застала меня въ дорогѣ.

Селеніе Компакова лежитъ на лѣвомъ берегу одноименной съ нимъ рѣки, верстахъ въ 5 отъ впаденія ея въ заливъ. Общая длина послѣдняго, говорятъ, болѣе 20 верстъ. Жители утверждали, что въ настоящее время протоки заливовъ всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ чрезъ расположенную предъ ними косу подвигаются все болѣе и болѣе къ сѣверу, между тѣмъ какъ прежде прорывы въ косахъ образовывались болѣе къ югу, гдѣ теперь остались только длинные, мѣшковидные заливы. Существуетъ ли извѣстная періодичность въ этой своеобразной миграціи устьевъ, и какія она могла бы имѣть основанія и причины, я не могъ дознаться.

Въ селеніи 13 домовъ и часовня, принадлежащая къ ичинской церкви, приходъ которой распространяется отъ Харіузовой до Воровской и имѣетъ священника въ Ичѣ. Жителей числится здѣсь 47 человѣкъ мужчинъ и 55 женщинъ; у нихъ 45 коровъ и 4 лошади; огороды даютъ довольно хорошій сборъ. Прозводныя рыбы и здѣсь опять тѣ же самыя, что и въ выше названныхъ рѣкахъ. Названіе селенія происходитъ отъ имени одного древняго героя, Компака, который въ до-русскія времена совершалъ здѣсь чудеса храбрости и смѣлости. Во время открытія морского пути изъ Охотска въ Камчатку (въ 1716 г. Соколовымъ и Гейнрихомъ Бушемъ), говорятъ, въ устьѣ рѣки присталъ корабль и здѣсь перезимовалъ.

Въ рѣчной галькѣ совершенно отсутствовали вулканическія породы, и на лицо были лишь представители болѣе древнихъ формаций, которые не оставляли сомнѣній относительно преобладанія этихъ породъ въ южной части Средняго хребта. Это были окатыши и обломки гранита, сіенита, слюдянаго сланца, гнейса и глинистаго сланца, проросшаго бѣлымъ кварцемъ, породъ полевошпатовыхъ, рогово-обманковыхъ и слюдистыхъ.

Непривѣтливы, мрачны были дни, проведенные мною здѣсь. Ни дома, ни внѣ дома не было ничего, достойнаго примѣчанія. Только вѣтеръ выль, да дождь хлесталъ въ затынутыя рыбьею кожей и медвѣжьими кишками окна, студилъ комнату и нагонялъ сырость. 22-го погода стала лучше и подала мнѣ надежду совершить путь въ 34 версты до Воронской.

23-го сентября. Погода выдалась отличнѣйшая, и рано утромъ мы были уже въ пути. На батахъ мы спустились по рѣкѣ въ заливъ, а по нему проѣхали въ его южный конецъ, гдѣ насъ уже ждали лошади. Берега извилистой рѣки плоски и поросли ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ, а у залива — берегъ со стороны материка представляетъ мѣстность, покрытую мхомъ, а со стороны моря образованъ голой, лишенной растительности, косой, сажень въ 80 шириною.

Проѣхавъ всего версты 2 отъ южнаго конца Компаковскаго залива, мы переправились на заготовленныхъ батахъ чрезъ глубокій протокъ лагуны р. Брюмкиной, небольшой самостоятельной береговой рѣки, и поѣхали къ югу вдоль Брюмкинской косы, длина которой, до конца залива, около 10 верстъ. Отъ южнаго конца Брюмкина залива мы проѣхали далѣе еще 5 верстъ опять той же крѣпкой песчаной дамбой у самаго моря, но теперь уже по другую сторону насъ залива не было. На этомъ протяженіи его мѣсто заступала совсѣмъ узкая, очень болотистая, полоса земли, съ рядомъ удлиненныхъ озерковъ и лужъ. Это были, конечно, послѣдніе слѣды стараго, засорившагося и заросшаго рѣчного ложа. Только въ одномъ мѣстѣ, на небольшомъ протяженіи, гдѣ почва была выше, озерковъ этихъ не было, а дальше они пошли опять. Скоро

мы доѣхали до мѣшковиднаго залива; тянущагося на сѣверъ и принадлежащаго уже р. Воровской. До протока его въ моренамъ пришлось проѣхать косой всего версты 4, а затѣмъ мы снова переправились на батахъ и шли еще около 14 верстъ по косѣ до того мѣста, противъ котораго находится настоящее устье р. Воровской; здѣсь меня уже ждали нѣсколько человѣкъ изъ селенія. Лошадей отправили дальше по косѣ до самаго конца этого очень длиннаго залива, гдѣ было хорошее пастбище и гдѣ онѣ должны были ждать меня до утра; а самъ я на батахъ переѣхалъ заливъ и поднялся рѣкой Воровской до селенія того-же имени. Берега залива были болотисты, плоски, лишены деревьевъ и кустарника, между тѣмъ какъ рѣчные были покрыты густой порослью ивняка, ольхи и бузины. Намъ пришлось двигаться на шестахъ противъ сильнаго теченія очень извиистой рѣчки. Мели, поваленные стволы деревьевъ и камни чрезвычайно затрудняли движеніе, такъ что до мѣста мы добрались уже въ сумерки. Миновавъ нѣсколько балагановъ, стоящихъ на лѣвомъ берегу, на мѣстѣ, гдѣ прежде стояло самое селеніе, мы свернули къ правому, въ небольшой побочный ручей, на берегу котораго и расположена нынѣ Воровская. Здѣсь меня сейчасъ же провели въ гостепріимный домъ стараго, почти совсѣмъ слѣпого тойона.

Кстати, отмѣчу здѣсь еще, что съ устья была видна Ичинская сопка подъ 34° къ сѣверо-сѣверо-востоку, и что весь морской берегъ былъ обильно забросанъ обломками отъ судовъ; доски, мачты, рей, части компаса, бочки, ящикъ со свѣчами, кокосовые орѣхи — валялись въ безпорядкѣ другъ возлѣ друга.

Вечеромъ опять началась буря съ дождемъ и стучалась въ слюдяныя окна, а я, сидя за горячимъ чаемъ въ теплой комнатѣ, благодушно бесѣдовалъ со старикомъ-тойономъ.

24-го сентября. Послѣ бурной ночи дождь продолжалъ итти и утромъ, а потому отъѣздомъ приходилось пока повременить.

Воровская принадлежитъ положительно къ самымъ большимъ и наиболѣе порядочнымъ мѣстечкамъ западнаго берега. Въ ней 11 домовъ, а жители — 40 человѣкъ мужскаго пола и 47 жен-

скаго — владѣютъ большимъ стадомъ въ 90 коровъ и 16 лошадыми; огороды обнесены плетнемъ и содержатся въ большомъ порядкѣ. Старинное камчадалское названіе этой деревни — Алгу, а Воровскою ее переименовали, во времена завоеванія Камчатки, русскіе, такъ какъ здѣсь они часто подвергались грабегамъ. И здѣсь тоже мнѣ подтвердили, что устья лагунъ почти всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ обнаруживаютъ наклонность нынѣ къ движенію на сѣверъ. Срединный хребетъ, со своимъ зубчатымъ, теперь окутаннымъ снѣгомъ, гребнемъ, возвышается недалеко отсюда надъ равниной, идущей до самой его подошвы. Рѣка, выходя изъ этого хребта, влечетъ съ собою гальку, почти исключительно образованную древними формаціями; такъ, здѣсь находится много молочно-бѣлаго кварца съ хлоритомъ и слюдянымъ сланцемъ, толсто-сланцеватый глинистый сланецъ съ жилами млечнаго кварца, свѣтлый мелкозернистый гранитъ съ чешуйками свѣтло-бурой слюды, какая-то роговообманковая порода и мясо-красныя кристаллы полевого шпата въ темной однородной основной массѣ.

Близъ устья рѣки въ ея берегу залегають темная, сѣро-бурая, переполненная растительными остатками, глина, которая прикрыта, подобно тому, какъ на Тигилѣ, торфянымъ болотомъ. Въ старину глина эта шла въ большомъ количествѣ на гончарныя издѣлія, но уже много лѣтъ, какъ производство это прекратилось. По рассказамъ, оно оказалось невыгоднымъ, такъ какъ курильцы начали доставлять изъ Японіи болѣе хорошія глиняныя вещи, которыя вытѣснили издѣлія мѣстнаго производства. Въ тѣ, стародавнія, времена, торговля японскими товарами процвѣтала именно въ южныхъ селеніяхъ — Явиной и Голыгиной; сюда доставляли, между прочимъ, также прекрасную деревянную посуду и бамбукъ. Тойонъ рассказалъ мнѣ еще, что въ прежнее время въ горахъ два раза были убиты лоси, но что теперь много уже лѣтъ они болѣе не попадаютъ; держались они на перевалѣ на Пущину, въ долину Камчатки, перевалѣ, раньше очень часто посѣщаемомъ жителями.

Былъ здѣсь и казенный врачъ, но по своему невѣроятному

невѣжеству и грубости онъ являлся здѣсь лицомъ совершенно излишнимъ и былъ только въ большую тягость населенію.

Къ полудню небо разъяснѣло, и я сейчасъ же собрался къ отъѣзду въ Коль, за 50 верстъ отсюда. Я опять спустился внизъ по рѣкѣ, проѣхалъ еще далѣе 15 верстъ въ конецъ залива, протягивающагося къ югу, гдѣ нашелъ лошадей, и разбилъ свой лагерь. Это была мѣстность, интересная по отношенію къ камчатской промышленности: когда-то здѣсь жилъ много лѣтъ одинъ ссыльный, нѣкто Смолянинъ, и очень успѣшно производилъ выварку соли изъ морской воды.

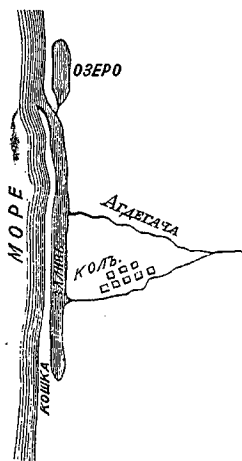
25-го сентября. На разсвѣтѣ мы сѣли на лошадей и двинулись по кошкѣ, самымъ берегомъ моря, на Коль. Прибой о плотную хрящевую дамбу былъ удивительно красивъ и почти каждый валъ ударялъ въ берегъ по-своему, образуя волны самыхъ разнообразныхъ формъ. Преинтересно было видѣть, какъ тяжелая, соленая вода, увлекая съ собой много галечника и песку, била о землю и упорно работала надъ повышеніемъ и укрѣпленіемъ береговой дюны, здѣсь относительно нѣсколько болѣе низкой. Уже въ 8 часовъ утра мы были на устьѣ небольшой рѣки Тесмалачи, которая точно также образуетъ къ сѣверу и югу лагуну, отгороженную длинной косой. Протокъ изъ лагуны въ море засорили буря и волны, и на его мѣстѣ уже образовалась невысокая кошка; она не сформировалась еще окончательно и не достигла уровня воды, такъ что гребни волнъ перекачивались чрезъ нее бѣлой пѣной, отлагая тяжелый матеріалъ на новомъ мѣстѣ молодой дамбы. Сажень на 70—80 тянулось это мѣсто, на которомъ воздвигалась дамба и по которому мы перебрались въ бродъ по колѣно, чрезъ бѣлую пѣну. Каждый разъ, какъ волна подбрасывала новую порцію матеріала—настоящей каши изъ гальки и песку на мутной, глинистой водѣ, лошади пугались, и шествіе наше на мгновеніе пріостанавливалось. Тамъ, гдѣ за кошкой не было настоящей лагуны, почти всюду на ея мѣстѣ шла узкая низина съ прудами—признакъ, что здѣсь вдоль всего берега сплошь имѣло мѣсто образованіе лагунъ и что все побережье

Охотскаго моря отъ Компаковой почти до Лопатки состоитъ изъ явственныхъ образованій кошекъ съ лежащими за ними заливами.

На дальнѣйшемъ пути намъ попался на берегу цѣлый вельботъ въ довольно разрушенномъ видѣ, а еще немного далѣе — побѣлѣвшія, гигантскія кости кита, выброшеннаго здѣсь два года тому назадъ, до половины уже засыпанная пескомъ. На полпути до Кола, на мѣстѣ лагуны, тянется длинное, версты въ 4, озеро, протокъ котораго, еще теперь ясно замѣтный, былъ засыпанъ волнами. Сряду за озеромъ мѣстность за кошкой стала нѣсколько выше, и теперь я увидѣлъ, что не очень далеко отъ насъ надъ равниной — до сихъ поръ безлѣсной — поднимаются покрытые березовымъ лѣсомъ холмы, составляющіе какъ бы первую невысокую ступень все ближе подходящаго Срединнаго хребта. Такъ пришли мы къ мѣшковидному, простирающемуся на сѣверъ, заливу р. Каэкта и къ глубокому устью этой рѣки. Послѣ долгихъ поисковъ удалось, наконецъ, найти какой-то очень попорченный бачъ, на которомъ мы и переправились, потерявъ много времени, очень смѣлымъ и не совсѣмъ безопаснымъ образомъ. Было уже поздно, а буря и дождь усиливались. Черезъ косу перебѣгали уже ксе-гдѣ отдѣльные гребни волнъ. На голой кошкѣ рѣшительно не было слѣда какого-либо пастбища для лошадей, а до конца залива и косы проводники считали еще около 6 верстъ. Положеніе дѣлалось небезопаснымъ. Несмотря на усталость лошадей, мы, почти въ совершенной темнотѣ, двигались однако дальше и намъ удалось всетаки добраться, безъ особенныхъ приключеній, до конца залива, гдѣ и устроились на ночлегъ на хорошемъ лугу. Промокнувъ до костей, иззябшіе и уставшіе, мы торопились найти пріютъ въ палаткѣ и у пылающаго костра.

26-го сентября. Ночью бушевала страшная буря съ юга, съ настоящимъ курильскимъ вѣтромъ и проливнымъ дождемъ. Палатку нашу, стоявшую у самаго морскаго берега, плоскаго и открытаго, нѣсколько разъ срывало, несмотря на крѣпкую привязь ремнями, такъ что намъ пришлось лежать подъ дождемъ. Огонь погасъ, а развести костеръ изъ сырого лѣса, валявшагося

по берегу, было нельзя. Полу-окочевъвшіе отъ сырости и холода, мы едва дождались разсвѣта и скорѣе поѣхали дальше къ югу, держась все той же кошки. Сначала мы миновали два длинныхъ, въ формѣ гафовъ, замкнутыхъ озера; слѣдующее за ними лежитъ уже у сѣвернаго конца Колскаго залива, гдѣ послѣдній открывается въ море, и связано съ нимъ протокомъ. Р. Колъ беретъ начало въ предгорьяхъ Средняго хребта, въ мѣстности, гдѣ открываются удобные проходы на Пушину и Ганаль, и впадаетъ въ свой заливъ двумя устьями, разбившись еще за нѣсколько верстъ до нихъ на два рукава. Сѣверный изъ нихъ — Агдегача, южный — собственно Колъ, и на немъ-то лежитъ селеніе Колъ. На очень глубокомъ устьѣ Колскаго залива, къ несчастью, мы не нашли никакихъ батовъ и намъ не оставалось ничего болѣе, какъ отправить своихъ проводниковъ въ Колъ за помощью. Пришлось ждать болѣе 3 часовъ на вѣтру, подъ дождемъ и снѣгомъ, пока наконецъ къ 1 ч. дня не доставили намъ батовъ изъ Кола. Надъ нами летѣли къ югу съ монотоннымъ крикомъ длинныя вереницы лебедей, между тѣмъ какъ пролетъ гусей прекратился уже за нѣсколько дней передъ этимъ. Лошадей пустили вплавъ чрезъ протокъ залива, а потомъ кошкой въ обходъ послѣдняго, а мы поѣхали заливомъ, миновали устье Агдегачи и наконецъ, свернувъ въ р. Колъ, высадились близъ селенія, на правомъ берегу.

6 домовъ съ ихъ огородами имѣли нѣсколько жалкій и печальный видъ; почти то же нужно сказать и объ обывателяхъ (16 мужчинъ и 21 женщина). Я нашелъ населеніе въ большомъ возбужденіи: все ихъ стадо, въ 30 головъ, разбѣжалось и теперь приходилось скорѣе итти на поиски, въ виду опасности, что скотина завянетъ гдѣ-нибудь въ болотѣ, или сдѣлается добычей медвѣдей.

Поэтому жители нуждались въ обѣихъ и единственныхъ ихъ лошадей и въ людяхъ. Оттого-то меня очень усердно упрашивали повременить отъѣздомъ, чтобы не доставлять столь неприятной для нихъ потери. Такъ какъ съ этимъ положеніемъ вещей приходилось считаться, то я долженъ былъ сдѣлать эту уступку, но все-таки сейчасъ же отправилъ нарочнаго въ Кыкчикъ, за 46 верстъ отсюда, съ порученіемъ распорядиться о высылкѣ мнѣ оттуда лошадей. Эта уступчивость стоила мнѣ двухъ дней, такъ какъ прошло именно столько времени, прежде чѣмъ разыскали коровъ и доставили лошадей для дальнѣйшаго моего путешествія.

27-го и 28-го сентября, которыя я провелъ въ Колѣ въ ожиданіи, прошли тоскливо. Бушевала ужаснѣйшая непогода; буря захлестывала домишки дождемъ и снѣгомъ. Да и людъ здѣшній производилъ впечатлѣніе вялости и апатіи; здѣсь тоже жаловались на недостатокъ въ пищевыхъ запасахъ, когда рѣка была еще полна лососями.

29-го сентября. Ночью былъ довольно сильный морозъ, а утромъ насъ окутали тучи съ дождемъ и снѣгомъ, хотя, впрочемъ, снѣгъ скоро снова растаялъ. Первая часть пути, отвлекшая насъ нѣсколько дальше отъ моря, шла краемъ березоваго лѣса, по мѣстности, большею частью болотистой. На востокъ, къ Срединному хребту, страна совсѣмъ исподволь переходитъ въ становящіяся все выше и выше холмы, поросшіе березой (*B. Ermani*). Мы переѣхали сначала чрезъ ручей Кадмачу, притокъ Кола, затѣмъ чрезъ истоки Ксмичи, которая впадаетъ въ одинъ общій заливъ съ Немтикомъ, береговой рѣкой, текущей нѣсколько южнѣе, а затѣмъ пришли и на самый Немтикъ. На устьѣ его нашлись баты — и на нихъ мы переправились чрезъ это устье.

Немтикъ, берущій начало въ горахъ, лежащихъ сряду къ сѣверу отъ Малки и Гавала, слѣдовательно на южномъ склонѣ Срединнаго хребта, — рѣка очень извѣстная, благодаря хорошимъ проходамъ, открывающимся съ него въ долину Камчатки и на верховья Быстрой.

Рѣка Немтикъ несетъ, въ видѣ главной составной части

своей гальки, лишь мелкозернистые гранитовые камни, съ кварцами и плотными глинистыми сланцами, что опять-таки даетъ ясное доказательство древне-плутоническаго характера южной части Срединнаго хребта.

Отъ Немтика мы опять, подъ дождемъ, снѣгомъ и градомъ, ѣхали у самаго моря, по плотной кошкѣ, до устья Половинной, которое, собственно, есть протокъ залива, образуемаго нѣсколькими небольшими береговыми рѣками, текущими съ юго-востока. Теперь, въ приливъ, оно было слишкомъ глубоко, чтобы перебраться черезъ него въ бродъ, а батовъ здѣсь не нашлось, и вамъ пришлось волей-неволей устроиться на стоянку, несмотря на непогоду, на совсѣмъ открытомъ берегу моря.

30-го сентября. Проведя эту ужасную ночь въ постоянной борьбѣ, на холоду и подъ снѣгомъ, съ бурнымъ вѣтромъ, грозившимъ свести палатку, да къ тому же безъ огня, такъ что нельзя было погрѣться, мы еще до разсвѣта, какъ только начался отливъ, пустились скорѣе въ путь. Мы перешли въ бродъ устье, поторопились доѣхать до устья р. Уцешеля, чтобы и здѣсь перебраться, во время отлива, и въ 9 ч. утра прибыли на устье р. Кыкчика. Въ концѣ пути мы опять увидѣли большого, выброшеннаго на берегъ кита, уже изрядно-таки ободраннаго людьми и звѣрями.

На устьѣ Кыкчика мы нашли и баты, и людей и, проѣхавъ съ часъ заливомъ, поднялись въ рѣку. По ея многочисленнымъ излучинамъ, между плоскими, поросшими ивой и ольхой, берегами, мы добрались, наконецъ, промерзшіе и промокшіе, до селенія Кыкчика. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ берегъ былъ размытъ водой, мнѣ удалось видѣть, что подъ слоемъ торфа, толщиной до 6 футовъ, залегаетъ темная, сине-сѣрая, очень жирная глина, мощностью около 4—5 футовъ. Рѣчная галька и здѣсь тоже состояла почти сплошь изъ свѣтло-цвѣтныхъ гравитовъ и обломковъ слюдянаго сланца. У р. Кыкчика также есть лагуна, которая, однако, очеь велика и тянется къ югу. Селеніе выглядит весьма запущеннымъ, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки и имѣетъ 5 домовъ съ хорошими огородами; скота — 25 коровъ и 6 лошадей. Жи-

тели (25 мужчинъ и 20—женщинъ) сильно обрусѣли, такъ что всѣ говорятъ почти только по-русски.

На востокъ отъ селенія Кыкчика и очень близко отъ него возвышается Кечева, продолговатая, на вершинѣ слегка закругленная и увѣнчанная тремя небольшими зубцами, сплошь покрытая березой и кедромъ, гора, которая принадлежитъ одному изъ кряжей, параллельныхъ Срединному хребту. Въ томъ же кряжѣ, къ югу и также не очень далеко, поднимается другая гора, нѣсколько болѣе пріостренная, но въ прочихъ отношеніяхъ совершенно подобная первой, и наконецъ къ сѣверу, приблизительно на широтѣ Кола или Воровской, до которой, должно быть, доходить этотъ небольшой параллельный кряжъ, видна третья—Коктонгенъ, высокая, совсѣмъ округленная гора. Теперь всѣ эти высоты были уже покрыты снѣгомъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ выступавшій невдалекѣ изъ-за нихъ, зубчатый и утесистый Срединный хребетъ, который уже сверкалъ полнымъ, блестящей бѣлизны, зимнимъ нарядомъ. Отъ Кечевы, по расчету здѣшнихъ обывателей, всего 3 версты до Срединнаго хребта, который отъ нея отдѣленъ только двумя долинами. По рассказамъ, какъ въ Кечевѣ, такъ и въ Коктонгенѣ имѣются пещеры, служащія зимнимъ логовомъ для множества медвѣдей; въ первой горѣ такихъ пещеръ, говорятъ, двѣ, во второй — довольно много. Мнѣ не удалось видѣть горныхъ породъ, почти прилегающихъ къ этимъ горамъ, но показанія мѣстныхъ жителей, заставляютъ принять, что здѣсь опять залегаютъ выдвинутые навверхъ песчаники и глинистый камень, являющіеся, быть можетъ, самымъ южнымъ членомъ большой третичной формациі, сопровождающей весь западный берегъ Камчатки.

1-го октября. Дорога на ближайшее селеніе, Утку, до котораго 35 верстъ, увела насъ совсѣмъ въ сторону отъ моря. Все это разстояніе пришлось пройти, собственно, только болотами да мочегинами; было пасмурно, но дождя не было. На отдѣльныхъ, нѣсколько болѣе высокихъ и сухихъ, мѣстахъ видны были кедры и особенно много красиваго, декоративнаго медвѣжьяго

корня (*Angelica*). Къ сожалѣнію, съ этого роскошнаго растенія уже опалъ листь, и оно имѣло осенній видъ. Теперь торчали только громадныя, увѣвчанныя зонтиками сѣмьявъ стебли, по которымъ можно было судить, какой великолѣпный, почти подтропическій видъ должно имѣть это дивное растеніе лѣтомъ. Расположенныя нѣсколько выше березовыя лѣски тянулись по холмамъ, постепенно возвышающимся къ недалекому Срединному хребту. На нашемъ пути мы сначала перешли чрезъ состоящую изъ четырехъ ручьевъ систему Мутной, впадающей въ небольшой самостоятельный заливъ, затѣмъ перебрались чрезъ р. Хумучину, образующую два рукава и тоже впадающую въ свой заливъ и имѣющую отдѣльное устье, за ней — чрезъ притокъ р. Утки и, наконецъ, добрались въ 6 часовъ вечера въ Утку, пройдя сегоднешнее путешествіе сплошь пѣшкомъ по глубокой грязи, совсѣмъ изнуренныя отъ усталости.

Это мѣстечко лежитъ на лѣвомъ берегу, верстахъ въ 15 отъ моря, гдѣ также находится предустьевый заливъ. Въ трехъ плохихъ домишкахъ живетъ народу — 16 мужчинъ и 11 женщинъ. Скота здѣсь 15 коровъ и 4 лошади. Виды проходныхъ рыбъ — тѣ же самыя, что и въ упомянутыхъ ранѣе рѣкахъ. Отсюда есть очень удобный проходъ на Малку.

2-го октября. Отъ Утки до Большерѣцка считается 25 верстъ. Это былъ уже послѣдній переходъ, который предстояло продолжать мнѣ на западномъ берегу Камчатки. Сегодня мы ѣхали еще далѣе въ сторонѣ отъ моря — дорога уклонялась болѣе къ востоку — по сухой мѣстности, красивыми березовыми (*B. Ertmani*) лѣсами и лугами, въ изобиліи покрытыми роскошной *Angelica*. Здѣсь, лишь нѣсколько дальше отъ моря, погода, повидимому, была какъ-то мягче. Снѣгу не было, и хотя лѣсъ и трава имѣли ужъ совсѣмъ осенній видъ, но все-таки и теперь можно было судить, какъ хороши эти березовыя лѣса лѣтомъ, и что за чудный видъ представляютъ тогда луга съ *Angelica* и разстилающимся подъ нею, усѣянными цвѣтами, ковромъ. Изъ рѣкъ мы перешли прежде всего одинъ изъ притоковъ Утки, а затѣмъ

вступили уже въ систему р. Быстрой. Здѣсь мы вышли на истоки Амчигачи, рѣки, начинающейся недалеко отъ моря, потомъ идущей на востокъ, загибающейся большой дугой снова къ западу, къ морю, и впадающей въ сѣверный конецъ залива Большой рѣки. Образую дугу, Амчигача огибаеть ею небольшую береговую рѣку Митагу, впадающую самостоятельно въ море нѣсколько сѣвернѣе залива Большой рѣки и имѣющую свою собственную, маленькую лагуну. Немного не доходя Быстрой, мы перешли еще разъ чрезъ Амчигачу, а за ней чрезъ пару небольшихъ рѣченокъ и, наконецъ, пришли къ самой Быстрой, — одной изъ важнѣйшихъ рѣкъ южной Камчатки. Истоки р. Быстрой, которая послѣ соединенія своего подъ Большерѣдкомъ съ идущей издалека съ востока Начикой, получаетъ названіе Большой рѣки, лежатъ на Камчатской вершинѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ истоками рр. Камчатки и Авачи. Р. Начика беретъ начало въ лежащихъ къ югу отъ Авачинской губы высотахъ, близъ истоковъ Паратунки. Длина теченія Большой рѣки отъ Большерѣдка очень не велика; впадаетъ она въ большой, тянуційся далеко къ югу, заливъ, бывшій въ прежнія времена очень извѣстной гаванью стариннаго главнаго пункта полуострова.

Въ то время, когда мы прибыли на Быструю, перейти ее, вслѣдствіе глубины, было невозможно, такъ что пришлось отрядить въ Большерѣдкъ нарочнаго попросить батовъ, что, естественно, опять составило очень неприятную и продолжительную задержку.

Уже при приближеніи къ Быстрой намъ былъ виденъ вдали на югѣ высокій, недѣятельный конусъ сопки Голыгиной, а рядомъ съ нимъ мощная подошва ближе стоящей сопки Апачинской (или Опальской), вершина которой была окутана облаками. Восточнѣе, совсѣмъ близко, подходилъ Срединный хребеть, ясно выдаваясь на сѣверо-востокъ изъ-за лѣсистыхъ предгорій своими покрытыми снѣгомъ вершинами и гребнями. Послѣ долгаго ожиданія появились наконецъ баты, а во главѣ ихъ — старикъ-староста, и мы сейчасъ же тронулись въ путь, оказавшійся

достаточно труднымъ, да и не совсѣмъ безопаснымъ. Намъ приходилось объѣзжать множество рѣчныхъ острововъ съ густымъ кустарникомъ, то поднимаясь противъ быстринь, то сворачивая внизъ по теченію мимо поваленныхъ деревьевъ, и все это почти совсѣмъ въ потьмахъ. Только къ 7 часамъ вечера, послѣ такого нѣсколько рискованнаго плаванія, попали мы въ Большерѣцкъ, гдѣ насъ сейчасъ же провели въ опрятный и уютный домъ старосты. Жители Большерѣцка, этого столь важнаго въ старой исторіи Камчатки мѣста, ведутъ свое происхожденіе отъ старинныхъ русскихъ поселенцевъ, а потому здѣсь нѣтъ и тойона, какъ въ селеніяхъ камчадаловъ, а есть староста, какъ и въ другихъ здѣшнихъ русскихъ деревняхъ, къ которымъ теперь принадлежитъ также и Большерѣцкъ. Въ нарядной, просторной комнатѣ по свѣжно-бѣлымъ стѣнамъ висѣли картинки и зеркала; покрытый чистой, бѣлой скатертью столъ съ чаемъ былъ готовъ къ моему приѣзду; на немъ стояли стеариновые свѣчи, самоваръ, хорошенькія чашки, а также различныя кушанья. Я, по приглашенію, сѣлъ за него вмѣстѣ съ самимъ старостой, Ларіономъ Алексѣевымъ Бричаловымъ, его необыкновенно толстой супругой и проживающими здѣсь, въ качествѣ гостей, апачинскимъ и голыгинскимъ тойонами. Разговоръ былъ сначала очень официальный и церемонный. Хозяева то и дѣло завѣряли, что они чисто русскіе, и все время мнѣ приходилось выслушивать, что «такъ водится у русскихъ». Наконецъ трапеза кончилась, и хозяйка исчезла. Послѣ этого мы побесѣдовали еще немного, а тѣмъ временемъ въ этой же комнатѣ мнѣ устроили спанье изъ мягкаго сѣна, до котораго я, утомленный трудами послѣднихъ дней, добрался очень скоро.

3-го октября. Этотъ день я позволилъ себѣ отдохнуть отъ трудовъ послѣдняго путешествія. Утромъ я купилъ у голыгинскаго тойона нѣсколько настоящихъ жемчужинъ какого-то вида *Unio*, въ изобиліи водящагося, по его словамъ, въ р. Голыгиной; жемчугъ этотъ, будто бы, образуется въ раковинахъ только въ сентябрѣ и только тогда его и можно находить. Купленные мною

жемчужины были величиной съ самую небольшую горошину или чечевицу, большинство — очень красиваго бѣлаго цвѣта, но попадались также свѣтло-сѣрые и буроватыя. Этотъ же тойонъ разсказалъ мнѣ, какъ очень легко можно, совсѣмъ минуя море, попасть отсюда на батахъ въ расположенную къ югу Гольгину. Для этого нужно пройти изъ тянущагося далеко на югъ залива Большой рѣки озерами и губами, а также соединяющими ихъ рѣками, въ р. Апачу, а такъ какъ она впадаетъ въ одну общую губу съ Гольгиной, то, значить, и въ послѣднюю, а по ней до селенія Гольгиной. Говорятъ, въ прежнія до-русскія времена мѣшкообразный заливъ Большой рѣки, въ настоящее время идущій очень далеко на югъ, открывался въ море именно южнымъ концомъ, но камчадалы, тогда здѣсь жившіе, вздумали перекопать косу противъ устья рѣки, чтобы устроить для проходной рыбы болѣе близкій и болѣе удобный для лова ея путь. Это кончилось тѣмъ, что во время работъ дамбу вдругъ прорвало и много народу погибло въ хлынувшей сразу водѣ. Скоро послѣ этого старый, южный, протокъ совсѣмъ заметало волнами. Черезъ новый, искусственно продѣланный значительно болѣе къ сѣверу, протокъ потомъ, въ первое время русскаго владычества — время процвѣтанія Большерѣцка — въ заливъ заходили на стоянку суда, какъ въ спокойную, глубокую гавань. Противъ устья этого залива въ море, на сторонѣ материка, у самаго впаденія р. Большой въ заливъ (Поворотъ), возникло небольшое селенье Чекавка, гдѣ выгружались товары, назначенные въ Большерѣцкъ. Здѣсь стояло нѣсколько жилыхъ домовъ, много магазиновъ и маякъ со слюдяными стеклами для указанія судамъ устья Большой. Чекавка была, собственно, гаванью Большерѣцка, расположеннаго верстахъ въ 20 выше, и служила для Камчатки въ продолженіе многихъ лѣтъ единственнымъ пунктомъ, при посредствѣ котораго, черезъ Охотскъ, полуостровъ находился въ общеніи съ Россіей. Имѣвшія гораздо менѣе значенія сношенія съ Курильскими островами, а чрезъ нихъ исключительно и съ Японіей, велись какъ отсюда, такъ особенно чрезъ оба самыя южныя селенія Кам-

чатки — Явину и Голыгину. На Курильскіе острова ѣздили въ байдарахъ и достигали почти до 7-го острова. Чаще всего посѣщались оба сѣверные, Шумшу и Парамуширь, тогда довольно населенные. Торговцы, сборщики ясака и духовенство Большерѣцка, въ приходѣ котораго числились эти острова, бывали тамъ по меньшей мѣрѣ разъ или два въ годъ. Послѣ открытій Беринга, Чирикова и Шпангберга (1741—1742) завязались болѣе оживленныя сношенія какъ отсюда, такъ въ то же время и съ устьемъ р. Камчатки, съ востокомъ, для изслѣдованія и эксплуатаціи Алеутскихъ острововъ. Большерѣцкъ, со своей не совсѣмъ надежной гаванью, понемногу былъ заслоненъ устьемъ Камчатки и разросшимся въ главный пунктъ всего полуострова Нижне-Камчатскомъ, а наконецъ и совсѣмъ затертъ величественной Авачинской губой и превосходнымъ портомъ Петропавловска. Теперь этотъ, когда-то главный, пунктъ—совсѣмъ невидная деревушка, а суда никогда сюда и не заходятъ. Былой блескъ угасъ совсѣмъ, все умерло и рассыпалось прахомъ. Въ Чекавкѣ также нѣтъ ужъ ни домовъ, ни маяка, и только маленькая лачуга, которой пользуются тюленебой, торчитъ на пустынномъ, песчаномъ берегу. Протокъ изъ залива въ море сталъ совсѣмъ непроходимъ и, говорятъ, съ каждымъ годомъ опять уходитъ все больше къ югу.

На лѣвомъ берегу Быстрой, собственно на большомъ островѣ, такъ какъ Начика впадаетъ въ Быструю однимъ рукавомъ выше, другимъ—ниже селенія, разбросано, въ безпорядкѣ, стоятъ 9 плоховатыхъ домовъ, составляющихъ Большерѣцкъ. Начиная отъ него, какъ уже сказано, рѣка, образованная сліяніемъ двухъ этихъ рѣкъ, называется Большой (старое камчадалское названіе ея—Кыхъ). Дома окружены довольно большими огородами; среди нихъ стоятъ старая, нѣсколько обветшавшая, церковь да еще болѣе древній, очель развалившійся, магазинъ, въ которомъ не было ничего, кромѣ старой пожарной трубы, вѣсовъ и запечатанной нѣсколькими печатями связки старыхъ бумагъ—остатка архива. Къ прискорбію моему, ни здѣсь, ни потомъ въ Петропавловскѣ я не могъ получить разрѣшенія просмотрѣть содержаніе этого архива.

Еще въ 1779 году участники 3-го путешествія Кука посѣтили въ Большерѣцкѣ (тогда еще главномъ мѣстѣ Камчатки) начальника края, майора Бема, и онъ принималъ ихъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ. Немного лѣтъ спустя, Сарычевъ насчиталъ здѣсь еще болѣе 30 жилыхъ домовъ съ порядочнымъ, соотвѣтственно тому, населеніемъ. Въ настоящее время въ Большерѣцкѣ всего 18 человѣкъ м. п. и 11 ж. п., а скота — 30 коровъ и 10 лошадей. Образъ жизни обывателей и привычки, за исключеніемъ отдѣльныхъ сторонъ внѣшняго обихода и чисто древне-русскихъ обычаевъ, совсѣмъ камчадалскіе. Здѣсь царитъ то же, основанное на охотѣ, рыболовствѣ и разведеніи собакъ, хозяйство, что и у камчадаловъ; въ этомъ цѣлкомъ заключаются всѣ интересы населенія.

Виды проходныхъ рыбъ здѣсь въ общемъ тѣ же самыя, что и по всему западному берегу Камчатки; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что крупный *Salmo orientalis* (чавыча) попадаетъ въ рѣкахъ все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ подвигаешься берегомъ Охотскаго моря все болѣе и болѣе къ югу. Въ Большой рѣкѣ чавыча также появляется первой изъ лососевыхъ рыбъ, а именно въ сопровожденіи мелкой каюрки, которая, по мѣстному разсказу, выполняетъ роль проводника большей рыбы. Каюрка очень, до обмана, похожа на чавычу, только гораздо меньше ея. За этими двумя слѣдуютъ — какъ главныя рыбы лѣтняго хода — красная рыба и хайко, а подъ осень и до самаго ея конца — горбуша и кизучъ. Микижа, семга и голецъ, какъ лаксфорели, остаются на всю зиму въ рѣкѣ и въ море спускаются только весной. Микижа и семга, повидимому, идутъ охотище всего въ нѣсколько болотистыя тундряныя ручьи, между тѣмъ какъ голецъ предпочитаетъ дно каменистое. Кажется, микижа — рыба, свойственная именно Большой рѣкѣ; по крайней мѣрѣ въ другихъ мѣстахъ мнѣ нигдѣ не приходилось о ней слышать.

Кромѣ рыбныхъ богатствъ, море падѣляетъ мѣстныхъ жителей и разными другими полезными предметами: на берегъ не особенно рѣдко выбрасываетъ мертвыхъ китовъ, желанный

кормъ собакъ. Тюленей бьютъ во множествѣ, а большія массы прибитаго къ берегу, строеваго и подѣлочнаго, лѣсу также имѣютъ значеніе. Здѣсь попадаются отличныя стволы лиственницъ и елей (съ сибирскаго берега), дуба (съ Амура), толстые стебли бамбука и камфарное дерево (изъ Японіи). Много лѣтъ тому назадъ здѣсь потерпѣло крушеніе русское судно, заключавшее въ себѣ значительную посылку золотой и серебряной монеты, которой не мало вынесло на берегъ, гдѣ ее и подобрали. Здѣсь рассказывали даже, что староста Бричаловъ обязанъ большою частью своего состоянія такимъ находкамъ. Вершину Апачинской сопки я нашелъ на 124° , къ юго-востоку. Это большой, вполнѣ коническій вулканъ, въ настоящее время совершенно недѣятельный. Передъ этой красивой горой находится невысокій, древній трахитовый кратеръ съ развалившимися краями; стѣнки его поднимаются сначала полого, а затѣмъ круто, подъ угломъ въ $122—135^{\circ}$. Говорятъ, здѣсь землетрясеніе—явленіе не рѣдкое; очень сильное было въ 1848 году. Земля дала глубокія трещины, и люди падали съ ногъ.

4-го октября. Погода выдалась превосходнѣйшая, и еще рано утромъ все было снаряжено къ отъѣзду, но мои хлѣбосолы, повидимому, не могли столкнуться, какой дорогой направить меня въ Начику. Въ это позднее время года приходилось соображать многое. Итти вверхъ по Быстрой, на Малку, было не подходяще вслѣдствіе многочисленныхъ сплывныхъ быстринъ, да и приходилось дѣлать слишкомъ большой крюкъ; путь черезъ перевалы южнаго хребта, Банную, Черильщикъ и Халзанъ, правда болѣе близкій, нельзя было рекомендовать потому, что тамъ выпало уже много снѣгу. Наконецъ было рѣшено слѣдовать вверхъ по Начикѣ черезъ Апачу до селенія Начики. Старая радушная хозяйка заготовила мнѣ въ дорогу цѣлый узелъ всякаго жаренья и печенья, а я оставилъ ей за это нѣкоторую долю чаю. Сердечно распрощавшись, мы тронулись верхами въ путь въ 8 ч. утра въ восточномъ направленіи.

Проѣхавъ сначала сухой, ягодной тундрой, мы выбрались затѣмъ на галечный, умѣренной высоты, хребтикъ, поросшій бере-

зой (*Betula Ermani*), и ѣхали имъ по правому берегу р. Начики до селенія Апачи, куда прибыли уже въ 4 ч. На югъ отъ этого галечнаго хребтика тянется глубокая низина, съ юга ограниченная упомянутымъ выше трахитовымъ кратеромъ; этой низиной и протекаетъ Начика въ направленіи къ морю, послѣ того, какъ, выйдя изъ южнаго хребта, она приняла въ себя притоки—Банную, Карымчину и Сику. Къ сѣверу отъ того же кряжа точно также тянется другая низина, простирающаяся отъ Срединнаго хребта до моря, по которой течетъ на большомъ протяженіи Быстрая, идущая съ сѣверо-востока и принимающая въ себя съ южной стороны ручьи—Гольцевку и Красную рѣчку. Такимъ образомъ галечный хребетъ, о которомъ только что шла рѣчь, является главнымъ водораздѣломъ между Начикой и Быстрой, и можно принять, что просторной долиной Быстрой кончается на югѣ Срединный хребетъ, а всѣ кряжи и горы къ югу отъ этой рѣчной системы уже принадлежатъ къ большой вулканической цѣпи, ограничивающей долину р. Камчатки съ востока и тянущейся отъ Шивелюча до мыса Лопатки.

У Красной рѣчки возвышается, точно также на водораздѣлѣ между Быстрой и Начикой, совсѣмъ низкій, изолированный конусъ, являющійся, повидимому, конечнымъ южнымъ членомъ той параллельной Срединному хребту цѣпи, надъ которой далѣе къ сѣверу поднимаются горы Кечева и Коктонгенъ.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на востокъ, тѣмъ красивѣе выступала изъ окружавшихъ ее древнихъ низкихъ кратеровъ колоссальная Апачинская сопка. Этотъ, нынѣ недѣятельный, вулканъ — красивый, цѣльный конусъ, покрытый сверху донизу явственными продольными ребрами; среди огнедышащихъ горъ Камчатки эту сопку должно считать одной изъ самыхъ высокихъ. Во всемъ своемъ величій стояла эта чудная гора, теперь почти совсѣмъ одѣтая снѣгомъ. На сѣверозападной сторонѣ ея вершины, между двумя рѣзко выступающими ребрами, порода имѣла совершенно видъ натекшаго потока лавы, спустившейся до одной трети высоты горы.

9 домовъ, большею частію порядочно построенныхъ, составляющихъ селевіе Апачу, расположены на правомъ берегу р. Начики, верстахъ въ 40 выше Большерѣцка, при крутомъ склонѣ кряжа, въ которомъ находятся различныя, ведущіе на сѣверъ и на востокъ, проходы. Почти къ югу подь 157° поднимается во всемъ великолѣпнй Апачинскій вулканъ, и нѣсколько болѣе къ западу отъ него видвы зубцы низкаго, развалившагося кратера; такимъ образомъ небольшое Апачинское плато замкнуто кругомъ горами, и только на западъ открывается идущей къ морю долиной Начики. Въ этомъ поясѣ горъ имѣются различныя проходы: подь 60° къ сѣверо-востоку проходъ на верховья Начики, которымъ намъ и предстояло идти; далѣе къ сѣверу отъ этой долины небольшой проходъ Черильчикъ; подь 90° виденъ прорывъ рѣки Банной и въ эту долину открывается, нѣсколько болѣе къ сѣверу, очень важный проходъ Халзавъ, ведущій на Паратунку и также на Начику, но въ это время уже не проходимый. Подь 115° видна долина Сику, а подь 150° —долина Карымчинной, истоки которой лежатъ близъ истоковъ Паратунки. Въ Карымчину впадаетъ очеь быстрая рѣка Толмачева, вытекающая изъ одвого озера у подошвы Апачинской сопки, находящагося недалеко отъ истоковъ р. Апачи, впадающей съ р. Голыгиной въ одну общую губу.

Апачинскій вулканъ приводится у различныхъ авторовъ подь самыми различными названіями, каковы: Опальная, Опальская и Опалинская сопка; я удерживаю за нимъ названіе Апача, которое я нашелъ здѣсь болѣе всего въ употребленіи.

Жители селенія Апача принадлежатъ еще къ курильскимъ камчадаламъ западнаго берега, какъ самая восточная отрасль послѣднихъ, и поддерживаютъ съ ними постоянныя свошенія. Обыватели, 39 мужчинъ и 26 женщинъ, живутъ, повидимому, въ благосостояніи. У нхъ 40 коровъ, зато лошадь всего одна; огородничество развито даже настолько, что избытокъ продуктовъ сбывается въ Петропавловскій портъ. Охота на пушнаго звѣря, на горныхъ барановъ и т. п. добычлива. Рыбы идетъ въ рѣку много; виды, конечно, тѣ же, что и въ Большерѣцкѣ. Кромѣ

того, въ р. Начику, у самаго жилья, впадаетъ небольшой ручей, въ которомъ круглый годъ держится много форелей, такъ что у обывателей въ любое время подъ рукой отличная свѣжая рыба, для себя и для собакъ.

Въ Апачѣ снова представился намъ вопросъ, какъ ѣхать дальше. Такъ какъ всѣ проходы уже должны были быть сильно занесены снѣгомъ, то было рѣшено ѣхать на батахъ вверхъ по р. Начикѣ до селенія Начики. Съ сильнымъ теченіемъ можно было надѣяться справиться, работая шестами, и опасаться можно было только внезапнаго наступленія морозовъ, такъ какъ тогда начался бы ледоходъ и путь по рѣкѣ былъ бы вполнѣ невозможенъ.

5-го октября. Ночь прошла безъ мороза, погода выдалась отличная, и мы рано утромъ тронулись на двухъ отдѣльныхъ батахъ. Рѣка очень извилиста; теченіе сильное. Я не могъ надивиться ловкости людей въ умѣнши дѣйствовать шестами. Ловили каждый подходящій моментъ, пользовались всякимъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы двигаться впередъ. При этомъ по возможности берегли силы и дѣйствовали во всю только тамъ, гдѣ это стоило. Сначала мы проѣхали мимо предгорій, подходящихъ къ рѣкѣ съ сѣвера; далѣе къ рѣкѣ подходятъ и южныя горы. Верстахъ въ 14 отъ Апачи, въ небольшомъ проходѣ между Сику и Карымчиной, говорятъ, есть горячіе ключи; таковыя же имѣются и на Банной, гдѣ они очень горячи и высоко бьютъ вверхъ.

Сопровождавшая насъ горная порода была, по обѣ стороны, слоистымъ, съ большимъ количествомъ кремня, сланцемъ, пласты котораго были почти поставлены на голову; онъ былъ то тонко, то толсто-сланцеватымъ, темнаго цвѣта, часто разбитымъ на большія таблицы и иногда неправильно трещиноватымъ. Подъ вечеръ на южномъ берегу появился разбитый на большія глыбы, мелкозернистый, свѣтлый гранитъ. На горахъ всюду уже лежалъ снѣгъ, спускавшійся мѣстами болѣе низко. Мы ѣхали сначала на востоко-сѣверо-востокъ, а затѣмъ на сѣверо-востокъ, и, чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ болѣе долина Начики принимала направленіе къ сѣверу. Горы и скалы все болѣе надви-

гались къ берегамъ, и снѣгъ спускался все выше и ниже. Видны были только крутыя горы, которыя однако и здѣсь поросли березой (*B. Ermani*) и кедровникомъ, за исключеніемъ крутыхъ каменныхъ участковъ.

Еще рано, подъ вечеръ, мы уже устроились на берегу на стоянку, чтобы дать усталымъ людямъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

6-го октября. Ночью шелъ дождь, и съ ранняго утра мы тронулись дальше. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все выше и ниже спускалась граница снѣга и мѣстами доходила даже до береговъ. Теченіе становилось все стремительнѣе, и мы вошли въ длинныя тѣсины (козегоры), гдѣ высокія скалистыя стѣны поднимаются отвѣсно съ обѣихъ сторонъ и такъ близко къ водѣ, что береговой полосы почти нѣтъ. Затѣмъ мы проѣхали мимоустье въ впадающихъ съ юга ручьевъ — Тойонской и Черильчика, до мѣстности, называемой Перевозомъ. Здѣсь открывается на сѣверъ широкая долина, ведущая на Малку, между тѣмъ какъ долина верхней Начики тянется далѣе на востоко-юго-востокъ. Ради людей, мы остановились на почлегъ опять сравнительно рано и разбили здѣсь палатку. Та сланцеватая порода, которую я видѣлъ вчера, здѣсь переходитъ въ красновато или зеленовато окрашенную кремнистую породу толстосланцеватаго вида и образуетъ очень зубчатые и крутыя скалы и горы. Вулканическія пористыя породы попадались въ видѣ гальки лишь въ очень ограниченномъ количествѣ.

7-го октября. Погода была сухая и даже теплая, и мы уже спозаранокъ тронулись вверхъ по рѣкѣ далѣе, сначала на востоко-юго-востокъ, а затѣмъ прямо на востокъ. Теченіе становилось все стремительнѣе, а работа для людей все тяжелѣе. Такъ какъ теперь мы поднялись уже очень высоко, то окружающія горы казались ниже. Только на югъ отъ селенія Начики возвышается кряжъ повыше, на которомъ открываются проходы ручьевъ Ипуки и Халзана къ р. Начикѣ. Халзанъ впадаетъ собственно какъ разъ противъ мѣстечка Начики, и здѣсь опять же залегаетъ слоистая, богатая кремнемъ, сланцеватая порода, въ данномъ случаѣ темнаго цвѣта. Передъ Начикой рѣка доставила намъ еще очень большія

затрудненія, такъ какъ здѣсь она не только очень быстра, но и, разбившись на много рукавовъ, дѣлается очень мелкой. Въ отличную погоду, при радостныхъ крикахъ моихъ людей, покончилась ихъ тяжелая работа, — мы пристали въ 4 часа пополудни къ Начикѣ, жилому мѣсту, лежащему выше всѣхъ другихъ въ Камчаткѣ. Отъ него очень близко находится горячій ключъ, описанный уже въ одномъ изъ моихъ прежнихъ путешествій.

8 октября. Сряду за Начикой, на пути къ Корякѣ приходится перебраться черезъ высокій, голый перевалъ; за нимъ, спускаясь все сильно подъ гору, попадаешь въ большой березовый лѣсъ, которымъ и нужно ѣхать до самой Коряки. Въ этомъ лѣсу стоятъ 2 юрты для убѣжища охотниковъ. Темныя, тяжелыя, снѣговыя тучи угрожали намъ на небѣ и предвѣщали жестокую непогоду. Нужно было торопиться, чтобы не быть застигнутымъ вьюгой на самомъ перевалѣ или передъ нимъ. Еще въ потьмахъ, въ 5 часовъ утра, мы двинулись пѣшкомъ, съ одной лошадыю, шедшей подъ багажемъ, на Коряку, до которой около 40 верстъ пути. Шли скорымъ шагомъ. На всемъ протяженіи пути до первой юрты, уже по ту сторону перевала, идетъ голый камень и именно опять тотъ же кремнистый, темнопѣтный сланецъ. Затѣмъ—до второй юрты, гдѣ уже всякая опасность быть запесеннымъ снѣгомъ миновала, часто попадался свѣтлый, мелкозернистый гранитъ. Здѣсь мы, круто идя подъ гору, вошли въ красивый лѣсъ изъ старыхъ, суковатыхъ березъ. Начало сначала моросить, а потомъ, когда мы вышли на открытую широкую долину Авачи, намъ пришлось подвергнуться сильному вѣтру, дѣлавшемуся все болѣе свѣжимъ. Наконецъ къ вечеру, утомленные и измокшіе, мы вошли въ селеніе Коряку, близъ того мѣста, гдѣ долина Коряки открывається въ долину Авачи. Наверху, на перевалѣ снѣжная буря уже давно кончилась, между тѣмъ какъ въ долинѣ, въ Корякѣ, она разыгралась только въ ночь.

9-го октября. Ночью бушевала настоящая буря. Утромъ небо стало проясняться, и я поспѣшилъ продѣлать послѣдній пе-

реходъ своего путешествія. Рано мы опять сѣли въ баты и живо спустились сначала по р. Корякѣ, а потомъ по р. Авачѣ, въ Старый Острогъ, гдѣ уже и были въ 10 часовъ утра. Только на нашу бѣду скоро послѣ того, какъ мы выѣхали изъ Коряки, опять пошелъ дождь, такъ что мы явились къ моему старому пріятелю Машигину промокшими до костей. Старикъ сейчасъ же заявилъ, что въ такую, какъ сегодня, погоду онъ меня дальше не пуститъ; сейчасъ же появились закуска и чай, и во время дружеской болтовни мнѣ пришлось рассказать ему про свои путевыя приключенія.

10-го октября. При хорошей погодѣ, рано утромъ мы усѣлись въ баты и опять по р. Авачѣ сѣхали внизъ до селенія Авачи, куда прибыли еще въ 10 часовъ. Приблизительно на половинѣ пути, на правомъ берегу рѣки появилось этимъ лѣтомъ новое хозяйственное заведеніе—хуторъ, построенный офицеромъ Губаревымъ.

Въ Авачѣ, благодаря бѣдности и скудости тамошняго хозяйства, опять нельзя было достать ни одной лошади, и я рѣшилъ, оставивъ свой багажъ здѣсь съ тѣмъ, чтобы мнѣ его переслали потомъ, продѣлать 12 верстъ до Петропавловска пѣшкомъ, въ сопровожденіи моего казака Зиновьева. На половинѣ пути мы прошли чрезъ новый казачій поселокъ, Сѣроглазки, гдѣ опять увидѣли семь тѣхъ казаковъ — ижигинцевъ, съ которыми вмѣстѣ вамъ пришлось ѣхать моремъ въ Тигиль. Въ 3 часа пополудни я былъ опять уже, послѣ 5-мѣсячнаго путешествія, въ своей комнатѣ и скоро получилъ привѣтствіе отъ многихъ своихъ знакомыхъ. Я поскорѣе переодѣлся, чтобы представиться Завойко. Губернаторъ, повидимому, былъ не особенно доволенъ результатами моей поѣздки, хотя и просилъ меня опять бывать у него почаще.

*Прибавленіе: Пребываніе въ Петропавловскѣ зимой
1853—54 года.*

Съ 11 октября 1853 года началась для меня опять однообразная жизнь въ Петропавловскомъ портѣ. Она казалась еще

тѣмъ монотоннѣе, что все, что въ предыдущія зимы все-таки представляло еще прелесть новизны, теперь повторялось почти совершенно въ томъ же видѣ.

Еще осенью съ сѣвера полуострова доходили извѣстія, что тамъ появилась какая-то опустошительная болѣзнь, въ родѣ тифа, и быстро распространяется къ югу. Эпидемія приближалась все ближе и уже въ январѣ 1854 г. достигла Петропавловска. Не осталось почти ни одного дома, котораго бы она не тронула; были даже смертные случаи. На памяти обывателей подобная эпидемія посѣтила Камчатку въ первый разъ, да, можетъ быть, это была вообще первая, болѣе сильная, эпидемія со времени страшнаго нашествія въ 1768 г. оспы, истребившей почти половину населенія страны. Но и какъ же печально обстояло дѣло въ отношеніи медицинской помощи! Русскіе врачи, которыхъ было три въ Петропавловскѣ, да два на западномъ берегу, были совершенно несвѣдущими. Баззаботно и равнодушно относились они къ своему дѣлу. Научныхъ интересовъ не было ровно никакихъ. И аптека Петропавловская, единственная во всемъ краю, была въ соответственномъ состояніи: вѣчно въ ней не было самаго важнаго. Снабженіе врачебными средствами производилось вполне своеобразно. На основаніи какой-то особенной теоріи вѣроятности принимали, что каждая болѣзнь можетъ проявляться всегда только въ видѣ одиночныхъ случаевъ, а сообразно этому соразмѣрялись и порціи высылаемыхъ средствъ. Эпидемій въ соображеніе не принимали, равно какъ и особенностей мѣстнаго климата, страны и ея обитателей. Все дѣлалось по мертвому, нелѣпому шаблону. Лихорадки, дынга, ревматизмы, страшныя формы застарѣвшаго въ поколѣніяхъ наследственнаго сифилиса, наконецъ возбуждающіе ужасъ случаи проказы находили въ аптекѣ слѣшкомъ часто пустыя стеклянки, а у врачей наталкивались на пустыя головы и холодныя сердца. Эта зима отличалась еще особеннымъ обиліемъ пожаровъ, посѣщавшихъ городокъ. Семь разъ мы были встревожены разыгрывающимся огнемъ, но, къ счастью, всякій разъ его удавалось тушить прежде, чѣмъ онъ успѣлъ нанести

существенный вредъ. Только канцелярія съ архивомъ сгорѣли до тла; въ этомъ, впрочемъ, скоро утѣшились: во-первыхъ, никого изъ обывателей это непосредственно не коснулось, такъ какъ тамъ никто не жилъ, а затѣмъ вѣдь такова и судьба канцелярій и подобныхъ учреждений, что архивы, большею частію содержащія въ большомъ безпорядкѣ, легко загораются. Огонь — часто лучшее средство противъ безпорядка и упущеній.

Изъ возвышающихся подъ самымъ Петропавловскомъ вулканомъ, Вилучинскій и Коряка не проявили за всю зиму никакихъ признаковъ дѣятельности. Напротивъ, Авача курился все время и были дни, когда дѣятельность его особенно усиливалась. Такъ 21-го декабря 1853 г. какъ будто замѣтно было появленіе огня, а 19-го января и 14-го марта 1854 года вырывались особенно большія массы дыма.

Легкія землетрясенія въ Петропавловскѣ, да и вообще въ Камчаткѣ, явленіе настольно обычное, что на нихъ едва обращаютъ вниманіе. Но 15-го января 1854 года была два порядочно сильныхъ горизонтальныхъ толчка, такъ что балки въ домахъ затрещали, а висѣвшіе предметы закачались. Толчки шли съ сѣвера на югъ, приблизительно отъ Авачинской сопки къ находившейся также въ сильной дѣятельности сопкѣ Асачинской; темные столбы дыма изъ послѣдней поднимались, если смотрѣть изъ гавани, нѣсколько влѣво отъ Вилучинской сопки надъ южнымъ горнымъ гребнемъ.

18-го декабря 1853 г. около полудня, когда шелъ густой снѣгъ, нагнанный южнымъ вѣтромъ, послышалось нѣсколько очень сильныхъ, похожихъ на пушечные выстрѣлы, ударовъ. Снѣгъ былъ ослѣпительно бѣлъ и чистъ, но уже чрезъ полчаса сталъ такимъ сѣрымъ, что даже яркость его блеска поразительно уменьшилась. Только въ 4 часа пошелъ опять чистый снѣгъ и занесъ сѣрый слой приблизительно въ 1 дюймъ толщины. Сѣрый снѣгъ, растаявъ въ комнатѣ, оставлялъ обильный осадокъ тончайшаго вулканическаго пепла, который, конечно, нанесло со снѣжнымъ облакомъ южнымъ вѣтромъ съ Асачинскаго вулкана. Второй разъ

шелъ совершенно такой же снѣгъ и при томъ же направленіи вѣтра 17-го марта 1854 г.

Поѣздки нѣкоторыхъ служащихъ и торговыхъ людей, совершавшихъ и этой зимой свои коммерческія путешествія по всей странѣ, приесли и изнутри очень интересныя и согласныя между собою извѣстія, особенно о вулканахъ Шивелючѣ и Ключевской сопкѣ.

Съ 1841 года, когда было послѣднее сильное изверженіе Ключевской сопки, вулканическія силы ея улеглись, и только болѣе или менѣе значительныя облака пара поднимались надъ ея вершиной. Въ октябрѣ 1853 г. дѣятельность ея возобновилась и начала быстро возрастать, пока, наконецъ, изъ ея вершины не выступили мощные потоки лавы, достигшіе даже р. Камчатки подъ отдаленнымъ Козыревскомъ. Изверженіе продолжалось съ измѣняющеюся силой, пока въ ночь съ 17-го на 18-го Февраля 1854 г. вершина самого сѣвернаго вулкана полуострова, Шивелюча, не ввалилась со страшнымъ грохотомъ и не началось сильное изверженіе этого вулкана. Въ это самое мгновеніе Ключевская сопка замолкла и только спустя нѣсколько недѣль начала опять спокойно куриться, между какъ Шивелючъ, который на памяти человѣка никогда еще не имѣлъ изверженія и развѣ только немного дымился, теперь вошелъ въ полную силу. Еще до этой катастрофы, въ октябрѣ и декабрѣ 1853 г., Шивелючъ сильнѣе курился на своей сѣверной сторонѣ; а теперь со всѣхъ сторонъ текли книзу потоки лавы, доходившіе почти до р. Еловки. Вулканическій песокъ и пепелъ падали въ такомъ значительномъ количествѣ, что у лежащей напротивъ деревни Ключей снѣгъ былъ покрытъ ими на цѣлый футъ, а дождь тонкаго пепла наблюдался даже въ Тигилѣ. Это высокоинтересное изверженіе обоихъ названныхъ исполинскихъ вулкановъ, повидимому, является яснымъ доказательствомъ въ пользу того, что вулканы могутъ стоять въ подземной связи между собою и получаютъ извергаемые ими матеріалы изъ одного общаго источника, внутренней огненножидкой массы земли.

Среди разных инородцевъ, которые каждую зиму являются, часто изъ отдаленныхъ мѣстъ, въ Петропавловскъ для сбыта добытаго охотой пушного товара, опять были и въ этомъ году ламуты. Они явились съ горъ около Ичинской сопки и говорили, что очень довольны новымъ камчатскимъ мѣстомъ жительства, такъ какъ здѣсь гораздо больше пушного звѣря, оленей, горныхъ барановъ и рыбы, и что теперь каждый годъ будутъ прибывать сюда изъ Сибири новыя партіи ихъ соплеменниковъ.

Приходили сюда и олюторцы съ дальняго сѣверо-востока полуострова; отъ нихъ я, между прочимъ, узналъ, что ближайшій и, во всякомъ случаѣ, самый удобный путь съ ихъ берега въ Ижигинскъ, это—изъ селенія Култужной, и что на этомъ пути, идущемъ совершенно ровной моховой тундрой (Парапольскимъ доломъ), всего одно селеніе — Витвей, откуда уже ѣдутъ прямо на Таловку и Пенжину, въ землю каменцевъ при Пенжинской губѣ. Витвей и Култужная населены Олюторцами, и первое селеніе расположено на верхнемъ теченіи рѣки, впадающей въ Берингово море у Вивниковъ. Рассказывали они еще, что на большомъ, покрытомъ высокими горами, островѣ Карага постоянныхъ жителей нѣтъ, но что онъ часто посѣщается олюторцами и укинцами ради очень добычливаго боя моржей. По ихъ словамъ, по всему берегу нигдѣ нѣтъ такъ много моржей, какъ на этомъ островѣ, гдѣ теперь находятъ цѣлыя массы костей этихъ животныхъ — остатковъ охоты, накопившихся изстари. Да и большіе клыки моржей, будто бы, валяются въ большомъ количествѣ по берегамъ острова, такъ какъ спросъ на нихъ не великъ, а самимъ туземцамъ некуда извести такую массу. Островъ этотъ лежитъ прямо противъ селенія Караги, и отсюда можно на него добраться въ байдарѣ часа въ 4, въ 5.

Наконецъ здѣсь былъ Голыгинскій тойонъ и опять принесъ нѣсколько пастоящихъ, красивыхъ жемчужинъ. Для меня было интересно его сообщеніе, что на южномъ склонѣ Апачинской сопки есть очень богатая сѣрой сольфатара и небольшое озеро, поверх-

ность котораго лѣтомъ, послѣ сильнаго испаренія воды, покрывается соляной корой.

Во время одной сильной бури съ юга, въ февралѣ 1854 г., настолько сильной, что даже въ совсѣмъ замкнутой Авачинской губѣ поднялись мощныя волны, мнѣ пришлось наблюдать на берегахъ этого залива два очень поучительныхъ явленія. Къ сѣверу отъ города, и какъ разъ рядомъ съ цимъ, есть небольшое озеро, отдѣленное отъ залива только узкой низкой дамбой изъ хряща (кошкой). Небольшой, короткій ручей прорѣзываетъ кошку. Слабое теченіе воды изъ озера было не въ состояніи удержать ручей открытымъ противъ натиска бурныхъ волнъ, взмывавшихъ съ глубины массы песку и щебня, тутъ же отлагавшіяся. Въ теченіе отнюдь не больше 2 часовъ отъ протока не осталось и слѣда, и на его мѣстѣ тянулась плотная, высокая, хрящевая дамба. Только много дней спустя, когда буря уже совсѣмъ утихла и заруженная вода въ озерѣ поднялась почти до самаго края дамбы, начался стокъ ея въ другомъ—болѣе низкомъ—мѣстѣ, а затѣмъ понемногу промылся въ дамбѣ новый ручей изъ озера. Такимъ образомъ здѣсь въ небольшомъ масштабѣ произошло то самое, что въ большихъ размѣрахъ можно наблюдать на рѣчныхъ устьяхъ западнаго берега, именно образованіе заливовъ (гафовъ) и косъ и миграція протоковъ первыхъ по послѣднимъ.

Той же бурей прибило къ берегу упомянутой береговой дамбы громадную льдину съ колоссальной глыбой камня въ ней. Льдину принесло изъ небольшой бухты на противоположномъ берегу залива, гдѣ она образовалась у самаго скалистаго берега, а на нее скатилась сорвавшаяся сверху глыба конгломерата. При паденіи, послѣдняя тяжестью своею пробилла льдину, но застряла въ ней, и, въ этомъ положеніи, торча концами вверхъ и внизъ изъ льда, крѣпко вмерзла. Льдину съ камнемъ вынесло волнами—да и вода отъ вѣтра прибыла—довольно высоко на плотную береговую дамбу. Потомъ, много времени спустя, при тихой погодѣ, когда льдина уже давно растаяла, я видѣлъ камень лежащій на берегу, а рядомъ съ нимъ глубоко вырытую въ твердой хряще-

ватою почвѣ борозду, обозначившую путь его вверхъ на дамбу— явление, которое невольно должно было напомнить образованіе шрамовъ въ ледниковый періодъ.

Еще въ послѣднихъ числахъ Февраля 1854 г., съ зимней почтой, сюда дошли извѣстія, что очень вѣроятно, что Англія и Франція примутъ участіе въ войнѣ Турціи противъ Россіи, и что ждуть объявленія войны со стороны этихъ державъ. Теперь прибылъ, ранѣе чѣмъ въ предыдущіе годы, именно еще въ половинѣ Марта, американскій китобой изъ Гонолулу, который передалъ губернатору отъ короля Сандвичевыхъ острововъ, Камегамега III, письмо на англійскомъ языкѣ. Официальнымъ тономъ, но очень дружественно, какъ другъ Русскаго Императора, король сообщалъ губернатору Камчатки, что онъ узналъ опредѣленно, что въ Петропавловскій портъ лѣтомъ нагрянетъ англо-французская эскадра. Теперь исчезъ покой Завойко. Немедленно созванъ былъ военный совѣтъ, для обсужденія какъ защищать портъ и гдѣ должны быть построены батареи. Сейчасъ же принялся и за работы; начаты онѣ были 20 Марта 1854 г., а въ Іюлѣ уже было на лицо шесть основательныхъ и хорошо вооруженныхъ батарей. Никто, кромѣ Завойко, не думалъ серьезно о возможности подобнаго нападенія, такъ какъ чѣмъ бы, казалось, могли поживиться и какія выгоды могли получить здѣсь союзные враги. Однако, какъ оказалось впоследствии, было совершенно благоразумно приняться за эти работы, и поспѣшать съ ними.

Я лично много потерялъ, благодаря этимъ работамъ и военнымъ приготовленіямъ. Завойко знать ничего не хотѣлъ о моихъ путевыхъ планахъ. Научнымъ поѣздкамъ и изслѣдованіямъ онъ вообще никогда не симпатизировалъ, а теперь могъ привести и приличныя соображенія противъ нихъ. Онъ думалъ, что не будетъ въ состояніи дать мнѣ ни одного человѣка, ни средствъ на лѣтнее путешествіе. Послѣ долгихъ приставаній и просьбъ мнѣ, наконецъ, удалось по крайней мѣрѣ получить позволеніе на небольшія экскурсіи вблизи, и только въ Августѣ, когда я потерялъ уже

полъ-лѣта онъ разрѣшилъ мнѣ нѣсколько болѣе далекое путешествіе. Въ такое позднее время онъ уже и самъ началъ было сомнѣваться въ угрожавшемъ нападеніи. Злой рокъ лишилъ меня знакомства со всей южной оконечностью Камчатки. Я имѣлъ въ виду посвятить лѣто 1854 г. пслѣдованію этой страны до мыса Лопатки, и все это было потеряно — пробѣлъ, который чувствителенъ особенно въ отношеніи познанія южныхъ вулкановъ.

Съ апрѣлемъ 1854 г. наступила настоящая весна. Начали часто набѣзжать китобои, а въ морѣ потянулись къ берегамъ громадныя стаи сельдей. Съ ними появились опять чайки, а также много различныхъ видовъ утокъ и всякой перелетной птицы. 30 апрѣля я нашелъ первую анемону въ цвѣту. Листва деревьевъ начала развиваться, и множество цвѣтовъ украсило землю. 6 мая поймали первую чавычу, а 8-го я въ первый разъ слышалъ кукушку.

Тронулись теперь и наши небольшія суда въ море, развозить провіантъ въ дальшія поселенія: Ижигинскъ, Нижне—Камчатскъ и Тигиль и привести новые запасы изъ Аяна. Наконецъ 26 мая, сюда прибылъ изъ Японіи корветъ Оливуца, зимовавшій въ Маниллѣ и содѣйствовавшій, въ лицѣ адмирала Путятина, заключенію торговаго договора Россіи съ Японіей.

Къ сожалѣнію, и для этой зимы я не могу дать метеорологическихъ наблюденій, такъ какъ записи въ тетрадахъ, въ которыя онѣ были занесены (барометръ, термометръ, направленіе вѣтра, дождь и снѣгъ) сдѣлались неразборчивыми и совершенно негодными. Изъ самыхъ общихъ замѣчаній по этой части я приведу изъ своихъ дневниковъ слѣдующее:

Въ концѣ октября 1853 г. дни были большею частію очень хорошіе, ясныя, и только по временамъ выпадалъ снѣгъ, который сейчасъ же и таялъ. Послѣ 20 числа начались небольшіе морозы, не ниже 4—5°, которые однако затянули тонкимъ слоемъ льда небольшое озерко къ сѣверу отъ города. Преобладающимъ направленіемъ вѣтра было западное.

Въ ноябрѣ ясные дни стали рѣже; напротивъ, частенько выдавались дни снѣжные и дождливые. Санный путь, однако, былъ еще довольно плохъ. Вѣтры дули болѣе съ востока, но буря была только одна, всего сильнѣе бушевавшая 11 и 12 числа.

Въ декабрѣ настали опять ясные дни; морозъ доходилъ до 6 — 7°. Снѣгъ шель чаще, но каждый разъ по немногу. Больше всего выпало снѣгу 18—21 числа, когда разыгралась подъ конецъ настоящая снѣговая буря (пурга).

Въ январѣ 1854 г. морозы усилились еще, до—17° (27 числа). Вся Авачинская губа до середины покрылась довольно толстымъ льдомъ, особенно ея большія и мелкія бухты и тихія прибрежныя мѣста. Погода опять была большею частію ясная, хорошая. Снѣгъ выпадалъ лишь изрѣдка; только 8 и 17 чиселъ съ сѣверо-востока нагнало порядочную пургу.

Февраль былъ очень хорошъ, мягокъ и часто напоминалъ весну. На солнцѣ нерѣдко таяло. Только въ среднѣй мѣсяца, съ 10 по 13 число, бушевала съ юга-востока изъ ряду вонъ сильная пурга: срывала крыши съ домовъ и взломала и разогнала ледъ на заливѣ.

Въ мартѣ были порядочно холодныя ночи, такъ что губа на короткое время опять покрылась тонкимъ слоемъ льда; зато дни были уже теплѣе, и снѣгъ быстро таялъ. Небо часто было пасмурно, и нерѣдко выпадалъ небольшой снѣгъ, кончавшійся крупой и дождемъ. Настоящая снѣжная вьюга была только 16 и 17. Въ концѣ мѣсяца днемъ уже зачастую бывало градуса 3 — 4 тепла, а 30 числа небольшой Петропавловскій заливъ совсѣмъ очистился отъ льда.

Въ апрѣлѣ снѣгъ началъ таять во всю и, если перепадаль еще отъ времени до времени, то скорѣе въ родѣ дождя. Морозъ бывалъ только въ видѣ ночныхъ заморозковъ. Солнце сильно грѣло, и зима покинула насъ совсѣмъ.

Май опять былъ очень хорошъ и напоминалъ лѣто. Выдавались очень теплые дни, и снѣгъ исчезъ совершенно. Зазеленѣли трава и деревья, ожилъ міръ насѣкомыхъ, и по-

тянулись стаи перелетной птицы. 8-го числа въ послѣдній разъ шелъ снѣгъ, выпавшій слоємъ въ 3 дюйма, но уже на слѣдующій день онъ весь стаялъ. Дождливыхъ дней было сравнительно мало. Всю зиму рѣшительно преобладали западные вѣтры, и это было причиной, почему въ Петропавловскѣ эта зима была замѣчательно бѣдна снѣгомъ.

ОТДѢЛЪ V.

Поѣздки по Камчаткѣ лѣтомъ 1854 г.

- 1) Экскурсія на Авачинскій заливъ и къ рѣкѣ Калахтыркѣ.
- 2) Экскурсія къ Паратуикѣ и ея окрестностямъ.
- 3) Экскурсія на Авачинскую сопку, къ Баккеинуту и къ вулканамъ восточнаго ряда.

Прибавленіе: Пребываніе въ Петропавловскѣ зимою 1854—55 г.

- 1) Экскурсія на Авачинскій заливъ и къ рѣкѣ Калахтыркѣ.

Послѣ безконечныхъ, очень мало утѣшительныхъ, переговоровъ съ губернаторомъ мнѣ удалось, наконецъ, выпросить двухъ проводниковъ и лошадей хоть на небольшую экскурсію вблизи Петропавловска. Мнѣ дали самыхъ скверныхъ лошадей и очень слабосильныхъ людей и съ такими средствами я тронулся въ путь, конечно, пѣшкомъ, утромъ 17-го іюня 1854 г. Цѣлью моей экскурсіи были лежація къ востоку отъ Авачинской губы озеро и рѣка Калахтырка и ихъ окрестности. Для этого я направился сначала на Раковую губу, а отъ самой южной оконечности этой придаточной бухты Авачинской губы вверхъ къ маяку.

Залегающія здѣсь горныя породы были уже поименованы мною при описаніи Авачинской губы (отдѣлъ II). Здѣсь я ограничусь лишь кое-какими дополненіями. На этотъ разъ я задѣлъ мысъ Лагерный, который вдается съ востока во входъ или проливъ Авачинской губы. Здѣсь залегаютъ тонкослойстыя

породы, поставленныя на голову и очень похожія на красноватыя обожженныя глины. Въ самомъ низу находятся и здѣсь опять таки базальты. На дальнѣйшемъ пути отсюда къ маяку, идущемъ сухой, высокой гундрой съ мохомъ и травой, въ окружающихъ скалахъ видна пестрая смѣсь конгломератовъ, туфовъ и миндальныхъ камней съ небольшими друзами кварца и жилами базальта, мощностью до 5 сажень, а между ними—разбитые пласты всякаго рода обожженныхъ глинистыхъ породъ и продуктовъ ихъ вывѣтриванія. Мѣстами концентрически-скорлуповатыя образованія и очень неясные отпечатки растений въ обожженной глинѣ живо напомнили мнѣ третичныя отложенія мѣстности подъ Тигилемъ и Сѣданкой, гдѣ также, только еще гораздо яснѣе, встрѣчаются третичные песчанники и глинистыя породы съ миндальными камнями трахито-базальтовыхъ изверженій, и гдѣ, не смотря на большой хаосъ, произведенный дѣйствовавшими другъ на друга плутоническими породами среди породъ осадочныхъ, все-таки часто встрѣчаются вполне горизонтальные, поднятые на значительную высоту, третичные пласты. Что и здѣсь первоначально отложился также обширныя третичныя образованія, которыя потомъ уничтожены были древне-вулканическими изверженіями, доказать трудно; однако, это весьма вѣроятно.

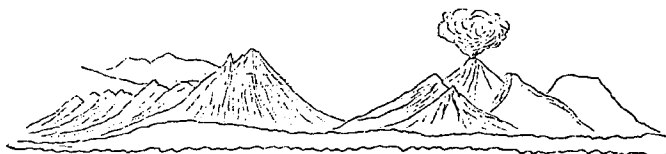
Въ высокой скалѣ, на которой возвышается маякъ, базальтъ то образуетъ столбы, то пронизываетъ, въ видѣ жилъ, конгломераты, а на зальбандахъ не рѣдко попадаютъ небольшія друзы съ цеолитомъ и халцедономъ.

Палатка моя стояла подлѣ маяка, и когда я, утромъ 18-го іюня (погода была превосходная), вышелъ изъ нея, передо мной открывался, со скалы въ 1000 футовъ вышиной, чудеснѣйшій видъ вдаль на открытое море, а въ сторону материка — роскошная панорама Авачинской губы. Входъ въ нее казался отсюда какъ-бы насильственно продѣланнымъ, какъ будто образованнымъ могучимъ прорывомъ водъ залива въ море. По обѣ стороны тѣснились высокія, крутыя, разорванныя громады скалъ, протягивая другъ другу на встрѣчу множество мысовъ съ рифами,

отдѣльныхъ массивовъ и столбовъ съ западной стороны — мысы Завойко, Сущевъ, Станицкій и Бабушкинъ съ лежащей передъ нимъ громадной скалой — Бабушкинъ камень, а съ восточной — мысы Измѣнный, также съ лежащими впереди рифами и камнями, Лагерный и Маячный, у подошвы котораго возвышаются три высокія пирамидальныя скалы, Три брата.

На Калахтырку ведутъ двѣ дороги: одну изъ нихъ, чрезъ невысокій переваль «Англичанское» мои проводники забраковали, какъ очень неудобную, и выбрали другую, идущую у самаго берега моря. Служащіе при маякѣ провели насъ безлѣсной тундрой къ очень крутой тропинкѣ внизъ, по которой мы вышли на берегъ моря между Маячнымъ мысомъ и мысомъ Высокая-маячная-тундра, къ небольшой бухтѣ. Здѣсь выступаютъ на дневную поверхность головы столбовъ базальта, а также базальтовые жилы, проникающія конгломераты и туфы. На мысѣ Высокая-маячная-тундра, выдающемся далеко въ море, я нашель туфы и плотныя, сѣрыя породы, переполненные миндалинами кварца. Далѣе къ сѣверу находится большая, мелкая бухта, въ сѣверный конецъ которой открывается небольшое озеро; послѣднее, находясь между Раковой губой и моремъ, имѣетъ стокъ въ обѣ стороны и лежитъ на днѣ долины, представляющей самый прямой путь изъ Петропавловска къ морю. Затѣмъ идетъ менѣе выдающійся мысъ Топорковъ, съ рифами и двумя скалистыми островами передъ нимъ, изъ которыхъ одинъ, меньшій, остроконаченъ, а большій — Топорковъ — съ плоской вершиной. Оба состоятъ изъ туфовъ и базальтовыхъ жилъ и служатъ мѣстомъ гнѣздованія безчисленнаго множества водныхъ птицъ, яйца которыхъ жители Петропавловска ежегодно собираютъ тысячами. Еще посѣвернѣе выдается въ море состоящій изъ того-же матеріала мысъ Болунокъ, а въ берегахъ опять появляются красныя, обожженные глинистыя породы. Здѣсь высокая вода и прибой, бившій до прибрежныхъ скалъ, такъ заперли намъ дорогу, что пришлось сдѣлать довольно дальній обходъ назадъ и направиться чрезъ переваль Англичанское, въ мѣстѣ, дѣйствительно, очень неудобномъ. При-

ходилось прокладывать топоромъ дорогу въ густомъ кустарникѣ стланца. Изъѣденные комарами, утомленные жарой и усталые, мы выбрались наконецъ въ небольшую, спускающуюся внизъ, долину, прошли рѣчкой, текущей по дну ея, до моря, тамъ перебрались черезъ мысъ Калахтырку, а скоро затѣмъ достигли и устья р. Калахтырки. Не далеко отъ устья на рѣкѣ стоитъ жилия юрта, у которой мы и расположились со своей палаткой. Я порядочно повредилъ себѣ ногу объ одинъ острый камень и поэтому долженъ былъ 19-ое іюня провести здѣсь. Стояли превосходные лѣтніе дни; сегодня даже въ тѣни было 22° R. Близъ устья Калахтырки изъ моря поднимается большая, средней вышины, скала изъ туфа, которую волны промыли въ видѣ воротъ. Дальше къ югу видны высокія береговыя скалы, мимо которыхъ мы только что проходили, а передъ ними скалистый, съ крутыми берегами, островъ

Коряцкая сопка.

Авачинская сопка.

Козель.

Топорковъ. На сѣверо-востокъ тянется далѣе мало возвышенное побережье, изъ котораго нѣсколько болѣе выступаетъ только низкій Толстый мысъ. Версты на три выше первой юрты на той-же рѣкѣ стоитъ вторая, также жилия, а еще шестью верстами выше послѣдней начинается уже озеро Калахтырка, изъ котораго беретъ начало рѣка того-же имени. Озеро длиною болѣе 10 верстъ, довольно узко и тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ. У наиболѣе отдаленнаго сѣверо-западнаго конца его находится хуторъ губернатора, съ обширными покосами вокругъ. Съ запада къ озеру и рѣкѣ крутыми склонами подходят горы побережья Авачинской губы, а сѣверный и сѣверо-восточный берега того и другой поросли прекраснымъ березовымъ лѣсомъ. Окрестность далѣе на сѣверъ и востокъ представляетъ волнистую

мѣстность, заросшею густѣйшимъ кустарникомъ изъ ольхи, ивы, рябины и боярышника, — мѣстность, которая довольно быстро повышается къ сопкамъ Коряцкой и Авачинской, красиво господствующимъ надъ нею. Коряка, окутанная снѣгомъ, стояла молчаливо и сурово, а Авача, менѣе высокая и менѣе снѣжная, пускала клубы дыма и отъ времени до времени издавала легкое грохотаніе.

Въ этой красивой обстановкѣ очень живописно расположены оба Калахтырскія поселенія. Въ нихъ живутъ нѣсколько старыхъ, отставныхъ матросовъ, коротающихъ свою одинокую жизнь въ рыбной ловлѣ и охотѣ. Еще глубже въ этомъ прекрасномъ уединеніи стоитъ одинъ домикъ на берегу р. Тойонской, начинающейся у Авачинской сопки и отдѣльно впадающей въ море, нѣсколько къ сѣверу отъ Толстаго мыса. Здѣсь устроился на житѣ сосланный въ Камчатку 28 лѣтъ тому назадъ изъ Гродненской губерніи, старый полякъ Гордѣевъ. Его домикъ теперь — самое сѣверное человѣческое жильё на восточномъ берегу Камчатки, до устья р. Камчатки. Старикъ Гордѣевъ ловилъ тутъ рыбу довольно долгое время и на утро собирался домой. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе идти вмѣстѣ съ нимъ, и 20-го іюня мы тронулись.

Идя плоскимъ берегомъ моря, мы скоро достигли невысокаго Толстаго мыса, гдѣ залегають свѣтлый глинистый сланецъ съ обломками кварца; здѣсь валялись еще остатки разбитаго брига, «Елисавета», потернѣвшаго здѣсь нѣсколько лѣтъ передъ этимъ крушеніе. Хорошо протоптанной медвѣжьей тропой мы прошли чрезъ высокій ольховый лѣсъ на Тойонскую, перебрались раза два чрезъ нее вбродъ, и, пройдя въ общей сложности три часа, очутились у избышки Гордѣева. Уже издали небольшая просѣка и за ней маленькій, очень опрятный, огородъ, вмѣстѣ съ расчищеннымъ сѣнокосомъ, давали звать, что мы приближаемся къ содержимому въ порядкѣ хозяйству. Гордѣевъ уже 3 недѣли не былъ у себя, и домъ его все это время стоялъ пустымъ, а двери были только приперты снаружи древеснымъ чурбаномъ.

Старикъ нашелъ все нетронутымъ и въ порядкѣ: ничего не было попорчено, все было на лицо. Бокъ о бокъ съ домикомъ стоялъ маленькій хлѣвъ, въ которомъ хозяинъ держалъ зимой пару коровъ; теперь, лѣтомъ, онѣ были пущены бродить день и ночь на подножномъ корму, въ полной вѣрѣ, какъ говорилъ старикъ, что отъ дикаго звѣря упасетъ Богъ. Черезъ ручей съ отличной водой былъ перекинутъ простой мостикъ, и тѣнистый березовый лѣсокъ окружалъ расположенную въ глубокомъ уединеніи келью стараго, честнаго труженика. Съ довольнымъ выраженіемъ лица показывалъ онъ мнѣ свои запасы, — муку, чай, сахаръ и одинъ окорокъ. Затѣмъ онъ угостилъ меня парой жареныхъ рыбъ и подкрѣпительнымъ напиткомъ изъ березоваго сока. По его словамъ, ему никогда не бываетъ скучно; дѣла всегда пропасть, а за работой забываешь все, что непоправимо. Не будь у него никакой работы, онъ давно умеръ-бы съ тоски по женѣ и по дѣтямъ, которыхъ ему пришлось оставить, такъ и не зная, почему, безъ всякаго суда. Его внезапно арестовали и выслали сюда.

21-го іюня, опять при хорошей погодѣ, мы отправились въ южномъ направленіи къ находящемуся у западнаго конца озера Калахтырки губернаторскому скотному двору, до котораго около 10 верстъ. Мѣстность — волнистая, красиво поросшая хорошимъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*) и орошаемая множествомъ небольшихъ ручьевъ, которые всѣ сбѣгаютъ съ подножія и предгорій Авачи и впадаютъ, во первыхъ, въ Тойонскую, во вторыхъ — и въ гораздо большемъ числѣ — въ Калахтырское озеро. Въ 2½ часа мы дошли до дѣли. Здѣсь, около хлѣвовъ и юрты пастуха, встрѣтился выходъ пористой, темной породы. Послѣ недолгаго привала мы прошли черезъ большое количество очень хорошо раздѣланныхъ покосовъ, принадлежащихъ къ этой фермѣ и теперь давшихъ очень богатый сборъ, перешли нѣсколько ручьевъ, которые всѣ текутъ въ озеро, наконецъ перебрались чрезъ глубоко вдавленное сѣдло между Меженной и Шестаковской падями, и выбрались къ небольшому озеру, лежащему непосредственно къ сѣверу отъ Петропавловска.

Вернувшись вечеромъ домой, я узналъ, что за это время сюда прибыли — фрегатъ «*Аврора*» и торговое судно Американской Компаніи «*Камчатка*», съ капитаномъ Риделемъ. «*Аврора*» представляла очень грустный видъ, такъ какъ не менѣе 220 человѣкъ лежали пораженные цынгой болѣе или менѣе тяжко; каждый день умирало по нѣскольку человѣкъ. Утѣшаться можно было развѣ только тѣмъ, что на берегу больные замѣчательно быстро оправлялись, благодаря свѣжей пищѣ, особенно сырымъ овощамъ и доброкачественной водѣ.

Только поздно вечеромъ я узналъ, что на «*Аврорѣ*» находится натуралистъ изъ Дерпта, проѣзжающій на Амуръ, но какъ его зовутъ, я уже въ этотъ день узнать не могъ. Утромъ 22-го іюня я скорѣе поспѣшилъ на фрегатъ и былъ пораженъ самымъ пріятнымъ образомъ, увидѣвъ предъ собою своего добраго друга и товарища по университету въ лицѣ Л. ф.-Шренка, нынѣ академика. Пріятно провелъ я нѣсколько дней въ его обществѣ, пока 1-го іюля онъ не уѣхалъ на корветѣ «*Ольвица*» въ Амурскій край — цѣль его многостороннихъ изслѣдованій.

2) Экскурсія къ Паратункѣ и ея окрестностямъ.

Опять начались переговоры съ Завойко относительно дальнѣйшаго путешествія. Я хотѣлъ проѣхать съ западнаго берега Авачинской губы системой Паратунки и продолжить путь далѣе, до дѣйствующаго вулкана Асачи, находящагося на юговосточномъ берегу Камчатки, къ югу отъ Вилючинской сопки. Сначала Завойко былъ противъ всякихъ болѣе отдаленныхъ путешествій и отказалъ мнѣ въ какомъ-либо содѣйствіи. Наконецъ онъ согласился, но все таки ѣхать на Асачу не позволилъ. Меня опять столь же скудно снабдили лошадьми и людьми, предоставивъ выборъ дня отъѣзда мнѣ самому; на случай же, если покажутся непріятельскія суда, мнѣ было отдано самое опредѣленное приказаніе сейчасъ же возвращаться.

Право, какой-то рокъ тяготѣлъ надъ моими лѣтними экскур-

сіями этого года. Ничто не ладилось, ничего не выходило. Всюду громоздились препятствія, одолѣть которыя было почти не подь силу. Въ путешествіи къ южной оконечности Камчатки, о которомъ я такъ мечталъ, а въ особенности —къ Асачинской сопкѣ, мнѣ было совершенно отказано, да и другіе планы точно также потерпѣли фіаско. Изъ небольшихъ экскурсій въ окрестностяхъ Петропавловска можно было вынести очель немного чего-нибудь существеннаго; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ лучше воспользоваться хоть ими, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ совсѣмъ безъ дѣла, какъ того хотѣлъ Завойко. Да еще приходилось, чтобы добиться чего-нибудь, даже какой-нибудь мелочи, строить благодушную физиономію.

Наконецъ, 12-го іюля наступилъ день отъѣзда. Лошадей съ кладью я отправилъ впередъ въ казачье поселенье Сѣроглазки у Авачинской губы, а самъ со своимъ казакомъ началъ подниматься пѣшкомъ на Меженную гору, плоско-коническую, отдѣльную гору, возвышающуюся между Петропавловскомъ и сказаннымъ селеніемъ. Густымъ, спутавшимся кедровымъ кустарникомъ, то и дѣло работая топоромъ, мы добрались, съ большимъ трудомъ, до вершины горы. Здѣсь я нашель трахитово-андезитовую породу красноватаго цвѣта, очень похожую на ту, которая нѣсколько сѣвернѣе спускается къ заливу въ видѣ лавоваго потока и, повидимому, имѣеть мѣсторожденіемъ предгорья Авачинской сопки. Къ востоку далеко открывался видъ на устье р. Калахтырки и на поднимающуюся къ вулкану волнистую, заросшую густымъ кустарникомъ, мѣстность. На сѣверъ тянется въ паправленіи къ Авачинской сопкѣ лѣсистый кряжъ, а на югъ и западъ подь нами лежали портъ и красивая губа. Спускъ къ Сѣроглазкамъ былъ также затруднителенъ. Въ мѣстечкѣ этомъ теперь уже было три видныхъ, въ родѣ казармъ, зданія, въ которыхъ жили со своими семьями казаки, но самое мѣсто, въ отношеніи хозяйства и образа жизни этихъ бѣдняковъ, привыкшихъ питаться рыбой, выбрано было чрезвычайно непрактично: здѣсь впадаетъ только одинъ, совсѣмъ маленькій, ручеекъ, въ который рыба никогда и не загля-

дываетъ. Сильный дождь, затянувшійся на всю ночь, заставилъ меня остаться здѣсь.

13-го іюля день выдался также хмурый, но такъ какъ дождя не было, мы тронулись дальше. Сначала мы пошли дорогой на деревню Авачу, но минуя ее свернули у Моховой губы на болѣе близкую и прямую дорогу въ Старый Острогъ. На этомъ пути намъ пришлось идти тянущимся безъ перерыва вдоль лѣваго берега р. Авачи красивымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*). Вся эта милая лѣсистая мѣстность волниста и пересѣкается 18 небольшими ручьями, которые всѣ стекаютъ съ близкаго вулкана въ р. Авачу. У однихъ изъ этихъ ручьевъ есть довольно углубленные долины съ сравнительно крутыми склонами, другіе, напротивъ, струятся по обширнымъ низинамъ, влажная почва которыхъ покрыта густыми зарослями шаламайника (*Filipendula kamtschatica*), выше человеческого роста. Это былъ опять одинъ изъ тѣхъ роскошныхъ, столь характерныхъ для Камчатки, березовыхъ лѣсовъ. Красивые, старые, суковатые стволы *Betula Ermani* съ ихъ свѣтлой, нѣсколько красновато-сѣрой, корой и широкой кроной, расположены были съ большими промежутками и поднимались надъ густымъ подлѣскомъ изъ *Crataegus*, *Lonicera*, *Rosa*, рябины и чернотальника, а земля между кустами была покрыта сочной травой съ *Geranium*, *Thalictrum*, *Fritillaria*, *Epilobium* и др. Этотъ густой коверъ тамъ и сямъ перерѣзывался широкими, основательно протоптанными, тропами медвѣдей, по которымъ эти звѣри ходятъ съ вулкана на рѣку Авачу и по которымъ на этотъ разъ мы по большей части слѣдовали. Такіе березовые лѣса—главный районъ дѣйствія охотниковъ за соболями, и здѣсь же фантазія камчадаловъ поселяетъ маленькаго демона-карлика, Пихлахчика, который быстро разѣзжаетъ на санкахъ, запряженныхъ тетерьками, издѣвается надъ охотниками, задаетъ имъ почти невыполнимыя задачи, но зато можетъ и паградить охотника большимъ богатствомъ и успѣхомъ.

Измокнувъ въ высокой травѣ и въ превышающихъ ростъ человѣка кустахъ, которыхъ густая листва была еще совсѣмъ

мокра отъ послѣдняго дождя, мы вошли въ 6 часовъ вечера— при дождѣ, начавшемся опять — въ Старый Острогъ. 14-го и 15-го іюля дождь лилъ ливня, и о путешествіи нечего было и думать. Только 16-го, когда небо опять прояснилось, мы тронулись дальше.

У Старога Острога мы перешли на правый берегъ р. Авачи и прошли имъ, по просѣкѣ въ березовомъ лѣсу, на ферму офицера Губарева. Скоро по выступленіи въ путь намъ пришлось перебраться чрезъ притокъ Авачи, Половинную, которая беретъ начало въ области истоковъ р. Начики и несетъ гальку изъ свѣтлыхъ, плотныхъ сланцевъ и гранитныхъ породъ. Дорога шла сухимъ мѣстомъ; черезъ добрый часъ пути мы были уже на фермѣ. Въ этомъ, недавно основанномъ, образцовомъ заведеніи — такимъ, по крайней мѣрѣ, оно должно было быть сообразно плану — я думалъ найти начатки благоустроеннаго сельскаго хозяйства, скотоводства, садоводства, да, пожалуй, и земледѣлія, но то, что я нашелъ, слишкомъ разочаровало меня. Среди свѣжихъ пней возвышался совсѣмъ маленькій жилой домикъ съ очень небольшимъ хлѣвомъ, къ которому примыкалъ очень ограниченный садикъ, — вотъ и все; въ остальномъ и здѣсь практиковалось цѣликомъ воиное, камчатское «рыбное и собачье» хозяйство. Побывъ здѣсь очень недолго, мы опять двинулись сухими, цвѣстистыми лугами да красивыми березовыми рощами дальше. Верстъ чрезъ 10 мы пришли на Батуринскіе ключи и съ ними вступили уже въ бассейнъ Паратунки. Батуринскіе ключи — скопленіе небольшихъ, обильныхъ ключами прудовъ и ручьевъ, которые, сливаясь между собою, даютъ начало р. Тихой, прежде, говорятъ, впадавшей самостоятельнымъ устьемъ въ Авачинскую губу, а въ настоящее время соединяющейся съ Паратункой немного выше устья послѣдней и ставшей, такимъ образомъ, ея притокомъ. Съ Батуринскихъ ключей мы, держась теченія Тихой, пошли чрезъ большіе покосы, существующіе здѣсь изстари и принадлежащіе здѣшнимъ якутамъ — поселенцамъ и русскимъ крестьянамъ. Въ 1825 году начальникъ Голенищевъ основалъ на Тихой Якут-

скую колонію, чтобы завести здѣсь въ широкихъ размѣрахъ скотоводство. Впослѣдствіи селеніе это, нѣкогда цвѣтущее, вслѣдствіе вымиранія населенія и вслѣдствіе запущенія, понемногу пришло въ полный упадокъ и остатки его жителей — скотоводовъ разбрелись.

Теперь эта мысль возродилась въ Завойко, и онъ задумалъ основать здѣсь новое, большое поселеніе скотоводовъ и земледѣльцевъ. Прежнія названія этой деревни, Тихая и Орловка, были замѣнены новымъ именемъ — Николаевская, и четыре новенькихъ, хорошо построенныхъ, дома уже были на лицо. Но планъ задуманъ былъ шире: на большой четырехугольной площади предполагалось поставить болѣе 20 домовъ, окруженныхъ хлѣбами, огородами и даже пашнями. Мѣстность для новой деревни была подобрана очень практично. Дѣло въ томъ, что Паратунка отвѣтвляетъ отъ себя на западъ большой рукавъ — Орловку, образуя такимъ образомъ большой рѣчной островъ. При этомъ Орловка очень близко подходитъ къ Тихой и отдѣлена отъ нея собственно только небольшимъ возвышеніемъ. На этомъ-то водораздѣлѣ и поставлена новая деревня, примыкающая, слѣдовательно, и къ Тихой, и къ Орловкѣ. Въ этой же мѣстности когда-то стояла и деревня Паратунка, которая во времена Беринга играла извѣстную роль, но къ настоящему времени исчезла вмѣстѣ съ своими домами и церковью до того окончательно, что трудно даже найти и мѣсто, на которомъ она была расположена.

Для нынѣшней Николаевской важна близость Авачинской губы и Петропавловска, какъ мѣста сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства. Далѣе, отличные покосы, рыбныя богатства рѣчки и богатые охотничьи угодья являются весьма выдающимися факторами въ дѣлѣ процвѣтанія селенія. Только одно обстоятельство внушаетъ опасенія, — обстоятельство, изстари тяготящее надъ всѣми благими и цѣлесообразными начинаніями въ Камчаткѣ и внушающее опасенія и на этотъ разъ. Дѣло въ томъ именно, что каждый новый начальникъ Камчатки въ погонѣ за чинами и орденами крушитъ и уничтожаетъ всѣ постановленія своего

предшественника. Начиная, едва пустившія корень, уничтожаются каждый разъ, какъ негодныя. Кто въ данную минуту состоялъ правителемъ края, тотъ считалъ, что именно онъ-то только и поступалъ правильно, такъ какъ въ эту минуту онъ представлялъ собой единственную власть. Какая масса работы, труда и денегъ потрачена въ Камчаткѣ, благодаря этому, безъ всякаго проку! Неподалеку отсюда находится Микижина, когда-то цвѣтущая ферма Голенищева, а теперь давно уже груда обломковъ, какъ примѣръ въ предостереженіе многимъ другимъ начинаніямъ этого рода.

Николаевской заправлялъ теперь, въ качествѣ старосты, крутой субъектъ изъ унтеръ-офицеровъ, хотя, способствуетъ-ли суровая воещина практическому хозяйству, покажетъ время. Я, признаться, въ это не вѣрю. А жаль было-бы, въ отношеніи всего края и Петропавловска въ особености, если бы и Николаевская, теперь какъ разъ расцвѣтшая, дошла до уничтоженія.

Верстахъ въ 5 отъ Николаевской въ Паратушку впадаетъ берущая начало въ области истоковъ Начики р. Быстрая, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ Быстрой, протекающей подъ Большерѣцкомъ. По верхнему теченію этой рѣки находятся прекрасные лѣса, поставляющіе Петропавловску отличный строевой лѣсъ. Этотъ цѣнный матеріалъ даютъ стройные тополя и высокоствольныя, съ короткими, округленными листьями, ивы (ветловина). Какъ всѣ рѣки системы Паратунки, Быстрая неглубока и очень быстра, почему и недоступна для большихъ лодокъ. Далѣе мы перешли чрезъ очень короткую рѣчку Мостовую, а сряду за ней чрезъ совсѣмъ ужъ маленькую Микижину вытекающую изъ одного небольшого озера. Здѣсь то и стояла вышеупомянутая Голенищевская ферма (1825), нѣкогда хорошенькая дача съ большими хлѣвами и садами, въ прелестной мѣстности, которая теперь, благодаря невѣжественному отношенію къ дѣлу, представляетъ опустѣвшую груду мусора.

Отъ этого мѣста прежняго блеска и послѣдовавшаго за нимъ неразумія, намъ пришлось далѣе продираться чрезъ густѣйшія

заросли шаламайника колосальнаго роста, тянущіяся версты на 2, до такъ называемаго Молочнаго ключа. Это—холодный ключъ съ небольшимъ стокомъ и прозрачной водой, такъ что названіе, о происхожденіи котораго я не могъ дознаться, очень ужъ мало характерно. Здѣсь стояло новое строеніе, возведенное для несчастныхъ, одержимыхъ проказою, а существовавшій для нихъ до сихъ поръ пріютъ на Дальнемъ озерѣ (тоже въ системѣ Паратунки и недалеко отсюда) совсѣмъ развалился и сдѣлался необитаемъ. Какъ до сихъ поръ эти изгнанники, лепрозные или «проказные», наводящіе страхъ опасностью заразы, влчили свое жалкое существованіе въ глухой долинѣ Дальняго озера, изолированные отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ обществомъ, такъ и теперь имъ приходилось быть запертыми здѣсь и отрѣзанными отъ міра. Теперь насчитывалось 10, страшно изуродованныхъ, прокаженныхъ. Доставляемые имъ отъ времени до времени съѣстные припасы складывались далеко отъ ихъ жилья въ назначенномъ для этого мѣстѣ, чтобы устранить всякую возможность соприкосновенія съ другими людьми, а оттуда уже сами больные уносили ихъ къ себѣ. Въ случаѣ смерти, бѣдняги хоронили сами своего товарища гдѣ-нибудь по близости. Въ Камчаткѣ ничего такъ не боятся, какъ этихъ несчастныхъ, а врачебной помощи, при равнодушій мѣстныхъ врачей, абсолютно никакой нѣтъ.

Къ 8 часамъ вечера мы достигли горячихъ Паратункипскихъ ключей и остановились въ большомъ домѣ, построенномъ для пріѣзжающихъ на воды. Купаясь для освѣженія поздно вечеромъ, я нашелъ температуру въ большомъ бассейнѣ ключей въ $34\frac{1}{2}$ — 35° R., а у самаго мѣста истока воды — въ 38° R. День былъ пасмурный, и по небу неслись тяжелыя тучи, не предвѣщавшія ничего добраго. Рапо утромъ 17-го іюля хлынулъ ужасный дождь, сдѣлавшій дальнѣйшій путь совершенно невозможнымъ, и наступилъ дождливый періодъ, продержавшій меня въ домѣ цѣлыхъ 5 дней. Къ счастью, здѣсь находился нѣкто Лазаревъ, сынъ сосланныхъ когда-то сюда родителей, теперь состоявшій сторожемъ этого, принадлежащаго казнѣ, дома. Онъ много раз-

ѣзжалъ по Камчаткѣ и, благодаря своимъ охотничьимъ походамъ, хорошо зналъ страну. Я сейчасъ же залучилъ его себѣ въ проводники и старался, въ продолженіе дней моего заключенія здѣсь, извлечь для себя пользу изъ его путевой опытности и знанія края, что впрочемъ, къ сожалѣнію, дало менѣе результатовъ, чѣмъ я надѣялся сначала.

Прежде всего Лазаревъ далъ мнѣ довольно полную картину системы Паратунки, — картину, которую я, насколько простирался мой собственный опытъ, нашелъ совершенно вѣрной. Въ общемъ длина теченія Паратунки не особенно велика, и образуется она изъ слиянія трехъ рѣчекъ. Самая восточная изъ послѣднихъ идетъ изъ области Вилючинской сопки; средняя, самая длинная, образующая много водопадовъ, течетъ изъ окрестности вулкана Асачи, а какъ разъ при мѣстѣ соединенія обѣихъ этихъ рѣчекъ есть теплый ключъ невысокой температуры. Наконецъ, самая западная рѣчка вытекаетъ съ горнаго массива, извѣстнаго подъ названіемъ Бабьяго камня, недалеко отъ истоковъ Карымчиной, впадающей въ р. Начику. Отъ мѣста соединенія послѣдней рѣчки съ двумя первыми рѣка получаетъ названіе Паратунки. Сряду за этимъ она раздѣляется на два одинаковыхъ рукава, между которыми образуется такимъ образомъ длинный островъ, на которомъ также есть горячій ключъ. Съ лѣвой стороны, т. е. съ запада, въ лѣвый рукавъ впадаютъ, считая съ юга къ сѣверу: ручей Алѣскинъ, текущій Алѣскиной тундрой, Косогорчиковыя ключи, Тополѣвная и Якутскіе ключи. Съ правой, восточной, стороны правый рукавъ принимаетъ въ себя Гольцевку, вытекающую изъ озера, лежащаго у подошвы Бархатной сопки — конической, средней высоты, горы, и Шаманку, начинающуюся въ горномъ массивѣ Трубы, въ которую въ свою очередь впадаютъ Даниловы ключи. Скоро за впаденіемъ Якутскихъ ключей оба большіе рукава Паратунки опять соединяются въ одну рѣку, въ которую затѣмъ вливаются съ лѣвой стороны еще Зайбенная, вторая Миккижина и Хайковая, а послѣдняя принимаетъ въ себя горячіе Паратункинскіе ключи. Съ правой стороны въ Паратунку впадаютъ еще только стоки

Дальняго и Ближняго озеръ. Главное направленіе Паратунки— съ юга на сѣверъ, и только съ деревни Николаевской она дѣлаетъ поворотъ подъ прямымъ угломъ къ востоку и затѣмъ впадаетъ въ сѣверо-западную часть Авачинской губы, отвѣтвивъ подъ самымъ уже устьемъ маленькій ручей, Кихчпгъ. Съ той рѣчки изъ образующихъ Паратунку, которая течетъ съ Асачи, есть очень удобный переваль на югъ, на Гольгину.

Бываль много разъ Лазаревъ и на Курильскихъ островахъ; при этомъ доѣзжалъ даже до 13-го. По его разсказу, острова эти состоятъ лишь изъ высокихъ вулканическихъ горъ и скалъ, покрываются долго не стаивающей массой снѣга, а въ отношеніи растительности или совсѣмъ голы, или покрыты рѣдкимъ кустарнымъ кедровникомъ. Медвѣди попадаютъ только на двухъ первыхъ островахъ, какъ рѣдкость. Айны, населявшіе прежде всѣ острова, прогнаны, по словамъ Лазарева, японцами съ сѣверныхъ острововъ и оставлены на южныхъ.

18-го іюля у насъ было довольно сильное землетрясеніе. Сотрясеніе шло съ сѣвера на югъ. Издали послышался внезапно шумъ. Точно топотъ полка кавалеріи на полномъ скаку по твердой почвѣ, шумъ этотъ приближался съ несказанной быстротой, все усиливаясь, пробѣжалъ подъ нами и затѣмъ также быстро исчезъ на югѣ. Въ моментъ, когда шумъ былъ какъ разъ подъ нами, грохотъ и движеніе достигли максимума. Въ это мгновеніе слышался звукъ положительно какъ-будто при бурномъ кипѣніи, въ домѣ все трещало и гремѣло, висѣвшіе предметы качались, половицы расходились, а въ окнѣ треснуло одно стекло. Колебанія длились, самое большое, 3—4 секунды. Температура горячихъ псточниковъ оставалась въ это время такой же точно, какъ и раньше.

Весь югъ широкой долины Паратунки окруженъ высотами, которыя большею частию покрыты лѣсомъ, остроконечны и надъ которыми поднимаются лишь мѣстами отдѣльные, болѣе высокіе, массивы. Такъ, болѣе къ западу возвышается Бабій камень, а болѣе къ югу — Бархатная сопка, конусъ, покрытый темно-зе-

леньимъ мохомъ съ голой вершиной, п Трубы. Но надъ всей цѣпью доминируетъ далѣ Вилочипская сопка — высокій, голый, глубоко-изброжденный вполнѣ коническій вулканъ, въ настоящее время, повидимому, не проявляющій никакой дѣятельности; въ его ложбинахъ виднѣлись большія массы снѣга.

Здѣсь мною взяты были слѣдующіе пеленги: Авачинская сопка — 43° NO., ущелье Ближняго озера — 85° ONO, Вилочипская сопка — 171° SSO, Ущелье Дальняго озера — 120° OSO, Бархатная сопка — 180° S п ущелье пстока Паратунки, пдущаго съ Асачи — 191° SSW. Здѣсь долина Паратунки, кромѣ того, болѣе всего открыта на югъ.

Къ полудню 22-го іюля небо прояснилось, и я сейчасъ же, взявъ съ собой Лазарева, выступилъ въ путь. Мы направились лѣвымъ берегомъ на югъ, въ верхнюю часть долины Паратунки. Сначала мы прошли большимъ лугомъ, за нимъ — березовымъ лѣсомъ, а тамъ начался переправы чрезъ повнеповальные выше притоки. Первымъ изъ нихъ была Микижипа 2-я, мелкій, быстрый горный ручей, питаемый тающимъ горнымъ снѣгомъ; галька его — почти всецѣло гранитная. Затѣмъ мы достигли Зайбенной и Якутскихъ ключей, гдѣ говорятъ, въ 1820 году, въ управленіе Станицкаго, также были поселены якуты. Потомъ слѣдовала Тополѣвая, съ краснымъ, старымъ, тополевымъ лѣсомъ, а еще подальше — Косогорчковые ключи, по якутски — Торбога. Наконецъ, продѣлавъ отсюда еще около 5 верстъ чрезъ высокую траву и большія заросли шаламайника, мы добрались до Алѣскина ручья, протекающаго ровной, безлѣсной Алѣскиной тундрой. Здѣсь мы устроились на стоянку. До чего баснословно велика была масса лососей — въ это время хайко и красной рыбы, — поднимавшихся всюду по системѣ Паратунки п тѣсившихся густѣйшими косяками, тысячами п еще тысячами, въ тѣ ручьи п рѣчки, чрезъ которые мы только что переходили, положительно нельзя повѣрять, не видѣвъ этого собственными глазами. Все это барахталось п лѣзло все выше п выше, къ горамъ. Идущія глубже рыбы выпралап, въ мелкой водѣ, верх-

нихъ на воздухъ цѣлыми сотнями, и эти тогда старались пробраться дальше по скользкимъ спинамъ первыхъ. Этому баснословному богатству рыбы отвѣчало и большое количество занятыхъ ея ловлей медвѣдей. Даже на пустышномъ восточномъ берегу Камчатки я никогда не видалъ такого множества медвѣдей, какъ здѣсь. Вся трава и всѣ растенія по берегамъ рѣки были совершенно вытоптаны. На мягкой береговой землѣ отдѣльныхъ слѣдовъ различить уже было нельзя, а точно большое стадо скота прошло по вязкому мѣсту. Можно было видѣть, какъ штукъ по 5—10 большихъ, лохматыхъ, бурыхъ звѣрей ловить рыбу другъ подлѣ друга и угощаются ею. Приближеніемъ своимъ мы каждый разъ вызывали замѣшательство и страхъ между этими сытыми, мирными рыба-рями. Завидѣвъ насъ, они всей компаніей удирали и только двое, посмѣлѣе, были застрѣлены. Здѣсь Камчадалы могли-бы резонно воскликнуть: «это мѣсто медвѣжисто», а я могу прибавить еще: «кто въ Камчаткѣ умираетъ съ голоду, тотъ — самоубійца».

23-го іюля. Когда мы проснулись, погода была превосходная, а кругомъ насъ развертывался великолѣпный горный ландшафтъ. Въ большой дали возвышалась подъ 37° на сѣверо-востокъ Авачинская сопка, а подъ 27° на сѣверо-востокъ — Коряка, подъ 150° на юго-востокъ стояла, теперь уже близко отъ насъ, сопка Вилочинская, а Бархатная казалась отдѣленной отъ нея только небольшимъ горнымъ узломъ. Ущелье на Асачу открывается почти подъ 168° къ югу, истоки Карымчинной лежатъ на 220° къ юго-западу, а Бабій камень на 242° къ юго-западу.

Высокая и сухая Алѣскина тундра — большая розсыпь трахитовой гальки, намытой и разсыпанной половодьями съ ближнихъ горъ, затѣмъ покрывшаяся слоемъ мховъ и тундрныхъ растеній. Мы скоро прошли до конца эту тундру, а затѣмъ, продравшись опять чрезъ почти непроницаемую гущу шаламайника, перешли чрезъ первый пестокъ Паратунки, текущій съ запада, съ Бабьяго камня. И здѣсь вся галька была трахитоваго характера. Опять дорога пошла чрезъ густѣйшій шаламайникъ, но уже хорошей

медвѣжьей тропой, а затѣмъ мы снова очутились на Паратункѣ, которая здѣсь получаетъ воды еще только отъ двухъ истоковъ. Мы не стали переходить рѣку, а прошли ею далѣе въ горы, гдѣ долину какъ-будто замыкаетъ болѣе высокая, коническая гора. Здѣсь, изъ сильно поднятаго подножія этой горы, по довольно пологой поверхности, вытекають два горячихъ ключа съ температурой въ 55 и 56° (при 14° температуры воздуха), футахъ въ двухъ одинъ отъ другаго. Одинъ изъ этихъ ключей отличался той особенностью, что на глубинѣ приблизительно 5 дюймовъ температура его была уже на 2° ниже. Должно быть, въ него втекаетъ на извѣстной глубинѣ еще другой, его охлаждающій, ключъ. Оба ключа прорѣзываютъ въ глинѣ и галькѣ глубокія русла, доходящія до ниже лежащей, подстилающей, трахитовой породы, соединяются въ саженьяхъ 4-хъ отъ мѣста ихъ выхода, круто сбѣгая, въ одинъ небольшой ручей и затѣмъ принимаютъ съ боку еще ключъ съ температурой въ 51°; образовавшійся такимъ образомъ ручей показываетъ при подошвѣ горы еще 35°, а затѣмъ совершенно уже охлаждается вслѣдствіе притока холодной воды. Изъ горы вода этихъ ключей вытекаетъ спокойно и совершенно прозрачной и въ руслѣ не отлагаетъ никакихъ осадковъ; только отъ времени до времени отъ нея слышенъ слабый запахъ сѣроводорода. Углекислоты она, повидимому, не содержитъ вовсе.

Здѣсь идетъ, мимо упомянутой горы, по узкому ущелью, дорога на вулканъ Асачу. Скрѣпя сердце и только для того, чтобы сдержать данное мною Завойнкѣ обѣщаніе и настроить его болѣе благосклонно въ отношеніи экскурсій куда-нибудь подальше, я долженъ былъ положить здѣсь предѣлъ своей настоящей экскурсіи къ югу. И такъ, въ долині Паратунки есть три мѣста съ горячими ключами: здѣсь — на переходѣ къ Асачѣ, затѣмъ на большомъ рѣчномъ островѣ и, наконецъ, извѣстный при купальнѣ. Перейдя здѣсь въ бродъ чрезъ Паратунку, мы опять зашагали чрезъ растянутыя, высокія заросли шаламайника, и, добравшись до хорошаго березоваго лѣса, остановились на почлегѣ.

24-го іюля. Благодаря установившемуся западному вѣтру, погода и сегодня была превосходная. Мы находились теперь на правомъ берегу рѣки и шли имъ назадъ на сѣверъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе березовымъ лѣсомъ да сухими лугами, мы очутились на первомъ изъ правыхъ притоковъ Паратунки, на Гольцевкѣ. Эта послѣдняя, настоящій горный ручей, бѣжитъ по трахитовой и вулканической галькѣ широкой долиной, соединяющейся съ долиной Паратунки, а начало беретъ въ глубокомъ озерѣ при подошвѣ Бархатной сопки. Съ нея до Даниловыхъ ключей намъ пришлось идти низменной, болотистой мѣстностью, густо поросшей ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ. Даниловы ключи состоятъ изъ скопленія небольшихъ, обильныхъ ключами, прудовъ, въ которые впадаетъ также ручей Шаманка. И здѣсь по берегу опять было много густого кустарника и шаламайника, изъ котораго мы выбрались наконецъ на болѣе твердую почву и березовымъ лѣсомъ прослѣдовали на рѣчку Озерную.

Сегодня тоже намъ все время попадались по берегамъ медвѣди, а одинъ, очень видный, мишка вздумалъ было даже сдѣлать на насъ нападеніе. Когда мы спускались, ведя лошадей въ поводу, съ одного крутого, заросшаго кустарникомъ, косогора, мы услышали, какъ что-то такое быстро и шумно поднимается на встрѣчу намъ, въ гору. Скоро, шагахъ въ 4 отъ насъ, появилась мохнатая фізіономія здоровешнаго медвѣдя, который облизывался, т. е. готовился кинуться. Лазаревъ первый замѣтилъ врага и выдвинулъ впередъ свою лошадь; въ тоже время мы живо схватили ружья. Однако непріятель нашъ лишился своей храбрости: такъ же быстро, какъ появился, онъ скрылся двумя большими прыжками въ глубь прежде, чѣмъ мы готовы были къ выстрѣлу.

Прибывъ на Озерную, мы свернули, обогнувъ выступъ горъ, въ долину Озерной, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее ручей, начинающійся въ горномъ узлѣ «Трубы», и къ 3 часамъ добрался до поселенія «Дальнее Озеро». Рикордъ, въ бытность начальникомъ края (1818), поселилъ на озерахъ Дальнемъ и Ближнемъ по

одному отставному казаку па каждомъ: на первомъ—Данилова, на второмъ—Верхотурова, почему и до сихъ поръ эти озера называются также и по фамиліямъ этихъ первыхъ поселенцевъ. Оба озера, лежація въ близкихъ одна отъ другой, параллельныхъ долинахъ, длинны п узки и стекають небольшими ручьями къ западу въ Паратунку. Восточными концами они очень близко подходят къ Таринской губѣ, особенно оконечность Ближняго озера близко подступаетъ къ извѣстной дорогѣ на горячіе Паратункинскіе ключи. Оба селенія расположены у выхода ручьевъ изъ озеръ, т. е. на западныхъ концахъ послѣднихъ.

Великолѣпнѣйшіе покосные луга, которые могли-бы прокормить большія стада скота, окружають опустѣвшее нынѣ Дальнеозерское поселеніе. Стоять только развалившіяся избенки, въ которыхъ жили, или, вѣрнѣе, исподволь гибли несчастные прокаженные, выброшенные изъ общества и лишепные всякихъ сношеній съ населеніемъ. При взглядѣ на очаровательную по красотѣ, плодородную, замкнутую поросшими лѣсомъ горами, котловину озера, почти не вѣрится, что она въ теченіе многихъ лѣтъ была свидѣтельницей такого несказаннаго горя и такихъ ужасныхъ страданій убогаго люда, предоставленнаго здѣсь абсолютно безъ всякой помощи медленной гибели отъ страшной болѣзни. Далеко отъ этого «мѣста несчастья», совсѣмъ на другомъ концѣ долины, посреди прелестнаго ландшафта, разбили мы свой лагерь.

25-го іюля. Небо было ясно, и я взялъ здѣсь слѣдующіе пеленги: Вилючинская сопка— 180° S, направленіе горячихъ ключей у купальнаго дома— 300° NW, проходъ на Таринскую губу— 97° OSO, рядомъ съ нѣмъ находящаяся высокая скала, Колдунная сопка, — 126° SO и массивъ Трубы съ его похожей на развалины или на печныя трубы вершиной— 178° SSO.

Пройдя часа 3, то въ гору, то подъ гору, березовымъ лѣсомъ, въ которомъ глубокія лоцины густо поросли пышнымъ кустарникомъ, мы вышли у мыса Кутха на Таринскую губу и сейчасъ же направились къ извѣстной читателю пристани, къ которой часто пристають приѣзжающія изъ Петропавловска

дровяныя лодки. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ не нашлось здѣсь ни одной; однако я рѣшилъ подождать. Лазаревъ отправился отсюда назадъ, домой; лошадей я отправилъ въ Петропавловскъ, а самъ съ казакомъ остался на берегу губы.

Въ отношеніи распредѣленія горъ и долинъ этой мѣстности, я имѣю прибавить еще слѣдующее. Главный центръ возвышенностей представленъ здѣсь, повидному, Вилючинской сопкой, такъ какъ отъ этого вулкана тянутся во все стороны долины и сопровождающіе ихъ хребты. Къ сѣверу спускается долина Паратунки съ ея боковыми высотами; отъ близъ лежащей Бархатной сопки отходитъ долина Гольцевки, съ горнаго узла Трубы идетъ притокъ истока Дальняго озера, а также короткая рѣчка Сельдовка, впадающая въ Сельдовую бухту Авачинской губы; рядомъ съ Сельдовкой проходитъ кряжъ, который заканчивается при морѣ мысомъ Кутка и самая высокая вершина котораго — Колдунная сопка. На востокъ, въ море, текутъ начинающаяся на Вилючинской сопкѣ и одноименная съ нею рѣчка и ручьи-притоки рѣчки Асачи.

26-го іюля. И сегодня я напрасно прождалъ лодки, а потому рѣшилъ завтра пройти пѣшкомъ на Ближнее озеро и оттуда на батѣ спуститься по Паратункѣ.

27-го іюля мы уже спозаранку были на погахъ. Наканунѣ, вечеромъ, случай привелъ сюда двухъ камчадаловъ, съ помощью которыхъ можно было перетащить мой багажъ до берега Ближняго озера, до котораго было съ 1 — 1½ версты. Здѣсь нашелся батѣ, на которомъ мы доѣхали до поселенья у западнаго конца озера. На батѣ же отправилсь и далѣе. По ручью, котрымъ стекаетъ въ Паратунку Ближнее озеро, — тихо текущему, очень излучистому и мутному, плаваніе шло сперва медленно, но со входомъ въ быструю Паратунку насъ подхватило, и въ 2½ часа мы пронеслись мимо устьевъ всѣхъ выше названныхъ притоковъ и мимо деревни Николаевской къ Авачинской губѣ. По берегамъ рѣчки, образующей здѣсь спльня искривленія, мѣстами видны были склоны изъ щебня до 12 фут. высотой, и большія

скопленія намытаго водой лѣса, среди котораго попадались и цѣлыя деревья; мѣстами шли низменные, поросшіе ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ, участки; часто попадались также заросли шаламайника. Передъ устьемъ Паратунки мы вошли въ рукавъ, перерѣзывающій большую, лежащую передъ этимъ устьемъ, какъ передъ устьемъ рѣки Авачи, измененность дельты. Узкимъ каналомъ или проливомъ, отдѣляющимъ отъ земли большой островъ Никиткинъ, мы, благодаря попутному вѣтру, прошли съ импровизированнымъ парусомъ къ деревнѣ Авачѣ. А здѣсь, на наше счастье, только что собирался уходить большой казенный ботъ. Живо перетасили мы на него поклажу, и пошли при благопріятномъ вѣтрѣ въ Петропавловскъ, куда прибыли еще довольно рано вечеромъ.

3) *Эккурсія на Авачинскую сопку, къ Баженину и къ вулканамъ восточнаго ряда.*

Съ 28-го іюля для меня опять началось скучное, неподвижное существованіе въ портѣ; впрочемъ, на этотъ разъ оно не затянулось такъ долго, какъ я сначала этого боялся. Батареи были уже готовы, и теперь усердно занимались практической стрѣльбой. Нѣсколько судовъ доставляли большой запасъ провіанта и даже амуниціи. Завойко чувствовалъ полную увѣренность въ себѣ. Онъ приготовился, насколько это было здѣсь вообще возможно, встрѣтить врага, какъ слѣдуетъ. Спѣшныя работы уже миновали, и онъ чувствовалъ себя спокойнѣе, что облегчало возможность обратиться къ нему опять съ переговорами. Подошелъ и августъ, а непріятель не являлся. 5-го августа я отправился къ губернатору. Онъ принялъ меня радушно и сказалъ, что, такъ какъ въ такое позднее время года уже нечего ждать нападенія, то я могу отправляться, когда и куда мнѣ угодно, чтсбы хотя нѣсколько наверстать потерянное время.

Не долго думая, я рѣшилъ пуститься въ путь на другой же день. Изслѣдовать подробно южную оконечность Камчатки было

уже положительно поздно, и выборъ мой остановился на путешествіи къ Авачинской сопкѣ, въ область истоковъ р. Авачи, а оттуда къ вулканамъ восточнаго ряда.

6-го августа. День выдался хорошій. Завойко далъ мнѣ въ проводники и слуги очень дѣльнаго казака, Климова, и послѣобѣда я отправился въ путь. Меня живо доставили на вельботѣ по заливу въ деревню Авачу, а отсюда я сейчасъ же выѣхалъ на батѣ вверхъ по Авачѣ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ выше того мѣста, гдѣ эта рѣка дѣлится на рукава, сдѣлалъ первую стоянку. До этого мѣста берега рѣки низменны, часто болотисты, а быстрота теченія незначительна. Вся низменность лишена древесной растительности и покрыта камышемъ, хвощемъ и высокой травой, изъ которой кое-гдѣ выглядываетъ ивовый кустарникъ. Далѣе же берега быстро повышаются и покрываются березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*).

Рано утромъ 7-го числа мы двинулись на батахъ далѣе, такъ что уже къ 10 час. утра были въ Старомъ Острогѣ. Мой старый пріятель Машигинъ увѣрялъ меня, что не знаетъ, какъ слѣдуетъ, дороги къ сопкѣ. Опъ правда, собирался идти вмѣстѣ съ нами, но только не брался быть проводникомъ. Какъ такового, онъ рекомендовалъ мнѣ камчадала изъ Коряки, пѣкоего Осипа Столбачикова, къ которому сейчасъ же и отправленъ былъ нарочный. Конечно противъ того, что проводникомъ будетъ этотъ Осипъ, я не имѣлъ ничего; жаль было только, что опять приходилось терять много времени, особенно теперь, когда, повидимому, установилась такая хорошая погода. Потеряли мы и 8-ое августа, благодаря камчадалской медленности въ рѣшеніяхъ. Машигинъ между тѣмъ старался сократить мнѣ время ожиданія разсказами о своихъ охотничьихъ и путевыхъ приключеніяхъ. Какъ уже было упомянуто выше, ему пришлось провести много лѣтъ своей юности въ горахъ около вулкана Коряки и на истокахъ р. Авачи; по этому опъ могъ сообщить объ этой мѣстности кое-что достойное замѣчанія, въ географическомъ отношеніи. Такъ, въ своихъ замѣткахъ я нахожу занесеннымъ съ его словъ слѣдую-

щее: Пинечева, большой лѣвый притокъ Авачи, начинается у подножія Коряцкой сопки и здѣсь отдѣлена невысокимъ водораздѣломъ отъ истоковъ р. Налочевой, впадающей въ море къ югу отъ мыса Шипунскаго. На берегахъ Налочевой, въ верхнемъ ея теченіи, у одной скалы есть очень горячіе ключи, надъ которыми, изъ разсѣлины въ камнѣ, отъ времени до времени вырываются съ сильнымъ шумомъ горячіе пары. Р. Авача образуется тремя рѣками, изъ которыхъ самая большая — восточная. Въ послѣднюю каждый годъ идетъ чавыча, чего въ обѣихъ другихъ не бываетъ. Въ области ея верхняго теченія также долженъ быть горячій источникъ, а истокъ ея лежитъ близъ такового р. Ковычи, текущей въ р. Камчатку. Средняя изъ образующихъ Авачу рѣкъ вытекаетъ изъ двухъ другъ за другомъ лежащихъ и связанныхъ ручейкомъ озеръ, близъ стараго вулкана Баккепинга. Отсюда, говорятъ, есть удобный проходъ на Пушицу. На верхнемъ теченіи этой рѣки въ 1853 году открыли еще новый горячій источникъ, который впрочемъ не слишкомъ горячъ. Изъ обонхъ озеръ лежащее ниже, по словамъ Машигина, очень богато рыбой, между тѣмъ какъ въ верхнее не заходитъ ни одна проходная рыба, да и птицы никогда не спускаются на него. Если это вѣрно, то само собою напрашивается предположеніе, что верхнее озеро это, лежащее совсѣмъ близко къ вулкану Баккенингу, пропитывается углекислымъ газомъ. И объ этихъ озерахъ также очень распространено повѣрье, будто въ нихъ водятся двухголовыя, очень прожорливыя, рыбы. Третья изъ рѣкъ, входящихъ въ составъ Авачи, западная, начинается въ горахъ близъ Ганала (такъ называемые Ганальскіе востряки).

Наконецъ утромъ 9-го августа явился Осипъ и не только согласился быть проводникомъ, а и готовъ былъ сейчасъ же тронуться въ путь. Въ 3 часа я и мои три спутника, Климовъ, Осипъ и Машигинъ, были уже въ сѣдлахъ. Мы поѣхали лѣтней дорогой на Авачу, чрезъ красивый березовый лѣсъ, гдѣ кстати пополнили свои припасы удачной охотой на глухарей. Этой дорогой мы прослѣдовали до рѣчки Крутой — пади, гдѣ

тѣмъ же лѣсомъ повернули къ сѣверу и, проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, остановились на ночлегъ. Въ подлѣскѣ было особенно много жимолости, доставившей намъ богатый сборъ превосходныхъ ягодъ.

Съ раняго утра до 10 часовъ 10-го августа мы ѣхали все тѣмъ же чуднымъ березовымъ лѣсомъ, при чемъ мѣстность сильно повышалась, и прибыли на верхнее теченіе Мутной, впадающей въ Авачу нѣсколько выше Старога Острога. Затѣмъ мы переехали чрезъ довольно длинную, мокрую, моховую и травяную тундру, а за ней — чрезъ тундру сухую, ягодную, съ разбросанными тамъ и сямъ кустами кедра, гдѣ потревожили большого медвѣдя, лакомившагося вкуснымъ десертомъ. Въ березовомъ лѣсу мы наткнулись еще на одну интересную картинку изъ жизни животныхъ. На старой, сучковатой и внутри дуплистой березѣ мы увидѣли цѣлое семейство соболятъ, граціозно лазившихъ по стволу и вѣтвямъ; при нашемъ приближеніи они спрятались въ дупло. Осталась только мать; фыркающая отъ злости у дупла, она даже готовилась броситься на насъ. Долго разсматривали мы красивое, гнѣвное, безпокоившееся за участь дѣтенышей животное, которое спасла отъ моихъ охотниковъ его еще слишкомъ свѣтлая лѣтняя одежда.

Вулканы Коряка и Авача стояли теперь передъ нами во всемъ своемъ великолѣпнн, первый болѣе къ сѣверу и дальше отъ насъ, второй — съ его довольно большимъ столбомъ дыма — очень близко и какъ разъ противъ насъ. Въ 1 ч. дня мы вышли чрезъ бордюръ изъ топей къ руслу какой-то пересохшей, не очень глубокой, рѣчки, которая довольно круто падала съ высоты. Здѣсь лежала масса гальки вулканическаго происхожденія и цѣлыя глыбы до двухъ саженъ въ поперечникѣ, а также множество вырванныхъ съ корнемъ, теперь уже совсѣмъ сухихъ, деревьевъ и ихъ сучьевъ, должно быть, жертвъ сильной катастрофы, внезапнаго разлива воды по склону подошвы вулкана, первоначально поросшему лѣсомъ. Трудно было пробираться, да еще все круто въ гору, по песку и щебню старога русла; наконецъ мы перева-

лили чрезъ небольшую сѣдловину и вышли на высокій берегъ другой какой-то рѣки, еще болѣе широкой и гораздо болѣе глубокой. То русло, по которому мы только что поднялись, представляло лишь небольшой рукавъ, который образовался, повидимому, вслѣдствіе того, что болѣе значительная промоина до того переполнилась хлынувшей сверху массой воды, что часть послѣдней перелилась чрезъ высокій берегъ въ сторону. Мои спутники вполне подтвердили это. Когда въ апрѣлѣ 1828 года было сильное изверженіе и провалъ конуса Авачинской сопки, которая прежде, говорятъ, была выше Коряцкой, большіе потоки лавы сразу растопили колоссальную массу льда и снѣга, и внизъ хлынулъ гигантскій потокъ горячей воды, уничтожая на далекое протяженіе лѣса и растительность и глубоко прорѣзая склонъ горы. Еще и теперь долина этого потока, совершенно уже высохшаго, носитъ среди мѣстныхъ жителей названіе «горячей рѣки.» Если уже въ боковомъ рукавѣ проявленіе страшной силы обнаруживалось такъ внушительно, то въ главномъ руслѣ намъ представился настоящій хаосъ ужаснѣйшаго разрушенія. Берега, большею частію высокіе и крутые, поднимались въ самыхъ угловатыхъ и разорванныхъ очертаніяхъ и обрамляли самую пеструю смѣсь каменныхъ глыбъ всевозможной величины, то разбросанныхъ въ одиночку, то пагроможденныхъ другъ на друга. Это главное русло начиналось въ старомъ кратерѣ, изъ котораго въ настоящее время поднимается собственно дѣятельный конусъ. Подобно гигантскимъ глыбамъ, торчатъ края этого стараго кратера. Но въ дѣятельности Авачи былъ періодъ еще болѣе древній, когда только что упомянутый, подъ названіемъ стараго, кратеръ поднимался, вѣроятно, гигантскимъ конусомъ надъ краями кратера еще болѣе древняго, послѣдніе остатки котораго сохранились въ видѣ отстоящаго далеко къ востоку Козла. Во всякомъ случаѣ послѣдній — не самостоятельный вулканъ, а по положенію и формѣ навѣрное только край очень древняго кратера первичнаго поднятія Авачи.

Въ глубокой котловинѣ кратера передъ изверженіемъ 1828

года и, слѣдовательно, ко времени образованія «горячей рѣки» накопились громадныя массы льда и снѣга. Когда, затѣмъ, мощные потоки лавы, ясно видимые еще и нынѣ, стекая изъ вершины конуса къ югу, встрѣтились въ котловинѣ съ залежами снѣга и льда, эти послѣднія быстро превратились въ воду, прорвали южный край кратера и, хлынувъ внизъ по склону горы, прорыли себѣ русло «горячей рѣки». Далекъ отъ подножія горы, почти до моря, можно прослѣдить широкую полосу земли, на которой валяются сухія деревья и кусты. Лавовый потокъ, стекавшій по крутому скату конуса и приносившій все новые запасы огненно-жидкой массы, вливался въ котловинѣ кратера въ снѣгъ и ледъ, растопляя ихъ. Попавъ сюда, онъ остановился и на краяхъ, вслѣдствіе потери тепла, застылъ. Края эти еще и теперь сохранили тотъ видъ, въ какомъ они застыли; въ самыхъ своеобразныхъ формахъ торчатъ они, врѣзавшіеся по большей части въ ледъ и снѣгъ. Я могу сравнить эти формы только съ тѣми, какія принимаетъ растопленный металлъ, вылитый въ воду, когда онъ сразу застываетъ въ самыхъ разорванныхъ формахъ. Такъ и здѣсь, нижняя окраина темной черносѣрой лавы торчала въ глубокую промоину тысячами причудливыхъ окончаній. Самые вышніе и самые сложные изъ ихъ являлись, смотря по тому болѣе или менѣе глубоко пропекли они въ снѣгъ, ярко-красную окраску, конечно, вслѣдствіе болѣе высокой степени окисленія здѣсь ихъ желѣзистыхъ частицъ.

По самому дну широкой промоины долины (Баранко) направлялась внизъ, между хаотическими камнями, тонкая струя воды отъ тающего снѣга. На высокомъ берегу этой долины нашелся хороший, поросшій питательными горными травами, лугъ для нашихъ лошадей, а потому мы и сами рѣшили устроиться здѣсь на стоянку. Мои спутники пошли еще поискать, нѣтъ-ли гдѣ выше мѣстечка для пастбища.

Никогда не забыть мнѣ картины, которая представляется здѣсь глазу. На югѣ и на юго-востокъ — казалось, у самыхъ нашихъ ногъ — виднѣлось море у Калахтырки и много-раздѣльная

Авачинская губа. До нихъ отъ подошвы вулкана тянутся красивыя березовыя лѣса, прерываемыя отдѣльными, блестящими какъ серебро, озерами. На этой сторонѣ губы особенно отчетливо выдѣляется невысокій, плоскій, покрытый лѣсомъ конусъ Меженной горы, а на югъ отъ губы тянутся далекія горы южной оконечности Камчатки, за которыми поднимаются — красивый, высокій, но мертвый, конусъ Вилючшской сопки, да темный столбъ дыма надъ Асачей. Всю даль къ сѣверу и западу заслоняли отъ меня мощныя громады самой Авачи. Ея конусъ сегодня былъ затянута легкимъ туманомъ, и можно было различить только, что, за исключеніемъ самага небольшого срѣза вершины, онъ имѣетъ вполне коническую форму и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно пологъ. Коряка была совсѣмъ закрыта надвинувшимися облаками. Снѣгъ виденъ былъ, да и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, только къ отдѣльныхъ, глухихъ оврагахъ; на самомъ конусѣ его не было вовсе. Поздно вечеромъ вернулись мои спутники. Не пашли они ни выше лежащаго пастбища, ни стада барановъ, что ихъ очень обезкуражило. Пришлось, по этому, оставаться на стоянкѣ здѣсь, еще довольно далеко отъ подножія собственно дѣятельнаго конуса.

11-го августа. Съ ранняго утра весь верхъ вулкана заволокло туманомъ; однако, уже въ 7 часовъ мы тронулись вверхъ, въ надеждѣ, что туманъ разсѣется. Дорога шла по большей промытой долинѣ. Почти съ каждымъ шагомъ она становилась болѣе дикой, разорванной, края ея—все круче, а розсыпи камня—еще обильнѣе и хаотичнѣе. Вулканическій щебень, бомбы, всевозможныхъ размѣровъ обломки всякаго рода лавы въ безпорядкѣ валялись другъ около друга. Въ очень защищенныхъ мѣстахъ стали попадаться небольшія пятна снѣга, и послѣдніе признаки растительности исчезли. Какъ по лѣстницѣ, поднялись мы по двумъ старымъ лавовымъ потокамъ, изъ которыхъ одинъ перетекаетъ черезъ другой и которые были отдѣлены другъ отъ друга слоями щебня. Такъ входятъ внутрь стараго кратера, стѣнки котораго состоятъ изъ старыхъ лавовыхъ потоковъ, переслоен-

ныхъ мощными массами щебня, и поднимаются подь угломъ въ 45° къ конусу.

Здѣсь мы достигли конца лавоваго потока 1828 года, бывшаго причиной образованія большого Баранко; впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что и только что упомянутые старые потоки, по которымъ мы лѣзли, также поработали въ свое время надъ образоваемъ этой долины. Во всякомъ случаѣ, послѣднiе значительно старше перваго. Какъ уже упомянуто выше, лавовый потокъ 1828 года, спускаясь по склону конуса былъ вдругъ задержанъ, хотя онъ и имѣлъ мощность свыше 20 сажень. Уничтоживъ тотчасъ препятствiе къ своему дальнѣйшему движенiю внизъ, — снѣгъ, онъ за то и самъ въ тоже время замеръ въ борьбѣ съ холоднымъ, влажнымъ элементомъ. Лава плотна, очень тверда, звенитъ подь молоткомъ и имѣетъ стекловатый, раковистый изломъ. Самые внѣшнiе, т. е. самые нижнiе, слои лавоваго потока сильно расчленены, съ красной побѣжалостью, пористы и пемзообразнаго впа. Съ запада, позади большой скалистой части кратера, «Сарая», должно быть, шелъ еще другой потокъ воды, вызванный точно также спускавшейся лавой, и — соединившись съ первымъ — оставилъ по себѣ явственныя слѣды. Мы стояли у самаго подножiя конуса, но, къ сожалѣнiю, какъ разъ теперѣ-то и нельзя было идти далѣе. Туманъ становился все гуще, и тяжелыя облака окутывали гору все болѣе и болѣе. Поднялся вѣтеръ, а скоро пошелъ и дождь. Мои спутники посоветовали скорѣе вернуться назадъ, такъ какъ ненагода, да еще со снѣгомъ, на такой высотѣ — вещь опасная. Мы живо направились назадъ, къ мѣсту стоянки, куда пришли къ 3 часамъ по полудни, невредными, но промокшими.

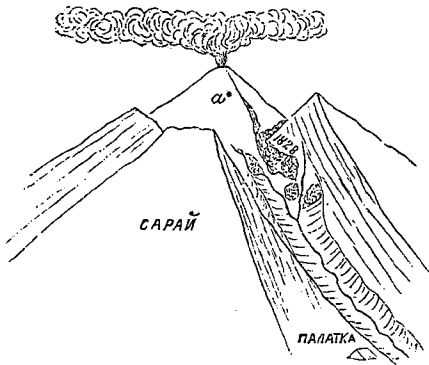
12-го августа. Дождь и вѣтеръ продержали насъ цѣлый день въ палаткѣ. Спутники мои очень просили меня о возвращенiи назадъ, но мнѣ хотѣлось, во что бы ни стало, сдѣлать еще попытку взойти на конусъ, и я поэтому настоялъ на томъ, чтобы побыть еще на горѣ.

13-го августа. Погода, новидимому, благопрiятствовала вос-

хожденію. Разъяспѣло, и гора стояла передъ нами во всемъ своемъ великолѣпнн. Правда, съ сѣверо-востока подувалъ легкій вѣтеръ, не обѣщавшій ничего хорошаго, однако я рискнулъ сдѣлать опытъ. Пустившись въ путь рано, я уже въ 8 часовъ утра былъ на старомъ лавовомъ потокѣ, слѣдовательно, въ старомъ кратерѣ и у подножія конуса, круто поднимающагося отсюда непрерывной, прямой линіей. Монхъ суевѣрныхъ спутниковъ нельзя было ничѣмъ побудить идти вмѣстѣ. Они остались здѣсь, а я началъ подниматься одинъ.

У самой подошвы конусъ былъ окруженъ большой розсыпью скатившагося сверху матеріала. Здѣсь были куски лавы всевозможной величины, щебень и продукты изверженія всѣхъ цвѣтовъ—темно-сѣраго, бураго, краснаго, твердыя и плотныя, пористыя и пемзообразныя массы. Тамъ и сямъ, однако не рѣдко, попадалась красноватая съ свѣтлыми точками, порода, пронизанная жилами чистой, желтой сѣры; часто она была вывѣтрившейся въ бѣлыхъ, съ примѣсью сѣры, кучкахъ щебня и разсыпалась. Я пошелъ вдоль лавоваго потока, по западной его сторонѣ, перелѣзши сначала чрезъ глубокую капавку, а затѣмъ карабкаясь по камнямъ. Подъемъ сталъ теперь круче. Съ востока выходитъ въ пространство между конусомъ и краемъ кратера второй лавовый потокъ и соединяется съ первымъ. Капавка постепенно становилась менѣе глубокой и затѣмъ совершенно исчезла. Камни, лежавшіе кругомъ, становились все мельче; болѣе крупныя куски не могли удержаться на очень твердой, покатои поверхности и скатились въ находящуюся у подножія розсыпь. Большой лавовый потокъ, котораго я держался все время моего восхожденія, точно также быстро убываетъ въ мощности и оставляетъ въ концѣ концовъ собственно лишь глубокій слѣдъ своего пути отъ вершины книзу. Всюду лежали массы мелкаго щебня, такъ что весь конусъ казался состоящимъ изъ него, но въ тоже время отъ жару онъ спекся, сталъ плотенъ и твердъ, такъ что нога нигдѣ не вязнетъ, въ томъ родѣ какъ на конусѣ Везувія. Подъ галькой и щебнемъ часто попадались куски совѣмъ чистой,

хорошей сѣры, до величины кулака. Последняя, должно быть, осѣла возгонкой на самомъ краю дѣятельнаго кратера и затѣмъ оттуда скатилась. Чѣмъ выше я забирался, тѣмъ тверже дѣлалась почва подо мною; часто она была точно покрыта глазурью, очень гладка и глухо звенѣла подъ ногами. Крутой скатъ конуса мѣстами былъ до того гладокъ, что нога едва держалась и я много разъ скатывался внизъ. Изъ вершины поднимались темныя массы дыма, и когда вѣтеръ сдувалъ ихъ внизъ, меня обдавало удушливѣими сѣрнистыми и хлористыми испареніями, чрезвычайно затруднявшими дыханіе. Отъ времени до времени внутри горы слышалось глухое рокотанье, вродѣ раскатовъ грома, причемъ почва каждый разъ замѣтно сотрясалась. Я все

а—высшій, достигнутый мною, пунктъ.

поднимался выше да выше, но, къ несчастію, ясно увидѣлъ, что вершины мнѣ не достигнутъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ усилился и уже несъ съ моря на вулканъ темныя тучи. Скоро вершину закрыло, а на меня упало нѣсколько снѣжныхъ хлопьевъ. Но хуже всего было то, что теперь вѣтеръ почти безпрестанно наносилъ на меня ѣдкіе пары сѣры и хлора. Дышать можно было только чрезъ платокъ, а глаза я могъ открывать лишь на мгновенія. Очень пора было возвращаться назадъ и снизу я уже слышалъ

предупредительные выстрѣлы своихъ спутниковъ. Скоро послѣ 12 часовъ я достигъ самой высокой точки, какой могъ, а отсюда до верху оставалась еще почти треть высоты конуса. Я скорѣе пустился назадъ, теперь уже подъ вѣтромъ и снѣжной мятелью. Чтобы не заблудиться, я держался у самага лавоваго потока; то-ропился я какъ можно скорѣе. А тутъ еще разыгралась вьюга, и вѣ-теръ на каждомъ шагу такъ и наровиль сбросить меня на покатою и скользкой тропинкѣ. Наконецъ, промокшій, промерзшій и уставшій, я добрался до своихъ спутниковъ, въ старомъ кратерѣ которые считали меня уже погибшимъ и теперь радостно привѣтствовали. Сейчасъ же мы тронулись и далѣе внизъ, къ палаткѣ, гдѣ все было въ порядкѣ. Почти съ каждымъ шагомъ погода становилась лучше, а у палатки снѣгу почти не было. Непогода разыгра-лась только на высотѣ, и вся часть вулкана надъ нами покрылась бѣлымъ снѣгомъ. У насъ вечеромъ былъ дождь съ вѣтромъ, а на верху вулкана страшно бушевала буря со снѣгомъ. Сдѣлать еще попытку забраться на Авачу до самой вершины въ этомъ году уже не было никакой надежды. Но для меня было ясно, что какими-нибудь двумя недѣлями раньше я навѣрное достигъ бы самага верха и что восхожденіе на этотъ вулканъ не пред-ставляетъ никакихъ особенныхъ трудностей.

14-го августа. Непогода и дождь продолжались всю ночь напролетъ, а дождь затянулся и на утро, хотя и сталъ меньше. Тѣмъ не менѣе мы спозаранокъ тронулись въ обратный путь, на Старый Острогъ, куда прибыли благополучно и безъ задержекъ, той-же, вышеописанной, дорогой, въ началѣ пятаго часа. Далеко позади насъ возвышалась надъ окрестностью сильно курившаяся Авача, побѣлѣвшая совсѣмъ по зимнему. Въ долинѣ и по дорогѣ снѣгу не было вовсе, шелъ только сильный дождь.

И 15-го августа дождь шелъ не переставая, что опять, къ несчастію, задержало насъ. Только къ вечеру небо разъяснѣло, такъ что я рѣшилъ на слѣдующій день пуститься въ путь къ озерамъ, изъ которыхъ беретъ начало р. Авача, и къ вулкану Баккенингу.

16-го августа. Погода была еще довольно ненадежная, когда я, съ Климовымъ и Машигинымъ, вы́халъ верхомъ изъ Стараго Острога, чтобы про́хатъ къ близкой Корякѣ, откуда ведетъ самая удобная дорога къ Авачинскимъ озерамъ. Она идетъ сплошь старымъ березовымъ лѣсомъ (*B. Ermani*), съ красивымъ подлѣскомъ изъ боярышника, розъ, рябины, чернотальника, жимолости, и идетъ сильно въ гору (Корякскій хребетъ). Слутники мои обратили мое вниманіе на то, что рябина встрѣчается въ подлѣскѣ лѣсовъ только изъ *Betula Ermani*, и напротивъ, будтобы, никогда не попадаетъ въ лѣсахъ, образованныхъ *Betula alba* (прѣснецомъ). На второй половинѣ этой лѣсной дороги мы переходили чрезъ множество мелкихъ ручьевъ, а уже совсѣмъ близко къ Корякѣ перешли Гавенскую рѣчку—быстрый притокъ р. Коряки, которая въ свою очередь является притокомъ Авачи. Гавенская рѣчка начинается въ области истоковъ Начики и Паратунки, и галька ея состоитъ почти исключительно изъ темныхъ, плотныхъ сланцевъ и гранитныхъ, гнейсовыхъ и сіенитовыхъ породъ, которыя рѣшительно преобладаютъ и въ р. Корякѣ. Всю дорогу намъ благопріятствовала отличнѣйшая погода, зато уже неподалеку отъ селенія насъ обдалъ такой ливень, что къ Корякѣ мы прибыли промокшими насквозь. При нашемъ прибытіи насъ первымъ дѣломъ спросили, многоли мы встрѣтили медвѣдей: въ этомъ году здѣсь, даже для Камчатки, какъ говорили, было особенно много медвѣдей; вѣроятно, животныхъ привлекало здѣшнее обиліе рыбы и ягодъ, между тѣмъ какъ до сего времени они чувствовали недостатокъ въ этой пищѣ.

17-го августа день выдался опять дождливый и заставилъ насъ сидѣть на мѣстѣ. Только вечеромъ стало яснѣе и на ближнихъ вулканахъ и болѣе высокихъ, блиставшихъ свѣжимъ снѣгомъ, горахъ можно даже было видѣть нѣчто въ родѣ альпійской зари. Особенно чудное зрѣлище представляли вулканы Коряка и Авача, выдѣлявшіеся на темномъ фонѣ неба своими роскошными переливами красныхъ оттѣнковъ, отъ самаго вѣжнаго

розоваго до густаго синеваго-краснаго. Авача при этомъ сильно курилась.

Теперь пошли длинныя толки о томъ, какимъ путемъ направиться завтра, при чемъ рѣчь шла также о двухъ проходахъ, которые, минуя Начику, ведутъ очень близкимъ и прямымъ путемъ на Малку. Оба эти прохода идутъ сѣвернѣе обыкновенной дороги на Начику, чрезъ небольшіе водораздѣлы — малый хребетъ въ долинѣ ручья Лукавы (впадающаго въ р. Начику) и большой хребетъ, который покрытъ почти непроницаемымъ сланцемъ и совершенно не имѣетъ медвѣжьихъ тропъ.

18-го августа. При пасмурномъ небѣ, но при опускающемся внизъ туманѣ мы выѣхали около полдня изъ Коряки. Сряду подъ селеніемъ мы перешли р. Коряку, не очень далеко отъ впаденія ея въ р. Авачу, и затѣмъ продолжали свой путь въ направленіи къ сѣверу безконечнымъ, сухимъ лѣсомъ изъ *Betula alba*, держась все время хорошихъ медвѣжьихъ тропъ. Здѣсь очень бросалось въ глаза полное отсутствіе рябины, которая, между тѣмъ, всюду попадаетъ, какъ кустарникъ, въ лѣсу изъ *Betula Ermani* между Корякой и Старымъ Острогомъ. Здѣсь ее замѣняли — ива съ темными, широкими листьями (чернотальникъ) и боярышникъ. Такъ ѣхали мы безъ перерыва приблизительно до 3 часовъ все березовымъ лѣсомъ, но на берегу р. Вактала, которой мы теперь достигли, характеръ лѣса сразу измѣнился. Здѣсь насъ окружилъ густой, высокій лѣсъ изъ тополей, покрывавшій оба берега. Вакталь, начинающійся въ Ганальскихъ вострыкахъ, быстро, какъ настоящая горная рѣка, течетъ къ р. Корякѣ, въ которую и впадаетъ недалеко отъ селенія Коряки. Скоро мы перешли на другой берегъ Вактала, вышли изъ тополеваго лѣса и, держась все къ сѣверу, выѣхали въ небольшую боковую долину, всю поросшую *Betula Ermani*, среди которой сейчасъ же опять появилась рябина, въ качествѣ подлѣска. Между тѣмъ какъ отъ Коряки намъ пришлось ѣхать волнистой, очень лѣсистой мѣстностью, теперь мы выѣхали на открытое мѣсто. На окраинѣ маленькой побочной долины Вактала мы прошли по совершенно

безлѣсной и голой небольшой конусовидной горѣ, Голой Сопочкѣ. Затѣмъ мы переѣхали чрезъ небольшой переваль, а за нимъ довольно круто спустились къ берегу р. Авачи. Небольшая безлѣсная конусовидная гора, расположенная посреди прекраснаго лѣса, представляетъ изъ себя настоящій Брокенъ здѣшнихъ мѣстъ; по поводу ея охотники рассказываютъ сотни исторій о вѣдьмахъ и привидѣнiяхъ и твердо вѣрятъ въ эти рассказы. Здѣсь будто бы раздаются соблазнительные голоса, появляются обольстительные образы, постоянно сбивающiе съ толку охотниковъ и доводящiе ихъ до гибели.

Мы достигли Авачи нѣсколько ниже мѣста соединенiя трехъ главныхъ истоковъ этой рѣки и очутились въ широкой, поросшей отдѣльными березами, луговой долинѣ. Здѣсь подлѣ юрты, которую построили охотники и рыболовы съ Коряки, на правомъ берегу самой рѣки мы разбили нашу палатку. Нѣсколько повыше нашего лагеря впадалъ восточный главный истокъ рѣки, вытекающiй изъ области верховьевъ Ковычи. Восточнѣе этого истока тянется значительно возвышающiйся надъ ближайшимъ лѣсомъ хребетъ плитчатыхъ горъ, образующiй водораздѣлъ между рѣками Авачей и Жупановой. Этотъ горный кряжъ, состоящiй изъ метаморфическихъ осадочныхъ горныхъ породъ, тянется къ вулканамъ рѣкъ Коряки и Авачи, которыя, вѣроятно, прорываютъ его; онъ же ограничиваетъ на западѣ рѣку Налочевъ и при Авачинской бухтѣ въ видѣ мыса Шипунскаго достигаетъ наконецъ моря. Высокий лѣсъ на склонахъ долины сплошь покрываетъ вулканы, находившiеся отсюда уже на югѣ. Точно также на югѣ сзади насъ лежала область рѣки Пинчевы, этого очень значительнаго притока р. Авачи, вытекающаго со своими многочисленными побочными ручьями съ вулкановъ и изливающагося въ главную рѣку нѣсколько выше Стараго Острога.

19-го Августа. День начался счастливою охотой на медвѣдя. Раннимъ утромъ въ то время, когда при прекрасной погодѣ въ своей палаткѣ мы пили чай, вдругъ мы замѣтили большого темнаго медвѣдя, приближавшагося къ намъ по широко-проторенной

тропинкѣ. Сначала, какъ видится, онъ не замѣчалъ насъ и, занятый своей дорогой, шелъ медленно. Подойдя ближе, онъ заволновался, увидѣлъ насъ и, въ полномъ сознаниіи своей силы, началъ ускорять шаги по направленію къ намъ. Мы тотчасъ же взяли за оружіе, такъ какъ этотъ визитъ безъ сомнѣнія относился къ намъ и носилъ серьезный характеръ. Мы подпустили сѣраго еще на нѣсколько шаговъ; вотъ прогремѣли два выстрѣла и смѣльчакъ, пробитый двумя пулями, палъ мертвымъ на лугу. Быстро была снята шкура, которую мы повѣсили на высокое дерево, для того чтобы люди принесли её впоследствии: для насъ эта тяжесть была слишкомъ велика и не имѣла большой цѣны. Въ 9 часовъ мы сѣли въ сѣдла и по хорошей медвѣжьей тропѣ направились вверхъ по рѣкѣ по правому ея берегу. Берега густо поросли тополями, а въ особенности прекрасными высокоствольными ивами (ветловиной). Скоро мы были у устья западнаго истока Авачи, вытекающаго изъ Гапальскаго хребта. По правому берегу этой рѣки мы ѣхали около версты, затѣмъ на мелкомъ мѣстѣ, но съ быстрымъ теченіемъ перешли её по гранитной галькѣ. Отсюда берега быстро поднимаются на значительную высоту, соотвѣтственно этому и мы поднимались въ гору по сухой ягодной тундрѣ. Внизу подъ нами, образуя множество пороговъ, съ шумомъ стремилась замкнутая въ крутыхъ утесахъ и всё болѣе суживающаяся рѣка. Въ то время какъ внизу почти въ полутьмѣ тѣснаго ущелья пѣнилась вода, крутыя стѣны утесовъ поднимались всё выше и выше, и тамъ, на высотѣ, всё болѣе и болѣе сближались другъ съ другомъ, и наконецъ между ними оставалась только щель, шириной едва въ одинъ метръ. Это самое узкое мѣсто щели, вмѣстѣ съ тѣмъ также и мѣсто наибольшаго подъема береговъ, было длиной около 10 футъ и состояло изъ конгломерата трахитовыхъ породъ. По серединѣ черезъ эту щель ведетъ прекрасная медвѣжья тропа, по которой этотъ инженеръ путей сообщенія прыжкомъ безъ большого усилія достигаетъ противоположной стороны. Здѣсь какъ будто бы сама природа наводитъ мосты, называемые у камчадаловъ каменными мостами; мед-

вѣди очень охотно пользуются ими, прокладывая черезъ нихъ свои дороги. Ландшафтъ этой мѣстности великолѣпенъ, чему много способствуетъ Ганальскій хребетъ, который подходитъ здѣсь близко и возвышается надъ окрестными лѣсистыми холмами. Въ поперечномъ ущельи на западъ отъ каменнаго моста охотники съ Коряки открыли въ прошломъ году умѣренной температуры теплый источникъ, который къ сожалѣнiю я не могъ посѣтить.

Повернувъ отсюда нѣсколько на востокъ, мы оставили рѣку, затѣмъ пошли по сухой ягодной тундрѣ, перевалили далѣе чрезъ низкiй, поросшiй березой, водораздѣлъ, послѣ чего вышли опять на сухую тундру и достигли наконецъ средняго истока Авачи, который мы тотчасъ же перебродили въ неглубокомъ мѣстѣ. По лѣвому берегу истока мы проѣхали еще небольшое разстоянiе и вскорѣ разбили нашъ лагерь. Долина становится всё уже, начинаютъ выступать группы скалъ, а водораздѣлы, раздѣляющiе среднiй истокъ отъ восточнаго и западнаго, дѣлаются всё болѣе высокими и яснѣе выраженными. Галька въ быстро-текущей рѣкѣ носить ясно-выраженный вулканическiй характеръ: пористые, красные, бурые и черные куски лавы заполняютъ рѣчное ложе. На сѣверѣ въ направленiи къ истоку этой рѣки начинаютъ уже болѣе высокiя, даже со снѣжными пятнами, горы; одна копусовидная гора отдѣляла отъ насъ долину.

20-го августа. Около 8 часовъ утра улегся туманъ, не обѣщавшiй ничего добраго, и наступила прекраснѣйшая погода для путешествiя. Не медля ни мало, мы сѣли на лошадей и по сухой тундрѣ поѣхали вдоль рѣки въ сѣверномъ направленiи. Береговые утесы такъ близко подступали къ водѣ, что намъ приходилось каждый разъ переходить рѣку въ бродъ то на ту, то снова на эту сторону. Мы перебродили также маленькiй побочный ручей Тимонъ, вытекающiй изъ ущелья зубчатой, покрытой снѣгомъ, горы. Непосредственно на берегахъ рѣки и ручья часто попадаетъ высокiй тополь и стройная ива съ маленькими кругловатыми листьями. Отсюда открывается долина, дѣлающаяся всё шире по направленiю къ западу, а въ нѣкоторомъ разстоянiи

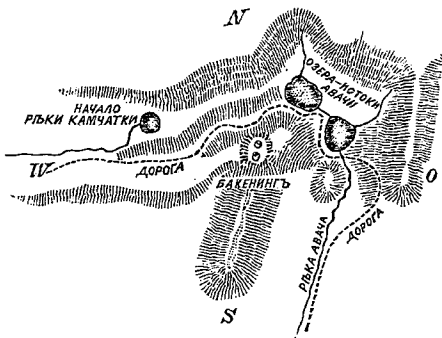
отъ рѣки возвышается скалистая стѣна, состоящая изъ кирпично-краснаго обожженнаго камня, сзади которой находится маленькое круглое озеро. Озеро это населено форелями и не имѣетъ никакого замѣтнаго стока. На берегахъ встрѣчается твердая сѣрая горная порода, которая, будучи тонко слоистой, принадлежитъ, какъ кажется, къ тому же роду камня, который послужилъ матеріаломъ для вышеупомянутой до красна обожженной скалистой стѣны. Конусовидная гора, о которой было упомянуто раньше, замыкаетъ долину съ сѣвера, подходитъ здѣсь близко и расположена отъ насъ на западѣ, въ то время какъ долина открывается на сѣверо-сѣверо-востокъ. Эта гора, которую люди называли Баккенингъ, представляетъ изъ себя ясно выраженный вулканъ, нынѣ погасшій и частью разрушившійся. Вулканъ этотъ принадлежитъ къ числу маленькихъ низкихъ огнедышащихъ горъ полуострова. Сильно развалившійся, въ особенности съ востока и юго-востока, валь cratera обхватываетъ на подобіе мантии внутренній конусъ лавы, высоко выступающій

Вулканъ Баккенингъ.

своими заостренными крутыми зубцами. Окружающій его валь cratera состоялъ попеременно изъ очень рыхлой массы щебня и пористой лавы, наплывшей сверху; на западѣ онъ поднимался на наибольшую высоту и наиболѣе сохранился, хотя всё таки сильно вывѣтрился и распался, въ особенности на краяхъ. Высокій фундаментъ конуса лавы состоялъ изъ чрезвычайно твердаго и прочнаго камня. Эта лава имѣла темный цвѣтъ, была непориста, скорѣе очень плотна; при поднятіи она охладилась, повидимому, подъ большимъ давленіемъ. Это было послѣднее проявленіе дѣятельности уже ослабѣвающей вулканической силы.

Близъ лежащія, расположенныя на югъ, части горъ имѣли точно такое же строеніе, какъ и развалившійся кратеръ Баккенинга. Всюду встрѣчалась туфообразная, песчаная или глинистая, болѣе или менѣе рыхлая горная порода, которая была или покрыта твердой массой лавы и трахита, или чередовалась съ ними, будучи разбросана по высокому разорванному хребту съ зубчатыми скалистыми вершинами. Красный цвѣтъ кажется преобладающимъ. Здѣшнее мѣсто представляетъ изъ себя страну очень древней, но ясно выраженной вулканической дѣятельности, время проявленія которой должно находиться на границѣ между дѣятельностью еще много болѣе древнихъ трахитовыхъ кратеровъ, каковы Тепана и Пирожниковъ кратеръ, и временемъ, когда дѣйствующіе вулканы заявили свое существованіе въ странѣ, въ видѣ разлившейся лавы. Здѣсь, въ заключеніе на Камчатской

Вершинѣ, стало быть и въ той части полуострова, гдѣ гранитныя породы первобытной эпохи поднялись изъ моря въ видѣ острововъ, какъ будто перескочивъ чрезъ эпоху базальтовыхъ и трахитовыхъ поднятій, наступила новѣйшая вулканическая дѣятельность, которая прекратилась съ поднятіемъ Баккенинга и его высоко выдающагося конуса лавы, послѣ чего она обнаружилась на юго-востокѣ, воздвигла тамъ сначала вулканъ Коряку, затѣмъ еще дѣйствующій вулканъ Авачу и наконецъ лежащій нѣсколько

сѣвернѣ вулканъ Жупановъ. Рѣку, съ шумомъ прыгающую здѣсь по порогамъ, мы оставили влѣво и съ большимъ трудомъ на сѣверо-востокъ поднялись на возвышенность, которая сначала была покрыта березой (*B. Ermani*), но скоро перешла въ область стелящейся ивы и горной ольхи и наконецъ превратилась въ обнаженную вулканическую горную породу. Видъ отсюда былъ необыкновенно хорошъ. У нашихъ ногъ виднѣлась темная синева перваго Авачинскаго озера, окруженнаго на подобіе большого круглаго котла крутыми, голыми, покрытыми только многочисленными пятнами снѣга, скалами.

Изъ озера въ видѣ небольшого быстрого и чистаго ручья вытекаетъ на юго-западъ рѣка Авача; чрезъ проходъ въ скалахъ, бушуя, она проникаетъ въ нижнюю часть долины, гдѣ мы её оставили. На западъ отъ озера возвышается древній вулканъ Баккенингъ со своимъ развалившимся кратеромъ и замѣчательнымъ очень твердымъ и высокимъ конусомъ лавы по срединѣ. Повсюду кругомъ виднѣются крутыя скалы и глубоко врѣзавшіяся ущелья съ пятнами снѣгу. На сѣверѣ истокъ втораго верхняго Авачинскаго озера прорываетъ скалы, поднимающіяся здѣсь по берегамъ въ видѣ крутыхъ утесовъ; стремительнымъ ручьемъ, очень незначительной длины, съ шумомъ катясь по порогамъ, онъ низвергается въ первое озеро. Съ высоты, на которой мы находились, мы спустились къ первому озеру, которое, какъ кажется, имѣетъ необычайную глубину, обошли его съ западной стороны, послѣ чего очутились на коротенькой рѣчкѣ, соединяющей оба озера, и здѣсь на правомъ берегу этого бѣшеннаго горнаго ручья расположились лагеремъ. Наша палатка, окруженная рододендронами (*Rhododendron*), кедрами и горной ольхой стояла среди величественной и чрезвычайно дикой горной природы.

21-го августа. Пользуясь прекрасной погодой, я рѣшилъ посвятить этотъ день экскурсіямъ по прелестной горной мѣстности. Мы оставили свою палатку разбитой, вывели лошадей на роскошный горный лугъ и стали подниматься вверхъ по короткому

соединительному ручью между обоими озерами. Дорога къ верхнему озеру была не длинна, но трудна. Намъ приходилось то прокладывать себѣ путь топоромъ сквозь густую заросль ольхи, то благодаря крутымъ береговымъ скаламъ переходить въ бродъ мелкій, но довольно быстрый ручей. Наконецъ передъ нами открылась котловидная долина верхняго озера. Здѣсь не было никакой растительности. Еще круче были и ближе подходили къ этому второму озеру окружающія его почти отвѣсныя скалы, отражавшіяся въ синей водѣ своими снѣжными верхушками. У подножія разорванныхъ скалъ, сложенныхъ изъ лавы и вулканическихъ образованій, всюду валялись груды щебня и вулканическіе обломки. Дики и прекрасны были окрестности во всѣ стороны. Смущенные стояли теперь мои проводники на озерѣ, на томъ самомъ озерѣ, съ именемъ котораго связано такъ много сказаній и безсмысленныхъ басенъ. Вода не была ядовитой; въ озерѣ жили рыбы, но это, очевидно, не были двухголовые лососи, которые поглощаютъ всё живущее; не были слышны и голоса духовъ, устрашающіе людей. Всё было совершенно естественно, и ореоль, приданный мѣстности сказками и баснями, исчезъ. Удивительно было невѣроятное множество лососей, которые плавали въ озерѣ и еще болѣе поднимались по быстрому потоку въ озеро. Это была главнымъ образомъ красная рыба (*Salmo lycaodon*), которая уже въ началѣ іюня входитъ изъ моря и Авачинской бухты въ устье рѣки Авачи. Теперь послѣ почти трехмѣсячнаго путешествія противъ быстрого теченія и многочисленныхъ пороговъ она пришла сюда въ озеро, лежащее высоко въ горахъ у подножія Баккенинга, для того чтобы выметать здѣсь икру. Вслѣдствіе страшнаго напряженія силъ, которое переносится ради насущнѣйшей естественной потребности, рыбы теряютъ свой стальной сѣрый металлически блестящій цвѣтъ и получаютъ здѣсь ярко красную окраску, благодаря чему онѣ бываютъ ясно видны въ глубинѣ хрустально чистой воды. Свѣтлая голубая вода озера кишитъ стадами крупныхъ совершенно красныхъ лососей. Невѣроятно, до какой высоты надъ уровнемъ моря подни-

маются рыбы, какія препятствія онѣ преодолеваютъ и сколькимъ опасностямъ подвергаются. Люди, животныя уменьшаютъ численность стай; тысячи извуренныхъ и мертвыхъ рыбъ покрываютъ берега и, не смотря на всё это, еще огромныя массы ихъ достигаютъ конечной цѣли своего путешествія. Какъ велико должно быть количество рыбы, которая изъ моря поднимается въ устья рѣкъ, насколько непреборима сила инстинкта, которая неизмѣнно гонитъ ихъ внутрь страны, лишаетъ ихъ свободы воли и влечетъ впередъ и впередъ на вѣрную смерть!

У подножія Баккенинга съ западной стороны мы поднялись на обнаженную вершину, рассчитывая отыскать тамъ проходъ въ долину рѣки Камчатки, такъ какъ туда лежалъ нашъ путь. Сдѣлавъ первое большое восхожденіе, мы очутились на гребнѣ окраины большой открывшейся подъ нашими ногами котловидной долины, которая была втрое болѣе, нежели только что оставленное нами озеро, и вмѣстѣ съ тѣмъ лежала значительно ниже. На западномъ краю этой высокой котловидной долины возвышается Баккенингъ, кругомъ валялись груды щебня и разбросанные въ беспорядкѣ обломки— всё вулканическаго происхожденія. Никакого стока не было замѣтно, однако видны были ясные слѣды того, что совершенно сухая въ настоящее время долина по временамъ, во время таянія снѣга, наполняется водой. Только сквозь рыхлую массу щебня вода могла проложить себѣ путь къ озеру, лежащему низко подъ этимъ котломъ. Никакого кратера не замѣчалось, но была провальная долина, каковыя нерѣдко встрѣчаются у подножія и въ сосѣдствѣ вулкановъ. Возникновеніе этой котловидной долины, примыкающей непосредственно къ подножію Баккенинга, находится въ тѣсной связи съ поднятіемъ вулкана. Точно также и оба Авачинскія озера представляютъ изъ себя такіе же провальныя водоемы, возникшіе еще ниже у подножія того же вулкана.

Мы обошли вулканъ кругомъ, слѣдуя по большей части вдоль гребня котловидной долины, и вышли на западный склонъ горы. Если смотрѣть отсюда, Баккенингъ имѣетъ совершенно другой

видъ. Край кратера, здѣсь еще менѣе разрушившійся, поднимается высоко надъ внутреннимъ конусомъ лавы и придаетъ горѣ видъ высокаго притупленнаго конуса съ глубоко изборожденными боковыми поверхностями. Отсюда на западъ открывается глубокая и широкая долина, въ отдаленномъ концѣ которой можно различить Ганальскую тундру. Къ этой широкой долинѣ отъ подножія вулкана круто спускается небольшая поперечная долина. Такимъ образомъ мы отыскали дорогу, которая должна была привести насъ къ Пучинѣ.

Мы поднялись на старый кратеръ по его разрушившемуся боку и достигли подножія внутренняго конуса лавы. Круто съ отвѣсными боковыми поверхностями высывается эта колоссальная скала лавы посреди и надъ мантией кратера. Лава очень тверда, совершенно непориста и имѣетъ очень темный сѣрый цвѣтъ. На конусѣ не замѣчается никакихъ слѣдовъ вывѣтриванія, даже на его зубчатой вершинѣ. Если даже этотъ поднявшійся кверху потокъ лавы совершенно заполнялъ всё прежнее отверстіе кратера, какъ это и слѣдуетъ принять, то Баккенингъ, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ его дѣятельности, все таки принадлежалъ къ вулканамъ умѣренной величины. Прежнія изверженія выбрасывали потоки лавы, совершенно переполнявшія жерло вулкана, какъ это видно на разрушенномъ въ настоящее время кратерѣ. Между тѣмъ этотъ прямо стоящій конусъ лавы никогда не переполнялъ кратера, но послѣ поднятія остался на мѣстѣ вслѣдствіе ослабленія вуланической силы и остылъ. Здѣсь въ этомъ мѣстѣ онъ былъ продуктомъ послѣдняго напряженія подземной дѣятельности.

Съ вершины горы я снова взглянулъ на великолѣпный горный ландшафтъ. Кругомъ вокругъ насъ въ самыхъ дикихъ формахъ громоздился горы, а между ними виднѣлись разорванныя долины и ущелья. Посреди этого хаоса скалъ противъ насъ блестяли на востокѣ оба Авачинскія озера съ ихъ голубой спокойной поверхностью воды, на западѣ среди столь же дикихъ скалъ также сверкала водная поверхность маленькаго озера, изъ котораго беретъ начало истокъ рѣки Камчатки. Хотя и не были

видны, но недалеко отсюда на западѣ находились также истоки рѣки Быстрой, текущей по направленію къ Большерѣцку. Такимъ образомъ на этомъ важномъ водораздѣлѣ, въ Камчатской вершинѣ и въ смежной области поднятія Баккенинга, берутъ начало три главные истока р. Камчатки.

Мы вернулись назадъ въ нашу палатку почти той же дорогой. Отъ края кратера вулкана мы круто спустились въ лежащую подлѣ большую котловидную долину, перешли её и чрезъ восточный ея край также очень круто спустились къ рѣкѣ и къ нашей палаткѣ. Лава очень походила на лаву Авачинскаго вулкана, а край котловины точно также, какъ и кратеръ, состоялъ изъ тѣхъ же слоевъ щебня и потоковъ лавы. Между скалами встрѣчалась въ изобиліи мелкая горная трава, чаще всего попадалась очень вкусная кислица — любимый кормъ аргали, изъ которыхъ мы не видали ни одного. Въ 8 часовъ вечера мы были уже въ палаткѣ и подкрѣпились очень вкуснымъ супомъ, который приготовили камчадалы изъ упомянутой выше кислицы.

22-го августа. Опять при хорошей погодѣ мы разобрали палатки, затѣмъ принялись дѣятельно работать топоромъ, чтобы устранить упомянутый вчера ольховый кустарникъ и проложить дорогу для лошадей. Въ 9 часовъ утра мы достигли наконецъ верхняго озера и какъ вчера по гребню котловидной долины спустились къ подножію Баккенинга. Съ западнаго склона этого вулкана дорога пошла круто внизъ въ большую, открывающуюся на западѣ, долину. И здѣсь еще мы принуждены были сильно спускаться подъ гору, пока не достигли области березы, гдѣ на берегу восточнаго истока рѣки Камчатки, на прекрасномъ лугу, не надолго мы отпустили лошадей отдохнуть. Эта рѣка, какъ уже было упомянуто, беретъ начало изъ маленькаго озера, замѣтнаго съ высоты, и порогами и водопадами низвергается круто на западъ, гдѣ мы оставили ее, когда она уже приняла видъ нѣсколько болѣе спокойно текущей рѣки.

Въ большой котловидной долинѣ мы нашли сегодня многочисленную колонію сурковъ, усердно собиравшихъ запасы про-

визіи на зиму. Раньше не попадалось ни одного живого существа. По всюду валялись малевкіе и большіе куски лавы, какъ будто разбросанные кругомъ сильвымъ изверженіемъ. Когда послѣ лазанія по горамъ лошади отдохнули, мы прошли еще два, поросшіе мохомъ и мелкимъ кустарникомъ, круто спускающіеся внизъ, холма изъ кусковъ лавы, при чемъ перешли чрезъ нихъ не безъ опасности для ногъ бѣдныхъ лошадей; послѣ этого мы достигли ровной долины, берега которой поросли топодемъ и ивой (ветловинной). Здѣсь рѣка получаетъ два многоводныхъ притока, одинъ съ сѣверовостока, другой съ юговостока и течеть, еще болѣе бушуя, внизъ по долинѣ. Мы слѣдовали по рѣкѣ еще вѣсколко верстъ далѣе и, прежде чѣмъ достигнуть большой дороги отъ Ганала на Пучину, расположились лагеремъ. Лѣсъ былъ здѣсь очень густъ и высокъ, и тѣмъ самымъ указывалъ на то, что мы спустились съ горъ уже довольно низко. Сзади васъ на востокѣ поднимался величественный, далеко превышающій горы, насколько онѣ были видны, высокій притупленный копусъ Баккенинга, сильно разрушившаяся восточная сторона котораго была удалена отъ насъ. Отсюда издали ясно было видно, что эта вулканическая страпа обязана своимъ существованіемъ не одному подвѣтію, но что долженъ былъ слѣдовать цѣлый рядъ бурныхъ проявленій вулканической дѣятельности для того, чтобы воздвигнуть этотъ хаосъ древнихъ потоковъ лавы и массы щебня, ва которыхъ и изъ которыхъ, какъ послѣдній актъ этой дѣятельности, былъ взгроможденъ относительно небольшой вулканъ.

Вечеромъ съ востока надвинулись тучи и разразились дождемъ. 23-го августа. Послѣ двухчасовой ѣзды по луговой мѣстности мы достигли мѣста сліянія обонхъ главныхъ истоковъ рѣки Камчатки, т. е. одного, вытекающаго съ запада изъ средняго хребта, и другого, изливающагося съ восточной стороны, теченіе котораго такимъ образомъ мы прослѣдили. Почти одновременно мы вышли также на большую дорогу отъ Гавала на Пучину и достигли этого послѣдняго мѣста около часа по полудни.

Я рассчитывалъ еще изслѣдовать часть вулкановъ восточнаго

ряда, въ особенности область Семячика. Для этого путешествія я не могъ найти болѣе пригоднаго проводника, нежели старый тойонъ съ Кирганика Афанасій Чуркинъ. До этого мѣста, стало быть, надо было добратся поскорѣе. Машигина и Столбатчикова я оставилъ здѣсь, а самъ съ однимъ козакомъ поѣхалъ въ знакомую уже мнѣ долину Камчатки до Кирганика.

24-го августа. Рѣка Камчатка до Шаромы еще слишкомъ мелка для того, чтобы плавать на ней на лодкахъ (*Batts*), вслѣдствіе чего это разстояніе необходимо было пройти на лошадахъ. Въ бѣдной Пучинѣ не было ни одной лошади, но мой старый другъ Машигинъ былъ на столько любезенъ, что предложилъ мнѣ для этой дороги своихъ лошадей, причемъ хотѣлъ подождать здѣсь, пока они вернутся. Поэтому я долженъ былъ спѣшить и уже очень рано утромъ выѣхалъ. Дорога пролегла правымъ берегомъ по лугу и прекрасному березовому лѣсу (*B. alba*) съ обычнымъ подлѣскомъ изъ шиповника, *Lonicera* и *Crataegus*; на берегахъ многочисленныхъ маленькихъ второстепенныхъ ручьевъ росли тополи и высокія ивы (ветловина). Послѣ довольно быстрой ѣзды около часу дня мы были въ Шаромѣ, затѣмъ, недурно пообедавъ, тронулись дальше на Верхне-Камчатскъ уже на лодкахъ. И на этомъ пути точно также нѣтъ ничего достопримѣчательнаго.

Быстро по направленію къ сѣверу увеличивается ширина долины р. Камчатки, въ особенности удаляется отъ рѣки на западъ средній хребетъ, между тѣмъ какъ восточный остается по близости. Оба хребта по направленію къ сѣверу становятся постепенно всё выше и круче, между ними разстилается долина Камчатки, представляющая изъ себя почти совершенно ровную, покатую къ сѣверу отъ Камчатской вершины, мѣстность, образованную диллювіальными наносами. Въ южномъ концѣ этой долины, гдѣ она имѣетъ еще незначительную ширину, благодаря тому, что хребты близко сходятся другъ съ другомъ, она до такой степени заполнена диллювіальными отложеніями, что гора только незначительно возвышается надъ нынѣшнимъ дномъ до-

лины, вслѣдствіе чего онѣ кажутся низкими, между тѣмъ далѣе на сѣверъ, по мѣрѣ того какъ ширина долины увеличивается, благодаря равномерному распредѣленію наносовъ и пограничныя горы больше выступаютъ наружу и выглядятъ выше. Эта область наносовъ, имѣющая на сѣверъ отъ начала рѣки Камчатки сотни верстъ протяженія, прорѣзывается величайшей рѣкой полуострова. Въ своей южной части область вообще суше и много выше, напротивъ того въ сѣверной она влажнѣй и покрыта маленькими озерами и болотами.

Соотвѣтственно этому въ южной части преобладаютъ прекрасныя луга съ березовыми рощами (*B. alba*) и зарослями травы, въ средней части эта область поросла хвойнымъ лѣсомъ (лиственницей и пихтой), а въ сѣверной преобладаетъ кустарникъ ивы и ольхи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ подошвы близко подходящихъ вулкановъ въ долинѣ выступаетъ лежащая по сосѣдству горная порода, чаще появляется лѣсъ березы (*B. Ermanii*), смѣшанный съ кедромъ.

Въ то время какъ южнѣе Шаромы въ рѣку Камчатку впадаютъ только очень маленькіе ручьи, едва заслуживающіе упоминанія, отсюда до Верхне-Камчатска рѣка получаетъ уже большихъ размѣровъ притоки, изъ которыхъ я приведу здѣсь главнѣйшіе, считая по порядку съ юга на сѣверъ: съ восточнаго хребта впадаютъ: Малая и Большая Клюквина, Ельдемичъ, Бану и съ средняго хребта Везимскъ, Визитъ, Каказа, Чебаевская и Куречева, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ изъ себя только рукавъ въ устьѣ Андреяновки. Масса лососей, совершающихъ свой ходъ и непрерывной густой стаей плывшихъ намъ на встрѣчу противъ очень сильнаго теченія, въ этомъ году была такъ велика, что удивлялись даже камчадалы. Теперь я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости того, что говоритъ Ерманъ (стр. 457), а именно, что бываетъ слышно и ясно чувствуется треніе о лодку проходящихъ мимо лососей. Нѣсколько разъ я глядѣлъ на массу рыбы, кишѣвшей въ водѣ, желая убѣдиться въ томъ, что меня не обманываютъ глаза и уши. Это такого

рода явленіе, которое надо видѣть самому, чтобы повѣрить его справедливости. Разсказъ Ермана, этого вполне достовѣрнаго автора, описывающаго камчатскую природу и ея особенности, возбуждалъ во мнѣ раньше большое сомнѣніе, пока все это я не испыталъ самъ и не видѣлъ собственными глазами.

Тысячи лососей, буквально вытѣсненные изъ воды, лежали мертвыми на берегу, или извуренные еще бились. Бродящія на свободѣ ѣздовыя собаки, медвѣди и другіе хищные звѣри кормятся этой рыбой; во всѣхъ мѣстечкахъ въ безчисленномъ множествѣ еѣ ловятъ и люди, и всё таки колоссальная, дѣлающаяся все болѣе плотной, масса лососей пробирается въ верхнее теченіе рѣки. Когда въ 10 часовъ вечера мы прибыли въ Верхне-Камчатскъ, то все населеніе оказалось занятымъ рыбой, хотя уже повсюду въ балагапахъ были сложены очень большіе запасы ея. Столь дѣятельная работа вызывается необходимостью, такъ какъ чрезъ нѣсколько недѣль это богатство исчезаетъ и тогда на всемъ протяженіи большой рѣки Камчатки трудно найти хотя бы одного лосося. Въ то время только въ отдаленнѣйшихъ ручьяхъ, въ области истоковъ, высоко въ горахъ да и то, какъ рѣдкость, попадаются еще до поздней осени и даже до Рождества Христова живыя, но совершенно исхудавшія рыбы вида, называемаго кизучъ (*Salmo sanguinolentus*).

25-го августа. Сегодня мы продолжали путешествіе по рѣкѣ на Кирганикъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Андреяновка прорыла себѣ новое русло, при чемъ мѣсто, гдѣ стояло старое укрѣпленіе Верхне-Камчатскъ, было совершенно смыто. Нѣсколько ниже мы проходили около стараго устья этой рѣки, гдѣ прежде находилось мѣсто казни (Грешная), о которомъ еще теперь жители хранятъ не добрую память, такъ какъ тамъ послѣ большого возстанія въ 1731 году строгій полковникъ Василій Мерлинъ привелъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ казаками и камчадалами. Почти противъ этого мѣста двумя рукавами изливается Ковыча (Ерманъ пишетъ Повыча), вытекающая съ востока изъ Валагинскаго хребта. Въ ея верховьяхъ суще-

ствуешь много достойныхъ упоминанія проходовъ къ восточному берегу полуострова, которыми очень часто пользовались въ прежнее время, а именно: уже упомянутый проходъ къ верхнему теченію рѣки Авачи, затѣмъ проходъ къ рѣкѣ Налочевъ и наконецъ особенно излюбленный проходъ къ рѣкѣ Жупановой (по камчадалски Шапхадъ). Этотъ послѣдній благодаря его узкимъ опаснымъ ущельямъ называется также Верблюжье Горло. Слѣдуя далѣе лѣвымъ берегомъ, мы вышли на устье Верлатовки и на рукавъ Сигачикъ, гдѣ въ началѣ столѣтія стояли казармы, нерѣдко упоминаемаго здѣсь батальона, нынѣ же отъ нихъ остались только кучи обломковъ. Далѣе по правому берегу слѣдовали Сосникскіе ключи, а по лѣвому устье ручья Милковки, на которомъ лежитъ деревня Милкова. Въ Милковой, гдѣ я оставался недолго, одинъ старикъ съ опечаленнымъ видомъ показалъ мнѣ свою засѣянную ячменемъ пашню, совершенно уничтоженную сильнымъ ночнымъ морозомъ 8 и 10-го іюня. Весь трудъ и всѣ заботы пропали даромъ.

Не смотря на то, что правительство очень заботится о земледѣліи, многолѣтній опытъ говорить противъ него. Скотоводству же, которое здѣсь очень легко прививается, придается меньшее значеніе.

Въ дальнѣйшемъ пути на Кирганикъ мы прошли по правой сторонѣ устья Валагина и Азанача, а на лѣвой устье Амчарика, послѣ чего вышли на Кирганикъ, вытекающей изъ Средняго хребта, и вмѣстѣ съ тѣмъ достигли цѣли нашего путешествія мѣстечка Кирганика. Въ 7 часовъ вечера вмѣстѣ со старымъ тойономъ Афанасіемъ Чуркинымъ мы уже пили чай и совѣщались на счетъ дальнѣйшей дороги въ Восточный хребетъ. Главный пунктъ былъ рѣшенъ еще сегодня, а именно, что проводникомъ будетъ Чуркинъ.

26-го августа. Старого Чуркина не трудно было уговорить принять участіе въ путешествіи, потому что едва только я сдѣлалъ ему такое предложеніе, въ душѣ стараго горячаго охотника проснулась страсть къ охотничьимъ приключеніямъ. Съ удиви-

тельной быстротой сдѣлалъ онъ всѣ распоряженія къ путешествію, и уже послѣ обѣда лошади, сѣдла и даже провизія были готовы и лежали на мѣстѣ.

Ближайшимъ утромъ надо было тронуться въ путь. Дорожное общество кромѣ меня состояло изъ казака Климова, Чуркина и камчадала Михайлова. Намъ предстояло теперь идти въ совершенно ненаселенную горную часть Камчатки, на что могло потребоваться мѣсяць времени. Вечеръ мы проболтали съ Чуркинымъ за чаемъ, при чемъ я имѣлъ случай получить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, которыя мнѣ не хотѣлось бы оставить безъ упоминанія. Разказы Чуркина касаются главнымъ образомъ восточнаго берега Камчатки и относятся къ тому отдаленному времени, когда тамъ еще всюду были большіе населенные пункты и жители этой, мертвой въ настоящее время, страны находились въ сношеніяхъ съ жителями долины Камчатки. Такъ, говорятъ, что въ устьѣ рѣки Семячика находилось раньше большое камчадалское мѣстечко съ часовней и школой для дѣтей жителей. Одинъ разъ въ устье рѣки приходило небольшое судно съ провизіей ученикамъ. Въ какое именно время всё это было, я не могъ узнать достовѣрно, но мнѣ кажется, что это должно быть раньше той ужасной оспенной эпидеміи (1768), которая въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно обезлюдилла страну.

Въ то время часто пользовались дорогой отъ Толбачи на Часму (рѣка и очень населенное мѣсто восточнаго берега) по холму, поросшему березой, а также дорогой отъ Толбачи чрезъ истоки Халичи на Ключи, далѣе дорогой отъ Чапины на Кроноки и Часму и наконецъ отъ Ключей надъ истоками Халичи въ Часму. Около Часмы было открыто соленое озеро, которое было на столько богато солью, что русскіе изъ Нижне-Колымска солили тамъ рыбу во множествѣ. Чуркинъ странствовалъ не только на восточномъ берегу, но совершалъ свои охотничьи поѣздки также и въ Среднемъ хребтѣ. Такъ, объ истокахъ Кирганика онъ рассказывалъ, что эта рѣка вытекаетъ изъ двухъ озеръ, изъ которыхъ одно даетъ начало ручью, впадающему въ рѣку Ичу, такъ

что здѣсь существуетъ сплошной водный путь отъ рѣки Камчатки къ Охотскому морю. Другой истокъ Кирганика близко подходитъ къ истокамъ рѣки Оглукомины. Въ своей молодости Чуркинъ видѣлъ тамъ одного лося, и около Еловки, какъ онъ полагаетъ, былъ убитъ еще другой. Однако случая появленія этого звѣря здѣсь очень рѣдки. И здѣсь также повторяютъ басни о двухголовыхъ лососяхъ, которые будто бы живутъ въ одномъ озерѣ въ Валагинскомъ хребтѣ, повторяютъ и сказаніе о ковчегѣ, который стоитъ будто бы на высокой горѣ близъ Машуры, равно какъ и рассказы о томъ, будто бы въ сѣдой древности на горномъ узлѣ Тимаска во время великаго потопа спасались люди.

27-го августа. Рано утромъ всё было готово къ отъѣзду. Старый тойонъ собралъ свое многочисленное семейство и благословилъ его. Среди истыхъ камчадаловъ мнѣ въ первый разъ приходится видѣть настоящій христіанскій образъ мыслей. То, что сдѣлано отъ чистаго сердца, глубоко проникаетъ въ душу. Старый и малый отправились провожать насъ къ рѣкѣ, гдѣ мы переправились на восточный берегъ и сѣли тамъ на лошадей, которыя уже насъ ожидали. Мы поѣхали прямо на востокъ, сначала прошли значительное разстояніе по лѣсу лиственницы и березы (*Betula alba*), затѣмъ вышли на сухой лугъ, поросшій густымъ кустарникомъ шиповника вмѣстѣ съ небольшими группами березы (*B. alba*) и *Crataegus*, а также съ отдѣльными лиственницами. Мѣстность была ровна, и только на сѣверѣ къ долинѣ Камчатки передъ нами возвышался густо поросшій лѣсомъ, низкій холмъ. Ближайшей твердой горной породы нельзя было видѣть, такъ какъ мы двигались еще по диллювіальной почвѣ широкой долины Камчатки. Около часу мы подошли къ широкой береговой полосѣ лѣса Китилгины, гдѣ растутъ ивы, тополь, ольха, черемуха, и перешли этотъ притокъ рѣки Камчатки, впадающій у Машуры. Въ руслѣ Китилгины нѣтъ вулканическихъ горныхъ породъ, а только галька изъ темносѣраго и зеленаго, богатаго кварцемъ, плотнаго глинистаго сланца, а также обломки

камня, похожаго на сіенитъ. Далѣе мы вышли снова на сухой лугъ, тамъ и сямъ поросшіи чередующимися между собой *B. alba* и *B. Ermani*. Такъ приближались мы постепенно къ горамъ. Послѣ того какъ одинъ рукавъ Китилгины былъ перейденъ, мы остановились предъ ущельемъ, которое ведеть въ горы, и составляетъ начало того прохода, который мы должны были перейти. Бушуя, вырывается изъ ущелья рѣка Бенью и вливается въ Китилгину. Такъ какъ въ горной долинь для лошадей могъ бы быть только скудный кормъ, къ тому же приближался вечеръ, то мы разбили свой лагерь здѣсь. На горѣ скопились темныя, надвигавшіяся съ востока, тучи; поднялся вѣтеръ и пошелъ дождь.

28-го августа. Небо прояснилось и мы продолжали наше путешествіе по ущелью. Дорога между тѣсно сближенныхъ скалъ очень круто поднималась по ущелью. Мы принуждены были отыскивать её то на правомъ, то на лѣвомъ берегу пѣнящагося ручья, всякій разъ переходя его въ бродъ между валяющимися обломками камней. На открытыхъ мѣстахъ намъ преграждалъ путь густой кустарникъ ивы и ольхи, такъ что приходилось пускать въ ходъ топоръ. Кое гдѣ мы должны были взбираться на крутые береговые обрывы, изъ которыхъ одинъ былъ на столько крутъ, что одна лошадь поскользнулась и свалилась внизъ. Счастье, что обрывъ былъ не высокъ, и лошадь была защищена положенной на неё кладью, такъ что животное отдѣлалось только легкой раной въ голову. Такимъ образомъ шли мы долго, поднимаясь всё выше и выше далѣе внутрь хребта, а тѣмъ временемъ небо снова приняло угрожающій видъ. Недалеко отъ высшей точки прохода въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина расширяется, и гдѣ растеть еще березовый лѣсокъ, поднялась непогода съ дождемъ, поэтому мы принуждены были немедленно разбить свою палатку. Вокругъ насъ на высокихъ вершинахъ горъ выпалъ снѣгъ и замѣтно понизилъ температуру воздуха. Необыкновенно счастливый случай представляло то обстоятельство, что мы достигли мѣста расширенія долины раньше, чѣмъ наступила непогода, такъ какъ наши лошади на хорошемъ горномъ

лугу могли найти здѣсь достаточно корму, чего не было бы ни ниже, ни выше. Окружающія насъ скалы состояли изъ сильно метаморфизованной горной породы съ ясной слоистостью, которая однако въ различной степени была нарушена. Это была очень твердая, плотная, богатая кварцемъ, свѣтлозеленая или свѣтло красноватая порода, въ которой попадались мѣстами маленькіе вкрапленные кристаллы роговой обманки или эпидота. Эти образованія удивительно напоминали слоистыя породы у Петропавловскаго порта. Ближайшіе три дня 29, 30 и 31-го августа, мы провели въ этой замѣчательно прекрасной горной долині. Первые два дня, благодаря бушующей непогодѣ, идти далѣе было прямо таки невозможно, а когда 31-го числа, погода снова улучшилась, необходимо было сушить и приводить въ порядокъ мокрый багажъ. Къ этому присоединалось еще то обстоятельство, что здѣсь во время нашей жизни въ лагерѣ мы много разъ видѣли небольшія стада аргали, а стараго Чуркина ничто въ свѣтѣ не могло удержать отъ того, чтобы, пользуясь хорошей погодой, заполучить, какъ онъ говорилъ, къ намъ въ лагерь жирнаго барана.

Рано утромъ въ сухой рыхлой щебнистой почвѣ онъ вырылъ глубокою яму и развелъ въ ней огонь, который по его желанію, мы должны были поддерживать. Старый охотникъ былъ увѣренъ въ себѣ: онъ рассчитывалъ идти въ горы и убить тамъ барана, котораго предполагалъ изжарить по камчадалскому способу въ этой сильно накаленной ямѣ. Чуркинъ и Михайловъ пошли въ горы, а я съ Климовымъ остался при лошадахъ. Въ 2 часа на вершинѣ горы раздались сигнальныя выстрѣлы, условный знакъ, что животное убито и необходима помощь, чтобы доставить добычу. Тогда Климовъ отправился въ этомъ направленіи и около 5 часовъ всѣ трое показались снова, таща съ собой стараго аргали. Животное, считая отъ головы до короткаго хвоста, имѣло 5 футъ въ длину; подобно мериносовой овцѣ было снабжено колоссальными сильно завитыми рогами, и было покрыто свѣтло сѣрой шерстью. Дальше пошла усердная и веселая работа. Скоро съ барана была снята шкура, затѣмъ его раздѣляли

и начали варить и жарить на вертелѣ. Жирныя куски отъ реберъ и спины были завернуты въ ароматическія горныя травы, въ особенности въ *Senecio cannabifolius* (называемую Баранникомъ, такъ какъ она придаетъ хорошій вкусъ бараньему мясу) и положены въ разчищенную раскаленную яму. Здѣсь мясо было еще покрыто травами и немного дерномъ. Затѣмъ поверхъ всего этого снова былъ разведенъ большой огонь. Въ короткое время мясо было готово и получилось отличное нѣжное и жирное жаркое. Почти невѣроятно, какую массу мяса, а въ особенности жира могли съѣдать мои люди. Чуркинъ былъ героемъ дня и, гордясь тѣмъ, что доставилъ въ лагерь такую прекрасную добычу, усердно поѣдая мясо, вскричалъ разъ за разомъ «теперь можно жировать».

До поздней ночи продолжалось жаренье, варенье и ѣда, и все таки у насъ оставался большой запасъ для дальнѣйшей дороги.

Вечеромъ прекраснаго теплаго дня снѣгъ почти совсѣмъ исчезъ на возвышенныхъ точкахъ, такъ что явилась возможность оставить наконецъ чудное мѣсто нашего невольнаго пребыванія.

1-го сентября. Рано утромъ насъ окутала густой туманъ, прояснившійся только передъ обѣдомъ. Въ 12 часовъ мы пошли на высокій пунктъ прохода. Березовый лѣсокъ у нашего лагеря былъ послѣднимъ представителемъ древесной растительности; выше всякаго рода растенія исчезаютъ очень быстро, и на высотѣ прохода чрезъ Балагинскій хребетъ ихъ нѣтъ совсѣмъ. Всюду были видны многочисленныя слѣды аргали; а одно изъ этихъ животныхъ мы даже спугнули, и оно скрылось въ дикомъ ущельи.

Горная порода въ общемъ здѣсь та же, что я видѣлъ у Бенью, только на самомъ возвышенномъ мѣстѣ прохода встрѣчаются многочисленные обломки песчаника. Съ высшей точки прохода на сѣверѣ и на югѣ открылись горы, которыя, судя по ихъ внѣшнему виду, состоятъ только изъ слоистыхъ образований. Весьма вѣроятно, что это былъ песчанникъ, по крайней мѣрѣ я нашелъ эту породу, когда спускался внизъ, и здѣсь онъ былъ также съ отпечатками растеній, какъ и въ районѣ Тигила. Восточная долина,

въ которую мы должны были спускаться, открывается на сѣверо-сѣверо-востокъ; предъ нами простирался дикій хребетъ со множествомъ разорванныхъ высокихъ долинъ и ущелій. Это—область истоковъ рѣкъ Жупановой и Чапиной. Уже ручеекъ, по узкой, крутой, похожей на ущелье, долинѣ котораго мы стали спускаться, принадлежать къ системѣ рѣки Чапиной и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣки Камчатки. Перейдя ручей по крупной галькѣ, мы пошли между скалами, спускаясь внизъ по долинѣ благодаря крутизнѣ мѣста по большей части зигзагами. Намъ приходилось торопиться, такъ какъ тучи собрались снова и остановились надъ вершиной скалистой горы. Вдругъ по гребню горъ въ нашу долину быстро спустилась тяжелая туча. Въ одно мгновеніе мы очутились внутри ея. Градъ и снѣгъ вихремъ кружились вокругъ насъ, молнія съ сильными раскатами грома ослѣпляла насъ. Къ счастью туча такъ же быстро исчезла, какъ и налетѣла, и мы, хотя и промокшіе, могли продолжать нашъ утомительный путь. Послѣ часа очень быстрого марша, когда мы круто спускались въ узкую скалистую долину теперь уже по свѣже выпавшему снѣгу, мы достигли широкой долины Чапины, простирающейся съ сѣвера на югъ; здѣсь мы снова вошли въ область березы. Всюду въ только что оставленномъ нами ущельи находился ясно слоистый темный песчанникъ, слои котораго были различнымъ образомъ приподняты и сброшены, вслѣдствіе чего придавали чрезвычайно дикій видъ окаймляющимъ ущелье скаламъ. Достоенъ замѣчанія интересный фактъ, что здѣсь снова встрѣчаются третичныя отложенія.

Хотя здѣсь они играютъ болѣе второстепенную роль, нежели на западномъ берегу полуострова, гдѣ они преобладаютъ, однако всетаки встрѣчаются; отсюда не трудно придти къ заключенію, что раньше образованія вулкановъ восточнаго ряда на восточномъ берегу Камчатки паходились широко распространенныя третичныя отложенія. Различнымъ образомъ метаморфизованные слои вулканическаго района, какъ кажется, заимствовали свой первоначальный матеріалъ—третичные песчанники и глины—отъ этихъ третичныхъ отложеній. При этомъ подъ вліяніемъ жара подни-

малоющейся древней и новой лавы богатые кварцемъ третичные песчаники превратились въ хорнштейновую и яшмоподобную породу, а глины въ плотные темные глинистые сланцы.

Это — двѣ рѣшительно преобладающія породы среди всѣхъ метаморфическихъ слоистыхъ породъ края; онѣ встрѣчаются всюду, въ особенности на мѣстахъ непосредственнаго соприкосновения съ продуктами вулканическаго изверженія. Такъ было и на проходѣ, который мы сегодня перевалили. Въ то время какъ самыя высокія части слоевъ третичной формаціи на высшей точкѣ прохода остались до сего времени почти еще не пзмѣнившимися и даже заключаютъ въ себѣ остатки растений, при чемъ простираются далеко внизъ по долинкѣ р. Чапиной; здѣсь, внизу, выступаютъ уже пикніе третичные слои, лежащіе ближе къ мѣсту дѣйствія жара, и имѣющіе видъ кварцевыхъ, свѣтлозеленыхъ, часто почти стекловидныхъ слоевъ метаморфизованной горной породы, совершенно въ томъ же родѣ, какъ это наблюдается на западной сторонѣ прохода въ долину рѣки Бенью.

Отсюда существуетъ низкій проходъ на югъ черезъ боковое ущелье долины р. Чапины къ близъ-лежащимъ истокамъ рѣки Жупановой и вмѣстѣ съ тѣмъ къ собственно восточному берегу страны въ область Великаго океана. Мы расположились лагеремъ уже на верхней Чапишѣ, выбравъ хорошій лугъ, чтобы доставить возможность нашимъ лошадямъ, утомленнымъ только что совершенной работой, лучше отдохнуть и подкрѣпиться. Здѣсь уже падалъ не снѣгъ, а дождь. Въ горахъ же, которыя остались позади насъ, продолжала бушевать непогода и вершины наиболѣе высокыхъ горъ были одѣты блестящимъ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ.

2-го сентября. Утромъ при благопріятной погодѣ мы пошли чрезъ открывшійся уже вчера проходъ къ истокамъ Жупановой, верхняго теченія которой мы достигли въ 9 часовъ. Рѣка вытекаетъ изъ горнаго узла Чисечъ и направляется сначала на востокъ. По ту сторону рѣки еще далѣе на востокъ возвышается вулканъ Унана, сзади котораго лежитъ большое озеро, Кроноцкое,

и на юго-востокѣ—вулканъ Таунзицъ; вблизи послѣдняго должна находиться сольфатара. И этотъ вулканъ лежитъ также недалеко отъ Кроноцкаго озера.

Оба они представляютъ изъ себя совершенно педѣйствующія, сильно притупленныя, вѣроятно обвалившіяся конусообразныя огнедышащія горы. Нашъ путь пролегалъ на юго-востокъ круто внизъ къ рѣкѣ Жупановой. Растительность была очень скудна, между тощими кустами кедра и ольхи (Erlen) попадались только немногія корявыя березки. Здѣсь выступаетъ твердая свѣтлая горная порода съ многочисленными мелкими вкрапленными въ неё кристаллами темнаго авгита, но преобладаетъ опять таки порода свѣтло-зеленая, богатая кварцемъ и носящая признаки слоистости. Точно такъ-же и песчаникъ, расположенный тонкими слоями, играетъ здѣсь второстепенную роль, въ одномъ мѣстѣ онъ былъ приподнятъ тремя большими выходами базальта. Долина сначала узка и выдвигающіяся въ неё стѣны скалъ часто заставляли насъ удаляться отъ рѣки и съ топоромъ въ рукахъ прокладывать себѣ дорогу по береговымъ пригоркамъ, поросшимъ кустарникомъ. Такъ слѣдовали мы нѣкоторое время по долиноу, дѣлающей постепенно всё шире, спускаясь по берегу медленно текущей рѣки Жупановой, перебродили и оставили её наконецъ совсѣмъ, послѣ чего мы повернули на востокъ по сухой ягодной тундрѣ, постепенно поднимаясь по направленію къ вулкану Унана. Эта, далеко простирающаяся на западъ и востокъ, тундра примыкаетъ къ южной сторонѣ подошвы вулкановъ Унаны и Таунзица; во всѣ стороны открывается здѣсь прекраснѣйшій видъ вдаль. На сѣверѣ въ небольшомъ отдаленіи возвышаются оба названные вулканы. На западѣ и сѣверо-западѣ, рисуясь своими крутыми зубцами, тянется только что пройденный нами Валагинскій хребетъ съ замѣтнымъ пониженіемъ въ проходѣ рѣки Чанины. На югѣ можно нѣсколько прослѣдить рѣку Жупанову, на западномъ берегу которой возвышается рядъ маленькихъ конусовъ. На востокѣ и юго-востокѣ отъ этой рѣки тундра поднимается по направленію къ большому высокому плато, которое

многочисленными громадными уступами круто обрывается у своего края. Наконецъ на югѣ вдали, на самомъ горизонтѣ, выступаетъ большой вулканъ—Семячикъ. Вся эта область характеризуется необыкновеннымъ безлѣсіемъ, только здѣсь и тамъ среди тощихъ ползучихъ кустовъ кедра стоятъ по отдѣльности маленькія кривыя березки (*B. Ermani*).

Мы поднимались все далѣе по направленію къ вулкану Унана, который, въ особенности на сѣверо-западномъ краю кратера, сильно разрушенъ и, какъ уже было сказано, повидимому, совершенно прекратилъ свою дѣятельность. Затѣмъ мы стали слѣдовать по подножію вулкана, нѣсколько поднимаясь въ восточномъ направленіи. Часто мы переѣзжали сухія русла рѣкъ, по которымъ весной сбѣгаетъ съ горъ снѣговая вода, теперь же они были усѣяны лавовой галькой. Двигаясь по этой галькѣ, мы спустились въ ровную и постепенно понижающуюся широкую долину, которая простирается между Унаной и Таунзицомъ и отдѣляетъ другъ отъ друга эти двѣ горы. Здѣсь между обоими вулканами мы разбили свой лагерь на берегу маленькаго ручья, впадающаго въ рѣку Жупанову. У подножія обоихъ вулкановъ между незначительными холмами тянется цѣпь маленькихъ озеръ, а изъ той долины, гдѣ мы находились, съ небольшого, расположеннаго на сѣверѣ водораздѣла, вытекаетъ другой небольшой ручей и вливается въ Кроноецкое озеро, которое должно находиться недалеко позади вулкана. Таунзиць стоитъ южнѣе Унаны и точно такъ-же на сѣверо-западномъ краю своего кратера очень сильно разрушенъ. На немъ видны два явственныхъ потока лавы, изъ которыхъ одинъ застылъ, дойдя до половины высоты горы. Оба вулкана производятъ впечатлѣніе, какъ будто здѣсь не было бурныхъ и повторявшихся изверженій, но какъ будто эти вулканы можетъ быть вскорѣ послѣ своего образованія, совершенно обвалились и пришли въ современное положеніе покоя; по крайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ не наблюдается слѣдовъ сильнаго разрушенія. Можно сказать, что оба вулкана поднимаются надъ большой высокою тундрой по линіи наибольшаго покоя и совершенно

изолированы, хотя и близко стоятъ другъ отъ друга. Далеко на югѣ показались на горизонтѣ умѣренныхъ размѣровъ клубы пара изъ Большого Семячика. День былъ прекрасный и теплый, но въ горахъ далеко на западѣ отъ насъ появились тучи.

3-го Сентября. Ночью было очень холодно, теперь же утромъ прекраснѣйшая погода. Еще было рано, какъ мы сѣли на лошадей и поѣхали изъ долины снова въ гору вдоль подножія Таунзица. За исключеніемъ мелкой горной травы, растительности не было совершенно. Мы находились на большой высотѣ и всѣ горы казались намъ лежащими далеко внизу подъ ногами. Роскошнѣйшая горная панорама открывалась передъ нами и вокругъ насъ. Между Унаной и Таунзицомъ, этими двумя большими развалившимися вулканами, въ восточномъ направленіи по ту сторону Кронцокаго озера виднѣется высокій цѣльный конусъ вулкана Квизимена, который, вѣроятно, находится въ состояніи дѣятельности. Близко около него поднимается столь же высокій великолѣпный конусъ совершенно недѣйствующаго Кронцокаго вулкана; далѣе видѣнъ болѣе сѣверный, зубчатый, покрытый теперь снѣгомъ, вулканической горный узелъ Чапны, который точно также возвышается недалеко отъ берега Кронцокаго озера.

На западѣ видъ не менѣе прекрасенъ. На восточномъ берегу рѣки Жупановой круто внизъ по направленію къ большому горному массиву спускается высокая тундра, въ то время какъ на западномъ берегу, можетъ быть, какъ дѣйствительная причина этого поднятія, стоятъ небольшія конусообразныя горы, сзади которыхъ въ отдаленіи тянется пройденный нами Валагинскій хребетъ съ его крутыми очертаніями. Въ немъ ясно можно различить мѣсто нахожденія истоковъ и выходы рѣкъ Китильгины, Валагины, Ковычи и Камчатки. Нѣсколько ближе возвышается слабо дымящійся Большой Семячикъ, а на западъ отъ него почти изъ одного и того же основанія могущественно поднимается вверхъ черный столбъ пара Малаго Семячика, который, какъ кажется, находится въ полной фазѣ изверженія. Высоко къ небу большими клубами поднималась теплая масса пара, изъ которой па-

далъ сильный дождь пепла. Это небольшой низкій конусъ, возвышающійся на южномъ краю стараго совершенно разваливагося кратера.

Еще далѣе въ южной части горизонта можно было различить вулканы: Жупановъ, Коряку и Авачу.

Мы шли по подошвѣ Таунзица, который, если смотрѣть отсюда, представляетъ картину полнѣйшаго разрушенія: всюду вокругъ лежать обломки скалъ и къ нимъ подходятъ застывшіе потоки лавы. Среди развалинъ, расщелины которыхъ поросли мохомъ, тамъ и здѣсь виднѣется тощій кустарникъ кедра, ивы или *Rhododendron'a*. Часто и здѣсь мы шли по сухому руслу рѣкъ, усѣянному лавовой галькой. На южной сторонѣ Таунзица дорога становится всё менѣе ровной и движеніе по ней всё болѣе затруднительнымъ. Идти приходилось чрезъ множество небольшихъ котловидныхъ долинъ и по крутымъ холмамъ съ лежащими между ними маленькими озерами, которыя мы частью обходили, частью переходили поперекъ. Такъ пришли мы на Таунзиць. По неглубокой долинѣ, но по такой же мѣстности, мы стали подниматься въ гору по направленію къ краю стараго совершенно разваливагося кратера, который возвышается южнѣе Таунзица и, какъ было сказано, отдѣленъ отъ этого послѣдняго широкой плоской долиной. Этотъ, совершенно отдѣльно стоящій и вполнѣ самостоятельный, вулканъ, на который мы взошли, отъ Унаны придется третьимъ. Это — Узопъ. Поднимаясь кверху, скорѣе мы оставили за собой всякіе признаки растительности. Мы шли на значительной высотѣ по большимъ снѣговымъ залежамъ, по вулканической галькѣ, бомбамъ и затвердѣвшему пеплу. Наконецъ мы остановились на краю стараго колоссальнаго кратера. Здѣсь въ области снѣга и полнаго отсутствія растительности, словно какое то чудо, развернулась передъ нами исполнская котловидная долина, изъ глубины которой намъ улыбалась сочная зелень роскошной растительности. Діаметръ всей котловины мы опредѣлили въ 6—7 верстъ. Круто на глубину около 100 футъ падаютъ вокругъ нея дикія и разорванныя скалистыя стѣны,

состоящая изъ лавы и щебня. На днѣ исполинскаго кратера росли травы, кустики, кустарничкѣ и даже порядочный березовый лѣсокъ. Среди сочной зелени видны были маленькіе и большіе пруды, а также голыя курящіяся мѣста.

Въ то время, какъ мои спутники старались отыскать возможно болѣе удобный спускъ въ котловидную долину, я, пораженный и очарованный, остался на высокомъ гребнѣ кратера, то удивляясь лѣтней картинѣ, лежащей у моихъ ногъ посреди мертваго ландшафта высокихъ горъ, то наблюдая поднимающіеся кругомъ столбы пламени.

Кихпиичъ это — четвертый вулканъ, который возвышается точно такъ же изолировано и самостоятельно среди высокой тундры въ упомянутомъ ряду: Унана, Таунзицъ, Узонъ, и примыкаетъ къ послѣднему на югѣ. Этотъ большой вулканическій горный узелъ въ постояще время представляетъ изъ себя кучу развалинъ нѣкогда высокой и огромной конусовидной горы. На гребнѣ возвышаются два маленькіе конуса, а въ ущельи юго-восточнаго конуса находится еще дымящаяся сольфатара, изъ которой старый Чуркинъ привозилъ себѣ запасы сѣры. Кихпиичъ стоитъ близко около моря; съ него беретъ начало горячій, испускающій парь, ручей, устье котораго я видѣлъ съ моря въ 1852 году. На юго-западѣ виднѣются близко одинъ около другого Большой и Малый Семячки съ ихъ столбами пара. На сѣверо-востокѣ возвышается великолѣпный полный и высокій конусъ Кронцакаго вулкана (10,600 футъ), съ цѣлымъ рядомъ развалившихся кратеровъ и конусовъ, которые кончаются высокимъ нѣсколько притупленнымъ конусомъ Хамчена. Кругомъ на вершинахъ горъ лежалъ уже снѣгъ и не было никакой растительности. На западѣ по направленію къ рѣкѣ Жупановой тянется высокая безлѣсная моховая и ягодная тундра, мѣсто странствованія многочисленныхъ дикихъ сѣверныхъ оленей. Съ вершины края кратера Узона я могъ взять слѣдующіе пеленги:

Унана 320° N. W.; Таунзицъ 305° N. W., Валагинскій хребетъ 270° W., Истоки Ковычи 250° S. W., истоки Камчатки

240° S. W., Малый Семячикъ 205° S. W., Большой Семячикъ 195° S. W., Кихпиничъ 155° S. W., до 180° S. и Кронцкій вулканъ 45° N. O.

Наконецъ была найдена часть края кратера, гдѣ мы могли надѣяться безъ всякихъ несчастныхъ случаевъ достигнуть дна котла. Медленно и осторожно начали мы трудный крутой спускъ. Мы шли внизъ зигзагомъ. Въ особенности трудно было спускаться нашимъ нагруженнымъ лошадямъ, которыя однако не смотря на усиленную работу весело ржали при видѣ разстилающейся внизу прекрасной зеленой травы. Чѣмъ большей глубины мы достигали, тѣмъ болѣе увеличивалась роскошь растительности. Благополучно добравшись до дна, мы стали внимательно присматриваться ко всему окружающему. Въ серединѣ большого кратера лежало порядочныхъ размѣровъ озеро, въ которое стекало множество маленькихъ и большихъ прудовъ чрезъ посредство незначительныхъ ручьевъ или ключей, берущихъ начало на краѣ кратера. Между этими углубленіями, наполненными водой, находятся невысокія вздутія почвы и маленькіе холмы, которые поросли кедромъ, ольхой и березой (*B. Ermani*) и между которыми въ изобиліи растутъ трава и *Vaccinium* съ прекрасными зрѣлыми ягодами. Вся почва состояла изъ вулканическаго щебня съ большимъ количествомъ кусочковъ пемзы, или была глинистой. Край кратера, который отъ сѣверной до сѣверо-восточной стороны былъ наиболѣе высокимъ и крутымъ, состоялъ изъ мощныхъ чередующихся слоевъ щебня и изъ переполнившей кратеръ лавы, принявшей въ настоящее время видъ большихъ черныхъ, красноватыхъ или бурыхъ, похожихъ на скалы, массъ. Нашъ лагерь мы разбили на берегу большого озера, откуда мы легко могли добраться до любого мѣста дна кратера.

Въ настоящее время озеро и всѣ болотистыя воды представляютъ изъ себя остатки озера много большихъ размѣровъ, которое нѣкогда, вѣроятно, затопляло весь кратеръ, по прорвало послѣ того юго-восточный край его и излило свои воды въ море, находящееся отсюда недалеко. Мѣсто этого прорыва, совпадаю-

щее съ мѣстомъ стока озера, въ настоящее время имѣеть видъ узкаго и дикаго скалистаго ущелья, чрезъ которое вода озера съ шумомъ течеть къ морю и впадаетъ въ него недалеко на сѣверъ отъ Кихпинича. Это и есть могучій Баранко.

Здѣсь на озерѣ мы впервые увидѣли, что въ кратерѣ существуетъ не только растительная, но и богатая животная жизнь. Всюду на мягкой почвѣ были видны свѣжіе слѣды медвѣдей, волковъ, лисъ и сѣверныхъ оленей. Тысячи полевокъ суетливо спѣшили наполнить къ зимѣ свои кладовыя всякими съѣдобными травами и корнями. Богатое рыбой озеро было покрыто утками, гусями, лебедями, плавающими въ перемежку другъ съ другомъ; чайки, посящіяся надъ поверхностью воды, издавали свой хриплый крикъ.

4 и 5-го сентября была ужаснѣйшая непогода. Лилъ дождь, буря съ силой рвала нашу палатку, которой грозила все болѣе возраставшая опасность быть сорванной, хотя она и была укрѣплена камнями.

Ничего невозможно было предпринять, и плохи были бы наши дѣла по части продовольствія, если бы мы еще не могли питаться мясомъ аргали. Наверху края кратера шель снѣгъ, который до насъ достигалъ только въ видѣ дождя.

Вблизи палатки, въ небольшомъ пруду, я нашелъ множество маленькихъ темныхъ тритоновъ, кажется, совершенно похожихъ на тритоновъ изъ области Толбачи. Этотъ маленькій тритонъ представляетъ изъ себя единственное животное изъ классовъ амфибій и рептилій, встрѣчающееся въ Камчаткѣ, такъ какъ тамъ нѣтъ ни ящериць, ни лягушекъ, ни змѣй, ни черепахъ. Далѣе, въ другомъ небольшомъ пруду, я нашелъ крошечныхъ ракообразныхъ. Обыкновенныхъ европейскихъ рѣчныхъ раковъ нѣтъ ни въ одномъ бассейнѣ Камчатки. Какъ извѣстно, граница ихъ распространенія проходитъ по Уралу, такъ что въ системѣ Волги они еще существуютъ, но уже въ системѣ Оби ихъ нѣтъ.

О лѣсахъ этой, въ общемъ лѣсистой, области старый Чуркинъ рассказывалъ слѣдующее: На Кроноцкомъ озерѣ растетъ

лиственничный лѣсъ, который тянется сюда отъ долины Камчатки. По камчадалски лиственница называется «Кромъ», и отъ этого слова слѣдуетъ производить и самое названіе озера. Пихты тамъ нѣтъ, но она встрѣчается на рѣкѣ Семячикѣ въ видѣ небольшихъ, стоящихъ островами, лѣсковъ. По Часмѣ и притокамъ рѣки Жупановой растетъ только тополь. Въ остальныхъ мѣстахъ здѣшній край совершенно безлѣсенъ и только кое-гдѣ покрытъ скудной растительностью стелящихся кустарниковъ кедра, ольхи и корявой березы.

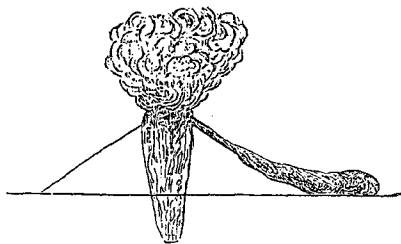
6-го сентября. Ночью на высотахъ выпалъ снѣгъ и теперь съ верхней части края кратера нависали тяжелыя массы снѣга, изъ которыхъ часть отдѣлилась и въ видѣ лавины скатилась въ кратеръ. И у насъ, въ совершенно защищенной и замкнутой котловидной долинѣ, падалъ также не чистый дождь, а съ примѣсью снѣга. Зима подвигалась къ намъ всё ближе и ближе. Хотя мы и питали положительную надежду на то, что, какъ только появится солнце, большая часть снѣга снова исчезнетъ, и на дорогѣ мы не встрѣтимъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій для путешествія, но къ сожалѣнію ясно было, что мнѣ приходилось измѣнить свой планъ; именно, я принужденъ былъ отказаться продолжать путешествіе къ Кроноцкому озеру и къ вулкану, лежащему на сѣверъ отъ этого послѣдняго. Чуркинъ считалъ совершенно невозможнымъ продолжать туда путешествіе, такъ какъ въ той возвышенной мѣстности лежитъ теперь уже глубокій снѣгъ и для лошадей нѣтъ корма. Такимъ образомъ я принужденъ былъ отказаться отъ своей завѣтной мечты видѣть большое озеро, хотя оно и находилось отсюда недалеко. Около обѣда погода вдругъ сдѣлалась лучше, дождь пересталъ и заблестѣло солнце. Мы тотчасъ же поѣхали къ западному краю кратера, гдѣ на разстояніи около двухъ верстъ отъ палатки наблюдаются явленія вулканической дѣятельности. Мы должны были обойти небольшой водный бассейнъ, перейти два ручейка и пройти черезъ лежащій между ними маленькій холмъ, поросшій мохомъ, кедромъ, *Rhododendron*'омъ и ягодой, и послѣ того остановились

на мѣстѣ этой дѣятельности. Посреди зелени растительности здѣсь находилось мѣсто, около $\frac{1}{4}$ версты въ поперечникѣ, совершенно лишенное всякихъ признаковъ растений. Множество плоскихъ, совершенно обнаженныхъ глинистыхъ и песчаныхъ холми-ковъ, съ лежащими между ними такими же плоскими долинками, образуютъ почву этого мѣста, изъ котораго всюду, т. е. какъ

Поле вулканической дѣятельности въ вулканѣ Узонѣ.

изъ долинъ, такъ и изъ холмовъ, поднимаются многочисленныя маленькія струи пара. Клейкая скользкая глина имѣла всевозможные цвѣта, въ особенности часто замѣчался сѣрый, охряно-желтый, бѣлый, рѣдко красноватый.

Маленькій глиняный конусъ и кратеръ въ вулканѣ Узонѣ.

На этихъ холмахъ и между ними всюду въ большомъ количествѣ видны конусообразно-вырытыя отверстія, въ которыхъ при высокой температурѣ кипятъ и бьютъ бурнымъ ключемъ жидкая и очень тонкая свѣтло-голубовато-сѣрая глина. При 8° R. воздуха, въ кипящей глинѣ я наблюдалъ въ различныхъ мѣстахъ отъ 74 до 86° R. Каждый изъ этихъ маленькихъ глиняныхъ конусовъ имѣлъ въ серединѣ своей маленькій кратеръ,

въ которомъ кипѣла глина; въ нѣкоторыхъ она переливалась черезъ край на подобіе потоковъ лавы.

Немногіе изъ этихъ маленькихъ кратеровъ достигали въ перечникѣ 6 футъ, другіе открывались прямо безъ возвышенія и имѣли одинъ или нѣсколько дюймовъ въ діаметрѣ. Маленькіе были относительно выше, большіе въ большинствѣ случаевъ были слиты вмѣстѣ, такъ какъ очевь мягкій матеріалъ, изъ котораго они построены, не могъ противустоять дѣйствию бурнаго клокотанія и кипѣвія. Высоту въ два фута превосходилъ развѣ только одинъ изъ этихъ маленькихъ конусовъ. Число всѣхъ маленькихъ кратеровъ во всемъ пространствѣ мѣста во всякомъ случаѣ превышало 100. Огня не было видво нигдѣ. На внѣшней сторонѣ большинства маленькихъ глиняныхъ конусовъ отсвѣчивала прекраснымъ желтымъ цвѣтомъ сѣра, и въ столь большомъ количествѣ, что можно было снимать цѣлыя таблицы ея въ три дюйма толщиной и болѣе чѣмъ въ квадратный футъ поверхностью. Въ самыхъ маленькихъ кратерахъ кипящая глина была видна въ меньшемъ количествѣ, напротивъ того, оттуда съ большой силой и значительнымъ шумомъ вырывались пары, которые выходили какъ изъ парового котла. Изъ большихъ кратеровъ паръ поднимался менѣе сильно. До той высоты, куда въ этомъ мѣстѣ поднимался паръ, всюду чувствовался сильный запахъ сѣроводорода. Вблизи запахъ сѣры и хлора былъ настолько рѣзокъ, что вызывалъ кашель. У подножія маленькихъ конусовъ находилась темнаго голубоватаго цвѣта старая глина, т. е. глина, которая отложилась въ прежнее время, между тѣмъ глина, кипящая еще въ настоящее время, послѣ охлажденія дѣлалась почти совершенно бѣлой и была очень жирна и липка на ощупь.

Каналы кратеровъ по большей части неизмѣримой глубины. Нѣкоторые изъ нихъ образовались, какъ кажется, на вновь возникшихъ трещинахъ въ горной породѣ, — въ этихъ мѣстахъ пары вырываются сильнѣе. Двѣ очень медленно текущія струи жидкой глины соединяются съ холоднымъ ручьемъ, вслѣдствіе чего вода имѣетъ въ немъ молочно-бѣлый цвѣтъ. У подножія

этихъ замѣчательныхъ глиняныхъ кратеровъ находится умѣренно-теплый прудъ, на которомъ я видѣлъ плавающихъ утокъ. Кратеры большихъ размѣровъ расположены чаще всего на низкомъ мѣстѣ между холмами, между тѣмъ какъ маленькіе, испускающіе паръ, занимаютъ вершины холмовъ. Недалеко отъ этихъ маленькихъ кратеровъ, въ видѣ слоя, поверхъ глины встрѣчаются большія отложенія гипса, въ 2—3 дюйма толщиной, въ видѣ совершенно разбитыхъ маленькихъ глыбъ. Гипсъ этотъ — шпатовый и имѣетъ волокнистую структуру, при чемъ между волокнами включена опять-таки глина. Цвѣтъ гипса по большей части бѣлый, но встрѣчается также и сѣрый, желтоватый и красноватый.

Недалеко отъ этого мѣста проявленія вулканической дѣятельности, у подножія одного, покрытаго растительностью, холма находится особаго рода горная порода. Это былъ родъ известковой накипи, глинисто-песчанистой, состоящей изъ мельчайшихъ зеренъ, на ощупь мягкой какъ мѣлъ, легко поддающейся ножу и легко формующейся. Страннымъ образомъ она напоминаетъ карлсбадскую накипь, только еще мягче, бѣлаго или свѣтлоохряно-желтаго цвѣта и по большей части съ бѣлыми и темно-желтыми жилками, какъ будто тонкіе бѣлые и свѣтлые слои наложены другъ на друга и отдѣлены между собой другими столь же тонкими, но темными слоями. Породу эту очень охотно грызутъ и ѣдятъ мыши и другіе грызуны, судя по тому, что на многихъ кускахъ видны ясныя слѣды зубовъ грызуна.

Большіе холмы въ кратерѣ Узона состояли изъ массы мелкихъ черныхъ камешковъ, вулканическихъ бомбъ, отдѣльныхъ обломковъ лавы и кусковъ конгломерата изъ лавы, цементомъ котораго, судя по твердости, была точно также лава.

Старый Чуркинъ въ послѣдній разъ былъ здѣсь лѣтъ десять тому назадъ и не нашелъ тогда въ этомъ мѣстѣ абсолютно никакихъ проявленій вулканической дѣятельности, однако видѣлъ самые ясныя слѣды этой дѣятельности, обнаруживавшейся много раньше. Поэтому надо думать, что въ области всего большаго

кратера Узона подземная сила, блуждая, проявляет свое дѣйствіе на поверхности.

7-го сентября. При отличной погодѣ я отправился ко второму мѣсту проявленія вулканической дѣятельности, находящемуся на краю кратера съ восточной стороны большого котла и на сѣверъ отъ большого срединнаго озера. Дорога опять идетъ по холмамъ изъ массы черныхъ камешковъ и обломковъ лавы, а также черезъ холодные ключи, которые вливаются со всѣхъ сторонъ въ озеро. Берега маленькихъ прудовъ и большихъ густо поросли ивой и ольхой, между тѣмъ какъ холмы и возвышенныя части подошвы были покрыты кедромъ, березой, *Rhododendron*'омъ, ягодой и роскошной травой. Снова появились многочисленные слѣды медвѣдей и сѣверныхъ оленей, а по водѣ плавало много водяныхъ птицъ, доставившихъ намъ хорошее жаркое.

Мѣсто вулканической дѣятельности, при нашемъ приближеніи, предстало передъ нами окутаннымъ парами и облаками, которые при вступленіи нашемъ въ самое мѣсто, оказались состоящими изъ отдѣльныхъ струекъ пара. Все обстояло здѣсь такъ же, какъ и раньше: въ маленькихъ кратерахъ безчисленныхъ маленькихъ глиняныхъ конусовъ, переливаясь черезъ край, также кипѣла жидкая глина, съ большой силой и значительнымъ шумомъ оттуда вырывались струи пара. Все мѣсто дѣятельности, занимающее почти въ четыре раза большее протяженіе, нежели первое такое же мѣсто, было совершенно лишено растительности. Здѣсь, вслѣдствіе жара, уже давно была убита всякая растительная жизнь. Но на границѣ голаго мѣста, среди еще неубитой зелени, видны отдѣльныя струи пара, представляющія, вѣроятно, новѣйшее явленіе, указывающее на то, что поле вулканической дѣятельности увеличивается. Точно также и здѣсь встрѣчалась известковая накипь, какъ и вообще повторялись всѣ подробности явленія. То-же самое справедливо и по отношенію температуры маленькихъ сопокъ, только здѣсь наблюдается большее разнообразіе ея.

Маленькіе грязевые конусы и кратеры стояли здѣсь болѣе

группами и близко другъ отъ друга, между тѣмъ большіе возвышались обыкновенно по отдѣльности. Между этими послѣдними попадались конусы, которые вмѣстѣ съ ихъ помѣщеніемъ для воды имѣли въ поперечникѣ 1—1½ и даже до 4 футъ. Въ этихъ наибольшей величины кратерахъ вода кипѣла менѣе сильно, за-то они имѣли неизмѣримую глубину. Въ однихъ кипѣла жидкая глина, въ другихъ чистая вода, самые маленькіе ппускали только очень горячіе пары. При 8° температуры воздуха, въ различныхъ мѣстахъ я находилъ температуры въ 52, 62, 65, 68, 71, 73 и 85°. Но были и очень умѣренной теплоты источники въ 7 и 10°. Удивительна эта путаница горячихъ и холодныхъ ручьевъ съ чистой и глинистой водой, теплыхъ и холодныхъ прудовъ и болотинъ, которые всѣ соединены другъ съ другомъ и, наконецъ, впадаютъ въ озеро, и между этими водами находятся воды, только что появляющіяся, или уже питающія ручьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду въ полномъ дѣйствіи многочисленныя маленькіе кратеры. Всюду кипятъ, шипитъ, клокочетъ, шумитъ и всюду высоко въ воздухъ вздымаются струи пара и наполняютъ его парами и сильнымъ запахомъ сѣрководорода. По свидѣтельству стараго Чуркина, десять лѣтъ тому назадъ здѣсь обнаруживались тѣ-же явленія вулканической дѣятельности, но тогда это было единственное мѣсто этой дѣятельности въ Узонѣ и въ то время поднимались струи огня, чего въ настоящее время нѣтъ. Сѣра находится здѣсь въ цѣльныхъ пластинкахъ, а на источникахъ встрѣчается бѣлая кремнистая порода, родъ кремнистой накипи, такъ что гипса здѣсь совершенно нѣтъ. Проявленіе вулканической дѣятельности въ Узонѣ безъ сомнѣнія носитъ блуждающій характеръ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ никакой растительности, ясно можно видѣть, что нѣкогда она была тамъ и только теперь исчезла, между тѣмъ на другихъ мѣстахъ, одѣтыхъ густымъ растительнымъ покровомъ, она начинаетъ погибать. Для меня въ особенности поучительнымъ и памятнымъ былъ маленькій грязный вулканъ, красивой формы настоящаго вулкана. Этотъ маленькій вулканъ имѣлъ у своего

подножія около 5—6 футъ въ поперечникѣ и весь состоялъ изъ голубовато-сѣрой глины. Сверху онъ имѣлъ два кратера, одинъ большой, другой маленькій; въ нихъ кипѣла и бурлила глина, которая отъ времени до времени переливалась на подобіе лавы и вслѣдствіе этого увеличивала края кратеровъ. Большій кратеръ имѣлъ около 3 футъ, маленькій $1\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ. Между обоими кратерами поднимался небольшой остроконечный, очень сильно испускающій паръ, конусъ, возвышавшійся надъ кратерами на одинъ футъ. Весь маленькій грязный вулканъ былъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ фута высотой и стоялъ совершенно въ одиночку у подножія глинянаго холма.

8-го сентября. Рано утромъ, при хорошей погодѣ, мы сѣли на лошадей и направились къ южному краю Узова, гдѣ край кратера наиболѣе низокъ. Отъ большого срединнаго озера мы перешли сначала, всё еще внутри кратера, большую, поросшую отдѣльными группами деревьевъ, ягодную тундру, перебродили множество маленькихъ ручьевъ и послѣдовали, наконецъ, по постепенно возвышающемуся дну одного изъ нихъ къ южному краю кратера. Здѣсь приходилось подниматься по дикимъ утесистымъ мѣстамъ, въ которыхъ массы камешковъ и обломковъ лавы чередовались съ торчащими остріями скалъ и плитами. По направленію кверху быстро исчезаетъ растительность. Послѣ утомительнаго лазанія, при чемъ мы въ особенности были осторожны въ выборѣ тропинки для лошадей, мы достигли наконецъ лишеннаго растительности, покрытаго теперь довольно большимъ снѣгомъ, верхняго края кратера. Видъ отсюда былъ еще болѣе оригиналенъ и болѣе полонъ контрастовъ, нежели при спускѣ. На вершинѣ все было одѣто бѣлымъ покровомъ зимы, между тѣмъ изъ глубины кратера на насъ смотрѣли покрытыя листьями деревья и большія площади сочной травы, изъ середины которыхъ поднимались массы пара и обозначали мѣста вулканической дѣятельности. Посреди суроваго зимняго ландшафта на высотѣ, подъ нашими ногами на много верстъ разстился лѣтній пейзажъ.

Нѣсколько спускаясь подъ гору, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходя изъ глубокаго снѣга, мы шли по широкому и высокому плато, которое тянется на югъ мимо подножія Кихпинича къ Большому Семячику и па сѣверъ къ вулканамъ Таунзицу и Унанѣ. Это — большая, склоняющаяся на западъ къ отдаленной отсюда рѣкѣ Жупановой, равнина, на восточномъ краю которой возвышаются вулканы: Унана, Таунзицъ, Узонъ, Кихпиничъ, оба Семячика, а на сѣверъ отъ Унаны еще Чапина и Кюнцекла. На всемъ этомъ, склоняющемся на западъ къ рѣкѣ Жупановой, высокому плато существуетъ только очень скудная растительность. Вся мѣстность густо покрыта щебнемъ и грубой галькой, и изрѣзана глубокими ущельями и ложбинами, которыя спускаются съ вулкановъ на западъ. Ущелья часто имѣютъ глубину въ 100 футъ и болѣе; по большей части они узки и ограничены крутыми стѣнами, состоящими исключительно изъ вулканическаго матеріала. По подошвѣ, по направленію къ рѣкамъ Жупановой и Семячику, стекаютъ дикіе, шумящіе ручьи. Семячикъ составляется главнымъ образомъ изъ двухъ рѣкъ, изъ которыхъ южная вытекаетъ изъ вулкана Семячика, а сѣверная, въ бассейнъ которой мы теперь вступили, изъ Кихпинича. Слѣдуя на югъ по большому плато, почти весь день мы имѣли Кихпиничъ съ лѣвой стороны, стало-быть, на востокѣ. Спустившись отъ Узона немного подъ-пору, по глубокой сѣдловидной долинѣ, мы подошли къ Кихпиничу.

Мы перешли долину и начали снова подниматься, при чемъ скоро исчезли даже слабыя слѣды только что видѣнной нами растительности, и мы побрели по снѣгу. Около 5 верстъ шагали мы по снѣгу и подошли при этомъ такъ близко къ Кихпиничу, что оказались отдѣленными отъ него только глубокимъ ущельемъ, въ которомъ съ шумомъ протекалъ сѣверный истокъ Семячка. Кихпиничъ — величественный, поднимающійся на высокому основаніи горный узелъ, гребень котораго состоитъ изъ многихъ конусообразныхъ возвышенностей. Здѣсь все производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто этотъ узелъ нѣкогда былъ исполинской

конусовидной горой, но потомъ разрушился и вслѣдствіе конусовидныхъ поднятій принялъ современный видъ. Еще теперь въблизи сѣвернаго конуса поднимаются изъ ущелья массы пара. Такимъ образомъ гора принадлежитъ къ числу еще дѣйствующихъ вулкановъ страны. Съ плато видна отдаленная долина рѣки Жупановой, точно такъ же, какъ и вся бѣдная лѣсомъ мѣстность до простирающагося еще далѣе на западъ Валагинскаго хребта. Далѣе на югъ я замѣтилъ бѣлые пары Большого Семячика, поднимавшіеся съ южной стороны сильно притупленнаго конуса, и еще южнѣе высоко въ воздухъ поднималась большая темная струя Малаго Семячика. Почти въ теченіе 10 минутъ съ большою быстротой изъ кратера поднимался величественный черный шаръ пара, такъ же быстро превратился онъ въ колоссальную струю и расплылся на высотѣ, испуская изъ себя по сторонамъ темный дождь пепла. За этимъ послѣдовали бѣлые пары, пока, спустя десять минутъ, не вырвался новый черный шаръ. Такъ продолжалось дѣло, пока мы видѣли вулканъ. На югѣ, въ большемъ отдаленіи, на горизонтѣ были еще замѣтны, при ясномъ небѣ, вулканы: Жупановъ, Коряка и Авача. Это — мертвая, но величественно прекрасная мѣстность. Нѣкоторое оживленіе придавалъ ландшафту видъ далекаго моря, которое блестѣло на востокъ отъ Кихпинича и было отдѣлено отъ насъ только рядомъ вышеназванныхъ вулкановъ.

Все далѣе уходили мы теперь отъ Кихпинича, отъ котораго насъ отдѣляла теперь, дѣлающаяся все шире, долина сѣвернаго Семячика. Скоро мы совершенно оставили за собой область снѣга и стали слѣдовать по высокому береговому обрыву рѣки, представляющему изъ себя послѣдніе слѣды часто упоминаемаго здѣсь высокаго плато, которое отсюда быстро понижается на западъ къ рѣкѣ Жупановой. Здѣсь мы шли уже всецѣло въ районѣ вулкана Семячика. Въ поразительномъ изобиліи лежали здѣсь черныя рыхлыя массы вулканическихъ камешковъ, затруднявшихъ движеніе лошадей. На продолженіи долины Семячика, еще ниже насъ, видѣнъ былъ небольшой лѣсокъ березы съ примѣсью

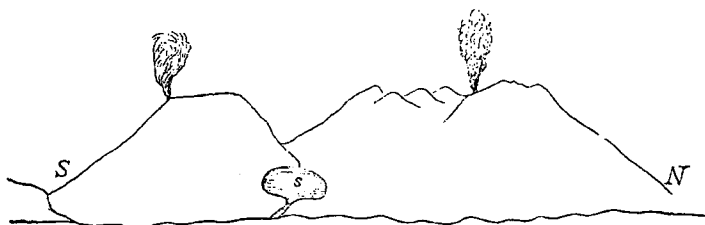
отдѣльныхъ деревьевъ кедра и ольхи, лѣсокъ, до котораго мы скоро достигли, круто спускаясь внизъ по щебню и толстому слою камешковъ. Здѣсь находится мѣсто соединенія обѣихъ главныхъ рѣкъ, составляющихъ р. Семячикъ, сѣверной, по которой мы до сихъ поръ слѣдовали, и южной, порогами и каскадами катящейся съ вулкана Семячика. Отсюда южное направленіе нашего маршрута мы смѣнили на болѣе восточное. Наступилъ вечеръ. Люди и животныя стали мучиться жаждой. Отъ Узона, гдѣ еще въ началѣ дороги мы видѣли немного снѣгу, нигдѣ не было воды. Вся вода совершенно всосалась въ рыхлыя массы камешковъ и исчезла или текла въ ущельяхъ недосыгаемой глубины. До мѣста впаденія Семячика въ море было еще слишкомъ далеко, поэтому не безъ опасности мы рѣшились сдѣлать очень крутой спускъ по галькѣ скалъ внизъ къ рѣкѣ, гдѣ мы и разбили свой лагерь. Наша палатка стояла непосредственно у воды сѣвернаго истока Семячика, въ узкомъ ущельи, которое одинаково дико и тѣсно, какъ внизъ по рѣкѣ, такъ вверхъ по ней. Съ шумомъ и пѣной по обломкамъ скалъ катилась вода къ морю. На сѣверѣ находился огромный горный узелъ Кихпинича, а на югѣ — притупленный конусъ Большого Семячика. Оригинальное впечатлѣніе производилъ бѣвшій неподалеку отъ насъ березовый лѣсокъ. Многіе старые стволы совершенно засохли и были мертвы, а зеленѣющіе бѣловатые стволы *B. Ermani* поднимались не среди зеленого ковра травы, а среди черной, глубокой и рыхлой массы камешковъ. Эти камешки и большая часть вулканическаго щебня, которые мы видѣли въ послѣдней части пройденнаго сегодня разстоянія, берутъ свое происхожденіе изъ большого вулкана Семячика.

По словамъ стараго тойона, лѣтъ 50 тому назадъ, во время очень сильнаго изверженія, этотъ вулканъ разрушился. Гора, какъ думаетъ тойонъ, раньше имѣла видъ полного конуса и была выше другихъ вулкановъ этой мѣстности и только въ то время приняла свой современный видъ. При этой огромной катастрофѣ вся здѣшняя мѣстность покрылась щебнемъ и пепломъ, ручьи и

рѣки были засыпаны, всѣ лѣса на рѣкахъ Жупановой и Семячикѣ были уничтожены, при чемъ деревья были занесены до кроны. Рѣки измѣнили тогда свое теченіе, на нихъ открылись новые пороги и водопады. Еще теперь видно, что вешнія воды прорываютъ новыя глубокія ложбины по высоко насыпанной рыхлой почвѣ щебня; цѣлыя деревья отъ корня до вершины вертикально стоятъ въ массѣ щебня.

По истинѣ труденъ былъ тотъ день путешествія, который только что истекъ; наши лошади благополучно перенесли чрезвычайныя трудности дороги, за то теперь могли отдохнуть на травѣ, растущей у самой воды. Мы нерѣдко видѣли слѣды сѣверныхъ оленей, медвѣдей и подъ конецъ еще свѣжій слѣдъ рассомахи.

9-го сентября. Наступилъ прекрасный день и мы рано утромъ выступили въ путь, чтобы сегодня достигнуть моря. Сначала мы еще немного прошли по ущелью сѣвернаго истока, много разъ переходили тамъ рѣку, карабкались по обрывамъ или проклады-

Вулканъ Большой Семячикъ.

Вулканъ Кихпиничъ.

Море.

валъ себѣ путь сквозь густой прибрежный кустарникъ, такъ какъ груды свалившихся скалъ часто преграждали намъ дорогу. Наконецъ мы достигли праваго берега уже соединившейся изъ двухъ истоковъ рѣки. Здѣсь въ предгорьяхъ вулкана Семячика мы открыли горячій источникъ въ 32° при 12° температуры воздуха, источникъ, о которомъ не зналъ старій тойонъ; возможно, что источникъ этотъ возникъ въ повѣйшее время. Наконецъ мы вышли изъ узкой долины рѣки Семячика, которая составляетъ границу Кихпинича съ сѣвера, а вулкана Семячика—

съ юга, и очутились въ низменности устья этой рѣки, гдѣ въ небольшомъ разстояніи отъ себя увидѣли море. Протекая по пачинающейся отсюда низменности, слившаяся изъ двухъ истоковъ рѣка впадаетъ въ маленькое материковое озеро, которое небольшимъ протокомъ открывается въ очень близко находящееся отсюда море. Здѣсь по берегамъ очень богатыхъ рыбой рѣки и озера, росли береговая ольха, ива, высокая трава и различный кустарникъ. вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь снова стали попадаться многочисленные слѣды медвѣдей. По берегамъ ими была истоптана высокая трава, и въ ней часто можно было видѣть остатки ихъ обѣда. Между медвѣдями встрѣчались часто по истинѣ дерзкія животныя. Одинъ изъ нихъ, шедшій намъ на встрѣчу, когда мы спускались съ горъ, долженъ былъ проститься со своей жизнью. Затѣмъ позже, когда мы проходили по рѣкѣ сквозь густой кустарникъ *Heracleum*'а и шаламайника, вдругъ, фыркая и оскаля зубы прыгнулъ прямо на насъ очень большой медвѣдь, пожиравшій до того на берегу рыбу. Чтобы прогнать его, мы тотчасъ же подняли крикъ и схватили висящее за плечами оружіе. Между тѣмъ медвѣдь очутился непосредственно передъ моею лошадью и хотѣлъ было вонзить въ нее свои когти, какъ вдругъ его обуялъ необъяснимый страхъ, и онъ, ве трогая лошади, повернулся и побѣжалъ огромными скачками. Тогда мы навели на него ружья и пара пуль просвистѣли по направленію къ нему. Хотя медвѣдь и ушелъ, но оставилъ большіе слѣды крови.

Мы перепродили еще разъ рѣку и вскорѣ остановились на берегу маленькаго озера, недалеко отъ того мѣста, гдѣ въ него влвается рѣка Семячикъ. На берегу озера, въ маленькомъ заличикѣ, стояли развалины двухъ землянокъ, которыя назадъ тому 10 лѣтъ построилъ старый Чуркинъ со своимъ отцомъ и братьями; здѣсь они жили и здѣсь въ теченіе долгаго времени Чуркинъ проводилъ дикую охотничью жизнь. Съ большимъ интересомъ разсматривалъ старикъ всѣ предметы, напоминавшіе ему его многочисленныя походы. Столь большого и смѣлаго медвѣдя, какъ тотъ, который только что дѣлалъ на

насъ нападеніе, Чуркинъ, по его словамъ, еще никогда не видѣлъ.

Мы ѣхали черезъ березовый лѣсъ (*B. Ermani*) ко второму заливчику озера, лежащему на западной сторонѣ и увидѣли тамъ фитогеографическую достопримѣчательность Камчатки. Именно, по серединѣ березоваго лѣса стоитъ здѣсь совершенно замкнутый лѣсокъ прекрасныхъ высокихъ хвойныхъ деревьевъ безо всякой примѣси другихъ. Весь, стоящій на берегу озера, хвойный лѣсокъ имѣетъ очень незначительное протяженіе и не превосходитъ 2—3 версть въ окружности. Кора деревьевъ бурая и довольно гладкая. Древесина мягка и смолиста, въ особенности въ мѣстахъ выхода вѣтвей; твердая, имѣющія темный цвѣтъ, хвои достигаютъ одной линіи въ ширину и одного дюйма въ длину и покрываютъ всѣ вѣтви очень густо. Сверху онѣ темно-зеленаго цвѣта и блестящи, на обратной сторонѣ покрыты слабымъ голубоватымъ налетомъ. Шишки стоятъ прямо, не велики, очень красивы, гладки и на обоихъ концахъ почти одинаково закруглены, какъ будто выточены. Люди называли это дерево пихтой, тѣмъ же самымъ именемъ, какъ и очень похожее дерево, которое въ долинѣ средней Камчатки растетъ совмѣстно съ лиственничными деревьями. Если это то самое дерево, то является вопросъ, какъ попало оно сюда, въ это островное положеніе, будучи далеко отодвинуто отъ лѣсовъ долины Камчатки и отдѣлено отъ нея двумя высокими цѣпями горъ. Правда, вѣтры перепосыятъ легкія сѣмена, однако въ данномъ случаѣ разстояніе столь велико и препятствія, представляемая поверхностью страны, столь значительны, что этотъ вопросъ едва-ли можно рѣшить, приписывая переселеніе дерева помощи вѣтра. Очень странно также и то обстоятельство, что лѣсъ этотъ распространяется не посредствомъ обмѣненія, и что во всей области не найдено ни одного дерева этого вида, возникшаго изъ сѣмени. Этотъ островъ хвойнаго лѣса извѣстенъ здѣсь съ древнѣйшихъ временъ и остается постояннымъ въ своихъ границахъ. Если пихта, растущая въ устьѣ Семьячика, принадлежитъ къ другому виду, то

самый фактъ пребыванія ея здѣсь еще болѣе интересенъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ этотъ маленькій островокъ хвойнаго лѣса былъ бы единственнымъ мѣстомъ нахожденія этого вида въ Камчаткѣ. Я полагаю, что пихту устья Семячика слѣдуетъ считать идентичной съ пихтой долины Камчатки.

Мы поѣхали черезъ березовый лѣсъ, обхватывающій лѣсокъ пихты, и снова вышли на озеро, гдѣ на открытомъ безлѣсномъ берегу лежали развалины стараго большого мѣстечка Семячика. Здѣсь впадаютъ въ озеро два богатыхъ рыбой ручья, вытекающіе изъ ущельевъ вулкана Семячика, какъ на это указываетъ черный вулканическій песокъ въ ихъ руслѣ. Судя по мѣстамъ нахожденія теперь уже истлѣвшихъ остатковъ дерева, мѣстечко это должно было принадлежать къ самымъ большимъ камчадалскимъ поселеніямъ. Еще теперь можно признать пункты, гдѣ стояли часовня, школа и маякъ на берегу моря. Строительный матеріалъ состоялъ по преимуществу изъ стволовъ пихты. Время, когда это поселеніе было обитаемо, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда мѣстопробываніе управленія находилось въ Нижне-Камчатскѣ, стало быть, это было въ концѣ прошлаго столѣтія. Отъ этого мѣста прежняго процвѣтанія камчадаловъ до мѣста изліянія озера въ море мы шли снова черезъ березовый лѣсъ и достигли одной земляной юрты, которую точно также лѣтъ 10 тому назадъ построилъ Чуркинъ. Вынужденные накрапывающимъ дождемъ, мы разбили здѣсь свою палатку. Въ теченіе сегодняшняго пути вокругъ небольшого материковаго озера, мы встрѣтили очень много медвѣдей, которые почти всѣ отличались необыкновенной дерзостью. Это обстоятельство можно объяснить только тѣмъ, что животныя въ здѣшней совершенно безлюдной мѣстности не знаютъ человѣка и не понимаютъ опасности встрѣчи съ нимъ. Какъ самыя большія и сильныя животныя, они являются хозяевами края, и привыкли къ тому, чтобы всякое живое существо убѣгало отъ нихъ, и они всюду удерживаютъ за собой господство. При неимовѣрномъ богатствѣ края рыбой, ягодой и травами, никакъ не голодъ принуждаетъ ихъ къ нападеніямъ. Мы

видѣли большого чернаго медвѣдя, который тщательно и со вниманіемъ слѣдилъ за нашими слѣдами и обнюхивалъ ихъ. Онъ имѣлъ очень рѣшительное намѣреніе схватить насъ, прищельцевъ, и выгнать изъ своихъ владѣній. Однако онъ долженъ былъ пострадать за свою неустрашимость, такъ какъ пуля стараго тойона распростерла его на мѣстѣ. Онъ упалъ недалеко отъ палатки, люди сняли съ него шкуру и раздѣляли его, при чемъ оказалось, что у этого хорошо откормленнаго звѣря на спинѣ и ребрахъ былъ слой жира въ 4 пальца толщиной. Это была радостная находка для моихъ камчадаловъ, такъ какъ теперь имъ можно было порядочно-таки покушать. Для меня это было менѣе важно, такъ какъ медвѣжье мясо мнѣ противно, хотя важнѣйшіе запасы окончательно истощились. Хлѣбъ, соль и сахаръ пришли къ концу. Какъ только впервые я замѣтилъ, что этихъ вещей нѣтъ, то порѣшилъ, что и безъ нихъ хорошо. Рыбу и мясо птицъ мы имѣли въ изобиліи, а вмѣсто хлѣба ежедневно приготавливали нѣчто въ родѣ хлѣба изъ луковицъ лиліи (*Fritillaria ssarana*)¹⁾. Съ этой цѣлью ежедневно мы раззоряли двѣ мышинныхъ (полевки) кладовыхъ и брали оттуда чисто собранныя луковицы лиліи. Накопецъ, было еще множество ягоды, въ особенности брусники (*Vacc. vitis idaea*), представлявшей здоровую и вкусную приправу къ рыбной и мясной пищѣ. Число полевокъ въ этомъ году было особенно велико. Всюду можно было видѣть, какъ шныряли эти прилежные звѣрки, и всюду мы наступали на ихъ наполненныя зимнія кладовыя, которыя правильно и красиво были обложены мохомъ.

Съ массой рыбы (кизучъ), которая поднималась изъ моря, шло также много тюленей (*Ph. nautica*); стаи водяныхъ птицъ покрывали поверхность водъ.

Здѣсь у моря осень далеко еще не была столь поздней, какъ въ горахъ: здѣсь попадалась еще зеленая трава и на деревьяхъ были листья. Между тѣмъ прямо противъ устья Семячика возвышался покрытый снѣгомъ вулканической горной узелъ Кихпиничъ, изъ ущелья котораго вытекаетъ горячій, испускаю-

1) Это должно быть *Fritillaria Kamtschatkensis*. Ф. III.

щій парь, ручей. Мѣсто впаденія его въ море я видѣлъ въ 1852 году.

10-го сентября. Утромъ отъ устья Семячика были взяты слѣдующіе пеленги:

Вулканъ Большой Семячикъ 275° W., южный конусъ Кихпинича 322° N. W., сѣверный конусъ Кихпинича 360° N., Кроводкій вулканъ 20° N. O., и вулканъ Хамченъ 15° N. N. O..

При отличной погодѣ уже около 7 часовъ утра мы выступили въ путь въ южномъ направленіи къ устью Березовой. На протяженіи около 15 верстъ дорога идетъ то въ гору, то подъ гору, по высокому морскому берегу среди чисто вулканическихъ горныхъ породъ: лавы, туфа и конгломератовъ. Въ устьѣ Березовой находится далеко простирающійся на югъ заливъ, лежащій за расположенной передъ нимъ низменной косой (кошка). Намъ посчастливилось прибыть сюда какъ разъ ко времени наибольшаго отлива и перейти благодаря этому устью, что было бы невозможнымъ во время прилива, когда намъ пришлось бы долго дожидаться. Рѣкой Березовой кончился высокій, утесистый морской берегъ; отсюда на югъ по направленію къ рѣкѣ Жупановой тянется низкій, но твердый хрящеватый берегъ (кошка), по которому мы поѣхали быстро, въ особенности когда выходили на гладко утопанную медвѣжью тропу. Эта кошка состояла изъ очень твердаго щебня и песку и поросла злакомъ изъ рода *Elymus* (*Strandhafer*), ольхой, мохомъ и вакциніей. По хорошей дорогѣ по хрящеватому валу мы продолжали свой путь, надѣясь уже къ вечеру достигнуть рѣки Жупановой, какъ вдругъ неожиданно встрѣтили еще одно препятствіе. На половинѣ разстоянія между Березовой и рѣкой Жупановой мы подошли къ устью маленькой рѣчки, вытекающей съ вулкана Малаго Семячика и впадающей въ море черезъ заливъ и поперекъ низменной косы. Эта рѣка, помимо-того, что она глубока, несетъ съ собой колоссальную массу вулканическаго щебня, обломковъ пемзы и въ особенности тончайшаго пепла, такъ что вода казалось совершенно густо имъ наполненной. Перейти рѣку было невозможно и мы были принуждены оста-

вить нашу хорошую дорогу и искать брода въ верхнемъ теченіи рѣки. Попытка перейти ее чуть не стоила намъ одвой лошади. Животное не могло найти твердой опоры для ногъ въ этой густой кашѣ пепла, который отложился на днѣ; оно стало погружаться всё глубже и глубже, и только съ величайшими усиліями и съ большимъ трудомъ намъ удалось вытащить его оттуда. Сильное изверженіе Малаго Семячика выбрасывало всё новыя большія массы пепла, которыя падали въ бассейнъ рѣки и смывались ею внизъ по теченію.

Наконецъ мы нашли мѣсто, гдѣ дно было жестко и состояло изъ твердой прочно лежавшей лавы. Здѣсь то намъ удалось перейти на ту сторону, а также перебродить еще и второй рукавъ. Благодаря такой неудачѣ въ пути и розыскамъ брода, мы потеряли такъ много времени, что уже на закатѣ солнца должны были разбить свою палатку на мѣстѣ перехода.

Вулканическій пепелъ въ области устья, а также еще дальше вверхъ, былъ до невѣроятности тонокъ, мѣстами, въ особенности же въ руслѣ рѣки, слой его имѣлъ въ толщину до одного фута.

11-го сентября. При благопріятной погодѣ уже въ 6 часовъ утра мы были на лошадяхъ и пошли сквозъ лѣсъ березы (*B. Ermani*) и чернотальника. Скоро мы были снова у моря и вмѣстѣ съ тѣмъ на удобномъ для пути хрящеватомъ валу. На половинѣ дороги находится здѣсь очень стравпый холмъ, одинъ единственный на всемъ плоскомъ морскомъ берегу. Это было то самое мѣсто, подлѣ котораго въ 1852 году по причинѣ сильной бури въ теченіе многихъ дней я принужденъ былъ стоять во время моей поѣздки на вельботѣ. Теперь мои обстоятельства сложились совсѣмъ иначе, чѣмъ въ тѣ мрачныя, полныя тревогъ, дни, когда мнѣ предстояло долгое и опасное путешествіе. При чрезвычайно ясномъ небѣ и горизонтѣ открылась великолѣпная перспектива и чудный видъ. Колоссальной мелкой бухтой врѣзывается море въ страву отъ мыса Кронцокаго до мыса Шипуvsкаго, за широкимъ ровнымъ побережьемъ возвышается длинный рядъ вулкановъ, положеніе которыхъ я могъ опредѣлить при помощи пель-компаса:

Видимый край суши на сѣверѣ 26° N. O., Кроноцкій вулканъ 16° N. O., Хамченъ вулканъ 12° N. O., Кихпиничъ отъ 354° до 355° N., Большой Семячикъ отъ 331° до 334° N. W., Малый Семячикъ 305° N. W., старый край кратера его (1) 308° , другой край кратера (2) 254° S. W., еще одинъ край кратера (3) 272° N. W., вулканъ Жупановъ 234° S. W., вулканъ Коряка 227° S. W., вулканъ Авача 221° S. W., устье рѣки Жупановой 165° S. O., видимый край суши на югѣ 161° S. O.

Изъ вулкана Малаго Семячика, какъ и раньше, поднимались величественные клубы пара и на далекое разстоянiе покрывали страну тонкимъ пепломъ. Всѣ листья и трава были покрыты пепломъ, въ глазахъ и на губахъ мы испытывали очень неприятное ощущенiе пыли. Подобно туману далеко въ море тянется облако тонкаго, пылеобразнаго пепла. Послѣ быстрой ѣзды на югъ по хрящеватому валу около часа дня мы были у широкаго устья рѣки Жупановой. Здѣсь благодаря большой глубинѣ нечего было и думать о бродѣ, равно какъ трудно было искать переходъ и выше по рѣкѣ, такъ какъ по пути въ области губы, куда открывається устье находились большія озера и сильно болотистая мѣстность. Единственный способъ перейти рѣку могъ состоять въ постройкѣ плота, на которомъ можно было бы переплыть. Мы разбили свою палатку близъ устья и тотчасъ же приступили къ работѣ. Труднѣе всего было добыть необходимое для постройки плота сухое дерево. Сѣверный берегъ рѣки Жупановой совершенно лишенъ лѣсовъ и кустарника, такъ что при установкѣ палатки мы должны были довольствоваться очень малымъ. Поэтому мы отправились на поиски выброшеннаго моремъ лѣса, который наконецъ мы и нашли въ разстоянiи многихъ верстъ и приволокли его. Это были старая корабельная мачта, куски различныхъ досокъ и тому подобное. Сначала были обтесаны два самыхъ толстыхъ, длиной около 12 футъ, бревна, которые потомъ были соединены при помощи поперечно врѣзанныхъ на разстоянiи около 4 футъ другъ отъ друга, толстыхъ бревенъ, и связаны ремнями. На этотъ остовъ былъ укрѣпленъ всевозможный лѣсъ,

который только могъ увеличить пловучесть плота. Къ вечеру все было готово, и мы свое прекрасное судно, которое оказалось въ дѣйствительности пловучимъ, втянули въ устье къ самой палаткѣ. Радуюсь успѣху дѣла, сѣли мы за обѣдъ, состоявшій изъ печеной на вертлѣхъ рыбы, хлѣба изъ сараны и горькаго чаю.

Отъ устья рѣки Жупановой я могъ взять слѣдующіе пеленги.

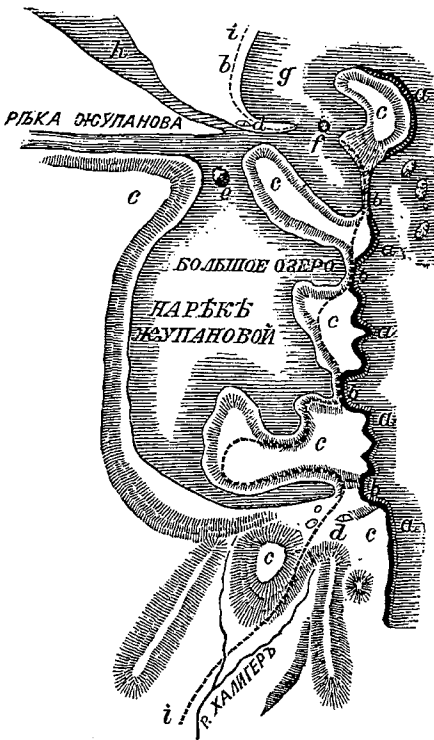
Кроноцкій вулканъ $16^{\circ} 0.$, вулканъ Хамченъ $10^{\circ} 0.$, сѣверный пикъ Кихпинича $4^{\circ} 0.$, Большой Семячикъ отъ 343° до $341^{\circ} W.$, Малый Семячикъ $322^{\circ} W.$, старый кратеръ (3 отъ сегодняшняго полдня) $310^{\circ} W.$, Къ этому послѣднему тянется озеро, которое изливается близъ устья Жупановой. Старый кратеръ (2 отъ сегодняшняго полдня) $286^{\circ} W.$, Жупановъ вулканъ $254^{\circ} S. W.$ Между двумя послѣдними изъ горъ вытекаетъ рѣка Жупанова. Устье похожаго на заливъ озера, изливающагося въ рѣку съ юга, $220^{\circ} S. W.$; утесъ передъ устьемъ Жупановой $88^{\circ} 0.$

12-го сентября. Наше сегодняшнее предпріятіе сопровождалось прекрасной погодой, вызванной непрерывнымъ западнымъ вѣтромъ; было тепло, какъ лѣтомъ ($+14^{\circ} R$ въ тѣни). Въ рѣку и въ оба озера, лежація по сторонамъ,плыли стада большихъ тюленей (*Ph nautica*), слѣдующихъ за шедшей вверхъ рыбой: грѣясь на солнцѣ, хрюкая и ворча, расположились сотни этихъ животныхъ на островахъ и песчаныхъ банкахъ. Масса водяныхъ птицъ: утокъ, гусей, гагаръ была необозрима. Невѣроятный шумъ тысячей голосовъ раздавался со всѣхъ сторонъ. На богатой рыбой рѣкѣ не было недостатка и въ медвѣдяхъ. Не обращая вниманія на насъ, не мало этихъ животныхъ ловили рыбы на отдаленномъ противоположномъ берегу рѣки. При довольно быстромъ теченіи, рѣка, направляясь съ запада по совершенно ровной и голой мѣстности, принимаетъ въ себя съ южной стороны воду большого южнаго озера, равно какъ и сѣвернаго и, повернувъ вдругъ на сѣверъ, изливается предварительно въ небольшой морской заливъ, въ которомъ сѣровато желтую рѣчную воду можно прослѣдить на далекое разстояніе въ морской водѣ.

Въ самомъ устьѣ лежитъ маленькій, плоскій песчаный ост-

ровъ. Западнѣ этого острова главная часть рѣки открывается въ море, на востокъ отъ него находится мелкое и тихое мѣсто. На югъ и востокъ отъ устья, отдѣляя южное озеро отъ моря, тянется длинная коса, которая состоитъ изъ четырехъ поросшихъ березой и кедромъ, падающихъ въ море крутыми скалами, горъ, соединенныхъ другъ съ другомъ совѣмъ низкимъ, лишеннымъ растительности, хрящеватымъ валомъ.

Въ 7 часовъ утра мы приступили къ переправѣ. Сначала мои

Карта устья рѣки Жупановой.

а) скалы б) береговая кошка в) горы съ березой и кедромъ д) палатка е) песчаная банка ф) островъ г) морской заливъ передъ устьемъ рѣки Жупановой
 h) озеро, которое тянется къ Малому Семячику i) мой путь.

трое спутниковъ на веслахъ и шестахъ благополучно перевезли багажъ, а я оставался при лошадяхъ, затѣмъ они переправили

меня и лошадей, которые плыли за плотомъ на длинныхъ ремняхъ. При этомъ мы чуть было не потеряли двухъ лошадей, которыя не отличались умѣниемъ плавать. Ихъ подхватило сильное теченіе и чуть чуть не унесло въ находившійся передъ устьемъ бурунь, гдѣ онѣ погибли бы безвозвратно. Крѣпко налегая на весла, со всѣхъ силъ мы тянули за ремни и поддерживали головы лошадей надъ водой. Такимъ образомъ послѣ многихъ усилій и большого труда намъ удалось наконецъ вывести всѣхъ животныхъ на сушу невредимыми. Сначала мы переправились черезъ опасную часть рѣки къ острову, а отсюда уже по тихой водѣ перебрались на материкъ. Благополучно кончена была переправа, и мы, послѣ легкаго завтрака, спѣшно направились на югъ по косѣ отъ холма къ холму и по лежащему между ними хрящеватому валу. На южномъ концѣ озера мы достигли прохода, который чрезъ низкій водо-раздѣлъ ведетъ къ рѣкѣ Халигеру, и здѣсь разбили свою палатку.

Западный берегъ большого южнаго озера не имѣетъ ни одного залива; онъ тянется слабо изогнутой линіей у подножія лѣсистаго хребта горъ. Выступающая на дневную поверхность горная порода сплошь носить вулканическій трахитовый характеръ и весь песокъ состоитъ собственно только изъ болѣе или менѣе тонкаго вулканическаго щебня и пепла. И отсюда намъ видны были колоссальные клубы пара, которые выходили изъ кратера Малаго Семячика и далеко въ море выносили пепель.

Озеро содержало прѣсную воду и было необыкновенно богато рыбой, тюленями и водяной птицей. Всюду мы видѣли, или наталкивались на большое количество медвѣдей, которые бродили на берегу, ловили рыбу, или пожирали добычу. Особенно велико было множество полевокъ. Нерѣдко можно было видѣть дорожки во много футъ шириной, проведенныя въ высокой травѣ, которая была такъ гладко обѣдена, какъ будто еѣ косили, причемъ узлы стеблей были выбраны въ качествѣ запаса на зиму и унесены прочь. Замѣчательно, что такія дорожки очень часто шли прямо отъ моря и вели внутрь страны.

Камчадаламъ это служить поводомъ думать, что полевки во

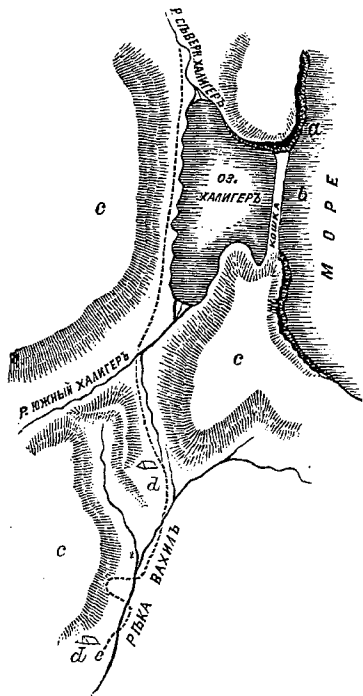
время своихъ периодическихъ переселеній приходятъ въ Камчатку, переплывая море, и, выйдя на сушу, бываютъ такъ голодны, что коротко объѣдаютъ всю траву, находящуюся на ихъ пути.

13-го сентября. Дулъ западный вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ была хорошая погода. Мы перешли небольшой водораздѣлъ къ рѣкѣ Халигеру и направились по ней до большого озера того же имени. Всюду шныряли тысячи мышей, вмѣстѣ съ тѣмъ число медвѣдей, которые встрѣчались намъ на каждомъ шагу, было столь необычайно, — что это казалось удивительнымъ даже камчадаламъ. По прекрасному березовому (В. Ermani) лѣсу, проросшему шиповникомъ, мы поѣхали къ озеру и затѣмъ направились вдоль его западнаго берега.

Оно имѣло почти четырехугольный видъ и отдѣлено было отъ моря низкимъ хрящеватымъ валомъ. Выхода его въ море я не замѣтилъ, если таковой и существуетъ, то онъ долженъ быть только очень маленькимъ или обнаруживается только временно. Остальные берега озера высоки, а у моря даже скалисты.

Сѣверозападный уголъ, принимающій въ себя сѣверный Халигеръ, вдоль берега котораго мы сюда шли, равно какъ и югозападный уголъ, въ который изливается южный Халигеръ, вдаются въ материкъ въ видѣ заливовъ.

Мы слѣдовали берегомъ озера до рѣки южнаго Халигера, при

Карта озера и рѣки Халигеръ, а также области истоковъ р. Вахиль.

a) скалы b) кошка c) гора покрытая лѣсомъ d) палатка e) мой путь.

чемъ принуждены были идти частью по очень болотистой мѣстности, частью чрезъ густѣйшій ивовый кустарникъ; затѣмъ мы перешли рѣку и вдоль маленькаго, впадающаго въ неё, ручья направились къ ущелью и водораздѣлу, на южной сторонѣ котораго вытекаетъ ручей, — истокъ рѣки Вагила. Здѣсь наверху водораздѣла къ Вагилу былъ разбитъ лагерь, для того чтобы послѣ труднаго перехода доставить нашимъ лошадямъ лучшей отдыхъ. Вся мѣстность, непосредственно примыкающая къ рѣкамъ, очень мокра и густо поросла ивой. Напротивъ того, болѣе удаленныя части прибрежной долины суше и покрыты березой. Всѣ образцы горныхъ породъ, найденные на дневной поверхности, состояли изъ вулканическихъ туфовъ и конгломератовъ. На югъ и юго-востокъ тянется крутой горный хребетъ, который образуетъ полуостровъ и мысъ Шипунскій и который на югѣ отдѣляетъ отъ озера Халигера Бичевинскій заливъ, далеко врѣзающійся въ полуостровъ. Въ верстѣ отъ озера Халигера и рѣки того-же имени возвышается другой высокій хребетъ, который, какъ кажется, направляется къ Камчатской вершинѣ.

14-го сентября. Вѣтеръ свернулъ на востокъ и надежда на хорошую погоду сдѣлалась слабѣе, однако было все еще сухо. Отъ палатки мы поднялись немного въ гору на невысокій, поросшій кустами, проходъ, откуда маленькій ручей скоро привелъ насъ въ долину рѣки Вагила. Главный Вагиль вытекаетъ изъ горъ мыса Шипунскаго. Внизъ по теченію берега рѣки представляютъ сухую ягодную тундру, или покрыты густой ивовой зарослью, между тѣмъ болѣе удаленные и возвышенные склоны, окаймляющіе долину, поросли березой и кедромъ.

По истоку рѣки съ сѣвера мы вышли на главную рѣку и, вынуждаемые непроходимостью береговъ, много разъ ее перебраживали. Затѣмъ мы сдѣлали попытку достигнуть Островной чрезъ цѣпь горъ, лежащую на западъ отъ Вагила. Попытка эта однако осталась безплодной, такъ какъ склоны горъ были слишкомъ круты, и мы принуждены были вернуться къ Вагилу. Здѣсь нѣкоторое время мы шли по сухой травянистой мѣстности вдоль лѣваго бе-

рега, затѣмъ съ трудомъ снова перешли на правый берегъ, откуда чрезъ проходъ мы рассчитывали достигнуть Островной. Наступилъ вечеръ, и мы заблаговременно разбили лагерь. И сегодня число замѣченныхъ медвѣдей было чрезвычайно велико, но число мышей было еще болѣе значительно, нежели вчерашній и позавчерашній дни.

15-го сентября. Утромъ насъ окружилъ густой туманъ. Мои охотники, отправившіеся за тѣмъ, чтобы пополнить наши запасы провизіи, вышли рано утромъ и вернулись тяжело нагруженные утками. Про запасъ въ дорогу быстро зажарили мы ихъ на вертѣлѣ и затѣмъ снова тронулись въ путь. Тюлень, вынырнувшій по близости изъ воды, показалъ намъ, что мы были недалеко отъ мѣста впаденія рѣки въ море. Погода сдѣлалась яснѣе и мы по правому берегу Вагила направились къ морю. По горной сѣдловинѣ мы свернули къ югозападу въ примыкающую сюда долину и достигли по ней порядочной величины озера, принадлежащаго къ системѣ Островной. Озеро имѣло плоскіе берега и, какъ кажется, было богато рыбой: здѣсь мы опять нашли очень много водяныхъ птицъ и медвѣдей. По хорошо протоптанной медвѣжьей тропѣ мы обогнули озеро, перешли черезъ другую горную сѣдловину и вышли на ближайшую долину, которая оказалась сухой и покрытой лѣсомъ. Затѣмъ мы перевалили черезъ третью горную сѣдловину, послѣ чего подошли ко второму богатому рыбой озеру и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Островной, въ которую вливаются оба озера. Рѣка оказалась глубокой, и ее нельзя было перейти, такъ что не оставалось ничего другого, какъ снова строить плотъ. На Островной это было легко, потому что матеріалъ для постройки былъ въ изобиліи. Тотчасъ же мы приступили къ работѣ, и къ вечеру наше судно стояло готовымъ. Безпрестанно насъ окружали множество водяныхъ птицъ, тюленей и медвѣдей. Вулканъ Авача былъ здѣсь отъ насъ очень близко и со своимъ высокимъ столбомъ пара стоялъ прямо передъ нами на западѣ.

16-го сентября. Утромъ опять былъ сильный туманъ. Нашъ

плоть немедленно могъ быть употребленъ въ дѣло, и уже въ 8 часовъ утра мы были на другомъ берегу со своей поклажей. Съ топоромъ въ рукахъ шли мы отсюда сквозь густой кустарникъ береговой ивы, затѣмъ, двигаясь въ юго-западномъ направленіи, мы прошли болото и, перейдя чрезъ сѣдловину, поросшую березой, достигли наконецъ Налочевского озера. Вдоль его западнаго берега мы слѣдовали до моря, гдѣ вблизи мыса Налочевского озеро кончается, и гдѣ оно отдѣлено отъ моря низкимъ хрящеватымъ валомъ. Съ мысомъ Налочевымъ для насъ покончились всѣ горные хребты, отдѣльныя горы и даже холмы. Сдѣлавшійся совершенно ровнымъ берегъ моря очень постепенно возвышается къ подножію вулкана Авача, становясь все выше и выше по направленію къ западу. Мы остались въ низменности и достигли здѣсь прежде всего маленькаго ручья Налочевского, который впадаетъ въ только что пройденное нами озеро и вмѣстѣ съ нимъ изливается въ море. По ручью мы ѣхали сквозь березовый лѣсъ и по долгой, очень мокрой тундрѣ, которая наконецъ привела насъ къ берегу рѣки Большой Налочевы. Было еще рано, и мы охотно поспѣшили бы дальше, но широкой и глубокой рѣкѣ угодно было насъ задержать. Идти въ обходъ вверхъ по рѣкѣ оказалось невозможнымъ по причинѣ очень большой болотистости почвы, и намъ приходилось въ третій разъ строить плотъ. Здѣсь опять трудно было добывать древесный матеріалъ. По отдѣльности и издалека натаскали мы бревенъ, изъ которыхъ сдѣлали по истинѣ жалкій плотъ; только въ нуждѣ можно было пользоваться такимъ сооруженіемъ. Печально выглядѣлъ нашъ лагерь: всѣ запасы вышли, не оставалось больше даже ни чаю, ни табаку. Большимъ утѣшеніемъ служило для насъ то обстоятельство, что теперь мы были очень недалеко отъ Петропавловскаго порта, и ни одна большая рѣка не должна была намъ встрѣтиться по пути.

17-го сентября. Къ большой нашей радости наступило прекрасное утро, не смотря на сильный туманъ ночью. Нашему жалкому плоту мы не могли довѣриться всѣ за одинъ разъ. Какъ на рѣкѣ Жупановой, намъ приходилось много разъ переѣзжать туда

и обратно, чтобы перевезти на тотъ берегъ самихъ себя, нашъ багажъ и лошадей. Это было сдѣлано вполне благополучно, однако не безъ того, чтобы намъ основательно промокнуть. Вулканъ Жупановъ и сегодня, какъ все время, когда ежедневно онъ былъ у насъ передъ глазами, испускалъ на своей вершинѣ бѣлые пары. Онъ, стало быть, несомнѣнно принадлежитъ къ числу дѣйствующихъ еще и нынѣ огнедышащихъ горъ полуострова.

Здѣсь близъ устья рѣки Налочевъ я получилъ при помощи компаса слѣдующія углы: Мысъ Налочевъ $86^{\circ}0$., вулканъ Жупановъ 348° N. W., снѣжная гора близъ него 330° N. W., отдаленный вулканъ въ концѣ долины Налочева, вѣроятно, Баккенингъ, 315° N. W., снѣжная гора въ Авачинской цѣпи 295° N. W., Авачинскій вулканъ 283° N. W., Коряцкій вулканъ 289° N. W., Вилючинскій вулканъ 225° S. W. Долина рѣки Налочевъ широка, равна и въ устьѣ влажна, почти болотиста. По рѣкѣ растутъ ива, ольха, а въ болѣе высокой части ея также и береза (В. Егманн). Долина, дѣлаясь все уже, на сѣверо-западъ тянется, какъ кажется, до Баккенинга, хотя главные истоки рѣки находятся въ Коряцкомъ вулканѣ, а съ сѣвера рѣка получаетъ другіе притоки изъ Жупановскихъ горъ. Отъ области Баккенинга, равно какъ и отъ Камчатской вершины, на востокъ къ морю тянутся двѣ явственныхъ, покрытыхъ снѣгомъ, горныхъ цѣпи. Сѣверная кончается вулканомъ Жупановымъ, южная же ограничивается вулканами Коряцкимъ и Авачинскимъ. Жупановъ вулканъ находится дальше отъ моря, нежели два послѣднихъ, и отдѣляетъ отъ себя въ сторону по направленію къ юго-востоку къ мысу Шипунскому значительную гряду, которую мы прошли, направляясь отъ устья рѣки Жупановой. Между всѣми этими возвышенностями и горными цѣпами тянутся долины съ ихъ рѣками Вахиломъ, Халигеромъ, Островной и Налочевой.

Въ 11 часовъ мы были снова у моря и по твердому хрящеватому валу, находящемуся на берегу, направились на югъ къ

Калахтыркѣ. Прибрежный валъ поросъ горошкомъ, кустами, ягодой, мохомъ и кое гдѣ даже кедромъ. Стаи гусей, кормившіяся ягодой, безпрестанно пролетали передъ нами; не мало было и число медвѣдей, которые кушали здѣсь ягодный десертъ послѣ обильнаго рыбнаго завтрака. Быстро шли мы по хорошей дорогѣ. Сначала мы перебродили въ устьяхъ рѣки Мутную и Котельную. Здѣсь березовый лѣсъ подходитъ ближе къ морю. Двигаясь все дальше на югъ по хрящеватому валу, мы достигли Каменушки, а по ней Половинной и Тойонской, которыя всѣ три, однимъ общимъ устьемъ изливаются къ морю, при чемъ Каменушка и Тойонская, направляясь первая съ сѣвера, вторая съ юга, на значительномъ протяженіи передъ устьемъ текутъ параллельно валу. Наконецъ мы оставили за собой низменный мысъ Толстый и въ 5 часовъ прибыли къ хижинамъ въ устьѣ Калахтырки. Послѣ уединенной, продолжавшейся цѣлыя недѣли, жизни въ глуши къ нашей большой радости мы встрѣтили здѣсь жившихъ временно рыбаковъ изъ Петропавловскаго порта. Къ тому же эти люди могли продать намъ нѣкоторыя вещи, которыхъ мы были лишены такъ долго, а именно, хлѣбъ, соль, чай и табакъ. Былъ приготовленъ также давно невиданный нами обѣдъ, въ которомъ были картофель, масло и молоко. Извѣстія, полученные нами здѣсь изъ Петропавловскаго порта, были очень серьезны. Произошло нападеніе непріятели, и было сраженіе, въ которомъ пали многіе мои знакомые. Мы усѣлись передъ палаткой около большого костра и до поздней ночи слушали рассказы здѣшнихъ обитателей. Подробности происшествія я могъ узнать только въ Петропавловскомъ портѣ отъ участниковъ.

18-го сентября. Въ послѣдніе дни путешествія стояла очень хорошая погода не смотря на густой туманъ, бывавшій раннимъ утромъ. Мы спѣшили въ недалеко уже находящійся Петропавловскій портъ, гдѣ насъ ожидали столь важныя и интересныя извѣстія. Черезъ высокую Калахтырскую тундру мы шли къ маленькому озеру Англичанскому, которое мы обошли по западному берегу, двигаясь черезъ березовый лѣсъ и перешли послѣ

того не слишкомъ низкій лѣсистый проходъ къ небольшому Молочному озеру, которе имѣетъ стокъ къ морю. Это озеро бываетъ озеромъ только по временамъ, когда стокъ заносится волной; если же оно открыто, какъ это было теперь, то на его мѣстѣ находится только рядъ прудовъ и маленькихъ водоемовъ. На сѣверномъ берегу этого озера мы повернули на западъ и по береговому лѣсу чрезъ почти незамѣтный водораздѣлъ достигли Рачьей бухты и вмѣстѣ съ тѣмъ берега Авачинскаго залива. Быстро безъ остановки двигались мы далѣе подлѣ самаго берега залива и около 2 часовъ пополудни вступили въ Петропавловскій портъ.

Завойко принялъ меня очень любезно и снова пригласилъ меня столоваться у него на всю предстоящую зиму. Естественно, что первый разговоръ нашъ касался только блестящей побѣды. Моего вѣрнаго спутника, именно стараго, сдѣлавшагося мнѣ милымъ, Чуркина я наградила, какъ могъ; для отдыха предложилъ ему на два дня свое гостепріимство и затѣмъ отпустилъ его на родину въ Кирганикъ.

Прибавленіе: Пребываніе въ Петропавловскомъ портѣ зимой 1854 — 55 года.

Завойко хорошо сдѣлалъ, что позаботился по возможности укрѣпить Петропавловскій портъ. Предостереженіе Камегамагы III-го оказалось не ложнымъ и не бесполезнымъ. 18-го сентября 1854 года, когда я вернулся въ Петропавловскій портъ, меня очень удивили доходившія со всѣхъ сторонъ извѣстія о важныхъ событіяхъ, которыя совершились здѣсь во время моего послѣдняго путешествія. Непріятель — соединенныя силы англичанъ и французовъ, удостоилъ своимъ недружелюбнымъ посѣщеніемъ Петропавловскій портъ. Сраженіе было дано, и нашъ маленькій отрядъ одержалъ славную побѣду. По обстоятельнымъ рассказамъ многихъ очевидцевъ и участниковъ столкновенія, событіе про-

изошло въ краткихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ того какъ съ маяка данъ былъ сигналъ о прибытіи эскадры, 17-го августа въ 5 часовъ вечера въ большую бухту вошелъ колесный пароходъ подъ американскимъ флагомъ, но тотчасъ же, какъ только портовый ботъ вышелъ ему на встрѣчу, вернулся и пошелъ назадъ въ море. 18-го августа въ 3 часа пополудни тотъ же пароходъ съ 5 парусными судами снова пришелъ въ Авачинскую бухту и бросилъ якорь верстахъ въ двухъ отъ Петропавловскаго порта; теперь уже они были подъ англійскимъ и французскимъ флагами. Это были англійскія суда: 1. Фрегатъ «President» съ 54 пушками, на немъ былъ адмиралъ Дэвисъ Прейсъ. 2. Фрегатъ «Rique» съ 44 пушками. 3. Колесный пароходъ «Virago» съ 4 мортирами и пушками и французскія суда: 1. Фрегатъ «La Forte» съ 62 пушками, на немъ же былъ адмиралъ Феврие-де-Пуантъ. 2. Корветъ «Euridice» съ 32 пушками и 3. Бригъ «Obligado» съ 18 пушками, такъ что въ сложности было 6 судовъ съ 220 орудіями и очень многочисленнымъ экипажемъ.

Съ русской стороны немедленно былъ открытъ огонь нѣсколькими выстрѣлами, дабы показать, что не намѣрены сдаваться. Батарея № 2 (Князь Максутовъ) начала сраженіе. Непріятель отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами, которые не причинили вреда, послѣ чего на буксирѣ парохода направился къ батарее № 4 (лейтенантъ Поповъ). Во время этого движенія на кожухѣ педшага впереди парохода стоялъ высшій офицеръ, оживленными движеніями отдававшій приказанія, какъ вдругъ съ батареи № 4 пронесся картечный выстрѣлъ и снесъ съ мѣста названнаго офицера. Немедленно послѣ этого происшествія неприятели отошли далеко отъ берега въ заливъ и сраженіе на сегодня закончилось. Убитый высшій офицеръ былъ никто другой, какъ адмиралъ Дэвисъ Прейсъ, о которомъ позже англичане распространяли слухъ, что онъ самъ застрѣлся. Однако для самоубійства въ то время не было еще ни малѣйшаго основанія, такъ какъ въ самомъ началѣ дѣйствій черезчуръ прево-

сходящаго силами непріятеля нельзя еще было предвидѣть позорнаго пораженія, которое послѣдовало позже.

19-го августа наши батареи оставались въ бездѣйствіи, такъ какъ непріятель стоялъ далеко въ заливѣ и только отъ времени до времени по отдѣльности бросалъ въ городъ бомбы, не причинявшія однако вреда. Только одинъ нашъ баркасъ, который не предполагая опасности, хотѣлъ было вернуться изъ Таргинскаго залива, гдѣ невооруженные матросы рубили лѣсъ, былъ взятъ непріятелемъ.

20-го числа уже въ 9 часовъ утра со всѣхъ непріятельскихъ судовъ, которыя снова подошли ближе, былъ открытъ очень сильный огонь, по батареямъ №№ 1, 2 и 4-ый; множество бомбъ полетѣло въ городъ, но и этотъ разъ не загорѣлась ни одна соломенная крыша. Батарею № 1 очень скоро принудили къ молчанію, за ней также и батарею № 4, куда на многочисленныхъ лодкахъ направился десантъ. Очень незначительная прислуга (25 человѣкъ) этой батареи № 4 заклепала свои пушки и скрылась въ ближайшіе кусты. Непріятель высадился на берегъ, взялъ заклепанную батарею, водрузилъ свое знамя и по берегу направился въ городъ. Тогда то скрывавшіеся въ кустахъ 25 человѣкъ матросовъ, получившихъ еще подкрѣпленіе отъ 20 дюжихъ защитниковъ камчадаловъ, встрѣтили непріятельскій отрядъ настолько сильнымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, что онъ вскорѣ вернулся съ большой потерей, забралъ свое знамя и возвратился на суда. На батарею № 2 до 6 часовъ вечера ужаснѣйшимъ образомъ сыпался настоящій градъ ядеръ. Вечеромъ изъ 20 пушекъ здѣсь осталось только 4, годныхъ для употребленія. Отсюда удалось пустить ко дну двѣ лодки съ непріятельскимъ десантомъ.

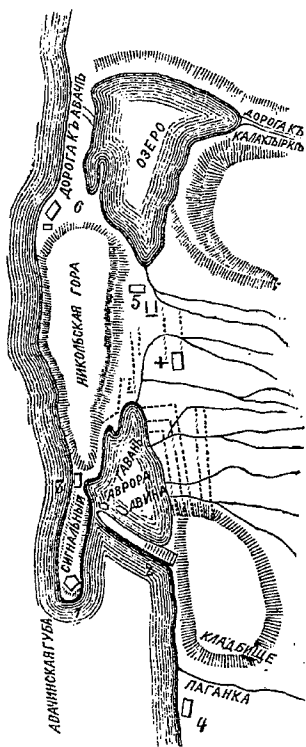
21-го весь непріятельскій флотъ подошелъ къ Таргинскому заливу, гдѣ подъ высокой березой былъ преданъ землѣ адмиралъ Дэвисъ Прейсъ; въ это время суда со скрещенными реями салютовали выстрѣлами. Глубоко вырѣзанныя въ корѣ буквы

Д. Р. и небольшой могильный холмъ указывали мѣсто погребенія убитаго адмирала.

Остатокъ дня непріятель провелъ въ исправленіи судовъ, что видѣли скрытые вблизи въ засадѣ камчадалы. Ядра нашихъ батарей, а также судовъ Авроры и Двины, заграждавшихъ входъ въ гавань, работали очень исправно. Также безъ нападе-

нія прошли 22 и 23 числа, между тѣмъ работы на судахъ энергично подвигались впередъ. Въ особенности пострадалъ пароходъ, неоднократно пытавшійся форсировать входъ въ гавань. Но и наши люди провели эти дни также не безъ пользы, такъ какъ вечеромъ 23-го числа батареи №№ 1 и 2-ой были вполне восстановлены и готовы къ новому сраженію.

24-го августа было самое жаркое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое рѣшительное сраженіе. Уже въ 7 часовъ утра непріятель открылъ ужаснѣйшій огонь. Повсюду летали бомбы, которыя однако не попадали въ дома. Батареи №№ 1 и 2-ой были разстроены, точно также какъ и батарея № 3-ий, гдѣ князь Максудовъ I-ый потерялъ руку, вслѣдствіе чего и умеръ. Всѣ три батареи были вынуждены къ молчанію. Пароходъ «Virago» сдѣлалъ

Планъ Петропавловскаго порта съ батареями.

№№ 1—6 батарей.

продолжительную попытку проникнуть въ гавань, но благодаря сильному огню съ «Авроры» и «Двины», напосившему значитель-

ныя поврежденія, долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и уйти. Въ этомъ дѣлѣ выстрѣломъ былъ сбитъ флагъ съ парохода, выловленъ изъ воды и впоследствии былъ отправленъ Государю въ Петербургъ.

Когда батарея № 6, защищавшая дорогу въ городъ съ сѣвера, была разрушена, многочисленный отрядъ, свыше 900 человекъ, на большихъ лодкахъ направился къ мѣсту этой батареи. Непріятель высадился между сѣверной стороной Никольской горы и озеромъ и подъ предводительствомъ капитана Паркера сталъ приближаться къ городу, въ стройномъ порядкѣ, въ обходъ названной горы. Здѣсь у сѣвернаго конца Петропавловскаго порта непріятель, шедшій на приступъ по узкой дорогѣ между горой и озеромъ, былъ встрѣченъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ съ батареи № 5. Капитанъ Паркеръ и многіе изъ его солдатъ остались на мѣстѣ мертвыми. Изумленный существованіемъ этой скрыто заложенной батареи, непріятель бросился на Никольскую гору, которую вскорѣ и занялъ во всю ея длину и открылъ оттуда ружейный огонь по нашимъ, стоявшимъ подъ горой совершенно неприкрытыми.

Уже многіе изъ нашихъ лежали ранеными или мертвыми. Наступилъ критическій моментъ, и положеніе дѣлъ было затруднительно. Тогда съ русской стороны было сдѣлано распоряженіе взять штурмомъ гору, разбившись на маленькіе отряды человекъ по 30 — 35. Лейтенанты Анкудимовъ, Пилкинъ и Михайловъ вмѣстѣ со своими отрядами поднялись наверхъ первыми, а за ними послѣдовали и другіе. Сначала былъ данъ мѣткій залпъ, затѣмъ ударили въ штыки, такъ какъ заряжать ружья уже не было времени. По списку, найденному при капитанѣ Паркерѣ, на горѣ было 926 человекъ непріятельскаго войска, и противъ нихъ то пошли штурмомъ 347 человекъ русскихъ. На горѣ разыгралась жестокая битва и въ скоромъ времени исходъ сраженія былъ рѣшенъ. Непріятель потерялъ 9 офицеровъ и свыше 300 человекъ нижнихъ чиновъ, которые остались на полѣ битвы ранеными или мертвыми, или были сброшены

съ высокихъ крутыхъ утесовъ. Между тѣмъ съ нашей стороны въ продолженіе всего этого дня убитыхъ и раненныхъ было немного болѣе 100 человекъ. Въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ непріятель бросился спасаться бѣгствомъ на своихъ лодкахъ, которые наши обстрѣливали еще сверху. Въ этомъ дѣлѣ заранѣе собранные камчадалы изъ своихъ маленькихъ винтовокъ не мало выпустили мѣткихъ и смертельныхъ пуль. Хладнокровные и прекрасные охотники, рассчитывающіе каждый выстрѣлъ, они, какъ потомъ сами разсказывали, искали случаевъ стрѣлять такимъ образомъ, чтобы по возможности одной пулей пронзить за разъ двоихъ стоящихъ одинъ за другимъ непріятель. Это они называли «спаривать».

Въ 12 часовъ дня въ краѣ уже не было ни одного непріятели, и сраженіе было выиграно со славой.

Какъ только корабли приняли на бортъ порѣдѣвшій бѣжавшій отрядъ, они отошли далеко въ Авачинскую бухту, гдѣ оставались еще 25 и 26-го числа и исправляли полученные поврежденія. Въ Таргинскомъ заливѣ опять было устроено погребеніе. Двѣ огромныя могилы подлѣ могилы адмирала свѣдѣтельствовали, что здѣсь предано землѣ значительное количество убитыхъ. И въ Петропавловскомъ портѣ у подножія Никольской горы появились двѣ большія могилы другъ около друга, одна — наша, другая — непріятельская.

27-го августа рано утромъ ушла наконецъ въ море такъ постыдно разбитая непріятельская флотилія и исчезла на горизонтѣ на югѣ. Маленькій, плохо вооруженный Петропавловскій портъ съ его крошечнымъ, но по истинѣ храбрымъ, воинскимъ отрядомъ ликовалъ и благодарилъ Бога въ церкви и на полѣ битвы за удивительное избавленіе отъ гораздо болѣе сильнаго непріятели.

Прежде всего мнѣ хотѣлось въ сопровожденіи очевидцевъ посѣтить всѣ достопримѣчательныя мѣста. Батарей, снова приведенныя въ полный порядокъ, въ состояніи были выдержать новое нападеніе. Могилы были уже украшены и даже непріа-

тельская содержалась въ почетѣ. Поле битвы на Никольской горѣ представляло еще теперь картину полнѣйшаго опустошенія. Хотя здѣсь, само собой понятно, не валялось уже ни одного трупа, и многочисленное оружіе всякихъ родовъ уже давно убрали, однако еще ясно можно было видѣть слѣды раззоренія. Трава была вытоптана, съ деревьевъ сорваны вѣтви, кусты поломаны, кругомъ валялись пестрыя лоскутья обмундировки и патронувъ. Цѣлый день послѣ битвы вокругъ горы летали вороны, желая насытитися въ лужахъ крови. Прошло много времени, прежде чѣмъ для насъ снова наступила обыкновенная и правильная жизнь. Населеніе, и высшее и низшее сословіе, были словно наэлектризованы славными августовскими днями 1854 года. Безпрестанно, словно красная нить, проходило въ ихъ разговорахъ воспоминаніе о битвѣ и объ отдѣльныхъ приключеніяхъ.

О дальнѣйшемъ путешествіи этой осенью я не могъ и думать, такъ какъ время года для горныхъ путешествій было слишкомъ позднимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ къ Завойко нечего было приступать съ этими планами. Я снова устроился въ своемъ помѣщеніи совершенно по домашнему, питая въ тихомолку надежду, нельзя ли хоть зимой предпривять путешествіе на собакахъ на югъ полуострова къ Явивѣ и Курильскому озеру, планъ, въ исполненіи котораго къ сожалѣнію я встрѣтилъ препятствія.

Первое замѣчательное событіе, которое я долженъ упомянуть, заключалось въ томъ, что 29-го сентября по сухопутной дорогѣ изъ Большерѣцка сюда прибыли 12 лошадей. Животныя были куплены въ Сибири для казны и въ Большерѣцкѣ были спущены съ транспортнаго судна «Байкалъ», пришедшаго изъ Охотска. Для Камчатки, очень бѣдной этими домашними животными, эта доставка составляла превосходное прибавленіе, и можно было только пожалѣть, что она не случилась еще раньше и въ большемъ масштабѣ. Точно также очень желательны были бы и могли принести неисчислимую пользу для всего края большіе и частые транспорты рогатаго скота, овецъ и свиней. Принесли бы большую пользу также образцовыя фермы близъ Петропав-

ловскаго порта на Калахтыркѣ, Паратункѣ и въ другихъ мѣстахъ, если бы на этихъ фермахъ было рациональное разведеніе всякаго рода скота, если бы онъ увеличивался въ числѣ и постепенно распространялся бы по всему краю. На сѣверѣ для подобныхъ начинаній были бы подходящими мѣстами Тигинъ и Нижне-Камчатскъ, а въ серединѣ страны д. Милькова. Для учрежденія фермъ много подходящихъ мѣстностей нашлось бы также и на восточномъ, нынѣ ненаселенномъ, берегу полуострова.

До второй половины октября приходили всѣ принадлежащія къ порту суда, доставившія зимніе запасы; таковы суда Американской Компаніи, американскаго купца, который здѣсь торгуетъ, и различныя китоловныя суда. Всѣ вмѣстѣ они привезли намъ богатый запасъ провизіи, такъ что наше существованіе казалось вполне обеспеченнымъ. Съ однимъ изъ судовъ прибыла и почта съ извѣстіями съ родины. Эта почта доставила намъ также Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны съ Англіей и Франціей съ приказомъ всенародно прочесть этотъ манифестъ въ церкви. Высочайшій приказъ долженъ былъ быть исполненъ, что и произошло 1-го октября. Странное впечатлѣніе производила эта церемонія, когда на самомъ дѣлѣ назадъ тому уже много недѣль здѣсь успѣло разыгратъ сраженіе. Не слишкомъ то поспѣшилъ прибыть сюда этотъ важный приказъ.

И въ этомъ году 1-го октября была открыта выставка овощей, какъ и раньше, помѣщавшаяся въ саду губернатора. Опять за лучшіе сорта были назначены награды въ 5 и 3 рубля, и многіе заслужили премію. Участіе въ выставкѣ было очень дѣятельно и обнаружило утѣшительное развитіе огородничества. Картофель, капуста, шинкованная капуста, рѣпа и рѣдька были выставлены по истинѣ въ великолѣпныхъ образцахъ. Кромѣ того оказались очень хорошими свекла, морковь и огурцы. Напротивъ того совершенно отсутствовали всѣ деликатныя овощи и всѣ стручковые. Во всякомъ случаѣ снова было дано доказательство, что Камчатка можетъ похвалиться своимъ огородничествомъ, въ особенности овощами грубыхъ и прочныхъ родовъ.

Небольшое каботажное судно, приписанное къ здѣшнему порту, ходило этимъ лѣтомъ въ маленькое поселеніе Американской компаніи на островъ Шумшу, и отъ командира этого судна мы получили извѣстіе, что вулканъ пикъ Фусъ на Парамуширѣ, равно какъ и вулканъ Алайдъ, 27-го іюня 1854 года находились въ состояніи сильнаго изверженія, вслѣдствіе чего далеко во всѣ стороны падалъ очень большой дождь пепла. На Шумшу очень сильное землетрясеніе причинило при этомъ большое опустошеніе, именно, морскія волны затопили почти половину низменнаго острова.

Тоже самое было въ ноябрѣ 1853 года на островѣ Симуширѣ, гдѣ также при землетрясеніи волны проникали далеко внутрь острова.

10-го октября Завойко послалъ большой палубный ботъ съ нѣсколькими лучшими охотниками и стрѣлками къ мысу Шипунскому, съ тѣмъ чтобы они настрѣляли по возможности больше медвѣдей и аргали. Наступилъ большой недостатокъ въ мясѣ и эта охотничья экспедиція должна была устранить нужду. 25-го октября ботъ вернулся, имѣя на борту 37 аргали и 11 большихъ медвѣдей. Отсюда видно, на сколько богатую добычу можетъ доставить здѣсь хорошо организованная охота. Къ тому же еще этотъ разъ выбрана была такая мѣстность, гдѣ нѣтъ ни одного сѣвернаго оленя.

18-го октября послѣ многихъ прекрасныхъ осеннихъ дней была первая суровая снѣжная погода. При сильномъ восточномъ вѣтрѣ разыгралась настоящая снѣжная буря (пурга). Земля покрылась снѣгомъ въ 3 дюйма толщиной, снѣгъ однако въ ближайшіе дни совершенно растаялъ и образовалъ страшную грязь. Позже съ западнымъ вѣтромъ снова наступили ясные дни, однако теперь уже на столько холодные (— 6° R), что маленькій заливъ и озеро съ сѣверной части города замерзли.

Въ ночь на 6-ое ноября жители городка очень быстро были разбужены довольно сильнымъ землетрясеніемъ. Я еще не спалъ и сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, какъ вдругъ услы-

шаль быстро усиливавшійся трескъ балокъ дома. Мнѣ показалось, какъ будто мой стулъ нѣсколько сдвинулся. Въ то же время я увидѣлъ, что предметы висящіе на стѣнѣ, качались какъ маятникъ. вмѣстѣ съ тѣмъ много разъ слышны были удары колокола на деревянной колокольнѣ церкви. Все колебаніе продолжалось только нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ въ глубинѣ подъ ногами слышался сильный шумъ, какъ будто отъ кипящей жидкости. Слабыя, едва замѣтныя, сотрясенія бывали въ Петропавловскомъ портѣ и раньше; они напоминали, что здѣсь живутъ на настоящей вулканической почвѣ, но это сотрясеніе принадлежало къ болѣе сильнымъ. Особаго вреда однако не произошло.

Днемъ позже случилось другое совсѣмъ особаго рода происшествіе. Рано утромъ былъ замѣченъ большой медвѣдь, совершенно добродушно лазившій на батареѣ. Тотчасъ множество охотниковъ отправились туда и скоро съ триумфомъ притащили большое животное къ Завойко. Даже самые старые люди не могли припомнить, чтобы когда нибудь медвѣдь могъ рѣшиться войти внутрь города.

Какъ уже было сказано, благодаря постоянному западному вѣтру мѣсяць сентябрь, а также въ общемъ и октябрь были прекрасны. Такой же была и первая половина ноября; всякій разъ какъ вслѣдствіе усиленія холода воды замерзали, ледъ скоро исчезалъ снова. Особенное явленіе представляли дувшіе въ высшей степени спорадически, очень сильные, чрезвычайно недолго продолжавшіеся, порывистые вѣтры, которые вдругъ задували съ сѣвера среди прекраснаго яснаго дня и часто уже чрезъ нѣсколько секундъ прекращались. Во второй половинѣ ноября наступили снѣжные дни при восточномъ и юго-восточномъ вѣтрахъ, которые превращались въ настоящіе снѣжные бури. Именно 20 и 30-го ноября была такая очень сильная буря. Срывало крыши, сбрасывало трубы и деревья вырывались съ корнемъ. Декабрь былъ очень непривѣтливъ. Восточный, юго-восточный вѣтры и бури приносили очень значитель-

ныя массы снѣга при высшей температурѣ отъ — 2 до — 3° R.

Въ воспоминаніе славной минувшей битвы и дорого доставшейся побѣды уже съ осени и у жителей высшаго и низшаго сословія начался рядъ празднествъ; на святкахъ было настоящее разливное море. Не проходило недѣли, чтобы не устроилось вѣсколько празднествъ: балы, театры, торжественные обѣды, поѣздки и тому подобное. Другъ передъ другомъ соперничали въ томъ, чтобы выдумать развлеченіе и всякій разъ предложить что нибудь новое. Завойка, какъ всегда, первый подавалъ добрый примѣръ, и ему слѣдовали болѣе или менѣе всѣ и каждый по мѣрѣ силъ и возможности. Такому образу жизни способствовало еще то обстоятельство, что благодаря осеннему подвозу мы обильно были снабжены всѣмъ необходимымъ. Даже предметы роскоши и такія вещи, каковы консервы, вина всякихъ сортовъ были въ большомъ выборѣ. Изъ Гонолулу прибыли прекраснѣйшіе фрукты, какъ, на примѣръ, ананасы, бананы, мандарины и кокосовые орѣхи; магазинъ американца снабжалъ всѣмъ, что только можно было пожелать. Съ установившейся въ ноябрѣ дорогой прибывали изъ внутренней части края большіе транспорты мяса, дичи всякихъ родовъ и рыбы. Между прочимъ пріѣхали торговцы и изъ Нижне-Камчатска, доставившіе за одинъ разъ свыше 200 дикихъ гусей. Только одно обстоятельство все время оставалось тяжелымъ; это—абсолютная отрѣзанность отъ внѣшняго міра и отъ родины.

17-го ноября чрезъ Гижигинскъ ушла зимняя почта съ нашими письмами, а 31-го января 1855 года пришла другая почта къ намъ. Раньше, сейчасъ послѣ сраженія въ августѣ, еще воднымъ путемъ черезъ Аянъ былъ посланъ въ Петербургъ курьеръ. Помимо этихъ случаевъ мы были воолнѣ изолированы.

Между многими жителями внутренней части страны, которые этой зимой точно также часто пріѣзжали въ Петропавловскій портъ продавать продукты своей охоты, явился одинъ изъ Олутора, бывавшій здѣсь уже раньше; ему я обязанъ многими со-

общеніями о томъ отдаленномъ восточномъ берегѣ. Онъ разска- залъ мнѣ, что рѣка Тамлатъ, впадающая въ Берингово море между рѣками Карагой и Кихтингой, беретъ начало изъ озера, въ которомъ находятся много горячихъ ключей и которое содер- жить при этомъ соленую воду; точно также горячіе ключи те- кутъ и много дальше на сѣверо-востокъ вблизи урочища Кул- тушнаго у подножія горной цѣпи.

Гораздо болѣе важны были для меня извѣстія, полученныя о вулканахъ южной оконечности страны, которые къ сожалѣнію я не имѣлъ случая самостоятельно изслѣдовать; эти свѣдѣнія я здѣсь и сообщаю. Хотя по существу дѣла эти извѣстія и не устраняли ненадежности нашихъ познаній о тамошней мѣстности, но они вносили нѣсколько большую ясность въ наши свѣдѣнія о многихъ находящихся тамъ вулканахъ. Главная причина неопре- дѣленности нашихъ познаній заключается, очевидно, въ многораз- личіи именъ, подъ которыми приводятся здѣсь однѣ и тѣже вы- сокія точки, именъ камчадалскихъ, здѣшнихъ русскихъ, а также именъ, которыя совершенно произвольно давали шедшіе мимо мореплаватели, и сдѣлались теперь въ Европѣ наиболѣе извѣ- стными и употребительными, но остались совершенно неизвѣ- стными въ самой странѣ.

Все, что я могъ узнать о положеніи и названіяхъ южныхъ вулкановъ отъ мореплавателей, мѣстныхъ жителей и наконецъ изъ собственныхъ изслѣдованій, когда я проплывалъ мимо, я изла- гаю здѣсь сжато въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ.

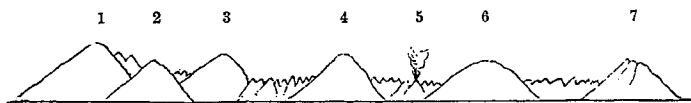
Яснѣе всего положеніе дѣла на восточномъ берегу Кам- чатки у Тихаго океана. Здѣсь можно насчитать семь ясно вы- раженныхъ, высоко выдающихся надъ окрестными гребнями горъ, вулканическихъ конусовъ, которые видѣли и сосчитали многочисленные и извѣстнѣйшіе мореплаватели и которые я до- статочно хорошо наблюдалъ самъ, когда проплывалъ мимо. Отъ мыса Лопатки, къ сѣверу они слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, какъ я изображаю ихъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Первыя четыре ясныя конусовидныя горы, которыя стано-

вятся видимыми отъ мыса Лопатки, у мореплавателей часто обозначаются цифрами; съ юга на сѣверъ онѣ называются Первая, Вторая, Третья и Четвертая сопки. Въ этомъ ряду первая сопка многими русскими моряками называется также Кошелева или Камбалиная. Второе названіе дается ей по имени маленькаго озера, лежащаго между мысомъ Лопатки и Большимъ Курильскимъ озеромъ и изливающимся чрезъ посредство небольшой прибрежной рѣчки въ Охотское море. И на картѣ Гидрографическаго департамента для первой сопки поставлены тѣ же имена.

Этотъ самый южный, нынѣ, какъ кажется, совершенно погасшій, вулканъ Камчатки представляетъ изъ себя очень значительный конусъ, сзади котораго видны еще два остроконечія.

Вторая сопка на картѣ называется Ильиной или Озерной. Отъ старожилъ я не слышалъ никакого названія для этой конусовидной горы. Гора эта много меньше, нежели первая и, какъ кажется, точно также совершенно прекратила свое дѣйствіе.

1. Кошелева или Камбалиная сопка. 2. Ильина или Озерная сопка. 3. Ходутка
4. Хойохонгенъ. 5. Авача. 6. Поворотная сопка. 7. Вилючинская сопка..

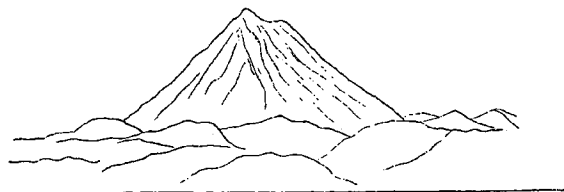
Для третьей и четвертой сопки на картѣ не дается никакого названія, но камчадалы рассказывали здѣсь о двухъ высокихъ конусовидныхъ горахъ. Третій конусъ былъ названъ вулканомъ Ходукта, это нѣсколько притупленная недѣйствующая конусовидная гора, а на мѣстѣ четвертаго обозначенъ также недѣйствующій большой конусъ Хойохонгенъ.

За этими четырьмя южными конусовидными горами восточнаго берега къ сѣверу слѣдуютъ еще три вулкана, которые относительно мѣста и названія опредѣляются вполне согласно: Первый это — Авача, находящійся при бухтѣ того же имени подъ $52^{\circ}2'$ с. ш.; раньше это была высокая конусовидная гора, которая въ 1848 году при сильномъ землетрясеніи совершенно

разрушилась. Въ теченіе 1852 — 1855 годовъ я видѣлъ, что изъ совершенно разрушившагося кратера безпрестанно поднимался величественный черный столбъ пара, изъ котораго падалъ сильный дождь пепла. Въ виду того, что эта гора сдѣлалась теперь очень низкой, съ моря она не видна; замѣтенъ только ея высоко поднимающійся столбъ пара.

Рядомъ съ предыдущей на сѣверъ отъ нея подь $52^{\circ}22$ с. ш. возвышается большая, широкая, тупая, теперь недѣйствующая конусовидная гора Поворотной сопки, высоту которой капитанъ Бичей опредѣляетъ въ 7442 парижскихъ футъ.

Наконецъ сюда же принадлежитъ еще Вилючинскій вулканъ, находящійся одинаково наюгъ отъ Авачинскаго залива подь $52^{\circ}52'$ с. ш. Это изборожденный нѣсколько притупленный, средней высоты, недѣйствующій конусъ, высоту котораго Бичей опредѣляетъ въ 6918, а Литке въ 6330 парижскихъ футъ.

Видъ Вилючивскаго вулкана со стороны Петропавловскаго порта.

Между всѣми этими конусовидными горами восточнаго берега на южной оконечности полуострова дальше во внутрь страны виднѣются гребни разорваннаго хребта, вѣроятно края древнихъ кратеровъ и остатки старыхъ разрушенныхъ горъ.

О вулканахъ западнаго берега Камчатки жители Большерѣцка, Апачи, Голыгиной и Явины сообщали мнѣ напротивъ того очень согласныя свѣдѣнія, по которымъ я долженъ перечислить эти вулканы въ слѣдующемъ порядкѣ съ сѣвера на югъ.

1) Апачинская сопка (Опольная по Ерману, Опальская по Постелю), находится подь $52^{\circ}30'$ с. ш., это — колоссальный, изборож-

денный, остроконечный, недѣйствующій конусъ, который прежде служилъ маякомъ судамъ, идущимъ въ Большерѣцкъ. По Стеллеру, эта гора въ старое время должна была быть дѣйствующей, точно также и два маленькіе конуса на южной сторонѣ ея подошвы раньше испускали паръ.

2) Отъ Большерѣцка и Большой рѣки, подобно предыдущей, на западѣ становится видимой конусовидная гора—Голыгина сопка. Она принадлежитъ къ числу недѣйствующихъ и имѣетъ умѣренную высоту.

3) На югъ отъ Голыгиной слѣдуетъ вулканъ Вине и далѣе на югъ

4) Вулканъ Уташутъ, который въ историческое время, должно быть, принадлежалъ къ числу дѣйствующихъ.

Оба послѣднихъ вулкана описываютъ теперь, какъ низкіе кратеры безъ признаковъ дѣятельности. Поэтому нельзя думать, чтобы эти вулканы могли быть видимы съ Тихаго океана, да еще какъ высокія стоящія близко отъ моря горы, какъ это справедливо для четырехъ южныхъ вулкановъ, упомянутыхъ для восточнаго берега. Я не могу, стало быть, считать эти горы (Вине и Уташутъ) идентичными съ двумя первыми. Съ Уташута изливается въ океанъ рѣка Уташутъ, которая въ своемъ устьѣ соединяется съ рѣкой Ходуткой, вытекающей сѣвернѣе.

5) Приблизительно въ 30 верстахъ отъ Голыгиной вверхъ по рѣкѣ того же имени находятся горячіе ключи и въ рѣку впадаютъ два ручья, изъ которыхъ одинъ вытекаетъ изъ одиноко стоящаго горнаго узла Ксудача. Ксудачъ, находящійся дальше внутрь страны и на востокъ отъ вулкановъ Вине и Уташута, согласно описанію, какъ кажется, представляетъ изъ себя также только огромный распавшійся кратеръ, имѣющій теперь незначительную высоту. вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу смѣшивать этотъ старый низкій кратеръ съ четырьмя названными вулканами. На вершинѣ этого кратера должны находиться многочисленныя маленькія совершенно круглыя озера безъ всякаго стока. По берегамъ этихъ озеръ выдѣляется поваренная соль. Тамъ должны

также быть круглая сольфатора съ фумароллами и очень чистая прекрасная сѣра.

На югъ отъ этихъ вулкановъ (Вине, Уташута, Ксудада и Ильина) находится исполинское Курильское озеро. Послѣ Кроноцкаго это самое большое озеро Камчатки, по своей величинѣ только немного уступающее Авачинскому заливу. Курильское озеро при посредствѣ Озерной, на берегахъ которой должны находиться горячіе ключи, изливается въ Охотское море. Оно имѣетъ продолговато-круглую форму, скалистые берега; на серединѣ его торчитъ изъ воды очень твердая масса лавы, Каменное Сердце, или также Алайдская пупка. Вся обстановка озера указываетъ на вулканическій провалъ и напоминаетъ исполинскій кратеръ, который, будучи окруженъ вулканами, опустился и наполнился водой. Обвалившаяся при поднятіи лава охладѣла и въ старомъ провалившемся жерлѣ кратера образовала твердую пробку лавы, которая теперь выдается въ видѣ высокаго острова, состоящаго изъ лавовой скалы.

Здѣсь снова наблюдается то же самое, о чемъ я уже выше упоминалъ по поводу Баккенинга.

Древнія, циркулирующія въ странѣ, сказанія точно также приводятъ въ зависимость происхожденіе величайшихъ озеръ края отъ поднятія вулканическихъ горъ. Такъ, камчадалы рассказываютъ: островъ вулканъ Алайдъ раньше будто бы находился на мѣстѣ Курильскаго озера, вулкану сдѣлалось на столько неприятнымъ его мѣстоположеніе, что онъ переселился отсюда въ море, между тѣмъ здѣсь его мѣсто заняло глубокое озеро съ Сердцемъ или Пупомъ по серединѣ.

Равнымъ образомъ Шивелючъ стоялъ прежде на мѣстѣ Кроноцкаго озера и лишь позднѣе, будто бы, передвинулся на свое теперешнее мѣсто, оставивъ позади себя озерное углубленіе.

6) Сейчасъ-же на югъ отъ Курильскаго озера тянется короткая горная цѣпь, Перешеекъ, на которомъ, нѣсколько внутри страны, возвышается вулканъ Чаохчъ; изъ стараго, совершенно осыпавшагося кратера его, подобно тому какъ при Узонѣ, бьетъ

множество горячих источниковъ. Трудно допустить, чтобы, при его незначительной высотѣ, Чаохчъ былъ тождественъ съ какимъ либо изъ четырехъ вулкановъ восточнаго берега, о которыхъ упоминають моряки. Но очень возможно, конечно, что зубчатыя вершины, возвышающіяся сейчасъ-же подлѣ Кошелевой сопки составляютъ части краевъ кратера Чаохча. На югъ отъ вулкана Чаохча и Кошелевой сопки страна становится очень узкой. Здѣсь лежитъ еще небольшое озеро Камбалиное со своимъ истокомъ, послѣ чего земля, становясь все ниже и уже, переходитъ въ мысъ Лопатку, который, собственно говоря, представляетъ собою плотину изъ гравія между двумя морями, отложившуюся на выступающихъ впередъ рифахъ. Сюда, отдѣленные полосой моря въ 10—12 верстъ, примыкають Курильскіе острова, на которыхъ продолжается рядъ камчатскихъ восточныхъ вулкановъ, переходящихъ затѣмъ и въ Японію.

Для того чтобы возможно болѣе разъяснить сложныя вулканическія отношенія южной оконечности Камчатки, я хотѣлъ попытаться проѣхать на собакахъ до Асачи, а оттуда до Голыгиной. 25-го февраля я съ двумя, хорошо знающими мѣстность, камчадалами оставилъ Петропавловскъ, чтобы достигнуть моей цѣли. По извѣстной дорогѣ я доѣхалъ до Паратунки, и, хотя снѣгъ былъ глубокъ и рыхлъ, поѣздка шла еще сносно. Но когда мы пошли оттуда 26-го числа пѣшкомъ къ Вилючинскому вулкану, то рыхлыя массы снѣга оказались настолько непреодолимыми, что, къ сожалѣнію, путешествіе должно было прекратиться.

Продолжающаяся дѣятельность вулкана Асачи, т. е. сильное выбрасываніе большихъ пепельныхъ масъ, послужила, кажется, къ образованію новаго конуса пепла; мнѣ казалось, что край кратера, бывшій настолько низкимъ, что въ 1852 году его вовсе не было видно изъ Петропавловска, теперь, въ началѣ 1855 года, нѣсколько повысился и уже немного выступалъ изъ-за гребня лежащей горной цѣпи. Авачинскій вулканъ также, повидимому, въ первыхъ мѣсяцахъ года проявлялъ большую дѣятельность, такъ какъ столбы паровъ надъ нимъ были болѣе значительны.

Въ началѣ 1855 года погода была очень измѣнчива. Прекрасные, ясные дни при западномъ вѣтрѣ смѣнялись сильнымъ снѣгомъ при восточныхъ и юговосточныхъ вѣтрахъ. Затишье и бури, явная оттепель и холода быстро слѣдовали другъ за другомъ. Въ началѣ января было какъ-то -13° , а на послѣднихъ дняхъ того-же самаго мѣсяца наступилъ самый сильный холодъ (-17° R). Въ пайболѣе морозные дни, когда температура спускалась до -10° , заливъ и озеро покрывались льдомъ, снова быстро исчезавшимъ вслѣдствіе оттепели или бури. Изнутри страны отовсюду приходили извѣстія о громадныхъ массахъ выпавшаго снѣга. На улицахъ Петропавловска надуло снѣгъ до такой высоты, что мы могли смотрѣть лишь черезъ верхнія стекла оконъ, при чемъ намъ были видны однѣ ноги прохожихъ. Наибольшей величины массы снѣга достигли въ февралѣ, такъ какъ затѣмъ, особенно въ мартѣ, стали преобладать оттепели,—снѣгъ, еще падая, таялъ и половина его опускалась на землю уже въ видѣ воды. Ясные дни въ мартѣ были пріятны и мягки, какъ настоящая весна, а на солнцѣ было даже тепло. Жители Петропавловска пользовались прекрасной снѣжной дорогой для частыхъ увеселительныхъ поѣздокъ и прогулокъ на лыжахъ; какъ разъ къ масляницѣ волны общественныхъ увеселеній снова поднялись очень высоко. Маленькое общество предавалось радости безъ всякаго предчувствія и не знало, что этому веселью скоро будетъ положенъ чрезвычайно непріятный конецъ.

3-го марта 1855 года рано утромъ распространилась вѣсть, что прибылъ, въ качествѣ курьера, адъютантъ генералъ-губернатора Муравьева съ очень важнымъ циркуляромъ. Вскорѣ величайшая новость была въ устахъ всѣхъ и cadaго; повсюду видѣлись испуганныя лица, всякое веселье исчезло. Петропавловскъ, какъ портъ, былъ упраздненъ и оставленъ. Всѣ военные и служащіе, всѣ суда и вообще все казенное имущество должно было быть переведено въ Николаевскъ на Амурѣ.

Далѣе циркуляръ извѣщалъ: такъ какъ непріятель возвратится сильно подкрѣпленнымъ, для того чтобы загладить сдѣлан-

ныя имъ ошибки и такъ какъ совершенно невозможно прислать сколько нибудь достаточную помощь, то все поэтому тотчасъ же должно быть перенесено на суда, какъ можно скорѣе, съ тѣмъ, чтобы—если это окажется исполнимымъ—еще въ мартѣ отплыть на Амуръ. Необходимо было выполнить это приказаніе. Сначала все это подѣйствовало на мѣстныхъ жителей ошеломляющимъ образомъ, затѣмъ они ободрились и принялись тотчасъ же за работу, чтобы поскорѣе исполнить то, что имъ неизбежно предстояло. Прежде всего начали оснащать всѣ суда и почти одновременно съ этимъ вооружать и грузить ихъ. Пушки были вывезены изъ батарей, казенные склады опустошены, а ихъ содержимое погружено на суда. Мужское населеніе, состоявшее собственно только изъ матросовъ, было распредѣлено на военные суда, фрегатъ «Аврору» и корветъ «Оливуцу», а также и для службы на всѣхъ транспортныхъ судахъ. На самомъ большомъ изъ послѣднихъ, на «Двинѣ», должны были отправиться жены и дѣти матросовъ, семьи офицеровъ и служащихъ и, наконецъ, всѣ штатскіе служащіе, къ которымъ принадлежалъ также и я. Начальникъ американской компаніи, вмѣстѣ со своимъ семействомъ и съ имуществомъ компаніи, долженъ былъ отплыть на принадлежащемъ ей кораблѣ «Турку» въ Ситху. Одна только семья Завойко, вмѣстѣ съ назначеннымъ ей въ помощь офицеромъ и его семействомъ, должны были пока остаться здѣсь, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи также выйти изъ Петропавловска. На случай непріятельскаго нападенія для этихъ семействъ было приготовлено пристанище въ Старомъ Острогѣ. Мѣстные казаки частью уходили съ нами, другая же часть ихъ оставалась здѣсь для охраненія опустѣвшаго Петропавловска; для подкрѣпленія ихъ было выписано изъ Ижигинска еще 30 казаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ мартѣ эти люди пришли сюда, совершивъ длинное путешествіе на собственныхъ собакахъ.

Безъ отдыха шла работа днемъ и ночью, и все болѣе пустѣло это маленькое мѣстечко, еще недавно такое оживленное. Повсюду воцарялся настоящій хаосъ разрушенія и безпорядка. Бѣдные жители понесли множество невознаградимыхъ потерь. Мѣста на

судахъ были отведены чрезвычайно скупо, такъ что всякій могъ взять съ собой лишь самое необходимое. Такъ, кто имѣлъ домъ, рогатый скотъ, собакъ, мебель и тому подобное, долженъ былъ просто оставить свою собственность, или въ лучшемъ случаѣ продать ее за бездѣлицу. Ежедневно изнутри страны прибывали люди, чтобы попрощаться со своими знакомыми. Въ отчаяніи жаловались они на свою судьбу, думая, что теперь снова имъ придется попасть въ разбойничьи руки купцовъ, поповъ и исправниковъ, какъ въ старое время. Завойко хотя защищалъ-бы ихъ, теперь же все погибло.

31-го марта все было готово къ отправленію: тяжело нагруженными вышли всѣ суда изъ маленькой бухты Петропавловска на рейдъ въ большую Авачинскую губу.

1-го апрѣля «Турку» отправился къ Ситхѣ. 2-го снова прибылъ курьеръ изъ Иркутска съ тѣмъ-же приказаніемъ торопиться, какъ можно скорѣе. 3-го состоялся у Завойко большой прощальный обѣдъ, а затѣмъ молебень и благословленіе судовъ. 5-го былъ поднятъ адмиральскій флагъ на «Аврорѣ» и вышли въ море небольшія транспортныя суда «Иртышъ», «Байкаль» и ботъ № 1-ый. 6-го «Аврора» и «Оливуца» также отправились въ море. «Двина», съ капитаномъ Чихачовымъ, должна была слѣдовать за ними, но къ нашему счастью сѣла на мель. Въ тотъ же день вечеромъ поднялась ужасная снѣжная буря, которую мы и переждали въ защищенномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ другія суда выдерживали сильную борьбу съ бурей и волнами.

Въ очень дождливую погоду прибылъ я въ 1851 году въ Петропавловскъ и теперь, въ 1855 г., долженъ былъ оставить Камчатку во время снѣжной мятели. За эти годы я полюбилъ и страну эту, и ея изслѣдованіе. Не безъ грусти поневолѣ прерывалъ я мою неоконченную работу, съ сердечнымъ желаніемъ какъ можно скорѣе получить преемника, которому лучше, чѣмъ мнѣ, удалось бы изслѣдованіе прекрасной страны.

ОТДѢЛЪ VI.

Морское путешествіе отъ Камчатки до Амурскаго края и возвращеніе оттуда въ С.-Петербургъ.

- 1) *Плаваніе отъ Камчатки до Амурскаго края (залива де-Кастри).*
- 2) *Обратный путь изъ Николаевска сверхъ по рѣкѣ Амуру и чрезъ Нерчинскъ и Иркутскъ въ С.-Петербургъ.*

- 1) *Плаваніе отъ Камчатки до Амурскаго края (залива де-Кастри).*

Пустынной и покинутой лежала позади насъ маленькая гавань Петропавловска. Кое-гдѣ виднѣлся еще человѣкъ, бродившій между пустыми, не обитаемыми теперь, домами. Всѣ суда съ ихъ многочисленнымъ экипажемъ снялись съ якоря и уже шли по морю. Только наша «Двина» еще стояла на мѣстѣ и ждала перваго благопріятнаго вѣтра, чтобы отправиться вслѣдъ за прочими вмѣстѣ со своими многочисленными пассажирами, преимущественно женскаго пола. Пространство между палубами (Zwischen-deck) было переполнено женщинами и дѣтьми, семействами отъѣзжавшихъ мужчинъ, матросовъ и чиновниковъ.

Многіе изъ этихъ семей въ короткое сравнительно время второй разъ испытывали потерю всего своего недвижимаго имущества. Немного лѣтъ назадъ имъ пришлось, также по внезапному приказанію, покинуть Охотскъ и переселиться въ Петропа-

вловскъ. Тогда также они должны были оставить дома и дворы безъ какого-либо вознагражденія за убытки. Тогда, какъ и теперь, они должны были просто покинуть съ трудомъ и издержками построенные ими самими дома и огороженные заборами сады, потому что какіе же могутъ быть покупатели тамъ, гдѣ никого не остается. Тогда, какъ и теперь, пришлось выпустить на волю ѣздовыхъ собакъ, чтобы онѣ не умерли съ голоду, а коровъ—или убить или точно также выпнать изъ стойлъ. Могутъ-ли при такихъ условіяхъ возникнуть любовь и охота къ осѣдлости? Могутъ-ли при такихъ мѣропріятіяхъ процвѣтать и развиваться поселенія? А между тѣмъ именно возникновеніе и благоденствіе такихъ мелкихъ поселеній и составляетъ самый жизненный вопросъ для колонизаціи далекихъ окраинъ. Въ этомъ дѣлѣ слѣдовало-бы кое-чему поучиться у далской, лежащей на западѣ, территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ поселенецъ свободенъ въ выборѣ для себя мѣста, а собственность его ограждена отъ посягательствъ властолюбивыхъ чиновниковъ. Какъ по мановенію волшебства, тамъ земли населяются людьми, возникаютъ деревни и города, достигающіе въ короткое время процвѣтанія и богатства. Еще ближе намъ примѣръ недавнихъ владѣній Россійско-Американской компаніи. Въ теченіе столѣтія, за время управленія этой компаніи, все хирѣло и совсѣмъ не развивалось; теперь же, подъ американскимъ владычествомъ, въ относительно короткое время, все зажило самой дѣятельной жизнью даже въ негостепріимныхъ окрестностяхъ рѣки Юкона и на Алеутскихъ островахъ.

Раннимъ утромъ 10-го апрѣля, при ясной погодѣ и благопріятномъ вѣтрѣ, двинулась наконецъ и «Двина». Быстро вышла она теперь изъ Авачинской губы и миновала знакомые берега. Все болѣе и болѣе расплывались вдали очертанія Петропавловска, ставшаго мнѣ столь дорогимъ, и мѣста мосіи многолѣтней интересной работы. Теперь мы проходили черезъ длинный, узкій проливъ, ограниченный скалами въ тысячу футовъ высоты, и выступали изъ большого защищеннаго бассейна Авачинскаго залива

въ открытое море; Камчатка же осталась у насъ совсѣмъ позади. Въ видѣ послѣдняго привѣтствія, видѣли мы столбы дыма, высоко поднимавшіеся надъ берегами изъ вулкановъ Авачинскаго, Жупановскаго и Асачи. Берегъ лежалъ покрытый снѣгомъ со всѣми своими горными хребтами и вершинами, какъ величественная картина. Въ двадцати миляхъ отъ земли и при слабомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ медленно пошло судно параллельно берегу къ югу. Животный міръ былъ еще какъ мертвый, береговья скалы возносились безмолвны и недвижны безъ своихъ обитателей, разнообразныхъ птицъ, которыя лѣтомъ оглашаютъ своимъ крикомъ воздухъ или стаями носятся надъ волнами. Лишь одинокій китъ выныривалъ то здѣсь, то тамъ, спокойно продолжая свой путь къ берегу. Вечеромъ, при хорошемъ освѣщеніи далекаго берега, видъ его былъ по-истинѣ величественъ.

Ночь была прекрасная, такимъ-же наступилъ и слѣдующій день, 11-ое апрѣля. Вѣтеръ былъ слабымъ, но благопріятнымъ, и судно равномерно, какъ и вчера, шло къ своей цѣли. Мы приближались къ высотѣ мыса Лопатки. Всѣ горныя цѣпи страны съ ихъ прекрасными острыми вершинами были ясно и хорошо видны. Прежде мыса Лопатки, который, благодаря своей низкой высотѣ, былъ не видимъ, мы замѣтили высокій конусъ Кошелевой сопки, затѣмъ менше высокій острый пикъ Ильиной сопки; далѣе, послѣ короткаго гребня горъ, слѣдуетъ третій конусъ, высокая, широкая, какъ-бы усѣченная, гора—вулканъ Ходутка; за довольно длиннымъ, равномерно высокимъ, гребнемъ горъ поднимается въ видѣ четвертаго конуса высокій остроконечный вулканъ Хойохонгень, а за нимъ, до самой Поворотной сопки, снова тянется длинный горный гребень. Тотчасъ на югъ отъ него, изъ низкаго незамѣтнаго кратера Асачинскаго вулкана поднимаются темные клубы дыма. За ними слѣдуетъ Поворотная сопка, широкая, округленная сверху, конусообразная гора, стоящая близко къ морю. Наконецъ, за вторичнымъ горнымъ гребнемъ, возвышается сопка Вилючинская—конусъ средней высоты, послѣдняя передъ Авачинской губой, заканчивающая собой весь длинный рядъ вул-

кановъ, лежащихъ на восточномъ берегу Камчатки, южнѣ названнаго залива. Всѣ эти вулканы, за исключеніемъ Асачи, не дѣятельны. Вилочинскій вулканъ лишь слабо видѣлся на сѣверной части горизонта, а Авача и Коряка уже совершенно исчезли изъ поля зрѣнія. Вѣтеръ сдѣлался свѣжѣе, а нашъ ходъ быстрѣе. Ночью мы миновали оба сѣверныхъ Курильскихъ острова, Шумшу и Парамуширъ, и утромъ 12-го апрѣля находились передъ четвертымъ проходомъ между Курильскими островами, лавируя и борясь съ очень сильнымъ, почти бурнымъ, западнымъ вѣтромъ, затруднявшимъ намъ проходъ въ Охотское море. Положеніе наше не измѣнилось и 13-го апрѣля. Буря неистовствовала, осыпая насъ снѣгомъ и крупой. Вблизи этихъ высокихъ острововъ, покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ, было холодно, какъ зимой. Наконецъ, въ ночь на 14-ое апрѣля вѣтеръ принялъ болѣе сѣверное направленіе и тотчасъ же ослабѣлъ, благодаря чему и явилась для насъ возможность войти въ проливъ. Мы вошли въ проходъ между островами Парамуширомъ и Онекотаномъ, а затѣмъ, оставивъ Ширинки далеко на сѣверо-западѣ, прошли между Онекотаномъ и Маканрушемъ въ Охотское море. Путь нашъ лежалъ совсѣмъ по близости послѣдняго острова, находившагося вправо отъ насъ въ то время, какъ Онекотанъ высоко поднимался изъ моря нѣсколько дальше, съ лѣвой стороны. При благопріятномъ вѣтрѣ мы теперь быстро шли впередъ въ юго-западномъ направленіи.

Маканрушь, маленькій, круглый островъ, состоитъ изъ крутыхъ, средней высоты, округленныхъ наверху скалистыхъ масъ, образованныхъ, повидимому, изъ конгломератовъ и лавы; мила на двѣ южнѣ этого острова одиноко и круто подымается изъ моря колоссальная колонообразная скала Авось. Влѣво отъ насъ лежалъ теперь весь рядъ прочихъ Курильскихъ острововъ, тянувшихся къ юго-западу; изъ нихъ мало-по-малу нашимъ глазамъ представились слѣдующіе.

Онекотанъ, по своимъ размѣрамъ почти въ четыре раза превосходящій Маканрушь, имѣетъ удлинненную въ направленіи

отъ сѣвера къ югу форму, дикіе скалистые берега и увѣнчанъ тремя вулканическими вершинами. Сѣверная и южная изъ нихъ — настоящіе острые конусы, первый наиболѣе высокій. Третій конусъ возвышается по срединѣ острова и сильно усѣченъ. Островъ Харамукотанъ — малъ, округлъ и состоитъ только изъ одной высокой, конусообразной горы. Повидимому, такого-же типа и острова Шіашкотанъ, Екарме и Чиринкотанъ, также состоящіе каждый лишь изъ одного высокаго пика.

Вулканы эти не проявляютъ, какъ кажется, никакой дѣятельности. Что касается растительности, то, вслѣдствіе значительной отдаленности отъ острововъ, я вовсе не могъ ея замѣтить, да и животная жизнь, не смотря на то, что мы находились подъ 49° сѣв. широты, повидимому очень бѣдна. То здѣсь, то тамъ показывался тюлень или проплывалъ мимо китъ. Мертвенные, окутанные снѣгомъ, возвышаются эти вулканы изъ холодныхъ водъ сѣвернаго моря. Повидимому, здѣсь обитаетъ вѣчная зима. Сегодня снова большія гряды тучъ со снѣгомъ и крупной таянтся отъ пика къ пику, совершенно окутывая то одинъ, то другой изъ нихъ; внезапно и быстро отдѣляются онѣ отъ одной горы и приближаются къ сосѣднему конусу, способствуя повсюду продленію господствующей зимы.

Съ сѣверо-запада повѣялъ свѣжій вѣтеръ, и наше судно, сильно качаясь, спѣшило къ юго-западу въ направленіи, параллельномъ Курильскимъ островамъ. Вечеромъ мы замѣтили одного китолова, который скоро скрылся на сѣверной части горизонта.

15-го апрѣля. Утромъ былъ еще видимъ Чиринкотанъ, и вслѣдствіе неблагоприятнаго вѣтра мы лавировали передъ этимъ красивымъ пикомъ. Затѣмъ насъ окуталъ густой туманъ, прояснившійся лишь къ вечеру и открывшій намъ высокіе пики на Райкоке и пикъ Сарычова на Матуѣ, два совершенно острыхъ, высокихъ потухшихъ конусообразныхъ вулкана. Въ морской водѣ сегодня было только $1\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла по Реомюру. Къ вечеру пошелъ дождь, вѣтеръ сдѣлался благоприятнѣе, и ходъ судна быстрѣе.

Отъ 16 до 20 апрѣля были дурные дни нашего плаванія.

Бури, сопровождаемая сплывѣйшимъ снѣгомъ и градомъ, со всѣхъ сторонъ не только помѣшали намъ держаться нашего настоящаго курса, но и отнесли насъ далеко назадъ, въ Охотское море. Тяжело нагруженное судно летало, какъ воланъ, съ одной волны, высокой, какъ башня, на другую. Всѣ паруса, даже наиболѣе необходимые для управления кораблемъ, были совсѣмъ убраны или сильно зарифлены. Морская болѣзнь собрала обильную жатву съ бѣдныхъ женщинъ и дѣтей, заточенныхъ въ тѣсномъ трюмѣ. Варить нельзя было совсѣмъ, и нечистота превзошла всѣ представленія о ней. Къ этому прибавилось еще и то, что забили тревогу. Изъ тумана внезапно вынырнулъ большой трехмачтовый корабль, который шелъ у насъ въ кильватерѣ и, казалось, преслѣдовалъ насъ. Нашъ молодой капитанъ, заподозрѣвъ непріятеля, уже велѣлъ готовиться къ битвѣ, какъ вдругъ сигналъ разъяснилъ все дѣло въ благопріятномъ смыслѣ. Это былъ нашъ корветъ «Оливуца», потерявшій во время бури фрегатъ, съ которымъ онъ долженъ былъ вмѣстѣ держаться, и припавшій «Двину» за «Аврору». Лишь къ вечеру 20-го успокоилась буря, и мы могли, сопутствуемые благопріятнымъ вѣтромъ, снова направиться къ Лаперузову проливу.

21-го апрѣля. Уже ночью обстоятельства значительно измѣнились къ лучшему. Волненіе успокоилось, и при хорошемъ, благопріятномъ вѣтрѣ мы дѣлали до семи узловъ въ часъ. Утромъ мы такъ близко подошли къ сѣверному берегу Иессо, что можно было совершенно ясно различать не только его побережье, но и дома, и людей. Вечеромъ мы шли по глубинѣ въ 25 сажень, знакъ того, что мы вошли въ Лаперузовъ проливъ; особенно же убѣдительнымъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи было то, что юго-восточная оконечность Сахалина, мысъ Анива, лежалъ теперь позади насъ.

22-го апрѣля. Въ четыре часа утра на югъ показалась сѣверная оконечность Иессо, мысъ Соя, безснѣжная и невысокая холмистая мѣстность, а на сѣверномъ горизонтѣ—югозападная оконечность Сахалина, мысъ Крилонъ; на дальнемъ же юго-за-

падѣ видѣлся высокій пикъ острова Лангль, красивый вулканъ, совершенно окутанный снѣгомъ и, вплоть до нѣсколько разорванной вершины, имѣющій видъ настоящаго высокаго конуса. Теперь изъ Лаперузова пролива мы вступали въ Татарскій заливъ и здѣсь были застигнуты сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, погнавшимъ насъ на югъ, такъ что мы прошли очень близко мимо японскаго острова Рифунсири. Это—маленькій островокъ, состоящій изъ высокой горы, окруженной безснѣжной холмистой мѣстностью. Температура морской воды достигла $+6^{\circ}$.

23-го апрѣля. Погода была необыкновенно хороша и тепла. На палубѣ опять все оживилось, такъ какъ теперь бѣдные люди снова могли выйти на воздухъ изъ трюма, чтобы отдохнуть отъ морской болѣзни. Вѣтеръ былъ благопріятенъ, но слабъ, и соотвѣтственно этому мы тихо подвигались къ сѣверо-сѣверозападу. Въ отдаленіи мы видѣли наши корветы и транспортное судно «Иртышъ». Послѣ полудня на востокъ показался островъ Мюннеронъ, маленький, круглый безснѣжный клочокъ земли, состоящій, повидимому, изъ массивныхъ горъ и холмовъ и лежащій не очень далеко отъ южной оконечности Сахалина. Теперь мы находились на 46° сѣв. широты и, не смотря на то, море было поразительно бѣдно животными. Водяныя птицы, напримѣръ, совершенно отсутствовали.

24-го апрѣля очень слабый вѣтеръ мало способствовалъ нашему путешествію. Медленно пробрались мы далѣе по направленію къ сѣверу. Вечеромъ было особенно красивое свѣченіе моря.

25-го апрѣля при ясномъ небѣ поднялся довольно свѣжій вѣтеръ. Утромъ мы увидѣли пикъ Ламанонъ на Сахалинѣ, а также и большую часть берега этого острова. Горы Сахалина были глубоко окутаны снѣгомъ, который, особенно въ густыхъ хвойныхъ лѣсахъ, покрывающихъ островъ, достигалъ до самаго моря. Горы этого острова имѣютъ форму плоскихъ конусовъ и куполовъ, что напоминаетъ базальтовыя и трахитовыя возвышенности. Въ теченіе всего дня былъ виденъ берегъ Сахалина, а вечеромъ, очень далеко, показался также и западный берегъ Татар-

скаго залива, именно мысы при Хаджи-Баѣ (у русскихъ онъ носитъ названіе Императорской гавани, у англичапъ—Барракуты).

26-го апрѣля. Ночью мы значительно приблизились къ нашей цѣли. Но густой туманъ принудилъ насъ подвигаться съ большою осторожностью здѣсь, гдѣ съ обѣихъ сторонъ берега все болѣе и болѣе сближались; лишь къ вечеру мы остановились приблизительно въ 8-ми миляхъ передъ заливомъ де-Кастри.

27-го апрѣля. Насталъ прекрасный, радостный день. Земля съ заливомъ де-Кастри ясно была видна. Отлогіе холмы, покрытые густымъ хвойнымъ лѣсомъ, тянулись по берегу и мѣстами спускались къ морю крутыми скалами. Нѣсколько далѣе, внутри страны, возвышается трахитовая вершина, средней высоты, плоско вытянутая и лишь на вершинѣ не покрытая лѣсомъ, — единственная примѣта залива де-Кастри. Глазъ видитъ только скалы, снѣгъ и густой, некрасивый хвойный лѣсъ. Пустынная и печальная картина.

Переждавъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ штиль, мы могли затѣмъ, лавируя, мало-по-малу приблизиться и, наконецъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, вошли въ заливъ, гдѣ въ четыре часа послѣ полудня бросили якорь. Два вдающіеся въ море скалистые, высокіе мыса, — съ сѣвера мысъ д'Асса, а съ юга мысъ Кластеръ-Кампъ, образуютъ тѣсный входъ въ большой, глубоко врѣзывающійся въ сушу, кругловатый заливъ, который по срединѣ раздѣляется на внутренній и наружный бассейны рядомъ острововъ, паралельныхъ берегу. Это — четыре скалистыхъ островка, состоящихъ изъ базальтово-трахитовыхъ горныхъ породъ и отчасти покрытыхъ жалкими, кривыми деревьями. Что касается береговъ залива, то на нихъ замѣчаются лишь мѣстами скалы изъ тѣхъ-же горныхъ породъ, а самые берега почти вплоть до воды поросли лѣсомъ, состоящимъ изъ молодыхъ лиственницъ и сосенъ. Заливъ имѣлъ еще совсѣмъ зимній видъ, такъ какъ всюду лежало много снѣга, а внутренній бассейнъ былъ покрытъ еще рыхлымъ льдомъ. «Двина» остановилась между островами Обсерваторіи и Устричнымъ. Базальтовый и Южный

острова лежали на сѣверъ и на югъ въ томъ же самомъ ряду. У крайняго западнаго конца залива стояла на берегу пара очень жалкихъ юртъ орочей, мѣстныхъ аборигеновъ, а нѣсколько поодаль отъ нихъ — два такихъ же несчастныхъ домишка, построенныхъ русскими. Здѣсь было мѣсто стоянки молодого офицера съ 5-тью казаками, а самое мѣсто носило громкое имя Александровскаго поста. Въ тотъ же вечеръ прибылъ транспортъ «Иртышъ» и остановился около «Двины».

28-ое апрѣля, равно какъ и слѣдующіе дни, были пасмурны и дождливы. 2-го и 3-го мая шелъ сильный снѣгъ, сопровождавшійся бурей. Такъ какъ нельзя было предпринять болѣе далекихъ экскурсій, то пришлось ограничиться лишь небольшими поѣздками по заливу, которыя мы дѣлали для того, чтобы набрать съ острововъ устрицъ, во множествѣ сидѣвшихъ на скалахъ. Здѣшнія устрицы больше фленсбургскихъ и очень вкусны.

1-го мая въ заливѣ показался корветъ съ Завойко на борту. Онъ посѣтилъ Императорскую гавань и оставилъ тамъ «Аврору», чтобы посѣлшить сюда на «Оливуцѣ». 2-го мая остававшійся еще ледъ вышелъ изъ внутренняго бассейна, такъ что теперь все обширное пространство залива было свободно ото льда. 3-го мая послѣдовалъ приказъ о томъ, чтобы всѣ женщины съ дѣтьми и своимъ багажемъ были высажены на берегъ, откуда ихъ на другой день должны были отправить на озеро Кидзи, находящееся на разстояніи около 20 верстъ и вливающееся близъ Маринскаго поста въ Амуръ. То же относилось и ко всѣмъ безъ исключенія штатскимъ лицамъ и чиновникамъ. Завойко снова ожидалъ непріятеля, вслѣдствіе чего всѣ суда должны были, съ экипажемъ исключительно воещымъ, стать во внутреннемъ заливѣ, позади ряда острововъ, и тамъ выстроиться для боя въ длинную линію, защищенную ими.

4-го мая, раннимъ утромъ, прибыли сюда фрегатъ «Аврора» и палубный боть I, а вечеромъ также и транспортное судно «Байкаль», такъ что теперь всѣ суда, которыя покинули Камчатку, послѣ счастливо совершеннаго пути, соединились въ заливѣ де-

Кастри. Согласно состоявшемуся приказу, они заняли свои мѣста. Впереди стояли «Аврора», «Оливуца» и «Двина», а позади нихъ не вооруженные транспорты «Иртышь» и «Байкаль». Ботъ I Завойко послалъ на сѣверъ для изслѣдованія фарватера Амурскаго лимана, имѣющаго при входѣ около двухъ верстъ въ ширину. Высадка пассажировъ производилась съ величайшей поспѣшностью, такъ что уже къ вечеру на берегу стояли длинные ряды палатокъ, освѣщенные множествомъ сторожевыхъ костровъ. За послѣдніе дни сюда прибыла масса туземцевъ, даже тунгусовъ, съ ихъ небольшими стадами оленей. Все это вмѣстѣ составляло пеструю и очень своеобразную картину. На темной, освѣщенной огнями, стѣнѣ лѣса живописно выдѣлялись бѣлыя палатки и пестрые группы людей. Приамурскіе туземцы, гиляки, мангуны и орочи—очень способные къ торговлѣ люди. Извѣстіе о нашемъ прибытіи въ де-Кастри быстро распространилось между ними и привлекло ихъ во множествѣ; они предлагали различные товары, въ особенности рыбу, что было чрезвычайно охотно принято на стоянкѣ. Быстро устроился импровизированный рынокъ, и дѣло прекрасно пошло на ладъ.

Раннимъ утромъ 5-го мая, при хорошей погодѣ, большой женскій лагерь снялся съ мѣста. Завойко прислалъ на помощь и для защиты всѣхъ мужей и кромѣ того еще нѣсколькихъ мужчинъ изъ экипажа, и черезъ короткое время длинный караванъ, съ тяжелымъ грузомъ, тронулся пѣшкомъ въ путь. Еще ранѣе проложенная просѣка черезъ лѣсъ обозначала дорогу на озеро Кидзи, откуда семьи въ большихъ лодкахъ должны были быть отправлены въ Маріинскъ на Амуръ. Черезъ кучи снѣга, лужи, груды грязи, древесные корни и пни пришлось тянуться женщинамъ со своими семьями.

На прибрежномъ посту залива внезапно все стихло. Остались только одинъ офицеръ и я съ нѣсколькими приставленными ко мнѣ казаками. Въ случаѣ непріятельскаго нападенія я долженъ былъ доставить необходимыя свѣдѣнія въ Маріинскъ, офицеръ же черезъ мысъ Лазарева въ Николаевскъ, — таковъ былъ

приказъ Завойко. Между тѣмъ на судахъ дѣлались самыя серьезныя приготовленія къ вѣроятному сраженію. Все было готово, каждый стоялъ на своемъ посту и зналъ, что онъ долженъ дѣлать. Такъ прошли 6-ое и 7-ое мая въ дѣятельности, но и въ покоѣ.

За эти дни сюда прибыло много мангуновъ, совершившихъ на своихъ легкихъ лодкахъ торговое путешествіе гораздо южнѣе Хаджи-Бая. За свои мѣховые товары они получили манджурскій табакъ, матеріи и металлическіе предметы и теперь плыли къ устью Амура. Эти люди зачастую дѣлаютъ отдаленнѣйшія поѣздки вдоль береговъ на югъ почти вплоть до Кореи и къ берегамъ Сахалина до японскихъ поселеній, чтобы возможно дороже сбывать свои товары.

Когда мы передъ полднемъ 8-го мая сидѣли безъ всякаго предчувствія передъ нашей палаткой, внезапно съ адмиральскаго судна раздался выстрѣлъ къ тревогѣ. Это былъ знакъ того, что каждый долженъ находиться на своемъ посту, такъ какъ непріятель уже подходитъ. И въ самомъ дѣлѣ, у мыса Клостеръ-Кампъ были видны три корабля. Одинъ изъ нихъ, паровой фрегатъ, развелъ сильныя пары, прошелъ раза два взадъ и впередъ передъ заливомъ, внимательно наблюдая за нашимъ положеніемъ; затѣмъ повернулся ко входу въ заливъ и два раза выстрѣлилъ въ наши суда, не попавъ въ нихъ однако. Корветъ тотчасъ же отвѣтилъ также двумя выстрѣлами. Послѣ этого непріятель снова отодвинулся за мысъ, и все успокоилось. Тогда Завойко рѣшился на крайнее средство и, чтобы устранить всѣ сомнѣнія, первымъ дѣломъ далъ приказъ прибѣчь на верху мачтъ у всѣхъ судовъ флаги, чтобы никому въ минуту слабости не пришло въ голову ихъ спустить. Затѣмъ оба транспортных судна, «Иртышъ» и «Байкалъ», были снаряжены какъ брандеры (зажигательныя суда); въ случаѣ приближенія непріятели они должны были воспламененныя идти подъ его суда. Три другихъ судна были готовы къ борьбѣ на жизнь и смерть. Всѣ цѣнные предметы, каковы казенная собственность, а также частныя

суммы, письма, драгоценности и т. д., были принесены ко мнѣ, при чемъ я получилъ въ свое распоряженіе 12 человекъ казаковъ, которые все это сложили въ большой ящикъ, чтобы снести версты за двѣ въ лѣсъ, гдѣ и должны были охранять это имущество, пока я не прикажу, подъ моимъ руководствомъ, доставить его на Кидзи. Я и офицеръ I. остались на берегу, чтобы наблюдать за положеніемъ вещей, ставшимъ очень серьезнымъ, и чтобы получить еще нѣкоторыя приказанія Завойко. Подъ руками у насъ были два казака, которые могли намъ понадобиться для какихъ-либо посылокъ. Такимъ образомъ, съ нашей стороны все было готово. Но непріятель не возвратился сейчасъ же, и скоро мы узнали причину этого. Самое мелкое изъ непріятельскихъ судовъ, бригъ, пошелъ подъ парусами на югъ, вѣроятно для того, чтобы привести сюда еще другія суда и затѣмъ уничтожить нашу эскадру, напавъ на нее съ силами, значительпо ее превосходящими.

9-го мая возвратилась на суда часть экипажа, провожавшая женщинъ до озера Кидзи. Нападенія все еще не было. Съ лодокъ, сновавшихъ туда и сюда, мы постоянно получали извѣстія о нашихъ, стоявшихъ по близости, судахъ, которыя находились теперь въ чрезвычайно критическомъ положеніи. Утромъ до насъ дошло необычайное извѣстіе: Завойко задумалъ воспользоваться обычными въ этой мѣстности и почти непроницаемыми туманами, чтобы ускользнуть ночью незамѣтнымъ образомъ и въ полной тишинѣ. Непріятель стоялъ на югѣ за мысомъ Клостеръ-Кампъ, Завойко же хотѣлъ, напротивъ, наши суда, уведенныя весельными лодками на сѣверъ, поставить въ безопасность въ лиманѣ, за мысомъ Лазарева. На случай однако же, если-бы непріятель захватилъ ихъ въ этой отчаянной и рискованной вылазкѣ, брандеры должны быть пущены, а военныя суда сдѣлаться съ непріятельскими. Цѣпи якорей и вальки весель должны быть обмотаны, чтобы избѣжать всякаго шума. Все должно двигаться впередъ совершенно беззвучно. Каждое судно должно буксироваться всѣми своими лодками. Вотъ въ крупныхъ чертахъ планъ,

который долженъ былъ быть выполненъ при первомъ сильномъ туманѣ.

Дни проходили въ тягостномъ ожиданіи и въ самыхъ старательныхъ приготовленіяхъ, между тѣмъ какъ непріятель стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, когда уже раннимъ вечеромъ 14-го мая особенно густой туманъ началъ покрывать землю, Завойко далъ намъ знать, что наступающая ночь назначается для осуществленія отважной выходки. Когда въ 10-ть часовъ вечера туманъ сдѣлался такъ густъ, что на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ едва можно было различить предметы, мы услышали совсѣмъ особенный, тихій, мѣрный стукъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша эскадра. Никто кромѣ насъ, посвященныхъ во все происходившее, не могъ догадаться, что обозначалъ этотъ шумъ. Мы же знали, что это поднимаютъ якоря съ обмотанными цѣпями. Затѣмъ, послѣ краткаго затишья, послѣдовалъ новый, иначе звучащій, но также тихій шумъ, и это были удары весель. Но вотъ все смолкло, и наступила мертвая тишина.

Для насъ, стоявшихъ на берегу, теперь настали моменты самаго томительнаго ожиданія. Каждую минуту могли начаться выстрѣлы пушекъ и смертельная борьба. Но въ туманѣ, все болѣе сгущавшемся, все оставалось спокойно. Часы проходили одинъ за другимъ, и мы проводили ихъ въ лихорадочномъ возбужденіи. Все было безмолвно и тихо.

Теперь стало яснымъ, что наши суда, въ самомъ дѣлѣ не будучи замѣченными врагами, ушли и успѣли скрыться. Съ началомъ утренняго разсвѣта они, быть можетъ, уже приблизились къ мысу Лазарева или даже стояли за нимъ въ полной безопасности. Завойко совершилъ такое смѣлое дѣло, которое врядъ-ли было когда-либо въ исторіи войны. Тѣмъ самымъ онъ спасъ жизнь сотнямъ людей и сохранилъ 5 судовъ.

Когда раннимъ утромъ 15-го мая туманъ началъ мало-помалу подниматься и видъ въ даль сталъ яснѣе, то наступилъ моментъ, когда непріятель внезапно увидѣлъ опустѣвшую гавань и должепъ былъ сознаться, что его одурачили. При помощи на-

шей зрительной трубы мы замѣтили испугъ и смятеніе на ближайшихъ судахъ, которыхъ теперь было всего 6 большихъ пароходовъ. Тотчасъ же поднялись столбы дыма изъ ихъ трубъ, и скоро одинъ пароходъ вошелъ въ заливъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ въ лѣсъ, затѣмъ возвратился и пошелъ съ цѣлой флотиліей дальше къ востоку, прямо на Сахалинъ. Торопливо летѣли они туда и скоро на горизонтѣ видны были отъ нихъ только полосы дыма. Входъ въ лиманъ на сѣверѣ былъ имъ, повидимому, неизвѣстенъ. У Сахалина они надѣялись захватить русскія суда.

Позади насъ была замѣчательная ночь; мы пережили незабвенные часы. Но этимъ еще не закончились необычайныя событія дня. Въ то время, какъ мы стояли на берегу и, обдумывая только что пережитое и едва ему вѣря, слѣдили за непріателемъ, уже ночью исчезнувшимъ на далекомъ горизонтѣ, внезапно со свѣжимъ бризомъ прибыло еще одно судно и вошло въ заливъ; это была маленькая шхуна съ японскими такелажемъ и парусами. На ней былъ адмиралъ Путятинъ, потерявшій во время землетрясенія въ Японіи свой корабль, фрегатъ «Діану»; изъ обломковъ своего корабля онъ построилъ эту шхуну и теперь, ничего не зная о разразившейся войнѣ, захотѣлъ пройти къ устьямъ Амура. Получивъ отъ насъ извѣстія о происшедшемъ, онъ тотчасъ же повернулъ обратно и направился прямо къ мысу Лазарева, чтобы соединиться съ Завойко.

Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь 12-ти часовъ уже второй русскій адмиралъ ускользнулъ отъ непріателя, въ то время, какъ послѣдній яростно разыскивалъ наши суда вдоль всѣхъ береговъ. 16-го мая и мы покинули заливъ де-Кастри. Я съ моими казаками и довѣренными мнѣ цѣпностями пошелъ черезъ просѣку (ровно 21½ верста) по ужасной дорогѣ къ озеру Кидзи, между тѣмъ какъ мой товарищъ въ радости и несчастіи, офицеръ I., отправился прямо на мысъ Лазарева къ Завойко. 17-го мая я переплылъ на большой лодкѣ черезъ озеро въ 40—45 верстъ длиною въ Маринскъ (Кидзи), расположенный при слия-

ннй этого озера съ Амуромъ, и нашелъ пристанище и дружескій пріемъ у доктора Вейриха, своего школьнаго товарища по Дерпту.

По мѣрѣ моего приближенія къ Амuru ландшафтъ становился все болѣе лѣтнимъ и зеленымъ, такъ что въ нѣсколько часовъ я отъ снѣговъ морского берега перешелъ къ настоящему лѣту. Въ тотъ самый день, какъ мы оставили заливъ де-Кастри, туда вернулись непріятельскія суда; такъ какъ они пашли это мѣсто совершенно пустымъ, то имъ не оставалось ничего иного, какъ только сжечь маленькую баню и пару другихъ, грубо сколоченныхъ, домиковъ.

Въ ближайшіе дни я имѣлъ удовольствіе встрѣтить въ Маринскѣ моихъ друзей и товарищей по университету, нынѣ академиковъ, Л. фонъ Шренка и К. Максимовича, путешествовавшихъ по Приамурскому краю, въ качествѣ естествоиспытателей.

31-го мая прибылъ сюда изъ Забайкалья, направляясь внизъ по теченью Амуре, генераль-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ. Онъ явился съ громаднымъ караваномъ изъ 101 большихъ крытыхъ судовъ (называемыхъ по русски баржами), на которыхъ были нагружены всевозможные запасы и кромѣ того находились 2500 человекъ солдатъ. Каждая баржа имѣла грузъ въ 3500 пудовъ. Въ селеніи началось сильное возбужденіе. Прибылъ сюда властелинъ изъ Иркутска. Править всѣмъ начали не разсудокъ и резоны, а страсти. Утромъ никто не зналъ, останется-ли еще онъ на службѣ къ вечеру. Каждый часъ безграничная милость смѣнялась дикимъ, внезапнымъ гнѣвомъ. Перемены, преобразованія, перемѣщенія слѣдовали одни за другими. Кто хотѣлъ и могъ оставаться еще здѣсь при такомъ невѣрномъ положеніи вещей?

Для меня было большой радостью узнать, что и я также переведенъ и именно въ Николаевскъ, куда я не медля собрался и куда счастливо прибылъ 13-го іюня. Миръ и спокойствіе господствовали здѣсь, а Завойко принялъ меня съ тѣмъ же друже-

любіемъ, какое онъ всегда оказывалъ мнѣ въ Камчаткѣ. Въ отвѣтъ на мою просьбу онъ обѣщалъ мнѣ отправить меня въ Петербургъ, какъ только будетъ возможно это сдѣлать; я объяснилъ ему, что съ удаленіемъ изъ Камчатки я считаю свою задачу совершенно законченной и не желаю поступать ни на какую службу въ Приамурскомъ краѣ. Но, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось ждать цѣлый годъ исполненія этого желанія.

Уже лѣтомъ 1855 г. насъ покинулъ цѣлый рядъ офицеровъ. Сначала уѣхалъ адмиралъ Путятинъ, первый отправившійся вверхъ по Амуру въ маленькой лодкѣ съ двумя спутниками. Затѣмъ много офицеровъ направились сухимъ путемъ на тунгусскихъ оленяхъ черезъ Удской, по Маѣ и Алдану, въ Якутскъ. Наконецъ, и генераль-губернаторъ Муравьевъ со своей свитой отправился на суднѣ въ Аянъ, а оттуда въ Якутскъ и Иркутскъ.

24-го сентября супруга Завойко съ семействомъ прибыла изъ Камчатки въ заливъ де-Кастри, а 2-го октября она была уже въ Николаевскѣ. Она наняла судно торговавшего въ Камчаткѣ американца и такимъ образомъ, подъ американскимъ флагомъ, счастливо пробралась между всюду сторожившими непріятельскими судами. Отъ нея мы узнали, что уже очень скоро послѣ нашего отъѣзда изъ Камчатки, въ Авачинскій заливъ прибыла очень сильная эскадра англійскихъ и французскихъ судовъ; найдя Петропавловскъ совершенно покинутымъ и опустѣвшимъ, непріятель обратилъ въ пепелъ всѣ болѣе значительныя постройки и все вообще подвергъ возможному опустошенію.

Въ то же время получилъ я извѣстіе о томъ, что вскорѣ послѣ нашего отъѣзда было сильное изверженіе Авачинскаго вулкана. Гора испускала спокойно, какъ всегда, свои облака дыма, какъ вдругъ 28-го мая, въ 7 часовъ вечера, послышался внезапно страшный грохотъ, затѣмъ изъ кратера показались густыя облака, и къ небу поднялся высокій огненный столбъ. Въ теченіе многихъ дней продолжалось сильное изверженіе при не переставшемъ громѣ и грохотѣ, и далеко вокругъ разбрасывались пепелъ и другіе продукты изверженія. За этимъ первымъ энергичнымъ

изверженіемъ послѣдовалъ болѣе спокойный періодъ, въ продолженіе котораго однако же поднимались постоянно вверхъ темные клубы дыма и, не переставая, шель дождь изъ пепла. Эта стадія изверженія еще продолжалась, когда въ началѣ сентября судно оставило Камчатку.

Въ октябрѣ же прибылъ въ Николаевскъ компанейскій бригъ «Охотскъ», капитанъ котораго Юзеліусъ сообщилъ мнѣ, какъ онъ въ 1854 году шель на парусахъ къ Курильскимъ островамъ и наблюдалъ тамъ слѣдующее. Пикъ Фусъ на Парамуширѣ онъ видѣлъ съ 10-го до 12-го іюня 1854 г. сильно дымившимся. 24-го іюня 1854 года замѣтилъ онъ на Сѣверномъ Чирпоѣ (маленькій островъ на сѣверъ отъ Урупа) изверженіе съ огненными явленіями, а 29-го іюля этотъ островъ сильно дымился. Въ началѣ іюня онъ видѣлъ Алаидъ совершенно бездѣятельнымъ. На Шумшу онъ слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что какой-то вулканъ на Парамуширѣ (но не пикъ Фусъ, а другой) 3-го декабря 1853 г. такъ сильно выбрасывалъ пепель, что имъ была покрыта вся окрестность на далекое разстояніе. На островѣ Урупъ есть очень высокій пикъ, который былъ совсѣмъ бездѣтеленъ въ іюнѣ 1854 г. Дальше на этомъ островѣ находится прекрасная, совершенно круглая гавань для мелкихъ судовъ; можетъ быть, это не что иное, какъ обрушившійся кратеръ, лежащій у самага берега моря.

2) Обратный путь отъ Николаевска вверхъ по р. Амуру и чрезъ Нерчинскъ и Иркутскъ въ С.-Петербургъ.

Публикуя нынѣ, по прошествіи столь многихъ лѣтъ, отчетъ о моихъ путешествіяхъ по Камчаткѣ, я нахожу себѣ оправданіе въ томъ, что со времени моего возвращенія, т. е. почти за тридцать лѣтъ, мнѣ не попало въ руки почти ни одной строки объ этой странѣ и до сихъ поръ еще тому, кто хочетъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о Камчаткѣ, приходится обращаться къ Штеллеру, Крашенинникову и Эрману. Иначе обстоитъ дѣло съ Приамурскимъ краемъ, по которому безпрестанно путе-

шествуютъ и производятъ свои изслѣдованія множество ученыхъ и относительно котораго поэтому уже образовалась обширная литература. По той же причинѣ я не буду подробно излагать мои устарѣлыя путевыя замѣтки и свѣдѣнія о Приамурьѣ, а лишь коротко опишу свой путь отъ Николаевска до С.-Петербурга.

Послѣ того какъ въ теченіе лѣта 1855 г. и слѣдовавшей за нимъ зимы я много разъ предпринималъ то небольшія, то болѣе значительныя экскурсіи въ области нижняго теченія Амура, съ начала весны 1856 года во мнѣ зародилось сознаніе того, что я долженъ проѣхать вверхъ по Амуру къ Иркутску, а затѣмъ уже отправиться далѣе въ Петербургъ. Завойко вмѣстѣ со своимъ семействомъ также долженъ былъ оставить Приамурскій край, но онъ выбралъ дорогу въ Петербургъ черезъ Аянь, Якутскъ и Иркутскъ.

21-го апрѣля 1856 г. появился officialный приказъ губернатора относительно моего путешествія. Какъ только Амуръ освободится отъ своего ледяного покрова, я долженъ отправиться въ путь, сопровождая большую почту, которую придется сдать въ Нерчинскъ или въ первой русской почтовой конторѣ, а затѣмъ, причислившись къ путевой канцеляріи Завойко, я поѣду дальше черезъ Иркутскъ въ Петербургъ.

Для этого путешествія была куплена большая манджурская лодка, а мнѣ предоставили выборъ унтеръ-офицера съ 12 забайкальскими казаками, очень хорошо вооруженными и прекрасно знавшими монгольской языкъ. Еще въ первый разъ приходилось почтѣ идти вверхъ по Амуру, поэтому было необходимо приготовиться ко всѣмъ случайностямъ, чтобы безопасно провести почту черезъ незнакомую страну съ чужимъ населеніемъ. Все было приготовлено и упаковано: съѣстные и военные припасы, а въ особенности богатый выборъ мѣновыхъ товаровъ для пріобрѣтенія во время пути жизненныхъ припасовъ, лежали наготовѣ, и только ледяной покровъ рѣки препятствовалъ еще отъѣзду.

Наконецъ, утромъ 9-го мая ледъ двинулся, а весь день и

слѣдующую ночь былъ сильный ледоходъ. Съ трескомъ и грохотомъ ломались мощныя глыбы на быстро несущейся водѣ могучаго потока. Большія вырванныя съ корнемъ деревья и насылѣса всѣхъ сортовъ то всплывали, то исчезали въ хаосѣ сталкивавшихся, вздымавшихся и обваливавшихся ледяныхъ глыбъ. Какъ необычайно яростенъ былъ ледоходъ, такъ поразительно быстро все кончилось. Казалось, что это былъ только ледъ нижняго теченія, проходившій теперь у Николаевска, между тѣмъ какъ южная часть рѣки уже раньше сбросила свой ледяной покровъ.

Послѣ полудня 10-го мая Амуръ у Николаевска освободился ото льда; тотчасъ же почта въ семи большихъ чемоданахъ и нашъ багажъ были уложены въ лодку, и послѣ короткаго прощанья мы поплыли вверхъ по рѣкѣ. Цѣль нашего путешествія лежала очень далеко, а большая, тяжело нагруженная, лодка была очень неноворотлива. Приходилось поэтому пробовать и примѣнять всевозможные способы передвиженія. То гребли веслами, то тянули лодку длинной бечевой, при чемъ всегда шесть человекъ сходили для этого на берегъ и тащили судно. Рѣже, при благоприятномъ вѣтрѣ, примѣнялся также парусъ—и тогда для всѣхъ наступалъ отдыхъ. Въ началѣ путешествія совершались только небольшіе дневные переѣзды, чтобы не слишкомъ напрягать и изнурять силы людей, позднѣе же мы, гдѣ это было можно, подвигались впередъ быстрѣе. По счастью намъ удавалось до самаго конца нашего долгаго путешествія добывать обильныя и хорошіе съѣстные припасы, такъ что всѣ безъ исключенія были здоровы и весело переносили часто не малые напряженіе и трудъ.

Подъ Николаевскомъ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ рѣка сбросила свой ледяной покровъ, все имѣло еще совершенно зимній видъ. Единственную зелень ландшафта составляли темныя хвойныя лѣса окрестностей. Такъ пробирались мы вверхъ по мощной рѣкѣ въ западномъ направленіи, пока она, у гиляцкой деревни Тебахъ, не поворачиваетъ внезапно около выдающейся цѣпи высотъ

подъ прямымъ угломъ на югъ. Лѣвый берегъ и до этого мѣста, и далѣе низокъ и отличается многочисленными островами, рукавами рѣки, устьями ея притоковъ (самый большой изъ нихъ Амгунь), а также малыми и большими озерами (Орель и Чля),— между тѣмъ какъ правый берегъ, начинаясь противъ Николаевска прекрасными совершенно конусообразными горами съ плоской вершиной, и далѣе за немногими исключеніями остается гористымъ до Маріинска. Именно у помянутаго Тебаха и у деревни Тырь этотъ высокій берегъ образованъ мощными масами трахита, а на вершинѣ ихъ у послѣдней деревушки находятся старинные каменные памятники съ высѣченными китайскими надписями. Начиная съ Тебаха, т. е. съ поворота рѣки къ югу, растительность замѣтно принимала весенній характеръ, такъ здѣсь уже была видна трава и почки листьевъ готовились распуснуться. Почти до самой деревни Пуль простирается страна гиляковъ, и правый берегъ Амура очень густо усыянъ деревьями этого племени, при чемъ деревни Вайръ, Магхо и Тебахъ выдѣляются какъ весьма значительныя.

Начиная съ деревни Пуль и деревни Монголэ, лежащей нѣсколько далѣе къ югу, идетъ уже область мангуновъ, тунгузскаго племени. Тутъ вы тотчасъ какъ будто вступаете въ совершенно новое царство, такъ какъ не только населеніе, но и рѣка, и сама природа принимаютъ здѣсь совсѣмъ иной характеръ. Амуръ, текущій отъ Тыра однимъ русломъ, здѣсь раздѣляется на нѣсколько значительныхъ рукавовъ, которые уже затѣмъ, сейчасъ къ югу отъ многихъ устьевъ озера Кидзи, соединяются въ нераздѣльную рѣку. Кидзи-озеро, которое, какъ уже было помянуто, идетъ, начиная съ окрестностей залива де-Кастри, къ Амуру на протяженіи 40 верстъ, у Маріинска вливается въ Амуръ цѣлымъ лабиринтомъ рукавовъ между низкими рѣчными островами. Почти съ каждой верстой нашего пути впередъ растительность становилась все болѣе лѣтней, такъ что у Маріинска, куда мы прибыли 18-го мая, уже почти всѣ кустарники были покрыты листвою.

Въ Маріинскѣ изъ за нашей лодки намъ пришлось остано-
виться на два дня. Нужно было именно еще разъ разгрузить
лодку, хорошенько ее законопатить, защитить нашъ багажъ вер-
хомъ изъ бересты и затѣмъ снова нагрузить, какъ можно прак-
тичнѣе. Кромѣ того здѣсь же мы могли пополнить наши запасы
провизіи и мѣновыхъ товаровъ.

20-го мая мы продолжали нашъ путь. Сейчасъ-же на югъ отъ
лабиринта острововъ при устьѣ Кидзи-озера мы у деревни Джаи
(гдѣ позднѣе было построено мѣстечко Софійскъ) вступили въ
соединенное русло Амура. Непосредственно у самой деревни сто-
итъ высокая плоская конусообразная гора, и отсюда оба берега
рѣки становятся непрерывно возвышенными до устья рѣки
Горинъ, впадающей въ Амуръ съ запада; этого мѣста мы до-
стигли 30-го мая. Тотъ же характеръ рѣчныхъ береговъ про-
должается еще и до устья идущаго съ востока притока Хунгаръ,
куда мы прибыли 3-го іюня. На этой части рѣки, приблизительно
съ Джаи, и животный, и растительный міръ существенно мѣня-
ются. Уже близъ деревень Борби и Самахагду береговые жители
много говорили о кабанахъ, лосяхъ и благородныхъ оленяхъ. Въ
большой деревнѣ Ади еще раньше Шренкомъ и Максимови-
чемъ были найдены идолы въ видѣ тигровъ, что указывало на
существованіе въ здѣшней мѣстности этого опаснаго хищника.
Уже далеко позади, въ окрестностяхъ Маріинска и Джаи, видѣли
мы въ послѣдній разъ большого сѣвернаго бѣлаго дельфина вы-
нырнувшимъ изъ волнъ Амура. Нѣсколько сѣвернѣе помянутаго
Ади наткнулся я въ первый разъ на берегу на существованіе
амурскаго винограда. Множество самыхъ различныхъ листвен-
ныхъ породъ—деревья и кустарники—становились все разно-
образнѣе, появился грецкій орѣхъ—короче сказать, вся флора
дѣлалась рѣшительно все болѣе и болѣе южною.

Отъ Хунгаръ, источники котораго находятся далеко на во-
стокѣ, въ прибрежныхъ горахъ, откуда также вытекаетъ Хаджи
рѣка, впадающая въ Императорскую гавань (49° сѣверной ши-
роты), мы снова вступили въ рѣчную систему, богатую остро-

вами и широко раскинувшуюся, благодаря своимъ рукавамъ, съ почти только низкими берегами, которые тянутся до устья Уссури. На этой общей низменности поднимаются на правомъ берегу отдѣльныя плоскія конусообразныя горы, какъ напримѣръ у Хунгарь гора Бокка, у Джарэ и Дондонъ гора Геонгъ и вблизи Уссури гора Хѣхцирѣ. Но и на западномъ берегу въ дали также видно нѣсколько такихъ отдѣльныхъ плоскихъ конусовъ, возвышающихся надъ низменностью.

Всюду по берегамъ и островамъ Амура расположены деревни и жилища гольдовъ, также тунгусскаго племени, обитающаго по берегамъ Амура отъ Горина до Зунгари. Здѣсь приходится миновать большія деревни, производящія уже нѣкоторое впечатлѣніе китайской цивилизаціи. Между множествомъ мелкихъ и средненаселенныхъ, какъ особенно людныя деревни, можно назвать: Хунгарь, Мылькъ, Онмой, Джарэ, Да, Бури и Имминда. Затѣмъ уже идетъ Турмэ близъ устья Уссури. Между обоими большими устьевыми рукавами этого значительнаго притока Амура лежитъ большой, низменный, поросшій ивовыми зарослями островъ, на которомъ находятся поселенія гольдовъ. Здѣсь, какъ уже и на нижнемъ Амурѣ, а также и дальше вверхъ по рѣкѣ, все чаще встрѣчаются суда занимающихся торговлей китайцевъ; въ деревняхъ же живутъ богатые купцы изъ этой націи. При устьѣ Уссури встрѣтилъ я первый китайскій военный пикетъ съ мандариномъ во главѣ. Судя по его ранговому отличію, голубой пуговкѣ на плоской шляпѣ, это былъ знатный господинъ, полковникъ по русской табели. Очень дружески, съ большими церемоніями, принялъ онъ меня и пригласилъ на чай въ свою палатку. Это былъ старый, добродушный и довѣрчивый человекъ, впадавшій однако въ невѣроятное хвастовство, какъ только онъ начиналъ говорить о величинѣ и могуществѣ Китая.

Еще далеко отсюда ниже по рѣкѣ я часто замѣчалъ, что наемъ проводниковъ становится все затруднительнѣе, а скоро я узналъ, что манджурами запрещено населенію подъ угрозой тяжелыхъ и мучительныхъ наказаній сопровождать русскія суда

или сообщаться съ ними. Всякій разъ, какъ только мы встрѣчали манджурскую лодку, мои проводники скрывались, чтобы не быть замѣченными. Между тѣмъ было очень важно имѣть проводниковъ въ этомъ беспорядочномъ лабиринтѣ рукавовъ и устьевъ, притоковъ и озеръ.

Здѣсь жители уже совершенно открыто говорили намъ о подобномъ запрещеніи; лишь тайно могли они сообщаться съ нами и тайно-же предлагали и продавали намъ жизненные припасы. Чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ это становилось замѣтнѣе. Равнымъ образомъ выше рѣзче выражался подчиненный, даже рабскій, бытъ жителей береговъ Амура. Нерѣдко видѣлъ я, что при нашемъ приближеніи жители какого-либо дома убѣгали въ лѣсъ и возвращались лишь, узнавъ, что мы не манджуры. Тогда только и становилось для насъ возможнымъ вымѣнять нужные жизненные припасы или нанять проводника. Въ то время какъ въ области гиляковъ господствовала свободная, ничѣмъ не стѣсненная, жизнь, деревни были полны людей, на рѣкѣ замѣчалось оживленное движеніе многочисленныхъ лодокъ, а само населеніе вело до извѣстной степени сознающее собственное достоинство существованіе, начиная съ Горина деревни были зачастую пусты, а рѣка—мертва. Лѣтомъ люди жили здѣсь по большей части у отдаленныхъ рукавовъ рѣки, такъ какъ по ея главному руслу слишкомъ часто ѣздить манджуры, которыхъ они боязливо избѣгаютъ. Но съ другой стороны гольды переняли много полезнаго отъ своихъ притѣснителей. Они были рѣшительно вѣжливѣе, обладали бѣльшими жизненными потребностями, дома ихъ были въ большемъ порядкѣ и украшались нѣкоторыми предметами роскоши. Гиляцкое собачье хозяйство кончилось, и встрѣчались другія домашнія животныя, какъ-то: лошади, свиньи и куры. Все чаще также замѣчалось и садоводство: зачастую виднѣлись различныя овощи, а также насажденія конопли и табаку, которые можно было покупать, разумѣется въ тѣхъ случаяхъ, когда не присутствовали манджуры, такъ какъ, вообще говоря, здѣшніе жители охотно берутъ европейскіе товары

взамѣнъ жизненныхъ припасовъ или какъ плату за проводниковъ.

Подъ 48° сѣв. шир., гдѣ мы достигли твердаго берега, покинувъ ивовыя заросли рѣчныхъ острововъ, насъ встрѣтила очень пышная растительность. Часто ходьба по берегу затруднялась множествомъ побѣговъ виноградныхъ лозъ и плюща. Пробковый дубъ, грецкій орѣхъ, множество цвѣтущихъ и вьющихся кустарниковъ, разнообразныя виды клена и тому подобныя растенія придавали мѣстности южный отпечатокъ. Часто слышались рассказы о тигрѣ, внушающемъ сильный страхъ, упоминали также объ антилопахъ, кабанахъ, оленяхъ, а на песчаныхъ берегахъ нерѣдко можно было видѣть слѣды черепахъ, яйца которыхъ мнѣ предлагали даже кунить.

Отъ Усури до Зунгари Амуръ имѣетъ приблизительно одинъ и тотъ-же характеръ. Онъ широкъ, изобилуетъ большими островами, а по его берегамъ, особенно же по лѣвому, простирается широкая низина. На равнинѣ праваго берега вдали кое-гдѣ возвышаются группы низкихъ горъ. Изъ лежащихъ здѣсь деревень я назову нѣкоторыя самыя большія, а именно: Гармахо, Ноа, Дырка, Гайдже и, наконецъ, при устьѣ Зунгари, Джангъ-Джу, которой мы достигли 23-го іюня. По мѣрѣ приближенія къ Зунгари, уже за нѣсколько верстъ, рѣзко замѣтна вдоль праваго берега бѣловатая глинистая вода этой идущей изъ южной Манджурии рѣки, между тѣмъ какъ свѣтлая вода Амура течетъ у лѣваго или сѣвернаго его берега. Здѣсь на лѣвомъ берегу стоялъ русскій, а на правомъ китайскій пикетъ. Деревня Джангъ-Джу довольно велика и, повидимому, имѣетъ очень бойкое сообщеніе вверхъ по Зунгари съ внутренней Манджуріей и съ ближайшимъ городомъ Санъ-Синь.

Изъ дальнѣйшихъ событій во время нашего пути по рѣкѣ, гдѣ позднѣе мы проходили обширныя совершенно безлюдныя пространства, большое значеніе имѣла для насъ встрѣча съ судномъ одного русскаго купца, которое было нагружено всевозможными товарами. Здѣсь я могъ снова и основательно пополнить наши

сѣстные припасы и стать такимъ образомъ независимымъ отъ мѣстнаго населенія. Бросивъ взглядъ назадъ отъ устья Зунгари, слѣдовательно отъ самаго южнаго почти колѣна Амура (48° сѣв. шир.) до Николаевска, я получилъ слѣдующую географическо-геологическую картину этой части страны: исполинская рѣка, отъ самаго своего устья до Зунгари и еще далѣе вверхъ, до Бурейскаго хребта, имѣетъ вообще гористую или возвышенную мѣстность только на правомъ берегу, что и заставляетъ рѣку, даже и всего болѣе приближаясь къ морю, держаться сѣверо-восточнаго и сѣвернаго направленія, паралельнаго этой возвышенности. На лѣвомъ берегу болѣе высокія части выступаютъ лишь въ большомъ подчиненіи; только тамъ и здѣсь виднѣются въ большой дали высоты, поднимающіяся изъ повсемѣстной низменности. Вотъ почему рѣка лишь въ видѣ исключенія встрѣчается заключенной въ нераздѣльномъ ложѣ; почти вездѣ она разбивается на нѣсколько рукавовъ, охватывающихъ заросшіе ивой низкіе острова, а мѣстами развѣтвляется даже въ настоящій лабиринтъ водныхъ протоковъ. Это мы видимъ при устьяхъ большихъ озеръ Орель, Чля, Удыль и Кидзи, а также при устьяхъ Горина, Усури и Зунгари.

Какъ уже было сказано, всѣ горы лежатъ на правомъ берегу. Сейчасъ противъ Николаевска возвышается прекрасная усѣченная конусообразная гора, имѣющая форму старой трахитовой горы. Начиная отсюда, тянутся хребты высотъ, падающіе къ Амуру высокими мысами у Тебаха и Тыра и еще разъ выдающіеся въ рѣку у Пуля. На югъ отъ Кидзи-озера, у Джаи, снова поднимается прекрасная гора типичной древне-вулканической формы. Отсюда также тянутся тѣснящія Амуръ возвышенности, отъ Хыввунды черезъ Ади къ Цянкѣ при устьѣ Горина. Затѣмъ слѣдуетъ низкій бассейнъ Горина, а потомъ рѣка Хунгарь, на южномъ берегу которой возвышается гора Бокка. Этотъ горный массивъ, общія очертанія котораго представляютъ опять усѣченный конусъ, ниспадаетъ къ Амуру мысомъ Майи, между тѣмъ какъ на противоположномъ лѣвомъ берегу возвышаются

мысы Оимой и Оджалъ. Затѣмъ идутъ на далекое разстояніе низменности, на которыхъ вдали то здѣсь, то тамъ поднимаются плоскія одинокія купы горъ и возвышенностей. Ближе къ Амуру, у Джаре и Дондонъ, поднимается только гора Геонгъ съ мысомъ Ухсумп у рѣки, а на югъ отъ Имминды и Бури, близъ устья Уссури — гора Хѣхцяръ. Отъ Уссури до Зунгари идетъ опять низменность со многими рѣчными рукавами, а къ устью послѣдней рѣки снова подходятъ купы горъ отъ Гайдже.

Эти, равно какъ и нѣкоторые другіе, видные въ отдаленіи, горные узлы, имѣютъ всѣ безъ исключенія форму древнихъ базальто-трахитовыхъ изверженныхъ образованій; тамъ же, гдѣ я имѣлъ возможность изслѣдовать на берегахъ Амура самыя горныя породы, я находилъ постоянно базальты и трахиты, пористые камни съ миндалинами, въ которыхъ сидѣли друзы цеолитовъ, а также конгломераты, очень поднятые и метаморфизированные глинистые и кремнистые сланцы и, наконецъ, песчаники, обнаруживающіе опять таки концентрически-раковистыя шарообразованія; по близости ихъ, напримѣръ у нижняго Амура при гилацкой деревушкѣ Чельмокъ, замѣчается выходъ на свѣтъ ископаемыхъ стволовъ или же, у деревни Паттъ, вполне образовавшіеся слои бурога угля. Какъ на Тайгоносѣ, на всемъ западномъ берегу Камчатки и на Сахалинѣ, точно также и здѣсь, повидимому, была отложена чрезвычайно распространенная третичная формація, которая была прорвана или въ значительной степени метаморфозирована выдвигнувшимися черезъ нее базальто-трахитовыми массами.

Начиная отъ Уссури, слѣдуя по рѣкѣ, мы взяли западное направленіе, котораго и держались до Зунгари и далѣе до самыхъ Бурейскихъ горъ; сейчасъ же за этимъ хребтомъ мы достигли самаго южнаго изгиба Амура подъ $47\frac{1}{2}^{\circ}$. Частыя и сильныя бури очень задерживали насъ. Кромѣ того многочисленныя болотистые, покрытые ивнякомъ, острова на рѣкѣ и густо заросшіе виноградникомъ и плющемъ берега чрезвычайно затрудняли тягу лодки. Дубъ, образующій вмѣстѣ съ кленомъ, вязомъ и липой

рощицы на равнинѣ травянистыхъ степей, составляетъ повидимому главное дерево мѣстныхъ лѣсовъ. На берегахъ мы часто видѣли косуль и оленей и каждый вечеръ слышали ревъ послѣднихъ; что же касается людей, то, начиная отъ Зунгари, мы вовсе не встрѣчали ихъ, ни на водѣ, ни на сушѣ; равнымъ образомъ не приходилось намъ проѣзжать и мимо человѣческаго жилья.

Послѣ полного труда движенія впередъ достигли мы 1-го іюля высокой скалистой массы, которой обозначено начало прорыва Амура черезъ Бурейскія горы. Часто называется эта горная цѣпь также Хинганомъ, но настоящій или большой Хинганъ лежитъ дальше на западъ и образуетъ водораздѣлъ между Аргунью и Нонни, притокомъ Зунгари. Со вступленіемъ въ Бурейскія горы мы измѣнили направленіе нашего пути подъ острымъ угломъ къ сѣверо-сѣверозападу. Здѣсь Амуръ собралъ свои многочисленныя, богатые водою, рукава въ одно русло и съ большою силой неся противъ насъ. Ширину его соединеннаго потока я опредѣлялъ приблизительно въ 200 саженъ. Медленно и часто не безъ опасности для нашей тяжело нагруженной и непрочной лодки шли мы теперь по узкому протоку, съ обѣихъ сторонъ котораго постоянно спускались къ водѣ крутыя скалистыя мысы. Съ обѣихъ сторонъ между продольными долинами, богато поросшими травой, возвышались мягкія очертанія совершенно покрытыхъ лѣсомъ вершинъ умѣренной высоты. Самъ по себѣ хребетъ не представляетъ ничего дикаго, за исключеніемъ самой долины Амура, гдѣ крутыя скалы врѣзываются въ воду. Главная горная порода здѣсь — мелкозернистый, свѣтлый гранитъ и очень богатый слюдой слюдяной сланецъ, часто встрѣчающіеся въ сильно вывѣтряншемся и разрушенномъ состояніи. И здѣсь, въ горахъ, все было также безлюдно. Показались опять береза, ольха, даже отдѣльныя хвойныя деревья, и присоединились къ дубовому лѣсу. Большого труда стоило моимъ людямъ бороться съ порывистымъ теченіемъ. Наконецъ 5-го іюля снова достигли мы сперва на лѣвомъ, а затѣмъ вскорѣ и на правомъ берегу, плоской земли; какъ только горы остались позади насъ, рѣка снова явилась раздѣлен-

ной на многіе рукава. Наше направленіе оставалось все-же сѣверо-сѣверо-западнымъ.

Послѣ того какъ мы цѣлыми днями не замѣчали никакого слѣда туземцевъ и не видѣли ихъ жилья, встрѣтивъ только пару нагруженныхъ рогатымъ скотомъ русскихъ плотовъ, направлявшихся въ далекій Николаевскъ, — наконецъ замѣтили мы на лѣвомъ берегу группу остроконечныхъ, сдѣланныхъ изъ тростника и бересты, шалашей, возлѣ которыхъ за большимъ заборомъ находился табунъ лошадей. Это были уже не гольды или какое-либо другое племя нижняго Приамурья, а кочующіе верхомъ на лошадяхъ номады, по виду очень похожіе на манджуровъ. Мои люди, всѣ хорошо знавшіе монгольскій языкъ, сносно могли съ ними объясняться, что было невозможно на востокъ отъ Бурейскихъ горъ съ живущими тамъ племенами. Это были бирары, ведущіе наѣздническую и охотничью жизнь въ этихъ безконечныхъ травянистыхъ степяхъ, богатыхъ оленями и лосями.

Вскорѣ затѣмъ мы встрѣтили на лѣвомъ берегу русскій пикетъ изъ офицера и 25 казаковъ, которые жили въ жалкомъ домишкѣ, снабженные скуднымъ провіантомъ, и это по близости расположеннаго напротивъ китайскаго пикета, носившаго всѣ признаки благосостоянія и избытка.

Вдали, совсѣмъ на горизонтѣ, на правомъ берегу, параллельно Амуру, тянется цѣпь возвышенностей, кое-гдѣ приближающихся къ рѣкѣ, и тогда берегъ ея становится нѣсколько болѣе высокимъ. Въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ грубую гранитную гальку, а въ другомъ — распавшійся песчаникъ, который даже содержалъ въ себѣ опять части растений въ видѣ почти безформенныхъ осколковъ. Такимъ образомъ и на западъ отъ Бурейскихъ горъ находились слѣды великой третичной формаци, имѣющей столь широкое распространеніе на востокѣ.

Вся страна представляла необозримую травянистую степь съ одинокими небольшими группами дуба. Почти ежедневно надъ нами проносились сильнѣйшія бури, что оказывало не малую помѣху нашему путешествію; раза два буря разразилась даже надъ

нами такъ внезапно, что нашей лодкѣ грозила серьезная опасность. Далѣе вверхъ по рѣкѣ мы дошли до зимнихъ жилищъ бираровъ, которыя стояли по большой части пустыми, такъ какъ ихъ обитатели находились ва охотѣ. Типъ постройки былъ манджурскій, со многими окнами и перегородками ввнутри. Дома были постоянно окружены садами, въ которыхъ воздѣлывались бобы, тыквы, просо и маисъ. Наконецъ, 12-го іюля мы достигли на лѣвомъ берегу холма средней высоты, поросшаго дубомъ, а вслѣдъ за нимъ, къ западу, широкаго устья идущей съ сѣвера Буреи.

Начиная съ Буреи нашъ путь шелъ почти на сѣверо-западъ. Въ главныхъ чертахъ Амуръ удерживаетъ тотъ-же самый характеръ. По правому берегу тянется цѣпь возвышенностей, сопровождающая рѣку. Рѣчные рукава ставоятся короче, а острова меньше; но по берегамъ тянутся все тѣ-же безконечныя ровныя степи, покрытыя травой. Здѣсь также встрѣчаются отдѣльные небольшіе дубовыя лѣсочки; стала даже попадаться давно не видѣнная нами сосна. Вслѣдствіе сильныхъ грозъ съ дождями вода въ бурномъ подъемѣ своемъ гнала внизъ по теченію громадное количество плавучаго лѣса, который вездѣ, гдѣ только было человеческое жильѣ, очень старательно вылавливался и откладывался, какъ запасъ на зиму. Въ этой мѣстности, очень бѣдной лѣсомъ, Амуръ оказываетъ такимъ образомъ своимъ обитателямъ весьма существенную помощь.

Начиная съ Буреи, число деревень, равно какъ и ихъ населеніе, быстро увеличивались. Китайскимъ пикетомъ открылся также рядъ деревень, мимо которыхъ мы ежедневно проходили. Дома становились все красивѣе; они имѣли бѣленыя наружныя стѣны со многими окнами и были окружены насаженными деревьями, огороженными садами, даже полями. Въ садахъ воздѣлывались бобы, тыква, маисъ, табакъ, огурцы и разнаго рода овощи; на поляхъ видѣлись пшеница, ячмень, особенно же гречиха и излюбленное просо (буда). Въ дворахъ были устроены мѣста для навоза и видѣлись въ большомъ количествѣ куры,

гуся, свиньи, рогатый скотъ и лошади. Въ настоящее время главное занятіе жителей состояло въ вылавливаніи и собираніи плавучаго лѣса, что дѣлалось съ рвеніемъ. Въ болѣе значительныхъ деревняхъ нерѣдко были видны домики, похожія на часовни; тамъ стояли священные кіоты, гдѣ передъ изображеніями боговъ и передъ висящими молитвенными табличками дымились куренія.

Между деревнями простирается все та-же безконечная травяная степь, на которой иногда по вечерамъ слышенъ былъ крикъ оленей. Цѣпь возвышенностей по правому берегу тянулась непрерывно, а на берегу становилось все оживленнѣе. Видимо мы приближались къ единственному манджурскому городу на Амурѣ, резиденціи китайскаго правительства въ этой сѣверной части Манджуріи, прославляемаго всѣмъ амурскимъ населеніемъ Айхо (Айгуна).

Здѣсь мнѣ удалось вымѣнять большой запасъ пшена, яицъ и куръ, прежде чѣмъ строгимъ приказомъ было запрещено всякое общеніе съ нами. Почтеніе къ правительству здѣсь очень велико, такъ что только ночью и самымъ воровскимъ образомъ были намъ доставлены продукты обмѣна.

20-го іюля мы увидѣли въ маленькой бухтѣ 11 большихъ длинныхъ китайскихъ судовъ, конечно рѣчную правительственную флотилію. Теперь большія деревни такъ быстро слѣдовали другъ за другомъ, что, собственно говоря, по обоимъ берегамъ Амура тянулся непрерывный рядъ домовъ и садовъ. Наконецъ 21-го іюля, послѣ короткаго перерыва степью ряда домовъ на лѣвомъ берегу, показалось на правой сторонѣ особенно большое количество строеній, тянувшихся по нѣсколько возвышенному берегу далеко вверхъ по рѣкѣ и затѣмъ внутрь страны. Это былъ Айхо, до котораго мы теперь добрались.

Недалеко отъ города мы остановились, чтобы привести себя въ порядокъ, такъ какъ «платье красить человѣка», а у китайцевъ эта пословица имѣетъ особенную силу. Затѣмъ мы направились къ правому берегу прямо къ городу. Прежде всего мы подошли къ кварталу, состоявшему изъ длинныхъ рядовъ боль-

шихъ, расположенныхъ другъ возлѣ друга, магазиновъ. Всѣ они вмѣстѣ были окружены высокимъ частоколомъ, съ двумя замѣтными воротами, передъ которыми стояли караулы. Спереди и сзади этого магазиннаго двора, принадлежавшаго, конечно, правительству, находились отдѣльные дома, въ которыхъ, вѣроятно, жили солдаты и служащіе на сторожевомъ посту. Затѣмъ начинался рядъ частныхъ домовъ, изъ которыхъ я могъ разсмотрѣть только стоящіе ближе къ берегу. Далѣе въ маленькой бухтѣ, образуемой рѣчнымъ берегомъ, была устроена гавань, къ которой подь прямымъ угломъ къ берегу сбѣгала широкая улица; по обѣимъ сторонамъ ея шли не дома, а крѣпкіе заборы. На заднемъ концѣ этой короткой улицы, за очень высокой оградой съ воротами, находился, повидимому, большой садъ, принадлежавшій, какъ я узналъ позднѣе, генераль-губернатору или амбѣ, гдѣ и жилъ этотъ главный начальникъ Айхо.

Еще въ Николаевскѣ меня предупреждали, что, имѣя дѣло съ китайскими чиновниками, я ни въ какомъ случаѣ не долженъ допускать, чтобы ко мнѣ относились съ пренебреженіемъ. Колоссальныя высокомѣріе и гордость мандариновъ очень опасны, если только имъ не противопоставить чувства собственнаго достоинства. Встрѣтивъ-же послѣднее, они по большей части становятся трусливы, и такимъ образомъ можно избѣжать по крайней мѣрѣ множества непріятностей. Здѣсь мнѣ предстояло испробовать это. Когда мы хотѣли пройти у маленькой гавани, я увидѣлъ на берегу одиноко стоящаго стараго человѣка, который съ дружелюбной миной пригласилъ меня сойти на берегъ, что я и сдѣлалъ. Но такъ какъ у старика на шляпѣ была мѣдная пуговка (что обозначало унтеръ-офицера), то черезъ моихъ людей, говорившихъ по монгольски, я велѣлъ передать ему, что его чинъ слишкомъ малъ для моего приема. Языкъ этотъ былъ очень понятенъ китайцу. Онъ исчезъ въ губернаторскомъ саду, и тотчасъ же появился другой съ молочно-бѣлой пуговкой, котораго я также не принялъ. Затѣмъ пришелъ человѣкъ съ пуговкой изъ прозрачнаго бѣлаго стекла, а тамъ еще одинъ со свѣтло-голубой пугов-

кой. Наконецъ, появился чиновникъ съ темно-голубой пуговкой (начальникъ), съ которымъ я уже согласился разговаривать. Весь этотъ аппаратъ различныхъ чиновниковъ у китайцевъ всегда на-готовѣ, и посредствомъ него они хотѣли только попросить по возможности унижить меня общеніемъ съ низко стоящими чинами. Мнѣ было сдѣлано лишь нѣсколько вопросовъ о томъ, куда, откуда и зачѣмъ я ѣду. Китаецъ сказалъ мнѣ, что все это онъ долженъ сообщить амбѣ, меня же просилъ тѣмъ временемъ не ѣхать дальше, а немного подождать, что я ему обѣщалъ.

Мы остались снова одни передъ пустою улицей. Вдругъ внезапно изъ боковой двери вышелъ совершенно голый человѣкъ, имѣвшій ужасно дикій видъ; на шеѣ у него была падѣта большая тяжелая доска, такъ что изъ отверстія выходила одна только голова. Эту толстую тяжелую доску онъ поддерживалъ плечами и руками, но не могъ достать до головы, чтобы защитить себя отъ кусавшихъ его паразитовъ. Это былъ преступникъ, приговоренный къ подобному наказанію; на берегъ его выслали для того, чтобы напугать насъ его видомъ. Этотъ несчастный также скоро исчезъ, а затѣмъ снова появился мандаринъ съ темно-голубой пуговкой; на этотъ разъ за нимъ слѣдовали секретари, со шляшъ которыхъ свѣшивались красивые конскіе волосы. Тѣ же самыя вопросы и отвѣты были повторены и записаны. Вскорѣ затѣмъ у воротъ сада началось большое движеніе,—показались многочисленные слуги, чиновники, секретари, а одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ, чтобы мнѣ сообщить, что появился самъ амба.

На осѣданномъ мулѣ ѣхалъ верхомъ маленькій человѣкъ, очень важнаго вида, окруженный многочисленнымъ персоналомъ. На его остроконечной плоской шляпѣ блестѣла красная пуговка со свѣшивающимися навлйнными перьями, какъ знакъ его высокаго положенія. Амба былъ одѣтъ въ темносѣрый шелковый кафтанъ, опоясанный кушакомъ, спереди котораго виднѣлся очень большой, оправленный въ серебро, нефритъ.

Сначала онъ представился, какъ будто случайно вышелъ на эту дорогу,—совсѣмъ не замѣчая меня, онъ дружелюбно

разговаривалъ со своими спутниками. Лишь совершенно приближившись, онъ вдругъ бросилъ на насъ взглядъ и совсѣмъ небрежно спросилъ секретаря, что означаетъ эта чужая лодка. Послѣ обстоятельнаго отвѣта со стороны послѣдняго, онъ со строгой миной обратился ко мнѣ и очень кратко спросилъ, какъ это у меня хватило смѣлости прійти сюда, въ чужую страну, и отъ кого получилъ я на то позволеніе. Я отвѣтилъ ему, что ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что если бы его императоръ, богдыханъ, велѣлъ ему путешествовать по Россіи, то онъ непременно такъ и сдѣлалъ бы; въ данномъ случаѣ я нахожусь въ такомъ же положеніи и проѣзжаю здѣсь по повелѣнію моего императора, бѣлаго царя. Повидимому, этотъ отвѣтъ былъ придуманъ удачно. Онъ чрезвычайно понравился высокому лицу, такъ какъ съ этихъ поръ ледъ между нами растаялъ. Онъ нѣсколько разъ ласково кивнулъ мнѣ головой и повторилъ слово «ая» (хорошо). Мнѣ были предложены затѣмъ засахаренные фрукты и трубка, которую я получилъ даже совсѣмъ въ подарокъ. Я съ своей стороны поднесъ амбѣ большой стеклянный бокалъ съ хересомъ, очень ему понравившимся; самый бокалъ онъ также милостиво принялъ. Но теперь я долженъ былъ немедленно ѣхать дальше. Осмотрѣть городъ я не получилъ разрѣшенія, и мнѣ оставалось только, подчиняясь требованію, отправиться въ дальнѣйшій путь.

Слѣдующая часть города состояла, повидимому, только изъ частныхъ домовъ. Это были невзрачные домики, построенные въ мѣстномъ китайскомъ стилѣ изъ дерева и покрытые соломой. Всѣ они безпорядочно тѣснились по берегу рѣки. Въ одномъ мѣстѣ, приблизительно по срединѣ всего протяженія города, на берегу былъ выстроенъ изъ балоковъ родъ больверка (бастіона), возвышавшагося надъ водой въ видѣ балкона. Такимъ образомъ получилась маленькая платформа, позади которой возвышался храмъ, выкрашенный въ красный цвѣтъ и богато украшенный рѣзбой. Зданіе было покрыто знаменами и колокольчиками, а внизъ съ него свѣшивались длинныя полосы бумаги съ изображеніями

драконовъ. Передъ храмомъ стояли большія курильницы, около которыхъ служили духовныя лица, въ желтыхъ и красныхъ одеждахъ. Казалось, это было самое важное, но и единственное бросающееся въ глаза зданіе всего Айхо. Какъ разъ передъ нимъ стояли 30 большихъ крытыхъ лодокъ съ мачтами, рѣчной флотъ губернатора. Наконецъ, городъ остался позади насъ, и мы вышли на берегъ, чтобы сварить себѣ кушанье. Мимо насъ къ Айхо проплылъ длинный рядъ деревянныхъ плотовъ, шедшихъ съ верхняго Амура и Дзеи. Они везли въ городъ сосновыя бревна, какъ строевой матеріалъ, и дубъ для топлива.

Послѣ полудня при хорошемъ вѣтрѣ мы пошли дальше. Вскорѣ мы снова увидѣли по обоимъ берегамъ большія деревни, но вездѣ отказывались что-либо продать намъ. Повсюду имѣлись въ изобиліи стада рогатаго скота и лошадей, а также куръ и свиней. Дома были окружены садами и полями, что придавало имъ привлекательный видъ. Вездѣ замѣчались порядокъ, прилежаніе и благосостояніе. Отъ Айхо мы шли въ сѣверномъ направленіи; не очень далеко отъ города по срединѣ рѣки стала замѣтна полоса пѣны, которая выдѣлялась тѣмъ рѣзче, чѣмъ далѣе мы двигались: мы приближались къ текущей съ сѣвера Дзеѣ, послѣднему большому притоку Амура. Вода Дзеи течетъ близъ лѣваго берега, между тѣмъ какъ теченіе самого Амура направляется вдоль праваго берега, а между обоими потоками струится на протяженіи нѣсколькихъ верстъ пѣнистая полоса. Большія деревни по берегамъ Амура идутъ до самой Дзеи и затѣмъ, какъ мнѣ говорили, тянутся еще на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ по этому притоку. Устьемъ рѣки Дзеи кончаются всѣ поселенія на лѣвомъ берегу, да и на правомъ мы видѣли потомъ только одну деревню. Горы, которыя до сихъ поръ тянулись лишь вдали по правому берегу, теперь быстро приближаются къ рѣкѣ и, пересѣкая ее, образуютъ рѣчную тѣснину. Здѣсь, въ началѣ этой тѣснины, находился русскій пикетъ Дзея, позднѣе Благовѣщенскъ, котораго мы достигли 22-го іюля.

Очень усталые и изнуренные продолжительнымъ путеше-

ствіемъ, доставили мы себѣ здѣсь день отдыха. Мы находились въ пути въ тяжеломъ трудѣ два съ половиной мѣсяца. Значительно большую часть Амура мы уже оставили за собой, однако же наиболѣе трудная часть поѣздки по Амуру намъ предстояла еще впереди. Я думаю, это происходило отъ того, что наше терпѣніе истощилось. Къ счастью, въ нашей маленькой компаніи вовсе не было заболѣваній, но всеобщее изнуреніе было велико. Пустынные и безлюдные берега, простиравшіеся до русской границы, до Усть-Стрѣлки, не представляли собой ничего ободряющаго, ландшафтъ становился все сѣвернѣе и печальнѣе; при томъ еще не проходило почти ни одного дня безъ дождя, вслѣдствіе чего вода въ рѣкѣ достигла большой высоты и силы. Часто по рѣкѣ неслись такія большія массы лѣса, что намъ приходилось спасаться на берегъ. Тянуть лодку на лямкѣ утомленнымъ людямъ становилось все тягостнѣе и труднѣе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ наше путешествіе подвигалось впередъ чрезвычайно медленно.

Начиная съ Благовѣщенска, вверхъ по рѣкѣ все было совершенно мертво, лишь кое-гдѣ видѣли мы даурскихъ дровосѣковъ на берегу, сплававшихъ въ Айхо лѣсъ (здѣсь все еще много дуба). 28-го іюля достигли мы китайскаго поста Улуссу-Модонъ, а 31-го іюля — жалкаго пикета русскихъ при устьѣ идущаго справа притока Комаръ, по близости котораго я видѣлъ послѣднихъ даурскихъ дровосѣковъ. Начиная отсюда намъ стали попадаться кочевники манегиры, жены, дѣти и старики которыхъ странствовали въ лодкахъ по верхнему Амуру и его притокамъ, между тѣмъ какъ мужчины блуждали верхами по степямъ, отыскивая наилучшія мѣста для охоты. Только 17-го августа достигли мы знаменитой старой крѣпости Албазинъ, валы которой, нынѣ поросшіе травой, поднимаются на высокомъ дилювіальномъ берегу лѣвой стороны рѣки. Теперь на этомъ мѣстѣ виднѣтъ только окруженный валами четырехугольникъ, съ боковой поверхностью около 40 сажень. Со времени уступки этой мѣстности Китаю по Нерчинскому трактату (1689 г.) и со времени

разрушенія крѣпости китайцами, — все здѣсь безжизненно и пусто.

19-го августа мы прибыли на послѣдній русскій постъ у Котоманги, гдѣ всѣ лежали больные лихорадкой, а 25-го числа достигли мы наконецъ Усть-Стрѣлочнаго караула, гдѣ Амуръ образуется изъ сліянія Шилки и Аргуни. Направленіе, въ которомъ мы плыли по Амуру съ Айгуна, было сначала сѣвернымъ, потомъ сѣверо-западнымъ почти до Албазина и наконецъ отсюда до Усть-Стрѣлки — совершенно западнымъ. Отъ Айгуна, лежащаго почти подъ 50° сѣв. широты, до Усть-Стрѣлки ($53^{\circ} 30'$ сѣв. шир.) мы поднялись къ сѣверу почти на $3\frac{1}{2}^{\circ}$, что особенно было замѣтно по растительности. Кромѣ того и время года значительно ушло впередъ, такъ что близъ Усть-Стрѣлки лѣства имѣла уже совершенно осенній видъ.

На востокъ отъ Бурейскихъ горъ мы имѣли прекрасную листовную растительность — виноградныя лозы, южные деревья и кустарники, разнообразную фауну и густое населеніе, которое еще увеличивалось до самой Дзеи. Начиная съ Бурейскихъ горъ къ дубовымъ лѣсамъ примѣшиваются также и сѣверная береза и сосна. Приблизительно до Комара дубъ оставался главнымъ деревомъ, хотя и сильно перемѣшанный съ березой, сосной и листовницей. Мало по малу дубъ исчезъ, появившись сперва въ качествѣ подчиненной породы; наконецъ, берега опять были покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Отъ Бурейскихъ горъ и до Комара берега имѣютъ характеръ травяныхъ степей, которыя лишь изрѣдка перемежаются съ возвышенностями и скалистыми берегами. Рѣка на этомъ протяженіи широка, имѣетъ много рукавовъ и острововъ. Отъ Комара далѣе къ западу высоты и скалы подступаютъ къ самому Амуру и образуютъ берега, между которыми рѣка течетъ въ широкомъ руслѣ. Выше устья Дзеи по берегамъ лежалъ свѣтлый, сильно вывѣтрившійся, гранитъ. Еще дальше, именно по близости небольшой конусообразной горы, на правомъ берегу встрѣтились базальто-трахитовыя горныя породы. Затѣмъ показались плотныя глинистыя сланцы съ ходами

обломковъ кварца, а вмѣстѣ съ тѣмъ на берегахъ лежали большія глыбы свѣтлаго гранита. Близъ Улуссу-Модона горныя породы были разрушены и вывѣтрѣны до неузнаваемости, а у Комара встрѣчались миндалевидныя породы съ друзами цеолита. На западъ отъ Комара, въ сильномъ изгибѣ Амура, находился песчаникъ, въ которомъ выступали залежи бураго угля. Эта угольная залежь какъ-то загорѣлась и почти вся уже выгорѣла. По восходившему дыму можно было распознать продолжавшуюся еще дѣятельность огня. Позднѣе и вплоть до Албазина я много разъ замѣчалъ на берегу такія песчаныя и глинистыя породы съ остатками растеній. Наконецъ, уже вблизи Усть-Стрѣлки удалось мнѣ замѣтить обожженныя до красна песчаныя и глинистыя породы, опять таки представлявшія слѣды выгорѣвшихъ залежей бураго угля.

Усть-стрѣлочный караулъ видѣнъ уже изъ большей дали на возвышенномъ скалистомъ мысу между устьями Шилки и Аргуни; послѣ утомительнаго путешествія въ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца мы пристали сюда къ низкой косѣ, отходящей отъ скалы, 25 августа, въ пять часовъ по полудни. Около 25-ти домовъ, окруженныхъ садами, стояли вдоль двухъ очень грязныхъ улицъ. Мѣстечко это расположено болѣе по высокому берегу Аргуни, нежели по плоскому берегу Шилки. Окрестность этого перваго русскаго пограничнаго поста имѣла уже совершенно сѣверный видъ, сравнительно съ прекрасной южной растительностью Амурскаго края. На гранитной почвѣ растутъ лиственницы, березы и осины. Для продолженія моего путешествія я имѣлъ слѣдующій выборъ: или идти по Шилкѣ до города Нерчинска, или по Аргуни, образующей границу между Россіей и Китаемъ, направиться къ Нерчинскимъ рудникамъ. Я выбралъ послѣднее и уже 26-го августа пустился въ путь вверхъ по Аргуни.

Чтобы ускорить путешествіе, я оставилъ въ Усть-Стрѣлкѣ часть моихъ людей, наиболѣе измученныхъ тягостями нашей поѣздки по Амуру, и бралъ изъ Аргунскихъ деревень помощниковъ, которые сопровождали меня отъ станціи до станціи.

Значительно меньшее количество воды въ Аргуни не позволяло намъ употреблять ни паруса, ни весель; скорѣе приходилось постоянно тащить лодку вверхъ бечевой; это дѣлалось здѣсь сравнительно быстро и удобно, такъ какъ берега не представляли никакихъ препятствій. Аргунь, хотя она и протекаетъ сначала по довольно высокой лѣсистой мѣстности, а затѣмъ по безлѣсной степной холмистой странѣ, тѣмъ не менѣе не отличается слишкомъ быстрымъ теченіемъ. Правда, то здѣсь, то тамъ встрѣчаются небольшіе пороги или обломки скалъ, лежащіе въ фарватерѣ; но они далеко не представляли непреодолимыхъ препятствій на нашемъ пути. Глубина по большей части незначительна, для очень большихъ судовъ часто даже мала. Въ нижнемъ теченіи Аргуни встрѣчаются еще лѣса изъ лиственницъ, березъ, осинъ, рѣже изъ сосенъ и черемухи, — въ верхнемъ же видны только безлѣсныя травяныя степи. Темный глинистый сланецъ, по большей части полный жилъ кварца, и гранитныя горныя породы образуютъ главный матеріалъ ея береговъ, окрестныя же горы имѣютъ въ большинствѣ случаевъ видъ плоскихъ куполовъ.

Климатъ здѣсь очень суровъ. Уже около двухъ недѣль тому назадъ начались ночныя заморозки, ставшіе теперь очень чувствительными; нерѣдко падалъ дождь въ перемежку со снѣгомъ.

Не смотря на это, Аргунь по ея лѣвому берегу очень населена. Правый берегъ, китайскій, не можетъ быть используемъ никоимъ образомъ; за этимъ строго наблюдаютъ со стороны Китая. Совершенно своеобразное впечатлѣніе производитъ пустынность и дикость праваго берега, между тѣмъ какъ лѣвая сторона рѣки и ея лѣвыя притоки усѣяны многочисленными и по большей части значительными деревьями съ ихъ садами и полями. Разведеніе рогатаго скота находится здѣсь, повидимому, въ зачаточномъ состояніи; напротивъ, лошади, овцы, свиньи и куры встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Еще недавно мѣстные обитатели жили въ немаломъ довольствѣ и, судя по числу и по величинѣ ихъ деревень, были многочисленны. Охота, рыболовство и торговля съ кочующими манегирами и тунгусами составляли ихъ

очень прибыльные занятія. Торговья поѣздки свои они совершали далеко на югъ въ глубь китайскихъ владѣній. Регулярно каждое лѣто появляется китайская пограничная комиссія для повѣрки границы; обыкновенно вмѣстѣ съ ней собирается большая толпа различныхъ номадовъ для устройства кочующаго рынка по всѣмъ деревнямъ отъ Цурухайту до Усть-Стрѣлки. Производится обменъ годичной добычи охоты на русскіе и китайскіе товары. Большую роль играютъ при этомъ мѣха лося, оленя и джигетая, а также рога оленей, убитыхъ въ іюлѣ, которые сливуть въ Китаѣ за очень дѣйствующій конфортивъ и, вѣроятно, стоятъ колосальныхъ суммъ.

При этомъ здѣшніе крестьяне должны были платить лишь ничтожныя подати и кромѣ того были обязаны къ очень удобной для нихъ работѣ на окрестныхъ рудникахъ и горныхъ заводахъ. Короче сказать, крестьяне жили здѣсь порядкомъ позабытые и безъ помѣхи ихъ занятіямъ, предоставленные собственнымъ интересамъ, что естественно способствовало ихъ благосостоянію. Но планы генераль-губернатора Муравьева положили конецъ этой беззаботной и патріархальной жизни. Присоединеніе Амурскаго края возбудило спѣшную нужду въ военныхъ силахъ. Однимъ почеркомъ пера все населеніе было обращено въ казачьи полки и большая часть его тотчасъ же была переведена на нижній Амуръ. Шахты и горные заводы, съ углекислой свинцовой рудой, чрезвычайно богатой серебромъ, пришли въ упадокъ. Хозяйства, лишившись наиболѣе сильнаго мужского населенія, также ухудшились и обѣднѣли. Охота не доставляла болѣе никакой добычи, а торговля — никакой выгоды. Благосостояніе быстро уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло недовольство и возбужденіе населенія.

Это было одно изъ перѣдкихъ насильственныхъ административныхъ мѣропріятій, тѣхъ искорененій растущаго и преуспѣвающаго, которыя такъ вредны для страны. Какъ можетъ преуспѣвать страна, въ которой ни личность, ни ея собственность не находятся въ безопасности ни на одну минуту? Зажиточное

и многочисленное, прекрасно развивавшееся населеніе верхней части Амура должно несомнѣнно сдѣлаться очень счастливымъ и цвѣтущимъ на новыхъ поселеніяхъ въ низовьяхъ этой рѣки. Но для созданія военнаго сословія можно и нужно было найти другія средства, чѣмъ уничтоженіе уже достигнутаго благосостоянія значительнаго населенія (говорили о 30.000 мужчинахъ, переселенныхъ въ Забайкалье). Муравьевъ-же все сломилъ. Онъ не признавалъсообразнаго съ природой развитія или здороваго созрѣванія. Онъ набрасывался на то, что ему казалось подходящимъ, такъ какъ все, имъ предпринятое, должно было получать самое быстрое осуществленіе.

Близъ большаго села Аргунское, Аргунь стала уже такой мелководной, что дальнѣйшее пользованіе лодкой сдѣлалось невозможнымъ. Я долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ подняться вверхъ до Цурухайту, этого интереснаго торговаго мѣста. Поэтому я передалъ лодку мѣстному военному начальнику, распустилъ большую часть своихъ людей и поѣхалъ дальше съ моей тяжелой почтой въ 6 телѣгахъ по скверной дорогѣ. Первая станція нашего пути была на берегу Аргуни; затѣмъ, начиная съ деревни Олоча, я покинулъ рѣку, а вмѣстѣ съ ней и китайскую границу, и проѣхалъ еще 20 верстъ внутрь страны къ главному пункту этой окрестности, Нерчинскому заводу, куда и прибылъ 6-го сентября. На хорошихъ, бодрыхъ лошадяхъ быстро миновали мы безлѣсные, покрытые травой холмы и долины, равно какъ и много большихъ деревень.

Въ Нерчинскомъ заводѣ я отправился прямо къ императорскому почтамту, чтобы передать довѣренную мнѣ почту и удостовѣрить неприкосновенность печатей. Послѣ этого я отпустилъ всѣхъ своихъ людей, кромѣ одного казака, который ѣхалъ домой, въ Иркутскъ. Хорошо вознагражденные радостно отправились мои спутники послѣ тяжелаго путешествія по своимъ селеніямъ. Исполнивъ свою служебную обязанность, я занялъ указанное мнѣ жилище, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться въ теченіе одного — двухъ дней.

Въ глубокой долинь притока Аргуни стоятъ, выравненные въ улицы, очень опрятные дома этого маленькаго мѣстечка, имѣющаго типъ города. Вокругъ домовъ и немощенныхъ улицъ тянутся засаженные деревьями сады, что увеличиваетъ привѣтливый видъ мѣстечка. Частные дома построены большею частью изъ дерева, но содержатся опрятно и красиво; казенныя-же зданія — всѣ каменные, какъ-то: церковь, горное управленіе, почта, обсерваторія и химическая лабораторія. Населеніе состоитъ изъ чиновниковъ, купцовъ и въ особенности изъ политическихъ ссыльныхъ, которые пользуются здѣсь большою вольностью и всюду ходятъ совершенно свободно.

8-го сентября, освобожденный отъ тяжелаго багажа и отъ моихъ спутниковъ, я отправился по очень хорошей дорогѣ въ просторномъ тарантасѣ въ Нерчинскъ, лежащій приблизительно за 300 верстъ отсюда. Быстро промелькнули мимо меня степная холмистая страна, а затѣмъ и гранитныя лѣсистыя горы. Сначала я проѣхалъ черезъ болѣе мелкія селенія и мимо развалинъ и остатковъ горныхъ заводовъ и копей, заброшенныхъ нынѣ вслѣдствіе мѣропріятій Муравьева. Вдали къ юго-западу видна возвышающаяся горная цѣпь Одонъ-Челонъ, богатое мѣсторожденіе прекрасныхъ минераловъ; на склонѣ этой цѣпи видны древнія, чрезвычайно интересныя, развалины дворцовъ — дворцовъ Чипгистъ-хана, какъ здѣсь ихъ называетъ обыкновенно народъ — но скоро отъ нихъ уже ничего не останется, такъ что историческое изслѣдованіе лишится прекраснаго поприща для своихъ работъ. Эти древнія руины насильственно разрушаютъ, чтобы примѣнять часто очень разукрашенный матеріалъ ихъ для новыхъ построекъ (такъ, напримѣръ, церковь въ селѣ Кондуйскомъ вся построена изъ такого матеріала).

По мѣрѣ приближенія къ Нерчинску селенія становятся все больше и чаще, и рядъ ихъ замыкается большой, богатой, похожей на городъ деревней Бякино на берегу Шилки. Двѣ церкви и много каменныхъ зданій украшаютъ это мѣстечко.

Нерчинскъ расположенъ не очень красиво, но широко раски-

нулся, со многими церквами, у впаденія Нерчи въ Шилку, на обширной и плоской степной мѣстности. Благодаря хорошимъ дорогамъ, быстрымъ лошадямъ и прекрасной, сухой погодѣ, я могъ необычайно спѣшить со своей поѣздкой. День и ночь ѣхалъ я дальше. Скоро добрался я до сліянія Ингоды съ Онономъ, этихъ двухъ источниковъ Шилки, а затѣмъ по долинѣ Ингоды поѣхалъ дальше къ Читѣ, новому городу Муравьева, будущей столицѣ Забайкалья.

Начиная отъ Читы, дорога мало по малу поднимается къ Яблоновому хребту, этой лѣсистой цѣпи средней высоты, и на другой сторонѣ достигаетъ бассейна Селенги. Здѣсь я перерѣзалъ часть бурятской степи и прибылъ въ очень красиво расположенный Верхне-Удинскъ, богатый торговый городъ, замѣчательный также и тѣмъ, что отсюда идетъ дорога на югъ, къ Селенгинску и Кяхтѣ. Послѣ очень бѣглой поѣздки, сдѣланной мной въ названныя мѣста, я вернулся въ Верхне-Удинскъ и по долинѣ Селенги направился по пути къ Байкалу. Отъ Посольскаго монастыря, расположеннаго на самомъ берегу озера, я переправился на пароходѣ на западный берегъ, въ большое село Лиственичная. Байкальское озеро за свою величину получило отъ мѣстныхъ жителей названіе моря. Красота береговъ его остается незабвенной для всякаго, кто только видѣлъ это чудное альпійское озеро. Весь западный берегъ состоитъ изъ лѣсистыхъ горъ средней высоты, на востокъ-же вовсе не видно земли, но до самаго горизонта простирается водная поверхность. Наоборотъ, съ юго-запада возвышаются великолѣпныя горныя образованія высокой и круто спускающейся въ воду цѣпи Хамаръ-Дабанъ, черезъ которую ведетъ къ озеру крутая и очень опасная верховая дорога.

Пароходъ употребилъ около 6 часовъ на переходъ отъ Посольска до Лиственичной, откуда я черезъ большія селенія и фабрики посѣдилъ въ часто упоминавшійся главный городъ Восточной Сибири, лежащій отсюда на разстояніи около 60 верстъ. 28-го сентября 1856 года прибылъ я, наконецъ, въ

Иркутскъ, гдѣ мнѣ было чрезвычайно кстати дать себѣ болѣе продолжительный отдыхъ послѣ тягостей моего путешествія.

Въ Иркутскѣ мнѣ всѣ говорили, что октябрь мѣсяцъ совершенно непригоденъ для путешествія по Сибири. Большія рѣки начинаютъ замерзать, но ледъ еще недостаточно крѣпокъ и повсюду приходится поэтому испытывать продолжительныя и не-сносныя задержки. Лишь въ ноябрѣ можно съ увѣренностью предпринять поѣздку въ Петербургъ, такъ какъ къ этому времени установится настоящій санный путь и рѣки будутъ удобно переѣзжать.

Слѣдуя этому чрезвычайно важному совѣту, я оставилъ Иркутскъ только 6-го ноября и отправился по извѣстной дорогѣ въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 7-го декабря 1856 г. и откуда я къ Рождеству успѣлъ добраться на родину, къ своей матери.

Алфавитный указатель

(собственных именъ и предметовъ).

- Абацкая слобода 2.
Авача—вулканъ, Авачинская сопка
76. 82. 84. 85. 98. 117. 118. 119.
131. 135. 186. 201. 204. 398. 571.
606. 681. 704.
Авача—заливъ, Авачинская губа 76.
83. 92. 135.
Авача—рѣка 82. 84. 87. 93. 114.
124. 377. 388. 389. 602. 618.
Авача—селеніе 114. 115. 174. 177.
389.
Авачинское озеро 618.
Авгитъ 107. 108. 351. 487. 625.
Авось—скала 692.
Аврора—судно 585. 672. 687. 688.
697.
Агатъ 44. 277. 532.
Агдегача—рѣка 553.
Ади—деревня 709. 713.
Аины 407. 536. 593.
Айгунъ 718.
Айхо 718.
Акалефы 223.
Акба, акибъ—тюлень 430. 468.
Авланскъ—б. крѣпостца 500.
Авланъ—рѣка 500.
Аландская пушка (Каменное Сердце)
684.
Аландъ—вулканъ 74. 677. 705.
Аландъ—островъ 111. 410.
Албазниъ—крѣпость 723.
Алгу—селеніе (Воровская) 550.
Алдама—рѣка 64. 65.
Алдама—станція 65.
Алданъ—рѣка 40.
Александровскій постъ 697.
Алескина тундра 594. 595.
Алескинъ ручей 592.
Алестевъ, Фодотъ 347.
Альбатросъ 412.
Алювіальные наносы 290. 397.
Аманна—рѣка 463. 490.
Аманна—селеніе 482. 491.
Амга 38.
Амгинскъ 35. 37.
Амгунъ—рѣка 708.
Аметистъ 515. 516.
Амуръ—рѣка 703. 712. 715.
Амчарскъ—рѣка 627.
Амчигача—рѣка 558.
Анадырь—рѣка 428.
Ананка—рѣка 333.
Ананка—селеніе 333.
Ангара—рѣка 5.
Англичанское—перевалъ 581.
Англичанское озеро 668.
Андезитъ 99. 100. 101.
Андреевская лайда 469.
Андреевская—р. 366. 625. 626.
Анелканъ—рѣка и станція 60.
Анемонъ 576.
Анекудимовъ 673.

- Антлопа 712.
 Анча—рѣка 54.
 Анюй, Большой 425.
 Апальская сопка, см. Апача.
 Апача—вулканъ, Апачинская сопка 384. 558. 563. 564. 682.
 Апача—селеніе 173. 383. 386. 564. 565.
 Апкауке 455. 456.
 Аргали 537. 631. 677 (см. бараны).
 Аргунь—рѣка 715. 724. 726.
 Аргуньское село 728.
 Арлахъ—селеніе 36.
 Арпочекъ—сел. 426.
 Артушкинъ мысъ 88. 107.
 Асабачъ—озеро 309.
 Асанмычъ—ручей 361. 627.
 Асача—вулканъ, Асачинская сопка 136. 137. 398.
 Аспотека—сел. 333.
 Атиканъ—островъ 413.
 Атласовъ, Владиміръ 305. 334. 347. 366. 408.
 Атка—судно 193.
 Аухунъ—гора 523.
 Ачванчъ—островъ 528.
 Ачинскъ 2. 4. 5.
 Ашъ-халигачъ, гора 386.
 Аянъ 67.

Бабій камень 592. 593.
 Бабушкинъ камень 76. 89.
 Бабушкинъ мысъ 89. 106.
 Бабья пристань 91.
 • Базальтовая порода 102. 105. 214. 227. 284. 443. 459. 477.
 • Базальто-трахитовая порода 490. 502. 696. 724.
 Базальтовый островъ 696.
 • Базальтъ 105. 106. 215. 219. 221. 273. 443. 460. 497. 498. 502. 503. 505. 508. 515. 524. 529. 531. 538. 544. 580. 635. 714.
 Байдара 495.
 Байкаль—судно 392. 402. 675. 697. 699.
 Байкаль—озеро 730.

 Бакенингъ—вулканъ 373. 376. 616. 620.
 Бакланы (урпы) 95. 210.
 Банная гора 563.
 Банная—рѣка 173. 176. 383. 386. 564.
 Бану—рѣка 625.
 Барабинская степь 1. 2.
 Баранко—рѣка 605. 641.
 Баранникъ 94. 632.
 Бараны, горные, дикіе, каменные—см. эти слова.
 Баржа 703.
 Барракута 696.
 Бархатная сопка 592. 593.
 Батамайская—станція 20.
 Батурпинскіе ключи 147. 588.
 Бать—лодка 308.
 Бахія—тапецъ 541.
 Бемъ, майоръ 357. 362. 371. 562.
 Бенью—рѣка 630.
 Береза 2. 5. 11. 39. 44. 50. 64. 80. 81. 94. 109. 115. 121. 122. 174. 265. 270. 273. 274. 309. 310. 338. 360. 365. 368. 371. 374. 382. 384. 387. 388. 389. 397. 489. 491. 492. 498. 502. 503. 507. 509. 516. 517. 519. 522. 523. 529. 531. 532. 534. 537. 539. 540. 552. 554. 556. 557. 564. 567. 568. 582. 584. 587. 601. 602. 611. 613. 615. 618. 622. 625. 628. 629. 630. 632. 633. 635. 636. 639. 640. 642. 646. 651. 654. 655. 658. 661. 663. 664. 666. 667. 668. 671. 715. 724. 725. 726.
 Березовая—рѣка 253. 254. 657.
 Березовка—сел. 5.
 Берпингъ, командоръ 334. 561.
 Бигири 36.
 Бирары 716.
 Витумипозные слои 494. 524.
 Вичевинская губа, заливъ 211. 218. 235. 664.
 Вичей, каптанъ 682.
 Благовѣщенскъ 722.
 Ближнее—озеро 80. 593.
 Бобровая падь—переваль 382.

- Бобы 113. 114. 717.
 Богатыровская бухта 89.
 Богородская губа 85.
 Божошь 352. 370.
 Бокка — гора 710.
 • Волотная руда 467.
 Волюнокъ — мысъ 581.
 Вольманъ 153.
 Большая Ключевина — рѣка 625.
 Большая — рѣка 147. 173. 381. 386.
 558.
 Большая Налочена — рѣка 666.
 Большая Толбача — вулканъ, Большая Толбачинская сопка 176. 340.
 Большерѣцъ 184. 305. 559. 561.
 Большой Семячикъ — вулканъ 186.
 240. 637.
 Большое устье (Авачи) 87.
 Большое устье (Паратунки) 87.
 Большой хребетъ 385.
 Ворби — сел. 709.
 Вороторъ — станція 33. 36.
 Воляшникъ 94. 324. 330. 338. 346.
 351. 365. 371. 384. 387. 489. 583.
 611. 612.
 Врекчи 102. 229.
 Вричаловъ 559. 563.
 Бродячіе коряки 168.
 Брусника 492. 656.
 Брюменина — рѣка 548.
 Брюхоногіе моллюски 206.
 Буда (просо) 717.
 Бузина 549.
 Буревѣстники 461.
 Бурейскій Хребетъ, Бурейскія горы
 713. 714.
 Буряя — рѣка 717.
 Бури — сел. 710. 714.
 Бурундукъ 44.
 • Бурый уголь 436. 437. 439. 441. 459.
 460. 471. 479. 485. 508. 517. 538.
 541. 714. 725.
 Буряты 7. 8.
 Бухта св. Петра и Павла 76.
 Бушмакъ — скала 439.
 Бушь, Гейприхъ 547.
 Бьен (мысы) 13.
- Быстрая — рѣка 147. 157. 173. 373.
 375. 376. 397. 558. 590.
 Бѣлая глина (каолинъ) 173.
 Бѣлая — рѣка 54.
 Бѣлая сопка 356. 536. 543.
 Бѣлка 178. 429.
 Бѣлоголовая — рѣка 521.
 Бѣлоголовый мысъ 527.
 Бѣлоконитовъ 114.
 Бѣлоносотъ 468. 469. 470.
 Бѣлуха 302. 430. 461.
 Бѣлый хребетъ 481.
 Бяненно — сел. 729.
- Вакталъ — рѣка 382. 612.
 Вакциня 657.
 Валагнискія горы, Валагнискій хре-
 бетъ 357. 358. 361. 364. 377. 626.
 632. 635.
 Валагинъ — рѣка 358. 361. 365. 627.
 Варгановъ мысъ 300.
 Варлатовка — сел. 365.
 Васильева графа, шкъ 406.
 Вахиль — рѣка 208. 359. 664.
 Ваиръ — сел. 708.
 Везимскъ — рѣка 625.
 Венерія 156.
 Веліамповъ 391.
 Верба 115. 222. 290. 316. 324. 330
 (см. также «ива»).
 Верблюды 6.
 Верблюжье горло — переваль 367.
 627.
 Верескъ 422. 441. 444. 460.
 Верлатовка — рѣка 627.
 Верхнекамчатскъ 158. 170. 171. 177.
 305. 366. 367.
 Верхнеголбачинскій переходъ 347.
 Верхотуровъ островокъ 333.
 Верхне-Удинскъ 730.
 Верхній Палланъ — рѣка 504.
 Верхнее озеро 84.
 Верхоламскій мысъ 414. 424.
 Верхотуровъ 598.
 Веглова — ручей 358.
 Вегловникъ 115.
 Ветеп (лодки) 43.

- Вейрихъ, докторъ 703.
 Вивниен — рѣка 333.
 Вивниен — сел. 333. 512. 573.
 Визитъ — рѣка 625.
 Вилючинская губа 398.
 Вилючинскій вулканъ, Вилючинская
 сопка 76. 82. 111. 131. 135. 397.
 594. 599.
 Вине — вулканъ 683.
 Виноградникъ 714.
 Виноградъ 709. 712. 724.
 Вираго (Virago) — судно 670. 672.
 Витвей — сел. 333. 573.
 Витимскъ 14.
 Витимъ — рѣка 14.
 • Водная окисъ желѣза 104.
 • Водяныя птицы 189. 200.
 • Вознесенскій монастырь 5.
 Волки 178. 191. 218. 253. 257. 271.
 279. 291. 302. 338. 429. 460. 641.
 Волковъ 388.
 Воровская — рѣка 370. 481. 549.
 Воровское — сел. 549.
 Восточныя горы 116. 161.
 Востроножка 533.
 Воямполка — рѣка 479. 491. 493. 517.
 Воямполка — хребетъ 496.
 Врангель 55. 77.
 Вторая Мутная — рѣка 122.
 Вторая Сопка 681.
 Второе устье (Авачи) 87.
 Вуазказидъ — рѣка 386.
 • Вулканическій пепель 102.
 • Вулканическія породы 258. 290. 487.
 496.
 • Вулканическій туфъ 664.
 • Вулканическій щебень и песокъ 281.
 Выдра 122. 178. 310.
 Выпоротки 186. 426.
 Высокая маячная тундра 581.
 Вязанья (оленыи самки) 426.
 Вязъ 714.
 Гаазе, Даниэль 447.
 Гавальскіе Востряки 120.
 Гавенка ручей 471. 489.
 Гавепская — рѣка 611.
 Гагагя (шуба) 171.
 Гагары 96. 302. 304. 660.
 Галешникъ 44.
 Ганальская тундра 157.
 Ганальскіе Востряки 156. 375.
 Ганальскій кряжъ, Ганальскія горы
 375. 377.
 Гаваль — сел. 156. 171. 172. 177.
 378.
 Гандекашъ 42. 45. 46.
 Гармахо 712.
 Гезехусъ 295.
 Геонгъ — гора 710.
 Георгъ — судно 194.
 Гилян 70. 72. 698. 708.
 • Гнисъ 645.
 • Глина 16. 351. 352. 385. 414. 427.
 432. 467. 471. 479. 484. 485. 486.
 490. 491. 493. 497. 527. 536. 538.
 540. 541. 550. 555. 580. 643. 644.
 646. 648.
 • Глинистая порода 283. 514. 581.
 • Глинистый камень 498. 513. 516.
 527. 532. 556.
 • Глинистый сланецъ 100. 106. 427.
 431. 439. 443. 445. 446. 450. 452.
 454. 459. 468. 487. 583. 634. 724.
 726.
 Глухари 116. 122. 176. 537. 602.
 • Гнейсъ 444. 448.
 Говенскій мысъ 333.
 Голая сопочка 613.
 Голенищенская просѣка 397.
 Голенищевъ, генераль 148. 149. 336.
 362. 345. 396. 588. 590.
 Головиннъ 306.
 Головоногія 413.
 Голубика, голубичникъ 375. 378. 522.
 Голыгина — рѣка 190. 559.
 Голыгина — сел. 550. 561.
 Голыгина — сопка 558. 683.
 Гольды 710. 711.
 Гольцевка — рѣка 564. 592. 597.
 Гольцы 266. 360. 379. 380. 386. 525.
 528. 562.
 Горбуша 250. 264. 272. 313. 379.
 430. 525. 528. 539. 562.

- Гордѣвъ 583.
 Горечавка 220. 274.
 Горинь — рѣка 709.
 Горностаѣ 429.
 Горные бараны 161. 221. 233. 379.
 507. 565.
 • Горный хрусталь 515. 516.
 Горохъ 113. 114. 209. 248.
 Горошекъ 546. 668.
 Горѣлая сопка 119.
 • Горячая рѣка 604.
 • Горячіе ключи 148. 157. 173. 176.
 263. 302. 333. 334. 359. 360. 380.
 382. 383. 385. 386. 397. 481. 500.
 506. 566. 568. 591. 592. 596. 602.
 639. 652. 656. 683. 684. 685.
 • Гравій 427. 436.
 • Гранитная галька 453.
 • Гранитовыя породы 214. 351.
 • Гранитъ 355. 366. 368. 372. 374.
 376. 427. 441. 444. 446. 448. 454.
 459. 541. 544. 566. 568. 715. 724.
 725. 726.
 Гремучка 85.
 Гречій орѣхъ 709. 712.
 Гречиха 323. 717.
 Грѣшная 626.
 Губаревъ 153. 569. 588.
 Гузномойка 87.
 Гулгучъ 352.
 Гумусъ 471.
 Гуси 166. 239. 242. 265. 272. 302.
 485. 488. 514. 516. 519. 641. 660.
 668.
 Густая рыба 539.
 Гэдевь (Hadduve) 193.
 Да — сел. 710.
 Дакхело-Пичь, ручей 380.
 Дакхело-Пичь, долина 382. 384.
 Дальнее озеро 591. 593.
 Дальнее Озеро — сел. 597. 598.
 Данпловъ 598.
 Даниловыя влючи 592. 597.
 Дарья (якута) 36.
 Д'Асса, мисъ 696.
 Двухголовыя рыбы 500.
 Двина — судно 672. 687. 688. 689.
 696.
 Дежневъ, Семеновъ 305. 347.
 Де-Кастри заливъ 696.
 Дельфины 290. 412. 430. 442. 461.
 466. 493. 709.
 Денкеръ — капитанъ 193. 194.
 • Деревья ископаемыя 436.
 • Дерновыя желѣзная руда 467.
 Джац — сел. 709.
 Джангъ-Джу — сел. 712.
 Джаре 710.
 Джугджуръ (горы) 63.
 Дзея 722.
 Дикіе бараны 120. 176. 178. 206.
 220. 221. 223. 225. 358. 380.
 Дикіе олени 120. 428. 460.
 • Діаювильныя отложения 350. 351.
 354. 355. 431. 436. 464. 468. 478.
 505.
 Діана — судно 702.
 • Діоритовыя сланцы 189.
 • Діоритъ 372.
 Дмитрій (якутъ) 33. 34. 35. 38. 68. 70.
 Долгій корогъ 382.
 Дондонъ 710.
 Дранка — рѣка 332.
 Дубровна 2.
 Дубровская — станція 13.
 Дубъ 714. 716. 724.
 Дымлянка 186. 427.
 Дырки — сел. 712.
 Дѣвничій Яръ 355.
 Дэвисъ Прейсъ — адмиралъ 670. 671.
 • Дюны 15.
 Еврашки 429. 445.
 Евридика (Euridice) — судно 670.
 Егачи — сел. 426.
 Езарме — островъ 693.
 Еватеринбургъ 1. 2. 4.
 Елисавета — судно 583.
 Еловка — рѣка 175. 330.
 Еловка — сел. 331.
 Ельдемичъ 625.
 Ель 4. 150.
 Енисей 5.

- Епидотъ 631.
 Ермакъ 682.
 Ешеунъ — острогъ 264.
- Жаворонокъ** 189.
Желѣзный порогъ 382.
 • Желѣзо 281. 363.
 • Жемчугъ 190. 573.
 Жербинская 15.
 Жигаловская 10.
 Жилоость 44. 94. 371. 376. 382.
 384. 470. 480. 603. 611.
 Жоковскія щекы 165.
 Жупановъ — вулканъ, Жупановская
 сопка 176. 205. 208. 219. 240.
 241. 243. 260. 667.
 Жупанова — рѣка 238. 244. 247. 358.
- Заборы** 364.
 Завойко — мысъ 90.
 Завойко, губернаторъ 68. 77. 78. 79.
 80. 81. 83. 124. 125. 126. 130.
 134. 143. 144. 146. 149. 150. 151.
 155. 158. 160. 162. 165. 166. 167.
 169. 171. 172. 174. 183. 184. 185.
 188. 191. 192. 193. 194. 195. 196.
 296. 297. 306. 320. 390. 394. 395.
 396. 399. 401. 434. 569. 575. 585.
 589. 600. 601. 669. 675. 677. 678.
 679. 687. 688. 697. 699. 700. 701.
 703. 706.
- Заболы 341.
 Заливъ Счастья 72. 74.
 Заливъ (болото) 87.
 Заливъ (терминъ) 246. 254. 298.
 Запоръ 484.
 Застой — порогъ 337.
 Заѣбенная — рѣка 592.
 Заичный — рѣка 538.
 Запцы 96. 174. 176.
- Зеленая яшма 277.
 • Зеленяя, зеленокаменная породы 62.
 68. 215. 217. 219. 366. 374.
 Землетрясенія 571. 593. 677.
 Зиновьевъ 434. 436. 440. 453. 464.
 469. 489. 495. 522. 569.
 Зунгары 712.
- Ива**, ветлова, ветловина, ветловникъ
 16. 39. 44. 47. 64. 93. 122. 147.
 175. 209. 219. 239. 241. 256. 270.
 274. 295. 300. 303. 304. 309. 315.
 338. 340. 351. 361. 365. 368. 375.
 376. 378. 382. 388. 389. 396. 397.
 421. 431. 432. 437. 460. 471. 484.
 489. 502. 509. 512. 519. 540. 546.
 549. 555. 583. 590. 597. 600. 601.
 614. 615. 618. 623. 624. 625. 629.
 630. 638. 646. 653. 664. 666. 667.
 710. 712. 713. 714 (см. также
 «верба»).
- Иванъ-Богатырь (скала) 12.
 Иванушеповская — станція 12.
 Ивашка — сел. 332.
 Ивашка — рѣка 501.
 Ивашкинъ 370.
 Игловожія 109.
 Идягунъ — рѣка 336.
 Ижга — рѣка 415. 418.
 Ижгинская губа 413.
 Ижгинскій округъ 334.
 Ижгинскъ 422. 423. 425.
 Изверженіе вулкана 704.
 Известковая накипь 645. 646.
 • Известковый шпатель 449. 450. 459.
 513. 515.
 • Известнякъ 12. 13. 16. 44. 48. 62.
 Измѣнная губа 91. 103.
 Измѣнная сопка 477.
 • Измѣнный камень 91.
 Измѣнный мысъ 91. 105.
 Иллэбъ (юрта) 52.
 Ильпина сопка 681.
 Ильпинскій мысъ 333.
 Имнда — сел. 710.
 Императорская гавань 696.
 Ингода 730.
 Иннокентій, епископъ 69. 391.
 Ипузи — рѣка 386. 567.
 Ирбитъ 3.
 Иркутскъ 5. 731.
 Иртышъ — рѣка 2. 127.
 Иртышъ — судно 184. 195. 402. 695.
 697. 699.
 Исеть 4.

- Пска (рѣка) 72.
 Вскопаемая деревья 436.
 Птуруль — островъ 407. 409.
 Ича — рѣка 354. 355. 521. 538.
 Ича — сел. 538.
 Ичинская Вершина 356.
 Ичинская сопка (Ахланъ) 354. 355.
 481. 536.
 Ишимъ 2.
 Ишъ-шахельсь (божество) 353.

 Лессо 694.

 Кабаль 709.
 Кабелки — рѣка 365.
 Кабурхало — озеро 316.
 Кавранъ — рѣка 521. 527.
 Кавранъ — сел. 528.
 Кадмача — ручей 554.
 Кадьякъ — судно 391.
 Казаки 434.
 Казенная рѣчка 454.
 Каинскъ 2.
 Каказа — рѣка 625.
 Какхъ — богиня 353.
 Калаушъ — мысъ 88.
 Балахтырка — мысъ 582.
 Калахтырка — озеро 582.
 Калахтырка — рѣка 85. 152. 200.
 582. 668.
 Калахтырскія поселенія 583.
 Калпишка 424.
 Калю — рѣка 338. 536.
 Камава — острогъ 316.
 Камавъ — русалка 337. 384.
 Камбала 449.
 Камбалиное озеро 635.
 Камбалиная сопка 681.
 Камегамста III—575. 669.
 Каменни — сел. 169.
 Каменная бухта 280.
 Каменное Сердце 684.
 Каменные бараны 370. 526. 537.
 Каменный мостъ 614.
 Каменный острогъ, сел. 177. 316. 426.
 Каменный уголь 217.
 Каменный топоръ 369.

 *Каменные орудія 189.
 Каменская — станція 15.
 Камелушка — рѣка 668.
 Каменцы 168. 423.
 Камчадалъ — судно 195. 395. 402.
 403.
 Камчадалы 179. 185. 312. 328.
 Камчадальскій языкъ 482.
 Камчатка — мысъ 291. 292. 301.
 Камчатка — рѣка 122. 157. 158. 163.
 165. 166. 171. 172. 293. 294. 295.
 297. 300. 303. 307. 309. 335. 339.
 350. 364. 371. 374. 622.
 Камчатка — судно 585.
 Камчатская Вершина 120. 157. 374.
 375.
 Камчатскій залпъ 292.
 Камчатскій мысъ 301.
 Камчатскій тополь 115.
 Камышъ 601.
 Капоа 439. 456.
 Канскъ 5.
 Капучъ — рѣка 334.
 Капитанское озеро 54.
 Капитанскій Застѣвъ 54.
 Капитовскій острогъ 311.
 Капуста 113. 178. 315. 321. 323.
 363. 423. 499.
 Карага — островъ 332. 573.
 Карага — рѣка 332. 511. 680.
 Карага — сел. 332.
 Карау — рѣка 249. 250. 253.
 Карбась 421.
 Карликовая береза 445. 460. 491.
 Карликовая ива 428.
 Картофель 40. 113. 162. 165. 178.
 315. 321. 323. 335. 341. 363. 423.
 472. 480. 530. 676.
 Карымчина — рѣка 173. 386. 564.
 Катакеничъ — рѣка 365.
 Хахтана, Хахтапскій мысъ 493. 496.
 516.
 Хахтана — рѣка 493. 494.
 Качуга 7. 8.
 Кашеваровъ 69. 70.
 Каякта — рѣка 552.
 Каякъ-баба (иляска) 541.

- Каурка (рыба) 525. 528. 539. 562.
 Кауръ 154.
 • Кварцевыя породы, кварць 38. 44.
 100. 102. 104. 189. 214. 219. 237.
 274. 277. 310. 355. 372. 375. 376.
 383. 439. 443. 452. 459. 475. 503.
 509. 524. 536. 580. 583. 631. 635.
 725. 726.
 • Квасцы 355. 479.
 Кедровникъ 115. 123. 179. 220. 222.
 228. 290. 374. 453. 503. 507. 512.
 516. 523. 524. 529. 531. 532. 567.
 586. 593.
 Кедръ 64. 94. 160. 441. 444. 445.
 460. 469. 492. 497. 502. 538. 556.
 603. 618. 625. 635. 636. 638. 640.
 642. 646. 651. 661. 664. 668.
 Кедровый стланецъ 47. 94. 331. 451.
 491. 498. 522.
 Кемчига 496. 520.
 Кета 65. 430.
 Кечева гора 556.
 Кидзи — озеро 702. 708.
 Кидзи — сел. 702.
 Кизимень — вулканъ 344. 637.
 Кизучъ 96. 313. 325. 364. 369. 379.
 430. 495. 504. 525. 528. 534. 539.
 562. 626.
 Килимача (первая и вторая) — рѣка
 443.
 Кинкиль — рѣка 501. 506. 509.
 Кинкиль — сел. 510.
 Кинкильскій мысъ 510. 514.
 • Киноварь 447. 449.
 Кипцека, Кипцекильскія горы 344.
 347. 358. 361.
 Кинчена — долина 55.
 Кимитинскія горы 354.
 Кимитина — рѣка (Малая и Большая)
 354. 536.
 Кипрей 321. 342. 365.
 Кирганикъ — рѣка 627.
 Кирганикъ — сел. 627.
 Киргенъ 353.
 Киргизы 3.
 Киренга — рѣка 11.
 Киренскъ 11.
- Кириллина 122.
 Кирунъ — островъ 301.
 Кислая рыба (блюдо) 325.
 Кислипа 622.
 Кислый Яръ 432. 433.
 Китайскіе памятники 708.
 Китилгина рѣка 358. 365. 629.
 Китообразныя 460.
 Китлиця 119. 535.
 Киты 71. 76. 96. 200. 215. 216. 220.
 222. 223. 226. 248. 253. 274. 278.
 280. 283. 284. 285. 405. 410. 412.
 413. 415. 430. 461. 526. 544. 552.
 691. 693.
 Кихиничъ — вулканъ 259. 639. 649.
 Кихтинга — рѣка 680.
 Кихчигъ — ручей 593.
 Кичига — сел. 333.
 Кипучъ — рѣка 537.
 Клець 712. 714.
 Климовъ 601. 602. 628. 631.
 Клинкерфусъ 494.
 Клокенмичъ — губа 359.
 Клостеръ-Кампъ 696.
 Клюквина — рѣка 368.
 Ключенская сонка 137. 162. 164.
 176. 186. 284. 303. 310. 315. 317.
 572.
 Ключи — ручьи 81.
 Ключи — сел. 164. 168. 176. 177.
 317. 327. 628.
 Ключи горячіе — см. горячіе вл.
 Бняжника 470.
 Ковыча — рѣка 367. 602. 613. 626.
 Кожевниевая губа 91. 103.
 Козакъ — мысъ и камень 88. 108.
 Козегоры 567.
 Козель — гора 76.
 Козельская сонка 82. 98. 117. 118.
 119. 131. 136. 204.
 Козловъ мысъ 273.
 Козиревка — рѣка 338.
 Козыревскъ 162. 170. 177. 313. 327.
 338.
 Кокорянъ, штурманъ 404. 417.
 Коктонгенъ — гора 556.
 Колгадь — рѣка 484.

- Колдунная сопка 599.
 Колокольная скала 415.
 Колхопъ (Ичинская сопка) 543.
 Колоши (илема) 75.
 Колыговъ, Никифоръ 327.
 Коль — рѣка 381. 553.
 Коль — сел. 551. 553.
 Колыванъ 2. 3.
 Комака — острогъ 165. 168.
 Комары 37. 40. 45. 192. 235. 242.
 249. 291. 309. 311. 340. 345. 347.
 349. 351. 356. 414. 431. 438. 442.
 492. 582.
 Комаръ — рѣка 723.
 Компакова — рѣка 372. 546.
 Компакова — сел. 547.
 Компакъ (герой) 547.
 • Конгломераты 38. 101. 102. 103.
 104. 105. 106. 107. 108. 200. 215.
 227. 229. 238. 256. 258. 385. 443.
 448. 454. 467. 478. 479. 494. 515.
 517. 578. 614. 645. 657. 664. 714.
 Кондуйское село 729.
 Конкредин 477.
 Конопля 711.
 Конхойху 36.
 Корпеплодная 113.
 Корпеловъ, лейтенантъ 71.
 Коряка — вулканъ 76. 98. 111. 201.
 204.
 Коряка — сел. 154. 155. 174. 388.
 568.
 Коряка — ручей и рѣка 154. 173. 387.
 Коряки 421. 440.
 Корякскій хребетъ 611.
 Коряцкая сопка 82. 99. 117. 120.
 131. 135. 240.
 Коса 369.
 Косатки — бнты 226. 234.
 Косогорчиковые ключи 592. 594.
 Косули 715.
 Котельная — рѣка 668.
 Котоманга — постъ 724.
 Кошелева сопка 76. 681.
 Кошелевъ Пикъ 384.
 Кошелевъ, генераль 305. 362.
 Кошка (коса) 86. 101. 114. 545.
 Кошкаревъ 356. 362.
 Кошподамъ — сел. 244.
 Крапива 160. 164. 363. 365. 387.
 Краска (собака) 140.
 Красная рыба, ксивучъ 250. 313.
 369. 379. 495. 562. 594. 619.
 Красная — рѣка 564.
 Красная сопка 475.
 Красноярскъ 5.
 • Красный глинистый желѣзнякъ 210.
 • Красный песчаникъ 5. 9. 12. 16.
 Красный Яръ 85.
 Крашенпняковъ 244. 264. 266. 267.
 290. 327. 338. 343. 344.
 Крашенпняковъ — островъ 208.
 • Кремни 63. 265. 351. 366. 368. 454.
 468. 513. 514. 531. 532. 539. 566.
 Кремнистая накипь 647.
 • Кремнистый, кремнеый сланецъ 376.
 443.
 Крестахъ — сел. 36.
 Крестовка — рѣка 334. 481.
 Крестовская сопка 176. 284. 303.
 318. 335.
 Кресты, Крестовскъ — сел. 162. 170.
 177. 330. 334.
 Крилопъ мысъ 694.
 Кродакыга — рѣка 263.
 Кродакынгъ (Лиственничная) — рѣка
 266. 349. 350.
 Кромъ (камчатское слово) 642.
 Кроноки — сел. 329.
 Кроноцкая — рѣка 349.
 Кроноцкая — сопка, Кроноцкiй вул-
 канъ 176. 251. 257. 259. 267.
 268. 637. 639.
 Кроноцкiй мысъ 273. 283.
 Кроноцкое озеро 111. 264. 265. 270.
 350. 360. 634. 636.
 Крузенштервъ 384.
 Крутая падь 602.
 Крутогорова — сел. 540.
 Крутогоровая — рѣка 540.
 Крысы 429.
 Крюковскiя горы 336.
 Ксивучъ (красная рыба) 236. 272. 313.
 Ксмича — рѣка 553.

- Беоа—рѣка 546.
 Бсудачь (горный узелъ) 683.
 Бталаммонъ — кражъ 522.
 Буачиль — рѣка 523.
 Будахаль — озеро 300.
 Бузлецовъ 165. 303. 304. 305. 308.
 Кузнички 345.
 Кузянка 140. 186.
 Кукушка 192. 576.
 Кухъ — божество 353.
 Кулики 239. 261. 418. 445. 462.
 Кули — ручей 470.
 Кулужная деревня 333. 573. 680.
 Кулукъ — озеро 301.
 Куваширь — островъ 407. 409.
 Куваж 525.
 Куница 429.
 Куречева — рѣка 625.
 Курильское озеро 111. 684.
 Курильскіе острова 74. 407. 408.
 Курильскій 4-ый проливъ 406.
 Куропатки 176.
 Куружа — рѣка 431.
 Куры 178. 323. 472. 711. 717.
 Куткенячъ 500.
 Кутка — мысъ 88. 108.
 Кутка — божество 328. 340.
 Кучегоры 490. 492. 522.
 Куймовская бухта 89.
 Куэва—рѣка 453.
 Куяль — сел. 426.
 Кычикъ — сел. 381. 555.
 Кыргызъ — гора 355.
 Кыргызъ — рѣка 353. 355.
 Кыргызъ — сел. 160. 170. 177.
 Кыргызъ — рѣка 536.
 Кыхъ-по-тершъ, сел. 353.
 Кыхъ — рѣка 561.
 Кычъ — рѣка 372.
 Кювекла — вулканъ 350. 649.
 Кяхта 6.
 Лава 62. 106. 107. 108. 109. 110.
 200. 258. 265. 324. 336. 337. 343.
 479. 487. 539. 603. 607. 615. 616.
 617. 621. 622. 623. 636. 638. 640.
 645. 646. 657.
 Лавовидия, лавовыя породы 255.
 274. 284. 351. 372.
 Лагерный мысъ 90. 106.
 Лазарень 591. 593. 594. 597. 599.
 Лайда 87.
 Лаксманъ, Адамъ 447.
 Ламавопъ — пшъ 695.
 Ламуты 183. 339. 420. 457. 573.
 Лапль — островъ 695.
 Лапгръ — островъ 72.
 Лаперузовъ проливъ 694.
 Ласточки 192. 220. 257.
 Ла-Форть (La Forte) — судно 670.
 Лахтаки (тюленн) 96. 272. 338. 430.
 Лахтавъ — мысъ 299.
 Лебеди 158. 166. 175. 239. 302.
 553. 641.
 Лебяжій корень 343.
 Левницій, докторъ 472. 473. 475.
 488. 518.
 Ледъ 48. 49. 50. 51. 53. 54. 55. 427.
 431. 432. 437.
 Ледяная брекція 49.
 Лекки — ручей 53.
 Лельгацъ — ручей 527.
 Лена 6. 7. 10. 11. 12. 16.
 Ленточная глста 224.
 Ливати — сел. 426.
 Лигитъ 420. 436. 437. 439. 441.
 467. 468.
 Лили 9. 310. 324.
 Липа — судно 193.
 Липа 714.
 Липувскій мысъ 91.
 Лисиды 96. 174. 176. 178. 229. 271.
 302. 370. 379. 380. 429. 460. 537.
 641.
 Лиственница 4. 5. 11. 35. 39. 44. 50.
 51. 53. 64. 161. 175. 331. 346.
 351. 361. 431. 432. 433. 481. 625.
 629. 642. 696. 724. 725. 726.
 Лиственничная — сел. 730.
 Лихачевъ, лейтенантъ 71. 394.
 Лишайликъ 441.
 Лодки 80.
 Лопатка — мысъ 685.
 Лорчъ, штабсъ-капитанъ 54. 401.

- Лосося 82. 96. 178. 187. 236. 239.
 242. 249. 255. 257. 264. 267. 302.
 313. 325. 338. 341. 351. 369. 378.
 386. 446. 449. 505. 537. 619. 625.
 626.
 Лосп 429. 481. 550. 629. 709. 716.
 Лошадь 3. 178. 323. 335. 336. 341.
 350. 353. 357. 362. 373. 379. 381.
 386. 388. 389. 424. 473. 481. 482.
 491. 499. 513. 520. 524. 528. 530.
 533. 535. 539. 540. 547. 550. 555.
 557. 562. 565. 675. 711.
 Лукава — ручей 612.
 Лѣтовье 422. 433.
 Лѣсная — рѣка 511.
 Лѣсная — сел. 511. 513.
Магазинный Оврагъ 464.
 * **Магнитный желѣзнякъ** 467. 517.
 Магхо — сел. 708.
 Мансь 717.
 Майи, мысь 713.
 Макапрушь — островъ 75. 406. 692.
 Максимовичъ, К. 703. 709.
 Максудовъ князь 670. 672.
 Малая Клюквинка р. 625.
 Малая Толбачинская сопка 343.
 Малка — сел. 156. 172. 173. 379.
 380.
 Малый Семячскъ 186. 255. 637.
 Малый Хребетъ 385.
 Мальма 266. 379.
 Мама — рѣка 14.
 Мамонтъ 31. 350. 400. 421. 432. 512.
 Мамура 480.
 Мангуны 698. 708.
 Манджуръ 711.
 Манегиръ 723.
 Манзурка — ручей 7.
 Маренная гора 99. 100.
 Маринскъ 702. 708.
 Матвиль — островъ 413.
 Матуга — рѣка 441. 455.
 Матуга 693.
 Машигинъ 116. 118. 119. 120. 121.
 123. 124. 138. 154. 189. 191. 388.
 390. 569. 601. 602. 624.
 Машура 161. 170. 177. 329. 352.
 Махъ 64.
 Махаонъ 192. 252.
 Мая — рѣка 44. 45. 60.
 Маячный мысъ 90.
 Медвѣди 52. 61. 73. 96. 122. 178.
 191. 204. 208. 209. 210. 211. 212.
 217. 218. 220. 221. 225. 226. 229.
 236. 243. 246. 250. 251. 253. 255.
 257. 261. 262. 264. 265. 271. 276.
 277. 285. 291. 302. 310. 323. 338.
 340. 342. 347. 351. 370. 378. 379.
 380. 384. 429. 460. 478. 485. 488.
 505. 517. 528. 537. 534. 556. 587.
 593. 595. 597. 603. 611. 613. 626.
 641. 646. 652. 653. 655. 662. 663.
 665. 668. 677. 678.
 Медвѣжья губа 85.
 Медвѣжій корень 520. 534. 535. 556.
 Медвѣжій мысъ 521.
 Меженная гора 131. 586.
 Меженная падь 584.
 Мелафиръ 68.
 Меньшикова, гора 72.
 * Мергель 217. 516.
 * Мерзлые слои 474. 483.
 Мерлингъ, Василій 158. 327. 352. 368.
 370. 626.
 Миддендорфъ 23. 55.
 Микша 562.
 Микшизна — рѣка 148. 590.
 Микшизна вторая — р. 592.
 Микшизна — сел. 426.
 Мильшина дача 396.
 Милкова — сел. 158. 160. 177. 362.
 627.
 Милкова — рѣка 361. 627.
 Милковскія горы 357.
 Миллеръ 327.
 * Миндалевидная порода, миנדальный
 камень 277. 505. 524. 580.
 Миницкій, кап.-лейт. 306.
 Митага — рѣка 558.
 Михайловъ, лейтенантъ 628. 631.
 673.
 Многоженство 8.
 Можжевельникъ 160. 361. 374. 469.

- Мойцы (молодые тюлени) 469.
 Моллюски 278.
 Молочный влючь 591.
 Молочное озеро 669.
 Монголъ дер. 708.
 Моновскій 295. 296. 297.
 Монперонъ — островъ 695.
 Монтумуль — станція 40.
 Мордавскій 61.
 Моржи 175. 285. 286. 287. 289.
 302. 333. 573.
 Моршечная — рѣка 521.
 Моршечная — сел. 345. 533.
 Моршечная — солка 532.
 Морская Матуга — скала 414. 415.
 Морскіе бобры 277. 280. 406.
 Морской горохъ 113.
 Морской лень (сивучь) 96. 230. 231.
 234.
 Морской (песочный) овесъ 209.
 Морскія птицы 92. 95. 234. 239.
 Москва 1.
 Мостовая — рѣка 590.
 Моховая губа 84. 587.
 Мумучь — ручей 380.
 Муравьевъ 703. 727.
 Муравьи 192.
 Мутная — рѣка 557. 603. 668.
 Мухи 192.
 Мухоморъ 451. 496.
 Мылькъ — сел. 710.
 Мыши 429. 645. 663. 665.
 Мышь — эконома 122.
 Мѣдная лазурь 447. 450.
 Мѣдная руда 237.
 Мѣновая торговля 425.
 Мѣха 3.
 Налочева — рѣка 602.
 Налочевское озеро 666.
 Налочевскій ручей 666.
 Налочевъ, Налочевскій мѣсъ 202.
 204. 205. 207. 666.
 Напана — рѣка 471. 519. 520.
 Напана — сел. 519.
 Нарвалъ 32.
 Нарты 140.
 Наслѣдникъ — судно 401.
 Науэпто — чучча 506.
 Начика — рѣка 381. 385. 386. 557.
 Начика — сел. 155. 173. 177. 385.
 568.
 Наяхана — сел. 424.
 Невельской — капит. 70. 73. 74.
 Недоросли 186.
 Недоростки 426.
 Немтнйъ — рѣка 381. 553.
 Немлатъ 432.
 Нерка 430.
 Нерпа 430.
 Нерпичье озеро 166. 298. 300. 301.
 Нерчинскій заводъ, Нерчинскъ 728.
 729.
 Нерчь — рѣка 730.
 Нижнекамчатскъ 165. 177. 297. 303.
 304. 305. 307. 327.
 Нижнеудинскъ 5.
 Нижний Новгородъ 3.
 Нижній Палланъ — рѣка 504.
 Никителнъ 87.
 Никитинъ островъ 600.
 Николаевское — сел. 70.
 Ниволь — рѣка 347. 359.
 Николаевская — дер 589.
 Никольская 707.
 Никольская гора 86. 99. 673.
 Ноа — дер. 712.
 Новиковская вершина 301. 302. 319.
 Нонни — рѣка 715.
 Носорогъ (ископ.) 32.
 Облѣковка — рѣка 415. 436.
 Облѣковка — сел. 456.
 Облѣденѣлыя мульды 55. 57. 58.
 Облигадо (Obligado) — судно 670.
 Обсерваторіи островъ 696.
 Обсидіанъ 189. 468.
 Обь 1. 2. 4.
 Овесъ 323. 363.
 Овсянки 74. 533.
 Овцы 3.
 Огородничество 336. 676.
 Оглукомпа — рѣка 355. 536. 539.
 Оглукомина — сел. 540.

- Огурцы 394. 472.
 Оджаль — мысь 714.
 Однолистка 533.
 Одопъ-Челонъ, горная цѣпь 729.
 Одомашненные горные бараны 356.
 Озерная — рѣка 166. 298. 300. 331.
 684.
 Озерная сопка 681.
 Озерное — сел. 331.
 • Окислы мѣди 101. 102.
 • Обисъ желѣза 100. 351. 352. 439.
 449. 450. 452. 478. 508.
 Облан-гуй (горы) 523.
 Олекма 17.
 Олекминскъ 17.
 Олени 66. 504. 507. 513. 709. 712.
 716. 718 (см. также днѣіе ол.).
 • Оливия 324. 529.
 Оливуца — судно 69. 124. 194. 195.
 394. 576. 585. 687. 688. 694.
 697.
 Олокино — сел. 244.
 Олоча — сел. 728.
 Олъха 39. 44. 47. 64. 81. 209. 219.
 237. 241. 256. 274. 290. 295. 304.
 310. 315. 330. 338. 346. 351. 371.
 387. 421. 431. 432. 437. 441. 444.
 445. 460. 471. 474. 483. 492. 502.
 503. 509. 512. 519. 540. 546. 549.
 555. 583. 597. 600. 618. 622. 625.
 629. 630. 635. 640. 642. 646. 651.
 653. 657. 667. 715.
 Ольховый стланецъ 94.
 Олютора — мысь 334.
 Олютора — сел. 333.
 Олюторцы 168. 187. 333.
 Омгонскія горы 523.
 Омгонскій мысь, Омгонъ 413. 462. 519.
 Омтоль 140.
 Онекотанъ 409. 692.
 Ономой мысь 714.
 Онопъ 730.
 Опальная, Опалинская, Опольская
 сопка 384. 558. 565.
 Опука — сел. 334.
 Орель — озеро 708.
 Оретинтанъ — сел. 244. 245.
- Орлова — сел. 147. 396.
 Орловка — рѣка 589.
 Орловка — сел. 589.
 Орлы 73. 215. 239.
 Орочи 697.
 Орѣшникъ 44.
 Осина 2. 725. 726.
 Острогъ — сел. 154.
 Островная — рѣка 208.
 Осѣдлые боряки 302.
 Отпечатки листьевъ 104.
 Охота — рѣка 68.
 Охотскъ — судно 705.
 Охта — раст. 44.
 • Охристый желѣзнякъ 475.
- Палланъ — озеро 502. 504.
 Палланъ — рѣка 497. 501. 516.
 Палланъ — сел. 499.
 Палласъ 447.
 Палланцы 168.
 Пальцова — рѣка 424.
 Парамуширъ 75. 406. 407. 409. 677.
 705.
 Паралольскій доль 332. 334. 428.
 Паратунка — долина 81.
 Паратунка — рѣка 82. 84. 87. 93.
 147. 148.
 Паратунка — сел. 589.
 Парень — рѣка 428.
 Парень — сел. 426.
 Парверъ, капитанъ 673.
 Паромы 80.
 Паромы — баты 308. 309.
 Патъ — сел. 714.
 • Пемза 240. 258. 259. 468. 486. 640.
 657.
 Пенжинская губа 413.
 Пенжина — рѣка 424.
 Первая Мутная — рѣка 121.
 Первая Сопка 681.
 Перевозъ 567.
 Переходъ (дорога) 352.
 Перешеевъ 684.
 Пермь 1.
 Пермяковъ 357.
 Перри, адмиралъ 394.

- Песецъ 546.
 • Пески 346. 467. 484. 485. 519.
 Песочный (морской) овесъ 546.
 • Песчанникъ 420. 436. 437. 441. 443.
 454. 459. 467. 477. 478. 479. 485.
 486. 489. 491. 492. 494. 497. 498.
 502. 503. 504. 509. 510. 513. 515.
 516. 519. 524. 527. 529. 532. 534.
 542. 556. 632. 633. 635. 714. 716.
 Петербургъ 1. 731.
 Петровское — сел. 70. 71. 72.
 Петровский, генералъ 306.
 Петропавловская бухта, заливъ 84.
 93. 135.
 Петропавловскъ 85. 132. 306. 390.
 686.
 Пикъ (Pique) — судно 670.
 Пилкичъ 673.
 Пинчева — рѣка 122. 602. 613.
 Пирожникова — рѣка 478.
 Пирожниковъ горный узелъ 478.
 Пирожниковы горы 483.
 Пихлачи — карлики 353. 354.
 Пихлячъ — лѣсной духъ 384.
 Пихлахчикъ, демонъ 587.
 Пихта 64. 161. 175. 331. 346. 351.
 355. 359. 361. 625. 642. 654.
 Плавуцій лѣсъ 413. 414. 415. 417.
 Пластинчатожаберные моллюски 206.
 Плеханъ — рѣка 521.
 Плющъ 712. 714.
 Поваренная соль 683.
 Поварня 422.
 Поворотная сопка 404. 682.
 Поворотный мысъ 205. 404.
 Поворотъ — заливъ 560.
 Повнча — рѣка 367. 626.
 Поганка — сел. 85.
 Подкамень — мысъ 291. 292.
 Подкагерная — сел. 495.
 Покачинскъ — сел. 334.
 Покровская — сел. 20.
 Полевки 641. 656. 662.
 • Полевой шпатель 48. 99. 100. 107.
 278. 475. 487. 524. 531.
 Ползучій кедръ 122. 233. 359. 361.
 374.
- Половинная — рѣка 205. 555. 588.
 668.
 Пологъ 438.
 Поповъ, Алексѣй 40. 42.
 Поповъ, лейтенантъ 670.
 Порфириева порога 65. 227. 343.
 Порфиры 44. 62. 222. 351.
 Поршень (Шануганъ) 355.
 Послѣдній порогъ 382.
 Посольскій монастырь 730.
 Постели (шкуры) 186. 426. 682.
 Президентъ (President) — судно 670.
 Пробковый дубъ 712.
 Просо 717.
 Прѣснець (береза) 611.
 Прямое устье (Паратунки) 87.
 Пуль — сел. 708.
 Путятинъ, адмиралъ 394. 576. 702.
 Пучина 621.
 Пущина — сел. 171. 371. 372. 373.
 Пущина юрта 157. 158. 177.
 Пуць — рѣка 373.
 Пчелы дикія, лѣсныя 45. 192.
 Пшеница 717.
 Пыжикъ 186. 426.
 Пьяный быкъ 13.
 Пьяная трава 374.
 Пягинъ мысъ 413.
 Пять Братьевъ — рѣка 496.
 Пять Братьевъ — мысъ 516.
- Райкоке — пикъ 693.
 Раки 223.
 Раковая губа 84. 85. 93. 579.
 Раковъ Маякъ (мысъ) 91.
 Рабообразныя 109. 206. 413. 527.
 641.
 Ратуга — рѣка 304. 307.
 Рачья бухта 669.
 Ребровикъ 187.
 Редиска 394.
 Ридель, капитанъ 193. 585.
 Рикордъ, лейтенантъ 306. 336. 481.
 597.
 Рифунсирн — островъ 695.
 Ровдуга 186. 427.
 Рогатый скотъ 3. 315. 323. 335. 336.

341. 350. 353. 357. 362. 369. 373.
379. 381. 386. 388. 389. 424. 473.
482. 491. 499. 513. 524. 528. 530.
533. 535. 539. 540. 547. 550. 555.
557. 562. 565.
- Роговая обманка 99. 107. 207. 237.
284. 290. 541. 631.
 - Роговикъ 450.
 - Рододендроны 274. 454. 460. 618.
 - Рожь 40.
 - Роза 94. 310. 324.
 - Россійско - Америкапская кампанія
22. 23. 33. 36. 37. 47. 61. 128. 391.
401. 690.
 - Россомаха 652.
 - Рудаковъ, лейтенантъ 306.
 - Русакова — рѣка 332. 501.
 - Рѣдка 315. 323. 423. 480. 530.
 - Рѣка при Лѣсной 501.
 - Рѣка 178. 315. 323. 363. 423.
 - Рѣчная Бабушка 427.
 - Рѣчная Матуга 415. 442.
 - Рѣшетниковъ 23. 34. 68. 70.
 - Рысь 429.
 - Рябина 39. 44. 47. 94. 237. 256.
274. 304. 310. 330. 371. 376. 382.
445. 460. 474. 484. 540. 583. 587.
611. 612.
 - Рябиновый сланецъ 94.
- Савиць 71.
Садамъ — рѣка 540.
Саламандра 345.
Салатъ 394.
Самахагду — сел. 709.
Сани 139.
Санъ-Синъ, городъ 712.
Сарапа 122. 192. 312. 321. 342.
433. 496. 520. 533. 660.
Сарай — кратеръ 607.
Саричова пещь 693.
Саршчевъ 562.
Сахалинъ 71. 695.
Сахаровъ 22. 29. 30. 32. 33.
Свицьн 711.
Свѣтлый Ключъ 122.
Свѣщеніе моря 411. 695.
- Селенга — рѣка 730.
Сельди 96. 178. 187. 189. 576.
Сельдовая бухта, губа 88. 599.
Сельдовка — рѣчка 599.
Семта 525. 539. 562.
Семячнъ Большой 137. 359.
Семячнъ Малый 137.
Семячнъ — рѣка 175. 256. 257. 259.
359. 649. 652.
Семячнъ — селен. 655.
Семячнъ — сопка 176.
Сердце Камчатки 117.
Серебряная — дер. 2.
• Серпентинная порода 386.
• Серпентинъ 99.
Сивучій мысъ 273. 280.
Сивучій островъ 301.
Сивучи 96. 167. 175. 275. 280.
Сигачнъ — рѣка 627.
Сигнальный мысъ 86. 192.
Сидячіе коряки 423.
Сикю — рѣка 176. 383. 386. 564.
Симуширъ — островъ 407. 409.
Сисель — вулканъ 478.
Сифились 177.
• Сіенитовыя гальки 219.
• Сіенитовыя породы 214. 218.
• Сіениты 222. 544.
Сладкая трава 94. 116.
• Сланцевая порода 227. 374. 386.
• Сланецъ діоритовый 64.
• Сланцы 44. 63. 68. 278. 357. 368.
372. 375. 383. 385. 388. 448. 453.
513. 531. 539. 541. 544. 566. 568.
714.
Слизни 282. 415.
• Слюда 258. 351. 486. 514. 536. 541.
715.
• Слюдяные сланцы 222. 351. 366.
374. 376. 715.
Смоляниъ, ссыльный 551.
Смородина 338. 485.
Соболи 96. 120. 122. 174. 176. 178.
369. 379. 380. 387. 429. 537. 587.
603.
Собаки 73. 453 (см. ѣздовыя собаки).
Соколовъ 547.

- Соленое озеро 628.
 Соленый мысъ 85.
 Соловарная бухта 199.
 Соловарный берегъ 91.
 Сольфатары 359. 360. 573. 635. 639.
 684.
 Сомовъ 362. 366. 469.
 Сопка 475.
 Сопочная—рѣка 520. 521. 534. 535.
 Сопочная—сел. 535.
 Соревнѣ 41.
 Сосна 11. 39. 44. 47. 150. 696. 717.
 724. 726.
 Сосняскіе ключи 627.
 Сосновый лѣсъ 51.
 Сосочель — злой духъ 353.
 Софійскъ 709.
 Соя — мысъ 694.
 Срединный Хребетъ 131. 157. 170.
 219. 336. 355. 364. 375. 377. 511.
 540. 543. 564.
 Средняя гора 318.
 ✓ Станцій, лейтенантъ 119. 306. 594.
 ✓ Станційный мысъ 89. 106.
 ✓ Старички — птицы 95.
 Старичковъ — островъ 76. 91.
 Старовамчадалскія юрты 210. 212.
 228. 250. 261. 271.
 Старый Острогъ—сел. 115. 121. 154.
 174. 177. 388. 569.
 Старый Тигильскій Острогъ 519.
 Стеллеръ 264. 266. 290. 683.
 Степанова — рѣка 381.
 Стерляди 43. 44.
 Стланецъ — см. кедровый, ольховый,
 рябиновый стл.
 Столбачиковъ, Оспѣ 601. 624.
 Столбовое озеро 301.
 Столбовый мысъ 301.
 Стрекозы 252. 345.
 Стрѣлка 85.
 Стрѣлочная сопка 117.
 Стэркуэльдъ, астрон. 494.
 Сужь — рѣка 534. 537.
 Суомп — судно 193.
 Суреп 120. 278. 622.
 Суслики 454. 460.
- Суцовъ—капит. 69. 71. 80. 82. 83.
 Суцовъ—мысъ 89.
 *Сферосидеритъ 465. 468. 536. 541.
 Сѣверная Климача — рѣка 443.
 Сѣверные олени 176. 178. 249. 257.
 271. 279. 291. 302. 358. 370. 379.
 380. 537. 639. 641. 646. 652.
 Сѣверный Халигеръ — рѣка 663.
 Сѣдлака—рѣка 330. 465. 479. 480.
 481.
 *Сѣра 333. 608. 609. 639. 644. 647.
 684.
 *Сѣрпый волчеданъ 38. 217. 427. 439.
 449. 479. 485.
 *Сѣроводородъ 382. 385. 498. 644.
 647.
 Сѣроглазка — бухта, губа 84. 389.
 569.
 Сѣроглазка — сел. 586.
 *Сѣрозеленая порода 207.
- Табакъ 711. 717.
 Таволга 9. 324. 338. 346. 471. 489.
 Тайгоносъ — полуостровъ 413. 415.
 459.
 Тальеъ 207.
 Тальниетъ 540.
 Тамлатъ — рѣка 333. 680.
 Талеханъ — островъ 301.
 Тарасовская — станція 11.
 Таргпнскій заливъ 671.
 Тарпнская губа 84. 88. 93.
 Татарскій заливъ 695.
 Татуировка 440.
 Таунзницъ — вулканъ 635. 636.
 Тебахъ — сел. 707. 708.
 Теланъ — островъ 414.
 Телчнга — сел. 333.
 Тельминская — сел. 5.
 Тепанскій вулканъ 520.
 Тепана хребетъ, горы 471. 481. 483.
 Теплый источникъ 615.
 Тесмалача — рѣка 551.
 Тигиль — рѣка 330. 463. 470. 476.
 481.
 Тигиль — сел. 305. 472. 473. 474.
 480.

- Тигръ 709. 712.
 Тилингъ, докторъ 67. 68. 69.
 Тимаска—гора 163. 319. 329. 629.
 Тимонъ — ручей 615.
 Тихая — рѣка 147. 396. 588.
 Тихая — сел. 396. 589.
 Тобольскъ 1.
 Тойонская—рѣка 567. 583. 668.
 Толбача — островъ 339.
 Толбача—рѣка 161. 339. 340. 343.
 Толбача — сел. 161. 170. 177. 341.
 628.
 Толбачинская сопка 161 (см. Б. Тол-
 бача).
 Толбачинскія горы 337.
 Толмачева—рѣка 386. 565.
 Толстый мысъ 582. 668.
 Толь-у-ачъ (Толбача) 353.
 Томскій (казакъ) 114. 124.
 Томскъ 2. 4.
 Томъ 2.
 Тополевал — рѣка 592.
 Тополовка — рѣка 428. 444. 446.
 448.
 Тополовка вторая — рѣка 450. 451.
 452.
 Тополь 64. 81. 122. 175. 241. 346.
 361. 365. 368. 376. 397. 428. 432.
 445. 460. 483. 485. 590. 603. 612.
 614. 615. 623. 624. 629. 642.
 Топорки 95.
 Топорковъ—мысъ 581.
 Топорковъ — островъ 91. 200. 581.
 Торбасы 141.
 Торбога—ключи 594.
 Торфъ 431. 432. 464. 467. 471. 555.
 • Трахитовыя породы 44. 62. 100. 102.
 107.
 • Трахитово-андезитовая порода 586.
 • Трахитово-базальтовая порода 200.
 497.
 • Трахито-порфиронидная порода 274.
 277.
 • Трахитопорфиръ 387.
 • Трахитъ 443. 487. 498. 505. 508.
 524. 529. 538. 539. 544. 614. 617.
 708. 714.
 Трель-Кутханъ—божество 353.
 • Третичныя отложенія 468. 476. 498.
 508. 514.
 • Третичныя образованія 538. 542.
 556. 633. 634. 714.
 Третья Сопка 681.
 Три Брата — скала 76. 90. 106.
 Тригонъ 641.
 Трифоновъ 399.
 Тростникъ 304.
 Труба—гора 592.
 Трясогузка желтая 44.
 Тулханъ—рѣка 520.
 Тулгусы 8. 14. 420.
 Турахтахъ—рѣка 47. 48.
 Турку — судно 687. 688.
 Турмэ — сел. 710.
 Турианная губа 88.
 • Туфовый песчаникъ 104. 105.
 • Туфовидная порода 281. 292.
 • Туфовый сланецъ 278.
 • Туфъ 102. 106. 580. 657.
 Тыква 717.
 Тыръ — сел. 708.
 Тъльнос (кушаньс) 326.
 Тюкалинскъ 2.
 Тюлеви 167. 175. 178. 211. 215. 220.
 239. 242. 272. 274. 282. 291. 302.
 413. 415. 430. 442. 460. 461. 468.
 471. 519. 545. 563. 656. 660. 662.
 665. 693.
 Тюленьи дасты 453.
 Тюмень 1.
 Уахларъ (Ичинская сопка) 356.
 • Углекислая окись мѣди 237.
 • Углекислая свинцовая руда 727.
 • Уголь 527 (см. кам. уголь).
 Удачинъ 326. 327. 328. 329.
 Уддь—островъ 72.
 Удыль—озеро 713.
 Узовская губа 91.
 Узовъ—вулканъ 638.
 Уяки 187. 430. 442.
 Ука — сел. 331.
 Ука—рѣка 331.
 Укинскій заливъ 301.

- Укинды 168. 331.
 Улитки 383.
 Улуссу-Модонъ, постъ 723.
 Унана—вулканъ 360. 634. 636.
 Ура—скала 15. 16.
 Уральскій хребетъ 1.
 Ургинь—рѣка 494.
 Ургинь—мысъ 497.
 Урили (бакланы) 95. 210.
 Урупъ—островъ 407. 409. 705.
 Урхалахъ—сел. 36.
 Усовскій мысъ 105.
 Усури 710.
 Устрицы 697.
 Устричный островъ 696.
 Устье р. Камчатки 177.
 Устье р. Чайбухи 416.
 Усть-Мал, сел. 41.
 Усть-Приморское поселеніе 297. 311.
 Усть-Стрѣлка 725.
 Усть-стрѣлочный караулъ 724.
 Уташуть—вулканъ 76. 683.
 Уташуть—рѣка 683.
 Утва—рѣка 557.
 Утва—сел. 381. 557.
 Утви 95. 96. 166. 175. 239. 242.
 261. 265. 272. 302. 304. 310. 316.
 324. 330. 331. 471. 488. 530. 641.
 645. 660. 665.
 Утхолова—сел. 524.
 Утхолова—рѣка 521.
 Утхолова—высоты 470.
 Утхоловскія горы 519. 523.
 Утхоловскій мысъ 525.
 Ухсумп—мысъ 714.
 Уцешель—рѣка 555.
 Учугай-Муранъ, юрта 38.
 Ушаковъ 164. 169. 317. 320. 321.
 329.
 Ушки—сел. 162. 170. 335.
 Ушенинская сопка 176. 303. 318.
 Фіалка 192.
 Февріе де Пуантъ, адмиралъ 670.
 Федотиха—рѣка 348.
 Федотовъ 347.
 Форель 525. 530. 566. 615.
 Фортуна—судно 193.
 Фукусы 206. 280.
 Фусса пикъ; Фусовъ пикъ 406. 677.
 705.
 Хаджи-Бай 696.
 Хаджи—рѣка 709.
 Халзанъ—нерсвалъ 563.
 Халзанъ—рѣка 567.
 Халигеръ—бухта 218. 219. 234. 235.
 236.
 Халигеръ—озеро 663.
 Халигеръ—рѣка 359. 662.
 Халнили—островъ 414. 415. 453.
 Халдедонъ 44. 106. 277. 515. 532.
 580.
 Хамаръ-Даманъ, горы 730.
 Хамченъ—гора 639.
 Хапича—рѣка 628.
 Хапича—сел. 329.
 Харамукотанъ—островъ 407. 409.
 693.
 Хариузова—рѣка 520. 527. 530.
 Харчина—гора 310.
 Харчина—сел. 331.
 Харчинскія горы 319.
 Харчипское озеро 111.
 Харчинъ—герой 327.
 Хасагагенъ, капитанъ 193.
 Хатангина—рѣка 470.
 Хатерганъ—рѣка 40.
 Хатырга—сел. 334.
 Хакельча 187. 313. 381.
 Хайко 264. 272. 313. 325. 364. 369.
 371. 379. 430. 495. 525. 528. 539.
 562. 594.
 Хайковая—рѣка 592.
 Хвоши 300. 304. 309. 315. 316.
 Хвойный лѣсъ 2.
 Хемчичъ—ручей 360.
 Хѣхцирь—гора 710.
 Хикигенъ—рѣка 534.
 Хинганъ 715.
 Хламовитка—ручей 87. 227.
 Хлебалинъ—островъ 88. 108. 110.
 Хлоритовый славецъ 99. 100.
 Хлоритный славецъ 355.

Хлоритъ 207. 214.
 Хлоръ 609. 644.
 Хлѣбныя растенія 178.
 Ходутка—вулканъ 681. 691.
 Ходутка—рѣка 683.
 Холзанъ—рѣка 386.
 Холмовскій, лейтенантъ 362.
 Холодный источникъ 383.
 Холюла—рѣка 501.
 Холюла—сел. 332.
 Хорнштейновая порода 634.
 Хорнштейнъ 450.
 Хойохонгенъ—вулканъ 681.
 Хунгаръ—рѣка 709.
 Хунгаръ—сел. 710.
 Хумучина—рѣка 557.
 Хыввунда 713.
 Цвѣтная капуста 394.
 Цеолиты 106. 108. 215. 487. 524.
 580. 714. 725.
 Цыгане 3.
 Цыпка 713.
 Чавыча 192. 193. 313. 401. 495.
 539. 562. 576. 602.
 Чапина—вулканъ 649.
 Чапина—рѣка 348. 358. 633.
 Чапина—сел. 161. 170. 177. 348.
 350.
 Чаппинскій переходъ 348.
 Часма—рѣка 289. 290. 358. 628.
 Часма—сел. 290. 329.
 Часовой утесъ 92.
 Частинская станція 13.
 Чаохчъ—вулканъ 684.
 Чачи, старшина 438.
 Чачнга—рѣка 450.
 Чай 3. 6. 154. 312.
 Чайбуха—рѣка 438. 456.
 Чайки 95. 96. 200. 210. 304. 316.
 461. 505. 576. 641.
 Чебаевская рѣка 625.
 Чекавка—сел. 560.
 Чельмокъ—сел. 714.
 Черемовская губа 91.
 Черемовскій мысъ 105.

Черемуха 324. 330. 338. 340. 342.
 346. 351. 629. 726.
 Черепаха 712.
 Черильчикъ—переваль 563.
 Черильчикъ—рѣка 567.
 Черная—рѣка 430. 432.
 Черногальникъ 94. 365. 371. 387.
 587. 611. 612. 658.
 Черныкъ, тойонъ 480.
 Черный уголь 498.
 Четвертая Сопка 681.
 Четковъ 7. 10. 18. 26.
 Чечевица 113.
 Чингизъ-хапа дворцы 729.
 Чирниковъ 561.
 Чиринкотанъ—островъ 693.
 Чистики (ара) 200. 210. 412.
 Чита 730.
 Чинечъ—горн. узель 634.
 Чля—озеро 708.
 Чудновъ, лейтенантъ 402. 404. 405.
 410. 414. 415. 416. 463. 464.
 Чукчи бѣломорскіе 426.
 Чукчи тюменскіе 425.
 Чулымъ 2. 4.
 Чумъ 438.
 Чуркинъ, Афанасій 357. 624. 627.
 631. 639. 641. 642. 645. 647. 653.
 655. 669.
 Шадринскъ 2.
 Шаламайникъ 94. 115. 241. 385. 587.
 591. 595. 600. 653.
 Шаманка—рѣка 511. 592. 597.
 Шаманскій камень 9.
 Шантарскіе острова 71.
 Шануганъ (Поршень)—переваль 355.
 Шапхадъ—рѣка 627.
 Шарома—сел. 158. 171. 367. 368.
 369. 624.
 Шаховъ, капитанъ 149.
 Шварцъ, докторъ 494.
 Швелючь 111. 162. 164. 176 (см.
 Шивелючь).
 Шегиховъ 71. 73.
 Шергинская шахта 23.
 Шестаково—сел. 426.

- Шестаковская Падь 99. 100. 584.
 Шестаковъ, Иванъ 197. 198. 199.
 202. 203. 206. 207. 209. 212. 215.
 216. 217. 222. 223. 225. 226. 227.
 230. 233. 246. 247. 249. 251. 255.
 256. 262. 271. 276. 277. 285. 294.
 308. 311. 316. 348. 365.
 Шивелючь 303. 310. 315. 319. 572.
 Шивша 265. 270. 375. 460. 491. 492.
 522.
 Шилка 724.
 Шиловинъ 9. 65. 257. 365. 387.
 624. 629. 663.
 Шипунскій мысъ 205. 219. 228. 229.
 Ширинки—островъ 75. 407. 410.
 Шияшкоталь—островъ 407. 409. 693.
 Шлиппенбахъ 71.
 Шмелъ 252.
 Шпангбергъ 409. 561.
 Шренкъ, Л., фопъ 585. 703. 709.
 Шумшу—островъ 407. 409. 677.
 Щеговскій — острогъ 310.
 Щекя — тѣснина 13. 310. 477.
 Шука 433.
 Ъздовья собаки 126. 138. 178. 302.
 Эккяъ 440. 443. 446. 450. 455.
 Элеулеень—гора 529.
 Эллашинскій переваль 63.
 Эллашинъ — рѣчка 63.
 Эллашинъ — станція 62.
 Эпидемія 570.
 Эрманъ 54. 119. 322. 343. 355. 466.
 468. 475. 481. 625.
 Эттолаханъ—рѣка 492. 517.
 Эйваланъ, корякъ 450. 453. 456.
 Эйнеуть, старшина 438.
 Южная горы 131.
 Южная Климача — рѣка 443.
 Южный — островъ 696.
 Южный Халигеръ 663.
 Юзелюсъ, капитанъ 705.
 Юкола 126. 321.
 Яблоновъ Хребетъ 730.
 Явнино—сел. 550. 561.
 Ягодовая губа 89.
 Якутскіе влючи 592.
 Якутскъ 21.
 Якуть 14. 29.
 Ямсеъ 413. 462.
 Янг-санг-ковъ, гора 523.
 Янтаръ 439. 468. 485.
 Ячмень 40. 161. 165. 321. 323. 363.
 717.
 Яшма 100. 189.
 Яйневъ, старшина 438.

- Achillea* 474.
Aconitum 94. 387. 474.
Alca 406.
Alnus incana 94. 371. 387.
Amanita muscaria 45ЛБ.
Anemone 393.
Angelica 520. 534. 557.
Angelophyllum ursinum 535.
Arctomys citillus 429. 445. 454.
Artemisia 94. 387.
Betula alba 122. 157. 158. 175. 218.
 611. 612. 624. 625. 629. 630.
Betula Ergani 94. 115. 122. 154.
 155. 157. 158. 173. 175. 219. 237.
 241. 255. 256. 263. 281. 304. 324.
 365. 374. 387. 397. 471. 474. 483.
 491. 498. 503. 507. 522. 529. 534.
 537. 554. 557. 564. 567. 584. 587.
 601. 611. 612. 618. 625. 630. 636.
 640. 651. 654. 658. 663. 667.
Betula nana 50. 375. 378. 421. 422.
 437. 441. 465.

Balanus 223. 527.

- Cacalia** 94.
Cacalia hastata 474.
Canis alpinus 32.
Canis lagopus 546.
Cerithium 517.
Claytonia 496.
Clematis 474.
Crataegus 94. 257. 324. 387. 587.
 624. 629.
- Delphinium** 387.
Delphinapterus Leukas 430. 442. 461.
 465. 470. 545.
Delphinus orca 227. 234.
Diomedea 412.
- Echinus** 206.
Elymus 248. 657.
Empetrum 270. 375. 465. 522. 531.
Empetrum nigrum 265. 270.
Enhydris marina 277.
Epilobium 94. 257. 342. 365. 387.
 474. 496. 587.
Epilobium angustifolium 321.
Erica 465. 531.
- Filipendula Kamtschatica** 241. 365.
 387. 474. 587.
Fritillaria 192. 387. 587.
Fritillaria Kamtschatica 312. 321. 342.
 533. 656.
Fritillaria Sarana 121. 656.
- Gasterosteus cataphractus** 187. 313.
Gentiana 474.
Geranium 94. 387. 474. 587.
- Heracleum** 365. 474. 496. 653.
Heracleum dulce 94. 387.
- Iris** 387.
- Lilium avenaceum** 533.
Limnaeus 383. 538.
Lonicera 94. 387. 483. 587. 624.
Lonicera coerulea 44. 65. 321. 324.
 470. 474.
- Lunda** 406. 412.
Lunda arctica 95.
- Mitra** 517.
Mytilus 109. 443.
- Octopus** 413.
Ovis argali 120.
- Paludina** 538.
Parnassius 252.
Pecten 517. 527.
Phalacrocorax pelagicus 95. 210.
Phoca canina 430.
Phoca Largha 430.
Phoca leonina 96. 230.
Phoca nautica 96. 211. 239. 272.
 430. 465. 469. 545. 656. 660.
Phoca ochotensis 430. 468.
Pinus cembra 94.
Pinus cembra pumila 361.
Pisum maritimum 113. 248. 250. 265.
 270.
- Planorhis** 383.
Potentilla 474.
Polygonum 474.
Procellaria 406.
Procellaria glacialis 412.
Prunus padus 324. 342.
Pteropoda 416.
Pulmonaria 94. 387.
Pyrus sambucifolius 94.
- Ribes** 485.
Rhododendron 618. 638. 642. 646.
Rhododendron chrysanthum 95. 219.
 222. 228. 233. 374. 387.
Rhododendron Kamtschaticum 95.
 192.
Rosa 474. 484. 489. 587.
Rubus 465. 517.
Rubus arcticus 192. 422. 470. 474.
 492.
Rubus chamaemorus 492.
- Salix pentandra** 365. 387.
Salmo calaris 379.

Salmo lagocephalus 264. 272. 313. 430.	T amias striatus 44.
Salmo lycaodon 236. 250. 272. 313. 430. 619.	Terebra 517.
Salmo orientalis 192. 313. 401. 430. 562.	Thalictrum 387. 474. 587.
Salmo proteus 250. 264. 272. 313. 430.	Trombidium 442.
Salmo sanguinolentus 96. 313. 626.	U nio 190. 559.
Sambucus 540.	Uria 412.
Scutella 517.	Uria senicula 95.
Sedum 474.	Urtica 474.
Senecio 474.	V accinium 474. 491. 509. 517. 522. 640.
Senecio cannabifolius 94. 365. 387.	Vaccinium Vitis idaea 492. 656.
632.	Viola 393.
Spiraea 474. 483.	
Spiraea Kamtschatica 94.	

Замѣченныя опечатки.

Въ текстѣ.

(Счетъ строкъ идетъ сверху).

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
2	5	Абацкой свободы	Абацкой слободы
36	27	Архахъ	Арлахъ
63	21	своить	своихъ
70	26	поселеленіе	поселеніе
76	3	сентядрѣ (въ оглавл.)	сентябрѣ
80	29—30	частосвязываютъ	часто связываютъ
85	30	происшедшей	происшедшей
118	14	Козельскую	Козельскую сопку
136	31—32	Азачинская сопка	Асачинская сопка ¹⁾
148	1	Микишину	Микижину
163	5	Тимоска	Тимаска
173	23	Каримчиной	Карымчиной
209	30	потребуотъ	не потребуотъ
221	12	устыи	устыѣ
244	11	Кошхподамъ	Кошподамъ
245	3	сегодншнемъ	сегодняшнемъ
246	16	заливами	«заливами»
257	1	<i>Crataegeus</i>	<i>Crataegus</i>
266	24	Кродакыгъ	Кродакынгъ ²⁾
271	17	мгновеніе	мгновеніе
290	13	розорванными	разорванными
291	25	мириадотъ	мириадъ
295	14	седмаго	седьмого
296	29	велботъ	вельботъ
303	11		
309	4	ближе берега	ближе къ берегу
332	30	Анадыря	Анадыри
334	8		
342	34	Толбичѣ	Толбачѣ
345	30	разпатывали	распатывали

1) Эта поправка относится ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчается неправильное названіе настоящаго вулкана (стр. 137, 398, 410 и проч.).

2) Тоже на стр. 349, 350.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
361	32	Азанычъ	Асанычъ
377	7	болѣ	болѣе
381	27	Кыкшикъ	Кыкчикъ
418	21	Омгену	Омгенъ
438	32	среднемъ	среднею
444	7	частіюо чень	частіюо чень
485	21	также	такъ же
510	15	купалообразными	купалообразными
568	25	Черильщикъ	Черильчикъ
598	14	Айны	Аины
601	27	медленсти	медленности
627	28	Азанача	Асаныча
630	34	не погода	непогода
652	(подъ рис.)	Кихпиничъ	Кихпинычъ
658	10	состояло	состояло
660	24	тысячей	тысячи
664	5	Вагила	Вахила.
667	31	Вахиломъ	Вахилемъ
669	2	котре	которое
—	22	Камегамегы	Камегамеги
674	19—20	свидѣтельствовали	свидѣтельствовали
676	5	Тигинъ	Тигиль
—	6	Милькова	Милкова
679	3—4	доставщейся	доставшейся
—	10	Завойка	Завойко
680	6—7	Култушнаго	Кулгужнаго
681	6	Лопатки	Лопаткой
—	22	Ходукта	Ходутка

На картѣ Камчатки.

По западному берегу	р. Эттоланъ	р. Эттолаханъ
» » »	М. Омгенъ	М. Омгенъ
» » »	р. Ханусова	р. Харіузова
» » »	р. Кэкта	р. Кэкта
» » »	р. Агдогача	р. Агдегача.
По восточному берегу	р. Кродакыгъ	р. Кродакынъгъ
На южной оконечности	Азачинская С.	Асачинская С.

1) Тоже на стран. 623, 624, 625, 627, 628.